

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXI г.

г. XXI

№ 18

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1890

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 5 мая 1890 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы“ 20 к., съ перес. 25 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1890 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
страну нонпарейль (1/4 шир.
стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
75 к.—Загран.: для Франціи у
Agence Navas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ Петер-
бургъ 5 р.
Съ доставкою въ Петер-
бургъ 6 р. 50 к.

Безъ дост. въ Москвѣ чр. конг. объявл.
Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. лин. 6 р.
Съ пересылкой въ Москву и другіе го-
рода Россіи 7 р.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 9 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

БЕЗЪ ВСЯКОЙ ДОПЛАТЫ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ ГЛАВНЫХЪ ПРЕМІЙ.

При семъ № прилагаются: „ПАРИЖСКИЕ МОДЫ“ за МАЙ 1890 г., съ 32 рис. и отд. листъ съ 26 чертеж. выкроекъ въ натуральн. величину и 17 рисунками рукодѣльных работъ.

Выставка Импер. Академіи Художествъ. Запорожскій сторожевой пунктъ.
Съ карт. С. И. Васильовскаго (исключит. право воспроизв. приобрѣт „Нивой“), грав Шюблеръ.

Кладъ.

Романъ І. І. Ясинскаго (Максима Бѣлинскаго). Часть І.

(Продолженіе).

XV.

Въ мертвомъ домѣ поселился Николай Семенычъ Язембскій. Правда, что жизнь, которой нельзя было подозрѣвать до того времени въ мертвомъ домѣ, не очень выиграла отъ этого, но все же по вечерамъ въ одномъ изъ оконъ верхняго этажа зажигался огонь, и городской, дремля у своей будки, отъ времени до времени замѣчалъ, что какія-то тѣни движутся въ домѣ, отражаясь на бѣлой занавѣскѣ.

Каждое утро, ровно въ одиннадцать часовъ, у воротъ мертваго дома останавливался шарабанъ доктора Олесницкаго, специалиста по нервнымъ болѣзнямъ. Криво улыбаясь, докторъ входилъ въ домъ, гдѣ его встрѣчалъ старый камердинеръ.

— Что нашъ князь? спрашивалъ докторъ, стягивая съ правой руки лайковую перчатку и дѣлая подбородкомъ винтообразное движеніе, потому что тугой воротничекъ крахмальной сорочки душилъ его, какъ желѣзная гайка.

— Да что-же! Въ прежнемъ положеніи. Спалъ два часа, проснулся съ крикомъ и плакалъ. Какъ всегда. Молоко отказывается пить. Водилъ гулять, но только черезъ полчаса наскучило: „Авдѣй“, говоритъ, „пощади мои ноги“.

— Отлично, отлично, произносилъ докторъ.— Не надо его утомлять. Узнаетъ онъ тебя сразу?

— Нѣтъ. Что я Авдѣй—это онъ твердо помнитъ. Однако, лакеемъ меня не признаетъ, а притворяется, будто мнѣ вѣрить, что я лакей. Сегодня на ухо мнѣ: „я вѣдь знаю, кто ты, но ужъ Богъ съ тобой—мнѣ лишь бы спокойствіе, а я, видитъ Богъ, ни въ чемъ не виноватъ“.

Когда докторъ входилъ въ комнату больнаго, онъ заставлялъ его лежащимъ въ длинномъ креслѣ, съ глазами неподвижно устремленными въ неопредѣленное пространство и фосфорически блестящими. Блескъ глазъ усиливался тѣмъ, что лицо Николая Семеныча было необыкновенно блѣдное, совсѣмъ потухшее, безъ признака жизни. Еще недавно худой, какъ скелетъ, Николай Семенычъ теперь значительно пополнился и, въ особенности, обрызгли длинные пальцы его рукъ. Уши тоже сдѣлались мясистыми и цѣлый слой жира залегъ у него подъ кожей лба.

— Здравствуйте, дорогой князь.

— Пожалуйста безъ предисловій, говорилъ Николай Семенычъ, или же:— пожалуйста, не мучьте меня. Приступайте къ вашей обязанности. Мое участіе во всемъ этомъ дѣлѣ чисто пассивное. Я не чувствую себя вмѣняемымъ. Я много думалъ съ тѣхъ поръ, какъ сажу въ одиночномъ заключеніи—моя исповѣдь готова. Начинайте допросъ по пунктамъ.

— Ахъ, князь, оставимъ наши вѣчныя недоразумѣнія всторонѣ! съ искусственно веселымъ смѣхомъ начиналъ психіатръ,—лучше послушайте, что я вамъ расскажу... Вы не изволите знать Лихолобова князя Лира? А онъ очень заинтересованъ вами... Я увѣренъ, что ему было бы пріятно ваше посѣщеніе. Отчего, въ самомъ дѣлѣ, вамъ не выѣхать?

Князь Язембскій притворялся, что онъ не считаетъ доктора слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ.

— Князь Лира хорошо живетъ?

— Великолѣпно. Въ родствѣ съ Албанскимъ владѣтельнымъ княземъ!

— Вѣрю. Кажется, онъ носитъ мундиръ жандармскаго полковника?

— Что вы! Онъ частный человѣкъ.

— Такой же, какъ и вы... да? съ улыбкой спрашивалъ больной.

— Совершенно такой же, съ тою только разницею, что у него милліоны.

— Когда-нибудь, когда-нибудь. Больше всего я боюсь пытокъ... нравственныхъ, прибавлялъ Николай Семенычъ, спохватясь.

— Вы опять за свое! Да поймите же, что вы не совершали никакого преступленія! Вы живете въ собственномъ домѣ! У васъ есть жена и сынъ, которые скоро пріѣдутъ.

— Гм! сынъ, вы говорите? Можетъ-быть вы полагаете, что я скоро умру? Да, я непременно увижусь съ нимъ, господинъ Олесницкій, я вѣрю въ загробную жизнь.

„Нѣтъ легче практики, какъ наша, но, прошу покорно, вѣчно возитесь съ такими ослами!“ думалъ психіатръ, между тѣмъ какъ его кривая улыбка становилась въ высшей степени любезною и онъ подвигалъ стулъ къ креслу князя, развязно садился, доставалъ сигару и закуривалъ.

— Знаете, однако, зачѣмъ, собственно, я пріѣхалъ къ вамъ? начиналъ онъ.

Князь чуть вздрагивалъ, но дѣлалъ видъ, что самая тяжелая новость, которую онъ услышитъ отъ своего мучителя, нисколько его не взволнуетъ, потому что онъ давно приготовился ко всему.

— Вы принадлежите къ тѣмъ людямъ, продолжалъ Олесницкій,—которые, подъ вліяніемъ чисто случайныхъ обстоятельствъ, легко умственно заболѣваютъ. Вы не сумасшедшій—не пугайтесь этого слова—но вы, такъ сказать, душевно больны. Былъ періодъ въ вашей болѣзни, когда я этого не рѣшился бы вамъ сказать. А вотъ теперь твержу каждый день. Побольше воли, князь! Призовите на помощь волю! Шевельните мозгами, пристальнѣе посмотрите вокругъ! Вы сами разсмѣйтесь надъ своими воображаемыми страхами.

— Мнѣ нечего воображать, возражалъ больной,—и я рѣшительно не понимаю, что вамъ отъ меня угодно. О какомъ преступленіи вы изволили упомянуть? Клянусь вамъ, Юрій умеръ естественною смертію!

Разговоръ Николая Семеныча съ психіатромъ на этомъ мѣстѣ обрывался; князь плакалъ, съ нимъ дѣлалась истерика, и Олесницкій уѣзжалъ изъ мертваго дома съ убѣжденіемъ въ неизлѣчимости своего пациента, потому что меланхолическія формы умопомѣшательства самыя трудныя—и „самыя доходныя“, мысленно заключалъ докторъ.

Нѣсколько разъ Олесницкій почти насильно усаживалъ больнаго въ экипажъ, но долженъ былъ возвращаться съ нимъ съ половины прогулки: князь всю дорогу кричалъ и покушался выброститься на мостовую.

Страхъ, питаемый Николаемъ Семенычемъ къ доктору, превратился мало-по-малу въ ненависть, и безпомощный, заячій ужасъ охватывалъ его, когда Олесницкій бралъ его за пульсъ.

Сравнительно хорошо чувствовалъ себя князь только оставаясь въ совершенномъ одиночествѣ. Мысли его складывались, повидимому, въ нѣчто стройное и цѣльное. Онъ зналъ, что его ждетъ тяжелое наказаніе за участіе въ сокрытіи слѣдовъ рожденія на свѣтъ князя Юрія Язембскаго и что съ этимъ находится въ связи какой-то огромный политическій заговоръ, во главѣ котораго онъ былъ поставленъ во время сна. Конечно, это невѣроятно, а между тѣмъ, это случилось дѣйствительно; его напоили маковымъ настоємъ и усыпили. Кто?—соціалисты. Съ него взяли страшную клятву, а когда онъ хотѣлъ нарушить ее, явился двойникъ и приказалъ ему выскочить изъ вагона. Двойникъ вышелъ изъ собственной души Николая Семеныча и, разумеется, это тоже невѣроятно; но вѣдь много есть на свѣтѣ,

другъ Горацио, чего не снилось мудрецамъ. Двойникъ имѣлъ видъ тождественный съ Николаемъ Семенычемъ: столь-же былъ худъ, но не печаленъ, а наглъ и зло смѣялся, стиснувъ зубы; кромѣ того, красный шарфъ былъ обмотанъ вокругъ его стана—можетъ быть знакъ его власти. Теперь, когда Николай Семенычъ попалъ въ руки правосудія и отъ него разными хитрооплетенными способами вывѣдываютъ истину и держатъ его въ тюрьмѣ, онъ ждетъ только извѣстія о смерти двойника, завладѣвшаго его правами на Наталью Михайловну и на имѣнія Язембскихъ, и тогда во всемъ признается. На это онъ неоднократно намекалъ Олесницкому. Сказать же прямо Олесницкому, что существуетъ такой двойникъ—значить дать ему поводъ заподозрить его во лжи. Во всякомъ случаѣ, существованіе двойника черезчуръ исключительное явленіе,—тѣмъ болѣе такого двойника, какъ тотъ, который пребываетъ въ настоящее время въ Парижѣ съ Натальей Михайловной и маленькимъ Юріемъ и въ душу котораго перелилась вся воля Николая Семеныча. Поэтому, когда Олесницкій начинаетъ приставать къ нему со своими іезуитскими разспросами, Николай Семенычъ уклончиво откладываетъ признаніе во всемъ до своей собственной смерти, разумѣя подъ самимъ собою парижскаго двойника. Въ ожиданіи же формальнаго допроса, онъ измыслилъ въ безконечные часы своего досуга правдоподобную, но совершенно невѣрную исторію—будто существуетъ общество съ какими-то геральдическими задачами, которое ведетъ свою пропаганду въ воспитательныхъ домахъ. Впослѣдствіи, именно послѣ смерти двойника, Николай Семенычъ намѣренъ былъ измѣнить свое показаніе, такъ какъ былъ убѣжденъ, что всякое преступленіе должно быть въ концѣ-концовъ наказано и должна восторжествовать высшая справедливость. Онъ ждалъ смерти двойника и часто спрашивалъ Авдѣя: „скажи, пожалуйста, не кажется ли тебѣ, что я скоро умру?“ Но почему онъ былъ увѣренъ, что двойникъ умретъ и при томъ скоро, этого онъ не могъ бы себѣ объяснить, если бы далъ себѣ трудъ найти разумную причину необходимости скорой смерти двойника. Онъ только предчувствовалъ эту смерть какимъ-то инстинктомъ сердца. Иногда ему даже казалось, когда именно, въ какой день и въ какой часъ умретъ двойникъ и дастъ свободу его скованной волѣ. Поэтому ему представлялось напрасною жестокостью ежедневное іезуитское посѣщеніе его господиномъ Олесницкимъ. За чѣмъ вся эта таинственность, за чѣмъ обманъ, за чѣмъ притворство? Еще какихъ-нибудь три недѣли—и правосудію все станетъ ясно. Онъ самъ такъ жаждетъ торжества справедливости!

По ночамъ страшные сны тревожили Николая Семеныча. Едва онъ забывался—ему чѣдилось, что его тѣло теряетъ свою тяжесть, становится прозрачнымъ и легкимъ, сливается съ воздушною стихіей и носится безцѣльно по всѣмъ комнатамъ пустыннаго дома. Малѣйшаго дуновенія гдѣ-нибудь изъ щели окна достаточно, чтобы измѣнить направленіе этого страннаго, нѣмага полета. Сталкиваясь съ сумрачными тѣнями, которыя зыблились въ углахъ молчаливыхъ залъ, Николай Семенычъ замиралъ отъ неизъяснимаго ужаса: тѣни словно жили таинственною, мимолетною жизнью и съ горестнымъ упрекомъ смотрѣли на пришельца своими темными, не мигающими, бездонными глазами. Душа Николая Семеныча томилась и молила о пощадѣ. Тѣни надвигались на нее, и ихъ холодное вѣяніе гнало ее дальше. Трепеща и закиная слезами, которыхъ она не могла выплакать, парила блѣдная душа до самаго разсвѣта—только тогда мало-по-малу возвращалось къ Николаю Семенычу чувство тѣлесности. Онъ сквозь сонъ испытывалъ холодъ въ ногахъ, просыпался, дрожа, и, сидя на одинокой постели, погружался въ свои безконечныя, мучительныя и странныя мысл.

Однажды докторъ Олесницкій засталъ своего пациента бодрымъ и физически почти здоровымъ. Николай Семенычъ ходилъ изъ угла въ уголъ, заложивъ руки за спину и съ торжествомъ, презрительно проницательнымъ взглядомъ окинулъ психіатра.

— Сегодня ровно въ три часа пополудни прошу васъ пожаловать ко мнѣ, господинъ докторъ, если вамъ угодно, чтобы я такъ васъ называлъ. Погода чудесная, ясный октябрьскій день, и мнѣ доставитъ удовольствіе проѣхаться съ вами къ князю Лихолобову-Лира, если вамъ угодно, чтобы я его такъ называлъ. Навѣрно я не знаю, но навѣрно чувствую, что какъ разъ въ три часа пополудни случится давно ожидаемое мною счастливое событіе. Не правда-ли, неблагородно злорадоваться смерти ближняго—и какого ближняго, если-бы вы знали? А?

Князь лукаво улыбнулся.

Психіатръ поспѣшилъ разсмѣяться своимъ заученнымъ любезнымъ смѣхомъ, который, какъ ему казалось, всегда производилъ чарующее дѣйствіе на его душевнобольныхъ пациентовъ.

— Ошибаетесь, дорогой князь, всѣ ваши близкіе въ добромъ здоровьѣ, и я получилъ письмо отъ Натальи Михайловны, въ которомъ она пишетъ, что не сегодня-завтра выѣзжаетъ изъ Парижа. Впрочемъ, чья же смерть могла бы быть источникомъ вашего хорошаго расположенія духа?

— Смерть такого человѣка, который совѣмъ не жилъ бы, если бы не существовало меня, и который угнетаетъ меня и мою волю съ тѣхъ поръ, какъ сталъ жить, отчеканивая слова и весело произнесъ Николай Семенычъ, остановился противъ Олесницкаго и посмотрѣлъ на его черезчуръ модный пестрый жилетъ.

— Загадочно, въ высшей степени загадочно! сказалъ психіатръ и, въ свою очередь, остановился и объективнымъ окомъ врача глядѣлъ на пациента.

— Для васъ загадочно, все равно, какъ была бы загадочна психологія жителя Марса, а для меня это еще проще, чѣмъ вамъ надѣть этотъ жилетъ, произнесъ больной князь и засмѣялся.

— На Марсѣ нѣтъ никакихъ жителей, снисходительно началъ психіатръ,—я совѣтывалъ бы вамъ поменьше думать о жителяхъ Марса.

— Нѣтъ, почтеннѣйшій докторъ, если вамъ угодно, чтобы я васъ такъ называлъ, возразилъ Николай Семенычъ,—на Марсѣ жители есть, и астрономы открыли на поверхности этой планеты присутствіе остроумной системы каналовъ.

Психіатръ, ничего не слыхавшій о системѣ каналовъ на Марсѣ, подозрительно взглянулъ на пациента и подумалъ: „пошла писать губернія“.

— Если есть каналы, продолжалъ Николай Семенычъ,—то значитъ, кто-нибудь ихъ провелъ, почтеннѣйшій; сваливать все на игру природы, по меньшей мѣрѣ, странно. Если бы тамъ открыли посредствомъ какихъ-нибудь необыкновенныхъ телескоповъ мраморныя статуи, неужели вы и ихъ назвали-бы игрой природы? У васъ средневѣковая точка зрѣнія на научные факты! волнуясь, добавилъ онъ.

— Мы живемъ не въ средніе вѣка, кротко пояснилъ врачъ.—Теперь, князь, девятнадцатый вѣкъ.

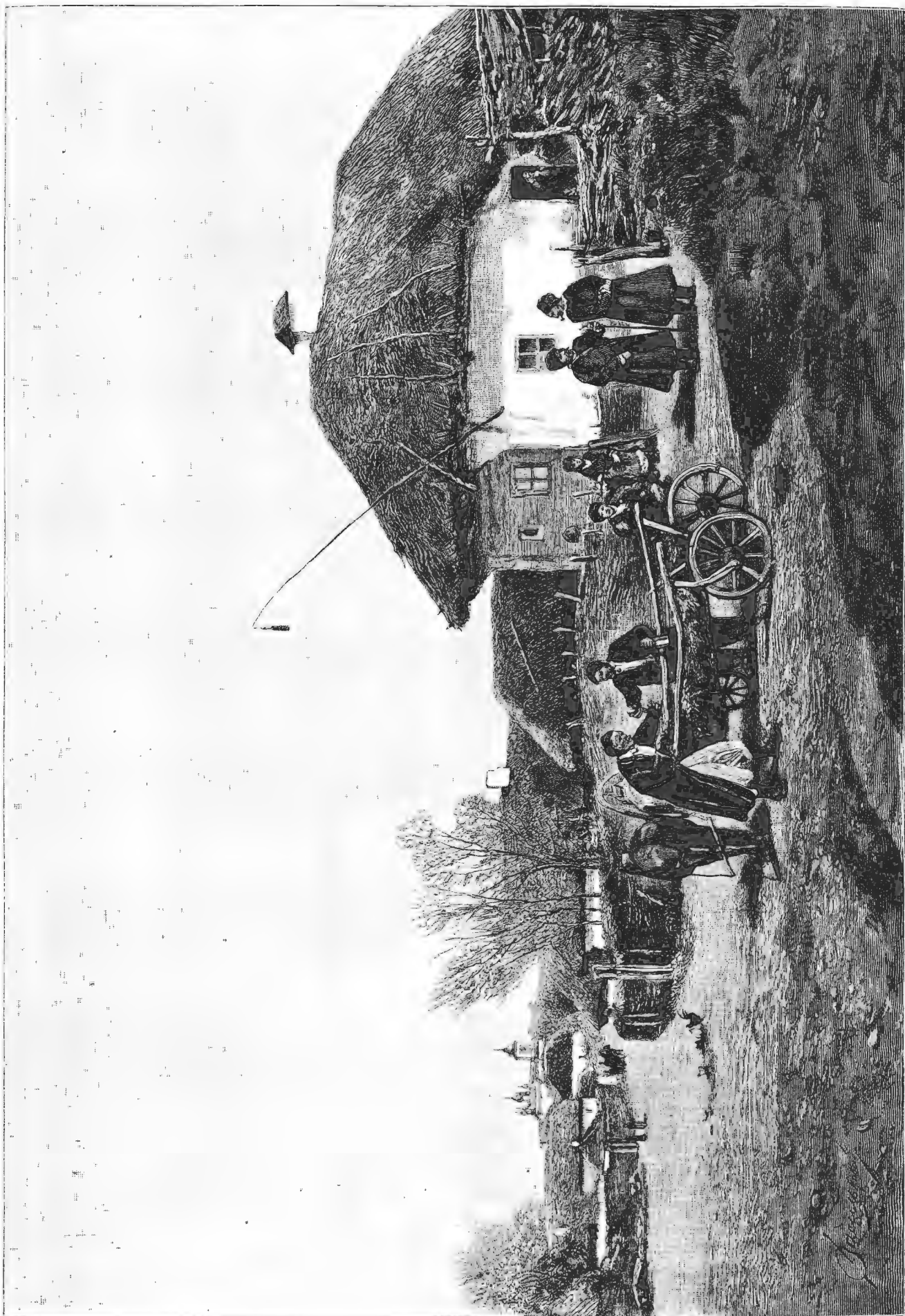
Николай Семенычъ пожалъ плечами и умолкъ: онъ пришелъ къ убѣжденію, что Олесницкій глупъ.

— Гдѣ вы покупаете такіе жилеты? вдругъ спросилъ онъ.

— Если хотите, я пришлю вамъ моего портнаго, предложилъ Олесницкій.—Кстати, мы можемъ захватить съ вами къ нему въ магазинъ.

— Развѣ это по дорогѣ къ вашему князю? освѣдомился Николай Семенычъ, сдѣлавъ удареніе на словѣ „вашему“.

— Да, по дорогѣ—пожалуй.

Выставка Импер. Академіи Художествъ. „У корчмы“ (с. Черкасская-Лозовая, Харьковской губ.)

Съ картины С. Васильовскаго (исключительное право воспроизведенія приобретено „Нивой“), грав. Гашевскій.

Выставка Импер. Академіи Художествъ. „Передъ обѣдомъ“.
Съ карт Н. Загорскаго (право воспроизведеніи приобретено „Нивой“), грав. Шюблеръ

Изембскій вздохнулъ и сказалъ:

— Все равно. Везите меня, куда хотите. Я буду васъ ждать... Смотрите же ровно въ три часа! А теперь прошу оставить меня. Вы раздражаете меня. Простите меня за откровенность. Прямо скажу, что вы мнѣ ненавистны. Еще разъ извините меня. Мнѣ надо приготовиться къ кризису.

Онъ упалъ на диванъ, протянулъ ноги и, заложивъ руки подъ голову, бросилъ на доктора измученный, злой взглядъ.

Психіатръ удалился.

Дождавшись той минуты, когда шумъ шаговъ Олесницкаго замолкъ, и чуткимъ слухомъ уловивъ эластическій стукъ отъбѣгающаго докторскаго экипажа, князь потеръ руки и долгое время съ любопытствомъ смотрѣлъ на нихъ. Онъ точно не узнавалъ ихъ. На ногтѣ мизинца онъ замѣтилъ бѣлое пятнышко. „Подарокъ“, подумалъ онъ и улыбнулся. Взглянувъ на часы, онъ высчиталъ, сколько остается до срока назначеннаго имъ Олесницкому. Еще три часа и пять минутъ. Солнце весело играло на полу, и звонкое чирканье воробьевъ доносилось изъ сада сквозь стекла зимнихъ рамъ. „Кто-то сказалъ, какой-то отчаянный пессимистъ, что жизнь уже есть преступленіе“, сталъ размышлять Николай Семенычъ. „Да, съ этой точки зрѣнія я преступенъ. Люди живутъ, и за это ихъ рано или поздно казнятъ. Обстоятельства наказываютъ ихъ болѣзнями, несчастіями, уродствомъ или ставятъ въ ложное положеніе. Люди сами какъ бы сознаютъ, что жить значитъ быть злодѣемъ, и они ревниво слѣдятъ другъ за другомъ. Какъ только ихъ ближній начнетъ жить, они караютъ его. Чтò я сдѣлалъ? — жилъ. Подобно всѣмъ, я хотѣлъ грѣться на солнцѣ. Они сначала усыпили мою волю, обратили въ рабство, приставили ко мнѣ вѣчнымъ стражемъ Наталью Михайловну, раздвоили меня и, такъ какъ они всѣ лгали, я тоже сталъ лжецомъ. Я хочу только справедливости — хочу солнечныхъ лучей“.

Онъ приподнялся и подошелъ къ окну. Садъ, который онъ зналъ въ дѣтствѣ, теперь казался ему чѣмъ-то чуждымъ. Однако, онъ не прочь былъ пройтись по его дорожкамъ, усыпаннымъ желтыми листьями. И только мысль, что онъ не имѣетъ права никуда выходить одинъ, потому что онъ арестантъ, удержала его отъ того, чтобы привести въ исполненіе это желаніе.

Впрочемъ, жажда свободы проснулась въ его душѣ подъ вліяніемъ ожиданія смерти двойника. Развѣ эта смерть не возвратитъ ему волю? Развѣ онъ сегодня-же не расскажетъ жандармскому полковнику всей правды? Развѣ его не признаютъ невмѣняемымъ? Теперь его не надо ни пытаться, ни ловить лукавыми фразами. Близка вождѣнная минута!

Онъ опять взглянулъ на часы. Оставалось два часа съ небольшимъ. И, чтобы скоротать время, онъ осторожно пріотворилъ дверь, которая вела въ сосѣднія пустыя комнаты. Полтора мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ подъ надзоромъ Олесницкаго, — съ которымъ Наталья Михайловна встрѣтилась въ Парижѣ и который рекомендованъ былъ ей самимъ знаменитымъ Шарко, какъ будущее русское свѣтило психіатрической науки, — Николай Семенычъ былъ привезенъ въ Святогорскъ и заключенъ въ мертвомъ домѣ. Все это время онъ упрямо не выходилъ изъ своей комнаты, считая ее тюремною камерой. Когда Авдѣй предлагалъ ему пройтись по дому и осмотрѣть его хозяйскимъ глазомъ, Николай Семенычъ подозрѣвалъ, что его испытываютъ, чтобы вывѣдать отъ него то, чего онъ не могъ сказать безъ разрѣшенія двойника — и онъ отказывался. Но жгучее любопытство охватило его, когда онъ увидѣлъ анфиладу богато-убранныхъ комнатъ съ люстрами, одѣтыми въ бѣлые чохлы. Чѣмъ-то знакомымъ повѣяло на Николая Семеныча отъ этой ветшающей обстановки.

Онъ приложилъ руку ко лбу и тщетно старался что-то вспомнить. Холодокъ пробѣжалъ у него по спинѣ. Онъ вспомнилъ: здѣсь каждую ночь блуждала его душа въ странномъ мѣрѣ сумрачныхъ тѣней. И онъ беззвучно засмѣялся, подумавъ о томъ, какими глазами посмотрѣли бы на него скептики, если бы онъ заговорилъ съ ними не только о двойникѣ, но о такомъ простомъ явленіи, какъ ночныя скитанія его души.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ. Новые и, въ то же время, знакомые предметы привлекали его вниманіе. Не за этотъ-ли стулъ однажды зацѣпилась его туманная оболочка и не эта-ли колонна заставила ее повернуть къ тому углу и трепетать тамъ, какъ трепещетъ большая крылатая ночная бабочка, вырываясь изъ плѣна на свободу? Онъ прошелъ большой двусвѣтный залъ, нѣсколько гостиныхъ и очутился въ просторной продолговатой комнатѣ съ изразцовою печью.

Но едва онъ отворилъ дверь, чтобы идти дальше, какъ на порогѣ встрѣтился лицомъ къ лицу съ самимъ собой. Николай Семенычъ, котораго увидѣлъ Николай Семенычъ, былъ попрежнему худъ, глаза его были прищурены, голова высокомерно поднята, и злая улыбка держала его губы.

— Неужели вы не собираетесь умирать? спросилъ Николай Семенычъ у двойника, между тѣмъ какъ сердце его заняло отъ невыразимаго горя. Вопросъ былъ предложенъ такимъ шепотомъ, что никто другой его не услышалъ бы. Но двойникъ услышалъ и произнесъ:

— Я умру, какъ вамъ извѣстно, въ три часа. Но не угодно-ли взглянуть на часы: мнѣ остается наслаждаться тѣмъ, чтò люди называютъ жизнью, еще полтора часа. Черезъ полтора часа вы, Николай Семенычъ, будете свободны, продолжалъ двойникъ, взявъ большую подъ руку и увлекая его назадъ въ продолговатую комнату съ изразцовою печью. — Давайте ходить и потолкуемъ кой-о-чемъ.

Николай Семенычъ безпрекословно повиновался приглашенію двойника. Онъ сталъ ходить съ нимъ по комнатѣ взадъ и впередъ и старался идти съ нимъ въ ногу.

— Понятно, что вы съ нетерпѣніемъ ожидаете моей смерти, началъ двойникъ съ злымъ смѣхомъ. — Помните, когда-то студентомъ вы страстно защищали теорію свободной воли?

— Помню.

— А помните, какъ вы высказывались противъ социализма и на другой же день внесли въ кассу „Добраго дѣла“ послѣднюю тысячу?

— Помню.

— А помните, чтò произвело такой переворотъ въ вашихъ воззрѣніяхъ? Бѣлокурую Женичку помните?

Николай Семенычъ кивнулъ головой.

— Гдѣ же ваша свобода воли? спросилъ двойникъ, приближая свое лицо совѣмъ близко къ лицу Николая Семеныча.

— Еще помните, какъ вы любили свою жену, и какъ Наталья Михайловна однимъ прикосновеніемъ руки, ничтожной улыбкой плѣнила васъ — и вы стали желать смерти жены? продолжалъ двойникъ, дрожа отъ злбнаго удовольствія. — Помните, какъ вы сомнѣвались насчетъ несчастнаго ребеночка, которому Наталья Михайловна случайно дала жизнь? И помните, какъ вы мало-по-малу согласились, что это вашъ собственный сынъ?

— Замолчите, печально сказалъ Николай Семенычъ.

— Нѣтъ, я не намѣренъ молчать. До послѣдней минуты я не отстану отъ васъ. Я — прочная фикція!

Николай Семенычъ съ тревогой посмотрѣлъ на двойника. Онъ хотѣлъ возразить, что фикція, какъ бы она ни была прочна, не можетъ такъ крѣпко, до боли держать его за руку; но знакомое безволіе овладѣло его

душой. Онъ чувствовалъ, что умственные силы его слабеютъ и что онъ не въ состояннн сказать двухъ словъ. У прочной фикціи были желѣзные мускулы и то, что она говорила, было тяжело, но интересно слушать. Двойникъ продолжалъ:

— Вы рѣшились, однако, бороться со мной. Я вамъ запретилъ разоблачать тайну, которая составляетъ собственность не только мою, но и Натальи Михайловны, и маленькаго Юрія, и Валерьяна. Вы воображаете, что, какъ только я умру, вамъ удастся сдѣлать доносъ и выдать всѣхъ, но вы напрасно думаете, что вамъ удастся что-нибудь сдѣлать. Вы ровно ничего не сдѣлаете. Помните, почему не сдѣлаете?

Николай Семенычъ хотѣлъ въ ужасѣ отстраниться отъ двойника, но тотъ обнялъ его за талію и почти придавилъ его къ себѣ.

— Вы потому этого не сдѣлаете, что у васъ нѣтъ свободы воли ни до, ни послѣ смерти. Со мной бороться трудно, со мной бороться нельзя.

— Неужели я всю жизнь долженъ лгать? спросилъ Николай Семенычъ, выходя на минуту изъ оцѣпенѣнія, въ которое онъ впадалъ.

— Ложь совсѣмъ не страшна, если она ограждаетъ чьи-либо интересы, сказалъ двойникъ авторитетнымъ тономъ.—Но, впрочемъ, боритесь, будьте правдивы, попробуйте! вскричалъ двойникъ и захохоталъ. Его хохотъ множествомъ отголосковъ прокатился по пустыннымъ комнатамъ мертваго дома, и Николай Семенычъ поникъ головой.

— Мнѣ душно, проговорилъ онъ.

— Мы можемъ уйти отсюда, безопасно предложилъ двойникъ и вывелъ его изъ продолговатой комнаты съ изразцовою печью. Ни на секунду не покидая Николая Семеныча, двойникъ вошелъ съ нимъ въ его спальню и вмѣстѣ съ нимъ легъ на диванъ.

— Вы собираетесь куда-то ѣхать? спросилъ двойникъ, указавъ на фракъ и свѣжее бѣлье, приготовленное Авдѣемъ.

— Нѣтъ, я никуда не собираюсь, солгалъ Николай Семенычъ.

Двойникъ съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на него.

— Знаете, который теперь часъ? спросилъ онъ.— Безъ пяти минутъ три. Пора умирать.

Лучъ радости блеснулъ въ глазахъ Николая Семеныча.

— Кажется, еще полчаса, возразилъ онъ и опять солгалъ, потому что ему хотѣлось сказать что-нибудь приятное и любезное умирающему двойнику.

— Нѣтъ, пять минутъ. Четыре. Три. Вамъ не страшно? Николай Семенычъ задрожалъ: двойникъ привсталъ и устремилъ въ его глаза свой холодный, какъ сталь, безпощадный и злобный взглядъ.

— А вѣдь ваша-то сила воли вся во мнѣ! прохрипѣлъ онъ.—Мнѣ двѣ минуты осталось жить, но въ эти двѣ минуты я могу сдѣлать съ вами что угодно.

Николай Семенычъ въ отвѣтъ закрылъ глаза. Когда же онъ съ усиленіемъ раскрылъ ихъ, взоръ двойника уже угасалъ. Николай Семенычъ заметался на диванѣ. Страшная мысль, что двойникъ лишилъ его воли жить, мелькнула въ его умѣ. Онъ хотѣлъ звать на помощь, хотѣлъ вскопичить и бѣжать. Но роковой двойникъ былъ сильнѣе его. Ноги и руки отянулись у Николая Семеныча, губы не повиновались ему. Солнце, въ лучахъ котораго онъ хотѣлъ согрѣваться, навѣки померкло для него. Но высшая справедливость, которой онъ добивался, померкла ли съ солнечными лучами?

Когда Олесницкій въ назначенный срокъ подъѣхалъ къ мертвому дому, его встрѣтилъ Авдѣй и съ испугомъ проговорилъ:

— Кажется, его сіятельство изволилъ черезчуръ крѣпко уснуть.

— Что же, пускай спитъ! Сонъ для него полезенъ.

— Я приготовилъ имъ фракъ и бѣлье, а они ходили по дому. Въ первый разъ. Но потомъ они прилегли—и съ тѣхъ поръ я не могу привести ихъ въ чувство, говорилъ Авдѣй, провожая доктора въ комнату Николая Семеныча и стараясь идти бокомъ, хотя коридоръ былъ широкъ для двоихъ.

Докторъ, на ходу, задавалъ вопросы съ тѣмъ неопредѣленнымъ медицинскимъ мычаніемъ и обрываніемъ словъ, которое начинается у врачей, когда ихъ застигнетъ что-нибудь врасплохъ, и свое невѣжество или безсиліе они стараются прикрыть таинственнымъ глубокомысліемъ.

Николай Семенычъ лежалъ навзничъ, и лицо его было покрыто трупною блѣдностью. Почти сладостная улыбка застыла на его безцвѣтныхъ губахъ.

Психіатръ послѣдній разъ взялъ его за пульсъ, приложилъ ухо къ сердцу и сказалъ:

— Нѣтъ, Авдѣй Ивановичъ, онъ не спитъ, а умеръ. Дай-ка мнѣ клочокъ бумаги и сейчасъ же отправь мою телеграмму Натальѣ Михайловнѣ.

Старикъ торопливо подалъ бюваръ съ почтовой бумагой Олесницкому, наклонился къ усопшему барину и приналь къ его рукѣ.

XVI.

Гнилую осень смѣнила сырая и теплая зима. Парфеновка утопала въ лужахъ грязи, которая постоянно поддерживалась тающимъ снѣгомъ. Горы Щитовка и Черепная низвергали на Парфеновку то цѣлые потоки воды, то струили мелкіе безчисленные ручейки. Можно было опасаться, что къ веснѣ будутъ оползни. Флорентій Адриановичъ, выходя утромъ со своей трубчонкой изъ дому и совершая обычную получасовую прогулку по огороду, съ тревогой поглядывалъ на трещину, зияющую въ откосѣ Щитовки. Того гляди, сползетъ глыба земли вѣсомъ въ нѣсколько тысячъ пудовъ и раздавитъ его гнѣздо, которое онъ унаслѣдовалъ еще отъ дѣда.

„Пора, пора перебираться на новую квартиру“, размышлялъ старикъ.

Но и Черепная гора, возвышавшаяся на другой сторонѣ парфеновскаго оврага, не представляла особенно выгодныхъ условий для прочнаго жилища: съ нея ползли могилы, валились кресты, и кости ея квартирантовъ бѣлѣлись тамъ и сямъ, докатываясь до кирпичнаго завода купца Вѣнова.

Скучное, во всѣхъ отношеніяхъ скучное время года, стояло надъ Парфеновкой. Печникъ Михайлычъ со всею семьей перебрался въ хату ко вдовой солдаткѣ Пахомовнѣ и зимовалъ у нея, проклиная враговъ, противъ которыхъ онъ не могъ собрать никакихъ уликъ. И онъ, и Дмитріевна были увѣрены, что поджогъ сдѣланъ Крутикомъ и Петрикомъ. Въ этомъ была увѣрена вся Парфеновка. Сорванцовъ боялись, добрые люди покачивали головой, глядя, какъ молодые друзья кутятъ въ „Золотой Рыбкѣ“. Въ послѣднее время они совсѣмъ распустились. Въ древности, гдѣ-нибудь подъ небомъ Атики, они, можетъ быть, стяжали бы славу тирановъ. Но подъ небомъ Парфеновки ихъ называли разбойниками, жуликами и тому подобными именами.

Аронъ Шминдрикъ уже вступилъ во владѣніе домикомъ Караяа Крутика. Но онъ еще какъ бы совѣстился совсѣмъ изгнать хозяина изъ его обиталища. Поэтому онъ дозволилъ Крутигу, пока что, жить въ домикѣ и положилъ за это небольшую мѣсячную плату. Крутигъ все больше и больше запутывался. Долгое время Петрикъ былъ его прихлебателемъ и подражателемъ; теперь роли переѣнились: Крутигъ сталъ адъютантомъ Петрика. Онъ выпрашивалъ у него денегъ, носилъ его костюмы, повторялъ его поговорки, исполнялъ всѣ его порученія. Чѣмъ больше ухаживалъ онъ за своимъ патрономъ, тѣмъ тотъ высокообрѣе съ нимъ обращался.

— Какъ жидь тебя выгнать, гдѣ ты будешь жить, Карнѣй?

Крутикъ хватался за голову и произносилъ:

— Несчастный я человекъ.

— Ничего, не унывай, Карнѣй. Я твой другъ и всегда готовъ тебѣ помочь. Скажи мнѣ только: благородный я или нѣтъ?

— Ты благородный.

— Даромъ что я мѣщанинъ, но я благороднѣе тебя. Помнишь, когда живъ былъ мой папана и по своему деснотизму, бывало, избобеть меня до кровеноснаго изліянія, а я прибѣгу къ тебѣ, гдѣ ты клалъ меня спать? Я у тебя на полу спалъ, какъ собака. А гдѣ я тебя кладу? На диванѣ, а? На мягкомъ и съ подушками, а?

— Да что старое вспоминать, Петрикъ! Все же мы были друзьями.

— То-то же! Уголь и кусокъ хлѣба я тебѣ дамъ— объ этомъ не беспокойся. Мы вмѣстѣ съ тобой страдали. Это много значить, Карнѣй. Стушай къ Шминдрику и принеси бутылочку романаи.

Наступилъ день, когда Шминдрикъ, окинувъ пытливымъ взглядомъ всю фигуру Крутика и оцѣнивъ ее, увидѣлъ, что больше изъ него ничего не выжмешь.

— Господинъ Крутикъ, началъ онъ,— вотъ вамъ стаканъ вина—пейте его, ради Бога, безъ денегъ. Я ужъ на счетъ вамъ не буду писать, потому что все равно вы не заплатите. А я попрошу васъ объ одномъ одолженіи: найдите себѣ другую квартиру. Да, я держалъ бы васъ до весны, что дѣлать—у меня доброе сердце. Но никакъ не могу—для того, что ко мнѣ прѣзжаетъ моя дочь съ зятемъ. Объясните мнѣ, гдѣ я ихъ дѣну? У меня есть собственность: я долженъ ею когда-нибудь пользоваться!

Петрикъ вступился за друга, но еврей твердо стоялъ на своемъ. Петрикъ и Крутикъ вышли изъ „Золотой Рыбки“ и остановились напротивъ домика, что-то соображая. Но на воротахъ домика красовался раззолоченный металлическій ярлыкъ страховаго общества.

„Аронъ хитеръ“, рѣшили они, и Карнѣю пришлось покориться тяжелымъ обстоятельствамъ. Онъ перевезъ свой скарбъ къ Петрику.

До весны жили друзья подъ одной кровлей. Но временамъ ихъ таскали въ полицію за то, что они буйствовали въ пьяномъ видѣ и обижали парфеновцевъ. Петрикъ скоро сталъ тяготиться Крутикомъ. Все чаще и чаще онъ придирался къ нему подъ разными предлогами: то Крутикъ поздно встаетъ, то выбираетъ за обѣдомъ черезчуръ лакомые куски, то свиститъ въ комнатѣ, то громко сопить, то не оказываетъ уваженія хозяину дома, перебывая его въ разговорахъ.

— Послушай, Карнѣй, началъ онъ однажды утромъ,— ты у меня уже въ печенкахъ сидишь. Ты мнѣ ненавистенъ. Этакъ я и съ роднымъ братомъ не могъ бы ужиться. Отчего не пріютить пріятели на мѣсяцъ, на два, на полгода, наконецъ? Но вѣдь ты у меня собираешься застрять на всю жизнь! А, между тѣмъ, я хозяинъ, я—не кто-нибудь; у меня кирпичный заводъ. Мнѣ пора за умъ взяться. Освободи ты меня! Найди ты себѣ какое-нибудь мѣсто!

— Петрикъ, куда-жъ я пойду?

— Къ чорту! закричалъ Петрикъ.

Затѣмъ онъ нѣсколько дней не говорилъ съ другомъ. Уже давно Крутикъ замѣчалъ, что Петрикъ пересталъ быть съ нимъ искреннимъ, и что-то все таить— все куда-то ходить и все одинъ.

„Ахъ, мое горькое положеніе! До чего довело меня благородство!“ вздыхалъ Крутикъ и, по обыкновенію, хваталъ себя за голову.

Подъ благородствомъ онъ разумѣлъ безпечность нрава и склонность къ бахвальству и скандаламъ. Онъ съ грустью видѣлъ, что Петрикъ становился все менѣе и менѣе благороднымъ. Петрику начинала надобдаться разгульная жизнь. Въ немъ просыпался мелкій, стяжательный мѣщанинъ, и ему жаль было куска, который шелъ на прокормленіе его друга. Онъ поговаривалъ о томъ, что недурно-бы было жениться и взятъ въ домъ красивую хозяйку съ приданымъ, по крайней-мѣрѣ, рублей въ пятьсотъ.

Отчужденіе Петрика отъ Крутика выразилось прежде всего въ томъ, что онъ сталъ свататься за одну зажиточную казачку, ничего не сказавъ ему объ этомъ. Чѣмъ успѣшнѣе подвигалось сватовство, тѣмъ ненавистнѣе казался Карнѣй Петрику. Безполезность его пребыванія въ домѣ Петрика была очевидна. Посторонніе люди стали замѣчать великодушному Петрику, что онъ дѣлаетъ глупость, что этакое толстомордое балбеса прокормить чего-нибудь стоитъ, что у Петрика нѣтъ запасныхъ тысячъ, что много найдется даромъ-бѣдовъ и т. п. Петрикъ вздыхалъ, какъ жертва своего золотого сердца, распространялся о святости дружбы и о задачахъ молодежи, а тѣмъ временемъ беззвонотно рѣшалъ въ душѣ участь Карнѣя и обдумывалъ, какими-бы средствами извести, въ самомъ дѣлѣ, друга.

Остепенно дошло до того, что Петрикъ самъ шилъ во ку, а другъ только смотрѣлъ, да облизывался; что Петрикъ при гостяхъ обращался съ Карнѣемъ хуже, чѣмъ со слугою; что у Карнѣя развалились сапоги, а Петрикъ равнодушно глядѣлъ на убожество Карнѣя и даже надъ нимъ подтрунивалъ; что Петрикъ пріобрѣлъ привычку велухъ разговаривать съ самимъ собой и, при этомъ, ругать Карнѣя, а Карнѣй долженъ былъ дѣлать видъ, что ничего не слышитъ.

Когда Крутикъ узналъ, наконецъ, что Петрикъ женится и уже купилъ на толкучкѣ подержанный фракъ, онъ съ дрожью въ голосѣ и съ горечью сказалъ:

— Петрикъ, неужели-жъ ты для того женишься, чтобъ меня дохвать? Ты не другъ, а... хуже того! Одолжи мнѣ десять рублей—по крайней мѣрѣ, я пойду, куда глаза глядятъ.

Это было весной—кирпичный заводъ уже началъ дѣйствовать. Петрикъ взглянулъ въ окно на дымъ и произнесъ:

— Не все, братъ, коту масляница. Хочешь получить десять рублей—заработай! Кстати, у тебя сапогъ нѣтъ—чудесно босыми ногами глину мѣсить.

— Подло, Петрикъ.

— Басню о муравѣ и стрекозѣ не забылъ?

— Подло, Петрикъ, повторилъ Карнѣй.

— Помѣси глину—въ трудѣ нѣтъ ничего зазорнаго. Объ этомъ вся молодежь говоритъ. А нѣтъ—скатертью дорога.

— Прощай, проговорилъ Карнѣй и вышелъ.

Но черезъ полчаса онъ возвратился и изъявилъ согласіе поступить въ работники къ другу.

— Я понутилъ, сказалъ смягченный Петрикъ.— На тебѣ деньги и убирайся на всѣ четыре стороны.

Но куда было идти Крутику? Разумѣется, онъ пошелъ въ „Золотую Рыбку“. Однимъ бездомнымъ негодяемъ стало больше въ культурномъ, великолѣпномъ городѣ Святогорскѣ.

(Продолженіе будетъ)

Моничка.

Повѣсть Н. Морскаго (Н. К. Лебедева). (Посмертное произведеніе).

(Продолженіе).

Х.

Мы дѣйствительно насыду догашились, такъ какъ хотя дождь, снѣгъ и туманъ прекратились, тучи разсѣялись и свѣ-

тила луна, но подъ ногами было что-то невыносимое. Снѣгъ, который оставался еще на нѣкоторыхъ улицахъ, теперь совершенно смыло, но за то мѣстами образовались громадные

Неаполитанка. Съ карт Зихеля, грав Брендамуръ.

лужи воды, почти озера, мѣстами—непролазная грязь. Съ обѣихъ сторонъ было рѣшено, какъ мы прїедемъ, отослать возокъ домой, чтобы на смѣну для обратнаго возвращенія намъ прїстали двое дрожекъ. Лошади, то и дѣло вытягиваемыя кучерскими кнутомъ, тащились по вязкой грязи какими-то судорожными потугами. Квартира Рогожиной и Брискорнъ отстояла отъ насъ на какіе-нибудь полчаса самой не снѣжной ходьбы, а мы ѣхали не менѣе часа. На время мы даже, кажется, позабыли о вечерѣ и все ушли въ нить переѣзда. Любовь Петровна почти плакала, вся проникнувшись сожалѣніемъ къ лошадямъ; храбрый на полѣ сраженія капитанъ дрожалъ отъ непрерывнаго ожиданія какого-нибудь несчастія, слома или паденія возка, испуганно выглядывая въ окно при безпрестанныхъ остановкахъ, озабоченно осведомляясь у кучера:

— Чтѣ случилось?

На что тотъ довольно сурово и категорически ясно отвѣчалъ:

— Не везуть.

И ностоявъ, снова выглядывая лошадей кнутомъ: „Ну!.. окаянныя!“ хотя эти окаянныя не были ни въ чемъ виноваты. Лошади напрыгали послѣднія силы и тащили, надываясь, возокъ до слѣдующей, весьма скорой остановки. Любовь Петровна снова начинала скорбѣть о несчастныхъ животныхъ, а капитанъ—съ минуты на минуту ожидать какого-нибудь несчастія.

Но, вмѣсто несчастія, мы наконецъ прїѣхали. Двѣнадцать оконъ одноэтажнаго деревяннаго дома, занимаемаго Рогожиной и Брискорнъ, блеснули на насъ своимъ яркимъ освѣщеніемъ. Сѣздъ былъ большой, такъ какъ вся Покровская площадь, гдѣ помѣщалась квартира обѣихъ генеральшъ-сестрицъ, была заставлена каретами и различнаго рода экипажами, а въ окнахъ чрезъ опущенныя гардины видна была двигавшаяся по комнатамъ толпа. Не дождала какой-нибудь сажени до освѣщеннаго двумя фонарями подъѣзда, наши лошади остановились еще разъ. Думая, что мы прїѣхали, капитанъ торопливо поднялся со своего сидѣнья и, отворивъ дверь, хотѣлъ было выскочить, но лошади въ это самое время дернули возокъ, не давъ такимъ образомъ капитану испачкаться съ головы до ногъ въ грязь. Онъ такъ ужъ и доѣхалъ стоя.

Мы были у цѣли.

Страхъ и волненія нашего переѣзда по грязи въ возкѣ отошли теперь какъ-то моментально въ вѣчность; нѣчто новое, чтѣ явственно отпечатлѣлось даже на нашихъ лицахъ, заступило ихъ мѣсто. Какъ ни былъ я взволнованъ, готовясь вступить въ этотъ блестящій за занавѣсями оконъ *светъ*, я отлично видѣлъ, что лицо Любови Петровны поблѣднѣло, глаза какъ-то расширились и что капитанъ, еще тутъ, на подъѣздѣ, гдѣ насъ никто не видѣлъ, уже умалился, согнулся и присмирѣлъ. У меня мелькнула въ это время мысль, что вообще все мы глядимъ какими-то пришибленными и, точно идя на что-то страшное, смотримъ испуганно.

Но вотъ передъ нами отворились входныя двери—и мы очутились въ довольно просторной передней, въ которой стояло нѣсколько вѣшалокъ, толпились лакеи, и прямо передъ входомъ у освѣщеннаго двумя матовыми шариками трюмо—оправляла прическу одѣтая въ розовое платье дама, мужъ или братъ которой разговаривалъ въ сторонѣ съ Моничкой. Лампы свѣтили ярко; розовое платье дамы казалось необыкновенно пышно въ комнатѣ пахло духами, Моничка блестѣлъ какой-то особенною чистотой и приглаженностью—и вообще вся эта атмосфера дохнула на насъ чѣмъ-то не только наряднымъ и праздничнымъ, но какъ бы даже освѣжающимъ и ободряющимъ. Завидѣвъ насъ, Моничка неторопливо приблизился къ намъ.

— Вотъ и вы; очень рада.

Любовь Петровна, не глядя, подала Моничкѣ руку, торопливо обрасывая свою ротоу лакею; я поздоровался съ Рогожинымъ; но удивилъ капитанъ: тутъ только оказалось, что, бывая у Рогожиной и Брискорнъ, капитанъ никогда не видалъ Моничку и теперь встрѣтилъ его впервые. Понятно, что безъ всякихъ представленій съ нашей стороны и капитанъ, и Моничка отлично поняли съ кѣмъ имѣютъ дѣло и превосходно могли бы поздороваться другъ съ другомъ, но капитанъ счелъ за необходимое назвать себя. Вытянувшись въ струнку—онъ не то что съ почтительнымъ, но съ какимъ-то благоговѣющимъ видомъ, выражая своей физиономіей именно нѣчто большее, нежели простое почтеніе, представился Моничкѣ:

— Капитанъ Образцовъ.

Онъ не протянулъ руки, вѣроятно ожидая, что Моничка сдѣлаетъ это самъ; но послѣдній не рѣшился на это, сообразивъ, конечно, что капитанъ по старшинству долженъ подать руку первымъ. Такимъ образомъ оба раскланялись другъ съ другомъ самымъ церемоннымъ образомъ, при чемъ поклонъ капитана, низкій и почтительный, не выражалъ какого-либо униженія, но былъ исполненъ, если такъ можно выразиться, самого восторженнаго преклоненія передъ этимъ нѣжнымъ, изящнымъ и красивымъ юношей. Капитанъ во все пребываніе наше у Рогожиныхъ не сводилъ съ Монички своего восторженнаго взгляда и смотрѣлъ на него какъ-то влюбленно. Если ему приходилось съ кѣмъ-нибудь говорить и въ

это время попадался на глаза Моничка—капитанъ забывалъ разговаривающаго съ нимъ, слѣдилъ исполненнымъ восторгомъ взглядомъ за Моничкой, уступалъ ему стулъ, разъ даже поднималъ уроненный Моничкой платокъ, словомъ ухаживалъ за молодымъ человѣкомъ, какъ за женщиной, дѣлая это отнюдь не приниженно, но съ отѣнкомъ рыцарскаго почтенія къ дамѣ сердца. Это, понятно, было замѣчено Моничкой и чрезвычайно его, повидимому, смущало.

Мы съ Моничкой пропустили капитана съ Любовью Петровной въ залъ впередъ, а сами, переговариваясь, пошли за ними назадъ. По залу шель ступный говоръ; въ самыхъ разнообразныхъ позахъ, стоя, сидя и расхаживая, тѣснились пригланенные. Бальные туалеты дамъ, фраки и мундиры мужчинъ перемѣшивались въ самой невообразимой пестротѣ. Помню, что довольно просторная зала, оклеенная бѣлыми обоями, съ красными шерстяными драпирями на дверяхъ и окнахъ—чрезвычайно была загромождена небольшою сценической, отдѣленной отъ остальнаго пространства синими коллорированными занавѣсомъ съ наклееннымъ посрединѣ его пѣть золотой бумаги солнцемъ. У этой занавѣси, нѣсколько въ сторонѣ—былъ поставленъ рояль, затѣмъ образовался небольшой проходъ, за которымъ уже слѣдовали разставленные съ тѣсными промежутками стулья для зрителей. Вообще—убранство у Рогожиной и Брискорнъ показалось мнѣ не слишкомъ роскошнымъ; наряды же и роскошнѣе была толпа, съ трудомъ пролѣзавшая черезъ этотъ заставленный стульями и сценической залъ въ гостиную, гдѣ принимали хозяйки дома.

Направляемые Моничкой, туда-же шли и мы. Намъ пришлось проходить мимо занавѣси, у котораго вертѣлся красивый, черноволосый адъютантъ съ аксельбантами. Онъ видимо старался заглянуть хоть однимъ глазкомъ въ небольшую щелочку, образующуюся между занавѣсью и прилегающею стѣной; но чья-то рука закрывала со сцены передъ любопытнымъ это отверстие. Изъ-за занавѣси слышался серебряный смѣхъ. Адъютантъ молилъ:

— На минуту!..

— Ни за что!

— Но, увѣрю васъ, никто не увидитъ.

— Никто?..

На мгновеніе эти осторожные переговоры смолкли и вдругъ, какъ разъ въ то время, когда капитанъ съ дочерью уже прошли, а мы съ Моничкой только что поравнялись съ адъютантомъ, занавѣсь тихо-тихо отодвинулась отъ стѣны и въ образовавшемся пространствѣ появилось прехорошенькое личико съ дѣлымъ хохломъ бѣлокуро-пепельныхъ волосъ надъ бровями, отчего послѣдній казался очень низкимъ,—появилось дѣтское миниатюрное личико съ очень мелкими и какъ-бы сближенными чертами, очень красивое, но напоминающее что-то кукольное, игрушечное. Это личико съ черными глазами со страхомъ осмотрѣло залъ и успокоившись, что всякій занятъ своимъ дѣломъ и не смотритъ на занавѣсь, улыбулось красивому адъютанту и, спросивъ: „довольны?“—торопливо скрылось за занавѣсью. На мой вопросительный взглядъ, Моничка отвѣтилъ:

— Кузина.

Тѣмъ временемъ адъютантъ снова прильнулъ къ занавѣсу и шепталъ Моничкиной кузинѣ:

— Видѣли, какая красавица прїѣхала?

— Кто такая? спросила недовольнымъ голосомъ Лизавета Эдуардовна.

— Дочь капитана Образцова.

— Нашли!.. видѣла: цыганка какая-то!

Далѣе я не разлышалъ что говорила Лизавета Эдуардовна съ адъютантомъ, такъ какъ въ это время мы входили въ гостиную, биткомъ набитую гостями, между которыми, подобно каучуковымъ мячикамъ, прыгали, поминутно сталкиваясь другъ съ другомъ и затѣмъ снова разлетаясь въ разныхъ сторонъ, обѣ генеральшъ-сестры, Рогожина и Брискорнъ. Это были дамы чрезвычайно похожія другъ на друга; обѣ очень невысокія, обѣ кругленькія блондинки—Рогожина чуть-чуть потемнѣе—обѣ съ крошечными луговницеобразными носками на сравнительно широкихъ лицахъ, напоминающихъ своей округленностью и плоскостью чайныя блюдечки. Одѣты генеральши были въ неизмѣнныя черныя шелковыя платья, кружевыя манжеты и наколки изъ черныхъ лентъ. Не только лица, не только наряды,—быстрыя движенія, быстрая рѣчь, самая даже слова и обороты—были до такой степени похожи у сестеръ, что вполне оправдывали данное имъ въ нашемъ городѣ шуточное прозвище—Добчинскій и Бобчинскій. Завидѣвъ капитана и Любовь Петровну, находившіяся на разныхъ концахъ гостини сестры поспѣшили навстрѣчу къ намъ и снова точно столкнулись около капитана, единогласно привѣтствуя его:

— Капитанъ!

Почтительно изогнувшись, онъ цѣловалъ у Рогожиной и Брискорнъ ручки, слѣдя старинной модѣ...

— Ваше превосходительство!..

Рогожина ласково смотрѣла на него:

— Я рада, капитанъ, видѣть васъ у себя.

Брискорн съ другой стороны капитана повторила то же самое по смыслу, но нѣсколько иное по словамъ:

— Вы доставили намъ большое удовольствіе, капитанъ, привѣхавъ.

— Старинный пріятель! встала Рогожина, пожимая правую руку капитана.

— О, да! подтвердила послѣднія слова сестры Брискорнъ, пожимая лѣвую руку капитана.

Онъ низко раскланывался:

— Благодарю, ваши превосходительства, за сдѣланную мнѣ вашимъ приглашеніемъ высокую честь. Позвольте...

Онъ отодвинулся и выставилъ такимъ образомъ оставшуюся за его спинной дочъ, желая представить ее. Генеральни выплесъ въ молодую дѣвушку, которой не видѣли до сихъ поръ, своими быстрыми и пронизывающими глазками и затѣмъ, какъ-то моментально сбавъ съ тона, которымъ такъ радушно привѣтствовали капитана, довольно холодно спросили:

— Ваша дочь?

— Единственная, нагнулся капитанъ,—честь имѣю представить вашему благосклонному вниманію.

Тогда Рогожина протянула руку Любови Петровнѣ:

— Charmée, M-elle.

Брискорнъ повторила то же самое:

— Charmée.

Можетъ быть, и даже весьма вѣроятно, Любовь Петровна замѣтила какую-то холодность, натянутость и какъ бы даже недоброжелательство, промелькнувшія на лицахъ обѣихъ сестеръ, только она отступила въ отношеніи ихъ отъ обычной формы своего нѣсколько вкрадчиваго и некстати эканансиаго привѣтствія. Любовь Петровна превосходила сестеръ-генеральницъ на дѣлую голову, и когда она протягивала имъ руку, то смотрѣла на нихъ какъ-то сверху и руку болѣе *модала* имъ, нежели протянула, сдѣлавъ это въ молчаніи. Тогда Рогожина и Брискорнъ, завидѣвъ меня, тоже неизвѣстнаго имъ человѣка, какъ-то вдругъ устремились къ намъ съ Моничкой, оставивъ капитана съ дочерью посреди гостиной совершенно одинокими и не знающими, что дѣлать между незнакомыми людьми.

Моничка назвала меня.

— Друзья моего сына—мои друзья, любезно подала мнѣ руку Рогожина.

Брискорнъ отозвалась за сестрой эхомъ:

— И мои.

И наклонившись къ Моничкѣ, шепнула нисколько не стѣсняясь моимъ присутствіемъ:

— Cher Monia, и ты находишь, что она красива!

— Она первобытна, внушила Рогожина сыну.

— Не умѣетъ себя держать, замѣтила Брискорнъ.

— И положительно дурина, заключила Рогожина.

Я боялся, что все это говорилось по адресу почему-то неоправдывшейся хозяйкамъ дома Любови Петровны. Послѣдняя все еще продолжала стоять одинокою въ обществѣ отца, то и дѣло сторонившагося передъ проходившими гостями. Моничка выслушавъ мать и тетку въ молчаніи, но какъ только онѣ оставили его, разбѣжавшись по разнымъ угламъ гостиной, онъ съ краской на лицѣ, вѣроятно вызванной неожиданною рѣшимостью идти наперекоръ матери и тетка, направился къ Образцовымъ и, подойдя, предложилъ имъ:

— Сейчасъ начнутъ,—Моничка говорилъ о спектаклѣ,—не угодно-ли вамъ занять мѣста?

И подавъ Любови Петровнѣ руку. Капитанъ взглядомъ восторженной благодарности смотрѣлъ на молодого человѣка; Любовь Петровна тихо наклонила голову. Моничка продолжала:

— Пока не заняты мѣста—мы найдемъ поудобнѣе и поближе къ сценѣ.

Любовь Петровна какъ бы даже испугалась этого послѣдняго предложенія.

— О, нѣтъ... для чего же ближе... Сядемъ гдѣ-нибудь въ уголку...

Въ это время подошелъ и я.

— И вы съ нами?

— Конечно.

Капитанъ съ удовольствіемъ потиралъ руки:

— И прекрасно—вѣсь значить вмѣстѣ... свои...

Моничка отважно повелѣла Любови Петровнѣ черезъ толпу, направляясь въ залъ; мы съ капитаномъ шли назадъ.

— А вы? тихо спросила Любовь Петровна своего кавалера, — вы не останетесь съ нами?... вы вѣдь тоже играете?

— Въ первой шеѣ, громко отвѣтилъ онъ, проходя мимо тетки,—я не играю и вы, вѣроятно, позвольте мнѣ посидѣть съ вами...

Стройный, высокій и красивый мальчикъ ловко велъ свою даму, выдвигая нѣжными щеками, поднимая голову... Я видѣлъ, какъ всѣ смотрѣли на Любовь Петровну, которая, идя съ Моничкой подъ-руку, какъ бы еще выиграла въ своей красотѣ, освѣтилась повымъ свѣтомъ и даже выросла. Но чѣмъ величественнѣе и недоступнѣе казалась дочь, тѣмъ слѣдовавшей за нею отецъ становился приниженнѣе и просительнѣе. Передъ всѣмъ этимъ обществомъ онъ какъ бы согнулся въ смиренной просьбѣ пощадить его единственное сокровище, его жизнь,

его милую дочь... О, за что, за что эти генеральни, этотъ блестящій свѣтъ, эти красивыя дамы—всѣ какъ-то усиленно холодно смотрятъ на Любочку?... Чѣмъ провинилась она передъ ними, что сдѣлала?... Не красота же вооружила всѣхъ противъ нея?... Когда мы усѣлись на свои мѣста, когда зазвенѣлъ колокольчикъ, когда вся цублика высыпала въ залъ, случилось такъ, что, за исключеніемъ Любови Петровны, усѣвшейся между мною и капитаномъ, дамъ въ нашей сторонѣ не оказалось ни одной... Все мужчины—черные фраки и мундиры—лишь одно свѣтлое платье Любочки...

XI.

Какъ я ни строго относился къ Любови Петровнѣ, какъ часто—пользуясь правами близкаго знакомства—я ни позволялъ себѣ придирается и къ ея порывистымъ движеніямъ, и къ нѣкоторой манерности, допускаемой ею при встрѣчахъ съ малознакомыми людьми, и къ невѣрности тона, которымъ она перѣдко говорила самыя обыкновенныя вещи,—я долженъ сказать и засвидѣтельствовать, положа руку на сердце, что Любовь Петровна держала себя на вечерѣ у Рогожиныхъ безукоризненно мило. Ее можно было упрекнуть развѣ только за одно, хотя это не бросалось въ глаза, а именно за то, что она слишкомъ влюбленными глазами смотрѣла на Моничку. Она, повидному, какъ-то сразу отдала ему всецѣло и свое чувство, и волю, какъ-то сразу полюбила его до такой степени, что готова была сдѣлаться его рабой, совершенно не узнавъ кому, достойному ея чувства или цѣтъ,—отдаетъ она свое сердце. Любовь Петровна до описываемаго дня не знала Монички, какихъ-нибудь разговоровъ о немъ не слышала, да если-бы и слышала, такъ они не нарисовали-бы ей Моничку тѣми особыми красками, за которыя-бы можно было его полюбить. Тутъ конечно все сдѣлала живость впечатлѣній, собственная фантазія Любови Петровны, ея самой нарисованный нравственный, душевный обликъ Монички. Какъ понимала, какъ представляла себѣ Любовь Петровна этотъ послѣдній—ностороннему человѣку конечно можно было судить лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Какими именно штрихами, какими красками разрисовала Любовь Петровна душевную фізіономію Монички—въ подробностяхъ невозможно было понять; но этотъ влюбленный взглядъ, исполненный преданности, самоотверженности, какого-то даже благоговѣнія, ясно говорилъ, что Любовь Петровна не поспешила на одѣяніе Монички всѣмъ что есть прекраснаго, возвышеннаго и благороднаго, передъ чѣмъ она и подверглась во прахъ. Если всякая страсть слѣпа и не разузнаетъ, то страсть Любови Петровны въ этомъ конечно не выдѣлялась изъ другихъ, ей подобныхъ.

Моничка помѣстился около меня; но ему не дали долго поспѣть съ нами: мамаша и тетенька искали его глазами и, найдя, позвали къ себѣ. Онъ думалъ было отдѣлаться, спросивъ ихъ издали, что имъ угодно отъ него, но на это получилъ отъ матери, помѣстившейся въ первомъ ряду,—значитъ довольно далеко отъ насъ,—совершенно справедливое, съ отѣткою нѣкоторой строгости, замѣчаніе:

— Ахъ, Monia, не могу же я кричать?! поди сюда.

А отъ Брискорнъ нѣжно укоризненный взглядъ и кивокъ головы.

Дѣлать нечего—Моничка долженъ былъ оставить насъ, при чемъ онъ почему-то вспыхнулъ и, встрѣтивъ исполненный сожалѣнія взглядъ Любови Петровны, виновато опустилъ передъ ней свои глаза. Правилась или цѣтъ ему Любовь Петровна—я не зналъ, и между нами объ этомъ не было сказано ни слова; но Моничка несомнѣнно видѣлъ и понималъ влюбленный взглядъ дочери, благоговѣніе отца, и какъ-бы считалъ своимъ долгомъ платить за нихъ какимъ-то трогательнымъ вниманіемъ со своей стороны. Эти краснорѣчивые взгляды какъ-бы обзывали его, если не на взаимность чувства, то на нѣкоторую синеходительность и даже благодарность.

Конечно онъ не вернулся къ намъ. Мать и тетенька усадили его около себя, рядомъ съ какою-то молодою, очень недуренькою особой, заведшей съ ними оживленную бесѣду на французскомъ языкѣ. Замѣчу при этомъ, что Любовь Петровна, чего по пылкости ея характера было бы возможно ожидать, оказалась совершенно не ревнива. За все время нашего пребывания у Рогожиной она нисколько не досадовала и не завидовала, если Моничка разговаривалъ съ кѣмъ-нибудь изъ красивыхъ женщинъ. Напротивъ, она не переставала любоваться имъ, а женщины—хвалила и даже не всегда заслуженно, хотя совершенно искренно. Повидному ни ревности, ни зависти въ ней не было и слѣда.

Какъ разъ, когда ушелъ отъ насъ Моничка—у приставленнаго къ занавѣскамъ рояля появился какой-то молодой человѣкъ, съ очень жидкими свѣтлыми волосами, худой и длинный.—въ золотомъ пенсѣе. Его встрѣтили антодистементами и, раскланывшись, онъ усѣлся за рояль и заигралъ интродукцію къ Моцартовскому „Донъ-Жуану“. Я бы собственно этого не зналъ, но при первыхъ звукахъ интродукціи—Любови Петровна схватила меня за руку и шепнула мнѣ съ обычною своею пылкостью:

— Ахъ, это пѣтъ „Донъ-Жуана“ Моцарта!

Подвѣчный нарядъ. Съ карт. I. Гизель, грав. Гейеръ

Любовь Петровна не играла, но музыку обожала — и если не вполне понимала ее, то во всяком случае любила фантазировать, иллюстрируя музыкальный текстъ тѣми или другими измышленіями своего воображенія, насколько вѣрными — не берусь судить, но какъ будто бы отвѣчавшими тѣмъ или другимъ музыкальнымъ пассажемъ и фразамъ. „Донъ-Жуанъ“, какъ сказала мнѣ Любовь Петровна, она къ тому-же слышала гдѣ-то въ Одессѣ или Кіевѣ, что конечно помогало ей объясненіямъ. Впрочемъ она шла дальше. Она не ограничивалась въ этой интродукціи словами ожидающаго Донъ-Жуана — Ленорелло „Nott'e giorno faticar“... но на этой фразѣ рисовала мельчайшую по подробностямъ картину. Она шептала мнѣ:

— Вотъ перекликаются сторожа: знаете, какъ у Пушкина — „и сторожа кричатъ протяжно: ясно! ясно!“ Вѣдь и тутъ ночь... Забудьте, что покой дѣйствительно нѣтъ... Правда: ночь, блестятъ звѣзды, „лимоньомъ и лавромъ пахнетъ“, но слышите, какъ звучатъ гитары... вотъ ихъ такъ много, что точно весь этотъ городъ звучитъ какими-то кузничками... Теперь они громко играютъ, потому что ихъ много... Но вотъ влюбленные расходятся... забудьте: пока около дома — идите осторожно, но вотъ повернули за уголъ — и слышите, какъ стучатъ по мостовой...

— Да это вы сочиняете, шепнуть я.

Она отвѣтила мнѣ съ убѣжденностью:

— Несколько... Слышите, часть влюбленныхъ разошлась по домамъ — и гитары стало меньше: ужь играютъ тише, ужь не такъ стрекочутъ... Вотъ и еще уходитъ влюбленные: у дома осторожно, со страхомъ, а чуть за уголъ — вонъ какъ пошли!

— А это что означаетъ?

— Это, — Любовь Петровна говорила тономъ педагога, — это... а что за сценой-то дѣлается: вѣдь надо же рассказать и о томъ композитору... Вѣдь этотъ Донъ-Жуанъ забрался къ дочери командора... Вотъ слышите ея мольбы, стоны, просьбы... слышите плачегъ, — а вотъ сейчасъ будетъ пауза... Все смолкло: тишина. Вотъ встревожился домъ, видите какое безпокойство въ музыкѣ, все громче и сильнѣе... Вотъ всѣ выбѣгаютъ на сцену и Донъ-Жуанъ убиваетъ командора... Эта все слабѣющая мелодія — смерть командора... Ахъ, какъ это хорошо!

Любовь Петровна увлеченно зааплодировала вмѣстѣ съ другими и крикнула „bis“, что впрочемъ осталось безъ послѣдствій, но была замѣчена нѣкоторыми дамами, обернувшись съ холоднымъ удивленіемъ на молодую дѣвушку. Исполнитель еще раскланывался, когда занавѣсъ поднялся и новый залъ рукоплесканій встрѣтилъ появившуюся на крошечной сценѣ Лизавету Эдуардовну.

Лизавета Эдуардовна играла не впервые и пріѣхала изъ Петербурга въ Н — скъ съ извѣстностью будто-бы опытной актрисы на *силыны* драматическія роли. Лизавета Эдуардовна, какъ рассказывали, играла въ пансіонѣ и особенный успѣхъ имѣла въ драматическихъ отрывкахъ изъ классическихъ французскихъ писателей, Корнея, Расина, Вольтера, — въ роляхъ разныхъ Химены и Заиръ. Въ одномъ изъ подобныхъ отрывковъ, а именно въ сценѣ Федры съ ея наперстницей Эноной — Лизавета Эдуардовна рѣшилась показаться чередъ Н — скимъ обществомъ въ описываемый вечеръ и при своемъ появленіи была встрѣчена безконечными аплодисментами. Дочь Миноса и Пазифаи вышла на сцену одѣтая въ бѣлую тунику съ распушенными по плечамъ волосами, — вышла блѣдая, съ блуждающими глазами, какъ-то угасло волоса своей шлейфы. Какъ ни мало я понималъ въ драматическомъ искусствѣ, какъ ни былъ мой вкусъ невзыскателенъ въ этомъ отношеніи, — я, прежде чѣмъ начала свой первый монологъ Лизавета Эдуардовна, сразу поняла, что передъ всѣми нами явилось на сценѣ нѣчто невозможное, что-то до такой степени не соответствующее и по природѣ, и по возрасту, и по фигурѣ — изображаемому лицу, — что очевиднымъ образомъ могло только, помимо желанія и воли, обратить драму въ забавнѣйшій водевилъ. Въ самомъ дѣлѣ, что могло быть невозможнѣе и нелѣпнѣе, какъ поручить роль мучимой преступною страстью Федры, женщины, въ груди которой бушуетъ цѣлый вулканъ, которая плачетъ огненными слезами, — что могло быть глупнѣе, какъ дать такую роль миниатюрной, восемнадцатилѣтней дѣвочки, очень миленькой, очень изящной, — подъ свободными складками греческой одежды, держащейся какъ бы зашнурованною въ корсетъ! Петербургская пансіонерка не забывалась ни на минуту подъ покровами Федры. Правда, Лизавета Эдуардовна вышла на сцену, стараясь изобразить женщину свѣдаемую какимъ-то недугомъ, но какъ только она заговорила по окончаніи встрѣтившихъ ее рукоплесканій, какъ только она произнесла два первыхъ стиха, я думаю вся зала поняла, что артистка не привлечетъ къ своимъ страданіямъ сочувствія публики, не вызоветъ слезу, а, напротивъ, оставитъ свою игрою самое пріятное и легкое впечатлѣніе. Французское произошеніе Лизаветы Эдуардовны было безукоризненно, но прекрасные стихи Расина она читала чисто по институтски, нараспѣвъ, подчеркивая рифмы, слыша, точно торопясь отвѣтить заданное. Такъ именно она прочла свои выходные слова:

N'allons point plus avant, demeurons, chère Oenone.

Je ne me soutiens plus; ma force m'abandonne.

Mes yeux sont éblouis du jour que je revois,
Et mes genoux tremblants se dérobent sous moi.
Hélas!

Это „hélas!“ у нея совсѣмъ пропало, такъ какъ она проглотила его. Она такъ торопилась, что даже задыхалась, и если не дѣлая слова, то окончанія словъ то и дѣло исчезали у нея. Быть-можетъ довольно сильно стянута корсетомъ — грудь Лизаветы Эдуардовны какъ-то прерывисто дышала, точно эта Федра передъ тѣмъ, какъ ей появиться на сценѣ, утратила игрою въ горѣлки. Пользуясь остановкою племянницы и репликой внушительнаго вида и довольно почтеннаго возраста Эноны, роль которой очень отчетливо была прочтена классною дамой мѣстной женской гимназій М-elle Перре, изъ перваго ряда послышался кроткій голосъ Рогожиной:

— Pas si vite, Lise, pas si vite! (Не такъ скоро, Лиза!)

И болѣе строгій тонъ М-ме Брискорнъ:

— Lise! pas si vite!

Lise нѣкоторое время дѣйствительно было послѣдовала внушеніямъ матери и теткы, стала читать медленнѣе, но потомъ сбилась на прежній тонъ и зачитала снова торопясь, проглатывая слова и окончанія. При такомъ чтеніи понятво не могло быть и въ поминѣ о выраженіи стихами какихъ-нибудь внутреннихъ страданій Федры; но дѣло не ограничилось только этимъ. Лизавета Эдуардовна, казалось, чѣмъ дальше шла, тѣмъ болѣе и болѣе ускоряла свой шагъ. Это окончилось довольно комично. Дойдя до того мѣста, гдѣ Энона спрашиваетъ Федру: „Вы любите?“, на что послѣдняя отвѣчаетъ утвердительно, Лизавета Эдуардовна забылась до того, что, можно сказать, заломъ выпалила подъ-рядъ, не переводя духа, и свои реплики и реплики Эноны, которая тщетно шевелила губами, стараясь какъ-нибудь и гдѣ-нибудь прервать твердо заубрежденной юною артисткой діалогъ. Видя, что это совершенно невозможно, m-elle Perre посмотрѣла на публику съ высоты приподнятой сцены съ какимъ-то видомъ оскорбленнаго достоинства, при чемъ слегка даже пожала плечами. Изъ перваго ряда послышался нѣжно-укорительный возгласъ М-ме Рогожиной:

— Lise!..

A Lise, безъ передышки отмахавъ: „Tu connais ce fils de l'Amazone, ce prince si longtemps par moi-même opprimé... — Hippolyte? grands dieux!.. — C'est toi qui l'as nommé!“ — наконецъ остановилась, одумалась, поняла что сдѣлала, покраснѣла до корней волосъ, и когда Энона хотѣла поправить дѣло и заговорила, какъ ни въ чемъ не бывало — Лизавета Эдуардовна рѣшительно почувствовала себя не въ силахъ довести сцену до конца и торопливо шепнула своей наперстницѣ:

— Je me sens mal... Au rideau! au rideau!.. (Мнѣ дурно... Занавѣсь! Занавѣсь!)

Занавѣсь, конечно, опустили; но прежде нежели этому сдѣлаться, произошло замедленіе, вѣроятно отъ несовершенства какихъ-нибудь механическихъ приспособленій. Нѣкоторое время озадаченная такимъ окончаніемъ дѣйствія публика видѣла еще артистокъ, видѣла спокойную и горделивую Энону, видѣла ушедшую въ глубокое современное кресло Федру, поднесеную къ своему лицу для чего-то платокъ. Аплодисменты еще не раздались, въ залъ царствовала тишина, какъ вдругъ среди нея раздались совершенно неожиданный взрывъ смѣха, обратившій на себя вниманіе не только всей публики, но и самихъ исполнителей. Всѣ оглянулись въ нашу сторону. Любящая такъ посмѣяться, но долго сдерживавшаяся Любовь Петровна не стерпѣла и разразилась самымъ веселымъ и разразительнымъ смѣхомъ, что послужило какъ бы импульсомъ, какъ бы сигналомъ и для всей остальной публики, или болѣею части ея, перестать сдерживаться и огласить залъ смѣхомъ. Публика придала такой видъ своему хотосу, что будто бы она смѣялась надъ тѣмъ, что занавѣсь не слышится. Всѣ смотрѣли на Любочку. Къ хотосу присоединился стукъ для чего-то отодвигаемыхъ стульевъ, многие вставали съ своихъ мѣстъ, другіе аплодировали, на сценѣ Лизавета Эдуардовна разивалась слезами: капитанъ съ поблѣднѣвшимъ лицомъ, испуганными глазами вертѣлся на своемъ стулѣ съ какимъ-то растеряннымъ видомъ. Рогожина и Брискорнъ, съ вытянутыми и какъ бы озабоченными лицами, съ двухъ сторонъ подскочили къ Любочкѣ...

— Ah, mon Dieu, Mademoiselle se trouve mal (ей дурно), лепетала одна, — вотъ несчастіе!.. Quel contretemps!

— Ничего, ничего, такъ маленькая истерика... Она сейчасъ оправится, хлопотала другая, подхватывая Любочку подъ-руку. — Проидетъ, ma chère demoiselle, въ уборную, пригласила Рогожина, — un petit verre d'eau et rien de plus.

И прежде чѣмъ озадаченная Любочка успѣла опомниться, обѣ генеральши увлекли ее въ гостиную и дальше.

Смѣхъ совершенно прекратился. Въ залѣ наступило молчаніе.

Не успѣли мы съ капитаномъ порядкомъ взумиться и обмѣняться двумя-тремя словами по поводу этого доваго маневра, — къ нему подошелъ лакей и почтительно наклонившись, проговорилъ вполголоса: „ихъ превосходительства просятъ васъ выйти къ нимъ на минуточку...“

Я невольно послѣдовала за капитаномъ и вдругъ, къ вѣщому

своему наумлению, увидевъ, что лакей ведетъ насъ въ сторону противоположную гостиной, а именно къ выходу въ переднюю. Капитанъ, замѣтивъ это, вдругъ поднять свою опущенную голову, въ черной гривѣ которой серебрился ужъ далеко не одинъ свѣдъ волосъ. Его фигура сдѣлалась какъ-то предстательнѣе и выше, плечи поднялись, лобъ уходилъ вверхъ, черты блѣднаго лица стали суровѣе, рѣсницы нѣсколько опустились и изъ-подъ ихъ черной дымки блестѣли такіе же страшные, какъ и у Любови Петровны, глаза. Въ передней генеральши уже кутали Любочку въ ея ротоуду. Объ эти дамы, какъ какія-нибудь кошечки, заластались къ приближающемуся къ нимъ капитану. Онъ схватилъ его руки, неустанно глядя на него и восторженно спрашивали:

— Ова въ самомъ дѣлѣ больна?..

— Я, какъ вы прѣехали, замѣтила, что ей нездоровится.

И, видя что капитанъ хочетъ что-то сказать, объ разомъ замахали на него руками и закричали съ предупредительной деликатностью:

— Нѣтъ, нѣтъ... безъ всякихъ извиненій... Мы не удерживаемъ васъ... Что за церемоніи между старинными знакомыми?.. Везите, везите ее домой... Мы, впрочемъ, убѣждены, что нездоровье самое легкое и скоро пройдетъ...

— Записочку, капитанъ, напишите записочку завтра-же о состояніи ея здоровья...

Капитанъ вдругъ выдернулъ свои руки изъ ручекъ генеральши и, отдавъ короткій поклонъ, круто повернувшись отъ хозяйки дома, совершенно спокойно подошелъ къ дочери, мимоходомъ какъ-то холодно взглянувъ на меня, точно я въ чемъ была виновата передъ нимъ,—подавъ Любовь Петровнѣ руку и повелъ ее къ выходу. Любовь Петровна—замѣтилъ я—начала какъ-то робко и виновато поглядывать на отца, вѣроятно прося у него молчаливымъ взглядомъ прощенья, что такъ или иначе была причиною всего этого, но выраженіе своего взгляда измѣнило на такое же спокойное, съ какимъ смотрѣлъ ся отецъ. И оба они, холодные и неуязвимые, скрылись за дверями передней.

Я же, хорошенько не отдавая себѣ отчета въ томъ что дѣ-

лаю и для чего такъ поступаю, пробираясь бокомъ и не пропавшись съ хозяйками, набросивъ пальто, выбѣжалъ на подъездъ и толкнулся на Образцовыхъ. Они обернулись на шумъ отворенной двери, вѣроятно ожидая встрѣтить какое-нибудь враждебное имъ лицо, но просвѣдѣли, увидѣвъ меня. Любовь Петровна взглянула на меня съ какою-то благодарностью и растроганнымъ голосомъ спросила:

— И вы съ нами?.. Почему же вы не остались?

Капитанъ крѣпко сжалъ мою руку и какъ-то отрывисто поблагодарилъ:

— Не забуду-съ.

Затѣмъ онъ отвернулся въ сторону и нѣсколько мгновений не смотрѣлъ на насъ, повидимому не желая показывать намъ выраженія своего лица. Изъ зала, въ затворенныя окна несся браурный вальсъ. Я прервалъ молчаніе:

— По какимъ образомъ мы вернемся домой?

Это, дѣйствительно, не легко было сдѣлать. Мы, какъ я уже говорилъ, отослали свой возокъ домой и не предполагая пробыть на вечеръ такъ недолго, велѣли прѣхать за собою гораздо позднѣе. Конечно, нашихъ экипажей еще не было. У подъезда стояло нѣсколько собственныхъ каретъ; извозчиковъ по позднему времени не оказалось, да нашъ городъ вообще не могъ похвастаться ихъ изобиліемъ даже днемъ. Въ душевномъ разстройствѣ вопросъ о возвращеніи не приходилъ въ голову ни мнѣ, ни Образцовымъ, пока, очутившись на подъездѣ, мы не сообразили своего критическаго положенія. Что было дѣлать?.. Мы всѣ стояли нѣкоторое время въ молчаніи, не зная что и придумать. Любовь Петровна разрѣшила наше затрудненіе.

— Не возвращаться же, сказала она,—надо идти впередъ.

И съ этими словами, подобравъ свое воздушное платье, перешла рѣшительно сошла съ подъезда. Я невольно вскрикнулъ:

— Боже мой, по на васъ бѣды шелковыхъ башмаки!.. Вы, мало того, что вынуждаете ихъ—вы промочите ноги...

— Ничего, отвѣтила она, храбро пускаясь въ путь,—башмаки я брошу, а что промочу ноги не бѣда. Я простуды не боюсь...

(Продолженіе будетъ.)

Наше обоняніе.

Готфрида Пфейфера.

Ухо имѣетъ свое искусство: музыку; глазъ—свое: изящество формъ и гармонію красокъ—скульптуру и живопись. Поэтому слухъ и зрѣніе могутъ быть названы чувствами благородными, въ противоположность обонянію, а тѣмъ болѣе вкусу—этими плебеямъ среди чувствъ. Къ послѣднимъ часто относятся съ пренебреженіемъ, считая ихъ частью низшей, животной природы человѣка и потому не заслуживающими уваженія.

Но если это еще позволительно до извѣстной степени въ отношеніи къ чувству вкуса, то уже ничѣмъ не оправдывается въ отношеніи обонянія: оно значительно превосходитъ вкусъ и вовсе не заслуживаетъ, чтобы ему приписывали исключительно матеріальное значеніе. Оно, напротивъ, сильнѣе всѣхъ другихъ чувствъ возбуждаетъ въ насъ сочетанія идей, оживляетъ воспоминанія и такимъ образомъ создаетъ внутренний міръ, сродный по ощущеніямъ съ тѣмъ, что вызываетъ въ насъ музыка. Значитъ обоняніе, по своимъ такъ-называемымъ «идеальнымъ» свойствамъ, заслуживаетъ, чтобы его ставили на ряду съ двумя наиболѣе благородными чувствами. Мало того, можно смѣло утверждать, что тонкость обонянія у человѣка въ прямой связи съ его умственными способностями.

Обоняніе, какъ и всѣ другія чувства, воспринимаетъ впечатлѣнія черезъ нервную систему. Важность обонятельныхъ нервовъ уже тѣмъ опредѣляется, что они занимаютъ первое мѣсто въ ряду двѣнадцати паръ нервовъ, выступающихъ на плоскомъ основаніи мозга, отъ которыхъ нервы къ тому-же отличаются своеобразною формой. Свойства обонянія до сихъ поръ были мало извѣстны ученымъ. Предполагали только, что всѣ пахучія вещества испускаютъ газы, которые производятъ на наши обонятельные нервы таинственное очарованіе. В. Рамзей, въ Бристолѣ, рядомъ опытовъ пришелъ къ весьма интересному заключенію, что ощущеніе запаха вызывается тончайшими, неуловимыми для глаза колебаніями пахучаго газа, подобно тому, какъ звукъ вызывается колебаніями воздушныхъ волнъ, а свѣтъ—колебаніями эфира, съ тою только разницею, что колебанія запаха совершаются несравненно быстрѣе. Они сообщаются носу посредствомъ находящихся на волоски окончностей веретенообразныхъ клѣточекъ, состоящихъ въ связи съ обонятельными нервами.

Какъ между звуками есть основныя, къ которымъ примыкаютъ остальные и съ ними сливаются въ аккорды, или гармонію, такъ и между запахами есть такіе, которые состоятъ изъ цѣлага ряда гармоническихъ запаховъ или пахучихъ аккордовъ: изъ нихъ-то вышеупомянутый изслѣдователь и выводитъ различныя свойства запаховъ. Весьма важно то обстоятельство, что обонятельное воспріятіе получается не путемъ непосредственнаго прикосновенія, а посредствомъ вливанія воздуха носомъ (вдыханіе), изъ чего слѣдуетъ, что

хорошее обоняніе находится въ связи съ хорошимъ дыханіемъ. Кто не желаетъ слышать какого-нибудь запаха, тому стоить только по возможности задержать дыханіе, закрывъ отверстие носа. Но бывають запахи до того ѣдкіе, что они невольно захватываютъ дыханіе.

Изъ этого очевидно важное соотношеніе, существующее между нашимъ обонятельнымъ и дыхательнымъ органомъ. Мы должны быть столько же разборчивы насчетъ вдыхаемаго нами воздуха, сколько и при выборѣ пищи и питья. Все нездоровое и противное, попадающее въ желудокъ, обыкновенно возвращается назадъ; но все вредное, проникающее въ легкія, немедленно переходитъ въ кровь и въ самомъ корнѣ подтачиваетъ здоровье. Далѣе: пища и питье прививаются намъ не постоянно, а въ извѣстные сроки, и въ крайнемъ случаѣ мы даже можемъ довольно долго безъ нихъ обходиться; въ воздухѣ же мы нуждаемся съ первой до послѣдней минуты и готовы, чтобы не задохнуться, принимать въ легкіе даже вредную дыхательную пищу.

Въ этомъ отношеніи человѣкъ можетъ многому поучиться у животнаго. Посмотрите на собаку, когда она утромъ лежитъ въ нѣшѣ открытаго окна и дышетъ свѣжимъ воздухомъ. Грудь ея мѣрно колыхается, ноздри раздуваются; она видимо наслаждается. Съ другой стороны—самое вѣрное средство удалить собаку отъ какого-нибудь мѣста, это насыпать тамъ дурно пахнущаго вещества.

Вѣемъ давно признана важная роль обонянія въ расположеніи духа человѣка. Ничто не возбуждаетъ такъ сильно памяти, какъ разные запахи. Отсюда, вѣроятно, религіозный обычай у всѣхъ древнихъ и новыхъ народовъ сопровождать свои жертвоприношенія сожиганіемъ благовонныхъ веществъ. Запахъ, или распространяемый, очевидно имѣетъ цѣлью вызывать воспоминаніе о давно-прошедшихъ благодѣяніяхъ. Куреніе эмѣямомъ было въ большомъ ходу и у грековъ, и у римлянъ, и у древнихъ египтянъ, и у евреевъ.

Вотъ что говоритъ одинъ англійскій писатель о вліяніи обонянія на расположеніе духа. „Благоуханіе—это талисманы, которые вызываютъ обратно счастливыя представленія прошлаго, порождаютъ приятное сочетаніе идей и оживляютъ надежды. Они—ключъ отъ золотыхъ воротъ, ведущихъ въ царство мечтаній, успокоительныхъ мыслей и представленій“.

Великій легко можетъ убѣдиться, что безъ запаха нѣтъ и вкуса: для этого стоить только зажечь носъ. Съ помощью этого простаго средства легко проглатывается самое отвратительное лекарство. У кого тонкій вкусъ, у того непремѣнно и тонкое обоняніе. Послѣднимъ обладаютъ всѣ умные люди, на подобіе греческихъ боговъ, которые въ благоуханіи находили высшее наслажденіе. Въ индійской поэмѣ „Магабхата“. Магавида, на поискахъ Амру, идетъ по вѣтру, который

до нея доносить его дыхание. Кардиналь Альберони обладал столь тонким обонянием, что, потеряв под старость зрение, мог по запаху отличать старую женщину от молодой. Не менее тонким обонянием отличался и Руссо, который „мог бы написать боганику запахов, если бы в языкъ было столько же выражений, сколько въ природѣ запаховъ“. Кантъ не терпѣлъ въ своей аудиторіи бѣдныхъ студентовъ: ему было невыносимо дыхание людей, которые дурно питаются. Тѣхъ, кто ѣлъ много черного хлѣба, онъ называлъ „простыми людьми“. У Наполеона было до того тонкое обоняние, что онъ все время перѣѣздал на островъ Св. Елены, хворалъ отъ запаха каната и смолы на кораблѣ. Позже, въ изгнаніи, онъ, изъ отвращенія къ запаху свѣжей масляной краски, отказывался переночевать въ новой, хорошо-устроенной домъ, предпочитая оставаться въ старомъ, лишенномъ удобствъ помѣщеніи. Король Испанскій, Филиппъ II, холодный, деспотическій характеръ котораго достаточно извѣстенъ въ исторіи, былъ крайне нечувствителенъ ко всякимъ запахамъ.

Но вообще человѣкъ отъ природы одаренъ тонкимъ обоняниемъ. Объ этомъ, между прочимъ, свидѣтельствуютъ удивительные рассказы путешественниковъ о дикихъ туземцахъ, которые по запаху отличаютъ настоящий металлъ отъ поддѣланнаго. Извѣстное съдавочное растение гортевиза, обычно своимъ именемъ французскій Гортевиза, которая, переодѣтая мужчиной, совершила морское путешествие: никто изъ спутниковъ ея не заподозрилъ въ ней женщину; но лишь только она вышла на берегъ одного изъ острововъ Тихаго океана, туземные жители немедленно, по запаху, опредѣлили ея полъ. Индѣецъ, съ помощью обонянія, выслеживаетъ врага.

Для человѣка съ тонкимъ обоняниемъ каждое жилое помѣщеніе имѣетъ свой спеціальнй запахъ, обусловливаемый множествомъ разныхъ, и рѣзко бросающихся въ глаза, и почти незамѣтныхъ обстоятельствъ. Тутъ большую роль играютъ богатство и бѣдность. Часто приходится слышать замѣчаніе: „здѣсь пахнетъ нищетой“. Подъ этимъ подразумѣваются вредныя испаренія, запахъ дыма, гнили, плѣсени и т. д. Но и жилища богатыхъ, или такъ-называемыхъ „порядочныхъ людей“, въ свою очередь, тоже все имѣютъ свои собственные запахи, которые зависятъ отъ нравовъ, образа жизни, степени чистоты, присутствія или отсутствія дѣтей и еще отъ многого множества разныхъ обстоятельствъ.

Старые дома, особенно нижніе и подвальные этажи въ нихъ, часто отдають вѣкомъ, другимъ назадъ. Старинные замки тоже обладаютъ своимъ спеціальнымъ запахомъ. Ихъ старомодно меблированные залы и будары и понынѣ еще пропитаны запахомъ рококо. Проходя мимо церкви въ чужомъ городѣ, даже стѣнецъ можетъ по запаху опредѣлить, какому вѣроисповѣданію она отведена: католическому или евангелическому. Своимъ особеннымъ, имъ однимъ свойственнымъ запахомъ отличаются большія библиотеки, старые гербаріи, книжные магазины, только что отгнетутые номера газетъ и журналовъ: запахъ этотъ приятно щекочетъ носъ всѣхъ любителей книжнаго дѣла.

Если-бы кто-нибудь изъ умершихъ сто лѣтъ тому назадъ—теперь вернулся къ жизни, онъ навѣрное нашелъ бы, что наша современная атмосфера—за исключеніемъ развѣ только лѣсныхъ и гористыхъ мѣстностей—совсѣмъ иная, чѣмъ была въ его время. Пережвну эту надо въ значительной мѣрѣ приписать каменному углю, который въ наши дни находить себѣ столь обширное примѣненіе и въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ, и въ домашнемъ обиходѣ. Пильныя мельницы, плавильни, кузнцы—все это имѣетъ свою собственную, спеціальную атмосферу, которая часто наводитъ на пріятныя мысли, вызываетъ воспоминанія о роднѣ, о той или другой мѣстности. Съ какимъ удовольствіемъ вы, во время путешествія, выходите изъ экипажа и заглядываете въ лежащую у васъ на пути мельницу, гдѣ запасаетесь запахомъ свѣжей муки. Полною грудью, съ наслажденіемъ вдыхаете вы смолистый запахъ дерева, доносящійся до васъ съ пильнаго завода, или запахъ сажки съ сосѣдней кузницы или плавильной печи. Все это вызываетъ въ васъ какое-нибудь представленіе, оживляетъ какое-нибудь воспоминаніе.

Путешествія и прогулки, или, говоря иначе, близкое общеніе съ природой, представляютъ особенно обширное поле для наблюденій надъ массой разнородныхъ запаховъ. Вы входите въ глубокую долину, между высокими горами, поросшими хвоей: васъ вдругъ обдаетъ свѣжестью и чувствомъ неразрывной связи съ первобытною природой. Такое же ощущеніе испытываете вы на берегу океана, когда полной грудью дышите морскимъ воздухомъ. А въ лѣсу, какую обильную пищу находите для себя обоняніе! Въ сырыхъ и тѣнистыхъ уголкахъ васъ встрѣчаетъ сочное благоуханіе широколиственныхъ травъ; въ другихъ мѣстахъ—болѣе скромный ароматъ мховъ; дальше едва уловимый запахъ грибовъ или бальзамическое дыханіе цѣлага общества цвѣтовъ и можжевеловыхъ ягодъ.

Извѣстно, что пегриганская ваза, даже по смѣшеніи съ европейскою, сохраняетъ свой спеціфическій запахъ. Здѣсь, должно быть, играетъ роль пигментъ (красящее вещество кожи), какъ и у рыжеволосыхъ, которые, по свидѣтельству людей съ очень тонкимъ обоняніемъ, издаютъ запахъ, слегка похожій на чесноч-

ный. Потребитель вина слышитъ за нѣсколько шаговъ по креслому запаху, а потребитель водки—по запаху перегара. Ремесленникъ, даже въ праздничномъ платьѣ, носитъ съ собой запахъ своего ремесла. Отъ кожевника несетъ дубломъ, отъ сапожника—кожей, отъ аптекаря—лекарственнымъ свадобьемъ. Многие по запаху узнаютъ больныхъ лихорадкою, а доктора нерѣдко, еще до изслѣдованія пациента, уже по запаху опредѣляютъ его болѣзнь. Извѣстно также, что разные запахи не одинаково воспринимаются разными цивилизованными націями. Особенно разборчивы въ этомъ отношеніи итальянцы: они, напримеръ, терпѣть не могутъ духовъ, которые въ такомъ почетѣ у ихъ сосѣдей.

Недавно, два америкацкіе физиолога, Инкольсъ и Балея, пришли къ неожиданнымъ открытіямъ въ области обонянія. Эти двое ученыхъ производили слѣдующіе опыты. Они наполнили склянки растворами пахучихъ веществъ (гвоздичнымъ масломъ, экстрактомъ чеснока, растворомъ синильной кислоты и т. д.) различной крѣпости, и предлагали нюхать разнымъ лицамъ. При этомъ обнаружилась удивительная разница въ степени обонянія у разныхъ индивидуумовъ. Трое, напримеръ, слышали запахъ синильной кислоты въ растворѣ 1 грамма ея въ 2000 килограммахъ воды. Другіе за-то не слышали его въ растворѣ, во сто разъ крѣпчайшемъ. Но самый интересный результатъ ихъ опытовъ заключается въ опредѣленіи разныхъ степеней обонянія у мужчинъ и женщинъ. Опыту были подвергнуты 44 мужчины и 39 женщинъ. Оказывается, что у мужчинъ обоняніе гораздо тоньше, чѣмъ у женщинъ. Ни одна изъ подвергнутыхъ опыту женщинъ не ощущала присутствія синильной кислоты уже въ растворѣ одной части въ 20,000 частей воды во вѣсу. Большинство же мужчинъ еще признавало ее въ растворѣ 1:100,000. Запахъ лимона мужчины узнавали въ растворѣ 1:250,000, женщины лишь въ растворѣ вдвое крѣпчайшемъ. Такіе же почти результаты дали опыты съ чеснокомъ и другимъ тому подобными веществами. Это вполне противорѣчитъ ходячему мнѣнію, будто женщины вообще чувствительнѣе къ запахамъ, чѣмъ мужчины. Мнѣніе это, должно быть, основано на томъ, что женщины любятъ духи больше, чѣмъ мужчины. На самомъ же дѣлѣ пристрастіе ихъ къ духамъ объясняется именно тѣмъ, что нервы у нихъ, меньше чѣмъ у мужчинъ, чувствительны къ запахамъ, и онѣ потому лучше переносятъ духи.

Но вообще кругъ дѣятельности обонянія у человѣка несравненно ограниченнѣе, чѣмъ у животныхъ. Возьмемъ для примѣра собаку. Ея обоняніе доступно запахъ тамъ, гдѣ мы его и не подозреваемъ. Не даромъ радуется она сборамъ своего хозяина на прогулку: сколько впечатлѣній и разнородныхъ ощущеній ожидаетъ ее на открытомъ воздухѣ! Ни одинъ ботаникъ не предается такъ страстно, какъ она, изслѣдованію почвы подъ ногами. Иногда какой-нибудь запахъ надолго удерживаетъ ее на одномъ мѣстѣ. Къ ней присоединяются и другія, встрѣчающія собаки, и все онѣ туда же устремляютъ носъ и обнюхиваютъ землю съ глубокомыслиемъ ученаго, рѣшающаго трудную задачу. Тамъ, гдѣ собакѣ измѣняется зрѣніе, его виолѣ замѣшаетъ ей обоняніе. Собака слышитъ запахъ не только пріемищій ея хозяину, но и вѣсмъ домочадцамъ его: одежда ихъ пропитана для нея своимъ спеціфическимъ запахомъ. Мало того, она по запаху же узнаетъ лицъ связанныхъ кровнымъ родствомъ съ ея хозяиномъ.

Особенно важнымъ подспорьемъ служитъ обоняніе для тѣхъ животныхъ, которыя живутъ на свободѣ и сами добываютъ себѣ пищу—и преимущественно для тѣхъ, которымъ природа, для своихъ цѣлей, предназначила питаться падалью. У насѣкомыхъ тоже въ высшей степени развито обоняніе. Съ какой быстротой лѣтомъ слетаются осы къ открытому окну или на балконъ, когда вы начинаете тамъ ѣсть плоды или что-нибудь сладкое. Какъ тщательно избѣгаютъ пчелы приближаться къ чесноку и, напротивъ, какъ назойливо увиваются вокругъ раздушеннаго франта, когда встрѣтятъ его на пути. Все это развѣ не доказываетъ точности обонянія у пчелы? А ваши комнатныя мухи, во множествѣ слетающіяся на скатерть, послѣ нашего обѣда, чтобы покориться тамъ крошками? Онѣ при томъ очевидно руководятся не глазами, которые у нихъ очень велики, а обоняніемъ: какъ безошибочно тычутъ онѣ хоботкомъ именно туда, гдѣ есть чѣмъ покориться. Ихъ кровожадные родственники, большіе охотники до падали—оводы, тоже, какъ извѣстно, издалека прилетаютъ на запахъ ея.

Мы могли бы привести еще много примѣровъ тонкаго чутья у насѣкомыхъ, но полагаемъ и этого достаточно, чтобы убѣдить нашихъ читателей. Не мало предстоптъ также еще и новыхъ открытій въ этомъ родѣ.

Все вышесказанное только еще болѣе доказываетъ несправедливость презрѣнія, часто оказываемаго чувствами вкуса и обонянія. Не даромъ же утонченные французы соединяютъ въ одномъ словѣ *sentir* дѣйствія и обонянія, и вкуса, и чувствительности. Да и все современные цивилизованныя націи, желая доказать красоту или пріятность какого-либо предмета, на всѣхъ языкахъ повторяютъ одно и то же слово: *gusto, goût, Geschmack, вкусъ* и, такимъ образомъ, какъ бы сопоставляютъ духовное впечатлѣніе отъ красоты съ матеріальными ощущеніями языка и нѣба. (N.)

Къ рисункамъ.

„Запорожскій сторожевой пунктъ“ и „У корчмы“.

Картины Васильковскаго. (Рис. на стр. 465 и 468).

Даровитый пейзажистъ Сергій Ивановичъ Васильковскій въ своихъ произведеніяхъ воспроизводитъ чаще всего жизнь запорожцевъ, какъ напримѣръ въ прилагаемой картинѣ „Запорожскій сторожевой пунктъ“, или виды своей родины: Харьковской губерніи и сосѣднихъ съ нею мѣстностей. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ его вторая изъ печатаемыхъ въ выпускѣ нумерѣ картинѣ „У корчмы въ Харьковской губерніи“. Последняя не требуетъ поясненій; что касается первой, то мы уже не разъ описывали казачьи сторожевые цикеты, замѣствованные теперешними казаками у запорожцевъ. Принципъ одинъ и тотъ же: тревогу поднимаетъ пухъ соломы или пакли, зажженный на вышкѣ и видный въ стѣни на далекомъ разстояніи. Картина г. Васильковскаго изображаетъ запорожцевъ, расположенныхъ со своими конями на такомъ сторожевомъ пунктѣ.

Воспитанникъ нашей Академіи Художествъ, г. Васильковскій сразу обратилъ на себя вниманіе своею талантливостью и послѣ 9-лѣтняго пребыванія въ Академіи, въ 1885 году, за программу по пейзажной живописи былъ удостоенъ первой золотой медали и назначенъ пенсионеромъ академіи за границу на четыре года. Тамъ онъ работалъ преимущественно въ Парижѣ, откуда было прислано на наши выставки не мало интересныхъ работъ, главнымъ образомъ видовъ различныхъ мѣстностей Франціи и Испаніи, изъ которыхъ картина „Окрестности Желоса“ была приобретена Государственной Императрицей. Гравюру съ этой прелестной картины читатели *Нивы* найдутъ въ № 24 за прошлый годъ.

„Передъ обѣдомъ“. Картина Н. Загорскаго.

(Рис. на стр. 469).

Какъ жизненно и правдиво передана эта не лишенная юмора сценка передъ обѣдомъ! Послѣ долгаго ожиданія, небольшое общество сразу оживилось, какъ только хлѣбосольная хозяйка пригласила честную компанію закутить. Скуки какъ не бывало. Лица у всѣхъ веселы и, предвкушая обильное угощеніе, непрерывно переходятъ отъ рюмки къ рюмочку-другую для возбужденія аппетита.

Авторъ этой мастерской картинки изъ нашей повседневной жизни—известный жанристъ Николай Петровичъ Загорскій, картины и рисунки котораго появляются на судъ публики уже болѣе 15 лѣтъ.

„Неаполитанка“. Картина Зихеля. (Рис. на стр. 473).

Красота итальянокъ легендарно славится. Особенною прелестью и миловидностью отличаются блондинки венецианки и смугляки женщины Неаполя. Граціозныя, съ темными глазами обитательницы города каналовъ нашли въ извѣстномъ живописцѣ Евгеніи фонъ-Влаасѣ талантливаго изобразителя ихъ красоты. Другой, не менѣе славный художникъ Н. Зихель хорошо знакомый по цѣлому ряду красавицъ, имъ воспроизведенныхъ въ своихъ картинахъ, на этотъ разъ изобразилъ миловидную молодую неаполитанку съ прелестными задумчивыми глазами.

„Подвѣнечный нарядъ“. Картина Гизелы.

(Рис. на стр. 476 и 477).

Весьма живая сценка, часто наблюдаемая въ небогатыхъ

семейныхъ домахъ. Старшую дочь одѣваютъ къ вѣнцу; младшія съ любопытствомъ оглядываютъ невиданный костюмъ, надъ которымъ хлопочутъ горничныя; гувернантка подаетъ свои совѣты; пожилая прислуга тѣнится у дверей, перешептываясь о судьбѣ любимой „барышни“.

Сама невѣста какъ бы обвѣяна грезами юнаго, ничѣмъ еще не тронутаго счастья; въ сладкой задумчивости, медленно-лѣнливымъ движеніемъ оправляетъ она подвѣнечный нарядъ, желая предстать избраннику сердца въ всемъ обаяніи красоты и граціи.

Его Императорское Высочество Князь Николай Максимиліановичъ Романовскій, Герцогъ Лейхтенбергскій. Съ фотогр. Бергамаско, грав. Шюблеръ.

Его Императорское Высочество Князь Николай Максимиліановичъ Романовскій, Герцогъ Лейхтенбергскій.

(Портр. на этой стр.).

Его Императорское Высочество Князь Николай Максимиліановичъ Романовскій, Герцогъ Лейхтенбергскій, сынъ герцога Максимиліана (Евгенія-Иосифа - Наполеона) Лейхтенбергскаго, находившагося въ бракѣ съ Великой Княгиней Маріей Николаевной, Августійшею сестрой въ Божіи почившаго Императора Александра Николаевича, родился 23 іюля 1843 г. въ Сергеевкѣ, въ загородномъ дворцѣ Великой Княгини Маріи Николаевны.

Благодаря заботамъ Августійшею своей матери, Герцогъ получилъ весьма солидное домашнее воспитаніе, такъ что онъ, по достиженіи зрѣлаго возраста, вскорѣ завоевалъ себѣ мѣсто въ ряду людей науки, признаваемыхъ уже не диллетантами, но настоящими учеными.

Въ офицеры произведенъ 20 октября 1862 г.,

1 октября 1856 г. зачисленъ лейбъ-гвардіи въ 4-й стрѣльцовый Императорской Фамиліи баталіонъ, 30 августа 1865 г. получилъ чинъ генераль-майора съ назначеніемъ въ свиту Его Императорскаго Величества, а 1 января 1878 г. произведенъ въ генераль-лейтенанты съ оставленіемъ въ свитѣ Его Величества. Назначенный во время войны 1877 г. въ составъ дѣйствующей арміи, Князь Николай Максимиліановичъ участвовалъ въ геройскомъ переходѣ нашихъ войскъ черезъ Балканы въ качествѣ начальника кавалеріи передоваго отряда. За взятіе Казанлыка онъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени, а за славный бой подъ Эски-Загрою — золотомъ саблею за храбрость. Его Высочество состоитъ по гвардейской пѣхотѣ; онъ шефъ 27-го драгунскаго Кіевскаго имени своего полка.

7 (19) мая 1865 года онъ принялъ на себя званіе президента Императорскаго С.-Петербургскаго Минералогическаго Общества, въ которомъ состоитъ и по сіе время. Въ теченіе 25-ти лѣтъ Его Императорское Высочество постоянно заботился о благосостояніи и процвѣтаніи Общества, и самъ принималъ дѣятельное участіе въ его ученыхъ трудахъ. Признательное Общество, желая увѣковѣчить память о томъ времени, въ теченіе котораго имѣло счастье состоять подъ его предѣлательствомъ, ходатайствовало объ учрежденіи золотой медали имени Его Высочества (Николае-Максимиліановской), для награжденія оною ежегодно, въ видѣ почетной преміи, авторовъ лучшихъ сочиненій по минералогіи, геологіи и палеонтологіи, на что и послѣдовало милостивое Его Величества Государя Императора созволненіе.

Лѣтомъ 1865 года, Герцогъ, желая ознакомиться съ каменноугольными мѣсторожденіями центральной Европейской Россіи, совершилъ путешествіе, въ сообществѣ академикомъ Зи-

нина и *Кокшарова*, въ Тульскую губернію, въ имѣніе графа *Бобринскаго* (Богородицкаго уѣзда), гдѣ съ большимъ вниманіемъ осматрѣлъ все геогностическія разрывы и каменноугольный рудникъ графа. Въ 1866 г. по Высочайшему повелѣнію, Герцогъ объѣхалъ весь Уралъ въ сопровожденіи воспитателя своего, генерала *К. Г. Ребиндера*, и академикомъ *Зинина* и *Кокшарова* и, по возвращеніи въ Петербургъ, представилъ подробный отчетъ Его Величеству Государю Императору. Имъ осматрѣно было съ особеннымъ вниманіемъ все касающееся горнаго дѣла, минералогіи и геогнозіи. Во время этого путешествія онъ собралъ обширную и превосходную коллекцію уральскихъ минераловъ, которая послужила въ послѣдствіи драгоцѣннымъ матеріаломъ для минералогическихъ работъ. На Уралѣ Герцогъ оставилъ по себѣ добрую память, по своему любезному характеру, любознательности и обходительности.

Изъ наиболѣе выдающихся сочиненій герцога можно назвать слѣдующія:

1) Тоназь необыкновенной величины. (*Сборникъ* Имп. СПб. Мин. общ. по случаю 50-ти-лѣтняго юбилея, 1867, стр. 657).

2) Забѣчательныя самородки золота. (*Сборникъ* Имп. СПб. Мин. общ. и т. д., стр. 662).

3) Результаты анализова лейхтенбергита. (*Записки* Имп. СПб. Мин. общ., часть I, стр. 347).

4) О кохубентѣ, кеммереритѣ и пеннинѣ. (*Записки* Имп. СПб. Мин. общ., часть III, стр. 289).

5) Изслѣдованіе химическаго состава и оптическихъ свойствъ кохубента. (*Записки* Имп. СПб. Минер. общ., ч. IV, стр. 333).

6) О результатѣ разложенія магнитнаго колчедана изъ Валлиса. (*Записки* Имп. СПб. Мин. общ., часть IV, стр. 338).

7) О двухъ новыхъ формахъ, открытых въ кристаллахъ русскаго брукита. (*Записки* Имп. СПб. Минер. общ., часть VII, стр. 82).

8) Кристаллографическія изслѣдованія брукита изъ Атласской розенни на Уралѣ. (*Записки* Имп. СПб. Минер. общ., часть VII, стр. 368).

По случаю юбилея, Минер. Общество поднесло Его Высочеству адресъ, въ которомъ печлелись многочисленныя труды и пожертвованія Герцога на пользу Общества, какъ напр. принесенную въ даръ Обществу коллекцію образцовъ каменнаго угля, собранныхъ во время путешествія въ Тульскую губ., издательствованіе передъ самымъ пятидесятилѣтнимъ юбилеемъ Общества, ежегоднаго, въ теченіе пяти лѣтъ, отпуска трехъ тысячъ рублей изъ суммъ Государственнаго Казначейства на производство геогностическихъ изслѣдовацій нашего дорогаго отечества, и др. многоцѣнные дары. Адресъ заключается слѣдующими строками:

„Двадцатипятилѣтняя дѣятельность Вашего Императорскаго Высочества въ званіи Президента Общества сохранится навсегда для потомства въ исторіи нашего Общества и, емѣемъ думать, составитъ одну изъ лучшихъ свѣтлыхъ ея страницъ. Намъ, современникамъ Вашимъ, только остается въ настоящій день выполнить нашу нравственную обязанность, принести Вашему Императорскому Высочеству глубочайшую, безпредѣльную благодарность за Ваше теплое участіе въ судьбѣ Общества, за Ваше постоянно благосклонное расположеніе къ его дѣятельности и полную готовность содѣйствовать его преуспѣванію. Намъ остается затѣмъ пожелать, чтобы та существенная связь, во имя науки и отечественнаго просвѣщенія, которая установилась между Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ и Минералогическимъ Обществомъ еще до принятія Вами званія Президента,—сохранилась еще на долгие и долгие годы. Мы увѣрены, что въ этой связи кроется залогъ дальнѣйшаго преуспѣванія всеѣмъ намъ дорогаго отечества и поэтому еще разъ почтительнѣйше просимъ сохранить къ Обществу Ваше всегдашнее благосклонное расположеніе. Да послужитъ оно побужденіемъ для каждаго изъ насъ и вмѣстѣ съ тѣмъ поощреніемъ къ дальнѣйшимъ посильнымъ трудамъ на пользу науки и точнѣйшаго ознакомленія съ минеральными богатствами нашего обширнаго отечества“.

Состязаніе лошадей въ скачкѣ черезъ препятствія (concours hippique). (Рис. на стр. 484).

По примѣру Парижа, гдѣ въ громадномъ помѣщеніи Дворца Промышленности устраивается ежегодно большія и блестящія concours hippiques, въ Петербургѣ второй годъ устраиваются въ Михайловскомъ манежѣ состязанія лошадей въ скачкѣ черезъ препятствія. Большой успѣхъ прошлагоднихъ скачекъ вызвалъ въ текущемъ году устройство ихъ даже дважды, въ концѣ зимы и весной. Устраивались они Обществомъ Поощренія Полевыхъ Достоинствъ Охотничьихъ Собакъ и Лошадей, и надо отдать справедливость главнымъ организаторамъ скачекъ, испытанія прошли съ выдающимся успѣхомъ и громаднымъ интересомъ, въ присутствіи Высочайшихъ Особъ и самой изысканной публики столицы. Постѣднія скачки происходили въ теченіе 3 дней, 15, 18 и 21 апрѣля, и состояли изъ нѣсколькихъ разрядовъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ приходилось преодолѣть до 14 различныхъ препятствій въ родѣ живыхъ изгородей, деревянныхъ барьеровъ, каменныхъ стѣ-

нокъ и т. п. Нашъ рисунокъ изображаетъ одно изъ такихъ состязаній въ манежѣ, переполненномъ зрителями.

Труппа лилипутовъ. (Портр. на стр. 485).

Эти десять самыхъ крошечныхъ артистовъ въ свѣтѣ стали въ такой мѣрѣ любимцами русской публики обѣихъ столицъ, что мы считаемъ не лишнимъ познакомить ее съ нѣкоторыми биографическими свѣдѣніями о миниатюрныхъ представителяхъ сценическаго искусства. Утѣшительно видѣть, что и въ такомъ крохотномъ тѣлѣ живетъ бодрый человѣческій духъ, отнюдь не чувствуя себя несчастнымъ влѣдствіе несовершенства своей тѣлесной формы. Въ самомъ дѣлѣ, кто разъ видѣлъ лилипутовъ въ ихъ частной жизни, тотъ не могъ не поддаться очарованію этихъ веселыхъ маленькихъ людей, которые совершенно счастливы по своему и очень любятъ свое призваніе, хотя хорошо знаютъ, что большинство публики стекается не любоваться ихъ искусствомъ, а просто поглазѣть на ихъ ростъ. Ростъ этотъ, какъ извѣстно, поразительно малъ—отъ 1½ аршина (Францъ Эбертъ) до аршина и 10 вершковъ (г-жа Минхенъ Беккеръ).

Вотъ свѣдѣнія о полномъ составѣ труппы:

Г-жа *Зельма Гёрнеръ*, субретка труппы, родилась въ маленькомъ мѣстечкѣ на русско-сибирской границѣ, въ бѣдной семьѣ (отецъ былъ нѣмецъ, мать—полька), рано осиротѣла и вмѣстѣ съ единственною (старшею) сестрой добывала скудный заработокъ плетеніемъ кружевъ, пока не примкнула къ труппѣ лилипутовъ, въ которой нынѣ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ, не смотря на свой крошечный ростъ. Эта игра природы тѣмъ замѣчательнѣе, что старшая ея сестра, живущая теперь въ Берлинѣ, отличается ненормально большимъ ростомъ и выше многихъ мужчинъ.

Г-жа *Ида Мааръ*, выдающаяся въ средѣ лилипутовъ преимущественно какъ ибница и владѣющая хорошо обработаннымъ сопрано, также отчасти польскаго происхожденія; она родилась въ Бромбергѣ (великое герцогство Познань), гдѣ отецъ ея былъ бѣднымъ портнымъ. Въ дѣтствѣ прибывъ въ Берлинъ, она получила хорошее школьное образованіе и въ послѣдствіи развила свое литературное дарованіе; нынѣ много ея стихотвореній и др. произведеній напечатано въ различныхъ нѣмецкихъ листкахъ.

Г-жа *Минхенъ Беккеръ*, веселая ingénue труппы, родилась на Рейнѣ, въ городѣ Обергауфенъ. Отецъ ея былъ архитекторомъ, и она получила хорошее воспитаніе, а любовь къ искусству привела ее на сцену.

Г-жа *Берта Егеръ* родилась въ рыбацкѣй семьѣ на Балтійскомъ побережьи, близъ Кенигсберга. Забѣчательныя прилежаніе и энергія, съ которыми она пополнила необходимыя школьныя свѣдѣнія и усвоила себѣ извѣстный языкъ.

Въ противоположность ей, г-жа *Тони Мейстеръ* принадлежитъ къ весьма зажиточной баварской семьѣ. Дядя ея—извѣстный депутатъ Мюнхенскаго сейма. Она съ дѣтства была прекрасно воспитана, владѣетъ довольно значительнымъ личнымъ имуществомъ, и хотя вполнѣ независима отъ семьи, но лишь цѣной упорной борьбы добилась возможности послѣдовать своему призванію и примкнуть къ лилипутамъ.

Обзоръ мужскаго персонала мы начнемъ съ *Франца Эберта*, самаго крошечнаго лилипута, котораго одно появленіе на сценѣ вызываетъ взрывы неудержимаго смѣха. Онъ родился въ Фюрстенвалдѣ, близъ Берлина. Отецъ его—сельскій хозяинъ, старшій братъ служитъ сержантомъ прусской гвардіи; кромѣ того, есть еще младшіе. Семья его бѣдна, и такъ какъ старшему брату служба не дозволяетъ о ней заботиться, маленький Францъ Эбертъ, какъ добрый сынъ и братъ, принялъ въ ней участіе, купилъ ей на родинѣ домъ и сверхъ того оказываетъ щедрую поддержку. Братьямъ своимъ (все они нормальнаго роста) онъ даетъ воспитаніе и всячески о нихъ заботится.

Старшій въ труппѣ, *Юганнъ Вольфъ*, также домовладѣлецъ. Онъ родомъ моравъ, и единственный изъ лилипутовъ, до поступления въ труппу, добывалъ себѣ хлѣбъ „искусствомъ“, странствуя и распѣвая вмѣстѣ съ братомъ, *Игнатіемъ*, до тѣхъ поръ, пока возникновеніе „общества лилипутовъ“ позволило ему пристроиться посолдидѣе.

Максъ Вальтеръ родомъ изъ Гамбурга, гдѣ онъ былъ подмастерьемъ у портнаго, до того времени, какъ поступилъ въ труппу.

Германъ Рингъ обладаетъ замѣчательнымъ музыкальнымъ дарованіемъ, онъ какъ бы прирожденный кашельмейстеръ и владѣетъ множествомъ самыхъ разнообразныхъ инструментовъ отъ флейты до органа. Онъ, подобно г-жѣ Егеръ, дитя Сьвера и дѣтскія игры его прошли на берегу Балтійскаго моря.

Младшій изъ всехъ лилипутовъ, *Адольфъ Цинниъ*, родился въ Моравіи, въ бѣдной семьѣ поденщиковъ. Воспитаніе и образованіе было дано ему дирекціей труппы.

Какъ извѣстно, труппа исполняетъ большею частью специально для нея написанныя пьесы, какъ напр. *Ученикъ Волшебника*, въ которой лилипуты являются автоматами въ мастерской механика, *Свадьба Карлова* и т. п. Въ роляхъ послѣдней пьесы и сняты прилагаемые портреты.

Политическое обозрѣніе.

„Майскій праздникъ рабочихъ“, какъ уже у насъ сообщалось, прошелъ спокойнѣе, чѣмъ ожидали. Принятія мѣры предосторожности, а въ особенности благоразуміе большинства трудящихся, разочаровали всѣхъ подстрекателей. При этомъ наблюдалось, что чѣмъ сѣвернѣе страны, тѣмъ спокойнѣе былъ майскій праздникъ, работы на фабрикахъ и заводахъ почти повсюду продолжались и сборнича рабочихъ происходила въ порядкѣ; только на Югѣ, гдѣ кровь горячѣе и население менѣе трудолюбиво, замѣчалось болѣе забастовокъ и нѣсколько вспышекъ безпорядковъ.

Въ Стокгольмѣ и въ большей части городовъ Швеціи демонстраціи въ пользу нормальнаго восьмичасоваго дня произошла въ полномъ порядкѣ.

Въ Амстердамѣ день 1 мая новаго стиля прошелъ въ полномъ спокойствіи, хотя и состоялись двѣ сходы.

Въ Лондонѣ было также довольно спокойно.

Берлинъ 19 апрѣля (1 мая) былъ спокоенъ и день прошелъ безъ нарушения порядка. Многочисленная сборнича праздновавшихъ рабочихъ безъ труда разогнались одиночными полицейскими, въ предмѣстьяхъ тоже никакихъ безпорядковъ не было. На многихъ большихъ фабрикахъ, напримѣръ на фабрикѣ швейныхъ машинъ Фристера и Россмана рабочіе трудились въ полномъ сборѣ. Въ другихъ большихъ городахъ Германіи также работали 1 мая. Только въ Данцигѣ рабочіе на укрѣпленіяхъ, усугубя подстрекательствамъ какихъ-то молодыхъ людей, покинули работы. Коноводы были тотчасъ арестованы.

Изъ Швейцаріи сообщаютъ, что тамъ почти вездѣ работали и порядокъ нигдѣ не былъ нарушенъ.

Въ Вѣнѣ рабочіе соблюдали отличный порядокъ и причинъ къ вмѣшательству полиціи и войскъ не было.

Парижъ 19 апрѣля (1 мая) представлялъ обычную картину праздничныхъ дней. Магазины пусты, много лавокъ занерго. Делегация, состоящая изъ депутатовъ Бодена, Тивриэ и Ферруля, муниципальных совѣтниковъ Гэда и Вальяна и шести депутатовъ отъ рабочихъ, явилась въ 2 ч. пополудни въ палату депутатовъ. Флокъ принялъ лишь трехъ депутатовъ. Приемъ продолжался четверть часа. Въ 4 часа произошелъ инцидентъ. Многочисленная группа манифестантовъ, собравшихся на площади Согласія, двинулась къ улицѣ du Cirque, наѣвреваясь, повидимому, идти къ Елисейскому дворцу. Полиція загородила дорогу, но манифестанты оказали сопротивление. Пришлось обнажить сабли. Прискакавшій изъ министерства внутреннихъ дѣлъ эскадронъ муниципальной стражи атаковалъ манифестантовъ, причемъ многие изъ нихъ были ранены. Произведено много арестовъ. Въ числѣ арестованныхъ послѣ полудня мало французовъ, большая часть арестованныхъ — бельгийцы, швейцарцы, итальянцы и нѣмцы. Въ 10 ч. вечера произошелъ еще инцидентъ. На площади Республики полиція стала осаживать любопытныхъ. При этомъ произошла свалка и произведено нѣсколько арестовъ. Кто-то выстрѣлилъ изъ револьвера въ полицію, но никто не былъ раненъ. Телеграммы изъ промышленныхъ центровъ Франціи сообщили, что забастовки имѣли довольно общій характеръ, но что безпорядковъ нигдѣ не было. Только изъ Труа и Марсели получены извѣстія о бывшихъ тамъ нѣсколькихъ случаяхъ уличныхъ безпорядковъ; вообще же серьезныхъ происшествій не было.

Никакихъ серьезныхъ случаевъ не было также въ Бельгіи, Испаніи и Португаліи.

Въ Италіи рабочіе почти вездѣ работали, магазины были открыты. Единственнымъ инцидентомъ является бомба, брошенная въ Анверно у входа одного дома и легко ранившая одного купца. Въ Миланѣ спокойно разогнали 300 стачивковъ, пытавшихся помѣшать другимъ идти на работы. Въ Туринѣ разогнали два раза группу, пытавшуюся убѣдить рабочихъ одной бумагопрядильни присоединиться къ стачивкамъ. Въ Римѣ, въ теченіе дня, арестовано было всего 46 человекъ; изъ нихъ 19 привлечены къ суду, а 27 частью отпущены на свободу, частью высланы на родину. По извѣстіямъ изъ другихъ мѣстъ Италіи, 1 мая прошло спокойно, за исключеніемъ легкихъ случаевъ нарушения порядка въ весьма немногихъ мѣстностяхъ. Многія рабочія ассоціаціи изъ провинцій прислали въ Римъ по телеграфу протестъ противъ проектируемыхъ манифестацій съ выраженіями преданности существующимъ учрежденіямъ и довѣрія къ правительству.

Буланжизмъ доживаетъ послѣдніе дни во Франціи. При перереаблотиговкѣ въ муниципальный совѣтъ въ Парижѣ избраны окончательно 52 республиканца разныхъ отбѣговъ, 6 консерваторовъ и 1 буланжистъ. Предъ такими результатами должны разлетѣться всѣ мечты и надежды поклонниковъ и сторонниковъ генерала Буланже. По газетнымъ сообщеніямъ, послѣдствіемъ парижскихъ городскихъ выборовъ явится распаденіе буланжистскаго центрального комитета. Генералъ Буланже, покинутый своими сторонниками, намѣренъ, какъ слышно, издать манифестъ, въ которомъ заявить, что отказывается отъ политической дѣятельности.

Въ Берлинѣ, 24 апрѣля, состоялось открытіе императоромъ рейхстага при торжественной обстановкѣ въ Вѣлой залѣ Королевскаго замка. Императора окружали прусскіе принцы и чле-

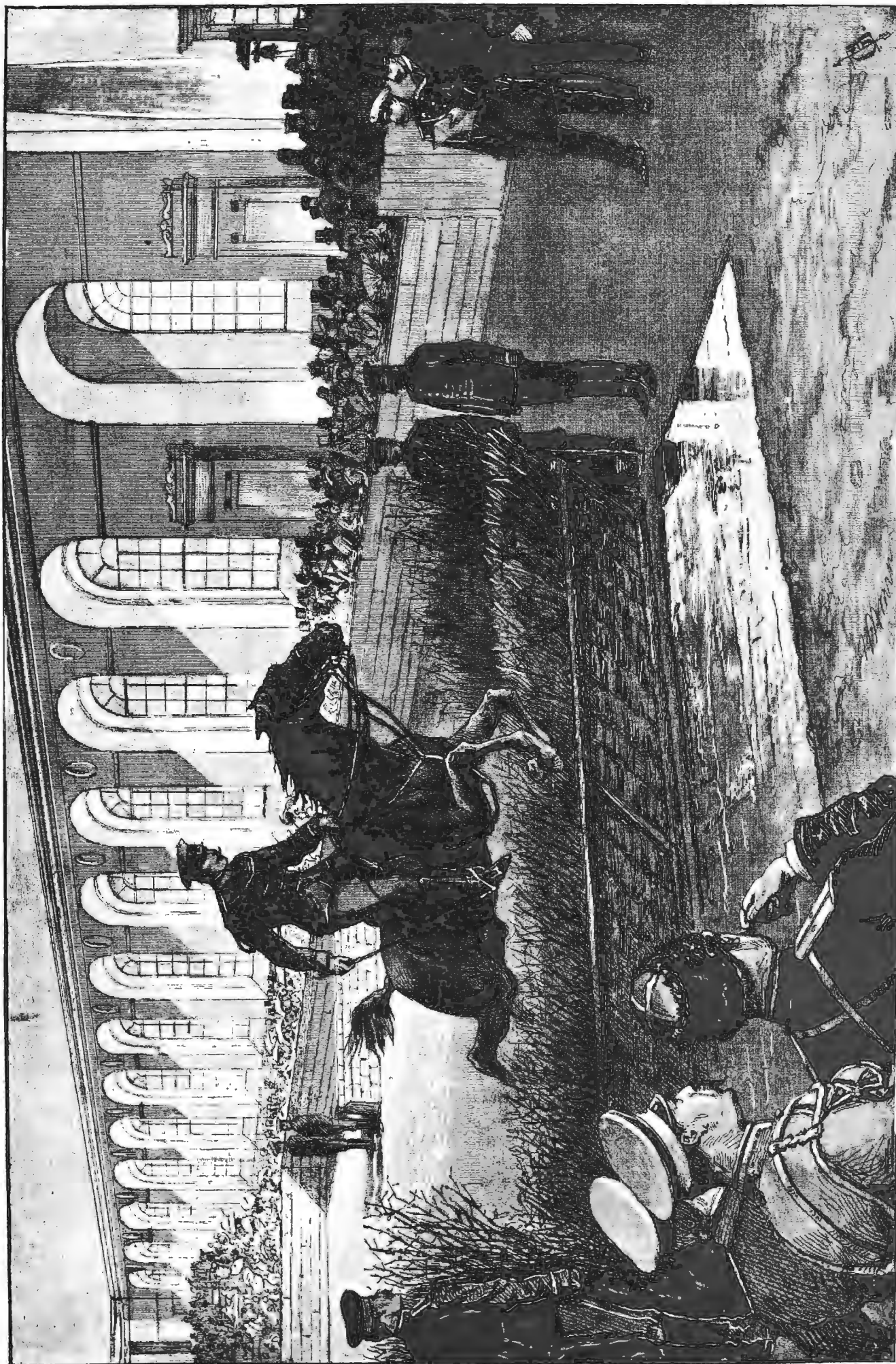
ны царствующихъ въ Германіи домовъ. Императрица и принцессы находились въ ложѣ. Дипломатическая ложа была переполнена. Императоръ открылъ рейхстагъ тронною рѣчью, въ которой сказалъ, что долговременное поддержаніе мира служило постоянной цѣлью его стремленій. Онъ имѣетъ возможность выразить убѣжденіе, что удалось укрѣпить довѣріе всѣхъ иностранныхъ правительствъ къ благонадежности этой политики. Имѣетъ съ императоромъ и его союзниками народъ признаетъ своею задачею охранять миръ, культивируя заключенные для оборонительныхъ цѣлей союзы и поддерживая существующія съ другими державами дружественныя отношенія. Всякое переизмѣненіе условій могущества угрожаетъ равновѣсію и политикѣ мира. Затѣмъ въ тронной рѣчи возвѣщается о внесеніи въ рейхстагъ военнаго законопроекта. Относительно увеличенія численности арміи по штатамъ мирнаго времени тронная рѣчь содержитъ слѣдующее мѣсто: „Съ тѣхъ поръ, какъ были положены основанія нашей военной организаціи, военныя учрежденія нашихъ сосѣдей стали развиваться въ непредвидѣнныхъ размѣрахъ. То, что дѣлалось у насъ, оказывалось недостаточнымъ для уравновѣиванія переизмѣнивагося не въ нашу пользу положенія. Въ виду этого, пришлось усилить численность арміи по штатамъ мирнаго времени и увеличить части войскъ, особенно артиллерію“. Далѣе въ тронной рѣчи о законопроектѣ объ охранѣ рабочихъ говорится: „Я возлагаю особую надежду на дальнѣйшее развитіе законодательства, касающагося охраны рабочихъ. Прошлагодня стачки возбудили вопросъ, принимаетъ-ли въ надлежащее соображеніе законодательство нужды рабочаго люда въ предѣлахъ государственнаго порядка. Дѣло идетъ прежде всего о воскресномъ отдыхѣ и о сокращеніи работы женщинъ и дѣтей. Союзныя правительства убѣждены въ томъ, что внесенныя въ послѣдній рейхстагъ предложенія въ общихъ чертахъ могутъ безъ вреда для другихъ интересовъ получить законную силу. Далѣе удадутся въ улучшеніяхъ законодательныя мѣры къ охранѣ рабочихъ отъ опасностей для жизни, здоровья и нравственности, равно какъ существующіе рабочіе уставы. Сверхъ того, будутъ внесены предложенія относительно увеличенія родительскаго авторитета въ виду увеличивающейся разнузданности малолѣтнихъ рабочихъ, а также предложенія касающіяся лучшаго устройства ремесленныхъ третейскихъ судовъ. Благодаря упорядоченію послѣднихъ, представится возможнымъ примѣнять ихъ при спорахъ между работодателями и рабочими“.

Смѣсь.

Музыкальная критика. Въ 1800 году театр въ Франціи былъ объявленъ національною собственностью, содержимомъ республикой. Входная плата отбѣнена и двери открыты для всякаго безвозмездно. Во время перваго представленія зала была, конечно, набита биткомъ. Опера, которую открылось представленіе, была въ полномъ ходу и публика съ напряженнымъ вниманіемъ слушала пѣніе и музыку. Но вотъ появились хоры и голоса ихъ слились съ голосами солистовъ. Не успѣла однако начаться совмѣстная партія

Ребусъ. Задача № 27.

Состязаніе въ скачкѣ лошадей черезъ препятствія въ Михайловскомъ манежѣ въ СПб.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Бродинга, грав. въ мастерской „Цинн“.

хора съ пѣвцами, какъ какая-то торговка поднялась съ мѣста и пронзительнымъ голосомъ закричала на всю залу: „Это безсовѣстно, это обманъ! Что мы не платимъ денегъ, такъ они хотятъ поскорѣе кончить и поютъ всё разомъ!“ (с.).

Сѣмена американскаго клевера въ послѣднее время стали во множествѣ поступать на европейскіе рынки. Въ нѣкоторыхъ специальныхъ сельско-хозяйственныхъ изданіяхъ, по этому поводу напечатаны предостереженія противъ покупки сѣмянъ клевера,

такъ какъ вмѣстѣ съ ними заносятся и сѣмена сорныхъ американскихъ травъ. Эти травы, пока еще неизвѣстныя у насъ, оказываются очень вредными. Для русскихъ хозяйствъ приобретение американскихъ сѣмянъ, по замѣчанію журнала *Земледѣіе*, тѣмъ болѣе излишне, что вполне добротачественный клеверъ можно доставать у насъ-же въ Россіи, наиримѣръ, изъ сѣмянныхъ хозяйствъ Подольской и нѣкоторыхъ другихъ губерній. (в.)

Берта Егеръ 19 лѣтъ. 1 арш. 7¼ верш.	Юганъ Вольфъ 43 лѣтъ. 1½ арш.	Минхень Беннеръ 22 лѣтъ. 1 арш. 10¼ верш.	Ида Мааръ 22 лѣтъ. 1½ арш.	Зельма Гѣрнеръ 24 лѣтъ. 1½ арш.	Мансъ Вальтеръ 24 лѣтъ. 1 арш. 9 верш.	Тони Мейстеръ 25 лѣтъ. 1 арш. 8½ верш.	Герм. Рингъ 26 лѣтъ. 1 арш. 7½ верш. Францъ Эбертъ 24 лѣтъ. 1¼ арш.	Адольфъ Циннъ 17 лѣтъ. 1 арш. 5½ верш.
---	--	---	-------------------------------------	--	--	--	---	--

Труппа лилипутовъ. Сцена изъ оперетки: „Свадьба Карловъ“. Съ фотогр. Г. В. Трунова, грав. въ мастерской „Нивы“.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „НИВА“ проситъ гг. подписчиковъ, **НЕ ВНЕСШИХЪ ПОЛНУЮ ГОДОВУЮ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ** за „НИВУ“ 1890 г., озаботиться своевременными взносами слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатные адреса отъ бандеролей.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Кладъ. Романъ Г. Ясинскаго (Мансима Бѣлинскаго). Часть 1. (Продолженіе). — Моничка. Повесть Н. Морснаго (Н. К. Лебедева). (Продолженіе). — Наше обоняніе. Готфрида Фрейфера. — Къ рисункамъ: „Запорожскій сторожевой пунктъ“ и „У норчмы“. Картины Васильковскаго (съ 2 рис.). — „Передъ обѣдомъ“. Картина Н. Загорскаго (съ рис.). — „Неаполитанка“. Картина Зихеля (съ рис.). — „Подвѣчный нарядъ“. Картина Гизель (съ рис.). — Его Императорское Высочество Нязь Николай Максимиліановичъ Романовскій, Герцогъ Лейхтенбергскій (съ портр.). — Состояніе лошадей въ сначкѣ черезъ препятствія (soutours hippique) (съ рис.). — Труппа лилипутовъ (съ рис.). — Политическое обозрѣніе. — Смысь. — Ребусъ. — Заданіе. — Объявленія. — При семь № прилагаются „ПАРИЖСІЯ МОДЫ“ за МАЙ 1890 г., съ 32 рис. и отд. листъ съ 26 чертж. выроекъ въ натур. величину и 17 рис. руководящихъ работъ.

Издатель А. Ф. Марисъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

ЭЛЕОПАТЪ ПРОВ. КИНУНЕНЪ

для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп., но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Просятъ непременно обращать внимание на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона,—пров. Кинуненъ. (17) № 4287

Главный складъ: С.-Петербур., Демидовъ пер., д. № 1.

ЭЛИКСИРЪ, ПОРОШОКЪ И ПОМАДА ДЛЯ ЗУБОВЪ

ОТЦЕВЪ БЕНЕДИКТИНЦЕВЪ
Аббатства СУЛЯКЪ (Жиронда) Франціи.

Находятся во всѣхъ аптекахъ, косметическихъ лавкахъ и косметическихъ магазинахъ.

КОСМЕТИЧЕСКІЯ СРЕДСТВА,

разрѣшены на общихъ основаніяхъ торговли, какъ не содержащія въ составѣ своемъ вредныхъ здоровью веществъ. Косметикъ Одаликсъ. Цѣна 2 р., пер. 50 к. Мамоново благовонное мыло, обильно пѣнившееся. Цѣна 60 коп., пересылка не менѣе 1/2 доз. Ориенталинская влажная пудра. Цѣна 2 р., пересылка 50 коп. Тополінь — помада для волосъ. Цѣна 1 р. 50 к., перес. 50 коп. № 4330

Бальзамъ Колорадо, растительный продуктъ для волосъ. Цѣна 4 рубля, перес. 1 руб.

Предметы эти находятся въ продажѣ: въ С.-Петербурбѣ, въ магаз. Рузанова и СНБ. Химической Лабораторіи. Бунса—въ Москвѣ, на Кузнецкомъ; въ Харьковѣ, Русск. Общ.; въ Вильнѣ у Грузевского. Для иногороди. въ магаз. Добржанскаго, въ Варшавѣ.

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ, БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ Д-РА ЛЕНГИНА

употребляется для бѣлизны кожи, лица и рукъ. Въ виду многихъ поддѣлокъ прошу обратить внимание на причептанную здѣсь охранительную марку и на подпись единственнаго агента **Василія Аурихъ**, въ С.-Петербурбѣ, Колоколь-*Василія Аурихъ* ная, 18—19.

Цѣна: флакону 1 руб. 65 коп., бензоево мыло 35 коп. и 50 коп. кусокъ, **опло помада** (лучше колдъ-крема) 1 руб. Упаконка и пересылка въ Европ. Россіи 70 коп., въ Азіат. 1 р. Имѣется во всѣхъ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. В. № 4407 12—5

1863 1874 1882

А. РАЛЛЕ И КО
Придворные поставщики
ВЪ МОСКВѢ
Оптовая Торговля
Никольская, Богоявленскій переулокъ д. Чижовыхъ
ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ
Главный корпусъ
Маринскаго рынка
до Чернышеву переулку,
близъ Садовой

ДЛЯ СТРАДАЮЩИХЪ ЛЕГКИМИ

Лечебное заведеніе Д-ра Бремера. Герберсдорфъ, Силезія, въ Исполнскихъ Горахъ, учрежденное въ 1854 году. К. № 4457 12—6

Главный докторъ Ф. Вольфъ.

Обширный паркъ съ прилегающимъ къ нему еловымъ лѣсомъ. Искусственно проложенныя дорожки достигаютъ до 14 километровъ. Изящно убранный кургаузъ. Въ паркѣ находится роскошныя виллы. Цѣны умеренныя. Проспекты высылаютъ бесплатно

Администрація лечебнаго заведенія Д-ра Бремера.

При заведеніи находится русскій врачъ.

Подробности метода леченія см. II изд. „Die Therapie der chronischen Lungenschwindsucht von Dr. H. Bremer. Verlag von I. F. Bergmann, Wiesbaden.“

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ

ВСѢХЪ НОВОСТЕЙ ПО ФОТОГРАФИИ.

Фотографическія аппараты начиная съ 15 р.

Лучше аппараты для моментальныхъ съемокъ, начиная съ 12 рублей. № 4376

Собственная столярная и механическая мастерскія.

Новѣйшій полный преісъ курантъ съ рецептами изданія 1890 года высылается при полученіи 35 коп. почтовыми марками.

Издательство

ФОТОГРАФИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА
(третій годъ).

СКЛАДЪ ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ
БРУНО ЗЕНГЕРЪ и К^о

Годовая подписка 4 рубля съ перес. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., № 25—1.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

„МАЛОТКА“
ИЛЛЮСТРИРОВ. ЖУРНАЛЪ
для самыхъ малыхъ дѣтей.
12 НИМНЕНЪ ВЪ ГОДЪ
и 12 ПРЕМІЙ-ДРУЖЕКЪ.
Годовая цѣна 1 р. 50 к.
За доставку прилагается 1 р.
Иногородные адресуются съ надолжително: въ Москву, въ редакцію журнала „Малютка“.
Подписка безъ доставки прилагается въ журналъ.
Н. Печковскій (Истор. линія)
Оставшіеся экземпляры за 1888 и 1889 гг. по той же цѣнѣ въ редакцій журналъ и въ конторѣ Н. Печковской.
И. № 4325

ВИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА А. ФРЕЙБЕРГЪ.
С.-Петербурбѣ, Троицкій пр., близъ Египетскаго моста, домъ № 7—2. 26—9
Иллюстрированныя преісъ-курранты по востребованію высылаются безвозмездно.

CIGARETTES ESPIC contre ASTHME & CATARRHE
AUTORISÉES PAR LE GOUVERNEMENT RUSSE
Le pôt general: STOLL & SCHMIDT, à Saint-Peter-bourg
Vente en gros: J. ESPIC, 20, rue Saint-Lazare, Paris.
Exiger la Signature sur chaque Cigarette.

ЮДИСТО-РАЗСОЛНЫЯ ВОДЫ BAD-HALL ВЪ ВЕРХНЕЙ АВСТРИИ.
Самое сильное содержаніе іодистаго раствора въ Европѣ. Леченіе при золотухѣ, а также при тѣхъ общихъ болѣзняхъ, гдѣ іодъ бываетъ важнымъ фанторомъ леченія. Превосходное устройство леченія (ванны и внутреннее употребленіе минеральныхъ водъ, завертываніе, вдыханіе, массажъ, нефиръ). Весьма выгодныя климатическія условія; станція ж. д. Пуль черезъ Лицъ на Дунаѣ. Сезонъ отъ 15-го мая до 30-го сентября. М. № 4522 4—1
Подробныя программы на разныхъ языкахъ высылаютъ Дирекція водъ въ BAD-HALL.

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и за границей.
LA VELOUTINE
Спеціальная рисово-висмутовая пудра.
CHA LES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ *Неслолада Крестовскаго* (автора „Петербур. Трущобы“); 3-е изданіе. И. 1 р. 25 к., ст. пер. 1 р. 50 к.

ДЛЯ ЧИСТКИ ЗУБОВЪ. EAU DE BOTO
(ВОДА БОТО) П. № 4314 14—7
чиститъ зубы и освежаетъ ротъ.
Слѣдуетъ непременно требовать настоящую „ВОДУ БОТО“.
Главный складъ: 17, Rue de la Paix, PARIS.
Прежній адресъ: 229, Rue Saint-Honoré.
Продается во всѣхъ москательныхъ лавкахъ и у всѣхъ парфюмеровъ.
Требов. также Туалетный Уксусъ Бото высш. качества въ отношеніи тонкости запаха.
Представитель для всей Россіи: Н. Л. Натанъ, Ипатьевскій пер., д. Гуськова, въ Москвѣ.

Ф. Э. ДРЕХСЛЕРЪ, Варшава, Лешно, 14. Бицилки отъ 100 р. Роверы отъ 185 р. № 4386 10—10

Съ разрѣшенія С. П. Врачебнаго Управленія. № 4527 10—1

СВОБОДИНЪ Средство для уничтоженія МОЗОЛЕЙ и БОРОДАВОКЪ.

Получать можно во всехъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ маг. Россіи. Цѣна за флаконъ 35 коп. Съ пересылкой 2 флакона 1 руб. ГЛАВНОЕ ДЕПО ДЛЯ РОССІИ **А. ГЕБГАРТЪ,** С.-Петербургъ, Казанская, д. № 5.

МИНДАЛЬНОЕ МЫЛЬНОЕ ТѢСТО !!

приготовленное лабораторіей А. Энглундъ. Миндальное мыльное тѣсто на березовомъ соку, котораго обиліе, освежающая и пріятная пѣна, вытѣиваясь въ кожу, придаетъ ей нѣжность и мягкость, употребляется какъ мыло.

Цѣна за кусокъ 35 к., съ пересылкою 6-ти кусковъ 2 р. 50 коп. Для предупрежденія поддѣлокъ прощу обратить вниманіе на подписи А. Энглундъ красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи.

Получать можно во всехъ известныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ всей Россійской Имперіи. Ц. № 4403 12—4

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ **А. ЭНГЛУНДЪ,** С. П., Литейный пр., 36.

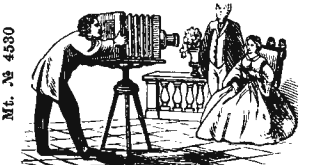
КОРЬКАЯ ВОДА ИСТОЧНИКА ФРАНЦА ЈОСИФА

Натуральная минеральная слабительная вода источника ФРАНЦЪ-ЈОСИФЪ

въ Будапештѣ, по отзывамъ медицинскихъ авторитетовъ, она дѣйствуетъ легко, аккуратно и безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій.

Рекомендуется какъ слабительная вода, не содержащая въ своемъ составѣ вредныхъ здоровью веществъ. Продается въ аптекахъ и аптекъ магазинахъ. Ц. № 4238 Для нормальнаго приема достаточно одного виннаго стакана. Дирекція въ Будапештѣ.

ЛУЧШАЯ ЗАБАВА НА ЛѢТО.

ТОЛЬКО 10 руб.!

Настоящій фотографическій аппаратъ, не являющійся, какъ и прежде, даже ребенкомъ, можетъ снимать съ натуры портреты, виды, ландшафты и пр., въ визитки и кабинетную величину, съ пробн. снимк. и руководств. Перес. за 15 фунт. Адресъ: С.-Петербургъ. Складъ новыхъ изобрѣтений, 4, Невскій просп., 4. Новый иллюстр. каталогъ всехъ изобрѣтений за 7 коп. марку.

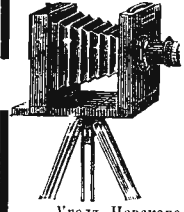
БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ.

Косметина А. ЭНГЛУНДЪ. Противъ шероховатости кожи и пр. Цѣна каждой банки 1 руб., съ перес. 2 руб.—2 банки съ перес. 3 руб. Для предупрежденія поддѣлокъ прощу требовать на каждомъ этикеткѣ подписи: А. Энглундъ, красными чернилами и марку С. П. Косметической Лабораторіи.

Получать можно: въ Русск. Общ. торгов. аптекъ товарища, у А. Рузанова, С. П. Техно-Химич. Лабор.— въ Москвѣ: у К. Феррейтъ, В. Безбардискъ, Р. Келлеръ и Ко, О. Геллингъ и во всехъ известныхъ аптекахъ и парфюмер. торгов. Россійской имперіи. Главный складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, С. П. Косметическая Лабораторія А. Энглундъ, Литейная, № 38. Ц. № 4479

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ. Романъ-хроника XVIII в. Всеволода Соловьева. С. П. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

СЕКРЕТНАЯ МОМЕНТАЛЬНАЯ ФОТОГРАФІЯ.

Прогрѣдствомъ предлагаемаго новаго, только что изобрѣтеннаго, маленькаго, элегантнаго фотографическаго аппарата, краснаго полированного дерева съ аналитическимъ объективомъ и моментальнымъ затворомъ, можно, безъ предварительнаго явн., удобно, легко, свободно и незаметно, безъ замѣны пластины, моментально или съ раздѣленіемъ на время, снять 12 ландшафтовъ, группъ или портретовъ, величиною пластинки 6x8 сантиметр. Цѣна только РС. 12. Новый и богато иллюстрированный прейсъ-курантъ на 1890 годъ высылается. В. № 4464 3—3

СКЛАДЪ ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ **К. И. ФРЕЛАНДЪ** Уголь Невскаго и Екатерининскаго канала, д. № 30—16, С.-Петербургъ.

ЦИНКО-ЛИТЕЙНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЗАВОДЪ

И. № 4520 **ГЕОРГА ПОЛЬ** 4—1

изготавливаетъ по своимъ и по предложеннымъ рисункамъ: перила, балконы, карнизы, консоли, розетки, чешуйчатія крыши, пилы, флюгера; памятники надгробные и друг.; часовни, кресты и распатіи; орлы русскіе и заграничныя гербы, медали всехъ выставокъ; для комнатъ, садовъ и парковъ—фонтаны, фигуры, группы и вазы.

Одинъ листъ съ рисунками высылается за 5 к. марку. Магазинъ: Москва, Петровкаія линія. Заводъ: Москва, за Тверской заставой.

НЕПРОМОКАЕМЫЯ ПАЛЬТО и ПЛАЩИ

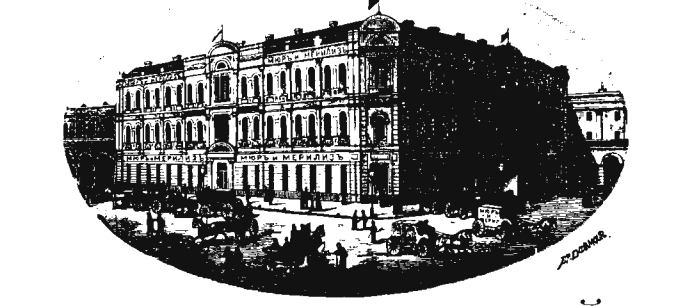
резиновыя, шелковыя, а также изъ английскихъ шерстяныхъ матерій новѣйшихъ рисунковъ, издѣланныя покрой, которыя изготавливаются въ собственной мастерской.

ДАМСКІЯ ШЕЛКОВЫЯ ПАЛЬТО! замѣчательная своею легкостью и изяществомъ. Мужское пальто шерстян. отъ 30 р. до 55 р. плащъ " " " 25 " 50 " Дамское пальто обш. " 20 " 35 " шелковое " " " 15 " 45 " Резиновыя пальто. " " " 8 " 25 "

Образчики матерій и рисунковъ фасоновъ высылаются по востребованію. ГЛАВНЫЕ СКЛАДЫ РЕЗИНОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ **ПИХЛАУ и БРАНТЪ** въ Москвѣ: П. № 4508 3—2 1) Петровка. домъ Соколова, 2) Ильинка, близъ Виржи.

МЮРЪ и МЕРИЛИЗЪ

Москва, Петровка, 2.

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ МОДЪ и НОВОСТЕЙ.

Огромные склады фирмы МЮРЪ и МЕРИЛИЗЪ, вмѣщающіе въ себя все безъ исключенія предметы изъ обширной области моды, одѣянія, туалетныхъ и хозяйственныхъ принадлежностей, въ состояніи удовлетворить всему, что опытомъ признано удобнымъ, полезнымъ и необходимымъ.

ГНОГОРОДНЫЕ ЗАКАЗЧИКИ могутъ рассчитывать на самое точное и скорое исполненіе порученій.

ОБРАЗЦЫ и ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ высылаются по желанію. Задатокъ при вынискѣ товаровъ, имѣющихся въ магазинѣ въ готовности, не требуется. Товаръ высылается почтой съ наложеннымъ платежомъ. Упаковка за счетъ фирмы; пересылка на счетъ заказчиковъ.

Фирма МЮРЪ и МЕРИЛИЗЪ придерживается правила, чтобы по всемъ отраслямъ ея торговли **РАЗДѢЛКА ТОВАРОВЪ НЕ ДОПУСКАЛА КОНКУРЕНЦІИ.**

Неуклонному слѣдованію этому принципу фирма обязана замѣчательно быстрому возрастанію своей торговли. П. № 4533 3—1

У ИЗДАТЕЛЯ-КНИГОПРОДАВЦА А. Д. СТУПИНА,

Москва, Никольская ул., поступили **НОВЫЯ КНИГИ** въ продажу:

6-е, единственное доступное изданіе САМОУЧИТЕЛЬ СТРОИТЕЛЬНАГО ИСКУССТВА. Спеціально-практическое руководство для архитекторовъ, техниковъ, строителей, плотниковъ, каменщиковъ, печниковъ, управляющихъ, агрономовъ, мельниковъ, домовладѣльцевъ и подрядчиковъ по разнымъ отраслямъ строительнаго-хозяйственной практики. Въ 4-хъ книгахъ, съ дополненіями нужнѣйшихъ статей изъ Высочайше утвержденаго урочнаго положенія и устава строительнаго, съ 476 чертежами въ текствѣ и съ приложеніемъ атласа на 32 листахъ строительныхъ рисунковъ. Составилъ Ниж. Строитель Скрибунский; 6-е исправленное и дополненное изданіе; М. 1890 года. Цѣна 3 р., въ корешкѣ 3 р. 50 к., въ коленкор. пер. 4 руб. На почтовую пересылку прощу прилагать 60 коп. =

АЛЬБОМЪ ГОРОДСКИХЪ, ЗАГОРОДНО-СТРОЕВЪ. Пособіе къ простому изученію всевозможныхъ сооружений въ современномъ искусствѣ. Фасады и планы, съ детальными чертежами на 50 лист., на александрийской бумагѣ, печатаны въ краскахъ, съ подробнымъ текстомъ строительнаго искусства и смѣтнанаго численія на количествъ матеріаловъ и рабочихъ, потребныхъ на каждое строеніе. Сост. инженеръ-архитекторъ В. Г. Зальский. Цѣна въ налкѣ 10 р., въ коленк. перепл. 12 р., въ роскошномъ перепл. съ золот. обшрз. 15 р. На почтовую пересылку прощу прилагать 1 рубль.

ЛѢТО ЛУЧШАЯ ПОРА излѣченія тяжкихъ, застарѣлыхъ болѣзней: ревматизма, геморроя, подагры, одышки, ищрнаго кашля, золотухи и пр. и пр. дѣлками, травами, растительными соками, минеральными водами, ваннами и другими лѣчебными способами, подробно изложенными въ предлагаемомъ лѣчебникѣ:

ШКОЛА ЗДОРОВЬЯ (ДОМАШНИЙ ЛѢЧЕБНИКЪ). Практическое руководство къ самохраненію здоровья и продленію жизни до глубокой старости. Предупрежденіе и распознаваніе всехъ болѣзней: наружныхъ и внутреннихъ, скоротечныхъ и длительныхъ, простыхъ и заразныхъ и ихъ лѣченіе психическими и медицинскими средствами, безъ помощи врача и аптеки, по правиламъ астрологіи, гомеопатіи и всехъ прочихъ способовъ врачеванія; самопомощь въ несчастныхъ случаяхъ и внезапныхъ заболѣваніяхъ. Больше 3000 рецептовъ лѣкарствъ (на русскомъ и латинскомъ языкахъ). Полный популярный курсъ медицины, 4-е изданіе, въ 2-хъ частяхъ, съ 137 рисун., общедоступно изложено, д-ромъ Андреевскимъ. 1,120 стр. убористаго шрифта, Москва. 1887 г., цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к., въ корешкѣ перепл. 4 р., въ коленкор. перепл. 4 р. 50 к., **ШКОЛА ЗДОРОВЬЯ** (еще 1-е изданіе) удостоилась многихъ лестныхъ отзывовъ со стороны періодической печати.

ОБЩЕДОСТУПНЫЙ ЛѢЧЕБНИКЪ для народа и всехъ нуждающихся въ врачебной помощи. Самопомощь въ несчастныхъ случаяхъ и различныя болѣзняхъ: наружныхъ и внутреннихъ, простыхъ и заразныхъ, скоротечныхъ и длительныхъ, простыми домашними и общедоступными средствами, которые всякій можетъ имѣть подъ рукою и употребленіе которыхъ нимало не опасно. Съ краткимъ описаніемъ строения человеческого тѣла и съ 27 общепонятными рисунками. Составилъ д-ръ Андреевскій. Москва, 86 г., 200 стр. убористой печати. Цѣна 50 к., съ ерсылкою 75 к., въ перепл. 1 р.

ЛѢТОМЪ и ОСЕНЬЮ домашній скотъ страдаетъ и гибнетъ отъ разныхъ заразныхъ и повальныхъ болѣзней, ваксовиныхъ и пр. Разумная и своевременная мѣра спасаютъ его отъ гибели. Эти мѣры указаны въ предлагаемой книгѣ:

ВЕТЕРИНАРНАЯ ШКОЛА (ПОЛНЫЙ СКОТЪ-ЛѢЧЕБНИКЪ). Все болѣзни домашнихъ животныхъ, лѣченіе простыми, домашними и медицинскими средствами. Домашній аптека, дѣйствіе и употребленіе различныя лѣкарствъ и приготовленіе ихъ домашнимъ способомъ. Больше 1000 рецептовъ лѣкарствъ (на русск. языкѣ). Колоденіе и другія операциі. Съ 113 рис. Въ 2-хъ част. Общедоступно изложено ветеринаромъ-практикомъ П. Павловскимъ. 2-е дополнен. изд. М. 1888 г., цѣна 3 р., съ пересылкой 3 р. 50 к., въ корешкѣ пер. 4 р., въ коленкоромъ перепл. 4 р. 50 к. Въмѣсто мелочей можно присылать почтовую марку. № 4521

ЛУЧШАГО КАЧЕСТВА

СКРИПКИ въ 2 1/2, 4, 6, 8, 10, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 р. и дороже.

СМЫЧКИ ДЛЯ НИХЪ въ 50 к. 1, 1 1/2, 2, 3, 5, 10, 15, 20 и 30 р.

ФУТЛЯРЫ въ 3 1/2, 5, 7, 12, 18 и 30 р.

СКРИПКИ 3/4, 1/2 и 1/4 величины для дѣтей. Школа Баганца въ 1, 2 1/2 и 3 1/2 р.

Иллюстрир. прейск-куррантъ всѣмъ музыкальнымъ инструментамъ — **БЕЗПЛАТНО**

Заказы изъ провинции исполняются немедленно и аккуратно. Пересылка на счетъ покупателя. № 4528

ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

Главное депо музыкальных инструментовъ и нот. С. Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ „ГОЛЛЕНДЕРЪ“.

Средство для уничтоженія мозолей и бородавокъ. Цѣна 35 коп. за флаконъ, за два флакона съ перес. 1 руб.

Получать можно во всѣхъ парфюмерн. аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главный складъ у **Г. Голлендеръ**, Демидовъ пер., № 1. Въ С.-Петербургѣ. (12) № 4368

ЛЕШИНГЪСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатаются иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

ПОСЛѢДНЯЯ НОВОСТЬ ВЪКА!

„АВТОМАТИЧЕСКІЙ ПРОДАВЕЦЪ“.

Особенно важно для дѣтя.

Продажа папироста, сигаръ, газетъ, шоколада, духовъ и проч. товаровъ въ магазинахъ, садахъ и проч. производится этимъ аппаратомъ автоматическимъ, т. е. безъ содѣйствія кого-либо, при одномъ лишь опусканіи въ него соответствующ. монеты.

Цѣна отъ 30 р.

Новый каталогъ всѣхъ изобрѣтеній за 7 коп. марку. № 4529

ЕДИНСТВЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО ДЛЯ РОССІИ: С.-Петербургъ, Складъ новыхъ изобрѣтеній 4, Невскій пр., 4.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

Торговый Домъ Ж. Блокъ,

Москва, С.-Петербургъ, Кузнецкій мостъ, Б. Морская № 21.

имѣетъ единственный Складъ для всей Россіи Велосипедовъ: Свистъ, Вишеть, Русскій Клубъ, Молния (New Rapid), Имперіаль и пр.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ

Общедоступный Свистъ №2 = 150 руб. =

Прейск-Куррантъ высылаются бесплатно.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

ВЕНГЕРСКАЯ ПОМАДА ДЛЯ ХОЛИ и МЯГКОСТИ „УСОВЪ“

Главный складъ въ парфюмерн. магазинѣ **СПБ., 52. ПАССАЖЪ, 52.** Невскій пр. При высадкѣ 1 р. с. или наложеннымъ платежемъ высылаются одна банка помады во всѣ города Россіи. № 4410

НОВОСТЬ!!

НОВѢЙШІЙ и ЛУЧШІЙ **МЕХАНИЧЕСКІЙ ИНСТРУМЕНТЪ ПИАНО-МЕЛОДИКО**

Цѣна 90 рублей.

Ноты отдѣльно по 80 коп. за 1 (одинъ) метръ (1 метръ = 1 1/2 аршин.).

Требуется подробное описание и каталогъ ноты

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ

Москва, Петровка, д. Волкова, противъ Столешникова переулка.

№ 4534

Лучшій инструментъ дома и на дачѣ.

ОРГАНЪ-СОЛОВЕЙ

играетъ громко и отчетливо, ноты въ немъ металлическія, никогда не портятся; этотъ инструментъ прочной и красивой отдѣлки. Нотъ большой выборъ, духовная пьесы, русскія пѣсни и всѣ танцы и изъ оперъ и проч. Цѣна органу-соловей съ 10-ю пьесами по выбору 50 р. Ноты отдѣльно по 75 коп. Каталогъ пьесъ, описание и прейск-куррантъ всѣмъ инструментамъ высылаются бесплатно. Рекомендуетъ **Дмитрій Александровичъ АЛЕКСАНДРОВЪ,** Депо музыкальн. инструмент. и фабрика Невскій пр., 55, въ С.-Петербургѣ.

ЧОКРАКСКО-БУЛГАНАКСКАЯ грязе-лечебница „Товарищества“ врачей въ Крыму, въ г. Керчи. Сезонъ съ 15-го мая по 1-е сентября. Подробности въ брошюру, которая высылается за одну семикоп. марку. Адр. въ г. Керчь, Таврич. губ., доктору Филимовичу. Ц. № 4440 12-7

Охотничье англійское сѣдло, черной кожи, шито шелкомъ, съ карманами и сумками незамѣнимое для охоты и дальнихъ поѣздокъ съ уздой и остреломъ подл. приб. 60 р. Перес. по Ж. Д. 3 руб. почтой за 45 ф. Сидоровъ фабрика М и И МАШИНЕРИИХЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ

Специалистъ хронометровъ. СПбургъ, Невскій пр., № 62 прот. Им. Публ. Библиотеки. Оптовая и розничн. продажа.

Подробный иллюстрированный прейск-куррантъ высылается по востребованію бесплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года. № 4501 20-2

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СКЛАДЪ

ГЕРМАНЪ ГЕССЕ

МЕХАНИЧЕСКОЕ ЗАВЕДЕНІЕ

С. ПЕТЕРБУРГЪ

САДОВАЯ 16.

ШКОЛА СПЛѢТНИ

комическій этюдъ. Инкогнито. Цѣна съ пересылкой 30 к. Выписывающіе изъ магазина Г-ва И. К. Кушнеревъ и Ко, Москва, Пилотская, д. Чижовыхъ, стоимость книги 30 к. могутъ выслать почтовыми марками.

ТУАЛЕТНЫЯ МЫЛА

ЛУИ БУИСКЬИКО

ПАРФЮМЕРІА И КОСМЕТИКА

А. С. ШИМАНСКІЙ

МОСКВА, ПОКРОВКА, ДОМЪ БУТИКОВОЙ.

ПРЕПОДАЮ ПИСЬМЕННО

ПОЛНАЯ ГАРАНТІЯ за успѣхъ ПИСЬМЕННАГО ОБУЧЕНІЯ въ 10 уроковъ

вполнѣ ЗАМѢНИЮЩЕЕ учебное ПРЕПОДАВАНІЕ.

ДУРНОЙ ПОЧЕРКЪ ИСПРАВА. на КРАСИВОЕ БЛАГОЕ КОНТОРСКОЕ ПИСЬМО

ОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНІЕ двойной итальянской **БУХГАЛТЕРІИ**

Москва, Покровка, домъ Бутиковой. А. С. ШИМАНСКІЙ.

НА ОТВѢТЪ ПРИЛАГАТЬ МАРКУ.

МОЙНАКСКОЕ

ГРЯЗЕЛѢЧЕБНОЕ и ЛИМАННОЕ ЗАВЕДЕНІЕ

№ 4443

въ городѣ Евпаторіи

открывается съ 20 мая по 20 августа

За подробностями просить обращаться въ гор. Евпаторію, Таврической губ., Гг. доктору С. П. Целеневскому или доктору С. И. Ходжашу.

Методина ручного труда. По Саломону изложитъ Фармаковский. Одобрено Мин. Нар. Просвѣд. для всѣхъ училищъ. Ц. 75 к.

Школьная дѣтятика — о сохраненіи здоровья учащихся дѣтей, составилъ Фармаковский. Изд. 7-е, рекомендованное Мин. Нар. Просвѣд. учебнымъ заведеніямъ и родителямъ. Ц. 1 р. 50 к.

Методина дисциплины. По Бему изложилъ Фармаковский. Одобрено Мин. Нар. Просвѣд. Ц. 1 р. 20 к.

Складъ въ Одессѣ у книгопродавца Е. П. Распопова. № 4518 2-2

№ 4711.

РОЗОВОЕ ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО

нѣжное, прозрачное какъ хрусталь глицериновое мыло съ настоящимъ запахомъ розъ. Можно получать во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и за границей.

Главное депо у **Александра Тиссъ и Ко**, Кушнѣнская, № 4.

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни. В. С. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО

І. ГОЛЛЕНДЕРЪ

для смягченія кожи.

Новоизобрѣтенное вазелиновое мыло, приятнаго запаха, придаетъ кожѣ желаемую нѣжную мягкость. Цѣна за кусокъ 30 коп., 3 куска съ пересылк. 1 р. 50 к.

Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптеч. магазинахъ и аптекахъ Россіи.

Главный складъ: **СПБ., Демидовъ пер., д. № 1.** (17) № 4278

ВЪ АРЕНБУРГЪ, на о. ЭЗЕЛЬ.

Сезонъ съ 20-го мая. Летаетъ голуби; ревматизмъ, т. н. золотуха, болѣзни костей, суставовъ, женскія эксудат.-катарральныя (не острые), спинного (не головнаго) мозга, хрон. катарры горла, бронх., толст. кишекъ, геморрой, малокровіе, нѣкоторыя сипи. Отпускаютъ ваннъ по назначенію врача заведенія.

ЛѢТНЯЯ НОВОСТЬ!

Англійскіе растягивающіеся кушачи „ГРАЦІЯ“ изъ позолоченой проволоки съ массивн. позолоченнымъ замочкомъ, протканые бѣлыми, розовыми, голубыми, золотыми, синими, темно-красными и черными шелкомъ. Кушачи прозрачны очень прохладительны и приятно носить для каждой дамы.

Цѣна 3 руб. 50 коп. Торговцамъ дѣлаются уступки. Единственный складъ для Россіи у **ОСКАРА ЛЕССЕРЪ,** СПб., Садовая, 12-18, въ 1-мъ дворѣ.

CRÈME-SIMON

(КРЕМЪ-СИМОНЪ)

прелестнаго запаха, не портится и служитъ для смягченія кожи.

Пудра SIMON и Мыло à la CRÈME SIMON дополняютъ его дѣйствія и имѣютъ тотъ же запахъ.

J. Simon, 36, Rue de Provence 36, Парижъ

Въ розницу у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей. А. № 4315 15-15

ШОКОЛАТЪ

ФАБРИКЪ СЕСТУКЪ

превосходнѣйшій

находится въ Одессѣ у книгопродавца Е. П. Распопова.

ПИСЬМУЩАЯ МАШИНА **„РЕМИНГТОНА“.**

Писать въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость красота.

Введена во всѣхъ Министерствѣхъ и мног. правительств. и частнхъ учрежд.

Прейск-куррантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Иравительства и другихъ учреждений, высылаются бесплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи: **ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ**

Москва С.-Петербургъ Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXI г.

г. XXI

№ 19

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1890

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 12 мая 1890 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цена этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1890 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку непарейль (1/4 шир.
стр.) въ Глав. Кон. Ред. по
75 к.—Загран.: для Франціи у
Agence Navas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

Безъ доставки въ Пе-
тербургъ 5 р.
Съ доставкою въ Пе-
тербургъ 6 р. 50 к.
За границу, съ пересылкою 9 р.

Безъ дост. въ Москвѣ чр.
конт. объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.
Съ пересылкою въ Москву
и другіе города Россіи . . . 7 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Всѣмъ всякой доплаты за пересылку главныхъ премій.

Р. Т. фонъ-Мевесъ.

Генераль-майоръ Ричардъ Траяновичъ фонъ-Мевесъ, состоящій нынѣ, въ день столѣтняго юбилея л.-гв. Павловскаго полка, его командиромъ, бдливую часть своей жизни провелъ на службѣ въ этомъ полку, почему и получилъ право называть его своимъ роднымъ полкомъ.

Произведенный въ 1858 году изъ третьяго спеціального класса Константиновскаго кадетскаго корпуса въ прапорщики л.-гв. Павловскаго полка, Ричардъ Траяновичъ постепенно занималъ должности: батальоннаго адъютанта, командира 5-й роты, роты Его Величества и, наконецъ, командира, сначала 3-го, а потомъ 1-го батальона. Въсѣтъ съ полкомъ Р. Т. фонъ-Мевесъ сдѣлалъ двѣ кампаніи: 1863 г. и 1877—78 гг. Въ первой кампаніи за дѣло съ польскими мятежниками у мызы Гедройцы, гдѣ Ричардъ Траяновичъ былъ раненъ, онъ награжденъ орденомъ *Св. Станислава* 3-й степени съ мечами и бантомъ.

Столѣтній юбилей лейбъ-гвардіи Павловскаго полка. Командиръ полка, генераль-майоръ Ричардъ Траяновичъ фонъ-Мевесъ Съ фот. Шапиро, грав. Шюблеръ.

19 декабря 1875 г., когда полкъ праздновалъ 50 лѣтъ шефства нынѣ въ Бозѣ почивающаго Императора Александра II, Ричардъ Траяновичъ, какъ бывшій командиръ Государевой роты, назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству. Въ походѣ 1877 г. флигель-адъютантъ фонъ-Мевесъ выступилъ командиромъ 3-го батальона, съ которымъ участвовалъ 12 октября въ дѣлѣ подъ Горнишъ-Дубнякомъ. Едва онъ вступилъ въ сферу огня, гдѣ, успокаивая батальонъ, обратился къ солдатамъ съ своимъ любимымъ ободрительнымъ словомъ: „шанки поурав! усы закрути! и смотри—всѣмъ быть молодцами!“ какъ тотчасъ-же былъ раненъ въ лѣвую руку и контуженъ въ голову и грудь. Рана была настолько серьезна, что Ричардъ Траяновичъ долженъ былъ на время оставить полкъ; но отъѣздъ его продолжался не долго, и въ трехдневномъ бою подъ Филиппополемъ мы уже видимъ полковника фонъ-Мевеса съ не вполне вылѣченною, перевя-

запною въ гипсѣ рукой, передъ первымъ батальономъ, бывший командиръ котораго, флигель-адъютантъ полковникъ Руновъ, палъ славной смертью въ дѣлѣ подъ Горшимъ-Дубнякомъ.

Въ концѣ кампаніи, во время стоянки подъ С.-Стефаномъ, полковникъ фонъ-Мевесъ былъ назначенъ командиромъ л.-гв. 2-го стрѣлковаго батальона.

За время командованія стрѣлками Ричардъ Траляновичъ не утрачивалъ связи съ полкомъ, а потому, будучи назначенъ 15 мая 1884 г. командующимъ л.-гв. Павловскимъ полкомъ, онъ хорошо зналъ не только всѣхъ офицеровъ полка, но и старыхъ нижнихъ чиновъ, съ которыми раньше служилъ.

По поводу назначенія полковника фонъ-Мевеса командующимъ л.-гв. Павловскимъ полкомъ, бывший командиръ гвардейскаго корпуса, генералъ-адъютантъ графъ Шуваловъ, отдалъ слѣдующій приказъ по корпусу: „Доблестная боевая служба полковника фонъ-Мевеса, а также вполне основательное и

полезное командованіе л.-гв. 2-мъ стрѣлковымъ батальономъ, даютъ мнѣ право выразить увѣренность, что и въ предстоящемъ командованіи роднымъ ему полкомъ онъ выкажетъ добросовѣстное отношеніе къ службѣ и ту же заботливость о нуждахъ подчиненныхъ, которая проявлялась въ теченіе всей его службы, лично мнѣ извѣстной“.

Послѣднія награды: генералъ-маіорскій чинъ и орденъ *Св. Станислава* I степени были получены Ричардъ Траляновичемъ во время командованія л.-гв. Павловскимъ полкомъ.

Энергичная и весьма многосторонняя дѣятельность генералъ-маіора фонъ-Мевеса по управленію полкомъ еще не окончена и потому не можетъ подлежать полной оцѣнкѣ. Она только отчасти очерчена составителями исторіи л.-гв. Павловскаго полка, которые знакомятъ насъ съ принятыми въ полку рациональными мѣрами, какъ для улучшенія хозяйственной и учебной системы, такъ и для умственного, нравственнаго и религіознаго развитія нижнихъ чиновъ.

Кладъ.

Романъ *И. И. Ясинскаго (Максима Бѣлинскаго)*. Часть I.

(Продолженіе).

XVII.

Купецъ Вѣновъ, принимая въ соображеніе печные таланты Михайлыча, далъ ему маленькій кредитъ и отпустилъ въ долгъ лѣсу на постройку избы. Михайлычъ ободрился. Весеннее солнышко весело сіяло надъ Парфеновкой. Былъ веселье и Михайлычъ. Все ужъ было готово—онъ ждалъ только повода, когда поднимется Днѣпръ и хлынетъ въ парфеновскій оврагъ, когда растаютъ снѣга на горахъ Черепной и Щитовкѣ и тоже прольются на Парфеновку, мутными и губительными волнами. Отъ этого измѣнится географическая карта Парфеновки: гдѣ былъ пригорокъ—станетъ равниною, обнажится грунтъ, разорятся и пойдутъ по міру домовладѣльцы, которые побѣдишь и на которыхъ стихія направитъ свои удары, и за бездѣнокъ можно будетъ приобрести нѣсколько лишнихъ бревенъ изъ размытыхъ построекъ, а не то, просто поймать и присвоить плывущую мимо добычу—дверь, часть крыши, скамейку или столъ, на основаніи особаго парфеновскаго морскаго права.

Днѣпръ уже вскрылся, но онъ еще далеко не вышелъ изъ береговъ. Онъ только почернѣлъ, вздулся, и по немъ неслись огромныя льдины, разбиваясь съ грохотомъ и стономъ о гранитныя ледорѣзы Цѣпнаго моста.

Въ половинѣ апрѣля купецъ Вѣновъ съ семействомъ переѣхалъ на время въ городъ. Его примѣру слѣдовали болѣе осторожныя, состоятельные парфеновцы. Остальные съ любопытствомъ и страхомъ ожидали наступленія геологическаго переворота, обычнымъ порядкомъ ежегодно совершающагося на Парфеновкѣ. Кто уплѣбеть? Кого пощадитъ вода? А, можетъ, кто-нибудь утонетъ? На все воля Божья!

О томъ, что будетъ и чего не будетъ, по мнѣнію Михайлыча, лучше всего могъ знать иконописецъ Ивановъ. На второй день Свѣтлаго праздника онъ зашелъ къ Флорентію Адриановичу и, со свойственною ему осторожностью, завелъ рѣчь о концѣ міра, чтобы путемъ постепенныхъ переходовъ дойти до наводненія и, кстати, до вопроса о томъ, какъ лучше имъ воспользоваться. Когда, наконецъ, иконописецъ заговорилъ о наводненіи, Михайлычъ спросилъ:

— Преимущественно, отчего оно происходитъ?

— Отъ того, что нѣдра земли разверзаются, сказалъ Ивановъ.

— Я думаю, также вслѣдствіе нашей бѣдности, замѣтилъ Михайлычъ.

— Наши отцы богаче были, возразилъ иконописецъ,— а все-же много терпѣли отъ Днѣпра. Помню, у твоего дѣдушки серебряныя кубки водились, а бабушка въ парчевой корсеткѣ ходила.

Михайлычъ вздохнулъ.

— Напротивъ того, парфеновская бѣдность отъ на-

водненія зависитъ, продолжалъ старикъ, посасывая трубку.

Михайлычъ опять вздохнулъ.

— Есть средство разбогатѣть, началъ онъ.— Чтѣ полтора ста рублей! Шлевые деньги! Полторы тысячи дадутъ и еще дадутъ—только, ради Бога, братецъ, молчи! А между прочимъ, должно быть много пловучаго лѣса.

— Самому терять нечего, такъ на чужое заринься! укоризненно замѣтилъ иконописецъ.

— Всякое свое бывало когда-нибудь чужимъ, сказалъ Михайлычъ.— Дѣдушкины кубки теперь, небось, чужіе? А вотъ не я буду, если не сорву полторы тысячи! вскричалъ онъ съ увѣренностью, быть-можетъ, разгоряченный праздничнымъ угощеніемъ.

— Дай тебѣ Богъ! Авось Вѣновъ на полкѣ забылъ—такъ поплывутъ!

— Нѣтъ, Флорентій Адриановичъ, не Вѣновъ забылъ, а они въ своемъ мѣстѣ находятся.

— Сорока на хвостѣ принесла благу въсточку?

— И не столько сорока, сколько обыкновенная черная птица, сказалъ Михайлычъ съ загадочной усмѣшкой.— Галка, таинственно пояснилъ онъ.— Былъ я на Страстной недѣлѣ у Андрея Карповича, у Маврикина, у судебного слѣдователя. Ну, я вамъ скажу, Флорентій Адриановичъ, великолѣпная душа! „Дай мнѣ, говоритъ, слово, Михайлычъ, будь благороднымъ печникомъ, держи, говоритъ, все это въ секретѣ, даже отцу родному не открывай“. Вотъ какъ предъ истиннымъ Богомъ! „Чтѣ вы, отвѣчаю, помилуйте; буду нѣмъ, какъ земля“.— „Дѣлать тебѣ теперь, говоритъ, нечего, потому что погорѣлъ, а работы плохія и бесполезныя, шлайся ты, говоритъ, Михайлычъ, по улицамъ, дожидайся у воротъ—авось признаешь носатаго барина“. Флорентій Адриановичъ, сказано—сдѣлано. Сообщишь я обо всемъ Дмитріевичу и не пожалѣю ногъ. Что-жь вы думаете, Флорентій Адриановичъ, я его видѣлъ.

Михайлычъ, поблѣднѣвъ отъ волненія и опасаясь, что рассказъ его можетъ показаться неправдоподобнымъ, перекрестился.

— Съ фальшивымъ носомъ такъ и ходить? спросилъ иконописецъ, надѣвая очки и шевеля своими тараканьими усами.

— Теперь мнѣ сомнительно, Флорентій Адриановичъ, чтобы это былъ поддѣльный носъ. Полагаю, что величина прирожденная.

— Дальше что?

— А дальше пока ничего. Чтѣ намъ наводненіе дастъ! Дмитріевна совѣтуетъ предъявить требованіе, а предъ Карпомъ Андреевичемъ ограничиться молчаливымъ отсутствіемъ... Такъ вотъ, Флорентій Адриановичъ, гдѣ полторы тысячи лежатъ! съ торжествомъ заключилъ Михайлычъ и слегка ударилъ кулакомъ по столу.

Ивановъ, взглянувъ на Михайлыча, подумалъ: „дубина стосросовая“ и сказалъ велухъ:

— Не видать тебѣ денегъ, какъ своихъ ушей! Тебя же на цугундеръ потянуть.

— Позвольте, отчего же на цугундеръ?

— А отъ того, что языкъ на три аршина вытягиваешь! сердито промолвилъ старикъ.

Разговоръ продолжался бы еще, если бы въ это время въ комнату не вѣжала Маня. На ней уже была ряса послушницы. Не смотря на пребываніе въ монастырѣ, она не поблѣднѣла, у ней даже прибавилось румянцу. Но желанію матери, она пришла на праздники домой. Вѣжавъ въ комнату, Маня съ испугомъ начала:

— Дѣдушка, дѣдушка, идите-ка сюда! Скорѣй, дѣдушка! Михайлычъ, идите и вы! Да идите же, Боже мой! со слезами вскричала она.

Флорентій Адриановичъ глянулъ инстинктивно въ окно и, насколько могъ, стремительно выскочилъ изъ дому. Маня вспрыгнула на скамейку, сняла образъ и послѣдовала за дѣдомъ. Послышался крикъ ужаса, который издавала Оекла. Она только что очулась отъ послѣбѣденнаго сна. Михайлычъ разыскалъ свою шапку и, выйдя въ сѣни, произнесъ съ блѣдной улыбкой:

— Вотъ и дождались. Съ половодьемъ васъ!

Съ шумомъ, но совсемъ не яростнымъ, а скорѣе ласковымъ, похожимъ на какой-то лѣстивый говорокъ или убаюкивающей лепетъ, поднималась вода, заволакивая огородъ. По всей Парфеновкѣ поднялся стонъ и завонили мужскіе и женскіе голоса. На погостѣ ударили въ набатъ.

Солнце склонялось къ вечеру и ужъ зашло за Черепную гору. Парфеновскіе улицы и закоулки быстро обратились въ каналы, которые становились все глубже. Черезъ какихъ нибудь пять минутъ по нимъ засновали лодки и плоты, а еще спустя нѣкоторое время поплыла домашняя утварь.

Не успѣвъ Флорентій Адриановичъ сообразить, что дѣлать, какъ вода достигла уже до порога его жилища. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ она не поднималась никогда дальше этой черты. Домикъ иконописца стоялъ на нѣкоторомъ возвышеніи, прислонясь къ Щитовкѣ, и это спасало его отъ наводненія. Но теперь, судя по всему, надо было ожидать бѣды. Старикъ растерялся. Вой Оеклы невольно вселялъ въ него страхъ и даже ужасъ. Маня, поблѣднѣвъ, стояла возлѣ него съ образомъ и громко читала молитву. Михайлычъ поодаль дѣлалъ странныя тѣлодвиженія, которыя замѣнили ему на время способность разсуждать и думать: онъ пожималъ плечами и переминался съ ноги на ногу.

Вода поднялась въ уровень съ порогомъ, осторожно плеснула на полъ сѣней, словно пробуя свою силу, и затѣмъ ринулась впередъ. Михайлычъ первый по лѣстницѣ вскарабкался на чердакъ. Всѣ бросились за нимъ, не разсуждая. Избавясь отъ опасности, по крайней мѣрѣ, на время, они стали креститься и къ нимъ возвратилось нѣкоторое спокойствіе.

— Послѣднія времена приходятъ, Оекла! тяжело дыша, началъ старикъ.

— Гдѣ лодка-то? вскричала Оекла.

— Гдѣ? Въ сараѣ!

— Какъ же вамъ, папаша, не совѣстно, что вы объ лодкѣ забыли, а теперь какъ же ее достать?

Старикъ не зная, какъ достать лодку; онъ только гнѣвно посмотрѣлъ на дочь.

— Вы нисколько, папаша, не заботитесь! Вы сами умирать собираетесь и вамъ все равно, что будетъ съ нами! со слезами нанустилась дочь на отца.

Флорентій Адриановичъ зашагалъ по чердаку и закричалъ, грозя пальцемъ:

— Не смѣй возставать на сѣдны старца! Мало наказывалъ тебя Богъ?

— Воды еще не много, замѣтилъ Михайлычъ, выгля-

нувъ въ слуховое окно. — Я думаю такъ, Флорентій Адриановичъ, что не больше, какъ по поясъ человѣческаго роста.

И онъ взглянулъ на старика, какъ-бы въ надеждѣ, что Флорентій Адриановичъ не испугается такой маленькой воды, спустится съ лѣстницы и достанетъ изъ сарая лодку.

— А вы что же, Михайлычъ, не поможете? проговорила Маня.

Но Михайлычъ опять просунулъ голову въ слуховое окно — и его обычная вѣжливость измѣнилась ему: онъ оставилъ слова дѣвушки безъ отвѣта.

Маня промедлила минуту въ раздумьѣ, перекрестилась и подошла къ дверямъ чердака. У ней явилась рѣшимость самой добраться до сарая. Но деревянная приставная лѣстница была ужъ опрокинута водой и ее отнесло къ противоположному углу сѣней.

Вода все поднималась.

Михайлычъ изъ слуховаго окна воцплъ:

— Братцы мои, какъ же я выберусь! Дмитріевна! Дѣтки мои любезныя!

Быстро смеркалось. Вечеръ казался темнымъ, благодаря густымъ тѣнямъ оврага. Несчастье, постигшее Парфеновку, производило странное впечатлѣніе: въ воздухѣ не проносились ни одна струйка, въ темнѣвшихъ небесахъ погасали пурпурныя облачка, мирно отражаясь въ широкой водной поверхности, въ которой уже тамъ и сямъ опрокинулись огни лодокъ со спасавшимися парфеновцами и задрожали длинными золотистыми нитями.

Оекла нѣсколько разъ начинала сеориться съ отцомъ и, вдругъ, словно на нее напала какой-то припадокъ благоразумія, велухъ принималась обсуждать свое положеніе. Она высовывалась изъ слуховаго окна и звала на помощь. Но люди были заняты самими собой — они слышали крики и проѣзжали мимо на лодкахъ. Уставала кричать Оекла — кричалъ Михайлычъ, Флорентій Адриановичъ, кричала Маня. Помощи ни откуда не приходило.

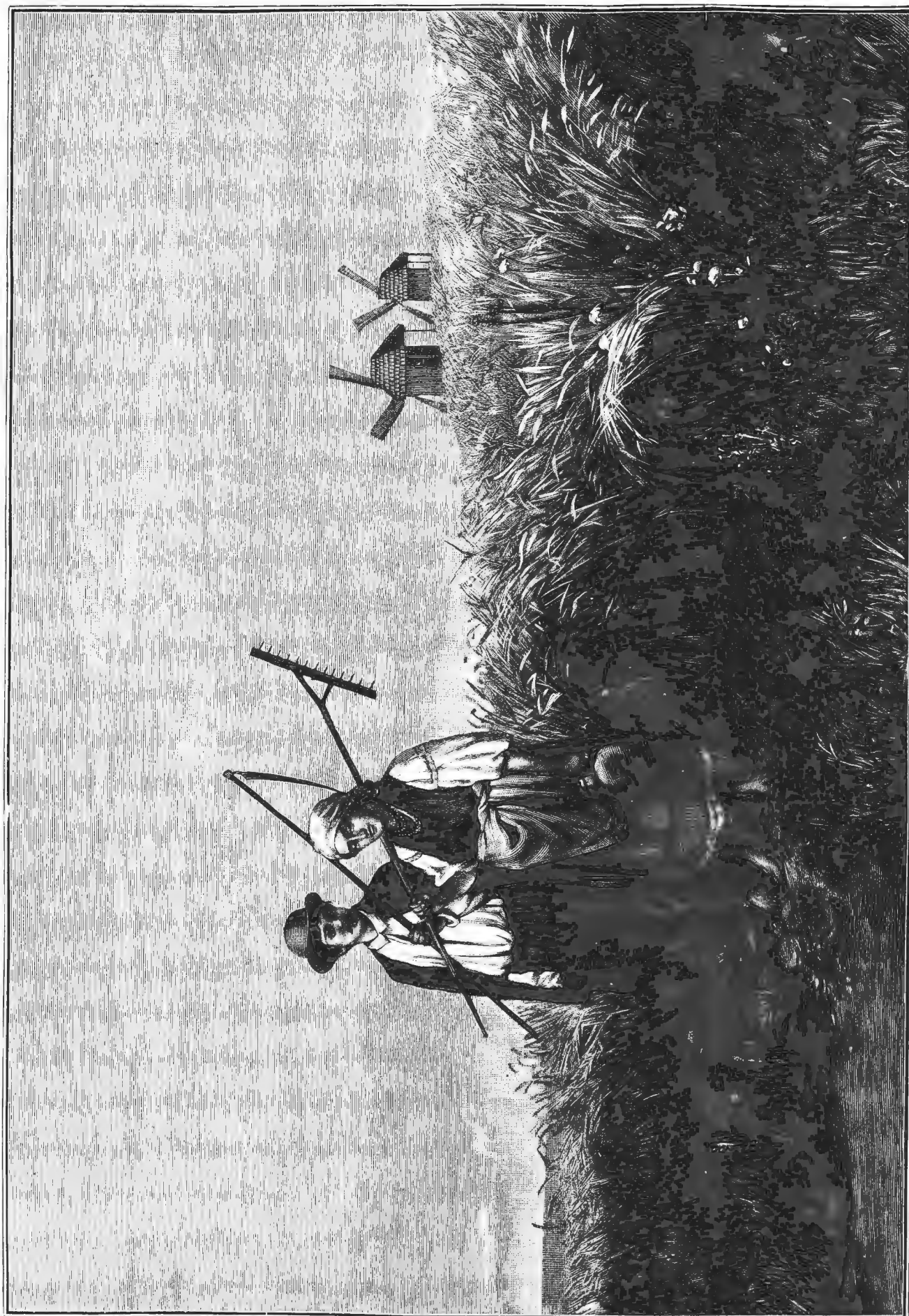
Становилось холодно. Среди водворившейся тишины повсюду слышался плескъ воды, журчанье струекъ, лепетъ насыщающей влаги. Но скоро къ этимъ звукамъ присоединился какой-то тяжелый шорохъ: гора, подъ покровительствомъ которой много лѣтъ стоялъ домикъ Иванова, словно двигалась.

Флорентій Адриановичъ съ новой тревогой выглянулъ въ слуховое окно и увидѣлъ на фонѣ синяго неба силуэты двухъ старыхъ деревьевъ, росшихъ на самой вершинѣ Щитовки и теперь принявшихъ наклонное положеніе.

Небольшія глыбы земли скатывались сверху и расплескивали воду.

— А что, дѣти, приходитъ намъ конецъ, сказалъ старикъ и, подумавъ о дочери, продолжалъ: — за чьи грѣхи — не знаю, но приходитъ. Впрочемъ, всѣ мы грѣшны. Михайлычъ, посмотри, братъ, на Щитовку: ползеть, анаѰема!

Оекла въ темнотѣ обняла дочь, дрожа всѣмъ тѣломъ. Михайлычъ вылезъ изъ окна, вскарабкался на крышу, сѣлъ на трубу и осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ. Смерть была на носу, но ему такъ хотѣлось жить, что онъ не вѣрилъ въ смерть. Въ его сердцѣ, какъ-то безъ словъ, складывалась горячая молитва о спасеніи. И онъ былъ увѣренъ, что если попросить у Бога, то все сдѣлается такъ, какъ просишь. Онъ ни о чемъ не думалъ — ни о себѣ, ни о самой Щитовкѣ. Только молитвенно разгоралось его сердце. И въ то время, какъ его вѣра дошла до какого-то восторга и онъ сталъ плакать, случилось то, что могло бы все погубить, но что вдругъ всѣхъ спасло. Часть Щитовки, угрожавшая паденіемъ еще осенью, оторвалась и съ тяжкимъ грохотомъ съ высоты десяти саженой упала на огородъ Иванова.

Выставка Импер. Академіи Художествъ. „Идиллія“.
Съ карт. И. С. Галина (право воспроизведенія въ гравюрѣ и т. п. принадлежитъ „Имя“), грав. Шюблеръ.

Выставка Имп. Академіи Художествъ. „Ненаглядный“. Съ карт. Пелевина (право гравир. пріобрѣт. „Нивой“), грав. Шлиперъ.

Вода чуть не захлестнула чердакъ. Раздался страшный трескъ—былъ раздавленъ сарай. Но домикъ уцѣлѣлъ.

Михайлычъ осматрѣлся, слезы полились у него изъ глазъ, и онъ сталъ кричать, какъ сумасшедшій:

— Акуратно! Мимо! Покорно благодаримъ!

Онъ побѣжалъ по крышѣ и въ радостномъ безуміи припалъ къ слуховому окну.

— Не беспокойтесь, Флорентій Адриановичъ, съ обваломъ васъ!

Онъ ужъ хотѣлъ влѣзть въ окно, какъ, повернувшись лицомъ къ водѣ, замѣтилъ, что въ борть крыши бьется какой-то продолговатый и широкій предметъ.

— Какова исторія! произнесъ Михайлычъ и протянуть руку.

Предметъ отплылъ, но его снова прибила къ крышѣ неугомонившаяся волна. Михайлычъ изловчился, схватилъ его за кольцо и закричалъ:

— Лодка, лодка!

Часть II.

I.

Валерьянъ Оскольцевъ получилъ довѣренность на управленіе всѣми имѣніями Язембскихъ отъ опекуниши малолѣтняго Юрія, княгини Натальи Михайловны. Но, прежде чѣмъ добиться этой довѣренности, онъ долженъ былъ выдержать ожесточенную борьбу со своею властолюбивою сестрой. Много разъ пришлось ему побесѣдовать съ нею наединѣ и, наконецъ, онъ убѣдилъ ее, что въ его рукахъ судьба Юрія: захочетъ онъ—и Юрій останется княземъ, а не захочетъ—его обратитъ въ податное состояніе. Чѣмъ упорнѣе отказывала Наталья Михайловна Валерьяну въ тѣхъ выгодахъ, которыя онъ могъ извлекать изъ колоссальныхъ богатствъ ея сына, тѣмъ безстыднѣе или, какъ онъ выражался, „откровеннѣе“ становились его переговоры съ Натальей Михайловной: Она ненавидѣла брата—и братъ повидимому платилъ ей тою-же монетой.

— Я не зарѣжу курицу, которая несетъ золотыя яйца, сказалъ Валерьянъ въ рѣшительный вечеръ, послѣ котораго ему была выдана довѣренность,—кое-что падаетъ и бѣдному Лазарю со стола богатаго. Но—кое-что, т. е. очень и очень мало. Курица скупа. Кромѣ того, она воображаетъ, что отъ нея зависитъ меня самого зарѣзать. Однако-же, Натали, это противос естественно. Поваръ я, а не ты. Я заварилъ кашу и желаю расхлебывать ее вмѣстѣ съ тобой. У меня есть право, которое ничѣмъ не хуже твоего: оно зиждется, Натали, на темной и одному мнѣ извѣстной тайнѣ. До поры до времени я терпѣлъ, и хотя я страдалъ отъ твоихъ шпилекъ, но... съ одной стороны, живъ былъ Николай Семенычъ, съ другой—угнетали долги. Теперь нѣтъ Николая Семеныча и, слава Богу, нѣтъ долговъ. Я прихожу къ курицѣ и говорю: „золота, побольше золота! Трепещи, курица; я ровно ничего не потеряю, если у меня будетъ отнята надежда что-нибудь выиграть. Ты-же, о курица, мгновенно можешь потерять все—смотри, какъ остеръ мой ножъ!“

Наталья Михайловна пробовала было, какъ прежде, отнестись къ рѣчамъ Валерьяна холодно и равнодушно. Но въ его глазахъ свѣтилась такая рѣшимость и было столько жажды поставить на своемъ, что, взвѣсивъ свое положеніе, Наталья Михайловна уступила Валерьяну.

Мертвый домъ, еще недавно такой унылый и заброшенный, наполнился блескомъ и шумомъ веселыхъ пирушекъ, которыя задавалъ Валерьянъ, знакомясь съ мѣстной золотою молодежью. Въ числѣ его пріятелей были адвокаты, актеры, хлыщи безъ опредѣленныхъ занятій, маменькины сынки. Мѣстная опереточная дива скоро сдѣлалась царицей этихъ пирушекъ, и по городу распространились баснословные слухи о громадныхъ суммахъ, которыя бросалъ Валерьянъ. Къ Валерьяну

обращались за болѣе или менѣе крупными займами его московскіе друзья. Онъ сорилъ деньгами, и ему нравились раболѣпство, съ которымъ всѣ поголовно преклонялись передъ нимъ. Идеаль, котораго онъ не могъ достигъ въ годы своей юности и погоня за которымъ стояла ему многихъ горькихъ минутъ униженія передъ знатными счастливыми и темными ростовщиками, былъ теперь осуществленъ. Старое горе забыто, новыя радости и наслажденія были исчерпаны до дна. Валерьянъ усвоилъ разочарованный тонъ; онъ больше чѣмъ когда-нибудь говорить обо всемъ насмѣшливо и пренебрежительно; а побѣда, одержанная имъ надъ сестрой, давала ему надежду на беззаботное существованіе и бросаніе денегъ пригоршнями до гробовой доски. Валерьянъ гордился кличкой „прожигателя жизни“ и вель себя такъ, какъ будто смерть, въ самомъ дѣлѣ, стояла у него за плечами и торопила его поскорѣе осушить чашу удовольствій.

Слѣдуя модѣ, онъ сгибалъ колѣни, воротникъ коротенькаго пальто его былъ поднятъ, трость воткнута въ карманъ, ноги обмотаны полосатымъ или тигровымъ пледомъ; лакей „вынималъ“ его изъ экипажа, какъ куклу. За всѣмъ тѣмъ, Валерьянъ былъ здоровъ и иногда ему самому надоѣдало притворяться умирающимъ.

Наталья Михайловна проводила зиму въ Италіи, но ея практическая душа рвалась въ Святогорскъ. Можно было справедливо опасаться, что Валерьянъ злоупотребитъ довѣріемъ Натальи Михайловны. Впрочемъ, годъ и даже два самой безпутной расточительной жизни Валерьяна не могли бы особенно дурно отразиться на дѣлахъ Язембскихъ; такъ велико было ихъ состояніе. Но важнымъ причиною, Наталья Михайловна избѣгала возвращенія въ Россію вмѣстѣ съ маленькимъ Юріемъ. Но мало-по-малу она стала склоняться къ мысли, что пребываніе въ Святогорскѣ не повредитъ интересамъ Юрія. Для него опасна только Москва. Получая изъ Святогорска письма о томъ, какъ разорительно хозяйничаетъ Валерьянъ, она чуть не плакала отъ безсильной злости на него. Она грозила ему, что вынуждена будетъ пріѣхать въ Россію и уничтожить довѣренность. Онъ читалъ ея угрозы и посмѣивался. О своемъ скоромъ пріѣздѣ она множество разъ извѣщала Олесницкаго и все такъ же напрасно. Относительно уничтоженія довѣренности было очевидно, что это только пустая угроза. „Что-жъ, пусть пріѣзжаетъ“, думалъ Валерьянъ съ улыбкой, которая долго не сходила съ его губъ.

Проходила зима—Натальи Михайловны все не было. Валерьянъ хвалилъ ея осторожность, которую въ письмахъ къ ней называлъ деликатностью.

Хотя Святогорскъ большой городъ, но всѣ лица тамъ извѣстны наперечетъ. Всѣ знаютъ другъ друга. Валерьянъ-же самымъ образомъ жизни пріобрѣлъ себѣ въ Святогорскѣ значительную популярность. Фхальли онъ въ четырехмѣстномъ ландо съ опереточною дивой, или сидѣлъ впереди кучера въ англійскомъ шарабанѣ, участвовалъ-ли онъ въ кавалькадѣ, которая проносилась по главной улицѣ; пріѣзжалъ-ли вечеромъ въ богатый ресторанъ, игралъ-ли въ карты въ клубѣ, или появлялся на полчаса въ оперѣ—на него указывали пальцами и говорили: „Вотъ Валерьянъ Оскольцевъ, братъ княгини Язембской, счастливецъ, которому море по колѣно“.

Его встрѣча съ Михайлычемъ не произвела на него, повидимому, ни малѣйшаго впечатлѣнія. Однажды послѣ ночной попойки Валерьянъ поздно всталъ и вышелъ изъ дому, чтобы пройтись по пустынной улицѣ. Къ завтраку онъ ждалъ гостей. Онъ дошелъ до Авдѣевскаго спуска и, когда повернулъ назадъ, глазамъ его предсталъ, словно изъ земли выросъ, средняго роста мѣщанинъ въ синемъ кафтанѣ и въ картузѣ. Мѣщанинъ обладалъ вѣжливыми манерами, которыя не оста-

вили его даже тогда, когда онъ какъ бы одѣнѣлъ отъ радостнаго изумленія, или, вѣрнѣе, отъ радостнаго испуга. Приподнявъ локоть, мѣщанинъ хотѣлъ снять картузь, но сдѣлать только соответствующее движеніе кистью руки—помѣшалю одѣнѣніе.

Валерьянъ невольно посмотрѣлъ на мѣщанина и узналъ его.

Михайлычъ это поилъ и улыбнулся. Но Валерьянъ сдѣлать равнодушные глаза и прошелъ мимо. Михай-

лычъ долго смотрѣлъ ему вслѣдъ, наконецъ, бросился къ городовому и разспросилъ его, кто такой этотъ баринъ съ длиннымъ носомъ. Потомъ политично освѣдомился, какъ, по его мнѣнію, — можно-ли натуральнѣйшій носъ замѣнять въ экстренныхъ случаяхъ фальшивымъ, и не противно-ли это закону; не получивъ удовлетворительнаго отвѣта, Михайлычъ въ волненіи удалился и въ тотъ же день разсказалъ о своей встрѣчѣ слѣдователю.

(Продолженіе будетъ).

Моничка.

Повѣсть Н. Морскаго (Н. К. Лебедева). (Посмертное произведеніе).

(Продолженіе).

XII.

Можно себѣ представить въ какомъ несчастномъ видѣ добрались мы до дому. Правда, сверху теперь не шло ни снѣгу, ни дождя,—небо совершенно прояснело и путь нашъ превосходно освѣщался луной; но за-то, что было подъ ногами!.. Мы то и дѣло вязли въ грязь, шлепали по лужамъ, пробирались по какимъ-то топенькимъ дощечкамъ, дѣлались за заборы и дома, чтобы не уйти по колѣна въ грязь,—словомъ, ужаснѣе этого нашего странствованія трудно себѣ что-нибудь представить. За-то, какъ мы были счастливы, добравшись наконецъ до нашего дому! Такъ какъ мы вернулись, можно сказать, не безъ неприятностей, то было рѣшено скрыть объ этомъ до утра отъ матушки, иначе разсказъ о всѣхъ нашихъ приключеніяхъ могъ подѣйствовать на нервы и лишитъ болѣзненную матушку сна... Прислуга не должна была докладывать о нашемъ раннемъ возвращеніи матушкѣ, а мнѣ предстояло — посидѣть часъ или два у Образцовыхъ и ужъ только затѣмъ вернуться къ себѣ. Мы насилу достучались: прислуга, не ожидая ранняго нашего возвращенія, спала, и не знаю ужъ какимъ образомъ услышала нашъ стукъ; намъ отперла горничная или кухарка Образцовыхъ, встрѣтившая насъ безъ огня, который былъ погашенъ во всемъ домѣ. Мы толкались въ темной передней, пробираясь ощупью по стѣнамъ; встрѣтившая насъ горничная убѣжала за огнемъ, но что-то долго не возвращалась. Сбросивъ верхнее платье въ передней, мы вошли въ комнату Любовь Петровны, выходящую окномъ въ садъ и освѣщенную луной, благодаря которой было совершенно свѣтло и мы могли видѣть другъ друга. Луна плыла по засѣянному легкими бѣлыми облаками небу высоко и свободно, освѣщая комнату Любовь Петровны цѣлымъ снопомъ голубовато-серебристыхъ лучей, оставившихъ въ какомъ-то сумеречномъ полусвѣтѣ все, что находилось не на пути ихъ. Благодаря этому освѣщенію, мы могли разсмотрѣть въ какомъ видѣ добрались до дому. Оказалось, что мы съ капитаномъ перепачкались и забрызгались грязью до колѣнъ; Любовь Петровна донесла свое платье до дому совершенно въ безукоризненномъ видѣ, но, конечно, промочила ноги и испачкала башмаки до невозможности. Въ ожиданіи огня, пользуясь луннымъ освѣщеніемъ, мы еще разсматривали другъ друга, когда неожиданный, легкій ударъ чѣмъ-то мягкимъ по стекламъ окна изъ сада заставилъ насъ вздрогнуть отъ внезапности и испуганно посмотреть на окно. Въ этихъ голубоватыхъ отъ луннаго освѣщенія стеклахъ мы не видѣли ничего, но легкій ударъ о стекла повторился и въ нихъ посыпалось что-то довольно мягкое и мелкое. Я не столько увидѣлъ, сколько понялъ, что кто-то бросаетъ изъ сада въ окно подсыѣжниками, и удивленно прошепталъ:

— Это—подсыѣжники...

Я именно прошепталъ эти слова, взглянувъ на облитую голубоватымъ свѣтомъ луны фигуру Любовь Петровны. Слышала она или нѣтъ меня, но я вдругъ замѣтилъ какой-то восторгъ на ея лицѣ,—замѣтилъ, что ея глаза блеснули счастьемъ; она открыла ротъ, чтобы что-то сказать, но не произнесла ни слова, точно у нея не хватило голоса,—точно легкія ея не въ силахъ были вдохнуть въ себя воздухъ. Я видѣлъ, какъ она заломила руки, точно находилъ въ экстазѣ,—и вдругъ порывистымъ шагомъ, наклонивъ внизъ голову, бросилась къ окну, которое, какъ я говорилъ, у нея было выставлено, распахнула его и прогнayu руки впередъ, прошептала:

— Неужели это вы?..

За окномъ мнѣ блеснули серебряные лавры елиной гимназической фуражки. Мы всѣ бросились къ окну, за которымъ—держа прогнayu руки Любовь Петровны,—въ одномъ мундирѣ, какъ и мы выпачканный въ грязь, стоялъ Моничка. Холодный воздухъ проникалъ въ комнату; лунный свѣтъ освѣщалъ нашу на мгновеніе какъ бы лишившуюся дара слова группу. Моничка въ молчаніи держалъ руки Любовь Петровны; она повторила, все еще какъ бы не вѣря своимъ глазамъ:

— Неужели это вы?..

Тогда Моничка, до сихъ поръ недвижимый, вдругъ пошевелился, поднесъ ея дрожавшія руки къ губамъ и поцѣловалъ ихъ, произнесъ только одно слово:

— Простите...

Онъ не могъ говорить, слезы душили его. Любовь Петровна почти вскрикнула въ отвѣтъ на просьбу Монички о прощеніи: — За что?..

Онъ собралъ силы и сказалъ, сказалъ какъ-то совершенно поддѣтски:

— За то, что васъ такъ обидѣли...

— Дѣти... господа, поправился капитанъ, бросаясь къ дочери и Моничкѣ,—что вы дѣлаете?.. Вы простудитесь... одѣты такъ легко... холодно, ноги промочены... Дѣти!..—Онъ задохнулся совершенно.—Ахъ, Господи, какъ я счастливъ!..

Онъ вырвалъ руки дочери отъ Монички, оттащилъ ее отъ окна; потомъ, высунувшись, внесъ Моничку въ комнату и залопнулъ раму. Толкая меня и Моничку изъ комнаты дочери—онъ торопливо распоряжался:

— Ко мнѣ, господа, въ кабинетъ... Переодѣньтесь, натрите ноги... надѣньте что-нибудь... Любовь Петровна! Господи! вѣдь такъ чего добраго можно и простудиться...

Онъ вытолкнулъ насъ въ коридоръ, который какъ разъ въ это мгновеніе освѣтился свѣтомъ керосиновой лампочки, внесенной изъ кухни горничною.

— Переодѣвайтесь, скорѣй переодѣвайтесь! торопливо направлялъ онъ насъ за плечи къ дверямъ своего кабинета.

Вдругъ мы почувствовали, какъ державшія насъ обонхъ руки капитана дрогнули и онъ разомъ остановилъ насъ съ какимъ-то ужасомъ на поблѣдннемъ лицѣ:

— Что такое?.. слышите?

Мы не слышали ничего. Онъ шепталъ:

— Это—кареда.

Тогда мы прислушались: дѣйствительно, къ подъѣзду запрягаемаго Образцовыми домика подъѣзжало что-то грузное. До насъ донеслось: „стой!“ кучера, кто-то прыгнулъ съ козель на площадку крыльца и застучалъ въ дверь. Почти обнявъ насъ за плечи, точно прикрывая, капитанъ тревожнымъ шепотомъ отдавалъ приказанія горничной:

— Потуши огонь, потуши!

Лампа погасла и мы снова очутились въ темнотѣ. Капитанъ продолжалъ шептать удивленной его поведеніемъ горничной:

— Не отирай подъѣзда... спроси въ запертую дверь, кто молъ и чего надо. Скажи, что никого нѣтъ... рѣшительно никого. Тсс!

Горничная побѣжала на подъѣздъ и до насъ донесся ея разговоръ въ запертую дверь со стучавшимъ:

— Кто такой?

— Человѣкъ генеральши Рогожиной.

— Чего вамъ?

— Не у васъ-ли нашъ молодой баринъ?

— Какой баринъ?

— Мануилъ Сергѣевичъ.

— Никого нѣту... всѣ уѣхали...

— Гдѣ же онъ?

— Вотъ я знаю!.. мнѣ почему знать, гдѣ вашъ баринъ? Сказываю, что никого дома нѣту... Видите темнота какая... Отъѣжай съ Богомъ.

Наступило молчаніе, потомъ окрикъ кучера на лошадей и, увиная въ грязь колесами, карета двинулась съ мѣста и проѣхала мимо оконъ. Капитанъ вынулъ насъ изъ рукъ и забывъ недавнюю осторожность, кричалъ возвращающейся горничной:

— Огня!.. зажечь всѣ лампы!.. Самоваръ, ужинъ, вина!..

XIII.

Необходимо замѣтить, что хотя я и принималъ самое дѣятельное участіе въ происходившемъ, не отставалъ отъ другихъ, тѣмъ не менѣе мнѣ казалось, что во всемъ этомъ было что-то дѣтское, если еще и простительное намъ трюмъ, то есть мнѣ, Моничкѣ и Любовь Петровнѣ, то во всякомъ случаѣ неизвинительное въ капитанѣ. А между тѣмъ капитанъ едва ли не явился въ этотъ вечеръ болѣе ребенкомъ, чѣмъ всѣ мы остальные. Уже въ этомъ вѣроятно безсознательномъ движеніи прикрытія меня съ Моничкой, какъ бы для защиты, хотя на насъ никто и не нападалъ, никто не могъ насъ видѣть въ темномъ коридорѣ и отнять у капитана,—уже въ этомъ движеніи сказалося нѣчто реблическое; когда-же экипажъ отъѣхалъ, капитанъ, не разсуждая что открытіе Монички въ его домѣ отдалось всего можетъ-быть на какіе-

нибуть полчаса или часть, можно-сказать возликовалъ, какъ ребенокъ, живущій нѣсколькими минутами отсрочки висящаго надъ нимъ наказанія. Онъ точно онянѣлъ и обезумѣлъ отъ радости и счастья, живя настоящею минутой, не задумываясь о будущемъ. Онъ толкнулъ насъ въ свой кабинетъ, чтобы мы могли переодѣться, выворотилъ изъ комодовъ все свое бѣлье, но отыскивать вещи предоставилъ намъ самимъ, убѣжавъ изъ комнаты. Онъ помогалъ горничной освѣщать домъ, раздувалъ самоваръ, зажегъ ручной фонарь и въ сопровожденіи кухарки сходилъ на погребъ, гдѣ хранились изъ него вино и закуски. Вернувшись, онъ поговорилъ о чемъ-то въ запертую дверь съ дочерью, потомъ забѣжалъ къ намъ и увидѣвъ, что мы находимся въ одномъ бѣльѣ, хотѣлъ было изъ скромности, чтобы не сконфузить насъ, удалиться, ограничившись словами: „одѣвайтесь, одѣвайтесь, господа! не буду мѣшать вамъ“, но мы сами остановили его:

— Дайте, капитанъ, сказалъ я,—надѣть что-нибудь?..

— Наше платье все въ грязи, указалъ Моничка на разбросанные по стульямъ принадлежности нашего туалета.

Капитанъ испуганно ударилъ себя рукою по лбу: какъ, дескать, ему ранѣе не пришло это въ голову! и озабоченно бросился шарить для насъ что-нибудь въ гардеробъ. Конечно оказалось, что есть платье только военное, что привело капитана въ нѣкоторое смущеніе, отъ котораго мы, впрочемъ, его избавили.

— Все равно, крикнулъ я,—давайте что найдется!..

— Это даже интересно, вскричалъ Моничка, — появиться военными.

— О, да-съ, восторженно согласился съ нимъ капитанъ, и, быть можетъ въ глубинѣ души разумѣя одного Моничку, чтобы не обидѣть прицѣпилъ къ нему и меня, прибавивъ: — къ вамъ, господа, это даже очень пойдеть.

И вотъ мы—военные: салюги звенятъ шпорами, мундиры абхазскаго полка, попоны,—все какъ слѣдуетъ, если не считать незначительныхъ погрѣшностей, происходящихъ отъ того, что платье шито не для насъ, а потому тутъ выходитъ длинновато, тамъ морщится, здѣсь горбится. Такое невольное переодѣванье, надо сказать, очень увлекло насъ и мы долго стояли передъ зеркаломъ, оставшись снова вдвоемъ, разсматривая свои изображенія и принимая различныя осанистыя позы. Моничка довольно серьезно и не безъ досады замѣтилъ:

— Чортъ возьми! жалъ, что усовъ-то у насъ нѣтъ!

На что я, невольно впадая въ его тонъ, отвѣтилъ:

— Да.. чего это они не растутъ!

Понятно, что когда, наконецъ, мы вышли, звеня шпорами, въ освѣщенный залъ, капитанъ пришелъ въ восторгъ отъ нашего переодѣванья.

— Превосходно-съ! восхищался онъ, смотря то на одного, то на другаго и при этомъ неизвѣстно за что благодарственно пожимая намъ руки. — Странное дѣло, господа, прибавилъ онъ, все еще не выпуская нашихъ рукъ, — кажется, одинъ маскарадъ все это ваше переодѣванье, а между тѣмъ, какъ-то проще стало, какъ-то непринужденнѣе себя чувствуешь съ вами, когда вижу васъ въ мундирахъ полка, въ которомъ имѣю честь служить. Точно въ товарищескомъ кружкѣ!.. да-съ! Что-жь, господа?—онъ указывалъ намъ на покрытый и установленный различными кушаньями и закусками съ обиліемъ бутылокъ столъ, — что-жь золотое время терять?.. не приступить-ли къ водочкамъ? Оно, знаете, послѣ ночной нашей прогулки, даже необходимо. Пожалуйте.

Онъ наливалъ намъ водку, которой мы никогда до сихъ поръ не пили, а потому при предложеніи капитана смущенно переглянулись другъ съ другомъ. Капитанъ объяснилъ нашу нерѣшительность нѣсколько иначе:

— Безъ хозяйки не хотите приступить, господа?—и не дожидаясь подтвержденія своихъ словъ съ нашей стороны, вдругъ бросился изъ зала и крикнулъ дочери: — Любовь Петровна, вы готовы?

Она отвѣтила:

— Сейчасъ!

— Сдѣлайте одолженіе, мы ждемъ васъ.

Любовь Петровна дѣйствительно не заставила насъ долго ждать себя и выбѣжала въ залъ, совершенно переодѣтая. Бальное платье свое она замѣнила тѣмъ самымъ утреннимъ льновымъ платьемъ, въ которомъ увидѣлъ ее впервые Моничка. Она приколотла къ корсету букетъ подснежниковъ, который сохранился у нея въ комнатѣ въ водѣ, и собранный на головѣ черныя косы распустила по синиѣ такъ, что они спустились у нея ниже пояса. Любовь Петровна была необыкновенно оживлена и, кажется, позабыла всѣ испытанія ея въ этотъ вечеръ непріятности. Она изумилась, увидя насъ военными, и всхлюпнувъ руками, подбѣжала и разсматривала насъ, безцеремонно ворочая.

— Это премило и, право, идетъ къ вамъ... Повернитесь... расклянчитесь... ну, вы, господа, кланяйтесь-то по-граждански. Военный не такъ... онъ пристукаетъ шпорами и при неподажности корпуса, почтительно склонитъ голову. Папаша!

— Да, мой другъ.

— Покажи имъ, какъ кланяются по-военному... Впрочемъ, ты старъ, утратилъ развязность и ловкость.

Мы все еще стояли, не приступая къ ужину, и Любовь Петровна спохватилась, что задерживаетъ насъ.

— Что-жь вы, господа, меня ждете? обернулась она къ заставленному обиліемъ кушаній столу и всхлюпнула руками:— о Боже! но этимъ можно напиться цѣлую толпу! Садитесь, господа: тутъ папаша, тутъ вы, тутъ я...

Она сѣла во главѣ большаго стола и казалась необыкновенно одушевленной.

— Бѣсъ? вскричала она,—рѣзать, рвать и глотать... да развѣ я могу бѣсъ? нѣтъ: ты мнѣ, папаша, палей немного вина въ стаканъ и разбавь его доверху водой... такъ. А вы, господа, кушайте, пейте, мнѣ же веселиться предоставьте... Папаша, отчего ты не принеешь гитару, принеси.

— Дайте, Любовь Петровна, побѣсъ. Успѣемъ: времени хватитъ.

Она какъ-то вдругъ задумчиво и строго посмотрѣла поверхъ подносимаго ко рту стакана на отца и, медленно растягивая проносимыя ея слова, спросила:

— Ты думаешь?

Набѣжавшее на ея лицо облачко раздумья унеслось: она, казалось, тоже, какъ и отецъ, жила минутой, и не могла думать о завтрашнемъ днѣ. Ея задумавшіяся было на мгновеніе глаза снова блеснули самымъ задорнымъ весельемъ, и по адресу отца она бросила:

— А ты все-таки потомъ принеси гитару.

— Вы поете? спросилъ Моничка.

— О мой поемъ такія пѣсни, какихъ никто не поетъ, отвѣтила она шутиво.—Мы все поемъ: цѣлыя поэмы, пѣлыя трагедіи поемъ... Мы читать не умѣемъ... Нѣтъ, вы не смѣйтесь.

— Я не смѣюсь, но не совѣмъ васъ понимаю.

— Очень просто, я вамъ объясню. Мы до такой степени любимъ пѣть, что если кто-нибудь изъ насъ начнетъ, положимъ, читать совершенно неподходящее къ пѣнію стихотворное произведеніе, на третьемъ—на четвертомъ стихѣ—онъ станетъ уже читать нараспѣвъ и чѣмъ дальше, тѣмъ больше и больше. Такъ незамѣтно отъ чтенія и перейдемъ къ чтенію нараспѣвъ, а потомъ и къ пѣнію. Тутъ ужъ берется гитара и къ пѣнію присоединяется переборъ струнь.

— Это оригинально.

— И, знаете, благодаря этому, мы запоминаемъ цѣлыя поэмы. Иногда мы поемъ вдвоемъ.

— Оба вмѣстѣ?

— Нѣтъ: діалогъ. Папаша поетъ мужскую партію, я—женскую.

— А напѣвъ? откуда вы берете его?

— Готовый, чужая мелодія если подходитъ къ словамъ... Сами не сочиняемъ, да и поемъ-то мы, конечно, самоучкой. Папаша!

— Что прикажете?

— Помнишь ты нашу мечту?..

— Пустяки, душа моя.

— Почему же пустяки? Я скажу пѣть...

— Пожалуйста! вскричали мы съ Моничкой, такъ утоливъ свой голодь, немного разсужденныя отъ наливаемаго намъ капитаномъ вина.

— Видите: рассказывала о нашемъ пѣніи—такъ вспомнила. Когда папаша кончитъ служить—мы уѣдемъ на Югъ. О, вы не знаете тѣхъ странъ: тамъ лучше, чѣмъ у васъ. Тамъ—рай, тамъ вѣчно тепло, тамъ виноградъ, горы, солнце, голубое небо и море. Мы не хотимъ жить на одномъ мѣстѣ, мы все будемъ переѣзжать изъ страны въ страну, постоянно переѣзжать...

— Для чего же это? спросилъ я.

— Какъ для чего? удивилась Любовь Петровна, — очень просто: это разнообразіе, эта смѣна впечатлѣній—жизнь. Теперь мы живемъ точно прикованные п отъ нечего дѣлать создаемъ себѣ привычки, отъ которыхъ одна тягостъ. А тогда...

— Что-же тогда? снова спросилъ я, не вполне согласный съ преимуществами подобнаго образа жизни.

— Тогда мы вольныя птицы: не поворачиваетъ въ одномъ мѣстѣ—летимъ въ другое... въ третье... въ четвертое...

— Но это значитъ, вставилъ я,—жить только для себя, для своего собственнаго развлеченія. Вы же любите дѣлать добро, страдаете и плачете съ несчастными. Чтобы облегчать и помогать, надо знать людей, а перелетая изъ мѣста въ мѣсто—вы будете лишены возможности узнавать дѣйствительную нужду.

Любовь Петровна не согласилась со мной, но не нашлась какимъ образомъ разбить мое возраженіе. Въ нашъ разговоръ вмѣшался капитанъ:

— Это не вполне вѣрно, вставилъ онъ, — поясню примѣромъ. Когда прѣзжаешь въ какой-нибудь городъ, намѣреваясь поселиться въ немъ, то видя въ перспективѣ продолжительное пребываніе, со дня на день откладываясь посмотреть то или это изъ достопримѣчательнаго, что въ городѣ находится. Я въ Петербургѣ прожилъ пять лѣтъ и Эрмитажа не видалъ: все думалъ, успѣю, все собирался, да такъ и уѣхалъ, не выдавъ. А прѣдешь на время въ какой-нибудь Парижъ или Лондонъ, ну и бѣгаешь, высунувъ языкъ, и въ недѣлю, въ двѣ увидишь столько, сколько не увидишь въ пять лѣтъ осѣдлаго пребыванія на одномъ мѣстѣ. Такъ и нужда-съ: всюду и во всякое время, какъ бы это послѣднее коротко ни было, усмотрѣть нужду возможно-съ. Что-же, Любовь Петровна, прикажете принести гитару или раздумали?

(Окончаніе въ слѣд. №).

Весна. Съ карт. Бернара, грав. Бонгъ.

Къ 100-лѣтнему юбилею лейбъ-гвардіи Павловскаго полка.

15 мая 1890 года.

15 мая л. г. Павловскій полкъ празднуетъ столѣтіе своего существованія. Пользуясь этимъ случаемъ, мы даемъ здѣсь крат-

кую характеристику вѣковой жизни и службы этого полка, богатой какъ славными дѣяніями на полѣ брани, такъ и интересными эпизодами чисто-мирнаго характера.

Название „Павловскій“ полкъ носитъ съ 23 ноября 1796 г., когда состоялось повелѣніе императора Павла I: изъ двухъ батальоновъ и двухъ ротъ Московскаго Гренадерскаго полка составить новый полкъ, получившій имя Государя—его основателя; но старшинство полка повелѣно считать со времени основанія Московскаго Гренадерскаго полка, т. е. съ 15 мая 1790 г.

Суровую мирно-учебную школу прошелъ полкъ въ первые годы своего существованія, подъ личнымъ наблюденіемъ императора Павла I и его грознаго сподвижника Аракчеева. Это время было временемъ кося, напудренныхъ париковъ, неудобнаго снаряженія и быющей въ глаза, маркой одежды. Сущность военной педагогики того времени заключалась въ установленіи дисциплинарной безличности солдата въ ущербъ его индивидуальному развитію, и понятіе о военной дисциплинѣ вполнѣ основывалось на извѣстномъ изреченіи Фридриха Великаго: „солдатъ долженъ бояться палки своего капрала больше чѣмъ неприятельской пули“.

Но не долго полку пришлось заниматься исключительно мирными эзерциціями. Конецъ XVIII и начало XIX столѣтій ознаменовались дѣльми рядомъ войнъ, грозившихъ гибелью многимъ государствамъ Европы. Одна могучая Русь, сильная своимъ единствомъ, преданностью престолу и истинною доблестью сыновъ своихъ, не только отстояла себя, но и спасла отъ гибели своихъ сосѣдей. Это была апогей русской славы, русскаго величія.

Въ этихъ знаменитыхъ войнахъ Павловскій полкъ заслужилъ свои главныя награды: гренадерскія шапки, Георгіевскія знамена, причисленіе къ составу старой гвардіи; а добытая полкомъ славная боевая репутація занимаетъ видное мѣсто на страницахъ не только русскихъ, но и иностранныхъ военно-историческихъ монографій.

Боевая служба Павловскаго полка началась съ участія въ экспедиціи, имѣвшей цѣлью изгнаніе французовъ изъ Голландіи; затѣмъ полкъ участвовалъ въ кампаніяхъ 1806, 1807, 1812, 1813 и 1814 гг. Такимъ образомъ Павловцамъ пришлось дѣлать первые шаги на пути къ своей боевой карьерѣ въ борьбѣ противъ побѣдителей міра, предводимыхъ лучшими генералами того времени и величайшимъ полководцемъ всѣхъ временъ—Наполеономъ I-мъ.

Дѣла Павловскаго полка въ 1806—1807 годахъ неразрывно связаны съ именемъ графа Остермана-Толстаго, бывшаго начальникомъ дивизіи, а также съ именемъ генерала Мазовскаго—шефа полка. Графъ Остерманъ былъ замѣчательнъ психическимъ хладнокровіемъ и рѣдкой непоколебимостью въ защитѣ ввѣреннаго ему пункта; въ минуты величайшихъ опасностей онъ обнаруживалъ высокое, ничѣмъ не возмутимое спокойствіе духа; въ такія минуты, когда казалось, что все уже погибало, что неприятель раздавитъ насъ своей численностью, для Остермана существовалъ только одинъ способъ дѣйствій: онъ лихо выходилъ передъ ряды своихъ любимыхъ Павловцевъ и, спокойно обнаживъ шпагу, неустрашимо велъ ихъ въ штыки съ полнымъ пренебреженіемъ къ численности неприятеля. Такъ было у деревни Черновой, гдѣ семь русскихъ батальоновъ въ теченіе цѣлой ночи выдерживали натискъ сорока тысячъ французовъ, предводимыхъ самимъ Наполеономъ; такъ же было въ бою подъ Пултускомъ и въ кровавомъ побоищѣ при Прейсшиш-Эйлау. Вообще въ атакахъ подъ начальствомъ генераловъ Остермана и Мазовскаго Павловцы не знали не-

удачъ: „они ходили въ штыки часто и всегда удачно, нишеть участникъ боя подъ Прейсшиш-Эйлау,—послѣ атакъ, во время которыхъ наблюдалась удивительная неустрашимость, Павловцы устраивались вновь подъ страшнымъ огнемъ въ замѣчательномъ, почти немислимомъ въ бою порядкѣ“.

То-же находимъ и въ донесеніи Беннгсена, изъ котораго можно заключить, что неприятель уже узналъ Павловцевъ, и даже одинъ ихъ видъ нагонялъ на него паническій страхъ. Во время одной изъ атакъ французовъ, направленной на Павловскій полкъ, ихъ колонна обратилась назадъ только отъ одного стройнаго вида Павловцевъ, которые, выражаясь словами донесенія генерала Беннгсена, „съ отменной храбростью на полѣ сраженія ободрили геройственнымъ видомъ другъ друга, черезъ что только равнодушнымъ фронтомъ поразили сильно стремившуюся на нихъ неприятельскую колонну“.

20 и 24 мая того же 1807 г., Павловскій полкъ участвовалъ въ бояхъ при Гейльсбергѣ и при Липденау, а 2 іюня — въ кровопролитномъ сраженіи подъ Фридландомъ. Въ бою при Липденау неустрашимый Остерманъ-Толстой во время одной изъ атакъ чуть было не попался въ плѣнъ; увлекшись боемъ, онъ слишкомъ рискованно выхлѣлъ впередъ, былъ раненъ и окруженъ врагами, которые уже намѣревались увлечь его; но Павловцы не выдали своего храбраго начальника: съ генераломъ Мазовскимъ во главѣ они съ ожесточеніемъ бросились на французовъ и отбили у нихъ своего героя—предводителя. Раненый Остерманъ, какъ бы въ награду за эту услугу, тотчасъ-же указалъ Мазовскому на неприятельскую батарею, сильно опустошавшую наши ряды, и приказалъ Павловцамъ

взять ее. Безъ встрѣлы двинулся Мазовскій со своимъ полкомъ, и черезъ нѣсколько минутъ тамъ, гдѣ громыхали французскія орудія, звлилось знамя Павловскаго полка.

Князь П. И. Багратионъ.

стѣпявшемъ свободу дѣйствій. Не смотря на неудобство расположенія, превосходство силъ неприятеля и отчаянную храб-

Благословеніе и перевязка раненыхъ.

рость французских батальонов, предводимых самими Наполеоном, — не смотря на губительный огонь французской артиллерии, ославившей наши линии картечью почти в упор, войска князя Багратона удержались целый день на занятой ими позиции, и предание о их замечательном мужестве принадлежит к числу самых дорогих и славных воспоминаний в летописях нашей несравненной армии.

Генерал Мазовской покрыл себя в этот день неувыдаемой славой русского героя, послужившей предметом трогательных легенд и презент, несопленных военной поэзии. Он в этот день умирал, и умирая на чужбине, вдали от родины, постепенно разстреливаемый неприятельскими пулями и картечью, не думал ни о чем кроме своего родного полка, которым командовал до последнего издыхания. Весь раненый, со всеми признаками угасания жизни, Мазовской горячо ободрял Павловцев, напоминал им о долге христианина и воина, вриноподданного, о примѣрном поведении полка во всю кампанию и о необходимости поддержать славное имя, которое Павловцы заслужили своей кровью... Между тем картечь рвала наши ряды, а новые и новые французские колонны лонили вперед съ восторженными криками... Тронутые до слез Павловцы подхватили на руки своего умирающего начальника и, по его требованию, вынесли его перед полк. Собрав последние силы, Мазовской закричал: „Друзья мои! неприятель усиливается! Умремъ или побѣдимъ!“ Несомый вперед полка, он в последний раз повел Павловцевъ в атаку; но тут картежная пуля поразила его на смерть. Последние слова этого удивительного, легендарного героя были: „друзья, не робейте!“ Сказав их, Мазовской склонил голову и умер на руках рыдавших, горячо любивших его солдатъ.

При чтении этих глубоко трогательных строкъ невольно приходят на память слова поэта:

„Какой свѣтлыишникъ доблести угасъ!
Какое сердце битъея перестало!“

Не стало Мазовского, но дух его, также как и духъ всѣхъ истинныхъ героев, продолжает жить в полку; онъ сказанъ во всѣхъ послѣдующихъ сраженіяхъ, не исключая и повѣщаго дѣла подъ Горнишъ-Дубнякомъ, гдѣ Павловцы не только не уронили, но даже подняли славу своихъ предковъ. Объ этомъ будемъ говорить ниже.

И такъ съ фанатическимъ упорствомъ отставали Павловцы предмѣстье зажженного неприятельскими снарядами городка Фридланда. Объ этой стойкости русскихъ войскъ можно прочесть восторженные отзывы даже во французскомъ описаніи извѣстнаго историка Тьера.

Выдающаяся служба полка въ кампанию 1806 и 1807 гг. обратила на него особое вниманіе императора Александра I и списала ему такую награду, какой не имѣетъ ни одинъ полкъ, а именно — прострѣленные неприятельскими пулями грендерскія шапки, которые повелѣно навѣки оставить

въ архивѣ бывшимъ историкомъ л.-гв. Павловскаго полка бывш. полковникомъ генеральнаго штаба, Вороновымъ:

„Отличное мужество, храбрость и неустранимость, съ которыми подвизался, при неоднократныхъ сраженіяхъ въ теченіе минувшей противу Французовъ войны Павловскій Грендерскій полкъ, приобрѣли ему неоспоримое право на Мою „совершенную признательность и уваженіе къ рѣдкимъ его „подвигамъ. Всякій шагъ, имъ въ сраженіи сдѣланный, служилъ къ прославленію его, и всѣ чиновники оказали вообще „и въ полной мѣрѣ долгъ свой, а достойный ихъ начальникъ „обогатилъ кровію своею ратное поле. Мнѣ лестно и усладительно извѣститъ здѣсь, что полкъ сей таковыми дѣяніями „украсилъ славу знаменитѣйшаго Основателя своего, котораго „Имя ему присвоено. Желая предать сіе потомству и вознаградить заслуги по достоинству, повелѣваю, чтобъ въ почестъ „онаго полка, нынѣ состояща въ немъ шапки оставить въ „немъ, въ томъ видѣ, въ какомъ сошелъ онъ съ мѣста сраженія хотя-бъ нѣкоторые изъ нихъ были повреждены; да пребудутъ они всегдашнимъ памятникомъ отъиной его храбрости и Монаршаго къ нему благоволенія“.

Указъ этотъ нынѣ хранится въ полковой церкви Павловскаго полка, въ особой витринѣ, рядомъ съ другими военными святынями.

Въ 1814 году Павловскій полкъ чуть было не лишился своихъ славныхъ грендерокъ, и только благодаря особому вниманію къ полку императора Александра Павловича и находчивости рядоваго Троинна, этотъ головной уборъ сохранилъ и до сего времени. Еще съ 1813 года грендерскія шапки обращали на себя вниманіе многихъ лицъ изъ союзныхъ войскъ; всѣ сомнѣвались въ удобствѣ этихъ шапокъ, а нѣкоторые изъ иностранныхъ монарховъ даже заявили объ этомъ императору Александру I-му.

Въ бытность въ Парижѣ, государь рѣшилъ, въ видѣ опыта, замѣнить грендерки киверами; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ хотѣлъ спросить у самихъ Павловцевъ: будутъ ли они довольны такой переменою. Выбравъ день, когда караулы въ Елисейскомъ дворѣ занималъ Павловскій полкъ, императоръ, выходя изъ дворца съ королемъ Прусскимъ, остановился передъ стоецкимъ на часахъ рядовымъ Троиннымъ, уже одѣтымъ въ киверъ, и изволилъ спросить его: „Я приказалъ замѣнить ваши шапки киверами, — нравятся ли вамъ такая перемена?“

Киверъ.

„Никакъ нѣтъ, Ваше Императорское Величество,“ смѣло отвѣтилъ Троиннъ: — „въ грендерскихъ шапкахъ неприятель насъ знаетъ и боится, а къ новой формѣ придется его приучать“.

Такой молодецкій отвѣтъ рядоваго Троинна чрезвычайно понравился императору. Государь тотчасъ же приказалъ навѣки оставить полку грендерскія шапки, произвелъ Троинна въ унтеръ-офицеры, пожаловалъ ему сто рублей и предоставилъ право *первому здороваться съ Его Величествомъ при всякой встрѣчѣ*. Такой награды не удостоивался ни одинъ солдатъ русской армии.

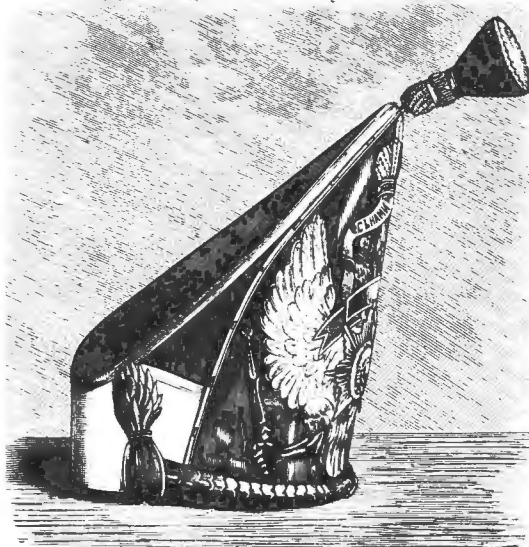
Унтеръ-офицеръ Троиннъ впоследствии имѣлъ счастье быть лично извѣстнымъ въ Бозѣ почившему императору Александру Николаевичу, и государь съ удовольствіемъ вспоминалъ о немъ при разговорѣ съ Павловскими офицерами.

Къ сожалѣнію, краткость этого очерка не позволяетъ намъ описать многихъ событій, служившихъ къ дальнѣйшему прославленію Павловскаго полка въ 1812—13 и 14 годахъ. Мы остановимся только на главнѣйшихъ событіяхъ и преимущественно на Отечественной войнѣ. Въ эту войну 1-й и 3-й батальоны полка были назначены въ дѣйствующую армию, а второй батальонъ поналъ въ составъ отдѣльно дѣйствовавшаго корпуса графа Витгенштейна, прикрывавшаго доступъ къ Петербургу (тогда полки были трехбатальоннаго состава).

Въ главной арміи полкъ участвовалъ въ сраженіяхъ: Лубинскомъ, Бородинскомъ, Тарутинскомъ, а также подъ Мало-Ирославцемъ и подъ Краснымъ.

Въ Бородинскомъ сраженіи Павловскій полкъ, вмѣстѣ со своей дивизіей, защищалъ высоты позади извѣстной деревни Утицы. Всѣ ушли корпуса Понятовскаго, чтобы овладѣть этими высотами, были тщетны; нѣсколько разъ, въ страшныхъ рукопашныхъ схваткахъ, эта позиция переходила изъ рукъ въ руки, но въ концѣ сраженія все-таки осталась за нами. Дорогою цѣной купили наши войска эту побѣду: самъ командиръ корпуса, извѣстный генералъ Тучковъ I, залпалъ за нее жизнью; пуля поразила его въ грудь въ то время, когда онъ лично велъ въ атаку Павловскій полкъ. Чистая штыковая работа Павловцевъ дала себя знать и въ этомъ сраженіи.

Въ это же время 2-й Павловскій батальонъ съ честью дрался въ дѣлахъ подъ Якубовой, Полоцкомъ и Клястицами. Въ бою подъ Полоцкомъ, совершенно отрѣзанные неприятелемъ отъ своихъ, Павловцы не только пробили себѣ дорогу штыками, но и иривели еще съ собою сто человѣкъ плѣнныхъ. Въ особенности же отличился 2-й батальонъ Павловцевъ въ бою подъ Клястицами. Разбитые Витгенштейномъ французы отступали за рѣку Ницу и, желая прекратить *настоячивое*

Павловская грендерка.

въ томъ видѣ, въ какомъ полкъ сошелъ съ мѣста сраженія. Такимъ образомъ 532 прострѣленные пулями и картечью грендерки, съ отчеканенными на нихъ фамиліями отличившихся предковъ, носятъ современными Павловцами, при чемъ на новыхъ грендеркахъ дѣлаются пробонны, одинаковыя по числу и размѣру съ полученными въ сраженіяхъ. Наибольше поврежденная грендерка, испещренная пулями и картечью, носитъ нынѣ фельдфебелемъ Государевой роты.

Въ 1808 году состоялся слѣдующій Высочайшій указъ, данный Военной коллегіи и съ большимъ трудомъ разысканный

Столітній юбилей л.-гв. Павловського полка. Командир полка, генералъ Мазовской, тяжело ранений, воодушевляєть полкъ въ сраженіи подъ Фридландомъ, 2 іюня 1807 года.

Рис. профес. Шарлеманя (право воспроизведенія въ гравюрь и т. п. принадлежит „Нивъ“), грав. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

Столітній юбилей л.-гв. Павловського полку. Імператор Александр I і король Пруссій в Парижі в 1814 г. Рядовий Тропинь своїм отвіттом зберігає полку гренадерки.

Ориг. рис. профес. Шарлеманя (право воспроизведенія в гравюрі и т. п. принадлежить „Нивѣ“); грав. Б. Пудъ.

преслѣдованіе русскихъ, зажгли единственный на рѣкѣ мостъ, а на противуположномъ берегу выставили батарею и разсыпали стрѣлковъ; но Павловцевъ не могли остановить никакія преграды: грозно наклонивъ штыки, они, съ капитаномъ Крыловымъ во главѣ, бросились на горѣвшій мостъ, а за ними послѣдовали стрѣлки драгунскаго по сосѣдству Сѣвскаго полка. На минуту баталіонъ скрылся въ дыму и пламени горящаго моста; но вотъ на другой сторонѣ рѣки показались грозныя для французовъ гренадерскія шапки и раздалось Павловское „ура!“ Опрокинутый непріятель бѣжалъ безъ оглядки, оставивъ въ нашихъ рукахъ всю свою батарею. Вслѣдствіи императоръ Николай Павловичъ, украсивъ свой Зимній дворецъ изображеніями подвиговъ русскихъ войскъ, повелѣлъ изобразить и этотъ истинно классическій подвигъ Павловцевъ. За Отечественную войну полкъ получилъ Георгіевскія знамена и причисленъ къ составу лейбъ-гвардіи.

Минуя рядъ слѣдующихъ событій и даже польскія и турецкія войны, описаніе которыхъ заняло бы много мѣста, перейдемъ прямо къ войнѣ 1877—78 гг. Въ эту войну л.-гв. Павловскій полкъ опять былъ призванъ исполнить свой долгъ передъ Царемъ и Отечествомъ на полѣ брани. Перейдя Дунай 2 октября, полкъ сразу вступилъ въ районъ военныхъ дѣйствій, и уже 12 октября участвовалъ въ кровопролитномъ бою подъ Горнымъ-Дубнякомъ. Не вдаваясь въ описаніе боя, отмѣтимъ только въ некоторые эпизоды его, касающіеся исключительно Павловскаго полка...

Вотъ группа изъ командующаго полкомъ флигель-адъютанта полковника Шмита и знаменныхъ унтеръ-офицеровъ степенно и торжественно двигается со знаменемъ 4-го баталіона подъ сильнѣйшимъ огнемъ непріятеля по направленію къ Малому турецкому редуту. Знаменщикъ, Василій Митрофановъ, смертельно раненъ пулею; но, несмотря на это, до послѣднихъ минутъ жизни не разстается со вѣренною ему военною святыней; на всѣ просьбы знаменныхъ унтеръ-офицеровъ передать знамя кому-нибудь изъ нихъ, онъ сердито отвѣчаетъ: „я живъ еще!“ Только чувствуя приближеніе смерти, передаетъ Митрофановъ знамя унтеръ-офицеру Теремкову. Этого тоже ранили, но онъ собралъ послѣднія силы и только тогда согласился пойти на перевязочный пунктъ, когда, въ концѣ боя, знамя было водружено на валу турецкаго укрѣпленія имъ и полковникомъ Шмитомъ.

На другомъ пунктѣ поля сраженія Павловскій герой, флигель-адъютантъ полковникъ Руновъ, воскрешая духъ Мазовскаго, ведетъ въ атаку 1-й и 2-й баталіоны. Жестокій огонь съ разстоянія 300 шаговъ встрѣчаетъ атакующихъ, которые выходятъ на совершенно открытую площадку передъ редутомъ. Передовая группа офицеровъ и солдатъ проскальзываетъ подъ ужаснымъ свинцовымъ градомъ и останавливается перевести духъ у соломы, сложенной турками шагахъ въ шестидесяти отъ редута. Это закрытіе оказалось обман-

Полковникъ Руновъ.

чивымъ: турецкія пули пронизывали его и выбивали одного за другимъ этихъ храбрецовъ, имѣвшихъ дерзость залечь въ такомъ близкомъ разстояніи отъ дула современнаго наръзнаго оружія. Это были истинные, бесспорные храбрецы, имена которыхъ украшена „Исторія л.-гв. Павловскаго полка“. Здѣсь, кромѣ полковника Рунова, были слѣдующіе офицеры: Ширманъ, Яблонскій, Гингладтъ 1, Айкановъ, Иващенко, Леманъ, Полонскій и Березовскій (вышъ извѣстный издатель военныхъ книгъ). Изъ девяти названныхъ офицеровъ остался невредимъ только одинъ; остальные же или перебиты, или переранены. Въ довершеніе ужаса, въ эту же кучку офицеровъ и солдатъ пала граната и, разорвавшись, смертельно ранила флигель-адъютанта полковника Рунова и командира Государевой роты капитана Ширмана.

Изуродованный Руновъ (ему перебито весь лѣвый бокъ до шеи) былъ огнесенъ на перевязочный пунктъ; но никакія чудеса врачебнаго искусства не спасли его жизни... И вотъ Руновъ уже сознаетъ это, чувствуетъ близкій конецъ; по своей желѣзною волею онъ старается заглушить страданія и безпрестанно спрашиваетъ окружающихъ: „какъ идетъ дѣло? гдѣ наши? взять ли турецкій редутъ?“ Казалось, что въ немъ не шорывается послѣдняя шнѣ жизни только вслѣдствіе страстнаго желанія услышать вѣсть о побѣдѣ. Вечеромъ ему говорить, что редутъ взятъ, и ему хочется видѣть свой баталіонъ, своихъ молодцовъ-побѣдителей. Съ этой мыслью Руновъ мучится до утра. Наконецъ, настало утро, и онъ со слезами проситъ, чтобы его снесли въ редутъ. Никакія убѣжденія докторовъ не могутъ пересилить его желанія, — раненый прямо

повторяетъ одни и тѣ же слова: „несите меня къ моимъ молодцамъ, хочу умереть среди моего баталіона“...

Уступая желанію умирающаго, его несутъ въ редутъ; но смерть пересиливаетъ могучую натуру Рунова, и онъ умираетъ на пути къ редуту. Носильщики осѣнились крестомъ и продолжали шестить съ тѣломъ героя, которое, какъ святыню, передали солдатамъ. Застывшее лицо Рунова казалось спокойнымъ, довольнымъ; на устахъ играла улыбка... Это было лицо русскаго героя-патріота, вполне удовлетвореннаго своими дѣланіями.

Солдаты набожно крестились и шептали молитву; офицеры плакали и, поклонясь надъ Руновымъ, цѣловали его холодный лобъ...

Эти минуты были полны грустной, но тѣмъ не менѣе глубокой военною поэзіи, о которой истинно-военные люди мечтаютъ въ мирное время.

Черезъ мѣсяцъ послѣ боя подъ Горнымъ-Дубнякомъ, мы уже видимъ Павловцевъ, въ составѣ отряда генераль-адъютанта Гурко, на угромыхъ Балканскихъ высотахъ. То, что перенесли наши войска, полуодѣтыя, полуобутыя, а иногда и голодныя, стоя цѣлый мѣсяцъ на Балканахъ, сначала въ невылазной грязи, а затѣмъ среди бурь, мятелей и 20° мороза, — достаточно свѣжо въ памяти и извѣстно всей читающей публикѣ. Съ полной покорностью судьбѣ боролся нашъ простой военный труженникъ съ суровой природой, втаскивалъ въ облачныя выси тяжелыя орудія, прокладывая дороги въ дикихъ горныхъ трупобахъ, даже не сознавая, что его гигантская работа есть подвигъ, которымъ по справедливости можетъ гордиться русская нація.

Къ сожалѣнію, размѣръ статьи не позволяетъ намъ рассказать объ участіи л.-гв. Павловскаго полка въ трехдневномъ бою подъ Филиппополемъ и объ его знаменитомъ переходѣ въ бродъ черезъ рѣку Марицу, по которой въ это время шель густой ледъ, рѣзавшій бока не только солдатамъ, но и офицерамъ, которые не успѣли обзавестись лошадьми. Все это переносилось съ удивительнымъ мужествомъ и считалось не подвигомъ, а простымъ исполненіемъ долга.

Переходя къ жизни и службѣ полка въ мирное время, мы должны остановиться на счастливыхъ и глубокоотрагательныхъ минутахъ, которыя пережили Павловцы въ общеніи со своимъ Августѣйшимъ шефомъ — нынѣ въ Бозѣ почивающимъ императоромъ Александромъ II. Назначеніе малолѣтняго цесаревича Александра Николаевича шефомъ л.-гв. Павловскаго полка послѣдовало 19 декабря 1825 года. Въ этотъ священный для полка день Павловцы занимали караулъ въ Зимнемъ дворцѣ. Императоръ Николай I позвалъ въ свой кабинетъ малолѣтняго наследника престола и, въ присутствіи уже извѣстнаго намъ графа Остермана-Толстаго, объявилъ цесаревичу о назначеніи его шефомъ л.-гв. Павловскаго полка. Вслѣдъ за этимъ Его Величество приказалъ графу Остерману сопровождать Его Высочество ко внутреннему караулу и поздравить его съ новымъ шефомъ.

Тамбуръ-мажоръ.

Вѣсть объ этой высокой милости императора быстро распространилась въ полку. Всѣ были охвачены восторгомъ, желаніемъ поскорѣ видѣть своего шефа на представленіи, которое состоялось на другой день. Съ самаго дня назначенія до своей мученической кончины императоръ Александръ II искренно любилъ и баловалъ своихъ Павловцевъ, выражал свои чувства при всякомъ удобномъ случаѣ, при всякой встрѣчѣ съ полкомъ. Эти чувства государя къ полку были замѣчательны по своей теплотѣ, которая навсегда, навѣки запечатлѣвалась въ сердцѣ каждого Павловца, имѣвшаго счастье слышать ласковый голосъ государя, видѣть особую, свойственную ему одному, улыбку, а иногда и слезы на его грустно-вдумчивыхъ глазахъ, которыя каждый разъ появлялись, когда государь вспоминалъ прежнюю службу полка и связанную съ ней свою молодость. Павловцы твердо знали, что государь часто вспоминалъ полкъ среди своихъ обширныхъ заботъ, а иногда даже и скучалъ по немъ, когда долго его не видѣлъ; но зато и они были преданы ему безавѣтно, любили его такъ, какъ только можно любить въ этой жизни государя и человѣка.

Мы помнимъ одинъ случай, повидимому не видѣвшагося, но который особенно запечатлѣлся въ нашей памяти. Это было незадолго передъ войной 1877 года. Государь надолго уѣхалъ за границу и, вернувшись, дѣлалъ объѣздъ лагеря. Офицеры стояли у лѣваго фланга палатокъ и ждали его приближенія. Вотъ ужъ онъ выдѣляется между массой всадниковъ, особенно, свойственной ему одному, осанкой, по которой мы его всегда узнавали... У всѣхъ забилось сердце чувствомъ встрѣчи съ обожаемымъ царемъ и горячо любимымъ человѣкомъ... Остановится-ли? Будетъ-ли говорить?... Государь осадилъ лошадь.

„Очень рад вас видѣть, господа“, сказалъ онъ слегка дрожащимъ голосомъ и, отбѣжая, нѣсколько разъ кивнулъ головой. Эти нѣсколько словъ были сказаны съ такимъ чувствомъ, которое не поддается описанію. Эта простая сцена почему-то особенно глубоко запечатлѣлась въ нашемъ сердцѣ и болѣзненно сжимала его въ тѣ минуты, когда мы оплакивали кончину императора Александра II.

Но вернемся къ постепенному ходу событій. Черезъ семь дней послѣ назначенія малолѣтняго цесаревича шефомъ Павловскаго полка императоръ Николай Павловичъ освятилъ полкъ своимъ посѣщеніемъ вмѣстѣ съ Его Высочествомъ, при чемъ нижнимъ чинамъ, въ память назначенія новаго шефа, были розданы денежные награды.

Посвященіе въ строевую службу малолѣтняго цесаревича послѣдовало 8 іюня 1826 года, въ лагерѣ подъ Краснымъ Селомъ. Во время ученія л.-гв. Павловскому полку императоръ Николай I подбѣжалъ къ построенному въ каре 2-му баталіону и приказалъ Его Высочеству стать въ ряды. У цесаревича не оказалось знака, присвоеннаго тогда офицерамъ, находящимся въ строю. Командиръ 5-й роты, капитанъ Верещагинъ, снялъ свой знакъ и имѣлъ счастье надѣть его на мундиръ цесаревича. Во все время маневра, за которымъ слѣдилъ государь, семилѣтній шефъ шелъ съ баталіономъ; но онъ не въ состояніи былъ безъ посторонней помощи переирогивать черезъ встѣпавшія на пути канавы и переходить тонкія мѣста; солдаты зорко слѣдили за этимъ и всякій разъ, безъ приказанія офицеровъ, подхватывали его на руки.

Въ 1827 году послѣдовало въ л.-гв. Павловскомъ полку открытіе школы солдатскихъ дѣтей, устроенной издвигеніемъ цесаревича. Съ тѣхъ поръ школа была неоднократно осчастливлена знаками вниманія и заботливости своего Августѣйшаго покровителя. Часто съ генераломъ Мердеромъ и въ сопровожденіи своихъ сослуживцевъ, Паткуля и Вельгорскаго, одѣтый въ форму Павловскаго полка, Его Высочество пріѣзжалъ въ школу и присутствовалъ на обѣдѣ и занятіяхъ воспитанниковъ. Состоящій при школѣ унтеръ-офицеръ, Евгений Лукашевъ, былъ назначенъ обучать фронту цесаревича и состоящихъ при немъ въ качествѣ сослуживцевъ молодыхъ людей. Однажды, когда казаки, по старинному обычаю, привезли съ Дона своему Августѣйшему атаману рыбу и икру, Его Высочество прислалъ въ школу огромнаго осетра, которымъ воспитанники лакомились по праздникамъ чуть-ли не весь великій постъ.

6 января 1829 года третій баталіонъ Павловцевъ участвовалъ въ Крещенскомъ парадѣ (1-й и 2-й баталіоны были въ это время въ походѣ въ Турціи). Когда адъютантъ 3-го баталіона, прапорщикъ Марковъ, относилъ во дворецъ знамя, его встрѣтилъ съ Петровской залѣ императоръ Николай Павловичъ, шедшій съ одѣтымъ въ Павловскій подпоручичій мундиръ цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ. Поздоровавшись со знаменщикомъ, Государь сказалъ: „Подпоручикъ Романовъ! *примите знамя и отнесите его на мѣсто*“. Марковъ тотчасъ-же уступилъ свое мѣсто цесаревичу, который надѣлъ каску, взялъ подъ козырекъ и понесъ знамя къ тому мѣсту, гдѣ оно всегда хранится во дворцѣ.

12 декабря 1844 года ознаменовалось новымъ радостнымъ событіемъ для Павловцевъ. По Гагаринской набережной шелъ караулъ отъ л.-гв. Павловскаго полка подъ начальствомъ прапорщика Гершельмана *) и имѣлъ счастье повстрѣчаться съ цесаревичемъ. Его Высочество остановилъ караулъ, подовзвалъ Гершельмана и радостно объявилъ Ему: „*Сегодня Богъ далъ мнѣ сына, и государь повелѣлъ зачислить Его къ вамъ въ полкъ. Когда придешь въ казармы, передай полковому командиру объ этой новой милости Его Величества для объявленія въ полкъ*“.

19 декабря 1850 года полкъ праздновалъ 25-лѣтіе шефства цесаревича Александра Николаевича. Въ ознаменованіе этого дня, съ Высочайшаго соизволенія, состоящие и прежде служившіе въ полку офицеры собрали капиталъ, проценты съ котораго назначались для выдачи пособій бѣднѣйшимъ нижнимъ чинамъ. Кромѣ награды и знаковъ вниманія, которыми были осчастливлены по поводу юбилея Павловцы, они удостоились слѣдующихъ словъ, выраженныхъ въ письмѣ Августѣйшаго шефа на имя командира полка: „*Лучшихъ доказательствъ признательности полка, который я съ дѣтства привыкъ считать роднымъ, я не ожидалъ и ожидать не могъ. Для меня тѣмъ болѣе приятно принять эти знаки признательности и офицеровъ, что они служатъ мнѣ яснымъ доказательствомъ увѣренности въ постоянныхъ моихъ чувствахъ душевной любви и уваженія къ полку, который я привыкъ питать въ моего дѣтства и который навсегда буду хранить свято въ душѣ моей*“.

1 августа 1851 года л.-гв. Павловскій полкъ участвовалъ въ церемоніи открытія памятника императору Павлу I въ Гатчинѣ. Стоявшій у памятника на часахъ, рядовой шефской роты Андреевъ, передъ пріѣздомъ государя, былъ смѣненъ нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ. Малолѣтній Великій Князь, въ мундирѣ рядоваго л.-гв. Павловскаго полка, нволилъ стоять на часахъ во все время парада.

Миная слѣдующія событія, изложеніе которыхъ не соответствуетъ разбѣру статьи, мы прямо перейдемъ къ счастливей-

*) Нынѣ генералъ-адъютантъ.

Унто.-фиц. л.-гв. Павловскаго полка.

шему для полка дню, а именно къ 50-лѣтнему юбилею шефства нынѣ въ Бозѣ почивающаго императора Александра II. День 19 декабря 1875 года ознаменовался для полка особыми, исключительными милостями, которыхъ полкъ не ожидалъ. Мы разумѣемъ не награды, пожалованныя государемъ въ этотъ день, а тѣ теплыя, незабвенныя слова, которыя государь произнесъ передъ полкомъ и которыя прямо вылились изъ его великаго любовью сердца.

Утромъ въ Зимній дворецъ собрались всѣ состоящіе въ полку и многіе изъ прежде служившихъ офицеровъ для представленія шефу и поднесенія ему картины, изображающей выдающіеся эпизоды изъ жизни полка, связанной съ жизнью государя. Въ 10 часовъ утра императоръ Александръ II, ведя за руку своего внука, нынѣ Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича, одѣтаго въ парадную форму прапорщика Павловскаго полка, вышелъ изъ внутреннихъ покоевъ. За государемъ слѣдовали всѣ особы Императорской фамилии, собравшіяся на это торжество. Государь былъ веселъ, доволенъ и на лицѣ его замѣтна была хорошо знакомая полку улыбка. Милостиво поздоровавшись съ офицерами, Его Величество выразилъ имъ свое удовольствіе, что ему удастся провести этотъ день вмѣстѣ съ ними. Государь сказалъ, что онъ живо помнитъ, какъ 50 лѣтъ тому назадъ, въ такомъ возрастѣ, какъ его присутствующій внукъ, онъ получилъ лестное назначеніе быть шефомъ л.-гв. Павловскаго полка, и не сомнѣвается, что этотъ славный полкъ, вездѣ вѣрно, честно и храбро служившій ему, его Августѣйшему отцу и дядѣ, такъ-же будетъ продолжать служить ему, его сыну и внуку. Милостиво принявъ картину и „Исторію полка“, написанную къ этому дню офицерами, Бутовскимъ и Вороновскимъ, государь выразилъ благодарность полку и составителямъ „Исторіи“.

Въ часъ дня состоялся въ Михайловскомъ манежѣ Высочайшій смотръ полку. Государь выѣхалъ на середину манежа и обратился къ Павловцамъ съ слѣдующими словами: „*Пятидесятилѣтній шефъ привѣтствуетъ васъ и благодаритъ за честную и всегда вѣрную службу. Я торжесъ тѣмъ, что 50 лѣтъ состою въ рядахъ этого славнаго и храбраго полка. Я отдаю честь вашей доблести (при этомъ, обнаживъ саблю, государь отсалютовалъ полку). Я вполне увѣренъ, что вы всегда будете достойны вашихъ Георгіевскихъ знаменъ, заслуженныхъ вашими славными предшественниками. 50 лѣтъ я былъ свидѣтелемъ безукоризненной службы полка и вполне увѣренъ, что какъ отцу моему, какъ мнѣ служили, такъ же сыну моему и внуку вы будете служить съ той-же преданностью, вѣрностью и любовью*“.

Государь былъ очень растроганъ, и у всѣхъ присутствующихъ видны были на глазахъ слезы. Тишина продолжалась нѣсколько секундъ, — и вдругъ отъ громоваго „ура!“ задрожали стѣны манежа.

Послѣ парада офицеры были приглашены къ Высочайшему столу; а 20 декабря государь посѣтилъ казармы, былъ въ офицерскомъ собраніи, обошелъ помѣщенія нижнихъ чиновъ и удостоилъ принять завтракъ отъ общества офицеровъ. Во время завтрака государь поднялъ бокаль и произнесъ: „*Пью за здоровье моихъ товарищей Павловцевъ!*“

Восторгамъ этого дня не было конца. Проводивъ государя, офицеры долго не покидали собранія и всѣ, очарованные впечатлѣніями послѣднихъ двухъ дней, передавали другъ другу мельчайшія подробности пребыванія государя въ полку.

Вскорѣ послѣ празднованія 50-лѣтняго юбилея полкъ удостоился получить въ подарокъ отъ государя двѣ картины, принадлежавшія императору Николаю Павловичу. Одна изъ нихъ (прилагаемая въ этомъ № *Нивы*) представляетъ бытовую сцену, относящуюся къ пятидесятымъ годамъ: павловскій солдатъ-цырульничъ брѣжетъ своихъ товарищей на бивакѣ; а другая — развѣдъ при императорѣ Николаѣ I. Нынѣ обѣ эти картины, какъ драгоцѣнное воспоминаніе, хранятся на видномъ мѣстѣ въ офицерскомъ собраніи Павловскаго полка.

30 іюня слѣдующаго года полкъ снова былъ отличенъ, удостоившись принять въ свои ряды семилѣтняго внука своего шефа, нынѣ Наслѣдника Цесаревича, Николая Александровича. Это было въ Красномъ Селѣ на корпусномъ маневрѣ. Когда въ заключеніе маневра полкъ двинулся въ штыки, государь поставилъ передъ своей ротой Великаго Князя, который съ обнаженной саблей повелъ роту въ атаку. Когда рота остановилась, государь подошелъ къ ней и, обращаясь къ командиру 1-го взвода, поручику Филиппеву, сказалъ: „*Я хочу поставить Великаго Князя во фронтъ; уступи ему свое мѣсто*“. Ставъ ватѣмъ на правый флангъ, государь приказалъ взять „на крауль“ и отдалъ честь находившейся въ палаткѣ Цесаревнѣ.

За завтракомъ, къ которому были приглашены офицеры, государь нѣсколько разъ вспоминалъ, какъ онъ самъ въ первый разъ былъ поставленъ въ строй въ Павловскомъ полку;

а затѣмъ, какъ бы предчувствуя войну 1877 года, государь замѣтилъ: „Я надѣюсь, что мой сынъ и внукъ будутъ васъ любить, какъ и я; а что я васъ люблю искренно, всѣмъ сердцемъ—я всегда старался доказать это. Я всегда цѣнилъ ваши заслуги и въ особенности теперь, когда служба стала вдвое труднѣе. Буду стараться всѣми силами беречь васъ; надѣюсь, дѣло не дойдетъ до крови: ваша кровь слишкомъ мнѣ дорога; но я увѣренъ, что если се нужно будетъ пролить, то вы исполните вашъ долгъ такъ-же ревностно и достойно, какъ я привыкъ видѣть до сихъ поръ“.

8 февраля 1881 года Павловцы въ послѣдній разъ представлялись своему Шефу на разводѣ съ церемоніей. 1 марта не стало Великаго Царя и человѣка, и трауръ, въ который облекся л.-гв. Павловскій полкъ, былъ дѣйствительнымъ трауромъ, полнымъ сердечной горечи и слезъ.

Нынѣшняя непарадная форма полка.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о нынѣшнемъ состояніи л.-гв. Павловскаго полка. Съ 1814 года полкъ занимаетъ огромныя историческія казармы, хорошо навѣстныя всему Петербургу. Казармы построены въ концѣ прошлаго столѣтія и имѣли другое назначеніе: въ нихъ помѣщался казенный ломбардъ; а въ нынѣшнемъ старомъ офицерскомъ флигелѣ была главная рецептурная аптека, давшая названіе идущему отъ Милліонной улицы переулку. Главный корпусъ казармъ, представленный на рисункѣ, выходитъ однимъ фасадомъ на Царицынъ лугъ (Марсово поле), а другимъ на роскошную Милліонную улицу, которую можно назвать „улицей дворцовъ“. Противъ главнаго подъѣзда казармъ стоитъ богатѣйшій мраморный дворецъ—зимняя резиденція Вел. Кн. Константина Николаевича. Внутреннее устройство казармъ подвергалось постояннымъ улучшеніямъ, а въ настоящее время казармы стали удобными и просторными, вслѣдствіе обращенія темныхъ и затхлыхъ подвальныхъ этажей въ удобныя и даже комфортабельныя кухни, гдѣ 1600 человѣкъ, безъ толкотни и безпорядка, успѣваютъ кормиться въ теченіе 18 минутъ. Кухни снабжены отлично устроенными печами и всѣми новѣйшими приспособленіями для варки пицци. Полы кухни гладкіе, асфальтовые; а столы и всѣ принадлежности для обѣда производятъ впечатлѣніе комфорта и опрятности. Полкъ учится въ холодную пору въ казармахъ, а осенью и весной на Царицыномъ лугу, гдѣ имѣетъ свой собственный участокъ. Касаясь обученія и воспитанія, мы должны замѣтить, что военная педагогика, въ примѣненіи ея разумныхъ выводовъ на практикѣ, сдѣлала въ послѣднее время огромныя успѣхи: всѣ понемногу убѣждаются, что успѣхъ въ занятіяхъ зависитъ не отъ одной только муштровки, но и отъ охоты солдата заниматься военнымъ дѣломъ; а потому лучшіе начальники заботятся въ настоящее время о томъ, чтобы солдатъ былъ доволенъ положеніемъ, питаль-бы довѣріе къ руководителю и интересовался-бы не только содержаніемъ дѣла, но и служебными успѣхами своей части.

Въ этомъ отношеніи Павловскій полкъ всегда стоялъ на высотѣ своей задачи. Въ послѣднее время въ учебной системѣ полка были сдѣланы многія улучшенія, имѣющія спеціальныя и потому не для всѣхъ понятныя интересы. Между прочимъ мы можемъ указать на выработанный въ полку наглядный методъ подготовки учителей изъ нижнихъ чиновъ, представляемыхъ къ новобранцамъ. Спеціальныя занятія съ этими людьми, ведущіяся въ октябрѣ и ноябрѣ, стали отличатся большимъ оживленіемъ, когда отъ учителей потребовали не только теоретическаго курса, но и настоящаго ихъ ремесла, заключающагося въ наглядной передачѣ новобранцу всѣхъ правилъ посредствомъ показа, соединеннаго съ простымъ, толковымъ разказомъ и съ искусной поправкой. Порядокъ этихъ занятій, заключающійся въ томъ, что одинъ учитель (по очереди) изображаетъ новобранца, со всѣми его неловкостями, а другой примѣрно практикуется исправлять эти неловкости, былъ очень скоро усвоенъ въ ротвахъ, и въ результатѣ получились учителя, умѣющіе мастерски преподавать новобранцу всѣ приемы и правила службы.

Придавая огромную важность нравственному развитію учителей, ротные командиры намѣчали ихъ съ перваго года службы и обставляли особымъ воспитательнымъ вліяніемъ, которое заканчивалось выработкой ласковыхъ манеръ и вообще хорошаго тона обращенія съ новобранцами; а для приданія осмысленности дѣлу съ учителями велись особыя бесѣды о цѣли и значеніи каждаго занятія и вообще объ основаніяхъ учебнаго дѣла. Хорошая выучка новобранцевъ и уменьшеніе процента ихъ болѣзненности явились результатомъ этихъ заботъ. Проектъ этихъ занятій, равно какъ и другія учебно-воспитательныя предположенія, былъ составленъ, по приказанію командира полка, извѣстнымъ въ военно-педагогической

литературѣ капитаномъ П. Бутовскимъ—младшимъ братомъ нынѣ уже умершаго В. Бутовскаго,—составителя I-й части исторіи л.-гв. Павловскаго полка.

Для развлеченія людей въ свободное отъ службы время въ полку ведутся систематическія чтенія, которыя, по своему полезному и интересному содержанію, стали на степенъ дѣйствительно воспитательнаго элемента. Такимъ образомъ, вмѣсто скучнаго казарменнаго вечера или безцѣльнаго шатаванія въ казармѣ, гдѣ сторожить солдата всякій соблазнъ, онъ получаетъ пріятное и полезное развлеченіе у себя дома.

Какъ на особыя заботы о нравственномъ развитіи солдатъ слѣдуетъ указать на привлеченіе полковаго священника къ систематическому исполненію важнѣйшихъ его обязанностей по отношенію къ существеннымъ пуждамъ военно-православной паствы. Такимъ образомъ, вмѣсто прежнихъ, формальныхъ и непонятныхъ для простолюдина проповѣдей, солдатъ получаетъ отъ своего священника живое слово, живое духовное вліяніе, способное поддержать и укрѣпить тѣ добрыя нравственныя начала, которыя почти каждый простолюдинъ приноситъ на службу изъ своей пабожной семьи. По обычаю, заведенному въ л.-гв. Павловскомъ полку, солдатъ посѣщается священникомъ вездѣ: въ ротѣ, въ госпиталѣ, въ карцерѣ и т. д. и вездѣ получаетъ должное духовное наставленіе. Особенное-же вниманіе обращено на нравственныя нужды оторванныхъ отъ семьи и скукающихъ по роднѣ новобранцевъ, которые черезъ вліяніе церкви получаютъ бодрость духа и охоту къ занятіямъ.

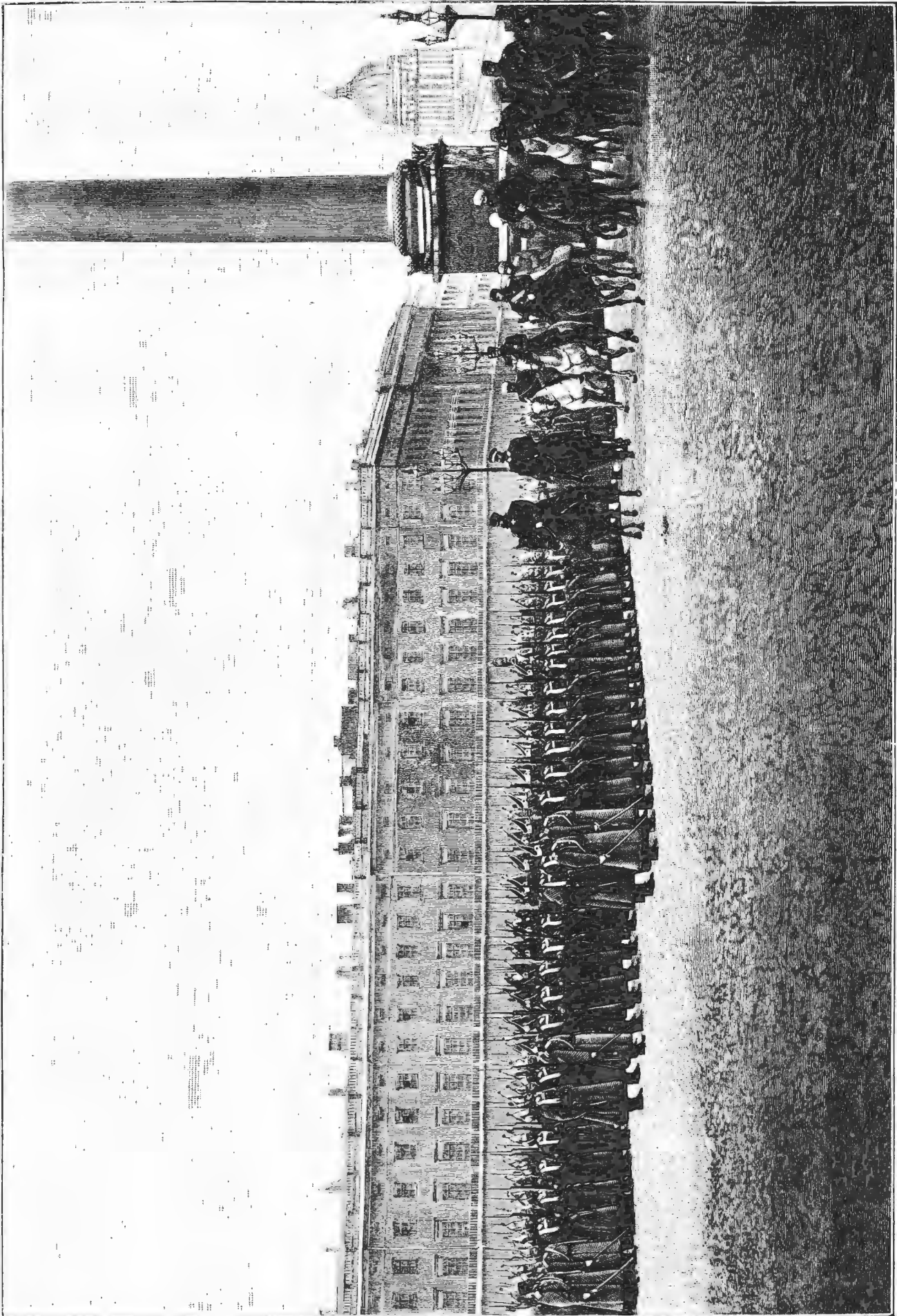
Къ сожалѣнію, размѣръ статьи не позволяетъ намъ привести всѣ мѣры, принятыя въ л.-гв. Павловскомъ полку для умственного, нравственнаго и религіознаго развитія нижнихъ чиновъ. Всѣ эти мѣры, равно какъ и учебныя приемы, выработанные современной военной педагогикой, читатель можетъ найти въ извѣстной книгѣ капитана л.-гв. Павловскаго полка Бутовскаго: „О способахъ обученія и воспитанія современнаго солдата“, интересной для всѣхъ лицъ, поступающихъ въ военную службу.

Вотъ краткія черты столѣтней жизни и службы л.-гв. Павловскаго полка, взятая изъ его исторіи, составленной гг. Бутовскимъ, Вороновымъ, Вальбергомъ и Кареновымъ. „Исторія полка“ представляетъ роскошное изданіе, иллюстрированное множествомъ рисунковъ и виньетокъ, исполненныхъ извѣстными баталистомъ, проф. Шарлеманемъ и другими художниками; но, къ сожалѣнію, книга эта, по своей цѣнѣ (25 р.), не для всѣхъ доступна. Закончивая вѣковую исторію жизни и службы л.-гв. Павловскаго полка, гг. составители имѣютъ право съ гордостью сказать, что за всѣ эти многіе годы въ ней нѣтъ ни одного чернаго пятна. „Кости нашихъ гренадеръ, говорителъ въ „Исторіи“,—покоющаяся на поляхъ всей Европы, доказываютъ, что не даромъ достались намъ наши славныя гренадерки, Георгиевскія знамена и права старой гвардіи. Съ девизомъ, начертаннымъ на нашихъ, поврежденныхъ непріятельскими пулями гренадерахъ: „Съ нами Богъ“, наши предки не знали страха передъ врагомъ. Будемъ-же твердо увѣрены, что и молодые Павловцы не посрамятъ своихъ дѣдовъ и отцовъ, и когда Царь снова призоветъ ихъ къ боевому испытанію, сумѣютъ по старо-павловски лечь костями за Царя и Отечество“.

Съ торжествомъ, имѣющимъ состояться 15 мая, мы поздравимъ читателей въ одномъ изъ слѣдующихъ нумеровъ *Писы*.

Гренадеръ 1790-го года.

Столѣтній юбилей л.-гв. Павловскаго полка. Парадъ 3 февраля 1890 г. на Дворцовой площади въ СПб.
Съ фот. грав. Шюблеръ.

Къ рисункамъ.

„Идиллія“. Карт. И. С. Галкина.

(Рис. на стр. 492).

Заходящее солнце залило золотыми лучами широкую пшву, на которой только вдали примѣтны двѣ вѣтряныя мельницы, ярко освѣщенныя вечернею зарей. По узкой межѣ, среди чуть колыхающихся колосовъ, близко другъ къ другу идутъ домой паробокъ и дивчина, возвращаясь съ полевыхъ работъ, идутъ не торопясь, подъ обаяніемъ чуднаго лѣтняго вечера и только изрѣдка перебрасываясь словечкомъ, какъ-бы боясь нарушить чарующую тишину окрестныхъ полей.

„Ненаглядный“. Карт. Пелевина. (Рис. на стр. 493).

Такъ ужъ повелось на свѣтѣ, что самые младшіе члены семьи всегда становятся ея любимцами. Веѣ отъ мала до ве-

лика: и мать, и бабушка, и обѣ сестренки наперерывъ ласкають и забавляють общаго баловня; даже кошка-Машка—и та старается привлечь вниманіе товарища подчасъ и тягостныхъ ей игръ... Все это передано въ картинѣ Пелевина со свойственною ему граціей и теплотой.

„Весной“. Картина Бернара. (Рис. на стр. 497).

Все зелено въ лѣсу. Веселыхъ птичекъ хоръ
Щебечеть межъ листовъ блестящей и смолистой,
Но издали еще, сквозь чащу, виднѣть взоръ
Залитый солнцемъ стволъ березы серебристой.
Иду я по травѣ: тропинка заросла.
Кругомъ блестятъ цвѣты весенней красотой.
Пригоршней полною я рву ихъ безъ числа
И на душѣ легко въ лѣсной глуши весною.

Политическое обозрѣніе.

Тронная рѣчь императора Германскаго Вильгельма II, какъ за-границей, такъ и внутри страны, произвела въ общемъ благоприятное впечатлѣніе. Указываютъ только на умолчаніе въ тронной рѣчи объ отставкѣ князя Бисмарка, но это опущеніе нѣкоторыя газеты объясняютъ тѣмъ, что удаленіе желѣзнаго канцлера отъ дѣлъ настолько замѣчательно, что говоритъ само за себя. Изъ отдѣльныхъ частей, болѣе всего обсужденіямъ подвергается новый законопроектъ объ увеличеніи арміи. Это обсужденіе очень не понравилось юному государю, о чемъ онъ и высказался, по словамъ берлинскихъ газетъ, при приемѣ президента и вице-президентовъ рейхстага. Если этотъ законопроектъ уже теперь вызываетъ строгое обсужденіе, то можно думать, онъ не пройдетъ въ рейхстагѣ безъ серьезной оппозиціи. Это раздражаетъ императора, который и безъ того сдѣлалъ въ законопроектѣ нѣкоторыя уступки министрамъ, тогда какъ Каприви и Вальдерзе требовали еще большаго увеличенія арміи.

Началась обсужденія военнаго законопроекта въ рейхстагѣ 2 мая. 90-лѣтній графъ Мольтке сказалъ въ своей рѣчи, что не смотря на веѣ дѣлаемые за-границею миролюбивыя увѣренія, Германія безусловно необходимо позаботиться о собственной безопасности. „Чѣмъ лучше боевая сила—сказалъ фельдмаршалъ—и чѣмъ она болѣе приспособлена къ войнѣ, тѣмъ болѣе будутъ другія державы склонны къ миру“. Рихтеръ высказался за установленіе двухлѣтняго срока военной службы. Вицдггорстъ предложилъ учредить 28-членную комисію, которой было бы поручено обсудить вопросъ о ежегодномъ установленіи численности мирнаго состава арміи. Военный министръ Верди-до-Вернуа заявилъ, что союзныя правительства готовятъ законопроектъ объ организаціи арміи и что въ настоящее время никакихъ уступокъ относительно срока службы сдѣлано быть не можетъ. Продолженіе преній отложено.

Отсутствіе въ европейскомъ концертѣ не-великихъ державъ, а иногда и недоучастіе ихъ къ участію въ немъ, неоднократно уже вызывало протесты и нареканія. Къ числу ихъ должно быть отнесено предложеніе Маркоарту о международномъ третейскомъ судѣ, сдѣланное имъ испанскому сенату 28 апрѣля. Указывая на послѣднія виѣ-парламентскія конференціи въ Берлинѣ, ораторъ выразилъ мнѣніе, что конференціи эти—прелюдіи къ великому вселенскому парламенту. Маркоарту протестовали противъ европейскаго конгресса, на которомъ являюся хозяевами шесть великихъ державъ, а десять второстепенныхъ, т. е. пятьдесятъ милліоновъ европейцевъ, никакихъ представителей не имѣютъ. Когда, недавно, былъ возбужденъ вопросъ о допущеніи Испаніи на конгрессъ, Италия, Франція, Австрія и Германія отнеслись къ этому благоприятно, но со стороны Англій предложеніе было встрѣчено холодно. Ораторъ предлагаетъ лигу мира между Испаніею и второстепенными государствами и требовалъ мира на пять лѣтъ, чтобы сократить численность арміи, облегчить тягости бюджета, имѣть возможность разрѣшить социальный вопросъ и установитъ международный кодексъ.

Министръ иностранныхъ дѣлъ отвѣтилъ, что онъ также желаетъ третейскаго суда, но сожалѣеть, что иногда державы, согласившіяся подчиниться третейскому суду, не исполняютъ его рѣшеній. Испанія нѣсколько разъ соглашалась на третейскій судъ и сдѣлаетъ все возможное, чтобы поступать такъ и впредь, но необходимо, чтобы и другія государства поступали точно такъ же. Въ заключеніе министръ просилъ сенатъ принять въ соображеніе важность сдѣланнаго Маркоарту предложенія.

Объ отношеніяхъ Италиі къ Абиссиніи теперь можно себѣ составить точное понятіе. 25 апрѣля былъ розданъ въ палатѣ депутатовъ новый сборникъ документовъ по африканскимъ дѣламъ. Сборникъ содержитъ текстъ дополнительной

конвенціи къ итальянско-эіопскому договору. Король Гумбертъ признаетъ императоромъ эіопскимъ Менелика, который съ своей стороны признаетъ державныя права короля на итальянскія владѣнія у Краснаго моря, причемъ условлено, что исправленіе границъ должно состояться впоследствии на основаніи нынѣшняго владѣнія de facto. Для обезпеченія процентовъ и погашенія займа въ четыре милліона, заключеннаго въ національномъ банкѣ подѣ гарантіею Италиі, Менеликъ уступаетъ итальянскому правительству доходы съ таможенъ въ Харрарѣ. Въ настоящее время Менеликъ получаетъ половину суммы, остальную же половину можетъ потребовать черезъ годъ. Но въ приложенномъ къ дѣлу докладѣ Крипси сказано что Менеликъ, вѣроятно, отъ этого воздержится. Сама конвенція подвергалась измѣненію, а именно въ ст. 12-ой итальянско-эіопскаго договора постановлено, что эіопы, совершившіе какое-нибудь преступленіе на итальянской территоріи, подлежатъ во веѣхъ случаяхъ суду и расправѣ итальянскихъ властей.

О торговыхъ отношеніяхъ Австро-Венгріи къ своимъ соседямъ на Югѣ и Юго-Востокѣ, мы находимъ интересную корреспонденцію въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* изъ Буда-Пешта. Въ руководящихъ сферахъ мадыарской столицы много говорится о возобновленіи торговыхъ переговоровъ съ Румыніею въ виду прекращенія таможенной войны, не заставившей Румынію, какъ ожидаютъ вѣнскій кабинетъ, подчиниться требованіямъ Австро-Венгріи, а также о предложеніи заключить торговый и таможенный договоръ съ Болгаріею, помимо Турціи, на подобіе той конвенціи, которая существовала между Австро-Венгріею и Румыніею, до провозглашенія независимости послѣдней. Понятно желаніе Австріи выгодно сбывать свои мануфактурные продукты въ страны Балканскаго полуострова, но такое облегченіе встрѣчаетъ сильное противодѣйствіе мадыаръ, которые не безъ основанія опасаются конкуренціи, могущей пагубно отозваться на сельскомъ хозяйствѣ Венгріи. Въ запискѣ, поданной по сему предмету министромъ земледѣлія и торговли, венгерское общество сельскаго хозяйства настаиваетъ на необходимости отдалить заключеніе торговыхъ договоровъ съ Румыніею и другими восточными странами до тѣхъ поръ, пока не будутъ заключены съ западными державами договоры, въ силу коихъ будетъ облегченъ ввозъ въ нихъ сырыхъ продуктовъ Венгріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мадыарская аграрная партія стремится къ торговому сближенію съ Германіею, которое должно повести къ обобщенію предоставленію льготъ по главнымъ отраслямъ производства и огражденію ихъ посредствомъ запретительныхъ пошлинъ отъ конкуренціи другихъ державъ; но такая торговая политика едва ли выгодна для Цислейтаніи, которая, какъ страна болѣе мануфактурная чѣмъ земледѣльческая, не можетъ желать искусственнаго поднятія цѣнъ на сельскія произведенія, а тѣмъ болѣе чрезмѣрнаго удешевленія предметовъ промышленности вслѣдствіе льготъ, которыя пришлось бы дать Германіи. Относительно странъ Балканскаго полуострова многіе утверждаютъ, что между обѣими монархіями установилось соглашеніе, въ силу коего Сербія предоставляется австрийскимъ торговымъ интересамъ, а Румынія—мадыарскимъ. Что же касается Болгаріи, то есть поводъ полагать, что ради политическихъ соображеній и по внушенію какъ графа Кальюки, такъ и венгерскихъ министровъ, мадыары пожертвуютъ интересами аграрной партіи въ пользу экономическаго порабощенія княжества и упроченія политическаго вліянія Австро-Венгріи на Балканскомъ полуостровѣ. Впрочемъ, виды мадыарской аграрной партіи, вѣроятно, должны будутъ уступить общимъ государственнымъ соображеніямъ. Но! не будучи рѣшительнымъ факторомъ, они тѣмъ не менѣе указываютъ направленіе, съ которымъ, несомнѣнно, придется считаться, когда настанетъ время пересмотра нынѣ дѣйствующихъ торговыхъ соглашеній.

Библиографія.

О способах обучения и воспитания современного солдата (практическаія замѣтки командира роты). Соч. Ник. Бутовскаго. Второе изданіе. СПб., 1890. Складъ у В. А. Березовскаго. СПб., Колокольная, 14. Ц. 1 р.

Прежняя служба и настоящая. Соч. Н. Бутовскаго. СПб., 1890. Складъ у В. А. Березовскаго. Цѣна 50 коп.

Всеобщая воинская повинность и новѣйшія усовершенствованія военной техники, повывсивъ уровеньъ требованій отъ современнаго солдата, вызвали нѣкую литературу по военной педагогикѣ, въ которой первое мѣсто безспорно принадлежитъ трудамъ М. И. Драгомирова, представляющимъ стройную систему воспитанія и обученія солдата съ точки зрѣнія новыхъ условій жизни арміи и подготовки къ ней. Нынѣ, въ рядахъ нашей арміи, являются молодые дѣятели, взявшіе на себя дальнѣйшую разработку господствующей системы обученія и вышение всѣхъ подробностей воспитанія солдата. Такова именно задача вышеназванной книги, заключающаяся, по словамъ автора, преимущественно въ томъ, чтобы указать руководящія начала, при которыхъ образованіе и воспитаніе солдата, подчиненное общей идеѣ, теряетъ характеръ безпорядочныхъ попытокъ и получаетъ опредѣленное направленіе.

Содержаніе книги: воспитательныя задачи командира роты; нѣсколько соображеній по поводу вины солдатской порціи; о казарменной нравственности и о внутреннемъ порядкѣ въ войскахъ; по поводу статьи: „Командованіе отдѣльною частью“; школа грамотности и преподаваніе уставовъ въ войскахъ; зимнія занятія въ казармахъ и въ манежѣ.

Книга г. Бутовскаго представляетъ превосходный матеріалъ для бесѣдъ въ войсковыхъ частяхъ и настольное руководство для строевыхъ офицеровъ.

Другая брошюра г. Бутовскаго „Прежняя служба и настоящая“ представляетъ намъ автора со стороны художественнаго творчества. Повѣсть *Жена ротнаго командира*, какъ называлъ себя герой этого разсказа, старый фельдфебель Егорычъ, знакомитъ насъ съ отжившимъ типомъ служиваго изъ крѣпостныхъ, безавѣтно преданнаго своему командиру, съ суровою строгостью но и съ любовью относящагося къ своей ротѣ и посвящающаго всю жизнь на то, чтобы показать свой

товаръ лицомъ на смотру предъ высшимъ начальствомъ, причѣмъ не прочь и слухавитъ и поднадуть его. Это одно изъ лучшихъ изображеній недавняго военнаго быта, достойное стать на ряду съ выдающимися произведеніями въ этомъ родѣ.

Вѣстникъ садоводства, плододовства и огородничества. Май. 1890. СПб.

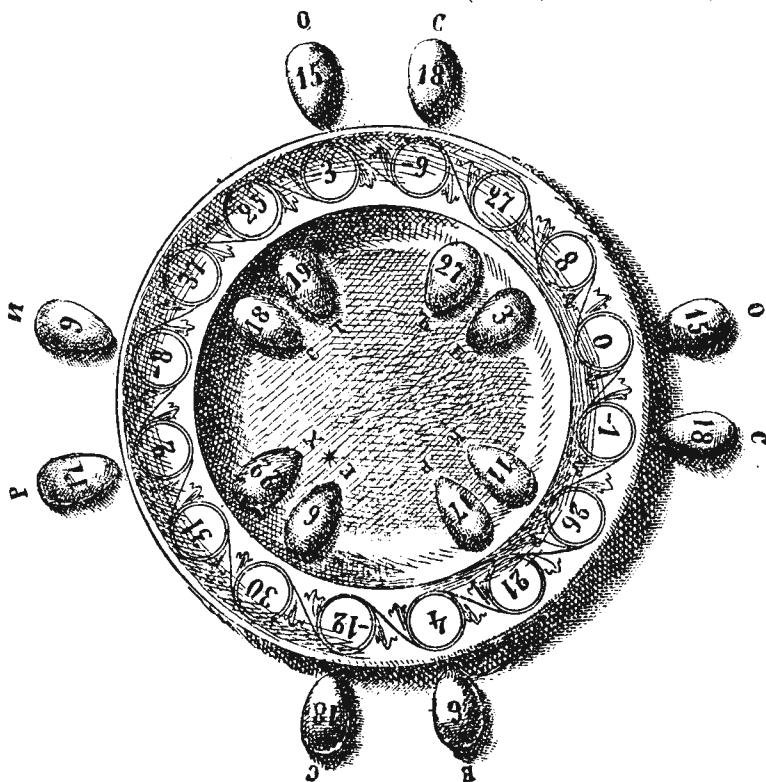
Содержаніе этой книжки, украшенной двумя превосходными хромолитографіями, слѣдующее:

Ficus atropurpurea Baker. Косатикъ пурпурный (съ хромолитографіею). Э. Л. Регеля.—Сѣверный житель на южномъ берегу Крыма. Продолженіе. В. К. Афанасовича.—Къ комнатной культурѣ *Ficus elastica*. В. Н. Кутузова.—Сады и парки въ Берлинѣ и его окрестностяхъ. Н. В. Шмеллига.—*Echinocereus* Engelm. Ежевый свѣчвидный кактусъ. Съ 2-мя рисунками. Э. Л. Регеля.—Розаны съ 1860 по 1890 годы. П. Е. Волкштейна.—Культура ананасовъ. О. М. Х—ча.—*Oncidium crispum* Lodd. Онцидіумъ волнистое (съ хромолитографіею). Э. Л. Регеля.—Опытная станція въ Гейзенгеймѣ. Е. Ф. Рогге.—Клубневая бегонія. Съ рисункомъ. В. Н. Кутузова.—Хроника и мелкія извѣстія: Грибокъ ловящій червяковъ.—Разведеніе гіацинтовыхъ луковицъ въ Голландіи.—Горшечная культура гіацинтовъ въ Англии.—*Sooly* Qua.—Пересадка взрослога дерева лѣтомъ.—Зимняя или комнатная прививка плодовыхъ деревьевъ.—Посѣвъ американскаго ясеня.—Средство отъ долгоносика.—Новый подвой для штамбовыхъ розъ.—Культура *Victoria regia* на открытомъ воздухѣ.—Сохраненіе и распространеніе растительныхъ видовъ.—Китайская приправа къ суну.—Гусеница бѣлянки капустной—ядовита.—Керосинъ противъ наѣсковыхъ.—Уничтоженіе лишаевъ на фруктовыхъ деревьяхъ и кустарникахъ.—Мыло изъ саранчи.—Американская или ежевиковидная малина. В. К.—Библиографическія замѣтки. П. В—въ и В. К.

При этой книжкѣ прилагается: Протоколъ засѣданія Имп. Россійскаго Общества Садоводства, за № 397.

Отдѣльное приложение: Каталогъ цвѣточнымъ луковицамъ братьевъ Ванъ-Вельзенъ, торгующіе садовники въ Гарлемѣ (Голландія).

Рѣшеніе пасхальной задачи № 22 (помѣщенной въ № 13).

8	3	0	15	1	18	26	11	21	17	4	6	12	18	30	6	31	22	17	2	8	9	87	18	25	19	3	15	9	18	27	27
Д	О	Р	О	Г	И	Е	Ч	И	Т	А	Т	Е	Л	И	!																

Христосъ воскресъ, дорогіе читатели!

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг. Б. Коровино—В. К. Торскаго, Гельсингфорсъ.—М. К. Герихъ, Л. К. Черныяскаго, Зарайскъ.—Е. Скоробогатой, Невъ—И. Л. Шкоттъ, Л. Е. Шилохвостова, Налуга—С. Н. Соколова, Низиль—Аrvatъ—Н. Бердова, Лебедянь—В. Н. Чурилина, Минскъ—И. Я. Козлина, Соколка—А. Пригоровскаго, Саратовъ—В. А. Аблова.

Шарада. Задача № 28.

Шарады нашей первый слогъ
Не что иное какъ предлогъ.
Съ любовью смотрятъ мужъ съ женой
Какъ съ куклой, на коврѣ, порой,
Рѣзвится третій и второй.
Но если дѣлаго кто вышьетъ черезъ край,
Въ порывахъ радости иль горя,
Тому въ лачужкѣ будетъ рай
И станеть по колѣно море.

Рѣшеніе ребуса № 14 (помѣщеннаго въ № 14).

„Говори съ другимъ поменьше, а съ собою побольше“.

Смѣсь.

Изъ воспоминаній о генералѣ Радецкомъ. Не такъ давно умершій генералъ Ф. Ф. Радецкій пользовался необыкновенною любовью солдатъ, которые называли его „отцомъ-генераломъ“. Одинъ бывший доброволецъ, помѣстившій воспоминанія о балканскомъ героѣ въ одной изъ важныхъ газетъ, разсказываетъ нѣсколько случаевъ, въ которыхъ чрезвычайно рельефно обрисовывается доброта, мужество и прочія высоко нравственныя качества Радецкаго. Такъ, напримеръ, въ дѣлѣ на горѣ Св. Николая, лично участвуя въ отраженіи съ необычайнымъ упорствомъ нападавшаго неприятеля, ободряя солдатъ своимъ магическимъ словомъ и рискуя своей собственной жизнью, генералъ Радецкій не оставлялъ безъ теплаго участія и раненыхъ, умиравшихъ въ этотъ день съ геройской отвагой. Повторяя свое: „братцы, дружно, наша возьметъ!“ и видя, какъ по сторонамъ падаютъ десятки убитыхъ и раненыхъ солдатъ, генералъ съ истинно отцовскимъ участіемъ наклонялся къ несчастнымъ подъ градомъ пуль и картечи, собственными руками переносилъ раны, помогая изнемогавшимъ санитарамъ, и выслушивалъ предсмертныя исповѣди навшихъ героев... Какъ-то солдатикъ, умирая чуть-ли не на рукахъ своего начальника и благословляя „отца-генерала“ за доброту и участіе, просилъ снятъ у него съ груди завѣтный мѣшечекъ, въ которомъ хранился завѣтный образокъ съ „писулькой“, и передать по указанному адресу. Генералъ исполнилъ просьбу умирающаго, и мѣшечекъ по окончаніи сраженія былъ отосланъ по назначенію со щедрымъ приложеніемъ... И подобныхъ случаевъ, по разсказамъ знавшихъ „отца-генерала“, было много. (в.)

Изъ анекдотовъ о В. И. Назимовѣ. Бывшій понечитель

Столѣтній юбилей л.-гв. Павловскаго полка. Общій видъ казармъ Павловскаго полка въ СПб. Съ фот. грав. Рашевскій.

Столѣтній юбилей л.-гв. Павловскаго полка. Лагерный циркулярный пятидесятихъ годовъ. Съ карт. Геббенса, подаренной полку императоромъ Александромъ II, грав. Шюблеръ.

Московского учебного округа и впоследствии виленьский генерал-губернаторъ В. П. Назимовъ былъ человекомъ весьма симпатичный, дѣлатель благо родный: онъ защищалъ сочиненія Гоголя отъ цензурныхъ сокращеній, положилъ начало освобожденію крестьянъ Северо-Западнаго края и выказалъ рыцарскую честность на всѣхъ поприщахъ своей службы. Но у этого дѣлателя крупной величине были большія странности, о которыхъ разсказывается въ одномъ изъ нашихъ историческихъ изданій. При посѣщеніи одной библиотеки своего вѣдомства, Назимовъ замѣтилъ въ шкапахъ между книгъ пустыя мѣста.

— Отчего это у васъ мѣста не заставлены книгами? спросилъ онъ у библиотечкари.

— Книги взяты для чтенія, ваше пр—ство.

— Что за безпорядокъ! выдавайте впередъ книги по порядку: возьметъ книгу одинъ, другому давайте слѣдующую и т. д., тогда у васъ пустота будетъ только въ одномъ мѣстѣ, замѣтилъ Назимовъ. (б.)

Окаменѣніе трупа, совершившееся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, вызвало недавно оживленные толки въ сѣверо-американской печати. Одинъ бывшій фермеръ, живущій въ Виннепегѣ, въ Канадѣ, лишился 16 лѣтъ тому назадъ жены. Она была похоронена на небольшомъ деревенскомъ кладбищѣ. Но такъ какъ родственникамъ далеко было ѣздить на кладбище изъ Виннепеге, то рѣшено было перевезти остатки умершей на городское кладбище. Когда открыли могилу, гробъ оказался совершенно окаменѣлымъ и только съ большими усиліями удалось поднять его; онъ вѣсилъ до 8 центнеровъ. Съ величайшими затрудненіями снята была крышка, и трупъ умершей оказался на первый взглядъ вполне сохранившимся. При ближайшемъ разсмотрѣніи однако убѣдились, что онъ почти совершенно окаменѣлъ. Дальнѣйшія изслѣдованія показали, что чрезъ кладбище протекала соляная источникъ и окаменѣніе произошло

Столѣтній юбилей л.-гв. Павловскаго полка. Видъ кухни и столовой на 1600 чел. въ казармахъ Павловскаго полка. Съ фот. грав. Рашевскій.

благодаря осадку составныхъ минеральныхъ частицъ. (с.)

Въ Египтѣ, по словамъ Фоссовой газетъ, найдены покрытый іероглифами камень, нашедши на коемъ имѣютъ значеніе для исторіи пребыванія въ Египтѣ Иосифа. Именно, послѣ перечисленія титуловъ доселѣ фараона, разсказываетъ, что въ четырнадцатый годъ его царствованія нѣкій Шити-хе пытался религіозными процессіями и другими средствами „предотвратить дальнѣйшія бѣдствія во время семилѣтняго отсутствія разливовъ Нила“. Извѣстіе это совпадаетъ съ библейскимъ сказаніемъ о семи урожайныхъ годахъ, о которыхъ предсказалъ Фараону призванный имъ Иосифъ. Въ другой, найденной уже раньше, въ одной изъ гробницъ, найдены, относящейся къ періоду за 1800 или 1700 лѣтъ до Р. Х., упоминается о „многихъ годовыхъ годахъ“, достигшихъ Египетъ. (с.)

Море — какъ рабочая сила. И море должно принять въ настоящее время участіе во всеобщей работѣ. Важное открытіе относительно приращенія силы прибои морскихъ

волнъ сдѣлано недавно Бондомъ. Опытъ производился въ Осеан-Гроувъ въ Нью-Йоркѣ. Изобрѣтатель построилъ съ берега въ море длинную плотину и на концѣ ея устроилъ шлюзъ, ворота коего опускаются въ воду при отливѣ на 2 фута, а при приливѣ на 7. Со внутренней стороны шлюзныхъ воротъ находится стальной шестъ, соединенный съ помпой водянаго насоса. Когда ворота прибоемъ волны открываются къ берегу насосъ каждый разъ доставляетъ значительное количество воды въ резервуаръ, находящійся на берегу, на высотѣ 60 футовъ надъ землею. При отбоѣ волнъ ворота затворяются и цилиндръ насоса, при посредствѣ всасывающей трубки, наполняется водою, которая когда ворота снова открываются къ берегу, гонится въ резервуаръ. Все работаетъ теперь по фабричному! (с.)

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „НИВА“ проситъ Гг. подписчиковъ, НЕ ВЪНЕСШИХЪ ПОЛНУЮ ГОДОВУЮ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ за „НИВУ“ 1890 г., озаботиться своевременными взносами слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатные адреса отъ бандеролей.

Производство дугъ. Въ числѣ деревянныхъ издѣлій, которыми издавна славятся губернии Курская и Орловская, расписная, крашенная дуги занимаютъ видное мѣсто. Курскія дуги издавна наполняли всѣ украинскіе южные рынки, но доставлялись даже въ Москву, Тверь и Нижній-Новгородъ, гдѣ успѣшно конкурировали съ костромскими и ярославскими издѣліями, которыя славятся. Промыселъ производства дугъ — о которомъ говорится въ *Курскомъ Листкѣ* — распространенъ въ особенности въ южныхъ уѣздахъ Курской губерніи — Новооскольскомъ, Корочанскомъ и Бѣлгородскомъ. Къ началу восьмидесятыхъ годовъ область сбыта дужныхъ издѣлій представляла весьма значительную площадь, заключающуюся издѣлій Москва на сѣверѣ и Полтавою на югѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ дужники слободы Крутаго-Лого и деревни Кривцовоі стали отправлять свои издѣлія даже въ Сибирь. Но когда курскіе кустари доставили свои издѣлія въ Москву и вступили здѣсь въ конкуренцію съ ярославцами и новгородцами, то тогда же сознали необходимость улучшить рисунки на своихъ дугахъ, которые они и довели до возможнаго совершенства. Безъ всякихъ образцовъ и готовыхъ моделей кустари скоро научились расписывать свои издѣлія такъ искусно, что въ Москвѣ курскія дуги стали предпочитать ярославскимъ и новгородскимъ. Когда же потомъ вывозъ дугъ въ Москву сталъ сокращаться и онѣ пошли за Уралъ, рисунки

на дугахъ ухудшились, и вмѣсто художественнаго рисунка явилась грубая раскраска, нерѣдко рѣзущая глазъ своею пестротой. Главнымъ матеріаломъ для производства дугъ служатъ ракивовыя плахи, покупаемая у окрестныхъ крестьянъ и помѣщиковъ. Въ виду широкаго развитія дужнаго производства на югѣ и юго-востоку Курской губерніи, во многихъ мѣстахъ Новооскольскаго, Корочанскаго и Тимскаго уѣздовъ и въ пограничныхъ селеніяхъ Воронежской и Харьковской губерній жители стали разводить особый родъ ракины для продажи дужникамъ, и это теперь составляетъ особый видъ промысла, довольно выгоднаго, ибо ракина эта, разводимая отростками, растетъ быстро и ухода не требуетъ. Работа дугъ производству около 150 дней въ теченіе года, не считая 15—20 дней, которые онѣ употребляетъ на покунку и доставку матеріала для дугъ. Дуги продаются въ Москвѣ по 3—4 р. за штуку, въ Сибирѣ — отъ 5 до 10 р. Цѣна же ихъ на ближайшихъ ярмаркахъ отъ 1 1/2 до 2 1/2 р. На этихъ ярмаркахъ дуги сбываются самими производителями прямо и непосредственно потребителямъ, частью же скупаются мѣстными барышниками и отправляются до Москвы или въ Зауралье. (в.)

5% съ выигр. заемъ Государственнаго Дворянскаго Земельнаго Банка 1889 г.

1-й тиражъ 1-го мая 1890 г.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКѢ.

№ сир.	№ лист.	Сумма.	№ сир.	№ лист.	Сумма.	№ сир.	№ лист.	Сумма.	№ сир.	№ лист.	Сумма.	№ сир.	№ лист.	Сумма.	№ сир.	№ лист.	Сумма.
3	6	500	2187	19	500	3987	37	500	5932	10	500	7293	27	500	9584	8	500
14	11	500	2209	32	500	4069	32	1000	5977	3	500	7305	17	1000	9607	20	500
23	19	500	2201	41	500	4193	20	5000	6004	6	500	7426	44	8000	9671	8	500
47	25	8000	2350	3	500	4193	48	500	6040	28	500	7477	7	500	9672	37	500
118	45	500	2400	5	500	4249	5	500	6066	26	500	7495	28	10000	9676	11	500
159	5	500	2462	34	500	4314	38	1000	6072	9	500	7568	39	5000	9737	3	500
178	44	500	2636	44	500	4361	39	500	6197	49	5000	7629	29	500	9773	48	500
184	22	500	2811	37	500	4375	37	500	6179	6	1000	7678	33	500	9798	25	500
270	34	500	3014	18	500	4396	5	1000	6187	15	500	7708	12	500	9835	32	500
327	27	1000	3023	41	500	4399	42	500	6274	18	500	7721	18	25000	9845	39	75000
647	14	500	3036	24	500	4467	14	500	6282	5	500	7903	46	500	9874	46	500
726	23	500	3076	23	500	4510	49	1000	6282	24	500	7951	35	500	9888	37	500
726	36	500	3132	24	500	4657	10	1000	6307	17	200000	7959	42	500	9913	48	500
761	12	500	3172	38	500	4732	49	500	6327	2	500	7964	20	500	9976	8	1000
770	34	500	3185	3	500	4750	14	8000	6402	44	500	8219	15	500	9987	42	500
806	43	500	3209	16	500	4793	25	500	6408	38	500	8240	13	500	10055	41	1000
868	38	1000	3225	44	500	4795	30	10000	6450	27	500	8414	37	500	10337	16	500
944	48	8000	3254	15	500	4805	17	500	6510	42	500	8434	37	500	10353	11	500
964	25	500	3307	30	500	4891	10	500	6614	35	500	8449	40	500	10427	4	500
1059	29	500	3453	37	500	4891	29	500	6634	19	500	8465	8	500	10436	27	5000
1064	10	500	3478	24	500	4948	5	500	6674	6	500	8587	18	500	10765	30	5000
1096	27	500	3633	37	500	4993	47	500	6714	26	500	8588	11	500	10876	8	5000
1148	11	500	3654	5	500	5095	8	500	6720	22	500	8616	1	500	10926	23	500
1205	13	1000	3661	16	500	5162	20	500	6762	20	500	8678	20	40000	10964	49	5000
1248	9	500	3686	12	500	5333	46	500	6763	7	500	8715	25	500	11011	30	500
1298	49	500	3703	24	5000	5384	4	500	6788	25	500	8729	48	500	11022	8	500
1365	36	500	3708	48	8000	5388	1	500	6897	1	500	8756	32	500	11077	29	1000
1528	41	500	3729	45	500	5481	40	500	6909	20	1000	8767	13	500	11092	8	500
1592	35	500	3756	35	500	5507	36	500	6911	40	500	8951	21	500	11097	49	500
1704	41	500	3784	48	500	5556	8	500	6917	36	500	9037	4	500	11124	42	500
1793	2	500	3787	15	500	5600	26	500	6968	30	500	9053	19	500	11245	22	1000
1832	4	500	3818	46	500	5664	3	500	7199	13	500	9106	47	500	11307	40	500
1910	18	500	3820	20	500	5754	37	500	7215	35	1000	9166	27	500	11359	45	500
1940	5	500	3823	33	500	5834	40	500	7223	7	500	9181	45	500	11370	12	500
2034	6	500	3832	10	500	5852	6	500	7232	20	500	9297	30	500	11383	5	500
2067	7	500	3832	35	500	5860	33	500	7261	47	500	9320	13	500	11401	45	500
2070	34	500	3898	47	500	5879	22	500	7279	7	500	9472	31	500	11457	16	500
2121	46	500	3979	27	500	5893	29	1000	7292	40	500						

Всего 300 выигрышей на сумму 600,000 рублей.

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ Банкѣ, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го Августа 1890 года.

Тиражъ погашенія означенныхъ листовъ будетъ производиться съ 1-го мая 1896 года.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Р. Т. фонъ-Мевель (съ портр.). — Владъ. Романъ Г. Г. Ясинскаго (Максима Бѣлинскаго). Ч. I и II. (Продолженіе). — Мюнхенъ. Повесть Н. Морскаго (Н. К. Лебедева). (Продолженіе). — Въ 100-лѣтнюю юбилей лейбъ-гвардіи Павловскаго полка. 15 мая 1890 года (съ 2 портр. и 14 рис.). — Къ рисункамъ: „Идиллія“. Карт. И. С. Галинина (съ рис.). — „Ненаглядный“. Карт. Пелевина (съ рис.). — „Весной“. Карт. Бернара (съ рис.). — Политическое обозрѣніе. — Библиографія. — Задачи и рѣшенія задачъ. — Смѣсь. — Заявление. — Тиражъ выигрышей въ Государственномъ Банкѣ. — О перемѣнѣ адреса. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Во всѣхъ складахъ духовъ и въ всѣхъ парфюмахъ-говъ во Франціи и за границей.

LA VELOUTINE

Спеціальная рисо-висмутовая пудра.

CHA LES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

Ц. № 3767 (69)

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ
EAU DE LYS DE LOHSE.

Въ виду часто встрѣчаемыхъ въ продажъ поддѣлокъ, слѣдуетъ при покупке требовать

Eau de Lys de LOHSE.

МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
Придворный Парфюмеръ
46, Jägerstrasse, Berlin.

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.

И. Н. Каразина. Изданіе 2-е. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Обращаться въ Контору журнала „Нива“, а также и ко всѣмъ извѣстнымъ книгопродавцамъ.

СКЛАДЪ ДѢТСКИХЪ КОЛЯСОКЪ
на резиновыхъ шинахъ.

Ф. ГОЛЬДБЕКЪ,
С.-Петербургъ,
Стремнинная, 22.

Прейсъ-курранты высылаются бесплатно.

Гг. торговцамъ дѣлается уступка. № 4537

ИМЪНИЕ ВЪ 442 ДЕС.,
 Изюмскаго уѣзда, Харьк. губ., превосходно
 устроенное, продается. Тамъ же продается
 или сдается въ аренду паровая мукомольная
 мельница. Подробности узнать по адресу:
 г. Изюмъ, Харьк. губ., Г. И. Житнову.

КУМЫСЪ. Гор. УФА,
 въ дачѣ Варсова, д. Глушино, 15 к. бу-
 тылка; квартира отъ 20 руб. сезонъ; столъ
 (3 блюда мясныхъ) и прислуга 21 р. мѣ-
 сьн. Адресъ: г. Уфа, Я. П. Барсову. Се-
 зонъ съ 20 мая по 15 августа. № 4530

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ
 вновь полученныхъ ан-
 глийскихъ велосипе-
 довъ. 4—4
 Г. ЖЕМЛИЧНА,
 Москва, уездъ Газет-
 ной и Старого Газет-
 наго пер., домъ Фальцъ-
 Фейнъ, магазинъ № 19.
 Прейсъ-куранты высылаются бесплатно.

ЧОКРАКСКО-БУЛГАНАКСКАЯ
 грязь-лечебница „Товарищества“ врачей
 въ Крыму, въ г. Керчи. Сезонъ съ 15-го
 мая по 1-е сентября. Подробности въ бро-
 шюрѣ, которая высылается за одну семин-
 коп. марку. Адресъ въ г. Керчь, Таврич. губ.
 доктору Филимовичу. Ц. № 4440 12—8

ПРЕПОДАЮ ПИСЬМЕННО*
 ПОЛНАЯ ГАРАНТИЯ ЗА УСПѢХЪ ПИСЬМЕННОГО ОБУЧЕНИЯ.
 въ 10 уроковъ
 ДУРНОЙ ПОЧЕРКЪ
 исправляемъ на КРАСИВОЕ БЛАГОЕ КОНТОРСКОЕ ПИСЬМО
 ОСНОВАТЕЛЕМЪ ОБУЧЕНИЕ ДВОЙНОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ
БУХГАЛТЕРИИ
 Москва, Покровка, домъ Бутиковой.
 А. С. Шиманский.
 *НА ОТВѢТЪ ПРИЛАГАТЬ МАРКУ.

ШОКОЛАТЪ
ФАБРИКИ „СЕСТУЖКЪ“
 ПРЕДУСТАНОВЛЕНЫ
 въ подарочныхъ
 НАШЕЙ
 МАРКЕ
 НАХОДЯТСЯ
 во всѣхъ
 ГУБЕРЦАХЪ
 РУССИИ

4711
О-ДЕ-КОЛОНЪ.
 превосходнѣйшаго качества, удостоен-
 ный высшихъ наградъ. Можно получать
 во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ
 магазинахъ Россіи и заграничьи.
 Главное депо у Александра Тиссъ
 и К. Пушкинской, № 4. Ц. № 4507 2—2

PAPIER FAYARD et BLAYN

употребляется въ леченіи ревматизма, раздраженія дыхательныхъ органовъ, насморка, раздраженія груди, вывиховъ, рахъ, ожоговъ, ознобленій, мозолей и всякихъ напояющихъ затвердѣній. Продажа во всѣхъ аптекахъ (требовать собственноручную подпись).

ДЛЯ СТРАДАЮЩИХЪ ЛЕГКИМИ
 Лечебное заведеніе Д-ра Бремера, Герберсдорфъ,
 Силезія, въ Исполинскихъ Горахъ,

учрежденное въ 1854 году. К. № 4457 12—7
Главный докторъ Ф. Вольфъ.
 Обширный паркъ съ прилегающимъ къ нему еловымъ лѣсомъ. Искусственно проложенныя дорожки достигаютъ до 14 километровъ. Изящно убранный кургаузъ. Въ паркѣ находится роскошныя виллы. Цѣны умеренныя. Проспекты высылаются бесплатно

Администрація лечебнаго заведенія Д-ра Бремера.
 При заведеніи находится русскій врачъ.
 Подробности методы леченія см. II изд. „Die Therapie der chronischen Lungen-
 schwindsucht von Dr. H. Bremer. Verlag von I. F. Bergmann, Wiesbaden.“

ГОРЬКАЯ ВОДА САКСЛЕНЕРА
 ИСТОЧНИНА „ГУНИАДИ-ЯНОСЪ“
 По свидѣтельству
 врачейныхъ авто-
 ритетовъ этогъ
 Purgativ имѣетъ
 слѣдующія пре-
 имущества:
 Аккуратное
 и ВѢРНОЕ
 ДѢЙСТВИЕ,
 МАЛАЯ
 ДОЗА.
 Владѣлецъ: АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ въ Будапештѣ.
ПРОДАЕТСЯ у ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ и АПТЕКАРЕЙ.
ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ
ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.

НЕПРОМОКАЕМАЯ ПАЛЬТО и ПЛАЩИ
 резиновая, шелковыя, а также изъ англій-
 скихъ шерстяныхъ матерій новѣйшихъ ри-
 сунковъ, изящнаго покроя, которая изгото-
 вляется въ собственной мастерской.
ДАМСКІЯ ШЕЛКОВЫЯ ПАЛЬТО!
 замѣчательная своею легкостью и изящ-
 ностью.

Мужское пальто шерстян.	отъ 30 р.	до 55 р.
„ „ „ плащъ	25 „	30 „
Дамское пальто обикнов.	20 „	35 „
„ „ „ шелковое	— „	45 „
Резиновыя пальто	8 „	25 „

 Образчики матерій и рисунокъ фасоновъ
 высылаются по востребованію.
 ГЛАВНЫЕ СЛАДЫ РЕЗИНОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ
ПИХЛАУ и БРАНТЬ
 въ Москвѣ: П. № 4508 3—3
 1) Петровка, домъ Соколова, 2) Ильинна, близъ Виражи.

ОБЪЯВЛЕНІЯ И РАЗСКАЗЫ В. Крестинскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ЭЛИКСИРЪ,
ПОРОШОКЪ и ПОМАДА
ДЛЯ ЗУБОВЪ
ОТЦЕВЪ БЕНЕДИКТИНЦЕВЪ
 Аббатства СУЛЯКЪ (Жиронда) Франція.
 Находятся во всѣхъ аптекахъ, моск-
 тельныхъ лавкахъ и косметическихъ ма-
 газинахъ.

Въ зубо-врачебн. кабинетахъ Ивана Ив. ХРУЩОВА,
 Невскій, 43, на углу Троицкой, ежедневно производятся всѣ зубныя операціи, леченіе
 пломбированіе и вставленіе искусственныхъ зубовъ.
 Тутъ же въ конторѣ продаются всѣ матеріалы, требуемые для зубо-врачебной
 практики. № 4505 5—2

CIGARETTES ESPIC contre
ASTHME & CATARRHE
 AUTORISÉES PAR LE GOUVERNEMENT RUSSE
 Le dôt général: STOLL & SCHMIDT, à Saint-Peterbourg
 Vente en gros: J. ESPIC, 20, rue Saint-Lazare, Paris.
 Exiger la Signature sur chaque Cigarette.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ
 для волосъ. Элеопатъ Кинунена нахо-
 дится для продажи во всѣхъ большихъ
 Аптекъ и Космет. магазинахъ. Цѣна фла-
 кону, содержащему 120 граммовъ, 1 р.
 50 коп., но безъ пересылки.
Пров. КИНУНЕНЪ.
 Просятъ непременно обращать вниманіе
 на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого фла-
 кона,—пров. Кинуненъ. (18) Ц. № 4287
 Главный складъ: С.-Петербургъ, Демидовъ пер., д. № 1.

ЛЕШИНСКІЙ и ГРОЗНИЧЪ
 имѣютъ честь сообщить, что они доставля-
 ютъ черную краску, которою печатается
 иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

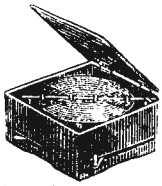
ШИПУНЦАЯ МАШИНА
„РЕМИНГТОНА“.
 Пишетъ въ 3 раза
 быстрее пера. Чисто-
 та, четкость и красота.
 Введена во всѣхъ
 Министерствѣхъ и
 мног. правительств.
 и частныхъ учрежд.
 Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн.
 отзывы отъ Правительства и другихъ учре-
 жденій, высылаются бесплатно. № 3748
 Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
 Москва С.-Петербургъ
 Кузнечій мостъ. Б. Морская. 21.

МОЙНАКСКОЕ
ГРЯЗЕЛѢЧЕБНОЕ и ЛИМАННОЕ
 №4443 ЗАВЕДЕНІЕ
 въ городѣ Евпаторіи
 открывается съ 20 мая по 20 августа.
 За подробностями проситъ обра-
 щаться въ гор. Евпаторію, Тавриче-
 ской губ., Г-г. доктору С. П. Цепенев-
 скому или доктору С. И. Ходжаши.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ
В. ГЕНА въ ВѢВѢ
 ИЗЪ ГРЕЦКИХЪ ОРѢ-
 ХОВЪ.
 Безвредное средство
 для быстрого окраши-
 ванія волосъ и боро-
 ды въ черной, русой,
 темно- и свѣтло-каштан-
 овый цвѣтъ. 8—8
 Цѣна за флаконъ 3 руб. съ пересылкой.
 Главный складъ для Россіи у В. Аурихъ
 въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18.

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ
НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ
 собоств. издѣлія продаются по вновь уде-
 шевленнымъ цѣнамъ:
 съ 3 педалами по 4 р. и 4 р. 50 к.
 „ 7 „ „ съ приспособленіемъ для
 легкой и скорой настройки по 6 рублей
 Самый легкій инструментъ для изученія.
 Приятный тонъ. Въ короткое время про-
 даны многія тысячи.
 За пересылку по почтѣ прошу прилагать
 за 4 руб. за 10 фунт., за 6 руб. за 15 фунт.
И. Ф. МЮЛЛЕРЪ
 Москва, Петровка, домъ Волкова.
 Иллюстр. прейсъ-курантъ съ цѣнъ инстру-
 ментамъ бесплатно. (27) Ц. № 3864
 Торговцамъ дѣляется скидка.

СИМФОНІОНЫ

(Музыкальные шкатулки с переливающимися песнями).
Малые с ручкой съ 6-ю пьес. 10 р.
 Добавочныя пьесы по 40 к.
Малые заводные съ 6-ю пьес. 20 р.
 Добавочныя пьесы по 40 к.
Больше заводные 60 тонн. съ 10-ю пьес. 40 р.
 Добавочныя пьесы по 60 к.
Больше заводные 84 тонн. съ 10-ю пьес. 60 р.
 Добавочныя пьесы по 75 коп.
Больше заводные 84 тонн. „Sublime harmonie“ съ 10-ю пьес. 100 р.
 Добавочныя пьесы по 1 руб.
 Списки пьес для симфоніонов, а также иллюстрированный прейс-курантъ въсѣхъ инструментовъ—**бесплатно**.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
 Главное депо № 4530
 музыкальных инструментовъ и нотъ.
 С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40.
 Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарына.

ЛѢТНЯЯ НОВОСТЬ!

Англискіе растягивающіеся кушачи „ГРАЦІЯ“ изъ изолированной проволоки съ массивн. позолоченныя замочки, прокляныя бѣлымъ, розовымъ, голубымъ, золотымъ, синимъ, темно-краснымъ и чернымъ шелкомъ. Кушачи прозрачны очень прохладительны и пріятно носить для каждой дамы.
 Цѣна 3 руб. 50 коп. Торговцамъ дѣляется уступка. Единственный складъ для Россіи у **ОСКАРА ЛЕССЕРЪ**, С.-Пб., Садовая, 12—18, въ 1-мъ дворѣ.

Съ разрѣшенія С.-Пб. Врачебнаго Управленія. № 4527 10—2

СВОБОДИНЪ

Средство для уничтоженія **МОЗОЛЕЙ и БОРОДАВОКЪ**.
 Получать можно во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ маг. Россіи.
 Цѣна за флаконъ 35 коп.
 Съ пересылкой 2 флакона 1 руб.
 ГЛАВНОЕ ДЕПО ДЛЯ РОССІИ
А. ГЕБГАРТЪ,
 С.-Петербургъ, Казанская, д. № 5.

ГРЯЗЕ - ЛЕЧЕБНИЦА „РОМАСААРЪ“

въ **АРЕНСБУРГЪ**, на о. **ЭЗЕЛЬ**.
 Сезонъ съ 20-го мая. Лечатся болѣзни: ревматизмъ, т. и. золотуха, болѣзни костей, суставовъ, женскія акушерскія-катарральныя (не острья), спиннаго (не головнаго) мозга, хроническія катарры горла, бронхъ, толст. кишечк., геморрой, малокровіе, пѣвкторія смил. Отпускаютъ вапль по назначенію врача заведенія.

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и Ко.
 строители земледѣльческихъ машинъ и орудій.
 Специальность: плуги и молотилки.
 Они же состоятъ главными агентами известнаго англійскаго завода паровыхъ молотилокъ и локомотивовъ Клейтона и Шутлеворта въ Англіи и знаменитаго завода сѣнокосилокъ, жнеенъ „Дези“ и сноповязаловъ Макъ Кормина въ Чикаго.
 Кроме того издѣляются: тарелочныя бороны Рандала и конныя грабли Тигръ завода Стодартга, радюны сѣлки Сакка и проч. № 4484 26—3
 Запасныя части ко всѣмъ машинамъ. Фабрика и Главная Контора въ Москвѣ. Мясницкая ул., соб. домъ, бывш. Бр. Бутенкопъ. Отдѣленіе въ Харьковѣ, Рыбная ул., д. Иванова.

Только что вышло и поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новое изданіе **А. Ф. МАРКСА** въ С.-Пб.:

ИИСУСЪ

(сынъ Навина).

Повѣствованіе изъ библейскихъ временъ **ГЕОРГА ЭБЕРСА**.
 Переводъ съ нѣмецкаго. (Право перевода приобрѣтено отъ автора).
 Изящно изданный томъ in 8° (387 страницъ), отпечатанный на лучшей веленовой бумагѣ, красивымъ убористымъ шрифтомъ, съ 58-ю гравюрами въ текстѣ, исполненными по рисункамъ художника А. Земцова. С.-Пб. 1890 г. Ц. 2 руб., съ перес. 2 р. 20 к.
 Требования просятъ адресовать въ С.-Пб., въ контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

1863 1880 1882

ВЪСѢХЪ ПЕРСІИ

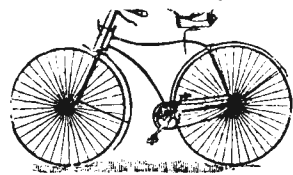
ПРИДВОРНЫЕ ПОСТАВЩИКИ

А. РАЛЛЕИ КО

— въ Москвѣ —
 Оптовая Торговля
 Никольская, Богоявленскій переулочекъ Чижовыхъ

въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ
 Главн. корпусъ
 Маринскаго рынка
 по Чернышеву переулку,
 близъ Садовой

МОЛО ПИЩЕВНОЕ „РАЛЛЕИ“ МОСКВА

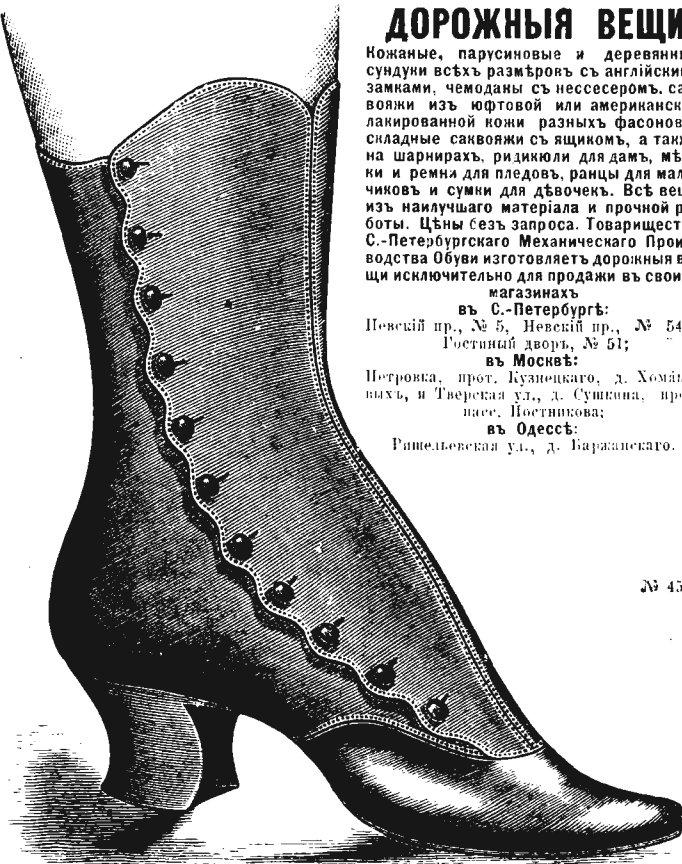

ГЕНРИХЪ КЛЕНЕРЪ
 Франкфуртъ н/М. R. № 4542
ФАБРИКАНТЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ
„ОРЕЛЬ“. 16—1

Всѣмъ рода двухъ- и трехъ-колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей. Составныя части и принадлежн. Иллустрированный каталогъ за 10 фран. марками.

ДОРОЖНЫЯ ВЕЩИ

Кожаные, парусиновые и деревянные сундуки всѣхъ размѣровъ съ англійскими замками, чемоданы съ несесеромъ, саквояжи изъ юфтовой или американской лакированной кожи разныхъ фасоновъ, складные саквояжи съ ящикомъ, а также на шарнирахъ, риджюли для дамъ, мешки и ремни для пледовъ, ранцы для мальчиковъ и сумки для дѣвочекъ. Всѣ вещи изъ наилучшаго матеріала и прочной работы. Цѣны съезъ запроса. Товарищество С.-Петербургскаго Механическаго Производства Обуви изготавляетъ дорожныя вещи исключительно для продажи въ своихъ магазинахъ
 въ С.-Петербургѣ:
 Невскій пр., № 5, Невскій пр., № 54 и
 Ростный дворъ, № 51;
 въ Москвѣ:
 Петровка, прот. Кузнецкаго, д. Хоминскихъ, и Тверская ул., д. Сушанина, прот. мост. Истиникова;
 въ Одессѣ:
 Ришельевская ул., д. Баржанскаго.

СЕМЬЯ ВОЛЬНОДУМЦЕВЪ. Историч. повѣсть временъ Екатерины II. Пейтеръ и В. Плотникова, II. 1 р.

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО

1. ГОЛЛЕНДЕРЪ

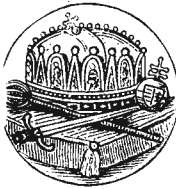
ДЛЯ СМЯГЧЕНІЯ КОЖИ.
 Новозобрѣтенное вазелиновое мыло, пріятнаго запаха, придаетъ кожѣ жаждому нѣжную мягкость. Цѣна за кусокъ 30 коп., 3 куска съ пересыл. 1 р. 50 к.
 Получить можно во всѣхъ парфюм. и аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи.
 Главный складъ: С.-Пб., Демидовъ пер., д. № 1. (18) № 4278

ВЕНГЕРСКАЯ ПОМАДА
 для ХОЛИ и МЯГКОСТИ
 „УСОВЪ“
 Главный складъ въ парфюмерн. магазинѣ С.-Пб., 52. ПАСАНЖЪ, 52, Невскій пр.
 При высылкѣ 1 р. с. или наложеннымъ платежемъ высылается одна банка помады во всѣ города Россіи. № 4416

ПОРЬКАЯ ВОДА ИСТОЧНИКА ФРАНЦА ЈОСИФА

Натуральная минеральная слабительная вода источника **ФРАНЦЪ-ЈОСИФЪ** въ Будапештѣ, по отзывамъ медицинск. авторитетовъ, она дѣйствуетъ легко, аккуратно и безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій. Рекомендуется какъ слабительная вода, не содержащая въ своемъ составѣ вредныхъ здоровью веществъ. Продается въ аптекахъ и аптек. магазинахъ. Ц. № 4238
 Для нормальнаго приема достаточно одного виннаго стакана Дирекція въ Будапештѣ.

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ

„ГОЛЛЕНДЕРА“.
 Средство для уничтоженія мозолей и бородавокъ. Цѣна 35 коп. за флаконъ, за два флакона съ перес. 1 руб.
 Получить можно во всѣхъ парфюмерн., аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главн. складъ у Г. Голлендеръ, Демидовъ пер., № 1. В. С.-Петербургѣ. (13) № 4366

Торговый Домъ Ж. БЛОКЪ

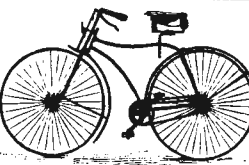
Москва, | С.-Петербургъ,
 Кузнецкій мостъ, | Б. Морская, № 21.

имѣетъ
 единственный Складъ для всей Россіи Велосипедовъ: Спидъ, Вишпегъ, Русскій Клубъ, Молния (New Rapid), Имперіаль и пр.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ
 Общедоступный Свѣтъ № 2
 = 150 руб. =

Прейс-Куряны высылаются бесплатно.
 Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXI г. № 20

г. XXI 1890

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
 Выданъ 19 мая 1890 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цена этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1890 г.

Безъ доставки въ Петербургъ . . . 5 р. Съ доставкою въ Петербургъ 6 р. 50 к. Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торг. линия 6 р. Съ пересыльной въ Москву и др. города Россіи . . . 7 р. За гра- ницу . . . 9 р.

Выставна Импер. Академіи Художествъ. „Солисть“. Съ карт. И. С. Галкина (исключ. право воспроизв. въ гравюрѣ и т. п. принад. „Нивѣ“), грав. Флюгель.

Стихотвореніе

А. Фета.

Только что спрячется солнце,
 Неба затепливъ красу,
 Тихо къ тебѣ подь оконце
 Пѣсню свою понесу.

* * *

Чистой и вольной душою,
 Ясной и свѣжей какъ ночь,
 Смѣйся надъ пѣснью больною!
 Прочь отгоняй ее, прочь!

* * *

Какъ бы за легкимъ вниманьемъ
 Въ вольное сердце дотоль
 Вслѣдъ за его состраданьемъ
 Та-же не вкралася боль.

Кладъ.

Романъ І. І. Ясинскаго (Максима Бѣлинскаго). Часть II.

(Продолженіе).

II.

Парфеновка нѣсколько дней была залита водой. Городскіе пароходы въ ночь наводненія вошли въ оврагъ, и многіе парфеновцы были спасены; но не обошлось безъ несчастныхъ случаевъ съ людьми. Едва Михайлычъ съ семействомъ иконописца сѣлъ въ лодку, какъ вода стала подниматься и покрыла домикъ до самой трубы. Дмитріевна и дѣти Михайлыча пристали на плоту ко второму этажу дома Вѣнова и оттуда были взяты на пароходъ.

Въ Святогорскѣ образовался комитетъ для подаванія денежной помощи пострадавшимъ парфеновцамъ. Михайлычъ ежедневно являлся въ комитетъ и надоѣдалъ. Ему выдали вспомошествованіе къ большой зависти его согражданъ, изъ которыхъ половина, дѣйствительно разоренная водой, не получила ничего. Въ концѣ мая Михайлычъ сталъ строиться и, какъ бобръ, воздвигъ домикъ на высокихъ сваяхъ. У него нашлась работа не только своя, но и чужая. Всея Парфеновкѣ онъ ставилъ новыя или поправлялъ старыя печи. Дѣла его измѣнились къ лучшему, и осенью онъ уже считался зажиточнымъ человѣкомъ.

Но съ нѣкоторыхъ поръ его можно было назвать даже богатымъ человѣкомъ. Всѣ видѣли, какъ трудился Михайлычъ, и всѣ понимали, что онъ имѣлъ право купить себѣ новый картузь и даже серебряную шейную цѣпочку съ часами. Но когда новый картузь оказался бархатнымъ и цѣпочка не серебряная, вызолоченная, а настоящая золотая,—это всемъ показалось страннымъ. Кому это везуть изъ города вѣнскіе стулья и посудный шкафъ съ затѣйливою рѣзбой? А печныхъ дѣлъ мастеру, Михайлычу. Кому доставили изъ англійскаго склада чугуновыхъ и мѣдныхъ издѣлій нѣсколько дюжинъ фигурныхъ заслонокъ, патентованныхъ вьюшекъ и каминныхъ принадлежностей? А кому-же, какъ не Михайлычу. Чья это жена была въ прошлое воскресенье въ церкви, разодѣтая, какъ чиновница — въ синемъ драповомъ бурнусѣ со стеклярусомъ и въ шелковой косынкѣ „шанзавтъ“? Да это жена печника Михайлыча. Позвольте, какого Михайлыча — того самаго, что годъ тому назадъ погорѣлъ? Того самаго. Не онъ-ли еще весной жилъ, можно сказать, на хлѣбахъ изъ милости у вдовой солдатки Пахомовны?—Онъ. Странно!

Качали головами парфеновцы, не могли понять, откуда у Михайлыча деньги, подозрѣвали недоброе, завидовали Михайлычу, и даже иконописецъ Ивановъ пересталъ къ нему благоволить, принималъ его сухо и сурово, а оставаясь съ нимъ наединѣ, пророчилъ ему гибельный конецъ. Но Михайлычъ махалъ рукой и говорилъ:

— Флорентій Адриановичъ, изъ трубы ни разу не шелъ дымъ, а потому динамита опасаться нечего. Вообще же, въ концѣ я сомнѣваюсь, и всякій на моемъ мѣстѣ былъ бы положительнымъ дуракомъ, если бы не завелъ хорошей печной мастерской и не открылъ въ городѣ, по мѣрѣ силъ, своего магазина.

— Ты ужъ на городъ заглядываешься?

— Заглядываюсь, Флорентій Адриановичъ. У насъ на Парфеновкѣ дичь и большое воображеніе. Даже Арону Шминдрику я какъ бѣльмо на глазу. А между тѣмъ, какое дѣло ему, Флорентій Адриановичъ?

Михайлычъ самъ способствовалъ тому, что парфеновское „воображеніе“ принимало все болѣе и болѣе опасныя для него размѣры. Онъ напускалъ на себя таинственность, хитрилъ, многозначительно подмигивалъ однимъ глазомъ, разсуждая съ сосѣдями о томъ что то-ли еще будетъ, на что-то намекалъ, на какой-то вѣчный и непрерывный источникъ денегъ, открытый

имъ, будто-бы, во время соннаго недоумѣнія. Кстати, Парфеновка вспомнила прошлогоднюю карету и, не обративъ на нее тогда должнаго вниманія, постаралась теперь объяснить связью съ ея появленіемъ возрастающее благосостояніе Михайлыча.

Общественное мнѣніе на Парфеновкѣ было ужъ сильно вооружено противъ Михайлыча, когда, на его бѣду, въ городѣ случилось происшествіе, поднявшее на ноги всю полицію: изъ деревни пріѣхалъ помѣщикъ Красновъ, остановился въ гостиницѣ „Европа“, продалъ хлѣбъ купцамъ, получилъ сполна деньги и на другой день былъ найденъ въ своемъ номерѣ задушеннымъ, а денегъ при немъ не оказалось. Гостиница „Европа“ находилась на краю города, ближе къ предместьямъ, и была довольно подозрительна. Она служила притономъ игрокамъ и дурнымъ женщинамъ. Слѣды преступленія были тщательно скрыты, и около двухъ или трехъ недѣль полиція не знала, куда ей броситься. Поневолѣ ей пришлось держаться политики выжиданія. Какой-то мѣщанинъ вечеромъ пьянствовалъ въ „Золотой Рыбкѣ“ и забылъ, уходя, портсигаръ на столѣ, кожаный съ серебряной буквой К. Въ тотъ-же вечеръ заходилъ въ „Золотую Рыбку“ Михайлычъ. Аронъ Шминдрикъ зналъ, что портсигаръ не Михайлыча; но притворился, что не знаетъ, и представилъ находку полицейскому надзирателю, сопоставивъ букву К. съ фамиліей покойнаго Краснова.

— Теперь намъ будетъ, во всякомъ случаѣ, извѣстно, ваше благородіе, какой чортъ нянчить дѣтей Михайлычу, благоразумно сказалъ еврей.

III.

— Опять, печникъ, попался! Но я самъ плохо вѣрю въ твой грабительскій талантъ. Однако, откуда-же у тебя деньги? спросилъ Маврикинъ, прямо глядя въ лицо Михайлычу серьезно и строго, хотя можно было догадаться, что ему хочется улыбнуться, такъ какъ онъ считалъ обвиняемаго забавнымъ малымъ.

— Деньги, ваше высокоблагородіе, мои собственные, отвѣчалъ Михайлычъ, потупляясь.—Зачѣмъ я буду скрываться отъ васъ? Печные деньги, ваше высокоблагородіе.

— Вотъ всѣ показываютъ, что ты самое большое могъ заработать пятьсотъ-шестьсотъ рублей. А между тѣмъ, ты построился и у тебя нашли около двухъ тысячъ?..

— Если я предъ кѣмъ виноватъ, то единственно передъ вами. Нарушилъ ваше приказаніе и, встрѣтивъ кого надо было, утаилъ истинный смыслъ. Но теперь съ раскаяніемъ приношу повинную и прошу меня отъ суда освободить по той причинѣ, что я нашелъ свое счастье.

— Такъ вотъ и разскажи, какъ ты нашелъ счастье, а я напишу постановленіе и ты возвратишься домой цѣлъ и невредимъ. Ну!

— Если вы изволите припомнить, я неоднократно приходилъ къ вамъ съ сомнѣніемъ, ваше высокоблагородіе. Откуда носъ, вслѣдствіе чего и гдѣ именно? Съ вашей стороны произошло распоряженіе: не жалѣть купленныхъ сапогъ и надѣяться на благополучную встрѣчу. Дмитріевна сколько разъ корила меня нашею низкостью да что молока нѣтъ для ребятъ, но сапоги я сносилъ. Не взирая на пожаръ, у меня были новыя съ подборами—очень завидныя мѣщанскіе сапоги. Такъ я ихъ сносилъ, ваше высокоблагородіе.

Михайлычъ остановился и глядѣлъ на слѣдователя, а слѣдователь смотрѣлъ на него. Быть-можетъ Михайлычъ подумалъ, что слишкомъ много болтаетъ. И подобно тому, какъ въ откровенныхъ бесѣдахъ своихъ

съ иконописцемъ Ивановымъ, онъ хитрилъ, оставляя старика въ заблужденіи, будто и впрямь въ печкѣ заложенъ динамитъ, между тѣмъ какъ самъ онъ подозрѣвалъ тамъ нѣчто совсѣмъ другое; такъ и теперь онъ не прочь былъ свести свое признаше къ загадочному разговору о прекрасныхъ мѣщанскихъ сапогахъ и о благополучной встрѣчѣ. Но слѣдователь не сводилъ съ него глазъ. „Кажется, пустая вещь глаза, а отъ нихъ въ потъ бросаетъ и теряешь весь свой благоразумный умъ“, сказалъ себѣ Михайлычъ, вздохнуль, высморкался, посмотрѣлъ въ углы комнаты, даже на потолокъ, еще разъ вздохнуль и — „ничего не подѣлаешь“ — продолжалъ:

— Однимъ словомъ, ваше высокородіе, правый сапогъ ужъ сталъ каши просить—какъ предъ истиннымъ Богомъ. Сталъ я его отъ души жалѣть—размышляю о немъ, но, однако, хожу. Хожу, ваше высокородіе!

— И нашель двѣ тысячи?

— Больше! обрадовавшись, вскричалъ Михайлычъ.— Мы сначала съ Дмитріевной порѣшили на полторахъ тысячахъ. „Пускай будетъ у насъ, Дмитріевна, полторы тысячи, на нашъ вѣкъ хватить“. Прошли Свѣтлые праздники, прошло наводненіе. Я опять Дмитріевнѣ возобновляю: „Что, Дмитріевна, хорошо было бы имѣть полторы тысячи?“ Она смѣется, не вѣритъ, извѣстно, какъ женщина. Произноситъ даже, что дурень думкою богатъ. Главное, задѣла меня за живое. Сейчасъ я потребовалъ перо и чернила — попробовать, какая въ немъ сила. Написалъ письмо по явному подозрѣнію туда, куда надо было, и тому, кому полагается,—„такъ и такъ, не будучи удовлетворенъ печнымъ вознагражденіемъ, осмѣливаюсь прибѣгнуть ко взаимной помощи“. Написавъ, понесъ въ почтовый ящикъ, опустилъ—чувствуя, рука дрожить. Хорошо, если изъ этого выйдетъ хорошее или даже ничего не выйдетъ. А ежели вдругъ: „А кто здѣсь печникъ Михайлычъ? Ты зачѣмъ, голубчикъ, беспокоишь угрозами, не будучи достаточно образованъ?“ Для успокоенія взволнованныхъ чувствъ, провель я полчаса въ „Золотой Рыбкѣ“, зашелъ къ Флорентію Адриановичу, выслушалъ, кто въ какой чинъ къ праздникамъ произведенъ и кто какую звѣзду получилъ и, какъ ничтожный земноводный червь, нѣкоторое время разсуждалъ о высокихъ лицахъ. Я свои мысли высказывалъ, Флорентій Адриановичъ—свой; отецъ Пасій, случившійся тутъ, молча внималъ, по своей духовной скромности. Былъ уже довольно поздній часъ. Я пожелалъ спокойной ночи хозяевамъ и отцу Пасію и, такъ какъ послѣ наводненія земля еще — простите на этомъ словѣ—не обсушилась, то ступалъ я по мосткамъ и, въ концѣ концовъ, очутился въ своей квартирѣ. Смотрю—на Дмитріевнѣ лица нѣтъ. Подаетъ мнѣ такой продолжительный конвертъ и требуетъ его распечатать. Конвертъ я вскрылъ, хочу читать—жена на рукѣ висеть. Хотя я грамотенъ, но по писанному разбираю съ затрудненіемъ. Жена же вовсе не грамотна, а единственно изъ своего бабьяго любопытства. Отъ этого, ваше высокородіе, у насъ ссора тогда произошла: я ей немножко глазъ поправилъ.

Михайлычъ улыбнулся. Слѣдователь продолжалъ смотрѣть на него въ упоръ, и Михайлычъ почувствовалъ, что надо сократить разсказъ о томъ, какъ онъ поправилъ глазъ женѣ.

— Такимъ образомъ, вижу я письменныя слова, но вникнуть въ содержаніе—нѣтъ необходимыхъ понятій. А тутъ жена. „Дмитріевна, отвязись отъ меня!“ И наконецъ, наугадъ объявляю, что намъ прислано согласіе, однако же, безъ вложенія затребованныхъ капиталовъ. Вполнѣ ясно разобралъ я только адресъ. Всю ночь мирился съ женой и примачивалъ ей глазъ, а утромъ, чуть свѣтъ, пошелъ. Пошелъ и пошелъ, иду часъ, иду другой, а длинноносый баринъ, между тѣмъ, на лошади скачетъ. Презентабельная лошадь, ваше

высокородіе! Сейчасъ пакетъ со вложеніемъ — швырь, сейчасъ нагайкой—фьютъ, замѣчательно обругалъ меня—и былъ таковъ. Понравилось мнѣ это, ваше высокородіе... ахъ, до чего понравилось!—вѣрите, ума едва не рѣшился. Дмитріевнѣ тоже очень понравилось. Какъ деньги показалъ—съ мѣста цѣловаться стала—и цѣлый часъ цѣловались. Стала она меня пилить, то есть это спустя мѣсяцъ: „Напиши новое письмо, да напиши, а въ разсужденіи нагайки назначь самъ мѣсто — ищай принесутъ и положить“. Долго я отговаривался, доказывалъ насчетъ совѣсти, да гдѣ же у женскаго пола совѣсть, ваше высокородіе, — у нихъ совѣсти быть не можетъ, а то онѣ съ мужчинами сравнились бы. Вѣрно ли я говорю? Къ тому же, самого стало меня смущать: если полторы тысячи, то отчего же не двѣ, и отчего же не три? Написалъ я второе письмо. Черезъ недѣлю—отвѣта нѣтъ. Я—судебную угрозу. Жду. Отвѣтъ—пятьсотъ рублей. Наша взяла! Что же, ваше высокородіе, прямо скажу вамъ: если у тебя золотой рудникъ, отчего не пользоваться? Совѣсть—совѣстью! Но Дмитріевна обнаружила, что деньги намъ нужны. Черезъ сколько времени — я опять въ почтовый ящикъ... Тамъ опять и опять... Не жалѣлъ пятикопѣчныхъ марокъ! Казнѣ польза, но и мнѣ польза. Торговлю завелъ, сталъ примѣрнымъ человекомъ, приобрѣлъ золотой брелокъ съ компасомъ, — такъ что мнѣ теперь извѣстны всѣ четыре страны свѣта... Такъ вотъ какъ, ваше высокородіе, нашель я свое счастье. Если бы не носъ — ничего не было бы. Носа не отрѣжешь, ваше высокородіе, спрятать его нельзя—высунется. А высунулся — мы себя не обидимъ, прости насъ, любезный другъ!

Михайлычъ замолчалъ, и слѣдователь, погладивъ бородку, сказалъ:

— Все это хорошо, печникъ, и складно разсказано, но не сохранилось ли у тебя „письменныхъ словъ“? Кстати, у меня есть „необходимыя понятія“... и мнѣ было бы любопытно... А?

— Митькѣ горячихъ бы надо задать, ваше высокородіе, отвѣчалъ Михайлычъ.—Онъ змѣя изъ письма-то склеилъ. Сохранился только конвертъ, но и тотъ разыскать невозможно.

— А фамилію носатаго барина ты не скажешь?

— Увольте, ваше высокородіе!

— Да вѣдь онъ въ мертвомъ домѣ живетъ?

— Никогда я этого вамъ не говорилъ, ваше высокородіе.

— Чудака человекъ! Я убѣжденъ, что его зовутъ Оскольцевъ.

Михайлычъ пожалъ плечами.

— Мы люди темные, мы дураки, ваше высокородіе. Преимущественно печнымъ мастерствомъ занимаемся. Откуда намъ знать? Меня Михайлычемъ зовутъ, по уличному—Макагонъ. Есть у меня сынъ Митька, дочь Оенька, жена Ефросинья Дмитріевна. Всякъ сверчокъ—знай свой шестокъ, ваше высокородіе.

— Ну, да ладно, печникъ. Довольно съ тебя. Подписывайся, лиса. Нѣтъ, братъ, шила въ мѣшкѣ не утаишь. Мы справку наведемъ, откуда носъ, и что такое, и гдѣ именно? Затѣмъ, чтобы тебя же выгородить и обфлѣить. Неужели тебѣ будетъ приятно гнить въ острогѣ?

Вмѣсто отвѣта, Михайлычъ бросился въ ноги Андрею Карповичу и сталъ слезно молить о пощаду.

— Если ты правду разсказалъ—ты спасенъ. Налгалъ—погибъ. Уходи.

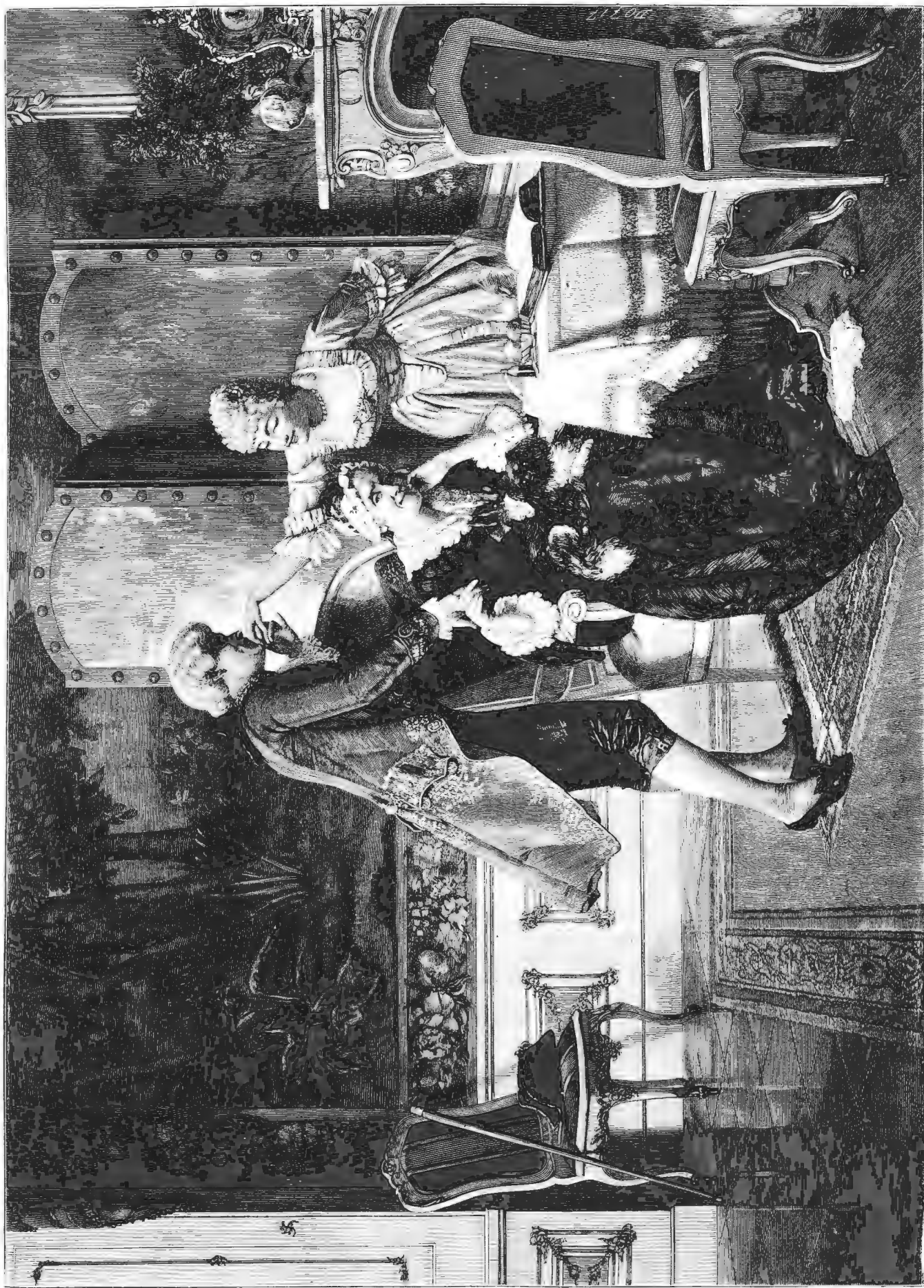
Михайлычъ поднялся и сталъ клясться, что все сказанное имъ сушая правда. Слѣдователь махалъ ему рукой. Онъ велѣлъ сторожамъ увести его и началъ допрашивать Дмитріевну.

— Какія деньги, ваше высокородіе?! закричала она со слезами.—Да мы денегъ никогда ни отъ кого не по-

Выставка Импер. Академіи Художествъ. „Окрестности Харькова. Куряжъ.“

Съ карт. С. И. Васильковского (исключительное право воспроизведения въ гравюрѣ и т. п. принадлежитъ „Нивѣ“), грав. Рашевскій.

Двѣ пациентки. Картина Зондерманда, грав Пене

лучали! Никаких писемъ я отродясь не видѣла. Если что Михайлычъ наговорилъ, г. судья, такъ это онъ по глупости. Онъ всѣмъ извѣстенъ за дурака. Онъ самъ это знаетъ и не противорѣчить. Я, говоритъ, дуракъ. Деньги мои были собственныя, береженныя, доставшия отъ покойной матери, а къ ней онъ перешли отъ покойной бабушки, а къ бабушкѣ отъ ейнаго свекра. Вотъ какія это деньги, г. судья! Я честная женщина, мнѣ всѣ вѣрятъ, лгать я не стану. Я понимаю, съ кѣмъ я говорю. Пожалуйста, запишите, что отъ свекра, а свекру отъ бабушки, а бабушкѣ отъ прабабушки — отъ самой давней, давней старины. Если что не такъ сказала, за то не взыскивайте, а судите по справедливости. Мнѣ безъ мужа въ хозяйствѣ никакъ нельзя. Богъ съ вами и съ вашими судами, подавайте мнѣ мужа!

Не добившись отъ Дмитріевны никакого толка, Маврикинъ отпустилъ ее и, посоветовавшись вечеромъ съ товарищемъ прокурора, вызвалъ на другой день, въ качествѣ свидѣтеля, Валерьяна Оскольцева.

IV.

Когда Валерьянъ сѣлъ на предложенный ему стулъ, Маврикинъ величественно посмотрѣлъ на него и официально спросилъ:

— Свидѣтель Оскольцевъ, справедливо ли, что вы, начиная съ весны этого года, неоднократно присылали мѣщанину Михайлычу, онъ же Макагонъ, болѣе или менѣе крупныя суммы, а именно: полторы тысячи, пятьсотъ рублей, еще пятьсотъ, триста, двѣсти и наконецъ пятьдесятъ рублей?

Валерьянъ юмористически взглянулъ на слѣдователя, котораго, по его мнѣнію, онъ могъ бы раздавить однимъ пожатіемъ руки — стояло только сѣздить кое къ кому изъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ былъ хорошъ, и нажаловаться на Мавркина.

— Вамъ для чего это надо? небрежно спросилъ онъ.

Маврикинъ счелъ для своей власти вопросъ Валерьяна обиднымъ. Онъ закинулъ голову.

— Попрошу васъ, свидѣтель, не уклоняться отъ отвѣтовъ и не отдѣлываться косвенными вопросами. А чтобы вы не чувствовали себя неловко, нахожу нужнымъ предупредить, что вы можете ничего не сообщать о причинахъ, заставлявшихъ васъ платить Михайлычу сотни и даже тысячи рублей.

— Какія же причины? началъ, слегка смутясь, Валерьянъ. — Причины, смѣшно сказать... просто, любопытство, пойдутъ ли ему впрокъ эти деньги или нѣтъ? — Валерьянъ сталъ смѣяться. — Онъ обратился ко мнѣ, продолжалъ онъ: — съ просьбою помочь послѣ наводненія, дать ему молока или что-то въ этомъ родѣ — ужъ не помню, что онъ писалъ въ своемъ письмѣ... Кажется, оно было запечатано хлѣбнымъ мякишемъ. Я часто дѣлаю глупости — я отмѣнилъ вечеръ, который предполагалъ дать по случаю моего рожденія, а можетъ быть и по другому случаю — для васъ, слѣдователь, это не важно, надѣюсь. Ну, и послалъ полторы тысячи — да, это вѣрно. А потомъ еще посылалъ — совершенно справедливо. Что-жъ, эти деньги принесли ему вредъ, да? Если да — очень жаль. Больше никто не получитъ отъ меня ни копѣйки. Быть благотворителемъ и, въ концѣ концовъ, попасть въ этакое милое мѣстечко, какъ вашъ кабинетъ! А?

Онъ всталъ въ нетерпѣніи и взялъ шляпу.

— Не торопитесь, свидѣтель, сказалъ Маврикинъ. — Показаніе ваше существенно важно, а потому я попрошу васъ записать его.

— Нѣтъ, ужъ пишите сами — что хотите! вскричалъ Оскольцевъ.

— Какъ вамъ угодно! отвѣчалъ слѣдователь и сталъ писать.

Тогда Валерьянъ, подумавъ, приблизился къ столу,

взявъ перо и изъявилъ желаніе собственноручно записать свои слова. Онъ сѣлъ и тщательно записалъ, потому что, какъ подумалъ Маврикинъ, ему вдругъ показалось все это чрезвычайно серьезнымъ и могущимъ имѣть неожиданно важныя послѣдствія. Пробѣжавъ его показаніе, Маврикинъ усмѣхнулся въ бороду и промолвилъ:

— Напрасно такъ много трудились. Я ужъ васъ предупредалъ, что о причинахъ вы могли даже не упоминать. А вы все о причинахъ, да о причинахъ, о причинахъ, да о причинахъ. Впрочемъ, вы столько посвятили мѣста анализу добрыхъ сторонъ вашего сердца, что дѣлаете вполне понятною наглость, съ какою необразованный печникъ Михайлычъ все время докучалъ вашему карману. Плутъ былъ убѣжденъ, что отъ каза не будетъ. До пріятнаго свиданія!

V.

Михайлычъ вернулся въ лоно семьи и парфеновской гражданственности. Дмитріевна радовалась, но Михайлычъ былъ угрюмъ. Онъ сидѣлъ у стола весь вечеръ, опирая голову на обѣ руки и ерошилъ свои курчавые волосы.

— А знаешь что, Дмитріевна, началъ онъ сердитымъ голосомъ, — мы съ тобой спокойно жили, пока не стали шмыгать по Парфеновкѣ кареты съ длинноносими господами. Мы тревоги очень много испытали черезъ эти кареты. Деньги какъ слѣдуетъ — жаловаться нельзя, но дѣло, все-таки, нечистое, что ни говори! Какъ бы онъ меня не укукошил!

— Кто онъ? Богъ съ тобой, Михайлычъ.

— Онъ меня теперь чудесно укукошитъ! Ему что-же? Зашилъ въ рогожу, канатикомъ обвязалъ, печать приложилъ для товарной видимости и съ наложеннымъ платежомъ алонъ ма-ширъ въ Америку на салотопельный заводъ. Американцы, душа моя, народъ практический — они изъ бумаги желѣзо дѣлаютъ. Глазомъ не мигнешь, какъ тебя всего облупятъ; изъ кожи перчатокъ накроютъ, а изъ жира намакаютъ свѣчей...

— Какой тамъ у тебя жиръ, Михайлычъ! съ улыбкой возразила Дмитріевна.

Михайлычъ гнѣвно ударилъ кулакомъ по столу.

— Ахъ, ты, короткая! Да что-жъ ты думаешь ему, въ самомъ дѣлѣ, интересъ въ моемъ жирѣ?

— Не пойму я тебя, Михайлычъ.

— Ему языкъ мой подавай! Молчаніе подозрительныхъ словъ!

— Ну, ты слѣдователю рассказалъ?

— Рассказалъ... Рассказать — я рассказалъ, да не все, Дмитріевна. На меня нападаютъ, что я болтунъ, а вотъ и ты всего отъ меня не слыхала. Динамитъ! кладь! Ахъ, скажите, такъ я и повѣрилъ! Я, Дмитріевна, дурака строю, а воображеніе имѣю при себѣ.

— Что-жъ ты воображаешь, Михайлычъ?

— Гдѣ нашъ Митька?

— На что онъ тебѣ? Спитъ.

— Возьми, примѣрно, Митьку, строго началъ Михайлычъ, — положи его въ кулекъ, сейчасъ задѣлай въ парусину, именуемую брезентъ, осмоли, и выйдетъ презентъ! озираясь по сторонамъ, произнесъ Михайлычъ, блѣдный, какъ полотно.

— Да перекрестись, Михайлычъ. Ну, что загадываешь! Не хорошо противъ ночи. Откуда у тебя мысли такія тяжелыя?

— Съ кѣмъ я спутался! въ отчаяніи закричалъ Михайлычъ. — Съ кѣмъ! повторилъ онъ. — Погибай душа христіанская! Дмитріевна!

Онъ укоризненно посмотрѣлъ на жену.

— Ты виновата! объявилъ онъ съ тоской. — Откуда и кому извѣстно стало? Купи себѣ, Михайлычъ, бархатный картузь, мнѣ санзановое платье, вѣнскую подвижность, часы, перчатки, чорта въ стулѣ! Порода

Евинская! Соблюдали бы мы скромность языка, не трубили бы кумушкамъ о томъ, что вотъ, молъ, замѣчательный сонъ Михайлычъ увидѣлъ: съ неба капиталъ свалился—и было бы все у насъ честно, благородно и, главное, судоговоренія не было бы. Ты какъ полагаешь, если слѣдователь глазами въ тебя вопьется, легко ты можешь молчать? Онъ на тебя смотритъ—самъ вотъ этакій, съ ноготокъ, а между тѣмъ, ѣсть. Какъ я всего не выбрехалъ—удивляюсь! Чуть про ручку не бухнулъ...

— Михайлычъ, родной, про какую ручку?

— Съ пальчиками.

— Ахъ, Михайлычъ, съ какими пальчиками?

— Дмитріевна, раззвонишь!

— Ты лучше за собой наблюдай, Михайлычъ! Я санжановое платье набрала, а никому не сказала. Я даже все отъ самой себя таю—я боюсь, Михайлычъ—и какъ что услышу, со страху забуду.

Михайлычъ обнялъ жену, притянулъ ее къ себѣ и тихо началъ, размахивая рукой:

— Дмитріевна, я изразцы-то вставлялъ,—пощупалъ. Такъ, знаешь, глину замазываю и кладу, а тѣмъ временемъ рукой лапъ-лапъ. Показалось мнѣ такъ, что пальчики. Ахъ, шутъ тебя побери! Ну, не я буду, а что и для чего—знаю. И узналъ. Разныя примѣты были: резеда, галки, никто въ домъ не живетъ, опять же носъ. Однимъ словомъ, все какъ по писанному. Но мальчикъ или дѣвочка—темно—даже мнѣ самому темно! Барская затѣя!

— Михайлычъ, ты на меня страхъ нагналъ. Я вся дрожу.

— Это я тебѣ, дурѣ, рассказываю; но развѣ моя вина, что ручка? Ни, Боже мой! Не беспокойся. Гражданскаго злоупотребленія въ Сибирь не будетъ. А большее для меня затрудненіе объ окончательномъ доказательствѣ: круть-верть, въ черепочкѣ смерть—это другое дѣло!

Помолчавъ, Михайлычъ началъ благообразно:

— Донести прямо, что ручка—отчего раньше не донесли? Скрыть и требовать, попрежнему, взаимной помощи—обвинительное соображеніе насчетъ укрывательства преступной печки съ корыстною цѣлью. Кромѣ того—салотопельный заводъ. Какъ тутъ быть—вотъ гдѣ загвоздка!

— То-то, промолвила Дмитріевна, — дура, дура, а какъ заварилъ кашу, да надѣлалъ глупостей, такъ, дура, дай совѣтъ. Дура, разсуди! А ты-бы пошелъ къ умнымъ людямъ. Небось къ Флорентію Адриановичу не ходишь больше. Стыдно глаза показать! Ахъ, Михайлычъ, что-же я тебѣ скажу, мой родной? Еслибъ случилась со мной такая бѣда, я бы вотъ какъ поступила. Явилась бы къ Андрею Карповичу, упала бы ему въ ноги и во всемъ сердечно призналась бы. Все же денегъ назадъ не отберутъ. А его, этого носатаго, тирана этого, душегуба, вывела бы на свѣжую воду! А что тебѣ достанется? Ничего! Ты печникъ, свое дѣло исполняешь. Ты хоть на Парфеновкѣ живешь, а не токмо что души человѣческой не загубилъ, а дышленка не зарѣзалъ. Женѣ привержень и денегъ при себѣ не держишь—все мнѣ, да мнѣ. Я всегда скажу, и всѣмъ скажу, на площади скажу, крикомъ крикну, что ты мужъ какихъ мало, золотой мужъ, кучерявый мой, пригожій Михайлычъ!

Михайлычъ растаялъ отъ жениной ласки, и совѣтъ ей показался ему достойнымъ вниманія. Онъ зашагалъ по комнатамъ, поскрипывая поломъ, и сказалъ:

— Подождать денекъ, другой, да и быть по твоему. А, Дмитріевна, по твоему? Такъ ли я говорю? Покажи-но мнѣ, однако, санжановое платье.

VI.

Въ нижнемъ этажѣ мертваго дома поселился Валерьянъ, а верхній заняла княгиня Наталья Михайловна,

вернувшаяся съ Юріемъ изъ-за границы въ половинѣ ноября. Обстановка дома Натальѣ Михайловнѣ не понравилась—все было черезчуръ солидно и старомодно. Начались перемѣны—старую мебель выносили и складывали въ сараяхъ, новую привозили столяры изъ своихъ магазиновъ. Такъ продолжалось до Рождественскихъ праздниковъ.

Валерьянъ былъ застигнутъ врасплохъ прїѣздомъ Натальи Михайловны. Она даже не предупредила его о томъ, что ѣдетъ. Поспѣшила же она вернуться въ Россію, не смотря на настоятельную необходимость еще пожить за-границей нѣкоторое время,—оттого, что ею было получено извѣстіе о предстоящей сдачѣ Валерьяномъ Святогорскаго гостинаго двора новымъ арендаторамъ съ значительною скидкой, лишь бы арендную плату они внесли впередъ. Конечно, это было верхомъ неблагодарности со стороны Валерьяна, который самъ же первый толковалъ о золотой курицѣ и теперь ее рѣжетъ. Валерьянъ встрѣтилъ сестру съ неудовольствіемъ. Ему Наталья Михайловна ровно ничего не сказала, что могло его огорчить, не стала осуждать его расточительнаго управления и не намекнула, что ей извѣстно о намѣреніи его сдать гостинный дворъ въ предпримчивыя, но не надежныя руки евреевъ. Она улыбалась брату, и только маленькая, чуть замѣтная судорога, по временамъ, приподнимала уголокъ ея губъ и лишала очарованія ея рождественную улыбку.

На другой день княгиня пригласила Валерьяна и предложила ему уѣхать куда-нибудь изъ города, напримеръ, въ Москву, и отдохнуть отъ дѣлъ. Она предложила ему также пользоваться четвертою частью доходовъ съ имѣній Юрія.

Довѣренность, такимъ образомъ, уничтожалась. Выслушавъ сестру, онъ мысленно послалъ ее къ чорту, возсталъ противъ ея желанія самой управлять дѣлами, увѣрялъ, что это не женское дѣло, и рѣшилъ напугать ее. Онъ намекнулъ ей, что его присутствіе въ Святогорскѣ необходимо, что уже существуетъ подозрѣніе въ подлинности маленькаго Юрія, и только мѣры, принятія имъ, не позволяютъ этому подозрѣнію смѣлѣе поднять голову.

Наталья Михайловна задумалась и, взглянувъ на брата и на его отчетъ, который онъ иронически представилъ ей, сказала себѣ, что онъ, конечно, лжетъ. Однако, ложъ Валерьяна—та-же угроза. Чѣмъ же удовлетворить этого ненасытнаго и пустаго человѣка? Если ему позволить разорить Юрія, онъ это охотно сдѣлаетъ. Но какой же смыслъ въ разореніи Юрія?

Лучше всего не придавать значенія намекамъ Валерьяна. Такъ и поступила Наталья Михайловна. Валерьянъ послѣ нѣкотораго времени осторожно освѣдомился у сестры, сколько она можетъ дать ему едино-временно, прося ее не скупиться; или же не оставитъ-ли она все по-старому?

Въ отвѣтъ, Наталья Михайловна указала Валерьяну на чашку кофею, который сама налила изъ фарфороваго кофейника; но Валерьянъ не принялъ кофея изъ рукъ сестры, холодно посмотрѣлъ ей въ глаза и покачалъ головой. Наталью Михайловну взорвало это; она произнесла, поблѣднѣвъ:

— Мнѣ не приходило въ голову отравить тебя. Но это — мысль. Садись и выслушай меня. По-старому я не могу оставить. Контракты съ купцами я заключаю сама. Хорошо, единовременную сумму ты получишь, но кто-же поручится мнѣ, что ты снова не станешь меня терзать?

— Натальи, я уѣду куда-нибудь — мнѣ надо будетъ удрать. Я предчувствую, что наша невинная шуточка добромъ не кончится.

Онъ сухо засмѣялся и пощелкалъ пальцами.

Наталья Михайловна все была убѣждена, что это ложь.

— Да я тебѣ серьезно говорю,—догадываясь о томъ, что она думаетъ, продолжалъ Валерьянъ.—Надо рѣшить дилемму: или я—и тогда ужь я на себя беру, что все будетъ благополучно, и наша тайна, если обнаружится, то развѣ черезъ много лѣтъ и вреда не принесетъ; или ты—и тогда я умываю руки и предоставляю тебѣ вѣдаться съ нею, какъ хочешь. Но вмѣстѣ намъ нельзя... Ты меня ненавидишь, а я тебя почти ненавижу. Я съ тобой откровененъ, и свое право бороться съ тобой, какъ видишь, готовъ продать за чечевичную похлебку.

— Странно, Валерьянъ, сказала Наталья Михайловна,—что ты разбиваешь наши интересы. Они должны быть общими. Неужели кто-нибудь третій замѣшанъ въ эту тайну?

— Представь, что тайна, строго говоря, даже не твоя, а моя! вскричалъ Валерьянъ.—Не только ты, но и Николай Семенычъ не зналъ ее во всемъ объемѣ. Она умереть вмѣстѣ со мной, если ты не помѣшаешь. А помѣшать ты можешь и даже страстно хочешь. Но ужь такова твоя судьба!

Онъ взглянулъ на сестру, опять встрѣтилъ ея презрительный, недоувѣрчивый взглядъ, пожалъ плечами и замолчалъ, играя свою тростью.

Между братомъ и сестрой было рѣшено выдѣлить изъ капиталовъ Юрія значительную сумму и отдать ее въ распоряженіе Валерьяна, пополнивъ ее потомъ доходами ко дню совершеннолѣтія мальчика. Въ январѣ Валерьянъ долженъ былъ совѣмъ устраниваться отъ управленія. А пока онъ жилъ въ Святогорскѣ и велъ свою прежнюю пышную жизнь.

VII.

Докторъ Олесницкій пользовался нѣкоторымъ расположеніемъ Натальи Михайловны и часто бывалъ у нея, сдѣлавшись ея домашнимъ врачомъ. Благодаря его постояннымъ рассказамъ о томъ, что дѣлается въ городѣ, Наталья Михайловна мало-по-малу стала интересоваться сосѣдями. Она сдѣлала визиты генераль-губернаторшѣ и княгинѣ Лихолобовой-Лира. Тѣ заплатили ей визитъ. Генераль-губернаторша втянула ее въ общественную благотворительность. Наталья Михайловна стала бывать въ мѣстномъ дамскомъ кружкѣ и на первыхъ-же порахъ ее избрали вице-предсѣдательницей. Губернскія аристократки пріѣзжали къ генераль-губернаторшѣ съ работой — кто вышивалъ въ пилѣцахъ, кто бисеромъ, кто вязала. Всѣ эти изящныя работы — кошельки, бархатныя подушечки, дѣтскія курточки и прочее — предназначались для аллегрѣ. Такъ какъ Наталья Михайловна не могла ничего приготовить для лотереи, за недостаткомъ времени, то на второй четвергъ она явилась съ предложеніемъ пополнить кассу аллегрѣ и ассигновала на этотъ предметъ тысячу рублей. Такимъ образомъ она неволью сдѣлалась распорядительницей благотворительнаго вечера—ей уступили эту пріятную обязанность въ виду такого крупнаго пожертвованія. Вечеръ состоялся на третій день Рождества въ Дворянскомъ собраніи. Тамъ она познакомилась съ очень многими святогорскими тузами и затѣмъ должна была въ слѣдующіе дни принимать ихъ у себя. Къ Натальѣ Михайловнѣ пріѣзжали съ визитами. Всѣ сѣли ближе посмотрѣть на Наталью Михайловну, тѣмъ болѣе, что судьба мертваго дома давно всѣхъ занимала и служила темой для городскихъ толковъ, въ особенности, съ прошлаго года—съ того времени, какъ его владѣлецъ трагически окончилъ въ немъ свою жизнь. Нѣкоторая печать таинственности лежала на этомъ домѣ. Не всѣмъ, но нѣкоторымъ Наталья Михайловна показывала Юрія—и удивлялись, что онъ такой хорошенькій, хотя, на самомъ дѣлѣ, онъ былъ некрасивый мальчикъ. Также хвалили его бойкость и острый умъ, хотя, на самомъ дѣлѣ, онъ былъ глуповатъ. Наталья Михайловна безъ труда вошла въ святогорское общество. Насколько

оно, отдавая должную справедливость расточительному блеску Валерьяна, чуждалось его, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, настолько радушно отнеслось оно къ Натальѣ Михайловнѣ. Ей это было очень пріятно. Въ числѣ визитовъ, принятыхъ и отказанныхъ, обратилъ на себя вниманіе Наталья Михайловны незначительный визитъ, который сдѣлалъ ей нѣкто Павелъ Павловичъ Чардашовъ. Мать Натальи Михайловны была урожденная Чардашова. Княгиня велѣла принять гостя и, когда тотъ вошелъ, она увидѣла красиваго молодаго человѣка съ правильными чертами лица, съ хорошими манерами и изысканно-одѣтаго. Ей понравился этотъ молодой человѣкъ и она спросила, не изъ Москвы-ли онъ? Да, онъ московскій дворянинъ; у него тамъ есть имѣніе. Родственникомъ Чардашовымъ, изъ которыхъ происходила Наталья Михайловна, онъ не былъ; но онъ, не мигнувъ, солгалъ, что онъ родственникъ. Онъ воспитывался въ училищѣ правовѣдѣнія, которое окончилъ лѣтъ пять тому назадъ, и теперь служить въ Святогорскѣ товарищемъ прокурора.

— У васъ скучная служба? спросила Наталья Михайловна.

— Нельзя сказать. Мнѣ еще не надоѣла. Каждый преступникъ—цѣлая повѣсть, иногда комическая, часто трагическая. Окружной судъ можно уудобить библиотекѣ романовъ

— Вы чувствуете, значить, призваніе къ прокуратурѣ?

— Если хотите.

— Вы не женаты?

— Нѣтъ, не женатъ.

— Когда женитесь, васъ захватятъ другіе интересы.

— Женитба не такъ серьезна, какъ думаютъ, возразилъ Чардашовъ.—По крайней мѣрѣ, для мужчины.

— По этой фразѣ можно уже заключить, какъ вы молоды, сказала со смѣхомъ Наталья Михайловна.

— Чѣмъ дальше, тѣмъ больше сглаживается разница между старостью и молодостью, сказалъ товарищъ прокурора.—Мибнія мои сложились разъ навсегда. Вы долго намѣрены провести у насъ въ Святогорскѣ? спросилъ онъ, какъ-бы для того, чтобы переменить разговоръ.

— По всей вѣроятности, я буду проводить здѣсь зимы.

— Съ Валерьяномъ Михайлычемъ? осторожно, вскользь произнесъ гость.

— Одна. Валерьянъ — плохой помощникъ. Я хозяйничаю по-женски, но все-таки хозяйничаю. Онъ собирается куда-то...

— Впрочемъ, я слыхалъ, у васъ прелестный мальчикъ. И вы всегда можете быть окружены обществомъ. Нельзя не пожалѣть, что столько времени — кажется годъ слишкомъ — Святогорскъ былъ лишенъ... святогорскій горизонтъ былъ сумраченъ... и на немъ не всходило солнце, которое теперь всѣхъ согрѣваетъ!

Онъ улыбнулся и показалъ свои бѣлые ровные зубы, которые казались еще бѣлѣе, благодаря краснымъ губамъ и чернымъ шелковистымъ усикамъ. Потомъ ему хотѣлось сказать, что онъ понимаетъ—Натальѣ Михайловнѣ тяжело было пріѣзжать туда, гдѣ сосредоточились такія тяжелыя фамиліныя воспоминанія. Но онъ сообразилъ, что это было-бы безтактно и, можетъ быть, преждевременно. Вызвавъ своей улыбкой улыбку княгини, онъ только проговорилъ:

— Мы, святогорцы, ревнивый народъ и не достаточно хорошо цѣнимъ настоящее. Благодаря вамъ, мы всѣ замѣтно оживились. Какъ блестяще удался вашъ благотворительный вечеръ!

Онъ сталъ лѣстить княгинѣ и вдругъ, опять вскользь спросилъ:

— За эти полтора года пребыванія за границей вашъ

Котенокъ съ бабочкой. Карт. Ю. Адама, грав. Кезебергъ.

сынъ, княгиня, конечно, совсѣмъ сталъ иностранцемъ и забылъ впечатлѣнія дѣтства—не правда-ли? Я сужу по себѣ. Я ужъ былъ большимъ мальчикомъ, когда меня увезли въ Парижъ. Два года прошло—я почти не говоришь по-русски.

— Нѣтъ, онъ кое-что помнить... Спрашиваетъ объ отцѣ, прибавила Наталья Михайловна задумчиво и грустно.

Чардашовъ выслушалъ княгиню съ серьезнымъ ви-

Моничка.

Повѣсть Н. Морснаго (Н. К. Лебедева). (Посмертное произведение).

(Окончаніе).

XIV.

Случается такъ, что знаешь-знаешь людей, долго быть знакомъ съ ними, много разъ видѣлъ ихъ,—и все какъ-то въ полномъ освѣщеніи, при которомъ бы можно было усмотрѣть надлежащимъ образомъ истинную окраску, не удается нарисовать себѣ ихъ нравственный обликъ. Нѣчто подобное случилось со мною по отношенію отца и дочери Образцовыхъ. Я уже говорилъ, что Любовь Петровну нельзя было узнать съ перваго разу, но полнога о ней и такъ-сказать всесторонняго понятія я положительно не имѣлъ до описываемаго дня. Въ этотъ день какъ-то все подошло одно къ другому, все сложилось такъ, чтобы заставить и Любовь Петровну, и ея отца болѣе высказаться; всѣ обстоятельства сложились такъ, что вызвали и въ Любовь Петровнѣ, и въ капитанѣ особую откровенность, непринужденность передъ нами. Въ самомъ дѣлѣ и я, и Моничка доказали своими дѣйствіями, что мы оба беремъ сторону Образцовыхъ: мы оба оставили вмѣстѣ съ ними домъ, въ которомъ оскорбили Любовь Петровну; оба передались на сторону Образцовыхъ, показавъ такимъ своимъ поступкомъ—нѣкоторую близость, расположеніе, даже привязанность къ нимъ. Объ этомъ сказано было мало, но Образцовы, понятно, оцѣнили нашъ поступокъ по достоинству и какъ-то разомъ стали съ нами въ совершенно семейныя отношенія. Именно—сразу; точно мы прожили вмѣстѣ нѣсколько годовъ, точно мы составляли одну семью, членами которой нечего стѣсняться другъ передъ другомъ, нечего тапаться, нечего церемониться.

Капитанъ принесъ гитару и, настроивъ ее, заигралъ, прелюдировавъ нѣкую какою-то обрывистымъ переборомъ струнъ, послѣ чего отецъ и дочь заиграли. То былъ довольно однообразный речитативъ, аккомпанируемый плохимъ переборомъ струнъ. Голоса пѣли въ унисонъ и даже не столько пѣли, сколько произносили стихи нараспѣвъ подъ музыку, съ рѣдкимъ и самымъ незначительнымъ измѣненіемъ мелодіи. Трудно было судить по этому началу насколько велики голоса исполнителей; очевидно было одно, что капитанъ обладалъ довольно ровнымъ теноромъ, а Любовь Петровна высокимъ сопрано, нѣкоторыя ноты котораго показались мнѣ у нея довольно рѣзкими, не смотря даже на то, что голосу не давалось большой силы. Было это довольно странно; отецъ и дочь очевидно сочинили свое пѣніе; они исполняли передъ нами отрывокъ изъ „Цыганъ“ Пушкина, при чемъ мелодія речитатива была ими откуда-то заимствована и напоминала что-то знакомое. Пѣли они сидя, при чемъ во все время довольно продолжительнаго исполненія—сидѣли повернувшись лицами одинъ къ другому и смотря другъ другу въ глаза. Вдругъ этотъ однообразный речитативъ порвался; капитанъ вскопчилъ съ мѣста, какъ-то передернулъ плечами, тряхнулъ своею гривой и ударилъ какимъ-то рѣзкимъ ударомъ по струнамъ, блеснувъ при этомъ исполובя на Любовь Петровну огненнымъ взглядомъ. Вскопчила и Любовь Петровна со своего мѣста и попрежнему обернувшись лицомъ къ отцу, при рѣзкомъ ударѣ его по струнамъ съ поблѣднѣвшимъ лицомъ какъ-то взвизгнула извѣстный романсъ Земфиры:

Старый мужъ, грозный мужъ,
Рѣжь меня, жи меня!..

То были странные звуки, отвѣчающіе страшнымъ словомъ; то была дикая мелодія, при исполненіи которой Любовь Петровна, я увѣренъ, забылась до такой степени, что чувствовала и переживала то, что пѣла. Я впоследствии не разъ слышалъ этотъ романсъ, но тотъ который пѣла Любовь Петровна былъ совершенно иной не только по исполненію, но и по композиціи. Это было что-то невѣроятно дикое, злое, дѣйствительно способное довести до убійства, но во всякомъ случаѣ очень оригинальное, какъ и вся эта полунимпровизація. Отецъ и дочь не только пѣли, не только играли, но судя по ихъ блѣднымъ лицамъ, по мучительнымъ выраженіямъ и неодолимымъ звукамъ страданія, извлекаемымъ ими изъ груди—переживали исполняемое, проникались имъ до мозга костей. Не знаю чѣмъ бы кончилось подобное исполненіе, если-бы сидящій со мною рядомъ Моничка, все время, какъ и я, смотрѣвшій на капитана и Любовь Петровну—не прощипалъ съ поблѣднѣвшимъ лицомъ:

домъ и слегка наклонилъ голову въ знакъ сочувствія.

Когда онъ ушелъ, получивъ приглашеніе бывать, княгиня, уступая женскому любопытству, взглянула въ окно и увидѣла хорошенькій экипажъ, очевидно собственный Чардашова, со щегольской упряжью на породистой лошади.

„Онъ приличенъ, этотъ мой новый... кузнецъ“, подумала она и мечтательно улыбнулась.

(Оконч. въ слѣд. №).

— Какъ это страшно!

Онъ сказалъ тихо, но его услышали; капитанъ пересталъ ударять по струнамъ, Любовь Петровна оборвалась на полутактѣ... Оба со смущенными лицами, какъ бы виноватые, стояли передъ нами нѣкоторое время въ молчаніи—и теперь что-то дѣтское, что-то робкое и просящее написано было на ихъ лицахъ. Капитанъ заговорилъ первый, все еще не оставляя гитары:

— Простите великодушно...

— Помилуйте, смутился въ свою очередь Моничка, не ожидавшій конечно, что его слова произведутъ такое дѣйствіе,—это я виноватъ... Вы, обратилъ онъ къ Любови Петровнѣ,—исполнили романсъ превосходно и оригинально, какъ артистка, но...

Любовь Петровна, выслушивая этотъ приговоръ, низко опустила голову, какъ виноватая. Моничка окончилъ начатое:

— Но и въ жизни и на сценѣ—я люблю только то, что кротко и нѣжно...

Тогда, попрежнему не смотря на Моничку, Любовь Петровна вдругъ выхватила изъ рукъ отца гитару, пробѣжала по струнамъ и, какъ бы винась передъ Моничкой, запѣла со слезами въ голосѣ тихую и нѣжную пѣсню Миньоны:

Ты знаешь-ли край, гдѣ лимонныя рощи цвѣтутъ,
Гдѣ въ темныхъ листьяхъ померанецъ какъ золото рдѣетъ...

Она пѣла это задумчиво, медленно, точно что-то напоминающая, и только окончивъ первую строфу, подняла опущенную голову и посмотрѣла на стоявшаго передъ нею Моничку молящими глазами, полными слезъ:

Ты знаешь-ли край тотъ? туда бы съ тобой,
Туда бы ушла я, мой другъ дорогой!

Что-то необыкновенно искреннее, нѣжное и горькое пахло на эту дѣвушку какъ-то моментально, смѣняя въ ней дикое и злое. Если вся ея подвижная и порывистая природа слагалась изъ крайностей, дѣйствій подъ влияніемъ перваго впечатлѣнія, то въ эти крайности, въ эти поступки и дѣйствія она уходила всецѣло, уходила вдругъ, не зная постепенности перехода и середины. Но это пѣніе самоучкой, эта страсть влагаемая въ исполненіе, самая манера пѣть, равно какъ и высказанный Любови Петровнѣ взглядъ на идеаль ея скитальческой жизни, наконецъ смуглый типъ отца и дочери, ихъ нѣсколько безпорядочный образъ жизни, ихъ любовь къ яркому и разнымъ золотымъ вещамъ,—все это вмѣстѣ взятое напоминало собою что-то цыганское, что-то такое, въ чемъ подъ оболочкой нѣкоторой культурности—таилось нѣчто дикое, нѣчто какъ бы только полусдержанное образованіемъ, то и дѣло вырывающееся съ неудержимой силой наружу. Быть-можетъ все это смутно давно уже сознавалось мною, но въ описываемый вечеръ только достигло наибольшей отчетливости и ясности.

Любовь Петровна вдругъ бросила гитару:

— Нѣтъ,—недовольно вскричала она,—я чувствую, что лучше не пѣть...

XV.

Въ Любовь Петровнѣ необычайно быстро чередовались необыкновенное оживленіе и какой-то странный уладокъ духа, повергавшій ее въ сосредоточенное и мрачное молчаніе. Такъ случилось и теперь. Любовь Петровна не ушла духомъ послѣ ея такъ-сказать изгнанія съ Рогожинскаго вечера; напротивъ, бодро и энергично перенесла наше довольно бѣдственное возвращеніе домой. Неожиданный приходъ Монички поднялъ ея нервы до чрезвычайной степени, и когда она, передѣвшись, вышла къ намъ, она дышала радостью и трепетала отъ счастья; но затѣмъ совершился переворотъ, который объяснялся тѣмъ, что Любовь Петровна *взяла не тѣ ноты*. Она хотѣла быть съ нами откровенною, хотѣла показаться намъ именно въ томъ самомъ свѣтѣ, при которомъ можно было видѣть ея настоящій обликъ; она хотѣла показать намъ себя такою, какою была на самомъ дѣлѣ—и дѣйствительно сдѣлала это; по сдѣлавъ, увидѣла, что до нѣкоторой степени ошиблась. Тѣ ноты, которыя она брала, были конечно своеобразны, до из-

вѣстной степени поэтичны и колоритны; но онѣ были слишкомъ чужды намъ, отзывались чѣмъ-то до такой степени противоположнымъ общепринятому, что сочувствовать имъ, раздѣлять ихъ, приобщиться къ нимъ — мы конечно не могли. Мы были люди различныхъ темпераментовъ, различныхъ религій такъ-сказать. Каждый изъ насъ вѣрилъ въ диаметрально противоположныя истины, въ свои — и не понималъ какихъ-нибудь иныхъ, высказываемыхъ другою стороной. Мы такъ-сказать молились разнымъ богамъ — и Любовь Петровна, хотя съ нашей стороны не было сказано ни слова насчетъ этого, сразу увидѣла и поняла, что ея боги и наши различны и что мы не только не вѣримъ въ настоящее въ то, чему она поклонялась, но не признаемъ этого и въ будущемъ. Мы оглозвались возраженіемъ и молчаніемъ на оживленно, съ очевидною надеждой на сочувствіе, открытый намъ Любовь Петровной идеалъ ея скитальческой жизни, — ея страстное и полудникое пѣніе точно испугало насъ. Все это Любовь Петровна увидѣла и поняла — и все это было такъ-сказать острымъ ножомъ вѣзавшимся и жестоко поранившимъ ея бѣдное великодушное сердце.

Вотъ почему я сказала, что она взяла не тѣ ноты: бѣдная дѣвушка конечно не рассчитывала на то, что, открываясь намъ, она этимъ не только не приблизитъ себя къ намъ, а еще напротивъ отдалится отъ насъ, показавъ во-очію и обнаруживъ рознь существующую между ею и нами, — рознь темпераментовъ, понятій и идеаловъ. Когда она почувствовала это, когда истина открылась ей, — она упала духомъ до такой степени, что даже наружно не могла скрыть этого, какъ-то на нашихъ глазахъ завяла подобно цвѣтку съ надломленнымъ стеблемъ. Она казалось истощила весь запасъ тѣхъ силъ, которыми, не скажу, хотѣла прельстить насъ — прельщать и нравиться она не умѣла — но которыми она думала сблизиться съ нами, ей симпатичными. Бездна открылась передъ ея умственнымъ взглядомъ, страшная пропасть раздѣлявшая насъ. Она сидѣла молчаливая и мрачная, почти со слезами на глазахъ, сидѣла погруженная въ горькую мысль объ одиночествѣ своего существованія съ отцомъ, — существованія, которое она думала расширить, приобщивъ къ нему если не обоимъ насъ, то хоть одного. Ея разгоряченную голову какъ бы облили холодной водой. Весь этотъ день, съ того времени, какъ она встрѣтилась съ Моничкой, она жила въ розово-радужныхъ мечтахъ — и притомъ какихъ-то мечтахъ!.. Эта пылкая и увлекающаяся голова никогда не знала середины, никогда въ своемъ увлеченіи не разсуждала, не основывалась на какихъ-либо соображеніяхъ и дѣлала выводы самаго невозможнаго, самаго неосновательнаго рода. Другой дѣвушка мужчина *правился*, — Любовь Петровна сразу *любила* того, кто ей *правился*; другая дѣвушка, полюбивъ, рѣшила бы что любима взаимно только постѣ признанія въ такой взаимности со стороны любимаго, — такихъ признаній для Любовь Петровны было не нужно: они замѣнялись для нея ласковымъ словомъ, ободряющимъ взглядомъ, снисходительной улыбкой. Тогда она вѣрила, что любима взаимно, и ужъ постѣ этого окончательно переставала разсуждать.

Тѣмъ острѣе и жгучѣе были ея разочарованія: они окончательно расслабили ее, уничтожали и убивали; но тѣмъ не менѣе они проясняли ея взглядъ и рисовали ей положеніе вещей въ болѣе или менѣе настоящемъ свѣтѣ. Ея мысли читались на лицѣ; она рѣшительно была не въ силахъ скрыть ихъ. Ея глаза выдавали всѣ переживаемыя ею душевныя настроенія. Я видѣлъ, какъ при совершенно неожиданномъ съ этой стороны открытіи, что являющейся ей юноша вовсе не въ такой степени очарованъ, чтобы восхищаться тѣмъ, что она скажетъ и сдѣлаетъ, она поглядѣла точно кто-нибудь ударилъ ее по сердцу, опустела глаза, на которыхъ появились слезы, поникла головой и сидѣла нѣкоторое время, какъ бы погруженною въ размышленія и соображенія относительно овладѣвшаго ею душевнаго настроенія. Она какъ бы вслушивалась и вглядывалась въ постигшее ее разочарованіе, какъ-бы обсуждала и взвѣшывала его. Потомъ она подняла глаза, какъ-то пристально и долго всматривалась ими въ Моничку — сперва какъ бы съ нѣкоторою серьезностью, какою-то холодною разсудительностью, а потомъ со спокойствіемъ и какъ бы даже равнодушіемъ. Точно она разсматривала, изучала сидящаго передъ нею и точно изучая, разсуждая и анализируя, она узнавала, *видѣла впервые* того, кто ей нравился и кого она въ послѣдности своего живаго ума постигла надѣлать свойствами, созданными ея собственнымъ воображеніемъ. Она вдругъ нервно засмѣялась, закрыла лицо руками и просидѣла такимъ образомъ передъ нами нѣсколько мгновений. Потомъ она отняла руки отъ лица, сжалась точно ей стало холодно, — и какъ-то одиноко, какъ-то чуждо взглянула на насъ, какъ бы говоря этимъ молчаливымъ, но краснорѣчивымъ взглядомъ о невозможности найти себя среди насъ единомышленное существо. Она ошиблась, забыла того, кто самъ былъ ея повтореніемъ, какъ она была повтореніемъ его. Капитанъ уявъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ уяла, ошиблась и сонала свою ошибку его дочь. Точно между ея душой и его были протянуты какія-то нити, существовали какія-то невидимыя и тайныя связи, передающія ему все, что

чувствовала она. Онъ какъ бы повторялъ то, что переживала она, блѣднѣлъ вмѣстѣ съ нею, плакалъ, когда на ея прекрасныхъ глазахъ показывались слезы. И когда она наконецъ вздрогнула отъ охватившаго ее холода одиночества — онъ постигъ это, вдругъ придвинулся къ ней и, взявъ ее за руку, пожалъ ее, какъ бы напоминая ей этимъ пожатіемъ, что она забыла о немъ, постоянномъ до конца своихъ дней и неизмѣнномъ спутникѣ. Она слабо улыбнулась ему и отвѣтила на это пожатіе взглядомъ самой признательной благодарности.

Въ комнатѣ царствовало молчаніе. Капитанъ и Любовь Петровна сидѣли рука объ руку другъ съ другомъ, погруженные въ свои думы. Мы съ Моничкой молчали, не зная какъ выйти изъ состоянія ощущаемой нами неловкости, въ которой мы не были виноваты. Безъ всякаго обмѣна словъ, мы всѣ понимали одинъ другаго. Убранный капитаномъ столъ находился въ безпорядкѣ; налитое въ стаканы вино осталось нетронутымъ; самоваръ погасалъ и пѣлъ жалобную пѣсенку...

XVI.

Не знаю чѣмъ бы окончилось это общее неловкое молчаніе, при которомъ мы чувствовали, что стѣсняемъ хозяевъ, но не умѣли какъ мальчики какъ-нибудь мало-мальски прилично встать и удалиться, — не столько даже не умѣли, сколько не рѣшились сдѣлать этого, — не знаю чѣмъ бы это окончилось, если бы въ это самое время снова не раздалось подъ овнами понуканіе лошадей, звукъ движущихся по грязи копытъ, а затѣмъ стукъ въ дверь Образцовскаго подъѣзда. Мы конечно поняли, что опять прислали за Моничкой, который при этомъ даже всталъ, какъ бы намѣреваясь немедленно начать прощаться, — тогда какъ капитанъ и Любовь Петровна остались попрежнему погруженными въ свои думы, точно не видя и не слыша, что происходитъ вокругъ. Мы слышали, какъ прислужница, пробѣжала по коридору, какъ переговаривалась она съ кѣмъ-то, хотя на этотъ разъ словъ не могли разслышать, и какъ, не отнеревъ дверей, она бѣжала съ докладомъ къ намъ. Дѣйствительно, она вскорѣ появилась въ дверяхъ, прошептавъ съ какимъ-то испуганнымъ видомъ:

— Сама генеральша прѣехала...

Моничка при этомъ извѣстіи не поглядѣлъ, какъ можно было ожидать, но остался совершенно спокоенъ. Вѣсть о прѣздѣ Рогожиной не произвела ни малѣйшаго впечатлѣнія на Любовь Петровну, — но капитанъ замѣтно встревожился. Онъ испугался конечно не за себя, но за дочь. Тревожнымъ взглядомъ онъ какъ бы спрашивалъ ее, какъ поступить; но она, казалось, не замѣчала этого взгляда и осталась молчаливой, не отвѣтивъ на него ни словомъ. Тогда онъ дернулъ Любовь Петровну за рукавъ:

— Любовь Петровна!

Она точно проснулась, какъ-то широко и изумленно взглянула на меня съ Моничкой, а затѣмъ перевела свой взглядъ на отца:

— Что такое?

— Генеральша прѣехала.

Она не понимала, о чемъ онъ говоритъ:

— Какая генеральша?

— Ихъ маменька, указалъ капитанъ въ сторону Монички.

— Ну, что же?

— Принять или нѣтъ?

Любовь Петровна положительно думала о чемъ-то другомъ и разсѣянно, но съ рѣшительностью отвѣтила на вопросъ отца:

— Конечно.

Тогда капитанъ всталъ, не отходя отъ дочери, точно приготовившись ее защищать отъ какого-то нападенія, и приказалъ горничной:

— Проси.

Я тоже поднялся съ моего мѣста и отошелъ въ сторону. Такимъ образомъ ко входу Рогожиной на первомъ этажѣ остались: сидящая у стола, погруженная въ какія-то безконечныя думы, Любовь Петровна; рядомъ съ ней — капитанъ, какъ бы приготовившійся защищать ее; а нѣсколько въ сторонѣ — совершенно спокойный Моничка. Всѣ мы, конечно, встрѣтили Рогожину въ молчаніи.

Она вошла въ этотъ нѣмой залъ какъ-то стремительно, вошла не снявъ наброшенной на ея плечи рюкзачка и покрывавшей голову шерстяной красной косынки. Повидимому, она была такъ раздражена, что не обратила ни малѣйшаго вниманія на довольно странную обстановку, среди которой нашла всѣхъ насъ: на наши военные костюмы, на этотъ установленный яствами столъ и налитое въ стаканахъ вино. На сына она даже не посмотрѣла, а прямо и смѣло направилась къ капитану, вѣроятно нисколько не обращая вниманія на его возбужденно-оборонительный видъ и на окаменѣвшую фигуру Любовь Петровны. Рогожина дрожала отъ овладѣвшаго ею гнѣва, была блѣдна, и голосъ ея, когда она заговорила, прерывался, точно у нея не доставало воздуха въ легкихъ. Она подошла къ самому носу капитана.

— Благодарю... начала она и, задохнувшись, остановилась, — очень благодарю... не ожидала... не ожидала, капитанъ, чтобы вы, такой молодой человекъ...

Выставка Импер. Академіи Художествъ. „Къ парому“.

Съ карт. профессора Новалескаго (исключительное право воспроизведенія въ гравюрь и т. п. принадлежить „Нивѣ“), грав. Рапешевскій.

Она не кончила, такъ какъ на этомъ самомъ мѣстѣ слова пресѣклись въ ея горлѣ; ея взглядъ встрѣтился съ горѣвшимъ какъ-то мрачно взглядомъ сына, а рука ощутила тихое пожатіе его руки. Генеральша хотѣла выдернуть свою руку.

— Оставь! прошептала она, отвертываясь отъ Монички, точно будучи не въ силахъ выносить долѣе его взгляда.

Но онъ не выпускалъ ея руки и шепталъ ей:

— Вы оставьте... Всмотритесь и поймите...

Всмотрѣться, дѣйствительно, было во чтѣ.

Любовь Петровна попрежнему сидѣла у стола и хотя, по-видимому, не обращала ни малѣйшаго вниманія на происходившее вокругъ нея, но капитану казалось, что она страдаетъ отъ всего этого. Не обращая вниманія ни на кого изъ присутствовавшихъ, онъ бросился на колѣни передъ дочерью, схватилъ ея руки и цѣловалъ ихъ, плача какъ ребенокъ:

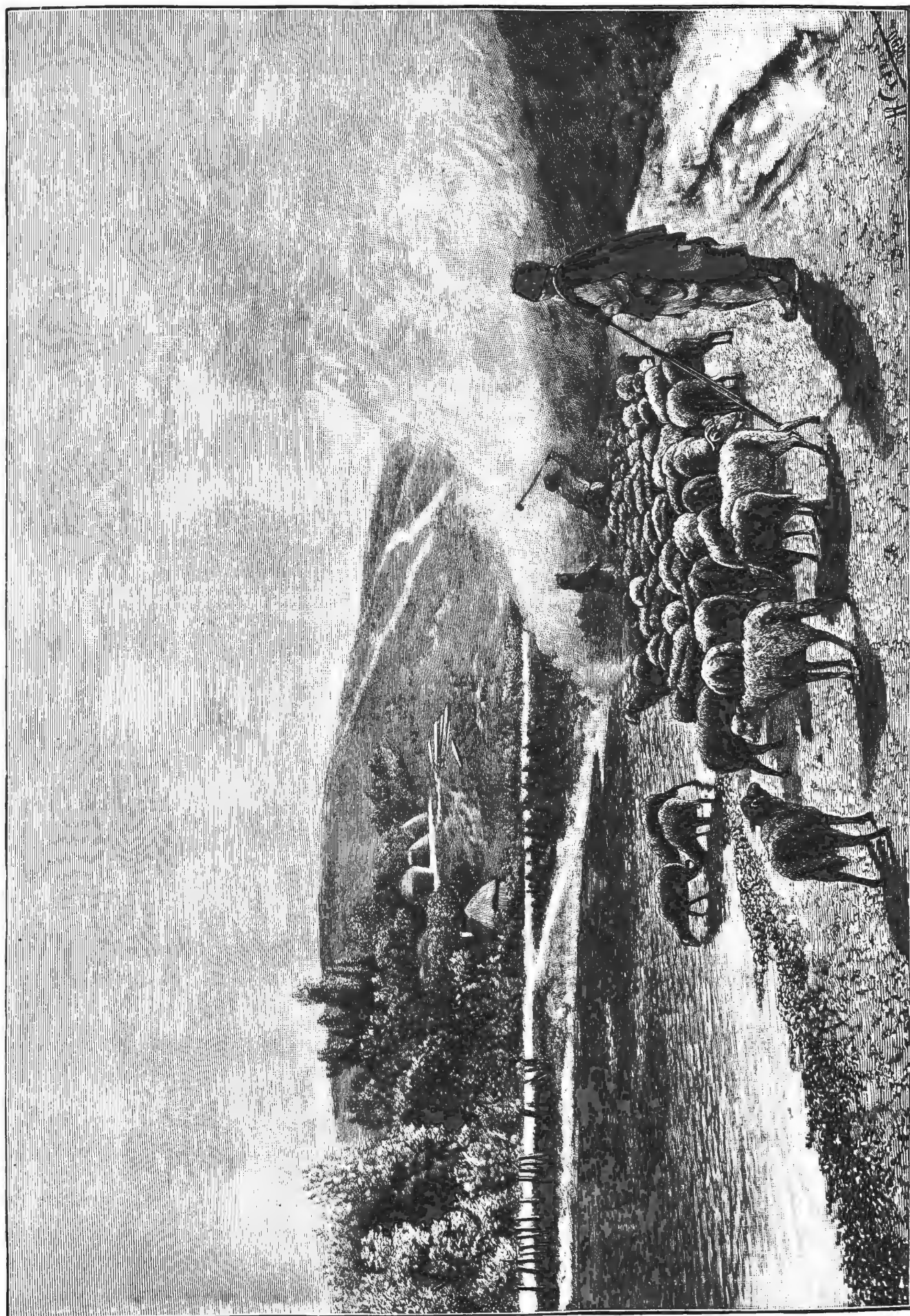
— Ничего, ничего-съ... Это пройдетъ, Любовь Петровна, вѣрьте...

Онъ повернулъ ея лицо къ себѣ, но она все еще не подымала опущенныхъ вѣкъ и не смотрѣла на него. Онъ нѣжно прижалъ ея щеку къ своей и близко-близко заглядывалъ ей въ глаза. Вдругъ изъ-подъ ея опущенныхъ вѣкъ покатались слезы; тогда онъ ободрилъ ее съ благоразуміемъ ребенка:

— Ничего-съ; это — ничего, рѣшительно ничего... И роза не безъ шиповъ-съ, и голубь можетъ больно клюнуть. Не все быть свѣтлымъ днямъ — въ жизни случаются и сѣрые, пасмурные деньки... Это пройдетъ, Любовь Петровна, пройдетъ-съ. Посмотрите, что за свѣтлое и ясное утро наступитъ!.. Да-съ...

Онъ не договаривалъ, больше намѣчалъ то, чѣмъ хотѣлъ успокоить ея печаль, но она понимала его. Какъ бы забывъ о томъ, чтѣ оба они находятся въ присутствіи постороннихъ, капитанъ съ дочерью сидѣли, смотря другъ на друга и плача. Онъ плакалъ о ней, объ ея, какъ казалось, разбившемся увлеченіи, а она — отъ нанесенной ей этимъ быстро вспыхнувшимъ чувствомъ раны. Какъ и въ радости, оба преувеличивали свое горе, не вѣрили въ возвратъ, не вѣрили въ возможность, хотя въ далекомъ будущемъ, осуществленія тѣхъ свѣтлыхъ дней въ садахъ Аранжуэца, о которыхъ они уже возмечтали съ быстротою своего южнаго темперамента, не имѣя для этого достаточно данныхъ.

Но сады Аранжуэца были не за горами. Генеральша, остановленная сномъ, какъ бы прозрѣвала. Она какъ бы начала уразумѣвать, чтѣ происходитъ передъ ея глазами. Она поняла, чтѣ имѣетъ дѣло не съ какими-нибудь наглыми авантюристами, увлекающими въ свои хитросплетенныя сѣти ея драгоценнаго, юнаго и неопытнаго сына; начала понимать, что все дѣло тутъ просто, непритворно,

Выставка Импер. Академіи Художествъ. „Днѣпровскія заводья“.
Съ карт. Н. А. Сергѣева (право воспроизведенія въ гравюрь и т. п. принадлежить „Нивѣ“), грав. Форбергера.

слишком открыто. Ея гнѣвъ прошелъ, она смущенно посмотрѣла на сына, потомъ на меня и растерянно улыбулась обоимъ намъ.

— Боже мой, только что замѣтила она наши военные костюмы,—что это за маскарадъ?

И не дождавшись нашего отвѣта, занятая чѣмъ-то пнымъ, отвернулась отъ насъ, какъ-то бокомъ посмотрѣла на капитана и Любочку, а затѣмъ вдругъ стремительно подошла къ нимъ:

— Прощайте, капитанъ, сказала она,—мнѣ пора, вѣдь тамъ у меня гости. Не правда ли, вы не сердитесь на меня?

Капитанъ опомнился и всталъ.

— Насъ простите, ваше превосходительство.

— Его, генеральша кивнула въ сторону сына,—я оставляю: ему здѣсь интереснѣе.

При этихъ словахъ капитанъ посмотрѣлъ на дочь, какъ бы желая въ ея глазахъ прочесть, хочетъ ли она, чтобы Моничка

остался у нихъ или нѣтъ. Глаза Любовь Петровны были опущены—и капитанъ, не прочтя въ нихъ никакого отвѣта, сказалъ какъ-то нерѣшительно:

— Мы ихъ не удерживаемъ.

Но тутъ вставилъ свое слово самъ Моничка:

— Я останусь, если вы и Любовь Петровна мнѣ позволите, сказалъ онъ.

Капитанъ опять метнулся-было за справкою къ глазамъ дочери, но они попрежнему оставались закрыты... Только вспыхнувшей на блѣдныхъ щекахъ молодой дѣвушки румянецъ при неожиданномъ рѣшеніи Монички далъ присутствующимъ знать, что Любочка довольна. „Прекрасные дни въ Аранжуэцѣ“ снова мелькнули пылкому воображенію дѣвушки, и теперь они казались ей болѣе осуществимыми въ будущемъ, нежели прежде.

И Моничка остался.

К О Н Е Ц Ъ.

Что дѣлаютъ матери, когда дѣти больны.

Разсказъ Марна Твэна. (Переводъ съ англійскаго).

(Разсказанъ автору м-ромъ Макъ-Вилліамсомъ, веселымъ джентльменомъ изъ Нью-Йорка, съ которымъ авторъ познакомился въ дорогѣ).

Ну, такъ чтобы возвратиться къ тому съ чего я началъ... Позвольте, съ чего я началъ... Да! я разсказывалъ вамъ какъ эта ужасная неизлѣчимая болѣзнь—крупъ—свирѣпствовала у насъ въ городѣ и какъ всѣ матери чуть съ ума не сошли отъ страха... Такъ вотъ однажды въ это время я обратилъ вниманіе м-съ Макъ-Вилліамсъ на нану маленькую дочку, Нелли, которая сидѣла у жены на колѣняхъ и грызла какую-то деревянную палочку.

— Дорогая моя, сказалъ я,—на твоемъ мѣстѣ я никогда не дозволилъ бы ребенку грызть дерево.

— Милый мой, что-же тутъ дурнаго? отвѣчала мнѣ жена, приготовляясь, однако, въ то же время взять изъ рукъ дѣвочки палку. Я давно замѣтилъ, что женщины не могутъ не возразить даже на самое справедливое замѣчаніе; я хочу сказать: замужня женщины.

Я продолжалъ:

— Сокровище мое, замѣть себѣ, что сосновое дерево есть одинъ изъ продуктовъ заключающихъ въ себѣ наименьшее количество питательныхъ веществъ, потребныхъ для ребенка.

Рука жены, поднятая было съ тѣмъ, чтобы отнять палочку, остановилась на минуту въ воздухѣ и опять упала на колѣни.

Жена надулась и сказала сердито:

— Вы воображаете, что знаете все на свѣтѣ. Между тѣмъ всѣ доктора говорятъ, что терпентинъ, который заключается въ сосновомъ деревѣ, очень полезенъ при страданіяхъ почекъ и спинного мозга.

— А, если такъ... прости, моя дорогая, я значитъ не такъ тебя понималъ. Я не зналъ, что ребенокъ страдаетъ разстройствомъ почекъ и спинного мозга и что докторъ велѣлъ...

— Кто сказалъ, что у ребенка болѣзнь почекъ и спинного мозга?

— Милая моя, ты только-что намекнула на это.

— Какіе пустяки! ничего подобнаго я не говорила!

— Дорогая моя, не дальше какъ двѣ минуты назадъ ты сказала.

— Боже, какъ ты надѣлъ со своими придирками! Могу-ли я помнить все что я сказала. По моему, нѣтъ ничего дурнаго въ томъ, что ребенокъ сосетъ сосновое дерево, и ты самъ отлично это знаешь. Такъ пусть дѣвочка и грызетъ, если хочетъ.

— Не сердись, мой ангелъ, опять сказалъ я. — Я вполнѣ признаю убѣдительность твоихъ доводовъ и преклоняюсь передъ ними. Поэтому, если хочешь, я велю приготовить еще нѣсколько штукъ сосновыхъ палочекъ. Пусть не думаютъ, что я изъ-за каприза притѣсняю моихъ дѣтей.

— Ахъ, Боже мой, уходите вы къ себѣ въ кабинетъ и оставьте меня въ покоѣ. Вы истощаете мое терпѣніе вашими безконечными разсужденіями. Вашихъ наставленій и поученій я вовсе не желаю слушать, потому что не хуже васъ умѣю воспитывать дѣтей.

— Очень хорошо, моя милая, я сейчасъ уйду, но все-же позволю мнѣ замѣтить, что въ твоихъ замѣчаніяхъ недостаетъ логики и что...

Я не успѣлъ кончить, потому что жена порывисто встала и унесла ребенка.

Вечеромъ за обѣдомъ она встрѣтила меня съ разстроеннымъ лицомъ, блѣднымъ какъ полотно.

— О, Мортимеръ, еще одинъ случай... Маленькій Джорджи Гордонъ заболѣлъ.

— Крупъ?

— Крупъ несомнѣнно.

— Есть-ли какая-нибудь надежда?

— Ни малѣйшей. О, Боже мой, что если и до насъ дойдетъ очередь!

Послѣ обѣда няня принесла маленькую Нелли въ столовую

пожелать спокойной ночи родителямъ и прочитавъ обычную молитву на колѣняхъ у матери. Въ серединѣ молитвы дѣвочка слегка кашлянула. Жена откинулась на спинку кресла и поблѣднѣла какъ смерть. Но въ слѣдующую минуту она вскочила. Она начала суетиться и раздавать послѣднія приказанія прислугѣ съ тою торопливостью и растерянностью, которая характеризуетъ смертельный ужасъ.

Она велѣла перенести кроватку ребенка изъ дѣтской въ нашу спальню, а сама отправилась наблюдать за исполненіемъ своихъ приказаній. Она позвала меня, и я конечно послѣдовалъ за нею. Скоро все было устроено. Кровать няни была поставлена въ уборной жены, находившейся рядомъ со спальней. Но теперь м-съ Макъ-Вилліамсъ сообразила, что мы слишкомъ далеко отъ „бэби“ и если, не дай Богъ, съ нимъ что-нибудь случится...

Жена отъ страха не могла докончить начатой фразы.

Вслѣдствіе этого мы опять водворили няню и дѣвочку въ дѣтскую, а свою спальню устроили въ комнатѣ рядомъ.

Новое страшное сомнѣніе возникло въ душѣ м-съ Макъ-Вилліамсъ. „А вдругъ бэби заразится отъ Нелли?“ Эта мысль поразила ужасомъ ея сердце. Опять велѣно было вынести кроватку изъ дѣтской и помѣстить ее въ одной изъ комнатъ нижняго этажа, причемъ жена лично принимала участіе въ хлопотахъ и чуть не сломала люльку, такъ какъ, по ея мнѣнію, дѣло все еще двигалось недостаточно быстро.

Мы отправились внизъ. Но тамъ не было мѣста для кровати няни, а м-съ Макъ-Вилліамсъ полагала, что помощь опытной няньки необходима при ухаживаніи за больнымъ ребенкомъ. Поэтому мы опять со всѣмъ скарбомъ возвратились въ нашу прежнюю спальню съ такимъ чувствомъ, съ какимъ побитыя бурей птицы возвращаются опять въ свое родное гнѣздо.

М-съ Макъ-Вилліамсъ отправилась въ дѣтскую посмотреть что тамъ дѣлается. Она возвратилась оттуда съ новымъ страхомъ.

— Что это значитъ, что бэби спитъ такъ крѣпко?

— Милочка моя, вѣдь бэби всегда спитъ крѣпко.

— Я знаю-знаю; но только у него теперь какой-то страшный сонъ. Онъ дышетъ такъ... такъ... ровно. О, это ужасно!

— Но, дорогая моя, вѣдь онъ всегда дышетъ ровно.

— Ахъ, нѣтъ; ты ничего не понимаешь. Онъ дышетъ такъ тихо, что совсѣмъ не слышно, и потому онъ такъ спокоенъ. Его няня слишкомъ молода и неопытна. Пусть Мэри останется съ ней, чтобы дать намъ знать если что случится.

— Прекрасно, но кто-же будетъ ухаживать за Нелли?

— Мы оба будемъ ухаживать за ней. Въ такую ужасную минуту, я не хочу, чтобы кто-нибудь другой помогалъ мнѣ.

Я отвѣчалъ ей, что я съ удовольствіемъ буду ухаживать за нашей маленькой больной, хотя, разумѣется, я бы не прочь былъ отдохнуть послѣ цѣлаго дня трудовъ. Несмотря на мой скромный протестъ, старая Мэри опять была переведена въ дѣтскую и заняла тамъ свое прежнее мѣсто.

Нелли нѣсколько разъ кашляла во снѣ.

— О, Боже мой, что это докторъ такъ долго не ѣдетъ! восклицала моя жена каждую минуту.—Мортимеръ, здѣсь слишкомъ жарко, положительно здѣсь слишкомъ жарко и душно. Закрой душникъ поскорѣе.

Я закрылъ душникъ, взглянувъ въ то же время на термометръ, который показывалъ 70° по Фаренгейту, что, по моему мнѣнію, было не слишкомъ высокой температурой для комнаты больного дитяти.

Кучеръ, возвратясь изъ города, принесъ извѣстіе, что нашъ докторъ боленъ и лежитъ въ постели. М-съ Макъ-Вилліамсъ посмотрѣла на меня растеряннымъ взглядомъ и сказала упавшимъ голосомъ:

— Это не къ добру. Это—судьба. Замѣть, что раньше онъ никогда не былъ боленъ. Никогда. Это послано намъ въ на-

казаніе. Мортимеръ. Я чувствую, что ребенокъ нашъ не поправится. О, Боже мой! Боже мой!

Желая ее утѣшить, я сказалъ, правда не подумавши, что, если-бы даже умерла Нелли, мы не будемъ одиноки, потому что у насъ останется бѣби.

— О, Мортимеръ, сказала мнѣ жена съ упрекомъ,—не испытывай Бога, смирился! Пожалѣй твоихъ дѣтей!

Она начала плакать, но внезапно остановилась.

— Докторъ долженъ былъ прислать лекарства!

— Онъ и прислалъ ихъ, отвѣчалъ я. — Вотъ они, я только ждалъ твоихъ распоряженій.

— Ахъ, Боже мой, что-же ты медлишь! Развѣ ты не понимаешь, что тутъ дорога каждая минута! Впрочемъ, какая польза посылать лекарства, если докторъ знаетъ, что болѣзнь неизлѣчима!

Я замѣтилъ, что пока есть жизнь, до тѣхъ поръ есть и надежда.

— Надежда! усмѣхнулась моя жена съ горечью. — Мортимеръ, ты разсуждаешь точно дитя. Если-бъ можно было замѣтить раньше... Сколько мнѣ помнится, лекарство, кажется, нужно давать черезъ часъ по чайной ложкѣ. Черезъ часъ! Какъ будто у насъ впереди дѣлая вѣчность! Скорѣе, скорѣе, Мортимеръ, налей лекарство въ столовую ложку и поскорѣе.

— Дорогая моя, мнѣ кажется, что столовой ложки слишкомъ...

— Ради Бога, не раздражай меня!.. Ну, приди сюда, моя дорогая дѣвочка, приди мое сокровище, выйди вотъ это, если любишь маму; тогда горлышко перестанетъ болѣть и моя дѣвочка поправится. А теперь усни, моя дѣточка, положи сюда головку и засни, мое сокровище... Ахъ, я чувствую, что она не доживетъ до утра. Мортимеръ, пожалуйста, давай по столовой ложкѣ каждыя полчаса. Я слышала... да, я слышала, что въ этихъ случаяхъ очень помогаетъ белладонна... а также аконитъ. Пооди, доставай ихъ въ аптечкѣ, Мортимеръ. Или нѣтъ... погоди... я достану сама, потому что ты все перепутаешь.

Наконецъ мы улеглись въ постель, причемъ кроватку ребенка моя жена поставила рядомъ съ собой. Вся эта суета меня страшно утомила—и не прошло двухъ минутъ, какъ я уже почти заснулъ. М-съ Макъ-Вилліамсъ меня разбудила.

— Милый мой, ты не открылъ душника?

— Нѣтъ.

— Я такъ и думала. Открой пожалуйста, потому что комната совсѣмъ настыла.

Я открылъ душникъ и опять заснулъ. Черезъ нѣсколько минутъ я опять былъ разбуженъ.

— Голубчикъ, будь такъ добръ, переставь кроватку на твою сторону. Тамъ она будетъ ближе къ душнику.

Я началъ переставлять кроватку, но запутался въ ковръ и разбудилъ дѣвочку. Я задремалъ опять, пока моя жена успокаивала маленькую страдалницу. Но посреди этого пріятнаго дремотнаго состоянія до меня, точно издалика, донеслись слова жены:

— Мортимеръ, хорошо бы растереть ребенка гусинымъ жиромъ; позвони, пожалуйста, кого-нибудь изъ прислуги.

Я въ потемкахъ всталъ, наступилъ на кошку, которая протестовала рѣзкимъ визгомъ. Со злости я хотѣлъ еще разъ толкнуть ее ногой, но попалъ не въ нее, а въ стулъ, который съ грохотомъ упалъ на полъ.

— Мортимеръ, слышался голосъ жены, — зачѣмъ ты зажигаешь лампу, развѣ ты опять хочешь разбудить Нелли?

— Я ушибся, и хочу посмотреть, чтѣ такое сдѣлалось съ моей ногой.

— Да, посмотри также, чтѣ сдѣлалось со стуломъ. Я увѣрена, что спинка отлетѣла прочь. Чтѣ такое съ бѣдной кошечкой, ты ее пришибъ чуть не до смерти.

— Я не имѣю ни малѣйшаго желанія узнавать, чтѣ такое съ бѣдной кошечкой! Если-бъ Мэри была здѣсь, то ничего подобнаго не случилось-бы, мнѣ не пришлось-бы исполнять ея обязанности.

— Ахъ, Мортимеръ, какъ тебѣ не стыдно говорить такія вещи. Неужели тебѣ трудно исполнить тѣ пустяки, о которыхъ я тебя прошу, особенно теперь, въ такое ужасное время, когда нашъ ребенокъ...

— Хорошо, хорошо, я сдѣлаю все чтѣ будетъ нужно. Но, право, какъ-то неловко будить весь домъ колокольчикомъ. Вѣдь вся прислуга давно спитъ. Я лучше самъ схожу за гусинымъ жиромъ. Гдѣ онъ стоитъ?

— На каминѣ въ дѣтской. Ты только разбуди Мэри и она... Я принесъ гусиный жиръ и снова улегся спать. Черезъ нѣсколько минутъ я опять услышалъ голосъ жены:

— Мортимеръ, прости милый, что я тебя беспокою, но мнѣ кажется, что комната слишкомъ холодна для того, чтобы можно было раздѣть ребенка. Не можешь-ли ты затопить печку? Дрова уже положены, нужно только черкнуть спичкой.

Я растопилъ печку и сѣлъ на стулъ съ отчаяніемъ въ душѣ, окончательно теряя надежду заснуть хотя на одинъ часъ.

И когда подошелъ къ кровати, чтобы лечь, жена остановила меня еще разъ.

— Погоди минутку, дай Нелли лекарства.

Я далъ лекарство. Жена воспользовалась пробужденіемъ дѣвочки, чтобы вымазать ее съ ногъ до головы гусинымъ жиромъ. Я скоро уснулъ, но былъ разбуженъ еще разъ:

— Мортимеръ, чувствуешь, какой сквозной вѣтеръ? Вотъ съ этой стороны. Нѣтъ ничего хуже для этой болѣзни, какъ сквозной вѣтеръ. Ради Бога, передвинь кроватку поближе къ огню.

Я передвинулъ, но опять запутался въ ковръ и съ досады швырнулъ его въ печку. М-съ Макъ-Вилліамсъ прыгнула съ кровати и успѣла его спасти, причемъ мы обмѣнялись довольно крупными рѣзкостями. Я опять заснулъ на нѣсколько минутъ, но потомъ опять проснулся, потому что жена велѣла мнѣ приготовить припарку изъ льнянаго сѣмени. Припарку положили на грудь ребенку и стали ожидать ея дѣйствительнаго дѣйствія.

Дрова сгораютъ скоро. Я всталъ каждыя 20 минутъ и подкладывалъ новыхъ, а м-съ Макъ-Вилліамсъ пользовалась случаемъ для того, чтобы заставить меня давать лекарство какъ можно чаще. Отъ времени до времени я перемѣнялъ припарки, прикладывая горчичники и разные пластыри на всѣ незащитыя мѣста на тѣлѣ ребенка. Къ утру всѣ дрова сгорѣли—и жена хотѣла меня послать въ погребъ за новыми. Я не соглашался.

— Дорогая моя, вѣдь это совсѣмъ не шуточное дѣло пойти въ погребъ за дровами. Ко тому-же, мнѣ кажется, что ребенку достаточно тепло, особенно подъ тремя одеялами. Если хочешь, мы можемъ положить еще одинъ слой припарокъ и...

Я не могъ продолжать, потому что меня перебили. Я принужденъ былъ пойти въ погребъ за дровами. Совершивъ нѣсколько разъ это путешествіе, я наконецъ упалъ на кровать въ полномъ изнеможеніи. Было уже позднее утро, когда я почувствовалъ, что кто-то дернулъ меня за плечо, и я моментально очнулся. Жена смотрѣла на меня отчаянными, широко-раскрытыми глазами и не могла выговорить ни слова отъ волненія. Когда она нѣсколько пришла въ себя, она воскликнула:

— Все кончено! все кончено! ребенокъ умираетъ. Боже мой! чтѣ мы будемъ дѣлать!

— Какъ ты меня испугала! Я не знаю чтѣ мы будемъ дѣлать. Можетъ быть нужно еще дать лекарства, положить горчичники, или...

— О, идіотъ! Нельзя терять ни секунды! Побѣжай за докторомъ! Побѣжай самъ! Скажи ему, что онъ долженъ придти живый, или мертвымъ!

Я стащилъ съ постели этого бѣднаго, больнаго человѣка и привезъ съ собой. Онъ посмотрѣлъ на ребенка и сказалъ, что ребенокъ и не думаетъ умирать. Онъ сказалъ, что кашель его происходитъ вслѣдствіе раздраженія горловыхъ стѣнокъ постороннимъ тѣломъ. Онъ прибавилъ, что все что онъ можетъ сдѣлать это—усилить кашель, чтобы постороннее тѣло отдѣлилось скорѣе. Дѣйствительно, онъ далъ какого-то лекарства, которое вызвало сильный пароксизмъ кашля и—выбросило изъ горла ребенка небольшой кусочекъ дерева.

— Какъ видите, у дѣвочки вовсе не крутитъ. Вѣроятно она сосала или грызла какую-нибудь щепку или что-нибудь подобное и небольшой кусочекъ дерева попалъ ей въ горло. Конечно, не нужно было давать ей въ руки такіе предметы.

— Я не согласенъ съ вами, докторъ, сказалъ я.—Смолистыя вещества, которыя заключаются въ сосновомъ деревѣ, очень полезны при нѣкоторыхъ дѣтскихъ болѣзняхъ. Жена подтвердила вамъ это.

Но она ничего не сказала. Она презрительно отвернулась и вышла изъ комнаты, и съ этихъ поръ въ нашей жизни явился эпизодъ, котораго мы не любимъ касаться. Несмотря на это, дни наши текутъ мирно и счастливо.

Римскіе солдаты.

Историческій очеркъ. (Переводъ).

Строгую военную дисциплину и солдатскую выправку принято считать за новѣйшее изобрѣтеніе. Это неврѣно. Гдѣ когда-либо существовало благоустроенное государство—въ Азій, или въ Европѣ—тамъ непремѣнно было и хорошо обученное, строго дисциплинированное войско. Какъ теперь, такъ и прежде—и въ македонскихъ фалангахъ Александра Великаго, и въ побѣдоносныхъ легіонахъ Цезаря—унтеръ-офицеръ школилъ солдатъ, ибо въ основѣ всякой дисциплины лежатъ ученье. Необычайный усѣхъ римскихъ армій, въ те-

ченіе тысячелѣтій ознаменовавшихъ себя побѣдами почти во всѣхъ извѣстныхъ тогда частяхъ свѣта, зависѣлъ столько-же отъ строгой дисциплины, сколько и отъ опытности военачальниковъ и отъ храбрости солдатъ.

Древніе авторы, свидѣтельствуя объ усѣхахъ римскаго оружія, постоянно указываютъ на военную дисциплину, какъ на вѣрнѣйшій залогъ прочнаго существованія государства. Этимъ объясняется, почему среди всѣхъ политическихъ превратностей Рима, военная дисциплина всегда одинаково поддержи-

валась: и въ республиканскихъ войскахъ, гдѣ солдатами были свободные граждане, по окончаніи войны расходившіеся по домамъ, и въ призывныхъ войскахъ, гдѣ, со времени Августа, вошло въ обычай держать солдатъ подъ оружіемъ чуть не до глубокой старости.

Римская дисциплина, однако, существенно рознилась отъ современной. Римскимъ солдатомъ пользовались не для одной только войны, но и для общественныхъ работъ. Грандіозные пути сообщенія, во всѣхъ направленіяхъ пересѣкавшіе государство, а кое-гдѣ еще и понынѣ уцѣлѣвшіе, были дѣломъ рукъ римскихъ легионовъ, которые такъ же ловко владѣли заступомъ и киркой, какъ мечомъ и конемъ. Въ самыхъ отдаленныхъ провинціяхъ, рядомъ съ казармами воздвигались также бани, театры, храмы, судилища. Солдаты сами обжигали необходимый для своихъ построекъ кирпичъ и всегда отмѣчали его особымъ клеймомъ. Последнее часто встрѣчается на остаткахъ древнихъ построекъ и свидѣтельствуетъ о мирныхъ занятіяхъ римскихъ легионовъ въ промежутки между войнами. Кроме того, римскіе гарнизоны заслужили благодарность не только своихъ современниковъ, но и дальнѣйшаго потомства, культурными работами въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Такъ напримѣръ, они расчищали устья Нила, осушали берега Платенскаго озера, разводили виноградики во Франціи, на Рейнѣ, въ Венгріи. Самое слово *exercitus*—по-латыни войско (отъ *exercere*—упражняться) прямо указываетъ на неутомимую дѣятельность, на которую были обречены римскіе легионы, все съ цѣлью поддержанія въ нихъ дисциплины.

Первое слово этой дисциплины заключалось въ слѣпомъ повиновеніи солдатъ. Военачальникъ имѣлъ неограниченную власть надъ жизнью и смертью своихъ подчиненныхъ. Это основное начало дисциплины оставалось неизмѣненнымъ во все время существованія Рима, не такъ какъ въ Аѳинахъ, гдѣ оно признавалось въ теоріи, но гдѣ на самомъ дѣлѣ военачальникъ, за слишкомъ большую строгость не любимый солдатами, по истеченіи срока своей службы подвергался народному суду и высыланію. У Сициліана однажды спросили: какъ отважился онъ съ такимъ небольшимъ войскомъ предпринять походъ на Карфагенъ? Это было въ Сициліи. Армія у него на глазахъ совершала военныя эволюціи. Онъ указалъ на солдатъ и отвѣчалъ: „между ними нѣтъ ни одного, который, по моему первому слову, не бросился бы внизъ съ высочайшей башни въ мірѣ“.

Преступленія противъ дисциплины строго карались даже въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдствія, повидимому, оправдывали преступника. Такъ напримѣръ, диктаторъ Постумій Тубертусъ и консулъ Титъ Манлій судили и казнили собственныхъ сыновей за то, что тѣ самовольно вступили въ бой, изъ котораго однако вышли побѣдителями. Папирій Курсоръ приговорилъ къ смертной казни Квинта Фабія, который не послушался своего начальника и сразился съ самнитянами, хотя и побѣдилъ ихъ. Фабія спасло только заступничество народа и сената.

Недаромъ юристъ Павелъ замѣчаетъ, что военная дисциплина у римлянъ родилась прежде ихъ любви къ дѣтямъ. Наказаніе обыкновенно соразмѣрялось съ рангомъ и съ лѣтами виноватаго. Рекруты, или молодой солдатъ, вообще подвергались менѣе строгому высыланію, чѣмъ старый воинъ, или ветеранъ, въ которомъ предполагалось болѣе сильное сознание отвѣтственности. Преступленіе, совершенное въ нетрезвомъ видѣ, признавалось заслуживающимъ снисхожденія: смертная казнь, въ такихъ случаяхъ, нерѣдко замѣнялась тѣлеснымъ наказаніемъ.

Военное званіе считалось почетнымъ—и потому солдатъ обязывали подвергать наказаніямъ, которыя были преимущественно присвоены невольникамъ и слѣды позорными. Такъ, ихъ не распинали, не вѣшали, не заставляли работать въ рудникахъ, не обрекали на борьбу съ дикими звѣрьми. Не подвергали ихъ также и предварительнымъ пыткамъ. Преимущество эти однако не распространялись на дезертировъ и на разжалованныхъ солдатъ, а иногда, случалось, что болѣе жестокой военачальникъ и просто нарушалъ ихъ.

До насъ не дошелъ ни одинъ сборникъ римскихъ военныхъ законовъ о наказаніяхъ, но они несомнѣнно существовали. У латинскихъ и греческихъ авторовъ разсѣяно много отдѣльныхъ чертъ, по которымъ легко составить полную картину дисциплины среди римскихъ войскъ. Самое легкое наказаніе было такъ-называемое *castigatio*: подъ этимъ подразумѣвался всякій болѣе или менѣе серьезный выговоръ, которымъ наказывались небольшие проступки, въ родѣ легкихъ упущеній по службѣ. Сюда же слѣдуетъ отнести и уменьшеніе обычной порціи пищи, или замѣну ея худшею, напримѣръ шеничнаго хлѣба ячменнымъ. Затѣмъ слѣдовали: маршрурованіе съ двойною, противъ обычной, ношею на плечахъ, линіяи и часто безцѣльная работа, въ родѣ рытья канавъ и немедленного засыпанія ихъ. Далѣе шли: арестъ, вычеты изъ жалованья, выселеніе одного солдата, а иногда и цѣлыхъ отрядовъ за черту лагеря.

Однажды сенатъ приговорилъ даже всю армію провести зиму въ палаткахъ, за чергою обычнаго мѣста стоянки, въ наказаніе за то, что она дала себя побѣдить Эпирскому царю

Пирру. Къ болѣе строгимъ наказаніямъ относилось перемѣщеніе изъ старшаго отряда въ младшій, или въ такой, гдѣ служба была труднѣе, напримѣръ изъ кавалеріи въ пѣхоту. Иногда разжалованнаго солдата удаляли въ обозъ или помѣщали среди плѣнныхъ.

Наиболѣе тяжкимъ наказаніемъ считалось исключеніе изъ арміи. Во времена республики это такъ дѣлалось. Военачальникъ вызывалъ передъ фронтъ подлежащаго исключенію и объявлялъ ему: „Ты мнѣ больше не нуженъ“. Солдатъ слагалъ оружіе, военные атрибуты и знаки отличія, даже снималъ обувь. Послѣ того онъ на всю жизнь считался обезличеннымъ. Онъ не могъ исправлять никакой общественной должности, не имѣлъ права жить въ Римѣ, да и на родинѣ не находилъ себѣ пріюта. Позоръ, сопряженный съ положеніемъ исключеннаго изъ арміи солдата, былъ такъ великъ, что его не легко переносили даже христіане, которые подвергались ему изъ-за вѣры. Бывали случаи, когда они опять возвращались къ язычеству, лишь бы снова получить доступъ въ армію.

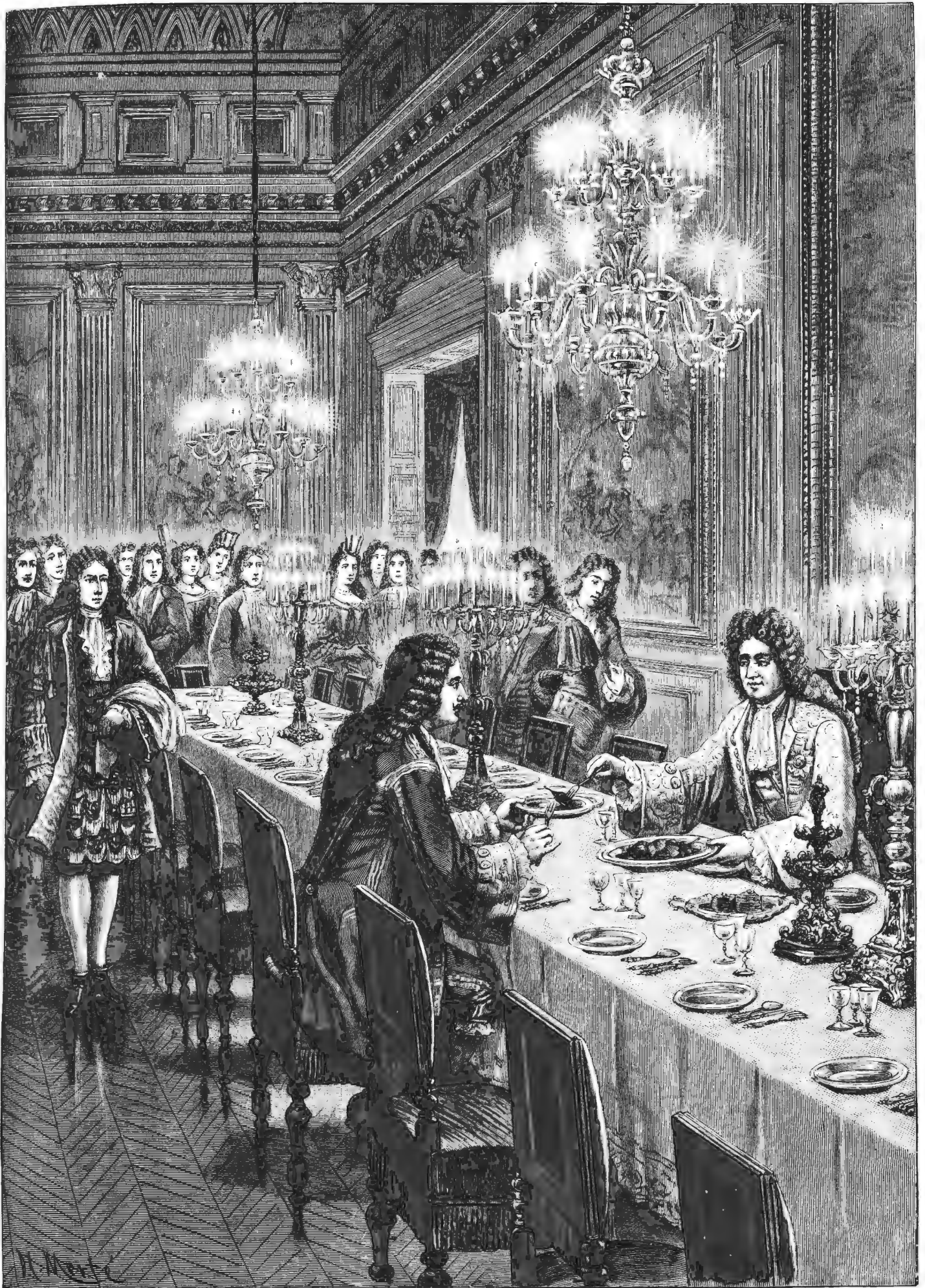
Въ большомъ ходу были также и тѣлесныя наказанія. Имъ подвергались не только солдаты, но и офицеры. Такъ, напримѣръ, Аврелій Котта разжаловалъ въ солдаты и приговорилъ къ розгамъ своего родственника, трибуна Аврелія Пекушіау, который самовольно далъ и проигралъ сраженіе. Самая легкая форма тѣлеснаго наказанія заключалась въ ударахъ лозой, изъ рукъ центуріона; это не влекло за собой безчестія. Розги и налки считались уже болѣе позорными: послѣдними, въ мирное время, на основаніи *lex Poetia*, наказывали только рабовъ. Полибій подробно описываетъ этотъ способъ наказанія. Трибуны допрашивались до преступника жезломъ. По этому знаку, на несчастья бросались остальные солдаты, кто съ палками и съ дубьемъ, кто съ камнями, и такъ отработывали его, что онъ, болѣею частью, тутъ же испускалъ духъ. Такъ наказывалось: дезертирство, упущенія по службѣ на караулѣ, уходъ съ поста, кража, жесвидѣтельство и тому подобныя болѣе серьезные проступки.

Лишеніе гражданской свободы считалось однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ наказаній. Въ 138 году до Р. Х., одинъ офицеръ изъ римской арміи, расположенной подъ Нуманціей, тайно отлучился съ поста. Его приговорили къ розгамъ, а потомъ, за одинъ сестерцій, около восьми копѣекъ (законная форма фиктивной продажи), продали прокуратору римской республики: онъ, такимъ образомъ, хотя и не дѣлался ни чѣмъ невольникомъ въ частности, однако лишился всѣхъ правъ свободного гражданина. Императоръ Валентиніанъ однажды осудилъ на такую продажу цѣлую когорту батавовъ, которые были разбиты германцами. Его едва смягчило заступничество за нихъ всей арміи, и онъ, лишь съ трудомъ, сдѣлся на общаніе когорты, при первомъ же случаѣ, заглядитъ свою вину.

Смертной казнью римляне карали самыя тяжкія преступленія, или неоднократныя рецидивы въ случаяхъ не столь тяжкихъ. Чаще всего прибѣгали къ обезглавленію преступника—топоромъ, во времена республики, мечомъ—при императорахъ. Казнь производилась за чертой лагеря, передъ *porta decumana*. Тамъ вырывали яму, закономъ опредѣленной длины и глубины. Въ нее ставили преступника. Раздавался трубный звукъ. Особо назначенные для того солдаты (*speculatores*), или глэдаторы, изъ числа рабовъ военачальника, приводили въ исполненіе приговоръ, въ присутствіи трибуновъ и центуріоновъ. Казненнаго тутъ же хоронили. Смертью карались: трусость, преждевременное отступленіе передъ врагомъ, измѣна, шпіонство, грубое неповиновеніе начальству, возмущеніе.

Въ случаяхъ, когда виновнымъ явился цѣлый отрядъ и было невозможно казнить всѣхъ преступниковъ поголовно, обыкновенно прибѣгали къ казни по жребію. Всю армію расплавали кругомъ, въ средину котораго вводили преступниковъ. Трибуны произносили обвинительную рѣчь, затѣмъ приступали къ вынутію жребія по отдѣламъ. Изъ десяти человѣкъ одинъ, на котораго падалъ жребій, тутъ же, немедленно, предавался смерти. Первый примѣръ такой казни по жребію относится къ 471 году до Р. Х., ко времени консула Аннія Клавдія. Съ тѣхъ поръ онъ неоднократно повторялся, но не часто однако. Тацитъ, разсказывая, какъ Априоній приговорилъ къ смерти десятую часть цѣлой когорты, потерявшей поражение въ Африкѣ, сильно настаиваетъ на томъ, что случай этотъ былъ рѣдкій въ его время.

Иногда военачальникъ, желая смягчить наказаніе, обрекалъ на смерть, вмѣсто десятой, двадцатую и даже только сотую часть отряда, а иногда, наоборотъ, безпощадно казнилъ всѣхъ, до одного, солдатъ. Эта участь постигла между прочимъ четырехтысячный легионъ, посланный противъ Пирра, защищать Регіумъ; вмѣсто того, легионъ самъ овладѣлъ этимъ городомъ, избилъ въ немъ жителей и провозгласилъ свою независимость. Десять лѣтъ спустя, когда Пирръ покинулъ Италію, остатки возмущившагося легиона были взяты въ плѣнъ и отданы въ Римъ. Тамъ ежедневно казнили по пятидесяти человѣкъ изъ нихъ и продолжали такъ, пока не истребили всѣхъ. Позже, былъ осужденъ на казнь по жребію епвскій легионъ, который отказался участвовать въ избиеніи христіанъ. Сна-

Лудовикъ XIV отличаетъ Мольера предо всѣмъ дворомъ. Рис. Мерте, грав. Креснеръ.

чала предали казни десяту часть его, но онъ продолжалъ упорствовать въ своемъ отказѣ. Въ немъ вторично казнили каждого десятого, но и это не помогло. Тогда императоръ Максиміанъ приказалъ обезглавить въ немъ всѣхъ воиновъ до одного.

Строже всѣхъ наказывались перебѣжчики въ непріятельскій лагерь. Заключая мирныя договоры съ иноплеменцами, римляне всегда включали въ нихъ пунктъ, по которому требовали выдачи своихъ перебѣжчиковъ. Къ нимъ не знали пощады, и сколько бы ихъ ни было, ихъ всѣхъ предавали мучительной смерти. Однажды въ Самніумѣ 370 перебѣжчиковъ досталось въ руки Фабію Макеніму. Онъ отправилъ ихъ въ Римъ. Тамъ ихъ сначала жестоко били, затѣмъ сбросили съ Тарпейской скалы. Марцеллъ взялъ въ плѣнъ въ Сициліи до двухъ тысячъ перебѣжчиковъ: ихъ тоже сначала сѣкли розгами, потомъ всѣмъ отрубили головы. Та же участь постигла перебѣжчиковъ изъ римскихъ союзныхъ войскъ, которые были выданы обратно Сципіону карфагенянами, послѣ битвы при Замѣ. Но и между этими еще, всѣхъ строже казнили римскіе граждане: они были распяты на крестахъ. Не менѣе жестоко поступилъ съ перебѣжчиками — на этотъ разъ изъ иноплеменцевъ — Павелъ Эмилиі, послѣ побѣды своей надъ маке-

донскимъ царемъ Персеемъ. Онъ велѣлъ всѣхъ ихъ бросить подъ ноги слонамъ, которые и растоптали ихъ.

Помимо того, между римскими военачальниками попадались и такіе, которые за малѣйшій проступокъ безчеловѣчно карали своихъ подчиненныхъ. Императоръ Макринъ, казняя смертью солдатъ, связывалъ каждого изъ нихъ съ мертвымъ тѣломъ и затѣмъ предоставлялъ ему медленно умирать. Аврелианъ, еще будучи только трибуномъ, привязывалъ преступниковъ за ноги къ вершинамъ двухъ, силою наклоненныхъ деревьевъ; вершины потомъ внезапно отпускаясь и разрывали несчастныхъ на части.

Хотя военныя наказанія у римлянъ вообще регулировались закономъ и обычаемъ, личная власть военачальниковъ однако была такова, что наиболѣе жестокіе изъ нихъ могли безнаказанно, самымъ варварскимъ образомъ, обращаться съ подчиненными.

Строго порицая излишества римскихъ военачальниковъ, нельзя однако не признать, что только крайне строгая дисциплина могла создать храброе, непобѣдимое римское войско. Благодаря ей, римляне покорили весь міръ и продолжали надъ нимъ владычествовать еще долго послѣ того, какъ сами стали претерпѣвать разныя превратности и уже начали внутренне разлагаться.

Къ рисункамъ.

„Солисть“. Картина Галкина.

(Рис. на стр. 513).

Подъ навѣсомъ хаты паренекъ играетъ-заливается на самоудѣльной дудкѣ-соулѣлкѣ. Сосредоточенный, задумчивый взглядъ ясно говоритъ, что онъ чутко вслушивается въ звуки мелодіи. Она у него отчетливо звенитъ въ памяти, но пемѣлде пальцы, а можетъ быть и неудачный инструментъ не даютъ ей излиться, какъ хотѣлось-бы молодому солисту.

Окрестности Харькова. „Куряжъ“. Картина Васильковскаго. (Рис. на стр. 516).

Куряжскій Преображенскій монастырь, въ 8 верстахъ отъ Харькова, основанъ въ XVII вѣкѣ архимандритомъ Иоплемъ, настоятелемъ обители Святогорской, въ 1788 закрытъ и назначенъ для покоя монашествующихъ изъ всѣхъ закрытыхъ монастырей Бѣлгородской епархіи, но въ 1793 возстановленъ, а въ 1836 возведенъ во 2-й классъ и управляется архимандритами. Живописныя окрестности его и дали сюжетъ прилагаемой картины Васильковскаго.

„Двѣ пациентки“. Картина Зондерланда.

(Рис. на стр. 517).

Нѣмецкій бытовой живописецъ Фрицъ Зондерландъ извѣстенъ на своей родинѣ дѣльми рядомъ привлекательныхъ, большею частью веселыхъ картинъ, преимущественно изъ простонародной жизни въ Вестфалии и на Шварцвальдѣ. Въ своей картинѣ „Двѣ пациентки“ онъ избѣнилъ излюбленнымъ народнымъ сюжетамъ, но со свойственнымъ ему юморомъ и прелестью изобразилъ одновременное лѣчение молодымъ докторомъ двухъ больныхъ, можно думать, различною болѣзью.

„Котенокъ съ бабочкой“. Картина Ю. Адама.

(Рис. на стр. 521).

Картинка Юлія Адама не нуждается въ описаніи. Содержаніе ея самое незатѣйливое, все дѣло въ мастерствѣ рисунка, мягкости и законченности исполненія, о которыхъ читатель можетъ судить по напечатанной гравюрѣ Кезеберга.

„Нъ парому“. Карт. проф. Ковалевскаго.

(Рис. на стр. 524).

Павелъ Осиповичъ Ковалевскій, картины котораго не разъ уже воспроизводились на страницахъ *Нивы*, профессоръ собственно баталической живописи, но пишетъ и бытовой жанръ преимущественно съ фигурами лошадей. Таковы его: „Двѣ кавалкады“, „Тройка въ грязи“ и др. Къ послѣднему роду относится и помѣщаемая картина его „Нъ парому“, изображающая спускъ нѣсколькихъ дорожныхъ экипажей и телѣтъ съ нагорнаго берега къ рѣкѣ, черезъ которую ихъ переправятъ довольно первобытнымъ способомъ ручной тяги на паромѣ.

„Днѣпровскія заводья“. Карт. Н. А. Сергѣева.

(Рис. на стр. 525).

Днѣпръ своимъ теченіемъ, какъ извѣстно, образуетъ множе-ство заливовъ и рукавовъ, служащихъ преимущественно для рыболовства. Н. А. Сергѣевъ изображаетъ намъ одну изъ такихъ заводей подъ хutorкомъ, въ то время какъ чабанъ (пастухъ) пригналъ отару овецъ на водопой. Громадное облако пыли, поднятое овцами, скрываетъ часть холмистаго пейзажа.

Лудовикъ XIV отличаетъ Мольера. (Рис. на стр. 529).

Помѣстивъ въ № 43 нашего журнала за прошлый годъ одну изъ сценъ безсмертной комедіи Мольера „Тартюфъ“, въ картинѣ нашего извѣстнаго художника, Ю. О. Бонча-Томашевскаго, мы сообщили краткое жизнеописаніе знаменитаго писателя, а также указали на то вліяніе, какое его произведенія имѣли на современниковъ. Бичуя безопадно пороки окружавшихъ поэта лицъ, были-ли то знатные или простолюдины, богачи или пемущіе, осмѣивая въ нихъ все достойное осмѣянія, Мольеръ, понятно, нажилъ себѣ много недруговъ, которые всячески старались отомстить ненавистному имъ сатирику, почувствительнѣе отплатить за всѣ насмѣшки, очернить и обезславить его въ глазахъ почитателей. Въ числѣ ихъ былъ, какъ извѣстно, и Лудовикъ XIV, всегда покровительствовавшій Мольеру. Чѣмъ сильнѣе были нападки, чѣмъ больше было стараній и козней, тѣмъ замѣтнѣе и больше были милости къ нему просвѣщеннаго и мудраго монарха. Такъ однажды, во время самыхъ сильныхъ преслѣдованій со стороны осмѣянныхъ имъ придворныхъ, Мольеръ былъ приглашенъ въ Версаль къ обѣденному столу государя. Тамъ ему было предложено Лудовикомъ занять мѣсто напротивъ, и въ присутствіи всего двора король „солнце“, весело болтая съ остроумнымъ драматургомъ, даже угощалъ его собственноручно, какъ это можно видѣть на нашемъ рисункѣ.

Памятникъ императору Фридриху. (Рис. на стр. 532).

Извѣстный скульпторъ Рейнгольдъ Бегасъ недавно окончилъ модель памятника императору Германскому Фридриху, котораго можетъ быть сравнимаема развѣ съ двойнымъ саркофагомъ Рауха въ Шарлоттенбургскомъ маволѣѣ. Державный страдалецъ покоится на античномъ, украшенномъ барельефами ложѣ, слегка прикрытый плащомъ главнокомандующаго; руки его скрещены на груди надъ рукоятью меча, обвитой лавровымъ вѣнкомъ. Продольные бока саркофага украшены рельефными античными фигурами: веселой хариты, слѣва отъ нея — воинственной Паллады-Аѳины, справа — богини искусства; на другой сторонѣ (невидимой на нашемъ рисункѣ): олицетвореніе правосудія и классически изящная группа персправы въ Аидѣ. Лицо усопшаго монарха отличается величавымъ спокойствіемъ.

Это великолѣпное произведеніе искусства будетъ украшать склепъ покойнаго императора въ церкви Мира, въ Потсдамѣ, въ которой, ко времени постановки памятника, будетъ пристроена архитектуромъ Ю. Рамдорфомъ особая часовня-усыпальница императора Фридриха. Изображенная на нашемъ рисункѣ модель будетъ выполнена для памятника изъ каррарскаго мрамора.

А. Д. Александрова-Кочетова. (Портр. на стр. 533).

Нѣкогда знаменитая артистка, а теперь выдающійся своимъ серьезнымъ достоинствомъ профессоръ пѣнія, г-жа Кочетова (Соколова до замужества) — уроженка Петербурга, выросла и воспитывалась въ Берлинѣ, куда переселилась ея семья. Музыкальное образованіе она получила у лучшихъ преподавателей того времени, а первымъ ея учителемъ пѣнія былъ славный Тешнеръ. Обладая прекраснымъ голосомъ, счастливою вѣшностью и крупными способностями, А. Д. Соколова тогда еще и не помышляла о сценѣ, но лишившись на двадцатомъ году отца, она увидѣла свою семью въ крайне бѣдственномъ положеніи и должна была вернуться съ нею въ Петербургъ. Здѣсь ее встрѣтилъ старый знакомый ея семьи А. Г. Рубинштейнъ, бывшій придворнымъ пѣвистомъ Великой Княгини Елены Павловны. Онъ доставилъ молодой пѣвицѣ случай сѣсть предъ своей высокой покровительницей, и артистка при этомъ

так понравилась, что Великая Княгиня тотчас же пригласила ее къ себѣ въ качествѣ придворной пѣвицы. Ея Высочество приняла въ ней большое участіе, и А. Д. Соколова стала совершенствоваться подъ руководствомъ итальянскаго маэстро Феличе Ронкони; но еще болѣе ея музыкальному и вокальному развитію способствовало постоянное участіе въ придворныхъ концертахъ съ лучшими артистами и артистками добраго стараго времени: Кальцолари, де-Бассини, Бозіо, Лаблашемъ и др. Временно она оставила свою вокально-артистическую дѣятельность, выйдя замужъ за г. Кочетова, но продолжала работать надъ собою дома. Овдовѣвъ черезъ семь лѣтъ, она осталась съ двумя дѣтьми на рукахъ, не имѣя ничего кромѣ пенсіи. Какъ ея семья, такъ и общество того времени косо смотрѣли на артистическую карьеру—и ей пришлось первые два года ограничивать свою дѣятельность участіемъ преимущественно въ концертахъ только-что основывающагося Русскаго Музыкальнаго Общества. Уѣхавъ въ 1865 году за-границу, она получила приглашеніе пѣть въ знаменитомъ лейпцигскомъ Gewandhaus. Ея исполненіе ораторіи „Илія“ Мендельсона-Бартольди подняло на ноги всѣхъ тогдашнихъ музыкальныхъ критиковъ. Воспользовавшись этимъ, она стала знакомить Германію съ русскою музыкою, исполняя едва ли не въ первый разъ за-границей отрывки изъ оперъ Глинки. Успѣхъ ея былъ настолько великъ, что ее пригласили еще на нѣсколько концертовъ тамъ же. Вслѣдъ затѣмъ посыпались ангажементы со всѣхъ концовъ Германіи, но свою концертную дѣятельность она должна была за-границей прекратить, такъ какъ ей сдѣланы были лестныя предложенія въ Москву на Императорскую сцену. Это давало ей возможность воспитывать дѣтей въ Россіи, и она тотчасъ же согласилась, принявъ для сцены фамилію Александровой. Выступила она на московской сценѣ въ партіи „Антониды“ 1 декабря 1865 года. Назвать ея первое появленіе только успѣхомъ нельзя. Это былъ полный триумфъ, событіе въ музыкальномъ мірѣ. Музыкальные критики въ одинъ голосъ хвалили ее; выдающіеся писатели того времени, какъ кн. Одоевскій и гр. Сологубъ, писали о ней восторженные статьи, отдавая справедливость ея прекрасному, сильному, ровному соргапо, прекрасной методѣ и талантливости. Гр. Сологубъ сравнивалъ ее и находилъ въ ней сходство съ знаменитою Зонтагъ. Русская опера, бывшая въ загонѣ, стала тогда подыматься, и въ теченіе 12 лѣтъ г-жа Кочетова-Александрова была ея украшеніемъ. Она исполняла партіи въ „Жизни за Царя“ (Антонида), въ „Русалкѣ“ (Наташа), въ „Русланѣ и Людмилѣ“ (Людмила), въ „Фаустѣ“ (Маргарита), въ „Мавенгѣ“ бар. Шеля (Марія), „Мартѣ“, „Индрѣ“, „Дѣтияхъ Степей“ (Марія), „Волшебномъ Стрѣлкѣ“ (Агата), „Карпатской Розѣ“, „Нормѣ“, „Луци“, „Лукреціи Борджиа“, „Грубадурѣ“, „Донъ-Жуанъ“ (донна Анна и донна Эльвира), „Гугенотахъ“ (королева), „Аскольдовой могилѣ“, „Громобой“ и мн. др. Лучшими партіями ея репертуара были: Антонида, Маргарита („Фаустъ“) и Норма. Ей приходилось гастролировать и за-границей, между прочимъ въ Прагѣ, гдѣ неожиданно австрійское правительство запретило „Жизнь за Царя“ и „Русалку“ на русскомъ языкѣ, г-жѣ Кочетовой пришлось разучить въ нѣсколько дней и исполнять партіи Антонида и Наташи почешки. Съ основаніемъ Московской консерваторіи г-жа Кочетова была приглашена туда въ качествѣ профессора и преподавала тамъ тринадцать лѣтъ. Оставивъ консерваторію, она отдала исключительно частной педагогической дѣятельности и въ ея лицѣ наше вокальное образованіе имѣетъ крупную, выдающуюся силу. Она дала не мало артистовъ какъ русскимъ Императорскимъ сценамъ, такъ провинціальнымъ и заграничнымъ. Припомнимъ ея дочь З. Р. Кочетову, Кадмину, Пускову, Свѣтловскую; Хохлова, Корякина, Абрамова, пѣвицъ или и теперь поющихъ на нашей казенной сценѣ. Г-жа

Кочетова, Абрамовъ и Свѣтловская составили и за-границей хорошее артистическое имѣя. Въ провинціи подвизались г-жа Байкова, Фрейлихъ-Соколова, Бѣльева и др. Изъ числа оканчивающихъ у нея свое музыкально-вокальное образованіе назovemъ многообѣщающихъ г-жъ Шеръ и Одлянцкую; гр. Гончарова и Салтыкова. О достоинствахъ методы г-жи Александровой-Кочетовой говорилось и писалось такъ много, имя ея настолько извѣстно и популярно, что излишне прибавлять еще что-нибудь къ сказанному нами. Въ концѣ нынѣшняго года исполнится двадцатипятилѣтіе ея артистической дѣятельности въ Москвѣ. Г-жа Александрова-Кочетова еще полна силъ и энергіи и работаетъ на своемъ поприщѣ съ истинно молодымъ рвеніемъ. Можно надѣяться, что она долго и много послужитъ еще русскому искусству съ такою же честью, съ какою служила ему до сихъ поръ.

Н. И. Арди. (Портр. на стр. 533).

Русская драматическая сцена въ Петербургѣ, столь небогатая выдающимися талантами, понесла еще одну потерю въ лицѣ, скончавшагося 10 апрѣля текущаго года, артиста императорскихъ театровъ Н. И. Арди, въ послѣднее время, за болѣзнь, довольно рѣдко появлявшагося на театральныхъ подмосткахъ. Николай Ивановичъ Арди родился въ 1834 году и поступилъ на сцену еще юношей, когда ему еще не было полныхъ двадцати двухъ лѣтъ, но неудержимой страсти къ театру. Прослуживъ лѣтъ шестнадцать на лучшихъ провинціальныхъ сценахъ, Харьковской, Одесской, Казанской, гдѣ онъ игралъ комическія роли, преимущественно въ водевиляхъ, и стяжалъ себѣ довольно громкую извѣстность, онъ прѣхалъ въ Петербургъ для дебюта на императорской сценѣ. Въ то время оперетка была еще въ фаворѣ, и Арди, имѣя хорошей голосъ, дебютировалъ въ „Птичкахъ пѣвчихъ“, избравъ роль Шикилло, 22 ноября 1871 года. Его голосъ, мягкій, бархатистый теноринго, его бойкость, развязность, умѣнье держаться на сценѣ—сразу расположили къ нему публику, и дебютантъ имѣлъ большой успѣхъ. Всѣ тогдашніе рецензенты говорили единогласно объ артистѣ, какъ объ опереточномъ пѣвцѣ, находили, что регистръ его голоса довольно обширенъ, высокія ноты отличаются замѣчательною пріятностью, берутся легко и что фразировка у него превосходная. Но объ игрѣ его упоминали вскользь. Однако, когда Арди бросилъ оперетку и перешелъ на бытовые роли, главнымъ образомъ репертуара Островскаго, всѣ признали его комическій талантъ, и артистъ скоро сдѣлался любимцемъ публики, актеромъ положительно незамѣнимымъ въ нѣкоторыхъ роляхъ: разбитныхъ военныхъ писарей, подкутившихъ купчиковъ, пьяненькихъ мужичковъ и проч. Въ пьесахъ „Налетѣлъ съ ковномъ на брагу“, „Въ камерѣ мирового судьи“, „Паутина“ (Ягодкинъ), „Горькая судьбина“ и друг. онъ положительно былъ неподражаемъ. Прекрасно исполнялъ онъ и роли Аркадія Счастливецъ въ комедіи „Лѣсъ“ и Разлюбаева въ „Бѣдность не порокъ“. Широкая удаля, заразная веселость, вѣшняго свойства комизмъ—были отличительными чертами его таланта. Къ недостаткамъ его слѣдуетъ отнести излишній шаржъ, къ которому онъ прибѣгалъ въ нѣкоторыхъ роляхъ, напримѣръ, въ роли Никашки въ „Горькой судьбинѣ“, гдѣ онъ былъ такъ натураленъ въ 1 дѣйствіи. Н. И. Арди особенно любила публика изъ купечества, иногда посѣщавшая Александринскій театръ единственно затѣмъ, чтобы посмотрѣть на своего любимца. Н. И. Арди имѣлъ немалый успѣхъ также и въ качествѣ пѣвца русскихъ пѣсень, въ тѣ дни, когда концерты съ исполненіемъ куплетовъ были въ большой модѣ. Въ декабрѣ 1880 года Арди скромно праздновалъ свой двадцатипятилѣтній юбилей служенія искусству, которому служилъ неутомимо, переигравъ до 120 характерныхъ ролей.

П. Б.

Политическое обозрѣніе.

Спокойная и миролюбивая политика Россіи не даетъ покоя на Западѣ, и отъ времени до времени непремѣнно появляются въ заграничныхъ газетахъ сенсационныя извѣстія о происходящихъ будто-бы перемѣнахъ въ ней. Къ числу такихъ легендарныхъ слуховъ надо отнести сообщеніе вѣнскаго корреспондента лондонской *Times*, которому будто-бы извѣстно, что панславистской мечтѣ о франко-русскомъ союзѣ теперь наступилъ конецъ. Вслѣдъ за этою баснею *Figaro*, про который только что извѣстили вѣмедки газеты, что онъ самый любимый Германскимъ императоромъ французскій журналъ, напечаталъ сообщеніе своего гамбургскаго сотрудника, старающагося перещеголять своего вѣнско-британскаго собрата. То, что послѣдній высказываетъ лишь въ предсказательной формѣ, корреспондентъ *Figaro* выдаетъ уже за совершившійся фактъ, причѣмъ, какъ на источникъ, ссылается на лицъ поддерживающихъ сношенія съ Фридрихсруэ, и говоритъ, будто бы Россія отнынѣ будетъ оказывать политикѣ тройственнаго союза нравственную поддержку и воздержится отъ всякаго союза, могущаго служить противобѣсомъ этой политикѣ. Несмотря на всю вздорность этихъ сообщеній, они не прошли незамѣченными печатью, и *Journal des Débats* въ цѣлой статьѣ, пере-

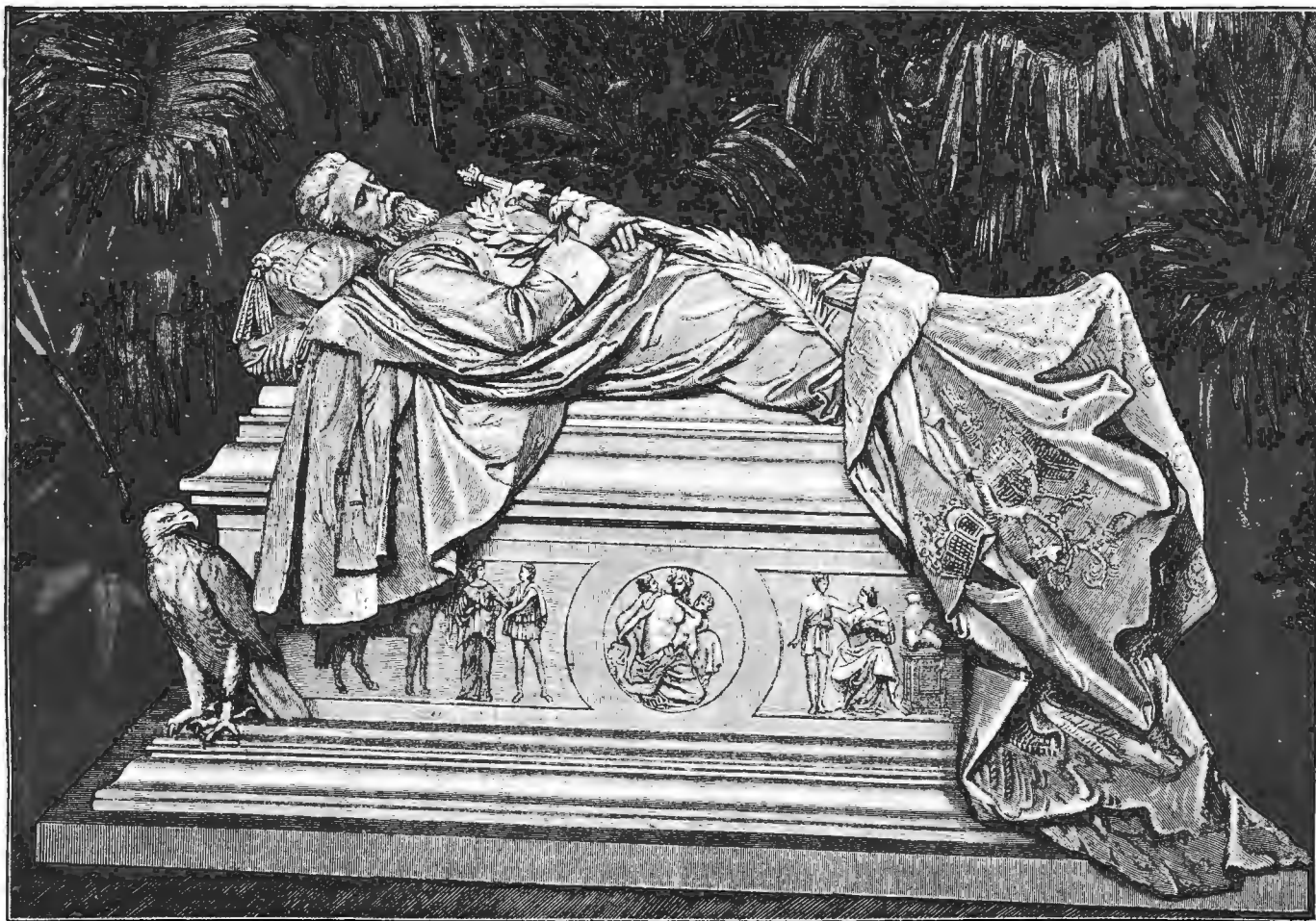
печатанной нашимъ *Journal de St.-Petersbourg*, опровергаетъ мнимыя разоблаченія вѣнскаго корреспондента *Times* о новомъ направленіи русской политикѣ. Вѣнскій корреспондентъ *Times*, пишетъ между прочимъ *Journal des Débats*, вышлалъ большую новость, извѣстивъ „на основаніи самыхъ благонадежныхъ свѣдѣній“, что „Царь готовится совершить полную перемѣну фронта въ иностранной политикѣ, которой Россія слѣдовала съ 1875 года и которая была направлена къ союзу съ Франціей“. Однимъ изъ признаковъ, которые помогли корреспонденту *Times* совершить это великое открытіе, оказалось умалчиваніе о болгарскомъ вопросѣ въ тронной рѣчи императора Вильгельма. До сихъ поръ—говоритъ этотъ прозорливый публицистъ—князь Бисмаркъ имѣлъ обыкновеніе изображать Болгарію какъ предметъ не представляющій никакого интереса для Германіи. Въ нынѣшнемъ году императоръ вовсе не говоритъ о Болгаріи и такое молчаніе означаетъ, будто бы, что Германія придаетъ величайшее значеніе всему тому, что творится въ Софіи. „Какъ бы тамъ ни было—говоритъ въ заключеніе авторъ посланной въ *Times* телеграммы—панславистской мечтѣ о франко-русскомъ союзѣ наступилъ теперь конецъ“. Для того, однако, чтобы его сенсационное извѣстіе имѣло видъ

извѣстія серьезнаго, и для того, чтобы „перемѣна фронта“, о которой онъ говоритъ, была „полною“, необходимо, чтобы было выполнено одно предварительное условіе, а именно, надо было доказать, что съ 1875 г. „русская политика стремилась къ союзу съ Франціей“. Еслибы это „стремленіе“ дѣйствительно существовало, то достиженіе цѣли не потребовало бы пятнадцати лѣтъ времени. Дѣло, однако, въ томъ, что между Парижемъ и Петербургомъ о дипломатическихъ соглашенияхъ никогда не было и рѣчи и что Россія всегда сохраняла за собою полную свободу дѣйствій. Прежде чѣмъ предполагать, что она собирается отказаться отъ такого образа дѣйствій, должно ожидать заявленій болѣе авторитетныхъ и не такихъ ребяческихъ доказательствъ, какъ доказательства, приводимыя вѣнскимъ корреспондентомъ *Times*“.

Германскій рейхстагъ продолжаетъ обсуждать законопроектъ

членами комисіи желаніе получить свѣдѣнія о политическомъ положеніи, то имперскій канцлеръ отвѣтилъ письменно, что, къ сожалѣнію, онъ не можетъ дать подробныхъ свѣдѣній; что же касается специально тройственного союза, то онъ можетъ только повторить всѣмъ извѣстный фактъ, что союзъ этотъ существуетъ попрежнему и что въ взаимныхъ отношеніяхъ союзниковъ никакихъ перемѣнъ не произошло.

Пресловутый процессъ Паницы наконецъ близокъ къ окончанію. 28 марта слѣдственная комиссія по дѣлу Паницы окончила возложенное на нее порученіе. На допросѣ подсудимые заявили, что они ничего не могутъ прибавить къ сдѣланнымъ ими раньше показаніямъ. Докладъ комисіи затѣмъ былъ врученъ военному министру, который препроводилъ его къ государственному прокурору. 21 апрѣля полковникъ Петровъ, начальникъ главнаго штаба, былъ назначенъ председа-

Гробница императора Фридриха. Съ модели проф. Рейнгольда Бегаса.

объ усиленіи мирнаго состава арміи. Въ одномъ изъ засѣданій Либкнехтъ высказалъ сѣтованіе по поводу тяжести налоговъ, вызываемыхъ милитаризмомъ, и упрекнулъ Германію въ угодливости передъ Россіей. Противъ этого возсталъ Генель, заявивъ, что Франція постоянно стремилась отгнѣснить Германію въ отношеніяхъ къ Россіи. Генель и Кардорфъ представили возраженія противъ нападокъ Либкнехта на политику князя Бисмарка, доказывая, что именно самъ Либкнехтъ хочетъ побудить къ войнѣ съ Россіей. Имперскій канцлеръ Каприви сказалъ, что во внѣшней политикѣ не произошло со времени удаленія князя Бисмарка никакихъ измѣненій и что она опирается на собственную силу Германіи и на ея союзы, съ которыми народъ все болѣе сживается. Внося военный законопроектъ—пояснилъ имперскій канцлеръ—правительство имѣло въ виду не близость войны, а трудность ея предотвращенія. „Кровоупусканіе“, *saigner à blanc*,—сказалъ Каприви—въ случаѣ войны не остановилось-бы также и передъ социаль-демократами. Далѣе канцлеръ отвергъ предложеніе, будто Германія когда нибудь ощущала потребность въ удлиненіи своего балтійскаго побережья, какъ это требовалось недавно въ одной брошюрѣ, гдѣ высказывалось желаніе, чтобы германизирующая дѣятельность распространилась далеко вглубь славянства и чтобы восточно-германское побережье было удлинено. Пренія завершились передачею законопроекта въ 28-членную комиссію.

Этимъ не ограничились заявленія генерала Каприви о тройственномъ союзѣ и когда председатель военной комисіи рейхстага, передалъ имперскому канцлеру выраженное нѣсколькими

членами комисіи желаніе получить свѣдѣнія о политическомъ положеніи, то имперскій канцлеръ отвѣтилъ письменно, что, къ сожалѣнію, онъ не можетъ дать подробныхъ свѣдѣній; что же касается специально тройственного союза, то онъ можетъ только повторить всѣмъ извѣстный фактъ, что союзъ этотъ существуетъ попрежнему и что въ взаимныхъ отношеніяхъ союзниковъ никакихъ перемѣнъ не произошло.

Пресловутый процессъ Паницы наконецъ близокъ къ окончанію. 28 марта слѣдственная комиссія по дѣлу Паницы окончила возложенное на нее порученіе. На допросѣ подсудимые заявили, что они ничего не могутъ прибавить къ сдѣланнымъ ими раньше показаніямъ. Докладъ комисіи затѣмъ былъ врученъ военному министру, который препроводилъ его къ государственному прокурору. 21 апрѣля полковникъ Петровъ, начальникъ главнаго штаба, былъ назначенъ председа-

телемъ, а майоръ Драндаревскій, бригадный командиръ въ Рущукѣ—вице-председателемъ военнаго суда по дѣлу Паницы. Членами суда назначены майоры: Мариновъ, Петровъ, Тончевъ и Андреевъ; членами-замѣстителями: майоры Волковъ и Голянский. Обвинять будетъ поручикъ Марковъ. Составъ суда, въ которомъ засѣдаютъ лица явно не расположенныя къ Паницѣ, заранѣе позволяетъ догадываться объ исходѣ процесса. Когда стало извѣстно содержаніе обвинительнаго акта, то французская печать единогласно признала его ворохомъ грубой лжи, оглашенной съ цѣлью нанести оскорбленіе русскому чувству. Самый процессъ начался 8 мая. По свѣдѣніямъ изъ Софіи, при открытіи засѣданія суда, защитники Паницы потребовали, чтобы судъ былъ признанъ некомпетентнымъ. Прокуроръ оспаривалъ это требованіе, которое и было отвергнуто, послѣ чего судебное разбирательство продолжалось. Подсудимый Колобковъ потребовалъ отвода председателя и двухъ членовъ суда, но судъ заявилъ, что подобныхъ жалобъ онъ не допускаетъ. Тогда одинъ изъ адвокатовъ Колобкова, ссылаясь на нѣкоторыя выраженія, употребленныя въ обвинительномъ актѣ, заявилъ, что Колобкова должно считать принадлежащимъ къ личному составу русской миссіи въ Бухарестѣ, а потому онъ долженъ пользоваться предоставляемымъ кастигуляціями правомъ экстерриториальности. Колобковъ присоединился къ заявленіямъ своего защитника и просилъ судъ и делегата германскаго консульства принять эти заявленія къ свѣдѣнію. Прокуроръ Марковъ назвалъ эти требованія нелѣпыми, причѣмъ заявилъ, что всѣмъ извѣстно, что Колобковъ—виноторговецъ, имѣющій жительство въ Рущукѣ, и что

онъ никогда не былъ акредитованъ въ качествѣ консула, вице-консула или чего-либо подобнаго. Въ виду этого, прокуроръ предложилъ суду оставить такую просьбу безъ послѣдствій. Судъ согласился съ мнѣніемъ прокурора, послѣ чего было приступлено къ чтенію обвинительнаго акта.

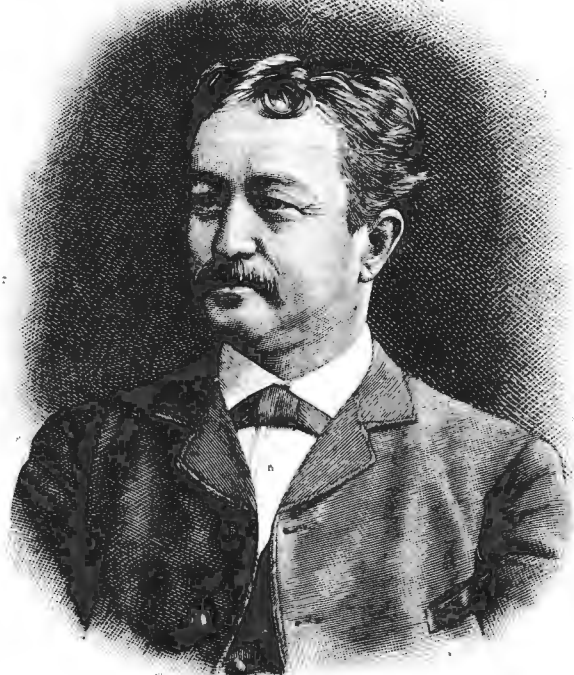
Послѣ чтенія обвинительнаго акта началось судебное разбирательство, продолжавшееся съ 3-хъ часовъ пополудни до полуночи. Паница показалъ, что намѣревался произвести государственный переворотъ, но отрицалъ всякіе переговоры для этой цѣли съ иностранными державами. О посягательствѣ на жизнь принца никогда не было и рѣчи; были, напротивъ, приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы избѣгнуть кровопролитія. Паница неоднократно обвинялся глазами съ полковникомъ Кисовымъ и они рѣшили произвести государственный переворотъ. Паница признался, что онъ производилъ среди офицеровъ постоянную агитацию и что уже все было готово. Кисовъ долженъ былъ быть назначенъ главнокомандующимъ, Паница — комендантомъ Софій. Далѣе Паница заявилъ, что всегда трудился на пользу отечества. На обращенный къ нему вопросъ относительно его сообщниковъ, Паница рѣшительно отказался отвѣчать. Онъ, повидимому, желаетъ принять на себя полную отвѣтственность за все и старается оправдать прочихъ подсудимыхъ. Какъ совершить переворотъ существовало нѣсколько плановъ. Тотчасъ по совершеніи переворота предполагалось сформировать коалиціонное министерство и предложить Россіи назначить кандидата на болгарскій престолъ. Еслибъ Россія отказалась указать на серьезнаго кандидата, въ такомъ случаѣ временное правительство должно было приступить къ свободнымъ выборамъ и созвать собраніе, которое, безъ сомнѣнія, избрало бы принца Баттенберга. Паница присовокупилъ, что генераль Домонтовичъ, съ которымъ онъ лично знакомъ, долженъ былъ прибыть въ Софію въ качествѣ дипломатическаго агента, но съ цѣлью возстановленія дружественныхъ отношеній между обоими государствами, а не какъ временный правитель. Онъ, Паница, никогда не допустилъ бы, чтобы Россія стала управлять болгарскими дѣлами.

Библиографія.

Казань въ ея прошломъ и настоящемъ. Очеркъ по исторіи, достопримѣчательностямъ и со-

Александра Доримедонтовна Нечетова (Александрова).
Съ фот. Асикригова, грав. Шюблеръ.

Н. И. Арди († 10 апр. 1890).
Съ фотогр. Шаниро, грав. Шюблеръ.

временному положенію города, съ приложеніемъ краткихъ адресныхъ свѣдѣній. Съ 8 видами города Казани. Составилъ М. Пнягинъ. СПб. Изданъ А. А. Дубровина. Цѣна 2 р.

Нельзя не порадоваться все болѣе и болѣе частому, съ легкой руки П. Н. Батюшкова, появленію у насъ монографій посвященныхъ различнымъ областямъ и даже городамъ нашего обширнаго и въ огромной долѣ все еще мало известнаго намъ отечества. Къ числу такихъ отрядныхъ литературныхъ явленій принадлежитъ и вышеназванная книга. Замѣчательно дешевый сравнительно съ роскошно изданіемъ, объемистый томъ въ 600 слишкомъ страницъ, включаетъ въ себя полную исторію города Казани, начиная со времени Булгарскаго государства, легенды объ основаніи Казани, возобновеніе ея въ 1445 году и начало Казанскаго царства, борьбу его съ Московскимъ государствомъ, осаду и взятіе Казани Грознымъ, полное описаніе кремля, посада и края въ XVI в., распространеніе христіанства въ XVI и XVII вв., просвѣтительную дѣятельность русскихъ при Петрѣ Великомъ и его преемникахъ, основаніе гимназій, посѣщеніе города Екатериною II, разгромъ Пугачевымъ, учрежденіе духовной академіи и университета и характеристику казанскаго общества сороковыхъ годовъ. Этотъ историческій отдѣлъ занимаетъ 23 главы и 336 страницъ. Затѣмъ слѣдуетъ подробное описаніе достопримѣчательностей Казани, сопровождаемое прекрасно исполненными иллюстраціями, и обзоръ современнаго положенія Казани, заключающій въ себя 7 главъ, два приложенія къ нимъ и адресъ-календаръ города.

Смѣсь.

Саутъ-Кенсингтонскій профессоръ Бойзъ, посредствомъ крайне чувствительнаго инструмента, измѣрилъ тепло получаемое землей отъ луны. Оно равняется тому, какое получилось-бы отъ горячей свѣчи на разстояніи 21 фута. Хотя поверхность луны въ теченіе 14 дней нагрѣвается солнцемъ съ безоблачнаго неба, но также быстро теряетъ полученную теплоту и остается сравнительно холодною. (р.)

Подводная желѣзная дорога. По словамъ иностранныхъ газетъ, въ послѣднее время на испанскомъ берегу, недалеко отъ Бильбао, дѣйствуетъ подводная желѣзная дорога. Прибой здѣсь такъ силенъ и дно такъ мелководно, что суда не могутъ подходить грузить

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „НИВА“ проситъ Гг. подписчиковъ, НЕ 'ВНЕСШИХЪ ПОЛНУЮ ГОДОВУЮ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ за „НИВУ“ 1890 г., озаботиться своевременными взносами слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатные адреса отъ бандеролей.

руды из тамошних рудников, которую между прочимъ въ большихъ количествахъ употребляетъ Крупнъ на своихъ заводахъ. Поэтому, до мѣста остановки судовъ, въ море проложены рельсы. По этимъ рельсамъ, которые, какъ кажется, держатся только своею собственною тяжестью, движется вагонъ съ высокимъ помостомъ, служащимъ подставкой для другаго вагона-ящика, вмѣщающаго 2,000 центнеровъ руды, которая нагружается при помощи жолоба съ высоты береговыхъ скалъ. Затѣмъ вагонъ отцѣпляется и медленно катится по рельсамъ къ якорной стоянкѣ судовъ, гдѣ ящикъ разгружается. Весьма остроумно приспособленіе для обратнаго движенія вагона: къ нижнему вагону прикрѣпленъ проволочный канатъ, который соединяется, проходя чрезъ блокъ, съ тремя вагонами, движущимися по наклонному пути вырубленному въ скалѣ. Когда же ящикъ наполненъ рудой, то помость имѣетъ такую тяжесть, что втаскиваетъ эти вагоны въ гору. Они служатъ въ то-же время для замедленія хода помоста; иначе онъ могъ бы перейти за конецъ рельсовъ. Помость даже при бурной погодѣ дѣлаетъ до 50 рейсовъ въ сутки, и такимъ образомъ нагружаетъ до 100,000 центнеровъ руды. (с.)

Въ ряду другихъ анекдотовъ о Бисмаркѣ разсказываютъ въ настоящее время о томъ, какимъ образомъ д-ръ Швенигеръ сдѣлался его домашнимъ врачомъ. Старѣющій канцлеръ сильно страдалъ подагрой и нервными болями, которыя усиливались еще отъ того, что онъ много работалъ, хорошо ѣлъ и пилъ и сильно курилъ. Ни одинъ врачъ не могъ помочь ему, пока не явился баварецъ, д-ръ Швенигеръ, который нашелъ большаго въ весьма плохомъ, почти безнадежномъ состояннн. Онъ сталъ разспрашивать громко стоявшаго пациента о его образѣ жизни. Бисмарку это очень не понравилось и онъ отказался отвѣчать. „Въ такомъ случаѣ, возразилъ докторъ, — вамъ лучше всего позвать ветеринара; онъ не разспрашиваетъ своихъ пациентовъ.“ Бисмаркъ въ первую минуту былъ пораженъ такимъ грубымъ отвѣтомъ; но потомъ расхохотался, не смотря на боли, и грубый баварецъ остался до сихъ поръ его домашнимъ врачомъ. (с.)

Въ числѣ пѣвцовъ королевской италянскаго оперы въ Лондонѣ, въ нынѣшнемъ сезонѣ, открывающемся 19 (7) мая, выступятъ русскіе пѣвцы, гг. Виноградовъ и Абрамовъ.

Алгебраическая задача № 29.

Н. В. П.

Найти десять буквъ на томъ условнн, что если ихъ замѣнить числами соответственно мѣстамъ ихъ въ русской азбуцѣ, то можно замѣтить между такими числами слѣдующія соотношенія:

- 1) Уплатеренное первое число равно разности квадратовъ чиселъ четвертаго и третьяго.
- 2) Отношеніе девятаго числа къ разности втораго и шестаго равно значенію дроби $\frac{36a - 4a^3}{4a^3 - 108}$ при $a = 3$.
- 3) Разность квадратовъ чиселъ восьмаго и пятаго равна 128, а отношеніе суммы этихъ чиселъ къ ихъ разности равно 8.
- 4) Сумма чиселъ седьмаго и девятаго равна первому.
- 5) Квадратный корень изъ суммы втораго и послѣдняго равенъ произведенію $(\frac{1}{6}\sqrt{30} - \frac{1}{3}\sqrt{3} + \frac{1}{2}\sqrt{2})(2\sqrt{5} + \sqrt{8} - \sqrt{12})$.
- 6) Разность чиселъ седьмаго и десятаго равна x уравненія $\sqrt[4]{8x^2 + 7x - 0,8} = \sqrt[5]{2}$.
- 7) Первое число относится къ послѣднему, какъ пятое къ разности четвертаго и седьмаго.
- 8) Удвоенная разность чиселъ шестаго и девятаго равна восьмому.
- 9) Третье число равно тому, сколько можно составить разныхъ чиселъ изъ цифръ x уравненія $\sqrt{x + 350} - \sqrt{x - 853} = 3$, подразумѣвая при этомъ, что всѣ числа должны быть одинаковаго числа знаковъ съ x .

Изъ найденныхъ такимъ образомъ буквъ требуется составить фамилію одного изъ композиторовъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса прислать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Ребусъ. Задача № 30.

СОДЕРЖАНІЕ: Стихотвореніе А. Фета. — Пьеса. Романъ І. І. Ясинскаго (Максима Бѣлинскаго). Ч. II. (Продолженіе). — Монича. Повѣсть Н. Морскаго (Н. И. Лебедева). (Окончаніе). — Что дѣлаютъ матери, когда дѣти больны. Разсказъ Марка Твена. — Рижскіе солдаты. Историческій очеркъ. — Къ рисункамъ: „Солнцѣ“. Картина Галина (съ рис.). — Окрестности Харькова. „Нуражъ“. Картина Васильевскаго (съ рис.). — „Двѣ пациентки“. Картина Зондерланда (съ рис.). — „Котенокъ съ бабочкой“. Карт. Ю. Адама (съ рис.). — „Къ парому“. Карт. проф. Ковалевскаго (съ рис.). — „Днѣпровскія заводы“. Карт. Н. А. Сергѣева (съ рис.). — Людовикъ XIV отпачаетъ Мольера (съ рис.). — Памятникъ императору Фридриху (съ рис.). — А. Д. Александрова-Ночетова (съ портр.). — Н. И. Арди (съ портр.). — Политическое обозрѣніе. — Библиографія. — Смѣсь. — Заявленіе. — О перемѣнѣ адреса. — Задачи. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Поступило въ продажу новое изданіе Ф. Павленкова:
МІРЪ ГРЕЗЪ.
Д-ра Симона. Перев. съ французск. Г. Паперна. Сновидѣнія и умственная дѣятельность. Галлюцинаціи зрительныя, обонятельныя, вкусовыя и половыя. Соннамбулизмъ. Экстазъ. Гипнотизмъ. Иллюзіи. Ц. 1 руб.

ЛЕВІИНСКІЙ и ГЛОЗНИКЪ
имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2406

НОВОСТЬ!!
НОВѢЙШІЙ
и
ЛУЧШІЙ
МЕХАНИЧЕСКІЙ
ИНСТРУМЕНТЪ
ПІАНО-МЕЛОДИКО
Цѣна 90 рублей.
Ноты отдѣльно по 80 коп. за 1 (однн) метръ (1 метръ = 1 1/2 аршин.).
= Требуется подробное описаніе и каталогъ нотъ =
І. Ф. МЮЛЛЕРЪ
Москва, Петровка, д. Волкова, противъ Столешникова переулка.

ВЕНГЕРСКАЯ ПОМАДА
ДЛЯ ХОЛИ и МЯГКОСТИ
◆ УСОВЪ ◆
Главный складъ въ парфюмерн. магазинѣ СПБ., 52. ПАССАЖЪ, 52, Невскій пр.
◆ При высылкѣ 1 р. с. или наложеннымъ платежемъ высылается одна банка помады во всѣ города Россіи. № 4410

Употребляемая въ С.-Петербургск. Воспитательномъ Домѣ
МОЛОЧНАЯ МУКА
для вскармливанія грудныхъ дѣтей, суррогатъ материнскаго молока
Шаров. фабр. **БЛИКЕНЪ и РОБИНСОНЪ** въ СПБ.
Единственный агентъ для Россіи: **ВАСИЛІЙ АУРИХЪ**,
Колокольная, 18 — 19, въ С.-Петербургѣ.
Его подпись должна быть на каждой жестянкѣ:
Цѣна 90 к. за жестянку безъ пересылки.
Продается въ аптег. магазинахъ и аптекахъ Россіи. В. № 4406 9—4

Вышелъ новый иллюстрированный прейскурантъ на 1890 г. извѣстнаго англійскаго завода Зингеръ и № Коventри. Представитель для всей Россіи Генрихъ Жемлична въ Москвѣ, уголъ Тверской и Старога Газетнаго пер., д. Фальцъ-Фейнъ, магазинъ № 19.

МОЙНАКСКОЕ ГРЯЗЕЛЪЧЕБНОЕ и ЛИМАННОЕ
№ 4443 ЗАВЕДЕНІЕ
въ городѣ Евпаторіи
открывается съ 20 мая по 20 августа.
За подробностями просятъ обращаться въ гор. Евпаторію, Таврической губ., Гг. доктору С. П. Цеценевскому или доктору С. И. Ходжашу.

Симонская невѣста. Ист. ром. въ 3 ч., соч. Вс. Соловьева. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р., въ кол. пер. 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Поступило въ продажу новое изданіе Ф. Павленкова:
КУРСЪ НАЧАЛЬНОЙ МЕХАНИКИ
Для технич. и ремеслен. училищъ. Сост. директоръ технич. железнодорожнаго училища И. Рыначевъ. Съ 197 рис. Ц. 1 р. 50 к.

ЧОКРАКСКО-БУЛГАНАКСКАЯ
грязе-лечебница „Товарищества“ врачей въ Крыму, въ г. Керчи. Сезонъ съ 15-го мая по 1-е сентября. Подробности въ брошюрѣ, которая высылается за одну семип. марку. Адр. въ г. Керчь, Таврич. губ., доктору Филимову. Ц. № 4440 12—9

ТЕКТОГРАФЫ
эти крайне простые и выгодные аппараты введены во всѣхъ канцеляріяхъ и конторахъ для копированія бумагъ.
ГЕНТОГРАФЪ представляетъ собою небольшой плоскій ящикъ, который можно спрятать въ портфель или помѣстить на письменномъ столѣ.
Безъ всякой подготовки, при помощи гентографа, можно въ 20—40 минутъ получить отъ 50 до 100 точныхъ копій съ бумагъ, чертежей, рисунковъ, нотъ и проч.
Цѣны аппаратовъ, смотря по размѣру, отъ 3 до 18 р. 50 к.
Прейсъ-курантъ, съ объясненіемъ употребленія, высылается по требованію за почтовую марку. № 4549
Единственный складъ: Москва, Малая Дмитровка, домъ Алексѣева.

НАСТОЛЬНЫЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

издание А. ГАРБЕЛЬ и №, Москва. Цѣна отдѣльн. выпуска 40 и 30 к.

АХРОМАТ. УНИВЕРСАЛЬН. БИНОКЛЬ

Карм. форм. въ замшев. кошельк. 8 руб. пересылка за 3 ф.
Больш. форм. съ футляр. и ремн. 9 руб. пересылка за 4 ф.

„Аргусъ“ имѣетъ превосходн. оптическ. качества и одинаково пригоденъ для военныхъ цѣлей, охоты, поля, моря и театра, а потому вполне заслуживаетъ названія „универсальнаго бинокля“.

Спеціальн. театралн. бинокли отъ 5 до 65 р. Зрительн. трубы въ 5 р. 50, 11, 14, 20, 28 р. и дорож.

Микроскопы въ 3 р. 50, 5, 6, 20, 26, 40, 50 р. и дорож.

СПЕЦІАЛЬН. ФАБРИКА ОПТИК. ИНСТРУМ. **Е. КРАУСЪ И К^о**

въ Парижѣ, Авен. д. 1. Републ., 4. СЛАДЪ ДЛЯ РОССИИ

С.-Петербургъ, Мойка, № 42. Шлюстр. прейсъ-курантъ высыл. безплатно.

Продолжается подписка на 1890 г. на **ТЕХНИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ**

и **ВѢСТНИКЪ ПРОМЫШЛЕННОСТИ** ежемѣсячный журналъ открытій, изобрѣтений и усовершенствованій по *всѣмъ отраслямъ техники и промышленности.*

Подробная программа высылается безплатно.

Вышло въ свѣтъ 4 №№

16 руб. въ годъ съ перес. и доставкой, за 1/2 года 9 руб. Адресъ редакціи: Москва, Малая Дмитровка, д. Алексѣевой.

Редакторъ-издатель Учен. Ниж.-Мех. № 4547 **К. А. Казначеев.**

Поступило въ продажу новое изданіе **РИСОВАНИЕ АКВАРЕЛЮ.**

Составилъ Арманъ Насанъ. Переводъ съ французскаго О. Ночетовнй. Съ 120 рисунками и 6 акварелями. Ц. 1 р. 50 к.

Поступило въ продажу новое изданіе **ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ**

Г. ВАЛЬТЕРЪ Специалистъ хронометровъ. СПбургъ, Невскій пр., № 52 прот. Имл. Шулб. Виблютеки. Оптовая и розничн. продана.

Подробный иллюстрированнй прейсъ-курантъ высылается по востребованію безплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года. № 4501 20-3

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ. Романъ-хроника XVIII в. Всеволода Соловьева. СПб. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Въ всѣхъ складахъ духовъ и въ всѣхъ парикмахеро-вахъ во Франціи и за границей.

VELOUTINE Специальная рисо-висмутуовая пудра.

CHALES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

КОСМЕТИЧЕСКІЯ СРЕДСТВА, разрѣшены на общихъ основаніяхъ торговли, какъ не содержащихъ въ составѣ своемъ вредныхъ здоровью веществъ. Косметикъ Одалиска. Цѣна 2 р., пер. 50 к. Мамоитовое благовонное мыло, обильно пѣнившееся. Цѣна 60 коп., пересылка не менѣе 1/2 дож. Ориентальская влажная пудра. Цѣна 2 р., пересылка 50 коп. Тополанъ — помада для волосъ. Цѣна 1 р. 50 к., перес. 50 коп. № 4350

Бальзамъ Колорадо, растительный продуктъ для волосъ. Цѣна 4 рубля, перес. 1 руб.

Предметы эти находятся въ продажѣ: въ С.-Петербургѣ, въ магаз. Рузанова и СПб. Химической Лабораторіи. Буна—въ Москвѣ, на Кузнецкомъ; въ Харьковѣ, Русск. Общ.; въ Вильнѣ у Грузевскаго. Для иногородн. въ магаз. Добржанскаго, въ Варшавѣ.

ASTHME & CATARRHE AUTOMES PAR LE GOUVERNEMENT RUSSE

готъ генералъ: STOLL & SCHMIDT, à Saint-Petersbourg

Vente en gros: J. ESPIC, 20, rue Saint-Lazare, Paris.

Exiger la Signature sur chaque Cigarette.

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ колѣнк. перепл. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Только что вышло и поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новое изданіе **А. Ф. МАРКСА** въ СПб.:

ИСУСЪ

(сынъ Навина).

Повѣствованіе изъ библейскихъ временъ **ГЕОРГА ЭБЕРСА.**

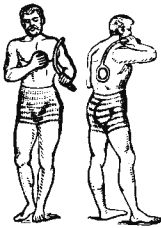
Переводъ съ нѣмецкаго. (Право перевода приобрѣтено отъ автора).

Изящно изданный томъ in 8° (387 страницъ), отпечатанный на лучшей велевовой бумагѣ, красивымъ узорчатымъ шрифтомъ, съ 58-ю гравюрами въ текстѣ, исполненными по рисункамъ художника А. Земцова. СПб. 1890 г. Ц. 2 руб., съ перес. 2 р. 20 к.

Требованія просятъ адресовать въ СПб., въ контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

ДЕШЕВЫЯ ЛѢТНІЯ НОВОСТИ!

НОВОСТИ!

Аппаратъ для уменышенія сѣбюкою юности 1 руб.

ПО 35 КОП. Воздушная ласточка. Летящая бабочка. Стелки изъ лѣшюфм. Микроскопъ, увеличивающій 1,000 разъ для насѣкомыхъ. Средство отъ моли отъ крысъ и мышей (новое). Мухоморъ. Цементъ д. склейки стекла, фарфора и проч. (лучшій). Фрукточиства. Мышеловки (пара). Камень для чистки ножей и проч. Щипцы для заправки волосъ. Санитокъ—брелокъ или поллицейскій. Вѣтний поплавокъ, горящій безъ фитила (пара). Машинка для сбиванія сливокъ. Тоже д. чистки картофеля. Лакъ для дамской обуви. Календари отрывные (пара). Реновать выводящій патна изъ любой матеріи и возвращающій вылинявшій цвѣтъ. Грѣза для смягченія охотн. и друг. сапогъ. Клаучукъ для заливки швовъ и сапогъ. Аппаратъ д. распознаванія свѣжести яицъ. Спринцовка д. цвѣтовъ. Универсумъ, полный приборъ для литья. Живопись огнемъ (2 конверта). Картинки-хлопушки. Шаблонъ д. жѣтки бѣлья. Черниловыводчикъ изъ бѣлья и матеріи (2 фл.). Спичечница самозажигающаяся. Краска для жѣтки бѣлья. Средство отъ таракановъ отъ клоповъ (самыя вѣрныя). Карманн. фонарь.

Рѣзецъ для выкроекъ. Луна зажигательная. По 50 КОП. Термометръ ванннй. Машинка ложкою для дѣланія карто-фельннхъ. Эйфелева башня (юстройка ея). 5 головоломокъ, занятіе интересное д. взрослыхъ и развитыхъ дѣтей. Пульверизаторъ д. духовъ складн. Ситка д. чая. Монетница для мелк. денегъ (платин.). Столовый термометръ.

ПО 75 КОП. Новості! Машинка д. дѣланія папиросъ. Тоже другой системы 1 р. 50 к. и 2 р. Машинка д. чистки картофеля, яблоковъ, фруктовъ. Сифон-кранъ д. шпунцевъ воды. Тоже издѣліе 1 р. 50 к. (ноно). Вѣчн. книжка д. записыванія бѣлья. Пенельница. Пудреница карманн. никель. Тоже никелев. мыльница. Приборъ д. салата (ложка и вилка). Термометръ вы-вѣренн. комнатн. Склады. дорожн. подсвѣчникъ (пара). Электрич. спичечница д. зажиганія на воздухѣ. Склады. карманн. рюмка — рулеткою. Рулетка-сангитетръ (никель). Мило д. мытья золота.

Дальнозоръ надѣвающ. на любую палку, на 2 версты 2 р. 50 к. Подзорн. трубки на 1 версту 1 р. 50 к. на 2 версты 2 р. 50 к. на 5 версты 5 р. Камеры-обскуры д. рисованія съ натуры 1 р. 50 к. Большия складныя 5 р. Тоже съ призмой и столомъ 8 р., 10 р. и 15 р. и много друг. вещей по самыя дешевъ цѣнамъ. Каталогъ за 7 коп. марку. Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій просп., 4. Сладъ Новыхъ Изобрѣтений (фирма сущ. съ 1872 года). Товаръ высылается немедленно, но не менѣе 3-хъ руб.

СЕМЬЯ ВОЛЬНОДУМЦЕВЪ. Историч. повѣсть временъ Екатерины II. Петрова и В. Ключникова. Ц. 1 р.

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ „ГОЛЛЕНДЕРА“.

Средство для уничтоженія мозолей и бородавочъ. Цѣна 35 коп. за флаконъ, за два флакона съ перес. 1 руб.

Получать можно во всѣхъ парфюмерн. аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главннй складъ у Г. Голлендера, Демидовъ пер., № 1. Въ С.-Петербургѣ. (14) № 4366

ЦИНКО-ЛИТЕЙНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЗАВОДЪ П. ГЕОРГА ПОЛЬ

№ 4520 4-2

изготовляетъ по своимъ и по предложеннымъ рисункамъ: перила, балконы, карнизы, консоли, розеты, чешуйчатыя крыши, шпиль, флюгера: памятники надгробные и друг.; часовни, кресты и распятія; орлы русскіе и заграничныя гербы, медали всѣхъ выставокъ; для комнатъ, садовъ и парковъ—фонтаны, фигуры, группы и вазы.

Одинъ листъ съ рисунками высылается за 5 к. марку.

Магазинъ: Москва, Петровскія линіи.

Заводъ: Москва, за Тверской заставой.

ЭЛИКСИРЪ,
ПОРОШОКЪ И ПОМАДА
ДЛЯ ЗУБОВЪ
ОТЦЕВЪ ВЕНЕДИКТИНЦЕВЪ
Аббатства СУЛЯКЪ (Жаронда) Франція.
Находятся во всѣхъ аптекахъ, москательныхъ лавкахъ и косметическихъ магазинахъ.

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ
Франкфуртъ и/М. В. № 4542
ФАБРИКАНТЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ
„ОРЕЛЬ“. 16-2
Всякаго рода двухъ- и трехъ-колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей. Составныя части и принадлежноти. Ищутъ агентовъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 пфен. марками.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
ЮЛІА ФЛОРАНА
 основанъ въ 1849 году.
 16, Большая Морская, 16,
 С.-Петербургъ. Рт. № 4511.

Специальность мужскаго и дамскаго бѣлья и принадлежностей туалета.

ПОЛНОЕ ПРИДАНОЕ
 для невестъ и новорожденныхъ.

ОТДѢЛЪ ЧУЛОЧНАГО ИЗДѢЛІЯ.

Чулки бумажн. суровые	отъ 8 — за дюж.	
Чулки бум. суров. полос.	— 75 за пару.	
Чулки бум. цвѣтн. полос.	— 75 —	
Чулки бумажные одно-	цвѣтные.	— 45 за пару
Чулки бум. одноцвѣтные	— 70 —	
Чулки фильдекос. суров.	11 — за дюж	
Чулки фильдекос. одноцв.	— 85 за пару	
Чулки фильдек. одноцв.	extra.	1 10 —
Чулки полушелковые	— 2 50 —	
Чулки шелковые одно-	цвѣтные	4 — за пару.
Носки бумажные суровые	2 — за дюж	
Носки бум. сур. полосат.	6 — —	
Носки бум. цвѣтн. полос.	6 75 —	
Носки бум. одноцвѣтные	5 — —	
Носки фильдекос. суров.	7 — —	
Носки фильдекосовые сур-	овые полосатые.	8 — —
Носки фильдекос. цвѣт-	ные полосатые	8 50 —
Носки фильдек. одноцв.	— 9 — —	
Носки шелковые одноцвѣтны	е и фантази.	— —

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптекъ и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп., но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (19) № 4287

Главный складъ: С.-Петербург., Демидовъ пер., д. № 1.

ДЛЯ СТРАДАЮЩИХЪ ЛЕГКИМИ

Лечебное заведеніе Д-ра Бремера, Герберсдорфъ, Силезія, въ Исполинскихъ Горахъ, учрежденное въ 1854 году. К. № 4457 12-8

Главный докторъ Ф. Вольфъ.

Обширный паркъ съ прилегающимъ къ нему еловымъ лѣсомъ. Искусственно проложенныя дорожки достигаютъ до 14 километровъ. Изящно уранный кургаузъ. Въ паркѣ находится роскошная вилла. Дѣны умѣренныя. Прспекты высылаютъ бесплатно

Администрація лечебнаго заведенія Д-ра Бремера.

При заведеніи находится русскій врачъ.

Подробности методы леченія см. II изд. „Die Therapie der chronischen Lungenschwindsucht von Dr. H. Bremer. Verlag von I. F. Bergmann, Wiesbaden.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

Торговый Домъ
Ж. БЛОКЪ,
 Москва, | С.-Петербургъ,
 Кузнецкій Мостъ. | Б. Морская № 21.

имѣетъ единственный Складъ для всей Россіи Велосипедовъ: Спидъ, Вишпегъ, Русскій Клубъ, Молни (New Rapid), Имперіаль и пр.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ
 Общедоступный Свистъ № 2
 = 150 руб. =

Прейсъ-Куранты высылаются бесплатно.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

Гармоніумъ
ЛУЧШИХЪ ФАБРИКЪ

Французскій отъ 100 р. и до
 Американскій отъ 180 р. и до

РЕН: Въ боль. ВЫБОРЪ ФАБРИКА МУЗЫКАЛЬН.-ИНСТРУМЕНТЪ

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ
 МОСКВА, Петровка д. Волкова.
 Иллюстрир. Прейсъ-Курантъ въ сбѣмъ инструментамъ БЕСПЛАТНО.

По свидѣтельству врачейъ авторитетовъ этотъ Purgativ имѣетъ слѣдующія преимущества:

ГОРЬКАЯ ВОДА САКСЛЕНЕРА

Аккуратное и ВѢРНОЕ дѢЙСТВІЕ, МАЛАЯ ДОЗА.

Владѣлецъ: АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ въ Будапештѣ.

ПРОДАЕТСЯ у ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ и АПТЕКАРЕЙ.

ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ

ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.

Ц. 4541 10-01

ПРЕПОДАЮ ПИСЬМЕННО

ПОЛНАЯ ГАРАНТІЯ ЗА УСПѢХЪ ПИСЬМЕННАГО ОБУЧЕНІЯ.

вполнѣ замѣняющее устное преподаваніе.

в 10 уроковъ

ДУРНОЙ ПОЧЕРКЪ
 ИСПРАВА на КРАСИВОЕ БѢЛОЕ КОНТОРСКОЕ ПИСЬМО

ОСНОВАТЕЛЯ ОБУЧЕНІЯ ДВОЙНО ИТАЛЬЯНСКОЕ

БУХГАЛТЕРСКОЕ
 Москва, Покровка, домъ Буткиковой.
 А. С. Шиманскій.

НА ОТВѢТЪ ПРИЛАГАТЬ МАРКУ.

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО

І. ГОЛЛЕНДЕРЪ

Для смягченія кожи.

Новоизобрѣтенное вазелиновое мыло, пріятнаго запаха, придаетъ кожѣ желанную мягкость. Цѣна за кусокъ 30 коп., 3 куска съ пересылк. 1 р. 50 к.

Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи.

Главный складъ: СПБ., Демидовъ пер., д. № 1. (19) № 4278

ЛѢТНЯЯ НОВОСТЬ!

Английскіе растягивающіеся кушачи „ГРАЦІЯ“ изъ позолоченной проволоки съ массивн. позолоченнымъ замкомъ, прогнанные бѣлымъ, розовымъ, голубымъ, золотымъ, синимъ, темно-краснымъ и чернымъ шелкомъ. Кушачи прозрачны очень прохладительны и пріятно носить для каждой дамы.

Цѣна 3 руб. 50 коп. Торговцамъ дѣлается уступка. Единственный складъ для Россіи у **ОСКАРА ЛЕССЕРЪ**, СПб., Садовая, 12-18, въ 1-мъ дворѣ.

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ,
БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ Д-РА ЛЕНГИЛЯ

употребляется для бѣлизны кожи, лица и рукъ. Въ виду многихъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на припечатанную здѣсь охранительную марку и на подлинъ единственнаго агента Василія Аурихъ, въ С.-Петербургѣ, Колоколь. Пасадурскій, 18-19.

Цѣна: флакону 1 руб. 65 коп., бензоево мыло 35 коп. и 50 коп. кусокъ, опо помада (лучше колдъ-крема) 1 руб. Упаковка и пересылка въ Европ. Россіи 70 коп., въ Азіат. 1 р. Имѣется во всѣхъ парфюмери. и аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. В. № 4407 12-6

ПИШУЩАЯ МАШИНА
„РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрѣ пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствѣхъ и мног. правительствъ и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылаются бесплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
 Москва С.-Петербургъ
 Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21.

С. ПЕТЕРЪ ВЪНА ПЕШТЪ. БЕРЛИНЪ

„ЕКСИККАТОРЪ“

1000 СВИДѢТЕЛЬСТВЪ ПРЕДОХРАНЯЕТЪ ДЕРЕВО ОТЪ ГРИБКА ВЫВОДИТЪ СЫРОСТЬ И ПР. БРОШЮРА БЕСПЛАТНО. ИЩУ АГЕНТОВЪ АДР. ИНЖ. Г. РИТТЕРЪ ВАРШАВА

БИЛІАРДНАЯ ФАБРИКА
А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египетскаго моста, домъ № 7-2. 26-10

Иллюстрированные прейсъ-куранты по требованіямъ высылаются безвозмездно.

АМЕРИКАНСКАЯ ФАБРИКА
„ВАЛЬТГАМЪ“

единств. агентъ для Москвы

З. ЛУКАЧИНИ. № 4555

Магазинъ золот. и бриллиантовыхъ вещей, Пассаажъ Солодовникова, 83.

Ст. разрѣшенія СпБ. Врачебнаго Управленія. № 4527 10-8

СВОБОДИНЪ

Средство для уничтоженія **МОЗОЛЕЙ и БОРОДАВОКЪ.**

Получать можно во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ маг. Россіи.

Цѣна за флаконъ 35 коп. Съ пересылкой 2 флакона 1 руб.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ДЛЯ РОССІИ

А. ГЕБГАРТЪ,
 С.-Петербургъ, Каванская, д. № 5.

ПІАНО-МЕЛОДИКО.

Ручной салонный органъ со струнами, исполняющій полностью всевозможныя пьесы.

Цѣна безъ нотъ 90 руб. Ноты по 80 р. за метръ (1 1/2 арш.).

Юлія Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ и НОТЪ.
 С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. — Москва, Кузнецкій м., домъ Захарына.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СКЛАДЪ

ГЕРМАНЪ ГЕССЕ

МЕХАНИЧЕСКОЕ ЗАВѢЩЕНІЕ

СПБ. ПЕТЕРБУРГЪ

САДОВАЯ 16.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXI г.

№ 21

г. XXI

1890

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 26 мая 1890 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1890 г.

Безъ доставки въ Петербургѣ . . . 5 р. Съ доставкою въ Петербургѣ 6 р. 50 к. Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торг. линія 6 р. Съ пересылкой въ Москву и др. города Россіи . . . 7 р. За гра- ницу . . . 9 р.

Выставна въ Императ. Академіи Художествъ. „Въ сѣнокосъ“.
Карг. И. С. Галина, грав. Шлипперъ.

Стихотворные афоризмы.

I.

СЕРДЦЕ-РУДНИКЪ.

Сердце-рудникъ, гдѣ таятся
Часто великія силы:
То благородныхъ металловъ
Неоцѣнимыя жилы,

* * *

То хоть желѣза иль мѣди
Многополезная грудя;
Дѣло въ умѣнїи только,
Чтобы извлечь ихъ оттуда.

* * *

Но у инаго напрасно
Сердце до дна ты изроешь:
Кромѣ песку да каменьевъ,
Въ немъ ничего не откроешь.

II.

ПО ПУТИ.

По пути да кстатѣ всѣ-то мы не
прочь
Разъ побаловаться — ближнему
помочь;
Но гдѣ плодъ запретный — тамъ
безъ проволочки
Мы готовы прыгать черезъ рвы
и кочки.

В. Авенаріусъ.

Кладъ.

Романъ І. І. Ясинскаго (Максима Бѣлинскаго). Часть II.

(Окончаніе).

VIII.

И вотъ сталъ ѣздить въ мертвый домъ товарищъ прокурора Чардашовъ. Онъ обѣдалъ у Натальи Михайловны; онъ появлялся въ ея ложѣ въ оперѣ, и своею солидностью, а можетъ-быть и другими качествами, внушилъ къ себѣ въ скоромъ времени такое довѣріе, что съ нимъ совѣтовались о дѣлахъ почти интимнаго характера.

Наталья Михайловна перемѣнила гувернантку и сказала объ этомъ Павлу Павловичу; онъ одобрилъ ея выборъ. Она попросила его найти учителя гимнастики для Юрія. Благодаря его любезной помощи, была дешево куплена на аукціонѣ у графа Менчупскаго четверка сѣрыхъ. Кромѣ того, онъ оказывалъ разныя маленькія услуги: отъ него Наталья Михайловна узнавала—стѣить или не стѣить ѣхать въ концертъ и т. п.; онъ привозилъ ей букеты.

Святогорскъ обратилъ вниманіе на частыя встрѣчи Чардашова съ интересною вдовой, и многіе пожимали плечами, сиѣша дѣлать отсюда выводы, которые, пожалуй, удивили-бы Наталью Михайловну и Павла Павловича. Чардашова не любили въ обществѣ. Хотя къ нему нельзя было придратъся и онъ велъ себя со внѣшней стороны безукоризненно честно, но въ немъ какъ-бы чувствовался недостатокъ врожденнаго благородства. Какъ товарищъ прокурора, онъ былъ сухъ и жестокъ. Его называли іезуитомъ, и никто, кому онъ подавалъ руку, горячо не пожималъ ея. Отъ него вѣяло холодомъ и себялюбіемъ; у него не было друзей, и онъ самъ не искалъ ихъ.

Валерьянъ, зная, что Чардашовъ бываетъ у его сестры, задумался. У него мелькнула мысль, что странныя показанія печника Михайлыча извѣстны уже товарищу прокурора и что этотъ Чардашовъ хочетъ воспользоваться ими, чтобы, подобно самому Валерьяну, ловить рыбу въ мутной водѣ.

Валерьянъ судилъ о другихъ по себѣ.

Онъ увидѣлъ въ Павлѣ Павловичѣ опаснаго соперника. Его вліянію онъ приписывалъ паденіе своихъ фондовъ у сестры, которая со дня на день отсрочивала выдачу обѣщанной крупнои суммы. На самомъ-же дѣлѣ, онъ ошибался: Наталья Михайловна вела себя осторожно и рѣшительно никого не посвящала въ свои отношенія къ брату. Она угадала, что подъ назойливой наглостью Валерьяна скрывается слабость, и тинула время, чтобы убѣдиться въ этомъ.

— Послушай, Натали, началъ онъ однажды, добившись съ нею свиданія,—я считалъ тебя гораздо умнѣе. Понимаешь-ли ты, чтѣ такое терпѣніе? У меня бываютъ минуты, когда я философствую, и вотъ я тебѣ скажу, какъ мнѣ удалось опредѣлить, чтѣ такое терпѣніе. Терпѣніе, Натали, это резиновая нитка, которую можно растягивать довольно долго; но, въ концѣ концовъ, она разорвется и преобильно ударитъ по рукамъ. Береги свои руки, сестрица.

— Я хотѣла-бы знать, есть-ли у тебя хоть немножко совѣсти, кромѣ резиновой нитки? спросила Наталья Михайловна съ тѣмъ холоднымъ и сдержанно-злымъ выраженіемъ глазъ, которое внушало Валерьяну еще въ дѣтствѣ вражду къ сестрѣ.

— Совѣсть — отвлеченная вещь и не намъ съ тобой о ней говорить, сказалъ онъ. — Ты дала мнѣ возможность нѣсколько мѣсяцевъ пожить, какъ мнѣ хотѣлось, и теперь „сокращаешь“ меня. Каждый день мнѣ даютъ понять, что я больше не хозяинъ. Пожалуйста, хозяйничай, но не забывай, что мнѣ стѣить дунуть—и все твое хозяйство разлетится какъ карточный домикъ.

Для большей убѣдительности онъ дунулъ на свои

пальцы и, заложивъ руки въ карманы, взволнованно продолжалъ:

— Никакіе прокуроры, ни блондины цвѣта молока, ни брѣнеты черные какъ сажа, не спасутъ тебя, если терпѣніе мое лопнетъ. Скажи мнѣ опредѣленно: когда и сколько?

— Никогда и нисколько, произнесла Наталья Михайловна съ блѣдной улыбкой, желая испытать, какое впечатлѣніе произведутъ на брата эти короткія слова.

Онъ круто повернулся на каблукахъ. Ему хотѣлось бы быть грознымъ и страшнымъ.

— Это твое послѣднее слово?

Наталья Михайловна подумала о резинкѣ: „порвется или не порвется? Ничего—не порвется!“ и отвѣтила:

— Да, это мое послѣднее слово.

— Ну, а мое слово впереди! сказалъ Оскольцевъ, сѣлъ рядомъ съ сестрой и, прежде чѣмъ она успѣла отстраниться, крѣпко схватилъ ее за обѣ руки.

— Недѣли не пройдетъ, какъ твой Юрій перестанетъ быть княземъ и будетъ нищимъ! вскричалъ онъ.

— Да, ты можешь это сдѣлать, преодолевая себя и стараясь быть спокойною, произнесла Наталья Михайловна. — Но дальше чтѣ? Тебѣ нѣтъ дѣла до другихъ; но чтѣ будетъ съ тобой? Подумай — ты теперь обезнеченъ. Я не даю тебѣ безумныхъ денегъ, но вѣдь ты живешь, какъ большой баринъ: у тебя лошади, слуги, ты занимаешь цѣлый этажъ, а тогда гдѣ ты очутишься самъ? Маркеромъ въ какой-нибудь гостиницѣ! Ты воленъ поступить, какъ тебѣ прикажетъ твоя глупая злость. Вѣдь ты и убить меня можешь. Но надо же быть настолько эгоистомъ, чтобы не забывать о завтрашнемъ днѣ. Неужели ты не эгоистъ?

Она разсмѣялась и высвободила руки, потому что въ это время пальцы Валерьяна ослабли.

— Ты сильнѣе меня, сказалъ онъ послѣ паузы, впадая въ примирительный тонъ. — Ты разсуждаешь благоразумно, Натали, но, все-таки, не упускай изъ виду, что я мстителенъ, а месть — страсть, которую трудно владѣть.

— Я не знала, что месть—страсть, возразила Наталья Михайловна. — Во всякомъ случаѣ, мнѣ не за чтѣ мстить. Впрочемъ, черезъ нѣкоторое время деньги ты получишь и уѣдешь. Я женщина, а потому самолюбива. Я добила своего: ты призналъ мою силу. Прощай, Валерьянъ.

Истецъ январь и наступала Масляница. Бальный сезонъ въ Святогорскѣ былъ въ разгарѣ. Наталья Михайловна должна была сдѣлать вечеръ у себя. Она хотѣла, чтобы вечеръ обошелся недорого. Но ей пришлось сдѣлать уступку Валерьяну, который настоялъ на томъ, чтобы вечеръ былъ блистательный и чтобы его, по справедливости, можно было назвать баломъ. Валерьяну не трудно было побѣдить Наталью Михайловну, потому что она была все же молодая женщина и, быть можетъ, потребность блеснуть могла быть у ней вызвана еще такими соображеніями, о которыхъ Валерьянъ изъ деликатности не имѣлъ права догадываться.

IX.

О балѣ въ мертвомъ домѣ начали говорить въ Святогорскѣ за двѣ недѣли, и даже въ мѣстномъ листкѣ въ фельетонѣ появилось о немъ извѣстіе. Валерьянъ былъ какъ рыба въ водѣ. Онъ хлопоталъ, ѣздилъ, убиралъ залу растениями. Натальѣ Михайловнѣ онъ далъ слово, что не выйдеть изъ смѣты и вышелъ два раза. Наконецъ, все было готово, и приглаше-

ня разосланы. Балъ былъ назначенъ въ воскресенье на Масляницѣ.

Это былъ обыкновенный провинціальный аристократическій балъ съ неизбѣжнымъ околоточнымъ у подъѣзда, убраннымъ полосатымъ тикомъ, съ освѣщеніемъ „а сіоно“, съ оркестромъ на хорахъ, съ суетливыми официантами во фракахъ и нитяныхъ перчаткахъ, съ декольтированными дамами, съ польскимъ, съ вальсами, съ кадрилими и мазуркой и, наконецъ, съ ужиномъ, а также съ неизбѣжными сплетнями подъ шумокъ, со скоротечными романами подъ темъ вальса и съ какимъ-нибудь маленькимъ инцидентомъ въ родѣ легкаго злоупотребленія буфетомъ и слишкомъ усерднаго ангажированія одной и той-же дамы. Царицей бала, по праву, должна была быть хозяйка; какъ-бы въ ожиданіи торжества, она надѣла на свои густые черные волосы маленькую бриллиантовую діадему. Но съ самаго-же начала вечера Наталью Михайловну затмила святогорская красавица Шиллеръ. Эта Шиллеръ была дочерью вице-губернатора; уже нѣсколько лѣтъ, какъ она блистала на святогорскомъ горизонтѣ звѣздой первой величины; и не только ея красота, но и привычка властвовать на балахъ, облегчила ей теперь, какъ и всегда, побѣду. Наталья Михайловна, которая, подобно всякой современной хозяйкѣ, пригласила гостей для собственнаго удовольствія, была непріятно смущена первенствомъ Шиллеръ, въ особенности, когда она замѣтила, что Павелъ Павловичъ Чардашовъ обазываетъ вниманіе этой дѣвушкѣ. Чардашовъ принадлежалъ къ числу тѣхъ серьезныхъ молодыхъ людей, которые спроста ничего не дѣлаютъ. Натальѣ Михайловнѣ удалось, наконецъ, отвлечь Павла Павловича.

— Княгиня, вы хотите мнѣ что-то сказать? спросилъ онъ, идя подъ руку съ нею.

— Хочу сказать и не хочу, произнесла съ ревнивой улыбкой Наталья Михайловна.

— Такъ говорите. А не то я попрошу позволенія сказать вамъ нѣсколько словъ.

— Да? Я охотно васъ выслушаю.

— Никто намъ не помѣшаетъ?

— Мнѣ кажется, можно разсчитывать на деликатность моихъ гостей. Впрочемъ, пройдемте дальше.

Она привела его рядомъ комнатъ въ продолговатую гостиную, тускло освѣщенную китайскимъ фонаремъ, сѣла сама и указала на кресло Чардашову.

— Ну, я слушаю... Что-же?.. Или вы до сихъ поръ не можете стряхнуть съ себя чаръ Mademoiselle Шиллеръ?

Чардашовъ озабоченно выслушалъ замѣчаніе Натальи Михайловны и вдругъ спросилъ:

— Не это-ли окно выходитъ въ садъ?

— Да, оно выходитъ. Но что за вопросъ?

— Для меня, и еще болѣе для васъ, онъ имѣетъ значеніе. Не находите-ли вы, что эта угловая печь нѣсколько безобразитъ гостиную?

— Нахожу и, должно быть, я ее велю сломать. Только зимой неудобны капитальныя передѣлки... Но, Боже, какіе все вопросы!

— А съ другой стороны, невозмутимо продолжалъ Чардашовъ, — жаль трогать эту печь.

— Почему?

— Она хорошей нѣмецкой работы, какъ выразился бы печникъ. Другаго аргумента въ ея защиту у меня нѣтъ.

Наталья Михайловна пожала плечами.

— Все-таки я ровно ничего не понимаю.

Чардашовъ взялъ руку Натальи Михайловны и сказалъ:

— Я кое въ чемъ передъ вами виноватъ. Но не судите меня строго. Очевидно, вы ровно ничего не знаете. Или... знаете, да не все. Тѣмъ лучше для васъ и тѣмъ хуже для другихъ. Что-же касается Mademoiselle Шил-

леръ, то вы напрасно хотѣли уколоть меня. Я вчера сдѣлалъ ей предложеніе, и она моя невѣста.

Послѣдняя новость заставила Наталью Михайловну забыть странный разговоръ Чардашова о печкѣ нѣмецкой работы. Молодая женщина можетъ-быть не вышла бы замужъ за Чардашова, если-бы онъ попросилъ ея руки. Но теперь ей было досадно и даже почти больно. Чтобы какъ-нибудь отомстить ему, она, вставая и выходя съ нимъ изъ гостиной, спросила съ улыбкой, повидимому, непринужденною:

— Выборъ прекрасный... Но она не красится, эта ваша Миллеръ или Шиллеръ?

— Нѣтъ. У ней совершенно натуральный цвѣтъ лица. Цвѣтъ молодости и здоровья. Въ тридцать лѣтъ трудно имѣть такой цвѣтъ лица, а ей всего двадцать два. Для ея лѣтъ, по крайней мѣрѣ, натурально.

Такимъ образомъ балъ Натальи Михайловны не принесъ ей ничего, кромѣ расходовъ и огорченій. Онъ поздно кончился. Со странною тревогой на душѣ заснула Наталья Михайловна. Ей снились тяжелые сны и два раза она просыпалась въ слезахъ.

На другой день часовъ въ двѣнадцать ее пробудилъ стукъ въ дверь. Вошла ея камеристка, опрятная, круглолицая швейцарка Луиза. Наталья Михайловна хотѣла ей сдѣлать выговоръ, зачѣмъ она входитъ и что ей надо, но лицо швейцарки было такъ испуганно и блѣдно, что Наталья Михайловна привстала на постели и, изъ торопливыхъ объясненій ея, поняла, что въ домѣ полиція. Она одѣлась. Подозрѣніе, что Валерьянъ измѣнилъ ей и выдалъ ея тайну, мучительно овладѣло ею. Тысячи мелкихъ и ненужныхъ подробностей замелькали въ ея памяти и, дрожа какъ въ лихорадкѣ, она велѣла вестя частнаго пристава.

Приставъ, низко кланяясь, извинился, что потревожилъ ее, и сослался на долгъ службы.

— Есть подозрѣніе, ваше сіятельство, говорилъ онъ, — что въ домѣ, который вы изволите занимать, совершено загадочное преступленіе. Будьте спокойны, лично васъ это обстоятельство ни въ какомъ случаѣ касаться не можетъ. Однако, я долженъ произвести актъ дознанія и сдѣлать, съ вашего разрѣшенія, обыскъ.

— Вы не ошибаетесь, что преступленіе меня не касается и благодарю васъ за любезность, произнесла Наталья Михайловна, дѣлая надъ собой усиліе и стараясь быть равнодушною. — Почему же, однако, я ничего не знала раньше объ обыскѣ? Почему меня не предупредили? Все это ужъ похоже на дерзость.

Приставъ поклонился и развелъ руками.

— Мое дѣло только повиноваться. Мнѣ предписано, и вы видите предъ собою слѣное орудіе судебной власти. Довольный своей отточенною фразой, приставъ не то плутовски, не то подобострастно посмотрѣлъ на княгиню.

— Что же вамъ нужно лично отъ меня? спросила она.

— Я ужъ имѣлъ счастье вамъ заявить, что лично мнѣ ничего отъ васъ не надо. Я, такъ сказать, только слѣное орудіе, повторилъ онъ и на мгновеніе выразительно закрылъ глаза. — Значить, я могу приступить?

— Я ничего не могу вамъ позволить и запретить. Повидимому, вы хозяинъ дома.

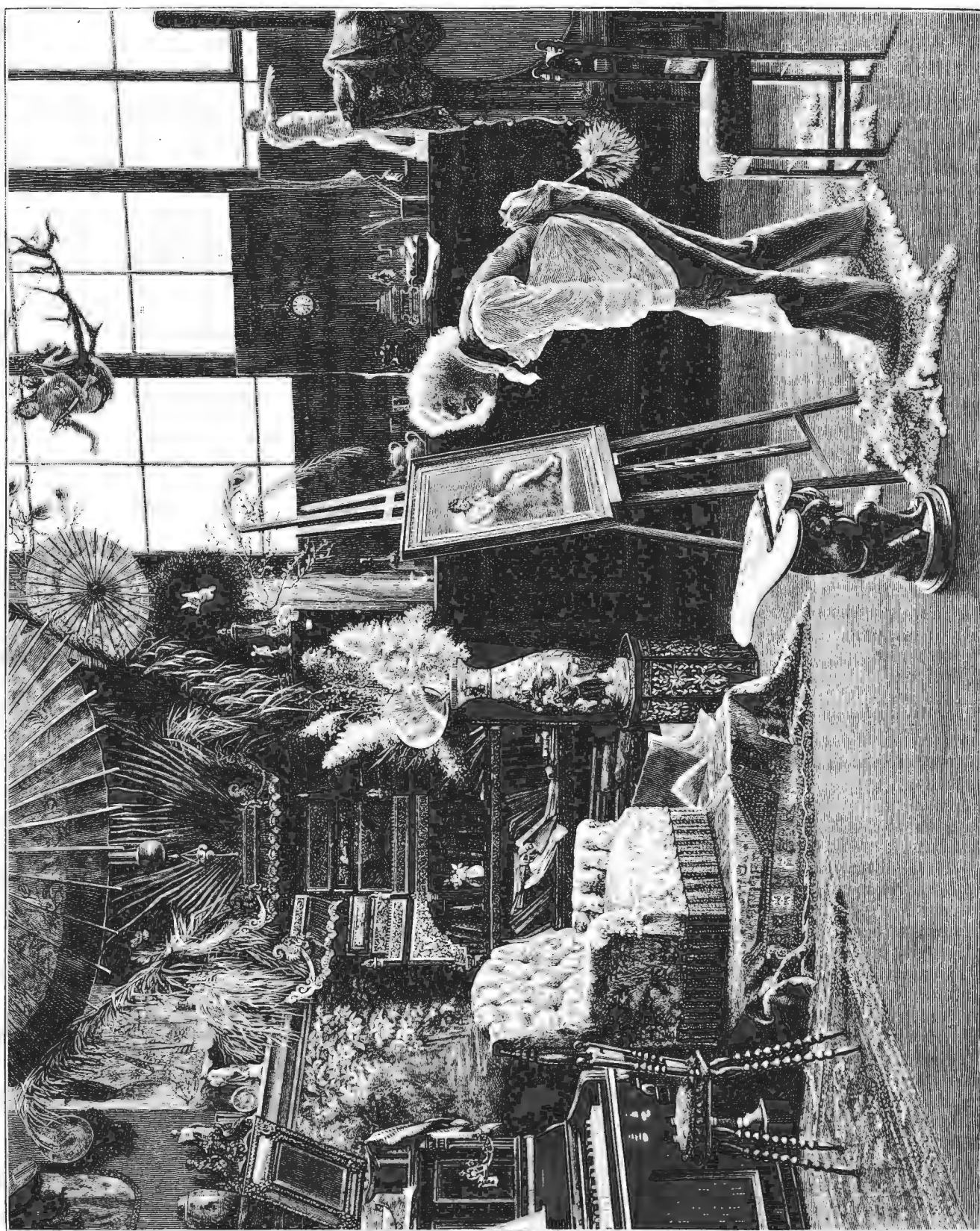
Приставъ еще разъ поклонился.

— Благодарю васъ, ваше сіятельство. Еще разъ прошу простить меня. Впрочемъ, я обезпкою васъ одной незначительною просьбой. Не соблаговолите-ли вы послѣдовать за мной?

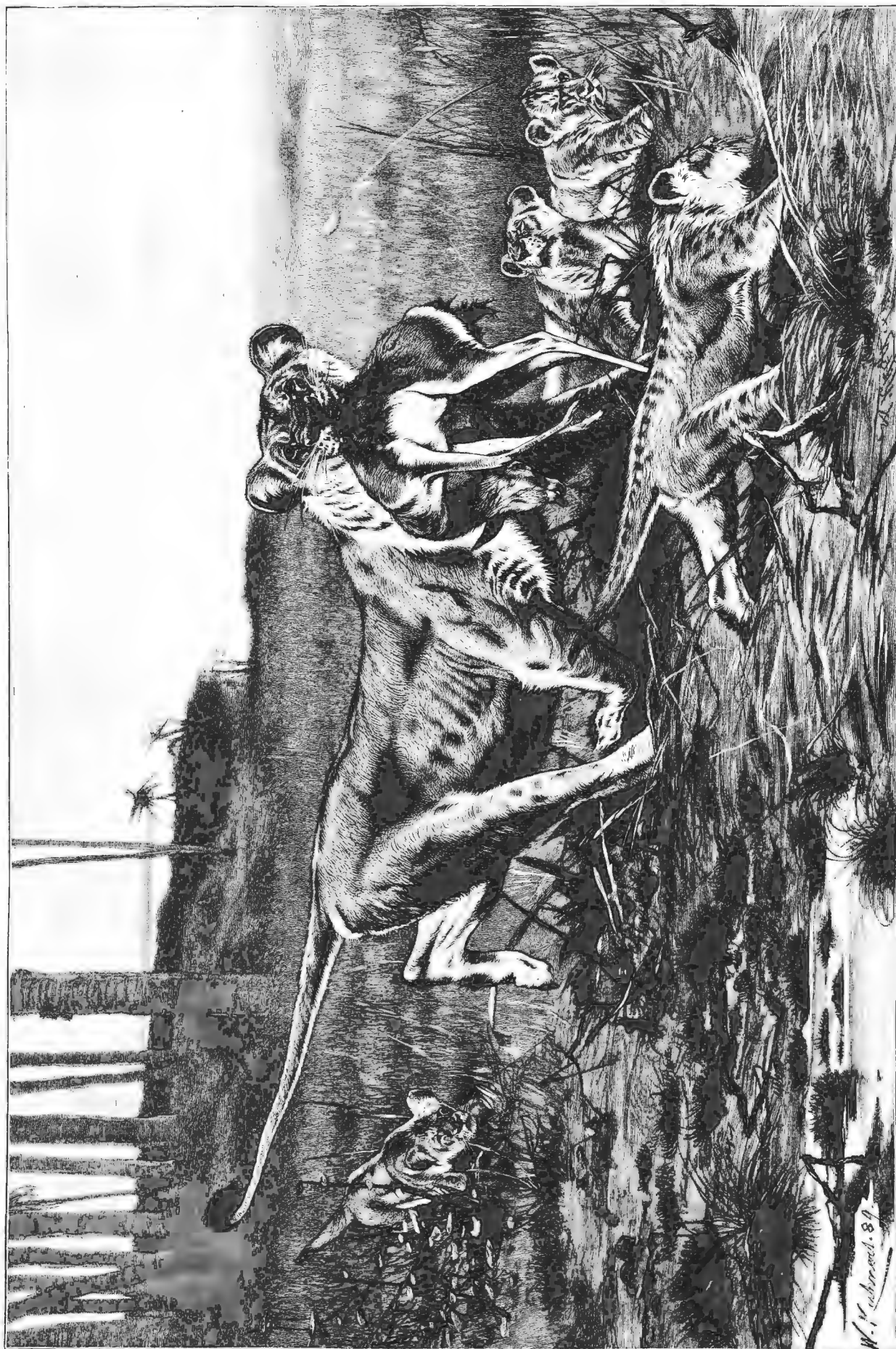
— Куда?

— Въ одну изъ ближайшихъ комнатъ. Разумѣется, вы въ правѣ отказать отъ присутствія при обыскѣ, но въ качествѣ владѣлицы дома, можетъ-быть, вамъ было бы не безынтересно узнать, что такое откроетъ обыскъ.

— Послушайте, вскричала Наталья Михайловна, пе-

Выставка Императ. Академіи Художествъ. „Ай, какъ мило!“
Съ карт. русскаго художника Фрейвиртъ-Люцова, грав. М. Рашевскій.

Львица съ добычей. Рис. Кунертъ, грав. Кребсъ.

ремѣнная тожь, — кого-же касается подозрѣваемое вами преступленіе и въ чемъ оно?

— Если мы не ошибаемся, оно въ печкѣ, ласково произнесъ приставъ. — А подозрѣвать, я никого не подозрѣваю. Правда, есть подозрѣніе, но оно мнѣ не принадлежитъ. Не угодно-ли вамъ идти впередъ? остановясь у дверей, съ изысканной вѣжливостью промолвилъ приставъ.

Холодный страхъ, который испытывала Наталья Михайловна, былъ такъ силенъ, что она забыла спросить, въ какую комнату ей идти. Она шла машинально, и какъ разъ пришла въ ту гостиную, гдѣ вчера сидѣла съ товарищемъ прокурора. Вошла она черезъ маленькую дверцу, пробитую въ стѣнѣ со стороны коридора. Она сама удивилась, что очутилась здѣсь и, когда приставъ сказалъ: „вотъ именно эту печку мы подозрѣваемъ“, Наталья Михайловна отшатнулась отъ печки съ непонятнымъ ужасомъ. Ей вспомнился вчерашній косвенный допросъ Чардашова, и ей показалось, что все погибло. Какъ погибло и почему — она не знала. Но то, что Чардашовъ все время ѣздилъ къ ней съ опредѣленною, затаенной цѣлью, стало ей ясно.

— Сію минуту долженъ пріѣхать слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ, объявилъ частный приставъ, взглянувъ на часы и потирая руки. — А понятые дожидаются... Понятые — народъ терпѣливый, занималъ онъ Наталью Михайловну.

На самомъ дѣлѣ, слѣдователь пріѣхалъ въ мертвый домъ вмѣстѣ съ частнымъ приставомъ. Это былъ Андрей Карповичъ. Онъ арестовалъ Валерьяна и, снявъ съ него на мѣстѣ допросъ, шелъ съ Михайлычемъ и другими людьми черезъ анфиладу комнатъ, бесѣдуя съ печникомъ и юмористически разспрашивая его, какой приблизительно былъ величины носъ у того барина, который пріѣзжалъ на Шарфеновку около двухъ лѣтъ тому назадъ.

— Носъ былъ акуратный. Съ тѣхъ поръ не выросъ — все такимъ же остался. Куда же ему больше расти, ваше высококордіе!

— Справедливое замѣчаніе. Значить, не фальшивый. Очень хорошо. Смотри въ оба. Не эта?

— Изразецъ другой — голубой съ золотой жилкой по краямъ.

— Не эта?

Михайлычъ махалъ рукой.

Но, какъ только они вошли въ продолговатую комнату, Михайлычъ закричалъ:

— Она самая! Вотъ она, голубушка! Еще изразецъ я криво влѣпилъ, такъ онъ и остался! Ахъ, скажите на милость. До чего, значить, та самая!

Слѣдователь кивнулъ головой книгинѣ, и, спросивъ у частного пристава, извѣстна-ли ей цѣль его визита, приказалъ печнику ломать печь. Понятые сбѣгали за лѣсенкой. Михайлычъ узналъ и лѣсенку. „Она! милая! Точно она!“ Застучалъ молотокъ, посыпался цементъ. Быстро образовалось отверстие въ печкѣ, и Михайлычъ, блѣдный и торжествующій, вынулъ свертокъ.

— Только мальчикъ или дѣвочка — неизвѣстно, произнесъ онъ, подавая на руки понятому, который стоялъ ближе къ нему, замаранный глиной тучскъ.

Книгиня вскрикнула и упала въ обморокъ.

Х.

Валерьянъ находился подъ арестомъ (домашнимъ) не болѣе часа.

— Скажите, спросилъ его слѣдователь, — какая же цѣль была везти изъ Москвы, какъ вы изволили показать, куклу въ осмоленной парусинѣ и при такой необыкновенной, можно сказать, таинственной обстановкѣ — съ завязываніемъ печнику глазъ и прочее — и потомъ замуровать ее въ печку? Судебная власть, естественно, могла быть введена въ заблужденіе. Да и все-

таки, скажу вамъ по совѣсти, уже не какъ слѣдователь, а какъ человѣкъ, съ улыбкой прибавилъ Андрей Карповичъ, — во всемъ этомъ чувствуется что-то загадочное, что-то остается на днѣ этой исторіи серьезное и, такъ сказать, глубокое, если не преступное? А?

— Ничего не остается, сказалъ Валерьянъ. — Водолазы попали въ смѣшное положеніе — безспорно. Я вамъ не завидую. А цѣль была слѣдующая. Впрочемъ, это была даже не цѣль, а безуміе покойнаго Николая Семеныча. Покойный-то князь былъ сумасшедшій. Вѣдь это вамъ извѣстно. Вообразилъ онъ, что имъ убить ребенка. Когда онъ признался мнѣ въ этомъ, я сейчасъ-же увидѣлъ, что онъ того, хоть этого никто и не подозрѣвалъ. Исторію убійства онъ передалъ мнѣ съ ужасающими подробностями. На самомъ дѣлѣ, какъ я узналъ, ребенокъ, будто бы убитый Николаемъ Семенычемъ, умеръ отъ дифтерита. Это былъ крестьянскій мальчишка четырехъ или пяти лѣтъ, и уже двѣ недѣли какъ былъ погребенъ. Николай Семенычъ опасался, что выруютъ трупъ и вскрытіе обнаружитъ преступленіе. Однимъ словомъ — безумецъ. У насъ съ нимъ были нѣкоторые домашніе счеты. И, чтобъ избавить его отъ глупаго страха, я предложилъ ему обдѣлать дѣло. То есть, конечно, это была шутка, но въ безумномъ воображеніи она приняла совершенно серьезный характеръ. Я получилъ отъ князя маленькую сумму, какая мнѣ была нужна, и снарядился съ нимъ въ дорогу. Предварительно мною была заказана эта кукла. Я завернулъ и завязалъ ее въ осмоленный брезентъ... Ну, да остальное вы знаете! Надѣюсь, мое объясненіе совершенно удовлетворяетъ васъ, какъ слѣдователя и какъ человѣка, насмѣшливо заключилъ Валерьянъ.

Андрей Карпычъ пожалъ плечами и сказалъ, что да — удовлетворяетъ.

— А какъ же Михайлычъ васъ такъ долго могъ эксплуатировать? щелкнувъ пальцами, съ простодушной улыбкой спросилъ слѣдователь, настороживъ, однако, слухъ, чтобъ не проронить ни одного словечка изъ отвѣта Валерьяна.

Но отвѣтъ Валерьяна былъ простъ; онъ сказалъ:

— Ахъ, мы съ вами объ этомъ ужъ бесѣдовали! Ужъ у меня такой характеръ: люблю посмотрѣть, до чего дойдетъ наглость дурака. Все равно, какъ люблю послушать, до чего договорится недалекій человѣкъ, воображая себя умницей и психологомъ.

У слѣдователя сверкнули глаза, а Валерьянъ продолжалъ:

— Что мнѣ не было надобности бояться господина Михайлыча — вы могли убѣдиться изъ печальнаго опыта: въ печкѣ была спрятана кукла и ничего болѣе. Да и согласитесь сами — вотъ вы умный человѣкъ (я не говорю — слѣдователь — съ вашего разрѣшенія я раздѣляю оба эти понятія), согласитесь сами, съ какой стати мы съ Николаемъ Семенычемъ стали бы убивать какого-то ребенка, затѣмъ рискуя на каждомъ шагу попасться, ѣхать шестьсотъ верстъ по желѣзной дорогѣ съ трупомъ, хотя и маленькимъ, но все же въ нѣкоторомъ отношеніи безпокойнымъ... Мой органъ обонянія, смутившій Михайлыча, какъ вы можете легко догадаться, довольно чувствителенъ. Но и вообще носы сдѣланы чтобы обонять. Далѣе — благополучно привезя трупъ изъ Москвы, мы не бросаемъ его въ Днѣпръ съ цудовою гирью, не зарываемъ его въ землю на три аршина, не сжигаемъ въ печкѣ, а сберегаемъ впрокъ. Все это нелогично и смѣшно, и могло казаться логичнымъ и солиднымъ только несчастному Николаю Семенычу.

— Мм... мм! Да, да! пробормоталъ Андрей Карпычъ, вставая. — Очень радъ, что такъ случилось, но жаль, что княгиня не была предупреждена вами. Мм... да...

Валерьянъ засмѣялся.

— Можно оставить безъ разъясненій этотъ пунктъ? весело спросилъ онъ.

— Какъ вамъ угодно, произнесъ слѣдователь.—Я, впрочемъ, знаю ваше объясненіе. Вы такъ нѣжно любите сестру, что не желали напоминать ей о несчастіи ея мужа. Очень радъ. Не говорю вамъ до свиданія, но прощайте... Очень радъ.

Оправившись отъ обморока, княгиня попросила къ себѣ брата. Она пристально посмотрѣла на Валерьяна и, натирая свои виски одеколономъ, проговорила:

— Зачѣмъ вы продѣлали съ Николаемъ Семеновичемъ этотъ водевиль?

— Ужъ конечно не потому что послѣ трагедіи—для толпы обыкновенно дается какой-нибудь фарсъ и что не слѣдуетъ чернъ огорчать мрачными картинами. А если тебѣ еще не все ясно—выслушай то, чего я не могу рассказать слѣдователю. Тѣло настоящаго Юрія, умершаго отъ... Отъ чего, я хорошенько не знаю...

— Богъ его знаетъ—мнѣ было его смертельно жалъ! шепотомъ прервала рѣчь брата Наталья Михайловна.— Тѣмъ болѣе, что смерть его и эта поѣздка съ его тѣломъ въ одномъ купе подѣйствовала губительно на Николая Семеновича. Но я сама не знаю, отъ чего умеръ Юрій... Онъ хирѣлъ, хирѣлъ и...

— И когда онъ умеръ, подхватила Валерьянъ,—ты вообразила, что онъ умеръ кстати. Ну, такъ вотъ дальше—не перебивай меня. Миша—онъ же теперь Юрій de jure—былъ похороненъ какъ Миша, и остался жить какъ Юрій. Николай Семеновичъ чуть не испортилъ всего—и надо было придумать что-нибудь. Онъ способенъ былъ самъ донести на себя—страхъ отнялъ у него разумъ. Я далъ ему слово, что устрою все благополучно—и развѣ я не сдержалъ слова? Съ тѣхъ поръ какъ мы замуровали эту куклу, онъ уже не пытался предупредить слѣдствіе и впередъ сознаться въ какомъ-то небываломъ преступленіи, въ которомъ его будто бы заставили участвовать. Онъ повѣрилъ, что тѣло Юрія никогда не будетъ найдено и успокоился по крайней мѣрѣ до послѣднихъ дней своихъ.

Валерьянъ сѣлъ и, заложивъ ногу за ногу, послѣ паузы сказалъ:

— Во всякомъ случаѣ, я недурной актеръ и, если хочешь, машинистъ. На тебя дурно подѣйствовалъ мимурный громъ. Не забывай, что еще есть небесный громъ. Какъ бы то ни было—дѣло Юрія все-таки ложь передъ Богомъ и людьми, которую надо искупить быть-можетъ цѣлою жизнью. Не удивляйся, что это тебѣ говорить такой шалопай, какъ я... Я это мучительно чувствую—въ связи со всѣми моими заблужденіями. На всякій случай, я тебѣ совѣтовалъ бы послѣ сегодняшняго скандала уѣхать изъ Святогорска. Намекъ на какого-то исчезнувшаго ребенка, что ни говори, все-таки сдѣланъ. Ниточка найдена—смотри доберутся до клубочка. Я бы на твоемъ мѣстѣ держалъ Юрія за границей, по крайней мѣрѣ, до четырнадцати лѣтъ.

— А каковъ Чардашовъ! воскликнулъ онъ за завтракомъ.—Мнѣ сдается, онъ серьезно ухаживалъ за тобой. Кстати, онъ совѣмъ намъ не кузень, даже не десятая вода на киселѣ. Я узналъ объ этомъ вчера—я получилъ письмо отъ дяди Егора, у котораго справлялся о Чардашовѣ. Мнѣ не даромъ не давалъ спать Чардашовъ.

Наталья Михайловна опустила глаза и перестала ѣсть. Румянецъ пятнами выступилъ на ея лицѣ, губы поблѣднѣли. Но, выпивъ полстакана вина, она оправилась.

— Пожалуйста, Валерьянъ, не напоминай мнѣ о г. Чардашовѣ. Душа у него гораздо чернѣе, чѣмъ... (у тебя, хотѣла она сказать и не сказала). Да, отвѣтила она на слова брата, сказанныя ей передъ завтракомъ:—я, понятно, должна буду уѣхать. Но довѣренность я тебѣ выдамъ съ нѣкоторыми ограниченіями. Вѣдь ты-же

не станешь требовать невозможнаго. Не правда-ли, Валерьянъ? Вѣдь все-же мы братъ и сестра!

Съ ея рѣсницъ скатились двѣ слезы.

— Натали, ты обо мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, Богъ знаетъ, какого мнѣнія! вскричалъ Валерьянъ.— Но теперь, когда ты впервые заговорила какъ сестра—и я тебѣ скажу чистую правду. Я просто дилъ эту игру между нами, пока ты ей поддавалась: съ одной стороны, меня забавляло бѣсить тебя, а съ другой стороны—я зналъ, что серьезной бреши въ твоемъ состояніи даже и мнѣ не сдѣлать. Возьми себѣ другаго управляющаго, который жилъ бы въ имѣніи и дѣйствительно дѣлалъ бы что-нибудь. А мнѣ, Натали, все это надоѣло. Я уѣду съ тобой, буду заботиться о тебѣ и объ Юріи, постараюсь удержать его отъ тѣхъ ошибокъ юности, которыя сдѣлали меня самого ни на что болѣе не годнымъ, и авось ты убѣдишься, что чортъ все-таки не такъ черенъ, какъ ты его себѣ малевала.

Взволнованный, онъ подошелъ къ сестрѣ, и они впервые послѣ многихъ лѣтъ обнялись отъ всего сердца.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Мертвый домъ снова опустѣлъ—и надолго. Весной сорныя травы заволокли дворъ и стали густо разрастаться въ двѣтникахъ и у подъѣзда. Галки чернымъ роємъ кружатся надъ его крышей и ласточки лѣбятъ гнѣзда въ капителяхъ его колоннъ. Авдѣй Ивановичъ, попрежнему, одиноко прохаживается по каменной тропинкѣ утромъ и вечеромъ, какъ живое воспоминаніе прошлой странной и тяжелой жизни, свидѣтелемъ которой былъ онъ въ этомъ красивомъ, старомодномъ домѣ, хранящемъ гробовое молчаніе.

О Натальѣ Михайловнѣ поговорили въ Святогорскѣ и забыли. Чардашовъ дождался своей свадьбы и переехалъ въ другой городъ. Его мѣсто занялъ Андрей Карповичъ Маврикинъ.

На Парфеновкѣ все идетъ по-старому. Наводненія были, но гораздо слабѣе предъидущихъ. Печникъ Михайлычъ богатѣетъ, и съ нѣкоторыхъ поръ у него явилась привычка приставлять палецъ ко лбу и застывать въ такой позѣ. Его можно встрѣтить даже на улицѣ съ пальцемъ, приставленнымъ ко лбу. Онъ идетъ и думаетъ крѣпкую думу. Но о чемъ—это неизвѣстно даже Дмитріевнѣ.

Иконописецъ Ивановъ переселился, наконецъ, на новую квартиру. Надъ его могилой возвышается дубовый крестъ, раззолоченный и расписанный изображеніями Святыхъ. Этотъ крестъ Флорентій Адриановичъ собственноручно отдѣлалъ для себя и ревниво берегъ его отъ сырости и отъ мухъ, облекая на лѣто въ кисейный чохоль. Маня перестала быть послушницей и удостоилась ангельскаго чина. Оекла, оставшись одна, понемножку запиваетъ, и ее часто видятъ въ „Золотой Рыбкѣ“.

Въ еврейскій погромъ, Шминдрика порядкомъ потрепали. Но скоро онъ оправился и отдалъ своихъ дочерей въ гимназію, а сынъ его поступилъ даже въ университетъ. Можетъ-быть изъ этого молодаго Шминдрика со временемъ выйдетъ какал-нибудь знаменитость.

Когда били евреевъ, Петрикъ забылъ свою напускную солидность; въ немъ забродила старая закваска—и онъ неожиданно очутился во главѣ маленькаго отряда босяковъ и латригъ. Въ числѣ этихъ оборванцевъ, всѣмъ скопомъ захваченныхъ полиціей, оказался и старый другъ Петрика—Карнѣй Крутикъ. Очутившись опять въ тюрьмѣ, они на этотъ разъ не разлучились. Не разлучаются они и до сихъ поръ, влача свою жизнь гдѣ-то далеко-далеко, въ глухой деревушкѣ, затерявшейся въ тайгахъ Восточной Сибири...

конецъ.

Осужденъ.

Разсказъ Христиана Беннарда. (Переводъ).

Начало шестидесятихъ годовъ было тяжелымъ временемъ для жителей Сѣверной Америки. Послѣ долгаго мира вслѣдствіе кровопролитнаго междоусобнаго война въ Соединенныхъ Штатахъ, а въ Мексикѣ началась борьба за господство между туземными республиканцами и партіей императора Максимилиана, котораго поддерживали французы: въ довершеніе несчастья, къ бѣдствіямъ войны присоединился голодъ и моровое повѣтріе. Особенно страдали восточные мексиканскіе берега. Борьба между императорскою и республиканскою партіей велась съ переменнымъ усиліемъ. Когда же, наконецъ, войска Наполеона высадились у береговъ и можно было ожидать того или другаго окончанія бѣдствій — въ приморскихъ городахъ началась жестокая желтая лихорадка. Особенно опустошительна она была въ Вера-Круцѣ, цвѣтущемъ торговомъ городѣ на берегу Мексиканскаго залива. Многострадальный Вера-Круцъ оправдывалъ свое названіе: какъ для туземцевъ, такъ и для иностранцевъ борьба съ жестокою болѣзью была „настоящимъ крестомъ“.

Я тоже попалъ въ число несчастныхъ, постигнутыхъ желтой лихорадкой. Такъ какъ нашъ капитанъ не хотѣлъ держать меня на кораблѣ, то меня помѣстили въ одинъ изъ лазаретовъ, наскоро сколоченныхъ изъ досокъ, въ стѣнахъ котораго и я пережилъ ужаснѣйшіе дни моей жизни. Изображеніе моихъ тогдашнихъ страданій не входитъ въ мои планы; поэтому я только замѣчу, что моя крѣпкая организація побѣдила страшную болѣзнь и я, въ относительно короткое время, былъ уже выпущенъ изъ лазарета, какъ выздоровѣвшій.

Въ ту минуту, когда я съ радостнымъ чувствомъ уходилъ изъ душнаго, зловоннаго барака, у самаго выхода мнѣ попался навстрѣчу какой-то высокій, коренастый человѣкъ, который на туземномъ нарѣчій отреккомендовался мнѣ какъ „похоронныхъ дѣлъ мастеръ“ и потребовалъ у меня денегъ.

— Такъ какъ вы не умерли, замѣтилъ онъ сухо, — то вы обязаны вознаграждать меня за сдѣланные мною расходы по вашему погребенію; я не желаю терять убытковъ.

Наивное требованіе этого человѣка показалось мнѣ забавнымъ, и я готовъ былъ разсмѣяться, если-бы могъ. Когда я всмотрѣлся въ неприятное лицо моего собесѣдника, холодная дрожь пробѣжала по моему тѣлу, такъ какъ я узналъ въ немъ тотъ длинный черный призракъ, который постоянно мелькалъ передъ моими глазами во время моей болѣзни. Онъ переходилъ отъ одной койки къ другой, точно освѣдомляясь, нѣтъ-ли какого-нибудь „дѣла“. Разъ я замѣтилъ, какъ при выносѣ одного покойника, онъ снялъ съ него все, что было на немъ цѣннаго, и очень можетъ быть, что мой кошелекъ и часы, исчезнувшіе въ первые дни моего пребыванія въ больницѣ, тоже были жертвой этого гробокопателя.

— Какія деньги, сеньоръ? я васъ не понимаю, спросилъ я удивленно. — Прошу васъ не задерживать меня, такъ какъ мнѣ некогда.

Однако для того, чтобы прекратить неприятный разговоръ, я обѣщаль прислать ему долларъ, а самъ поспѣшилъ къ гавани. Тамъ я узналъ, что мой корабль уже отплылъ, поэтому я воротился обратно и отиравился въ нѣмецкое консульство, гдѣ надѣялся получить указанія относительно того, что я долженъ предпринять. Четверть часа спустя, я уже былъ у консула, который поздравилъ меня съ выздоровленіемъ и пригласилъ сѣсть. Онъ передалъ мнѣ поклонъ отъ капитана моего корабля и денежный пакетъ, заключавшій въ себѣ мое жалованье за десять мѣсяцевъ. Затѣмъ онъ разспросилъ меня о моихъ планахъ на будущее и вообще былъ такъ предупредителенъ и любезенъ, что тронулъ меня до глубины души. Я, разумѣется, разсказалъ ему о моей болѣзни, не забывъ упомянуть о могильщикѣ и объ его странномъ требованіи.

Консулъ вскочилъ и сердито топнулъ ногой, возмущенный наглостью этого мексиканца.

— Вы не можете себя представить, сказалъ онъ, — до какого безстыдства доходитъ жадность этого человѣка. Этотъ могильщикъ, Квиросъ, считается однимъ изъ самыхъ богатыхъ людей въ городѣ и, не смотря на это, все еще не доволенъ. Несчастливая страна, гдѣ дается полный просторъ дѣйствіямъ такихъ мошенниковъ, гдѣ возможны такіа печальныя явленія!

Я смотрѣлъ удивленно. „Какъ? могильщикъ можетъ быть богатымъ человѣкомъ?“

— Да, да! Онъ богатый человѣкъ, потому что имѣетъ выгодное занятіе, тѣмъ болѣе выгодное, тѣмъ бѣдственнѣе переживаемая нами эпоха. Во время политическихъ замѣнательствъ, когда у насъ все пошло вверхъ дномъ, этотъ самый Квиросъ взялъ у нашего губернатора подрядъ на право хоронить всѣхъ городскихъ покойниковъ, и эта профессія сдѣлалась источникомъ его богатства. Благодаря своему желѣзному здоровью и своему невѣроятному нахальству, онъ каждый день обходитъ всѣ городскіе госпитали и лазареты и требуетъ за погребеніе умершихъ столько, сколько ему вадумается. Въ случаѣ какихъ-нибудь несогласій, онъ грозитъ оставить трупъ непохороненнымъ.

— Но почему же тогда не обратитесь къ кому-нибудь другому? Наверно въ городѣ найдутся люди, которые за умѣренную плату согласятся взять на себя эту печальную обязанность.

— Въ томъ-то и бѣда, что этого нельзя сдѣлать, отвѣчать консулу, качая головой. — Сеньоръ Квиросъ не такой человѣкъ, чтобы позволить вырвать у себя кусокъ изъ-рта. Ключъ отъ городского кладбища въ его рукахъ и онъ обезпеченъ отъ чьей-бы то ни было конкуренціи, потому что религіозные мексиканцы считали бы большимъ грѣхомъ хоронить правовѣрныхъ католиковъ на неосвященномъ мѣстѣ. Если-бы еще подвиги его ограничивались только этимъ, я бы не дѣлалъ ему никакихъ упрековъ, продолжалъ консулъ, — но дѣло въ томъ, что о немъ разсказываютъ еще болѣе ужасныя вещи. Насколько вѣрны слухи о томъ, что онъ грабитъ вѣрные ему трупы, я судить не могу, но я знаю навѣрное, что этотъ Квиросъ безжалостный ростовщикъ и кровопийца. Такъ, напримеръ, мнѣ извѣстно, что одного изъ здѣшнихъ землевладѣльцевъ-эмигрантовъ, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ имѣлъ великолѣпное имѣніе, онъ довелъ почти до нищенства — и теперь, если несчастный не согласится пожертвовать ему своею хорошенькою дочкой, которая давно нравится могильщику, то навѣрно худо кончить.

Послѣднія слова консула въ высокой степени заинтересовали меня. Находящійся въ нуждѣ соотечественникъ, прелестная дѣвушка, обреченная на жертву гнусному могильщику — все это произвело цѣлую бурю въ душѣ двадцатидвухлѣтняго юноши, какимъ я былъ тогда. Я уже мечталъ выступить въ роли рыцаря и спасителя несчастныхъ; съ помощью только что полученнаго жалованья, я намѣревался заплатить долги моего соотечественника; что же касается хорошенькой дочки, то я помогъ бы ей отыскать болѣе достойнаго человѣка, чѣмъ этотъ отвратительный Квиросъ. Я съ юношескою живостью началъ разспрашивать объ имени и адресѣ этого нѣмецкаго эмигранта и вышелъ послѣ того, какъ консулъ отреккомендовалъ мнѣ одну гостиницу съ прочною репутаціей, гдѣ я и могъ остановиться до отъѣзда.

На другой день, стои передъ домомъ эмигранта въ улицѣ Ла-Пуэбла, я нѣсколько холоднѣе обдумалъ мое намѣреніе. То, что вчера я узналъ отъ консула, касалось интимнѣйшихъ подробностей жизни совершенно постороннихъ мнѣ людей, которые имѣли полное право показать мнѣ дверь, если-бы я вадумалъ претендовать на ихъ довѣріе. Какой бы мнѣ подыскать предлогъ для перваго моего посѣщенія?

Случай помогъ мнѣ. Передъ домомъ стояла женщина пожилыхъ лѣтъ, платье и лицо которой обличали ея нѣмецкое происхожденіе. Я подошелъ къ ней и спросилъ по-нѣмецки, какъ пройти въ улицу Ла-Пуэбла. Она испуганно водрогнула, потомъ улыбнулась и сказала, что я иду вѣрной дорогой, но что на видъ я слишкомъ слабъ, чтобы пройти далеко пѣшкомъ. Мало-по-малу мы разговорились и, наконецъ, я увидѣлъ, что изъ дому вышелъ какой-то пожилой человѣкъ, повидимому заинтересованный тѣмъ, съ кѣмъ говоритъ его жена.

Фридрихъ Цербсту было около пятидесяти лѣтъ, но, вѣроятно вслѣдствіе нездороваго климата, гори и заботы, онъ казался старше по крайней мѣрѣ лѣтъ на десять. Въ своемъ обращеніи онъ былъ робокъ и сдержанъ; видно было, что печальныя обстоятельства жизни пріучили его недовѣрчиво и осторожно относиться къ чужимъ людямъ. Мнѣ показалось, что онъ былъ недоволенъ тѣмъ, что жена его вступила со мной въ разговоръ, а можетъ-быть онъ заподозрилъ, что мнѣ извѣстно печальное положеніе его денежныхъ и семейныхъ дѣлъ. Только послѣ того, какъ я разсказалъ ему исторію моей болѣзни и, наконецъ, заговорилъ о далекой милой родинѣ, онъ нѣсколько смягчился и даже пригласилъ меня войти въ домъ, такъ какъ невыносимая жара могла повредить мнѣ. Я, конечно, не заставилъ повторить этого приглашенія и, минутой спустя, сидѣлъ на диванѣ въ небольшой, на нѣмецкій ладъ убранный, комнаткѣ. Хозяйка сѣла противъ меня, между тѣмъ какъ хозяйка вышла для того, чтобы приготовить мнѣ стаканъ лимонада.

— Мы сами пьемъ воду, сказала она, — потому что здоровы, но выздоравливающему необходимо предложить чего-нибудь лучшаго.

Я не зналъ что отвѣчать. Мнѣ не хотѣлось причинять этимъ людямъ никакихъ трать, даже самыхъ незначительныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ трудно было отказаться отъ пріятнаго, прохладительнаго напитка. Дѣйствительно, этотъ лимонадъ показался мнѣ настоящимъ нектаромъ, что и не удивительно, если представить себѣ какія прекрасныя ручки поднесли его. Дочь хозяйки, прелестная какъ весенній день, вошла въ комнату привѣтливо улыбаясь и затѣмъ стала за кресломъ отца, глядя на меня вопросительнымъ и въ то же время боязливымъ взглядомъ. Она еще ребенкомъ выѣхала изъ Германіи, но что она любила свою родину, видно было по ея глазамъ, которые горѣли огнемъ во время моихъ раз-

Выставка Императ. Академіи Художествъ. „На рѣчкѣ“.

Картина Х. П. Платонова (исключит. право воспроизведенія въ гравюрѣ и т. п. принадлежитъ „Нивѣ“), грав. Шюблеръ.

сказовъ. Когда же она своимъ серебристымъ голоскомъ спросила меня о чемъ-то, я совершенно забылъ о цѣли моего прихода и только при прощаньи выразилъ надежду на скорое свиданье. Размышляя про себя, я отправился въ мою гостиницу.

Еще не доходя до моей улицы, я увидѣлъ могильщика, выходящаго изъ какого-то дома, гдѣ былъ умершій, что можно было замѣтить по черному кресту, нарисованному на двери. Я ускорилъ шаги для того, чтобы поспоровище миновать этого мрачнаго господина, но онъ меня тотчасъ же узналъ и выжидательно посмотрѣлъ на меня; итѣть сомнѣнія, что онъ вѣсомнилъ о долларѣ, который я былъ ему „долженъ“. Чтобы покончить съ этимъ удивительнымъ долгомъ, я опустилъ руку въ карманъ и протянулъ ему монету, которую онъ принялъ безъ малѣйшаго смущенія.

„Какъ глупы люди!“ думалъ я идя дальше, „неужели они считаютъ возможнымъ, чтобы этотъ человѣкъ сталъ обладателемъ этой милой молодой дѣвушки? мнѣ же этотъ бракъ кажется положительнымъ невысказаннымъ и невозможнымъ. Что между ними общего? Она—олицетвореніе жизни и радости, онъ же—безсердечный, безчувственный ростовщикъ, извлекающій выгоду изъ человѣческаго горя и несчастія“.

Съ оптимизмомъ выздоравливающаго, я склоненъ былъ истолковывать явленія въ хорошую сторону, поэтому судьба Цербета перестала меня особенно озабочивать. Я каждый день посѣщалъ эту милую семью, гдѣ меня всегда принимали какъ роднаго. Къ вечеру, когда спадала жара, я отправлялся на прогулку по направленію улицы Ла-Пуэбла, затѣмъ сворачивалъ по тропинкѣ, пролегающей черезъ плантацію сахарнаго тростника и ведущей прямо къ дому Цербестовъ. Тамъ я проводилъ пріятный вечеръ, хотя родители были большей частью грустны и молчаливы, но тѣмъ веселѣе и оживленнѣе была бѣлокурая Эмма.

— Приходите опять скорѣе, говорила мнѣ молодая дѣвушка на прощанье. — Мы всѣ такъ рады видѣть соотечественника.

Это звучало такъ пріятно, что я уже началъ льстить себя самыми радужными надеждами на будущее, когда вдругъ у нихъ въ домѣ появился другой нашъ соотечественникъ, котораго, какъ я съ грустью убѣдился, Эмма встрѣчала еще радостнѣе чѣмъ меня. Гансъ Рейтеръ былъ дальній родственникъ г-жи Цербестъ, четыре года тому назадъ прѣхавшій въ Америку. Въ окрестностяхъ города у него было небольшое имѣніе, которымъ онъ управлялъ съ большимъ толкомъ и знаніемъ дѣла. Правда, что это имѣніе не было совершенно свободно отъ долговъ, но Гансъ былъ честный, энергичный человѣкъ, и можно было съ увѣренностью сказать, что черезъ нѣсколько лѣтъ онъ расплатится со всѣми своими кредиторами и составитъ себѣ хорошенькое состояніе. Въ настоящее время онъ только что возвратился изъ небольшого путешествія по дѣламъ имѣнія и теперь рассказывалъ семьѣ Цербестовъ о выгодныхъ результатахъ этой поѣздки. Ко мнѣ онъ относился очень дружески и довѣрчиво, и бесѣду со мной объ американскихъ туземцахъ и объ европейскихъ эмигрантахъ, высказавъ столько здравыхъ сужденій, что я сталъ смотрѣть на него съ большимъ уваженіемъ, не смотря на его молодость.

Я началъ часто бывать у него на фермѣ и въ одно изъ этихъ посѣщеній, за стаканомъ вина, мы заключили торжественный дружескій союзъ, который Гансъ озаменовалъ тѣмъ, что признался мнѣ въ своей любви къ Эммѣ Цербестъ. Онъ сказалъ мнѣ, что онъ уже два года любитъ очаровательную дѣвушку, но лишь нѣсколько дней тому назадъ узналъ, что и она платитъ ему взаимностью. Родители еще ничего объ этомъ не знаютъ и самъ онъ намѣренъ еще много-много поработать, прежде чѣмъ осмѣлится просить ихъ согласія на бракъ съ Эммой.

— Но все-таки, развѣ я не счастливѣйшій человѣкъ на свѣтѣ? спросилъ онъ съ сияющими радостью глазами. — Какъ счастливы будутъ мои родители, когда получатъ извѣстіе о моей свадьбѣ! Мы, разумѣется, не останемся на всю жизнь въ Мексикѣ; любовь къ милой родинѣ никогда не потухнетъ въ нашихъ сердцахъ и какъ только положеніе мое будетъ обезпечено — прощай Америка!

Я утвердительно кивалъ головой и горячо пожималъ руку моего друга, искренно желая ему счастья. Несмотря на это, я не могъ радоваться какъ-бы желалъ, потому что не могъ забыть словъ консула и печали родителей молодой дѣвушки. Неужели Рейтеръ ничего не зналъ о положеніи ихъ дѣла? Я чувствовалъ себя обязаннымъ сообщить ему ходящія слухи и въ то же время у меня не хватало духу сбросить счастливица съ его седьмого неба.

Вечеромъ онъ проводилъ меня въ городъ. Проходя мимо кладбища, мы увидѣли Квироса, который рылъ новую могилу. Я замѣтилъ какъ-бы невольно:

— Ужасное призваніе, ужасное ремесло! Какъ не надоѣсть ему „работать“, когда онъ такъ колоссально богат!

Мой путникъ пожалъ плечами и запѣлъ вполголоса:

Копаетъ и роетъ пока онъ живетъ,
И роя могилы, онъ смерть въ нихъ найдетъ.

Съ этого дня я началъ лишь изрѣдка навѣщать моихъ друзей. Мнѣ было грустно смотрѣть на лица жениха и невѣсты, которыя съ каждымъ днемъ становились все озабоченнѣе и печальнѣе; кромѣ того, я боялся моимъ присутствіемъ мѣшать влюбленнымъ, а главное—вниманіе мое было отвлечено политическими событиями, которыя захватывающимъ образомъ дѣйствовали на всѣхъ, и старыхъ, и молодыхъ. Съ тѣхъ поръ какъ французскія войска отплыли обратно въ Европу, республиканцы начали одерживать верхъ надъ монархистами. Несчастный императоръ Максимилианъ, съ немногими своими приверженцами, геройски отстаивалъ свою свободу, но его мужество не спасло его. Принужденный уступить силѣ, онъ musste выѣхать со своими друзьями. Политическая трагедія окончилась.

У меня земля горѣла подъ ногами. Мнѣ невыносимо было оставаться дольше въ странѣ, гдѣ понапрасну пролилось столько благородной крови, и такъ какъ я уже достаточно оправился здоровьемъ, для того чтобы возвратиться къ своимъ обязанностямъ, то и рѣшилъ уѣхать изъ Вера-Круца на первомъ попавшемся кораблѣ. Такого, однако, не находилось, и я чувствовалъ себя вынужденнымъ отправиться въ Новый Орлеанъ и тамъ выжидать болѣе удобнаго случая для того, чтобы переправиться въ Европу. Сегодняшній день я рѣшилъ посвятить прощальнымъ визитамъ, побывать у консула и у моихъ новыхъ друзей, а завтра утромъ выѣхать изъ Вера-Круца.

За обѣдомъ въ гостиницѣ кто-то изъ присутствующихъ сообщилъ городскую новость, которая такъ меня испугала, что я вскопчилъ и выронилъ ложку.

— Послушайте, сеньоръ, вы вѣроятно ослышались, воскликнулъ я видѣ себя, — то, что вы говорите, невысказанно и невозможно!

— Повѣрьте, что я не ошибаюсь и говорю сухую правду: Квиросъ, могильщикъ, послѣ-завтра вступаетъ въ бракъ съ Эммой Цербестъ, красивѣйшею дѣвушкой во всемъ Вера-Круцѣ. Отецъ невѣсты въ отчаяніи, но онъ обязанъ пожертвовать своей дочерью, такъ какъ не имѣетъ средствъ заплатить долга.

— А Эмма? можетъ-ли она отдать руку этому негодю, если ея сердце — зачѣмъ далѣе хранить тайну?—если ея сердце принадлежить другому?

— Нѣмцы замѣчательный народъ, возразилъ мнѣ смѣясь испанецъ.—Наша женщина навѣрно убила-бы немилаго человѣка, если-бъ у нея не было другихъ средствъ избавиться отъ него, и убѣжала-бы съ тѣмъ, къ кому лежитъ ея сердце. Но бѣлокурая нѣмка поступаетъ иначе: она покорно подчиняется судьбѣ, а ея возлюбленный молча уступаетъ мѣсто своему сопернику. Странные обычаи!

Пока онъ говорилъ, я схватилъ шляпу и выбѣжалъ вонъ для того чтобы узнать правду изъ самаго ея источника. Мнѣ не приходило въ голову, что я не имѣю права вмѣшиваться въ частныя дѣла Цербестовъ, мнѣ только хотѣлось предотвратить грозившее несчастіе, послѣдствій котораго нельзя было даже предвидѣть. Но я скоро убѣдился, что чудовищный слухъ былъ вполнѣ вѣренъ и что поправить дѣло было уже нельзя. Эмма, съ ея блѣднымъ лицомъ и красными заплаканными глазами, подтвердила мнѣ справедливость того, что я слышалъ: ея отцу угрожалъ тюремное заключеніе, если онъ не заплатитъ огромной суммы должной ростовщику, или же не отдастъ ему своей дочери въ жены. Такъ какъ денегъ достать было негдѣ, то она вынуждена пожертвовать собой, чтобы спасти семью отъ позора и разоренія.

— Не ходите къ родителямъ, просила она меня, умоляюще складывая руки, — они совсѣмъ обезумѣли отъ горя и малѣйшій упрекъ, или грубый вопросъ, могутъ совсѣмъ убить ихъ. Если вы хотите сдѣлать доброе дѣло, ступайте къ Гансу Рейтеру, утѣшите его, чтобы онъ съ отчаянія не наложилъ на себя руки. Я знаю, что онъ васъ очень любитъ и уважаетъ, и вы, конечно, сумѣете удержать его отъ какой-нибудь крайности. Пожалуйте, пойдите къ нему поскорѣе!

Испанецъ былъ правъ, удивляясь странности нѣмецкихъ обычаевъ. Эмма, несчастная жертва жестокихъ семейныхъ обстоятельствъ, ни единымъ словомъ не пожаловалась на свою судьбу и думала только о другихъ. Когда я спросилъ, кто-же будетъ ее утѣшать, она улыбнулась грустной улыбкой:

— Я знаю, что Богъ меня не оставитъ; почему знать, можетъ быть случится чудо.

Въ эту минуту, когда она стояла передо мной точно святая мученица, прижавъ къ сердцу руки и подывая къ небу своей невинный взглядъ, я готовъ былъ упасть передъ ней на колѣни и цѣловать край ея плаги — никогда и ничто не производило на меня такого глубокаго впечатлѣнія, какъ эта кроткая покорность, эта дѣтская вѣра. Ея слова такъ на меня подѣйствовали, что я самъ началъ вѣрить въ возможность спасенія и, уходя изъ дому, самъ готовъ былъ умолять небо о чудѣ.

Проходя по улицѣ, я встрѣтилъ консула, которому рассказавъ о случившемся. На мой вопросъ, нельзя-ли собрать нужную сумму путемъ подиски между богатыми европейцами—онъ печально покачалъ головой. Трудно достать сорокъ тысячъ долларовъ въ такія тяжелыя времена; кромѣ того, раз-

умѣется, никому не пріятно платить чудовищные проценты, тогда какъ самый долгъ вѣроятно не превышаетъ двухъ тысячъ долларовъ.

— Но въ такомъ случаѣ вы, какъ наместникъ германскаго правительства, можете начать искъ противъ ростовщика?

— Итъ, сударь, мы живемъ на мексиканской почвѣ и по мексиканскимъ законамъ, а если основываться на нихъ, то требованія Квироса вполне справедливы. У него въ рукахъ находится долговыя обязательства, подписанныя рукой самого Цербета, и по нимъ Квирось имѣетъ полное право требовать уплаты. Еслибы нашъ несчастный соотечественникъ въ свое время обратился ко мнѣ за совѣтомъ, дѣло, конечно, не пошло-бы такъ далеко; въ настоящую-же минуту оно рѣшительно неоправдано.

Такую-же точно покорность судьбѣ показалъ Гапсъ Рейтеръ. Онъ сидѣлъ у себя въ комнатѣ передъ открытымъ окномъ, опустивъ голову на руки, устремивъ неподвижный взглядъ по тому направленію, гдѣ жила его возлюбленная, которая черезъ день должна была сдѣлаться женой другого, женой гнуснаго, отвратительнаго негодяя. Онъ ничего не отвѣтилъ на мой поклонъ и на привѣтствіе и только тогда, когда я передалъ ему просьбу Эммы, горькая улыбка пробѣжала по его губамъ. Какъ ни былъ онъ поглощенъ своимъ горемъ, онъ все-таки замѣтилъ, что я снялъ съ гвоздя револьверъ, висѣвшій надъ его кроватью, и спряталъ его въ карманъ.

— Избавьте себя отъ лишняго труда, произнесъ онъ беззвучнымъ голосомъ. — Я считаю самоубійство трусостью, на которую я не способенъ.

Я радостно протянулъ ему руки:

— Вотъ чтѣ хорошо, то хорошо! Поднимите голову и ободритесь. Можетъ-быть въ самомъ дѣлѣ произойдетъ чудо.

Онъ не взялъ моей протянутой руки и грустно сказалъ мнѣ:

— Времена чудеса прошли, и я привыкъ считать ся фактами. Для меня, напримѣръ, рѣшенный фактъ, что я сегодня, или завтра продаю мое имущество первому понашедшему покупателю и тотчасъ-же уѣзжаю отсюда.

Мнѣ стоило большаго труда отклонить его отъ этого неразумнаго намѣренія. Вчужѣ жалъ было отдавать за ничтожную цѣну цвѣтущія плантаціи, лѣсныхъ имъ въ продолженіе столькихъ лѣтъ. Наконецъ мнѣ удалось уговорить его подождать хотя до послѣ-завтра, и я, нѣсколько успокоенный, возвратился въ городъ.

Прошли день и ночь. На слѣдующій день, вѣроятно, вслѣдствіе пережитыхъ волненій, я почувствовалъ себя такъ дурно, что принужденъ былъ обратиться къ доктору. Онъ предписалъ мнѣ абсолютный покой, въ противномъ-же случаѣ пригрозилъ рецидивомъ; а извѣстно, что желтая лихорадка при рецидивѣ почти всегда имѣетъ смертельный исходъ. Дѣлать было нечего, я на цѣлый день засѣлъ дома.

Около обѣденнаго часа Квирось въ тѣни кладбищенской стѣны вырылъ послѣднюю могилу. Сегодня онъ пристроитъ еще одного мертвеца, и этимъ закончитъ свою общественную дѣятельность. Завтра онъ уже будетъ супругомъ молодой жены, и поселится съ нею въ улицѣ Ла-Пуэбла, въ красивомъ домѣ, принадлежавшемъ когда-то Фридриху Цербету. Квирось благодарилъ судьбу, которая помогла ему въ короткое время настолько увеличить свое состояніе, что теперь, начиная съ медоваго мѣсяца, онъ можетъ спокойно отдыхать, наслаждаясь плодами трудовъ своихъ. Эмма, разумеется, далеко не съ такимъ восхищеніемъ смотрѣла на свое будущее; она даже не имѣла силъ скрыть своего отвращенія къ жениху, на чтѣ, впрочемъ, тотъ обращалъ мало вниманія, полагая, что все это должно пройти съ теченіемъ времени.

Похоронная процессія подошла къ вырытой могилѣ и остановилась. Когда опустили гробъ, одна изъ веревокъ оборвалась, крышка отскочила—и покойникъ, одѣтый по мексиканскому обычаю въ черный праздничный сюртукъ и бѣлый галстукъ, выпалъ изъ гроба. Это произвело большой переполохъ среди присутствующихъ, но Квирось, какъ ни въ чемъ не бывало, спустился въ могилу, все привелъ въ порядокъ и затѣмъ опять сталъ сзади священника. Когда прочтана была послѣдняя молитва, онъ зарылъ могилу, получилъ плату и отправился домой.

Въ полночь онъ опять отворилъ желѣзныя ворота кладбища и направился среди могилъ къ тому мѣсту, гдѣ былъ зарытъ послѣдній покойникъ. Онъ остановился и прислушался; ему казалось, что блѣснвшіе въ лунномъ свѣтѣ кресты качались и шевелились, а на одной изъ могильныхъ плитъ, скорчившись, сидѣлъ какой-то призракъ. Въ первый разъ онъ почувствовалъ нѣкоторый страхъ, хотя ему часто случалось бывать ночью на кладбищѣ.

— Нустиакъ! прошепталъ онъ, — привидѣній нѣтъ, а между тѣмъ мнѣ необходимо еще разъ посмотреть на моего послѣдняго клиента. У него сюртукъ такого тонкаго сукна, что мнѣ какъ разъ годился-бы для свадьбы. А мертвецу, конечно, все равно лежать-ли въ сюртукѣ, или въ одной рубашкѣ.

Для того, чтобы не проходить мимо могилы, освѣщенной темнымъ кипарисомъ, онъ сдѣлалъ большой крюкъ. Подъ этимъ кипарисомъ онъ нѣсколько недѣль тому назадъ похоронилъ молодую женщину, съ которой потомъ снялъ брилліантовое

ожерелье. Такъ какъ замочекъ былъ запертъ слишкомъ крѣпко, то онъ долженъ былъ разсѣчь его ножомъ. Чтѣ если теперь эта дама встанетъ изъ могилы и потребуетъ обратно свою собственность!

Наконецъ онъ подошелъ къ могилѣ, которую искалъ. Онъ снялъ вѣнки, лежашіе на свѣжей насыпи, и началъ рыть рыхлую землю. Работа шла быстро, и онъ скоро почувствовалъ подъ лопатой крышку гроба, который нужно было поднять и открыть. Благодаря его неполинейской силѣ, ему это удалось; онъ дѣйствительно могъ помѣряться съ двумя противниками, а удивленіе сдѣлало его еще сильнее.

Покойникъ лежалъ въ гробу съ полуоткрытыми глазами и съ руками сложенными на груди. Для того, чтобы снять сюртукъ, Квирось долженъ былъ приподнять мертвеца и приставить его къ стѣнѣ. Прижимая его грудью, онъ разнял его руки и началъ развязывать галстукъ, чтобы разстегнуть застегнутый подъ подбородкомъ сюртукъ.

Тогда произошло нѣчто ужасное: руки покойника сомкнулись и стиснули точно желѣзными скобками тѣло дерзкаго вора. Онъ пытался вырваться изъ этихъ ужасныхъ объятий, схватывалъ своего противника за горло, умолялъ его о пощадѣ, но—все напрасно. Тогда имъ овладѣлъ еще никогда не испытанный ужасъ, холодный потъ выступилъ на лбу, и онъ вѣтъ себя началъ звать на помощь—громко, отчаянно, точно сумасшедшій. Когда приближались его помощники и сосѣди для того, чтобы освободить его—онъ дѣйствительно уже сошелъ съ ума. Послѣ того какъ его перенесли въ домъ, всѣ разбѣжались въ ужасѣ, никто не хотѣлъ остаться около несчастнаго. Его старшій помощникъ пошелъ за докторомъ, но прежде чѣмъ тотъ успѣлъ придти—домъ сумасшедшаго горѣлъ со всѣхъ четырехъ угловъ.

Уличный шумъ разбудилъ меня отъ безпокойнаго забытья, я быстро всталъ съ кровати и одѣлся; какой-то инстинктъ говорилъ мнѣ, что дѣло идетъ не о случайномъ несчастіи, а о чемъ-то выходящемъ изъ ряда. Восклицанія толпы, слышавшей на пожаръ, подтвердили мои подозрѣнія. „Кладбище горитъ!“ раздавалось повсюду. „Дьяволъ поджегъ могильщика!“ „Квирось умеръ!“ Дѣйствительно, всѣ сбѣжали по направленію къ кладбищу, куда и я пошелъ; но меня отбросилъ человѣческій потокъ, такъ что я принужденъ былъ воротиться въ городъ. Когда я подошелъ къ городскимъ воротамъ, я увидѣлъ изъ-подъ кровли одиноко стоявшаго домика вырывающіеся языки пламени. Кругомъ стояла толпа народа, но никто не рѣшался тушить пожара и всѣ съ ужасомъ смотрѣли на трещавшее пламя. „Этотъ огонь нельзя потушить, говорили присутствующіе,—это адскій огонь, зажженный самимъ дьяволомъ!“

— А что Квирось—успѣлъ спастись? спросилъ я моего сосѣда.

„Онъ сгорѣлъ“, отвѣчалъ мнѣ тотъ; а стоявшій съ нимъ рядомъ человѣкъ утверждалъ, что духи кладбища зарыли его живаго въ землю. Что именно случилось на самомъ дѣлѣ—я рѣшительно не могъ узнать, не смотря на все желаніе; я только чувствовалъ, что судъ Божій произнесъ свой приговоръ надъ нечестивымъ грѣшникомъ. Когда же обрушилась кровля и безчисленныя огненные искры цѣлымъ снопомъ поднялись къ темному небу, я вспомнилъ слова дѣвушки, которая должна была сегодня вѣнчаться съ ненавистнымъ ей человѣкомъ. „Случаются чудеса“, сказала мнѣ Эмма; можетъ быть въ самомъ дѣлѣ случилось чудо.

Пока я объ этомъ думалъ, и слѣва и справа около меня слышались разговоры о новыхъ чудесахъ. „Мертвые возстали!“ раздавалось вокругъ меня, вся толпа устремилась къ кладбищу и боязливо остановилась передъ воротами. Только немногіе смѣлчакъ рѣшились войти въ ограду. Я послѣдовалъ за ними и подошелъ къ гробу, которая стояла у разрытой могилы. Тамъ ораторствовали какой-то человѣкъ, называвшій себя очевидцемъ происшедшаго на кладбищѣ случая. По его мнѣнію, погребенный былъ только мнимо—умершій и когда Квирось хотѣлъ его ограбить, то онъ очнулся. Теперь же онъ на самомъ дѣлѣ умеръ, такъ какъ лежитъ вотъ уже два часа въ одномъ положеніи и не двигается.

Я посмотрѣлъ по указанному направленію и увидѣлъ лежащій возлѣ открытаго гроба трупъ и склонившуюся надъ нимъ фигуру доктора, у котораго я сегодня былъ на консультациі. Узнавъ меня, докторъ всталъ и объяснилъ мнѣ въ чемъ дѣло.

— Все произошло вполне естественно. Покойникъ,—я утверждаю, что онъ дѣйствительно умеръ, такъ какъ передъ погребеніемъ я открылъ ему артеріи—покойникъ, говорю я, былъ похороненъ слишкомъ скоро послѣ смерти, что часто дѣлается во время эпидемій. Квирось вырылъ его опять, чтобы его ограбить. Между тѣмъ извѣстно, что мускулы человѣка и послѣ смерти сохраняютъ еще нѣкоторое время свою гибкость; когда-же наступаетъ, такъ-называемое, „группное окоченіе“, тогда поднятыя руки опять судорожно принимаютъ прежнее положеніе—чтѣ именно и произошло въ данномъ случаѣ. Изъ того въ какомъ состояніи было найдено платье умершаго, видно что грабитель хотѣлъ снять съ него сюртукъ, для чего и развелъ сложенные крестомъ руки—онъ тотчасъ же

Сборщикъ на церковь. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) профес. Дмитриева-Оренбургскаго, грав. Шюблеръ.

Праздникъ въ Помпеяхъ. Карт. Дианы Кумансъ, съ фот. А. Брауна и К^о, грав. Крепнеръ

опять сомкнулись и сжали Квиросо как в тискахъ. Отъ ужаса онъ потерялъ расунокъ и поджегъ свой домъ, въ пламени котораго погибъ самъ.

Холодная дрожь пробѣжала по моему тѣлу при мысли объ ужасной кончинѣ чловѣка, который сегодня долженъ былъ вступить въ бракъ съ красивѣйшею дѣвушкой въ городѣ. По объясненію врача, все произошло дѣйствительно вопліи естественно; мнѣ же все-таки казалось, что тутъ дѣйствовалъ высшій судъ, который покаралъ закоренѣлаго грѣшника и помѣшалъ ему воспользоваться плодами своихъ безсовѣстныхъ дѣлъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я вспомнилъ о несчастныхъ, со страхомъ ожидавшихъ этого дня, который долженъ былъ навѣкъ разрушить ихъ счастье. Семья Цербостовъ, конечно, знала уже о случившемся; по моему другу Гансу Рейтеру, имѣніе котораго находилось на разстояніи по крайней мѣрѣ одной мили отъ города, вѣроятно, ничего еще не было извѣстно о смерти его ужаснаго соперника; къ нему я и послѣдшилъ съ радостнымъ извѣстіемъ.

Въ то время, когда на кладбищѣ закапывали трупъ, вырванный Квиросомъ, я отправился обратно въ городъ, гдѣ я съ большимъ трудомъ разыскалъ экипажъ, долженствовавшій отвезти меня въ имѣніе Рейтера. Близилося утро, и зарево пожара сливалось съ блескомъ зари на востокѣ. Когда же я остановился передъ домомъ Рейтера, солнце уже взойшло надъ моремъ, сіявшимъ неподвижно, точно зеркало изъ расплавленнаго металла. Вокругъ меня въ свѣжестъ утренней вѣтеркѣ тихо шептали вершины пальмъ, мечевидные листья сахарнаго тростника блестяли, омывые росой, а вѣтви хлонтатника наклонялись, точно приветствуя меня отъ имени чловѣка, который ихъ вырастилъ и взлелѣялъ. Я, какъ буря, ворвался къ нему въ комнату, гдѣ онъ встрѣтилъ меня со своимъ потухшимъ взглядомъ и осунувшимся лицомъ.

— Благодарю васъ, что вы посѣтили меня такъ рано, сказалъ онъ.—Вы очень добры, вы хотите облегчить несчастному его горькую участь. Не смотря на это, я все-таки прошу васъ оставить меня одного. Помните слова нашего роднаго поэта:

Есть горе — оно утѣшеня не просить,
Есть боли — лишь время ихъ лѣчить одно.

Съ этими словами онъ опять сѣлъ за столъ и закрылъ лицо обѣими руками.

Я положилъ ему на плечо руку, стараясь ободрить его, и рассказалъ ему о томъ, что произошло ночью. Сперва онъ слушалъ меня, недоверчиво качая головой, точно я разсказывалъ ему сказку. Когда же я далъ ему клятву въ томъ, что я говорю правду, и мой кучеръ подтвердилъ истину моихъ словъ — Рейтеръ бросился въ мои объятія и зарыдалъ какъ ребенокъ. Онъ, раньше не вѣрившій въ правосудіе Божіе на землѣ, теперь сдѣлался вѣрующимъ чловѣкомъ. Чудо, на которое надѣялась его возлюбленная, дѣйствительно совершилось.

Десять минутъ спустя мы съ нимъ сидѣли въ экипажѣ, который несся какъ стрѣла по направленію къ городу. Такъ какъ я боялся, что новое волненіе вредно подѣйствуетъ на мое здоровье, то я вышелъ изъ экипажа, не доѣзжая до дома Цербоста. Раньше я долженъ былъ дать обѣщаніе моему другу не уѣзжать такъ скоро изъ Вера-Круца и подождать по крайней мѣрѣ слѣдующаго парохода, идущаго въ Новый Орлеанъ.

На слѣдующій день состоялась помолвка влюбленныхъ, отпраздновавшая въ самомъ тѣсномъ семейномъ кругу; изъ постороннихъ гостей былъ я одинъ. Какъ дѣти, такъ и родители боялись высказывать слишкомъ громкую радость, по ихъ сіяющіе глаза достаточно краснорѣчиво благодарили Провидѣніе за то счастье, которое они считали навѣкъ потеряннымъ. Была еще одна причина радости ихъ: всѣ долговые обязательства, подписанныя Цербостомъ, сгорѣли вмѣстѣ съ домомъ могильщика, а такъ какъ у него не было наследниковъ, то этимъ самымъ уничтожились его долги; всѣ недвижимыя имѣнія самоубійцы были обращены въ государственную собственность. Только дача въ улицѣ Ла-Пуэбла, принадлежавшая Цербостамъ и взятая за долги Квиросомъ, не долго находилась во владѣніи государства: когда я, шесть лѣтъ спустя, опять посѣтилъ Вера-Круца, я узналъ, что Рейтеръ ее выкупилъ. Тамъ я нашелъ его въ кругу его семьи, число членовъ которой увеличилось двумя прелестными малютками. „Если счастье намъ не измѣнитъ, говорилъ онъ мнѣ,—то мы скоро возвратимся въ наше отечество; теперь всѣ мы только и мечтаемъ объ этомъ!“

Я слышалъ, что недавно мечта эта осуществилась.

Метеоритъ 6 іюня 1889 г.,

упавшій въ с. Мигей, близъ Ольвіополя, Елисаветградскаго уѣзда, Херсонской губ.

(См. рисунки на стр. 556).

Въ статьѣ моей объ оханскомъ метеоритѣ (*Нива* 1889, №№ 3, 7 и 12) я не коснулся, по недостатку мѣста, вопроса о происхожденіи метеоритовъ, а высказалъ, что предметъ этотъ можетъ быть разрѣшенъ только при большемъ накопленіи метеоритовъ различнаго строенія и большемъ числѣ точныхъ наблюдений надъ явленіями, сопровождающими паденіе ихъ; при этомъ я просилъ всѣхъ лицъ, имѣющихъ метеориты или узнающихъ о паденіи таковыхъ, доставлять мнѣ свѣдѣнія, а если возможно — и самые камни для изслѣдованія. Особенно благоприятное стеченіе обстоятельствъ даетъ возможность приступить къ этому вопросу теперь.

Въ прошломъ году, іюня 6, около 8½ час. вечера, херсонскій губернаторъ, тайный совѣтникъ А. С. Эрдели, сидя на балконѣ своего дома и занимаясь со старшимъ при немъ чиновникомъ особыхъ порученій Ѳ. Г. Моисеевымъ, замѣтилъ и наблюдалъ полетъ метеорита, о чемъ и было напечатано въ *Губ. Вѣд.* на слѣдующій же день.

Получивъ затѣмъ 1 іюля отъ уѣзднаго исправника камень, выпавшій въ Мигей, А. С. Эрдели, вспомнивъ о моей просьбѣ, благосклонно прислалъ ко мнѣ доставленный ему камень съ приложеніемъ подробностей своего личнаго наблюденія надъ полетомъ; впоследствии Ѳ. Г. Моисеевъ доставилъ мнѣ свѣдѣнія, собранныя имъ, по порученію А. С. Эрдели, въ Мигей отъ очевидцевъ самаго паденія, и рисунки болида, какимъ онъ представлялся во время самаго полета.

Какъ самый камень, такъ и явленія, сопровождавшія паденіе его, настолько характерны и отличны отъ обыкновенныхъ крупинчатыхъ (хондритовыхъ) метеоритовъ, къ которымъ между прочимъ принадлежитъ и оханскій камень, что возбуждаютъ особенное вниманіе и, представляя много научно-новаго, necessarily заставляютъ коснуться вопроса о мѣстѣ образованія метеоритовъ во вселенной. Но, по порядку.

„Вечеромъ 6 іюня 1889 г., послѣ большого дождя, пишеть наблюдатель явленія тайный совѣтникъ А. С. Эрдели, я занимаясь, вмѣстѣ съ моимъ старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій Ѳ. Г. Моисеевымъ, на балконѣ 2-го этажа моей квартиры въ Херсонѣ; случайно взглянувъ на ту часть неба, которая, совершенно очистившись отъ разорвавшейся тучи, находилась прямо противъ меня, на сѣверо-западѣ, на значительномъ разстояніи отъ горизонта, затянутаго нижней половиной этой тучи, я замѣтилъ, что изъ-за верхней половины (рис. 1, В) на чистое, совершенно синее пространство неба, вылетѣлъ яркій, свѣтящійся *красноватый* шаръ, освѣтившій мгновенно все это пространство, не смотря на достаточный еще дневной свѣтъ,

и почти на половинѣ пути между двумя тучами, какъ бы *вспыхнувъ* въ родѣ *ракетъ*, разсыпался; въ этомъ мѣстѣ метеоръ сильно свѣгился и какъ бы лопнулъ, а затѣмъ продолжалъ летѣть и скрылся за нижнюю часть тучи (рис. 1, Н.). Явленіе произошло чрезвычайно быстро; по пути метеора оставилъ надолго слѣдъ, обозначившійся тонкою полосой сербристо-матоваго цвѣта, простиравшейся отъ верхней тучи до нижней, а почти на срединѣ этой полосы, гдѣ какъ бы лопнулъ метеоръ, образовалось такого же цвѣта, почти круглой формы, пятно, значительно выходившее за предѣлы полосы въ одну и другую стороны“. (По моей просьбѣ, другой свѣдѣтель явленія, Ѳ. Г. Моисеевъ, прислалъ мнѣ рисунокъ явленія, который и воспроизведенъ здѣсь, фиг. 1). „По исчезновеніи метеора, продолжаетъ почтенный наблюдатель, я посмотрѣлъ на часы, идущіе весьма вѣрно по херсонскому меридіану: было 8 час. 22 мин. Послѣ пролета метеора я *болѣе полу часа* наблюдалъ въ бинокль полосу и пятно. Наблюденіе прекратилось только съ наступленіемъ полныхъ сумѣрокъ. И полоса, и пятно оставались нѣсколько минутъ совершенно неподвижны, сохраняя первоначальную форму, какъ бы нарисованная. Считая ихъ дымомъ или парамъ, я приписывалъ ихъ неподвижность абсолютной тишинѣ въ воздухѣ. Затѣмъ полоса стала медленно измѣнять форму, причемъ пятно растягивалось въ горизонтальномъ направленіи и слегка *отускалось*, вслѣдствіе чего нижняя часть полосы постепенно принимала дугобразное *низу* положеніе и при этомъ стали рѣзко обозначаться въ этой части *зигзаги*, начная *отъ пятна до тучи*, тогда какъ верхняя часть полосы отъ верхней тучи до пятна, напротивъ, вытягивалась въ струнку и изъ нѣсколькой кривой обрасталась въ прямую, какъ натянута веревка“.

Всѣ эти подробности въ высшей степени интересны и важны для метеоритики. Эти свѣдѣнія, въ связи съ собранными мною впоследствии отъ г. Моисеева, отъ пристава г. Ольвіополя г. Петрова и отъ мѣстнаго священника села Мигей, — которымъ приношу здѣсь душевную признательность, — представляютъ полную картину паденія этого метеорита. Изъ угловъ высоты краевъ верхняго облака, мѣста всѣшки, и верхняго края нижняго облака, определенныхъ графически г. Моисеевымъ, вычисляются слѣдующія данныя: метеоръ появился въ раскаленномъ состояніи на высотѣ 100 верстъ надъ горизонтомъ; на разстояніи 60 верстъ надъ горизонтомъ онъ вспыхнулъ — и горящимъ, съ отдѣленіемъ газовъ и дыма, образовавшихъ кругомъ его облачко, скрылся отъ глазъ херсонскихъ наблюдателей на высотѣ 30 верстъ надъ горизонтомъ;

он опустился на землю на сѣверо-западъ отъ Херсова въ прямомъ разстояніи 180 верстъ, на баштанъ близъ Миген, сопутствующимъ съ самаго паденія тѣмъ же облачкомъ. Знать, какого рода было это облачко, чрезвычайно важно, и это определяется главнѣйше слѣдующимъ наблюдениемъ: на другой день, 7 іюня, мѣщанинъ Черновъ, хозяинъ баштана, гдѣ растутъ подсолнечники, замѣтилъ около 10 подсолнечниковъ, высотой въ $\frac{3}{4}$ арш., *листья* которыхъ какъ бы *закопчены* и, вспомнивъ вчерашнюю грозу и паденіе горящаго предмета, сталъ осматриваться вокругъ и скоро нашелъ обгорѣлый камень, почти обуглившійся, неправильной формы. Очевидно, облачко состояло изъ продуктовъ горѣнія метеорита, черныхъ, въ видѣ сажки, чѣмъ покрыта была также и вся поверхность самого камня, которая была первоначально маркою. Понятно, что первоначально, когда метеоритъ появился и былъ только раскаленъ, отъ него отдѣлялись лишь мелкія части и въ маломъ количествѣ; далѣе, когда метеоритъ болѣе нагрѣлся и вспыхнулъ, отъ него стали отдѣляться части болѣе крупныя и въ большемъ количествѣ—этими и объясняется различіе въ цвѣтѣ, ширинѣ и формѣ слѣда полета, наблюдаемаго А. С. Эрдели. Упомянутыя зигзаги нижней части пути произошли отъ того, что болѣе крупныя частицы этого дыма опускались на землю быстрее болѣе мелкыхъ—и тѣ, и другія дали гдѣ-либо осадокъ такъ-называемой метеоритной пыли.

Свидѣтелями паденія въ Миген были Черновъ и 4 крестьянина, возвращавшіеся домой съ поливки баштана, насаженнаго по откосу балки; половина площади его находится на днѣ балки, которая на 7 арш. ниже остальной площади баштана. Въ моментъ паденія камня на верхнюю часть балки, четверо шли по дну ея и слышали лишь шумъ отъ полета и трескъ, на подобіе выстрѣла изъ пушки, происшедшій при паденіи метеорита; одна же изъ работницъ, Евдокія Костенкова, шла другой дорогой, вверху по откосу горы, въ 160 саженяхъ на востокъ отъ мѣста паденія камня, и видѣла на противоположной сторонѣ балки, на горѣ, спускавшійся на землю болѣе, самое паденіе его и слышала шумъ полета и раздавшійся страшный трескъ при паденіи камня на землю; она замѣтила также чрезвычайно сильный вихрь, сопровождавшій полетъ, отъ котораго прилегли къ землѣ подсолнечники на баштанѣ и сильно нагнуло деревья, растущія въ балкѣ. За часъ съ четвертью до паденія пришелъ небольшой дождь, а при паденіи въ воздухѣ было совершенно тихо и немного душно. Евдокія Костенкова говоритъ, что замѣтила падающій метеоритъ почти надъ самой землей, на высотѣ 10—12 саженъ отъ земли; метеоритъ летѣлъ почти совершенно отвѣсно, такъ что нельзя было замѣтить, откуда онъ появился; надалѣ онъ со скоростью обыкновеннаго камня, падающаго съ высоты. Падая, метеоритъ представлялся чернымъ, круглымъ вертящимся шаромъ, но размѣру равнымъ большому арбузу; вокругъ его видѣлся паръ или дымъ размѣромъ въ большое колесо, такъ что вертящійся камень представлялся центромъ большаго свѣтлаго круга пара или дыма. Вертящійся метеоритъ, опускаясь на землю, производилъ сильный шумъ, какъ бы отъ свиста и шипѣнія, но никакого слѣда послѣ себя не оставлялъ: отдѣльно не видно было ни дыма, ни пара (конечно не замѣченнаго только по условіямъ освѣщенія). При паденіи же на землю послѣдовалъ трескъ, подобный выстрѣлу изъ нѣсколькихъ пушекъ, причѣмъ земля сильно дрогнула. Когда работавшіе на баштанѣ черезъ $\frac{1}{4}$ часа подошли къ своему шалашу, отстоящему на 20 саж. отъ мѣста паденія камня, то слышали сильный запахъ горѣвшей сѣры. Вырыли камень въ землю до $\frac{1}{2}$ своей величины (вершка на 3); падая, подхватилъ подъ себя три подсолнечныхъ стебля и они, по словамъ пристава, вѣроятно, препятствовали ему глубоко войти въ землю, такъ какъ земля въ этомъ мѣстѣ была очень мягка и, послѣ дождя, сырвата. Метеоритъ со всѣхъ сторонъ имѣлъ одинаково оплавленную поверхность и упалъ цѣльный. Яма имѣла ту самую форму, какъ та часть метеорита, которая была углублена въ нее.—раскиданной, взрытой земли по сторонамъ не было, что указываетъ почти на вертикальное паденіе камня.

Кромѣ упомянутой крестьянки Костенковой, никто изъ жителей Миген, отстоящей на 200 саж. отъ мѣста паденія, не видѣлъ самого полета, но многие слышали свистъ или шипѣніе полета, а затѣмъ гулъ, на подобіе выстрѣла, при паденіи. Найденный камень цѣльный вѣсилъ первоначально 25 фунтовъ; вшедшіе его крестьяне отбили себѣ на память около 8 фунтовъ, такъ что губернатору было доставлено около 17 фунтовъ, которые онъ и препроводилъ ко мнѣ для изслѣдованія. Собравъ впоследствии отъ жителей нѣсколько отбитыхъ кусковъ, я могъ восстановить почти вполне первоначальную форму, въ какой камень и представленъ на фиг. 2 и 3. При отколочиваніи крестьянами угловъ, камень треснулъ почти пополамъ, какъ означено пунктиромъ на фиг. 2; пунктиромъ же обозначены и мѣста, откуда отбиты были приставленные, для восстановленія формы, куски.

Вотъ тѣ свѣдѣнія, которыя доставлены очевидцами явленія; они тѣмъ болѣе цѣнны, что весьма многія изъ этихъ явленій до того тождественны съ явленіями паденія подобныхъ же метеоритовъ въ другихъ мѣстахъ, что даже въ описаніяхъ употреблены тѣ же сравненія, даже форма этого метеорита

3-хъ-гранная въ нижнемъ (II, фиг. 2) или переднемъ и многогранная у противоположнаго конца имѣетъ много сходства съ формой другихъ метеоритовъ этой группы. Эта общность нашего метеорита съ другими подобнаго рода показываетъ, что какъ форма, такъ и явленія, сопутствующія паденію ихъ, не такъ случайны, какъ предполагается вообще, а обусловливаются строеніемъ самого камня.

Весь метеоритъ въ изломѣ представляетъ черную, матовую, землестую маркую массу, похожую на комъ чернозема. Такіхъ метеоритовъ вообще извѣстно только 5, выпавшихъ на глазахъ наблюдателей въ теченіе почти чѣлаго столѣтія. Изученіемъ ихъ занимались величайшіе ученые и спеціалісты какъ Берцелиусъ, Тенаръ, Фаредзъ, Велеръ, Гайддингеръ, Хернессъ, Клецъ, Вебскій, Инзани, Добрзъ, Мэнъ и въ послѣднее время, въ 1888 г., у Раммельсберга въ Берлинѣ Фридрихъ. Результаты ихъ работъ выражаются въ двухъ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) всѣ эти *угольные* метеориты состоятъ изъ тѣхъ же элементовъ, какъ и большинство каменныхъ метеоритовъ, но какъ расположены эти элементы въ этой группѣ—сказать невозможно, потому что они представляютъ массу вполне разложившуюся (*durch und durch zersetzt*), частію и подъ влияніемъ атмосферическаго воздуха. Только Добрзъ въ метеоритѣ Оррейля нашелъ мелкіе осколки кварца и кристаллы магнитнаго колчедана. Кромѣ того, 2) въ составъ ихъ входятъ *углеводороды*, въ родѣ земныхъ опокерита, шерерита и т. п. минераловъ. Такъ какъ для образованія послѣднихъ на землѣ признается необходимымъ участіе органическихъ тѣлъ, то и самыя тѣла считаются минералами органическаго происхожденія и называются органическими соединеніями. Ближайшее изученіе этихъ, такъ-называемыхъ, органическихъ соединеній въ метеоритахъ не было произведено ближе даже Фридрихомъ, не смотря на всѣ новѣйшіе успѣхи химіи; между тѣмъ вопросъ, какимъ образомъ въ метеоритахъ, неоспоримо образовавшихся при весьма высокой температурѣ и безъ всякаго участія органическихъ тѣлъ, могли уцѣлѣть столь горячіе, легкоплавкіе и улетучивающіеся минералы, какъ опокеритъ и др. углеводороды, одинаково интересенъ какъ для метеоритиковъ, такъ и для минералоговъ, химиковъ и астрофизиковъ. Благодаря просвѣщенному содѣйствію А. С. Эрдели, приславшаго мнѣ настоящій метеоритъ, представляющій матеріалъ въ изобиліи,—многое въ строеніи метеоритовъ этой группы, равно и въ образованіи ихъ будетъ возможно разъяснить, а иное поставить, кажется, на прямой путь къ объясненію происхожденія метеоритовъ вообще.

1. Кора вся однородно-черная, морщинистая или складчатая, матовая и только мѣстами блестящая или какъ бы истыканная булавками, очевидно несеть слѣды кнѣвня, какое я указалъ въ корѣ оханскаго метеорита, но весьма тонка и легко отдѣляется отъ массы камня; зерна металлическаго желѣза въ ней едва видны въ увеличительное стекло. Внутренняя масса метеорита (магма), землестая, черная, марка, легко разсыпаясь, заключаетъ въ себѣ:

а) шарики или хондры, совершенно черные; иногда между ними встрѣчаются многогранныя, напоминающіе формы кристалловъ (фиг. 4). Я признаю ихъ за метаморфоз. кристаллы желѣза, и въ этомъ мнѣніи меня подкрѣпляетъ между прочимъ расположеніе металлическаго желѣза, которое я замѣтилъ только въ хондрахъ, расположеннаго въ нихъ зернами: или по окружности, какъ на фиг. 5, или въ срединѣ хондры, которая иногда содержитъ пустоту съ явными слѣдами плавленія и кнѣвня на стѣнкахъ. Каждое зерно металлическаго никкелеваго желѣза окружено черною массою, состоящею изъ угля, окиси и закиси желѣза, а иногда и кристалликовъ пирита, въ видѣ кубовъ.

б) Другія хондры или зерна темнѣшаго цвѣта, весьма многочисленныя, иридающія излому метеорита такой видъ, какъ будто на него была брызнута кистью жидкая бѣлая краска, состоятъ изъ мелкыхъ отдѣльныхъ кристалликовъ, расположенныхъ иногда лучеобразно отъ центра, какъ показываетъ фиг. 6, и имѣющихъ форму фиг. 8 и 9. Эти бѣлые полупрозрачныя, сильно блестящіе кристаллики съ явственною спайностью, подъ микроскопомъ рѣзко отличаются радужными цвѣтами среди черной массы метеорита отъ микр. кристалловъ оливина; мѣстами они представляютъ вѣрообразныя скопленія призмъ въ 1—1 $\frac{1}{2}$ миллиметра, какъ на фиг. 7.

в) Чаще же всего сѣрый цвѣтъ зеренъ зависить отъ прозрачнаго, стекловатаго съ слабымъ зеленовато-желтымъ оттѣнкомъ минерала, явственно кристаллическаго, смѣшаннаго съ черною основною массою метеорита. Зерна эти, микроскопически мелкія, разсыпаны по всей массѣ метеорита, подъ микроскопомъ сильно поляризуютъ и явно представляютъ однородное вещество съ тѣми кристаллическими, черешчатными скопленіями 6-стороннихъ таблечекъ, которыя такъ характеризуютъ земной минералъ извѣстный подъ именемъ тридимита. Нахожденіе этого минерала въ метеоритѣ совершенно неожиданно и ново.

Въ намѣтъ метеоритѣ тридимитъ имѣетъ форму, какъ изображено на фиг. 10, рѣже на фиг. 11 (представляющей собственно кристаллъ оливина въ поляризованномъ свѣтѣ съ весьма рѣзкими оттѣнками цвѣтовъ), но чаще всего во всей массѣ метео-

рита попадаются микроскопические его осколки, без правильных очертаний. Это-то последнее обстоятельство и побудило г. Добре́ признавать их за осколки кварца в подобном же угольномъ метеоритѣ Оргейли. Различная форма кремневой кислоты Миген указывает на различные условия при образовании всего метеорита (кремневая кислота составляет почти $\frac{1}{3}$ всей массы метеорита (31,153%) по анализу г. Френкеля в лабораторіи д-ра Пеля). Этотъ тридимитъ или асманитъ, кромѣ отдѣльныхъ разбитыхъ въ массѣ осколковъ и отдѣльныхъ кристалловъ и кристаллическихъ сростковъ, очень часто составляетъ вмѣстѣ съ маглою метеорита хондры, въ которыхъ расположенъ нерѣдко по радіусамъ подобно какъ на фиг. 6. Очевидно здѣсь кремневая кислота выѣшена и замѣнила химически измѣненныя части металлическаго желѣза, оставшіяся мѣстами между табличками тридимита.

г) Общій цвѣтъ метеорита черный, обращающійся при прокаливании на воздухѣ въ бурый, происходить не столько отъ содержанія угля (приблизительно около 4%), сколько главнѣйше отъ окиси (8,269%) и закиси (13,416%) желѣза, которое тоже находится и въ связи съ сѣрю (9,034%) и въ видѣ никкелеваго желѣза (никкеля 1,419%). Различныя соединенія желѣза и кремневая кислота, какъ видно, суть двѣ господствующія составныя части. Кремневая кислота въ каждой хондрѣ выѣшена и замѣнила измѣненное, быть-можетъ сгорѣвшее желѣзо. Кромѣ того окиси кальція 2,430%, окиси магнія 9,034%, сѣры 5,632%.

2. Среди черной массы метеорита встрѣчается мѣстами мягкое, желтоватое вещество въ видѣ иголокъ въ 1— $\frac{1}{2}$ мм., жидковатаго строенія, принимающее впечатлѣніе даже будавки. Оно легко растворяется въ спирту и въ эфирѣ (вытяжка 0,230%), нерастворимо въ водѣ и соляной кислотѣ; положенное на стеклышко легко плавится и улетучивается, издавая своеобразный спиртуозный запахъ, весьма пріятный впрочемъ и тогда, когда метеоритъ остаетя нѣкоторое время въ закрытомъ сосудѣ при обыкновенной комнатной температурѣ; это же вещество попадаетъ въ видѣ красновато-бурыхъ чешуйчатыхъ, въ $\frac{1}{2}$ булавочной головки скопленій, которыя при прокаливании на стеклѣ совершенно обугливаются, выдѣляя на стеклѣ маслянистое вещество; наконецъ, оно же покрываетъ хондры содержащія тридимитъ, смѣшанный съ черною желѣзною массою; послѣ того какъ эта послѣдняя растворилась въ соляной кислотѣ, тридимитъ разсыпается, оливинъ растворяется—остается съѣтъ органическаго вещества, представляющаго какъ бы яченстое строеніе органическихъ тканей.

Эфирная вытяжка указываетъ, что по вѣсу этого вещества находится въ данномъ метеоритѣ 0,230%, и вещество представляется желтоватую вязкую массу, среди которой мѣстами образуются кристаллики въ видѣ скаленоэдровъ. Это и есть такъ-называемое органическое вещество. Оно и придаетъ особенный интересъ метеориту, и количественный анализъ его остается у всѣхъ 5 метеоритовъ этой группы не опредѣленнымъ. Имъ весьма дѣлительно занять г. Френкель. Окончательные результаты его и другихъ работъ будутъ напечатаны своевременно. Въ данномъ случаѣ не такъ важно указаніе большого или меньшаго содержанія того или другаго изъ элементовъ углеводорода Миген, сколько его строеніе и строеніе, представляющія особый интересъ вслѣдствіе замѣченнаго мною микроскопически яченстаго и волокнистаго расположенія частицъ, весьма сходнаго со строеніемъ органическихъ тканей земныхъ тѣлъ. Этотъ мигейскій углеводородъ я позволяю себѣ назвать *Эрделитомъ*, въ память лица, которое, при сложныхъ административныхъ заботахъ, не упускаетъ изъ виду и удовлетвореніе просьбъ ученыхъ и интересы науки. Ближайшимъ изученіемъ Эрделита зайто, по моей просьбѣ, нѣсколько специалистовъ русскихъ и иностранныхъ. Если дѣйствительно это органическое азоблачное вещество окажется вмѣстѣ съ тѣмъ и организованнымъ, то это рѣшитъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ биологій. Кромѣ яченстаго и волокнистаго строенія Эрделитъ представляется и въ видѣ аморфныхъ пластинокъ, комочковъ, иголъ и т. п., бѣлаго, очевидно окрашеннаго желѣзомъ въ буроватый, фиолетовый и проч. цвѣта, выполняющаго иногда пустоты въ маглѣ.

Все сказанное до сихъ поръ о метеоритѣ Миген ставитъ два вопроса, рѣшеніе которыхъ наводитъ на условия образования метеорита и на мѣсто, гдѣ во вселенной могли бы образоваться подобныя тѣла.

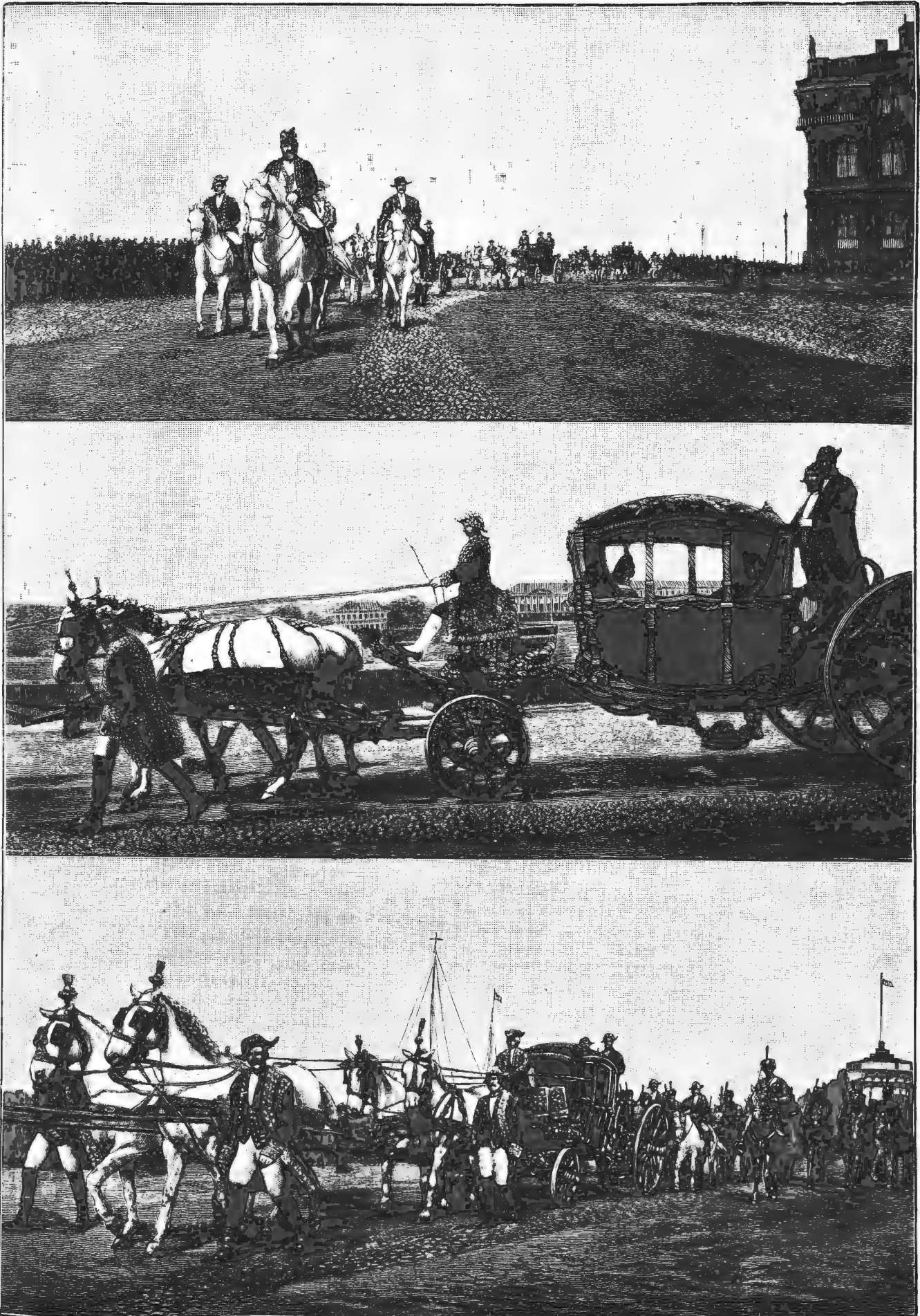
Во-первыхъ происхожденіе всѣхъ подобныхъ земныхъ углеводородовъ, каковы горное масло, горный или каменный воскъ, опокеритъ, шерритъ и т. п., объясняется процессами при необходимомъ участіи органическихъ тѣлъ. Такое объясненіе происхожденія углеводородовъ въ метеоритахъ неприменимо и приводитъ къ заключенію, что объясненіе происхожденія нефти, горнаго масла и т. п., предложенное проф. Менделѣевымъ (дѣйствіемъ водорода при высокой температурѣ на желѣзо содержащее уголь), не только вполне приложимо здѣсь, но и подтверждаетъ возможность образования углеводородовъ безъ участія органическихъ тѣлъ. Присутствіе желѣза, болѣе 30% въ этомъ метеоритѣ, и особенно условіе нахожденія его мелкими кусками въ самыхъ хондрахъ, такъ сказать въ видѣ

остатковъ, дѣлаютъ это предположеніе вѣроятнымъ; участіе высокой температуры и дѣйствія газовъ подтверждается здѣсь извѣстными условиями при образованіи земныхъ тридимитовъ; углеродъ обыкновенно сопутствуетъ самородному желѣзу; наконецъ, въ космической средѣ образованія этого метеорита, какъ извѣстно, находится необходимый дѣятель—водородъ. Мѣсто образованія метеорита еще точнѣе опредѣляется если принять въ соображеніе слѣдующее обстоятельство: метеорическій углеводородъ, весьма легко плавный и улетучивающійся, находится здѣсь въ твердомъ состояніи, слѣдовательно онъ могъ сгуститься и принять настоящій видъ Эрделита только при низкой температурѣ, въ тѣлѣ уже охлаждающемся; съ другой стороны, почти равномерное его распространеніе, какъ внутри хондровъ состоящихъ изъ осколковъ тридимита, такъ и рядомъ съ тридимитомъ сохранившимъ кристаллическую форму, не смотря на всю ломкость его, показываетъ что онъ въ данномъ метеоритѣ образовался не въ одинъ пріемъ, а образованіе его повторялось многократно, т. е. метеоритъ неоднократно переходилъ изъ температуры высокой въ болѣе низкую, причѣмъ частицы составляющія его подвергались взаимнымъ толчкамъ (осколки тридимита), тренію (круглыя хондры), они метаморфозировали кристаллы желѣза (псевдокристаллы подобные фиг. 3) и т. п. Такого рода движеніе, сталкиваніе частицъ, попеременное нагреваніе и охлажденіе тѣлъ суть явленія совершающіяся въ кометахъ, какъ ядрахъ, такъ и ихъ хвостахъ. Все это даетъ новый поводъ принять, что мѣстомъ образованія метеоритовъ являются кометы, или точнѣе, что метеориты, какъ это предполагали Хладни, отецъ метеоритики, еще въ 1817 году, баронъ Рейхенбахъ въ 1858 году, и какъ это сліяется доказать Райтъ (1857) и Лакіеръ въ последнее время, суть частицы кометъ или ихъ хвостовъ, которые въ извѣстныхъ условіяхъ достигаютъ земли.

Показанное мною выше строеніе метеорита Миген есть сильная поддержка, если и не рѣшающая окончательно дѣйствительности образованія, то во всякомъ случаѣ представляющая новый доводъ возможности формировація метеоритовъ въ тѣхъ астрофизическихъ условіяхъ въ какихъ находится кометы. Если строеніе метеоритовъ и условия ихъ паденія, вмѣстѣ съ наблюденіями астрофизиковъ дѣлали предположенія о кометномъ происхожденіи ихъ возможнымъ, то съ изслѣдованіемъ Мигейскаго камня вся совокупность признаковъ ставитъ это предположеніе въ рядъ гипотезъ вѣроятныхъ, почти достовѣрныхъ. Съ нетерпѣніемъ ожидаемое окончаніе химическаго анализа этого метеорита можетъ ближе указать весь ходъ образованія этого и подобныхъ ему метеоритовъ. Во всякомъ случаѣ открытыя мною сильно блестящія, не пчирканные кристаллы ширита, неразрушенные кристаллы весьма ломкаго тридимита, сложное эрделита, гниса и друг., въ этомъ метеоритѣ, равно и кристалловъ желѣза неокругленныхъ, съ примолнейными ребрами, также чистаго, свѣжаго сѣрнаго колчедана въ метеоритѣ оханскомъ—ставитъ внѣ всякаго сомнѣнія, что каменные метеориты образовались не вдругъ, а каждый изъ нихъ, составляя бречку осколковъ и шариковъ (хондровъ) существовавшихъ до него, и сѣвленныхъ вмѣстѣ, претерпѣвалъ новыя измѣненія, въ которыхъ и образовались кристаллы; среди этого формировація метеоритовъ, они вырываются изъ своей сферы и падаютъ на землю, представляя не осколки нѣкогда сформировавшейся и разрушенной планеты, а только различныя стадіи формировація частей кометы; какое наблюдается и въ туманныхъ пятнахъ, имѣющихъ, по мнѣнію астрофизиковъ, еще въ будущемъ образованіе планеты, Луны и т. п. Метеоритъ Миген не можетъ быть разсматриваемъ какъ тѣло совершенно разложившееся (durch und durch zersetzt—Friedheim), а напротивъ тѣло формирующееся рядомъ послѣдовательныхъ химическихъ процессовъ подъ влияніемъ неоднократно измѣняющихся и повторяющихся астрофизическихъ условий. Опредѣлить какую стадію формировація метеоритовъ онъ занимаетъ, близкую ли къ родоначальной, имѣющей перейти въ силикатовые метеориты, или конечную, имѣющую разсыпаться и слиться съ другими, или осѣсть на другія небесныя тѣла въ видѣ метеорной пыли—вопросъ будущаго.

Такіе выводы вносятъ въ науку изученіе метеорита доставленнаго мнѣ херсонскимъ губернаторомъ А. С. Эрдели; заявляя ему мою глубочайшую признательность отъ имени науки—я позволю себѣ повторить, что надлежащее, не шаблонное изученіе всякаго метеорита приближаетъ науку къ рѣшенію главнѣйшихъ ея задачъ, и потому обращаюсь съ просьбою ко всѣмъ читателямъ: доставлять мнѣ свѣдѣнія о метеоритахъ какъ вновь найденныхъ или выпавшихъ, такъ и о извѣстныхъ имъ паденіяхъ и находкахъ камней или желѣза въ прежнее время. Самые метеориты и метеорное желѣзо, по изслѣдованіи ихъ, будутъ возвращаемы всякій разъ, если собственникъ этихъ тѣлъ не будетъ согласенъ уступить ихъ мнѣ всецѣмъ, за извѣстное вознагражденіе, для моей коллекціи.—Если камни или желѣзо сомнительны, то есть если не было наблюдаемо ихъ паденіе, или они такъ велики, что пересылка ихъ по почтѣ составляетъ затрудненіе, покоришѣе прошу высать предварительно небольшіе огниленные или отколотые отъ цѣлага куски по адресу: С.-Петербургъ, Васильевскій Остр., 13 лин., д. № 2.

Юл. Симашко.

Общій видъ процессіи изъ Зимняго Дворца.
Карета Великой Княжны.
Процессія у Сената.

Крещеніе Великой Княжны Маріи Павловны. Съ фот. ген. Насвѣтевича, грав. Рашевскій.
Библиотека "Руниверс"

Къ рисункамъ.

„Сѣнокосъ“. Карт. И. С. Галкина. (Рис. на стр. 537).

Въ жаркую, страдную пору сѣнокоса особенно сильно развивается жажда, и каждый глотокъ свѣжей воды обновляетъ падающія силы; между тѣмъ до рѣчки не близко, до двора еще дальше—и вотъ за водой командируются подростки, а въ безводныхъ мѣстахъ посылаются и прямо изъ деревни съ глиняными кувшинами живительной влаги. Картина И. С. Галкина изображаетъ одного изъ такихъ гощовъ, дѣвочку, сибшащую на помощь жаждущимъ косарямъ.

„Ай, какъ мило!“ Карт. Фрейвиртъ-Люцова.

(Рис. на стр. 540).

Въ роскошной мастерской вошедшаго въ моду и разбогатѣвшаго живописца, обставленной со всѣми затѣями прихотливаго комфорта, въ отсутствіи художника старый лакей, зашедшій сюда обмести пыль, съ видомъ знатока любуется послѣднимъ произведеніемъ своего барина—какою-то нимфой или купальщицей, которыми теперь заурядъ художественный рынокъ и которыя свидѣтельствуютъ о глубокомъ упадкѣ вкуса.

Львица съ добычей. (Рис. на стр. 541).

Мастерски переданная сцена радостнаго возбужденія львиной семьи, которой посчастливилось раздобыться свѣжинкой на завтракъ—только-что пойманною газелью (сайгой). Особенно хороши самецъ-львенокъ на первомъ планѣ, котораго стальные мускулы, пачатки гривы и энергическія размахи лапъ на ходу обличаютъ уже будущаго царя пустыни.

„На рѣчкѣ“. Карт. Х. П. Платонова. (Рис. на стр. 545).

Х. П. Платоновъ принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ русскимъ художникамъ, которые изображаютъ народный бытъ не обезображивая его тенденціозно и совершенно фальшивою грубостью и утрировкой. Крохотный мальчуганъ увязалъ за сестрою на рѣчку и въ горделивомъ сознаніи своей полезности, держитъ ей валець, пока та, подшучивая надъ нимъ, полощетъ бѣлье въ тихой заводѣ.

„Сборщикъ на церковь“. Карт. проф. Дмитріева-Оренбургскаго. (Рис. на стр. 548).

На этомъ рисункѣ изображена сцена часто повторяющаяся въ деревенской жизни. Сборщикъ на церковь, одишъ изъ тѣхъ, которые по собственной волѣ, собирая съ православныхъ мѣдные гроши на постройку давно желанной церкви въ ихъ волости или селѣ, ходятъ изъ деревни въ деревню, съ образомъ и кружкой-кошпкой на груди, съ церковною пеленой, съ корзиной для дареныхъ яицъ (которыя они продаютъ) въ одной рукѣ, и посохомъ въ другой, остановился у окна и принимаетъ грошникъ отъ выснувшейся изъ окна бабенки, въ то время какъ дѣвочка кладетъ ему яичко въ корзинку, а другая, съ младенцемъ на плечѣ, прикладываетъ къ образу.

Вотъ что рассказываетъ авторъ этого рисунка про одного сборщика: Зазвалъ онъ лѣтомъ, въ деревнѣ, сборщика къ себѣ, чтобы нарисовать съ него, обѣщая дать ему за это денегъ. Старикъ согласился, пошелъ, но когда художникъ началъ съ него рисовать, то онъ недовѣрчиво сталъ всматриваться въ художника и его быстро двигающіяся руки.

— Что это ты дѣлаешь? спросилъ онъ.

— Рисую...

— Итъ, ты не рисуешь, ты пишешь. Ты вѣрно думаешь, что я безпаспортный; такъ это ты должно станому хочешь представить. Такъ чего ты! у меня паспортъ съ собой. Хочь покажь?..

— Успокойся; не надо мнѣ твоего паспорта; развѣ ты не знаешь, что значить рисовать?..

Окончивъ свой рисунокъ, художникъ далъ старикѣ нѣсколько монетъ и показалъ ему рисунокъ. Старикъ спряталъ тщательно деньги, посмотрѣлъ рисунокъ и, помотавъ укоризненно головой, сказалъ съ горечью въ голосъ: „Эхъ! эхъ! эхъ! вижу я, дѣлать-то тебѣ нечего!“

А вотъ что рассказала И. С. Тургеневъ автору этого рисунка, когда художникъ передалъ ему вышеприведенный рассказъ:—Однажды я былъ въ деревнѣ, съ пріятелемъ, который немного рисовалъ; и я тоже притащилъ ему съ улицы типичнаго сборщика на церковь. Когда онъ нарисовалъ съ него, то я взялъ этотъ рисунокъ и показалъ старикѣ:

— Похожъ-ли ты? спросилъ я его.

Онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня.

— А я почему знаю, похожъ я или итъ! Развѣ я себя видалъ?..

Я выразилъ удивленіе. Старикъ началъ горячиться.

— А ты развѣ себя видалъ? вскричалъ онъ.—Вотъ ты можешь сказать, похожъ я или итъ; ты меня видишь и рисунокъ видишь; вотъ кабы съ тебя онъ нарисовалъ, я-бы сказалъ, похожъ ты или итъ. Я тебя вижу и рисунокъ вижу. А себя-то кто-же видалъ?..

Старикъ не имѣлъ никакого понятія о зеркалѣ.

— А въ рѣчкѣ, тихой водѣ, спросилъ я его,—когда пилъ или мылся, неужели никогда въ жизни ты не взглянулъ, каковъ ты изъ себя?

Старикъ махнулъ рукой:

— Эво, чего захотѣлъ! отвѣтилъ онъ.

На праздникъ въ Помпеяхъ. (Рис. на стр. 549).

Домовитость и уединенность древнегреческой женщины, которая такъ поэтически была символизирована Фидею въ видѣ чернахи, въ римской исторіи были неизвѣстны даже въ древнѣйшія ея времена. Самый образъ жизни римлянки былъ свободнѣе, ея вліяніе не только на семейную жизнь, но и на общественныя дѣла было значительнѣе, что объясняется по римскому преданію частію услугами государству со стороны женщинъ, частію мудростью законодателей. Съ теченіемъ времени жизнь римлянокъ стала еще болѣе цѣлостною и появленіе римлянокъ въ дома — дѣломъ обычнымъ. Ихъ можно было видѣть повсюду: въ циркѣ, на форумѣ, у храмовъ, въ театрѣ. „Какъ толпа муравьевъ, какъ рой пчелъ стремятся онѣ въ богатыхъ нарядахъ на общественныя игры“, говоритъ Овидій. И не только женщины, но и молодая дѣвушка принимали участіе во всякихъ проявленіяхъ общественной жизни. Въ своей картинѣ Діана Куманъ живо перелола встрѣчу торжественной процессіи двумя молодыми помпеянками. Цвѣтами и радостными кликами приветствуютъ онѣ идущихъ по улицѣ, не стѣняясь пытливыми взглядами любопытныхъ.

Крещеніе Великой Княжны Маріи Павловны.

(Рис. на стр. 553).

Правительственный Вѣстникъ сообщаетъ слѣдующее о крещеніи Великой Княжны Маріи Павловны, состоявшемся въ воскресенье, 6 мая. Еще наканунѣ вечеромъ прибыли въ Петербургъ въ Варшавской желѣзной дорогѣ изъ Гатчины Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица и Ихъ Императорскія Высочества: Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великій Князь Георгій Александровичъ и Великая Княжна Ксенія Александровна. На другой день въ 10 часовъ утра начали собираться въ Зимній дворецъ по повѣткамъ отъ Высочайшаго двора особы, для присутствія при крещеніи новорожденной Великой Княжны. Приѣздъ длился около получаса, и въ 10 ч. 30 м. утра всѣ находившіеся во дворцѣ расположились въ заранѣе предназначенныхъ для нихъ залахъ. Кавалеры были въ полной парадной формѣ, дамы въ русскихъ платьяхъ. Въ 10 час. 30 мин. изъ дворца Великаго Князя Павла Александровича направились торжественная процессія въ Зимній дворецъ. Впереди ѣхалъ конюшенный офицеръ, далѣе четыре конюха верхомъ, затѣмъ управляющій дворцомъ Великаго Князя Павла Александровича А. А. Философовъ въ открытомъ золоченомъ экипажѣ; въ слѣдующей золоченой каретѣ ѣхали генералъ-адъютантъ графъ Л. Л. Гейденъ и А. И. Веригинъ; наконецъ слѣдовала золотая карета цугомъ въ шесть лошадей, въ ней ѣхала новорожденная Великая Княжна Марія Павловна на рукахъ у статсъ-дамы княгини Барятинской. Съ двухъ сторонъ кареты ѣхали конюшенный офицеръ и офицеръ л.-гв. гусарскаго Его Величества полка, а позади — взводъ гусаръ и четыре конюха. Около 11 часовъ кортежъ прибылъ въ Зимній дворецъ къ Салтыковскому подъѣзду. По всему пути стояли толпы народа. Ногода была прересходная, и горюдь, украшенный флагами по случаю дня рожденія Наслѣдника Цесаревича, имѣлъ особенно торжественный видъ. Въ одиннадцатый часъ церемоніи-мейстеры ввели въ церковь членовъ Государственнаго Совѣта, министровъ и дипломатической корпусъ. И сейчасъ же затѣмъ начался Высочайшій выходъ изъ внутреннихъ покоевъ въ соборъ дворца.

При входѣ въ соборъ Ихъ Величества и Ихъ Императорскія Высочества были встрѣчены со крестомъ и святою водою митрополитомъ Исидоромъ, членами св. Синода и придворнымъ духовенствомъ. Великій Князь Павелъ Александровичъ вышелъ изъ церкви, и послѣ того духовникъ Ихъ Императорскихъ Величествъ протопресвитеръ І. Л. Янышевъ приступилъ къ таинству Св. Крещенія. Воспріимниками при Св. Крещеніи были Ея Величество Государыня Императрица, король Эллиновъ, королева Датская, герцогъ Спартанскій, Великая Княгиня и герцогиня Эдинбургская Марія Александровна, Великіе Князья: Сергій Александровичъ и Константинъ Николаевичъ и Королева Марія Греческая. Когда таинство было совершено, хоръ придворныхъ пѣвчихъ запѣлъ „Тебѣ Бога хвалимъ“ и съ Петропавловской крѣпости послѣдовалъ салютъ въ 51 выстрѣлъ, при колокольномъ звонѣ во всѣхъ церквахъ столицы. Великій Князь Павелъ Александровичъ вошелъ въ это время въ церковь и благодарилъ Ихъ Величества. Затѣмъ началась Божественная литургія, которую совершалъ Высокопреосвященный Исидоръ, митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій. Во время литургіи королева Эллиновъ поднесла свою Августѣйшую внучку къ причащенію Божественныхъ Тайнъ. Когда же хоръ пѣвчихъ запѣлъ „Да

исполнятся уста наша⁴, кавалеры российских орденов граф И. И. Воронцовъ-Данковъ поднесъ Ея Величеству на золотомъ блюде орденъ Св. Екатерины, который Государыня Императрица возложила на поворожденную Князю. По окончаніи литургіи, духовенство принесло поздравленіе Ихъ Императорскимъ Величествамъ и Великому Князю Павлу Александровичу.

Въ началѣ втораго часа шествіе направилось обратно изъ церкви во внутренніе покои дворца, и начался разъѣздъ всѣхъ присутствовавшихъ лицъ. Между тѣмъ, по набережной Невы, отъ Зимняго дворца до дворца Павла Александровича, на Дворцовой площади и у Адмиралтейства стояли сплошныя массы народа. Его Императорское Величество съѣлъ въ коляску вмѣстѣ съ Цесаревичемъ и, когда Государь со Своимъ сыномъ отъѣхали отъ дворца, раздалось восторженное „ура“, сопровождавшее Царя и Цесаревича до самаго дворца Великаго Князя Павла Александровича. Такіе же неумолкаемые перекаты „ура“ провожали Императрицу, которая ѣхала въ каретѣ съ королевою Эллиной. Ихъ Императорскія Величества, всѣ Великіе Князья и Великія Княгини прослѣдовали во дворецъ Великаго Князя Павла Александровича, гдѣ состоялся семейный завтракъ.

А. С. Костанда. (Портр. на стр. 557).

21 апрѣля текущаго года въ Москвѣ происходило большое торжество. Русское войско чествовало одного изъ своихъ блестящихъ представителей, генераль-адъютанта, генерала-отъ-артиллеріи, Апостола Спиридоновича Костанду, командующаго войсками Московскаго военного округа, по случаю исполнившагося въ этотъ день пятидесятилѣтія его службы въ офицерскихъ чинахъ. По своимъ выдающимся способностямъ боеваго офицера и прекраснаго военного администратора, по своей личной храбрости, генералъ Костанда занимаетъ видное мѣсто среди нашихъ военныхъ дѣятелей.

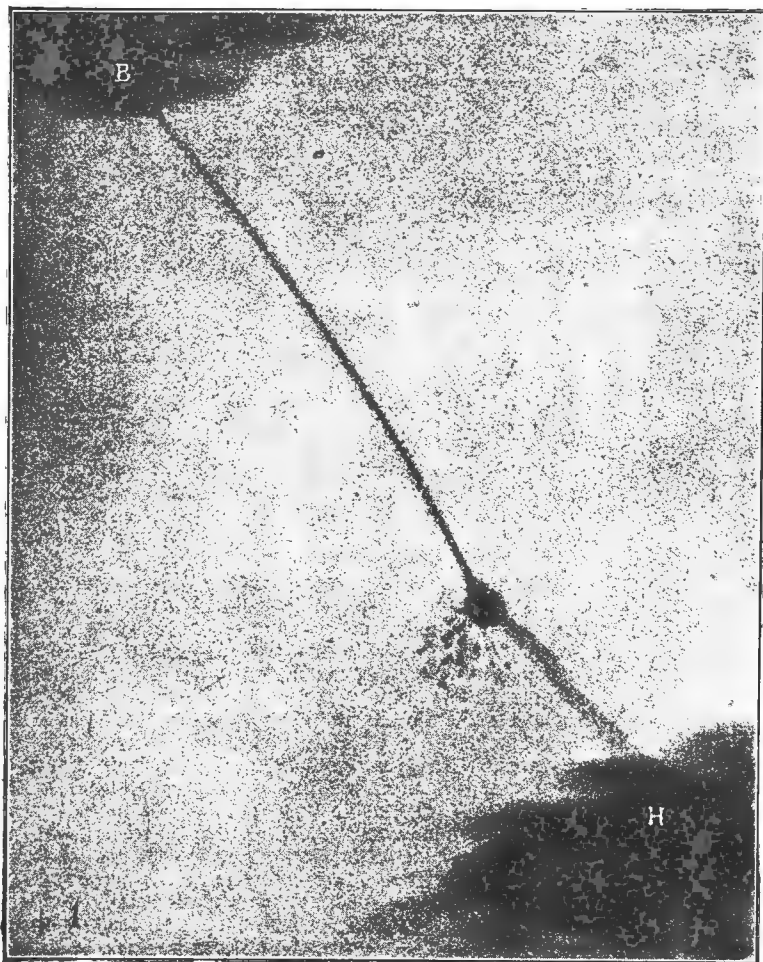
Генераль-адъютантъ Апостолъ Спиридоновичъ Костанда происходитъ изъ старой греческой дворянской фамиліи и родился 12 декабря 1817 г. Послѣ первоначальнаго домашняго воспитанія онъ поступилъ въ Риншельевскій лицей и, по окончаніи въ немъ курса въ 1836 году, опредѣлился нижнимъ чиномъ въ легкую № 1 батарею лейбъ-гвардіи конной артиллеріи. Прослуживъ здѣсь четыре года фейерверкеромъ, онъ получилъ первый чинъ прапорщика 21 апрѣля 1840 года и съ этого времени сталъ быстро идти по службѣ, получая множество Высочайшихъ благоволеній въ сравнительно короткое время за смелость, ученія, маневры и парадны. Въ войну 1853—1856 года онъ, въ чинѣ полковника, находился въ дѣйствующей арміи, командуя въ теченіе всего 1853 г. кавалеріею аванпоста Мало-Валахскаго отряда и исправляя должность начальника штаба въ отрядѣ генераль-лейтенанта Бельгарда. 17 мая 1854 года, въ день штурма передоваго укрѣпленія Силестрин, Костанда получилъ рану на вылетѣ въ правую ногу выше колѣна и весьма опасную контузю осколкомъ гранаты въ лѣвое колѣно. За свои боевые подвиги онъ былъ награжденъ золотою саблею „за храбрость“, но принужденъ былъ для излѣченія отъ раны покинуть дѣйствующую армію. Черезъ четыре года онъ произведенъ былъ въ генераль-майоры и вскорѣ послѣ того получилъ назначеніе въ привислинскія губерніи на должность дивизионнаго командира. Мирная дѣятельность доблестнаго генерала продолжалась однако недолго. Въ 1863 г. вспыхнула польскій мятежъ, и А. С. Костанда снова явился въ рядахъ дѣйствующихъ войскъ, исполняя съ необыкновенною рачительностью весьма серьезныя и ответственныя порученія, на него возлагавшіяся. За дѣятельное участіе въ усмирненіи „повстанцевъ“ въ Люблинской губерніи, онъ былъ награжденъ орденомъ Св. Анны 1-й степени съ мечами и казеннымъ имѣніемъ въ Царствѣ Польскомъ, а въ слѣдующемъ году получилъ чинъ генераль-лейтенанта. Въ 1869 году его назначили начальникомъ 2-й гренадерской дивизіи, которую онъ командовалъ года три, пока не получилъ, въ іюль 1872 года, назначенія на должность начальника артиллеріи Варшавскаго военного округа. Занимая эту должность и имѣя уже въ это время ордена Св. Владимира 2-й степени и Бѣлаго Орла, А. С. Костанда былъ пожалованъ званіемъ генераль-адъютанта, въ 1874 г., а черезъ четыре года произведенъ въ генералы-отъ-артиллеріи. Начальникомъ артиллеріи Петербургскаго военного округа онъ былъ сдѣланъ въ 1879 году, а въ слѣдующемъ, 1880 году, назначенъ на мѣсто генераль-адъютанта Гурко, помощникомъ Его Высочества главнокомандующаго войсками гвардіи и Петербургскаго военного округа. Этотъ постъ онъ занималъ до 30 августа 1888 года, когда получилъ назначеніе на темерешнюю должность, вмѣсто недавно умершаго генераль-адъютанта Бреверна-де-ла-Гарди. Въ настоящее время А. С. Костанда состоитъ по гвардейской конной артиллеріи и числится во 2-й Его Императорскаго Высочества генераль-фельдцейхмейстера батареѣ гвардейской конно-артиллерійской бригады. Онъ имѣетъ едва-ли не всѣ высшіе российскіе ордена и много иностранныхъ. Къ юбилею онъ получилъ орденъ Владимира 1-й степени при самомъ милостивомъ Высочайшемъ рескриптѣ. Вся Царская Фамилія удостоила юбиляра присылкою своихъ поздравительныхъ телеграммъ, исполненныхъ самыхъ лестныхъ выра-

женій, а императоръ Германскій пожаловалъ его бриллиантовыми знаками ордена Краснаго Орла большаго Креста. П. Б.

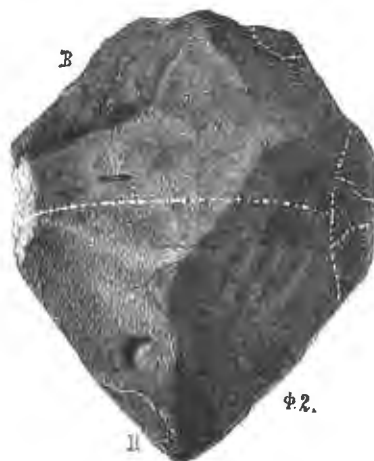
В. Б. Антоновичъ. (Портр. на стр. 557).

Въ исходѣ февраля текущаго года былъ скромно отпразднованъ въ Кіевѣ юбилей двадцатипятилѣтняго служенія наукѣ Владимира Бонифатіевича Антоновича, профессора университета Св. Владимира по кафедрѣ русской исторіи, извѣстнаго археолога, обогатившаго науку своими архивными изысканіями, раскопками и цѣлымъ рядомъ монографій, относящихся къ исторіи, географіи и этнографіи Юго-Западнаго края. Докторъ русской исторіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ В. Б. Антоновичъ происходитъ изъ польской шляхты и родился въ 1834 году, въ Кіевской губерніи. Первоначальное образованіе получилъ онъ во второй одесской гимназіи, откуда, по окончаніи курса въ 1850 году, поступилъ на медицинскій факультетъ въ университетъ Св. Владимира. Пройдя пятилѣтній курсъ этого факультета, онъ перешелъ въ 1855 году на историко-филологическій факультетъ и окончилъ этотъ вторичный курсъ въ 1860 году со степенію кандидата. Первые три мѣсяца по окончаніи курса онъ отправлялъ обязанности кандидата-педагога при первой кіевской гимназіи по латинскому языку, въ теченіе 1863—1865 годовъ преподавалъ всеобщую исторію въ кіевскомъ Владимірскомъ кадетскомъ корпусѣ. Къ началу шестидесятихъ годовъ относится важное событіе, происшедшее въ жизни молодаго ученаго. Онъ въ числѣ нѣсколькихъ молодыхъ поляковъ, связанныхъ со своей средой лишь случайностью происхожденія, перешелъ въ православіе, за что поляки со свойственными имъ ярымъ фанатизмомъ и нетерпимостью обвинили его въ измѣнѣ и печатно назвали „перевертнемъ“. Антоновичъ, однако, не оскорбился и напечаталъ свою чистосердечную исповѣдь, въ которой подробно объяснилъ причины, побудившія его совершенно разорвать съ польскою средою. Порвавъ окончательно и безвозвратно со шляхетскими традиціями, онъ всѣ силы свои и способности посвятилъ на служеніе русской народности, на изученіе южной и западной Россіи въ историческомъ, археологическомъ, географическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Поступивъ въ 1863 году на службу въ канцелярію кіевскаго генералъ-губернатора, онъ былъ откомандированъ для занятій во Временную Коммисію для разбора древнихъ актовъ и тогда же назначенъ на весьма видное мѣсто главнаго редактора этой коммисіи, которое и занималъ вплоть до 1880 года. Защитивъ въ 1870 году диссертацию „Послѣднія времена казачества на правой сторонѣ Днѣпра“, онъ былъ удостоенъ степеніи магистра русской исторіи и опредѣленъ штатнымъ доцентомъ по кафедрѣ того же предмета въ Кіевскомъ университетѣ. Въ слѣдующемъ году, затѣмъ въ 1875 и 1877 годахъ онъ получалъ командировки для присутствія въ качествѣ депутата на 2-мъ и 4-мъ археологическихъ съѣздахъ въ Петербургѣ и Казани, для занятій въ архивахъ московскомъ и петербургскомъ и въ Императорской публичной бібліотекѣ, а въ 1880 г. съ ученою цѣлью командированъ за-границу, гдѣ въ то же время присутствовалъ на археологическомъ съѣздѣ въ Лисабонѣ. Ученую степень доктора русской исторіи онъ получилъ за диссертацию „Очеркъ исторіи великаго княжества Литовскаго“, которую защитилъ въ 1878 году, и тогда же избранъ ординарнымъ профессоромъ по прежней кафедрѣ. Спустя два года, онъ былъ избранъ деканомъ историко-филологическаго факультета и занималъ эту должность до 1883 г. Свою учено-литературную дѣятельность профессоръ Антоновичъ началъ „Исслѣдованіемъ о казачествѣ“, послѣ чего напечаталъ множество работъ въ разныхъ ученыхъ изданіяхъ. Кромѣ того онъ редактировалъ и издалъ множество цѣнныхъ историческихъ матеріаловъ. Трудясь едва ли не исключительно въ провинціи и печатая свои работы въ мѣстныхъ изданіяхъ, профессоръ Антоновичъ не пользуется широкою извѣстностью, а между тѣмъ многія изъ работъ его представляютъ немалую цѣнность и встрѣчены большимъ сочувствіемъ за-границей. Таковы изслѣдованія, вошедшія въ I томъ „Монографій“ профессора Антоновича, изданный въ 1885 г.: „Очеркъ исторіи великаго княжества Литовскаго“, „Города въ юго-западной Россіи“, „Паны Ходьки“, „Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XV ст.“, „Очеркъ отношеній Польскаго государства къ православію и православной церкви“, „Лѣтопись Сатинскаго монастыря“. Его исторія Литовско-Русскаго государства чужда прикрасъ и искаженій, заключаетъ лишь строго-научные факты и представляетъ весьма колоритную и рельефную картину постепеннаго образованія Литовско-Русскаго государства. К. Н. Веселовскій высоко ставитъ изслѣдованія проф. Антоновича, графъ Уваровъ приписываетъ ему открытіе и изслѣдованіе особаго типа пещеръ — жилищъ первобытнаго человѣка переходной эпохи. За свое образцовое изданіе „Историческія пѣсни малорусскаго народа“ В. Б. Антоновичъ получилъ отъ Императорской Академіи Наукъ Уваровскую премію и встрѣтилъ самые лестные отзывы въ русской и заграничной печати. Профессору Антоновичъ состоитъ дѣйствительнымъ членомъ Московск. Археологическаго Общества и мн. др. Удивительное трудолюбіе, добросовѣстность и безпристрастіе составляютъ его отличительныя качества какъ ученаго. П. Быковъ.

Мигейскій метеоритъ.

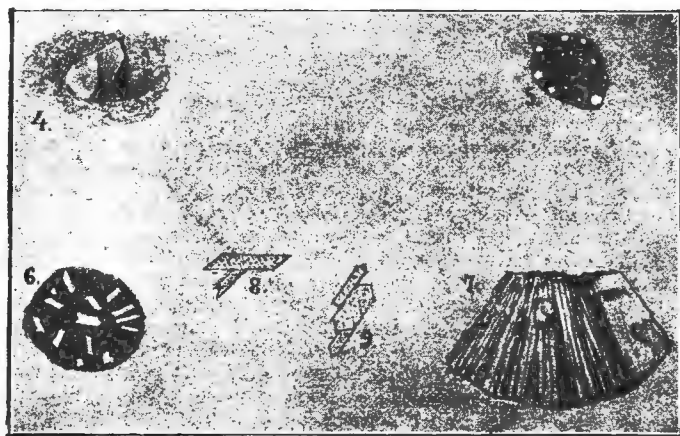
Полетъ Мигейскаго метеорита.
Фиг. 1. Бѣлый дымчатый слѣдъ видимаго въ Херсонѣ полета черезъ двѣ минуты послѣ исчезновенія огненнаго тѣла за нижнею тучею Н.
По рис. очевидцевъ Θ . Мотсева и художника Винкерта.

Общая форма метеорита въ $\frac{1}{4}$ наст. велич.
Фиг. 2. По направленію полета Н—нижній, В—верхній концы.

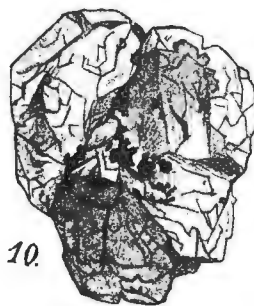

Общая форма метеорита въ $\frac{1}{4}$ наст. велич.
Фиг. 3. Нижній конецъ обращенъ къ зрителю почти прямымъ его угломъ Н.

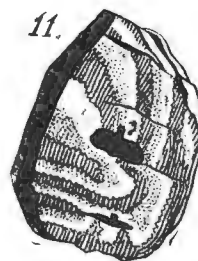

Строеніе метеорита Мигей.

- Фиг. 4. Ложный крист. по желѣзу (полидрич. хондра) наст. вел.
- Фиг. 5. Хондра въ разрѣзѣ увел. въ 15 разъ съ зерн. желѣза по окружности.
- Фиг. 6. Хондра въ разрѣзѣ увел. въ 20 разъ, съ крист. магнезита распол. лучеобразно.
- Фиг. 7. Вѣрообразное скопленіе призмъ того же вещества.
- Фиг. 8 и 9. Отдѣльные кристаллы его же увел. въ 60 разъ.

Фиг. 10. Трѣхмѣрнѣ свободно сидѣвшій въ магмѣ. Увел. 90 разъ.

Фиг. 11. Кристаллъ оливина въ поляризован. свѣтѣ. Увел. 60 разъ.

Фиг. 12. Зрделитъ: *a*—сѣтъ, *b*—Оливинъ изъ *a*. Увел. 120 разъ.

Фиг. 13. Зрделитъ: *a*—темныя волонна, *b*—прозрачн. растворимая въ эфирѣ сѣтъ. Увел. 120 разъ.

Политическое обозрѣніе.

Процессъ Паницы еще не кончился, но уже и теперь, по ходу его, можно ясно видѣть, куда направлена вся эта затѣя. Привлеченіе къ отвѣтственности русскаго подданнаго трактирщика Колобкова, переписка съ нимъ главнаго виновника заговора, выдуманный приѣздъ русскаго генерала и вообще слишкомъ частое упоминаніе о Россіи, безошибочно говорятъ, что болгарскимъ узурпаторамъ жилось какъ-то не по себѣ съ тѣхъ поръ, какъ Россія перестала обращать вниманіе на Княжество, стонвшее и испортившее не мало русской крови, и махнула рукой на всѣ болгарскія безобразія. Вдругъ подвергается подъ руку Паница съ заговоромъ, открытіе котораго, по словамъ Стамбулова, какъ сообщаетъ о томъ корреспондентъ лондонскаго *Standard'a*, является величайшимъ счастьемъ для государства, потому что убійство принца Фердинанда было бы равносильно смертному приговору надъ Болгаріей. И вотъ начинается долгая работа преданія суду и затѣмъ судъ надъ заговорщиками, который якобы покажетъ Европѣ, что Россія совсѣмъ не равнодушно относится къ Болгаріи, а напротивъ, всячески интригуется противъ установившагося благосостоянію въ княжествѣ!

Начатое 3 мая судоговореніе тотчасъ пришлось отложить на 5 дней, такъ какъ объемистый обвинительный актъ, болѣе чѣмъ 90 страницъ, былъ врученъ подсудимымъ и ихъ защитникамъ лишь за два дня до начала процесса. Затѣмъ, послѣ перерыва, какъ мы уже сообщали, былъ прочтенъ обвинительный актъ и допрошены обвиняемые. 10 мая подсудимый Колобковъ заявилъ, что онъ виновнымъ себя не признаетъ и что о заговорѣ ему ничего не извѣстно, обвинительный же актъ считаетъ за фантасматический документъ. Послѣ того военный судъ приступилъ къ допросу свидѣтелей. Милевъ, слуга Паницы, сдѣлалъ подавляющія показанія. Подпоручикъ Ризовъ утверждаетъ, что Милевъ получилъ отъ одного высокопоставленнаго лица двадцать наполосоидоровъ для дачи такихъ показаній. Колобковъ подтверждаетъ заявленіе Ризова. Прокуроръ протестуетъ и требуетъ занесенія этихъ заявленій въ протоколъ для возбужденія противъ Ризова и Колобкова обвиненія въ клеветѣ на свидѣтеля.

При допросѣ подполковника Кисова, тотъ на задаваемые вопросы Паницы отвѣчаетъ съ трудомъ и получается впечатлѣніе, что онъ причастенъ къ дѣлу. При допросѣ прочихъ

подсудимыхъ, подпоручикъ Ризовъ не призналъ себя виновнымъ. Прежде чѣмъ приступить къ показаніямъ, онъ жаловался на жестокое съ нимъ обращеніе со стороны слѣдственной комиссіи, которая, желая побудить его къ признаніямъ, не давала ему спать три ночи подъ рядъ и оставляла безъ пищи. Капитанъ Татевъ, оставшіе капитаны Марковъ и Назаровъ, капитанъ Чавдаровъ и поручикъ Стаменовъ виновными себя не признали. Они слышали о заговорѣ, но, зная легкомысленный характеръ Паницы, не придавали его рѣчамъ серьезнаго значенія. Капитаны Моловъ и Кисимовъ также отрицали фактъ сообщничества съ Паницею. Арнаудовъ не призналъ себя виновнымъ, заявилъ, что подвергался жестокому обращенію со стороны слѣдственной комиссіи, приказавшей не отлучать его въ теченіе 36 часовъ ни хлѣба, ни воды, съ цѣлью вынудить у него признаніе. Показаніе это врядъ ли сприведливо, прибавляетъ депеша изъ Софіи, такъ какъ судъ неоднократно уличалъ Арнаудова во лжи. Послѣ допроса свидѣтелей, въ виду того, что четвергъ и пятница — праздничные дни, дальнѣйшее судебное разбирательство отложено до субботы. Остальные показанія свидѣтелей большаго интереса не представляютъ, за исключеніемъ показаній Йорданова, конторщика Арнаудова. Йордановъ показалъ, что одно высокопоставленное лицо призвало его къ себѣ до слѣдствія и совѣтовало ему отвѣчать утвердительно на всѣ вопросы слѣдственной комиссіи. Далѣе въ субботу разсматривались документы, огороженные отъ подсудимыхъ. Въ нихъ идетъ рѣчь о поставкѣ револьверовъ и берданокъ, о критическомъ положеніи Болгаріи и о македонскомъ вопросѣ. Когда Георгіевъ былъ схваченъ турецкими властями и приговоренъ къ каторжнымъ работамъ на семь лѣтъ, Паница обращался къ Стамбулову съ просьбою помочь освобожденію арестованнаго, но Стамбуловъ призналъ это опаснымъ и посоветовалъ Паницѣ обратиться къ Колобкову и ходатайствовать о вмѣшательствѣ русскаго консула въ Салоникахъ. Поэтому Паница заявляетъ, что въ этомъ дѣлѣ онъ дѣйствовалъ съ согласія болгарскаго правительства и нисколько неповиновенъ. Затѣмъ онъ прибавилъ: „Я признаю себя виновнымъ въ томъ, что имѣлъ намѣреніе низвергнуть нынѣшній порядокъ вещей въ Болгаріи, и за это заслуживаю наказанія; но въ другомъ я не замѣшанъ“. Между прочимъ, онъ

Генераль-адъютантъ, генераль-отъ-артиллеріи, Апостолъ Спиридоновичъ Костанда (по поводу 50-лѣтія службы въ офицерскихъ чинахъ). Съ фот. Трунова, грав. Шюблеръ.

Владиміръ Бонифатіевичъ Антоновичъ (по поводу 25-лѣтія ученой дѣятельности). Съ фот. Высоцкаго въ Кіевѣ, грав. Шюблеръ.

ставляютъ, за исключеніемъ показаній Йорданова, конторщика Арнаудова. Йордановъ показалъ, что одно высокопоставленное лицо призвало его къ себѣ до слѣдствія и совѣтовало ему отвѣчать утвердительно на всѣ вопросы слѣдственной комиссіи. Далѣе въ субботу разсматривались документы, огороженные отъ подсудимыхъ. Въ нихъ идетъ рѣчь о поставкѣ револьверовъ и берданокъ, о критическомъ положеніи Болгаріи и о македонскомъ вопросѣ. Когда Георгіевъ былъ схваченъ турецкими властями и приговоренъ къ каторжнымъ работамъ на семь лѣтъ, Паница обращался къ Стамбулову съ просьбою помочь освобожденію арестованнаго, но Стамбуловъ призналъ это опаснымъ и посоветовалъ Паницѣ обратиться къ Колобкову и ходатайствовать о вмѣшательствѣ русскаго консула въ Салоникахъ. Поэтому Паница заявляетъ, что въ этомъ дѣлѣ онъ дѣйствовалъ съ согласія болгарскаго правительства и нисколько неповиновенъ. Затѣмъ онъ прибавилъ: „Я признаю себя виновнымъ въ томъ, что имѣлъ намѣреніе низвергнуть нынѣшній порядокъ вещей въ Болгаріи, и за это заслуживаю наказанія; но въ другомъ я не замѣшанъ“. Между прочимъ, онъ

заявилъ въ судѣ, что онъ никогда и не думалъ служить ору-
дїемъ Россіи. Въ произнесенной затѣмъ обвинительной рѣчи
прокуроръ, по словамъ депеши изъ Парижа, требуетъ, что-
бы Паница, Колобковъ, подпоручикъ Ризовъ и Арнаудовъ
были приговорены къ тюремному заключенію безъ срока, а
прочіе подсудимые къ заключенію въ тюрьмѣ или крѣпости
на пятнадцать лѣтъ. По другой депешѣ изъ Лондона, про-
куроръ далъ заключеніе въ пользу преданія Паницы, Арна-
удова и поручика Ризова смертной казни и присужденія
остальныхъ подсудимыхъ къ тюремному заключенію на сро-
ки отъ 5 до 10 лѣтъ. Гдѣ правда — покажутъ дальнѣйшія
извѣстія.

Смѣсь.

О пользованіи облаками для передачи телеграммъ въ
иностранныхъ газетахъ пишутъ слѣдующее: Англійскими судами
„Orion“ и „Espoir“ сдѣланы были интересный опытъ переговоровъ въ
открытомъ морѣ. „Espoir“ только что отплылъ изъ Сингапура въ Гон-
конгъ, а „Orion“ оставался въ Сингапурской гавани. Когда первый
отомелъ на 60 англійскихъ миль, „Orion“ послалъ ему телеграмму,
бросая на облака электрической свѣтъ въ видѣ длинныхъ и корот-
кихъ бликовъ, отражавшихся облаками и ясно видимыхъ съ „Espoir“а.
Если даже успѣхъ такой передачи находится въ зависимости отъ
погоды, то во всякомъ случаѣ возможность переговариваться ночью,
безъ помощи проволоки, на разстояніи 60 миль, достойна замѣчанія.
Снабдивъ маяки аппаратами, которые могли бы бросать бли-
ки въ желаемомъ направленіи, возможно было бы, въ облачные но-
чи, сдѣлать маяки видимыми на большія разстоянія морскимъ су-
дамъ. Достаточно соединить короткіе и долгіе блики въ азбуку
Морза, чтобы дѣлать важныя сообщенія судамъ, предупреждать о
бурѣ и т. п. (с.)

Рѣшеніе шашечной задачи № 26 (помѣщенной въ № 16).

Бѣлыя.	Черныя.
1) f 2 — g 3	f 4 — h 2
2) c 1 — b 2	h 6 — c 1
3) g 1 — f 2	f 8 — h 6
4) d 8 — g 5	h 6 — f 4
5) b 4 — c 5	d 6 — b 4 (вар. a)
6) a 5 — g 3	h 2 — f 4
7) f 2 — e 3	f 4 — d 2
8) h 4 — e 1	
- вар. a.
5) d 4 — b 6
6) a 5 — g 3 h 2 — f 4
- и т. д.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб.—А. Сивила, А. А. Поспѣна, Бѣлостокъ — Ю. Аугманъ, Дисна — М. Г. Гильдина, Житомиръ — Р. Либерайтъ, Невъ — Г. Рутенбергъ, Налуга — С. П. Со-
ловьева, Саблонъ — Давыдова, Щучинъ — отъ гг.: СПб.—Н. В. Панкова, А. А. Поспѣна, Вирштейнъ, Ярославль — Д. К. Кри-
лова, К. И. Панафидина, Москва — И. Ш. Лова.

Рѣшеніе шахматной задачи № 25 (помѣщенной въ № 16).

Бѣлые.	Черныя.
1) К e 6 — c 5	П d 6 — c 5
2) Л g 4 — g 3	П c 5 — d 4
3) Л g 3 — c 3+	П d 4 — c 3
4) П b 2 — b 3 X	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб.—А. Сивила, А. А. Поспѣна, Бѣлостокъ — Ю. Аугманъ, Дисна — М. Г. Гильдина, Житомиръ — Р. Либерайтъ, Невъ — Г. Рутенбергъ, Налуга — С. П. Со-
ловьева, Саблонъ — Давыдова, Щучинъ — отъ гг.: СПб.—Н. В. Панкова, А. А. Поспѣна, Вирштейнъ, Ярославль — Д. К. Кри-
лова, К. И. Панафидина, Москва — И. Ш. Лова.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при
перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почто-
выми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ
предоставлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Стихотворные афоризмы. В. Аенариуса. — Влад. Романъ І. І. Ясинскаго (Мансина Бѣлинскаго). — Часть II. (Окончаніе). — Осумдѣнь. Разказъ Христиана Беннарда. — Метеоритъ 6 Іюня 1889 г. Юл. Симашино (съ 8 рис.). — Къ рисункамъ: „Съноньска“. Картина Галина (съ рис.). — „Ай, какъ мило!“ Картина Фрейрихтъ-Людова (съ рис.). — Лыбца съ добычей (съ рис.). — „На рѣчкѣ“. Картина Х. П. Платонова (съ рис.). — „Сборникъ на церковь“. Картина проф. Дмитріева-Оренбургскаго (съ рис.). — На праздникъ въ Помпеяхъ (съ рис.). — Ищеніе Великой княжны Маріи Павловны (съ рис.). — А. С. Костанда (съ портр.). — В. Б. Антоновичъ (съ портр.). — Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — Рѣшенія задачъ. — О перемѣнѣ адреса. — Заявленіе. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „НИВА“ проситъ Гг. подписчиковъ, НЕ ВЪНЕСШИХЪ ПОЛНУЮ ГОДОВУЮ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ за „НИВУ“ 1890 г., озаботиться своевременными взносами слѣдуемыхъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатные адреса отъ бандеролей.

Принимается подписка на ежемѣсячный журналъ

„ФОТОГРАФЪ-ЛЮБИТЕЛЬ“

Годов. цѣна съ доставкою по годъ 5 р., на полгода 3 р., отдѣлы. №№ 1, 2 и 3 по 45 к., слѣдующ. № 60 к. Редакція: С.-Петербургъ, Екатерининскій каналъ, д. 94. Цѣль журнала знакомить Гг. любителей фотографіи съ правильнымъ знаніемъ съемки, преуспѣ-
дую экономическую сторону дѣла. № 4569

Шамиль на Кавказѣ и въ Россіи. № 4562

Биографическій очеркъ всей жизни кавказскаго героя. М. ЧИЧАГОВОЙ. Цѣна 2 рубля, за пересылку 37 коп. Главный складъ: Колокольная, № 3, кв. № 8.

ЦАРЬ-ДѢВЦА.

Вс. Соловьева. Ром.-хрон. XVII в., въ 3 ч. Ром. этотъ обнимаетъ эпоху правленія и низложенія Царевны Софій. СПб. 1886 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп.; въ колѣнкор. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 руб. 25 коп.

НОВОЕ ИЗДАНІЕ

А. МИХАЙЛОВИЧА.

Необходимое каждому любителю и практику фотографіи для лѣтнихъ работъ. Карманная книга или сборникъ лучшихъ и испытанныхъ рецептовъ по негативному и позитивному процессу, въ 360 стр. текста въ переплѣтѣ. Ц. 2 р. Складъ изданій: Екатеринбургскій кан., д. 94, кв. 3, въ ред. журн. „Фотогр.-Любитель“. № 4570

PAPIER FAYARD ET BLAYN

используется въ леченіи ревматизма, раздраженія дыхательныхъ органовъ, насморка, раздраженія груди, вывиховъ, ранъ, ожоговъ, ослѣпленій, мозолей и всякихъ накожныхъ затвердѣній. Продажа во всѣхъ аптекахъ (требовать собственноручную подпись).

ИОДИСТО-РАЗСОЛЫВЪ ВОДЫ BAD-HALL ВЪ ВЕРХНЕЙ АВСТРІИ.

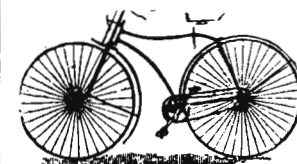
Самое сильное содержаніе іодистаго раствора въ Европѣ. Лечение при золотухѣ, а также при тѣхъ общихъ болѣзняхъ, гдѣ іодъ бываетъ важнымъ факторомъ леченія. Превосходное устройство леченія (ванны и внутреннее употребленіе минеральной воды, заветываніе, вдыханіе, массажъ, лежаніе). Весьма выгодныя климатическія условія; станція ж. д. Нутъ черезъ Лианцъ на Дунай. Сезонъ отъ 15-го мая до 30-го сентября. М. № 4522 4—2
Подробныя программы на разныхъ языкахъ высылаетъ Дирекція водъ въ BAD-HALL.

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ

Франкфуртъ н/М. К. № 4542

ФАБРИКАНТЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ

„ОРЕЛЬ“. 16—3

Всякаго рода двухъ- и трехъ-колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей. Составлены части и принадлежности. Ищутъ агентствъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 пфен. марками.

ЕЩЕ ДЕШЕВЫЯ ЛѢТНІЯ НОВОСТИ!

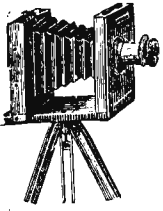
Кромѣ вещей опубликованныхъ въ прошломъ номерѣ по 35 коп., 50 коп., 75 коп., и т. д. поступили еще слѣдующія: Сигналы, фонари для желѣзн. дор. и проч. 75 коп. ♦ 1 р. 50 коп. ♦ 2 р., 3 р. и 4 р. ♦ Вразильская летающая муха 1 р. 50 к. ♦ Садовая игра (въ видѣ крокетъ) L'arrelle 2 руб. ♦ Столов. французскія кегли 3 р. ♦ Винтовой пробочникъ (патентъ новѣйшій) 1 р. ♦ Тоже 1 р. 50 и 2 р. ♦ Склады, американ. моделька д. нитокъ 2 р. ♦ Карты гадація (120 шт.) очень интересно 1 р. 50 к. ♦ Орторама приборъ д. рисованія перспективъ съ принадлежн. и наставл. 4 р. ♦ Мороженница самодѣйствующая, безъ верченія, на 10 пер. 5 р. ♦ большія 6 р., 7 р. и 8 р. ♦ Американ. итцеловъ 1 р. ♦ Карман. приборъ д. за-
вивки волосъ съ зеркаломъ и лампочкою 1 р. 50 к. ♦ Рыболовн. принадлежн. полный наборъ отъ 5 р.—25 р. ♦ Компасы вытѣрен. 1 р. и 1 р. 50 к. ♦ Лѣтніе садомые конки 4 р. ♦ Курительн. приборъ 1 р. 50 к. ♦ Садовые дѣтские инструменты 2 р. ♦ Машинка д. варки шеколада 1 р. 50 к. ♦ Новость! Изящн. никелев. приборъ д. куренія выбрасывающій по одной папиросѣ 3 р. 50 к. ♦ Указатель погоды (бароскопъ) и термометръ вытѣсь 1 р. 25 к., большаго размѣра 2 р. 50 к. ♦ Машинка д. дѣланія рамъ изъ багета 2 р. 50 к. ♦ Новость! Машинка д. стрижки волосъ 7 р. ♦ Выпрямитель бровей, сохраняетъ форму безъ утюжки 1 р. 50 к. ♦ Пастрографъ для уменьшенія и увеличенія рисунковъ, фотографій и проч. 1 р. 50 к. ♦ Тоже металлическій 4 р. ♦ Станокъ д. вышлюпки по дереву и металлу, работаетъ рукою и ногою, съ принадлежн., деревянный 3 р. ♦ Тоже желѣзный 5 р. ♦ Электрич. кабинетъ, лампа д. зажигагія (никель) 5 р. ♦ Русскій огнетушитель 20 р. ♦ Настоящій фотогр. аппаратъ, не игрушка, можетъ снимать и ребенокъ, только 10 р. ♦ Автофотографъ для переиспанія фотографій 3 р. ♦ Ищикъ со столари. и переплетн. инструмнт. 10 р. ♦ 50 фокусовъ интерес. даже для сценъ и въ обществѣ 10 р. ♦ Душь замѣняющіи вашу 5 р. ♦ и много другихъ вещей по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Каталогъ всѣхъ изобрѣтеній за 7-коп. марку. Товаръ высылается немедленно, но не менѣе какъ за 3 руб. Адресъ: С.-Петербургъ. Складъ новыхъ изобрѣтеній, Невскій проспектъ, д. 4 (фирма сущ. съ 1872 года).

ЭЛИКСИРЪ, ПОРОШОКЪ И ПОМАДА ДЛЯ ЗУБОВЪ

ОТЦЕВЪ БЕНЕДИКТИНЦЕВЪ
Аббатства СУЛЯКЪ (Жиронда) Франція.
Находится во всѣхъ аптекахъ, москательныхъ лавкахъ и косметическихъ магазинахъ.

**ФОТОГРАФИЧЕСК. АППАРАТЫ
ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ.**

Въздѣстнѣ повѣ-
шаго изобрѣтеніи фото-
графиров. доступно
каждому, и эти аппараты
можетъ вслѣ-
дній, безъ особенной
подготовки, снимать
иногда хорошія пор-
треты, группы и ланд-
шафты.

Цѣна полн. прибора
18, 30, 35, 50 руб. и
дороже.

Наборъ принадлежностей отъ 9 рублей.
Просимъ не смѣшивать съ рекламир. крайне
дешев. аппаратами.

Е. КРАУСЪ и КОМП.
Фабрика оптическихъ инструм. въ Парижѣ.
ДЕПО ДЛЯ РОССИИ:
С.-Петербургъ, Мойка, № 42.
Руководство и иллюстр. прейс-курантъ
высылаются бесплатно. № 4559

**ОТЪ НАСМОРКА!
«Ольфакторіумъ Нудилинъ»
К. Л. ЖИРМУНСКАГО.**

Продается по 40 к. въ аптекахъ, магазинахъ
и аптекахъ Россіи. Въ г. С.-Петербургѣ,
у Александра Венцеля, Екатерининскій
каналъ, № 26—27. Въ Москвѣ, у К. И. Фер-
рейна, Г. Брууса, П. Маттейсена и проч.

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и Ко.
строители земледѣльскихъ машинъ
и орудій.

Специальность: плуги и молотилки.
Они-же состоятъ главными агентами
извѣстнаго англійскаго завода паровы-
хъ молотилокъ и локомотивовъ Дрей-
тона и Штуеворта въ Англии и зна-
менитаго завода съносилкокъ, ине-
вель «Дези» и сноповязалокъ Манъ
Нормина въ Чикаго.
Кромѣ того имѣются: тарелочный
борона Рандалла и конши грабли
Тигръ завода Стодартъ, рядовыя сѣ-
лки Сакка и проч. № 4484 28—4
Запасныя части ко всемъ машинамъ.
Фабрика и Главная Контора въ Мо-
сквѣ, Мясницкая ул., соб. домъ, бывш.
Вр. Бутополь. Отдѣленіе въ Харь-
ковѣ, Рыбная ул., д. Иванова.

**РЕЗИДЕНЦІЯ ЭЙЗЕНАХЪ (240 м.).
Лѣтнее пребываніе и Курортъ
у подножья горы Вартбургъ (396 м.).**

Окончившій сезонъ купаній, выздоравлива-
ющіе послѣ тяжкихъ болѣзней и всѣмъ нуждаю-
щимся въ покое и подкрѣпленіи своего здо-
ровья послѣ утомительныхъ занятій могутъ
здесь найти желаемое убѣжище. Свѣдѣніи
сообщаются: «der Vorstand des Fremdenver-
kehrverein». № 4564

ЧОКРАКСКО-БУЛГАНАКСКАЯ
грязь-лечебница «Товарищества» врачей

въ Крыму, въ г. Керчь. Сезонъ съ 15-го
мая по 1-е сентября. Подробности въ бро-
шюрѣ, которая высылается за одну семия-
коп. марку. Адресъ въ г. Керчь, Таврич. губ.,
доктору Филимовичу. Ц. № 4440 12—10

Вышелъ новый иллю-
стрированный прейс-
курантъ на 1890 г. из-
вѣстнаго англійскаго
завода Зингеръ и Ко
Норвентри. Представитель
для всей Россіи Ген-
рихъ Немлихъ въ Мо-
сквѣ, уголъ Тверской и Старого Газетнаго
пер., д. Фальцъ-Фейнъ, магазинъ № 19.

ГОРЬКАЯ ВОДА САКСЛЕНЕРА
ИСТОЧНИНА «ГУНИАДИ-ЯНОСЬ»
По свидѣтельству
врачебныхъ авто-
ритетовъ этотъ
Purgativ имѣетъ
слѣдующія пре-
имущества:
Аккуратное
и ВѣРНОЕ
дѣЙСТВІЕ,
МАЛАЯ
ДОЗА.

Владѣлецъ: АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ въ Будапешть.
**ПРОДАЕТСЯ У ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ И АПТЕКАРЕЙ.
ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ
ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.**

Въ зубо-врачебн. кабинетахъ Ивана Ив. ХРУЩОВА,
Невскій, 43, на углу Троицкой, ежедневно производится всѣ зубныя операціи, леченіе
пломбированіе и вѣтсаніе искусственныхъ зубовъ.
Тутъ же въ конторѣ продается всѣ матеріалы, требуемыя для зубо-врачебной
практики. № 4505 5—3

ЭКСТРАКТЫ КВАДРУПЛЬ ЛОЗЕ:
ЛОЗЕ „ЛАНДЫШЪ“, ЛОЗЕ „ДИКИЙ ЯСМИНЪ“, ЛОЗЕ „ЗОЛОТАЯ ЛИЛЯ“.
НОВО!! ЛОЗЕ „ЧТО ХОТИТЕ“
ДУХИ.
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ, 9-9
46, Гергерстрассе, Берлинъ, придворный парфюмеръ. № 4054
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

Только что вышло и поступило въ продажу у всѣхъ книгопро-
давецвъ новое изданіе **А. Ф. МАРКСА** въ СПБ.:

ИСУСЪ
(сынъ Навина).
Повѣствованіе изъ библейскихъ временъ **ГЕОРГА ЭБЕРСА**.
Переводъ съ нѣмецкаго. (Право перевода приобрѣтено отъ автора).
Изданію изданный томъ in 8° (387 страницъ), отпечатанный на
лучшей веленовой бумагѣ, красивымъ убогистымъ шрифтомъ, съ
58-ю гравюрами въ текстѣ, исполненными по рисункамъ худож-
ника А. Земцова. СПБ. 1890 г. Ц. 2 руб., съ перес. 2 р. 20 к.
Требованія просятъ адресовать въ СПБ., въ контору журнала
„Нива“ (Невскій, 6).

ДЛЯ СТРАДАЮЩИХЪ ЛЕГКИМИ
Лечебное заведеніе Д-ра Бремера, Герберсдорфъ,
Силезія, въ Исполинскихъ Горахъ,
учрежденное въ 1854 году. Р. № 4457 12—9
Главный докторъ Ф. Вольфъ.
Обширный паркъ съ прилегающимъ къ нему еловымъ лѣсомъ. Искусственно пролож-
енныя дорожки достигаютъ до 14 километровъ. Изящно убранный кургаузъ. Въ паркѣ
находятся роскошныя виллы. Цѣны умѣренныя. Проспекты высылаются бесплатно
Администрація лечебнаго заведенія Д-ра Бремера.
При заведеніи находится русскій врачъ.
Подробности методы леченія см. II изд. „Die Therapie der chronischen Lungens-
schwindsucht von Dr. H. Bremer. Verlag von I. F. Bergmann, Wiesbaden.“

ЭЛЕОПАТЪ ПРОВ. КИНУНЕНЪ
для волосъ. Элеопатъ Кинунена нахо-
дится для продажи во всѣхъ большихъ
Аптекахъ и Космет. магазинахъ. Цѣна фла-
кону, содержащему 120 граммовъ, 1 р.
50 коп., но безъ пересылки.
Пров. КИНУНЕНЪ.
Просятъ непременно обращать вниманіе
на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого фла-
кона,—пров. Кинуненъ. (20) № 4287
Главный складъ: С.-Петербур., Демидовъ пер., д. № 1.

**СУОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ
НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ**
собою, издѣлія продаются по вновь уда-
швеннымъ цѣнамъ:
съ 3 педалами по 4 р. и 4 р. 50 к.
7 „ съ приспособленіемъ для
легкой и скорой настройки по 6 рублей.
Самый легкій инструментъ для изученія.
Пріятный тонъ. Въ короткое время про-
даны многа тысяча.
За пересылку по почтѣ прому прилагать
за 4 руб. за 10 фунт., за 6 руб. за 15 фунт.
І. Ф. МЮЛЛЕРЪ
Москва, Петровка, домъ Волкова.
Иллюстр. прейс-курантъ всѣмъ инстру-
ментамъ бесплатно. (28) Ц. № 3864
Торговцамъ дѣляется скидка.

НОВАЯ КНИГИ:
Живопись по фарфору, Климке 1 р. 20 к. ♦
Живопись по дереву, Ланекъ 80 к. ♦ Тран-
сленіе рисунковъ на мет., Ру 80 к. ♦ Электр.
звонки, Фурне 1 р. 20 к. ♦ Прогр. электр.
аппараты домашняго изгот. Дрюнъ, 1 р.
20 к. ♦ Электр. освѣщ. въ домашнемъ быту,
Гаммондъ 30 к. ♦ Уроок. спос. дерев. мо-
заны, Негмиса 2 р. 25 к. ♦ Итальянскіе ри-
сунки для выплювки 2 р. 30 к. ♦
Складъ: Москва, Малая Дмитровка, ко-
тора „Ремесленной Газеты“.
Высылаются по требованію съ наложен-
нымъ платежемъ. № 4565

Съ разрѣшенія СПВ. Врачебнаго Управ-
ленія. № 4527 10—4
СВОБОДИНЪ
Средство для уничтоженія
МОЗОЛЕЙ и БОРОДАВОКЪ.
Получать можно во всѣхъ парфюмер-
ныхъ и аптекарскихъ маг. Россіи.
Цѣна за флаконъ 35 коп.
Съ пересылкой 2 флакона 1 руб.
ГЛАВНОЕ ДЕПО ДЛЯ РОССИИ
А. ГЕВГАРТЪ,
С.-Петербургъ, Казанская, д. № 5.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.
Въ виду появившихся подражаній этикет-
камъ моего водочнаго завода въ Псковѣ,
существующаго съ 1863 года, а покорнѣйше
прошу господъ потребителей и покупателей
моего завода, во избѣжаніе недоразумѣній,
обращать вниманіе какъ на этикетки, такъ и
на печать или капсул., которыя должны
имѣть **ФИРМУ МОЕГО ВОДОЧНАГО ЗАВОДА.**
Петръ Калашиниковъ въ Псковѣ.

**МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ
„ГОЛЛЕНДЕРА“.**
Средство для уничтоженія мозолей и боро-
давокъ. Цѣна 35 коп. за флаконъ, за два
флакона съ перес. 1 руб.
Получать можно во всѣхъ парфюмерн.,
аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главнй
складъ у І. Голлендеръ, Демидовъ пер., № 1.
Въ С.-Петербургѣ. (15) № 4366

ЛЕНИНГССЪ и ГЛОЗИНГЪ
имѣють честь сообщить, что они доставля-
ють черную краску, которую печатается
иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
СКЛАДЪ
ГЕРМАНЪ ГЕСЕЛЬЕРЪ
МЕХАНИЧЕСКОЕ ЗАВѢЩЕНІЕ
С ПЕТЕРБУРГА
САДОВАЯ 16.

ЦЕЗАРЬ и МИНКА

в ЦАНЕ (корол. Прусское)
 обширнѣйшій въ Европѣ извѣстный заводъ для разведенія породистыхъ собакъ.
 Поставщикъ Е. И. Величества Государя Императора, Императора Германскаго, Султана Турецкаго, Короля Голландскаго, Великаго Герцога Ольденбургскаго и другихъ царствующихъ особъ. № 4558

Предлагаемъ, какъ специальность заведения, всевозможныхъ роскошныхъ и породистыхъ собакъ, начиная отъ громадныхъ ульмскихъ договъ и сенбернаровъ, до самыхъ маленькихъ комнатныхъ собачекъ, а также охотничьихъ собакъ, какъ-то: лагавыхъ, борзыхъ, даксовъ и другихъ, отлично дрессированныхъ и молодыхъ.
 Иллюстрированные прейсъ-куранты по-французски и по-нѣмецки бесплатно. 5-е издание брошюры „Воспитаніе, уходъ, дрессировка и болѣзни чистокровныхъ собакъ“, съ рисунками, по франц. и нѣмец. — за 10 марк. — 12,50 франк. — 5 руб. — 6 гудл.
 Собственная постоянная выставка многихъ сотенъ собакъ на продажу.
 (Bahnhof-Wittenberg).

Во всѣхъ складахъ духовъ и въ всѣхъ парикмахерскихъ въ Франціи и за границей.

LA VELOUTINE

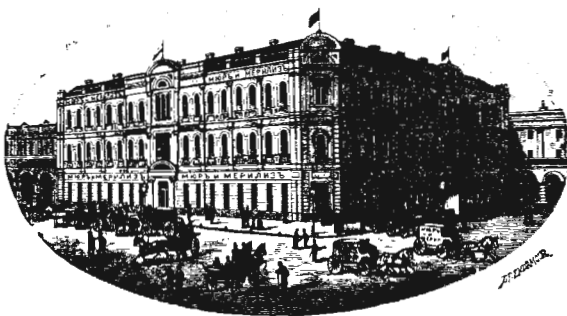
Спеціальная рисово-висмутовая пудра.

CHARLES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

Ц. № 3767 (61)

МЮРЪ и МЕРИЛИЗЪ

Москва, Петровка, 2.

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ МОДЪ и НОВОСТЕЙ.

Огромные склады фирмы МЮРЪ и МЕРИЛИЗЪ, вмѣщающіе въ себѣ все безъ исключенія предметы изъ обширной области моды, одѣянія, туалетныхъ и хозяйственныхъ принадлежностей, въ состояніи удовлетворить всему, что опытомъ признано удобнымъ, полезнымъ и необходимымъ.

ИНОГОРОДНЫЕ ЗАКАЗЧИКИ могутъ разсчитывать на самое точное и скорое исполненіе порученій.

ОБРАЗЦЫ и ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ высылаются по желанію. Задатокъ при вынѣскѣ товаровъ, имѣющихся въ магазинѣ въ готовности, не требуется. Товаръ высылается почтой съ наложеннымъ платежомъ. Упаковка за счетъ фирмы; пересылка на счетъ заказчиковъ.

Фирма МЮРЪ и МЕРИЛИЗЪ придерживается правила, чтобы по всѣмъ отраслямъ ея торговли

РАЗЦѢНКА ТОВАРОВЪ НЕ ДОПУСКАЛА КОНКУРЕНЦИИ.

Неуклонному слѣдованію этому принципу фирма обязана замѣчательно быстрому возрастанію своей торговли. Ц. № 4533 3-2

Поставщикъ велосипедовъ Русской Арміи

Торговый Домъ Ж. БЛОКЪ,

Москва, Кузнецкій мостъ. С.-Петербургъ, Б. Морская № 21.

имѣетъ единственный складъ для всей Россіи велосипедовъ: Свифтъ, Вишпетъ, Русскій Клубъ, Молнія (New Rapid), Имперіаль и пр.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ

Общедоступный Свѣтъ № 2 = 150 руб. =

Прейсъ-Куранты высылаются бесплатно. Поставщикъ велосипедовъ Русской Арміи

ЭМАЛИРОВАННЫЕ МЪЛКИ

ФАБРИКИ ГОЛИЦИНСКАГО въ С.-Петербургѣ, Измайловскій полкъ, 4-я рота, собств. домъ, 11.

МЪЛКИ ДЛЯ КАРТЪ

всѣхъ сортовъ. № 4502

С. ПЕТЕРЪ ВЪНА ПЕШТЪ. БЕРЛИНЪ

„ЕКСИКАТОРЪ“

1000 СВИДѢТЕЛЬСТВЪ ПРЕДОХРАНЕНІЕ ДѢЛОВОГО ТРИБКА ВЫВОДИТЬ СЫРОСТЬ и ПР. БРОШЮРА БЕЗПЛАТНО. ИДУ АГЕНТОВЪ АДР. ИНЖ. Г. РИТТЕРЪ ВАРШАВА

ОПТОВЫЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ ЗИМНЕЙ ОБУВИ

(только для гг. торговцевъ)

Товарищества С.-Петербургскаго Механическаго Производства Обуви вышель изъ печати и разсылаются бесплатно гг. торговцамъ при первомъ требованіи. Обратиться въ контору фабрики въ С.-Петербургѣ, Обводный каналъ, № 134.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

№ 4568

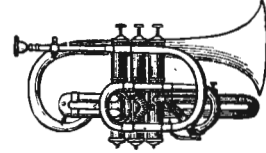
ВЕНГЕРСКАЯ ПОМАДА

для ХОЛИ и МЯГКОСТИ
 УСОВЪ
 Главный складъ въ парфюмери. магазинѣ СПБ., 62. ПАССАЖЪ, 62, Невскій пр.
 При высылкѣ 1 р. с. или наложеннымъ платежомъ высылаются одна банка помады во все города Россіи. № 4410

ЛѢТНЯЯ НОВОСТЬ!

Англійскіе растягивающіеся кушанья „ГРАЦІЯ“ изъ позолоченой проволоки съ массивн. позолоченнымъ замочкомъ, прокатанные бѣлымъ, розовымъ, голубымъ, золотымъ, синимъ, темно-краснымъ и чернымъ шелкомъ. Кушанья прозрачны очень прохладительны и приятно носить для каждой дамы. Цѣна 3 руб. 50 коп. Торговцамъ дѣляется уступка. Единственный складъ для Россіи у **ОСКАРА ЛЕССЕРЪ**, СПБ., Садовая, 12-18, въ 1-мъ дворѣ.

КОРНЕТЪ-А-ПИСТОНЪ

въ 18, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 р. и др. Самоучитель Багаца по 1 1/2 и 2 1/2 р. Все другіе музыкальные инструменты въ громадномъ выборѣ. Иллюстр. прейсъ-курантъ — бесплатно.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

Главное депо музыкальных инструментовъ и нотъ. С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

ПИСЬМАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылаются бесплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи: **Торговый Домъ Ж. Блокъ** Москва С.-Петербургъ Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21.

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО

1. ГОЛЛЕНДЕРЪ

Для смягченія кожи. Новозобрѣтенное вазелиновое мыло, пріятнаго запаха, придаетъ кожѣ желаемую лѣтнюю мягкость. Цѣна за кусокъ 30 коп. 3 куска съ пересылк. 1 р. 50 к. Получить можно во всѣхъ фарм. и аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи.

Главный складъ: СПБ., Демидовъ пер., д. № 1. (20) № 4278

ШОКОЛАТЪ

ФАБРИКИ ССІУКЪ

ПРЕДСТАВЛЯЕМЪ въ ПОДАРОКЪ НАШЕЙ МАТРИКЪ

НАХОДИТСЯ ВО ВСѢХЪ ГОРОДАХЪ РОССІИ

XXI г.
№ 22

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXI
1890

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 2 Юня 1890 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы“ 20 к., съ перес. 25 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1890 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку нонпарейль (¼ шир.
стр.) въ Глав. Кон. Ред. по
75 к. — Загран.: для Франціи
Agence Havas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ Петер-
бургъ **5 р.**
Съ доставкою въ Петер-
бургъ **6 р. 50 к.**

Безъ дост. въ Москвѣ чр. конг. объявл.
Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. лин. **6 р.**
Съ пересылкой въ Москву и другіе го-
рода Россіи **7 р.**
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. **9 р.**

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особая приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

БЕЗЪ ВСЯКОЙ ДОПЛАТЫ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ ГЛАВНЫХЪ ПРЕМІЙ.

При семъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ІЮНЬ 1890 г., съ 28 рисунками и отд. листъ съ 32 чертежами
выкроекъ въ натур. величину и 26 рис. вышивныхъ работъ.

В. И. Немировичъ-Данченко.

Около четверти вѣка назадъ въ Петербургъ прибылъ изъ далекой провинціи юноша, почти мальчикъ, для приготовленія въ университетъ. Безъ средствъ, безъ поддержки, онъ оказался предоставленнымъ самому себѣ. Безвыходное положеніе заставило его дѣлательно сотрудничать въ разныхъ маленькихъ изданіяхъ. Писалъ онъ и стихи, и повѣсти, и публицистическія, и критическія статьи, и фельетоны, изумляя и тогда своей плодотворностью. Среди такой журнальной работы, пылкой, увлекающей, юноша-южанинъ можетъ-быть такъ-бы и затерялся, погнбъ въ сутолокѣ, въ водоворотѣ столичной жизни, еслибы судьба не забросила его на далекій Сѣверъ. Здѣсь суровая дѣйствительность отрезвила его, грандіозныя картины своеобразной природы, жизнь кочевыхъ, полудикихъ племенъ заинтересовали пылливый умъ молодого человѣка; онъ

Василій Ивановичъ Немировичъ-Данченко. Съ фотогр. Карелина, грав. Шюблеръ.

объѣхалъ Мурманскій берегъ, Лофоденскіе острова, Норвегію, побывалъ въ Соловкахъ, пѣшкомъ прошелъ черезъ всю Лалландію, дѣлательно изучая нравы, промыслы жителей, наблюдая явленія природы. И вотъ въ результатъ явилось нѣсколько блестящихъ описаній Сѣвера, рядъ колоритныхъ, бойкихъ, живыхъ картинъ, написанныхъ увлекательно, запечатлѣнныхъ настоящимъ беллетристическимъ талантомъ. Авторомъ оказался Вас. И. Немировичъ-Данченко, тотъ самый молодой еще не задолго передъ тѣмъ былъ безвѣстенъ и тратилъ свой талантъ на мелочи. Публика сразу оцѣнила теперь молодое, выходящее изъ ряда дарованіе, и имя Немировича-Данченко, приобрѣтая съ каждымъ годомъ все большую и большую извѣстность, сдѣлалось чрезвычайно популярнымъ именемъ, однимъ изъ самыхъ любимыхъ публикою. Съ удивительною быстротою выпускалъ молодой авторъ одну за другою свои книги: „Соловки“, „У океана“, „Страпа хо-

лода“, „Лапландія и Лапландцы“, „На просторѣ“, „Подневольные странники“, и большинство изъ нихъ имѣли огромный успѣхъ у читателей, выдержали по нѣскольку изданій. Ободренный успѣхомъ, влекомый жаждою новыхъ впечатлѣній, новыхъ ощущений и приключеній, онъ, по возвращеніи въ Петербургъ, не долго сидѣлъ на мѣстѣ и предпринялъ цѣлый рядъ поѣздокъ сперва по Россіи и затѣмъ по Европѣ, объѣхалъ Кавказъ, Уралъ, побывалъ на Волгѣ, путешествовалъ по Балканскому полуострову, Италиі, Франціи, Голландіи, Германіи, Швейцаріи, Испаніи, Греціи и проч., жилъ и за предѣлами Европы, былъ въ Марокко, Алжирѣ, Тунисѣ, Малой Азіи, Персіи. Странствуя, онъ не переставалъ писать, наполняя и ежемѣсячные журналы, и иллюстрированныя изданія, и газеты своими путевыми, этнографическими очерками, романами, повѣстями, рассказами и стихотвореніями, которые прочитывались всегда съ большимъ интересомъ. Цѣлыя страницы понадобились-бы для того, чтобы сдѣлать одно бѣглое перечисленіе всего напечатаннаго этимъ немовѣрно плодовитымъ и неутомимымъ романистомъ и этнографомъ; однихъ отдѣльныхъ изданій своихъ сочиненій В. И. Немировичъ-Данченко выпустилъ болѣе сорока, не считая мелкихъ вещей. Разумѣется, не всѣ его произведенія одинаково удачны, но всѣ безспорно интересны и обнаруживаютъ блестящее дарованіе. Его этнографическія произведенія изобилуютъ множествомъ полезныхъ, чрезвычайно любопытныхъ свѣдѣній и хотя онъ не претендуетъ на серьезно-научное значеніе своихъ путевыхъ очерковъ, но даетъ всегда много интересныхъ фактовъ, которые умѣетъ освѣтить должнымъ образомъ, много наблюденій, заставляющихъ задуматься. Манера его такова: онъ быстро, иногда даже слишкомъ широкими мазками, смѣлою, сочною кистью нарисуетъ фонъ, главное содержаніе картины, того или другаго края или отдѣльной мѣстности, изобразить нѣсколько наиболее характерныхъ деталей, мастерски набросаетъ нѣсколько сценъ, портретовъ, мимоходомъ разскажетъ исторію страны, обрисуетъ ея настоящее положеніе—и очеркъ готовъ. В. И. Немировичъ-Данченко большой мастеръ разсказывать, передавать извѣстныя впечатлѣнія; онъ обладаетъ большимъ даромъ наблюдательности, изяществомъ манеры письма, умѣетъ опозитизировать даже прозу жизни; много у него красокъ, еще больше чувства и фантазіи.

Василій Ивановичъ Немировичъ-Данченко происходить изъ старо-дворянскаго малороссійскаго рода, представители котораго, будучи запорожцами и служа въ Стародубскомъ полку, постоянно участвовали въ войнахъ съ поляками, та-

тарами, турками. Теперь ему сорокъ второй годъ. Онъ родился подъ самый день Рождества Христова, ночью 24 декабря 1848 года, на Кавказѣ, гдѣ его отецъ, Иванъ Васильевичъ, женатый на туземкѣ, служилъ на босвыхъ позиціяхъ, участвуя въ горной войнѣ. Онъ развивалъ въ сынѣ физическую силу, бралъ его съ собою въ горныя экспедиціи, но занимался и его умственнымъ воспитаніемъ. Съ восьми лѣтъ Немировичъ-Данченко пристрастился къ чтенію и съ жадностью поглощалъ все, что было въ богатой библиотекѣ его отца. Въ 1857 году, когда Немировичу-Данченко исполнилось 9 лѣтъ, его отвезли въ Москву въ Александровскій кадетскій корпусъ, гдѣ онъ пробылъ 7 лѣтъ и гдѣ уже обнаружилъ склонность къ литературѣ, сочиняя стихотворенія, изъ которыхъ одно попало въ печать, когда автору еще не было 12 лѣтъ. Въ 1863 г. Немировичъ-Данченко переѣхалъ въ Петербургъ пятнадцати-лѣтнимъ юношей, отсюда ѣздилъ въ Москву и отсюда предпринималъ свои странствованія по бѣлу свѣту. Когда вспыхнула война съ турками за освобожденіе славянъ, Немировичъ-Данченко отправился на театръ военныхъ дѣйствій въ качествѣ корреспондента и годъ спланикомъ, съ марта 1877 года по апрѣль 1878 года, пробылъ на Балканскомъ полуостровѣ, раздѣляя съ солдатами всѣ трудности похода, проводя время въ траншеяхъ, въ передовыхъ отрядахъ, подъ огнемъ, презирая опасности. Въмѣстѣ со Скобелевымъ онъ совершилъ походы отъ Плевны до Адрианополя и въ награду за храбрость получилъ пазъ рукъ Великаго Князя Главнокомандующаго солдатскій георгиевскій крестъ. Плодомъ его пребыванія въ дѣйствующей арміи явилась его книга „Годъ войны“, сочиненіе во многихъ отношеніяхъ весьма цѣнное, выдержавшее три изданія, большая біографія Скобелева и три романа „Гроза“, „Плевна и Шибка“ и „Впередъ“, читавшіеся парасхватъ. Кроме того, имъ написаны извѣстные читателямъ „Нивы“ романы „Булисы“, „Патмосъ“, „Подъ звонъ колоколовъ“ а также „Семья богатырей“, „Исповѣдь женщины“, „Болотные огни“, „Въ ежовыхъ рукавицахъ“, „Цари Бирял“ и друг. Многія произведенія В. И. Немировича-Данченко переведены почти на всѣ европейскіе языки и вызвали множество самыхъ лестныхъ отзывовъ въ иностранной печати, гдѣ талантъ этого блестящаго писателя оцѣненъ высоко и во всякомъ случаѣ вызвалъ несравненно болѣе серьезные и обстоятельные отзывы, чѣмъ на родинѣ писателя, чество ей служащаго и принесшаго ей несомнѣнную пользу.

Петръ Быковъ.

Жизнь, какъ она есть.

Романъ въ пяти частяхъ. **Вас. И. Немировича-Данченко.**
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Василій Герасимовичъ Сластеновъ, котораго знакомые называли просто Васькой, проснулся сегодня въ особенно скверномъ состояніи духа. Еще бы!.. Вчера не удалось добыть ни копѣйки, а хозяйка, дѣвица Мина Карловна Бантъ, рѣшительно объявила наканунѣ, что долше она его держать не будетъ. „У меня дармоѣдовъ-то полношъ коридоръ—сдѣлайте одолженіе. За какія-такія добродѣтели стану я еще васъ кормить и поить на свой счетъ. Вамъ бы, кажется, стыдно. Молодой человекъ—работать бы да работать, а не на диванѣ лежать!“

Онъ попробовалъ опять закрыть глаза и заснуть, но въ меблированныхъ комнатахъ начиналась обычная жизнь.

Рядомъ, вышѣвая гаммы и точно ввозя бочку воды въ гору, надсаживался Варданъ Карапетовичъ Кимишкіанъ, готовившійся въ „Мазини“; напротивъ, черезъ коридоръ, жестокосердно терзала и безъ того разстроенное фортепьяно отставная дѣвица изъ чешекъ, Элеопора Убоина, учившая Кимишкіана; а издали, — точно всего этого было мало, гремѣлъ несуразный басъ кашитана Стратона Буреломова, разносившаго кухарку за опоздавшій самоваръ... „Ему-то хорошо орать“, разсуждалъ Сластеновъ. „Для него Мина Карловна жилы вытянетъ... Нѣтъ, а ты въ моемъ положеніи покричи!.. П холодно же, чортъ возьми!“

Въ видѣ перваго предостереженія неисправнымъ жильцамъ дѣвица Бантъ приказывала кухаркѣ топить ихъ комнаты черезъ два дня въ третій. Бѣдному Сластенову уже вторую недѣлю приходилось испытывать на себѣ прелести этого спартанскаго режима. Затѣмъ—

изъ печей совѣмъ вынимались вьюшки—и должникъ вымораживался какъ тараканъ. Если и послѣ сего онъ оказывался нераскаяннымъ—вещи его выносились въ коридоръ, а комната сдавалась другому, болѣе достойному. Ни Сластеновъ, ни прочіе жильцы никогда не винили за это хозяйку. Мина Карловна сама билась изо-всѣхъ силъ. Она когда-то готовилась въ „Савины“, проходя жестикуляцію по Свѣденцову, выразительное чтеніе по Самарину. Тѣмъ не менѣе, два эти свѣтила ей не помогли. Въмѣсто „Савиной“ она сдѣлалась акушеркой—но познакомившись съ неукротимымъ кашитаномъ Стратономъ Буреломовымъ, открыла „меблированныя комнаты“. Въ новой своей дѣятельности она оказалась дамой дипломатическихъ способностей, столь убѣдительною для домохозяевъ, что тѣ по цѣлымъ годамъ ждали отъ нея денегъ за квартиру. Въ этомъ отношеніи мимика и жестикуляція Свѣденцова и выразительное чтеніе Самарина очень помогли ей. Въ тяжелыя минуты жизни она была Буреломова, трагически произносила: „ахъ, моя жизнь—романъ!“—и падала въ обморокъ. Черезъ полчаса все обходилось благополучно, и въ качествѣ послѣдней тучки разъяренной бури являлось приказаніе: вынуть вьюшки у такогото или не топить печку у другаго изъ неисправныхъ жильцовъ. Сластеновъ до сихъ поръ все это видѣлъ на другихъ. Наконецъ и для него насталъ день, когда онъ самъ на себѣ испыталъ систему ея предостереженій. „Хорошо еще, если кончится этимъ!“ думалъ онъ. „А то какъ выброситъ на улицу“.

Василій Герасимовичъ повернулся къ окну, но и тамъ было не лучше...

Весь окутавшийся въ туманъ, какой-то простуженный, прокисшій Петербургскій день смотрѣлъ на него оттуда угрюмо и безнадежно. По стекламъ ползли точно капли холоднаго пота... Сквозь нихъ едва-едва мерещилась стѣна противоположнаго фасада, мокрая, вся въ пятнахъ, будто въ синягахъ и подтекахъ. Сластеновъ даже зажмурился. Открывъ глаза опять, онъ увидѣлъ себя въ зеркалѣ напротивъ. Безцвѣтное лицо, безцвѣтные глаза! Ничего опредѣленнаго, выдающагося. Все точно сплылось на немъ. Бываютъ такіе неудачные портреты, на которыхъ ничего не разберешь. Только бѣлокурый хохолокъ торчалъ на лбу. Ни одинъ изъ его товарищей не могъ одолѣть соблазна—дернуть этотъ хохолокъ, и Сластеновъ до такой степени привылъ уже къ этой бездемонности, что только отмахивался головой и недовольно произносилъ: „Ну—оставь!“ Впалая грудь, низкія, выдавшіяся впередъ плечи, тонкая шея, руки въ веснушкахъ и влажныя—несколько не дѣлали его красивѣе, и дамы изъ меблированныхъ комнатъ, такія же впрочемъ худосочныя, какъ и онъ, не обращали на своего сосѣда никакого вниманія.

„Да, скверно... очень скверно!“ все еще лежа, проговорилъ Сластеновъ, вспомнивъ, что и платье у него заложено и сапоги ѣсть просять. Даже и выйти сегодня не въ чемъ. Прогони его Мина Карловна, куда онъ дѣнется? Ему стало при этомъ такъ тяжело на душѣ, что онъ закутался въ одѣяло съ головою, рѣшивъ ни за что не отпирать дверь, если дѣвица Бантъ постучится къ нему. „Чортъ бы ее побралъ!.. Не изъ воздуха же мнѣ деньги сдѣлать! И то голодать придется—обѣда-то она сегодня не отпуститъ. И ожидать нечего. Хорошо еще если у Напласина можно будетъ перехватить гривенникъ. Хоть колбасой горло заткнешь! А какъ у него нѣтъ? И чего оретъ этотъ подлецъ Кимишкіанъ, точно его рѣжутъ: до-ре-ми-фа-оль-ми-ре... до-ре-ми-фа-оль-ми-ре... Псы и тѣ не такъ воютъ... Значитъ и у него денегъ нѣтъ. А то бы занять хорошо было!.. Нѣтъ, были бы у него деньги, онъ бы не оралъ такъ съ утра!.. Примѣта-то вѣдь вѣрная. Я его знаю!“

Дѣло въ томъ, что готовившійся у Элеоноры Убоины въ „Мазини“, необыкновенно тупой но упорный, армянскій Кимишкіанъ былъ настолько же лѣнивъ, насколько жаденъ. Его аппетитъ, какъ и его горло, оказывались одинаково немощны. Варданъ Карапетовичъ никогда не ѣлъ до-сыта. При деньгахъ онъ лежалъ на диванѣ и смотрѣлъ въ потолокъ сладкими глазами. Безъ денегъ—онъ попадалъ въ руки къ пѣвицѣ изъ чешекъ, открывшей въ немъ необычайный теноръ и задумавшей сдѣлать себѣ рекламу, создавъ изъ него втораго Мазини. Заставить его въ такихъ случаяхъ работать можно было, показавъ ему въ перспективѣ бифштексъ. Онъ только дѣловымъ тономъ освѣдомлялся: „съ картофелемъ?“ и получивъ утвердительный отвѣтъ, начиналъ орать какъ бѣшеный, повторяя гаммы и сольфеджи до того, что его и безъ того красный носъ наливался весь кровью, а толстыя чувственные губы—изображали жерло трубы іерихонской. Онъ жилъ такимъ образомъ, вырабатывая за бифштексъ верхнія поты и доводя до отчаянія своихъ сосѣдей... „Да, у Кимишкіана тоже вѣроятно нѣтъ денегъ!“ соображалъ Сластеновъ, прислушиваясь къ его оранию.—„Что же я дѣлать буду!..“

И ему стало невыразимо жалко самого себя. Такъ жалко, что онъ готовъ былъ заплакать въ это тусклое, нерадостное утро.

Какая въ самомъ дѣлѣ проклятая жизнь! Съ тѣхъ поръ какъ онъ себя помнилъ, ему приходилось биться изъ-за куска хлѣба, околачиваться собственными боками обо всѣ углы суровой дѣйствительности. Она никогда не баловала его до сихъ поръ. Ни улыбки, ни

просвѣту. Въ какомъ-то однообразномъ сѣромъ туманѣ, онъ и самъ сталъ сѣрымъ, безцвѣтнымъ. Не смотря на двадцать два года, глаза его не загорались яркимъ пламенемъ, румянецъ не проступалъ на его блѣдныхъ щекахъ. Онъ такъ и жилъ безъ увлеченій и порывовъ, кислою, затхлою жизнью петербургскаго грамотнаго пролетарія, не видящаго ничего внѣ своихъ меблированныхъ комнатъ, воспитывая мстительные образы въ болѣзненно настроенномъ воображеніи и въ то же время зная, что у него не хватитъ ни силы, ни воли перенести когда-нибудь эти образы въ жизнь...

Въ самомъ дѣлѣ, для него никогда не было „лучшихъ“ времянь.

Отецъ его, богатый московскій фабрикантъ, разорился ко дню его рожденія. Василій Герасимовичъ впервые увидѣлъ бѣлый свѣтъ въ тотъ самый день, какъ въ громадной залѣ его почтеннаго родителя происходилъ аукціонъ. Во избѣжаніе неприятныхъ встрѣчъ, „сраму“, какъ говорятъ въ Москвѣ, семья его должна была перебраться въ Петербургъ. Маленькой пенсіи, выславшейся родными, не хватало на ея содержаніе. Васька, въ этой семьѣ безалаберной, непривыкшей къ нуждѣ, росъ какъ растетъ трава въ полѣ. Польетъ дождикомъ—она оправится; ударитъ солнцемъ въ засушу—мочалится, желтѣетъ, сохнетъ—вѣтеръ ее клонитъ, тяжелыя копыта къ землѣ прибиваютъ. Заботиться о немъ было рѣшительно некому. Отецъ его все продолжалъ считать крупными цифрами. Онъ не могъ взяться за маленькое дѣло, а занимался „проектными“ отъ милліона и выше. Сидя въ нетопленномъ кабинетѣ и кутаясь въ облысѣвшую и сѣдѣнную молью шубу, онъ мечталъ о томъ, какъ бы хорошо было взять на себя отъ Морскаго министерства постройку броненосцевъ—милліоновъ этакъ на двадцать... Или купить всю Пушкинскую улицу и разбить ея дома на маленькія квартиры. А то открыть въ окрестностяхъ Петербурга какіе-нибудь чудотворные минеральные источники отъ всѣхъ болѣзней сразу и нажать на нихъ милліонъ, а на этотъ милліонъ устроить общество страхованія отъ неурожаевъ, перепродать его американцамъ, а самому забрать въ руки китовыя ловли въ Сѣверномъ океанѣ, варить тресковый жиръ на Мурманѣ, да пожалуй ужъ заодно зацапать и бакинскіе нефтяные промысла. И онъ съ блаженнымъ лицомъ бралъ въ руки карандашъ и считалъ: сколько всѣ эти предпріятія могутъ принести ему. Единицы съ безчисленными нулями какъ солдаты вытягивались передъ нимъ ровными шеренгами, онъ ихъ сдвигалъ и раздвигалъ, слагалъ, вычиталъ, множилъ и дѣлилъ, и сладко вздыхалъ подводя итоги, напомиравшіе скорѣе цифры астрономическихъ таблицъ. Приходилъ онъ въ себя, точно просыпаясь, когда на порогѣ появлялся какъ призракъ Банко, мохнатый и шершавый дворникъ, съ требованіемъ пятнадцати рублей за квартиру. „Вотъ погоди еще... Завтра беру подрядъ на поставку сѣна во всѣ гвардейскіе полки.“ Онъ говорилъ это съ такой увѣренностію, что самъ немедленно убѣждался въ дѣйствительности своихъ иллюзій. „На кавалерію и на пѣхоту... Всѣ болота подъ Петербургомъ сниму. Проведу каналы—высушу... Тамъ, братъ, такое сѣно у меня будетъ—ты еще и не видалъ такого. Всю Европу завалю имъ. Мало развѣ у насъ болотъ-то?.. Подъ ногами милліоны лежатъ, а намъ вишь нагнуться да поднять ихъ трудно. Дураки этиакіе!“ Ополоумѣвшій дворникъ уходилъ, а Сластеновъ-отецъ уже рассчитывалъ, гдѣ ему панять квартиру—въ Сергѣевской или на Дворцовой набережной... Въ Сергѣевской тихо и спокойно... за-то на Дворцовой—аристократы и la haute finance! Мысленно онъ выбиралъ коляски у Вернье въ Парижѣ, заказывалъ обивку ихъ, заводилъ лошадей, обѣзжалъ для этого заводы Орлова, Стаховича, браковалъ безчисленныхъ жеребцовъ, выбиралъ кучера погорластѣе и помордастѣе, отбивалъ у

Выставка Императ. Академіи Художествъ. „Съ мороза“.

Карт. К. П. Степанова (исключительное право воспроизведения принадлежит „Нивѣ“), грав. Флюгель.

Выставна Императ. Академіи Художествъ. „Наболѣвшее сердце“.
Картина И. П. Загорскаго (право воспроизведѣнія приобрѣтено „Нивой“), грав. Б. Пуць.

яхть-клуба повара, и глотая какую-то безцѣтную жижицу (вчерашній, разбавленный сегодня, картофельный супъ), давалъ отвѣченному повару про себя наставленія: „Ты, братецъ, сдѣлай мнѣ тортю. Толкнись на биржу: туда, сказываютъ, вчера Колчину черепахъ привезли. А не найдешь—такъ стерляжью уху съ налимьими печонками... Только смотри чтобы у меня не уха, а янтарь былъ, слышишь?.. А потомъ разыщи мнѣ хорошее „козье-сѣдло“, да не такое что въ ресторанахъ даютъ. Само должно во рту таять...“ Онъ приходилъ въ себя только тогда, когда на него набрасывалась жена, требовавшая полтинника на починку Васькиной обуви. „Срамъ—ребенку въ школу нельзя показаться... Асидной доски не на что кунить“.—„Полтинникъ?.. Какой полтинникъ?“ спускался съ облаковъ фабрикантъ.—„Какъ какой?“ кричала жена, „обыкновенно, какіе полтинники бываютъ? Ты это видишь?“ и прямо къ его носу подставляла протертые подошвы и разинутые носки сыновнихъ сапоженокъ. Впрочемъ и она сама оказывалась бессильною въ борьбѣ съ жизнью. Въ свое время ея семья тоже разорилась и Сластеновъ-отецъ женился на ней, на безприданницѣ, за „красоту“, какъ говорили въ Москвѣ. Она выросла на всемъ готовомъ, замужемъ заботилась только объ одномъ: какъ бы ей скорѣе войти въ тѣло и изумить своихъ подругъ необыкновенными шляпками отъ Мипангуа, специально заказывавшей ихъ въ Парижѣ для Якиманки, Ордынки и Таганки. Разореніе она встрѣтила разинувъ ротъ и ничего не понимая. Такъ онъ у нея и оставался разинутымъ до сихъ поръ. „Съ чего бы это: сколько было, а теперь нѣтъ?“ читалось въ ея глазахъ наивное удивленіе. „Ахъ Ты, Господи Милостивый!..“ Заполучивъ отъ родныхъ на праздники нѣсколько рублишекъ, она забывала и Васькины разорванные сапожки и необходимость обѣда на завтра, а шла въ гостинный дворъ и покупала себѣ шляпку съ птицей, а потомъ въ Милютиныхъ лавкахъ забирала бѣлевской пастилы, вишневаго варенья, вишнихъ ягодъ, абрикосовскую соломку, мармеладъ, клюкву въ сахарѣ и вяземскихъ пряниковъ. Цѣлый вечеръ, сидя за самоваромъ, она рассказывала сосѣдкѣ, обыкновенно отставной чиновницѣ, какой у нихъ въ Москвѣ былъ невѣроятный жеребецъ и какъ онъ держалъ на бѣгу хвостъ пистолетомъ, прозывали его „Тигрой“ и бывало по Кузнецкому онъ такъ снѣгъ раскидывалъ, что, къ утѣшенію ея купеческаго сердца, всѣ прохожіе вслѣдъ ей ругательски ругались. За „Тигрой“ слѣдовали платья: малиновыя съ золотомъ и желтыя съ серебромъ. Гости, съ благоговѣніемъ погружаясь въ эту описательную часть, млѣла, ахала, подымала обѣ ладони кверху, точно защищаясь ими отъ какого-то нестерпимаго блеска, и замирала въ священномъ ужасѣ, когда дѣло доходило до фабрики съ тремя „тыщами“ народу и четьрьмя настоящими, живыми агличанами изъ иностранныхъ земель, „которые по нашему только свистать да ругаться умѣли“. Васька, сидя за тѣмъ же столомъ и набивая себѣ животь союзною пастилою, сонно моргалъ глазами и, пропуская мамины рассказы мимо ушей, заботился только объ одномъ: будутъ ли его завтра драть за невыученные сегодня уроки? Все что для его родителей было дѣйствительностью, хотя бы въ прошломъ—богатство, почетъ, счастье, блескъ, беззаботная жизнь, жеребцы съ пистолетами вмѣсто востовъ, шляпы съ такими птицами, какихъ и на свѣтѣ нѣтъ—ему казалось сказкой далекой и несбыточной, особенно послѣ одного случая.

Рассказъ своей матери о пистолетѣ вмѣсто хвоста онъ принялъ было буквально—и сдуру сообщилъ въ школѣ о жеребцѣ именемъ „Тигра“, стрѣлявшемъ въ прохожихъ хвостомъ. Товарищи, возмущенные столь невѣроятнымъ чудомъ, отдули его на обѣ корки,—и Васька, усвоивъ себѣ немедленно трезвое направленіе, на-

всегда разстался съ иллюзіями. Часто, когда расфантазировавшийся отецъ говорилъ ему: „а тебѣ, Васька, я куплю маленькую золотой масти лошадку“, сынъ вдругъ совершенно некстати замѣчалъ: „нѣтъ, а то еще горбунки такіе есть, которые, знаешь, подѣ облаками. Только, я думаю, страшно это: коверъ-самолетъ лучше—на немъ сидишь и ничего не видишь если зажмуришься. Ты ужъ мнѣ вмѣсто лошади коверъ-самолетъ который...“ И, опершись подбородкомъ на ладони, дитя пристально смотрѣло въ огонь нагорѣвшей свѣчи, разсуждая мысленно: „Какъ это глупо, что въ жизни нѣтъ ни горбунковъ, ни жарь-птицъ, ни тигровъ съ пистолетами, ни Иванушекъ-дурачковъ, которые оказываются хитрѣе всѣхъ умниковъ“. Мамаины тигры и папины повара со стерляжей ухой—относились въ его мнѣніи къ тому-же разряду явленій, къ которому принадлежали и сказочные царевичи съ подоблачными и заоблачными горбунками. Гимназію Васька прошелъ съ грѣхомъ пополамъ. Время было тогда не строгое—и онъ попалъ въ университетъ. Но тутъ неожиданно-негаданно, не осушивъ ингерманландскихъ болотъ, не скупивъ Пушкинской улицы и не основавъ общества страхованія отъ неурожаевъ, умеръ его отецъ... Вѣднѣтъ не удалось даже поставить сѣно на гвардейскіе полки—какъ его самого уложили въ бѣдный сосновый гробъ, а на Василя Герасимовича надѣли трауръ... А вскорѣ и мать, которой не стало чѣмъ жить, уѣхала въ Москву къ роднымъ. Черезъ годъ онъ получилъ извѣщеніе о ея смерти. Сластеновъ остался на произволъ судьбы—одинъ среди чуждаго ему Петербурга. Онъ написалъ было въ Москву, къ роднымъ, которыхъ зналъ только по имени, но отвѣта не получилъ. Университетъ пришлось оставить. Началась настоящая борьба съ голодомъ и жестокосердыми хозяйками меблированныхъ комнатъ; какаятъ безотрадная полоса вѣчныхъ будней съ уроками на Пескахъ (десять рублей въ мѣсяцъ), перепиской бумагъ (двугривенный за листъ), праздниками въ видѣ неожиданно-негаданно заработанной лишней пятерки... Ему часто случалось слышать обращенный къ нему вопросъ: „Вы не родственникъ-ли московскихъ Сластеновыхъ? милліонеровъ?..“—„А чортъ ихъ знаетъ“, обыкновенно отвѣчалъ онъ, мало заботясь объ этомъ. „Я писалъ къ нимъ когда-то, только ни шиша не получилъ! У отца тамъ былъ кто-то!.. а впрочемъ можетъ-быть и не было... Не разберешь!..“ На этомъ онъ и успокоивался. У Мины Карловны Бантъ онъ уже жилъ полтора года—но еще никогда ему не приходилось такъ туго какъ сегодня. Недѣлю назадъ онъ лишился урока въ Коломнѣ; адвокатъ, дававшій ему переписывать бумаги, уѣхалъ въ провинцію,—оставалась одна надежда на Сергѣя Ѳеодоровича Нешумова. Тотъ жилъ въ этихъ-же нумерахъ, писалъ фелетоны въ „Газетку для всѣхъ“ и получалъ за нихъ по полторы копѣйки за строчку, да и то не всегда. Нешумовъ мечталъ о своей газетѣ съ цѣлю перевернуть общество. А пока тоже жилъ впроголодь, дома ходилъ въ невѣдомо откуда доставшейся ему женской кацавейкѣ и, обѣщая Сластенова пристроить секретаремъ въ „Газетку для всѣхъ“, дергалъ его за хохоль и говорилъ: „Эхъ ты... шишь ты этакой!“

„Однако—этакъ и бока пролежишь!“ сообразилъ наконецъ Сластеновъ.

Онъ всталъ—босикомъ подошелъ къ двери и прислушался... Ничего угрожающаго пока не оказывалось. Киминкианъ въ чайниі бифштекса выработывалъ верхнія ноты, пѣвица изъ чешекъ неистово терзала фортепиано... Буреломовъ успокоился. Мины Карловны не было слышно... Сластеновъ надѣлъ сапоги. Набросилъ на себя легкій лѣтній гавелокъ (*крялатку*—на мѣстномъ арго)—замѣнявшій ему пока все остальное платье,—тѣмъ болѣе удобный, что изъ-подъ него ничего видно не было. Съ сильно бьющимся сердцемъ пріотворилъ дверь, высунулъ голову, пуганымъ зайчикомъ повер-

пулъ ее вправо и влево... Дѣвица Бантъ очевидно отсутствовала... Прождавъ еще двѣ-три секунды, Сластеновъ призракомъ, затая дыханіе, мелькнулъ по коридору черезъ двѣ двери въ третью—и только очутившись у Напласкина, пришелъ въ себя...

— Фу ты... чортъ возьми!.. Я думалъ что ужъ и не доберусь къ тебѣ!

Едва отдышался онъ, сядя въ кресло къ столу.

Тимоѣй Арсеньевичъ Напласкинъ былъ тутъ-же. Онъ, точно исполняя разъ навсегда заведенный церемоніаль, дернулъ Сластенова за хохоль, причеъ тотъ только мотнулъ головой. Напласкинъ спросилъ его, удивленный его растеряннымъ выраженіемъ лица и необычайнымъ даже и для Сластенова костюмомъ.

— Ну, чего ты?.. точно дроздъ въ кустахъ... Ты видалъ какъ дрозды падаютъ въ кусты?.. а?.. Чтѣ съ тобой?

— Прячусь. Самъ кажется видишь—чего еще тутъ. Поневолѣ приходится.

— Отъ Мины Карловны?

— Да... Эти дни она такъ ко мнѣ пристала—страсть... Точно я ей изъ ничего денегъ могу добыть.

— Не топить? догадывался тотъ. Очевидно все это было въ порядкѣ вещей и ничего удивленія не возбуждало.—А вьюшекъ еще не вынимала?

— Сегодня вѣрно вынестъ. У нея все постепенно...

— Дѣло, братъ, плохо!.. сочувственно уставился на него Напласкинъ, при чемъ его рука опять потянулась къ хохолку Василя Герасимовича, но на полдорогѣ онъ остановился.—Ирать хочешь?

— Хочу... встрепенулся Василий Герасимовичъ и даже посомъ повесть по-собачьи.—Вчера я, братъ, только чай пилъ съ бубликами...

— Жаль у тебя тенора нѣтъ... Поораль-бы какъ Кимшикианъ и получишь-бы бифштексъ. У меня сейчасъ самоваръ будетъ. Выпьешь чаю, и тоже съ бубликами... У меня, братъ, тоже кромѣ бубликовъ—ау!..

И Напласкинъ въ ожиданіи этого пира Валтасарова погрузился въ размышленіе.

II.

Тимоѣй Арсеньевичъ Напласкинъ, большой другъ Сластенова, готовился въ философы. Онъ впрочемъ самою природою былъ рожденъ для этой почтенной профессіи. Высокій, худой, жилистый брюнетъ, онъ ходилъ всегда понурясь, точно отыскивая на землѣ у себя подъ ногами чего-то, чтѣ впрочемъ еще ни разу не давалось ему въ руки. Вѣроятно поэтому глаза его всегда сохраняли мечтательно недоумѣвающее выраженіе. Видимое дѣло—они уходили своимъ неопредѣленнымъ взглядомъ куда-то, помимо всего его окружающаго. Напласкинъ былъ мистикъ, интересовался переселеніемъ душъ, отрицалъ свободу воли, но за то признавалъ жителей на планетѣ Марсъ и описывалъ ихъ такъ, точно самъ только что пріѣхалъ съ прямымъ поѣздомъ оттуда и еще не успѣлъ переодѣться. Изъ университета онъ вышелъ вмѣстѣ съ Сластеновымъ и существовалъ уроками. Говорить не умѣлъ, но спорилъ превосходно, и всѣ свои досуги употреблялъ на придумываніе новыхъ системъ для счастья всего человѣчества. Дешевле онъ не соглашался. Жилъ онъ въ одной комнатѣ съ Флегонтомъ Бурлаковымъ—все социальное положеніе котораго опредѣлялось его визитною карточкой, гдѣ онъ самъ себя рекомендовалъ кратко и выразительно: „поэтъ-крестьянинъ“. Онъ вмѣстѣ съ Нешумовымъ печатался въ *Газетку для всѣхъ*, неизмѣнно начиная всѣ свои стихи съ „Ой-ты-гой еси“ или съ „Ужъ какъ встану я—да косить пойду“. Самъ онъ твердо вѣровалъ въ свой геній. Всѣхъ остальныхъ поэтовъ считалъ пигмеями, критиковъ—невѣждами. „Мнѣ-бы только пишну настоящую, а то бы я имъ показалъ!“ и при этомъ онъ стучалъ кулакомъ въ столъ и ворочалъ бѣлками выпученныхъ глазъ.

— Гдѣ Флегонтъ? спросилъ у Напласкина Сласте-

новъ, немного погодя и замѣтивъ что поэтъ нѣтъ и за ширмой, гдѣ стояла кровать.

— Въ лавку побѣжалъ. Тамъ у него пріятель есть приказчикъ. Вмѣстѣ стихи пишутъ. Собираются даже сообща издать „поэты-самоучки“. Только и жду его: придетъ—сейчасъ будемъ чай пить. Можетъ быть онъ ветчины въ долгъ добудетъ. Я-то не надѣюсь. Вчера ужъ бралъ ее,—а можетъ быть. Все зависитъ отъ случая и отъ удачи.

— А твой дѣла какъ? осторожно осведомился Сластеновъ.

— До пятнадцатаго плохо... А тамъ съ уроковъ.

— Хорошо быть богатымъ!

— Это еще съ чего тебѣ въ голову пришло?

— Такъ знаешь. Сейчасъ-бы въ Малый Ярославецъ и селянку въ кострюль... изъ разной рыбы... Потомъ пива...

— А потомъ, горячо вступился Напласкинъ,—философскій журналъ издавать...

— Послѣ селянки? уставился на него Сластеновъ.

— Дуракъ ты—вотъ что... И до—и послѣ... Свѣтъ перевернуть можно... Общими силами мы-бы такую формулу всемірнаго счастья придумали—только держись. Ну, слава Богу. Кимшикианъ пересталъ орать—теперь вѣрно его бифштексомъ кормятъ!.. Что-же ты-то дѣлать будешь теперь?

— Нешумовъ обѣщалъ работишку, да и Ольга Андреевна старается.

— Кремлева—молодецъ. Теперь Бурлаковымъ занялась—возится съ нимъ по дѣльнымъ днямъ. „Вы, говорить, поэтъ-крестьянинъ и посему надо въ васъ воспитать чувство „независимости“. А сама съ флюсомъ развязаться не можетъ.

— Ну, а Бурлаковъ что?

— Хлопаетъ глазами, иной разъ выпалитъ: „Ой-ты-гой еси“... Или задумается и разрѣшится вдругъ: „меня-бы подкормить... Я бы тогда...“ А что тогда—неизвѣстно. Нѣтъ, знаешь, чѣмъ я больше думаю—вижу что необходима общая передѣлка человѣчества... Не все-же намъ быть жертвами. И то ужъ отъ этой эксплуатаціи—хоть живой въ гробъ ложись.

Напласкинъ всталъ и прошелся по комнатѣ. Онъ только теперь замѣтилъ, что Сластеновъ сидитъ у него въ крылаткѣ.

— Ты это что-же... Яко начъ?.. А сюртукъ гдѣ у тебя—и прочее?

— Третьяго дня заложили съ Нешумовымъ и проѣли. Въ греческой кухмистерской!

— Ну, а свой не могъ Нешумовъ въ мойку пустить. (На мѣстномъ аргѣ „закладъ“ назывался „мойкой“).

— Свой... Ему въ редакцію надо ходить. Безъ сюртука—какой-же изъ него фельетошистъ будетъ.

— То-то, посмотрю я на тебя, дуракъ ты, Васька. Ну выгонитъ тебя хозяйка—въ чемъ ты выйдешь нанимать себѣ квартиру? Въ этакомъ видѣ тебя первый городской остановитъ—за безобразіе въ публичномъ мѣстѣ.

— У тебя возьму, нисколько не задумывался отвѣчалъ тотъ.—Понадобится—возьму, извѣстное дѣло.

— У меня! Положимъ... А я какъ-же буду? Мнѣ вѣдь тоже надо.

— А ты? Ты тоже у когонибудь... А развѣ ты думаешь, что она меня выгонитъ? тревожно спросилъ Сластеновъ.

— Кто ее знаетъ. Ей самой не сладко... Тоже вѣдь вертится. За годъ домовладѣльцу не платила. Положимъ она дипломатъ, а все-таки...

И они оба погрузились въ печальныя размышленія, но въ это время въ коридорѣ послышались грузные шаги, кто-то толкнулся въ дверь, повозился около и наконецъ вошелъ.

— А, Бурлаковъ... Съ побѣдой?.. Батюшки—тюричковъ-то... тюричковъ! Откуда все это? Зарѣзалъ когонибудь на большой дорогѣ?

— Приказчикъ — все... Съ радости, знаешь... Стихи сто „Газетка“ напечатала сегодня, ну онъ и раскошелся: колбасы отпустилъ, сахару... Сыру... Хлѣба вотъ... Дня на два тутъ провизилъ... Я сейчасъ Ольгу Андреевну позову чай пить!.. сунулся было онъ къ дверямъ, но Наплаксинъ его тотчасъ-же остановилъ.

— Куда ты, нельзя. Не видишь развѣ, Сластеновъ въ неполномъ костюмѣ. Хорошее зрѣлище для дѣвицы.

— Это ничего, воображалъ поэтъ-крестьянинъ.— Собственно говоря, сверху-то онъ совсѣмъ какъ слѣдуетъ. А снизу мы его одѣяломъ обернемъ... Кремлева не взыщетъ. Она человѣкъ настоящій. Понимаетъ. Это не то что дѣвица наша. Та вонъ Кимишкіану приказала миндальнымъ мыломъ рожу мыть... А онъ, армяшка-то несурзанный, попохалъ—и въ ротъ. Лучше же, говорить, я такую вкусную штуку съѣмъ. Едва отчихался потомъ.

Самоваръ уже шумѣлъ на столѣ, и всевозможная снѣдь, добытая поэтомъ-крестьяниномъ, аппетитно была разставлена вокругъ, когда въ комнату вошла Кремлева. Она фыркнула на Сластенова. „Что вы это въ одѣяло спрятались? Озябли что-ли?“—„Не то... А у меня костюмъ не въ порядкѣ...“—„Стану я смотрѣть на него!..“ И усѣлась за стаканы и чайникъ... Ольга Андреевна носила на себѣ отпечатокъ общій этимъ мебелированнымъ комнатамъ. Бѣлобрысая, гладко зачесанная, съ выпуклымъ лбомъ—она поражала своей блѣдностью. Кремлева питалась большею частью бубликами, ухитряясь изъ своего скуднаго заработка помогать семьѣ, коротавшей свой вѣкъ гдѣ-то въ захолустѣ. Она была сиротой. Отецъ ея — деревенскій священникъ, давно умеръ. Мать существовала ея помощью.

— Ай да мы! обрадовалась она, глядя на столъ.— Ай да мы... Съ чего вы это такъ кутите?..

— А ужъ это Флегонтъ добылъ, его дѣло... Мы-то здѣсь не причемъ.

— Подумаешь, банкиры, какіе! ласково смѣялась она.—А у меня для васъ, Василий Герасимовичъ, рѣшительно ничего нѣтъ. Вчера и третьяго дня, повѣрите-ли, съ ногъ сбилась, все хлопотала—и нигдѣ. На Выборской сторонѣ у одного чиновника оказывалось занятіе: дѣтей въ гимназію готовить; я было къ нему, а у него уже двое сидятъ медиковъ-студентовъ, договариваются на перебой кто меньше возьметъ.

— Я ужъ такой несчастный человѣкъ! мрачно ропцалъ Сластеновъ, набивая ротъ колбасой.

— А вы больше еще голову опускайте! Чѣмъ-же вы несчастнѣе другаго... Ну, чѣмъ?..

— Погодите... дайте прожевать... Тѣмъ что меня право слѣдовало-бы на живодерню отправить. Ну, куда я гоюсь въ сравненіи со всѣми вами?

— Просто вы дрянъ! вспыхнула Ольга Андреевна и вся покраснѣла, да такъ что даже взлызины у ея висковъ порозовѣли.—Просто вы дрянъ. Скажите пожалуйста: ему, видите-ли, на свѣтъ дѣлать нечего. А я вамъ другое скажу: характеричко у васъ кисельный. Надо, чтобы вамъ кто-нибудь другой на шею сѣлъ, да ноги свѣсилъ, да погонять началъ, а сами вы дѣйствительно только на живодерню... Изволите видѣть—въ двадцать два года онъ уже во все избѣрился. Только и свѣту въ онѣ что въ Питерѣ здѣсь, у нашей Бантши. Народу учителей не хватаетъ,—въ учителя не удастся, идите въ волостные писаря.

— Въ волостные писаря? обидѣлся Сластеновъ.— Учился-учился, да въ волостные писаря.

— Скажите, какой профессоръ въ самомъ дѣлѣ! Свѣтило науки—со втораго курса выскочилъ. А вамъ-бы все на легкихъ хлѣбахъ, господинъ? Жаль что вашъ отецъ-то свои милліоны проморгалъ. Кстати-бы они вамъ—легли-бы вы на диванъ, сигару въ зубы, и о счастье человечества съ сытой жизни давай разсуждать. Великолѣнное дѣло. Эхъ, была-бы моя воля!—И Ольга Андреевна разлилась совсѣмъ.— Знаете, какъ

у насъ въ поповскихъ семьяхъ: взяла-бы я васъ за вихры или за хохолокъ вашъ...

— Оставь! отмахнулся Сластеновъ отъ Наплаксина, рука котораго уже бессознательно протягивалась къ его вихру.— Оставь... что это!

— Да взяла-бы я васъ и отрепала, да еще головой въ стѣну. Авось очнулись-бы вы...

Неизвѣстно къ чему бы пришла невоздержная на языкъ и всегда увлекавшаяся Ольга Андреевна, если-бы въ эту минуту не отворилась дверь въ комнату къ Наплаксину—и въ пей, какъ нѣкій призракъ, страшный и неотразимый, не показалась Мина Карловна.

— Всѣ здѣсь... въ сборѣ... Ыдутъ, пьютъ... Хорошаго аппетита... досадливо начала она.—Я бьюсь-бьюсь... отдыха съ вами не знаю... Василий Герасимовичъ, я къ вамъ... не зайдете-ли къ себѣ, чтобы поговорить со мною о дѣлѣ...

Но Сластеновъ, весь блѣдный, только моргалъ глядя на нее съ ужасомъ, какъ воробей на удава.

— Василий Герасимовичъ, что вы глухой что-ли... Или на мнѣ узоры какіе-нибудь нарисованы, что вы такъ смотрите, а? Пойдемте, пойдемте.

— Я не могу-съ, Мина Карловна, обрѣлъ онъ пакопецъ даръ слова.

— Почему это?

— Я не вполне костюмированъ-съ... Видите-ли въ одѣялѣ... краснѣлъ и путался онъ, совѣстясь хозяйку и не зная куда ему дѣваться.

— Доигрались значить... Вамъ же хуже... Деньги приготовили?

— Деньги-съ?

— Да, деньги... Тридцать рублей уже за вами. Позвольте пожалуйста ихъ. Я долженъ завтра отнести хозяйну. Онъ тоже съ меня деретъ.

— Я отдамъ-съ, Мина Карловна... Я-съ ей Богу отдамъ. Я какъ только получу и отдамъ-съ. Сейчасъ-же—не задержу ни на минуту.

— Откуда-же вы получите? Поручите ужъ мнѣ получить. Вотъ сейчасъ схожу... Нѣтъ, не стѣсняйтесь. Укажите мнѣ только адресъ, и я сейчасъ-же. Сю-же минуту... Ну-съ?

Но Сластеновъ только больше и больше куталъ свои поги въ одѣяло, точно онѣ у него озябли, и сосредоточенно молчалъ.

— Взять-то вамъ очевидно неоткуда... Ахъ вы!.. Господи! вспомнила она дикцію Самарина.—Господи, да доколѣ-же мнѣ мучиться съ вами!.. Чтò я за преступница такая чтобы эту каторгу выносить!—и она заломила руки по Свѣденцову.—Нѣтъ, этому не бывать больше... Я, Василий Герасимовичъ, уже приказала у васъ вьюшки вынуть изъ печи... А къ завтраму не будетъ денегъ—вы такъ и знайте, я за городовымъ пошлю... Чтò-же дѣлать... я и такъ слишкомъ много страдала. Стыдно вамъ, Василий Герасимовичъ!

Но къ незнавшему куда дѣваться Сластенову помощь пришла оттуда, откуда онъ уже никакъ не ожидалъ ея.

— Чтò вы къ нему пристааете? вспыхнула вдругъ, только что сама разносившая его, Ольга Андреевна.— Чтò вы къ нему пристааете? Развѣ не видите что блѣдный мальчикъ (увъ — Кремлева была только на годъ моложе его)... развѣ не видите что онъ и самъ измучился не меньше вашего? Велика важность ваши тридцать рублей! Скажите пожалуйста. Сейчасъ городоваго—очень вы напугали! Да мы тоже съѣдемъ всѣ отъ васъ и возитесь тогда со своимъ Буреломовымъ. Пожалуйста, не краснѣйте, Сластеновъ! Мало-ли у кого денегъ нѣтъ—это еще не позоръ въ самомъ дѣлѣ, чтобы сейчасъ-же голову опускать. Это только такіе дураки какъ вы стыдятся!

— Чтò-же, Ольга Андреевна, вы за него заплатите что-ли?

Надулась. Съ карт. Бугро, грав. Бодъ.

— И заплатимъ. Всѣ соберемся и заплатимъ... Эка удивила!. Велики деньги!

Но Мина Карловна уже не слушала. Она хлопнула дверью, и скоро ея раздраженный голосъ послышался въ коридорѣ.

— И печей не топила, и вьюшки выпула! горестно воскликнулъ Сластеновъ, прійдя наконецъ въ себя послѣ выслушаннаго имъ разноса.

— Такъ вамъ и слѣдуетъ! опять накинута на него пеугомонная Кремлева. — Мужчина! скажите пожалуйста... Эхъ вы!.

И дойдя до апогея своего негодованія, она оттолкнула стаканъ, такъ что стекло зазвенѣло, а сама вышла изъ комнаты.

— Что-жь, братъ, теперь? обратился къ нему поэтъ-крестьянинъ.—Эхъ ты горе мое горюшко! Эхъ ты горе мое лютое — змѣй-тоска по сердцу ползаетъ... Дай-ка карандашъ—записать... Три строчки. Мало-мало—сорокъ пять копѣекъ придется. Змѣй-тоска по сердцу ползаетъ, отравляетъ мою думушку... Вотъ мы какъ!.. и всѣ шесть-десять. Эхъ, вздохнулъ онъ опять, — мнѣ бы кормы настоящіе, а тогда я бы имъ показалъ... какая она есть поэзія-то!.. Я бы имъ—во!

И онъ вытянулъ передъ собою громадный кулакъ.

Сластеновъ, вернувшись къ себѣ, убѣдился, что слова Мины Карловны не были пустою угрозой. Холодъ у него стоялъ собачій, но Василий Герасимовичъ обнаружилъ на первыхъ порахъ стоическую твердость въ постигшемъ его бѣдствіи. Онъ закрылъ наскоро дверцу и улегся въ кровать подъ одѣяло. Ему хотѣлось остаться одному, одуматься, придти къ какому-нибудь опредѣленному рѣшенію что дѣлать и какъ выйти изъ этого ужаснаго положенія. Потомъ онъ могъ бы отогрѣться у сосѣда. Онъ слишкомъ хорошо зналъ свою хозяйку. Онъ не сомнѣвался въ томъ что завтра у воротъ явится билетикъ объ отдачѣ его комнаты въ наемъ. Будь еще у него платье — онъ бы не особенно сокрушался. Между его знакомыми были типы въ родѣ Петра Смарагдовича Морданъ-Македонскаго, котораго здѣсь называли вѣчнымъ странникомъ, всемірнымъ путешественникомъ, Агасееромъ и тому подобными титулами. Всѣ они объясняли тѣмъ, что неунывающий Морданъ умѣлъ столь слезно улащать хозяекъ словесами, что тѣ пускали его безъ задатковъ. Онъ жилъ такимъ образомъ мѣсяцъ, два, и спокойно, когда его наконецъ выгнали, говорилъ: „Что-же мнѣ — я уйду если вамъ не угодно... Я силой не имѣю права!“ и перебирался къ новой жертвѣ своего краснорѣчія. Македонскій ухитрился такимъ образомъ существовать безъ гроша въ карманѣ, нося платье съ чужихъ плечъ, беззаботно кушая чужіе обѣды и съ столь благороднымъ видомъ живя въ чужихъ комнатахъ, что всѣ давно уже помирились съ этимъ, нисколько не считая Агасеера дурнымъ человѣкомъ. Агасееръ былъ даже душою общества. Онъ неистово плясалъ на танцевальныхъ вечерахъ у кушцовъ, чиновниковъ и участковыхъ приставовъ, уходя отъ нихъ весь мокрый и счастливый, довольный собою и другими. Онъ былъ высокъ, сутуловатъ. Красивые глаза и ворохъ волосъ на головѣ его нравились перерѣзнымъ невѣстамъ. Его сокрушала только носъ, совершенно несурзанный, торчавшій какою-то пробкой. Онъ и самъ выражался насчетъ этого украшенія весьма рѣшительно и рѣзко: „Если-бы не этотъ подлецъ — я бы давно женился и былъ бы уже секретаремъ консисторіи...“ Почему-то мысли Сластенова обратились именно къ этому субъекту и не успѣли еще онѣ перенестись на другія не менѣе назидательныя личности, какъ по слову вицѣ — „помяни чорта, онъ и рога покажетъ“, Морданъ явился къ нему въ комнату—своею собственною персоной.

— Однако! Это она тебя вымораживаетъ? конфи-

циально освѣдомился Македонскій, кивая головою въ ту сторону гдѣ была комната хозяйки.

— Да... Ты не при деньгахъ?

— Я?.. изумился гость. Онъ могъ бы ожидать любаго вопроса, только не этого. Его не такъ бы поразило если бы Сластеновъ спросилъ: „ты лазилъ уже на Петропавловскій шпигъ или нѣтъ?..“—Я? при деньгахъ?.. и онъ подозрительно взглянулъ на Василия Герасимовича. Потомъ вспомнилъ и вдругъ улыбнулся:— Дѣйствительно, у меня на прошлой недѣлѣ рубль былъ... Какъ же!.. Вотъ въ этомъ самомъ карманѣ. А что тебѣ?

— Такъ, хотѣлъ у тебя занять...

— У меня? еще больше изумился Петръ Смарагдовичъ и, подойдя въ упоръ къ Василию Герасимовичу, сталъ пристально всматриваться въ него.

— Что ты таранишься?

— Да... знаешь... У меня есть тутъ знакомый докторъ. Очень хорошій. Мы вмѣстѣ съ нимъ недавно у одного эскутера на балу отплясывали... Это его пальто даже! съ гордостью отвернулъ онъ полу и показалъ шелковую подкладку.—Хочешь, я его привезу къ тебѣ? Онъ тебя посмотритъ... А кстати, я къ тебѣ по дѣлу... Ты вѣдь не прописанъ здѣсь? Нѣтъ? я такъ и зналъ.

— У меня видишь документы на старой квартирѣ остались... Да и тамъ я жилъ по какому-то мнѣческому свидѣтельству о прививкѣ оспы. — Ну вотъ... А сегодня въ газетахъ появилось о тебѣ извѣстіе. — Какое еще?—Вѣдь у тебя, братику, есть долгишки.— Это у меня есть, какъ же!—Ну такъ вотъ присяжный повѣренный Приходзько по самонужнѣйшему дѣлу проситъ всѣхъ кому извѣстенъ твой адресъ—сообщить въ его контору... Только ты не волнуйся, пожалуйста.— Да что же мнѣ волноваться? Хуже чѣмъ теперь не будетъ. — Въ долговое отдѣленіе посадятъ — отлично. Тепло и притомъ, знаешь, недурно кормятъ. — А ты сидѣлъ?—Какъ же. Три раза. У меня тамъ всѣ знакомые... Пріятели даже... Купецъ одинъ былъ, отлично на губахъ польку-трамблянъ игралъ, а мы плясали.— Только какъ же мнѣ это устроить? Не въ чемъ поѣхать... — Ну, вотъ какая еще глупость. Кредиторы тебя снабдятъ. Не въ рубрахъ же по улицамъ повезутъ. Такихъ и законовъ нѣтъ.

Когда Македонскій ушелъ къ Кимишкіану, Сластеновъ не безъ удовольствія сталъ думать о долговомъ отдѣленіи. Въ самомъ дѣлѣ, есть же такое мѣсто наконецъ, гдѣ онъ еще можетъ найти себѣ пріютъ. Не всѣ же двери закрыты для него на этомъ большомъ и негостепримномъ свѣтѣ. Именно—негостепримномъ. По крайней мѣрѣ для него, для Сластенова, у судьбы до сихъ поръ, кромѣ холода и голода, еще ничего не оказывалось въ распоряженіи. Два или три раза ему случалось ѣсть до-сыта, „даже въ Маломъ-Ярославцѣ“, съ гордостью вспоминалъ онъ. Но вслѣдъ затѣмъ опять тянулись дни, мѣсяцы и годы, когда онъ былъ одиночекъ, нищѣ и довольствовался какимъ-то собачьимъ существованіемъ. Въ немъ все было такъ подавлено и унижено, что въ душѣ не оставалось мѣста даже зависти къ болѣе счастливымъ и богатымъ людямъ.... „Хорошо бы“, смутно рождалось у него въ головѣ при видѣ ихъ,—„хорошо бы, если бы такой вотъ хватъ потерялъ деньги, а я ихъ нашелъ“, но и въ этомъ отношеніи его фантазія не возвышалась далѣе ста рублей... „Я бы съ этими ста рублями...“ И онъ начиналъ строить планы одинъ чудовищнѣе другаго. Сто рублей растягивались необыкновенно—чуть не на цѣлыя версты. Онъ съ ними дѣлалъ чудеса, и къ чести его, Сластенова, надо сказать, что въ этихъ фантастическихъ лукулловскихъ пирахъ вмѣстѣ съ нимъ всегда принимали воображаемое участіе тускые и безцвѣтные товарищи его туслаго и сѣренькаго существованія... Возможность находки „ста рублей“ его такъ электризовала, что онъ вскакивалъ и въ необычайномъ волне-

ни ходилъ изъ угла въ уголъ... Онъ такъ же вѣрилъ въ нихъ, какъ его покойный отецъ вѣрилъ въ свои миллионные проекты. Только цифры умалились, а сущность у того и другаго оставалась одною и тою же... Въ этомъ отношеніи у нихъ оказывалось родственное сходство.

III.

Ночь эта прошла очень тяжело для бѣднаго Сластенова. Онъ напрасно кутался въ свое жидкое одѣяло. Холодъ пронизывалъ его насквозь. Василий Герасимовичъ забывался временами и дремалъ безпокойно. Сны ему въ эти недолгіе промежутки снились отвратительные. То онъ видѣлъ себя замерзающимъ на улицѣ, то летѣлъ въ какую-то бездну, среди самага ужаснаго холода, то ему чудилось, что онъ глубоко-глубоко погружается въ волны студенаго моря, странно сохраняя сознаніе и чувствуя, какъ жизнь мало-по-малу замираетъ въ его тѣлѣ. Просыпаясь, онъ хотѣлъ-было уйти къ Наплавину, но тотъ помѣшался вмѣстѣ съ Бурлаковымъ. Нешумовъ работалъ по ночамъ—и Сластеновъ могъ только помѣшать ему. Наконецъ, ужъ подъ самое утро опъ додумался. Всталъ и весь дрожа отъ стужи отворилъ настежь двери въ теплый коридоръ. Потомъ онъ завернулся въ крылатку и такимъ образомъ полуодѣтый спрятался подъ одѣяло. Спустя часъ, его комната нѣсколько сравнялась температурой съ коридоромъ, и онъ заснулъ какъ убитый, заснулъ безъ сновъ, уже не думая о завтрашнемъ днѣ. Какъ всѣ несчастные люди, онъ зналъ, что въ эту ночь его никто ужъ больше не потревожитъ, и хотѣлъ забыться, отогнать отъ себя самую мысль о возможности этого завтра... Онъ не слышалъ, какъ Агафья затворила утромъ его дверь и проснулась въ полдень, проснулась потому, что къ нему въ комнату кто-то стучалъ, хотя она не была заперта на задвижку. Точно желая продлить блаженство этого покоя, онъ, не отвѣчая, въ полглаза сталъ смотрѣть на двери. Онѣ полуотворились, въ нихъ просунулась чья-то тщательно расчесанная голова съ проборомъ по серединѣ. Неизвѣстный, сквозъ золотое пенсиз, оглядѣлъ комнату и спавшаго, какъ ему казалось, и потомъ опять притворилъ двери и постучался въ нихъ. Сластеновъ, попрежнему не отвѣчая, соображалъ, кто бы это могъ быть. Скоро до его слуха донеслось изъ коридора: „да это дѣйствительно господинъ Сластеновъ здѣсь живетъ у васъ?“ — „Господинъ!.. Хорошъ господинъ!“ послышался раздраженный отвѣтъ Минны Карловны. — „Живетъ онъ именно, только вечеромъ ужъ его не будетъ“... — „А что?“ — „Какъ же-съ, помилуйте, три мѣсяца за квартиру не платитъ. Чѣмъ только дышетъ—не знаю“... — „Г. Сластеновъ за квартиру не платитъ?.. Этого не можетъ быть!“ изумлялся посѣтитель.

„Ишь ты... Тебѣ въ диковину это!“ думалъ про себя самъ объектъ подслушаннаго разговора.— „Нѣтъ заплати-ка ты, коли у тебя въ карманѣ торричеллева пустота. Заплати! Подать развѣ голосъ?.. Ну, нѣтъ... пока хозяйка въ коридорѣ—не отзовусь“... И Василий Герасимовичъ по самымъ глаза закрылся одѣяломъ. Посѣтителю очевидно надоѣло стучаться. Онъ вошелъ въ комнату и остановился у дверей, почтительно раскашлялся и какъ-то угодливо и нескательно вытянулъ голову впередъ. Сластеновъ немного сдвинулъ одѣяло и съ изумленіемъ увидѣлъ черный застегнутый на-глухо скюртукъ, портфель подъ рукою въ коричневой перчаткѣ и какой-то серебряный знакъ въ петличкѣ. Онъ открылъ глаза совсѣмъ.

— Не съ почтительнѣйшимъ ли Василиемъ Герасимовичемъ Сластеновымъ я имѣю честь и удовольствіе говорить? Я такъ давно добивался этого высокаго счастья!..

И гость кланялся все ниже и ниже, подходя къ кровати.

„Что онъ съ ума сошелъ что ли?“ думалъ молодой человекъ, глядя уже на него во всѣ глаза.

— Я Сластеновъ, точно... Только вы вотъ что... Если не хотите простудиться, надѣньте шубу.

— Вы, вѣроятно, уважаемый Василий Герасимовичъ, предпочитаете спать въ холодныхъ комнатахъ? У меня былъ кліентъ, онъ всегда зимой, въ лютые морозы, для кислороду оставлялъ форточку въ спальнѣ открытою.

— Должно-быть дуракъ былъ! угрюмо отвѣтилъ Сластеновъ, самъ про себя думая, смѣется надъ нимъ этотъ господинъ или нѣтъ. Чтѣ это за поклонны, чтѣ это за „уважаемый“, „почтительнѣйшій“... „Честь и счастье“ тоже. Хороша честь!.. Или такъ... подходы съ его стороны какіе? И онъ еще разъ повторилъ:—должно-быть дуракъ вашъ кліентъ былъ.

— Нѣтъ-съ, не дуракъ... Но вѣдь и у васъ такіе же вкусы... зашнулся тотъ.

— Вовсе нѣтъ. Меня эта Бантша вымораживаетъ.

— Чего-съ?..

— Бантша. Хозяйка. Деньги я ей долженъ.

— Скажите, пожалуйста! посочувствовалъ тотъ.— Какая неделикатная особа!

— Ей нельзя очень деликатничать-то, счелъ себя обязаннымъ по чувству справедливости оправдать ее Василий Герасимовичъ.—Самой жрать надо... А вы вотъ что, по какому случаю это ко мнѣ пожаловали?.. все еще лежа спрашивалъ онъ.

— Я? Позвольте рекомендоваться: московскій при- сяжный повѣренный Приходзько.

„А—понялъ Сластеновъ—тотъ самый значить, про котораго вчера Морданъ-Македонскій живописалъ“.

— Въ долговое значить? спокойно спросилъ Василий Герасимовичъ.

— Чего-съ?..

— Меня-гс... На цугундеръ что-ли? Только уговоръ лучше денегъ: мнѣ не въ чемъ ѣхать. Я безъ платья... А долговое такъ долговое. Я не прочь. Мнѣ все равно. Кормить вѣдь будутъ?.. Берите, ваше счастье.

— Позвольте, глубокоуважаемый мой, вы, кажется, меня принимаете не за то лицо. О какомъ долговомъ вы толкуете?

— Извѣстно о какомъ. Вѣдь это вы меня, точно бѣглаго пуделя, черезъ газеты разыскивали?

— Помилуйте!..

— Ну, чего вы еще прикидываетесь? Тащите... Вотъ я—пожалуйте—получить.

— Да у меня на васъ никакихъ взысканій нѣтъ... Совсѣмъ напротивъ даже. Позвольте спросить: вы вѣдь помните дядюшку своего, Арсенія Николаевича?

— Чортъ бы его побралъ совсѣмъ! Лѣтъ пять назадъ я ему писалъ—точно.

— Какъ чортъ... Позвольте: извѣстно ли вамъ, что они, царствіе имъ небесное, померли два мѣсяца назадъ?

— Ну, что-жь... Туда и дорога!..

Съ тѣхъ поръ какъ Василий Герасимовичъ узналъ, что его въ долговое не влекутъ, ему стало страшно за сегодняшній день и онъ весь даже потемнѣлъ отъ внезапно охватившей его безнадежности...

— Мнѣ-то что. Умеръ и Богъ съ нимъ. Я тутъ не при чемъ.

— Напротивъ. Вы-то при собственномъ интересѣ и оказываетесь. Извѣстно ли вамъ, что у нашего дядюшки было около четырехъ миллионъ, кромѣ домовъ и фабрикъ. А всего считая—поди восемь будетъ.

— Ну? довольно равнодушно переспросилъ Сластеновъ.— Что восемь, что сто миллионъ—мнѣ-то все равно кажется.

— И померли они, не оставивъ духовнаго завѣщанія. На извозчикѣ ночью (лошадь-то свою домой отравили, пожалѣли) изъ клуба возвращались, тутъ ихъ и стукнуло... Ударъ-съ! Хоронили столь торжественно,

Веселая поѣздка. Карг. А. Вѣрушъ-Ковальскаго, грав. Брендамуръ.

что даже въ *Городскомъ Листкѣ* на три столбца описано. Въ *Новодѣвичьемъ* могилка ихъ... То-есть даже и не могилка, а цѣлый апартаментъ. Такой склепище! Хотѣ кому дай Богъ полежаť такъ-то. Полы бутовые... Стѣны—переславскаго мрамора... Потолки...

— Позвольте, разозлился Сластеновъ, — да мнѣ-то что? Какая мнѣ корысть отъ этихъ бутовыхъ половъ?

— Какъ какаѣ?.. Да вѣдь вы — единственный наслѣдникъ.

— Чего-съ?

И Василий Герасимовичъ моментально всталъ и ноги спустилъ съ своей кровати, уже не замѣчая на сей разъ изумительной неполноты своего костюма.

— Имѣю честь поздравить,—и Станиславъ Сигизмундовичъ еще разъ согнулся на подобіе знака вопросительнаго.—Имѣю честь поздравить... съ наслѣдствомъ... И все время былъ повѣреннымъ дядюшки вашего, надѣюсь, что и вы теперь не откажете мнѣ въ томъ же довѣрїи...

— Позвольте, позвольте... „Что это такое?“ размышлялъ и недоумѣвалъ Сластеновъ.—„Смѣется онъ надо мною что ли?“—Погодите... Дайте мнѣ опомниться. Это я... я наслѣдникъ?

— Да... Вы...

Василий Герасимовичъ почувствовалъ, что кровь ударила ему въ голову. Онъ сѣлъ на кровать и ноги подъ себя поджалъ калачикомъ. Ему смутно вспомнилось, гдѣ-то онъ читалъ, что-ли, какъ адвокаты часто, чтобы уловить добрыхъ людей съ какою-нибудь скверною цѣлью, прикидываются, притворяются, мистифируютъ.

— А вы... вы не врете?

— Помилуйте, Василий Герасимовичъ... Да за кого же вы меня это принимаете?..

И онъ весь подался впередъ, точно желая доказать этимъ свою готовность устремиться немедленно куда ему прикажетъ Сластеновъ.

— Не врете?.. А докажите! пришла Василию Герасимовичу блистательная мысль.

— Чѣмъ это?

— Чѣмъ?.. А вотъ чѣмъ: дайте мнѣ сейчасъ... Василий Герасимовичъ хотѣлъ сказать сто рублей, но вдругъ самъ испугался этой суммы. — Дайте-ка мнѣ сейчасъ... Ну, хоть двадцать пять... Четвертню.

— Помилуйте, да какія тутъ четвертныя. Вотъ-съ, пожалуйста, сколько вамъ угодно...

И Станиславъ Сигизмундовичъ вытащилъ изъ бокового кармана толстый бумажникъ, набитый радужными, развернулъ его и поднесъ къ Сластенову.

Словно въ какомъ-то туманѣ Сластеновъ вынулъ сторублевку, другую, третью... До головы дотронулся, въ окно взглянулъ: не спитъ-ли, не снится-ли ему?..

— Пожалуйста, берите еще, еще... Для ровнаго счета—тысячу...

— Позвольте... Дайте въ себя придти... Это мнѣ тысячу...

— Да... хоть двѣ... три... сколько угодно.

— За что же это?

— Вѣдь ваше. Когда введемъ васъ въ права наслѣдства—вы вернете... пожалуйста... А вотъ вамъ карточка: если понадобится еще вамъ сумма—поѣжайте къ нему отъ моего имени, онъ ужъ будетъ предупрежденъ...

Василий Герасимовичъ прочелъ: „Исаакъ Яковлевичъ Плюсъ“. Далѣе слѣдовали адреса конторъ Московской и Петербургской.

— Это что же за Плюсъ?

— Дисконтеръ. Только честный. Съ васъ онъ и одного процента въ мѣсяцъ не возьметъ. Изъ одной чести имѣть дѣло съ вами... А мнѣ позвольте нанять сейчасъ вамъ помѣщеніе въ отелѣ получше и немедля прислать къ вамъ—изъ магазина пока готоваго платья, а потомъ вы ужъ закажете себѣ... Шуба есть у васъ?

— Пальто есть. Только оно заложено... Выкупите

пожалуйста, въ пяти рубляхъ. У меня квитанція здѣсь.

— Плюньте на него. Я вамъ шубу сейчасъ пришлю соболью... Вамъ теперь не къ лицу въ пальто пятирублевымъ ходить... Черезъ два часа я къ вамъ навѣдаюсь.

И отвѣсивъ еще болѣе почтительный поклонъ, Приходзько обѣими руками схватилъ руку, которую ему протянулъ Сластеновъ, прижалъ ее къ своему сердцу и со внезапно яко-бы отъ умиленія увлажненнымъ взоромъ кинулся въ двери...

Сластеновымъ овладѣло какое-то неистовство...

Не зная самъ что дѣлаетъ, онъ раскидалъ сторублевки по полу и давай на нихъ босикомъ плюсать и валяться; потомъ заоралъ такимъ дикимъ голосомъ, что толстоносый теноръ Кимишкианъ кинулся къ нему со всѣхъ ногъ, но, увидѣвъ столь невиданное зрѣлище, попятился въ ужасѣ и наткнулся на стремившуюся къ Василию Герасимовичу Вантшу...

— Что случилось?.. спрашивала она.

— Сластеновъ съума сошелъ...

— Отчего? Какъ съума сошелъ?..

— Ни знаю... Сылышите какъ киричить... Толки можетъ быть это я тоже съума сошелъ, потово что на полу у него... много денегъ видѣлъ...

— Мина Карловна... Получайте... Вотъ вамъ! выскочилъ въ коридоръ Сластеновъ въ чемъ былъ...

— Васька, что съ тобой?..

И Нешумовъ поймалъ его за хохолокъ. Но Василий Герасимовичъ не обратилъ даже вниманія на это.

— Кричи ура, вотъ что! Я, братъ, наслѣдство получилъ... четыре милліона—а можетъ быть и восемь.

— Врешь?

— Смотри самъ.

И онъ показалъ ему черезъ открытую дверь раскиданныя по полу сторублевки.

— Наплаксинъ! Теперь, братъ, шабашъ... Мы сегодня всѣ въ Малый Ярославецъ. Солянку изъ разной рыбы. Я угощаю! И пива... хочешь баварскаго, хочешь калининскаго... Мнѣ, братъ, теперь ничего не жалъ!.. У насъ на все хватить. Кимишкианъ, армяшка—тебѣ пять бифштексовъ безъ всякихъ верхнихъ ноть. Понимаешь ты меня, душа моя?

— Послушай, опомнися раньше всѣхъ Нешумовъ.—Если ты да теперь не будешь издавать газеты, я тебя первой свиньей назову.

— Какая газета... Газета—это улица, мерзость! И то ужъ вы со своими газетами развратили общество, вмѣшался Наплаксинъ.—Нѣтъ, Васька, мы съ тобой теперь большой философскій журналъ... подъ заглавіемъ „Мысль и Знаніе“. А?.. какъ тебѣ это нравится?

И вмѣстѣ съ бифштексомъ и солянкой—Васька обѣщаль и газету, и журналъ, потомъ въ угарѣ вернулся къ себѣ и засталъ въ комнатѣ Агафью съ цѣлымъ ворохомъ дровъ. Она усердно топила у него печь—да такъ, точно собиралась цѣлый домъ сжечь, начиная отъ этого пункта. Вантша сама внесла къ нему подносы съ чаемъ и только проходя мимо проговорила: „Василий Герасимовичъ—цвѣточный ланъ-синъ по четыре съ полтиной фунтъ покупала сама... Сыръ швейцарскій здѣсь... Хотите яичницу я вамъ приготовлю... Самыя свѣжія яйца есть... Охтинка сказывала: изъ-подъ куръ сегодня утромъ своими руками вынимала“. Паконецъ точно вихрь налетѣлъ капитанъ Стратонъ Буреломовъ, облачилъ Сластенова какъ лучшаго своего друга и прижалъ къ сердцу...

— Другъ, свинья ты этакая... Поздравляю... Поцѣлуй меня... Ну теперь будь спокоенъ. Мы тебя не оставимъ. Мы тебя не дадимъ въ обиду всякому проходимцу. Я всегда въ тебя дурака вѣрилъ. Всегда тебя какъ отца любилъ. Да! Другіе на тебя нападали—а я... Да и теперь всякому готовъ за тебя морду побить... Кому угодно? обернулся онъ къ публикѣ сжимая кулаки.—

Ну-ко, кому желательно?.. Поцѣлуй меня еще разъ— бутузъ ты этакій, да не тарачи глазъ, чего ты!—И капитанъ еще разъ стремительно обнялъ Сластенова и поцѣловалъ его.—Ты знаешь что. Сдѣлай меня своимъ управляющимъ—и будь спокоенъ. Я, братъ, какъ несъ у твоего дома сторожить буду. Чуть кто—сейчасъ его

вотъ въ это мѣсто безъ разговору... Ты вѣдь, мордашка, будемъ говорить правду — кислый, гдѣ тебѣ самому со вѣзмъ управиться. Тебя сейчасъ обворуютъ, а на меня можешь положиться. Вотъ бери Мину Карловцу въ экономки, а меня въ мажордомы.

(Продолженіе будетъ).

УМЪ ПТИЦЪ.

Естественно-историческій очеркъ Карла Нассау.

Какъ въ наукѣ, такъ и въ обществѣ, давно уже укоренилось убѣжденіе, что образъ дѣйствій у животныхъ не всегда можетъ быть объясненъ однимъ бессознательнымъ инстинктомъ, а, напротивъ, служить признакомъ разумной дѣятельности, которая у млекопитающихъ проявляется иногда въ такой разительной формѣ, что заставляетъ предполагать извѣстную дозу логического мышленія.

Тотъ, кто держитъ собаку, кошку или лошадь, или кому приходилось наблюдать за этими животными, не станетъ сомнѣваться въ истинѣ вышесказаннаго. Гораздо труднѣе опредѣлить, насколько выходитъ за предѣлы простаго инстинкта умственная жизнь птицъ, во многихъ отношеніяхъ значительно уступающихъ млекопитающимъ. Но всякій, кто дастъ себѣ трудъ вникнуть ближе въ этотъ вопросъ, къ удивленію своему убѣдится, что даже мельчайшія птички проявляютъ явные признаки сознательной дѣятельности.

Чтобы допустить существованіе умственной жизни у птицъ, достаточно сравнить пѣніе соловьевъ съ воробьинымъ чириканьемъ. Неужели первый отличается отъ втораго однимъ только строгіемъ глотки?

Нѣтъ. Птица подобно намъ испытываетъ радость и горе, страдаетъ и наслаждается; ей присуще тонкое чувство дружбы и расположенія къ существамъ желающимъ ей добра, и нерасположенія къ враждебнымъ ей особямъ; другими словами, она любитъ и ненавидитъ. Ей знакомо чувство благодарности, она привязывается къ людямъ, которые за ней ходятъ, и мститъ по мѣрѣ силъ тѣмъ, кто причиняетъ ей зло.

Съ другой стороны, птица обладаетъ памятью, способностью распознавать и рассуждать, сообразительностью и понятливостью, короче—разумомъ. Въ подтвержденіе этихъ словъ, мы можемъ привести многочисленныя примѣры и доказательства.

Какую удивительную материнскую любовь выказываетъ, напримеръ, курица, когда защищаетъ своихъ цыплятъ отъ хищническаго нападенія кошки или, какъ случилось недавно во время пожара крестьянскаго двора близъ Люнебурга, не покидаетъ своего гнѣзда, не смотря на угрожающую опасность. А та самка аиста, въ Бодентейхѣ, которая сочла за лучшее сгорѣть на гнѣздѣ, чѣмъ покинуть свой выводокъ? Даже пользующаяся между людьми репутаціею дурной матери, ворона оказывается на дѣлѣ очень любящею и заботливою. Когда въ Девонширѣ, въ Англіи, срубили недавно старый дубъ, въ вѣтвяхъ оказалось воронье гнѣздо съ воробятами. Самка не покинула его ни при ударахъ топора, ни даже тогда, когда дерево упало. Ее придавило вѣтвями и она погибла жертвою материнской любви.

Наша пугливая знакомка — славка-травникъ, представляетъ не менѣе трогательный примѣръ героическаго материнскаго самоотверженія. На стрѣльбищѣ въ Амбергѣ, эта птичка свила гнѣздо въ стѣнкѣ, гдѣ ставятся мишени. Когда, вскорѣ послѣ того, началась учебная стрѣльба и стѣнка дрожала отъ ударовъ пуль, славка не покинула гнѣзда и мужественно довела до конца дѣло высиживания.

Не менѣе трогательна родительская привязанность ласточекъ. Англійскій корабль „Мазуфферъ“, долгое время стоявшій на якорѣ въ Бомбейской гавани, получилъ предписаніе перевезти какихъ-то высокнхъ особъ въ персидскій портъ Бушпръ. Между тѣмъ ласточки успѣли свить на суднѣ гнѣздо и вывели птенцовъ. Отецъ и мать пришли въ немалое смятеніе, когда корабль свялся съ якоря и вышелъ въ открытое море. Тѣмъ не менѣе, онѣ сопровождали судно, на которомъ команда варочно посыпала кормъ, въ Бушпръ и обратно въ Бомбей, гдѣ уже безпрятственно продолжали воспитаніе своихъ птенцовъ. Замѣчательный примѣръ!

Не менѣе любви къ дѣтямъ выражаетъ и воробей, этотъ плебей птичьяго царства, который, несмотря на все свое хищническое отношеніе къ гороху, вишнямъ и винограду, въ сущности весьма полезенъ, такъ какъ безъ него насѣкомыя уничтожили бы плоды эти въ самомъ зародышѣ. Воробей же составляетъ въ лѣсахъ, поляхъ и огородахъ весьма дѣятельную полицейскую власть. Одно любящее природу духовное лицо помѣстиво полу-оперившихся воробушковъ въ клѣтку и повѣсило на окно, гдѣ удобно было наблюдать, какъ отнесутся къ этому родители. Въ первую минуту, видя что берутъ ихъ гнѣздышко, они подняли страшный крикъ, но потомъ безмолвно послѣдовали за пасторомъ и тотчасъ принялись кормить птенцовъ червяками. Когда воробушки оперились, пасторъ посадилъ одного изъ нихъ на крышку клѣтки. Радость родителей не имѣла гра-

ницъ; трогательно было смотрѣть на тѣ усилія, съ которыми они старались убѣдить маленькаго перелетѣть на ближайшее дерево; наконецъ, всѣ трое вспорхнули съ мѣста. Та-же песторія повторилась со вторымъ и третьимъ птенцомъ. Самаго же послѣдняго, который казался слишкомъ слабъ, чтобы предпринять смѣлый полетъ, они прямо столкнули съ клѣтки и потомъ заботливо проводили до дерева, гдѣ съ радостнымъ чириканьемъ собралась, наконецъ, вся семья. При этомъ случаѣ пасторъ наблюдалъ градацію тоновъ въ однообразномъ повидимому крикѣ воробьевъ и задаялся вопросомъ: „Не составилъ-ли это чириканье особаго, для нихъ понятнаго, языка?“

Пинущему эти строки представился поразительный случай убѣдиться, что птицы имѣютъ нѣчто въ родѣ разговорнаго языка. Мы велѣли однажды выпустить на свободу зеленую ящерицу, которую одинъ изъ учениковъ принесъ съ собою въ классъ. Мальчикъ прямо выпустилъ ее на школьный дворъ. Это было въ полдень. Свѣтъ и тѣнь рѣзко разграничивались одинъ отъ другаго и пресмыкающееся торопилось уйти изъ тѣни въ область освѣщенную солнцемъ. Невдалекѣ отъ ящерицы мирно расположились на отдыхъ куры со своимъ пѣтухомъ во главѣ. Какъ только послѣдній замѣтилъ бѣгущую по освѣщенной землѣ ящерицу, онъ быстро вскочилъ съ мѣста и опрометью кинулся къ ней. Никогда не забуду въ выраженія удивленія, съ которыми пѣтухъ хлопалъ крыльями, издавалъ своеобразные вопросительные звуки. Куры несомнѣнно поняли его; онѣ всѣ повскакали съ мѣста и окружили ящерицу, шипѣвшую отъ ужаса. Составился совѣтъ. Пѣтухъ снова произнесъ нѣсколько своеобразныхъ звуковъ и началъ оживленное кудахтанье. Глава семьи нанесъ первый ударъ клювомъ; за нимъ послѣдовали всѣ куры; ящерица окончила существованіе и была препровождена въ ихъ желудокъ. Долго еще куринный миръ не могъ успокоиться отъ радостнаго возбужденія по поводу одержанной побѣды, выражая свое волненіе оживленнымъ кудахтаньемъ.

Мнѣ пришлось слышать такой-же тревожный крикъ пѣтуха, когда одинъ изъ членовъ моей семьи, за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ заколовшій куриную, снова вошелъ въ курятникъ за новой жертвой. Вслѣдъ за пѣтухомъ всѣ куры подняли крики ужаса. Такимъ образомъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что птицы объясняются другъ съ другомъ посредствомъ понятныхъ имъ звуковъ.

Умный пѣтухъ тотчасъ узналъ убійцу одной изъ своихъ женъ. Здѣсь мы наталкиваемся на новую умственную способность птицъ — память; присутствіе этой способности мы можемъ подтвердить всѣми доказательствами. Нѣкто, владѣвшій сѣрымъ поугаемъ, принужденъ былъ продать его по недостатку средствъ къ жизни. Черезъ двадцать четыре года, при улучшившихся матеріальныхъ обстоятельствахъ, онъ вернулся въ Вѣну и зашелъ къ цирюльнику. Оказалось, что поугай, послѣ многихъ смѣнъ хозяевъ, перешелъ къ этому цирюльнику. Птица тотчасъ узнала своего бывшаго владѣльца; она пришла въ неопределенную радость и такъ странно вела себя, что привлекла общее вниманіе посѣтителей. Цирюльникъ отворилъ клѣтку, поугай тотчасъ перелетѣлъ на плечо своего прежняго хозяина и сталъ такъ ласкаться къ нему, что всѣ присутствующіе были тронуты. Когда посѣтитель ушелъ, поугай долго не могъ утѣшиться.

Что птицы умѣютъ до нѣкоторой степени считать—доказываетъ сорока, принадлежащая, какъ извѣстно, къ самымъ хитрымъ представителямъ птичьяго міра. Однажды сорока свила гнѣздо на вершинѣ высокой ольхи, на берегу пруда. Чтобы кормить птенцовъ, она таскала изъ воды маленькихъ утятъ. Охотникъ, желая подстеречь хищницу, спрятался въ камышевомъ шалашѣ, но сорока не вылетѣла изъ гнѣзда до тѣхъ поръ, пока онъ не ушелъ. Это заинтриговало одного натуралиста, который, съ пѣлюю наблюденій, велѣлъ спрятаться въ шалашъ двумъ охотникамъ и затѣмъ уйти одному изъ нихъ. Сорока не ошиблась въ счетѣ и вылетѣла изъ гнѣзда только тогда, когда ушелъ и второй егеръ. То же самое было съ тремя егерями. Но на счетѣ *четыре* сорока сбилась; она вылетѣла, когда вышелъ третій егеръ, и была убита четвертымъ.

Нѣкоторое понятіе о времени дня проявляютъ домашніе лебеди, которые пунктуально выходятъ на берегъ въ часъ корма. То же самое сообщаетъ мнѣ одинъ сельскій учитель относительно куръ своего сосѣда. Онѣ приходятъ на школьный дворъ тотчасъ послѣ рекреационнаго времени, когда ученики уйдутъ и на дворѣ останутся крошки хлѣба. Послѣ обѣда,

когда пѣтъ рекреацин, куры никогда не появляются, точно также какъ и въ канникулярное время.

Но мы намѣрены пойти еще дальше; мы признаемъ за птицами способность разсуждать и чувствовать красоту, что пѣ-которыя изъ нихъ доказываютъ при постройкѣ гнѣздъ. Вспомнимъ зяблика, который умѣетъ придать своему гнѣздышку цвѣтъ древесной коры, вспомнимъ гнѣздо славки-портнаго и гнѣздо бѣсѣдковой птицы на Зондскихъ островахъ — произведе-ние искусства, постройка котораго безспорно требуетъ сооб-раженія.

Какъ сильно дѣйствуетъ на птичій глазъ блескъ и окраска предметовъ — мы видимъ на индѣйскомъ пѣтухѣ, сорокѣ и въ-рочѣ, а также на вышеупомянутыхъ бѣсѣдковыхъ птицахъ, которыя таскаютъ блестящіе предме-ты въ свои художе-ственно-построен-ныя гнѣзда. Тотъ, кому случалось видѣть, какъ въютъ гнѣзда ткачнки, на-вѣрное не станетъ отказывать имъ въ умѣ. Слѣдуетъ упо-мянуть и о кукушкѣ, которая, кладя яйца, всегда выби-раетъ гнѣзда птицъ, отличающихся осо-бой любовью къ птенцамъ, т. е. пѣв-чихъ. Точно также поступаетъ и амери-канская кукушка. Чтобы очистить боль-ше мѣста для своего довольно крупнаго птенца, она преспо-койно выбрасываетъ изъ гнѣзда осталь-ныя яйца.

Не менѣе яркимъ примѣромъ птичей сообразительности можетъ служить слѣ-дующій фактъ. Въ сосѣдствѣ съ однимъ имѣніемъ домашняя кошка производила страшныя опустоше-нія въ сорочьихъ гнѣздахъ, унося изъ нихъ дѣтенышей. Од-нажды владѣлецъ имѣнія замѣтилъ сильное возбужденіе среди сорокъ, соби-равшихся цѣлыми стаями, съ крикомъ кружившихъ по воз-духу. Но вотъ появи-лась кошка. Ожесто-чившіяся сороки мас-сами кинулись на нее, схватили и под-няли на воздухъ. Кошка неусто-йчиво мяукала, но птицы упо-сили ее все выше и выше и наконецъ бросили внизъ. Хищ-ница потому только осталась въ живыхъ, что упала въ прудъ и вода умѣрила силу удара. Она пошла еше-живая домой и съ тѣхъ поръ не трогала больше сорочьихъ гнѣздъ. Слу-чай этотъ заслуживаетъ вѣры, такъ какъ сообщенъ вполне уважаемымъ, правдолюбивымъ лицомъ.

Любопытный примѣръ сообразительности приводитъ одинъ любитель птицъ о скворцѣ, которому однажды поставили воду для питья въ бутылкѣ съ длиннымъ горлышкомъ. Скворецъ никакъ не могъ достать воды, но онъ сейчасъ-же нашелся. Онъ сталъ таскать въ бутылку песокъ и камешки, пока вода не поднялась настолько, что онъ могъ утолить свою жажду.

Кромѣ памяти и соображенія, птицы обладаютъ весьма раз-витою способностью распознаванія, безъ которой не могло-бы существовать сужденій и выводовъ, необходимыхъ для сообра-женій. Примѣръ этому мы видимъ на тѣхъ-же всѣми прези-

раемыхъ воробьяхъ. Одинъ любитель птицъ, пасторъ, приучилъ воробьевъ прилетать къ открытому окну и даже встать въ комнату, гдѣ онъ поспалъ имъ крошки хлѣба. Чтобы испы-тать птицъ, пасторъ одѣлъ однажды въ свое платье племян-ника и посадилъ его на свое обычное мѣсто. Но птицы, уже подлетѣвъ къ окну, приходили въ волненіе; въ комнату влетать не рѣшались и тотчасъ-же улетали прочь. Слѣдовательно, воробьи твердо знали своего покровителя. Пока у письменнаго стола сидѣлъ племянникъ, они не являлись, но какъ только пасторъ занималъ свое мѣсто, они не заставляли себя ждать, послѣ того какъ какой-нибудь бойкій воробушекъ осмагривалъ мѣстность и созывалъ чирканьемъ своихъ товарищей.

Не менѣе удивите-ленъ разсказъ одно-го тюрингенскаго по-мѣщика, который по-сѣялъ у себя въ ого-родѣ горохъ. Къ величайшему негодова-нію ключницы, ры-цари хищничества и большихъ дорогъ — воробьи, не замедли-ли напасть на моло-дые всходы. Ключ-ница часто приходи-ла въ огородъ гонять разбойниковъ, кото-рые однако съ на-смѣшливымъ чир-каньемъ каждый разъ возвращались на прежнее мѣсто, какъ только скры-вался изъ виду ея бѣлый передникъ. Тогда ключница при-думала прекрасное средство. Она при-казала одѣть соло-менное чучело въ свое старое платье и поставить въ огоро-дѣ. И чепчикъ, и бѣ-лый передникъ бы-ли налицо. И что-же? Послѣ этого во-робьи конечно пере-стали летать въ го-рохъ. Какъ-бы не такъ! Они безъ вся-кой церемоніи про-должали лакомить-ся любимымъ блю-домъ, хорошо пони-мая, что чучело и врагъ ихъ — ключни-ца, совсѣмъ не одно и то-же лицо.

Каждый деревен-скій житель можетъ подтвердить, что во-ронъ умѣетъ отличить охотника отъ всякаго другаго че-ловѣка; онъ спокой-но подпускаетъ къ себѣ каждаго и уже издали летитъ отъ охотника.

Можно-ли, въ виду этихъ явленій, сомнѣваться въ спо-собности распознава-нія у птицъ? Но это-го мало. Не мень-

шаго вниманія достойна ихъ удивительная понятливость. Вспомнимъ о появляющихся на всѣхъ ярмаркахъ ученыхъ канарейкахъ, искусство которыхъ нерѣдко поражаетъ зрителя. Вспомнимъ, какъ многія птицы легко выучиваются говорить. Говорящіе скворцы, воробьи, вѣроны и попуган не рѣдко, но тѣмъ не менѣе насъ поражаетъ разсказъ о попугаѣ, принадле-жавшемъ намѣстнику Нидерландовъ, принцу Моризу Нассау-скому. Изъ сотенъ словъ и фразъ, которыя попугай этотъ про-носилъ, онъ всегда умѣлъ выбрать самую подходящую и своею находчивостью нерѣдко превосходилъ людей. Каждый, кто слушалъ эту птицу, нѣмѣлъ отъ удивленія. Что это не анекдотъ, а исторически - вѣрный фактъ, удостовѣрено много-численными свидѣтельствами.

Впрочемъ, мы можемъ привести примѣръ и изъ собствен-

Дошались. Карт. Луизы Макс-Эйлеръ, грав. Кнезингъ.

Собственноручный портретъ Рембрандта въ галереѣ Питти (Флоренція). Грав. Леонъ Флѣре.

ныхъ наблюдений. Въ нашемъ городкѣ, у одного булочника, былъ въ лавкѣ зеленый поугай. Онъ не замедлилъ заучить фразу: „Здравствуйте! позвольте булку!“ и произносилъ ее каждый разъ, когда кто-нибудь приходилъ за хлѣбомъ, но не повторялъ никогда, если былъ одинъ. Инстинктъ-ли это или сознание?

Во времена Моцарта, въ Вѣнѣ былъ одинъ поугай, за котораго предлагали невѣроятныя деньги. Онъ зналъ тысячи фразъ и выказывалъ чрезвычайный умъ. Такіе примѣры далеко не рѣдки.

Одинъ скворецъ, принадлежавшій трубачу, въ такой точности перенялъ звукъ трубы, что однажды поразилъ полковаго командира, совершенно явственно воспронявшаго сигналъ къ выступленію. Другой, принадлежавшій многочисленной семьѣ, научился передразнивать дѣтскій крикъ до такой полной иллюзии, что позднѣйшій хозяинъ готовъ былъ думать, что скворецъ воруетъ и прячетъ дѣтей.

Нельзя не упомянуть также объ ученыхъ домашнихъ голубяхъ, которыхъ въ Константинополь, въ богатыхъ домахъ, держатъ тысячами. По знаку надзирателя, они дѣлятся на отряды, бѣлые и пестрые, дѣлаютъ повороты направо и налево, наступаютъ и отступаютъ, и совершаютъ по комнатамъ всевозможныя эволюціи.

Большую сообразительность проявляетъ и ягнятникъ, который загоняетъ сериъ, коровъ и козъ на высокія скалы и пытается сбросить ихъ, равно какъ и людей, ударами крыльевъ въ пропасть, гдѣ жертва разбивается до смерти. Уже древніе римляне знали такой приемъ умной птицы и называли ее поэтому „Ossifraga“, т. е. „костоломомъ“.

Птицы вездѣ легко привыкаютъ къ человѣку. Въ парижскомъ Домѣ Инвалидовъ, воробушекъ нашелъ въ зимнее время пріютъ у инвалида Жака Гиспара, который сильно привязался къ птичкѣ—кормилъ ее и такъ приручилъ къ себѣ, что она позволяла повязать себѣ на шею красную ленточку съ бубенчикомъ. Съ наступленіемъ лѣта гостя исчезла на короткое время, по потомъ вернулась снова и, вмѣстѣ потерянной ленточки, дала повязать себя другую. Она уже не покидала своего покровителя и не переехала его, когда тотъ вскорѣ умеръ.

Дѣйствительно, достойно замѣчанія, какъ быстро всѣ породы

птицъ привыкаютъ къ человѣку, какъ-бы ни были онѣ дикіи и пугливы по природѣ. Канарейка садится на плечо и руку своего хозяина, голубь беретъ кормъ у него изъ рукъ, поугай садится ему на плечо и вездѣ сопровождаетъ его. Пернатые друзья человѣка даже тогда привыкаютъ къ нему, когда встрѣчаютъ несоотвѣтственную своей природѣ обстановку. Такъ, напр., въ Венеціи голубь, спасаясь отъ хищной птицы, влетѣлъ однажды въ комнату композитора. Музыкантъ игралъ на фортепиано, но птица быстро превозмогла свой страхъ и сѣла на рояль, который сдѣлался съ тѣхъ поръ ея постояннымъ мѣсто-пробываніемъ. Голубь выражалъ удовольствіе при гармоническихкихъ звукахъ, фальшивые-же приводили его въ сильное волненіе. Точно также влетѣла однажды ласточка въ комнату, гдѣ семья играла на фортепиано. Птичкѣ также понравилась музыка; черезъ нѣсколько времени она вернулась со своей самкой и обѣ принялись вить подъ крышей гнѣздо. Ласточки впоследствии часто влетали въ комнату, въ особенности когда кто-нибудь игралъ на фортепиано.

Мы уже упоминали, что птицѣ не чужды порывы ненависти и мести. Въ подтвержденіе этого приводить много случаевъ, начиная отъ ласточекъ и воронъ, которыя цѣлыми стадами преслѣдуютъ днемъ сову, до тѣхъ пѣтуховъ, которые за право господства и изъ ревности дерутся между собою на смерть.

Ручной аистъ, жившій на дворѣ у одного крестьянина, имѣлъ привычку нападать на пролетающихъ мимо своихъ дикіихъ собратьевъ. Однажды, пострадавшій возмутился; онъ сталъ преслѣдовать обидчика, вмѣстѣ съ другими товарищами, и они общими силами забили его на смерть.

На птичьемъ дворѣ, пѣтухъ долго, безъ всякой причины, преслѣдовалъ гуся. Наконецъ послѣдній собрался съ духомъ, схватилъ обидчика за шею, потащилъ къ пруду и такъ долго держалъ его подъ водой, что тотъ испустилъ духъ.

Можно-ли, послѣ всего вышеприведеннаго, сомнѣваться въ томъ, что птицы имѣютъ разумъ? Мы думаемъ, что всякій, кто убѣдился въ этомъ, постарается окружить ихъ заботами и пощечинами, не станетъ умышленно преслѣдовать и мучить ихъ и распространитъ свое сердечное отношеніе не только на тѣхъ, болѣею частью симпатичныхъ, представителей птичьяго царства, о которыхъ мы здѣсь упоминали, но и на все живущее. (с).

Къ рисункамъ.

„Съ мороза“. Картина Степанова. (Рис. на стр. 564).

Какъ извѣстно, въ самый разгаръ Смутаго времени, при царѣ Василии Шуйскомъ и Тушинскомъ самозванцѣ, въ концѣ февраля 1609 года, стольникъ Головинъ и дьякъ Сыдавинъ Зиповъевъ заключили съ повѣренными Шведскаго короля Карла IX договоръ, по которому король обязался отпустить на помощь Шуйскому 2000 конницы и 3000 пѣхоты наемнаго войска, да сверхъ этихъ наемниковъ обязался отправить еще неопредѣленное число войска въ знакъ дружбы къ царю. За эту помощь Шуйскій отказался за себя и дѣтей своихъ и наследниковъ, отъ правъ на Ливонію. Шведы послали въ Россію, кромѣ 5000 наемниковъ, еще около 10,000 всякаго разноплеменнаго сброда, подъ начальствомъ Якова Делагарди, получившаго хорошее военное воспитаніе. Съ помощью ихъ сѣверъ Россіи былъ вскорѣ очищенъ Скоициемъ отъ бродячей вольницы, и шведскимъ войскамъ, на первыхъ порахъ по крайней мѣрѣ, не разъ приходилось водить хлѣбъ-соль съ признавательными русскими ратниками. Картина Степанова изображаетъ одну изъ такихъ сценъ. Русский болгарскій сынъ отогрѣваетъ пережившаго на морозѣ шведа добрымъ кубкомъ фряжскаго вина, поглядывая съ добродушной усмѣшкой, какъ „нѣмчинъ“ дуетъ себѣ въ руки законченнѣйшій отъ холоду.

„Наболѣвшее сердце“. Карт. И. П. Загорскаго. (Рис. на стр. 565).

Насколько разнообразно дарованіе И. П. Загорскаго, можно судить по картинамъ его, бывшимъ на Академической выставкѣ текущаго года и гравюры съ которыхъ читатели найдутъ на страницахъ 469 и 565 нашего журнала. Сценка „Передъ обѣдомъ“ написана имъ съ большимъ юморомъ, а картина „Наболѣвшее сердце“ полна трогательнаго драматизма. Молодая женщина въ порывѣ безысходнаго горя припала къ плечу старушки-матери. Лица ея не видно, но вся фигура такъ и говоритъ о тяжелыхъ минутахъ ея переживаемыхъ. Такъ и кажется, что подъ бѣлою тканью платья нервно вздрагиваетъ молодое тѣло отъ рыданій, понемногу стихающихъ при словахъ утѣшенія.

„Надулась“. Карт. Бугро. (Рис. на стр. 569).

Въ нынѣшнемъ году французскіе художники открыли сразу двѣ большія выставки. Одну хорошо извѣстную, подъ названіемъ „Салона“, и другую на Марсовомъ полѣ. Во главѣ устроителей второй изъ упомянутыхъ выставокъ находится знаменитый Мейсонъ съ Шаваномъ, Дюбуфомъ и другими артистами, которые отдѣлились отъ „Салона“, недовольные нѣкоторыми

постановленіями его жюри, гдѣ видное положеніе заслуженно занимаетъ много лѣтъ Бугро. Чтобы дать понятіе о мастерской кисти и замѣчательномъ талантѣ этого художника, мы помѣщаемъ на стр. 569 гравюру съ картинъ его „Надулась“, незначительной по содержанію, но носящей на себѣ всю прелесть манеры французскаго мастера.

„Веселая поѣздка“. Карт. А. Вѣрушь-Ковальскаго. (Рис. на стр. 572 и 573).

Вѣковой гнетъ шляхетскаго произвола не сломилъ врожденныхъ свойствъ крестьянина привилегіискихъ губерній. Какъ всѣ славяне, крестьянинъ-полякъ отличается широкимъ гостеприимствомъ, кротостью, уживчивостью и мало склоненъ къ дурнымъ страстямъ. Онъ признателенъ, и подчасъ достаточно ласковаго слова, крошечки снисхожденія, чтобы пріобрѣсти права на его преданность. Съ освобожденіемъ крестьянъ эти добрыя свойства, развиваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, конечно, еще болѣе упрочатся. Женщины особенно выдаются своимъ веселымъ нравомъ и кокетливостью. Вѣрушь-Ковальскій изобразилъ намъ по всей вѣроятности влюбленную парочку молодыхъ крестьянъ. Паренекъ взялся подвести къ хутору свою зазнобушку, встрѣтившуюся ему на дорогѣ. Дѣвушка—на это указываетъ непокрытая голова съ прической въ двѣ косы—расшались, разогнала лошадей, заиряженныхъ по мѣстному обычаю въ дышло, а сама наигрываетъ кнутомъ по возжамъ, какъ на скрипкѣ, то напѣвая, то закатываясь звонкимъ смѣхомъ, къ полному удовольствію своего жениха, который не наглядится на шалунью.

„Дошались“. Карт. Луизы Максъ-Эрлеръ. (Рис. на стр. 576).

Проказы Амура издревле вдохновляли поэтовъ и художниковъ. Какъ извѣстно изъ классиковъ, шаловливому сыну богини красоты нѣрѣдко доставалось отъ самой Афродиты, когда ему случалось не падить и ее своими стрѣлами. Талантливая художница выбрала сюжетомъ своей картины именно одинъ изъ этихъ моментовъ, когда проказникъ дошались до заслуженнаго наказанія и, горько плача, прикрываетъ ручонкой слѣды его.

Собственноручный портретъ Рембрандта. (Рис. на стр. 577).

Вѣнцомъ твореній великаго голландскаго живописца, какъ извѣстно, былъ портретъ, которому онъ постоянно придавалъ особенное, весьма эффектное освѣщеніе, мягкими переходами отъ сильнаго свѣта къ глубокимъ тѣнямъ, донныя сохранив-

шее названіе Рембрандтовскаго. Въ портретѣ этотъ мастеръ и теперь остался недостижимымъ, а до него никто не умѣлъ придавать человѣческому лицу такой жизненной индивидуальности. Мастерскія произведенія этого рода находятся въ СПб. Эрмитажѣ, Берлинскомъ музеѣ, въ Вѣнѣ, Дрезденѣ, Лондонѣ, Касселѣ и у многихъ частныхъ лицъ. Особенно любилъ Рембрандтъ писать самого себя; два изъ такихъ собственноручныхъ портретовъ находятся въ Берлинѣ, нѣсколько въ Лондонѣ и одинъ въ галереѣ Питти во Флоренціи. Послѣдній и прилагается здѣсь въ превосходной гравюрѣ Леона Флѣре.

Прибытіе наследнаго принца Италіанскаго въ СПб.

(Рис. на стр. 580).

Правительственный Вѣстникъ сообщаетъ слѣдующія подробности о прибытіи принца въ Петербургъ, послѣдовавшемъ въ пятницу, 18 мая:

На станціи Любань принцъ былъ встрѣченъ с.-петербургскимъ губернаторомъ, графомъ Толемъ. На вокзалѣ Николаевской желѣзной дороги былъ выставленъ почетный караулъ отъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка со знаменемъ и хоромъ музыки. Къ 2½ часамъ дня, на станцію, разукрашенную итальянскими флагами, прибыли Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и всѣ находившіеся въ СПб. Великіе Князья. Съ правой стороны почетнаго караула собрались: помощникъ Главнокомандующаго, генераль-отъ-инфантеріи Ребиндеръ, командиръ гвардейскаго корпуса, генераль-адъютантъ Манзей, начальники дивизій и другія высокопоставленныя лица. Всѣ имѣющіе итальянскіе ордена и ленты были въ нихъ.

Въ 2 часа 45 минутъ подошелъ къ платформѣ Императорскій поѣздъ, на которомъ по соединительной вѣтви прибыли изъ Гатчины Ихъ Императорскія Величества. Государыня Императрица съ Великою Княжною Ксенією Александровною отбыли со станціи въ Зимній дворецъ. Государь Императоръ, поздравившись съ начальствующими лицами, прошелъ по фронту почетнаго караула. Государь Императоръ былъ въ общегенеральской формѣ, Андреевской лентѣ и цѣпи итальянскаго ордена Благовѣщенія.

Въ 3 часа подошелъ Императорскій поѣздъ.

Принцъ Неаполитанскій вышелъ изъ вагона и былъ приветствованъ Государемъ Императоромъ и Великими Князьями. Принцъ былъ въ формѣ подполковника итальянской пѣхоты.

Его королевское высочество съ Его Величествомъ Государемъ Императоромъ пошелъ по фронту караула, принялъ ординарцевъ и затѣмъ въ коляскѣ поѣхалъ вмѣстѣ съ Его Величествомъ Государемъ Императоромъ въ Зимній дворецъ. На пути народъ громкимъ „ура“ приветствовалъ Высочайшихъ Особъ.

Вся столица украсилась русскими и итальянскими флагами. Окна, подъезды и балконы многихъ домовъ на Невскомъ проспектѣ и Морскихъ улицахъ были красиво драпированы цвѣтными матеріями.

Государыня Императрица съ Великими Князьями приняла принца въ Зимнемъ дворцѣ.

Наслѣдникъ принцъ Неаполитанскій остановился во второй запасной половинѣ въ Зимнемъ дворцѣ, гдѣ останавливался и Японскій принцъ.

Въ 7 час. вечера, Неаполитанскій принцъ былъ съ визитомъ въ Собственномъ Его Величества Анничковомъ дворцѣ, а въ 8 час. вечера состоялся въ томъ же дворцѣ семейный обѣдъ.

19 мая, въ Высочайшемъ присутствіи и въ присутствіи принца происходили: спускъ съ эллинга новаго адмиралтейства броненосной лодки „Грозной“, закладка на верфи общества франко-русскихъ заводовъ корабля „Наваринъ“ и на верфи Балтійскаго судостроительнаго завода—закладка броненоснаго крейсера „Рюрикъ“ и спускъ Императорской яхты „Полярная Звѣзда“. Въ тотъ же день, во дворцѣ Великаго Князя Павла Александровича былъ обѣдъ въ честь принца. Въ воскресенье 20 мая, происходилъ въ Высочайшемъ присутствіи и въ присутствіи принца церковный парадъ л.-гв. Измайловскаго полку. Въ тотъ же день, въ 6½ часовъ пополудни, въ Зимнемъ дворцѣ состоялся обѣдъ, къ которому были приглашены всѣ Высочайшія Особы, министры съ суиругами, итальянскій посолъ и др. лица. Ея Величество Государыня Императрица шла къ столу подъ руку съ его королевскимъ высочествомъ принимаемъ Неаполитанскимъ. 21 мая, принцъ посѣтилъ Петергофъ; а 22 мая, утромъ, осматривалъ Гостинный дворъ и былъ въ нѣкоторыхъ магазинахъ, затѣмъ въ 5½ час. дня уѣхалъ на Импе-

раторскомъ царовомъ катерѣ „Петергофъ“ осматривать петербургскіе острова. Въ среду, 23 мая, принцъ былъ въ Царскомъ Селѣ и Павловскѣ, а 24 мая принцъ отбылъ осматривать водопадъ Иматру въ Финляндіи.

Спускъ на воду Императорской яхты „Полярная Звѣзда“.

(Рис. на стр. 580).

Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* находимъ слѣдующія подробности этого морскаго торжества:

Нева въ этотъ день представляла величественную и оживленную картину. Начиная отъ Николаевскаго моста до взморья, вытянулась линія морскихъ судовъ, пришедшихъ изъ Кронштадта участвовать въ торжествѣ.

Около двѣнадцати часовъ Ихъ Величества на катерѣ „Петергофъ“, съ флагъ-капитаномъ Его Величества, свиты контръ-адмираломъ Басаргиннымъ на руль, направились къ верфи Балтійскаго завода, гдѣ была закладка крейсера „Рюрикъ“ и спускъ на воду Императорской яхты „Полярная Звѣзда“. Здѣсь, въ эллингѣ, стоялъ почетный караулъ отъ гвардейскаго экипажа со знаменемъ и хоромъ музыки.

Закладка была совершена церемоніальнымъ порядкомъ, послѣ чего, Ихъ Величества поднялись на Императорскую яхту „Полярная Звѣзда“, которую подробно осматривали. Ихъ Величества были встрѣчены командиромъ, капитаномъ 1-го ранга, княземъ Шаховскимъ (пожалованнымъ въ этотъ день флигель-адъютантомъ). Судовой караулъ при хорѣ музыки морскаго училища отдалъ честь. По осмотрѣ яхты Ихъ Величества вышли на эллингъ, гдѣ на концѣ его была поставлена красивая Царская бесѣдка въ видѣ терема. Въ ней находилась модель и чертежи яхты. Безъ двухъ минутъ въ часъ, яхта, съ парящимъ двуглавымъ орломъ на носу, тронулась и плавно скагилась въ воду. Громъ салюта, звуки гимна и долгое многотысячное „ура“ командъ, рабочихъ и зрителей приветствовали ея спускъ. Ихъ Величества затѣмъ отбыли на катерѣ во дворецъ Великаго Князя Алексѣя Александровича. По пути, на судахъ, люди становились по реямъ и кричали „ура“. Во дворцѣ Генераль-Адмирала состоялся завтракъ, къ которому были приглашены высшіе чины морскаго вѣдомства и командиры судовъ.

Кронштадтскій Вѣстникъ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о постройкѣ и размѣрахъ „Полярной Звѣзды“. Постройка начата 20 августа 1887 года, на верфи Балтійскаго завода, причѣмъ на кузовъ корабля со штевенемъ, рулемъ и проч. пошло 62,600 пудовъ стали. Длина судна по ватеръ-линіи 315 фут. 6 дюйм., наибольшая ширина 46 фут., вмѣстимость 3,640 тоннъ. Паровая машина, въ 6,000 лошадиныхъ силъ, построена также на Балтійскомъ заводѣ. Строитель яхты инженеръ Титовъ.

Встрѣча сотника Д. Н. Пѣшкова въ СПб.

(Рисунки на стр. 581).

Дмитрій Николаевичъ Пѣшковъ, портретъ котораго, вмѣстѣ съ изображеніемъ его „Сърага“, мы помѣстили въ № 15 *Нивы*, прибылъ въ СПб. 19 мая. Въ этотъ день навстрѣчу ему, на Московское шоссе за Триумфальныя ворота, выѣхали офицеры гвардейской казачьей бригады къ такъ-называемой Средней Рогаткѣ. Въ началѣ двѣнадцатаго часа дня показался Пѣшковъ на своемъ конѣ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ и казаковъ, выѣзжавшихъ къ нему навстрѣчу въ разныхъ мѣста до Новгорода включительно. Послѣ первыхъ приветствій, офицеры пригласили его остановиться въ помѣщеніи Казачьихъ казармъ и завтракать съ ними въ помѣщеніи Лейбъ-Казачьяго полка. У казармъ кавалькаду встрѣтилъ маршемъ хоръ трубачей лейбъ-гвардіи Атаманскаго полка, а на дворѣ казармъ другой хоръ, при громкихъ крикахъ *ура!*

Затѣмъ въ офицерскомъ собраніи Лейбъ-Казачьяго полка состоялся завтракъ, меню котораго было украшено рисунками Н. Н. Каразина; за столомъ Пѣшковъ сидѣлъ командира Атаманскаго полка М. М. Грекова. Завтракъ прошелъ оживленно среди обращенныхъ къ виновнику торжества тостовъ и рѣчей, между коими особенно выдавался рѣчь „старога кавалериста-азата“ Н. Н. Каразина. Пѣшковъ предложилъ тостъ за Донскихъ казаковъ, какъ за родоначальниковъ Сибирскаго казачества, затѣмъ ораторъ переходилъ изъ обширныхъ объѣговъ въ другія, его качали на рукахъ, и конецъ обѣду восторгу положила лишь необходимость сѣсть на обѣдъ въ офицерскую кавалерійскую школу.

Политическое обозрѣніе.

Въ настоящее время по Россіи путешествуетъ наследникъ Италіанскаго престола, Викторъ-Эмануилъ, принцъ Неаполитанскій. На всемъ прогяженіи нашего обширнаго отечества, отъ Закавказской области до столицы имперіи, высокой гость былъ предметомъ самыхъ радужныхъ встрѣчъ и приемовъ. Гостеприимство, какимъ издавна славятся Русскіе, не осталось незамѣченнымъ въ Италіи и на него восторженно указываетъ итальянская печать. *Opinione*, *Popolo Romano* и провинціаль-

ныя газеты высказываютъ величайшее удовольствіе по поводу приѣма, оказаннаго въ Петербургѣ наследному принцу. *Riforma* говоритъ: „Гостеприимство, оказанное въ Россіи принцу Неаполитанскому, считаютъ здѣсь какъ бы обращеннымъ ко всей Италіи, гдѣ этимъ глубоко тронуты и гдѣ все болѣе желаютъ поддерживать сердечныя отношенія съ Россіей“. Послѣднее желаніе начинаетъ проявляться и въ политикѣ, если вѣрять главѣ итальянскаго министерства Криппи, заявившему недавно

Прибытие наследного принца Итальянского в СПб. Отъезд Государя Императора сь принцемъ отъ Николаевского вокзала въ Зимній Дворецъ.
Съ фот. генер. Насвѣтевича.

Спускъ на воду Императорской яхты „Полярная Звѣзда“. Съ фот. инженеръ-полковника Козлова.

Встрѣча сотника Д. Н. Пѣшкова у Средней Рогатки подъ Петербургомъ. Съ фот. генер. Насвѣтевича.

Прибытіе сотника Пѣшкова къ казармамъ лейбъ-гвардіи Атаманскаго полна въ СПБ. Съ фот. генер. Насвѣтевича.

въ палатѣ, что никогда отношенія Италіи, отъ Петербурга до Парижа, не отличались такимъ сердечнымъ характеромъ, какъ въ настоящее время. Заявленіе это, правда, нѣсколько отличается отъ того, что высказывалъ г. Криспи неоднократно въ недалекомъ прошломъ, но оно, можно думать, пришлось болѣе по вкусу итальянцамъ, чѣмъ презрѣнія его откровенія о виѣшней политики Италіи; по крайней мѣрѣ, защита Криспи „своей политики“ на этотъ разъ была встрѣчена горячими рукоплесканіями, и палата, по именному голосованію, вотировала, большинствомъ 329 голосовъ противъ 61, формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, выражающую довѣріе къ кабинету.

Въ Шабцѣ, куда король Сербскій отправился въ сопровожденіи своего отца, Ристича, Груича и Таушановича, бывшій король Миланъ на обѣдѣ произнесъ рѣчь, въ которой распространился о заслугахъ династіи Обреновичей. Между прочимъ, онъ высказалъ, будто бы во время своего царствованія, онъ, Миланъ, стремился ввести Сербію въ семью цивилизованныхъ государствъ (!) и велъ страну по пути прогресса.

Процессъ Паницы окончился 18 мая послѣ шестичасоваго совѣщанія, и военный судъ постановилъ приговоръ. Паница приговоренъ къ смертной казни чрезъ расстрѣліаніе за то—какъ сказано въ приговорѣ—что онъ составилъ заговоръ противъ жизни принца Кобургскаго и министровъ и, при

поземной помощи, замыслилъ ниспровергнуть существующій въ Болгаріи порядокъ вещей. Военный судъ, какъ телеграфируютъ изъ Вѣны въ *Daily News*, ходатайствуетъ однако передъ принцемъ о замѣнѣ исполненія смертнаго приговора надъ Паницею заключеніемъ его въ тюрьму на пятнадцать лѣтъ. Изъ прочихъ подсудимыхъ приговорены къ тюремному заключенію: Колобковъ на 9 лѣтъ, поручикъ Ризовъ и Арнаудовъ—на 6 лѣтъ, офицеры Татевъ, Чавдаровъ и торговцы Моловъ и Киссиновъ—на 3 года, Стефановъ—на 5 мѣсяцевъ, съ зачетомъ въ этотъ срокъ 2 1/2 мѣсяцевъ пребывания его подъ стражею во время слѣдствія. Абланскій, Нажаровъ, Стаменовъ, журналистъ Ризовъ, Матеевъ и Пантелей Киссиновъ признаны виновными. За исключеніемъ Матеева, всѣ оправданные по дѣлу Паницы подсудимые, а именно журналистъ Ризовъ, Абланскій, Стаменовъ, Нажаровъ и Пантелей Киссиновъ, высланы въ ночь на 22 мая изъ Болгаріи и отправлены подъ конвоемъ до сербской границы.

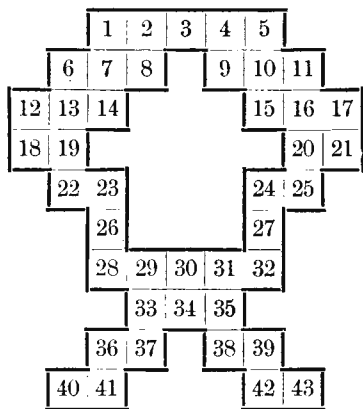
Такова развязка всего заговора. По приговору ясно можно судить о серьезности всего дѣла.

Во Франціи, президентъ Карно подписалъ декретъ о помилованіи (!) герцога Орлеанскаго, который будетъ высланъ за границу. Герцогъ Орлеанскій прибылъ 23 мая утромъ въ Базель и вечеромъ выѣхалъ отсюда въ Англію. Въ отвѣтъ на помилованіе герцога Орлеанскаго социалистскіе депутаты внесуть предложеніе объ общей амнистіи.

Задача буквъ (Ходъ короля) № 31.

Н. С. Даржана.

- Найти слѣдующія 9 словъ:
 1) Первосвященникъ иудейскій 33. 37. 1. 26.
 2) Городъ въ Италіи 40. 14. 27. 38. 30. 34.
 3) Древнѣйшій греческій историкъ 43. 16. 29. 3. 11. 39. 12.
 4) Произведеніе А. Н. Островскаго 8. 35. 5. 25. 28.
 5) Юго-восточн. кантонъ Швейцаріи 15. 41. 6. 42. 19. 13.
 6) Число 24. 31. 23.
 7) Часть сутокъ 9. 32. 7. 2.
 8) Овощъ 10. 18. 4. 21.
 9) Земледѣльческое орудіе 22. 17. 20. 36.

Буквы найденныхъ словъ размѣстить на мѣстахъ соответствующихъ чиселъ въ квадратахъ, но такъ, чтобы можно было прочесть *посредствомъ хода короля* отрывокъ изъ произведенія извѣстнаго русскаго баснописца.

Шарада. Задача № 32.

Слогъ первый мой — предлогъ или нота,
 Обдумайте вы это не спѣша,
 Коль разгадать шараду вамъ охота
 И время вамъ не стѣнитъ ни гроша.
 Найти второй охотниковъ не мало;
 Его въ лѣсахъ искали встарь бывало,
 Въ нашь вѣкъ же ловкій казначей
 Находить сплоскъ въ казенной кассѣ.
 Затѣмъ спѣшу безъ дальнихъ я рѣчей
 Подѣхать къ цѣлому на замышленномъ Пегасѣ:
 Его директору съ почтительной улыбкой,
 Склонясь при томъ спиною гибкой,
 Въ урочный часъ, въ надеждѣ одобренья,
 Подноситъ чопорный начальникъ отдѣленья.

СОДЕРЖАНІЕ: В. И. Немировичъ-Данченко (съ портр.). — Жизнь, какъ она есть. Романъ въ пяти частяхъ Вас. И. Немировича-Данченко. Часть I. — Умъ птица. Естественно-историческій очеркъ Карла Кассуа. — Къ рисункамъ „Съ мороза“. Карт. Степанова (съ рис.). — „Наболѣвшее сердце“. Карт. И. П. Загорскаго (съ рис.). — „Надулась“. Карт. Бугро (съ рис.). — „Веселая побѣда“. Карт. А. Вѣрушъ Ковальскаго (съ рис.). — „Дошались“. Карт. Луизы Мансъ-Эрлеръ (съ рис.). — Собственноручный портретъ Рембрандта (съ портр.). — Прибытіе наследнаго принца Италіанскаго въ СПб. (съ рис.). — Спускъ на воду Императорской яхты „Полярная Звѣзда“ (съ рис.). — Встрѣча сотника Пѣшкова въ СПб. (съ 2 рис.). — Политическое обозрѣніе. — Задачи. — Заявленіе. — При семь № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ЮНЬ 1890 г., съ 28 рис. и отд. листъ съ 32 чертеж. выкроекъ въ натур. величину и 26 рис. выпальныхъ работъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „НИВА“ проситъ Гг. подписчиковъ, НЕ ВЪНЕСШИХЪ ПОЛНУЮ ГОДОВУЮ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ за „НИВУ“ 1890 г., озоботиться своевременными взносами слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатные адреса отъ бандеролей.

НОВОСТЬ!!
 НОВѢЙШІЙ
 И
 ЛУЧШІЙ
МЕХАНИЧЕСКІЙ
 ИНСТРУМЕНТЪ
ПІАНО-МЕЛОДИКО
 30x10x6 1/2 вершковъ.
 Цѣна 90 рублей.
 Ноты отдѣльно по 80 коп. за 1 (одинъ) метръ (1 метръ=1 1/2 аршин.).
 Требуется подробное описаніе и каталогъ нотъ
І. Ф. МЮЛЛЕРЪ
 Москва, Петровка, д. Волкова, противъ Столешникова чертулка.

ЦИНКО-ЛИТЕЙНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЗАВОДЪ
 № 4520 **ГЕОРГА ПОЛЬ** 4-3
 изготовляетъ по своимъ и по предложеннымъ рисункамъ: перила, балконы, карнизы, консоли, розетки, чешуйчатые крыши, шпиль, флюгера; налитники надгробные и друг.; часовни, кресты и распятия; орлы русскіе и заграничныя гербы, медали всѣхъ выставокъ; для комнатъ, садовъ и парковъ—фонтаны, фигуры, группы и вазы.
 Одинъ листъ съ рисунками высылается за 5 к. марку.
 Магазины: Москва, Петровскія линіи.
 Заводъ: Москва, за Тверской заставой.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ ТОВАРИЩЕСТВО
 ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА И ПРИМѢНЕНІЯ
ОГНЕУПОРНАГО СОСТАВА Ѳ. Г. БАБАЕВА
 открыло свои дѣйствія общимъ собраніемъ найщиковъ, состоявшимся 5-го сего мая. Въ директоры правленія избраны: А. П. Львовъ (онъ же предсѣдатель), Г. Н. Рилленфельдъ и Ѳ. Г. Бабаевъ. Въ кандидаты къ нимъ: И. И. Зеештрандъ и К. А. фонъ Раабель (онъ же директоръ-распорядитель). Правленіе помѣщается въ С.-Петербургѣ, Пушкинская, № 4.
 Для распространенія предпріятія во всей Россійской Имперіи приглашаются благонадежные представители и агенты.
ЗАКАЗЫ ПРИНИМАЮТСЯ.

Вышло въ свѣтъ и поступило въ продажу въ **КОНТОРѢ ЖУРНАЛА „НИВА“** (СПБ., Невскій, 6), а также у всѣхъ известныхъ книгопродавцевъ:
новое изданіе А. Ф. МАРКСА:
ВСПОМОГАТЕЛЬНАЯ КНИЖКА
ДЛЯ ЛѢСНИЧИХЪ
 И
ЛѢСОВЛАДѢЛЬЦЕВЪ.
 Состав. Ѳ. Арнольдъ.
 СПБ., 1890 г. Цѣна въ колѣнкоромѣ переплетѣ 75 коп., съ пересылкою 1 руб.

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ
„ГОЛЛЕНДЕРА“.
 Средство для уничтоженія мозолей и бородавокъ. Цѣна 35 коп. за флаконъ, за два флакона съ перес. 1 руб.
 Получать можно во всѣхъ парфюмерн., аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главный складъ у І. Голлендеръ, Демидовъ пер., № 1. Въ С.-Петербургѣ. (16) № 4366

Исаимовская невѣста. Исп. ром. въ 3 ч., соч. В. С. Соловьева. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р., въ кол. пер. 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Гармоничные фабрики
И. Ф. МЮЛЛЕРЪ
 МОСКВА, Петровка д. Волкова.
 Иллюстрир. Прейсъ-Курантъ
 всѣмъ инструментамъ **БЕЗПЛАТНО.**

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО

1. ГОЛЛЕНДЕРЪ
 для смягченія кожи.
 Новозобрѣтенное вазелиновое мыло, пріятнаго запаха, придаетъ кожѣ желаемую пѣжную мягкость. Цѣна за кусокъ 30 коп., 3 куска съ пересылк. 1 р. 50 к.
 Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи.
 Главный складъ: Спб., Демидовъ пер., д. № 1. (21) № 4278

ЛѢТНЯЯ НОВОСТЬ!
 Англійскіе растягивающіеся кушачи „ГРАЦІЯ“ изъ позолоченной проволоки съ массивн. позолоченнымъ замочкомъ, прогнанные бѣлымъ, розовымъ, голубымъ, золотымъ, синимъ, темно-краснымъ и чернымъ шелкомъ. Кушачи прозрачныя очень прохладительныя и пріятно носить для каждой дамы. Цѣна 3 руб. 50 коп. Торговцамъ дѣлаются уступки. Единственный складъ для Россіи у **ОСКАРА ЛЕССЕРЪ**, Спб., Садовая, 12—18, въ 1-мъ дворѣ

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Въ виду появившихся подражаній этикетамъ моего водочнаго завода въ Псковѣ, существующаго съ 1863 года, я покорнѣйше прошу господъ потребителей и покупателей моего завода, во избѣжаніе недоразумѣній, обращать вниманіе какъ на этикетки, такъ и на печать или капсулы, которыя должны имѣть **ФИРМУ МОЕГО ВОДОЧНАГО ЗАВОДА** **Петръ Калашниковъ въ Псковѣ.**

Вышелъ новый иллюстрированный прейсъ-курантъ на 1890 г. извѣстнаго англійскаго завода Зингеръ и Ко Ковентри. Представитель для всей Россіи Генрихъ Жемлица въ Москвѣ, уголъ Тверской и Старого Газетнаго пер., д. Фальцъ-Фейнъ, магазинъ № 19.

ЛВНИНГЪСЪ и ГЮЗИНГЪ

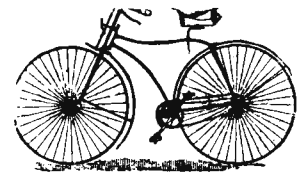
имѣють честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается для иллюстрированнаго журнала „Нива“. № 2408

ПРИГОТОВИТЕЛЬНЫЙ ПАНСИОНЪ

И. М. ХАЙНОВСКАГО
 (Москва, противъ храма Спасителя, д. князя Голицына)

помѣщается лѣтомъ близъ станціи Быково, Рязанской желѣзн. дороги, село Остѣнки.

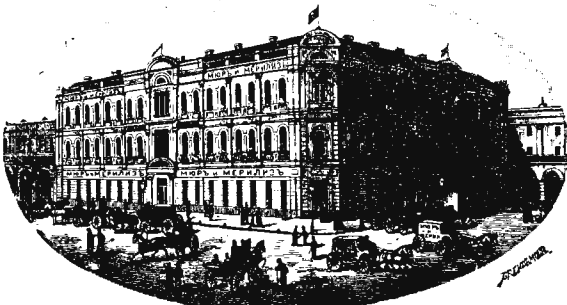
Пріемъ учениковъ, нуждающихся въ особой подготовкѣ къ какому либо экзамену, съ 25 мая.

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ
 Франкфуртъ и/М. Ц. № 4542
ФАБРИКАНТЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ „ОРЕЛЬ“. 16—4
 Великаго рода двухъ- и трехъ-колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей. Составныя части и принадлежности. Ищутъ агентовъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 фен. марками.

КОСМЕТИЧЕСКІЯ СРЕДСТВА,
 разрѣшены на общихъ основаніяхъ торговли, какъ не содержація въ составѣ своемъ вредныхъ здоровью веществъ. Косметикъ Одалискъ. Цѣна 2 р., пер. 50 к. Мамоново благовонное мыло, обильно пѣнившееся. Цѣна 60 коп., пересылка не менѣе 1/2 доз. Ориенталинская влажная пудра. Цѣна 2 р., пересылка 50 коп. Тополинъ — помада для волосъ. Цѣна 1 р. 50 к., перес. 50 коп. № 43-0
 Бальзамъ Колорадо, растительный продуктъ для волосъ. Цѣна 4 рубля, перес. 1 руб.
 Предметы эти находятся въ продажѣ: въ С.-Петербургѣ, въ магаз. Рузанова и Спб. Химической Лабораторіи. Буиса—въ Москвѣ, на Кузнецкомъ; въ Харьковѣ, Русск. Общ.; въ Вильнѣ у Грузевскаго. Для иногородн. въ магаз. Добржанскаго, въ Варшавѣ.

МЮРЪ и МЕРИЛИЗЪ
 Москва, Петровка, 2.

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ МОДЪ И НОВОСТЕЙ.
 Огромные склады фирмы МЮРЪ и МЕРИЛИЗЪ, вмѣщающіе въ себѣ всѣ безъ исключенія предметы изъ обширной области моды, одѣянія, туалетныхъ и хозяйственныхъ принадлежностей, въ состояніи удовлетворить всему, что опытомъ признано удобнымъ, полезнымъ и необходимымъ.

ИНОГОРОДНЫЕ ЗАКАЗЧИКИ могутъ разсчитывать на самое точное и скорое исполненіе порученій.
ОБРАЗЦЫ и ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ высылаются по желанію. Задатокъ при вынискѣ товаровъ, имѣющихся въ магазинѣ въ готовности, не требуется. Товаръ высылается почтой съ наложеннымъ платежомъ. Упаковка и пересылка на счетъ заказчиковъ.

Фирма **МЮРЪ и МЕРИЛИЗЪ** придерживается правила, чтобы во всѣмъ отрасляхъ ея торговли

РАЗЦѢНКА ТОВАРОВЪ НЕ ДОПУСКАЛА КОНКУРЕНЦИИ.
 Неуклонному слѣдованію этому принципу фирма обязана замѣчательно быстрому возрастанію своей торговли. Ц. № 4533 з—3

Во всѣхъ складахъ духовъ и во всѣхъ парикмахерскихъ по Франціи и за границей.

LA VELOUTINE
 Специальная рисо-висмутовая пудра.
CHAS LES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

По свидѣтельству врачебныхъ авторитетовъ этотъ **Purgativ** имѣетъ слѣдующія преимущества:

ГОРЬКАЯ ВОДА САКСЛЕНЕРА
 ИСТОЧНИКА „ГУНИАДИ-ЯНОСЪ“

Аккуратное и ВѢРНОЕ дѣйствіе, МАЛАЯ ДОЗА.

Владѣлецъ: **АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ** въ Будапештѣ.
ПРОДАЕТСЯ у ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ и АПТЕКАРЕЙ.
ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ Всеволода Крестовскаго (автора „Петерб. Трущобы“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

ПИШУЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.
 Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.
 Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылается бесплатно. № 3748
 Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
 Москва С.-Петербургъ
 Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21.

НОВОСТЬ! НА МЕХАНИЧЕСКОМЪ ЗАВОДѢ

ЕЕД. РЕТШКЕ,
 С.-Петербургъ, за Московской заставой, строится подъ непосредственнымъ наблюдениемъ самого автора и владѣльца патента **Александръ Петровичъ Энгельгардтъ:**
 Дрожжи, линейки, тьюлбери, тарантасы, охотничьи экипажи, ролпуски, платформы и прочія повозки

НА РЕЗИНОВЫХЪ РЕССОРНЫХЪ ВУФЕРАХЪ.
 ♦ Рессорный экипажъ, весьма удобный для проселочныхъ дорогъ — 125 рублей. ♦

ШОКОЛАТЪ
ФАБРИКИ С. СТУДЪ
 НАХОДИТСЯ ВО ВСѢХЪ ГОРЬКАХЪ РУССКИХЪ МАРКИ

БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ.

Косметина А. ЭНГЛУНДЪ.
 Противъ шероховатости кожи и пр. Цѣна каждой банки 1 руб., съ перес. 2 руб.—2 банки съ перес. 3 руб. Для предупрежденія поддѣлокъ прошу требовать на каждомъ этикетѣ подписи: А. Энгиландъ, красными чернилами и марку Спб. Косметической Лабораторіи.
 Получать можно: въ Русск. Общ. торгов. аптек. товарами, у А. Рузанова, Спб. Техно-Химич. Лабор.— въ Москвѣ у К. Феррейръ, В. Безбардистъ, Р. Келлеръ и Ко, О. Гетлингъ и во всѣхъ извѣстныхъ аптек. и парфюмер. торгов. Россійской имперіи. Главный складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, Спб. Косметическая Лабораторія А. Энглуандъ, Литейная, № 38. Ц. № 4470

Съ разрѣшенія Спб. Врачебнаго Управленія. № 4527 10—5

СВОБОДИНЪ
 Средство для уничтоженія **МОЗОЛЕЙ и БОРОДАВОКЪ.**
 Получать можно во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ маг. Россіи.
 Цѣна за флаконъ 35 коп.
 Съ пересылкой 2 флакона 1 руб.
ГЛАВНОЕ ДЕПО ДЛЯ РОССІИ
А. ГЕБГАРДТЪ,
 С.-Петербургъ, Казанская, д. № 5.

ЧОКРАКСКО-БУЛГАНАКСКАЯ
 грязе-лечебница „Товарищества“ врачей въ Крыму, въ г. Керчи. Сезонъ съ 15-го мая по 1-е сентября. Подробности въ брошюрѣ, которая высылается за одну семикоп. марку. Адр. въ г. Керчь, Таврич. губ., доктору Филимовичу. Ц. № 4440 13—11

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ
В. ГЕНА въ ВѢНѢ
 изъ грецкихъ орѣховъ.
 Безвредное средство для быстро окрашенія волосъ и бороды въ черныя, русыя, темно- и свѣтло-каштановыя цвѣта. 8—4
 Цѣна за флаконъ 3 руб. съ пересылкой.
 Главный складъ для Россіи у **В. Аурмихъ** въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18.

АСПАЗИНЪ

МИНЬО

Безвредныя растительныя
бѣлила
для цвѣта лица

ПУДРА АСПАЗИНЪ

для цвѣта лица

Требовать подпись МИНЬО

Единственный
изобрѣтатель-фабрикантъ

ED. PINAUD, парфюмеръ
PARIS
BOULEVARD DE STRASBOURG, 37

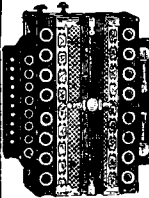
GRAND PRIX

EXPOSITION-PARIS 1889

ЛУЧШІЯ ВЪ МІРѢ

ГАРМОНИИ

фабрики Г. Ф. КАЛЬБЕ, по фабрич-
нымъ дешевымъ цѣнамъ.

Однорядныя: въ 4 1/2,
5 1/2, 6, 7, 7 1/2, 8,
9, 10, 11, 12, 15,
20 и 25 р.
Двурядныя: въ 12,
14, 15, 16, 18, 20,
25, 28 и 30 р. и ви-
нскіа въ 10 и 22 р.
Трехрядныя: въ 60
р. и виסקія въ
30, 50 и 75 р.
Самоучители Соко-
лова по 1 р. Ноты его же по 75 к. и
1 р. за тетрадь.

Гармонию можно имѣть нѣмецкаго или
русскаго строя.
Заказы изъ провинціи исполняются пе-
медленно и аккуратно.
Иллюстрир. преѣзъ-курантъ бесплатно.
Продажа оптомъ и въ розницу.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

главное депо
музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, В. Морская, № 34 и 40.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарына.

НОВОСТЬ!

ПИШУЩАЯ МАШИНА

„Victor“ (pat. Aug. 89).

Съ 2-мя алфавитами и цифрами
въ орѣхон. футл. 50 руб.

Машина „Victor“, по своему несложному
устройству, даетъ возможность каждому сразу
легко работать, безъ особаго изуче-
нія. Магазины „Д. В. Поляновъ съ С-ми“,
Невскій, 30, СПб. № 4575

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ

Специалист хронометровъ.
СПбургъ, Невскій пр., № 52
прот. Имл. Публ. Библиотек.
Оптовая и розничн. продажа.

Подробный иллюстрирован-
ный преѣзъ-курантъ высылается по востре-
бованію бесплатно. Пересылка на счетъ ма-
газина. Ручательство на 2 года. № 4501 20-4

ТИМОЛОВЫЙ зубной элексиръ.

ТИМОЛОВЫЙ зубной порошокъ.

ОСВѢЖАЮТЪ

РОТЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ

ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ

КОНТОРА и СКЛАДЫ въ С.-Петербургѣ.
Александринская площадь, № 7.

Продаются въ лучшихъ магаз. Имперіи.
Во избѣжаніе подражаній просимъ обра-
тить вниманіе на вышеназванную фаб-
ричную марку, утвердившую право
тѣствозма.

Подробные преѣзъ-куранты высылаютъ-
ся бесплатно. Ц. № 4488 7-2

ДЛЯ ЧИСТКИ ЗУБОВЪ.

EAU DE ВОТОТ

(ВОДА БОТО) Pt. № 4314 14-8

чищать зубы и освѣжаетъ ротъ.

Слѣдуетъ непремѣнно требовать настоящую
„ВОДУ БОТО“.

Главный складъ: 17, Rue de la Paix, PARIS.

Прежній адресъ: 229, Rue Saint-Honoré.

Продается во всѣхъ москательныхъ лавкахъ и
у всѣхъ парфюмеровъ.

Требов. также Туалетный Укусъ Бото вышн.
качества въ отношеніи тонкости запаха.

Представитель для всей Россіи: Н. Л. Натанъ,
Ипатьевскій пер., д. Гуськова, въ Москвѣ.

ДЛЯ СТРАДАЮЩИХЪ ЛЕГКИМИ

Лечебное заведеніе Д-ра Бремера, Герберсдорфъ,
Силезія, въ Исполинскихъ Горахъ,
учрежденное въ 1854 году. R. № 4457 12-10

Главный докторъ Ф. Вольфъ.

Обширный паркъ съ прилегающимъ къ нему еловымъ лѣсомъ. Искусственно проло-
женныя дорожки достигаютъ до 14 километровъ. Изящно убранный кургаузъ. Въ паркѣ
находится роскошная вилла. Цѣны умеренныя. Просекты высылаются бесплатно

Администрація лечебнаго заведенія Д-ра Бремера.

При заведеніи находится русскій врачъ.

Подробности методы леченія см. II изд. „Die Therapie der chronischen Lungen-
schwindsucht von Dr. H. Bremer. Verlag von I. F. Bergmann, Wiesbaden.

Только что вышло и поступило въ продажу у всѣхъ книгопро-
давцевъ новое изданіе А. Ф. МАРКСА въ СПб.:

ИСУСЪ

(сынъ Навина).

Новѣйшествованіе изъ библейскихъ временъ ГЕОРГА ЭБЕРСА.

Переводъ съ нѣмецкаго. (Право перевода приобрѣтено отъ автора).

Изящно изданный томъ въ 8° (387 страницъ), отпечатанный на
лучшей веленовой бумагѣ, красивымъ уборчатымъ шрифтомъ, съ
58-ю гравюрами въ текстѣ, исполненными по рисункамъ худож-
ника А. Земцова. СПб. 1890 г. Ц. 2 руб., съ перес. 2 р. 20 н.

Требованія просятъ адресовать въ СПб., въ контору журнала
„Нива“ (Невскій, 6).

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ,

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ Д-РА ЛЕНГИЛЯ

употребляется для бѣлизны кожи, лица и рукъ. Въ
виду многихъ поддѣлокъ прошу обратить вни-
маніе на припечатанную здѣсь охранительную
марку и на подпись единствен-
наго агента Василія Аурихъ,
въ С.-Петербургѣ, Колоколь-
ная, 18-19.

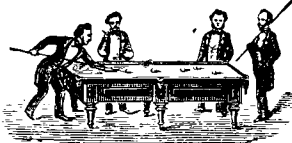
Цѣна: флакону 1 руб. 65 коп., бензоеное мыло 35 коп. и
50 коп. кусокъ, опо помада (лучше колль-крема) 1 руб. Упа-
ковка и пересылка въ Европ. Россіи 70 коп., въ Азіат. 1 р.
Имѣется во всѣхъ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ и
аптекахъ Россіи. В. № 4407 12-7

ВИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА

А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египет-
скаго моста, домъ № 7-2. 26-11

Иллюстрированные преѣзъ-куранты по востре-
бованіямъ высылаются безвозмездно.

ЭЛЕОПАТЪ ПРОВ. КИНУНЕНЪ

для волосъ. Элеопатъ Кинунена нахо-
дится для продажи во всѣхъ большихъ
Аптекъ и Космет. магазинахъ. Цѣна фла-
кону, содержащему 120 граммовъ, 1 р.
50 коп., но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе
на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого фла-
кона,—пров. Кинуненъ. (21) № 4287

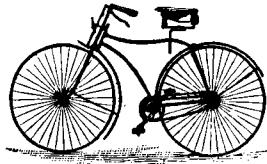
Главный складъ: С.-Петерб., Демидовъ пер., д. № 1.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

Торговый Домъ Ж. БЛОКЪ,

Москва, | С.-Петербургъ,
Кузнецкій мостъ. | В. Морская № 21.

имѣетъ
единственный складъ для всей
Россіи велосипедовъ: Спидъ,
Вишеть, Русскій Клубъ, Мол-
ниа (New Rapid), Имперіаль и пр.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ

Общедоступный Свѣтъ № 2
= 150 руб. =

Преѣзъ-Куранты высылаются бесплатно.
Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

КРАСИВО ПИСАТЬ

выучивается всякій заочно (посредствомъ
переписки) въ 15 уроковъ

у ПРОФЕССОРА КАЛЛИГРАФИИ

А. КОССОДО.

Методъ преподаванія на Парижской все-
мирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ зо-
лотой медали. № 4574

За 2 семикопѣчныя марки высылаются
пробное письмо и условія. Адресъ: Про-
фессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ
Одессѣ, Екатерининская, 8.

РЕЙНСКІЕ БУКЕТЫ

СЛѢДУЮЩИХЪ ЗАПАХОВЪ:

Подснѣжный, Гольдландъ, Жасминъ, Ге-
лотропъ, Ландышъ, Опонансъ, Резе-
да, Рейнская роза, Рейнская фіалка,
Рейнская цвѣтъ и Ясминикъ.

Превосходные, продолжительные и де-
шевые духи для платковъ.

Цѣна флакона, содержащаго 1/4 фунта

1 р. 25 коп.

Можно получать во всѣхъ лучшихъ
парфюмерныхъ и аптекарскихъ магази-
нахъ Россіи и заграниціи.

Главное депо у Алекс. Тиссъ и №,
Пушкинская, № 4.

С. ПЕТЕРЪ ВЪНА ПЕИШЪ БЕРЛИНЪ

„ЕКСИКАТОРЪ“

1000 СВИДѢТЕЛЬСТВЪ

ПРЕДОХРАНЯЕТЪ ДЕРЕВЕСЪ ОТЪ ГРИБКА

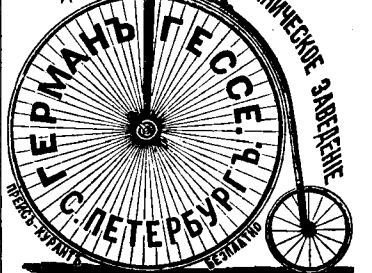
ВЫВОДИТЪ СЫРОСТЬ И ПР.

БРОШЮРА БЕЗПЛАТНО. ИДУ АГЕНТОВЪ

АДР. ИНЖ. Г. РИТТЕРЪ ВАРШАВА

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ МЕХАНИЧЕСКОЕ ЗАВѢДЕНІЕ

СКЛАДЪ

САДОВАЯ 16.

XXI г.
№ 23

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXI
1890

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 9 іюня 1890 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1890 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВЪ“ принимаются за строку непарейль (1/4 шир. стран.) въ Глав. Кон. Ред. по 75 к.—Загран.: для Франціи у Agence Havas по 2 fr. 40 c.; для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

Безъ доставки въ Петербургъ **5 р.**
Съ доставкою въ Петербургъ **6 р. 50 к.**
За границу, съ пересылкою **9 р.**

Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. линіи. **6 р.**
Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи . . . **7 р.**
9 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при „НИВЪ“ объявленія отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.

Везъ всякой доплаты за пересылку главныхъ премій.

Видъ Бенареса съ рѣки Ганга. Съ фот. грав. Кезебергъ.

ЖИЗНЬ, КАКЪ ОНА ЕСТЬ.

Романъ въ пяти частяхъ. **Вас. И. Немировича-Данченко.**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

IV.

Василій Герасимовичъ не могъ понять одного обстоятельства: съ тѣхъ поръ какъ онъ сталъ богатъ, всѣ задались цѣлю спасти его отъ чего-то, что ему самому было еще темно. Въ самомъ дѣлѣ, не только Станиславъ Сигизмундовичъ Приходзько, но и старый пріятель Наплаксинъ, Нешумовъ, дергавшіе его еще за чубъ по прежней привычкѣ, часто задумывались и говорили: „знаешь, Васька, тебя спасти нужно. Не безпокойся, мы будемъ около и не дадимъ друга въ обиду. Непремѣнно спасемъ!“ На что ужъ дуракъ, тупоумный теноръ Кимишкіанъ—и тотъ, съѣвъ два-три бифштекса, смотрѣлъ на него сладкими глазами, складывая свои толстыя губы сердечкомъ, и благодарно произносили: „знаишь, Василій Герасимчъ, тебѣ спасти надо. Ни бойся... Мы тебѣ выручимъ!“ И дѣйствительно, на первыхъ же порахъ приходилось ему спастись отъ капитана Буреломова и дѣвицы Мины Карловны Вантъ, которые, ворвавшись къ нему, вздумали было деспотически распоряжаться его личностью, яко-бы спасая въ свою очередь его интересы. Отъ этихъ спасителей Сластенова избавилъ Приходзько. Одинъ только Морданъ-Македонскій — остался вѣренъ самому себѣ, и какъ-то явившись къ нему въ Европейскую гостиницу, куда въ дорогой номеръ переѣхалъ Василій Герасимовичъ,—потребовалъ у него кратко и выразительно: „давай, братъ, рубаху и двугривенный на извозца“. — „Что такое?“ недоумѣвая спросилъ его Сластеновъ. — „Давай рубаху, чудакъ человѣкъ, крахмаленную! У тебя теперь много, а мнѣ сегодня у купца танцевать надо. Слышишь?“ — „Возьми денегъ и купи!“ — „Наплевать мнѣ на твои деньги! Ты мнѣ давай скорѣй“. И заполучивъ рубаху, Морданъ исчезъ. На другой день, когда въ гостиной у Сластенова сидѣлъ Приходзько съ какими-то двумя джентльменами, необыкновенно сладко и пріятливо смотрѣвшими въ глаза Василю Герасимовичу, къ нему ворвался неукротимый Морданъ, торжественно швырнулъ на круглый столъ смятую и смокшую рубаху и, гордо указывая на нее, произнесъ: „ишь какъ мы пляшемъ, свернула въся! А теперь прощай пока. Надо съ квартиры переѣзжать, хозяйка, дрянъ этакая, денегъ потребовала!“

Каждый день отовсюду злополучный счастливецъ Сластеновъ получалъ сотни писемъ, которыя за него читалъ Приходзько. Вчера еще никому неизвѣстный, Василій Герасимовичъ сегодня оказался въ центрѣ самыхъ бурныхъ вождельній и искреннихъ симпатій. Какія-то необыкновенныя вдовы, отъявленные сироты, несчастныя жертвы, постигнутыя ударами судьбы благородныя страдалцы, разорившіеся „герои своей чести“—вдругъ возимѣли къ нему самое безграничное довѣріе и подробно знакомили его со своимъ положеніемъ. Они посылали ему цѣлыя исповѣди, изъ коихъ видно было какія прекрасныя сердца бьются въ ихъ измученныхъ грудяхъ. Онъ сразу сдѣлался отцомъ сотенъ брошенныхъ дѣтей, единственною надеждою неутѣшенныхъ вдовъ, избавителемъ погибающихъ „въ океанѣ житейскаго моря“ борцовъ, какъ краснорѣчиво выразился одинъ изъ таковыхъ—таможенный чиновникъ. Оказывалось, что ему ничего не стоить устроить счастье множества дѣвицъ, нуждавшихся только въ приданомъ, чтобы благословлять его имя вкупѣ и въ любви со своими женихами, тоже возлагавшими на него свое лестное довѣріе. Какія-то мохомъ поросшія старухи вытѣзали чуть не съ кладбищъ и тоже невѣрною рукою писали ему длинныя и краснорѣчивыя просьбы: пріютить ихъ немощь и тѣмъ заслужить у Господа Бога. Онъ самъ нуждался въ свое время—но его

воображеніе никогда не доходило до такихъ цифръ, которыми столь легко распоряжались всѣ эти корреспонденты. Онъ мечталъ бывало о ста рубляхъ; эти спокойно выписывали тысячи, считая его обязаннымъ дѣлиться съ ними своимъ, такъ неожиданно, съ неба упавшимъ счастьемъ. Но всего краснорѣчивѣе оказывались дамы-благотворительницы. Онъ его преслѣдовали всюду, врывались къ нему въ домъ, застигали его на извозчикѣ, въ театрѣ, ресторанѣ, и всегда онъ изумлялся ихъ предусмотрительности. Не усѣбеть еще онъ глазами похлопать, какъ изъ ридикюля патронессы уже показывался бѣлый уголокъ подписнаго листа, или пачка билетовъ, или затѣйливо разукрашенный дипломъ на званіе почетнаго члена. „Гоните вонъ этихъ патронныхъ барынь!“ цинично отзывался Приходзько, довольно равнодушно относившійся вообще къ лихимъ немощамъ и нуждамъ. — „Какъ можно?“ приходилъ въ ужасъ Сластеновъ. „Онѣ вѣдь за бѣдныхъ!“ — „Ахъ ужъ эти мнѣ дамы скуси-патронъ!“ жаловался Станиславъ Сигизмундовичъ на своемъ, чтобы всѣ суммы и пожертвованія шли черезъ его руки... Одна только дѣвица Ольга Андреевна Кремлева не показывалась къ нему, да „поэтъ-крестьянинъ“ Флегонтъ Бурлаковъ, хотя бы теперь Василій Герасимовичъ и могъ подкормить послѣдняго, доставивъ возможность тому показать во всей силѣ его удивительной гений. Кремлеву онъ, впрочемъ, встрѣтилъ разъ на Невскомъ. Та отшатнулась отъ него. „Что-же это вы, Ольга Андреевна? Точно я прокаженный!“ — Она нехотя подала ему руку: „Вы теперь не нашего поля ягода“, отвѣтила она: „Вы теперь въ лагерѣ лигующихъ, праздно болтающихъ, обаяющихъ руки въ крови!“ И выпаливъ въ него эту тирадою изъ Некрасова, она побѣжала своею торопливою побѣжкой дальше, спѣша на грошевый урокъ.

Трудно сказать, кто больше надоѣлъ Сластенову: спасители или корреспонденты. Но и тѣхъ и другихъ онъ все-таки предпочиталъ цѣлой массѣ необыкновенно пріятныхъ людей — являвшихся къ нему съ утра. Всѣ они были въ безукоризненныхъ черныхъ на-глухо застегнутыхъ рединготахъ, у всѣхъ въ петличкѣ значились бутоньерки, а у нѣкоторыхъ изъ-подъ отворота бѣлѣлъ даже уголокъ звѣзды; у всѣхъ на лицахъ было написано самое неодолимое благородство, всѣ они говорили плавно, увѣренно и убѣдительно, всѣ вскользь упоминали съ милою фамильярностью громкія фамиліи—и всѣмъ имъ нужно было отъ двухсотъ тысячъ до милліона, чтобы облагодѣтельствовать челоуѣчество. Одинъ проектировалъ воздушный корабль съ пневматическимъ рулемъ, другой—подводную лодку съ электрическимъ указателемъ, третій—осушеніе Пинскихъ болотъ, четвертый, напротивъ—орошеніе степи Гоби или Шамо, пятый хотѣлъ рыть золото на Кавказѣ, увѣряя, что оно находится въ разстояніи одного аршина отъ поверхности земли, шестой — добывать искусственное гуано подъ Петербургомъ и обогатить имъ земледѣльцевъ обиженной Богомъ Олонецкой губерніи, седьмой придумалъ пароходъ въ родѣ велосипеда, идущій безъ пара, осьмой предлагалъ велосипедъ въ видѣ парохода движущійся паромъ, девятый нуженъ былъ только милліонъ, чтобы расчистить рѣку Ждановку и сдѣлать ее доступною океанскимъ судамъ, десятый додумался до фонографа съ зеркаломъ передающимъ образы, какъ пластинка голоса, наконецъ кто-то изобрѣлъ такую пушку съ гранатами начиненными убійственнымъ газомъ, которая должна была разомъ положить конецъ войнѣ и водворить на всей землѣ миръ и благоволеніе... Являлись къ Сластенову хозяева никому невѣдомыхъ жур-

наловъ и никѣмъ не читаемыхъ газетъ, авторы сочиненій десятки лѣтъ покоившихся въ папкахъ и ожидавшихъ только издателей, чтобы облагодѣтельствовать человѣчество; всключенные поэты и прилизанные поэтессы, цѣлыми часами въ засосъ, скандируя и жмурясь читавшіе ему свои поэмы и стихи; наконецъ, прибѣжалъ какой-то составитель новыхъ таблицъ логарифмовъ и довелъ Сластенова до того, что тотъ началъ съ аппетитомъ поглядывать на крюкъ, красовавшійся посреди потолка. Можетъ-быть на этомъ и окончилась бы эпопея жизни Василия Герасимовича и нашего романа не было—если бы во-время не пріѣхалъ Приходзько. Этотъ замѣтилъ отчаяніе на лицѣ своего патрона и столь внимательно сталъ выслушивать новую систему логарифмовъ, что лохматый математикъ все свое краснорѣчіе обратилъ къ нему. Приходзько всталъ—и тотъ всталъ, Приходзько вышелъ въ другую комнату—и тотъ за нимъ тоже, Приходзько изъ передней на лѣстницу—математикъ за нимъ... Тутъ Приходзько, обнаруживая несвойственную ему ловкость и юркость, вскочилъ обратно въ переднюю и заперъ дверь, оставивъ остолбѣвшаго математика — на лѣстницѣ... Отдано было приказаніе никого не пускать—но предпримчивыхъ изобрѣтателей искавшихъ „только милліона“ не легко было остановить. Они съ такимъ беззаботнымъ видомъ спрашивали: „дома Василій Герасимовичъ?“ что ихъ принимали за его ближайшихъ друзей, или совсѣмъ ничего не спрашивая они шли къ нему...

Все-таки Василій Герасимовичъ старался не особенно обижать этихъ предпримчивыхъ искателей милліоновъ. Ему почему-то всякій разъ, когда онъ ихъ слушалъ, вспоминался его отецъ со своими столь же широкими и наивными прожектами. Онъ даже, закрывая глаза, представлялъ себѣ длинную и худую фигуру разорившагося старика Сластенова, который, нуждаясь въ полтинникѣ, мечталъ о покупкѣ всей Пушкинской улицы или о дренажѣ ингерманландскихъ болотъ. Самъ Сластеновъ очень мало измѣнился въ эти нѣсколько недѣль. Онъ не сознавался себѣ, но все-таки чувствовалъ, что новое положеніе и колоссальное богатство внесли какую-то странную скуку, какой-то диссонансъ въ его существованіе. Теперь ему все уже очень легко доставалось, точно по шучьему велѣнью. Стоило захотѣть, чтобы получить. Онъ вспоминалъ, съ какимъ восторгомъ когда-то у Мины Карловны Бантъ накидывался на колбасу съ чеснокомъ или на ветчину по семнадцати копѣекъ за фунтъ. Когда-то! Именно—когда-то! Теперь ему ужъ начинало казаться, что это было ужасно давно. Онъ, требуя лучшее изъ ресторана Европейской гостиницы, ужъ не ощущалъ той жадности, того экстаза, съ какими въ свое время накидывался на тюрочки, доставлявшіеся Бурлаковымъ отъ поэта-приказчика. Не было голода—не было и наслажденія. Сластеновъ никогда бы не признался Станиславу Сигизмундовичу Приходзько, но любилъ и теперь незамѣтно выскользнуть изъ отеля, нанять извозчика на другой улицѣ и захватить въ какой-нибудь захолустный уголокъ Петербурга. Тамъ онъ, возбужденный и радостный, какъ прежде, входилъ въ первую попавшуюся пивную, садился какъ равноправный членъ интеллигентнаго пролетаріата за столъ, носившій на себѣ слѣды безчисленныхъ бутылокъ пива, требовалъ себѣ Калининскаго или Баваріи, вступалъ въ бесѣду съ незнакомыми людьми, угощалъ ихъ, — и затѣмъ, вполне утѣшенный и удовлетворенный, возвращался въ свой двадцатирублевый номеръ Европейской гостиницы. Приходзько, уѣзжая по его же дѣламъ въ Москву, оставлялъ за себя Исаака Яковлевича Плюса, и этотъ, въ отсутствіе повѣреннаго, сторожилъ Сластенова, какъ зеницу ока. Плюсъ понюхалъ университетскаго образованія и потому говорилъ: „мы,

просвѣщенные люди“, любилъ ужасно чужіе обѣды, даже самъ распорядился на нихъ, обнаруживая необычайную тонкость въ распознаваніи винъ и такой аристократическій вкусъ въ выборѣ блюдъ, до котораго Василій Герасимовичъ не могъ и думать дойти. Плюсъ, до введенія въ права наслѣдства, снабжалъ Василия Герасимовича деньгами, устраивалъ его дѣла и сумѣлъ сдѣлаться до такой степени необходимымъ ему, что какъ-то разъ вернувшійся изъ Москвы Приходзько съ ужасомъ замѣтилъ, что Исаакъ Яковлевичъ можетъ вытѣснить его изъ сердца и памяти Сластенова. Какъ при каждомъ маленькомъ дворѣ, начались вокругъ свѣжеиспеченнаго богача интриги, таившіяся подъ сладкими словами и любезными улыбками. Оба, и Плюсъ и Приходзько, кипѣли бѣшенствомъ въ сердцахъ, но, встрѣчаясь, крѣпко жали руки другъ другу, нѣжно смотрѣли одинъ другому въ глаза и даже цѣловались. Приходзько старался незамѣтно внушить Сластенову мысль, что Плюсъ большой мошенникъ; въ свою очередь Плюсъ неоднократно намекалъ, что Станиславъ Сигизмундовичъ весьма ограбитъ впоследствии Василия Герасимовича. Война тянулась между ними цѣлую недѣлю, упорная, беспощадная, когда наконецъ они оба убѣдились, что ни Плюсу Приходзько, ни Приходзько Плюса не побѣдить. Тогда они сошлись en bons samaritains за бутылкой шампанскаго и полюбовно подѣлили между собою Сластенова. „Положимъ, вы Плюсъ, а я Минусъ, острилъ Приходзько,—плюсъ на минусъ даетъ минусъ, но это въ математикѣ. Давайте сдѣлаемъ такъ, чтобы въ дѣйствительности у насъ плюсъ на минусъ далъ плюсъ“. Договоръ былъ заключенъ на мѣстѣ и весьма точный. Плюсъ отмежевалъ себѣ область, куда не долженъ былъ вторгаться Приходзько, Приходзько въ свою очередь опредѣлилъ границы, за которыя не смѣлъ бы переступать Плюсъ. Такимъ образомъ они мысленно начертали въ своемъ умѣ географическую карту Сластеновской области, провели по ней раздѣльную черту и, поставивъ пограничные знаки, разошлись, чтобы отнынѣ никогда уже не ссориться, но преслѣдовать свои интересы сообща... Вокругъ Василия Герасимовича водворились миръ и тишина...

Къ этому времени какъ разъ подошла необходимость для Сластенова ѣхать въ Москву. Тамъ все уже было кончено, его ввели во владѣніе.

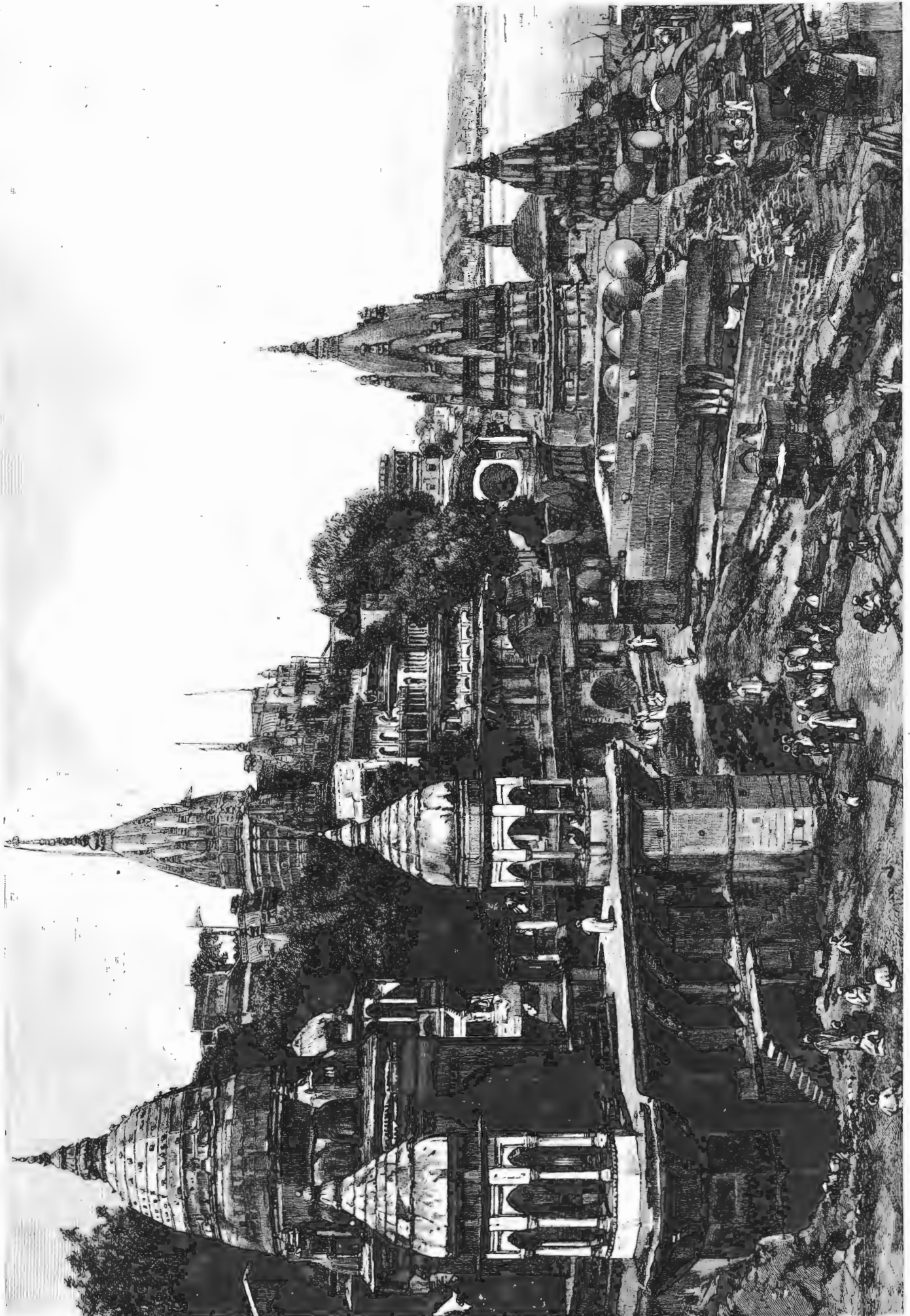
Провожать его явились всѣ друзья по меблированнымъ комнатамъ Мины Карловны.

Наплаксинъ, глядя куда-то въ пространство, напомнилъ ему о философскомъ журналѣ. Нешумовъ, захвативъ его за пуговицу, долго излагалъ программу будущей газеты. И Плюсъ, и Приходзько поддерживали того и другаго. Богатому человѣку нужны капризы, а эти обойдутся во всякомъ случаѣ дешевле другихъ. При этомъ Плюсъ имѣлъ въ виду сѣздить границу на Сластеновскій счетъ, чтобы организовать ему типографію, а Приходзько впередъ облизывался, соображая о заказахъ бумаги и устройствѣ редакціи... Варданъ Карапетовичъ Кимишкіанъ, вспоминая всѣ сдѣленные имъ безъ высокихъ нотъ бифштексы у Сластенова, плакалъ искренними слезами; даже Морданъ-Македонскій, неунывающій Агасееръ, и тотъ опустилъ голову, соображая, что теперь, увы! уже не у кого будетъ ему занимать крахмаленныя рубахи. На проводы совершенно неожиданно явилась даже Кремлева.

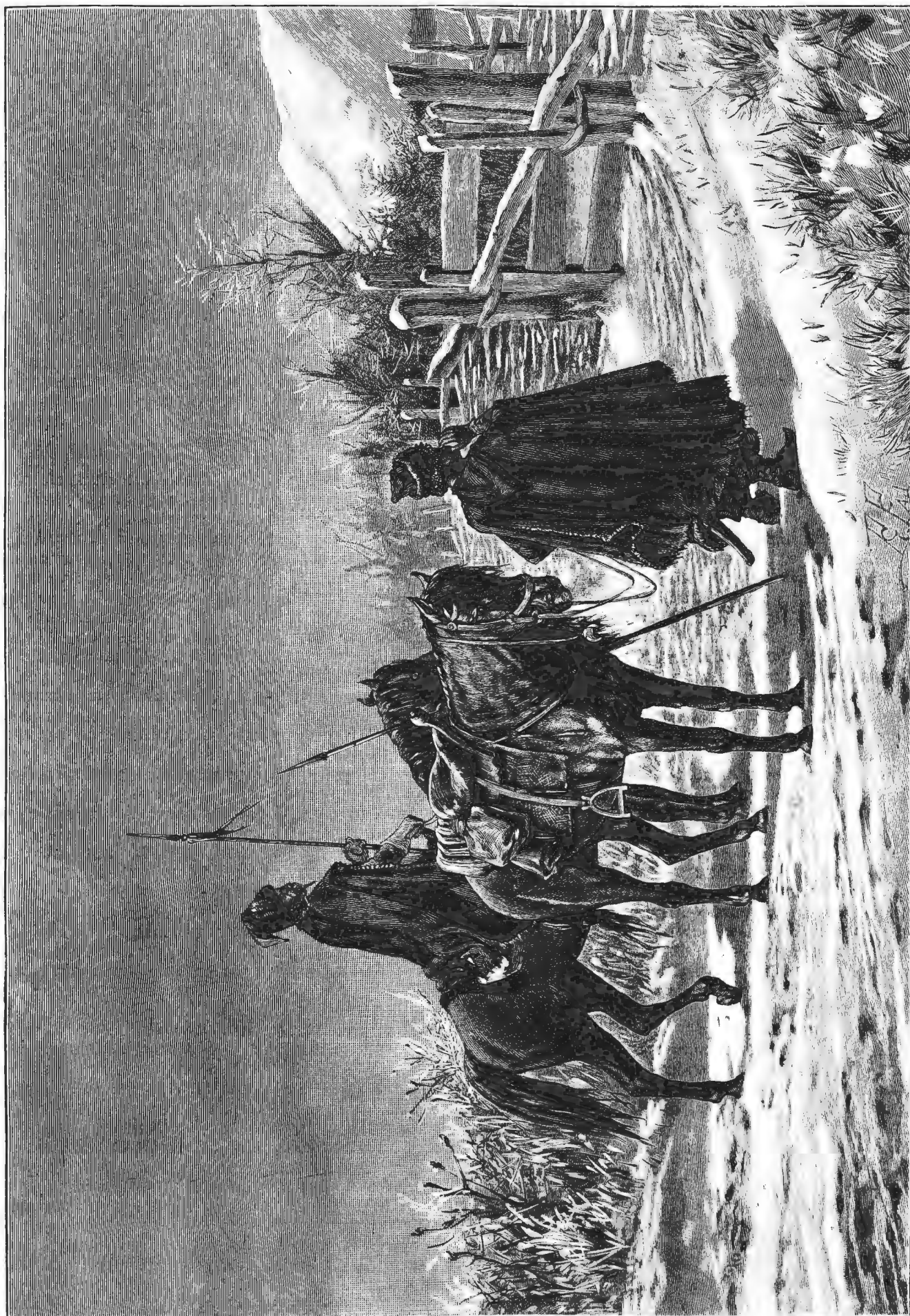
— Хоть вы теперь и подлецъ стали, а все-таки и пришла позвать вамъ руку.

— Почему же подлецъ? изумился и обидѣлся Сластеновъ.

— Ну, извѣстно—милліонеръ! Смотрите же, не очень грабьте несчастныхъ. Устроили бы вы на фабрикѣ кооперацию, знаете какъ въ книжкахъ... Право, вы и безъ того будете сыты. Показали бы примѣръ! Впрочемъ, гдѣ вамъ.

Гхаты (прибрежные здания в Бенаресь). Съ фот. грав. Кезебергъ.

Пугу (условный крикъ запорожцевъ, отворявшій гостепріимныя двери). Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. Радомскаго, грав. Флогель.

Наконецъ, не успѣли еще при этомъ обезпокоиться Плюсь и Приходзько, какъ вдали показался и поэтъ-крестьянинъ и, косолопо всунувъ въ руки Сластенову бумагу какую-то, исчезъ не прощаясь и только отмахиваясь рукой на его зовъ. Сластеновъ прочелъ—оказались стихи: „Охъ ты гой еси, молодой богачъ, не забудь въ своемъ золотомъ дворцѣ—нужду лютую, избытнюю и т. д.“ Сопровождаемый всѣми ими, Василий Герасимовичъ двинулся къ вагону, гдѣ ему приготовили купэ. Ему самому стало больно и грустно. Для него съ этой минуты начиналась новая жизнь, впереди его ждали новые люди... И вдругъ Сластенову жалко, ужасно жалко стало и своей убогой каморки у Мины Карловны Бантъ, и той нужды, которую онъ терпѣлъ тамъ, и всѣхъ этихъ безкорыстныхъ и хорошихъ людей, отходившихъ отъ него все больше и больше назадъ, по мѣрѣ того какъ поѣздъ все дальше и дальше неся впередъ.

Въ купэ Сластеновъ помѣстился одинъ.

И Плюсь, и Приходзько заняли такой же рядомъ. Они уже не разставались, держа молодаго богача подъ двойнымъ контролемъ. Попеременно и тотъ и другой выходили въ коридоръ и дежурили у дверей Василия Герасимовича. Дѣло въ томъ, что Станиславъ Сигизмундовичъ въ послѣднюю минуту, когда поѣздъ уже готовъ былъ по третьему звонку двинуться, замѣтилъ своими рысьими глазками вдали знакомую ему фигуру московскаго *chevalier d'industrie*, обладавшаго такимъ верхнимъ чутьемъ, которому и Плюсь могъ бы позавидовать. Это былъ Готлибъ Готлибовичъ Курцъ-фонъ-Галошъ, обозначавшій на карточкахъ свое имя нѣсколько иначе, а именно Боголюбъ Боголюбовичъ Коротковъ-Быстровъ. Онъ выдавалъ себя за обрусѣвшаго нѣмца, хотя ни съ нѣмцами, ни съ Германіей не имѣлъ ничего общаго. Папаша его до сихъ поръ былъ часовщикомъ въ Бердичевѣ. Самъ онъ—убѣдясь, что, принадлежа къ чресламъ Израиля, настоящей карьеры не сдѣлаешь, принялъ лютеранство и—изъ жида Гершки Курцалоба вдругъ преобразился въ Готлиба Курцъ-фонъ-Галоша. Когда въ нашемъ обществѣ началось національное движеніе и на первый планъ выступили русскіе интересы и все русское, онъ немедля изъ Готлиба перекрестилъ себя въ Боголюба и изъ Курцъ-фонъ-Галоша сдѣлался Коротковымъ-Быстровымъ. Какъ ему удалось это обдѣлать, осталось навсегда его секретомъ. Курцъ-фонъ-Галошъ мечталъ о соединеніи морей Каспійскаго и Чернаго каналомъ и уже не одного богатаго разиню поймалъ на это миѣическое предпріятіе. Выраженіе лица онъ имѣлъ благородное и даже какъ будто нѣсколько негодующее. Голову держалъ гордо и одинъ високъ зачесывалъ болѣе другаго. Тутъ у него былъ шрамъ отъ подвѣчника. Его неоднократно во времена оны били за шуллерство. Онъ выдавалъ это за сабельный ударъ, полученный подъ Плевна; причеиъ москвичи обыкновенно говорили: „эта Плевна у него въ Купеческомъ клубѣ была“. Боголюбъ Боголюбовичъ самъ себя опредѣлялъ мѣткою фразой: „нѣтъ такого мѣста, куда бы нельзя было влѣзть“, и дѣйствительно, несмотря на свою репутацію, влѣзалъ во всѣ мѣста съ видомъ такой милой безцеремонности и благоволенія къ челоуѣчеству, что это послѣднее только разввало ротъ и не находило даже возможности закричать „караулъ!“

Оказалось, что опасенія Плюса и Приходзько были не безосновательны.

Не доѣзжая до Любани, Боголюбъ Боголюбовичъ какъ бы невзначай натѣнулся на Станислава Сигизмундовича и совершенно неожиданно обнялъ и расцѣловалъ его съ такимъ порывомъ искренней радости, что Приходзько растерялся и почему-то спросилъ его о погодѣ, хотя и самъ отлично зналъ, что идетъ снѣгъ и дуетъ сѣверный вѣтеръ.

— Представьте меня вашему достойнѣйшему другу! повелъ Курцъ глазами на Плюса, и не ожидая отрекомендовался Исааку Яковлевичу, причеиъ такъ долго жалъ ему руку и такъ благородно смотрѣлъ ему въ глаза, что тотъ свободно рукой немедленно застегнулъ всѣ свои карманы.—„Вы одни ѣдете?“ какъ бы невзначай спросилъ его Боголюбъ Боголюбовичъ.—„Да, то-есть нѣтъ...“—„Ахъ, это вы съ вашимъ Сластеновымъ возитесь... Ну я, господа, не завидую вамъ“, беззаботно проговорилъ Курцъ: „Совсѣмъ не завидую. А, впрочемъ, желаю успѣха—въ Москвѣ увидимся, а теперь я пойду...“

И дѣйствительно ушелъ.

— Знаете, вывелъ изъ всего этого Плюсь, — что я вамъ скажу?

— Ну? озабоченно сдвинулъ брови Приходзько.

— Этотъ Курцъ большую пакость задумалъ—и намъ надо быть на-сторожѣ.

V.

Корнѣй Корнѣевичъ Ечкинъ и Прохоръ Богдановичъ Чуксинъ—съ малолѣтства выросли въ большомъ Сластеновскомъ домѣ. Сначала они были мальчиками на побѣгушкахъ, потомъ ихъ посадили въ складъ, изъ склада перевели въ амбаръ, гдѣ они изъ Корнюшки и Прошки—обратились ужъ въ приказчиковъ и получили право на Корнѣевича и Богдановича. Покойникъ Арсеній Николаевичъ Сластеновъ въ концѣ-концовъ поставилъ ихъ во главѣ всѣхъ своихъ дѣлъ; но такъ какъ довѣряться одному лицу было не въ его правилахъ, то онъ раздѣлилъ власть между ними обоими, чѣмъ вызвалъ непримиримую вражду ихъ другъ къ другу. Такимъ образомъ Арсеній Николаевичъ былъ спокоенъ: если Корнѣй пробовалъ сплутовать что-нибудь по амбарной части—Прохоръ выдавалъ его съ головой; если-же Прохоръ заускалъ руки въ фабричное дѣло—являлся Корнѣй и уличалъ его на мѣстѣ. Тѣмъ не менѣе они были до такой степени похожи другъ на друга, что ихъ можно было отличить развѣ когда они находились вмѣстѣ. Въ отсутствіи они сливались въ одно лицо. Они стриглись одинаково въ скобку, разбирали волосы посрединѣ, носили бородку клиномъ, и какъ у того, такъ и другаго она была рѣденькая. Оба такъ и пронизывали своими острыми черными „коломенскими“ глазами, были въ одинаковой степени юрки, быстры, искательны, вороваты. И Корнѣй и Прохоръ вполне подходили къ опредѣлившемуся рѣзкими чертами типу Елецкихъ „мартышекъ“, которыми такъ дорожатъ хлѣбные оптовщики. Оба были малы ростомъ, жидки, но выносливы и двуязычны. И надо прибавить, что оба были въ смертельномъ страхѣ въ настоящую минуту. Они не знали что такое представляетъ собою Василий Герасимовичъ и станеть-ли по его приказу Станиславъ Сигизмундовичъ раскапывать старыя дѣлишки или покротить прошлое великодушнымъ забвеніемъ. За часъ до пріѣзда петербургскаго поѣзда они уже дежурили на платформѣ, безпокойно глядя вдали и переругиваясь между собою. „Иродово отродье!“ обозвалъ Прохора Корнѣй чуть не столкнувшись съ нимъ въ дверяхъ вокзала. „Доргомиловская ворыга!“ не остался въ долгу Прохоръ, и они разошлись въ стороны.—„Вотъ погоди тебѣ за свинцовскій миткаль шкуру-то расчешутъ“, не унимался Корнѣй при слѣдующей встрѣчѣ.—„Да и тебя за кубовую краску не по ворсу поглядятъ...“—„Рожа!“ отвѣтилъ ему взбѣшенный Корнѣй.—„Червоточина!“ окинулъ его презрительнымъ взглядомъ Прохоръ. Можетъ-быть они благополучно передрались-бы на дебаркадерѣ и вмѣсто встрѣчи хозяина попали въ участокъ, если-бы на ихъ общее счастье не замѣтили вдали—толстаго, громаднаго и потнаго сѣдаго купца съ расчесанной на обѣ стороны бородой...

— Савва Кузмичъ!.. Господи! завопили оба, кидаясь

къ нему съ фуражками наотлетъ и выраженіемъ без-предѣльнаго умиленія на лицахъ.

— А, братья-разбойники!..

— Племянничка встрѣчать?

— Нѣтъ... дѣло было. Мнѣ не пригоже первому къ нему навязываться... Пускай онъ ко мнѣ сначала.

— Мы скажемъ.

— То-то... напомниме. Молодо-зелено. Самъ-то не охушается. Во все его на первыхъ порахъ надо носомъ ткнуть.

Савва Кузмичъ Сластеновъ приходился двоюроднымъ дядей Василию Герасимовичу. Милліонеръ самъ, кулакъ и выжига восемьдесятъ четвертой пробы, онъ между своими слылъ первѣйшимъ умницей. Племянника, а главнымъ образомъ состояніе его онъ рѣшилъ взять подъ свое покровительство — разумѣется на словахъ. Про себя онъ задумалъ иначе. „Дураку да милліоны — неужто-жъ, Господи!“ думалъ онъ, соображая какъ половчѣе подойти къ молодому человѣку. „Нѣтъ, зачѣмъ-же-съ. Лучше-жъ имъ, милліонамъ — идти куда имъ слѣдуетъ“. Савва Кузмичъ былъ не пугливъ и любилъ хватать быка за рога. Узнавъ что Приходзько съ Плюсомъ откомандировались въ распоряженіе его племянника, онъ рѣшилъ про себя: „пуцай ихъ нососуть, по малости... Въ свое время мы ихъ накроемъ на добрыхъ дѣлахъ... Никто какъ Богъ. Не многимъ они тутъ попользуются“.

На желѣзную дорогу онъ явился повидать Ечкина съ Чуксинимъ.

— Вы вотъ чтò, ребята: довольно вамъ другъ дружкѣ горло грыть; вы бы помнили: рука руку моетъ—и обѣ чисты.

Но Ечкинъ и Чуксинъ съ такою злостью взглянули одинъ на другаго, что Сластеновъ только усмѣхнулся.

— Нѣтъ, вижу я, въ васъ жадности хоть отбавляй... Будете такъ-то—Приходзько съ Плюсомъ живо васъ выгонять. Это ужъ сдѣлайте такое одолженіе. Плюсъ васъ вотъ какъ съѣстъ — единымъ глотомъ. И не моргнетъ. А вы вотъ что, братцы: наше дѣло православное и подобааетъ намъ другъ дружки крѣпче держаться. Я васъ ни Плюсу, ни Стаскѣ этому въ обиду не дамъ. Кто мнѣ подражаетъ—за того и я горой. Это ужъ такъ. У меня на это норовъ легкой. А только, братцы, помните—чуть что замѣтите, гдѣ Стаська либо Исаакъ стануть не по чину хватать—сейчасъ вы мнѣ извѣстіе. Только у меня глядите—ни-ни! чтобы тѣ и духа вашего не прочухали. Дураками прикиньтесь. А я васъ не забуду. Слава те Господи, тоже крестъ на шеѣ ношу. И заступу передъ племянникомъ у меня найдете... Ты, Чукса—пришли ко мнѣ сегодня прошлогодній отчетъ. А ты, Корнюшка — фабричныя вѣдомости. На всякій случай надо ознакомиться съ дѣломъ... А теперь прощайте. Да смотрите у меня!

Чуксинъ и Ечкинъ проводили его до воротъ вокзала и немедля вернулись назадъ—и была пора.

Тяжело дыша бѣлымъ паремъ, хрипя и пыхтя, локомотивъ уже показался вдали, передъ станціей, медленно таща за собою длинный рядъ черныхъ вагоновъ. Еще издали приказчики разсмотрѣли Приходзько, который показывалъ бѣлобрысенькому молодому человѣку выходъ на платформу. Они бросились къ послѣднему, одновременно схватили его за руки, приложились къ нимъ и, всхлинувъ даже, проговорили:

— Василию Герасимовичу!.. Ждали, ждали... Ажно сердце изныло.

— Приказчики ваши: Чуксинъ и Ечкинъ, усмѣхнулся Приходзько.

Тѣ подхватили и его, помогли выйти изъ вагона, потомъ бросились въ кушэ и, отстранивъ артельщиковъ, собственноручно вытащили ручной багажъ Сластенова, Приходзько и Плюса.

— Лошади есть? спросилъ ихъ второй.

— Мы, ваше здоровье, знали что простыхъ саней мало будетъ... Тройку взяли. Живо домчить васъ.

— Молодцы! похвалилъ ихъ Плюсъ.

— А Савва Кузмичъ не заглядывалъ еще? подозрительно посмотрѣлъ на нихъ Приходзько.

Но Чуксинъ и Ечкинъ удивились столь искренно, что опасенія Станислава Сигизмундовича тотчасъ-же разсѣялись.

— Давно мы ихъ не видали, не сморгнувъ отвѣтилъ Ечкинъ.

— Савва Кузмичъ — первые не пріѣдутъ. Все-таки хоша двоюродные они—а дядюшки.

— А!.. ну, какъ выспались?

И передъ Сластеновымъ выросла благородная фигура Курца.

— Станиславъ Сигизмундовичъ, пожалуйста представте меня—избраннику судьбы.

Но Боголюбъ Боголюбовичъ, очевидно боясь чтобы Приходзько не отвелъ отъ него „избранника судьбы“ въ сторону, неожиданно закончилъ:

— Впрочемъ, распоряжайтесь... А я самъ отрекомендуюсь: Боголюбъ Боголюбовичъ Коротковъ-Быстровъ. Намъ съ вами въ Москвѣ придется встрѣчаться часто. Радъ буду служить своей опытностью. У меня полгорода знакомыхъ. Впрочемъ,—и онъ поклонился въ сторону Приходзько, — вы находитесь въ такихъ прекрасныхъ рукахъ. Станиславъ Сигизмундовичъ—наше московское свѣтило... И притомъ едва-ли вамъ понадобится моя опытность, потому что она ничто въ сравненіи съ финансовымъ гениемъ Исаака Яковлевича.

И взявъ Василия Герасимовича подъ руку, Курцъ фонтъ-Галопъ повелъ его къ выходу изъ вокзала.

— Знаете, пускай Приходзько съ Плюсомъ ѣдутъ въ вашемъ экипажѣ. Всѣмъ вамъ, да еще съ вещами, будетъ тѣсно. Я вамъ предложу свою пару. Мнѣ все равно торопиться некуда и я васъ довезу живо къ вашему дому.

И Приходзько съ Плюсомъ не успѣли еще опомниться, какъ Боголюбъ Боголюбовичъ, любезно раскланявшись съ ними, усадилъ растерявагося Сластенова въ свои сани—и былъ таковъ.

— Ловко! не выдержалъ Чуксинъ.

— Чего лучше—живымъ манеромъ! засмѣялся Ечкинъ.— А наши-то, наши...

Плюсъ поблѣднѣлъ отъ злости; Приходзько, напротивъ, весь красный—усѣлся въ сани.

— Вотъ подлецъ!.. а? горячился онъ.

— Д-да-съ!..

— Нѣтъ, каковъ мерзавецъ! Вѣдь понялъ что этого дурака—надо взять подъ руку и какъ быка на веревочкѣ на убой вести куда угодно.

Сластеновская тройка быстро догнала лошадей Курцъ-фонъ-Галопъ, который, обернувшись, послалъ Приходзько и Плюсу воздушный поцѣлуй.

— Еще смѣется, негодяй! прошепталъ про себя первый.

Большой домъ Арсенія Николаевича стоялъ за Рогожскою частью. Его окружали каменные флигеля, а на улицу выходила желѣзная рѣшетка, за которой виднѣлись окутанные соломой на зиму деревья.

— Это все ваше, все! сантиментально объяснял Боголюбъ Боголюбовичъ Сластенову.—Теперь вы—могущественны. Вы—одна изъ нашихъ главныхъ силъ. Захотите, дадите жизнь тысячамъ людей, не захотите—поселите между ними нужду и смерть. О богатство, богатство! ты не только счастье, ты тяжелый крестъ въ одно и то же время для благородныхъ душъ, понимающихъ, что ты налагаешь на нихъ великія обязанности! Наши крезы, къ сожалѣнію, не хотятъ знать этого. Разумѣется, не Приходзько съ Плюсомъ (и онъ ласково обернулся въ ихъ сторону) могутъ вамъ разъяснять это. Они — бѣдные люди, всѣ ихъ помыслы напра-

влены къ жизни. Они въ васъ видятъ только удобный случай обезпечить свою будущность — и ничего больше. Вы для нихъ единица со столькими нулями, сколько удасть имъ вытянуть изъ васъ... разумеется, честнымъ путемъ. Я ничего другаго за ними не знаю. Но они мелки, они не идутъ дальше своего шкурнаго интереса, нѣтъ. Вы меня понимаете? Они должны вамъ служить, но не составлять вашего общества. Люди ума и мысли, люди великодушныхъ порывовъ и смѣлыхъ начинаній,—вотъ, Василій Герасимовичъ, вашъ кружокъ. Слыхали-ли вы, напримѣръ, о грандіозномъ проектѣ соединенія Чернаго моря съ Каспійскимъ?

— Нѣтъ.

— Это поэзія инженернаго искусства, это высокопатріотическое дѣло. Кто ему послужитъ, тотъ напишетъ неизгладимо свое имя на самомъ земномъ глобусѣ! Но объ этомъ послѣ — разумеется не при этихъ добрыхъ людяхъ я буду говорить о такихъ вещахъ... Они все равно не поймутъ ихъ. Вы позволите мнѣ выпить стаканъ воды у васъ?

— Пожадуйста... Насъ, я надѣюсь, сейчасъ накормятъ завтракомъ и дадутъ чаю.

— Станиславъ Сигизмундовичъ, я бы радъ предложить Василію Герасимовичу сейчасъ вашей исключительной заботливости, но онъ былъ такъ добръ, что пригласилъ меня завтракать... Надѣюсь, что мое общество не будетъ противно ни вамъ, ни Исааку Яковлевичу?

— Разумеется, нѣтъ! съ кислою миной отвѣтилъ Приходзько.

— Ну тогда я принимаю.

Старый швейцаръ съ четырьмя Георгіями на груди, въ новенькой ливреѣ, бросился было къ рукѣ Сластенова, но тотъ догадался отдернуть ее.

— О, онъ служилъ вѣрой и правдой вашему дядѣ!.. счелъ себя обязаннымъ отрекомендовать старика Курца, и забывъ о присутствіи Приходзько или намѣренно игнорируя его, онъ сталъ называть ему по имени выспавшихъ на лѣстницу и ждавшихъ молодого хозяина лакеевъ.

— Что-жь вы-то молчите? прошепталъ Плюсъ, обращаясь къ Приходзько.

Тотъ только пожалъ плечами, точно отвѣчалъ: „что-жь тутъ подѣлаешь!..“

Арсеій Николаевичъ Сластеновъ жилъ не по-купечески. Племянникъ его почувствовалъ даже священный ужасъ, остановившись передъ громадною мраморною лѣстницей, по которой шла вверхъ текинская дорожка, а по сторонамъ широко и пышно раскидывались коронки великолѣпно выращенныхъ Ѳоминымъ лаганий. Между ними цѣломудренно и изящно рисовались чудные силуэты статуй, выписанныхъ покойникомъ изъ Италіи. Широкіе лучи солнца сквозь зеркальныя громадные окна ложились на эти мраморы, на яркую зелень, на картины хорошихъ мастеровъ, на ихъ золоченныя рамы. Только въ сводахъ вверху — еще густились потемки, въ которыхъ едва-едва намѣчивались лѣбныя украшенія и позолота...

Взойдя на первое колѣно лѣстницы, Василій Герасимовичъ увидѣлъ себя повтореннымъ нѣсколько разъ. Передъ нимъ и по сторонамъ вмѣсто стѣнъ оказывались зеркала.

Онъ остановился на мгновение.

— Вы устали? подскочилъ къ нему Станиславъ Сигизмундовичъ.

— Нѣтъ... такъ.—Сластеновъ видимо волновался.— Я думаю, неужели все это мое... Все, все...

— Ваше, ваше... Родственники хотѣли было оспорить, но я, вы понимаете, не позволилъ имъ этого...

— Странно, Сигизмундъ Станиславовичъ... очень странно... Я, знаете, вѣдь не привыкъ. Голову кружить... Я до сихъ поръ жилъ въ одной комнаткѣ у этой Вант-

ни... Я даже и въ гостяхъ не бывалъ въ такихъ домахъ какъ этотъ. Боюсь... Думаю, а какъ вдругъ все это сонъ и я проснусь—опять въ нетопленной комнатѣ съ вынутыми вьюшками, съ перспективою голодныхъ дней впереди... Право... вдругъ это все сонъ, а?..

— Судьба всегда посылаетъ достойнымъ, нашелся и тутъ Боголюбовъ Боголюбовичъ.

— Да, только намъ, пока вы обойдетесь и привыкнете, придется строго охранять ваши интересы отъ всевозможныхъ искателей приключеній!.. Въ этомъ наша святая обязанность, ядовито замѣтилъ Приходзько, бросая краснорѣчивый взглядъ на Курца.

— Развѣ, имущество почтеннаго нашего хозяина находится подъ опекой? наивно спросилъ Курцъ.

Адвокатъ прикусилъ языкъ и звѣрежь посмотрѣлъ на него...

Залы были велики и пышны. Домъ строился еще при Александрѣ I, когда не жалѣли простора. Бѣлыя мраморныя колонны поддерживали лѣбные потолки. Мебель, старинная и дорогая, смотрѣла строго на пришельца, словно удивляясь его смѣлости—съ этимъ бѣлесоватымъ ничего не выражающимъ лицомъ, съ этимъ робкимъ взглядомъ, съ этимъ хохолкомъ, за который еще вчера его драли товарищи—входить сюда, гдѣ недавно слышался властный голосъ настоящаго хозяина и раздавались его тяжелые шаги... Со стѣнъ сурово смотрѣли на Василія Герасимовича портреты какихъ-то необыкновенно — солидныхъ, выдержанныхъ купцовъ. Отовсюду вѣяло милліонами, установившимся и прочнымъ богатствомъ. Казалось, весь міръ кругомъ можетъ колебаться и рушиться, а этотъ домъ съ его хозяевами устоитъ. Катаклизмы должны были идти мимо, не задѣвая его массивныхъ стѣнъ и не нарушая безмолвія этихъ залъ, гостиныхъ, кабинетовъ... Въ столовой, отдѣланной въ русскомъ стилѣ дубовою рѣзбою, былъ уже накрытъ столъ—и глаза Василія Герасимовича разбѣжались когда онъ вскользь замѣтилъ тяжелыя серебряныя стоны, золоченные кубки, дорогой фарфоръ, бронзу, тысячи ненужныхъ бездѣлушекъ на стѣнахъ. Ему стало еще болѣе не по себѣ.

— Жутко! проговорилъ онъ, ни къ кому не обращаясь.

Метръ д'отель Кузьма Степановичъ Козаковъ — необыкновенно внушительный и неповоротливый мужчина—могъ-бы поспорить благородствомъ лица съ Боголюбовъ Боголюбовичемъ. Онъ низко поклонился издали молодому хозяину. Курцъ немедленно поторопился отрекомендовать его, предупредивъ и въ этомъ Станислава Сигизмундовича.

— Славный, славный старикъ. Честь дома!..

„Подать ему руку или не надо?“ мучился мысленно Василій Герасимовичъ. „Нѣтъ, лучше не подавать“.

— Вашему дядюшкѣ служилъ вѣрой и правдой, продолжалъ Курцъ и потомъ, наклонясь къ Сластенову, прибавилъ: — Москвичи наши Кузьму Степановича за его великолѣпіе прозвали Косьюмо Медичисомъ.

Козаковъ поклонился еще разъ и привычною рукой отодвинулъ стулъ для хозяина. Впрочемъ, въ самомъ этомъ движеніи „честь дома“ и „преданный слуга“ не могъ не выразить нѣкотораго пренебреженія. Онъ всегда нѣсколько презиралъ хозяевъ. Но съ покойникомъ еще мирило его многое. А молодого Сластенова онъ оцѣнилъ сразу... „Такъ-себѣ хамокъ изъ недоносковъ“, рѣшилъ онъ про себя, щуя по привычкѣ свой благородный носъ и поглаживая дипломатическія баки... Василій Герасимовичъ ужасно терялся передъ нимъ и не безъ ужаса думалъ, что тотъ стоитъ позади, за его спиною. Ему даже пришло въ голову ни съ того, ни съ сего предложить ему садиться—такъ импонировала представительность Кузьмы Степановича. Хорошо что воздержался...

Завтракъ былъ превосходный. Подали великолѣпную стерлядь на громадномъ серебряномъ блюдѣ, причемъ лакеи двигались неслышно, а Кузьма Степа-

Рачникъ-промышленникъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Котляревскаго, грав. Бухеръ.

новичъ управлялъ ими только помавая бровями; потомъ какую-то необыкновенную спаржу, которую Василий Герасимовичъ разглядывалъ недовѣрчиво, не зная съ какого конца ее ѣсть, и принялся только тогда, когда замѣтилъ какъ съ нею управляются его гости; наконецъ, на столѣ изъ-подъ серебряныхъ крышекъ показались чудесно зажаренные перепела—лапками кверху, въ ознаменованіе своей невинности. На вино Сластеновъ накинулся съ жадностью. Онъ никогда не пивалъ такого... „А все-таки баварское пиво лучше“. И ему вдругъ ужасно захотѣлось его.

— У васъ нѣтъ пива?..

— Покойникъ Арсеній Николаевичъ не держалъ... Элъ есть, портеръ.

— Ну давайте элю и портеру... Да подайте шампанскаго! вдругъ осмѣлился Сластеновъ.

Плюсъ и Приходзько переглянулись съ насмѣшливой улыбкой...

— Только послаще!

Тутъ уже и Курць не выдержалъ и засмѣялся въ салфетку.

(Продолженіе будетъ).

Лампо и Кармела.

Рассказъ Энрико Настельнуво. (Переводъ).

Было около двухъ часовъ ночи. Деревушка Изолетта спала глубокимъ сномъ. Лишь время отъ времени тишина нарушалась рѣзкимъ крикомъ пѣтуха, выразившимъ нетерпѣливое ожиданіе разсвѣта, жалобу на судьбу и привѣтъ другимъ заключеннымъ собратьямъ. На этотъ крикъ отвѣчалъ издали другой, и затѣмъ снова все стихало.

Въ одномъ изъ домовъ деревушки, хорошеенькая восьмилѣтняя дѣвочка, осторожно прислушиваясь, крѣпко-ли спятъ всѣ домашніе, — встала потихоньку съ постели, накинута свое платице, взяла въ руки, чтобы не шумѣть, свои деревянные башмаки, и сошла внизъ, въ кухню. При свѣтѣ мѣсяца, проникавшемъ въ окно, Кармела — такъ звали дѣвочку — встала на стулъ, сняла висѣвшій на стѣнѣ ключъ и осторожно спустилась еще нѣсколько ступеней, которыя вели въ небольшой чуланъ. Навстрѣчу ей послышался оттуда радостный, нетерпѣливый лай, который, однако, грозилъ подвергнуть сильной опасности успѣхъ ея смѣлаго предпріятія.

— Тихе, Лампо, тихе! прошептала дѣвочка, отыскивая въ темнотѣ замочную скважину.

Лампо умѣрилъ свой радостный лай, но возбужденіе его было черезчуръ сильно, чтобы онъ могъ заставить себя замолчать совсѣмъ. Онъ сразу понялъ, что ему хотятъ возвратитъ свободу и радость его была тѣмъ сильнѣе, что освободительницей являлась его маленькая хозяйка, т. е. существо, которое онъ любилъ больше всѣхъ.

Наконецъ дѣвочкѣ удалось нащупать отверстие замка и отворить дверь. Лампо бросился къ ней, радостно прыгая ей лапами на грудь и касаясь своимъ холоднымъ, мокрымъ носомъ ея лица и рукъ.

— Тихе, Лампо, тихе! повторила Кармела, глядя его гибкую спину и старалась успокоить его.

Сопровождаемая собакой, дѣвочка снова поднялась по лѣстницѣ въ кухню, достала изъ шкафа большой кусокъ *поленты* и сунула его въ карманъ; потомъ вышла въ коридоръ и попробовала отворить маленькую дверь, ведущую въ садъ. Но задвижка заперлась слишкомъ туго, и Кармелѣ пришлось откаяться отъ своей попытки. Однако она не потеряла присутствія духа, и видя, что дверь не поддается ея усиліямъ, потихоньку отворила окно. Лампо тотчасъ понялъ въ чемъ дѣло и однимъ прыжкомъ очутился на подоконникѣ. Кармела встала туда же при помощи стула. Взобравшись на окно, она смѣрила глазами пространство отдѣлявшее его отъ земли, и убѣдившись, что въ немъ не болѣе полутора метра, соскочила на мягкую, сырую землю. Не будучи въ состояніи сохранить равновѣсія, она упала на руки, но тѣмъ не менѣе тотчасъ встала, безо всякаго для себя вреда. Собака, едва коснувшись лапами земли, была уже впереди нея.

— Тихе, Лампо! въ сотый разъ проговорила дѣвочка, видя что собака не можетъ подавить свою безмѣрную радость отъ чувства возвращенной свободы.

Надѣвъ свои деревянные башмаки и отряхнувъ прилипшую къ рукамъ грязь, Кармела подошла къ изгороди, окружавшей садъ, пролѣзла сквозь отверстие, продѣланное нѣсколько дней тому назадъ уличными мальчишками, приходившими воровать землянику, и очутилась на улицѣ; затѣмъ оправила платице и осмотрѣлась вокругъ. За ней стоялъ тихій, погруженный въ глубокой сонъ домъ, какъ бы призывавшій ее вернуться обратно; за ней оставались отецъ, бабушка и маленькая сестренка, которые черезъ нѣсколько часовъ будутъ вездѣ искать ее; а впереди — пустынное поле, за нимъ темный лѣсъ и крутая гора, которые ей предстоитъ перейти, чтобы достигъ предполагаемой цѣли.

Слезы выступили на глазахъ дѣвочки. Она почувствовала непреодолимое желаніе вернуться въ свою комнату, къ тѣмъ, которые такъ любятъ ее, но сдержанный визгъ Лампо положили конецъ ея колебаніямъ: она должна во что бы то ни стало спасти своего друга, своего защитника.

Какіе, однако, злые отецъ и бабушка! Они рѣшили *убить* Лампо — Лампо, который два дня тому назадъ спасъ ее отъ укушенія бродячей собакой!.. Кармела не повѣрила бы такой жестокости, елибѣ сама, собственными ушами, не слышала

ихъ заговора. Подозрѣніе уже явилось у нея сейчасъ послѣ обѣда, когда къ ея отцу, синьору Амброджо Марени, синдику прихода Изолетты, явился какой-то гадкій господинъ, который выдавалъ себя за посланнаго отъ приходскаго совѣта Св. Августина. Отецъ принялъ озбоченный видъ и заперъ Лампо. „О, Боже мой, за что?“ спросила она; но отецъ давалъ неясныя, уклончивыя отвѣты. Бабушка, къ которой она потомъ обратилась, старалась успокоить ее словами и ласками; сказала, что Лампо будетъ завтра-же выпущенъ на свободу, и осушила ея слезы поцѣлуями. Но Кармела не такая дѣвочка, чтобы дать обмануть себя. Она, правда, сдѣлала видъ, что вѣрить даннымъ объясненіямъ, и пошла въ огородъ и, на дворъ кормитъ цыплятъ, но потомъ потихоньку вернулась назадъ и стала подслушивать у дверей, гдѣ разговаривалъ отецъ съ бабushкой. Подслушивать у дверей — дурно, говорилъ и священникъ, и учительница, и Кармела сама въ этомъ не сомнѣвалась, — но какъ-же быть, когда дѣло такое серьезное? Кармела была увѣрена, что отецъ и бабушка говорятъ о Лампо и предположеніе ея дѣйствительно подтвердилось.

— Бѣдное животное! со вздохомъ сказала бабушка. — Какъ мнѣ жаль его!

— Да развѣ мнѣ не жаль? проговорилъ отецъ, — но что-же дѣлать? Спаси его нѣтъ возможности.

— Къ несчастію, да... Постарайся, по крайней мѣрѣ, чтобы онъ не мучился.

— Объ этомъ нечего и думать... У меня вѣрный взглядъ и твердая рука... Онъ не успеетъ даже и замѣтить...

— Когда же ты думаешь?

— Завтра утромъ, когда Кармела будетъ въ школѣ. Бѣдная дѣвочка, какъ это огорчить ее!

— Надо будетъ... ты долженъ будешь сказать ей... Ну, однимъ словомъ, какойнибудь предлогъ... что онъ околѣлъ самъ... что онъ уже сегодня былъ боленъ...

— Она не повѣритъ. Ее не такъ легко обмануть...

— Во всякомъ случаѣ, разъ дѣло будетъ сдѣлано, она успокоится и привыкнетъ къ другой собакѣ.

— Не легко будетъ найти другую такую.

Дальше Кармела не слушала; но и этого было достаточно, чтобы заставить ее содрогнуться. Надежды, что отецъ измѣнитъ свое намѣреніе, не оставалось никакой. Уже если онъ заберетъ что-нибудь въ голову, такъ никто на свѣтѣ не можетъ разубѣдить его. Что-же касается бабушки, то ее не стоитъ и просить; она во всемъ сообразуется съ желаніемъ сына и не имѣетъ никакого голоса въ домѣ. Тѣмъ не менѣе, Кармела не допускала и мысли предоставить Лампо его участи, а такъ какъ всѣ просьбы не привели бы ни къ чему, то она составила свой собственный планъ. Она убѣжитъ ночью вмѣстѣ съ Лампо въ деревню Ривьеру, къ тетѣ Норинѣ, сестрѣ ея дорогой мамы. Тетя Норина знаетъ Лампо, любитъ его и, когда въ послѣдній разъ была въ Изолеттѣ, хотѣла даже взять его къ себѣ. Къ племянницѣ она также цѣнитъ его расположеніе; возможно-ли послѣ этого, чтобы она не согласилась на ея просьбу? Трудность заключалась лишь въ томъ, какъ попасть въ Ривьеру. Кармела никогда тамъ не была, но за-то разъ, вмѣстѣ съ отцомъ и съ вѣрнымъ Лампо, провожала тетку довольно далеко по лѣсу и тетя сказала тогда:

— За этой горой будетъ долина; за ней — другая гора, выше, а за ней — Ривьера. Когда ты будешь немного постарше, ты прійдешь погостить ко мнѣ на недѣлю.

— А сколько времени нужно, чтобы дойти до Ривьеры? спросила дѣвочка.

— Мнѣ нужно пять часовъ, отвѣчала тетка, — но тебѣ, съ твоими маленькими ножонками, понадобится гораздо больше.

Съ такими неполными свѣдѣніями и такою слабою надеждой на успѣхъ, отправилась Кармела въ путь. Дорога? Дорога ужъ какъ-нибудь найдется. Трудности пути? Она сумѣетъ преодолѣть ихъ. Надо только дойти до вечера, а теперь еще не наступила утренняя заря и дни такіе длинные!

Устранивъ мысленно всѣ затрудненія, Кармела пошла по тропинкѣ между двухъ полей ржи. Лампо, къ которому вернулись снова всѣ его силы, благодаря неожиданно возвращен-

ной свободѣ, то бѣжалъ рядомъ съ нею, причѣмъ въ порывѣ радости нерѣдко понадалъ ей подѣ ноги, то стремился впередъ, то неожиданно кидался вправо или влево, какъ бы преслѣдуя кого-нибудь, и только шелестъ колосѣвъ изобличалъ его присутствіе; потомъ не менѣе внезапно онъ появлялся совѣмъ съ другой стороны и бросался, ласкаясь, къ своей сопложѣ, какъ бы благодаря ее за возвращенную ему свободу. По временамъ, вблизи какой-либо избушки или сарая, слышался лай сторожевой собаки; гдѣ-то вдали мычала корова и раздавался рѣзкій, кичливый голосъ пѣтуха. Дѣвочка ускорила шагъ, стараясь уйти отъ близости человѣческаго жилья. Миновавъ поле, она вышла на лугъ, потомъ пошла мимо кладбищенской ограды; здѣсь она перекрестилась и подумала о своей матери. За кладбищемъ начался крутой спускъ къ ручью.

Ручей представлялъ узкій потокъ, и она могла-бы безо всякой опасности перейти его; но, чтобы не сбиться съ дороги, она предпочла идти ивовымъ и ольховымъ кустарникомъ до моста. За мостомъ дорога поднималась на пригорокъ, по которому она когда-то шла съ теткой Нориней. Мѣсяць, сіявшій на безоблачномъ небѣ, обливалъ серебристымъ свѣтомъ отдѣльные камешки, разбросанные на днѣ и по берегу ручья; извивавшіяся между камнями тонкія струйки воды блестятъ какъ сталь, освѣщенные луннымъ свѣтомъ; ясными, рѣзкими линіями вырисовывались вдали очертанія горъ, и тѣнь отъ стройной фигурки Кармелы отчетливо ложилась на землю. По ту сторону моста окружающая картина приняла другой характеръ. Вначалѣ рѣдкая, растительность стала гуще; столѣтнія ели высоко поднимали къ небу свои стройныя вершины; сквозь ихъ густыя вѣтви едва проникалъ свѣтъ мѣсяца. Надъ головами бѣглецовъ проносился торжественный, таинственный шопотъ лѣса. Иарѣдка раздавалось одинокое щебетанье полусонной птицы. Кармель становилось страшно; но присутствие Лампо ободряло ее.

Что же касается послѣдняго, то онъ еще не имѣлъ времени подумать объ избранной его госпожѣ дорогѣ. Послѣ почти десятичасоваго заключенія, Лампо былъ снова на свободѣ, снова находился на свѣжемъ воздухѣ,—ни о чемъ другомъ онъ не могъ пока думать. Какъ только въ лѣсу становилось свѣтлѣе, Лампо поднималъ морду къ своей госпожѣ и глядѣлъ ей въ глаза такъ нѣжно и съ такой благодарностью, какъ будто хотѣлъ вознаградить ее за тѣ опасности, которымъ она подвергала себя ради него.

Между тѣмъ мѣсяць уже скрылся за горами, въ воздухѣ посвѣтлѣло. Птицы покинули гнѣзда и, перелетая съ вѣтки на вѣтку, поднимались къ вершинамъ деревъ, чтобы тамъ встрѣтить утреннюю зарю, которая золотила уже края горизонта. Сначала раздавались лишь отдѣльные, не громкіе голоса—робкіе, призывные крики; потомъ со всѣхъ сторонъ на призывъ послышался откликъ, и вскорѣ вся верхняя часть лѣса ожила, наполнившись радостнымъ щебетаньемъ и хлопаньемъ крыльевъ. Выше-же стало еще темнѣе, чѣмъ прежде.

У Кармелы явилось страстное желаніе выйти поскорѣе изъ лѣса. Эти высокія, густыя ели закрывали небо и наполняли ея сердце необъяснимою тоской. Она снѣшила подняться по крутой тропинкѣ, въ надеждѣ выйти на просторъ и вздохнуть свободнѣе.

Наконецъ горячее желаніе дѣвочки исполнилось. Съ трудомъ миновала она послѣднюю лѣсную часть тропинки и вышла на гору, съ которой, къ удивленію, увидѣла внизу, у своихъ ногъ, верхушки елей. Сильно утомленная Кармела ощутила на мягкую, росистую траву. Туманъ еще покрывалъ долины, только верхушки горъ ясно вырисовывались на сѣромъ фонѣ неба. Свѣжій утренній воздухъ возбуждалъ аппетитъ. Кармела достала изъ кармана взятой съ собою ломоть поленты, откусила кусокъ и дала другой Лампо, который ничего не ѣлъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ и потому былъ повидимому весьма доволенъ подачкой. Но тутъ дѣвочкѣ пришлось въ голову, что у нея нѣтъ другаго запаса пищи, и потому она спрятала остальное въ карманъ. Между тѣмъ картины утренней зари смѣнялись одна другою предъ глазами отдыхавшей дѣвочки.

Кармела не разъ уже вставала до разсвѣта, но въ узкой долинкѣ Изолетты утренняя заря была совѣмъ не такъ величественна, какъ здѣсь на высотѣ, съ которой глазъ могъ окинуть такое огромное пространство. Однообразный, сѣрый цвѣтъ неба постепенно принялъ другую окраску; тамъ, гдѣ до сихъ поръ было только темно, обрисовались сотни легкіхъ, розовыхъ облачковъ, а на дальнемъ востокѣ появилась ярко-оранжевая полоса. Туманъ, лежавшій доселѣ внизу, въ долинахъ, сталъ подниматься, раздѣляясь то здѣсь, то тамъ, какъ завѣса, которая, открываясь, обнаруживаетъ тысячи неожиданныхъ красотъ. Постепенно вынырнули изъ тумана темныя купы деревьевъ, зеленый коверъ луговъ и разбросанныя по склону горы хижинны. Вниманіе Кармелы привлекла прежде всего группа домовъ, которые словно лѣпились вокругъ высокой колокольни и казались издали не болѣе тѣхъ раскрашенныхъ игрушечныхъ домиковъ, которые дарятъ дѣтямъ. Что, если это Ривьера? Но иллюзія продолжалась не долго. Кармела вскорѣ убѣдилась, что стройная башня, привлекавшая ея вни-

маніе, была не что иное, какъ колокольня въ Изолеттѣ. Сердце ея болѣзненно сжалось. Навѣрно отецъ, бабушка и сестра уже проснулись и зовутъ ее: „Кармела! Кармела!“

Пока дѣвочка предавалась этимъ мыслямъ, ее внезапно охватилъ яркій сонъ лучей. Солнце появилось межъ двухъ горъ, и вмѣстѣ съ нимъ въ сердце Кармелы вернулась надежда и вѣра въ благополучный исходъ предпріятія. Кармела осталась еще нѣсколько минутъ на этомъ же мѣстѣ, чтобы расправить свои усталые члены, полюбоваться освѣщенными вершинами Чернаго Камня (группа горъ, получившая свое названіе отъ цвѣта скалъ), полюбоваться на голубые колокольчики, которые подымали изъ травы свои, орошенные росой, головки, и насладиться радостнымъ щебетаньемъ птицъ. Отдохнувъ, она рѣшила продолжать путь, повторяя про себя слова тетки Норины: „за этой горой будетъ долина, за долиной—другая гора повыше, а за ней—Ривьера“.

Кармела находилась уже на первой горѣ—значитъ ясно, что теперь ей слѣдуетъ спуститься внизъ. А потомъ? Объ этомъ *потомъ* возникли нѣкоторыя сомнѣнія въ сердцѣ ребенка: по ту сторону долины открывалось нѣсколько тропинокъ и трудно было рѣшить, которая изъ нихъ настоящая.

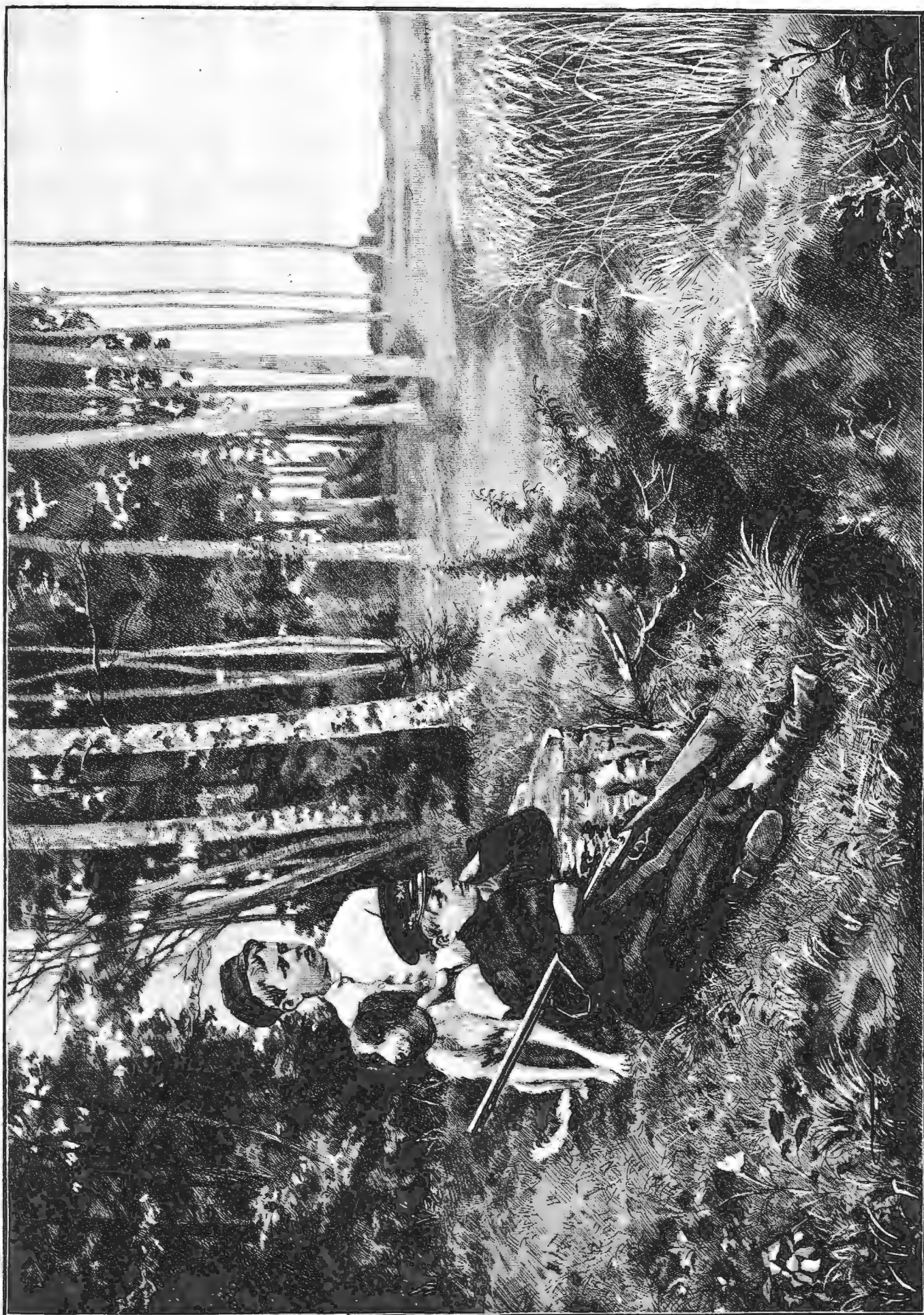
Однако Кармела не хотѣла долго останавливаться на этой мысли и стала отыскивать болѣе удобное мѣсто для спуска. Сначала гора шла отлого, но потомъ встрѣтилось не малое затрудненіе. Склонъ горы представлялъ голый, твердый камень; почва была неровная и при каждомъ шагѣ, дѣлаемомъ Кармелой, камни скатывались изъ-подъ ея ногъ и сама она сползала вмѣстѣ съ подвижнымъ слоемъ песку. По временамъ дѣвочка должна была хвататься за низкій тернистый кустарникъ, который въ кровь исцарапалъ ей руки. Она остановилась въ раздумьи. Неужели это дѣйствительно та дорога, по которой ходитъ тетя Норина? Лампо, въ глазахъ котораго уже не разъ выражалось удивленіе надъ предпріятыми его хозяйкой удивительнымъ путешествіемъ, также остановился; выпрямившись во весь ростъ и настороживъ уши, онъ принялся зорко осматривать позицію; потомъ, не долго думая, но часто оборачиваясь на свою маленькую госпожу, пустился въ рекогносцировку, бросаясь направо и налево, пока не отыскалъ болѣе удобнаго пути. Тогда онъ вернулся къ Кармелѣ и не оставилъ ее въ покоѣ до тѣхъ поръ, пока она не послѣдовала за нимъ. Они спустились уже не менѣе крутому склону къ чистому, прозрачному ручейку, который журча пробивался среди травы и камней.

Лампо, котораго мучила жажда, быстро подбѣжалъ къ водѣ и принялся съ жадостью пить.

Кармела также нагнулась къ ручью и, захвативъ горстью сколько могла воды, промочила свое пересохшее горло. Однако ручей не позволялъ продолжать путь въ прежнемъ направленіи; не оставалось ничего иного, какъ перейти его въ бродъ. Кармела, не теряя ни минуты, сняла свои деревянные башмаки, приподняла платье выше и перешла на другой берегъ, хотя вода доходила ей выше колѣнъ. Лампо однимъ прыжкомъ очутился впередъ, готовый придти на помощь своей хозяйкѣ, если это окажется необходимымъ. Кармела снова сѣла отдохнуть на покрытый мхомъ пригорокъ; лѣсная тѣнь, журчанье ручья и сильное утомленіе нагнали на нее дремоту. Она чувствовала, что головка ея склоняется на плечо и, чтобы не заснуть, вскочила на ноги. Дорога снова представляла немалыя трудности. Дѣвочка шла уже наудачу по еловому и сосновому лѣсу, издававшему на солнцѣ сильный смолистый запахъ. Гдѣ же она теперь? Приближается-ли къ цѣли путешествія или, напротивъ, удаляется отъ нея? Мысль, что она можетъ заблудиться въ лѣсу, постепенно овладѣвала дѣвочкой и нагоняла на нее страхъ. Если-бы была хоть какая-нибудь избушка, гдѣ бы можно было постучаться, или если-бы встрѣтилось какое-нибудь сострадательное существо, которое указало бы дорогу. Срубленные и сложенные рядами стволы деревьевъ свидѣтельствовали о недавнемъ присутствіи человѣка. Мѣстами видѣлись еще остатки хижинъ, въ которыхъ провалили ноги дровосѣки въ теченіе долгихъ рабочихъ недѣль. Почернѣлые стволы указывали мѣсто, гдѣ недавно жгли уголь. Но лѣсные работы были окончены уже четыре недѣли тому назадъ и начнутся вновь не ранѣе какъ черезъ нѣсколько дней. Дѣвочка продолжала путь, наступая ногами на упавшія еловыя шишки и безчисленное множество понадавшихся на пути грибовъ. Не слышно было ничего, кромѣ жуужанія насекомыхъ и тихаго шопота качаемыхъ вѣтромъ деревьевъ. Черезъ нѣсколько времени лѣсъ сталъ рѣдѣть, и Кармела очутилась у подошвы холма, который своею мягкою зеленью и отлогимъ склономъ невольно манилъ къ себѣ. Взойдя на его вершину, дѣвочка увидѣла передъ собою обширное луговое пространство, которое незамѣтно служивалось и окаймлялось у подошвы отвѣсныхъ скалъ, казавшихся издали гранитною стѣной. Ни тропинки, ни жилья, ни малѣйшаго признака, по которому бѣдная дѣвочка могла бы узнать гдѣ она находится. Но она такъ устала, что не была въ состояніи уяснить себѣ всѣхъ невыгодъ своего печальнаго положенія. Она бросилась на траву и на этотъ разъ дѣйствительно заснула. Возлѣ нея помѣстился Лампо; по временамъ и его одолевалъ сонъ, но большую частію онъ лежалъ съ открытыми глазами, помахивая

Русско-турецкая война 1877—1878. Встрѣча В. К. Владиміромъ Александровичемъ тѣла покойнаго Герцога Лейхтенбергскаго.
Съ карт. П. Ковалевскаго (исключит. право воспроизв. въ гравюрѣ и т. п. принадлеж. „Нивѣ“), грав. Шюберъ.

На вакаці. Орг. рнс. (собств. „Нивы“) Томашевича, автотіпія фото-хеміграфіческой мастерской „Нивы“.

хвостомъ и настороживъ уши, какъ подобаеъ умной собацѣ, отъ которой не ускользнетъ никакой шумъ, никакое движеніе.

И дѣйствительно, Лампо не замедлилъ разбудить свою маленькую хозяйку. Встрепенувшись и протеревъ глаза, Кармела

увидѣла шагахъ въ пятидесяти отъ себя бѣлую корову, которая смотрѣла на нее своими умными, задумчивыми глазами. За нею появились три-четыре другія, а потомъ изъ-за пригорка, сначала ея незамѣченного, вышло цѣлое стадо.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Наша сѣверная окраина.

Въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ нашихъ ученыхъ обществахъ и частью въ периодической печати поднимался вопросъ объ устройствѣ военного порта на Ледовитомъ океанѣ въ незамерзающей бухтѣ у Рыбачьяго полуострова. Неразрывно съ этимъ вопросомъ связанъ и вопросъ объ устройствѣ воднаго пути, который-бы связалъ Бѣлое море, а слѣдовательно и Ледовитый океанъ съ Балтійскимъ моремъ, такъ-называемымъ Бѣломорско-Онежскимъ воднымъ путемъ. Оба вопроса тѣсно связаны между собой. Если намъ нуженъ всегда открытый океанической военной портъ, всегда готовый грозить непріятелю крейсерскою войною, то ни наши южные порты, запертые Дарданеллами и Гибралтаромъ, ни порты Балтики, запертые почти полгода морозами и въ остальное время года стѣсненные проливами Нѣмецкаго моря, не могутъ служить для этой цѣли. Незамерзающій портъ у Рыбачьяго полуострова, омываемый теплыми струями Гольфстрема, есть единственное мѣсто для военного порта, который могъ-бы дать активную роль нашему военному флоту при возможной въ будущемъ войнѣ съ одной изъ морскихъ европейскихъ державъ.

Но военный портъ на Рыбачьемъ полуостровѣ не можетъ существовать безъ связи съ Петербургомъ и остальною Россіей — и Бѣломорско-Онежскій водный путь былъ-бы однимъ изъ звеньевъ, соединяющимъ военный портъ со столицей черезъ Бѣлое море, систему рѣкъ, озеръ и каналовъ до Онежскаго озера, рѣкою Свирь, Ладожскимъ озеромъ и рѣкою Невой. Оба вопроса, какъ вопросъ объ устройствѣ порта у Рыбачьяго полуострова, такъ и вопросъ объ устройствѣ Бѣломорско-Онежскаго воднаго пути возникли давно и имѣютъ уже свою специальную исторію и литературу. Идея сооруженія Бѣломорско-Онежскаго воднаго пути принадлежитъ Петру I, и въ то время какъ проектъ порта на Ледовитомъ океанѣ существуетъ пока лишь въ видѣ предложенія основанныхъ на приблизительныхъ рекогносцировкахъ, Бѣломорско-Онежскій водный путь изслѣдованъ и изученъ въ разные періоды времени, какъ по инициативѣ правительства, такъ и частными лицами и предпринимательскими компаниями, желавшими извлечь выгоды изъ эксплуатаціи этого пути, и наконецъ въ 1888 году въ Министерствѣ Путей Сообщенія на основаніи точныхъ и подробныхъ изысканій инженеровъ работавшихъ на этой системѣ съ 1886 года, составленъ проектъ Бѣломорско-Онежскаго воднаго пути съ морскими портомъ при выходѣ въ Сорочку губу Бѣлаго моря, стоимостью около 11 милліоновъ рублей.

Путь этотъ проектированъ отъ Онежскаго озера у г. Повѣнца на сѣверъ по р. Повѣчанкѣ около 25 в., цѣлому ряду озеръ Долгихъ, Узкихъ, Машко и др. около 20 в., по озеру и рѣкѣ Телекинской около 40 верстъ, по озеру Выгъ 40 верстъ и по рѣкѣ Выгъ 80 верстъ до Бѣлаго моря. Выразивъ вышнюю около 6 сажени на протяженіи 6 верстъ лежитъ между озерами Машко и Телекинскимъ. Судя по стоимости сооруженія системы (около 8 милліоновъ рублей безъ порта), работы на ней не представляютъ особенныхъ трудностей, а экономическое значеніе этого пути для заброшеннаго нашего сѣвернаго поморья будетъ громадно. Небозримая площадь лѣсовъ, рыбные и звѣринные промыслы поморья, минеральныя богатства края, теперь недоступныя вслѣдствіе полного отсутствія какихъ либо путей сообщенія, — все это можетъ вернуться къ жизни въ заснувшемъ краѣ, который когда-то богатѣлъ самъ и отливалъ часть своихъ богатствъ внутрь Россіи. То было время бездорожья во всей Россіи и нашъ Сѣверъ былъ въ равныхъ условіяхъ со всею страной, а его естественныя богатства давали ему еще нѣкоторыя преимущества; но съ усовершенствованіемъ внутреннихъ водныхъ системъ, онѣ и главнымъ образомъ масса желѣзныхъ путей внутри Россіи оттянули отъ окраины капиталы, предпринимателей, трудъ, энергію и людей; все ушло туда, гдѣ быстро оборачивается рубль, гдѣ скоро можно двинуться, гдѣ большой спросъ на капиталъ, трудъ и энергію. Для историка и бытописателя наше сѣверное поморье полно и теперь интереса: все тамъ до наивности просто, все носитъ отпечатокъ стародавнихъ порядковъ и обычаевъ, тамъ поются еще былины, живутъ еще дѣды-сказатели и женщины рядятся въ парчу и жемчугъ, и дремлетъ нравственно морской людъ, закутанный мглой раскола стараго толка, какъ дремлетъ въковые лѣса, закутанные во мхи и холодные туманы. Но этотъ красивый колоритъ давняго прошлаго, завлакивающей картину нашего сѣвернаго поморья, при мало-мальски близкомъ знакомствѣ съ нимъ, поражаетъ страшною экономическою неурядицею края, рядомъ такихъ экономическихъ несообразностей, передъ которыми можно только развести руками. Періодическія голодовки рядомъ съ возможными и частыми заработками на человѣка до нѣсколькихъ сотъ рублей въ день на промыслахъ. Поголовное мѣстами пьянство и пропойство рядомъ съ самыми

строгими правилами акциза и повсемѣстнымъ корчемствомъ, бьютъ въ глаза на каждомъ шагѣ. Чудные, даромъ отпускаемые, лѣса и несуразная примитивная манера строить суда — это главное хозяйство поморья. Богатый Соловецкій монастырь, чуть не со стотысячнымъ годовымъ доходомъ, и рядомъ полуразрушенныя церкви и часовни всего поморья съ бѣдствующими и буквально голодающими священниками, съ частью въ 20 или 30 человѣкъ въ тысячныхъ селахъ и посадахъ. Комфортъ и роскошь конторъ и управленій иностранныхъ лѣсопромышленныхъ компаній, свившихъ себѣ гнѣзда у взморья по устьямъ рѣкъ впадающихъ въ Ледовитый океанъ и Бѣлое море, и чуть не нищенство чиновниковъ, посылающихъ дѣтей учиться грамотѣ за тысячу верствъ въ Архангельскъ и Петербургъ. Отважные и отчаянные моряки-поморцы, чуть не съ цѣлекомъ качающіеся въ капризномъ морѣ у себя дома въ богатыхъ добычею водахъ, часто приходятъ съ промысловъ съ пустыми шинками и шхунами, потому что норвежцы, голландцы, англичане, нѣмцы, шведы — испанцевъ кажется нѣтъ — раньше забираются на промысла изъ своихъ незамерзающихъ портовъ и хозяйничаютъ у нашихъ береговъ какъ дома, вылавливая лучшую добычу и въ конецъ распугивая и звѣря, и рыбу...

Глухіе разбросанные городки, какъ центры администраціи, Кола, Кемь, Сумскій посадъ, Онега, Мезень и самый Архангельскъ — для большинства являются чуть не ссылкою, а служба и работа въ нихъ — каторгой. Во время весенней и осенней распутицы иногда по три мѣсяца въ нихъ не получается ни газетъ, ни писемъ, ни предписаній, ни приказаній — но и это является не въ силу необходимости, а въ силу мѣстныхъ порядковъ и обычаевъ, по которымъ почта ждетъ или „крѣпкаго льда“ или „чистой воды“, чтобы двинуться или на тройкѣ, или въ форменномъ почтовомъ карбасѣ; во время этой почтовой распутицы по морю вдоль береговъ шныряютъ легкіе карбасы поморья, берегомъ по подтаявшимъ болотамъ бредутъ олени и „бѣгаютъ“ ходоки, переносящіе кое-какую частную корреспонденцію.

При огромной площади уѣздовъ и скромномъ бюджетѣ на администрацію, акцизнымъ чиновникамъ и податнымъ инспекторамъ (часто даже эти должности соединяются въ одномъ лицѣ), приходится дѣлать въ годъ до 15,000 верствъ и въ саняхъ на лошадиныхъ, и въ оленьей кережкѣ, и на карбасахъ по морю и рѣкамъ, и много пѣшкомъ. — все это въ глуши и съ огромными лишениями. Станы, напримѣръ, Колскаго и Кемскаго уѣздовъ по своей площади равняются цѣлымъ западно-европейскимъ государствамъ, а сфера дѣятельности, въ виду ограниченности равнаго административнаго надзора, не всегда уложится въ министерскую компетенцію и полномочія. Завѣдующій станомъ — рѣшитель многочисленныхъ религиозныхъ вопросовъ и распрей, судья и исполнитель на сушѣ и морѣ, дипломатическій агентъ въ сношеніяхъ съ иностранными мореходами, гроза и милость для кочевниковъ-лошарей и обязательно всесторонній статистикъ!..

Жизнь въ краѣ непомѣрно дорога, сравнительно съ жизнью въ центральной Россіи. Кудъ ржаной муки въ 9 пудовъ, который на Рыбинской биржѣ и даже въ Вознесенскѣ стоитъ 3 р. 50 к. и 4 руб. — въ поморскихъ селахъ и городахъ продается отъ 10 до 12 руб. Мануфактурный, бакалейный и галантерейный товаръ — силовъ бракъ петербургскаго и московскаго рынка — сбывается втридорога.

Стѣбитъ ли уже говорить о томъ, что большинство лицъ, на обязанность которыхъ возлагается та или другая функція государственной и общественной дѣятельности въ краѣ, составляютъ или неудачники, или безнадѣжные... Уѣхать изъ Петербурга или Москвы служить въ Одессу, на Кавказъ, даже въ Туркестанъ, Самаркандъ и Батумъ стало до такой степени понятіемъ простымъ, нормальнымъ, ничѣмъ не пугающимъ, что слово „далеко“ потеряло уже свое прямое значеніе — и въ то же время понятіемъ „далеко“ обнимаются рѣшительно въ равной степени такіе пункты, какъ Сахалинъ, Кола, Кемь, Якутскъ, Повѣнецъ, Мезень...

Очевидно, что здѣсь понятіе „далеко“ рисуется не разстояніе, а главнымъ образомъ недоступность и изолированность и полную неприютность такихъ уголковъ нашего Сѣвера, какъ Кемь, Повѣнецъ, Мезень и друг. Даже природа нашего Сѣвернаго края рисуется въ воображеніи каждаго въ десять разъ мрачнѣе, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ.

Мало кому извѣстно, что даже на Соловецкихъ островахъ у монаховъ огороды не только кормятъ и даютъ запасы на 1,000 человѣкъ, но ихъ капуста, свекла и картофель продаются въ поморье... Сѣверные норвежскіе города Варде, Вадсѣ, Гамерфестъ, находясь въ гораздо худшихъ условіяхъ, являются центрами интеллигентной жизни, съ газетами, клубами, учены-

ми обществу, телеграфам и электрическим освещением. Возможность сообщения, путь съ определенным направлением, гарантирующей какую нибудь срочность и безопасность— великое дело въ вопросахъ культуры населенія и правильной эксплуатаціи естественныхъ богатствъ. Ничего этого нѣтъ у нашего Сѣвера. Путь паломниковъ къ Соловецкимъ святынямъ— подвижническій. Мытарства на немъ и преодоляемые трудности составляютъ неотъемлемую часть того объѣта, который ведетъ богомольцевъ къ Соловецкому монастырю, и для тысячъ народа, которые несутъ свои молитвы и гроши на далекой Сѣверъ, этотъ путь—только тернистый путь; но для интересовъ культуры, для промышленности и торговли—это не путь.

Медленно, еле замѣтно намѣчаются и ползутъ новые пути къ нашему Сѣверу: съ одной стороны тянутся туда финляндскія желѣзныя дороги, съ другой—проложень земствомъ почтовый трактъ отъ Повънца на Сумскій посадъ и намѣченъ Бѣломорско-Онежскій водный путь. Когда-нибудь оживится и сѣверное поморье, и жизнь, и служба тамъ не будутъ, какъ теперь, наказаніемъ и ссылкой въ отдаленныя мѣста.

Типичнымъ образомъ такихъ заброшенныхъ медвѣжьихъ угловъ почти въ самомъ началѣ намѣченнаго Бѣломорско-Онежскаго пути можетъ служить село Надвоицкое. Оно лежитъ въ глуши нашего Сѣвернаго края, на границѣ Повънецкаго уѣзда Олонецкой губерніи и Кемскаго уѣзда Архангельской губерніи. Основалось оно давно новгородскими поселенцами Каликиными у выхода большой рѣки Сѣверный Выгъ, изъ озера Выгъ, на правомъ высокомъ берегу, у самыхъ Надвоицкихъ водопадовъ.

Рѣка Сѣверный Выгъ, выйдя изъ озера тихимъ плесомъ за селомъ, падаетъ тремя водопадами (по мѣстному падунамъ), высотой до 3 сажени, и ниже разливаетъ свои воды въ озеро Воицкое, а потомъ опять шумитъ и реветъ на протяженіи нѣсколькихъ верстъ въ Шаванскихъ порогахъ, потомъ опять озеро, опять пороги и такъ до самаго Бѣлаго моря, въ которое вливается эта рѣка нѣсколькими каскадами у поморскаго села Сороки.

Огромная площадь озера Выгъ (до 40 в. длины и 10 в. ширины) съ массою вѣчно зеленыхъ лѣсистыхъ острововъ (до 300), вѣковые дремучіе лѣса прижавшіеся къ самому берегу рѣки, вѣчный немолчный вой и ревъ падуновъ дѣлаютъ окрестности села Надвоицкаго очень живописными. Рѣзкіе контрасты цвѣтущихъ луговъ и зрѣющихъ нивъ и тутъ-же за рѣкой безпробѣдная лѣсная глушь вѣковыхъ сосенъ и елей; угрюмые шиштые отроги каменныхъ хребтовъ и кудрявыя рожи и куртины ольхи и березняка; зеркальная поверхность озера и бѣлая пѣна водопадовъ—все это сосредоточено на небольшомъ пространствѣ вокругъ села—дѣлаетъ этотъ уголокъ и живописнымъ, и разнообразнымъ. Охота на лѣсную и болотную дичь, обильная рыбная ловля (хариусъ, сигъ, семга и др.), навѣрно заманили-бы къ себѣ много любителей спорта и природы, но дальность разстоянія и главное трудность сообщенія даютъ возможность очень немногимъ заглянуть туда и, побывавъ тамъ, навсегда сохранить воспоминаніе о живописныхъ картинахъ глухаго села.

Когда-то село Надвоицкое было бойкимъ мѣстомъ, какъ лежав-

шее на пути рыбнаго и пушнаго торго сѣвернаго поморья съ центромъ Россіи—здѣсь-же встрѣчались и провожались соловецкіе богомольцы.

Но промысла затихли, торгъ упалъ, извозъ сталъ мало выгоднымъ промысломъ, поморье все заснуло, а съ нимъ опустынились и обидѣли всѣ сѣверные села и поселки, жизнь ушла къ желѣзнымъ дорогамъ и широкимъ удобнымъ рѣкамъ, куда потянулись и люди, и деньги.

Поднялось было одинъ разъ село Надвоицкое и вся округа, когда въ 1745 году у самаго села на полуостровѣ между рѣкою Выгъ и губою озера, залившася далеко въ глубь, сзади деревни была найдена кварцовая жила, проходящая въ тальковомъ сланцѣ, содержащая въ себѣ *самородное золото*, мѣдный колчеданъ и стекловатую мѣдную руду.

Толщина слоя мѣстами доходила до сажени, длина по простиранию горныхъ работъ на 32 сажени, въ глубинѣ-же она была разработана, говорятъ, на 60 саж.

Надо замѣтить, что этою разработкой кварцовая жила далеко не вся вынута, потому что какъ въ глубину, такъ и въ ширину, по простиранию ея въ забояхъ, вездѣ продолжается еще жильный кварцъ.

Первыя работы на Воицкомъ мѣсторожденіи были начаты въ 1742 году, и вначалѣ добывались изъ него однѣ мѣдныя руды. Только въ 1745 году, какъ было упомянуто выше, замѣчено было самородное золото и тогда началось извлеченіе этого металла. Въ 1770 году всѣ работы въ рудникѣ были прекращены по дороговизнѣ средствъ для извеченія металловъ; главное-же препятствіе къ дальнѣйшей разработкѣ руды составлялъ сильный притокъ воды и испорченный воздухъ въ шахтахъ. Въ 1793 году работы возобновились; была поставлена паровая машина для откачиванія воды, но уже въ слѣдующемъ 1794 году работы были оставлены въ третій и послѣдній разъ. На этотъ разъ собственно въ рудникѣ горныхъ работъ почти и не производили, и вѣроятно вся работа остановилась вслѣдствіе недостатка средствъ. Во время третьей попытки разработывать Воицкій рудникъ, пробы кварца, который былъ отбираемъ прежними рудокопами какъ безрудный, дали по пробоочкѣ и промывкѣ 7½ золотниковъ золота на 150 пудовъ руды, т. е. 5 золотниковъ на 100 пудовъ, между тѣмъ какъ добыча золота даже при половинномъ его содержаніи, т. е. 2½ золотниковъ на 100 пудовъ руды считается не невыгодною.

Развѣдки золота на сѣверѣ въ 1827 году опять дали признаки его въ толстыхъ кварцовыхъ жилахъ, проходящихъ въ діоритѣ. въ обнаженіяхъ берега рѣки Выгъ по близости оставленнаго Воицкаго рудника, но съ тѣхъ поръ вопросъ о Воицкомъ золотѣ затихъ совсѣмъ.

Въ этотъ-же промежутокъ времени были пробы добычи серебра изъ рудъ серебряной горы въ 3 верстахъ отъ села Надвоицкаго и добывалась слюда, но исторія этихъ попытокъ и ихъ результаты оставили по себѣ только слабое воспоминаніе въ дѣдовскихъ разсказахъ Надвоичанъ.

Можетъ быть и опять когда нибудь примутся за Воицкіе рудники и примутся навѣрно когда будетъ осуществленъ проектъ Бѣломорско-Онежскаго воднаго соединенія, на пути котораго лежитъ село Надвоицкое. Н. В.

Литературныя бесѣды.

М. Ю. Лермонтовъ.

Рядомъ съ именемъ Пушкина стоитъ въ русской литературѣ имя Михаила Юрьевича Лермонтова. Убитый на дуэли на 27 году жизни (въ 1841 г.), въ пору расцвѣта богатыхъ душевныхъ силъ своихъ, Лермонтовъ настолько интересовалъ ближайшее къ нему поколѣніе, пользовался въ немъ такимъ влияніемъ, что, по свидѣтельству Вѣлинскаго, тогда возникалъ вопросъ, не выше ли онъ Пушкина. И до самаго послѣдняго времени удержалась мысль, что содержаніе Лермонтовской поэзіи, ея „точка зрѣнія“ на явленія жизни природы и человѣка,—выше Пушкинской. Былъ, однако, высказанъ Аполлономъ Григорьевымъ и совершенно иной взглядъ. Признавая въ дарованіи Лермонтова „великую возможность“, по его выраженію, т. е. допуская, что Лермонтовъ при тѣхъ душевныхъ силахъ, которыя онъ обнаружилъ, *могъ бы* создать величайшія произведенія, если бы не погибъ такъ рано; признавалъ, далѣе, что Лермонтовъ, какъ лирическій поэтъ, владѣлъ, въ особенности въ послѣднихъ стихотвореніяхъ, „мѣднымъ литымъ стихомъ“, и что лучше его не писалъ по-русски никто послѣ Пушкина.—Григорьевъ, смотря съ исторической точки зрѣнія на *дѣло* Лермонтова, взвѣсивъ то *слово*, которое онъ завѣщаль міру, находилъ, что „слово это далеко не такъ вѣско, какимъ оно казалось за нѣсколько лѣтъ назадъ“...

Мы видимъ, что и въ прежнихъ критическихъ взглядахъ на Лермонтова главную роль играетъ сравненіе его съ Пушкинымъ, хотя всякія сравненія двухъ одинаково великихъ писателей считаются вообще (и справедливо) безплодными. И это обстоятельство не случайно. Лермонтовъ можетъ быть понятъ, значеніе его можетъ быть оцѣнено только по отношенію къ Пушкину, по сравненію съ величайшимъ русскимъ

поэтомъ. Дѣло въ томъ, что Лермонтовъ и по своему дарованію, и по своей всей поэтической дѣятельности представляетъ, такъ сказать, продолженіе Пушкина; обоимъ поэтовъ связываетъ очевидная общность идей, одни и тѣ же образы и мысли занимаютъ ихъ, одни и тѣ же стремленія дѣлаютъ ихъ родственными другъ другу по духу, и только каждый изъ нихъ вноситъ въ свои созерцанія жизни особая своеобразная свойства и черты. Лермонтовъ не открывалъ новыхъ мировъ для искусства; говоря проще, онъ не указалъ, какъ Гоголь и какъ, даже, напр., Островскій, новыхъ сторонъ русской жизни или русской мысли; онъ вращается все въ томъ же кругу образовъ и мыслей, которые мы находимъ у Пушкина. И потому-то о немъ невозможно говорить, не говоря въ то же время о Пушкинѣ; онъ написалъ „Героя нашего времени“, но этотъ „герой“—Пушкинскій Онѣгинъ, разсматриваемый съ другой точки зрѣнія; онъ въ прекрасномъ стихотвореніи выразилъ идею Пророка, но эта идея, только иначе, съ геніальною силой выражена Пушкинымъ, и т. д., и т. д. Даже, новидному, оригинальнѣйшія произведенія Лермонтова, какъ „Демонъ“ и „Мцыри“,—и тѣ имѣютъ свои первообразы и источники у Пушкина. Этими вполнѣ опредѣляется значеніе Лермонтова въ *исторіи* русской поэзіи; въ этой исторіи не могло быть Лермонтовскаго періода, какъ были періоды Пушкинскій и Гоголевскій. И въ этомъ смыслѣ сравненіе Лермонтова съ Пушкинымъ невозможно. Пушкинъ создавалъ свои произведенія вполнѣ самостоятельно, изъ сырого матеріала, возможное назначеніе и употребленіе котораго онъ угадалъ; онъ былъ начинателемъ и великимъ исполнителемъ русской литературы; Лермонтовъ же былъ работникомъ на готовомъ полѣ, работ-

никомъ съ великими силами, обнаружившимъ высокую само-бытность и потому двинувшимъ впередъ дѣла Пушкина, но все же только продолжателемъ начатаго уже дѣла.

Обыкновенному читателю, даже вообще всякому „читателю“, однако, по правдѣ сказать, не слишкомъ много дѣла до собственно исторической стороны литературнаго произведенія. Онъ, читатель, судитъ по своему непосредственному впечатлѣнью, по тому, что дало ему произведение пережить и перечувствовать. И вотъ, съ этой-то точки зрѣнія поэзія Лермонтова, дѣйствительно, соперничаетъ до известной степени съ поэзіей Пушкина. Во всей русской литературѣ нѣтъ, не было, а быть можетъ и не будетъ поэта, который съ такою поразительною силою дѣйствовалъ бы на читателя, какъ Лермонтовъ. Его „желѣзный“, по его же собственному выраженію, стихъ воззвучаетъ въ душу читателя, возбуждая въ ней сложную игру чувствъ и мыслей съ такою силою, которой противостать невозможно. Говоря словами самого поэта (въ стихотвореніи „Сосѣдь“), когда читаешь его стихотворенія, —

„Въ груди... все оживаетъ вновь,
„И мысли далеко несутся,
„И полонъ умъ желаній и страстей,
„И кровь кипитъ — и слезы изъ очей,
„Какъ звуки, другъ за другомъ льются“...

придаетъ его поэзіи характеръ и силы, и нѣкоторой односторонности. Въ Лермонтовѣ жило чувство постоянной неудовлетворенности, развитое въ немъ къ тому же поэзією Байрона; міръ казался ему полнымъ огромныхъ противорѣчій разуму и нравственной справедливости, и потому возбуждалъ въ немъ безграничное чувство печали. И во всѣхъ явленіяхъ жизни, на которыя онъ обращалъ свое поэтическое вниманіе, онъ искалъ и находилъ печальныя черты, оправдывающія его чувство. Не всегда источникъ этой печали лежалъ въ явленіяхъ жизни, скорѣе онъ исходилъ изъ души автора.

И вотъ, вращаясь среди идей, мыслей и образовъ, тѣхъ самыхъ, которыми жилъ Пушкинъ, Лермонтовъ передѣлывалъ ихъ по своему душевному строю, ихъ отрицательныя черты дѣлалъ предметомъ своего вдохновенія. Пушкинъ видѣлъ въ поэтѣ человѣка, которому Творецъ, одарившій его чуткимъ слухомъ и вѣщими очами, тѣмъ самымъ предписалъ „возстать и, обходя моря и земли, глаголомъ жечь сердца людей“. У Лермонтова — это человѣкъ, который именно за то, что онъ „исполнился волею Бога“, изгнанъ людьми, угрюмъ, и худъ, и блѣденъ, нагъ и бѣденъ, презираемъ всѣми, и про котораго „старцы дѣтямъ говорятъ“:

„Смотрите: вотъ примѣръ для васъ!
„Онъ гордъ быть, не ужился съ нами;

Выставка Императ. Академіи Художествъ. „Село Покровское, Екатеринбургской губ.“.

Съ карт. С. П. Васильювскаго (исключительное право воспроизведенія въ гравюрѣ и т. п. принадлежить „Нивѣ“), грав. Шюблеръ.

Читатель, подъ влияніемъ этой силы, не спрашиваетъ себя, какое чувство вызываетъ въ немъ авторъ, опредѣлимо ли, справедливо ли оно (а такой вопросъ, какъ увидимъ, нѣрѣдко умѣстенъ), — онъ просто не въ силахъ не покориться ему: разборъ, разсужденіе, анализъ приходятъ только позже. Намъ приходилось, въ статьяхъ о Пушкинѣ, объяснить, что великій поэтъ въ этомъ отношеніи представляетъ нѣчто иное; не смотря на его исключительно, какъ известно, страстную натуру, въ его стихотвореніяхъ разлитъ всегда такое ясное, можно сказать — прозрачное, простое, повидимому всѣмъ доступное чувство. У Лермонтова, напротивъ, за рѣдкими исключениями, чувство носитъ печать какой-то необыкновенной силы и въ то же время обыкновенно неопредѣленности, загадочности. Читателю все кажется, что какъ ни сильно выражено чувство Лермонтовымъ, — онъ все-таки и половины не высказалъ того, что было у него въ душѣ; чувство и мысль поэта кажутся читателю необъятными, безграничными, и въ этомъ, нужно сказать, заключается своего рода очарованіе.

Чтобы понять источникъ этихъ свойствъ Лермонтовской поэзіи, необходимо обратиться къ ея содержанію. И здѣсь мы снова должны обратиться къ исторической сторонѣ дѣла и къ сравненію нашего поэта съ Пушкинымъ. Пушкинъ отзывался своею истинно поэтической душою на разнообразнѣйшія явленія жизни природы и человѣка. По самой сущности своей „гармонической“ натуры, натуры стройно созданной, онъ отвѣчалъ поэтическимъ безпристрастіемъ, подобнымъ безпристрастію природы. И потому у него нѣтъ исключительно любимыхъ явленій и исключительно не-любимыхъ, для его поэтическаго описанія и разсмотрѣнія годилось все, что такъ или иначе волновало его нравственное и эстетическое, поэтическое чувство. Лермонтовъ, напротивъ, поэтъ, носящій на себѣ тяжелую печать первенствующей въ немъ, все одной, постоянной думы, одного нервенствующаго чувства, которое

„Глушецъ — хотѣлъ увѣрить насъ,
„Что Богъ гласитъ его устами!“...

Нѣтъ сомнѣнія, что если Лермонтовъ и правъ въ этомъ стихотвореніи, то только отчасти, и его личная слава, его влияніе не служатъ ли опроверженіемъ его печальнаго взгляда? Пушкинъ, бравшій другую сторону дѣла, умалчивавшій о томъ, что на трудномъ пути предстоитъ пророку, и только звавшій къ живой и великой дѣятельности, несомнѣнно цѣлостнѣе и справедливѣе Лермонтова.

„Пророкъ“ — характернѣйшее произведеніе, выдающее смыслъ возрѣній Лермонтова. И если сказать при этомъ, что оно написано въ послѣдніе дни жизни поэта, то это нѣсколько раскрываетъ и то будущее, которое было бы въ дѣятельности поэта, если бы онъ остался жить. Но если личное настроеніе, „субъективное“ отношеніе къ явленіямъ жизни сказывается такъ ярко въ этомъ стихотвореніи, то въ другихъ оно еще очевиднѣе. Помните-ли, напр., „Послѣднее новоселье“? Фактъ несомнѣнно для поэта отрадный, перевезеніе праха Наполеона I во Францію съ острова Св. Елены, вызываетъ строки страстнаго негодованія поэта противъ тѣхъ, кто не былъ виноватъ въ паденіи Наполеона. „Ты жалкій и пустой народъ!“ — хочется поэту сказать французамъ за то, въ чемъ этотъ народъ исторически виноватъ не былъ.

Это же самое стихотвореніе привлекаетъ вниманіе на другое свойство поэзіи Лермонтова по отношенію къ ея содержанію. Отрицаая дѣйствительность, нужно имѣть идеалы. Но среди идеаловъ Лермонтова мы встречаемъ, какъ у Гейне, преклоненіе передъ Наполеономъ, права на которое во всякомъ случаѣ спорны. Что влекло поэта въ этомъ направленіи? Поэзія Лермонтова даетъ на это отвѣтъ довольно ясный. Все будничное, бесспорно отличающееся отсутствіемъ всякаго величія, все шаблонное, надоедливое, — все это отталкиваетъ поэта. Но отсюда логически вытекаетъ возможность,

если не необходимость, возвеличеній необыкновеннаго, изъ ряду выходящаго, безъ достаточной оцѣнки нравственныхъ свойствъ этого необыкновеннаго. И у Лермонтова эта черта сказывается ярко. Не одинъ Наполеонъ является предметомъ вдохновенія и поклоненія, а напр., и Хаджи-Абрекъ, какъ олицетвореніе страстной мести.

хотворенійхъ есть, однако, черты, показывающія, что мятежный духъ поэта находить и примиреніе въ чувствѣ религиозномъ, съ одной стороны, а съ другой—въ чувствѣ любви къ отчизнѣ. Этими чувствами запечатлѣны такіе перлы поэзіи его, какъ „Я, мать Божія...“ „Когда волнуется желтѣющая нива...“ „Бородино“, „Пѣня про царя Ивана Васильевича“ и пр. Въ

„Русскіе террористы“ въ Парижѣ. Арестованіе Рейнштейна и его жены. По рис. М. Г.

Лермонтовъ является въ русской литературѣ представителемъ отрицанія еще не уясниваемаго себѣ предметовъ, противъ которыхъ оно направлено. Въ его лирическихъ сти-

хахъ, быть можетъ, мы и должны видѣть залогъ предстоящаго, но къ несчастію для русской литературы прерваннаго развитія поэта.

Арс. Введенскій.

Къ рисункамъ.

Бенаресъ. (Рис. на стр. 585 и 588).

На лѣвомъ берегу Ганга, по желѣзной дорогѣ, ведущей изъ Калькутты въ Дели, въ томъ мѣстѣ, гдѣ отъ нея отдѣляется вѣтвь на сѣверъ въ Файзабадъ, лежитъ Бенаресъ, одинъ изъ замѣчательныхъ и значительныхъ городовъ Индіи. Съ незапамятныхъ временъ въ немъ сосредоточилась браминская ученость. Оттого Бенаресъ почитается самымъ священнымъ

городомъ у индусовъ и въ него отовсюду стекаются благочестивые поклонники Браммы. Около 8,000 домовъ населены только браминами, и обитатели ихъ живутъ добродетельными даяніями и милостыней наломниковъ. Много знатныхъ и богатыхъ индусовъ изъ различныхъ странъ содержатъ въ Бенаресѣ собственныя нагоды и платятъ подати жрецамъ и нищимъ; у многихъ индусскихъ князей, живущихъ вдали отъ Бенареса, построены въ городѣ дворцы, гдѣ они остававли-

ваются на время праздников и могут, на склонах дѣтъ, сложивъ съ себя государственныя заботы, провести послѣдніе дни своей земной жизни. Умереть въ священномъ городѣ и затѣмъ быть брошеннымъ въ святія воды Ганга—почтается у брамина величайшимъ счастьемъ и вършимъ средствомъ найти вѣчное успокоеніе на лонѣ божества. Сотни тысячъ паломниковъ стекаются въ Бенаресъ въ извѣстное время. Дѣтницы или ступы, такъ-называемыя „Гатъ“ (изображенные на стр. 588), ведущіе съ высокаго берега къ водѣ, даже въ самое жаркое время дня, бываютъ покрыты толпами мужчинъ, женщинъ и дѣтей, которые совершаютъ молитвы и омовеніе или наполняютъ сосуды священной водою Ганга. Эту воду, въ круглыхъ сосудахъ, разносятъ и разсылаютъ по всему Индостану. Въ городѣ насчитываютъ до 1,454 индускихъ храмовъ и 272 мечети. Величественный и чудесный видъ представляетъ городъ, если смотрѣть на него со стороны рѣки, ширина которой достигаетъ въ половодье 360 сажень. Посреди множества зданій невольно приковываетъ взоръ Дзамедъ-Гатъ, гдѣ непременно побываетъ каждый пидусъ, чтобы поклониться Брамѣ; даѣе высятся надъ окружающими зданіями мечеть Аурагзаба со своимъ стройнымъ минаретомъ, высотой болѣе 16 саж. Но среди дворцовъ и храмовъ, уютяся бѣдныя лачуги и незатѣйливый лавки торгашей. Въ настоящее время Бенаресъ насчитываетъ до 200 тысячъ жителей, изъ которыхъ три четверти индусовъ.

„Пугу!“ (Рис. на стр. 589).

Запорожье, какъ извѣстно, представляло собою патриархальную общину. Здѣсь все были братьями по вѣрѣ, языку, правдѣ, занятіямъ, обязанностямъ и обычаямъ. Обычай же запорожцевъ отличался своеобразіемъ. Вотъ, наиримѣръ, одинъ изъ нихъ. Когда запорожцу пужно было дать знать о себѣ такъ, чтобы непосвященные не примѣтили этого, напр. когда онъ подъѣзжалъ къ знакомой корчмѣ и не рисковалъ прямо войти въ нее, чтобы не наткнуться на проѣзжихъ поляковъ, или дать вѣсть о своемъ прибытіи на выручку товарищу томившемуся въ плѣну, или вообще просить гостепріимства въ почное время у воротъ приятельскаго дома, — онъ прибѣгалъ къ особому условленному способу, подражая крикамъ филина, которые чрезвычайно похожи на протяжно пропнесенное слово: „пу-гу!“ Этотъ условленный сигналъ, далеко и четко слышимый въ тишинѣ ночи, тотчасъ открывалъ ему гостепріимныя двери.

Рачникъ-промышленникъ. (Рис. на стр. 593).

Ловля раковъ производится различными способами и снарядами. Самый простой состоитъ въ томъ, что люди, знакомые съ мѣстностью, просто входятъ въ воду и достаютъ раковъ руками изъ береговыхъ норокъ, или изъ-подъ камней и корягъ, гдѣ они прячутся. Чаще же всего ловятъ раковъ посредствомъ такъ-называемыхъ *круговъ*. „Кругомъ“ называется сажовидная сѣтъ, придѣланная къ желѣзному или деревянному обручу, который посредствомъ трехъ бичевокъ привѣшивается къ концу длинной налки. Посрединѣ сѣти помѣщается, въ видѣ приманки, кусокъ мяса или рыбы, и она опускается на дно (съ грузиломъ, если обручъ деревянный). Обыкновенно опускаютъ нѣсколько круговъ въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, и затѣмъ поочередно поднимаютъ ихъ изъ воды черезъ небольшіе промежутки времени, и вытряхиваютъ въ лодку попавшихся раковъ. Лодки употребляются для этого болѣею частью крошечныя, такъ-называемыя душегубки.

Встрѣча В. К. Владиміромъ Александровичемъ тѣла покойнаго Герцога Лейхтенбергскаго.

(Рис. на стр. 596).

12 октября 1877 г., во время рекогносцировки одного изъ передовыхъ отрядовъ арміи Государя Императора, въ то время Наслѣдника Цесаревича, къ югу отъ Рудука, по направлению къ Кадьюку, былъ пораженъ вражью пулею Герцогъ Лейхтенбергскій, Сергій Максимиліановичъ. Пуля попала въ околышъ фуражки, возлѣ кокарды и пробила черепъ. Молодой, 27-лѣтній герой палъ на полѣ битвы, въ полномъ блескѣ почестей, которыя были достойною наградою его мужества и неустрашимости, во все время нахождения Его Высочества на мѣстѣ военныхъ дѣйствій въ памятную всемъ русскимъ послѣднюю турецкую войну. Смерть постигла Князя Сергія Максимиліановича на глазахъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича, который послѣднее направился къ пораженному, но напелъ его уже бездыханнымъ. Эта трогательная сцена и послужила содержаниемъ прекрасной картины П. Ковалевскаго, гравюру съ которой читатели найдутъ на стр. 596.

На вакаціи. (Рис. на стр. 597).

Два гимназистика, вооружась отцовскимъ ружьемъ и не умѣя еще стрѣлять въ лѣтъ, съ терпѣніемъ достойнымъ лучшаго дѣла, выманываютъ перепела изъ-рѣки, подражая крику перепелки. Одинъ изъ нихъ держитъ видимо скачущую собаку, которая могла бы только помѣшать горе-охотникамъ, вспугнувъ птицу.

„Село Покровское“. Картина Васильковскаго.

(Рис. на стр. 600).

Сель Покровскихъ нѣсколько въ Екатеринославской губерніи. Самое замѣчательное изъ нихъ расположено на мѣстѣ послѣдняго коша Запорожскаго (Сѣчи), существовавшаго съ 1734 по 1775 г., когда Сѣчь была уничтожена генераломъ Тельпинымъ, по волѣ императрицы Екатерины II. Талантливый пейзажистъ С. И. Васильковскій въ своей картинѣ прекрасно передалъ характеръ южно-русскаго села.

Арестованіе русскихъ террористовъ въ Парижѣ.

(Рис. на стр. 601).

Въ *Политическомъ Обзорнѣи* читатели прочтутъ, что во Франціи захвачена шайка террористовъ производившихъ въ окрестностяхъ Парижа опыты съ разрывными снарядами и хранившихъ у себя зариженыя бомбы различныхъ форматовъ и видовъ: Ашкинази, Бердичевскій, Дембскій, Кашинецъ (онъ же Ананьевъ), Лавреніусъ, Мендельсонъ, Накатичъ (онъ же Наканидзе), Орловъ (онъ же Вольгринъ), Рейнштейнъ съ женою, Стенатовъ, Теплово (онъ же Львовъ) и двѣ женщины: Фодорова и Бромбергъ. Этимъ положенъ конецъ приготовленіямъ къ какому-то варварскому покушенію, то-есть оно предупреждено во-время. Взято съ полничнымъ четырнадцатью человекъ; всего же въ Парижѣ, говорятъ, двадцать шесть террористовъ, болѣею частію, какъ и арестованные, — евреи; въ общемъ количествѣ двадцати шести, говорятъ, лишь четверо русскихихъ. Что касается главы ихъ, извѣстнаго Лаврова, то у него ограничили обыскомъ, причѣмъ снарядовъ не нашли, ибо Лавровъ лишь подстрекатель, а у себя опасныхъ вещей не держитъ. Впрочемъ, забрали все бумаги, гдѣ, какъ полагаютъ, заключается много именно заговорныхъ нитей, доходящихъ до самаго клубка и доводящихъ до него слѣдователя. Судебный слѣдователь Аггаленъ энергически допрашиваетъ одного изъ главныхъ динамитчиковъ, Бориса Рейнштейна, имѣющаго отъ роду 23 года и родившагося въ Могилевѣ. Его жена, также арестованная, рожденная Мошлова (Мошлова), 24 лѣтъ. Оба они вмѣстѣ изготовляли динамитъ, имѣя нѣчто въ родѣ настоящей динамитной фабрики. Такъ, динамитъ, коимъ были начинены бомбы найденныя у Суасны Бромбергъ, былъ сфабрикованъ супругами Рейнштейнъ.

Когда цюрихскіе террористы, послѣ тамошней прошлогодней бомбической исторіи и высылки оттуда, перебрались въ Парижъ, они примкнули къ убійцамъ, группирующимся вокругъ Лаврова, и стали, подъ руководствомъ Дембскаго, практиковать дальнѣйшее усовершенствованіе разрывныхъ снарядовъ. Это, повидимому, удалось: самая большая бомбочка теперь — меньше дѣтскаго кулака, а есть и въ половину куриного яйца, причѣмъ эта послѣдняя — на ихъ опытахъ въ Рэнси — дѣлала серьезную дыру въ столѣтнемъ деревѣ, глубокую, насквозь, и съ разрывомъ стволъ вокругъ.

Вотъ списокъ снарядовъ найденныхъ у Рейнштейна и отобранныхъ полиціейскимъ комиссаромъ Клеманомъ:

Пакетъ опилокъ порфиризованнаго желѣза, пакетъ такого же цинка и сѣрнистаго натра, съ ярлыкомъ одной цюрихской аптеки; пачка марганцовокислаго кали, затѣмъ пачки: диамидстаго кали, солей ртути, много запаловъ, канюлей; двѣ цилиндрическія бомбы, мѣдныя, начиненныя и опущенныя въ воду. Затѣмъ найденъ цѣлый складъ всевозможныхъ матеріаловъ служащихъ для фабрикаціи взрывныхъ веществъ и все лабораторныя принадлежности.

Парижскій корреспондентъ *Times* сообщаетъ, что годъ тому назадъ онъ имѣлъ свиданіе съ Дембскимъ, когда тотъ находился въ госпиталѣ послѣ извѣстнаго взрыва бомбы, убившаго Бришштейна. Дембскій — сильный мужчина лѣтъ 32, хорошо говорящій по-французски и по-нѣмецки. Онъ былъ не въ состояніи двинуться и тѣмъ не менѣе заявлялъ что не думаетъ отступиться отъ дѣла терроризма. Разрывъ бомбы у его ногъ ничего не значить, и какъ только онъ оправится, онъ снова примется за старое. Онъ отрицалъ существованіе заговора, но заявилъ, что о террористахъ еще услышать.

Въ самый день смерти Бришштейна, въ Цюрихѣ явился Мендельсонъ, находился въ квартирѣ убитаго Бришштейна и немедленно послѣ похоронъ послѣдняго исчезъ, а одновременно съ этимъ исчезли 30 бомбъ. Ихъ слѣдано было въ Цюрихѣ болѣе 40, а найдено всего лишь 13. Полиціи убѣждена что Мендельсонъ увезъ ихъ съ собой въ Парижъ.

Рейнштейнъ также извѣстенъ въ Швейцаріи. Онъ былъ неуспевающимъ агентомъ партіи террористовъ. Рисунокъ нашъ изображаетъ арестованіе Рейнштейна съ его женою въ Парижѣ.

Николае-Максимиліановская медаль.

(Рис. на стр. 604).

Прилагаемъ изображеніе медали, имени Его Императорскаго Высочества Князя Николая Максимиліановича Романовскаго, Герцога Лейхтенбергскаго, учрежденной ко дню двадцатипятилѣтняго юбилея дѣятельности Его Высочества въ званіи преемника Императорскаго общества, для награжденія ею ежегодно, въ видѣ почетной преміи, авторовъ лучшихъ сочиненій по минералогіи, геологіи и палеонтологіи.

Первый экземпляр ее и был поднесен Его Высочеству в торжественный день юбилея, как дань его заслугам по минералогии вообще и Минералогическому обществу в частности. Работа медали принадлежит известному и талантливому медальеру, г. Грелиху младшему.

Генераль-лейтенантъ А. М. Смѣкаловъ.

(Портр. на стр. 604).

Скончавшійся 2 февраля начальникъ Терской области и наказной атаманъ Терскаго казачьяго войска, генераль-лейтенантъ Алексѣй Михайловичъ Смѣкаловъ происходилъ изъ вѣстнаго дворянскаго рода Вологодской губерніи. Родился онъ 10 марта 1838 г. и слѣдовательно умеръ еще не имѣя 52 лѣтъ отъ роду, въ полномъ расцвѣтѣ своихъ силъ и способностей. 18 ти лѣтъ покойный окончилъ курсъ въ 1-мъ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ и лѣтомъ 1856 года вступилъ въ военную службу прапорщикомъ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка, по окончаніи курса Николаевской академіи генеральнаго штаба въ декабрѣ 1860 года былъ причисленъ къ генеральному штабу и назначенъ состоять при главномъ штабѣ Кавказской арміи. По производствѣ въ подпоручики, Смѣкаловъ, въ сентябрѣ 1861 года, прибылъ въ Тифлисъ. Такимъ образомъ, съ первыхъ шаговъ въ своей практической жизни Смѣкаловъ попалъ въ самый центръ кипучей дѣятельности — на Кавказъ, гдѣ въ это время, близкое еще къ послѣднимъ моментамъ борьбы съ горцами, шла усиленная работа по замиренію ихъ и развитію въ нихъ началъ гражданственности. Въ ноябрѣ 1863 г. онъ получилъ новое назначеніе — дѣлопроизводителемъ канцеляріи по управленію кавказскими горцами. Къ этому-же времени относится и первое участіе покойнаго въ бою: осенью 1864 г. онъ находился въ составѣ Даховскаго отряда и участвовалъ въ дѣлахъ съ горцами.

Въ 1865 году Смѣкаловъ уже исправлялъ должность правителя канцеляріи, а въ 1867 г. былъ произведенъ въ подполковника и утвержденъ въ должности правителя канцеляріи начальника Терской области.

Къ концу шестидесятихъ годовъ относится дѣятельное участіе покойнаго въ составленіи и приведеніи въ дѣйствіе Положенія объ освобожденіи зависящихъ сословій, существовавшихъ въ горскихъ племенахъ Кавказа. Съ 1 января 1871 г. Смѣкаловъ оставляетъ канцелярію и назначается вице-губернаторомъ въ Терской области, съ зачисленіемъ по армейской пѣхотѣ.

30 августа 1876 г. Смѣкаловъ былъ произведенъ въ генераль-майоры, съ назначеніемъ помощникомъ начальника Терской области и съ зачисленіемъ по генеральному штабу. Здѣсь мирная дѣятельность по административному управленію краемъ была прервана разыгравшимся, во время войны съ Турціей, возстаніемъ нѣкоторыхъ горскихъ народностей въ Терской и Дагестанской областяхъ. Состоя съ августа 1877 по августъ-же 1878 г. начальникомъ отдѣльныхъ отрядовъ, покойный Смѣкаловъ выказалъ много мужества и распорядительности, онъ награжденъ былъ орденомъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 4-й степени, а вообще за дѣла съ мятежниками — орденомъ Св. Станислава 1-й степени. Высочайшимъ приказомъ 4 апрѣля 1881 г. Смѣкаловъ былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Батумской области, съ оставленіемъ въ генеральномъ штабѣ. Въ іюнѣ 1883 г. состоялось преобразованіе военно-народнаго управленія Кавказскимъ краемъ, по которому Батумская область была присоединена къ Кутаисскому военному губернаторству, вслѣдствіе чего Смѣкаловъ былъ назначенъ кутаисскимъ военнымъ губернаторомъ. Въ 1886 г. онъ былъ произведенъ въ генераль-лейтенанты, а 11 февраля 1887 г., послѣ шестилѣтняго отсутствія изъ Терской области, возвращенъ въ нее начальникомъ области и наказнымъ атаманомъ Терскаго казачьяго войска. Въ 1888 г. состоялось новое положеніе о преобразованіи управленія ею, тогда-же была введена воинская повинность среди туземнаго населенія края. Смѣкаловъ принималъ горячее и непосредственное участіе въ организаціи этого новаго дѣла, за что ему было объявлено Монаршее благоволеніе. Въ 1889 г. онъ награжденъ орденомъ Бѣлаго Ора. Все время управленія краемъ прошло въ непрерывныхъ хлопотахъ и занятіяхъ: Смѣкаловъ трудился и работалъ такъ, какъ только можетъ работать человѣкъ его выдававшихся способностей. До того самаго момента, пока тяжкій недугъ не уложилъ его въ постель, онъ не оставлялъ занятій и интересовался дѣлами, какъ только чувствовалъ хоть малѣйшее облегченіе.

По кончинѣ его, вдова покойнаго, Екатерина Михайловна Смѣкалова, удостоилась полученія отъ Государыни Императрицы телеграммы слѣдующаго содержанія:

„Петербургъ. 4 февраля, 12 час. 21 мин. пополудни.

„Генеральнѣ Смѣкаловой.

„Не могу высказать вамъ всей Моей скорби по поводу столь жестоко поразившаго васъ великаго несчастія; примите выраженіе полнѣйшаго Моего сочувствія и живаго участія, которое Государь и Я принимаемъ въ вашемъ горѣ.

„МАРИЯ“.

Георгій Бранковичъ, сербскій Карловацкій патріархъ. (Портр. на стр. 605).

Избраніе темешварскаго епископа Георгія Бранковича Сербскимъ патріархомъ автономной венгерской православной церкви, состоявшееся 7 (19) апрѣля, не составляетъ особо знаменательнаго событія въ славянскомъ мѣрѣ, такъ какъ онъ остался попрежнему „мадьярономъ“, членомъ правительственной партіи и лицомъ угоднымъ венгерскому правительству; но, съ другой стороны, въ противуположность предшественнику своему, печальной памяти Анджеличу, новый патріархъ по крайней мѣрѣ пользуется сочувствіемъ венгерскихъ сербовъ, которые довольны уже и тѣмъ, что онъ выбранъ ихъ церковно-народнымъ соборомъ въ Карловицахъ, а не навязанъ имъ, какъ его предшественникъ, правительствомъ.

Георгій Бранковичъ родился 1 (13) марта 1830 г., въ деревнѣ Кульчинѣ, Бачскаго комитата, въ семьѣ мѣстнаго священника. Послѣ школы въ Сентѣ онъ послѣдовательно учился въ гимназіяхъ Вербаской, Байской и Надъи-Керешской, гдѣ и окончилъ курсъ къ 1848 году. Венгерская революція помѣшала ему продолжать образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и вынужденный поступить на службу нотаріусомъ, онъ лишь въ 1852 году вступилъ въ число воспитанниковъ только-что учрежденной Карловицкой духовной академіи. Окончивъ курсъ въ 1855 году, онъ женился, служилъ въ епископской консисторіи въ Новомъ-Садѣ и былъ рукоположенъ во діакона, а черезъ годъ во пресвитера, вторымъ священникомъ въ Сентѣ, гдѣ настоятелемъ былъ его отецъ. Назначенный черезъ 9 лѣтъ настоятелемъ прихода въ Сомборѣ и черезъ три года директоромъ тамошней учительской семинаріи, Бранковичъ, овдовѣвшій еще въ 1866 году, былъ въ 1881 году избранъ карловацкимъ синодомъ во епископа Темешварскаго, по принятіи монашества въ Ковильскомъ монастырѣ.

Батарея Имшенецкаго для комнатнаго электрическаго освѣщенія. (Рис. на стр. 605).

8 марта, въ Техническомъ Обществѣ, штабсъ-капитанъ Имшенецкій демонстрировалъ батарею своего изобрѣтенія, предназначенную для комнатнаго электрическаго освѣщенія.

Въ большихъ городахъ, гдѣ устроено уличное электрическое освѣщеніе, частныя лица, живущіе на этихъ-же улицахъ, могутъ освѣщать электричествомъ и свои помѣщенія, для чего къ проводникамъ, проложеннымъ вдоль улицъ, обыкновенно подъ землей, прибиваются болѣе тонкія проволоки, по которымъ токъ идетъ въ частныя квартиры, магазины и т. д. Слѣдовательно всякій, живущій не на этихъ улицахъ, если желаетъ устроить у себя электрическое освѣщеніе, не можетъ пользоваться токомъ отъ центральной станціи, а долженъ завести свою собственную, въ составѣ которой войдутъ двигатель и динамо-машинна. Въ такихъ-же точно условіяхъ находится всѣ живущіе въ тѣхъ городахъ, гдѣ совсѣмъ нѣтъ уличнаго электрическаго освѣщенія, и живущіе въ помѣстьяхъ, гдѣ въ электрическомъ освѣщеніи чувствуется особенно настоятельная нужда, напр. въ ригахъ, при сушкѣ хлѣба и т. п. Но завести электрическую станцію совсѣмъ не такъ легко, и главнымъ образомъ вслѣдствіе недостатка у насъ въ Россію людей умѣющихъ обращаться съ механизмами. Все это заставляло электротехниковъ работать надъ улучшеніемъ гальваническихъ батарей, обращеніе съ которыми гораздо проще, тѣмъ съ динамо-машинами и двигателями; дѣйствительно, батарея является источникомъ тока, который можно помѣстить всюду; она не требуетъ ни газопровода, ни предварительнаго разведенія паровъ, дѣйствіе ея не зависитъ отъ массы случайностей; порча какой-нибудь одной или даже нѣсколькихъ частей не прекращаетъ освѣщенія, она не производитъ шума, свѣтъ отъ нея не мигаетъ. Техники, работавшіе надъ батареями, старались, во-первыхъ, придумать для нихъ такую конструкцію, чтобы насколько возможно упростить манипуляціи заряжанія и разряжанія батареи; во-вторыхъ, отыскать такую комбинацію жидкостей и электродовъ, чтобы батарея при продолжительномъ дѣйствіи давала токъ сильный и постоянный, и въ-третьихъ, они изыскивали средства сдѣлать токъ отъ батарей дешевымъ. Кромѣ этихъ главныхъ задачъ были и другія, которыхъ нельзя было упускать изъ виду, а именно: жидкости батарей не должны выдѣлять вредныхъ или неприятныхъ газовъ, объемъ батарей долженъ быть по возможности не великъ, цѣна не высока и т. п.

Многимъ удавалось добиваться рѣшенія нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ задачъ, но практичскимъ примѣнимо можетъ быть только то изобрѣтеніе, которое удовлетворяетъ всѣмъ вышеозначеннымъ требованіямъ *въ совокупности*.

Повидимому только теперь, т. е. черезъ 90 лѣтъ послѣ изобрѣтенія перваго гальваническаго элемента, русскому электротехнику А. М. Имшенецкому удалось разрѣшить этотъ вопросъ. Батарея, изобрѣтенная имъ и демонстрированная въ Техническомъ Обществѣ, представлена на нашемъ рисункѣ.

Она состоитъ изъ 24 элементовъ, имѣющихъ видъ ящиковъ и установленныхъ на трехъ полкахъ; надъ ними имѣются два резервуара съ жидкостями, служащими для наполненія бата-

рек. Не вдаваясь въ описаніе подробностей устройства отдѣльных элементовъ, скажемъ только, что для наполненія батарей надо при помощи каучуковыхъ шариковъ, видныхъ на рисункѣ, наполнить жидкостями сифоны, помѣщенные сбоку резервуаровъ, и открыть въ нихъ краны; жидкости при этомъ потекутъ сразу во все восемь элементовъ, поставленные на верхней полкѣ, наполнятъ ихъ, затѣмъ остальные жидкости, продолжающія поступать въ верхній рядъ элементовъ, черезъ особыя трубочки стекаютъ во второй рядъ, наполняютъ его, потомъ текутъ въ третій и т. д., во сколько-бы рядовъ ни стояли элементы; изъ послѣдняго ряда излишекъ налитыя жидкости вытекаютъ въ сосуды, помѣщенные подъ батареей. Для

Батарей, въ которыхъ вопросъ этотъ былъ рѣшенъ наилучшимъ образомъ, все-таки не могли быть примѣнены къ электрическому освѣщенію, потому что токъ, который онѣ давали, стоилъ въ 5 разъ дороже, чѣмъ отъ динамо-машинъ; г. Имшенецкій доказывалъ, что токъ отъ его батарей будетъ не дороже тока динамо-машинъ. Мы не будемъ приводить всѣхъ его доказательствъ, вслѣдствіе ихъ специальности; укажемъ только, что, по его заявленію, 16-ти-свѣчная лампа въ часъ будетъ стоить отъ 2 до 3 коп., при условіи осажденія изъ отработавшей жидкости окиси хрома известью, а этой послѣдней—сѣрной кислотой.

Мы слышали, что для эксплуатаціи этого изобрѣтенія сфор-

Николае-Максимиліановская медаль, работы медальера Грилихса младшаго.

выливанія жидкостей изъ батарей надо открыть по два крана въ каждомъ элементѣ.

Изъ этого краткаго описанія читатели могутъ видѣть, что обращеніе съ батареей г. Имшенецкаго дѣйствительно весьма несложно. Что касается постоянства и силы тока, то въ первомъ, т. е. въ постоянствѣ тока, присутствовавшіе 8 марта на сообщеніи могли лично убѣдиться, такъ какъ батарея изъ 24 элементовъ давала цѣлый вечеръ свѣтъ, силою въ 236 свѣчей, при чемъ къ концу вечера лампы горѣли такъ же ярко, какъ и въ началѣ. Лампы были разной силы свѣта, отъ 6 до 20 свѣчей, и горѣли всѣ одновременно.

По заявленію докладчика, его элементъ можетъ стоить въ продажѣ около 10 р., слѣдовательно батарея на 50 лампъ изъ 92 элементовъ, около 1000 р.; предположивъ, что шкалы для батарей, баки, распределители, коммутаторы и проч. будутъ стоить половину этой суммы, т. е. что цѣна такой батареи дойдетъ до 1500 р., окажется, что она будетъ много дешевле батареи Бунзена, даже безъ всякихъ принадлежностей, считая элементы Бунзена этой величины по 5 р., а всю батарею—3375 р.

Если сравнить стоимость батарей г. Имшенецкаго со стоимостью двигателя и динамо-машинны, то опять-таки преимущество будетъ на сторонѣ батарей. Дѣйствительно: 50 лампъ по 16 св. требуютъ 5 лоша. силъ; такой газовый двигатель стоитъ въ Петербургѣ 2350 р., а динамо-машина на 50 лампъ 800 р., слѣдовательно всего 3150 р.; при меньшихъ установкахъ разница будетъ еще значительнѣе. Мы приводимъ всѣ эти расчеты, чтобы ознакомить читателей съ значеніемъ новаго русскаго изобрѣтенія.

Всего труднѣе давалось изобрѣтателямъ удешевленіе тока.

мировалась компанія, которая уже приступила къ устройству завода, какъ для фабрикаціи элементовъ, такъ и для переработки жидкостей, слѣдовательно въ скоромъ времени эти батареи появятся въ продажѣ (ихъ уже изготовляютъ въ СПб., по Мѣщанской улицѣ, № 20).

Генералъ-лейтенантъ А. М. Сѣталовъ. † 2 февр. 1890 г.
Съ фот. Бергамаско, грав. Шюблеръ.

камн и въ Европѣ. При установленіи общихъ кредитовъ на армію и флотъ мое правительство, добросовѣстно руководствуясь финансовыми условіями государства, должно было

Политическое обозрѣніе.

На-дняхъ открылись засѣданія австро-венгерскихъ делегацій. По обычаю императоръ, принимая ихъ, произнесъ рѣчи. Къ рѣчамъ, которыми открываются парламентскія сессіи и другія собранія представителей, Европа всегда чутко прислушивается, стараясь узнать изъ нихъ о положеніи дѣлъ какъ внутри страны, такъ и во внѣшней политикѣ.

Пронесенная тронная рѣчь императора Франца-Иосифа отличается миролюбіемъ. Въ ней онъ заявилъ, между прочимъ: „Съ искреннимъ удовольствіемъ принимаю ваши увѣренія въ вѣрноодданническихъ чувствахъ и благодарю васъ. Въ общемъ политическомъ положеніи и въ условіяхъ близка касающихся насъ балканскихъ земель никакихъ существенныхъ перемѣнъ съ прошлаго года не произошло. Дружественныя отношенія, существующія между нами и всѣми державами, усугубляютъ во мнѣ надежду на то, что мы и впредь будемъ пользоваться благами мира. Непрестанное развитіе нашихъ вооруженныхъ силъ должно по необходимости произойти въ возможно большей гармоніи съ важнымъ положеніемъ, которое Австро-Венгрія должна занимать рядомъ со своими союзни-

ограничиться необходимым, хотя и представится неизбежным, рядомъ съ дальнѣйшими мѣрами военной предосторожности, не упускать изъ виду требованій, предъявляемыхъ результатами, достигнутыми въ области стрѣльбы и фортификаціи.

Во время приѣма при дворѣ императоръ бесѣдовалъ съ многими делегатами о нѣмецко-чешскомъ соглашеніи, причѣмъ сказалъ Ригеру, что соглашеніе должно состояться.

Австрійскія газеты, говоря о тронной рѣчи, выставляютъ на видъ сухой тоиъ ея. Важнѣйшимъ мѣстомъ рѣчи *Fremden-Blatt* считаетъ то, которое относится къ вооруженіямъ, причѣмъ замѣчаетъ, что если Австро-Венгрія желаетъ быть по-прежнему равноправнымъ и желаннымъ союзникомъ, то она должна неустанно стремиться къ улучшенію своихъ вооруженныхъ силъ. Застой въ этомъ отношеніи немислимъ, потому что вслѣдъ за бездумнымъ порохомъ послѣдуютъ навѣрно дальнѣйшія изобрѣтенія. *Neue Freie Presse* полагаетъ, что осенью парламенту придется согласиться на увеличеніе численности арміи по штатамъ мирнаго времени.

Какъ-бы допозднѣемъ тронной рѣчи Австрійскаго императора надо признать сообщеніе, сдѣланное графомъ Кальноки въ бюджетной комисиіи австрійской делегаціи. Между прочимъ глава министерства изложилъ слѣдующее: въ теченіе года внѣшняя политика не подверглась существенному измѣненію. Отношенія Австро-Венгріи къ союзнымъ державамъ почти никогда не были такъ прочны и ясны какъ теперь; благодаря вліянію внушительной личности Германскаго императора, даже отставка князя Бисмарка не могла ничего измѣнить въ этихъ отношеніяхъ. Отношенія монархіи къ Болгаріи тоже не измѣнились съ прошлаго года и если Болгарія прекратитъ производство политическихъ оштовъ, то упроченіе ея сдѣлаетъ усѣхн. Съ Сербіей существуютъ дружественныя отношенія, которымъ, правда, отчасти мѣшаютъ усиленіе радикальнаго теченія и особенно поведеніе разнузданной (!) сербской печати. При этомъ графъ Кальноки замѣтилъ, что онъ уже давно совѣтовалъ королю Милану установить болѣе дружественныя отношенія къ Россіи. Министръ рѣшительно опровергаетъ предположеніе, будто дружественныя отношенія между Сербіей и Россіей должны повлечь за собою ухудшеніе отношеній между Австріей и Сербіей. Враждебныя отношенія скученныя и сербской печати къ Австріи не нарушатъ мира. Что касается Румыніи, то и съ нею держатся дружественныя отношенія, но только продолжается экономическій застой.

Бывшій Сербскій король, однако, несмотря на добрые совѣты графа Кальноки, не можетъ быть миролюбивымъ и спокойнымъ. Какъ только онъ возвратился въ Сербію, такъ тотчасъ же началъ мутить партіи, забывалъ о трудномъ положеніи своей родины. Открыто высказывая свое неодобреніе настоящему строю страны и заявляя, что нынѣшнее правительство просто губитъ Сербію, онъ дѣлаетъ формальные выговоры министрамъ, какъ это случилось съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, который не можетъ-де удержать сербскую печать отъ нападокъ на эксъ-короля. Эти выходки Милана, конечно, не прошли незамѣченными и регенты дали ему понять, что подобныхъ уроковъ

правительство отъ него получать не намѣрено и что, въ случаѣ надобности, оно сумѣетъ прибѣгнуть къ энергичнымъ мѣрамъ. Въ Бѣградѣ ожидаютъ крупнаго скандала.

На-дняхъ въ Парижѣ произведены обыскъ и аресты среди „русскихъ нигилистовъ“, въ числѣ которыхъ фигурируютъ преимущественно личности съ фамиліями Бромбергъ, Амкинъ, Рейнштейнъ и т. п. Оставляя подробности до окончанія слѣдствія, которое поручено слѣдователю Аталену, нельзя не упомянуть о замѣткѣ *Journal de St. Pétersbourg* по этому поводу:

„Французскія газеты сообщаютъ подробности и высказываютъ свои мнѣнія о произведенныхъ въ Парижѣ арестахъ нигилистовъ. За единственныя исключеніемъ, всѣ эти газеты единогласно признаютъ, что ихъ правительство не могло допустить, чтобы гостепримствомъ коимъ эмигранты пользуются въ чужой странѣ, злоупотребили для преступныхъ предпріятій, замыслаемыхъ во вредъ дружественному народу, при чемъ одобряютъ энергію, которую проявили въ настоящемъ случаѣ министръ внутреннихъ дѣлъ и его агенты. Мы можемъ только поздравить себя съ такимъ здоровымъ и разсудительнымъ настроеніемъ общественнаго мнѣнія во Франціи.“

Вновь выбранный Сербскій патріархъ Георгій Бранковичъ. Съ рисунк. Поповича, грав. Шюблеръ.

Смѣсь.

Юморъ Петра Великаго. Въ *Историческомъ Вѣстникѣ* помѣщена маленькая статейка П. Н. Полеваго „Живыя слова Петра Великаго“, по поводу появившагося недавно 2-го тома „Писемъ и бумагъ Петра Великаго“. Характеризуя его изумительную гениальность, г. Полевой находитъ, что она болѣе всего проявляется

въ томъ, что Петръ, среди всѣхъ своихъ трудовъ, заботъ, досадъ, неудачъ, побѣдъ, усѣховъ, хлопотъ и расчетовъ—ни на минуту не перестаетъ быть *живымъ человекомъ*, не утрачиваетъ способности быть вѣрнымъ и надежнымъ другомъ, добрымъ товарищемъ, остроумнымъ собесѣдникомъ и заботливымъ пріятелемъ. Въ немногихъ словахъ своихъ писемъ, поразительно лаконичныхъ, онъ успѣваетъ всегда вставить *живое* словечко. Любопытенъ также тотъ неистощимый юморъ, который не оставляетъ Петра ни въ радости, ни въ гнѣвѣ, и придаетъ яркую окраску его письмамъ. Такъ, по поводу взятія Нотебурга, Петръ пишетъ Стейльсу: „Хотя и зѣло жестокъ былъ сей *оршкъ* (Нотебургъ—„орѣхъ-городъ“, названный вѣроятно потому, что повгородцы именовали эту крѣпость „Орѣшекъ“), однако, слава Богу, разгрызли; но не безъ тягости, ибо многіе наши мѣдьяные зубы отъ того испортились“. Сообщая Крюйсу о побѣдѣ русской гребной флотиліи надъ шведскими фрегатами въ устьяхъ Невы, Петръ добавляетъ, что „вице-адмиралъ (шведскій) разсудилъ далѣе уйтить; мию, что не захотѣлъ въ рукахъ нашихъ быть той ради причины, что у насъ ни единого командира равнаго ему по чину не было, и того для, подѣ нашу команду, яко капитана, быть не изволилъ.“ „Азъ доношу вашему величеству“,—пишетъ Петръ къ Ромодановскому,—"что добрыхъ людей довольно имѣемъ; пишѣ-же зѣло нужда есть, дабы нѣсколько тысячъ воровъ (а именно, если возможно 2000) приготовить къ будущему году“. Эти вѣры нужны были для работы въ крѣпостяхъ и т. д. Прося Меншикова „вложенное письмо послать до его милости воеводу,“ Петръ добавляетъ: „а *храбрость* его по бѣ-гу видна; или же, въ письмѣ къ Шереметьеву, замѣчаетъ съ

Батарея Имшенецкаго для комнатнаго элентрическаго освѣщенія.

досадою: „Назимова вѣсти писать на водѣ“. „Извольте не помедля“ — пишетъ онъ Стрѣшневу — „еще солдатъ тысячи три или больше прислать, *попозже при себѣ школу много учениковъ умираетъ*; того для не добро голову чесать когда зубы выломаны изъ гробня“. Или, напримѣръ, извѣщая Ѳ. М. Апраксина о взятіи Шеншица, послѣ подробной и серьезной реляціи, Петръ шутливо добавляетъ въ припискѣ: „Я чаю, что сія вѣдомость вамъ пріятна будетъ; *не извольте насъ забыть у Пивки*“, т. е. „не извольте насъ забыть, какъ будете пить“, по поводу радостной вѣсти. „Пивка“, или *Пивка Хмельницкій*, на языкѣ петровскихъ писемъ означаетъ вообще всякое *пированье*. (в.)

Изъ жизни Костомарова въ эпоху его студенчества, г. Неслуховскій рассказываетъ, въ своихъ Воспоминаніяхъ, слѣдующій случай, характеризующій университетскіе порядки и нѣкоторыхъ профессоровъ въ тогдашнее время. Философію въ Харьковскомъ университетѣ читалъ тогда нѣкій Протопоповъ, мало понимавшій свой предметъ и превращавшій лекціи въ туманную болтовню. Между слушателями его стало поселиться сомнѣніе въ томъ, сознаетъ-ли ясно самъ профессоръ то, что читаетъ, и вотъ Костомаровъ взялся выяснитъ это дѣло. Задуманное имъ являлось дѣломъ весьма рискованнымъ,—пожалуй, можно было изъ-за этого разстаться съ университетомъ навсегда. Но Костомаровъ не любилъ хвастаться попусту и терпѣть не могъ хвастуновъ. Основательно подготовившись по запискамъ къ экзамену изъ психологіи, онъ вставилъ въ одинъ, самый туманный, вопросъ множество философскихъ фразъ и терминовъ своего собственнаго измышления, связать ихъ въ безконечный періодъ и вызубрилъ все на славу, что составляло для него пустыни при его необыкновенной памяти. На экзаменѣ онъ началъ отвѣчать сперва по запискамъ, потомъ ловко свернулъ на составленный имъ самимъ отвѣтъ и быстро понесъ галыматю. Деканъ факультета Кронбергъ слушалъ внимательно, но на лицѣ его было написано сомнѣніе, а губы складывались въ саркастическую улыбку. Протопоповъ же слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ и только молча моргалъ, по обыкновенію, глазами. Когда Костомаровъ кончилъ, онъ замѣтилъ: „видно, что вы читали нѣмецкихъ философовъ въ подлинникѣ и изучали ихъ“. И поставилъ Костомарову полный баллъ пять. (в.)

Однимъ изъ удивительнѣйшихъ явленій въ жизни вулкановъ, по видимому совершенно несомѣстимыхъ съ ихъ строеніемъ, должно по справедливости считатьъ присутствіе водяныхъ потоковъ и потоковъ ила, въ которыхъ попадаются рыбы, иногда даже живыя. Явленіе это наблюдалось до сихъ поръ лишь въ цѣпи Андозъ, въ вулканахъ Южной Америки, которые вообще представляютъ весьма много необычайнаго. Только немногіе изъ этихъ вулкановъ выбрасываютъ лаву, и именно наименѣе высокіе, какъ напр.: Юрулло, въ Мексикѣ, базальтовый конусъ, возникшій лишь въ 1759 году. Гватемальскіе вулканы выбрасываютъ въ большомъ количествѣ нашатырь, Чалойяскіе—сѣрную кислоту и газообразный сѣрнистый водородъ; Квитскіе—шезу, базальтъ и порфиновый шлакъ, а также воду и глину или илъ, который удобряетъ почву на десять часовъ пути въ окружности. Лаву вулканы эти никогда не выбрасывали, потому что они по меньшей мѣрѣ въ пять разъ выше Везувія.

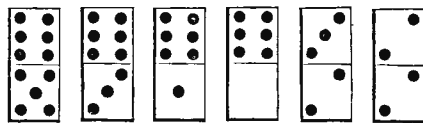
Въ особенности Квитскіе вулканы представляютъ отъ времени до времени зрѣлище изверженія рыбы. Вулканы Котонахи, Тунгурагура и Санганъ извергаютъ одинъ разъ въ двадцать, тридцать лѣтъ, но зато они выбрасываютъ невѣроятное количество ила, а съ нимъ такую массу рыбы, что она своимъ гніеніемъ на далекое разстояніе заражаетъ воздухъ и производитъ гнилыя лихорадки. Котонахи выбрасываетъ рыбу высоко, надъ моремъ; она почти не помята, по видимому не слишкомъ пострадала отъ жары и нерѣдко проявляетъ признаки жизни; вода остается холодна. Въ 1791 г., Имбурабу буквально засыпалъ городъ Ибарру рыбой. Въ 1698 г. въ вулканѣ Карауаираца провалился кратеръ, выросивъ предвѣрительно тысячи рыбъ, смѣшанныхъ съ глинистымъ иломъ. Рыба не всегда появляется изъ самаго кратера, на вершинѣ вулкана, но иногда и изъ трещинъ и отверстій на бокахъ. По всей вѣроятности населенія

этого рыбаго подземнаго озера и пещеры находятся въ соединеніи съ вулканами, ибо вода, во всѣхъ наблюдавшихся случаяхъ, была не морская, а прѣсная. (с.)

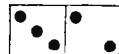
Задача игры въ домино № 33.

Н. В. П.

Партія вчетверомъ безъ прикупа. Каждый беретъ по 6 камней; 4 остаются въ талонѣ.

А, имѣя камни:

начинаетъ партію и оканчиваетъ ее съ : другіе партнеры В, С и D пасуютъ попеременно: В на первомъ ходѣ, С на второмъ, D на третьемъ; потомъ опять В на четвертомъ и такъ до конца партіи.

Какъ расположились камни и какой ходъ игры, если у В осталось 6 очковъ, у С—15, а у D—11?

Рѣшеніе задачи буквъ № 24 (помѣщенной въ № 16).

10	13	16								
п	е	в								
15		11								
ъ		о								
9	12	23	14	17						
у	р	ч	н	ь						
33	6	35	8	31	24	21				
г	а	о	ъ	ч	е	д				
36	3	32	5	22	29	18				
н	д	е	к	ъ	к	т				
41	34	7	30	27	20	25				
м	о	к	ъ	р	у	л				
37	2	39	4	43	92	45	28	19		
ъ	у	е	а	ж	е	т	ъ	р		
40	51	42	1	60	49	26	91	46		
с	б	о	к	п	ш	о	ь	ъ		
55	38	61	50	77	44	47	70	87		
б	н	ъ	ь	л	е	л	у	о		
52	65	56	59	48	69	76	73	90		
ы	д	ъ	р	п	з	о	д	н		
64	57	54	67	62	83	78	71	88	75	86
е	т	о	р	н	ж	я	м	т	в	х
53	66	63	58	79	68	81	74	85	72	89
л	а	ь	е	д	а	б	а	е	ъ	ъ
82		84								
о		ь								
80										
а										

- 1) Дождь, 2) Печень, 3) Оводъ, 4) Яхонтъ, 5) Оболь, 6) Жбанъ,
- 7) Самоѣды, 8) Рѣдька, 9) Еюгъ, 10) Мечъ, 11) Тетеревъ,
- 12) Ливеръ, 13) Уголь, 14) Кукуруза, 15) Пѣшка, 16) Бѣлена.

Куда какъ упоренъ въ трудѣ человекъ!
 „Чего онъ не сможетъ, лишь было-бъ терпѣнье,
 Да разумъ, да воля, да Божье хотѣнье!“

И. С. Ансаковъ.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг. СПб.—Н. В. Панкова и Б. Корвино—В. К. Терскаго.

Рѣшеніе ребуса № 27 (помѣщеннаго въ № 18).

„Кабы знать, гдѣ упасть, такъ соломки-бъ подослать.“

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „НИВА“ проситъ гг. подписчиковъ, **НЕ ВНЕСШИХЪ ПОЛНУЮ ГОДОВУЮ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ** за „НИВУ“ 1890 г., озаботиться своевременными взносами слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатные адреса отъ бандеролей.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Жизнь, какъ она есть. Романъ въ пяти частяхъ. Вас. И. Немировича-Данченко. Часть I. (Продолженіе). — Лампо и Кармела. Разсказъ Эрико Кастельнуово. — Наша сѣверная окраина. — Литературныя бесѣды. М. Ю. Лермонтовъ. — Къ рисункамъ: Бенаресъ (съ 2 рис.). — „Пугу!“ (съ рис.). — Рачинскій промышленникъ (съ рис.). — Встрѣча В. К. Владиміромъ Александровичемъ тѣла покойнаго Герцога Лейхтенбергскаго (съ рис.). — На вакаціи (съ рис.). — „Село Порковское“. Карт. Васильевскаго (съ рис.). — Арестованіе „русскихъ террористовъ“ въ Парижѣ (съ рис.). — Николае-Максимилановская медаль (съ 2 рис.). — Генераль-лейтенантъ А. М. Сибаловъ (съ портр.). — Георгій Брановичъ, сербскій Нароловацкій патріархъ (съ портр.). — Батарея Имщенцаго для комнатнаго электрическаго освѣщенія (съ рис.). — Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — Задача и рѣшенія задачъ. — Заявленіе. — О перемѣнѣ адреса. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марисъ.

Редакторъ В. Клюшкинъ.

№ 4711.
РЕЙНСКИЕ БУКЕТЫ
 СЛѢДУЮЩИХЪ ЗАПАХОВЪ:
 Подсѣнникъ, Гольдлацъ, Жасминъ, Гелотропъ, Ландышъ, Ополонансъ, Резеда, Рейнская роза, Рейнская фиалка, Рейнская цвѣты и Ясминникъ.
 Превосходные, продолжительные и дешевые духи для платковъ.
 Цѣна флакона, содержащаго 1/4 фунта **1 р. 25 коп.**
 Можно получать во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и заграничій.
 Главное депо у Алес. Тиссъ и №, Пушкинская, № 4.

Только подлинно съ этой фабрич. маркой.
Huste-Nicht
 „НЕ КАШЛЯЙ“.
 Медо-Травяной-Мальцъ-Экстрактъ и Конфекты. *)
Л. Г. ПИТЦЪ и К^о.
 въ Бреславль.
 Употребляется противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горла и груди.
СПОСОБЪ УПОТРЕБЛЕНІЯ:
 Д-ръ Михаилицъ мед. прас. назначилъ для дѣтей 3-4 раза въ день по 1 чайной ложкѣ, а взрослые беруть ежедневно 4-6 чайныхъ ложекъ экстракта.
 Конфекты предупреждаютъ кашель, охриплость и простуду горла.
 Химическимъ анализомъ и медицинскими опытами подтверждено, что во всякомъ случаѣ въ составъ этихъ препаратовъ не входятъ никакія вредныя для здоровья вещества и ввозъ и продажа въ Россіи разрѣшена Медицинскимъ Департаментомъ.
 *) Цѣна: бутылка 1 р. 25 к. и 2 р. 40 к. конфекты по 30 и 50 к.
 Упаковка и пересылка считаются особо
Главный складъ для Россіи у В. Ауриха въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18-19.
 Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. А. № 4045 12-11

Вышло новое изданіе Ф. Павленкова:
„БЕРЕГИТЕ ЛЕГКІЯ!“
 Гигиеническія бесѣды д-ра Нимейера. Перев. съ 4 нѣм. изданій. Съ 30 рис. Ц. 75 к.

Усовершенствованныя Народныя Цитры
 собств. издѣлія продаются по вновь удешевленнымъ цѣнамъ:
 съ 3 педалями по 4 р. и 4 р. 50 к.
 „7“ съ приспособленіемъ для легкой и скорой настройки по 6 рублей
 Самый легкій инструментъ для изученія. Приятный тонъ. Въ короткое время продали многія тысячи.
 За пересылку по почте прошу прилагать за 4 руб. за 10 фунт., за 6 руб. за 15 фунт.
И. Ф. МЮЛЛЕРЪ
 Москва, Петроцка, домъ Волкова.
 Иллюстр. прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ бесплатно. (29) Ц. № 3864
 Торговцамъ дѣлается скидка.

Съ разрѣшенія С.И.В. Врачебнаго Управленія. № 4527 10-6
СВОБОДИНЪ
 Средство для уничтоженія **МОЗОЛЕЙ и БОРОДАВОКЪ.**
 Получать можно во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ маг. Россіи.
 Цѣна за флаконъ 35 коп.
 Съ пересылкой 2 флакона 1 руб.
ГЛАВНОЕ ДЕПО ДЛЯ РОССІИ
А. ГЕБГАРДТЪ,
 С.-Петербургъ, Казанская, д. № 5.

Во всѣхъ складахъ духовъ и во всѣхъ парикмахерскихъ во Франціи и заграничій.
VELOUTINE
 Специальная рисово-висмутовая пудра.
CH. LES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

Употребляемая въ С.-Петербургск. Воспитательномъ Домѣ
МОЛОЧНАЯ МУКА
 для вснамливанія грудныхъ дѣтей, суррогатъ материнскаго молока
Паров. фабр. БЛИГЕНТЪ и РОБИНСОНЪ въ СПБ.
 Единственный агентъ для Россіи: **ВАСИЛІЙ АУРИХЪ,**
 Колокольная, 18 — 19, въ С.-Петербургѣ.
 Его подпись должна быть на каждой жестянкѣ.
 Цѣна 90 к. за жестянку безъ пересылки.
 Продается въ аптеч. магазинахъ и аптекахъ Россіи. В. № 4406 9-5

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ
EAU DE LYS DE LONSE.
 Въ виду часто встречаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, слѣдуетъ при покупкѣ требовать № 4053 9-9
Eau de Lys de LONSE.
МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
 Придворный Парфюмеръ
 46. Jägerstrasse, Berlin.
 Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ, и во всѣхъ дрогистовъ Россіи.

ДЛЯ СТРАДАЮЩИХЪ ЛЕГКИМИ
 Лечебное заведеніе Д-ра Бремера, Герберсдорфъ, Силезія, въ Исполнскихъ Горахъ,
 учрежденное въ 1854 году. К. № 4457 12-11
Главный докторъ Ф. Вольфъ.
 Обширный паркъ съ прилегающимъ къ нему еловымъ лѣсомъ. Искусственно проложенныя дорожки достигаютъ до 14 километровъ. Изящно убранный кургаузъ. Въ паркѣ находится роскошныя виллы. Цѣны умеренныя. Проспекты высылаются бесплатно
Администрація лечебнаго заведенія Д-ра Бремера.
 При заведеніи находится русскій врачъ.
 Подробносіи методы леченія см. II изд. „Die Therapie der chronischen Lungenschwindsucht von Dr. H. Bremer. Verlag von I. F. Bergmann, Wiesbaden.“

По свидѣтельству врачей-авторитетовъ этотъ **Purgativ** имѣетъ слѣдующія преимущества:
 Аккуратное и **ВѢРНОЕ** дѣйствіе,
МАЛАЯ ДОЗА.
 Владѣлецъ: **АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ** въ Будапештѣ.
ПРОДАЕТСЯ у ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ и АПТЕКАРЕЙ.
ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ
ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.
 Ц. 4541 10-5

МИНДАЛЬНОЕ МЫЛЬНОЕ ТѢСТО !!
 приготовленное лабораторіей А. Энглундъ.
 Миндальное мыльное тѣсто на безеозовомъ сокѣ, котораго обильная, освѣжающая и пріятная пѣна, впитывается въ кожу, придаетъ ей нѣжность и мягкость, употребляется какъ мыло.
 Цѣна за кусокъ 35 к., съ пересылкой 6-ти кусковъ 2 р. 50 коп.
 Для предупрежденія поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на подписи А. Энглундъ красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи.
 Получать можно во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ всей Россійской Имперіи. Ц. № 4403 12-5
ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ
А. ЭНГЛУНДЪ,
 С.П.Б., Литейный пр., 56.

Вышло новое изданіе Ф. Павленкова:
„ОГОРОДНИЧЕСТВО“
 Практическія наставленія директора Ботаническаго сада въ Христианіи, профессора Шюбелера. Съ 137 рис. Перев. съ норвежскаго Хавкина и Турчанінова. Ц. 60 к.

ПОЛНЫЙ ФОТОГРАФИЧЕСКІЙ ПРИБОРЪ
 т. е. аппаратъ со всѣми принадлежностями и руководствомъ. Цѣна 30 руб. Аппаратъ отдѣльно 15 руб.
АДОЛЬФЪ РЕЙНЕ
 Москва, Кузн. мостъ, 3.

ЧОКРАКСКО-БУЛГАНСКАЯ
 грязь-лечебница „Товарищества“ врачей въ Крыму, въ г. Керчи. Сезонъ съ 15-го мая по 1-е сентября. Подробносіи въ брошюрѣ, которая высылается за одну семикоп. марку. Адресъ въ г. Керчь, Таврич. губ., доктору Филимовичу. Ц. № 4440 12-12

ВЮСТЬ УВАЖАЕМАГО ПАСТЫРИ
ОТЦА ІОАННА
 Кронштадтскаго, высылаю во всѣ города Европ. Россіи, по полученіи одного рубля. Требования адресовать: Кронштадтъ, И. К. Бибиикову. № 4584

Вышло новое изданіе Ф. Павленкова:
ПРЕДСКАЗАНІЕ ПОГОДЫ
 Популярно-метеорологическія бесѣды Г. Далля. Съ 41 рис. Перев. съ франц. и дополн. Е. Педетенскій. Цѣна 1 р. 25 к

Новые платиновые аппараты для выжиганія рисунковъ по дереву. М. № 4583
 Вышло новое изданіе Ф. Павленкова:
ПРЕДСКАЗАНІЕ ПОГОДЫ
 Популярно-метеорологическія бесѣды Г. Далля. Съ 41 рис. Перев. съ франц. и дополн. Е. Педетенскій. Цѣна 1 р. 25 к

Рисунки и описаніе бесплатно.
ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЗВОНКИ
 отъ 2-хъ руб. и дороже
 и всѣ отдѣльныя части и принадлежностіи къ нимъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ.
 Элементы Лекланше, элементы съ угольно-цинковыми пропитанными и металлами.
 Нужнаго аннара, отъ 2-25 №. Телефонныя коммутаторы и для дальнихъ разстояній разныя системы.
 Иллюстриров. прейсъ-курантъ бесплатно. Отпов. покупатель. значит. уступка.
 С.П.Б., Екатерининскій каналъ, 27. кв. 36, противъ Государствен. Банки, складъ оптическихъ и механическихъ товаровъ.
 бывшій В. ВЕСТЕРБЕРГЪ

CIGARETTES ESPIC contre
ASTHME & CATARRHE
 AUTORISÉES PAR LE GOUVERNEMENT RUSSE
 St général: **STOLL & SCHMIDT,** à Saint-Peter-bourg.
 Vente en gros: **J. ESPIC,** 20, rue Saint-Lazare, Paris.
 Exiger la Signature sur chaque Cigarette.
ПОВѢСТИ и РАЗСНАЗЫ Вс. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

PAPIER FAYARD et BLAYN
 употребляется въ леченіи ревматизма, раздраженія дыхательныхъ органовъ, насморка, раздраженія груди, вывиховъ, ранъ, ожоговъ, озлобленій, мозолей и всякихъ нагноившихся затвердѣній. Продажа во всѣхъ аптекахъ (требовать собственноручную подпись).
 Ц. 4122

ЛУЧШАГО КАЧЕСТВА

СКРИПКИ въ 2 1/2, 4, 6, 8, 10, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 р. и дороже.

СМЫЧКИ ДЛЯ НИХЪ въ 50 к. 1, 1 1/2, 2, 3, 5, 10, 15, 20 и 30 р.

ФУТЛЯРЫ въ 3 1/2, 5, 7, 12, 18 и 30 р.

СКРИПКИ 3/4, 1/2 и 1/4 величины для дѣтей. Школа Ваганца въ 1, 2 1/2 и 3 1/2 р.

Иллюстрир. префектур. курантъ въсѣмъ музыкальнымъ инструментамъ — безплатно

Заказы изъ провинции исполняются немедленно и аккуратно. Пересылка на счетъ покупателя. № 4528

ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

Главное дело музыкальных инструментовъ и нотъ. С. Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО

И. ГОЛЛЕНДЕРЪ

Для смягченія кожи.

Новоизобрѣтенное вазелиновое мыло, пріятнаго запаха, придаетъ кожѣ железуемую и ѣдкую мягкость. Цѣна за кусокъ 30 коп. 3 куса съ пересылк. 1 р. 50 к.

Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптеч. магазинахъ и аптекахъ Россіи.

Главный складъ: С.Пб., Демидовъ пер., д. № 1. (22) № 4278

ШОКОЛАТЪ

Фабрики Сестрицъ

НАХОДИТСЯ ВО ВСѢХЪ ГОРОДАХЪ РОССИИ.

ПРЕДУПРЕЖДЕНІЕ: УЛЬ ПРАЖАНИНЪ, МАШЕЙ, МАРИИ.

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ

„ГОЛЛЕНДЕРА“

Средство для уничтоженія мозолей и бородавокъ. Цѣна 35 коп. за флаконъ, за два флакона съ перес. 1 руб.

Получать можно во всѣхъ парфюмерн. аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главный складъ у И. Голлендеръ, Демидовъ пер., № 1. Въ С.-Петербургѣ. (17) № 4386

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

Торговый Домъ Ж. Блокъ,

Москва, С.-Петербургъ, Кузнецкій мостъ, Б. Морская № 21.

имѣютъ единственный Складъ для всей Россіи Велосипедовъ: Свингъ, Виппегъ, Русскій Клубъ, Молни (New Rapid), Имперіаль и др.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ

Общедоступный Свингъ № 2 = 150 руб. =

Прейсъ-Куранты высылаются безплатно.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи.

Только что вышло и поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новое изданіе **А. Ф. МАРКСА** въ С.Пб.:

ИИСУСЪ

(сынъ Навина).

Повѣствованіе изъ библейскихъ временъ **ГЕОРГА ЭБЕРСА**. Переводъ съ нѣмецкаго. (Право перевода приобрѣтено отъ автора).

Изячно изданный томъ in 8^о (387 страницъ), отпечатанный на лучшей веленовой бумагѣ, красивымъ убористымъ шрифтомъ, съ 58-ю гравюрами въ текстѣ, исполненными по рисункамъ художника А. Земцова. С.Пб. 1890 г. Ц. 2 руб., съ перес. 2 р. 20 к.

Требованія просить адресовать въ С.Пб., въ контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО „РОССІЯ“

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное въ 1881 г.

Общество заключаетъ по умѣреннымъ преміямъ:

Страхованія пассажировъ отъ несчастныхъ случаевъ во время путешествія по желѣзнымъ дорогамъ, на пароходахъ, въ дилижансахъ и экипажахъ.

Страхованія отъ всякаго рода несчастныхъ случаевъ, могущихъ произойти съ застрахованнымъ лицомъ во время путешествія, поводокъ, прогулокъ; при несчастныхъ въ домахъ, храмахъ, фабрикахъ и театрахъ; при исполненіи служебныхъ обязанностей; вообще вездѣ — дома и внѣ дома, съ условіемъ возврата Обществомъ всѣхъ внесенныхъ премій или безъ такового. Страхователи участвуютъ въ прибыляхъ Общества.

Коллективныя страхованія служащихъ и рабочихъ на фабрикахъ, заводахъ, построенныхъ и т. п. отъ несчастныхъ случаевъ, могущихъ приключиться при исполненіи служебныхъ обязанностей.

Страхованія могутъ быть заключаемы въ Правленіи Общества въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13) и въ Агентствахъ Общества во всѣхъ городахъ Имперіи.

Страховые билеты по страхованію пассажировъ на желѣзныхъ дорогахъ и на пароходахъ выдаются также на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, на пароходныхъ пристаняхъ и въ главныхъ гостиницахъ въ городахъ Россійской Имперіи.

№ 4586 4-1

Въ зубооубрач. кабинетахъ Ивана Ив. Хрущова, Невскій, 43, на углу Троицкой, ежедневно производится всѣ зубныя операціи, леченіе, пломбированіе и вставленіе искусственныхъ зубовъ.

Тутъ же въ конторѣ продаются всѣ матеріалы, требуемыя для зубооубрач. практики.

№ 4505 5-4

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ

Франкфуртъ н/М, Р. № 4587

ФАБРИКАНТЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ „ОРЕЛЬ“

Велкаго рода двухъ- и трехъ- колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей. Составныя части и принадлежности. Имѣютъ агентовъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 пфен. марками.

ЭЛЕОПАТЪ ПРОВ. КИНУНЕНЪ

для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп., но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона, — пров. Кинуненъ. (22) № 4287

Главный складъ: С.-Петербургъ, Демидовъ пер., д. № 1.

ЛѢТНЯЯ НОВОСТЬ!

Англійскіе растягивающіеся кушанья „ГРАЦІЯ“ изъ позолоченой проволоки съ массивн. позолоченнымъ замочкомъ, прокрасные бѣлымъ, розовымъ, голубымъ, золотымъ, синимъ, темно-краснымъ и чернымъ шелкомъ. Кушанья прозрачны, очень прохладительны и пріятно носить для каждой дамы.

Цѣна 3 руб. 50 коп. Торговцамъ дѣлается уступка. Единственный складъ для Россіи у **ОСКАРА ЛЕССЕРЪ,** С.Пб., Садовая, 12-18, въ 1-мъ дворѣ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Въ виду появившихся подражаній этикетамъ моего водочнаго завода въ Псковѣ, существующаго съ 1863 года, я покорибше прошу господъ потребителей и покупателей моего завода, во избѣжаніе недоразумѣній, обращать вниманіе какъ на этикетки, такъ и на печать или капсулы, которыя должны имѣть **ФИРМУ МОЕГО ВОДОЧНАГО ЗАВОДА.**

Петръ Калашниковъ въ Псковѣ.

ЛЕВНИНСКІЙ и ГЛОЗНИКЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и Ко.

строители земледѣльческихъ машинъ и орудій.

Спеціальность: плуги и молотилки. Они же состоятъ главными агентами известнаго англійскаго завода паровыхъ молотилокъ и локомотивовъ Клейтона и Шутлорста въ Англии и знаменитаго завода съионозаводъ, именнаго „Дези“ и сноповязалонъ Маи Нормина въ Чикаго.

Кромѣ того имѣются: тарелочный борони Рандаля и конныя грабли Тигръ завода Стодартъ, рядовыя сѣлки Сакка и проч. № 4484 26-5

Запасныя части ко всѣмъ машинамъ. Фабрика и Главная Контора въ Москвѣ. Мясницкая ул., соб. домъ, бывш. Бр. Бугенонъ. Отдѣленіе въ Харьковѣ, Рыбная ул., д. Иванова.

Вышелъ новый иллюстрированный префектур. курантъ на 1890 г. извѣстнаго англійскаго завода Зингеръ и Ко Нонентри. Представитель для всей Россіи Генрихъ Мемлична въ Москвѣ, уголь Тверской и Старого Газетнаго пер., д. Фальцъ-Фейнъ, магазинъ № 19.

ПРИГOTOVITELЬНЫЙ ПАНСИОНЪ И. М. ХАЙНОВСКАГО

(Москва, противъ храма Спасителя, д. князя Голицына)

помѣщается лѣтомъ близъ станціи Быково, Рязанской желѣзн. дороги, село Осѣченки.

Пріемъ учениковъ, нуждающихся въ особой подготовкѣ къ какому либо экзамену, съ 25 мая.

ПИСУЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“

Пишетъ въ 8 разъ быстрее пера. Чистота, четкость и красота.

Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительствъ и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленныя отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылается безплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи: **ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ**

Москва С.-Петербургъ, Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21.

НИВА

XXI г.
№ 24

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXI
1890

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выдавъ 16 іюня 1890 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕН. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1890 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВЪ“ принимаются за
строку непарейль (¼ шир.
стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
75 к. — Загран.: для Франціи у
Agence Navas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ Петер-
бургъ 5 р.
Съ доставкою въ Петер-
бургъ 6 р. 50 к.
Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл.
Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. лин. 6 р.
Съ пересылкой въ Москву и другіе го-
рода Россіи 7 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при
„НИВЪ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 9 р.

БЕЗЪ ВСЯКОЙ ДОПЛАТЫ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ ГЛАВНЫХЪ ПРЕМІЙ.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1890 г. номера „Нивы“ со всѣми приложеніями.

Всѣ струсили. Съ картины Фрешля, грав. Крегъ.

Жизнь, какъ она есть.

Романъ въ пяти частяхъ. **Вас. И. Немировича-Данченко.**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

VI.

Мѣсяца полтора прошло съ тѣхъ поръ, какъ Сластеновъ помѣстился въ своихъ палатахъ—а все еще онъ не могъ освоиться съ ними и съ новыми условиями жизни, окружавшей его. Какъ-то совѣстно было ему признаться, но онъ трепеталъ даже величественныхъ лакеевъ, прислуживавшихъ ему, чувствовалъ суетѣрный страхъ передъ молчаливымъ Косьмою Медичисомъ, подозрѣвая, что тотъ глубоко презираетъ его въ глубинѣ души, а голоса своего кучера, Ефрема, не могъ слышать не вздрагивая. Этотъ впрочемъ и не считалъ нужнымъ скрывать своего пренебреженія къ Василию Герасимовичу—и часто, глядя ему въ слѣдъ, произносилъ сквозь зубы: „эка ворона, прости Господи!.. Не на такомъ-бы тебѣ жеребицѣ ѣздить. Для тебя, отрелыша, и извозчика за глаза довольно... Куда еще?“ грубо спрашивалъ онъ, полуборачиваясь къ Сластенову, и тотъ невольно понижалъ голосъ отвѣчая ему названіемъ улицы или дома. „Тоже кунцы!“ едва сдерживалъ Ефремъ свое негодованіе... У Саввы Кузьмича Василій Герасимовичъ бывалъ уже нѣсколько разъ, но тотъ пока присматривался къ двоюродному племяннику и не мѣшалъ ему „показывать себя“. За то Чуксинъ и Ечкинъ бывали чуть не ежедневно у старика, сообщая ему подробнѣйшія свѣдѣнія о молодомъ богатѣ.

— Ну что, все въ кипяткѣ сидитъ? гладилъ себя бороду Савва Кузьмичъ, чуть замѣтно улыбаясь.

— Да-съ. Кругомъ Станиславъ Сигизмундовичъ и Исаакъ Яковлевичъ такъ и торпыхаются.

— А онъ? улыбался Сластеновъ еще откровеннѣе, уже не скрывая своего презрѣнія къ племяннику.

— А они все больше конфузятся да глазами моргаютъ. Потому у нихъ стыда этого—до отвала даже!

— По чековымъ книжкамъ—ничего еще имъ не выпало? дѣловымъ тономъ спросилъ старикъ.

— Никакъ нѣтъ-съ. Книжки не требовали. Книжка у меня-съ, успокоилъ его Ечкинъ.

— Значитъ пока по домашности сосутъ. Ну это пущай—не страшно. А только чуть что—вы ко мнѣ.

Но вскорѣ извѣстія оказались болѣе тревожными, настолько тревожными, что Савва Кузьмичъ призадумался.

— Этотъ самый Боголюбъ Боголюбовичъ у нихъ вчера сидѣлъ долго. И все они вмѣстѣ карту смотрѣли...

— Какую еще?

— А не знаю; про Черное да про Каспичкое моря разговаривали. Это я слышала—точно.

— Ага, понимаю! Галопишко-то значитъ пасть разинулъ?

— Вотъ именно-съ, а потомъ вечеромъ призывалъ меня Василій Герасимовичъ и таково серьезно спрашивалъ, сколько у насъ всего наличнаго капитала есть. Мы ему сейчасъ составили лепортичку и баланецъ показали.

— Такъ, насторожился Савва Кузьмичъ.—Это послѣ Курца этого?

— Именно-съ. Потому Приходзько въ Петербургѣ по дѣламъ, Исаакъ Яковлевичъ заболѣли, ну такъ Боголюбъ Боголюбовичъ этимъ и пользуются—сиднемъ сидятъ у насъ. И завтракаютъ, и обѣдаютъ... А сегодня даже ночевали. Извѣстное дѣло, Василій Герасимовичъ теперь безъ присмотра, ну значитъ всякому лестно, чтобы попользоваться то-есть. Кто себѣ врагъ!

Савва Кузьмичъ кивнулъ имъ—и Ечкинъ съ Чуксинимъ исчезли.

„Этому дѣлу надо конецъ положить!“ задумался старикъ. „Галопишко по-малости глотать не станетъ. Какъ-бы его приструнить?.. Батюшки, да что-жъ меня отуманило! Первѣе всего надо къ дѣдушкѣ свозить его, а тамъ по-

смотримъ... По пути-то побалакаемъ съ нимъ, съ несмышленочкомъ нашимъ. Ахъ ты, Господи-Господи!.. экому дураку да миллионы достались!.. И все онъ стыдится, все онъ стыдится...“

Онъ поѣхалъ къ Василию Герасимовичу и засталъ его одного.

— А я къ тебѣ, племянникъ, по важному дѣлу.

— Приказывайте...

— Приказывать нечего, ты самъ на дыбахъ стоишь. Своя воля у тебя, а напомнить тебѣ надо. Чтожъ ты старцу-дѣдушкѣ-то почтенія не окажешь? Онъ у всего нашего Сластеновскаго рода въ уваженіи. Какъ какая премѣна судьбы—сейчасъ всѣ къ нему, къ прозорливцу. Твой дядя-то—Арсеній Николаевичъ—ничего безъ его совѣта не дѣлалъ. Да и всѣ мы, и женимся, и богатѣемъ, и дѣла дѣлаемъ—все по его благословенію, такая ужъ у насъ вѣра въ него!

— Какой дѣдушка?

— Не родной... не твой—а мой отецъ. Ваша-то линия давнымъ-давно въ кущи произошла, а мы позже. Дѣдушка крестьяниномъ въ монастырь попалъ—тамъ и остался. Въ свое время считался свѣтильникомъ и даже великіе князья къ нему ѣздили, не забывали старика... Ну, а теперь онъ схиму пріялъ... А все-же не хорошо съ твоей стороны. Я думалъ, ты самъ опаматуюешься, анъ видно надо напомнить тебѣ...

— Я не зналъ, сконфузился Василій Герасимовичъ.— Мнѣ никто не говорилъ объ этомъ.

— Ужъ, разумѣется, не плутъ этотъ Галопишко разскажетъ... Это не по его части. Вотъ сорвать съ тебя...

— Какой плутъ? Вы про Боголюба Боголюбовича это? изумился Сластеновъ.

— Именно. Одна у насъ паца такая! во всѣхъ клуббахъ—у него Плевны. За передержку его шандалами-то какъ по портрету били... Такой плутъ! Много, ой много блохъ у него—давно-бы его вычесать слѣдовало. Кабы начальство настоящее—быть-бы ему на веревочкѣ. По немъ тюрьма вотъ какъ плачетъ.

— Помилуйте!.. Какъ-же мнѣ ни Приходзько, ни Плюсь о немъ ничего не говорили?

— У нихъ, душа моя, свой антирець... Они другъ другу не помѣха. Стакнулись, сговорились. Чего-же еще. Ну, да объ этомъ потомъ. Въ твоемъ положеніи, душа моя, отъ этого не убѣжишь никакъ... Нашего брата—надо ограбить; тогда мы поймемъ, а словъ мы слушать не станемъ. Одно только, чтобы ужъ не очень-то много сымали съ насъ, объ этомъ заботиться слѣдуетъ. Слышишь ты меня?.. Ты вотъ, какъ: если набѣжалъ на тебя новый человекъ—такъ и знай, что онъ тебя умыслилъ ограбить. Слушай его, смотри ему въ глаза, а самъ про себя соображай: сколько онъ съ меня снять хочетъ. У кого миллионы, съ тѣмъ попросту никто не знакомится. Всякому обезпечить себя надо. Такъ и Галопишко. Есть у него проектець одинъ. Каспичкое съ Чернымъ моря соединить вздумалъ.

— А что-жъ, идея педурная. Да и тѣмъ кто приметъ участіе въ этомъ—честь и слава будетъ.

— Ой-ли?.. А я такъ думаю, на скамью подсудимыхъ онъ съ этой идеей попадетъ безпремѣнно... Ужъ Ломакинъ такъ только пощадилъ его, потому Галопишко у него въ ногахъ валялся на моихъ глазахъ. Ну, а теперь онъ видно опять принялся блудить... Такъ когда-же къ дѣдушкѣ?

— Мнѣ все равно—когда вы хотите... Я всегда готовъ.

— И отлично... Что-жъ, въ этомъ разѣ значитъ и откладывать нечего, а надо сейчасъ приготовляться.

Завтра, благословясь, и поѣдемъ. Только вотъ что — уговоръ лучше денегъ. Въ святое мѣсто ѣдемъ — ты ужь при этой Галопишкѣ помолчи. Хоть и крещеный — а все жидъ. И Плюсу, кроволицу своему, ни слова. Молчокъ, знаешь. Пусть ихъ мозгами-то поворочаютъ, куда ты подѣвался. Завтра ко мнѣ — позавтракаемъ, а отъ меня на машину... Оно и чудесно, по крайности отдохнемъ — весна теперь въ нашихъ мѣстахъ... Духъ — отъ легкій, слава тебѣ Господи! Ты еще не видѣлъ чудесовъ нашихъ. Такое время стоитъ теперь — рая не надо.

И дѣйствительно, когда они на другой день выѣхали, Сластинову показалось, что онъ уже въ раю.

Умирала зима постылая. Въ черно-лѣсѣ, по темнымъ оврагамъ, лежалъ еще рыхлымъ пластомъ большой поздраватый снѣгъ. Лежалъ посинѣвъ, надъ весенними потоками, просочившимися подъ нимъ, но и его смывали и уносили прочь дождевые воды. На солнышкѣ первая, нѣжная зелень легкимъ налетомъ чуть опушила вѣтви; гдѣ еще лежала холодная тѣнь, гдѣ зима пряталась отъ тепла и свѣта — и тамъ закрашались и вспухли почки, готовые раскрыться. Съ юга радостно дышали пробудившіяся поля и неслись на свѣверъ крикливыя стаи ранней птицы. Казалось, выси небесныя звенять по утрамъ. Слушая ихъ „здравствуй“, стрекотомъ и гомономъ отзывались воскресшія мочевины болотъ и лѣсныя поляны, и робко-робко, точно налаживаясь, сталъ было, неувѣренный и стыдливый, заводить свою пѣсню соловей. Въ полдень солнце парило. Земля, въ поту своей творческой работы, исходила вечерними туманами. Все ждало послѣдняго всемогущаго слова: „да будетъ!“ и вдругъ оно грянуло и прокатилось надъ разомъ нахлынувшими тучами, сказалося въ блескѣ молній и съ трепетомъ благоговѣнія было принято внимавшей ему природой... Земля причастилася небу — и къ утру уже нельзя было узнать ея. Пышно развернулись запоздалыя почки; зелеными, сквозными, нѣжными облаками окутались весело деревья; громко и смѣло запѣлъ свою вдохновенную пѣсню соловей, радостно вспѣнились и зажурчали потоки и грудью, надувшись по вѣтру, двинулись паруса судовъ на широкихъ подводныхъ рѣкахъ.

Свѣтлый май щедро тратилъ свои воскрешающія ласки...

Зимы точно не бывало. Не вѣрилось, что еще недавно все кругомъ замирало подъ ея побѣднымъ гнетомъ. „Свобода, свобода!“ гремѣло въ тучахъ. „Свобода!“ отозвались имъ волны, унося кое-гдѣ послѣднія льдины, словно ржавыя звеня разбитыхъ цѣпей. „Свобода!“ всю грудью дышали поля... А птицы — тѣ, никогда не зная рабства, о ней же кричали и пѣли со своихъ лазурныхъ высотъ облитой солнцемъ понизи... Попробовала было вернуться зима, точно опомнилась: дай-ко попытаетъ. Ночью съ полюса темною силою надвинулась злобѣщая марь. Свернула лѣства асины и дрогнувъ поникнули липы. Неугомонный свѣверный вѣтеръ по старой привычкѣ затянулъ свою вьюжную пѣсню. Закрутились въ охолодѣвшемъ воздухѣ снѣжинки. Да не во время! Къ самому разсвѣту было — выглянуло золотымъ краешкомъ солнце и паль этотъ вѣтеръ о-земь, чтобы ужь и не подыматься больше.

VII.

Съ каждымъ днемъ ярче и наряднѣе май свѣтозарный. Рядить кусты въ нѣжныя краски весеннихъ цвѣтовъ, выходитъ ему навстрѣчу все живое, и самъ древній, дряхлый схимникъ Антонинъ сидитъ и любуется у окна своей кельи.

Чудится ему, что вновь осуществилось евангельское чудо: невидимо пришелъ Христосъ и воскресилъ Лазаря, семь мѣсяцевъ вкушавшаго сонъ подъ гробовымъ покровомъ зимы.

— Пришелъ милостивый! шепчуть безкровныя губы и радостно въ безчисленныхъ морщинахъ, изъ-подъ сѣдыхъ бровей загораются старческія очи. — Пришелъ... Не даромъ ждала его земля крещеная!

А небо все синѣе, поля зеленѣе, лѣства на деревьяхъ гуще и цвѣты ароматнѣе.

„Ишь, что кадила раскрылись и ароматомъ курятся!“ думаетъ старецъ, и мерещится ему въ благоуханіяхъ этихъ безмолвная молитва земли благодарной. Къ небесамъ возносится она, безмятежная и чистая.

А какъ заведетъ соловей свою пѣсню, старецъ не затворяетъ окна.

Слушаетъ ее и понимаетъ, и думаетъ, обо многомъ думаетъ. Луна серпомъ золотымъ прорѣжется за сквозною линою, въ обители гулко истоиво ударить колоколь и торжественно въ сумракѣ и прохладѣ поплывутъ его звуки — а соловей все пуще разливается и сылетъ въ тихую душу старца-схимника тысячи мыслей и чувствъ. Внимаетъ этой пѣснѣ задумчивая ночь, кутаясь въ свои непроглядныя тѣни. Медленно изъ глубокыхъ понизей подымаются бѣлые призраки и, неподвижнымъ туманомъ между деревьями, заслушиваются тоже; и листъ не шелохнется, чтобы не нарушить молитвеннаго безмолвія природы.

Идутъ-ли запоздалые богомольцы, эта пѣсня точно приковываетъ ихъ къ землѣ. Не замѣтивъ темнаго окна одинокой Антониновой кельи, долго стоятъ; и чувствуетъ старецъ въ эти минуты: на зло годамъ, одною жизнью живетъ онъ со всѣмъ, что кругомъ него бьется безчисленными пульсами. Изъ-за тысячи верствъ раскрываются безвѣстныя могилы — и дорогіе, милые люди сходятся оттуда вокругъ его кельи, смотрятъ на него, улыбаются ему... Замолкнетъ соловей — очнется Антонинъ, а по старческому, исхудалому лицу его текутъ обильныя слезы. Живая душа трепещется подъ черною схимой и воскресаетъ никогда не угасавшая любовь къ тѣмъ вонъ людямъ, что ждутъ въ ночномъ сумракѣ и туманѣ, не заведетъ-ли опять одинокій пѣвецъ свою вдохновенную пѣсню.

— Хорошо поетъ! доносится въ его келью.

— Да! Сказано: всякое дыханіе да хвалить Господа. И опять смолкаетъ толпа крестьянъ-богомольцевъ.

— Не спишь? спрашиваетъ старецъ Антонинъ своего келейника, замѣчая вдали его сидѣть, прислонившіяся къ темному стволу старой липы.

— Простите... Испушеніе... Соловей вотъ... отдѣляетъ тотъ отъ нея и подходитъ.

— Ну, что-жь, слушай... слушай. Божья птичка-то... усладительная. Коли настояще понимать, много мудрости въ ней сокрыто.

— Сказываютъ, курскій... болтаютъ вдали богомольцы между собою.

— Курскій и есть.

— Курскіе всегда лучше!

Антонинъ прислушивается.

— У насъ такъ не могутъ, наши соловьи то-ись... опять доносится откуда-то въ ночномъ туманѣ — не поймешь откуда.

— Нашъ соловей хлипкій. Онъ тебѣ колѣно сдѣлаетъ — и шабашъ. Въ немъ силы настоящей нѣтъ. А здѣсь...

— Здѣсь!.. Здѣсь мѣсто моленное... Онъ братъ тоже это понимаетъ. Сколько старцевъ его слушаютъ — должны онъ свое усердіе показать?.. Ты какъ думаешь? Около обители ему благодать. Первымъ дѣломъ, за гнѣздо онъ спокоенъ, потому нашихъ деревенскихъ озорныхъ мальцовъ нѣтъ. Тихо. Ну, онъ и старается. Что-жь, пойдѣмъ чаю попить?

И голоса замираютъ вдали, и чутко прислушивается къ нимъ старецъ Антонинъ. Дороги они и милы ему въ эту ночь, какъ дорогъ и милъ весь это міръ.

Выставка Имп. Акад. Худ. Владимірское разоренье 7 февр. 1237 г. Епископ Митрофанъ и княгиня Юрьева съ семьей, множествомъ бояръ и народа гибнуть въ церкви Св. Богородицы
 Карт. проф. Н. А. Кошелева (право воспроизв. въ грав. и т. п. принадлежит исключ. „Нивѣ“), грав. Шюблеръ.

И каждая мелочь кажется ему многозначущею и осмысленною въ уединеніи его кельи.

„Сапоги носить!“ думаетъ онъ, вспоминая проходивших мимо него паломниковъ. „Чай пьютъ, слава Тебѣ Господи... Слава Тебѣ... Въ наши-то времена сапоговъ не было, про чай и не слыхивали. Сказываютъ, и при сапогахъ обѣднялъ народъ. Хозяйства не стало, семья въ развалъ идетъ, парни балуются. А только временное это... Богъ дастъ при новомъ-то хорошемъ и старое доброе вернется. Только бы Господа не забывали, а Онъ о нихъ всегда вспомнитъ. И мятутся люди, и недоволенъ человѣкъ, а кабы они назадъ оглянулись!.. Поняли бы сколь тяжель былъ нашъ жребій... Нѣтъ, братъ, вздохнулъ онъ, обращаясь къ невѣдомому и воображаемому собесѣднику, — ты это напрасно. Миръ тоже на мѣстѣ не стоитъ—а все движется по путямъ, указаннымъ ему Господомъ. Ты такъ думаешь, скорбно тебѣ, и ропщешь, и въ смятеніи духа укориленно сердце свое озлобляешь; а того, дурашка, и не зришь, сколь жутко до тебя отцы твои жили. Не единымъ хлѣбомъ ситъ человѣкъ! Отъ Бога сверху видѣе. Ему все какъ на ладони: онъ понимаетъ и не даетъ міру слишкомъ ужъ назадъ-то воротить. Покарать за грѣхи, а потомъ смилуется!.. А то, сейчасъ, постигнетъ тебя бѣда временная—и чудится она тебѣ со слѣну съ гору... И никнетъ человѣкъ, и вѣры не иметъ... А зорче посмотри: гора-то велика, а одолѣть ее можно—и перенеси свое бремя, и еще отраднѣе станеть тебѣ... Ибо бремя Мое легко есть!..“

Онъ сталъ было на молитву, воззрѣлся на темный ликъ простой иконы, точно вздрагивавшей въ тускломъ блескѣ лампы, но никакъ не могъ сосредоточить мыслей, смутанныхъ соловьиною пѣней.

„Погодить надо. Пускай уляжется...“ подумалъ онъ и опять сѣлъ къ окну.

Бѣлые призраки тумана стояли еще между деревьями. Мѣсяцъ давно поднялся надъ липами, струившими свой медовый ароматъ. Тѣни безмолвствовавшей ночи недвижно лежали у самой кельи.

И вспомнилась схимнику другая ночь, такая же тихая, сладкая, чарующая.

Сколько ужъ лѣтъ тому назадъ? Пожалуй шестьдесятъ будетъ? Всѣ годы у Бога равны, а все-таки не мало ихъ прошло съ той поры, какъ онъ неувѣренно, робко стоялъ у бѣлыхъ стѣнъ обители и ждалъ утра. „Въ сапогахъ народъ ходить... чай пьеть“, опять пронеслось въ его головѣ, „слава Тебѣ, Господи, смилувался надъ человѣками. Мы сапоги-то на другихъ видали! Нѣтъ, я тогда босой былъ... Лапти-то за плечами точно сокровище какое несъ... Вотъ они соловья слушаютъ — премудрость эту понимать могутъ, а и въ ту ночь тоже соловей пѣлъ, только я его не могъ вмѣстить въ сердце своемъ, потому что оно у меня само въ груди точно птица въ клѣткѣ трепыхалось. Не до соловья было! Не понимали мы этого... А утромъ-то, какъ врата обители растворили, точно звѣрь травленный, бокомъ вошелъ я, да простому иноку въ ноги палъ, и замеръ... Потому у насъ одно пристанище было—монастырь. Коли не приметъ онъ тебя, загнаннаго, скуднаго и истерзаннаго, быть тебѣ всю жизнь рабомъ человѣческимъ, а прикроетъ тебя черною рясою—и превознесенъ ты и воскресъ рабомъ Божиимъ. Да имъ легко теперь! Иди куда хочешь. Голодно, да вольно... Развратился народъ — семью забылъ. Что-жь, всякое зло временно. Не зло, а поущеніе Божеское. Обратишь Онъ на нихъ око Свое — и узнаютъ Его люди и вернуться на пути добрые!

„Хорошо на добраго инока попалъ, самъ изъ крѣпостныхъ—иго-то мое понятно ему было. Кабы на духовнаго наткнулся, выгналъ бы онъ опять на старое положеніе... И спрашивалъ мало...“

„— Ты, говорить, какихъ помѣщиковъ?“

„— Свиристѣловыхъ.“

„— Знаю... Жестоковѣйные люди. Ни въ чемъ не провинился?“

„— Нѣтъ.“

„— Ну, никто какъ Богъ. Работать можешь? Здоровъ ты?“

„Посмотрѣлъ, посмотрѣлъ, да и утѣшилъ:“

„— Богу, братъ, тоже крѣпостные нужны, чтобы на храмъ да на обитель его труждались. Ступай пока къ богомольцамъ, а я отцу-игумену поговорю, можетъ онъ благословить укрыть тебя!“

„И благословилъ! Царствіе ему небесное!..“

„Лѣсъ тогда корчевали подъ нивы—всякая рука на счету. И работалъ же я... Господи! День-деньской кипишь, а все не умаешься. Вернешься въ обитель — и опять по хозяйству братскому стараешься... Ужъ очень сердце преисполнено было: какъ цвѣтъ весенній телу да солнцу раскрывалось.“

„Братолюбивые жили иноки!“

„Монастырець еще обѣднялся. Только и держались тѣмъ, что сами нарабotaемъ. Купцы городскіе свои кубышки тоже хоронили сокровенно. Не такія времена, чтобы сокровища свои оказывать.“

И отецъ Антонинъ усмѣхнулся.

„Красный околышь-то всюду прозѣваль; только ты хвостъ распустилъ, глядь, а онъ ужъ и закрученъ въ кулакѣ у него. И судіе неправедное, зломысленное, похотливое, тоже алкало и жаждало...“

„Нонче-то благодать... Молиться надо. Нѣтъ, теперь они бы нашего старога-то попробовали. Память у людей коротка стала, забыли какъ плакались тогда. Спаси Господи!.. Нѣтъ, у насъ-то какъ старшаго брата посадили въ тюрьму, да безъ опросу всякаго шесть годовъ держали, а меня, чтобы не заступался, хотѣли въ солдаты... А семья была большая, самъ я вдовый былъ—а все одному на нихъ-то работать приводилось... Сынъ былъ... росъ... Хорошо, обители Господни стояли... въ нихъ одиѣхъ приобѣжище...“

„Теперь сынъ-то, вонъ, сотнями тысячъ ворочаетъ, народъ кормить... И обитель наша имъ живетъ, спасибо ему, изукрасилъ ее всячески!“

„Да, вотъ нонче какъ... Чай, сапоги... Богъ и хлѣба дастъ, погоди, не ропщи только—и хозяйство поправить... Обойдется! И баловство, и распрѣ семейной, и всуешатанію конецъ будетъ... Придетъ сильный да мощный пастырь и соберетъ во-едино стадо свое разбѣжавшееся. И всякой овцѣ мѣсто ея укажетъ... И будетъ тогда миръ и благоволеніе!..“

И простершись предъ тускло озаренною иконой, жарко, радостно, умиленно молился старецъ Антонинъ за землю Христову, за тѣхъ, кто ей послужилъ, за то, чтобы дѣло рукъ ихъ было прочно, крѣпко и незмылемо.

А отдохнувшій соловей опять проснулся и прокатился въ торжественномъ молчаніи майской ночи своєю вдохновенною пѣсней, отвѣтною, радостною. Точно говорила она старческому сердцу: не бойся за достояніе братьевъ твоихъ, несокрушимо выдержитъ оно всѣ удары лихія и ярче и пышнѣе расцвѣтетъ еще, окрѣпнувъ въ борьбѣ. Вѣрь только и жди, и надѣйся. Глубоко пускаетъ свои корни добро, широко развѣтвляются они—и не злой рукѣ вырвать ихъ изъ души, отверстой истинному слову Божьему. Все пройдетъ, все измѣнится, только правда будетъ стоять на радость и счастье человѣчества.

Въ эту самую, чудную, весеннюю ночь Василій Герасимовичъ и Савва Кузьмичъ Сластеновы, оставивъ за собой станцію желѣзной дороги, въ монастырскомъ тарантасѣ подъѣзжали къ обители, гдѣ спасался въ схимѣ и молчаніи одинокой кельи отецъ Антонинъ. Выросшій въ скучномъ и блѣдномъ Петербургѣ, Василій Герасимовичъ зналъ природу лишь изъ книжекъ—и теперь ему казалось, что онъ видитъ чудный поэтическій сонъ. Словъ

но въ дремѣ мелькали мимо осіянные голубоватымъ мерцаніемъ роши, будто курившіяся серебрянымъ паромъ тихія поля, озера, точно брошенные щиты, ярко сверкавшіе подъ луною... Савва Кузьмичъ спалъ спокойно. Онъ приглядѣлся ко всей этой красѣ. Молодой Сластеновъ глазамъ не вѣрилъ, что это раскидывается передъ нимъ дивная явь.

— Какъ хорошо!.. Какъ хорошо!.. повторялъ онъ.

Соловьи рокотали въ лѣсахъ, ключи журчали у дороги, словно догоняя нашихъ путниковъ. Сидѣвшій на облучкѣ монахъ про себя мурлыкалъ „Свѣте тихій“, и его ибень удивительно была подъ-стать этому дѣйствительно тихому свѣту умиротворенной природы.

Но когда тарантасъ взобрася на пологій холмъ и приостановился на минуту—надо было что-то поправить—Сластеновъ разбудилъ дядю.

— Савва Кузьмичъ... посмотрите.. Чтѣ за красота!

Внизу, въ морѣ курившейся свѣтлымъ паромъ зелени, вставала весь бѣлый, точно изъ серебра кованный монастырь... Тонкія колокольни его казались совсѣмъ воздушными, золотые кресты сверкали подъ лучами мѣсяца. Онъ былъ красивъ, какъ корабль въ парусахъ посреди океана... Издали свѣтилась глыба мѣлового утеса и широкою лукою вокругъ всего этого рая извивалась тихая, покорная рѣка въ бѣлыхъ известковыхъ берегахъ своихъ.

— Тамъ, за монастыремъ, келья дѣдушки... замѣтилъ Сластенову Савва.

— Да, я понимаю... Тутъ можно спастись...

Странное дѣло, за дорогу старикъ началъ привязываться къ своему племяннику. Тотъ ему все больше и больше нравился.

„Дуракъ-дуракъ, думалъ онъ,—а сердце у него есть, душевный парень, благожелательный... Нѣтъ, надо его выручить отъ всей этой осиной братіи... Не дамъ въ обиду свою кровь... Все-же вѣдь нашей Сластеновской породы...“

И съ одной изъ станцій онъ послалъ куда-то телеграмму.

— Пора бы тебѣ и жениться!.. замѣтилъ онъ какъ будто вскользь ему.

— Мнѣ! удивился Сластеновъ. — Ну, кто за меня пойдетъ?

— Почему это?

— Потому что, дядя, я и человѣкъ-то не настоящій.

— Какъ не настоящій?..

— А такъ... Вы паровыхъ цыплятъ видали когда? И шея у нихъ тонкая, и ноги слабы, и приплоду отъ нихъ никакого не бываетъ... Вотъ и я такой же паровой цыпленокъ.

— А пожалуй и правда. Впрочемъ, поживемъ, увидимъ... И не такіе на нашихъ, купеческихъ хлѣбахъ выправлялись...

Савва Кузьмичъ, при свѣтѣ мѣсяца, въ виду этого чуднаго монастыря, всмотрѣлся въ племянника.

„Въ самомъ дѣлѣ, совсѣмъ паровой цыпленокъ... Ну, да никто, какъ Богъ!“

(Продолженіе будетъ).

Лампо и Кармела.

Разсказъ Энрико Кастельнуово. (Переводъ).

(Окончаніе).

Коровы приближались солиднымъ, мѣрнымъ шагомъ, позванивая въ тактъ колокольчиками, медленно поворачивая головы направо и налево, и приветствуя обильное настѣпие тяжелымъ мычаніемъ. Всѣмъ этимъ стадомъ, насчитывавшимъ до тридцати головъ, управлялъ пастухъ-мальчикъ, лѣтъ 12-ти, при помощи собаки, простой овчарки, которая, безпрестанно бросаясь по сторонамъ, старательно пригоняла каждую отдѣлившуюся отъ стада корову.

Замѣтивъ Лампо, овчарка бросилась къ нему съ оскаленными зубами. Но Лампо былъ не изъ числа тѣхъ собакъ, которыя малодушно сдаются неприятелю. Вставъ въ позицію, сверкая глазами, расширивъ ноздри и поднявъ хвостъ, онъ сдерживалъ въ почтительномъ отдаленіи враждебно-настроеннаго собрата. Противники стояли на разстояніи двадцати шаговъ, наблюдая другъ за другомъ и готовые вступитъ въ битву.

Кармела вскочила на ноги, дрожа всѣмъ тѣломъ; она хотѣла убѣжать, но страхъ приковалъ ее къ мѣсту. Между тѣмъ, подошелъ пастухъ, привлеченный лаемъ собакъ; увидѣвъ дѣвочку, онъ позвалъ:

— Неро! Неро! и собака повинувалась, хотя не совсѣмъ охотно.

Лампо, видя, что противникъ покинулъ позицію, принялъ также менѣе враждебный видъ. Когда такимъ образомъ между воюющими сторонами было заключено перемиріе, мальчикъ приблизился къ Кармелѣ, которая все еще не могла придти въ себя, и спросилъ ее куда и откуда она идетъ.

Кармела отвѣчала едва слышимымъ голосомъ, что идетъ изъ Изолетты по направленію къ Ривьерѣ, куда хотѣла бы придти какъ можно скорѣе.

— Ривьера? повторилъ пастухъ припоминая, — отсюда не пройдеши въ Ривьеру.

— А откуда же? спросила дѣвочка, краснѣя и блѣднѣя.

Пастухъ осмотрѣлся вокругъ, какъ бы желая ориентироваться, и продолжалъ:

— Тебѣ надо спуститься съ горы тамъ, гдѣ ты поднялась. Вѣдь ты оттуда идешь? спросилъ онъ указывая пальцемъ направление.

— Да?

— Ты увидишь тамъ еловый лѣсъ.

— Я по немъ и шла.

— Хорошо; такъ ты пойдешь по немъ обратно, а когда выйдешь изъ лѣсу, повернешь налево, лицомъ къ солнцу, и пойдешь по берегу ручья.

— Гдѣ такая прозрачная вода?

— Да. Вода такая прозрачная, что можно видѣть на днѣ самые мелкіе камешки.

— Это правда; ихъ можно даже пересчитать.

— Ты пойдешь по берегу съ полчаса до маленькаго водонада; онъ такъ покрытъ пѣной, что его называютъ „молоч-

нымъ“. Возлѣ водонада ты увидишь каменную тропинку, которая извиваясь идетъ въ гору. По этой дорогѣ ходятъ всѣ изъ Ривьеры за лѣсомъ. Но только, продолжалъ мальчикъ послѣ минутнаго молчанія, осматривая дѣвочку съ головы до ногъ, — до Ривьеры понадобится...

— Сколько времени?

— По крайней мѣрѣ три часа.

— А ты оттуда? спросила дѣвочка, просіявъ.

— Я!.. Нѣтъ... Я изъ Фрезаны, совсѣмъ съ другой стороны. Лучъ радости, блеснувшій было въ глазахъ Кармелы, снова потухъ; она молча опустила головку.

— А развѣ ты такъ торопишься въ Ривьеру? снова спросилъ мальчикъ.

— Да!.. Я иду къ тетѣ Норинѣ, возразила Кармела, вполнѣ увѣренная что дастъ совершенно удовлетворительный отвѣтъ.

— Гм! пробормотала тотъ, — и совсѣмъ одна? Отчего-же никто не пошелъ проводить тебя?

Кармела молчала.

— Развѣ у тебя никого нѣтъ, ни отца, ни матери?

— Моя мама умерла.

— А отецъ женился во второй разъ и мачиха тебя знаетъ не хочетъ... знаю я это, со мною такъ же было.

— О, пѣтъ! воскликнула Кармела, гордо поднимая головку, — отецъ не женился больше... Онъ такой добрый.

Лампо, услышавъ было приблизиться, ласкаясь къ новому пріятелю своей госпожи, тотчасъ отошелъ отъ него, какъ только замѣтилъ перемѣну въ ея тонѣ. Онъ сталъ возлѣ Кармелы, какъ бы намѣреваясь защищать ее въ случаѣ необходимости.

— Надо прежде подумать о самомъ необходимомъ, продолжалъ добрый малый. — Ты вѣрно голодна?

— У меня есть еще запасъ, возразила дѣвочка, вытаскивая изъ кармана спрятанный кусокъ поленты.

— Оставь это... лучше посмотримъ что намъ дастъ Биза.

Съ этими словами мальчикъ приблизился къ рыжей коровѣ, которая паслась въ сторонѣ отъ другихъ, сталъ возлѣ нея на колѣна и подолѣ нѣсколько молока въ деревянную чашку, которую носилъ въ карманѣ куртки. Потомъ съ торжествующимъ видомъ возвратился къ Кармелѣ.

— Биза сегодня добрая, сказалъ онъ,—посмотри, это будетъ получше твоей поленты. Погоди, вотъ мы чтѣ сдѣлаемъ...

Съ этими словами онъ вынулъ изъ другаго кармана большой кусокъ хлѣба, разломалъ его на куски и покрошилъ въ молоко.

— Посмотри, какая славная похлебка. На, возьми!

Кармела не заставила два раза просить себя. Когда чашка была почти опорожнена, она замѣтила Лампо, который смотрѣлъ на нее влажными глазами, просительно махая хвостомъ.

— Бѣдная собачка! воскликнула дѣвочка. — Ты тоже голдна.

Она поставила чашку на землю и отдала остаток Лампо.

Но тутъ ей пришла въ голову другая мысль. Она подняла глаза на привѣтливаго мальчика и проговорила:

— А ты-то какъ же?

— Я, отвѣчалъ онъ улыбаясь, — мой чередъ придетъ послѣ, когда твоя собака поѣсть.

Кармела съ раскаяніемъ взглянула на Лампо.

— Не безпокойся, продолжалъ добрый мальчикъ, — Бизе дастъ мнѣ столько молока, сколько мнѣ понадобится... а потомъ останется еще другая; вонъ та, которая пасется тамъ внизу, съ большими рогами.

— Это коровы твоего отца?

Мальчикъ засмѣялся.

— Хорошо, кабы такъ... Нѣтъ, онѣ принадлежать одному важному барину, который живетъ тамъ, въ городѣ. Онъ только разъ въ годъ прѣзжаетъ въ наши мѣста. У него столько земли и столько коровъ... эти-то еще что! Въ прошломъ году я его видѣлъ. Я какъ разъ загонялъ коровъ въ хлѣвъ... онъ меня погладилъ по головѣ и подарилъ портретъ Кавура. Мачиха увидѣла; противъ ласки она ничего не имѣла, но Кавура отняла. Положимъ, мнѣ все равно: куда мнѣ его?

Послѣ такого философскаго разсужденія, мальчикъ поднялъ глаза къ небу и проговорилъ:

— А вонъ и тучка наша, посмотри-ка.

— Неужели пойдетъ дождь? воскликнула Кармела испуганно.

— Не думаю, отвѣчалъ пастухъ, прикрывая глаза рукой и слѣдя за направленіемъ облаковъ; — по крайней мѣрѣ до вечера.

— Мнѣ надо торопиться, проговорила Кармела, и рѣшительно двинулась въ путь.

— Э, да вѣдь ты хромаешь!

Дѣвочка сняла деревянный башмакъ и не безъ тревоги осмотрѣла ногу.

— Развѣ ты не видишь, что у тебя вся нога стерта? Какъ же ты пойдешь дальше?

Кармела ничего не отвѣчала.

— Тебѣ сколько лѣтъ?

— Восемь лѣтъ.

— И уже такая упрямая!

— Мнѣ надо къ тетѣ Норинѣ.

— Такъ погоди минуточку.

Пастухъ отошелъ за пригорокъ, который скрылъ его отъ глазъ Кармелы, и чрезъ минуту вернулся оттуда въ наглухо застегнутой курткѣ, держа рубашку въ рукахъ.

— Что это ты сдѣлалъ?

— Видишь, снялъ рубашку.

— Зачѣмъ?

— А вотъ увидишь.

Съ этими словами онъ досталъ карманный ножикъ и отрѣзалъ отъ рубашки нѣсколько полосъ холста.

— Теперь садись на траву.

— Какъ? Онять?

— Разуѣдется.

Пастухъ тщательно обмоталъ холстомъ хорошенькія, маленькія ножки дѣвочки и, когда кончилъ, проговорилъ съ торжественнымъ видомъ:

— Ну-ка, попробуй, взойдетъ-ли башмакъ.

— Конечно взойдетъ, отвѣчала Кармела, примѣряя башмакъ.

Мальчикъ отъ удовольствія захохоталъ въ ладоши.

— Ну, пройдишь немного!

Кармела сдѣлала нѣсколько шаговъ и воскликнула въ восторгѣ:

— Какъ хорошо теперь!

— Не правда-ли?

— Да! Спасибо тебѣ... Но вѣдь ты испортилъ свою рубашку.

— О, это ничего!

— А если тебя дома спросятъ, куда дѣвались куски рубашки?

— Я скажу, что потерялись.

Дѣвочка засмѣялась.

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ мальчикъ.

— Кармела.

— Хорошенькое имя.

— А тебя?

— Менья?... Витторіо. А твою собаку?

— Лампо.

— Посмотри-ка, они уже подружились.

— Но имъ пора расстаться... Прощай, Витторіо!

— Прощай, Кармела... Нѣтъ, погоди!

— Чего тебѣ еще?

— Я чуть не забылъ... Возьми вотъ эту палку... Ты можешь на нее опираться.

— Какъ бабушка?..

— А у тебя есть бабушка?

— Разуѣдется!

— И они пустили тебя одну?

Кармела опять покраснѣла, но не сказала ни слова.

— Ну, довольно, продолжалъ мальчикъ, не желая быть че-

скромнымъ, — тебѣ пора идти, чтобы не опоздать... Еще разъ прощай!

— Прощай, спасибо!

— Неро!

— Лампо!

И маленькіе собесѣдники разошлись въ разныя стороны. Витторіо направился къ своему стаду; Кармела пошла по направленію къ ручью. Войдя на вершину холма, она обернулась еще разъ и махнула рукой въ знакъ привѣтствія.

Сначала она чувствовала себя совѣмъ бодро и сильною; она весело шагнула и повторяла про себя указанія маленькаго пастуха; дѣвочкѣ казалось, что опасность заблудиться миновала, и она говорила, обращаясь къ собагѣ:

— Не бойся, Лампо, мы скоро придемъ.

Но когда она снова очутилась въ лѣсу, куда едва доносятся мычаніе коровъ, только-что видѣнныхъ ею, пѣсня замерла на ея устахъ и радостное настроеніе исчезло.

Дѣвочка была въ пути уже три четверти часа и должна была, по расчету, находиться вблизи ручья, когда, случайно поднявъ голову, она почувствовала, что какая-то капля упала ей на лобъ. Можетъ-быть это капля росы, которую не успѣло высушить солнце?

Но за первой каплей послѣдовала другая, потомъ третья и въ то же время послышались глухіе, безпрерывные раскаты грома, сливашіеся съ шумомъ вѣтра, который съ силою раскачивалъ деревья. Кармела напряженно глядѣла вверхъ, отыскивая открытое мѣстечко, откуда можно было бы видѣть небо. Все пространство, видимое глазомъ, было покрыто тучами — густыми, темными тучами, нагроможденными одна на другую. Вскорѣ, частыми, крупными каплями, полилъ дождь. Бѣдная дѣвочка почувствовала, что силы окончательно оставляютъ ее; ей захотѣлось увидѣть солнце, стадо коровъ и мальчика-пастуха, который такъ хорошо отнесся къ ней. Она невольно стала звать:

— Витторіо! Витторіо!

Но голосъ ея затерялся въ шлепаньи дождевыхъ капель, въ вѣвѣ вѣтра и шумѣ деревьевъ. Ей стало совѣмъ странно; она закрыла глаза руками, прислонилась спиною къ дереву и заплакала горькими слезами. Бѣдное, маленькое созданье! Одна, въ лѣсу, со своими слезами!

Впрочемъ, нѣтъ, не одна. Съ нею былъ Лампо. Онъ свернулся клубкомъ у ея ногъ, но безпрестанно вскакивалъ на заднія лапы, ласкаясь къ своей хозяйкѣ, заглядывая ей въ глаза и ласково взвизгивая, чтобы привлечь ея вниманіе.

Между тѣмъ дождь становился все сильнѣе; по стволу дерева, къ которому прислонилась Кармела, вода текла потоками, насквозь промачивая одежду дѣвочки. При каждомъ порывѣ вѣтра съ дерева падали крупныя капли, образовавшія у ногъ ея цѣлыя лужи.

Лампо, безпокойство котораго все усиливалось, ежеминутно отходилъ отъ своей госпожи, бросаясь во все стороны, чтобы отыскать какое-нибудь убѣжище. Слишкомъ далеко онъ однако не рѣшался отойти и потому безпрестанно возвращался и опять свертывался клубкомъ у ногъ Кармелы.

Наконецъ, мракъ нѣсколько разсѣялся и дождь сталъ ослабѣвать. Капли стали мельче и рѣже, потоки на стволахъ дерева почти прекратились, сквозь листву показалась голубая полоса неба и въ этой полосѣ украдкой выглянуло солнце.

Птицы радостно защебетали; мягкій, легкій вѣтерокъ пронесся по лѣсу, донося запахъ травы и цвѣтвѣ.

Природа какъ бы обновилась и стала попрежнему весела, прекрасна и спокойна.

Ничто не мѣшало теперь продолжать путь, но Кармела потеряла все свое присутствіе духа и едва имѣла силы выбраться изъ лѣсу на открытій пригорокъ, чтобы осушить на солнцѣ свою одежду. У ногъ ея уже видѣлся ручей, который долженъ былъ служить ей путеводною нитью. Но у нея не было больше охоты спуститься къ ручейку. Предпріятіе, казавшееся въ прошлую ночь такимъ легкимъ, представлялось ей теперь совершенно невыполнимымъ; наступила реакція, всегда слѣдующая у дѣтей за сильнымъ нравственнымъ напряженіемъ, и дѣвочка, не въ силахъ больше сдерживать слезы, громкимъ голосомъ стала звать отца и бабушку. Но напрасно. На цѣлую милю въ окружности не было живой души; никто не слышалъ ни ея жалобъ, ни воя собаки, которая изъ всѣхъ силъ вторила своей госпожѣ. Собственно говоря, Лампо не затруднился бы найти выходъ изъ затруднительнаго положенія; онъ уже давно составилъ свой собственный планъ и еслибъ только дѣвочка обратила на него вниманіе, ей не пришлось бы теперь плакать одной въ лѣсу. Но Кармела до сихъ поръ слѣдовала только внушеніямъ своей собственной фантазіи; теперь же ее нельзя было заставить сдѣлать ни шагу, какъ ни пригласялъ ее Лампо своими влажными глазами идти за нимъ.

Кармела потеряла всякое представленіе о времени. Могло быть два, три, четыре часа пополуночи — она не знала. Она сознавала только, что прошло уже много часовъ съ тѣхъ поръ, какъ она ушла изъ дому. Дѣвочка видѣла, что солнце быстро уходитъ изъ узкой долины, въ которой она находилась, и

Пастушеская идиллія. Рис. Цикль, грав. Кренеръ.

съ ужасомъ думала о возможности быть застигнутой здѣсь ночью.

Шорохъ, послышавшійся изъ куста вблизи, заставилъ ее встрепенуться. Она взглянула по направленію раздаваемаго шума и увидѣла что-то черное, блестящее и скользкое, ползущее изъ-подъ куста. Можетъ-быть это была совершенно безвредная змѣя, одна изъ тѣхъ, которыхъ Кармела видѣла у себя въ саду, но въ эту минуту и въ томъ настроеніи, въ которомъ она находилась, видъ змѣи нагналъ на нее неописуемый ужасъ и отвращеніе. Кармела громко вскрикнула и пустилась бѣжать безъ оглядки, сама не зная куда. Между тѣмъ это было ея спасеніемъ.

Лампо, который до сихъ поръ послушно шелъ по слѣдамъ своей госпожи, теперь незамѣтнымъ образомъ сдѣлался ея руководителемъ. Онъ съ лаемъ бросился впередъ; Кармела бѣжала за нимъ, не сознавая, что онъ ведетъ ее не случайно, а съ опредѣленною цѣлью. Нѣкоторое время собака бѣжала по берегу ручья. Увидя нѣсколько большихъ камней, торчавшихъ изъ воды, Лампо перепрыгнулъ по нимъ на другой берегъ и тамъ остановился, ожидая свою госпожу. Кармела не заставила себя долго ждать; она все еще воображала, что ее преслѣдуетъ отвратительное пресмыкающееся.

За ручьемъ приходилось снова подниматься въ гору; но дорога была гораздо легче, чѣмъ та, по которой они шли раньше, и Лампо, увѣренность котораго, казалось, росла съ каждымъ шагомъ, моментно оборачивался къ Кармелѣ, какъ бы желая сказать: «вотъ видишь, я знаю дорогу лучше тебя!»

Кармела изнемогала отъ усталости. По временамъ она останавливалась, частью отъ утомленія, частью изъ боязни заблудиться еще больше.

Но тутъ Лампо бралъ въ зубы подолъ ея платья и смотрѣлъ на нее такъ смѣло и увѣренно, что она невольно начинала надѣяться на смысленность собаки, которая приведетъ ее, по всей вѣроятности, въ какое-нибудь безопасное мѣсто, въ гостепріимную хижину, гдѣ она найдетъ сухое платье и человѣка, который укажетъ ей дальнѣйшій путь. Между тѣмъ они вышли изъ чащи лѣса и поднялись на вершину горы; Кармела не могла рѣшиться, та ли это самая гора, по которой они шли раньше, тѣмъ болѣе, что вправо отъ себя, къ западу, она узнала темныя, острые вершины Чернаго Камня, которыхъ видѣлись отсюда ближе и явственнѣе, чѣмъ изъ Изолетты.

Солнце, медленно склонявшееся къ горизонту, касалось уже одного изъ высшихъ гребней горной цѣпи и лучи его падали настолько горизонтально, что Кармела принуждена была прикрывать глаза рукой.

Дѣвочку невольно пугала мысль, что солнце скоро исчезнетъ за одною изъ этихъ горъ и ей придется, при полусвѣтѣ сумерокъ, оканчивая свое путешествіе, успѣхъ котораго зависѣтъ единственно отъ понятливости собаки, когда-то, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, приведенной этимъ путемъ въ Изолетту. Въ одномъ мѣстѣ Лампо внезапно бросился вправо и большими прыжками поминалъ внизъ съ крутаго спуска, проложеннаго, вѣроятно, когда-то водопадомъ. Кармела остановилась въ нерѣшимости, но, ободренная радостнымъ лаемъ Лампо, отважилась спуститься по опасной тропѣ, придерживаясь руками и ногами, чтобы не скатиться внизъ. Вскорѣ она очутилась на покрытомъ травомъ пологомъ скатѣ; за скатомъ шла широкая долина, которую трудно было окинуть всю глазами.

Лампо побѣжалъ впередъ; взобравшись на небольшой песчаный пригорокъ и смотря отсюда то внизъ въ долину, то оборачиваясь къ Кармелѣ, которая съ трудомъ поспѣвала за нимъ, онъ началъ проявлять признаки безграничной радости. Добравшись наконецъ до него, Кармела съ глубокимъ умиленьемъ поняла причину сильной радости своей собаки. Долина, которую она увидѣла съ этого возвышенія все еще освѣщенную солнцемъ, была долина Изолетты! Вонъ знакомая колокольня; вонъ домики, которые тѣнятся къ ней, какъ солдаты къ знамени; вонъ и каменный мостъ черезъ рѣчку, составляющій гордость прихода, хотя отсюда, съ этою высоты, онъ кажется немногими больше соломенки, перекинутой черезъ серебряную штку. Смѣшиваясь съ тихимъ шумомъ лѣса, звучалъ надали колокольный звонъ, призывавшій къ Ave Maria. О, еслибъ Кармела могла, какъ она дѣлаетъ каждый вечеръ, пойти теперь съ бабушкой въ церковь и тамъ широко раскрытыми глазами слѣдить за церковнымъ сторожемъ Джакомо, въ то время какъ онъ зажигаетъ предъ алтаремъ свѣчи! Еслибъ она могла перелетѣть отсюда къ своимъ дорогимъ роднымъ и домашнимъ и успокоить своимъ присутствіемъ ихъ озабоченныя лица.

Страстный порывъ и стремленіе вернуться въ родительскій домъ, къ бабушкѣ, къ отцу, къ маленькой сестренкѣ, заставили Кармелу забыть о цѣли ея почнаго бѣгства, забыть, что она хотѣла увести Лампо отъ тѣхъ, кто замыслилъ противъ него дурное. Она хотѣла спасти собаку, а собака спасла ее; она хотѣла привести Лампо въ безопасное мѣсто, а онъ не допустилъ ее умереть въ лѣсу голодной смертью и привелъ обратно въ родную деревушку, гдѣ его самого ожидала смерть...

Впередъ, впередъ! Съ торжествующимъ лаемъ вѣлъ Лампо свою хозяйку по малопроезжимой тропинкѣ и, не понимая,

почему она съ такимъ трудомъ слѣдуетъ за нимъ, волновался и смотрѣлъ на нее съ ласковымъ упрекомъ. Дважды колокольня и домики Изолетты исчезали изъ вида, скрываясь за группами деревьевъ и пригорками, и каждый разъ Кармела чувствовала, что силы оставляютъ ее; но когда снова появлялась дорогая сердцу картина и очертанія домовъ становились все ближе и опредѣленнѣе, она съ новыми силами шла дальше. Впередъ, впередъ! Между тѣмъ лай собаки, подхваченный горнымъ эхо, разносился по окрестности и былъ уже услышанъ тѣми, кто спѣшилъ на помощь бѣглянкѣ.

По вотъ послышался продолжительный, рѣзкій свистъ. Лампо остановился на минуту, насторожилъ уши и ощетинилъ шерсть, дрожа вѣемъ тѣломъ; потомъ бросился, какъ пушечная изъ лука стрѣла, черезъ дугъ, черезъ темныя группы елей, черезъ платны и рвы и водяные потоки.

Измученный, истерзанный терновникомъ, онъ сдѣлалъ въ нѣсколько секундъ болѣе ста метровъ и задыхаясь, обливаясь потомъ и съ ифной у рта, бросился къ ногамъ своего господина, который вмѣстѣ съ другими обитателями деревушки обходилъ горы, разыскивая пропавшую дѣвочку. Со вкоченными волосами и смертельно блѣднымъ лицомъ, отецъ Кармелы безумными глазами смотрѣлъ на Лампо, не зная еще, можетъ ли онъ надѣяться или долженъ готовиться къ самому жестокому удару, который можетъ поразить родительское сердце.

— Кармела, Кармела! воскликнулъ онъ съ отчаяніемъ, глядя вопросительно на Лампо. Но собака, глубоко огорченная тѣмъ, что не можетъ янѣе выразиться, и уже расканываясь, что покинула свою госпожу, съ визгомъ бросилась назадъ по только-что пройденному пути. Остальные съ трудомъ слѣдовали за ней; у нихъ не было, какъ у нея, крыльевъ на ногахъ, и подъемъ былъ гораздо труднѣе спуска.

Долина снова огласилась лаемъ Лампо и криками:

— Кармела! Кармела!

Наконецъ, вдали послышался жалобный голосокъ:

— Папа, папа! Я здѣсь!

Еще одно послѣднее усиліе, еще нѣсколько минутъ — и синьоръ Амброджіо стоялъ возлѣ своего ребенка. Кармела, ноги которой отказывались служить, сидѣла на землѣ со сложенными на колѣняхъ руками и опустивъ голову на грудь, какъ поблекшій на стеблѣ цвѣтокъ. Она съ трудомъ могла открыть глаза, и всѣ предметы сливались передъ ея помутнившимся взоромъ. Увидѣвъ отца и Лампо, она попробовала встать, но не была въ состояніи и упала безъ чувствъ.

Синьоръ Амброджіо громкимъ голосомъ позвалъ своихъ оставшихъ спутниковъ, а самъ поднялъ дѣвочку на руки. Она еще не приходила въ себя, но сердце ея билось и тѣло не потеряло теплоты.

Между тѣмъ какъ синдикъ Изолетты спѣшилъ домой со своею дорогою ношей, Лампо шелъ возлѣ него, ежеминутно взглядывая, не поднялась ли лежащая на плечѣ головка и не потеряливо ожидая, когда стиснутыя губы откроются и знакомый, дорогой голосъ произнесетъ его имя.

— Бѣдная собака! проговорилъ синьоръ Амброджіо, съ невыразимымъ сожалѣніемъ глядя на Лампо.

* * *

Когда Кармелу уложили въ постель, она на минуту открыла глаза, но сейчасъ же снова закрыла ихъ.

Докторъ, щупавшій ей пульсъ, засмѣялся:

— Она не въ обморокѣ, а просто спитъ; прощайте, до завтра!

Докторъ Балтассари, очень ученый, рыжеватый, довольно плотный господинъ, любитель дичи и вина, былъ оракуломъ всего околотка — и слова его, словно волшебствомъ, успокоили испуганныя сердца синьора Амброджіо и его матери.

Лампо, стоявшій тутъ же, въ ногахъ, однимъ прыжкомъ очутился на постели.

Съ грустью и сожалѣніемъ синьоръ Амброджіо счелъ нужнымъ прогнать собаку съ кровати.

— Неужели нѣтъ никакого средства? спросилъ онъ, обращаясь къ доктору.

— Еслибъ его можно было спасти, добавила бабушка.

— Къ сожалѣнію, средства нѣтъ, возразилъ докторъ Балтассари. — Лампо укушенъ бѣшеною собакой и для него самого будетъ лучше, если вы покончите съ нимъ, прежде чѣмъ появятся признаки болѣзни.

— И прежде чѣмъ проснется Кармела, печально добавилъ синьоръ Амброджіо.

— Это было бы самое лучшее.

Не говоря ни слова, синьоръ Амброджіо вышелъ въ сосѣдную комнату, снялъ со стѣны ружье и закричалъ повелительнымъ голосомъ:

— Лампо!

— Куда ты идешь? спросила его мать.

— Тихе. Не уходи пока отъ Кармелы. Лампо!

Собака вышла неохотно изъ-подъ кровати и приблизилась къ своему господину.

Послѣдній сдѣлалъ ей знакъ слѣдовать за нимъ, стараясь по возможности не смотрѣть на бѣдное животное.

Собака и хозяйинъ ея вышли въ садъ точно такъ же, какъ

въ прошлую ночь Кармела. Было уже поздно, мѣсяць свѣтилъ на небѣ и лучи его отражались на стволѣ ружья, надѣтаго черезъ плечо снѣбора Амброджіо.

Лампо находился въ волненіи и безпокойствѣ. Неужели въ такой поздній часъ надо идти на охоту? Неужели надо еще разъ продѣлать все это длинное, тяжелое путешествіе? А онъ такъ усталъ и такъ голоденъ!

Снѣборъ Амброджіо поднялъ упавшее съ дерева зеленое яблоко и бросилъ его впередъ. Собака, вѣрная своей привычкѣ носить поноску, бросилась за яблокомъ, а снѣборъ Амброджіо, поспѣшно снявъ съ плеча ружье, прицѣлился и съпустилъ курокъ.

Лампо вздохнулъ, повернулся раза два на одномъ мѣстѣ и усталъ недвижимый.

Двѣ крупныя слезы катились по загорѣлымъ щекамъ снѣдика, когда онъ снова вошелъ въ домъ, поставилъ ружье въ уголъ и приблизился къ кровати своей мирно спавшей дочери.

— Что-то скажешь завтра Кармела?

Ночью ребенокъ произносилъ сквозь сонъ безсвязныя слова: — Тети Норина... оставь у себя Лампо... Они хотятъ его убить... Итъ... итъ...

А Лампо лежалъ уже околѣтельный за садовою оградой. (с.)

Кровавая страница лѣтописи.

(Рис. на стр. 612 и 613).

I.

„Быть бѣдамъ!“

6745 годъ наступилъ при самыхъ страшныхъ и тигостныхъ предвѣстіяхъ и знаменьяхъ. Стоустая молва, проносилась изъ конца въ конецъ по всему простору Русской земли, заглядывая во все углы и закоулки ея—въ города и посады, въ богатыя торговыя села и въ скромныя, уединенныя обители.—твердила всюду одно и то же:

„Быть бѣдамъ! Пришелъ отъ востока народъ лютый, немилостивый! Придетъ онъ и на нашу землю Русскую!“

Никто не звалъ: *откуда* придетъ, *кто* придетъ? О какомъ „лютомъ, немилостивомъ народѣ“ твердила молва? Съ полгода тому назадъ, правда, дошли во Владиміръ слухи изъ земли Волжскихъ Болгаръ, что приходили на ихъ землю какія-то полчища „народа незнаемаго“, которыя разгромили Болгаръ, пожгли села ихъ, поплѣнили и Великій городъ ихъ, и другіе города, и увели съ собою въ степи множество народа. Но объ этомъ во Владиміръ никто и не тревожился.

— Мало-ли кто тамъ за Болгарами живетъ да съ Болгарами воюетъ! говорили одни, стараясь ободрить робкихъ и угнѣшить себя.—Не всё же отъ Болгаръ да и на Русь идутъ!

— А и то сказать, братцы! Эту кару Богъ подѣломъ наслалъ на Болгаръ. Давно-ли они у себя въ Великомъ городѣ блаженнаго Авраамія замучили? Вѣдь какъ его мучили, какъ истязали—все хотѣли, чтобы онъ отвергся отъ Христа и вѣры христіанской; а онъ твердъ пребылъ, не покорился имъ! Ихъ и тогда ужъ наказалъ Богъ: отъ пожара въ тотъ же годъ половина ихъ Великаго города выгорѣла; а теперь и еще злую погибель на нихъ наслалъ—въ конецъ истребилъ ихъ! Ну, и ништо имъ!

— Хорошо такъ-то о чужой бѣдѣ разговаривать; а какъ къ намъ на дворъ придетъ, небось не то запоеши!

— Да почему-же къ намъ? Вѣдь вотъ сказываютъ изъ Болгаръ выходы, что они въ степи съ полономъ ушли!

— Такъ что-же, что въ степи? Ну, ушли; а поущеньемъ Божьимъ изъ степей на насъ выйти могутъ, не хуже чѣмъ на Болгаръ. Мы развѣ не грѣшны тоже, не въ беззаконіяхъ развѣ живемъ, не въ расприхъ, не въ тьмѣ кромѣшной, не въ крови братней?..

— Да, грѣшны-то грѣшны, да все-же не какъ Болгары! Вѣдь они—поганые: Бохмиду своему кланяются, ѣдятъ всякую скверчу, живутъ въ нечистотѣ обычай. А у насъ все по Божьему стронется... Авось и минетъ насъ бѣда, авось будетъ къ намъ Богъ милосердъ!

Но страшныя знаменья говорили иное: предвѣщали грозное, страшное, неслыханное. То солнце поднималось на небѣ—красное, багровое, и на три стороны бросало отъ себя длинныя, кровавыя столбы свѣта; то вдругъ луна померкала среди зимней морозной ночи и чернымъ пятномъ стояла на звѣздномъ небѣ; то земля колебалась подъ ногами людей, потрясая храмы и зданія. Отъ такого „трясенія“ земнаго въ Переяславлѣ церковь св. Михаила разсѣлась на-двое, отъ крыши и до полу; въ Юрьевѣ—тогда-же—иконы закачались въ соборѣ, на стѣнахъ, и колокола на звонницѣ загудѣли сами; а въ Рождественскомъ монастырѣ, во Владиміръ—иконы только что стали читать молитву предъ вкушеніемъ пищи въ трапезѣ, какъ вдругъ ея стѣны и своды затряслись, дрогнули—посыпался сверху кирпичъ и щебенъ и завалилъ весь столъ и все яства толстыми слоемъ мусора.

— Охъ, не къ добру, дѣти мои! Не къ добру это знаменье! промолвилъ, крестясь, сѣдой игумень, обращая блѣдное лицо свое къ братіи, столпившейся, какъ робкое стадо, кругомъ своего отца духовнаго.—Не къ добру—быть бѣдамъ!

— Быть бѣдамъ! растерянно повторили вслѣдъ за игуменомъ на смерть перепуганные инокѣ.

И точно. Сбылись предсказанія. Черными тучами пришли бѣды на Русскую землю: пришли изъ заволжскихъ стѣней несмѣтныя полчища „нездомыхъ, незнаемыхъ языковъ“ и обрушились всею силою на Рязанское княжество... Тогда князя Рязанскіе прислали къ князю Владимірскому Юрію Всеволодовичу пословъ съ мольбами о помощи.

— Идутъ на насъ враги незнаемые, невиданные и неслы-

шанные—приказывали сказать Юрію князя Рязанскіе.—Поспѣшай со своей дружиною и съ земскою ратью къ намъ на помощь! Силотимся—дружно станемъ противъ врага! Авось, пока мы будемъ съ нимъ биться, и другіе князья подоспѣютъ къ намъ на выручку.

Князь Юрій растерялся, медлил отвѣтомъ, долго совѣщался съ дружиною; а посланный къ нему рязанскій бояринъ все горючилъ и клаялся, что если не дождется отвѣта къ закату солнца, то поставитъ ногу въ стремя.

Долго думалъ князь Юрій, надумалъ отвѣтъ князьямъ рязанскимъ, и послалъ за ихъ посломъ:

— Своимъ князьямъ, а моею братіи, правъ, бояринъ, и отъ меня, и отъ всѣхъ сыновей моихъ поклонъ. А на просьбу ихъ отвѣтъ даю такой: не гоже мнѣ, князю Великому, съ моею великокняжеской дружиною спѣшнѣе на помощь къ братіи моей, къ молодшимъ князьямъ, противъ врага незнаемаго. Онъ только еще близится къ предѣламъ Рязанской земли—и за ружьемъ еще не переступилъ, а я ужъ брошу все: и столь великокняжескій, и домъ свой, и дружину, и семью, и всѣхъ людей моихъ, чтобы спасать сосѣднихъ князей! А если къ намъ придутъ враги—кто-же здѣсь-то постоитъ за княжество мое? Кто же церкви Божіи и города, и села прикроетъ грудью, когда все мы тамъ у васъ поляжемъ за Рязань и за князей рязанскихъ?..

— Князь Юрій Всеволодовичъ! воскликнулъ пылкій рязанецъ, сверкнувъ очами,—не томи ты меня на рѣчахъ увѣдливыхъ, скажи ты прямо: придеши ты намъ на помощь, или—нѣтъ?

— А вотъ, подумаю, да поразмыслю, да...

— Гдѣ-жъ тутъ думать, князь! вскричалъ рязанецъ.—Вѣдь они идутъ туча-тучей! Заревое стоятъ надъ станомъ ихъ отъ тысячи огней, разложенныхъ между ихъ наметами; стономъ стонетъ земля на десятки верстъ отъ топота ихъ безчисленныхъ копей! Тьмы тѣмъ этой печети идутъ на насъ и скоро сметутъ насъ съ лица земли—а ты размыслишь чопень!..

— Не горячись, бояринъ! Вѣдь я не юноша... Отъ словъ твоихъ не вскочу въ сѣдло! Авось, Богъ дастъ, васъ и многеъ гроза... А если не минетъ, тогда и я готовъ, пожалуй...

— Тогда? Тогда ужъ будетъ поздно, князь Юрій Всеволодовичъ. Поздно—и ты самъ спокоешься еще не разъ въ своихъ долгихъ сборахъ. Будемъ мы биться съ врагомъ до послѣдняго, и сложимъ наши головы! Но помни, что за нами наступитъ твой чередъ!.. Прощай, князь Юрій Всеволодовичъ!

И онъ быстро вышелъ изъ княжескихъ хоромъ, многою вскопчилъ въ сѣдло и съѣхалъ съ княжескаго двора, окруженный своими отроками.

— Батюшка! воскликнулъ юный князь Владиміръ Юрьевичъ, любимецъ князя Юрія.—Батюшка! Поддай имъ помощь! Самъ останься здѣсь; а насъ троицъ, князей братьевъ, пошли въ Рязань съ дружиною твоею и съ Владимірскою ратью.

Юрій молчалъ, нахмурившись и понуривъ голову.

— Батюшка, не гнѣвайся ты на меня. Мнѣ не смолчать и не стерѣть: сердце изъ груди рвется! Пошли имъ помощь—насъ всѣхъ пошли. Вѣдь рознь-то и погибаетъ Русская земля! Потому-то и идутъ на насъ лютые враги, какъ тучи изъ степей, что мы имъ дружнаго отпора не даемъ...

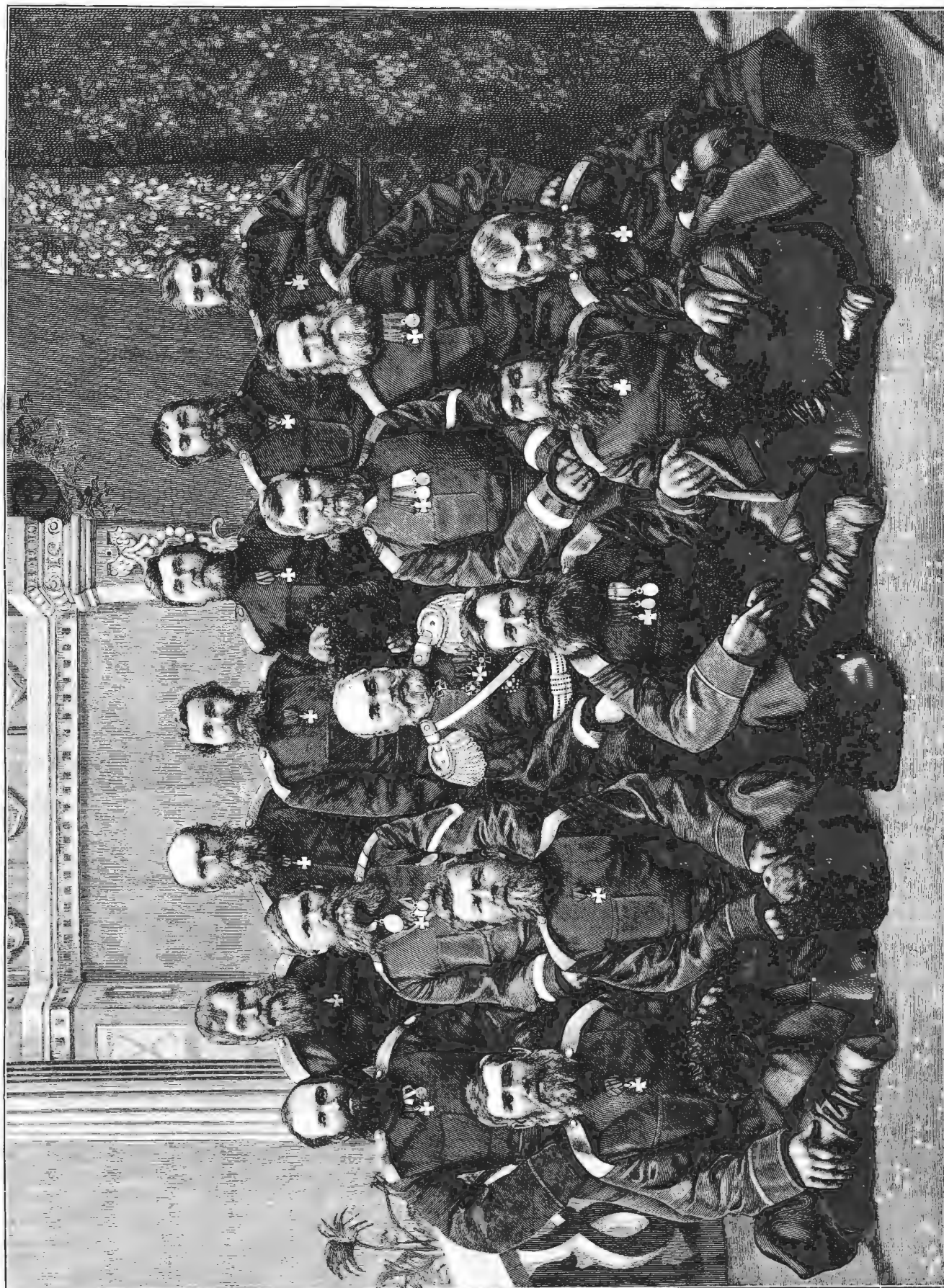
— Молчи, Владиміръ! Не тебѣ судить князей! Молодъ ты еще! сердито проговорилъ князь Юрій.

— Не могу молчать, когда въ сосѣднемъ княжествѣ бытъ-можетъ и кровь ужъ льется, и люди русскіе—такіе же какъ мы—гибнутъ отъ меча поганыхъ! Вѣдь все равно: они погибнутъ—и мы не уцѣлемъ, и насъ не пощадитъ карающая десница Божья!

— Замолчишь-ли ты! громко крикнулъ Юрій, вскакивая съ мѣста.—Не до рязанцевъ намъ теперь—о себѣ самихъ должны мы промышлять! Бояре! Завтра же соберется всей дружины!.. Послать гонцовъ во все концы, звать всѣхъ ратниковъ, всѣхъ, кто можетъ шелома на головахъ сносить и мечъ въ рукахъ сдержатъ! Станемъ на рубежѣ своемъ и будемъ ждать пока-мѣсть къ намъ врагъ пожалуетъ... А о Рязани—ни слова болыне!

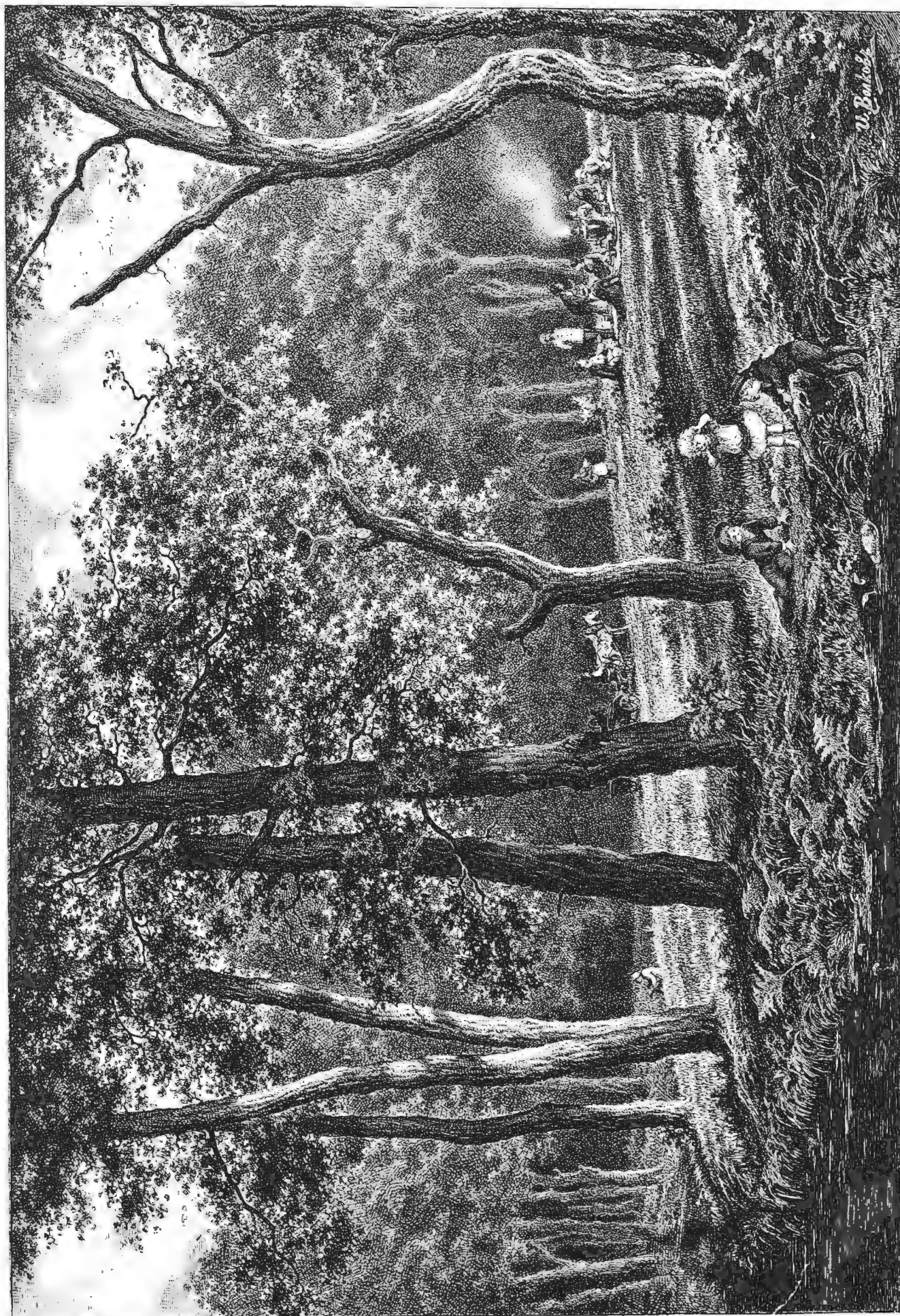
И князь Юрій, грузно ступая и гнѣвно озираясь по сторонамъ, вышелъ изъ палаты.

Тогда князь Владиміръ не вытерѣлъ, и обращаясь къ

Остатки Уральской сотни есаула В. Р. Сърова къ 25-лѣтію боя подъ Иканомъ 4, 5 и 6 декабря 1864 г.

Савинъ Горинъ, Александръ Портновъ, Евстафій Синицынъ, Михаилъ Принащиковъ, Венедиктъ Панькинъ, Харитонъ Сластинъ,
 Федоръ Парфеновъ, Анимъ Черновъ, ген.-майоръ Василій Родононовичъ Сървъ, Иванъ Агаѳоновъ, Панкратъ Скоробогатовъ,
 Артемій Кочемасовъ, Нинита Портновъ, Филиппъ Шарковъ, Федоръ Нирилинъ, Василій Герасимовъ.
 Съ фотогр. Вершкова, грав. Шюблеръ.

Пикникъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. Волкова, автотипія мастерской „Нивы“.

братьямъ, Всеволоду и Мстиславу, сказалъ съ волненіемъ и горечью упрека:

— Что-же вы молчите? Зачѣмъ не скажете отцу всей правды? Вѣдь у сосѣда изба горитъ, а мы ему воды дать не хотимъ, свою избу оберегаючи... Ужели-же и вы такъ же слѣпы, какъ и онъ?

И братья-князья, и все бояре ничего не отвѣчали князю Владиміру. Но онъ прочелъ на всѣхъ лицахъ печаль и уныніе.

— Рознь! Всюду рознь проклятая! воскликнула князь Владиміръ.—Да! при этой розни—чувствую мое сердце—быть бѣдамъ, бѣдамъ великимъ, неминуемымъ!

II.

Вѣстникъ гибели.

Прошло два мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ князь Юрій вѣстивъ двѣ рати на рубежѣ своего княжества: одну подъ Коломною, подъ начальствомъ старшаго своего сына Всеволода и стараго воеводы Еремѣя Глѣбовича; другую подъ Москвою, подъ начальствомъ младшаго сына, княжича Владиміра и опытнаго, стараго воина, боярина Филиппа Нянька. Отецъ хотѣлъ было удержать свое любимое дѣтище дома, но княжичъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ. Онъ не поддавался ни уговорамъ отца, ни слезамъ матери, ни мольбамъ молодой жены, и настоялъ на своемъ: уѣхалъ съ войскомъ въ Москву. Одинъ только братъ, княжичъ Мстиславъ, средній сынъ Юрія, остался во Владиміръ съ отцомъ и матерью, съ молодою женою и молодыми невѣстками.

Святки пришли и прошли, при княжомъ дворѣ, скучныя, тихія, безъ обычнаго шумнаго веселья, безъ вечеринокъ, безъ переряживаній, безъ гаданій... Никто и думать не смѣлъ о весельѣ: все только ждали, съ замираніемъ сердца ждали вѣстей изъ-подъ Москвы и Коломны... А вѣсти не приходили. Пятый день уже шелъ съ тѣхъ поръ, какъ княжичъ прислалъ отроковъ своихъ къ отцу и матери со спросомъ о здравіи ихъ и съ привѣтомъ къ женамъ,—и съ тѣхъ поръ вѣстямъ словно занала дороженька.

Еще прошло два-три томительныхъ дня. Все въ княжескихъ палатахъ пріуныли, особенно на половинѣ княгининой. Окруженная своими молодыми снохами, дочерьми и внуками, княгиня сидѣла въ своей палатѣ, хмурая и грустная, и то и дѣло переходила отъ одной снохи къ другой съ утѣшеніемъ или ободреніемъ, хоть у самой невыносимо тяжело и смутно было на сердцѣ.

— Да полно вамъ, голубки! Ну, чего вы разливаетесь? Чего вы бѣду-то на себя накликаете слезами?.. Вѣдь еще милостивъ Богъ, еще...

— Ахъ, матушка! Милостивъ Богъ, да видно не для насъ, грѣшныхъ! воскликнула младшая сноха княгини, жена княжича Владиміра.—Не видать мнѣ болѣе моего голубчика сизокрылаго... не слышать мнѣ болѣе его голоса ангельскаго...

— Переставь, Марья! Не гнѣви Бога! Слыханное-ли дѣло, по живомъ причитать, какъ по покойникѣ!?! перебила сноху старая княгиня.

— Причитать не поже, а и на сердцѣ-то тоска смертная! кротко замѣтила другая сноха, жена Всеволода.—Какъ-же съ сердцемъ-то совладать, матушка, рѣдкая,—научи!

И обѣ молодыя женщины залились слезами, громко рыдая. Тутъ дверь отворилась настезь и въ палату къ княжичу вошелъ князь Юрій, который за послѣднія недѣли такъ псуху-далъ, такъ постарѣлъ и намѣнился въ лицѣ, что былъ неузнаваемъ. Повуривъ голову и ни на кого не обращая взора, онъ опустился на стулѣцѣ около княгини и грустно покачалъ головою. Обѣ молодыя снохи его удержали рыданія и плакали тихонько, укрывая лица руками.

— Плачете?.. Рано плакать! Подождите вѣстей, голубки! Посмотримъ, каковы вѣсти будутъ, съ горечью и укоризной сказалъ князь Юрій.

Онъ пришелъ къ женѣ, чтобы укрыться отъ тоски, которая его снѣдала—и здѣсь нашелъ слезы и сокрушенія.

— Ахъ ты еще гонца къ княжичамъ отпавилъ? спросила князя Юрія жена, чтобы отвлечь его мысли и вниманіе въ сторону.

— Не утерѣлъ! Отпавилъ! съ какимъ-то отчаяньемъ пропался князь Юрій, и опять повѣсилъ голову.

— И что же это за пригча? Почему же первый-то гонецъ доселѣ не бывалъ обратно? опять спросила князя его супругу.

— Почему!.. Почему? Голову снять съ него мало, съ бѣсова сына! Вѣдь какъ ужъ я ему наказывала... какъ грозилъ...

Князь вдругъ остановился на полусловѣ и сталъ тревожно прислушиваться. Въ снѣгахъ и на теремныхъ переходахъ слышны были снѣжные шаги... Все княгини переполошились.

— Сюда бѣжитъ кто-то! воскликнула княгиня Марья, быстро вскакивая.—Ужъ не гонецъ ли вернулся?

И она бросилась къ дверямъ, въ которыхъ почти столкнулась лицомъ къ лицу съ княжичемъ Мстиславомъ.

— Батюшка! снѣжно и тревожно заговорилъ княжичъ Мстиславъ.—Стража на Золотыхъ воротахъ...

— Ну! Что такое? Говори! не своимъ голосомъ крикнулъ князь Юрій.

— Вдали, на взгорьѣ, завидѣли... какихъ-то ратныхъ... скачутъ сюда, смущенно проговорилъ княжичъ.

— Ратныхъ? Какіе ратные? Почудилось имъ, что ли? Всехъ на ноги поднять! Трубить въ рога... Какіе ратные?

Княжичъ стоялъ въ недоумѣніи, не зная, говорить-ли дальше.

— Снюкъ! Ну, что ты стражи слушаешь? Самъ бы пошелъ, взглянулъ, кротко замѣтила мать Мстиславу.

— Да я и то глядѣлъ, да и глазамъ не вѣрю... съ какимъ-то отчаяньемъ воскликнулъ княжичъ.

Князь Юрій вскочилъ съ мѣста, княгиня бросилась къ княжичу, все взоры устремили на него съ ужасомъ, въ трепетномъ ожиданіи.

— Въ тѣхъ ратныхъ... по конямъ... все мы признали дружину брата Всеволода.

— Что-жъ ты молчишь! Что-жъ ты!.. закричалъ князь Юрій.

— Да мало ихъ ужъ очень, батюшка! И скачутъ... скачутъ, словно отъ погони... во всю-то прыть...

Князь Юрій схватился руками за голову и медленно опустился на стулъ.

Вопли и рыданія раздались въ княгининной палатѣ и заглушили шумъ, который сталъ ясно долетать въ хоромы съ палатъ и все ближе-ближе раздавался, все явственнѣе обращаясь въ смутный гулъ и говоръ толпы, которая бѣжала отъ Золотыхъ воротъ къ княжому двору, вслѣдъ за княжичемъ Всеволодомъ и двумя десятками всадниковъ, молча скакавшихъ около него...

Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ княжичъ Всеволодъ уже входилъ въ палату княгини-матери. Онъ былъ еще въ шлемѣ и въ доспѣхѣ, только шубу отроки сняли съ него въ дверяхъ снѣгой. Но доспѣхъ его былъ весь измятъ, изрубленъ, кольчужная рубашка порвана... Пятна запекшейся крови были видны на лицѣ его, вкось пересѣченномъ широкимъ рубцомъ сабельнаго удара... Онъ едва держался на ногахъ отъ утомленія и потери крови. Высокій бояринъ, шедшій своди князя, поддерживалъ его подъ правое плечо.

— Сынъ! Всеволодъ! воскликнулъ, вставая ему навстрѣчу, князь Юрій.

— Голубчикъ! Супругъ желанный! вскрикнула жена, бросаясь навстрѣчу Всеволоду.— Ты раненъ! Садись скорѣе, дай снѣму шлемъ!

— Постой! едва слышно прошептала князь Юрій, отстраняя заботливую сноху, и положилъ руку на плечо сына.— Говори скорѣе...

— Все полегли костями! мрачно проговорилъ княжичъ.— Десятка съ два моей дружины уцѣлѣло...

— А мой Владиміръ?! вскрикнула княгиня Марья, бросаясь къ Всеволоду.

— Живъ... должно-быть... но я не знаю—гдѣ?.. Не могу... и слова молвить... рѣчь путается... Въ глазахъ темно... Вотъ онъ расскажетъ! съ трудомъ проговорилъ княжичъ, опускаясь на лавку и указывая на своего спутника-боярина.

И въ то время, какъ мать, жена и сестры, окруживъ княжича, стали снимать съ него доспѣхъ и перевязывать его раны, князь Юрій услышалъ отъ боярина роковую вѣсть...

— Все полегли, никто не дрогнулъ передъ врагомъ, рассказывалъ бояринъ.— Но не подъ силу было биться съ ними. Окружили, осилили—вдесятеро мы пошли на каждого; воеводу Еремѣя Глѣбовича въ первыхъ рядахъ убили... Какъ мы пробились, какъ спаслись—сами того не вѣдаемъ...

— А сынъ Владиміръ? трепетно допрашивала мать.

— Мы только видѣли, какъ онъ съ дружиной былъ отрубленъ, какъ отбивался и отступалъ къ Москвѣ, но и ему отъ нихъ не пубѣжать... Ужъ ихъ отряды всюду рыщутъ, разыскались какъ пружины голодные...

Страшный, раздирающій вопль раздался за спиной князя Юрія и вынудилъ его обернуться. Княгиня Марья лежала на полу и билась въ страшныхъ судорогахъ. Старая княгиня и двѣ-три снѣжныхъ дѣвушки суетились около несчастной, которая не выдержала грозной вѣсти о любимомъ мужѣ.

Князь Юрій, молча, почти безсознательно, провелъ рукой по лбу, самъ не отдавая себѣ отчета въ томъ, что около него происходить.

— Князь Юрій Всеволодовичъ! рѣшился сказать ему бояринъ.— Теперь не время сокрушаться! Готовься къ кровавой брані... Враги сюда нагрянутъ отъ Москвы, собрай дружину! Всехъ собрай и городъ вели крѣпить... Не те...

Князь Юрій вдругъ, словно очнувшись отъ тигостнаго сна, взглянулъ въ очи боярину, выпрямился, поднялъ голову и поспѣшно вышелъ изъ княгининной палаты къ боярамъ и дружинѣ, нетерпѣливо ожидавшимъ его въ снѣгахъ.

III.

Княжичъ Владиміръ.

Три недѣли прошло съ тѣхъ поръ, какъ князь Юрій, вмѣстѣ съ племянниками своими, ростовскими князьями, уѣхалъ свѣшно за Волгу, собрать всю земскую силу и стать противъ татаръ. Во Владиміръ оставилъ онъ двоихъ княжичей-сыновей, Всеволода и Мстислава, и при нихъ свою дружину съ храбрымъ и

надежным старым воеводой. Петромъ Ослядюковичемъ. Всѣ горожане володимірскіе вооружились и поклялись князю, что не отстанутъ отъ дружины и до послѣдней капли крови постоятъ за княжескую семью, за городъ свой родимый, „красный и милый имъ“, и за церкви Божіи, сіявшія благолѣпнѣмъ несказаннымъ. И едва только уѣхалъ князь Юрій, огненнымъ потокомъ, повсюду, кругомъ Владиміра, разлились полчища логаныхъ, все предавая мечу и пламени. Со стѣнъ и башенъ Владиміра было видно то здѣсь, то тамъ зарево пожаровъ, но ни откуда вѣсть не доходила въ столбный городъ: тамъ, гдѣ проходили полчища татаръ, не оставалось живой души, некому было и вѣсть подать... И вотъ, обширный, столбный городъ, обратившійся на время въ воинскій станъ, стихъ и примирѣлъ, словно замеръ за своими высокими зубчатыми стѣнами, замеръ въ ожиданіи неминуемой, надвигающейся Божьей грозы. Оживленіе было замѣтно только въ храмахъ, гдѣ день и ночь теплились лампады передъ иконами и всѣ женщины и дѣти молились со слезами объ избавленіи отъ врага или каились въ грѣхахъ; да на стѣнахъ и башняхъ и воротахъ городскихъ день и ночь, не смыкая глазъ, ходила дозоромъ стража, позвякивая на ходу досѣнками и оружіемъ и зорко впередъ взоры въ туманную даль.

Ожиданія эти длились такъ долго, были такъ тягостны, что сердцу немощно уже было выносить ихъ... „Пусть бы ужъ шла беда, чѣмъ такъ томить-то, такъ изводить!“—вотъ что можно было прочесть на всѣхъ лицахъ, во всѣхъ очахъ.

Наконецъ, во вторникъ, рано утромъ, за недѣлю до Масляной, приближала стража къ княжичамъ, на княжой дворъ, съ страшною вѣстью:

— Идутъ татары! Идутъ!

Мигомъ изрядились княжичи и бѣгомъ пустились въ Золотыя ворота. По улицамъ вездѣ уже бѣжалъ народъ: кто на стѣны, въ досѣнкахъ, кто въ церковь... Стонъ стоялъ надъ городомъ... Вотъ ударилъ набатный колоколъ на соборной колокольнѣ; вотъ звонъ набата подхватили и другія церкви, а рѣзкій звонъ била, перемѣнившись со звукомъ роговъ и трубъ, сталъ призывать всѣхъ горожанъ къ оружію.

Мѣшаясь съ бѣгущей и трепетною толпою володимірцевъ, княжичи добѣжали до Золотыхъ воротъ, взбѣжали вверхъ по лѣстницѣ, подъ круглую арку наката и протиснулись впередъ, черезъ толпу ратниковъ, окружавшихъ стараго воеводу Петра Ослядюковича.

— Вотъ *они!* сказали воевода князьямъ и указалъ имъ вдаль.

Княжичи увидѣли вдаль какія-то большія, темныя и сѣрыя пятна, которыя быстро опускались съ дальнихъ высотъ и исчезали за ближайшимъ лѣсомъ, рѣзко выдѣляясь на бѣломъ полѣ снѣга.

Княжичи переглянулись съ воеводой и онъ, понявъ выраженіе ихъ взора, сказалъ:

— У насъ-то все готово для встрѣчи незваныхъ гостей, и мы сами умереть за васъ и за свой городъ рады... Да что въ томъ толку: сѣкира ужъ лежитъ у древа...

Княжичи опять взглянули вдаль, и сердце у нихъ похолодѣло: темныя пятна, не прерываясь, все покрывали дальнія высоты и все сползали съ нихъ къ лѣсу, быстро надвигаясь на Владиміръ.

Не прошло и часа, какъ явственно послышались въ лѣсу дикіе крики и возгласы, топотъ безчисленныхъ коней, звяканье оружія и конской сбруи, и тысячи наѣздниковъ, на борзыхъ коняхъ, высыпали изъ лѣсу на подгороднюю поляну, потрясая легкими копытами, мелкая пестрыми значками, сверкала на солнцѣ обнаженнымъ оружіемъ.

— Гайда! Гайда! слышалось въ ихъ пестрой, разноголозой и разномастной толпѣ, которая разсыпалась кругомъ города, захватывая все видимое глазамъ пространство новыми и новыми безчисленными толпами конныхъ, вооруженныхъ людей, въ широкихъ верблюжьихъ армякахъ, въ косматыхъ шапкахъ, въ высокихъ бѣлыхъ колпакахъ, обшитыхъ мѣхомъ.

— Господи! Да сколько же ихъ идетъ на насъ? Есть ли гдѣ конецъ ихъ полчищу? воскликнулъ князь Мстиславъ, съ ужасомъ глядяваясь въ толпы вражескаго воинства, которое, словно мутныя волны моря, заливало и заливало всѣ окрестности Владиміра, все прибывая и надвигаясь изъ-за лѣса...

— Имъ конца не видно! грустно промолвилъ воевода Петръ Ослядюковичъ.—Взгляни-ка вдаль...

И точно. Вдали, съ высотъ, все такъ же сползали какія-то темныя пятна, одно грознѣе и темнѣе другаго...

— Вонъ, вонъ, смотрите! крикнули княжичамъ ратники, — подѣзжаютъ къ воротамъ! Руками машутъ! Словно говорятъ хотятъ.

Кучка всадниковъ, на высокихъ, сухопарыхъ степныхъ армакахъ, подѣехала къ воротамъ на перестрѣль изъ лука, махая руками и что-то выкрикивая по своему.

Всѣ на накатѣ смолкли, прислушиваясь, и ясно разслышали, какъ одинъ изъ всадниковъ закричалъ довольно чисто порусски:

— Здѣсь ли князь великій Юрій? Во градъ ли?

— Не отвѣчать имъ, окаяннымъ! крикнулъ княжичъ Всево-

лодь. — По стрѣль пустить имъ, чтобы плотку имъ заткнуть, собакамъ!

Разомъ запѣли тетивы у двадцати луковъ, и двадцать стрѣлъ со свистомъ понеслись въ татаръ, которые тотчасъ же отвѣчали стрѣлами на этотъ вызовъ; но тотчасъ послѣ того, тотъ же конный, который спрашивалъ о князѣ, замаяхалъ володимірцамъ шапкою и выѣхалъ впередъ изъ кучки всадниковъ, ведя подъ уздцы саврасаго коня, на которомъ, безъ сѣдла, былъ посаженъ какой-то человекъ, связанный по рукамъ и ногамъ,— очевидно, русскій полоняникъ.

— Не стрѣляйте! кричали татаринъ. — И поближе къ вамъ подѣду...

И онъ, подѣхавъ, сдернулъ башлыкъ съ плѣнника...

— Узнаете ли вашего княжича Владиміра? крикнулъ насмѣшливо татаринъ.

Вопль негодованія и ужаса вырвался изъ груди княжичей-братьевъ.

— Господи! Братъ нашъ Владиміръ! Въ плѣну у этой погани!.. Да какъ измученъ, какъ истомленъ! Живой мертвецъ!.. Да краше въ гробъ кладутъ!..

И оба княжича, и многіе изъ дружины залились слезами...

— Братцы! воскликнулъ вдругъ Мстиславъ.—Пойдемте—выручимъ Владиміра или померемъ за Св. Богородицу передъ Золотыми воротами! Пойдемъ!

— Готовы, княжичъ Мстиславъ! воскликнуло разомъ нѣскольکو голосовъ.

— Нѣтъ! не дозволю! громко крикнулъ старый воевода.—Не княжичей здѣсь воля—а моя! Мнѣ городъ поручилъ князь Юрій! Или вы всѣ не видите, что только имъ того и пужно, чтобы выманить васъ за ворота... Васъ сотни, а ихъ тьмы! Воротами воруютъ въ городъ—и потоцать его въ кровь! Дайте-жъ прежде намъ ихъ кровью напиться!

Никто не смѣлъ перечить воеводѣ; всѣ смолкли и понурили головы.

— Сдавайтесь на милость ханскую! громко крикнулъ имъ татаринъ.—А не то—всѣхъ перебьемъ; а женъ себѣ возьмемъ...

Ропотъ негодованія послышался въ дружинѣ. Воевода Петръ выступилъ впередъ и громко крикнулъ татарину:

— Скажи собацѣ-хану своему, что мы готовы умереть, а вамъ живыми ни мы, ни жены, ни дѣти наши—не сдадимся!

IV.

Приступъ.

Ровно недѣлю длилась осада. Володимірскіе горожане бились какъ львы. Всѣ знали, что смерти не пѣбжать—и потому не думали о ней... Жены, вмѣстѣ съ мужьями, бились на стѣнахъ, то осыпая татаръ стрѣлами, то обливая ихъ со стѣнъ, во время приступовъ, кипящимъ варомъ, то сдвигая имъ на головы камни, бревна, зубцы стѣны... Но у враговъ были тьмы явонныхъ, а володимірцовъ было-ли пять тысячъ? И день, и ночь не сходя со стѣны, и день и ночь томившая только о томъ, какъ отразитъ врага—всѣ горожане были такъ истомлены, что многіе едва держались на ногахъ отъ ранъ и истощенія силъ. А ханъ татарскій высылалъ изъ стана все новыя, все свѣжіе отряды; и уже близокъ былъ тотъ день, когда татары войдутъ въ городъ—и некому будетъ отразить ихъ...

Въ субботу, передъ Масляной, они поставили противъ городскихъ воротъ тяжелые стѣнобитные тараны, и стали ими разбивать толстые створы воротъ. Грозный стукъ и трескъ пробиваемой твердыни разносился по всему городу; всѣ знали и чувствовали, что смерть и гибель стучатся въ ворота Володимірска, и что отъ нихъ—нѣтъ спасенья.

Рано утромъ, 7 февраля, въ воскресенье передъ Масляной, старая княгиня въ послѣдній разъ собрала кругомъ себя своихъ дочерей, невѣстокъ и внучатъ, и вмѣстѣ съ ними, какъ и во все время осады, направилась въ соборъ, къ ранней обѣднѣ.

Въ городѣ все еще было тихо. Враги не нападали—защитники дремали на стѣнахъ, въ ожиданіи новыхъ битвъ и нападѣній. Въ соборѣ было пусто и холодно. Нѣсколько стариковъ, старухъ и дѣтей стояли въ полумракѣ на колѣняхъ. Духовенство въ свѣтлыхъ ризахъ и епископъ Митрофанъ встрѣтили княжескую семью у амвона.

— Горе, горе намъ! промолвилъ, епископъ благословивъ княгиню и сопровождавшихъ ее женщинъ.—Наводитъ на насъ Богъ сѣтованье, по глаголу пророческому: „*преложу праздники ваша съ сѣтованье и тѣни ваша въ рыданиѣ*“. Отецъ Меоводій! Прикажи, чтобы начинали...

Но началъ обѣдни не удалось. У Спаса, близъ Золотыхъ воротъ, вдругъ загудѣлъ набатъ, и въ то же время изъ-за Лыбеди, около Ириненскихъ воротъ послышались крики и дикіе вопли. Весь городъ разомъ поднялся на ноги... Изъ всѣхъ воротъ повысыпали люди; всѣ бѣжали и кричали—одни къ стѣнамъ, другіе со стѣнъ.

Перепуганный и блѣдный служка вбѣжалъ въ притворъ собора и, бросившись къ епископу Митрофану, воскликнулъ:

— Спасайся, господине, татары въ городъ вошли! По примету влѣзли на стѣну у Золотыхъ воротъ! И отъ Лыбеди—сломали Иринины и Мѣдныя ворота, — и отъ Клязьмы ворвались Волжскими воротами! Спасайся!

А крики, вопли и стукъ оружія — все ближе, ближе... Все люди, воины, женщины, дѣти — все бѣжало въ ужасѣ къ собору, думая хоть тамъ найти себѣ послѣднее убѣжище...

— Княгиня! успѣлъ только проговорить епископъ Митрофанъ. — Бери съ собою свою семью и внучатъ!.. Скорѣй, за мною, — въ коморахъ, подъ главами, есть тайникъ, никѣмъ неизвѣстный... Туда, скорѣе, пока есть время!

И онъ, крѣпко схвативъ княгиню за руку — указавъ ей, ея снохамъ и внучатамъ на сѣверныя двери иконостаса...

Едва они успѣли скрыться въ алтарь, какъ первые бѣглецы, обезумѣнные отъ страха, уже врываются въ соборъ; за ними бѣжала густая толпа; люди кричали, надали, давили другъ друга.

— Двери запирайте, двери! Заваливайте ихъ! Здѣсь умремъ, — вошла разноголосая, растерявшаяся толпа беззащитныхъ людей, надъ которыми уже носился ангелъ смерти.

— Гайда!.. Гайда! раздавался вблизи звѣриный ревъ татаръ, уже рѣзавшихся съ владимірцами въ ближайшихъ къ собору улицахъ и домахъ, гдѣ кровь лилась рѣкою подъ безпощаднымъ мечемъ разсвирѣвшихъ убійцъ. Вотъ толпы ихъ высыпали на площадку передъ соборомъ и съ дикими, радостными криками отсюда устремились къ притвору его, на беззащитную толпу, столпившуюся въ тѣсныхъ стѣнахъ...

V

Въ тайникѣ собора.

Въ тѣсномъ, темномъ и душномъ тайникѣ, подъ кровлею собора, укрылась несчастная княгиня, супруга великаго князя Юрія, со своими снохами и внучатами. Свѣтъ и воздухъ едва проникали въ глубь тайника, сквозь малое щелеобразное оконце въ боковой стѣнѣ. Чуть слышно долетала сюда, подъ главы собора, шумъ бранной сѣчи, вопли убиваемыхъ татарами владимірцевъ и отчаянные крики послѣднихъ гражданъ, гибнущихъ въ предсмертной борьбѣ съ врагомъ, въ стѣнахъ собора. Наконецъ и этотъ шумъ, и эти крики, и эти вопли не стали слышны болѣе... Враги одолѣли — и, напившись кровью, устремились на грабежъ. Слышно было, какъ ихъ толпы, жужжа и гудя на своемъ неизвѣстномъ языкѣ, прибывали къ собору, наступали въ него... Ломали, крушили что-то и сбѣжили отхлынуть прочь, смѣняемые новыми бурливыми толпами...

Княгиня и всѣ женщины, ни живы ни мертвы, стояли на колѣняхъ, и молились, прижимая къ груди своей курчавыя головки младенцевъ.

— Господи! Призри на малыхъ сихъ, и ради ихъ пощади насъ грѣшныхъ, беззаконія исполненныхъ! молился епископъ Митрофанъ, воздѣвая руки.

Вдругъ какой-то громкій, радостный, дикій вопль донесся до слуха несчастныхъ, укрывшихся въ тайникѣ. Враги чему-то радовались — ликовали.

„Вѣрно открыли путь въ тайникъ!“ подумала княгиня Марья, прижимая груднаго младенца къ груди своей и не смѣя произнести мысль свою вслухъ.

А крики внизу все громче, все радостнѣе... Вотъ и хохотъ слышится, адекій хохотъ толпы дикарей, насытившейся кровью.

— Что это? Гарью пахнетъ! тревожно воскликнула старая княгиня.

Струйка синеватаго дыма, какъ бы въ отвѣтъ ей, ворвалась въ тайникъ и повисла подъ его каменнымъ сводомъ.

— Соборъ горитъ!.. Горимъ! зашептали женщины. Дѣти подняли жалобный плачь, падрывающій сердце.

— Пришелъ часъ воли Божіей! смиренно и твердо сказала епископъ Митрофанъ.

— Теперь не время отчаиваться и сокрушаться, дѣти мои! Умремъ въ страхѣ Божіемъ!

И вынувъ ковчежець съ запасными Св. Дарами, онъ сталъ поочередно приобщать всѣхъ княгиню, княженъ и дѣтей, которые покорно подходили къ святителю, принимали Св. Дары изъ рукъ его и кланялись ему въ землю.

А между тѣмъ дымъ уже сталъ проникать въ тайникъ не только въ оконце, но и въ щели пола, и въ скважины низенькой потайной двери. Татары натаскали дѣсу внутрь собора и зажгли въ немъ громадный костеръ.

— Мама! Душно! шепчетъ прижимаясь къ матери маленькая княжна, дочь княжича Всеволода.

— Уйдемъ отсюда! кричитъ сыночекъ князя Всеволода, — бабушка, уйдемъ скорѣе! Миѣ страшно здѣсь!

— Душно... душно... задыхаюсь! Ахъ, Господи, какъ душно! шепчетъ чуть слышно княгиня Марья, опускаясь въ изнеможеніи на полъ, и выпуская изъ рукъ младенца, который въ испугѣ дѣблется за грудь матери своими безцвѣтными розовыми рученками и съ жалобнымъ стономъ падаетъ на руки старой княгини...

— Господи Боже! восклицаетъ вдругъ епископъ Митрофанъ, высоко поднимая руки въ послѣднемъ молитвенномъ восторгѣ — Ты, Свѣтодавче, сѣдай на херувимъхъ! Ты, воздвигнувый Лазаря изъ мертвыхъ!.. Прости руку свою невидимо — и прими въ мирѣ души рабъ твоихъ!

Тутъ затуманило ему очи, — какіе-то круги пошли ходить передъ нимъ, въ возрастающей тѣмѣ дымаго облака — дыханье захватило какимъ-то горькимъ, удручившимъ смрадомъ, и онъ, постепенно теряя сознаніе, тихо склонился долу, среди невинныхъ жертвъ злой судьбы, постигнувшей Русь.

Немного спустя, въ тайникѣ, густо наполнившемся дымомъ, не стало слышно болѣе ни рыданій, ни стоновъ, ни дѣтскаго безпомощнаго плача — все успокоилось и затихло...

Господь сжалился надъ своими рабами и „принялъ въ мирѣ души ихъ.“

П. Полевой.

Памятникъ воинамъ павшимъ подъ Икономъ въ 1864 году
Грав. Рашевскій.

Къ рисункамъ.

„Все струсил“. Картина Фрешля. (Рис. на стр. 609).

Эта прелестная картинка составляетъ pendant къ помещенному нами въ № 34 *Нивы* за 1887 годъ произведенію того-же автора. Крошечный мальчуганъ завладѣлъ кроленкомъ, который занялся было кочиемъ капусты. Встревоженная кролиха бочится за судьбу дѣтеныша и не разбирая дороги тянется по-смотреть что съ нимъ дѣлаютъ. Мальчуганъ, испуганный въ свою очередь ея норывистымъ движеніемъ, метнулся въ

сторону и распугалъ остальныхъ кролятъ. Все очевидно струсилъ.

Пастушеская идиллія. (Рис. на стр. 617).

Вотъ тростникъ сухой и звонкій.
Добрый Панъ! перевяжи
Осторожно нитью тонкой
И въ свирѣль его сложи!

Канюкъ бѣлый (Archibuteo lagopus). Рис. Шпехтъ, грав. Шпехтъ.

Подѣлись со мной искусствомъ
Трети въ ней перебирать,
Оживлять ихъ мыслью, чувствомъ,
Понижать и повышать.
Чтобъ мнѣ въ зной полдня златаго
Рощи, горы усмыслить,
И изъ волнъ ручья дѣснаго
Въ гротъ найду приманить.

А. Майковъ.

Двадцать пятая годовщина Иканскаго боя.

(Рис. на стр. 620 и 624).

4, 5 и 6 декабря 1889 года исполнилось 25 лѣтъ со времени геройской битвы уральскихъ казаковъ съ коканцами подъ Иканомъ. Дѣло это, славное само по себѣ, оказало такое вліяніе на наши дальнѣйшія завоеванія въ Средней Азій, что будетъ не лишнимъ изложить вкратцѣ обстоятельства, предшествовавшія ему и сопровождавшія его.

Въ 1864 г. нашими войсками въ Средней Азій, подъ начальствомъ генерала Черныева, были послѣдовательно взяты города Туркестанъ и Чимкентъ. Съ занятіемъ этихъ городовъ смыкались Оренбургская и Сибирская степныя линіи, что признавалось безусловно необходимымъ, такъ какъ въ промежутокъ отъ форга Перовскаго до г. Вѣрнаго, до 1,000 верстъ длиною, часто вторгались шайки барантачей-коканцевъ и киргизъ, грабившихъ и безпокоившихъ населеніе. Предполагалось, что съ занятіемъ этихъ пунктовъ, край будетъ умиротворенъ и не потребуетъ дальнѣйшаго движенія нашихъ войскъ въ глубь Средней Азій. Вышло, однако, иначе.

Занятіе Туркестана, имѣвшаго у народовъ Средней Азій большое значеніе по своимъ святынямъ, было для нихъ тяжелой утратой.

Стали ходить слухи, что правитель Коканскаго ханства Мулла-Алимкулъ, собравъ значительныя силы, вышелъ изъ Ташкента на югъ своего ханства, что въ окрестностяхъ Туркестана бродятъ шайки коканцевъ, мѣшающія сношеніямъ города съ остальными войсками, и т. п.

Чтобы провѣрить эти слухи, комендантъ Туркестана послалъ 4 декабря 1864 года уральскую сотню есаула Сѣрова по направленію къ д. Иканъ (верстахъ въ 20 отъ Туркестана), предписавъ ему, въ случаѣ встрѣчи, разогнать эти шайки. Выступивъ въ тотъ же день послѣ полудня и выславъ впередъ развѣзды, сотня встрѣтила нѣсколько почтарей-киргизъ, разставленныхъ по дорогамъ для доставленія почты между Туркестаномъ и Чимкентомъ, побывавшихъ уже у коканцевъ и сообщившихъ, что за Иканомъ есть неприятель. Сѣровъ донесъ объ этомъ коменданту, но получилъ подтвержденіе идти впередъ. Около 4 часовъ сотня подходила къ Икану, гдѣ и замѣтила огни. По развѣдкѣ оказалось, что то были главныя силы (10 — 20 тыс.) Алимкула, которыя, замѣтивъ приближеніе казаковъ, двинулись отъ Икана частью прямо на сотню, частью въ обходъ ея. Сѣровъ, замѣтивъ, въ свою очередь, движеніе коканцевъ, отвелъ сотню нѣсколько назадъ, на болѣе удобное для защиты мѣсто; быстро спѣшившись и сбавовавъ коней, развьючилъ верблюдовъ и сдѣлалъ изъ мѣшковъ съ провіантомъ и фуражемъ завалы, за которыми и залегли казаки. Въ такомъ положеніи сотня въ теченіе 2-хъ сутокъ отражала частыя и ожесточенныя нападенія коканцевъ, мѣткимъ и дружнымъ огнемъ изъ ружей и картечью изъ единого (къ сожалѣнію, обломаннаго въ первую же ночь) отвѣчала на ихъ предложенія сдаться. Видя безуспѣшность своихъ атакъ и неся громадныя потери, коканцы еще 5 декабря рѣшились „идти подкадомъ“, для чего стали заготовлять мантелеты и шиты изъ камыша и хвороста, прилаживая послѣдніе къ арбамъ¹⁾, которыя и начали съ утра 6 декабря подкатывать къ сотнѣ.

Между тѣмъ, еще вечеромъ 5 декабря, Сѣровъ вызвалъ охотниковъ доставить въ Туркестанъ донесеніе о положеніи сотни. Вызвали 2 казака и киргизъ-почтарь. Послѣ первой неудачной попытки пройти черезъ коканцевъ, они, взявъ другое направленіе, около 9 ч. вечера доставили въ Туркестанъ извѣстіе о бѣдственномъ положеніи сотни.

Въ Туркестанѣ уже къ вечеру 4 декабря догадались, что сотнѣ можетъ быть плохо. Послали вернуть ихъ—не догнали. Утромъ, 5 декабря, послали на выручку отрядъ изъ 152 человекъ пѣхоты и 8 казаковъ съ 2 легкими орудіями, съ предписаніемъ, въ случаѣ встрѣчи съ значительными силами, вернуться въ Туркестанъ. Такъ и случилось: отрядъ, встрѣтивъ массы коканцевъ, вернулся, не дойдя до сотни версты 3—4, въ виду того, что отдѣльныя партіи коканцевъ потянулись по дорогамъ въ Туркестанъ и такимъ образомъ могли отрѣзать отрядъ отъ города.

Въ ожиданіи выручки и чтобы выиграть время, Сѣровъ утромъ 6 декабря вступилъ въ переговоры, которые, конечно, ни къ чему, кромѣ двухчасоваго перерыва боя и отдыха, не привели. Положеніе сотни было крайне трудно: двое сутокъ безъ сна, безъ пищи и отдыха, горсть казаковъ (всего 114 человекъ), понесшая потери, отбивалась отъ дикихъ полчищъ; лошади и верблюды были перебиты; патроновъ было уже мало...

¹⁾ Двухколесная телега.

Къ утру 6 декабря коканцы, занявшіе дальніе сады вокругъ Туркестана, отошли отъ него, и комендантъ послалъ вторично на выручку отрядъ въ 207 человекъ пѣхоты и 10 казаковъ съ 2 орудіями.

Наконецъ, 6 декабря, не видя и уже не ожидая себѣ поддержки, измученные казаки рѣшились или пробиться сквозь неприятеля, или пасть въ открытомъ бою. Заклепавъ орудіе, переломавъ лишніе ружья, казаки съ криками „ура!“ выскочили изъ-за своихъ заваловъ и ринулись впередъ. Коканцы, изумленные ихъ малочисленностью, съ неустойчивой яростью набрасывались на казаковъ, отступавшихъ между двухъ стѣнъ полчищъ Алимкула,—и каждый разъ безъ всякаго успѣха! Но... стоило упасть казаку, какъ на него налетала толпа коканскихъ всадниковъ, стараясь прежде всего отрѣзать ему голову, а затѣмъ и поживиться другою около него добычей, чтобы похвалиться послѣ своею удачею и получить бытъ-можетъ награду. Не всякому доставались даромъ эти трофеи: рядомъ съ казакомъ валялся и джигитъ, сраженный мѣткою пулей отступавшихъ казаковъ... Измученные, еле двигающіеся, казаки мѣтко отстрѣливались отъ врага и держали его въ почтительномъ разстояніи. Уже темнѣло, когда изъ-за пригорка послышалась ружейная пальба шедшихъ на выручку.

Коканцы отхлынули. Оба отряда соединились. Чувства, охватившія всѣхъ, не поддаются описанію... Теперь, черезъ 25 лѣтъ, участники боя не могутъ безъ дрожи въ голосъ и слезъ на глазахъ разсказывать о встрѣчѣ съ пѣхотой... Израненные, доведенные до крайняго напряженія силъ физическіе и душевные, казаки не въ состояніи были идти далѣе—ихъ посадили на телеги и повезли прямо въ лазаретъ, изъ котораго не всѣмъ удалось выйти...

По повѣркѣ оказалось: изъ 2-хъ офицеровъ — 1 убитъ (сотникъ Пав. Абрамичевъ), другой—командиръ сотни—раненъ и контуженъ; изъ 5 урядниковъ—4 убито, 1 раненъ; изъ 98 казаковъ—50 убито, 36 ранено; 4 артиллериста—ранены; фельдшеръ, фурштатъ и 1 жоакъ изъ киргизъ — убиты. По свѣдѣніямъ, полученнымъ впоследствии, у коканцевъ было 20 тыс. войска, изъ котораго вышло убитыми до 90 начальниковъ и болѣе 2 т. человекъ пѣхоты и кавалеріи.

Такъ окончился трехдневный бой подъ Иканомъ!

10 декабря изъ Туркестана было послано отрядъ для уборки тѣлъ—всѣ они оказались странно изуродованными, безъ головъ, раздѣтыми до-нага; тѣло сотника Абрамичева было узано только по носку на ногѣ и обрывку лампаса отъ шароваръ... Собравъ тѣла убитыхъ героевъ, вырыли одну общую братскую, могилу и, положивъ ихъ въ нее, прикрыли холстомъ.

Впоследствии тѣла ихъ были перенесены на кладбище города Туркестана, а въ 1884 г. на мѣстѣ битвы поставленъ памятникъ, рисунокъ котораго помѣщенъ на стр. 624. Памятникъ окруженъ въ видѣ ограды 8 орудіями, связанными цѣпями, а вокругъ этой ограды разбитъ огородъ и садикъ изъ карагачей, тополей и др. деревьевъ; вырыто 2 колодца, устроено 2 водоема и построена изба для сторожа. Кромѣ того, въ церкви города Туркестана помѣщена чугунная плита съ именами казаковъ павшихъ подъ Иканомъ; а по распоряженію преосвященнаго Неофита, епископа Туркестанскаго, ежегодно 6 декабря совершается торжественная паннихида по убитымъ.

Государь Императоръ щедро наградилъ всѣхъ оставшихся въ живыхъ участниковъ боя: есаулъ Сѣровъ получилъ чинъ войскового старшины и орденъ Св. Георгія 4 ст., урядникъ Александръ Желѣзновъ произведенъ въ хорунжіе, казаку Павлу Мизанову возвращенъ чинъ сотника и всѣмъ казакамъ пожалованы знаки отличія Военнаго Ордена. Кромѣ того, впоследствии урядники Черновъ и Борисовъ получили: первый сребряную медаль „за храбрость“ для ношенія на шеѣ на Георгіевской лентѣ, а второй—серебряный темлякъ; казакъ Атаеоновъ произведенъ въ урядники, и всѣ трое переведены въ Лейбъ-Гвардію Уральскій казачій дивизионъ (нынѣ эскадронъ).

Значеніе этого подвига Уральской сотни, какъ сказано въ началѣ, было велико въ свое время. Алимкулъ, собравъ всѣ силы въ Ташкентѣ, хотѣлъ нечаянно напасть на Туркестанъ, и кто знаетъ, что было бы съ городомъ. Гарнизонъ былъ незначителенъ, укрѣпленія еще не исправлены, населеніе недавно завоеванной мѣстности ненадежно. Горсть отважныхъ храбрецовъ отвлекла Алимкула, обнаружила его силы и позиціи и произвела своей беззаветною храбростью удручающее впечатлѣніе на его войска: гдѣ же устоять противъ войскъ Бѣлаго Царя, у нихъ-ли отнять крѣпость, если горсть его вопиетъ въ открытой степи такъ долго отбивалась и не далась въ руки цѣлымъ полчищамъ?!

Двадцать пять лѣтъ прошло со времени этого боя, а память о немъ сохранилась среди казаковъ не только въ разсказахъ, но и въ пѣсняхъ.

5 и 6 декабря 1889 года были посвящены чествованію убитыхъ и живыхъ „Иканцевъ“, какъ прозвали участниковъ этого боя. Въ первый день была отслужена торжественная паннихида по убитымъ, послѣ которой въ залѣ театра войскамъ и воспитанникамъ учебныхъ заведеній города Уральска было прочтано описаніе дѣла подъ Иканомъ, а на другой день, совпадающій съ днемъ тезоименитства Августѣйшаго

Атамана казачьих войск Государя Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича, былъ парадъ съ отданіемъ воинской чести Иканскимъ героямъ, со славнымъ ихъ командиромъ генераль-майоромъ В. Р. Сѣровымъ во главѣ, которые выстроились впереди фронта войскъ лицомъ къ нимъ. Послѣ парада, какъ Иканцамъ, такъ и другимъ Георгиевскимъ кавалерамъ былъ данъ обѣдъ въ залѣ Войскового собранія, а вечеромъ въ городскомъ театрѣ былъ для нихъ же, для войскъ и учебныхъ заведеній спектакль.

Къ двадцатипятилѣтію Иканскаго боя Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу угодно было назначить награды оставшимъ въ живыхъ участникамъ боя, а именно: генераль-майору Сѣрову—подарокъ отъ Его Высочества, отставному есаулу Мизинову—единовременно 300 руб. и всѣмъ казакамъ также единовременно по 50 руб. каждому.

На слѣдующій день, 7 декабря, наличные Иканцы были сняты группой, которая и прилагается на стр. 620. И. Х.

„Пикникъ“. Рис. И. Волкова. (Рис. на стр. 621).

Тонкій рисунокъ перомъ И. Волкова, автографически воспроизведенный въ мастерской „Нивы“, живо напоминаетъ старинныя гравюры на мѣди, съ кудрявыми деревьями, изъ-за которыхъ какъ дымки виднѣются бѣлые облака. Въ прохладной тѣни, подъ широкими кустами, уютно расположилось небольшое общество вокругъ дымящагося самовара.

Сарычъ канюкъ (Archibuteo lagopus).

(Рис. на стр. 625).

Оба полушарія и почти всѣ пояса земнаго шара населены большими или средней величины, нѣсколько неуклюжими хищными птицами, которыя во многихъ отношеніяхъ напоминаютъ орла, но отличаются отъ него благородствомъ нрава. Это — сарычи. Живутъ они на горахъ и въ равнинахъ, предпочитаютъ небольшие лѣса. Въ періодъ брачной жизни одна пара поселяется на извѣстномъ мѣстѣ, служащемъ для нея и райономъ охоты, который океанивается пограничною чертой владѣній другой пары. Всѣ виды летаютъ медленно, но продолжительно, подолгу парятъ, болѣе на манеръ орловъ, нежели коршуновъ; завидя же добычу, они трепещутся надъ нею какъ мелкіе сокола. Они любятъ выжидать добычу, для чего садятся на высокое дерево или кучку земли и оттуда зорко смотрятъ на землю. Мелкія позвоночныя, насѣкомыя, улитки, червяки, личинки, даже растительныя вещества составляютъ пищу сарыча. Всѣ виды этой птичьей семьи полезны, такъ какъ они истребляютъ громадные количества полевыхъ мышей, амбѣй, гадовъ и т. п. Всѣ же наши полезные птицы, здоровыя и способныя двигаться, безопасны отъ сарычей.

Изображенный на нашемъ рисунокѣ канюкъ или бѣлый сарычъ живетъ въ сѣверныхъ странахъ; въ полярныхъ онъ считается главнымъ врагомъ полевки-пеструшки (лемминга), у насъ же уничтожаетъ мышей и всякую падалъ.

Международная тюремная выставка въ СПБ.

(Рис. на стр. 628 и 629).

По инициативѣ начальника Главнаго тюремнаго управленія, М. Н. Галкина-Враскаго, и благодаря его неутомимой дѣятельности, въ Петербургѣ 4 июня открылась первая у насъ тюремная выставка, и притомъ въ размѣрахъ доселѣ невиданныхъ даже въ Западной Европѣ. Въ выставкѣ, кромѣ Россіи, принимаютъ участіе слѣдующія государства: Австро-Венгрія, Аргентинская республика, Бельгія, Германія, Греція, Данія, Испанія, Италия, Нидерланды, Норвегія, Португалія, Сербія, Соединенные Штаты Сѣверной Америки, Турція, Франція, Швейцарія, Швеція и Японія. Витрины отдѣльныхъ государствъ для болѣе легкаго распознаванія ихъ украшены національными флагами. Выставка представляетъ полную картину тюремнаго быта въ Европѣ: модели тюремъ различныхъ пенитенціарныхъ системъ со всею обстановкой, фотографическія снимки и сочиненія по всѣмъ отраслямъ тюремнаго вѣдомства, всевозможныя работы, производства и издѣлія арестантовъ, предметы ихъ довольствія, приспособленія для транспортированія и проч., и проч. Она помѣщается въ зданіи Михайловскаго манежа, вдоль котораго идутъ отдѣлы: посрединѣ—тюрьмы общаго заключенія, справа — тюрьмы одиночнаго заключенія, слѣва—тюрьмы малолѣтнихъ преступниковъ; поперекъ манежа эти отдѣлы подраздѣлены по государствамъ. Первое мѣсто отъ входа занято по алфавиту Германіей (Allemagne), а заканчивается выставка, въ глубинѣ противоположнаго конца манежа, Русскимъ отдѣломъ съ громадной декорацией и моделью сибирскаго рудника на заднемъ планѣ.

Общій видъ выставки грандіозенъ, живописенъ и наряденъ. Только внимательно присматриваясь, озадаченный зритель видитъ отсутствіе обычныхъ на выставкахъ роскошныхъ навильоновъ съ дорогими драпировками и дѣнной обстановкой. Дѣло въ томъ, что по мысли просвѣщеннаго устроителя выставки, М. Н. Галкина-Враскаго, не только выставленные предметы (за исключеніемъ нѣкоторыхъ моделей, коллекцій, образцовъ одежды и т. п. предметовъ тюремнаго быта) ограничиваются издѣліями арестантовъ, но и самая обстановка ихъ устроена

изъ матеріаловъ добываемыхъ и вырабатываемыхъ исключительно въ тюрьмахъ или ссыльными. Размѣщеніемъ всей этой массы самыхъ разнообразныхъ предметовъ завѣдывалъ главный комиссаръ выставки, Д. О. Коморскій, которому пришлось преодолѣть почти невѣроятныя затрудненія, такъ какъ на этотъ разъ позволяли доставкой экспонатовъ не русскія области, а европейскія государства, къ тому-же присыланія ихъ часто въ безпорядкѣ или безъ каталоговъ, чуть не наканунѣ открытія выставки.

Начнемъ обзоръ выставки съ Русскаго отдѣла. Модель одного изъ Нерчинскихъ рудниковъ въ глубинѣ манежа (рис. на стр. 628) воспроизведена въ натуральную величину. Это точная копія Алгачинскаго рудника, за которую во всю стѣну помѣщена картина, изображающая въ перспективѣ его окрестности, что дѣлаетъ иллюзію полною. Вы видите передъ собою горный ландшафтъ, съ настоящими деревьями, прорѣзанный горными ручьями, коихъ воды съ шумомъ бѣгутъ у васъ подъ ногами по склонамъ, на которые вы поднимаетесь по тропинкамъ. Въ перспективѣ—Михайло-Никольское поселеніе для ссыльно-каторжныхъ, отличившихся особо хорошимъ поведеніемъ. Глубокая шахта ведетъ внутрь этой модели, гдѣ изумленный зритель въ различныхъ коридорахъ и переходахъ видитъ во-очію все устройство рудника, рабочихъ-арестантовъ (манекены), приспособленія для ихъ безопасности, и проч.

Передъ этою декорацией размѣщены: изображенная на особомъ рисунокѣ (стр. 629) мельница-топчаекъ, приводимая въ движеніе арестантами, которые ходятъ по наклонному кругу, перебирая ногами (топчаекъ) на одномъ мѣстѣ; модели приспособленія для промывки золота и проч.; окрашенная серебряною краскою пирамида, наглядно представляющая количество серебра (31,428 пудовъ) добытаго въ Нерчинскомъ округѣ съ 1703 г. по 1889, и значительно меньшая золотая пирамида, представляющая 940 пудовъ золота, добытаго съ 1843 по 1889 г.; модели барокъ, на коихъ ссыльно-каторжные доставляются по рѣкамъ Сибири, и парохода Добровольнаго флота „Нижній-Новгородъ“ съ приспособленіями для перевоза ссыльно-каторжныхъ на Сахалинѣ.

Справа отъ Нерчинской группы Русскаго отдѣла расположена у боковой стѣны Сахалинская, въ которой выставлены коллекціи д-ра Супруненка, результатъ его десятилѣтнихъ трудовъ: тутъ и чучела всевозможныхъ птицъ и морскихъ звѣрей, и шкурки пушнаго звѣря, и коллекціи насѣкомыхъ, и образцы трепанговъ, морской кауусты и т. д.

Слѣва помѣщается Финляндская группа съ ея чрезвычайно практично устроенными тюремными зданіями и работами преступниковъ.

Отдѣлъ собственно Европейской Россіи раздѣленъ на 12 классовъ: 1) ткацкія издѣлія, 2) плетенія издѣлія, сѣти, веревки и т. п., 3) плетение изъ соломы, баста, древесной коры, травы и т. д., 4) столярныя, токарныя и т. п. издѣлія, 5) кузнечное, слесарное и машинное дѣло, 6) женскія рукодѣлія и картонажи, 7) платье и обувь, 8) тюремныя зданія (между прочимъ модель плавучей тюрьмы въ Севастополѣ), 9) работы на вольномъ воздухѣ, 10) кожевенное производство, 11) разныя разности, не вошедшія въ помнятыя группы, и 12) все относящееся къ тюремному быту и довольствію арестантовъ. Здѣсь имѣютъ своихъ представителей всѣ государственныя тюрьмы, особенно богаты экспонаты Москвы (выдаются издѣлія Рукавишниковскаго пріюта), Ревеля, Литовскаго замка въ Петербургѣ и др.

Что касается иностранныхъ отдѣловъ, то первое мѣсто отъ входа, какъ сказано, занимаетъ Германія, представляющая группы Пруссіи, Бадена, Баваріи, Виртемберга и Гамбурга. Каждая изъ этихъ странъ имѣетъ особую выставку, но всѣ онѣ довольно схожи. Здѣсь особенно привлекаютъ вниманіе художественно исполненные искусственные цвѣты.

Въ углу за германскою прячется крошечная англійская выставка (Angleterre), къ тому же не официальная.

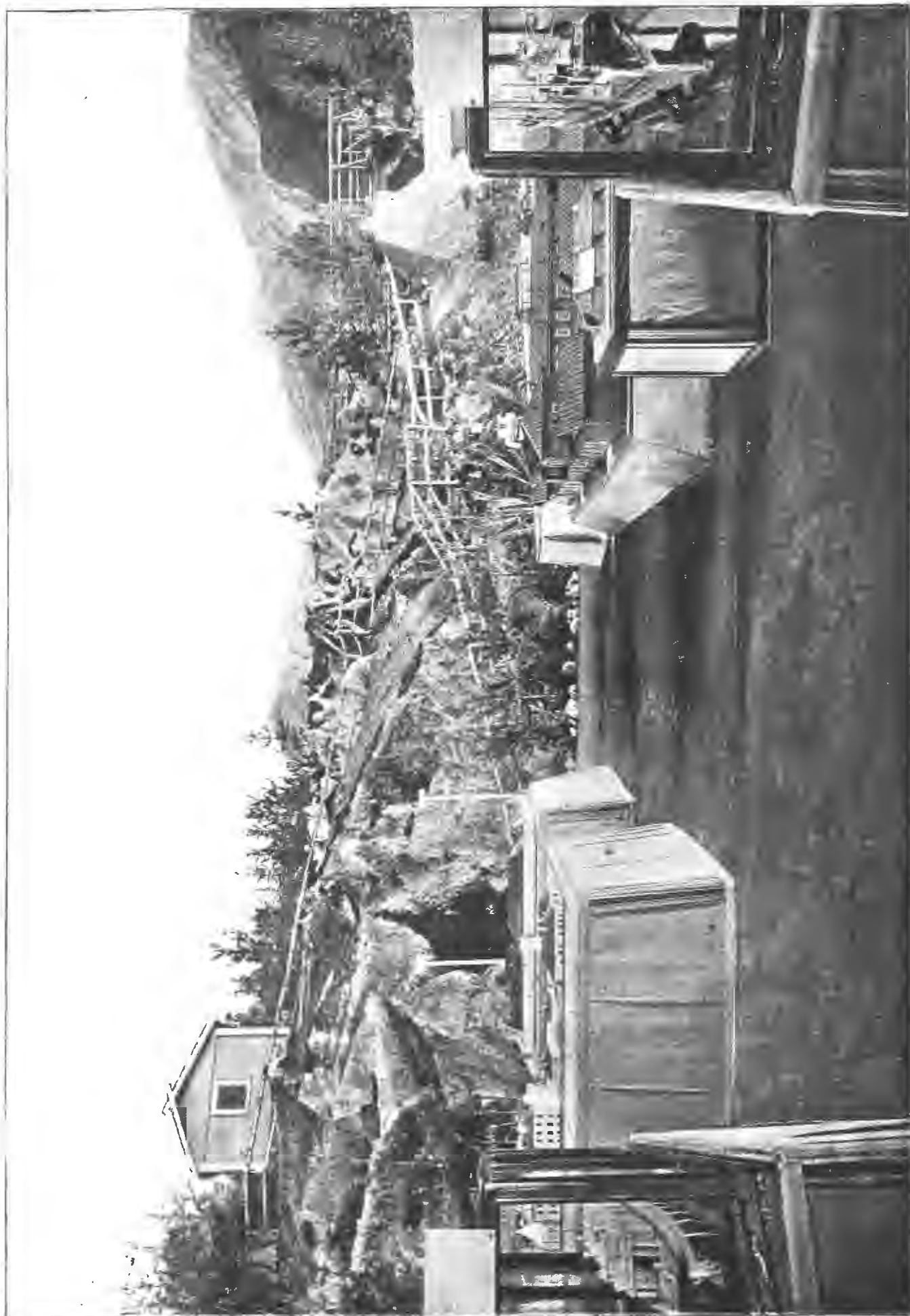
За Германіей слѣдуетъ *Австро-Венгрія*, отличающаяся преимущественно рѣзбой по дереву и рукодѣліями.

За нею—*Бельгія* съ ея грандіозною выставкою, изъ которой видно, что въ Бельгіи тюремный трудъ примѣняется преимущественно къ государственнымъ нуждамъ. Изъ вырабатываемыхъ арестантами полотняныхъ, хлопчатобумажныхъ и шерстяныхъ тканей изготовляется бѣлье и платье, какъ для самихъ преступниковъ, такъ и для арміи. Въ Бельгіи преобладаетъ система одиночнаго заключенія, только въ Гентской тюрьмѣ есть общее помѣщеніе для арестантовъ. Особенно замѣчательны здѣсь помѣщенія для малолѣтнихъ преступниковъ.

Данія выставила издѣлія отличающіяся крайнею простотою и приуроченныя къ потребностямъ бѣднѣйшихъ классовъ, но чрезвычайно прочныя и превосходно сработанныя.

Изъ *Испаніи* до сихъ поръ еще ничего не получено и маленькій отдѣлъ ея нусть.

За нимъ слѣдуетъ въ высшей степени поучительный отдѣлъ *Франціи*. Здѣсь наглядно изображена полная исторія развитія пенитенціарной системы и тюремныхъ учрежденій во Франціи, начиная съ эпохи среднихъ вѣковъ и до послѣдняго времени. Система одиночнаго заключенія смягчена здѣсь

Международная тюремная выставка в СПб. Модель Алгачинского рудника серебро-свинцового в Нерчинской группе Русского отряда.

тѣмъ что практикуется только ночью, днемъ же арестанты работаютъ вмѣстѣ; интересны тюрьмы для малолѣтнихъ преступниковъ, исправительныя тюрьмы и военныя колоніи.

Въ *Италіи* преобладаютъ принудительныя работы подъ открытымъ небомъ, земледѣльческія колоніи также играютъ видную роль, но и тюремныя работы отличаются нерѣдко художественнымъ исполненіемъ.

Японія (Япан) выставила превосходныя надѣлія изъ дерева, пикрастаци и великолѣпныя ковры; *Греція* — одежду, плетенныя надѣлія и музыкальные инструменты; *Швеція* и *Норвегія* — преимущественно деревянные надѣлія, *Швейцарія* — ручныя работы.

Мы еще вернемся къ подробностямъ выставки.

Политическое обозрѣніе.

Продолжительное путешествіе наследника Итальянскаго престола окончилось. 3 іюня, вечеромъ, принцъ Неаполитанскій возвратился въ Римъ и былъ встрѣченъ на вокзалѣ королемъ, придворными чинами и властями. *Don-Chisciotte*, одна изъ самыхъ распространенныхъ газетъ въ Италіи, обсуждаетъ путешествіе принца Виктора-Эммануила и замѣчаетъ, что дорога въ Берлинъ болѣе не ведетъ уже черезъ Вѣну, гдѣ забываютъ обычай отдавать визиты. Союзница Италіи — Германія, а вовсе не Австро-Венгерія. При этомъ газета указываетъ, что посылка итальянскаго флота въ Тулонъ и посѣщеніе принцемъ Неаполитанскимъ Русскаго двора означаютъ начало новой политики, которой желаютъ слѣдовать въ высшихъ сферахъ, не справляясь, пріятна-ли она или нѣтъ министру иностранныхъ дѣлъ. Тѣмъ-же направленіемъ отличаются не мало статей въ другихъ итальянскихъ газетахъ. Останавливаясь на этомъ явленіи, *Mémorial Diplomatique* въ статьѣ носящей заголовокъ „Un garrochement en vue“, говоритъ: оставаясь исключительно союзницею Германіи, Италія стала-бы опаснымъ для европейскаго мира элементомъ; если-же она сдѣлается другомъ Россіи, то на ея долю выпадетъ роль фактора равновѣсія и сво-

боды. Поѣздка королевскаго принца въ Россію свидѣтельствуешь, что это сознается итальянскимъ правительствомъ. Последнее подтверждается и газетою *Italie*, въ которой гово-

Международная тюремная выставка въ СПб. Модель мельницы-топчакъ въ Нерчинской группѣ Русскаго отдѣла.

рится, что какъ въ Италіи, такъ и въ Россіи видятъ въ приемѣ Государемъ Императоромъ принца Неаполитанскаго доказательство отличныхъ отношеній, существующихъ между обоими Царствующими домами, и исчезновеніе возникшихъ между Римомъ

и Петербургомъ недоразумѣній, послѣдній слѣдъ которыхъ разсѣется въ ближайшемъ будущемъ, такъ какъ вся Италія свидѣтельствуешь свое уваженіе Монарху, чью высокогудрую политику можно резюмировать словами: „умѣренность въ силѣ“.

Подобными словами опредѣлить политику Австріи едва-ли возможно. 1 іюня въ вечернемъ засѣданіи бюджетной комисіи австрійской делегаціи военный министръ Бауеръ заявилъ: „У насъ имѣются ненормальныя штаты мирнаго времени, что потребуетъ увеличенія ихъ, а это, въ свою очередь, потребуетъ ста милліоновъ расходовъ. Долго такое положеніе продолжаться не можетъ. Либо должна произойти военная катастрофа, либо наступитъ какое-нибудь другое оздоровленіе мирнаго положенія“. Эти заявленія произвели впечатлѣніе, и делегаты возразили, что возможна третья случайность, а именно — финансовая катастрофа. Тяжко обремененному государству будетъ не по силамъ перенести такіа увеличенія расходовъ; вотъ почему военному министру слѣдовало-бы рассмотреть вопросъ о томъ, нѣтъ-ли возможности сократить срокъ службы въ мирное время.

Международная тюремная выставка въ СПб. Главный входъ на выставку въ Михайловскомъ манежѣ.

Слова военного министра и сообщения газетъ о предстоящихъ будто бы значительныхъ требованіяхъ на военныя издержки взволновали умы. Всюду спрашиваютъ, когда же наступитъ конецъ этимъ требованіямъ. Венгерскія газеты особенно взволнованы. *Pesti Naplo* говоритъ, что заявленія военного министра находятся въ прямомъ противорѣчій съ заявленіями Кальноки. Миръ нельзя считать обезпеченнымъ, присовокупляетъ газета, такъ какъ тотъ, кто предъявляетъ подобныя требованія на военные расходы, долженъ считать войну близкою. Вслѣдъ за газетами и военная коммисія венгерской делегации настойчиво выразила свои опасенія по поводу увеличенія личнаго состава войскъ въ мирное время. Военный министръ сказалъ, что, какъ военный, онъ не можетъ не желать увеличенія численности войскъ, но, какъ министръ, онъ долженъ принять въ соображеніе финансовое положеніе страны. Делегация потому только постановила не возставать нынѣ рѣшительно противъ увеличенія войскъ, что предложеніе объ увеличеніи еще не приняло осязательной формы.

Колоніальная политика Германіи, при быстромъ ростѣ ея африканскихъ владѣній, неизбежно столкнулась съ интересами англичанъ. Для упорядоченія взаимныхъ отношеній обѣ державы вели переговоры и, наконецъ, пришли къ соглашенію. Нынѣ *Имперскій Указатель* сообщаетъ, что между Германіей и Англійею заключенъ договоръ, по которому Англійи предоставляется протекторатъ надъ Виту и надъ Землею Сомалисъ, а также надъ Завибарскимъ султанатомъ, за исключеніемъ арендованной германскою Восточно-Африканскою компаніею береговой полосы. Англійя уступаетъ Германіи Гельголандъ, если на то послѣдуетъ согласіе парламента. Относительно введенія въ Гельголандъ германской воинской повинности и германскаго таможеннаго законодательства установленъ срокъ, въ теченіе котораго жителямъ острова предоставляется право выбора между германскимъ и англійскимъ подданствомъ. Это англо-германское соглашеніе пріивѣтствуется всею западною печатью съ удовольствіемъ, особенно уступка Гельго-ланда. Только органы колоніальныхъ круговъ высказываютъ отчасти сдержанность, отчасти разочарованіе, причемъ выражаютъ надежду, что уступки въ Африкѣ доставятъ Германіи соотвѣтственныя выгоды въ европейской политикѣ.

По дѣлу Паницы изъ Софіи телеграфируютъ: „29 мая всѣ трое осужденныхъ подали кассационную жалобу. Со своей стороны, военный прокуроръ Марковъ, недовольный приговоромъ относительно Паницы и Колобова, подалъ въ верховный военный судъ протестъ противъ этихъ приговоровъ. Верховный военный судъ приступитъ къ пересмотру дѣла на будущей недѣлѣ. Послѣдствіемъ этого пресловутаго процесса, какъ сообщаютъ изъ Софіи *Агентству Гаваса*, является увольненіе главнаго врача арміи Миркова и зачисленіе въ запасъ двухъ майоровъ, трехъ капитановъ и семи подпоручиковъ. Всѣ они были косвенно замѣшаны въ дѣлѣ Паницы. Вскорѣ послѣ того министры иностранныхъ дѣлъ Странскій и финансовъ—Салабашевъ подали въ отставку, которая и принята. Стамбуловъ приметъ портфель министра иностранныхъ дѣлъ, а министръ народнаго просвѣщенія Живковъ будетъ завѣдывать также министерствомъ финансовъ. *Агентству Рейтера* телеграфируютъ изъ Софіи, что причиною отставки Странскаго и Салабашева были личныя разногласія.

Смѣсь.

Соперникъ Пѣшкову отыскался въ Саратовѣ, по словамъ мѣстныхъ газетъ. Это смѣльный крестьянинъ Вольскаго уѣзда, села Воскресенска, Николай Анкудинъ, семидесятилѣтній старикъ, недавно прибывшій въ Саратовъ. Во время крѣпостнаго права онъ былъ заподозрѣнъ въ небольшой кражѣ у своего барина и въ 50-хъ годахъ высланъ въ Восточную Сибирь административнымъ порядкомъ. Проживъ въ Охотскѣ тридцать восемь лѣтъ, Анкудинъ рѣшилъ возвратиться на родину, „чтобы сложить кости около своихъ родичей“. Занимаясь въ Охотскѣ выдѣлкою шкуръ, онъ успѣлъ скопить кой-какія денжонки, съ которыми и порѣшилъ отправиться пѣшкомъ въ Саратовскую губернію. *Двадцать два мѣсяца* шелъ Анкудинъ, проходя чрезъ огромныя тайги около Якутска и встрѣчаясь, по его словамъ, неоднократно съ медвѣдями и однажды едва не сдѣлавшись ихъ жертвою, если-бы не буряты, спасшіе его отъ вѣрной смерти. Николай Анкудинъ на видъ совершенно крѣпкій и бодрый старикъ. На родинѣ, въ селѣ Воскресенскѣ, у него много внуковъ и внучатъ. (в.)

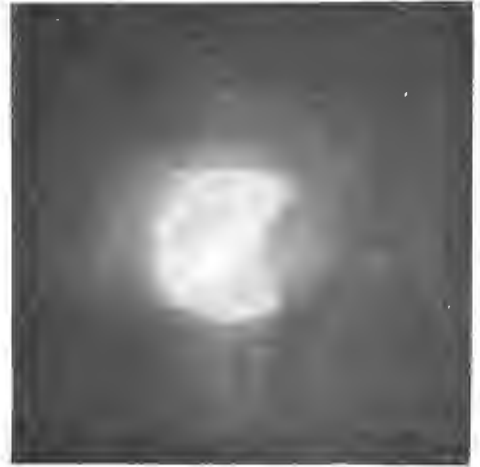
Снимокъ солнечнаго затменія ^{5/17} іюня 1890 года. Частное солнечное затменіе побудило членовъ V-го Отдѣла Императорскаго Русскаго Техническаго общества, полковника Н. А. Козлова и Р. К. Томсона, сдѣлать нѣсколько снимковъ по той же самой системѣ, по которой предполагалось фотографировать въ 1887 году полное солнечное затменіе въ районѣ Тверь—Завидово, но не удалось вслѣдствіе сильнаго тумана и дождя.

Представляемъ интересующимся увеличенное изображеніе солнца, частью заслоненнаго луною.

Затменіе, начавшееся въ 12-мъ часу, представляло прилагаемый видъ, въ 12 час. 29 м. 20 сек.

Снимокъ получился на русской бромисто-желатинной пластинкѣ „Россія“ объективомъ Дерожа № 4, время экспозиціи ^{1/45} с.; диафрагма, диаметра въ 0,7 мм, проявлена заранее нѣсколькими снимками.

Передъ моментальнымъ затворомъ былъ устроенъ картонный щитъ съ отверстіемъ въ одинъ квадратный сантиметръ, надъ которымъ помѣщался свѣтофильтръ изъ желтаго шлифованнаго стекла

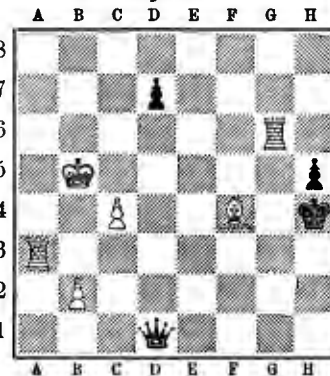

Шарада. Задача № 34.

Для молодыхъ, хорошенькихъ дѣвицъ
Мой первый слогъ и мидя и дорогъ.
Второй, въ игрѣ богатыхъ лицъ,
Являетъ намъ кредитовъ ворохъ.
На дѣломъ же, въ душистый вечеръ мая,
Въ зубахъ съ сигарою, въ рукахъ съ стаканомъ чая
Отрадно отдохнуть отъ тревожной службы
При лепетѣ любви и изліяньяхъ дружбы.

Шахматная задача № 35.

Черные.

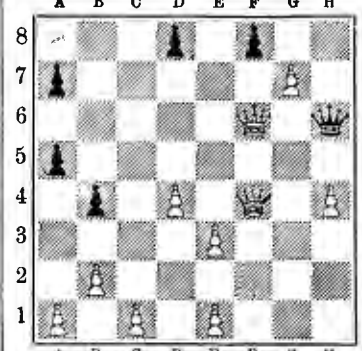
Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Шашечная задача № 36.

Н. В. П.

Черныя.

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ шанку черныхъ.

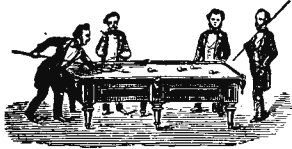
СОДЕРЖАНІЕ: Жизнь, какъ она есть. Романъ въ пяти частяхъ. Вас. И. Немировича-Данченко. Часть I. (Продолженіе). — Лампо и Кармела. Разсказъ Эрино Настельнуво. (Окончаніе). — Кровавая страница лѣтописи. П. И. Полевого (съ рис.). — Бъ рисункамъ: „Всѣ струсила“. Карт. Фрешля (съ рис.). — Пастушеская идиллія (съ рис.). — Двадцать пятая годовщина Инанскаго боя (съ 2 рис.). — „Пинини“. Рис. И. Волкова (съ рис.). — Сарычъ нанюкъ (Archibuteo lagopus) (съ рис.). — Международная тюремная выставка въ СПБ. (съ 3 рис.). — Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — Задачи. — Заявленіе. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Ключниковъ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

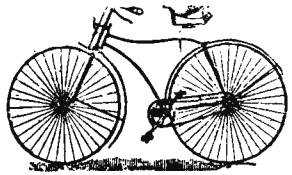
Контора журнала „НИВА“ проситъ Гг. подписчиковъ, НЕ ВНЕСШИХЪ ПОЛНУЮ ГОДОВУЮ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ за „НИВУ“ 1890 г., озаботиться своевременными взносами слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатныя адреса отъ бандеролей.

БИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА

А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкий пр., близъ Египетскаго моста, домъ № 7-2. 26-12
Иллюстрированные прейсъ-курранты по требованиямъ высылаются безвозмездно.

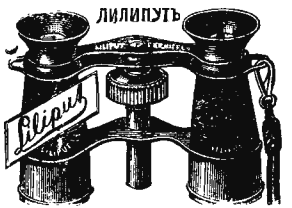
ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ

Франкфуртъ н/М. К. № 4, 87

ФАБРИКАНТЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ „ОРЕЛЬ“.

Всякаго рода двухъ- и трехъ- колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей. Составная часть и принадлежности. Ищутъ агентовъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 пфен. марками.

МИНИАТЮРН. АХРОМАТИЧ. БИНОКЛЬ

Безъ фирмы и фабричнаго клейма поддѣлка.

со шпурк. въ замшевомъ кошельк. 8 р. 50 к. съ пересылкою . . . 9 . . .

„Лилипутъ“ удобно помѣщается въ карманѣ жилета или между пуговицами мундира и вполне замѣняетъ, какъ для поля, охоты, путешествія или театра, большіе и тяжелые бинокли.

Е. КРАУСЪ и К°.

Спеціалн. фабр. оптич. инструментовъ Парижъ, Aven. d. l. Républ. 4.

СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ

С.-Петербургъ, Мойка, № 42.

Иллюстр. прейсъ-куррантъ оптич. и фотограф. прибор. высылаются безплатно.

ПРИГOTOVITELЬНЫЙ ПАНСИОНЪ

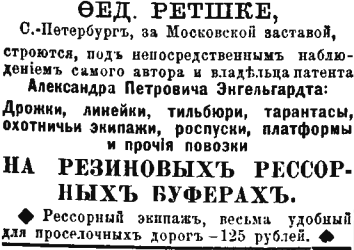
И. М. ХАЙНОВСКАГО
(Москва, противъ храма Спасителя, д. князя Голицына)

помѣщается лѣтомъ близъ станціи Быково, Рязанской желѣзн. дороги, село Осѣченки.
Приемъ учениковъ, нуждающихся въ особой подготовкѣ къ какому либо экзамену, съ 25 мая.

НОВОСТЬ!
НА МЕХАНИЧЕСКОМЪ ЗАВОДѢ
ОЕД. РЕТШКЕ,
С.-Петербургъ, за Московскою заставою, строятся, подъ непосредственнымъ наблюдениемъ самаго автора и владѣльца патента Александра Петровича Энгельгардта:
Дрожки, линейки, тильбори, тарантасы, охотничьи экипажи, роспуски, платформы и прочія повозки

НА РЕЗИНОВЫХЪ РЕССОРНЫХЪ БУФЕРАХЪ.

Рессорный экипажъ, весьма удобный для проселочныхъ дорогъ - 125 рублей.

ГАРМОНИУМЪ

ЛУЧШИХЪ ФАБРИКЪ
ФРАНЦУЗСКІЯ отъ 100 р. и до
АМЕРИКАНСКІЯ отъ 180 р. и до
РЕК. ВЪ БОЛЬ. ВЫБОРЪ ФАБРИКА
МУЗЫКАЛЬН.-ИНСТРУМЕНТ.
І. Ф. МЮЛЛЕРЪ
МОСКВА, Петровка д. Волкова.
Иллюстрир. прейсъ-куррантъ
ВСѢМЪ ИНСТРУМЕНТАМЪ БЕЗПЛАТНО.

КОСМЕТИЧЕСКІЯ СРЕДСТВА,

разрѣшены на общіхъ основаніяхъ торговли, какъ не содержащихъ въ составѣ своемъ вредныхъ здоровью веществъ. Косметикъ Оданскъ. Цѣна 2 р., пер. 50 к. Мамонтово благовонное мыло, обильно ибильшееса. Цѣна 60 коп., пересылка не менѣе 1/2 дюж. Ориенталинская влажная пудра. Цѣна 2 р., пересылка 50 коп. Тополины — помада для волосъ. Цѣна 1 р. 50 к., перес. 50 коп. № 4350

Бальзамъ Колорадо, растительный продуктъ для волосъ. Цѣна 4 рубля, перес. 1 руб.

Предметы эти находятся въ продажѣ: въ С.-Петербургѣ, въ магаз. Рузанова и СПБ. Химической Лабораторіи. Бунса—въ Москвѣ, на Кузнецкомъ; въ Харьковѣ, Русск. Общ.; въ Вильнѣ у Грузжевскаго. Для иногородн. въ магаз. Добржанскаго, въ Варшавѣ.

ЮДИСТО-РАЗСОЛЪНЫЯ ВОДЫ ВAD-HALL ВЪ ВЕРХНЕЙ АВСТРІИ.

Самое сильное содержаніе юдистаго раствора въ Европѣ. Лечение при золотухѣ, а также при тѣхъ общихъ болѣзняхъ, гдѣ юдь бываетъ важнымъ факторомъ леченія. Превосходное устройство леченія (ванны и внутреннее употребленіе минеральныхъ водъ, заворачиваніе, вдыханіе, массажъ, нефиръ). Весьма выгодныя климатическія условія; станція ж. д. Пуль черезъ Лицъ на Дунаѣ. Сезонъ отъ 15-го мая до 30-го сентября. М. № 4522 4-3

Подробныя программы на разныхъ языкахъ высылаеть Дирекція водъ въ ВAD-HALL.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА
АЛЕКСАНДРА КУТУЗОВА

С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 29-31, рядомъ съ Думой.

Выдаетъ ссуды съ правомъ уплаты долга по частямъ

подъ билеты 1 займа по 205 р.

Дворянск. „ II „ по 195 р.

Дворянск. съ выигр. займа сполна оплачен. по 195 р.

(розыгрыши которымъ имѣютъ быть 1-го ноября и 1-го мая)

подъ билеты Дворянск. съ выигр. займа оплачен. 135 р. по 115 р.

Подъ другія процентныя бумаги 10 проц. ниже биржевой цѣны.

ПОКУПАЕТЪ И ПРОДАЕТЪ

процентныя бумаги, иностранныя кредитныя билеты, золото и серебро.

Исполняетъ БИРЖЕВЫЯ и ИНОГОРОДНЫЯ ПОРУЧЕНІЯ въ точности.

ТЕЛЕФОНЪ КОНТОРЫ № 100.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ

Вс. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Во всѣхъ видахъ духовъ и во всѣхъ парикмахерскихъ въ Франціи и за границей.

LA VELOUTINE
Спеціальная рисово-висмутовая пудра.
CHALES FAX, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

ЦИНКО-ЛИТЕЙНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЗАВОДЪ

II. № 4520 **ГЕОРГА ПОЛЬ** 4-4

изготавливаетъ по своимъ и по предложеннымъ рисункамъ: перила, балконы, карнизы, консоли, розетки, чепуічатныя крыши, шпиль, флюгера; памятники надгробные и друг.; часовныя, креслы и распятия; орлы русскіе и заграничныя гербы, медали всѣхъ выставокъ; для комнатъ, садовъ и парковъ—фонтаны, фигуры, группы и вазы.

Одинъ листъ съ рисунками высылается за 5 к. марку.

Магазинъ: Москва, Петровскія линіи.

Заводъ: Москва, за Тверскою заставою.

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ,
БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ Д-РА ЛЕНГИЛЯ

употребляется для бѣлизны кожи, лица и рукъ. Въ виду многихъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на припечатанную здѣсь охранительную марку и на подпись единственнаго агента Василія Аурихъ, въ С.-Петербургѣ, Колоколь-*Ваурихъ* ная, 18-19.

Цѣна: флакону 1 руб. 65 коп., бензоево мыло 35 коп. и 50 коп. кусокъ, опо помада (лучше колдъ-крема) 1 руб. Упаковка и пересылка въ Европ. Россіи 70 коп., въ Азіат. 1 р. Имѣется во всѣхъ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. В. № 4407 12-8

ДЛЯ ОКРАШИВАНІЯ СЪДЫХЪ ВОЛОСЪ: ПОМАДА,

флаконъ 3 р., пересылка 1 р., для удобства: жидкая и густая помада, по полуфлакону, цѣна 3 р. 50 к., пересылка 1 р. 50 к. Горохован ул., д. № 57, магазинъ-парикмахерская Ивановой.

ДЛЯ СТРАДАЮЩИХЪ ЛЕГКИМИ

Лечебное заведеніе Д-ра Бремера, Герберсдорфъ, Силезія, въ Исполинскихъ Горахъ, учрежденное въ 1854 году. К. № 4457 12-12

Главный докторъ Ф. Вольфъ.

Обширный паркъ съ прилегающимъ къ нему словицъ лѣсомъ. Искусственно-проложенная дорожка достигаютъ до 14 километровъ. Палицо убранный кургаузъ. Въ паркѣ находятся роскошныя виллы. Цѣны умеренныя. Проспекты высылаются безплатно

Администрація лечебнаго заведенія Д-ра Бремера.

При заведеніи находится русскій врачъ.

Подробности методы леченія см. II изд. „Die Therapie der chronischen Lungen-schwin-Isucht von Dr. H. Bremer. Verlag von I. F. Bergmann, Wiesbaden.

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО

І. ГОЛЛЕНДЕРЪ

Для смягченія кожи. Новозобрѣтенное вазелиновое мыло, пріятнаго запаха, придаетъ кожѣ желанную ижную мягкость. Цѣна за кусокъ 30 коп., 3 куска съ пересылк. 1 р. 50 к.
Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи.

Главный складъ: СПБ., Демидовъ пер., д. № 1. (28) М. № 4278

ПРЕПОДАЮ ПИСЬМЕННО

ПОЛНАЯ ГАРАНТІЯ ЗА УСПѢХЪ ПИСЬМЕННОГО ОБУЧЕНІЯ. Исполн. ЗАМѢНЯЮЩЕЕ УСТРОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ УРОКОВЪ
ДУРНОЙ ПОЧЕРКЪ ИСПРАВИ. на КРАСИВОЕ БЛАГОЕ КОНТОРС. ПИСЬМО ОСНОВАТЕЛЬН. ОБУЧЕНІЕ ДВОЙНОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ БУХГАЛТЕРІИ Москва, Покровка, домъ Бутиковой. А. С. Шамановъ.
* НА ОТВѢТЬ ПРИЛАГАЕТЪ МАРКУ.*

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА

(СПБ. Невскій пр., № 6):

„РУССКІЙ ЛЪСЪ“.

Сочиненіе О. Н. АРНОЛЬДА. Томъ первый. 387 стр., съ 2 картами. Цѣна въ отдѣльной продажѣ 5 р., съ пересылкой 5 р. 60 к.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА ВСѢ ТРИ ТОМА:

При выписываніи 1-го тома вносится 4 р., до выхода 2-го тома 8 р., а до выхода 3-го тома 2 р., а всего 14 руб.

ВСПОМОГАТЕЛЬНАЯ КНИЖКА

для ЛѢСНИЧИХЪ и ЛѢСОВЛАДѢЛЬЦЕВЪ. Ост. О. Н. АРНОЛЬДЪ. Цѣна въ колѣнк. перепл. 75 к., съ пересылк. 1 руб.

Вышелъ новый иллюстрированный прейсъ-куррантъ на 1890 г. известнаго англійскаго завода Зингеръ и № Новентри. Представитель для всей Россіи Генрихъ Землична въ Москвѣ, уголь Тверской и Старога Газетнаго пер., д. Фальцъ-Фейнъ, магазинъ № 19.

РЕЙНСКІЕ БУКЕТЫ

СЛѢДУЮЩИХЪ ЗАПАХОВЪ:

Подсѣнникъ, Гольдлакъ, Жасминъ, Геліотропъ, Ландышъ, Опопанасъ, Резеда, Рейнская роза, Рейнская фиалка, Рейнскіе цвѣты и Ясминникъ.

Превосходные, продолжительные и дешевые духи для платковъ.

Цѣна флакона, содержащаго 1/4 фунта 1 р. 25 коп.

Можно получать во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и за границей.

Главное депо у Алекс. Тиссъ и К°, Пушкискал, № 4.

Поставщики велосипедов Русской Армии

Торговый Домъ Ж. БЛОКЪ,
Москва, Кузнецкий мостъ. С.-Петербургъ, Б. Морская № 21.

единственный складъ для всей России Велосипедовъ: Свифтъ, Винпегъ, Русскій Клубъ, Молнии (New Rapid), Имперіалъ и пр.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ
Общедоступный Свифтъ № 2 = 150 руб. =

Прейсъ-Курантъ высылаются бесплатно.

Поставщики велосипедовъ Русской Армии

Только что вышло и поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новое изданіе **А. Ф. МАРКСА** въ СПБ.:

ИЗСУСЪ
(сынъ Навина).

Повѣствованіе изъ библейскихъ временъ **ГЕОРГА ЭБЕРСА**. Переводъ съ нѣмецкаго. (Право перевода приобрѣтено отъ автора).

Изящно изданный томъ in 8° (387 страницъ), отпечатанный на лучшей веленовой бумагѣ, красивымъ убористымъ шрифтомъ, съ 58-ю гравюрами въ текстѣ, исполненными по рисункамъ художника А. Земцова. СПБ. 1890 г. Ц. 2 руб., съ перес. 2 р. 20 к.

Требованія просить адресовать въ СПБ., въ контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

ПИШУЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылаются бесплатно. № 3748

Единственный складъ для всей России:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва, Кузнецкій мостъ. С.-Петербургъ, Б. Морская, 21.

CIGARETTES ESPIC contre ASTHME & CATARRHE
AUTORISÉES PAR LE GOUVERNEMENT RUSSE

Agent général: STOLL & SCHMIDT, à Saint-Petersbourg
Vente en gros: J. ESPIC, 20, rue Saint-Lazare, Paris.

Exiger la Signature sur chaque Cigarette.

Товарищество С.Петербургскаго Механическаго Производства Обуви, для свѣдѣній почтеннѣйшей публики, объявляетъ нижеприведенные похвальные отзывы о добротности и прочности своего производства.

Магазинъ английскихъ рыболовныхъ принадлежностей

П. Ф. КАРАТАЕВА,
С.-Петербургъ, Милютинъ рядъ, № 18,

удостоенъ медали на первой Россійской рыболовн. выставкѣ въ 1889 г. въ С.Петербургѣ, высылаютъ новыя иллюстрированныя прейсъ-куранты за 7 к. марку.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ Г. ВАЛЬТЕРЪ

Специалистъ хронометровъ. СПбургъ, Невскій пр., № 52 прот. Имп. Публ. Библиотеки. Оптова и розничн. продана. Подробный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылаются по востребованію бесплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года. № 4501 20-5

УДОСТОВѢРЕНІЕ

Дано сіе Товариществу С.-Петербургскаго Механическаго Производства Обуви, въ томъ, что оно поставило по условію съ училищемъ съ 1886 года по сей 1890 годъ исключительно, обувь для конферовъ, которая всегда, при самомъ строгомъ осмотрѣ и приемѣ этой обуви, была доставляема прочною и лучшего качества сапожнаго товара, въ чемъ удостоверяю подписомъ и приложеніемъ казенной печати.

Подписалъ: Завѣдывающій хозяйственною частью Николаевскаго Кавалерійскаго Училища, Подполковникъ *фонъ-Штейнъ.*

М. П. 7 мая 1890 года. С.-Петербургъ.

ЛѢТНЯЯ НОВОСТЬ!

Англійскіе растягивающіе кушачи „ГРАЦІЯ“ изъ позолоченной проволоки съ массивн. позолоченнымъ замочкомъ, прокраснн. бѣлымъ, розовымъ, голубымъ, золотымъ, синимъ, темно-краснымъ и чернымъ шелкомъ. Кушачи прозрачныя очень прохладительны и пріятно носить для каждой дамы. Цѣна 3 руб. 50 коп. Торговцамъ дѣлается уступка. Единственный складъ для Россіи у **ОСКАРА ЛЕССЕРЪ,** СПБ., Садовая, 12-18, въ 1-мъ дворѣ.

УДОСТОВѢРЕНІЕ

Дано сіе Товариществу С.-Петербургскаго Механическаго Производства Обуви въ томъ, что оно поставило съ 1887 года по сей 1890 годъ обувь для кадетъ, которая всегда, при самомъ строгомъ осмотрѣ и приемѣ этой обуви, была доставляема прочною и лучшего качества сапожнаго товара, въ чемъ удостоверяю подписомъ и приложеніемъ казенной печати.

Г. Фридрихгамъ, Мая 1890 г. Подписалъ командиръ роты Финляндскаго Кадетскаго Корпуса, Полковникъ *Шерекскій.* № 152.

М. П.

С. ПЕТЕРБУРГЪ

НОВОСТЬ!!
НОВѢЙШІЙ И ЛУЧШІЙ МЕХАНИЧЕСКІЙ ИНСТРУМЕНТЪ ПІАНО-МЕЛОДИКО

Цѣна 90 рублей

Ноты отдѣльно по 80 коп. за 1 (одинъ) метръ (1 метръ = 1 1/2 аршин.).

Требуйте подробное описаніе и каталогъ нотъ

І. Ф. МЮЛЕРЪ
Москва, Петровка, д. Волкова, противъ Столешникова переулка. № 4482

Съ разрѣшенія СПБ. Врачебнаго Управленія. № 4527 10-7

СВОБОДИНЪ
Средство для уничтоженія **МОЗОЛЕЙ И БОРОДАВОКЪ.**

Получать можно во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ маг. Россіи.

Цѣна за флаконъ 35 коп.

Съ пересылкой 2 флакона 1 руб.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ДЛЯ РОССІИ **А. ГЕВГАРТЪ,** С.-Петербургъ, Казанская, д. № 5.

ФИСГАРМОНИ

превосходнаго тона, солидной конструкціи, прекрасной отдѣлки.

АМЕРИКАНСКІЯ въ 110, 150, 175, 200, 250, 300, 350, 450, 600, 700, 900 и 1400 рублей.

ФРАНЦУЗСКІЯ въ 100, 130, 160, 200, 300 и 500 р.

Школа для фисгармоніи 3 руб. Играть на фисгармоніи можно легко выучиться.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ и каталогъ нотамъ для фисгармоніи — бесплатно.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
Главное депо № 4591 музыкальныхъ инструментовъ и нотъ. С. Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарына.

ЭЛЕОПАТЪ ПРОВ. КИНУНЕНЪ

для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптекъ и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп., но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ стеклѣ каждого флакона,—пров. Кинуненъ. (28) № 4287

Главный складъ: С.-Петербургъ, Демидовъ пер., д. № 1.

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ „ГОЛЕНДЕРА“.

Средство для уничтоженія мозолей и бородавокъ. Цѣна 35 коп. за флаконъ, за два флакона съ перес. 1 руб.

Получать можно во всѣхъ парфюмерн., аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главный складъ у **І. Голлендеръ,** Демидовъ пер., № 1. Въ С.-Петербургѣ. (18) № 4385

ЛЕПНИГСЪ И ГЛОЗПГГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СКЛАДЪ **ТЕРМАНЪ ГЕССЕЛЬ** С. ПЕТЕРБУРГЪ

МЕХАНИЧЕСКОЕ ЗАВѢЩЕНІЕ

САДОВАЯ 16.

XXI г.

г. XXI

№ 25

1890

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
 Выданъ 23 іюня 1890 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1890 г.

Безъ доставки въ Петербургъ . . .	5 р.	Съ доставкою въ Петербургъ	6 р. 50 к.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печков- ской, Петровская Торг. линія	6 р.	Съ пересылной въ Москву и др. города Россіи . . .	7 р.	За гра- ницу . . .	9 р.
--------------------------------------	------	-------------------------------	------------	--	------	---	------	-----------------------	------

Нарушенный покой. Съ карт. А. Саргера.

Жизнь, какъ она есть.

Романъ въ пяти частяхъ. Вас. И. Немировича-Данченко.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

VIII.

Василій Герасимовичъ еще спалъ, когда гулко и торжественно заговорили монастырскіе колокола.

Онъ приподнялся на постели и только теперь замѣтилъ, что солнце стояло уже высоко. Въ окна широко и радостно лился его свѣтъ, захватывая въ свою золотистую дымку и клеенчатый диванъ, и простой некрашеннаго дерева столъ, покрытый бѣлою салфеткою, и суровыя потрескавшіяся иконы въ углу. Солнце и на бѣлой стѣнѣ играло огнистыми бликами...

— Однако... Поздно уже должно-быть! вслухъ проговорилъ Сластеновъ.

Дверь въ другую комнату, гдѣ помѣстился его дядя, была отворена.

— Да, не рано... Я тебя не будилъ. Твое дѣло молодое. Думаю, пускай спитъ, отозвался тотъ.

— А вы давно встали?

— Я ужъ раннюю обѣдню отстоялъ, сподобилъ Господь — помолился! Подымайся-ко и ты. Скоро и къ поздней обѣднѣ... А еще чаю надо налиться. Колокола-то какъ поютъ. Красота здѣсь!

Монастырскимъ колоколамъ отозвались издали скитскіе; благоговѣйный говоръ мѣдныхъ языковъ покрывалъ всю окрестность, тонулъ въ лѣсныхъ дебряхъ, прокатывался истовою молвю отъ холмовъ къ холмамъ. Отраженный мѣловыми берегами рѣки, возвращался, казалось, назадъ, чтобы и эти маленькія комнаты монастырской гостиницы наполнить своимъ гуломъ и трепетомъ. Василій Герасимовичъ живо вскопчилъ съ постели и умылся, потомъ онъ отворилъ окно и засмотрѣлся въ ярко облитую солнечнымъ свѣтомъ стѣну съ раздвоенными зубцами наверху, надъ которою свѣтлыми облаками весело и ласково вились голуби...

— Спаси Господи! послышался въ комнатѣ рядомъ голосъ келейника, приставленнаго служить пріѣзжимъ.

— Самоваръ?.. Кстати!.. Мы его только и ждали.

— Что-жь, вкусите по немощи...

— Вы давно здѣсь? спросилъ его Савва Кузьмичъ.

— Нѣтъ. Семей мѣсяць.

— То-то вы меня не признали. Я у васъ часто гощу...

— Простите, Христа ради... Изъ какихъ вы будете?

— Купцы... Сластеновы. Дѣдушка у насъ здѣсь спасается.

— Господи, ужли-жь не знать!.. Какъ же, какъ же... Сластеновы—первые благодѣтели. Вами только обитель и дышетъ. И схимонахъ отецъ Антонинъ—свѣтильникъ нашъ, какъ же, какъ же... Первый за ны молитвенникъ... Обитель имъ какъ украшена! Поди-т-ко поини въ другихъ такого подвижника и постника: сдѣлайте ваше одолженіе — не найдете... Сегодня у поздней обѣдни будетъ.

И келейникъ завозился, желая угодить чѣмъ-либо „жертвователю“, имя котораго было извѣстно всему монастырю.

— Вотъ племянника привезъ. У насъ въ роду такъ: всякую переѣмну судьбы Антонинъ благословляетъ. Оттого и родъ нашъ держится. Въ мірѣ мірское твори, а Бога своего не забывай.

— Зачѣмъ же Бога забывать, помилуйте. Не зналъ я, надо бы игумена упредить, какіе ипостасные господа къ намъ пожаловали. Все бы онъ рыбки какой къ обѣду распорядился...

— Не надо... не надо.

— Какъ не надо?..

И спустя минуту, келейникъ стремглавъ бѣжалъ уже въ монастырь.

Странныя и незнакомыя ощущенія охватывали молодого Сластенова. Тотъ же солнечный свѣтъ заглянулъ и въ затхлыя потемки его души. Чѣмъ-то идиллически прекраснымъ, какимъ-то озареннымъ спокойствіемъ и безмятежнымъ миромъ вѣяло на него отъ этихъ ветхихъ облупившихся башенъ и стѣнъ монастыря, отъ голубей, то и дѣло срывававшихся съ нихъ въ небесную лазурь, глубокою, благоговѣйною и чистой, отъ видѣвшихся за стѣною стройныхъ бѣлыхъ колоколенъ, золоченыхъ и голубыхъ куполовъ... Какъ все это было не похоже на блѣдный и тусклый міръ, въ которомъ онъ жилъ до сихъ поръ!.. Въ его душѣ еще не было молитвы, рождалось только ея предощеніе, жажда чего-то безконечнаго, высшаго, какое-то умиленіе безмолвнаго созерцанія, желаніе унести мыслью въ безграничное небо и утонуть въ немъ, распуститься всѣми своими ощущеніями въ этой таинственной тишинѣ, гдѣ молчали люди и только громко переговаривались колокола...

Монастырская церковь была полна народа, когда они вошли.

Какой-то іеромонахъ встрѣтилъ ихъ у входа и облобызался съ Саввой Кузьмичемъ, а Василія Герасимовича потрепалъ по плечу, причѣмъ его взглядъ изъ-подъ сѣдыхъ бровей не терялъ своей строгости. Молодому Сластенову казалось, что онъ проникаетъ ему въ душу и видитъ тамъ все сокровенное... Онъ даже потупился... Инокъ провелъ ихъ впередъ, раздвигая богомольцевъ, стоявшихъ стѣною. — „Сюда, сюда пожалуйте!“ — „Мы и здѣсь, отче, стоимъ“, отговаривался Савва Кузьмичъ. — „Нѣтъ, прошу васъ къ клиросу, тутъ у насъ для благодѣтелей особое мѣстечко уготовано“... Онъ поставилъ ихъ, а самъ, поклонясь имъ, отошелъ налѣво.

— Видѣлъ ты этого монаха? наклонился Савва Кузьмичъ къ племяннику.

— Да... Замѣчательный... Какъ на иконахъ пишутъ. Высохъ весь, а только глаза горятъ...

— Внутренній огонь... Онъ, братъ, все земное испепеляетъ у нихъ. А у этого особенно. Въ мірѣ, давно, онъ ростовщикомъ былъ злющимъ, а потомъ отъ одного пустаго случая вдругъ совѣсть ощутилъ, покаялся; сначала въ деревню ушелъ, къ землѣ, а потомъ ему этого мало показалось—онъ въ обитель... Теперь ужъ пятнадцатый годъ здѣсь спасается. Умный старецъ... Я тебѣ говорю о немъ по особенному дѣлу. Сегодня, не то завтра, бывшая семья его пріѣдетъ. Познакомимся. Дочка у него, Прасковья... Жена-то у него давно померла, ну она при теткѣ. Я такой дѣвицы какъ Паша и не видалъ, да и ты тожь. У васъ въ гниломъ Питерѣ такихъ не бываетъ.

Но Василій Герасимовичъ уже не слышалъ дядю.

Его точно вихремъ подхватывало и смятеннаго, растеряннаго уносило куда-то, куда—онъ и самъ не понималъ. Сквозь сизый дымъ кадиль онъ точно во снѣ видѣлъ, какъ горятъ и трепещутъ огоньки восковыхъ свѣчей передъ иконами; какъ въ розовыхъ и голубыхъ лампадахъ ровно теплится пламя, играя порою на окладахъ, на серебрѣ и золотѣ ризъ, на граняхъ драгоценныхъ камней... Надъ кроткимъ ликомъ Богоматери, склонившейся къ Пресвѣтлomu Младенцу, сіяетъ алмазый вѣнчикъ. Точно яркія звѣздочки свѣтятся изумрудныя и рубиновыя вставки... Вонъ крупный топазъ золотою искрою горитъ въ клубящихся волнахъ емиама. И самый дымъ кадильный медлительно возносится въ высоту; на минуту пронизываетъ его солнечный блескъ, проникающій сквозь высокія и узкія окна купола... Но

пройдя через него, дымъ утопаетъ въ священномъ сумракѣ расписаннаго свода. Въ этомъ дыму порою проступаютъ и снова пропадаютъ лики, изображенные на стѣнахъ, будто изъ какой-то безконечной дали они являються на молитвенный зовъ сотенъ богомольцевъ, склоняющихся передъ ними свои колѣна. Что-то смутное, таинственное охватывало Василия Герасимовича. Все равнодушіе, воспитанное меблированными комнатами и нумернымъ скептицизмомъ, отступало назадъ, уходило въ потемки его прошлаго, передъ надвигавшеюся на него отъ иконостаса истиною бытія. Ему бы хотѣлось молиться, какъ молились окружавшіе его, но онъ не зналъ словъ ихъ молитвъ, а душа, только-что пробужденная, еще не находила своихъ. Онъ, пораженный, стоялъ въ преддверіи вѣры, безсознательно чувствовалъ впереди ея величавый храмъ, но не смѣлъ войти, полный какого-то священнаго ужаса, смятенія... Когда, наконецъ, точно солнце надъ моремъ тумана, засіяла въ клубахъ ладона золотая чаша, когда кругомъ все склонилось и словно исчезло—съ землею слилось и поникло, и только слова, полныя кротости и благодати, неслись въ эту тишину изъ сіяющихъ царскихъ дверей алтаря, — Василий Герасимовичъ почувствовалъ слезы на глазахъ. Что-то, въ его груди родившееся, подступало къ самому горлу, жгло ему лицо... Онъ едва удерживался, чтобы не зарыдать... Савва Кузьмичъ замѣтилъ состояніе племянника и душой порадовался. „Проняло!“ подумалъ онъ, истово осѣняя себя крестомъ... Сластеновъ тогда лишь пришелъ въ себя, когда кругомъ всё зашевелилось, послышался тихій, словно крадущійся говоръ, шарканіе и шорохъ ногъ и словно призраки потянулись влѣдъ за богомольцами къ выходу черные торжественные силуэты монаховъ, столпившихся у дверей въ одно темное марево.

— Батюшка! склонился низко-низко Савва Кузьмичъ, цѣлуя чьи-то руки, благословившія его.

Василій Герасимовичъ только сейчасъ замѣтилъ маленькаго старичка въ мантии схимонаха, кротко и любовно смотрѣвшаго на его дядю своими подслѣповатыми слезящимися глазами... Изъ-подъ капюшона съ черепами и на-крестъ сложенными костями доброе и благодатье казалось это крохотное, сморщенное лицо.

— Спаси Боже... Спаси Боже... Спаси Боже... Еще разъ сподобился увидѣть тебя. Не чайль. Думалъ, ты ужъ не сберешься.

Молодой Сластеновъ немного отошелъ въ сторону... Но Савва Кузьмичъ тотчасъ же обернулся къ нему и подозвалъ.

— Вотъ, батюшка... племянникъ. Привезъ поклониться святой обители и помолиться съ тобой.

Василію Герасимовичу почудилось, что маленькій схимникъ выросъ, благословляя его. По крайней мѣрѣ въ это мгновеніе онъ самому себѣ казался такимъ крошечнымъ, слабымъ, ничтожнымъ... Наклонясь подблѣловать сухую и морщинистую руку, онъ слышалъ, какъ Савва Кузьмичъ объяснялъ: „Арсенія Николаевича племянникъ родной. Въ Питерѣ жилъ... Все наслѣдство ему перешло... Благослови на доброе дѣло, чтобы не прошло прахомъ...“

— Милости просимъ въ мою келью! Сначала къ игумену зайдете, поди?

— Да... Келейникъ сейчасъ подходилъ, звалъ, чтобы послѣ обѣдни.

— Ну, вотъ... Сходите къ нему, а потомъ ко мнѣ. Изъ ученыхъ?.. уставился, улыбаясь, схимникъ на Василия Герасимовича.

— Да, въ университетѣ былъ... Не кончилъ только. Отецъ его померъ въ Питерѣ, въ бѣдности, онъ и вышелъ.

— Вотъ-вотъ, одобрилъ тотъ. — Богопознанію приобщился значить, и еще веселій взглянулъ на молодаго человека. — Нѣтъ, душа, въ наше-то время... насъ скорбь учила познавать Его! Я пришелъ сюда лапот-

никомъ... Грамоту-то на пятый годъ передъ постриженіемъ узналъ... Наша наука трудная, охъ, трудная была!.. Вамъ-то куда легче... И такъ все будетъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ тяготы менѣе.

И еще разъ благословивъ ихъ, схимникъ пошелъ къ себѣ.

Василій Герасимовичъ у игумена встрѣтился съ тѣмъ же іеромонахомъ, который ждалъ ихъ въ церкви. Онъ и повелъ дядю съ племянникомъ къ настоятелю.

— Что, отецъ Варавва, скоро ждешь своихъ?

— Сегодня должно—къ вечеру поспѣють.

— Зашелъ бы ко мнѣ побесѣдовать. Дѣло у меня къ тебѣ будетъ не малое.

Игумень больше молчалъ, бровями указывая служкамъ подавать чай и угощеніе. Молчали и іеромонахи, бывшіе у него. Очевидно, гости даже особеннаго любопытства не возбуждали въ нихъ. Многіе сидѣли потупясь и вздыхали, другіе смотрѣли на Сластеновыхъ какъ смотрѣли бы на стѣну, безъ всякаго интереса. Монастырь былъ обрядовой, высшій декорумъ соблюдался въ немъ свято и нерушимо. Лица патріарховъ и митрополитовъ, изображенныя на портретахъ, украшавшихъ темныя стѣны пріемной, были болѣе выразительны, чѣмъ эти. Въ открытыя окна виднѣлись вѣтки, только-что опушенныя зеленью, пѣжно-золотистою еще, мягко перешептывавшейся подъ легкими порывами лѣтнего просыпавшагося вѣтра. Василій Герасимовичъ невольно заглядѣлся на нихъ, слѣдя за мелкою пташкой, качавшеюся и кричавшею что-то, такъ что ея сѣренькое горлышко то надувалось, то опять опадало. Онъ вскользь слушалъ какой-то рассказъ Саввы Кузьмича, спокойный и официальный, какъ сухо и официально было все кругомъ.

— Ну, и скучно же здѣсь! облегченно проговорилъ молодой Сластеновъ, выходя на лѣстницу.

— Поневоля скучно будетъ... Отстоялъ бы ты заутреню, да двѣ обѣдни какъ они, да еще молебновъ десятокъ, другой отслужилъ.

Большая аллея вела къ воротамъ. За ними мерещилась свѣжая лѣсная чаща. Тутъ солнце горѣло изумруднымъ блескомъ и гомонъ птичій звучалъ во всю. Кое-гдѣ, вдали, въ золотистыхъ просвѣтахъ между старыми деревьями виднѣлись темныя силуэты монаховъ, вышедшихъ подышать прохладой. По сторонамъ темнѣли овраги; по нимъ еще бѣжали мутныя весеннія воды, обмывая выступающіе наружу корни и замшившіеся камни. Небо, голубое и безоблачное, улыбалось сквозь зеленые переплеты вершинъ, въ которыхъ черными шапками темнѣли прошлогоднія гнѣзда большихъ птицъ.

— Отсюда вчера соловьи пѣли... вскользь замѣтилъ Савва Кузьмичъ.

— Хорошо тутъ!

— Чего лучше... Скоро и келья моего старика будетъ... Просто и свято живетъ батюшка.

Келья отца Антонина состояла изъ сруба, отъ старости покрывшагося мохомъ. Онъ самъ сидѣлъ на скамейкѣ у дверей, любясь солнечными бликами, чуть дрожавшими въ зелени яркой весенней травы. Около былъ колодезь съ воротомъ, который въ эту минуту вертѣлся сухощавый и остроглазый келейникъ. Воротъ скрипѣлъ, подымая ведро съ водою.

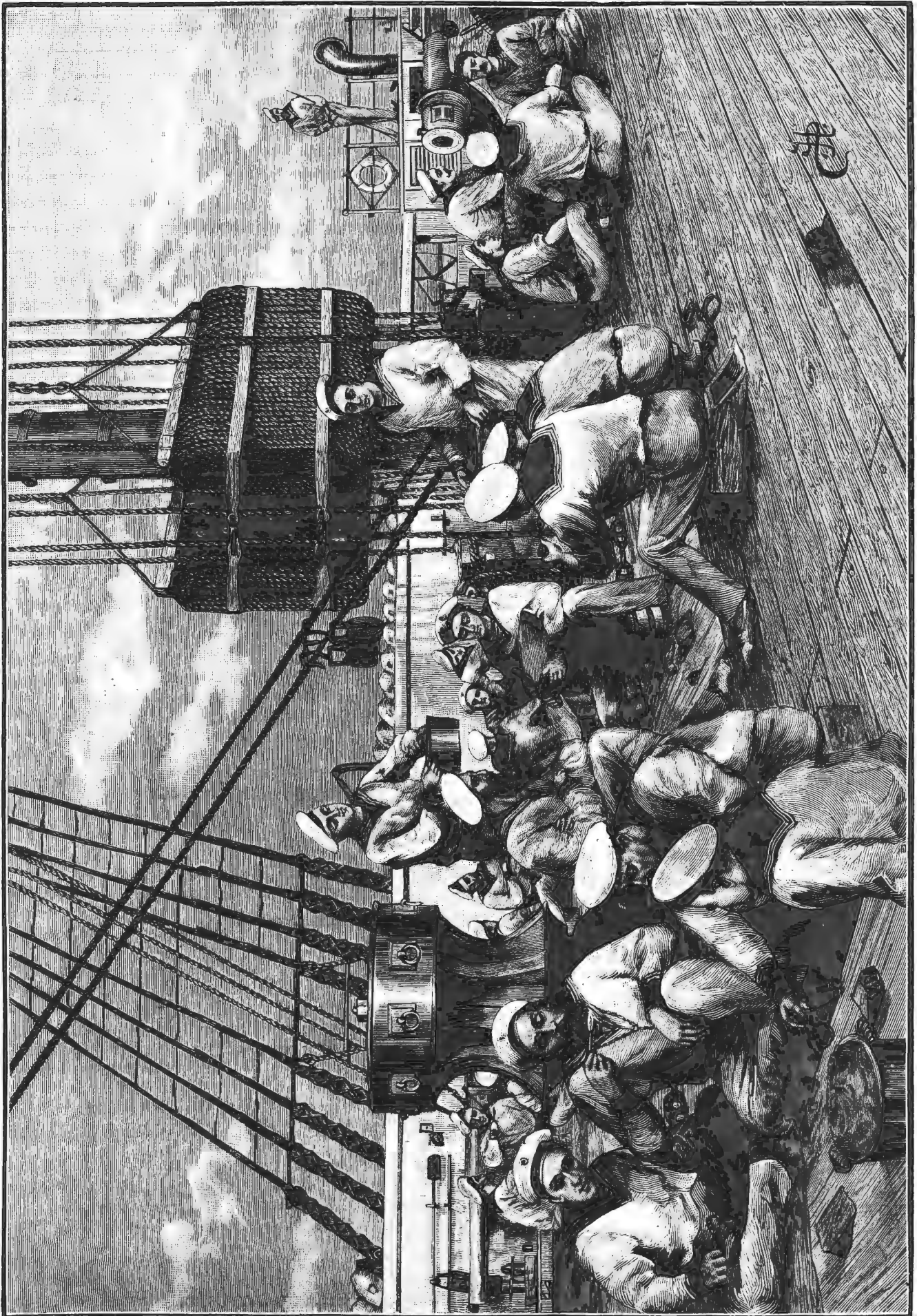
— Поньемъ, поньемъ нашего чаю!.. смѣялся схимникъ, глядя порою на службу.

— Студеный чай-отъ!..

— Чего лучше. Самимъ Господомъ посреди матери земли уготованъ...

— Соловьи-то вчера какъ пѣли, отче!

— Да. Тепло радуются. А вонъ и мои... Сынъ съ родственникомъ... Превознесъ ихъ Богъ, ну и они не ожесточились. Надо сказать правду, не мало помогаютъ намъ, сирымъ, убогимъ...

Судовая жизнь русских моряковъ. Обѣдъ матросовъ на военномъ суднѣ. Съ наброска Нѣмова, грав. Флюгель.

Скучно! Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Писемского, грав. Флюгель.

Савва Кузьмичъ еще издали снялъ шапку.

— Благодать у васъ, батюшка, здѣсь.

— Мѣсто тихое. Сидишь днемъ, точно въ церкви, никто твоей молитвѣ не помѣшаетъ. Развѣ какаѣ птицы шелухнется, да бѣлка въ листьѣ зашуршитъ. Ночью, вотъ, соловей, ну, тотъ дѣйствительно воспѣваетъ хвалу Создавшему. Что-жъ, и ты, обернулся онъ къ Василю Герасимовичу,—и ты, по старому Сластеновскому обычаю, поклониться прѣхалъ? Хвалю за это, хвалю. Нынче это въ рѣдкость, чтобы молодое-то къ обители стремилось. Не тѣмъ душа ихъ полна. Господа-то передъ самой могилою обрѣтаютъ... Ну, да это временное, краткое... Это пройдетъ... Все пройдетъ, и земля, и небо, только Божья правда останется. Кто съ нею—тотъ въ животъ вѣчный, а безъ нея—гибель и тьма! Женать? воззрися онъ на Сластенова-младшаго.

— Нѣтъ...

— Вотъ подумываемъ... дѣло мірское...

— Да, да. Не добро быти единому въ мірѣ. Не то у одинокаго въ головѣ. Ничего лучше нѣтъ доброй семьи. Что-жъ, самъ приглядѣлъ кого?

— Я съ дороги Чиловымъ депешу далъ, улыбаясь открылъ свой секретъ Савва Кузьмичъ. — Пускай прѣдетъ съ Прасковьей. Посмотрятъ другъ на друга—либо понравятся, либо нѣтъ. Кстати и старика повидаютъ... Поди сегодня къ вечеру въ обители будутъ.

— А крѣпокъ еще отецъ Варавва, крѣпокъ!.. Сухо дерево!

— И деньги у нихъ есть.

Схимникъ укоризненно взглянулъ на Савву Кузьмича.

— Кажется ужъ Господь и то превозвысилъ васъ, какъ Юва, и желать-то больше вамъ, окромѣ покою, нечего. Всего у васъ довольно, а у него милліоны, кивнулъ онъ на Василя Герасимовича,—а вы вотъ еще о пущемъ приумноженіи сокровищъ земныхъ помышляете... Ахъ, міръ, міръ—на грѣхѣхъ стоитъ, грѣхомъ движется... Все о стяжаніи думаете, а душу отщестить не боитесь. Ты, умница, о томъ помысли—и богачъ умереть, и нищій умереть, и обоимъ въ землѣ одинаковое мѣсто будетъ, что мнѣ немущему, что тебѣ милліонщику. Больше не займешь вѣдь, что отъ головы до пятъ. А какъ на Страшномъ судѣ-то предстанешь предъ Христомъ Богомъ, деньгами своими ничего тамъ не подѣлаешь. Какія сокровища Ему ни укажи—все это тлѣнь и смерть одна. Онъ у тебя о душѣ спроситъ, а душу-то земныя сокровища сколь тяготятъ?.. а?

— Мы тоже народъ кормимъ, отозвался Савва Кузьмичъ.—Фабрики у насъ... заводы... Куда бы все это безъ насъ?

— Кормите?.. И лошадь свою рабочую тоже, чтобы она на тебя туждалась... Знаемъ мы это... Ну, придется она, Паша-то, ему по душѣ—пушай, а чтобы деньги къ деньгамъ—брось и думать объ этомъ. Не будетъ счастья тамъ, гдѣ расчесть одинъ. Съ расчетомъ земнымъ не далеко уйдешь—на полдорогѣ застрянешь. Ни впередъ, ни назадъ.

— Также и безъ расчета трудно... Особенно по нашему торговому дѣлу.

Схимникъ усмѣхнулся и потушился. Потомъ опять поднялъ голову и покачалъ ею, глядя на Савву.

— Экъ васъ земная прелесть-то въ голову ударила! Смерть придетъ, да станеть надъ постелью твоей, что-жъ ты ее милліономъ купишь? А ты о душѣ, о душѣ-то... Ишь у тебя борода сѣдая,—это ему еще рано опамитоваться, кивнулъ онъ на Василя Герасимовича,—передъ нимъ еще много—время терпится; а ты-то вѣдь на склонѣ ужъ... Шестой десятокъ тебѣ идетъ—подумалъ бы, право. Житницами да казною не спасешься. Это все земной хлѣбъ, а ты о небесномъ бы побольше... Вонъ, пойдемъ за мной... Охъ, тяжело вставать-то.

Онъ ихъ повелъ къ себѣ, едва переступая, но все-таки отказывался отъ чужой помощи.

Во второй комнатѣ его кельи не было постели. Столѣ аналой передъ иконою Спасителя, безъ окладовъ... а въ углу мерещился въ потемкахъ бѣлый сосновый гробъ. Въ гробу была брошена въ изголовьи маленькая облежавшаяся подушка, и въ ногахъ оказывался сбитымъ простой крестьянскій полушубокъ.

— Видалъ ты это?.. Вотъ и все мое жительство. Нѣтъ у меня ничего, ни миллионъ, ни домовъ твоихъ,—а вотъ и тебѣ гробъ-то не больше этого понадобится! Помѣрай-ко, по росту-ли тебѣ.

Отецъ Антонинъ спалъ въ гробу, какъ и его предѣстникъ, умершій въ этой же самой кельѣ.

— Ляжешь такъ-то, сложишь на груди руки и думаешь: „Господи, не вмѣни мнѣ въ вину прелести земныя!“ Такъ и тебѣ бы пора, чадо мое! Это молодому хорошо возноситься, въ немъ крѣпость тѣлесная велика, міръ ему Бога заститъ... А ужъ тебѣ-то, Савва!.. Подумай... О душѣ подумай... Скоро и ты вѣдь сюда склонись.

И отецъ Антонинъ пророчески постукалъ посохомъ въ сосновые бока своего гроба.

— Душу живую спаси отъ смерти, а тѣла не спасешь!.. Ну, а теперь пойдемъ опять на красу богоданную посмотрѣть въ лѣсъ... Антоній! крикнулъ онъ келейнику.—Подаль бы ты намъ чаю нашего, лѣснаго. Прости, другъ, больше этого нечѣмъ тебя угостить... Сами ничего не имѣемъ... За-то—она водица прямо отъ Бога... Въ мірѣ ничего лучшаго нѣтъ. И чиста, и прозрачна... любовался онъ водою.—И чиста, и прозрачна. Безъ мути. Пусть и у тебя душа такая будетъ, тогда и ты спокойно станешь часу своего ждать!

Конецъ первой части.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Отецъ Варавва ждалъ своихъ. Онъ нѣсколько разъ выходилъ въ ворота монастыря и смотрѣлъ на дорогу—не покажется-ли вдаль облачко пыли, но тамъ было тихо,—только два-три пѣшехода медленно двигались къ обители... Старикъ сѣлъ на камнѣ у воротъ и забылся... Передъ нимъ воскресло далекое-далекое теперь время, такое далекое, что онъ даже не могъ себѣ представить ясно—онъ-ли это былъ, или другой кто-то, невѣдомо какъ слившийся съ нимъ.

— Охъ, сколько грѣха было! сколько грѣха! Спасибо ей, вспомнилъ онъ точно въявь тогда еще чужаго ему ребенка. — Господь-то себя черезъ младенцевъ оказываетъ! И черезъ нее оказалъ, да.—Онъ уже не уходилъ къ себѣ, а долго сидѣлъ, задумавшись; картина за картиною проходили передъ его духовными глазами и, уходя въ полузабытыя были, онъ сокрушенно повторялъ:—Неужели это былъ я?.. Да—я... соглашался онъ потомъ.—Весь въ сквернѣ—весь въ прелести суетной.

Звали его въ мірѣ Петромъ, по фамилии Чиловымъ ¹⁾.

Точно вчера представляется ему этотъ вечеръ, когда онъ только что подсчиталъ итоги и запирается уже собрался, даже ключъ взялъ,—какъ на порогѣ у него оказалась женщина съ ребенкомъ на рукахъ.

— Поздно, сударыня, девять часовъ! покосился онъ на нее изъ-за стойки. Какъ онъ помнитъ эту первую встрѣчу съ нею!

— Да вѣдь отперто еще! неувѣренно остановилась она передъ нимъ, вздрагивая и пожимаясь, точно ей было холодно.

— Мало-ли что!.. Сейчас запираемъ... Вамъ чего собственно? грубо переспрашивалъ онъ, не глядя на нее.

— Заложить вотъ... да за старое проценты внести, а то пропадутъ вещи.

— До послѣдняго дня держите, еще недовольнѣе ворчалъ онъ,—не могли раньше... Кажется, сами знаете.

¹⁾ Выдержки изъ исторіи отца Вараввы читались авторомъ публично и были напечатаны въ отрывкахъ.

— Дѣлать-то нечего. Все надѣялась до сегодняшняго вечера, что деньги мнѣ самой отдадутъ... Ходила, кланялась... А пришлось замѣсто того опять въ закладъ тащить къ вамъ! Развѣ я по своей волѣ? Горе такое мое...

И вдругъ, совершенно неожиданно для Чицова, она опустилась на скамью и заплакала. Тотъ даже и глазъ на нее не вскинулъ. Привыкъ тогда онъ къ этимъ сценамъ — онъ его смущали мало. Барабани пальцами по стѣнѣ, онъ ждалъ чѣмъ это все кончится, а самъ рассчитывалъ, что сегодняшній день принесетъ ему шестьдесятъ два рубля чистыхъ, да невыкупленныхъ вещей у него осталось на четыреста. На этомъ тоже набѣжитъ барыша половина. Счастливый денекъ да удачливый! Кабы все такъ — чудесно можно-бы повести дѣла. Правда, рядомъ конкуренты отбиваютъ у него практику — гласныя кассы ссудъ пооткрывали, но онъ, Чицовъ, даетъ больше и бѣдный людъ къ нему ходитъ охотиѣе. Опять-же и ждать онъ выкупа заложенныхъ вещей дольше чѣмъ они. Слава Богу, торговать еще можно! Вотъ коли-бы баринъ изъ Мочаловскаго дома не выкупилъ брошки да браслета, что заложилъ полтора мѣсяца назадъ, тогда Петру Саввичу на приходъ пожалуй-бы и двѣ тысячи записать пришлось, если не больше. Уйдя въ эти мысли, онъ забылъ о плачущей женщицѣ съ ребенкомъ, такъ что ему даже неприятно было когда она заговорила съ нимъ, вытирая глаза концомъ шерстянаго платка.

— Покойному мужу долженъ онъ былъ. Все ладился отдать — только на это я и надѣялась.

— Такъ-съ!..

„Дура-баба“, думалъ онъ про себя, „дома навтыся не могла — сюда пришла“.

— Бралъ деньги-то — на образа крестился. А теперь: „ступай, говоритъ, никакихъ твоихъ полтораста рублей я не знаю“. А прежде-то въ ноги кланялся!.. А теперь — пошла вонъ, коли у тебя бумаги на меня нѣтъ.

— Это вѣрно, одобрилъ Чицовъ, — ежели безъ документа!

— Какой еще документъ, коли онъ на Иоанна Крестителя зарокъ далъ: „коли де не заплачу, такъ разрази меня ангелъ мой Иоаннъ!“ и въ землю кланялся, повторяла она, съ недоумѣніемъ глядя на ростовщика.

— Съ иконой, матушка, въ судъ-то не пойдешь. Да поди съ него и взыскать нельзя?

— Какъ нельзя? вспыхнула женщина. — Помилуйте, за комнату съ мебелью платитъ онъ тридцать рублей. Платѣе на немъ сѣрое съ клѣткой, а въ шкапу, видѣла я сама, еще двѣ пары висятъ: одна посвѣтлѣй, а другая-то потемнѣй будетъ, съ полосками. Какъ нельзя — ежели онъ при мѣстѣ! Опять-же у него на стѣнѣ гитара виситъ... Чижа въ клѣткѣ держитъ...

— За собственную глупость значить и страдате. Ну что тамъ у васъ? Некогда мнѣ ваши дѣла разбирать-то.

Женщина еще разъ вытерла глаза головнымъ платкомъ, причемъ онъ сбился у нея на сторону и прядь волосъ упала на лобъ, потомъ она вздохнула и подошла къ стойкѣ:

— Видно пропадать значить! Такъ съ него и не получу ничего?

— Должно быть что такъ. Кто себѣ врагъ, помилуйте, чтобъ безъ документу отдавать!.. Кажите что у васъ есть? сурово оборвалъ Петръ Саввичъ, — мнѣ съ вашими глупостями не до утра стоять здѣсь.

Женщина была лѣтъ двадцати восьми, худая, видимо истощенная. Мелкія черты лица заострились и только глаза на немъ были еще красивы. Она безпомощно смотрѣла ими на Чицова, вовсе не желая его разжалобить. Репутация Петра Саввича въ этомъ отношеніи была извѣстна — и какъ ни глупа оказывалась его клиентка, но и ей такая несообразность не могла

прийти въ голову. Такъ плакалось — слезы сами текли, не спрашиваясь у нея... Она опустила руку въ карманъ и этимъ движеніемъ разбудила ребенка. Тотъ зашевелился, раскрылъ на свѣчу удивленные глазки, поморгалъ-поморгалъ ими и усталился на огонекъ неподвижно. Петръ Саввичъ и на него посмотрѣлъ неодобрительно: еще-бы — самимъ ѣсть нечего, а они еще дѣтей заводятъ.

— Я ему говорю, продолжала свое глупая баба, видимо нуждавшаяся въ томъ чтобы высказаться, — я ему говорю: „побойтесь вы Бога — у меня ребенокъ“. А онъ: „у меня у самого дѣтей-то можетъ сколько...“ а потомъ меня-же повернулъ этакъ за плечи, и въ двери еще ногой толкаетъ. Я ему: „Бога вспомните!“ А онъ: „Богъ-то, говоритъ, за васъ дураковъ и вступаться не захочетъ!..“ И силкомъ выгналъ.

Чицовъ и самъ-бы съ удовольствіемъ продѣлалъ эту операцію — такъ ему надоѣла посѣтительница.

— Сейчасъ, сейчасъ, замѣтила она произведенное ею впечатлѣніе, — что ужъ. Вотъ тутъ все, что у меня осталось.

И она подала Петру Саввичу маленькій бумажный свертокъ.

— Заложить желаете, или продать?

— Нѣтъ, заложить... авось онъ опамятуется — отдастъ. Я и выкуплю.

Чицовъ усмѣхнулся, отдѣлилъ золотое обручальное кольцо и смятый золотой крестикъ отъ серебряной ложки и серебрянаго-же браслета съ надписью: „носи на счастье и помни!“, свѣсилъ то и другое, потомъ принесъ камень, царской водки, потеръ золото о первый и капнулъ, пробуя „настоящее-ли...“ Онъ уже хотѣлъ аккуратно завернуть кольцо и крестикъ, да ребенокъ, передъ глазами котораго весело блеснуло золото, потянулся къ нему и мягкой влажной рученкой схватился совершенно неожиданно за палецъ Петра Саввича.

— Что вы младенцовъ-то таскаете зря? хотѣлъ было рассердиться онъ, да взглянулъ на ребенка...

И личико-то все въ кулачокъ, а на немъ горятъ, любопытно уставясь на него, черныя наивныя глазки, такіе наивныя, что неволью вызываютъ улыбку даже на сухія, въ нитку сведенныя губы. Брови не намѣтились и глаза эти еще смѣшиѣе отъ этого. На головѣ, надъ выпуклымъ лобикомъ — русые волосенки, жидкіе, рѣдкіе. Странно Петру Саввичу... онъ никогда не всматривался въ дѣтское личико.

— Что онъ смотреть такъ-то?

А самъ держитъ свой палецъ на вѣсу, чтобы не отнять его у дѣтской, по своему плотно охватившей его ручки. И не знаетъ, обругать бабу или нѣтъ... Самъ еще не опредѣлилъ толкомъ своихъ ощущений.

— Глупа еще... Пашутка, оставь дяденьку... Оставь!

— Дѣвочка?

— Да... шестой мѣсяцъ пошелъ.

— Что это она губами-то?

А Пашутка сдѣлала губки трубочкой и тянется ими куда-то, сводя ихъ въ одну точку... Тянулася, тянулася, потомъ вдругъ разомъ раскрыла ихъ и засмѣялась, да такъ, что Петръ Саввичъ самъ заинтересовался.

— Ишь... существо тоже... Какія бываютъ еще! Одна у васъ?

— Одна. Я и замужемъ-то полтора года была.

— Такъ. Сколько-же вы желаете?

— Вычите вотъ проценты по этой квитанціи, да еще три рубля мнѣ пожалуйста...

— Не могу-съ! больше по привычкѣ отрѣзалъ Петръ Саввичъ. — Никакъ не могу-съ...

Да посмотрѣлъ еще разъ на маленькую ручку, крѣпко державшую его палецъ. Ишь точно ниточками перевязана она у нея на всѣхъ суставчикахъ и поготки какіе смѣшныя.

— Не могу-съ, уже не такъ рѣшительно заговорилъ

Чижовъ и разомъ опомнился. Чтѣ это съ нимъ? и отнялъ руку у ребенка.

— Полтора рубля—извольте.

— Будьте столь добры, совсѣмъ упавшимъ голосомъ взмолилась женщина,—мнѣ просто хотѣ помирать! Войдите въ мое положеніе.

— Не могу-съ я въ положенія входить: этакъ и самому съ сумой придется.

И онъ уже равнодушно смотрѣлъ, какъ Пашутка опять стала вытягивать губы трубочкой и моргать на свѣчку.

— Что-жъ мы теперь? отчаянно воскликнула женщина.— Я полтора должна хозяйкѣ отдать, въ углахъ здѣсь въ Кувалдышевомъ домѣ живу.

— Вотъ и отдадите!

— А ѣсть... пить...

— Извольте-съ — два.

И, не ожидая съ ея стороны согласія, Чижовъ швырнулъ вещи въ ящикъ и принялся писать квитанцію.

— Хотѣ два пятьдесятъ.

Но онъ даже не отвѣтилъ ей. Вынулъ изъ стараго засаленнаго кожанаго бумажника двѣ рублевки, на свѣтъ ихъ поглядѣлъ, и отдалъ женщинѣ.

— Благодарите Бога, что еще процентовъ не вычитаю. Рядомъ бы вычли... А самъ соображалъ: „вещи вѣрныхъ восемь стоятъ, процентовъ съ нея за старое полтора. Дѣло выгодное все-таки.“

— Хотѣ для ребеночка...

— Я на чужихъ дѣтей еще не нажилъ капиталовъ... Идите, идите, мадамъ, запирайтесь мнѣ пора...

Еще разъ въ его глазахъ мелькнуло крошечное, круглое личико ребенка съ носомъ въ видѣ пуговицы — и черезъ минуту Петръ Саввичъ уже запиралъ свои двери тяжелымъ засовомъ.

„Тоже, голь-шмоль, дѣтей плодятъ“, думалъ онъ въ ту ночь, ворочаясь въ постели.

Квартира его была тамъ же гдѣ и лавочка, такъ что дверь изъ спальни вела въ нее прямо. Давно уже Чижовъ поселился здѣсь; на первыхъ порахъ собаку держалъ—боялся, да потомъ сообразилъ, что пса кормить денегъ стѣдуетъ, и продалъ ее. Началъ онъ свое дѣло съ нѣсколькими сотнями рублей и самъ занималъ деньги на оборотъ у разныхъ вдовъ да отставныхъ чиновниковъ. Платилъ имъ по два, по три процента въ мѣсяцъ—а самъ бралъ по десяти. На этомъ и разжился. Времена были чудесныя, не то что теперь; копурентовъ не оказывалось вовсе. Черезъ три года онъ уже гонялъ отъ себя прочь тѣхъ, кто къ нему приносилъ деньги на оборотъ: „своихъ“ было достаточно. А тамъ подвернулись кутивніе юнкера — дралъ съ нихъ Петръ Саввичъ столько, сколько хотѣлъ. Давалъ рубль—бралъ вексель на десять; половину заплатитъ—и то ему выгодно. Шло дѣло такъ до тѣхъ поръ пока не угораздило его ссудить чуть не третью своего состояния молодому князьку. Князекъ даже доставилъ ему на вексель бланкъ своего дяди, человекъ котораго вся Москва знала отлично. Петръ Саввичъ хорошо понималъ, что подпись эта поддѣльна,—но вѣдь не пошлютъ-же родные въ Сибирь легкомысленнаго юношу,—откупятъ его. И оправдайся ожиданія Чижова, онъ-бы въ сотняхъ тысячахъ былъ тогда же — да князекъ, не рѣшившись сознаться въ своемъ проступкѣ, обманулъ Чижова и пустилъ себѣ пулю въ лобъ. Петръ Саввичъ помнитъ, какъ онъ прибѣжалъ къ нему на квартиру. Въ ней была уже полиція. Въ спальнѣ, на мягкомъ коврѣ, раскинувши руки лежалъ его должникъ. Только у виска сочилась крохотная ранка и открытые глаза удивленно смотрѣли въ потолокъ, откуда прямо надъ нимъ висѣлъ синій фонарь. Помнитъ Петръ Саввичъ какую-то пожилую даму, плакавшую въ креслѣ около трупа, высокаго старика съ сѣдою длиною бородою, низко падавшею на грудь. Это и былъ дядя.

„Кто-же мнѣ заплатитъ теперь?“

— А это ты—Чижовъ? обратился къ нему старикъ.— Ты убійца его?

Помнитъ онъ истерическія проклятыя матери, помнитъ онъ какъ полиціймейстеръ выгналъ его вонъ изъ кватиры, и какъ потомъ, когда онъ сунулся было съ векселемъ въ судъ — чуть его самого не послали бобровъ ловить. Едва-едва освободили, и отъ своихъ денегъ отступился.

— Грѣховъ, грѣховъ-то! прошепталъ монахъ про себя.—Грѣховъ, грѣховъ!.. Не замолить ихъ! Неужли-жъ все это я сдѣлалъ?

И страшно стало Вараввѣ, и еще ниже опустил онъ свою сѣдую голову.

Съ векселемъ на томъ и покончилъ, за то олютѣлъ на бѣдноту, кишмя кишѣвшую кругомъ.

„А!.. вы по закону хотите?.. хорошо, я буду по закону“, злорадно думалъ онъ, отказывая какой-нибудь бабенкѣ выдать ея залогъ на другой день, какъ ему истекъ срокъ. „Иди, жалуйся“, кричалъ онъ ей, „росписку-то запродажную выдала... Чтѣ взяла?“ Такъ и высыхалъ у себя за стойкой Петръ Саввичъ, какъ старый тараканъ въ щели, самъ не зная подъ конецъ на чтѣ ему деньги. Чѣмъ онъ самъ жилъ въ то время, едва-ли Чижовъ могъ отвѣтить. Раза два въ день изъ ближайшаго трактира къ нему бѣгалъ мальчишка съ чаемъ, бралъ онъ у лавочника черезъ улицу колбасы съ хлѣбомъ—и этимъ былъ сытъ. Одѣвался онъ въ оставшееся у него невыкупленнымъ и за ветхостью непроданнымъ платьемъ. Выходилъ рѣдко. Случалось, зарождались въ немъ „разныя мысли“, какъ онъ называлъ ихъ: онъ не безъ удовольствія думалъ о томъ, что деньги у него есть, что стѣдуетъ ему только захотѣть — и онъ будетъ въ состояніи дозволить себѣ „качества“. Но онъ тутъ-же высчитывалъ, во чтѣ это ему обойдется, — откладывалъ, выписывалъ въ расходъ и съ еще большимъ удовольствиемемъ опять клалъ эти деньги обратно и снова помѣчалъ ихъ на приходѣ подъ рубрику: „отъ собственнаго воздержанія“. Разъ какъ-то одинъ изъ должниковъ повелъ его въ театръ, но Петръ Саввичъ проспалъ тамъ и, на упреки шерваго, весьма обстоятельно покрутилъ головою и отвѣтилъ: „не настоящее это!“

— Какъ не настоящее? спросилъ пріятель.

— Такъ, чего она таперича пузырится-то? кивнулъ онъ на артистку.—Развѣ взаправду такъ онѣ плачутъ? Хочешь послушать какъ баба плачетъ,—посиди у меня за стойкой день, услышишь... У меня братъ позанятнѣе: разные народы шлятся, и не я имъ, а они мнѣ еще платятъ деньги-то... А это не настоящее. Это они такъ нарочно...

И дѣйствительно, на всѣ людскія страданія и невзгоды Петръ Саввичъ изъ-за своей стойки смотрѣлъ не безъ удовольствія. Онъ жилъ этими бѣдняками, онъ собиралъ съ несчастія обильную жатву и богатѣлъ за счетъ нищеты и голода.

— Есть-ли крестъ на тебѣ, живодеръ ты, окаянный! орали ему доведенные до неистовства голяки.

— На тебѣ нѣтъ, резонно отвѣчалъ Чижовъ,—потому вотъ онъ тутъ, крестъ отъ-твоей!

Такъ имя „живодера“ за нимъ и осталось навсегда. Онъ и не обижался, ему было все равно. Онъ зналъ самъ и голодъ, и безпріютную скитальческую жизнь. Когда еще двороваго его выбросили на произволъ судьбы и онъ пѣшкомъ пошелъ въ Питеръ, никто ему не помогъ, никто не накормилъ и не напоилъ его. Ну, а вошелъ онъ въ силу—состраданіе къ кому-бы то ни было казалось ему самому страннымъ и несообразнымъ.

— Помоги, братъ! молили его.

— Ступай, ступай. Нашелъ гдѣ братьевъ... Иди, иди, не проклажайся, выгонялъ онъ бѣднягу.

— Ну смотри,—грозилъ ему тотъ,—Богъ тебя покараетъ!

Искушение Иисуса Христа. Съ карт. Арц. Шеффера, грав. Кнезипгъ.

— Не за что ему меня карать-то — я его всегда помню.

Такъ Петръ Саввичъ и пребывалъ въ полномъ сознании своей правоты передъ Богомъ и людьми.

Сбывъ собаку, онъ окончательно остался одинъ — и цѣлые вечера проводилъ, сортируя и встряхивая заложное ему платье, перетирая золото и серебро, разсматривая драгоценные камни и любуясь ими. Для него они не были мертвыми. Каждая вещь говорила о

чемъ-то своемъ, особомъ. Такъ любитель просиживаетъ цѣлые вечера въ библиотекѣ, и каждая книга на ея полкахъ, является ему интереснымъ и живымъ собесѣдникомъ, и ни разу Чижову не приходила въ голову мысль: зачѣмъ онъ собираетъ все это, для чего онъ собственно живетъ на свѣтѣ и что будетъ потомъ. Онъ постарѣлъ ужь—на ростовщичество—и думалъ, что иной жизни для него нѣтъ, да и быть не можетъ...

(Продолженіе будетъ).

Борьба двухъ началъ.

Гермины Виллингеръ. (Переводъ).

Щебенщикъ Францъ-Ксаверъ сидѣлъ на проселочной дорогѣ въ Санктъ-Блазиецъ, углубившись въ свое дѣло. Но такъ какъ на глазахъ его въ короткое время уже второй крестьянинъ направлялся въ Шлухзеэ, онъ подвинулся и громко крикнулъ прохожему: „Эй, человекъ Божій, что тамъ у васъ нынче?“

— Да вотъ хочу взять съ торговъ сироту на воспитаніе, отвѣтилъ тотъ,—маленькій запасецъ чистогану всегда на пользу *).

— Богачи вѣдь оба, проворчалъ Францъ-Ксаверъ про себя,— у каждаго полонъ хлѣвъ скотницы, а поди-жь ты, какъ только идѣ денешками запахнешь—они тутъ какъ тутъ. Оно и мнѣ бы не мѣшало.

Послѣ такого разсужденія старикъ сталъ задумчивъ, медленно дробилъ камень и, наконецъ, поднялся на ноги, выразительно задавъ небу вопросъ: „а почему бы нѣтъ?“ напялилъ верхнее платье, нахлобучилъ зановенную войлочную шляпу на самыя уши и тоже направился въ Шлухзеэ.

Вскорѣ послѣ другихъ и онъ вошелъ къ бургомистру, между тѣмъ какъ сирота, котораго предстояло взять на воспитаніе тому, кто возьметъ дешевле всѣхъ, дождался на дворѣ, сидя верхомъ на жолобѣ колодца и погоняя своего коня во всю глотку, нисколько не озабоченный тѣмъ, что тамъ готовитъ ему судьба.

Прошло добрыхъ четверть часа, и бургомистръ позвалъ его въ комнаты.

— Ну, Гансъ, проговорилъ онъ, взявъ шестилѣтняго мальчугана за руку,— вотъ тебѣ дѣдушка, будь уменъ, слушайся его.

Двое крестьянъ, ворча и ругаясь, пошли къ дверямъ, а Францъ-Ксаверъ послалъ имъ вдогонку:

— Это точно, мы не изъ первыхъ на селѣ, однако и самъ императоръ не назоветъ насъ нищими, потому мы хоть сегодня готовы на тотъ свѣтъ и можемъ сами заплатить за похороны.

Затѣмъ старикъ пошелъ домой съ мальчуганомъ, который высоко взмахивалъ и вертелъ въ воздухѣ узелкомъ со всѣми своими пожитками.

Немного погодя мальчикъ спросилъ:

— А у тебя тоже и бабушка есть дома-то?

— Нѣтъ, отвѣтилъ старикъ.

— Ура! крикнулъ Гансъ,— а вотъ Игнатиха бывало цѣлый день мнѣ трѣпки задаетъ, потомъ отдали меня лодочнику, такъ его жена чуть меня голодомъ не заморила. Ура! крикнулъ онъ еще разъ черезъ осыненное елями озеро,— ура, коли ты безъ бабушки!

Щебенщикъ толкнулъ мальчугана локтемъ.

— Слышь-ко, у насъ такъ не орутъ—славное это воспитаніе было бы—понялъ?

— Какъ не понять, отвѣчалъ мальчикъ,— вѣдь годика черезъ два я въ школу пойду, а пѣть ужъ и теперь умѣю.

И онъ звонко затянулъ веселую простонародную пѣсенку. Затѣмъ съ такою же легкостью послѣдовала другая; скоро они миновали озеро и свернули въ долину; тропинка въ густой заросли привела ихъ къ покоеннейшей хижинѣ старика. Онъ тотчасъ приступилъ къ обязанностямъ домохозяйки, принесъ блюдо простоквашы и небольшой хлѣбецъ. Молча, положивъ локти на столъ, принялись они за дѣло; когда простокваша стала подходить къ концу, старикъ совсѣмъ предоставилъ ее своему питомцу, причемъ этотъ впервые взглянулъ въ него попристальнѣе и даже съ видомъ искренняго восхищенія.

Францъ-Ксаверъ подошелъ къ ветхому шкапу, отворилъ его и подозвалъ мальчугана.

— Въ жизни, видишь-ли, началъ онъ,— первое дѣло во всемъ порядокъ; вотъ тутъ, въ этомъ ящикѣ, нашъ съ тобою порядокъ—притомъ въ двухъ отдѣленіяхъ: во-первыхъ, деньги на похороны, сюда я и кладу полученныя отъ бургомистра двѣ марки, потому что порядочный человекъ не позволяетъ себя зарыть словно какого мотыгу, а загода подумаетъ о приличномъ погребеніи; во-вторыхъ, деньги на веселье, только веселье—разъ навсегда послѣднее дѣло, и потому тутъ нѣтъ ни гроша—это замѣть.

* Во многихъ мѣстахъ южной Германіи сиротъ берутъ на воспитаніе какъ бы съ аукціона, причемъ сирота достается тому, кто беретъ съ община дешевле прочихъ за его содержаніе.

Гансъ поглядѣлъ въ лица и смѣрялъ оба хранилища испнутоющимъ взоромъ; потомъ съ видомъ глубочайшаго убѣжденія заявилъ:

— А я бы все на веселье!

Но тутъ же и получилъ первую затрещину.

— Такъ думаютъ ни на что негодные люди, наставительно поучалъ его дѣдушка,—и это надо изъ тебя выколотить, ужъ такая наша треклятая обязанность воспитателей.

Съ этими словами онъ стащилъ со своей кровати что было помягче и получше и постлалъ своему питомцу постель на лежанкѣ. Ночью, какъ только Гансъ ворочался во снѣ, лисей черепъ старика съ торчавшими тамъ и сямъ сѣдыми клочками волосъ приподнимался съ подушки, а лицо принимало крайне озабоченный видъ.

Рано утромъ, едва солнце заглянуло въ долину, оба, столь несходные между собою товарища, сидѣли уже другъ противъ друга на кучѣ камней. Гансъ производилъ впечатлѣніе громаднаго гриба, такъ какъ на немъ была непомерно большущая соломенная шляпа, подъ которой почти совсѣмъ пропало его крошечное тѣло съ вытянутыми впередъ ножонками. Онъ съ дѣтскою радостью дробилъ камни и ему было-бы истиннымъ удовольствіемъ колотить ихъ зря подъ свою пѣсенку, но дѣдушка училъ иначе: „такъ лупить лишь непутѣвые, а не тѣ что гордятся своею работою; моя куча должна быть на диво, чтобы всякій сказалъ: „вотъ это видно что Францъ-Ксаверъ наколотилъ““.

Но такъ какъ молотъ Ганса все сбивался на быстрый тактъ его пѣсенъ, то дѣдушка прохрипѣлъ ему старинную церковную пѣсню, благодаря чему они нѣкоторое время били довольно дружно ударъ за ударомъ. Мало-по-малу однако у старика не хватило голоса, и протяжный напѣвъ мальчугана быстро перешелъ въ плясовую, что вскорѣ опять перевернуло весь порядокъ вверхъ дномъ. Тогда старикъ отложилъ свой молотъ и до тѣхъ поръ таскалъ плутинку за ухо, пока тотъ не попалъ въ настоящій тактъ. Такимъ образомъ прошло утро и полдень; къ вечеру, на дорогѣ отъ озера показался бургомистръ, и Гансъ, завидѣвъ его, съ быстротою молніи скатился со своей кучи, сорвалъ съ головы шляпу и, размахивая ею, выразилъ свое радостное настроеніе ликующимъ: „Богъ въ помощь!“

Ласковый бургомистръ остановился.

— Ну, какъ твои дѣла, мальчуга?

— Отлично! крикнулъ Гансъ, такъ что его слышно было-бы за озеромъ.

Дѣдушка скомандовалъ ему: „пой!“ Мальчикъ старался изо всѣхъ силъ и замолкъ лишь тогда какъ бургомистръ съ одобреніемъ вручилъ ему блестящій новенькій феннигъ.

— Ура! крикнулъ карауль, прыгнувъ на кучу камней и замахалъ широкополою шляпой: — теперь есть у меня и на веселье!

Но щебенщикъ озабоченно поймалъ его за ноги, растянулъ его у себя на колѣняхъ и порядкомъ наплепалъ его. Затѣмъ вытеръ себѣ вспотѣвшій лобъ и спряталъ феннигъ въ карманъ, приговаривая: „Какъ я тебя училъ? На что нужны деньги во-первыхъ?“

— На треклятыя похороны, всхлипнулъ Гансъ.

Вскорѣ веселый паренекъ понялъ, что голосяшю его дѣло не пустячное, такъ какъ рѣдко кто проходилъ мимо не обративъ вниманія на пѣвца или не кивнувъ ему привѣтливо головой. Вслѣдствіе этого, Гансъ каждый разъ, какъ только завидитъ кого-нибудь на дорогѣ, скатывался со своей кучи, срывалъ шляпу и затягивалъ пѣсню. А такъ какъ въ эту лѣтнюю пору на озерѣ и Санктъ-Блазиецѣ бывало много наѣзжикъ, мальчику черепало не мало свѣтленькихъ монетокъ; во какъ настоятельно ни внушалъ онъ старнику: „вотъ еще деньги, дѣдушка, вѣдь это ужъ на веселье?“ все безповоротно шло въ кассу на похороны.

А тѣмъ временемъ какъ сумма эта росла, Францъ-Ксаверъ съ каждымъ днемъ становился самодовольнѣе, насмѣшливѣе и даже задорнѣе по отношенію къ ближнимъ: сознание, что онъ уже не нуждается въ даровомъ погребеніи, портитъ его характеръ и онъ сталъ чваниться предъ Богомъ и людьми.

— Что-жь, сколько угодно! оскаливался онъ на небо, когда напимѣръ ливень хлесталъ ему въ спину,— намъ все едино: можемъ хоть сейчасъ на тотъ свѣтъ... готовы... готовы...

Въ церкви онъ засыпалъ и храпѣлъ съ наслажденіемъ, ибо теперь, когда онъ могъ заплатить господину пастору, этотъ послѣдній казался ему личною маловажною, которой можно причинить сколько угодно неприятностей за ту кучу денегъ, что придется отсчитать ему.

Какъ-то вечеромъ, отворивъ извѣстный ящикъ съ двумя отдѣленіями, старикъ сдѣлалъ открытіе, на минуту лишившее его даже языка; въ пустой до сихъ поръ кассѣ на-веселье — теперь лежало около половины той суммы, что хранилась въ кассѣ на похороны, а эта послѣдняя ровно настолько-же истаяла.

Гансъ стоялъ противъ старика со сложенными руками и весь красный отъ напряженія, напѣвая обычную молитву, которой сегодня по какому-то смутному побужденію посвящала всю силу своихъ здоровыхъ легкихъ.

— Пстой-ка! крикнулъ старикъ, поймавъ его за хохоль, — а кто это сдѣлалъ — вотъ это? — и онъ грубо ткнулъ Ганса носомъ въ ящикъ, — шикъ на свѣтѣ не слыхивалъ отъ меня про два отдѣленія — кому-же кромѣ тебя могла придти сатанинская мысль опростать похоронную кассу на веселье?

— Можетъ-быть Боженъка, пролетѣлъ Гансъ, — можетъ Опъ подумалъ...

— Вотъ Онъ что подумалъ, перебилъ дѣдушка, — выбить изъ тебя надо треклятое веселье...

Что касается добряка Франца, то и ему наконецъ пришлось узвать, что онъ тоже рассчиталъ безъ хозяина. Ужь не разъ уговаривали его починить свою старую, развалившуюся печь; но онъ оставался глухъ ко всѣмъ увѣщаніямъ. Однажды вечеромъ яркое пламя вспыхнуло на чердакѣ, и хотя пожаръ тотчасъ потушили, но шебенщику ничего уже не оставалось какъ позвать въ домъ рабочихъ. По окончаніи работы имъ пришлось отдать всю похоронную кассу, и съ этого дня старикъ сидѣлъ на своей кучѣ словно живое воплощеніе горя, смиренно и уныло кланяясь каждому прохожему, а пастору чуть не до земли. Вѣдь умри онъ теперь, ему нечѣмъ заплатить за свои похороны — и каждый на селѣ имѣлъ-бы право презирать его. Тутъ онъ умалился предъ Господомъ, пропала у него всякая охота бесѣдовать съ Нимъ свысока и онъ ежечасно молился: „Господи, Господи, долго еще буду я недостойнъ вѣчнаго блаженства...“

Хотя солнце грѣло еще долину самыми жаркими лучами, старикъ обматывалъ себѣ шею шерстянымъ шарфомъ боясь простуды, и до того потѣлъ въ теченіе знойнаго дня, что волосы на затылкѣ его приняли даже зеленоватый оттѣнокъ.

А Гансъ пользовался его упадкомъ духа для того, чтобы совсѣмъ ужъ по своему дробить камни въ тактъ своей пѣснѣ — и только сердце радовалось послушать его.

Разъ какъ-то изъ кареты вышла знатная дама, и ей захотѣлось милостиво подозвать къ себѣ мальчика.

— Докторъ, сказала она своему спутнику, — пусть онъ проведетъ насъ немножко по лѣсу; это освѣжаетъ.

На дамѣ былъ длинный красный плащъ, въ которомъ она путалась съ такимъ трудомъ, что вотъ-вотъ того и гляди совсѣмъ свалится съ ногъ. Докторъ справа, компаньонка слева, несли пледы, шали, зонтики и оба страшно зѣвали, отвращаясь каждый въ свою сторону лѣса.

Гансъ-же въ своей шляпкѣ храбро и безбечно шелъ впередъ и велъ всю компанію по узенькой тропинкѣ, обставленной до того часто разросшимися елями, что онѣ казались древесными трунами, закутанными сѣрымъ саваномъ вѣтвей. Подъ самою густою сѣнью ихъ оказалась скамейка, и дама со вздохомъ опустилась на предложенное ей мѣстечко, причѣмъ ее тотчасъ прикрыли дожиною пледовъ, закутали, спеленали чуть не до задушенія, а затѣмъ послѣдовалъ совѣтъ: „теперь дышите глубже, графиня!“

Она и старалась всѣми силами, сомкнувъ вѣки, но тотчасъ въ испугѣ широко открыла глаза, такъ какъ Гансъ, не дожидаясь приглашенія, подъ самымъ ея носомъ грянулъ одну изъ своихъ пѣсней.

Докторъ хотѣлъ было прогнать мальчика, но графиня махнула ему крохотною, словно дѣтскою ручонкой: „Оставьте, оставьте его“, и Гансъ пѣсня за пѣсней выложилъ весь свой запасъ, засунувъ руки въ карманы и не сводя съ графини лучистаго взгляда.

Покончивъ репертуаръ, онъ спросилъ, не начать-ли опять сначала.

— Нѣтъ, сказала графиня, — лучше расскажи мнѣ, кто твои родители.

— Да у меня никого нѣтъ, отвѣтилъ Гансъ, — дѣдушка взялъ меня съ торговъ.

Докторъ объяснилъ графинѣ значеніе этого слова, при чемъ та облегчила себя вздохомъ состраданія.

— Чтожь, ты любишь старика? обратилась она къ мальчику. Но Гансъ еще не слыхивалъ слова *любить*, а потому глушавато потушился и наконецъ застычиво потрясъ головою.

— Ахъ, бѣдное дитя! воскликнула графиня. — Докторъ, нельзя-ли пристроить его куда нибудь въ другой домъ, гдѣ-бы его окружили любовью?

— Чего? крикнулъ Гансъ, — ну, этакъ, слышь-ко, придется повозиться со мной, я отъ дѣдушки-то не пойду ни за что на свѣтѣ.

— Вотъ какъ, стало-быть тебѣ хорошо у него?

— Разумѣется, хорошо...

— Онъ значить никогда тебя не бьетъ?

— Только за веселье, а то никогда.

Графиня полюбопытствовала, какъ это понять, и Гансъ далъ полное объясненіе:

— Потому что у дѣдушки двойной порядокъ: во-первыхъ, деньги на похороны, во-вторыхъ — на веселье. Однако все идетъ на похороны — на веселье ни гроша, а мнѣ хотѣлось бы копить на веселье, вотъ за это и бьетъ.

— Что-жь такое веселье?

Этого Гансъ не зналъ.

— Такъ почему же тебѣ хочется копить на веселье?

— Да все же лучше чѣмъ на похороны.

Тутъ всѣ трое сильно скучавшихъ слушателей вдругъ какъ бы повеселѣли, а графиня заявила: „дадимъ ему что-нибудь на веселье, докторъ — нѣтъ-ли у васъ двадцати марокъ?“

Гансъ вытаращилъ глаза. Когда же онъ почувствовалъ въ рукѣ всю эту кучу денегъ, у него даже духъ занялся отъ радости при такомъ безмѣрномъ счастьи. Онъ хотѣлъ было пропенегать свое „подай вамъ Господи!“ какъ вдругъ на него нашло раздумье.

— Господи Боже мой! проговорилъ онъ, — а вдругъ дѣдушка все это на похороны...

— Ну, этому можно пособить, успокоила его графиня, — неправда-ли, докторъ?

Тотъ вырвалъ страничку изъ своей записной книжки. „Я дамъ ему записку“.

Мальчуганъ вздохнулъ съ облегченіемъ, получилъ записку и кинулся бѣжать со всѣхъ ногъ. Они смотрѣли ему вслѣдъ, графиня въ лорнетку, какъ онъ, громко ликуя и высоко поднимая руки, неся по лѣсной тропинкѣ.

Дѣдушка справлялъ кануть праздника и печально сидѣлъ на порогѣ хижины, когда Гансъ бурей налетѣлъ на него съ вѣстью: „Эна сколько денегъ, дѣдушка — цѣлая пригоршня!“

Сгорбленный станъ старика разомъ выпрямился, и дѣдушка вошелъ съ мальчуганомъ въ комнату; тамъ Гансъ бросилъ деньги на столъ, а Францъ-Ксаверъ пересчиталъ ихъ, держа всѣмъ тѣломъ, потомъ подошелъ къ шкапу и досталъ ящикъ съ двумя отдѣленіями.

— Нѣтъ, постой-ка, сказалъ Гансъ, показывая ему записку, — тутъ написано — это все на веселье.

Дѣдушка схватилъ записку и прочелъ, сначала не вѣря глазамъ, потомъ съ увѣренностью: „на веселье“; колѣна его задрожали, а лицо выразило такое горькое разочарованіе, что *ура!* съ которымъ Гансъ хотѣлъ было собрать свои марки, застряло у него въ горлѣ и ему стало какъ-то смутно на душѣ. Онъ сгрѣбъ деньги въ одну кучку, сгрѣбъ въ другую, и подвинувъ половину старому проговорилъ:

— На вотъ и тебѣ, развеселись и ты, дѣдушка.

Тотъ не заставилъ просить себя дважды и торопливо схватилъ свою долю. Онъ подмигивалъ, смѣялся, глаза его блестя въ влагой, медленно и задумчиво опустилъ онъ счетомъ свои десять марокъ въ кассу на похороны; потомъ сорвалъ съ шеи обмотанный шерстяной шарфъ на полъ и далъ ему еще пинка ногой, оскалывая на закопченный потолокъ:

— Что-жь, теперь когда угодно... намъ все едино... можемъ хоть сейчасъ на тотъ свѣтъ... готовы... готовы...

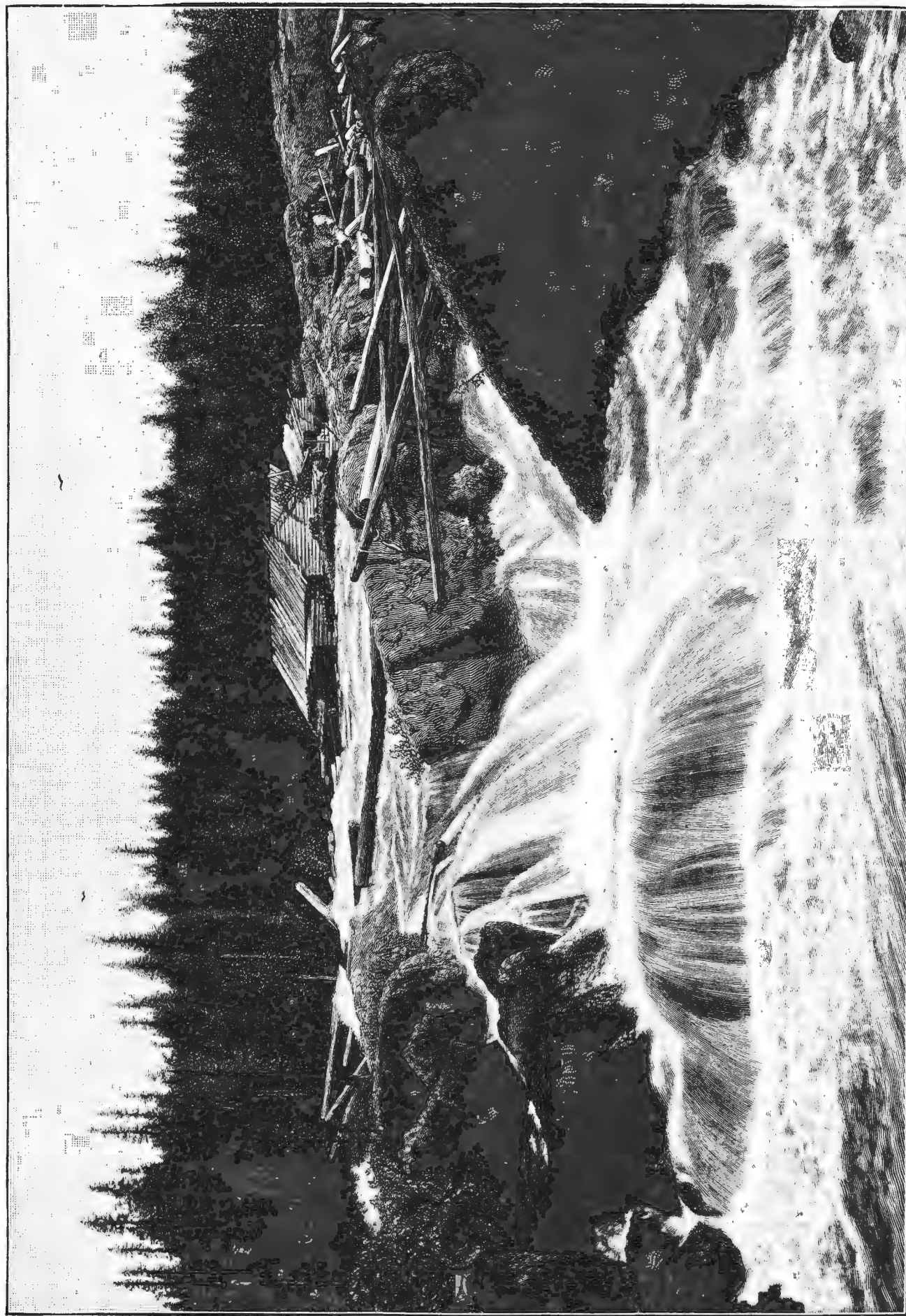
Помощь утопающимъ и мнимо-умершимъ.

К. Фалькенгорста.

Что дѣлаетъ человѣкъ неумѣющій плавать, когда упадетъ въ воду? Онъ обыкновенно терется, поднимаетъ руки вверхъ и дѣлаетъ совершенно бессознательныя, нецѣлесообразныя движенія. Черезъ это становится чрезвычайно трудно, опасно и почти невозможно спасти его; онъ большею частью судорожно хватается за своего спасителя и мѣшаетъ ему, какъ самому держаться на водѣ, такъ и вытаскивать утопающаго. Если человѣкъ умѣетъ плавать, онъ можетъ сохранить необходимое спокойствіе и хладнокровіе; но неумѣющій, зная, что онъ не можетъ спастись самъ и что долженъ потонуть, если не явится

немедленная помощь, естественно теряетъ присутствіе духа и приходить въ отчаяніе.

Слѣдовало-бы поэтому внушить всѣмъ неумѣющимъ плавать, что, дѣйствуя правильно и разумно, они могутъ сами удержаться на водѣ до прибытія помощи. Въ собственныхъ своихъ интересахъ, пусть они хорошенько выикнутъ въ смыслъ предложенныхъ здѣсь трехъ рисунковъ. Рис. 1 изображаетъ то положеніе, котораго не слѣдуетъ принимать, при которомъ легче всего утонуть и которое, къ сожалѣнію, чаще всего принимаетъ утопающій, вызывая о помощи и потому поднимая изъ воды руки.

Часть водопада Порь-порогъ въ Олонецкой губ. Съ фот. Вишикова, грав. Рашевскій.

Стадо черепахъ на походѣ. Рис. Ріу, грав. Молле.

Второе положеніе (рис. 2) болѣе благопріятно. Здѣсь голова нѣсколько выступаетъ изъ воды и наклонена назадъ, благодаря чему носъ и ротъ остаются свободными для дыханія. Поэтому главное условіе, которое долженъ соблюдать неумѣющій плавать, заключается въ томъ, чтобы не поднимать рукъ надъ водой. Объясняется это тѣмъ, что тѣло человѣка нѣсколько легче вытѣсняемаго имъ и равнаго ему по объему количества воды. Если руки подняты кверху, количество вытѣсняемой воды уменьшается, а голова неизбежно опускается глубже.

Второе положеніе имѣетъ однако одно неудобство: оно слишкомъ утомительно, потому что приходится сильно наклонять голову назадъ, для того, чтобы ротъ находился надъ поверхностью воды. Поэтому слѣдуетъ предпочитать третье положеніе (рис. 3). Здѣсь руки вытянуты назадъ, надъ головой, тѣло принимаетъ горизонтальное положеніе, а лицо и ротъ остаются надъ водой.

Почему положеніе рукъ можетъ измѣнить положеніе всего тѣла въ водѣ, видно изъ нашихъ рисунковъ. Бѣлое пятно изображаетъ воздухъ, который находится въ легкихъ и внутренностяхъ человѣка и обуславливаетъ для него возможность держаться на водѣ. Когда руки вытянуты назадъ, вѣсъ верхней и нижней половины тѣла уравновѣшивается въ тѣло балансируетъ по сторонамъ большого пузыря воздуха, стремящагося кверху. Если же держать руки внизъ, что называется по швамъ, то нижняя половина тѣла становится тяжелѣе, ноги опускаются глубже и все тѣло получаетъ болѣе отвѣсное положеніе.

Рисунки въ то же время показываютъ, что намъ тѣмъ легче держаться на водѣ, чѣмъ обширнѣе пузырь воздуха, и потому утопающій долженъ стараться вобрать въ легкія какъ можно больше воздуха, посредствомъ медленныхъ, глубокихъ вдыханій и короткихъ выдыханій.

Такимъ образомъ, утопающему являются три основныхъ правила самопомощи:

- 1) Не поднимать рукъ изъ воды.
- 2) Лежать на спинѣ, держа ротъ надъ водой.
- 3) Медленно вдыхать воздухъ и коротко выдыхать.

Этимъ простымъ способомъ, въ нѣсколькихъ, извѣстныхъ намъ, случаяхъ, спасались не только женщины, но даже дѣти. Искусство лежать на спинѣ должно, по нашему мнѣнію, составлять основаніе всякаго обученія плаванію, такъ какъ оно есть естественное средство спасенія. Мы особенно настаиваемъ на томъ, что при нѣкоторой глубинѣ воды, *каждый, безъ всякихъ усилій, можетъ научиться держаться на водѣ, лежа на спинѣ.*

И такъ, каждый неумѣющій плавать долженъ спасаться самъ или, по крайней мѣрѣ, лежать на водѣ до прибытія помощи.

Но какимъ-же образомъ спасти утопающаго, при несоблюденіи имъ этихъ условій?

Неумѣющій плавать долженъ протянуть тонущему весло, веревку или другой какой-либо предметъ. Если-же ничего не случится подъ руками, пусть онъ, не теряя головы, *сниметъ куртку* и взявъ его за конецъ рукава, броситъ другой рукавъ или полу утопающему, чтобы прежде всего установить съ нимъ сообщеніе. Мы знаемъ не мало такихъ случаевъ спасенія. Не надо забывать при этомъ, что утопающій всегда еще разъ появляется надъ водой, прежде чѣмъ захлебнется, и тутъ-то, по словуцамъ, готовъ схватиться за каждую соломенку.

Теперь мы подходимъ къ важному вопросу, какимъ образомъ долженъ поступать *умѣющій плавать* при спасеніи погибающаго. Вопросъ этотъ важенъ потому, что при неумѣиіи взяться за дѣло, спасающій подвергаетъ опасности собственную жизнь.

Профессоръ Эсмертъ перепечатываетъ въ своемъ „Руководствѣ“ (Leitfaden) правила для спасанія утопающихъ, составленныя начальникомъ морской службы вольнаго города Гамбурга, Тетенсомъ. Правила эти, заслуживающія широчайшаго распространенія, гласятъ такъ:

1) Приближаясь къ утопающему, слѣдуетъ крикнуть ему громкимъ голосомъ, что онъ спасенъ.

2) Прежде, чѣмъ броситься въ воду, надо раздѣться совершенно и до возможности быстро. Платье приходится, конечно, срывать съ себя.

3) Не слѣдуетъ хватать утопающаго, пока онъ самъ работаетъ въ водѣ; надо переждать нѣсколько секундъ, пока онъ успокоится. Было-бы безуміемъ хватать человѣка, пока онъ борется съ волнами; это значило-бы подвергать собственную жизнь величайшей опасности.

4) Когда утопающій успокоится, слѣдуетъ, приближившись къ нему, схватить его за волосы, быстро повернуть на спину и дать сильный толчокъ, чтобы онъ поднялся на поверхность воды. Затѣмъ, самому повернуться на спину и плыть къ берегу, положивъ голову утопленника себѣ на животъ, разуться лицомъ кверху, и держать его обѣими руками за волосы. Этимъ способомъ можно быстрае и вѣрнѣе, чѣмъ всякимъ другимъ, достигнуть берега, а опытный пловецъ въ состояніи сдерживать на водѣ даже двухъ человѣкъ. Главная выгода здѣсь заключается въ томъ, что какъ собственная голова, такъ и голова утопленника, остаются надъ водой. Къ тому же, такимъ

образомъ можно долго продержаться на водѣ, что особенно важно, если приходится ждать лодку или другой помощи.

5) Случай, что утопающій судорожно выталкивается въ спасителя и увлечаетъ его за собою, весьма рѣдки. По мѣрѣ того такъ гибнущій ослабѣваетъ и теряетъ сознание, рука его также становится слабѣе, пока совсѣмъ не выпуститъ опору. Поэтому, всѣ опасенія такого рода могутъ быть названы совершенно напрасными.

6) Если утопленникъ погрузился на дно, то при спокойной водѣ, можно съ точностью опредѣлить мѣсто, гдѣ лежитъ тѣло, по пузырямъ, поднимающимся на поверхность воды. При этомъ надо, разумеется, принимать въ соображеніе теченіе, которое не даетъ пузырямъ подниматься вполне вертикально. Очень часто, руководствуясь пузырями, можно успѣть вытащить тѣло изъ воды, пока еще есть возможность возвратитъ его къ жизни.

7) Нырнувъ за тѣломъ, его слѣдуетъ схватить за волосы, но только одной рукой, чтобы при помощи другой руки и ногъ выбраться на поверхность воды.

8) Въ морѣ, во время отлива, было-бы большой ошибкой плыть къ берегу. Лучше лечь на спину, все равно одному-ли или водоча за собою утопленника, и держаться на водѣ до прибытія помощи. Нерѣдко спасающій, плывя къ берегу противъ теченія, истощаетъ свои силы и тонетъ, тогда какъ лодка или другая помощь могла-бы подоспѣть, если-бы онъ старался только удержаться на водѣ.

9) Всѣ вышеприведенныя указанія должны равно соблюдаться, какъ при тихой водѣ, такъ и при бурной погодѣ на морѣ.

Очень часто утопавшихъ вытаскиваютъ изъ воды въ безчувственномъ состояніи, повидному — мертвыми. Здѣсь надо замѣтить слѣдующее:

Смерть въ водѣ можетъ произойти отъ двухъ причинъ. Утопающій захлебывается, т. е. *задыхается*. Онъ вдыхаетъ въ легкія воду, вмѣсто воздуха, и кромѣ того еще проглатываетъ большое количество воды. Смерть вслѣдствіе задыханія наступаетъ не тотчасъ, а послѣ сравнительно долгой борьбы съ волнами. Утопленникъ въ такомъ случаѣ имѣетъ всѣ признаки задохнагося: синевато-красное всухшее лицо, синевато-красныя губы, налитыя кровью глаза. Если открытъ утопленнику ротъ, въ немъ окажется пѣнисто-водянистая жидкость. Желудокъ, воздухоносные каналы и легкія содержатъ также большое количество воды.

Но не всегда утопленники отличаются этими признаками. Иногда лицо *блѣдно*, вяло, во рту очень мало, а иногда и вовсе нѣтъ пѣнистой жидкости. Эти признаки показываютъ, что смерть наступила, не вслѣдствіе задыханія, а вслѣдствіе *обморока* или паралича сердца. Въ этомъ случаѣ, дыхательныя движенія прекратились моментально, гортанное отверстие, т. е. входъ въ дыхательные каналы, судорожно сжалось и въ легкія успѣло проникнуть лишь самое незначительное количество воды.

Такіе признаки *благопріятны*; въ этомъ случаѣ больше шансовъ вернуть утопленника къ жизни, чѣмъ въ первомъ.

Приходится часто слышать вопросъ: какъ скоро наступаетъ смерть въ водѣ? Сколько времени долженъ человѣкъ пробывать подъ водою, чтобы умереть? Десять минутъ, четверть часа, или болѣе? На это мы отвѣтимъ: Опредѣлить время нельзя. Бывали случаи, что послѣ пребыванія подъ водою въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, жизнь еще не угасала, и послѣ столь же долгихъ стараній, удавалось привести утопленника въ чувство. Отсюда вытекаетъ правило:

Каждый утопленникъ долженъ считаться мнимо-умершимъ.

Какимъ же образомъ можно вернуть этого мнимо-умершаго къ жизни?

Лучше всего это сдѣлать врачъ; а потому, первал обязанность спасающаго — *не теряя времени, послать за врачомъ*. Въ то же время надо постараться добыть сухую одежду и теплыхъ одѣяль.

Но и до прибытія врачебной помощи не слѣдуетъ складывать руки, а напротивъ тотчасъ приступить къ попыткамъ привести утопленника въ чувство, причемъ первою задачей является возстановленіе дыханія. Правила для этого слѣдующія:

1) Утопленника не слѣдуетъ поднимать за ноги, головою внизъ, а прежде всего положить его, на свернутыя одѣяла, платья или къ себѣ на колѣна, на животъ, подложивъ одну руку подъ голову, причемъ голова и грудь должны находиться ниже остальнаго тѣла. Затѣмъ необходимо надавливать утопленнику спину для того, чтобы ускорить истеченіе воды изъ легкихъ и желудка.

2) Чтобы дать свободный доступъ воздуху въ дыхательные каналы, слѣдуетъ открыть утопленнику ротъ, очистить его, также какъ и носъ, отъ набившагося туда ила и т. п. платкомъ, вытянуть языкъ и оставить его въ такомъ положеніи (лучше всего привязавъ его къ подбородку эластичной повязкой, платкомъ, бинтомъ и т. п.) или выдвинувъ впередъ челюсть.

3) слѣдуетъ снять съ него мокрую одежду и, прежде всего,

наиболье тѣсную, съ шеи и груди, какъ наприм. галстухъ, запонки на сорочкѣ и подтяжки.

4) Чтобы вызвать *самостоятельныя* дыхательныя движенія, полезно, не теряя времени, раздражать ноздри нюхательнымъ табакомъ или солями, щекотать горло перышкомъ, крѣпко

растирать грудь и лицо, вспрыскивая попеременно то холодной, то теплой водой, и съ силою хлопать по груди мокрымъ полотенцемъ.

5) Но не слѣдуетъ долго останавливаться на этихъ попыткахъ. Если сейчасъ-же не появятся дыхательныя движенія, надо перейти къ *искусственному дыханію*.

Какъ при естественномъ дыханіи, дѣйствіемъ мускуловъ, грудная клѣтка то растягивается, то сжимается, для того, чтобы воздухъ то проникалъ въ легкія, то выжимался изъ нихъ, такъ при искусственномъ дыханіи то же самое должно быть достигнуто внѣшнимъ воздействием. Это дѣлается различными способами. Профессоръ Эсмархъ рекомендуетъ способъ Сильвестра, такъ какъ онъ можетъ, въ случаѣ надобности, быть исполненъ однимъ лицомъ и не разъ уже давалъ прекрасные результаты. Приложенные здѣсь рисунки могутъ служить ему въ высшей степени нагляднымъ поясненіемъ.

Минимому-умершаго кладутъ на спину, такъ, чтобы голова и

Фиг. 3.

плечи приходились нѣсколько выше, для чего подкладываютъ свернутую одежду или одеяла.

Проводящій искусственное дыханіе помещается позади лежащаго, беретъ его за обѣ руки повыше локтя, медленно и равномерно поднимаетъ ихъ выше головы и въ такомъ положеніи оставляетъ ихъ 2 секунды. Черезъ это грудная клѣтка

Фиг. 5.

расширяется и воздухъ втягивается въ легкія (см. рис. 4). Затѣмъ руки точно такъ же отводятъ обратно и въ продолженіе 2 секундъ осторожно, но крѣпко прижимаютъ ихъ къ боковымъ стѣнкамъ грудной клѣтки. Благодаря этому, воздухъ снова выдавливается изъ легкіихъ (см. рис. 5).

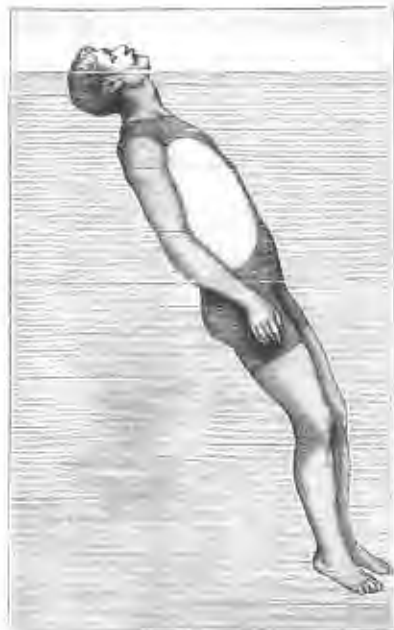
Если приводящихъ въ чувство двое, то они становятся по

обѣимъ сторонамъ утопленника, каждый беретъ одну руку и, по командѣ: „разъ, два, три, четыре!“ продѣлываютъ всѣ вышеуказанныя движенія (рис. 6).

Движенія эти повторяются спокойно и осторожно до 15 разъ въ минуту, пока не будетъ замѣчено, что начинаются самостоятельныя дыхательныя движенія. Первое самопроизвольное вдыханіе обыкновенно сопровождается моментальнымъ измѣненіемъ цвѣта лица; блѣдное — краснѣетъ, и наоборотъ.

Искусственное дыханіе должно производиться до прибытія врача, а за его отсутствіемъ — въ продолженіе цѣлыхъ часовъ. Лишь по прошествіи многихъ часовъ послѣ прекращенія дыханія и сердцебиенія, можно со спокойной совѣстью прекратить попытку возвращенія къ жизни.

Если старанія спасающихъ увѣнчались успѣхомъ и начался самостоятельный дыхательный движенія, искусственное дыханіе должно быть тотчасъ-же прекращено. Тѣло завертываютъ въ теплое платье или одеяло и растираютъ члены по направленію снизу вверхъ; затѣмъ возвращеннаго къ жизни переносятъ въ теплую постель, покрываютъ его теплыми фланелевыми одеялами, кладутъ кувшины съ теплою водой или грѣлки на желудочную впадину, подмышки,

Фиг. 2.

Фиг. 4.

между шенкелями и къ подошвамъ ногъ, такъ какъ теперь остается только возбудить теплоту тѣла и дѣятельность сердца.

Пить можно дать больному лишь тогда, когда жизнь возвратилась настолько, что онъ уже въ состояніи глотать; тогда

Фиг. 6.

чайной ложечкой вливаютъ ему понемногу въ ротъ теплую воду, кофе, чай, грогъ или вино.

К. Л. Риккеромъ недавно издана книжка д-ра Эсмарха „Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ“, въ переводѣ д-ра Грузева, съ 90 рисунками, стоящая въ переплетѣ всего 80 коп., съ пересылкой 1 рубль.

Къ рисункамъ.

Нарушенный покой. (Рис. на стр. 633).

Коровы питаютъ какую-то странную антипатію къ собакамъ чистокровныхъ породъ, преимущественно лагавымъ. Стоить охотнику пройти мимо стада со своимъ сетеромъ или маркловкой, чтобы всѣ коровы уставились на нее безмысленнымъ взглядомъ, затѣмъ рога понемногу наклоняются, а владѣлицы ихъ начинаютъ подвигаться на собаку, поднимаютъ хвосты и несутся коровымъ галопомъ, пока не остановитъ ихъ какаляшбуда изгородь, какъ изображено на прилагаемомъ рисункѣ.

Обѣдъ матросовъ на военномъ суднѣ.

(Рис. на стр. 636).

Обѣденная миска на военномъ суднѣ называется „бакомъ“, отсюда группа матросовъ, раздѣляющихъ трапезу у одной миски, сохраняетъ тоже названіе „бака“. Распредѣленіе команды по бакамъ происходитъ въ началѣ кампаніи. Въ каждомъ бакѣ число матросовъ состоитъ въ зависимости отъ размѣровъ судна и доходитъ до десяти. На лицевой сторонѣ нашего рисунка видны три бака: два изъ нихъ уже обѣдаютъ, третій же, средній, еще въ ожиданіи своихъ шей; такіе же баки на задней сторонѣ рисунка. Команда расположена у передней мачты — „фокъ-мачты“, слѣва виденъ „шпиль“, съ помощью котораго вынимается изъ воды якорь. Поодаль, на возвышеніи, стоитъ часовой.

„Снучно!“ Ориг. рис. А. Писемскаго. (Рис. на стр. 637).

Діанка появилась на свѣтъ и выросла, почти не сходя съ колѣнъ своей хозяйки, которая тогда ходила еще въ короткомъ платицѣ... Какъ онѣ весело провели слѣдующій годъ, бѣгая взапуски и на перегонки всю весну, лѣто и осень, перекликаясь веселымъ смѣхомъ и не менѣе звонкимъ лаемъ. А теперь, послѣ томительно долгой зимы, какая неожиданная перемена!.. Онѣ попрежнему каждый день выходятъ на прогулку въ паркъ, но молодая хозяйка уже не бѣгаетъ, даже ногъ у ней не стало видно, развѣ-развѣ нехотя кинеть Діанкѣ платокъ и заставитъ принести, а сама сидитъ въ тѣни дерева, развернетъ на колѣняхъ что-то бѣлое, похожее на зтотъ платокъ, и все смотритъ на него, не обращая болѣе вниманія на вѣрную подругу... Какая скука!..

Искушеніе Іисуса Христа. (Рис. на стр. 641).

На горѣ первозданной стояли Они,
И надъ Ними кругомъ разлились
Океаномъ лазурныя выси,
А подъ Ними земля—вся въ туманѣ, въ тѣни.
И Одинъ былъ блистательнѣйшій неба:
Благодать изливалась изъ кроткихъ очей
И сіялъ надъ главою вѣнецъ изъ лучей.
А другой былъ мрачнѣе зрѣба:
Изъ глубокихъ зеницъ вылетали огни,
На челѣ его злоба пылала
И подъ нимъ вся гора трепетала.
И сказалъ сатана Іисусу:

„Смотри!

Отъ заката свѣтилъ до востока,
Землю всю, во мгновѣніе ока,
Покажу я Тебѣ...“

И десницу простеръ...
— „Падши ницъ, поклонись—и отдамъ все сполна
Я Тебѣ...“ говоритъ искушитель.
Отвѣщаетъ Небесный Учитель:
— „Отойди, отойди отъ Меня; сатана!“ (Л. Мей).

Часть водопада Поръ-порогъ. (Рис. на стр. 644).

Рѣки Олонецкой губерніи, благодаря каменистой почвѣ русла, изобилуютъ порогами и водопадами. Знаменитѣйшій изъ послѣднихъ, какъ извѣстно, Кивачъ, воспѣтый Державнымъ въ его стихотвореніи, начинающемся словами: *Алмаза сылется гора*. Что касается пороговъ, то на одной рѣкѣ Выгъ, напр., ихъ насчитывается четырнадцать. Порогами называются низкіе водопады, слѣдующіе одинъ за другимъ въ видѣ болѣе или менѣе длиннаго ряда. Они повидимому представляютъ остатки прежнихъ, болѣе высокихъ водопадовъ, каменистая поверхность которыхъ, вслѣдствіе продолжительнаго размыванія, приблизилась къ горизонтальной плоскости. Когда вода, постоянно сглаживающая неровности своего русла, мало-помалу срѣжетъ острый уголъ обрывистаго уступа, съ котораго низвергалась рѣка, то водопадъ такъ-сказать растягивается въ длину и образуетъ порогъ, причемъ масса воды съ шумомъ и пѣною разбивается о скрытые или выступающіе камни и скалы. Одну изъ такихъ многочисленныхъ въ Олонецкой губерніи картинъ природы и представляетъ изображенный на нашемъ рисункѣ Поръ-порогъ.

Черепашки на походѣ. (Рис. на стр. 645).

Рисунокъ нашъ представляетъ прибрежную мѣстность Амазонской рѣки или Ориноко, быть-можетъ одинъ изъ острововъ, пѣкогда изслѣдованныхъ и описанныхъ Александромъ Гумбольдтомъ. Мѣстности эти чрезвычайно богаты до сихъ поръ черепаками, несмотря на ужасное и безтолковое истребленіе ихъ. Живы преимущественно въ водѣ, черепахи, во время кладки яицъ, выбираются на сушу. За нѣсколько времени до того, онѣ какъ-бы выслѣживаютъ избранное побережье, длинными рядами сидя на немъ и вытянувъ шею, чутко озираются во всѣ стороны. Когда, наконецъ, наступитъ надлежащее время, онѣ, собравшись несметными толпами, обыкновенно послѣ заката солнца, выбираются на берегъ и съ большою поспѣшностью, толкая другъ друга и стуча рогами панцирями, выискиваютъ удобное мѣстечко. Тамъ, вырывъ, какъ можно скорѣе, продолговатую яму аршина полтора въ длину и шириною до 12 вершковъ, онѣ кладутъ туда отъ 80 до 200 яицъ, которыя затѣмъ закапываются. Всю ночь царитъ на пустынномъ островѣ непривычная на немъ работа. Но съ первыми лучами дня животныя пускаются въ обратный путь къ водѣ. Но это многимъ не удается. Ихъ исконный и самый лютой врагъ, человѣкъ, выждавъ ихъ появленіе, истребляетъ черепахъ во множествѣ, на обратномъ ихъ походѣ. Затѣмъ начинается истребленіе положенныхъ ими яицъ. Весь островъ перерывается во всѣхъ направленіяхъ и яйца выкапываются, причемъ много ихъ портится. Яйца черепахъ употребляются въ пищу жареными или ихъ содержимое ѣдятъ съ сахаромъ, но главнымъ образомъ готовятъ изъ черепашихъ яицъ „Mantéiga“, черепашия масло, употребляемое для жаренья рыбы и другихъ продуктовъ. Чтобы составить себѣ представленіе о той массѣ яицъ, которая истребляется съ этою цѣлью, достаточно слѣдующихъ цифръ. У Рио-Мадейры готовится ежегодно до 2000 глиняныхъ горшковъ съ мантейгой, на что потребно бываетъ до 4 милліоновъ черепашихъ яицъ. Если въ землѣ останутся яйца и изъ нихъ вылупятся молодые животныя, то и имъ грозитъ не мало опасностей, преимущественно опять отъ человѣка, такъ какъ свѣжія черепахи или консервы изъ нихъ считаются у многихъ лакомствомъ. При такомъ истребленіи черепахъ не удивительно, что ихъ становится годъ отъ году меньше и уже встрѣчаются мѣста, гдѣ онѣ истреблены окончательно.

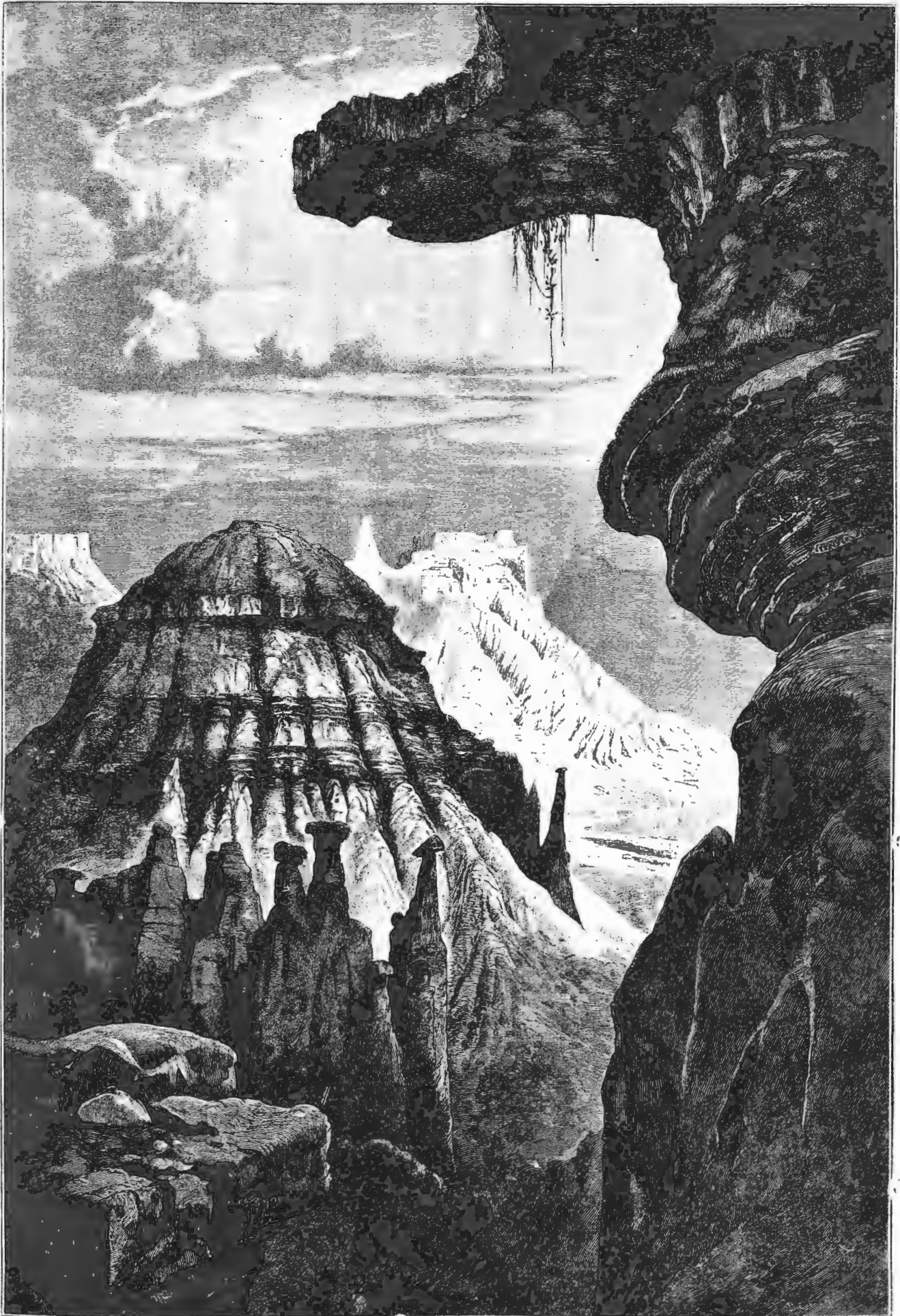
„Негодныя земли“ въ Дакотѣ. (Рис. на стр. 649).

Около десяти лѣтъ тому назадъ сѣверозападный конецъ Соединенныхъ Штатовъ считался положительно ужаснымъ, какъ по свойству его обитателей, такъ и по самой природѣ. На картахъ вся эта мѣстность раздѣлялась на 4 территоріи: Дакота, Монтана, Идахо и Вашингтонъ, которыя представляли собою послѣднія убѣжища краснокожихъ охотниковъ, преимущественно изъ племени Сіу. Около милліона квадратныхъ верстъ этой мѣстности были совершенно чужды цивилизаціи европейцевъ. Съ большимъ рискомъ врывались линіи желѣзныхъ дорогъ, пионеровъ цивилизаціи въ Америкѣ, съ разныхъ сторонъ въ пустынную, гористую и степную часть этой области. По этимъ дорогамъ отваживались лишь отчаянные авантюристы. Дакота, самая большая территорія Соединенныхъ Штатовъ, пространствомъ до 400,000 кв. верстъ, имѣла всего 14,000 жителей, т. е. 1 человѣкъ приходился на 30 кв. верстъ.

Такъ все это было до 1870 г. Съ этого года были открыты большія мѣсторожденія серебра у Елены и „Black Hills“. Для защиты рудокоповъ и борьбы съ разбойническими индійскими племенами Сіу и др. часто приходилось посылать противъ нихъ войска. Слѣдомъ за ними двигались трапперы (звѣроловы), охотники, скотоводы, купцы и т. д., которые и населили степи по теченію Миссури, причемъ появились города: Бисмаркъ, Фарго, Елена, Боземанъ, Буттъ-Сити и др. Около этихъ городовъ началось земледѣліе и скотоводство. Затѣмъ уже появляется проектъ соединить желѣзною дорогою берега Миссисипи черезъ степи Дакоты и Монтаны, чрезъ Идахо и Вашингтонъ къ Орегону съ берегами Тихаго океана.

Нѣсколько лѣтъ спустя всѣ эти территоріи оказываются уже густо населенными. При такомъ быстромъ развитіи и громадномъ увеличеніи ихъ благосостоянія не мудрено, что справедливыя требованія этихъ мѣстностей о переименованіи ихъ въ штаты, встрѣтили въ конгрессѣ сочувствіе. Благосостояніе и населенность Дакоты, въ 1860 году представлявшей лишь пустыню, дошли до такой степени, что пришлось ее раздѣлить на два штата: сѣверный и южный. Въ 1889 г. Соединенные Штаты обогатились четырьмя новыми штатами: Монтана, Вашингтонъ, сѣверная и южная Дакоты.

Въ обѣихъ Дакотахъ и Монтанѣ прерія представляетъ господствующій элементъ ихъ ландшафта. На 900 футовъ выше уровня Верхняго озера и на 1600 ф. выше уровня океана однообразно простираются эти преріи на западъ отъ Канадскихъ озеръ, постепенно повышаясь къ Скалистымъ горамъ,

Часть такъ-называемыхъ „негодныхъ земель“ (Bad Lands, Mauvaises terres) въ Дакотѣ (С. Амер. Штаты).
Рис. съ натуры Р. Кронау, гр. Ленхенъ.

и имѣя тотъ же характеръ къ преріи Канзаса и Небраски. Все отличие отъ послѣднихъ заключается лишь въ меньшей ихъ плодородности. Для туристовъ поѣздка отъ Миссисипи къ Скалистымъ горамъ, представляющимъ западную границу Монтаны, не являлась бы поэтому особенно интересною, если бы между Дакогою и Монтаною не лежали-бы такъ-называемыя „Негодныя земли“ (Bad lands, Mauvaises terres), справедливо считающіяся чудомъ природы, если не всего свѣта, то по крайней мѣрѣ Сѣверной Америки. Съ поѣзда желѣзной дороги можно получить объ этой въ высшей степени интересной горной странѣ лишь самое неполное представление. При этомъ не видишь ни „бедландовъ“, ни лабиринтовъ, въ которыхъ многочисленные изгибы долинъ и ущелій совершенно лишаютъ человѣка возможности ориентироваться; найти здѣсь вѣрный путь такъ же трудно, какъ выиграть 200,000.

Совершенно по прямой линіи прорѣзываетъ эта дорога весь хаосъ башенъ, куполовъ, гигантскихъ грибовъ, храмовъ и т. д., все это въ самыхъ разнообразныхъ, невозможныхъ формахъ и, когда послѣ нѣсколькихъ часовъ ѣзды поѣздъ останавливается у западной границы бедландовъ, опять открывается монотонный видъ на прерію.

Чтобы ознакомиться съ особенностью бедландовъ достаточно, сойдя съ поѣзда, сдѣлать дневное путешествие вдоль рѣки. При этомъ разнообразіе красокъ и формъ окружающей природы настолько разнообразно, что поневолѣ приходится думать, будто находишься въ одной изъ давно прошедшихъ геологическихъ эпохъ образованія земли. Вокругъ на много дней пути простирается гористая мѣстность, по своей особенности не поддающаяся ни описанію, ни воображенію, представляющая какимъ-то хаотическимъ собраніемъ скалъ, нагроможденныхъ самымъ невозможнымъ образомъ другъ на друга. Въ промежуткахъ между ними, въ долинахъ и котловинахъ, подымается роскошная растительность, окруженная мертвыми, голыми стѣпами желтаго цвѣта, а изъ этой растительности, какъ колосальные пни и стволы гигантскихъ деревьевъ, подымаются каменные массы. Всѣ эти бастионы, башни, на голову поставленные пирамиды, грибы, соборы въ готическомъ стилѣ, представляютъ самый невозможный переходъ отъ одного къ другому, составлены-же изъ одного вещества: чистой фарфоровидной глины, которая, благодаря дѣйствию воды съ незапамятныхъ временъ размылась и превратилась въ столь причудливый лабиринтъ, причѣмъ дождь въ продолженіе тысячелѣтій усердно помогалъ его образованію.

Но этимъ не исчерпываются чудеса этой волшебной страны. Кромѣ воды здѣсь является дѣйствующимъ лицомъ и другая стихія — огонь, который горитъ тамъ и понинѣ, да вѣроятно будетъ горѣть еще столѣтіями. Подъ прихотливыми формами глины находятся мощныя залежи угля и сѣры, горѣныя которыхъ, начавшееся съ незапамятныхъ временъ, продолжается до сихъ поръ. Эти появляющіяся тамъ и сямъ въ горахъ огоньки красивы и сами по себѣ, но ими-же обусловливается главная особенность этой мѣстности, а именно: разнообразность горной породы въ разныхъ мѣстахъ—въ зависимости отъ степени обжиганія глины, такъ что горы мѣстами состоятъ собственно изъ терракоты. Въ видѣ пятенъ, лентъ, полосъ, зигзаговъ, бордюровъ, рамокъ и кроны на вершинахъ, выдѣляются эти мѣста, окрашиваясь во всевозможныя оттѣнки между темно-коричневымъ, свѣтло-краснымъ до нѣжно-палеваго и фарфоро-бѣлаго включительно. Часто наталкиваешься, какъ-бы въблизи гигантскаго кирпичнаго завода, на цѣлую кучу обожженныхъ кирпичей. Въ другихъ мѣстахъ кирпично-красная гора усѣяна какъ-бы громаднымъ количествомъ разбитой посуды самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ. Далѣе видишь высокую пирамиду, основаніе которой обыкновеннаго глинистаго цвѣта, тогда какъ вершина, словно кончикъ носа какого-то гигант-пятиноги, принимаетъ подозрительный сине-багровый цвѣтъ. Вся эта путаница, хаотическое разнообразіе въ формахъ и цвѣтахъ скалъ находится какъ-бы въ рамкѣ окружающихъ террасъ, которые, поднимаясь все выше и выше, увеличиваютъ грандиозность картины, и только далеко-далеко взгляды наконецъ находятъ себѣ отдыхъ отъ изобилія впечатлѣній, останавливаясь на ясной лазури неба.

Международная тюремная выставка въ СПБ.

Русскій отдѣлъ. (Рис. на стр. 652).

Прилагаемъ фотографическій снимокъ Русскаго отдѣла выставки, въ перспективѣ отъ декораціи Алгачинскаго рудника къ противоположному входу. На первомъ планѣ, по обѣимъ сторонамъ средняго прохода, отъ рудника, направо и налево, расположены на постаментахъ модели различныхъ тюремныхъ зданій, исправительныхъ пріютовъ, а также модели различныхъ машинъ, работы самихъ арестантовъ. На передовкахъ, отдѣляющихъ классы различныхъ производствъ, развѣшаны карты, планы и фотографическіе снимки, а также и самыя издѣлія. Тутъ-же модели рѣчныхъ судовъ и пароходовъ подъ стекломъ. Всѣ произведенія исправительныхъ тюремъ Россіи сгруппированы въ центрѣ манежа. Распределение этихъ произведеній по областямъ очень интересно. Казань, напр., производитъ плетенныя маты, Тула—вещи изъ травы, Саратовь—

пеньковыя произведенія, Вологодская и Астраханская губ. — рыболовныя сѣти и веревки, Ярославская, Смоленская и Виленская губ.—дранковыя коробки, Одесская тюрьма—лампачные поплавки и гнутую мебель, и т. д.

М. Н. Галкинъ-Враскій. (Портр. на стр. 653).

Къ числу выдающихся дѣлъ прошлаго царствованія отнесится и учрежденіе въ 1879 году Главнаго Тюремнаго Управленія. Завѣдывать этимъ важнымъ правительственнымъ учрежденіемъ тогда-же былъ назначенъ М. Н. Галкинъ-Враскій, превосходный знатокъ тюремнаго дѣла, которое онъ изучалъ долго и прилежно, знакомясь съ его положеніемъ и въ Россіи, и за-границею. Занявъ этотъ отвѣтственный и высокій, по своему нравственному значенію, постъ, М. Н. Галкинъ-Враскій сталъ быстро и энергично примѣнять къ дѣлу свои познанія и въ десятилѣтній періодъ времени достигъ блестящихъ результатовъ, преслѣдуя строго обширныя и трудныя задачи, намѣченныя правительствомъ и состоящія въ томъ, чтобы тюрьмы представляли такія мѣста, гдѣ заключенный долженъ не только отбывать дѣйствительное наказаніе, но и исправляться, пріучаться къ усидчивому и плодотворному труду, къ строгому порядку и гдѣ заключенные могли-бы своимъ заработкомъ значительно сокращать расходы казны на содержаніе преступниковъ. М. Н. Галкинъ-Враскій улучшилъ и самыя тюрьмы, и положеніе заключенныхъ до неузнаваемости; онъ ввелъ работы и всевозможныя ремесла въ мѣстахъ заключенія, расширивъ ихъ все болѣе и болѣе и тѣмъ увеличивая прибыльность этихъ арестантскихъ работъ; онъ водворилъ въ тюрьмахъ строжайшую дисциплину, усиливъ надзоръ за преступниками и обратилъ вниманіе на болѣе дѣлесообразныя мѣры къ ихъ исправленію, на дѣйствительное, а не формальное только исполненіе постановленій и распоряженій по тюремной части. Особенно плодотворную дѣятельность М. Н. Галкинъ-Враскій обнаружилъ въ Петербургѣ, гдѣ, благодаря стараніямъ его, устроена такая образованная во всѣхъ отношеніяхъ тюрьма, которой можетъ позавидовать и Западная Европа. Текущая тюремная выставка съ ея замѣчательно-поставленнымъ русскимъ отдѣломъ также весьма краснорѣчиво говоритъ о трудахъ и заботахъ по тюремному дѣлу нынѣшняго начальника Главнаго Тюремнаго Управленія. Насколько почтенна и замѣчательна нынѣшняя дѣятельность М. Н. Галкина-Враскаго, настолько же заслуживаетъ глубокаго уваженія и его предшествующая дѣятельность въ качествѣ неутомимаго и весьма распорядительнаго администратора, сперва по управленію Эстляндской и Саратовской губерніями, а затѣмъ по работамъ въ совѣтательной санитарной комиссіи, учрежденной во время астраханской чумной эпидеміи. Саратовская губернія очень многимъ обязана этому талантливому, опытному, превосходному администратору, живымъ памятникомъ дѣятельности котораго являются учрежденныя въ этомъ краѣ и въ городѣ Саратовѣ, его заботами, многія учебныя и благотворительныя учрежденія, при немъ процвѣтавшія. Благодарные саратовцы назвали именемъ М. Н. Галкина-Враскаго нѣкогоры изъ этихъ заведеній и учредили въ честь его нѣсколько стипендій. Всеуму Поволжью извѣстна и памятна его дѣятельность относительно огражденія границъ Саратовской губерніи отъ ветлянской чумы, и въ благодарственной телеграммѣ, полученной М. Н. Галкинымъ отъ нижегородскаго купечества и пароходовладѣльцевъ, между прочимъ, говорится, что, благодаря его трудамъ и мѣрамъ, какъ предсѣдателя санитарной комиссіи, „дѣятельность Волги не была приостановлена“ и его имя „сдѣлалось извѣстно не одному Саратову, а всей Волгѣ“. При назначеніи М. Н. Галкина на нынѣшнюю должность, саратовское дворянство почтло его заслуги краю, устроивъ своему бывшему губернатору безпримѣрные, торжественныя проводы. М. Н. Галкинъ потрудился и на поширѣ учено-литературномъ; онъ издалъ двѣ прекрасныя, составленныя имъ книги: „Этнографическіе и историческіе матеріалы по Средней Азій и Оренбургскому краю“ и „Матеріалы къ изученію тюремнаго вопроса“ и помѣстилъ рядъ статей въ *Сѣверной Почтѣ*, *Русскомъ Вѣстникѣ*, *Днѣ Асекаова*, *Русскомъ Архивѣ*, *Русской Старинѣ*; „Краткое обзорніе сношеній Россіи съ Хивою“, „Объ отношеніяхъ туркменъ къ Россіи, Хивѣ и Персіи“, „Краткая записка объ историческихъ правахъ Россіи на Боканскіе города Туркестанъ и Ташкентъ“, „Памяти Джона Говарда“ и проч. За статью о туркменахъ онъ получилъ серебряную медаль отъ Географическаго Общества, а за прочіе труды избранъ дѣйствительнымъ членомъ Парижскаго Географическаго Общества. Въ настоящее время ему 56 лѣтъ.

Михаилъ Николаевичъ Галкинъ-Враскій состоитъ въ числѣ тайнаго совѣтника, онъ потомокъ стариннаго дворянскаго рода и родился въ 1834 году въ Казанской губ. Окончивъ университетскій курсъ въ Казани со степенью кандидата въ 1854 г., онъ началъ службу въ Оренбургскомъ краѣ подъ начальствомъ извѣстнаго графа В. А. Перовскаго, а потомъ служилъ при Катенинѣ и Бекакѣ. Въ качествѣ дипломатическаго чиновника министерства Иностранныхъ Дѣлъ, онъ участвовалъ въ миссіи отправленной въ Хиву и Бухару, въ 1858 г., а въ слѣдую-

шемъ состоялъ при экспедиціи, посланной на восточный берегъ Каспійскаго моря, для собиранія свѣдѣній о туркменахъ и для сношенія съ этимъ племенемъ. Когда, послѣ столкновенія съ ними въ Красноводскомъ заливѣ, гдѣ туркмены, отбивъ скотъ и лошадей, помѣшали экспедиціи продолжать изслѣдованія наши русла Аму-Дарьи, рѣшено было наказать виновныхъ, М. Н. Галкинъ принялъ, какъ волонтеръ, участіе въ экспедиціи генерала Лазарева, въ десантъ и военныхъ дѣйствіяхъ противъ туркменъ. За свои подвиги онъ былъ пожалованъ орденомъ Св. Анны съ мечами, что было тогда рѣдкой и исключительной наградой для гражданскаго чиновника. Въ 1862 г. онъ уѣхалъ за-границу, и проведя здѣсь года два, изучалъ тюремный во-

просъ по собственной охотѣ, а затѣмъ по порученію правительства. По возвращеніи въ Россію, онъ около двухъ лѣтъ (1866—1867) служилъ начальникомъ отдѣленія канцеляріи Комитета Министровъ, а въ 1868 году назначенъ эстляндскимъ губернаторомъ. Затѣмъ черезъ два года онъ былъ переведенъ въ Саратовскую губернію, за свои труды по прекращенію веплянской эпидеміи награжденъ орденомъ Вѣлаго Орла и, наконецъ, 23 апрѣля 1879 года призвавъ на постъ начальника Главнаго Тюремнаго Управленія. Всѣ знающіе М. Н. Галкина-Враскаго отдадутъ ему должное не только какъ весьма даровитому администратору, но и какъ человѣку въ высочайшемъ значеніи этого слова.

П. Быковъ.

Къ дню двадцатипятилѣтія Ташкента. 1865—1890.

(Рис. на стр. 653).

Начало завоеванія русскими сѣверной Азіи относится къ XVI столѣтію. Завоеваніе, собственно Сибири, шло очень быстро. Въ теченіе первыхъ семидесяти лѣтъ со времени перехода чрезъ Уральскій хребетъ Ермака и его спутниковъ (1579 г.), казаки достигли береговъ Амура и Анадыри, причѣмъ приходилось вести упорныя войны съ населеніемъ тѣхъ мѣстностей; нѣкоторыя же народности, напр. самоѣды, часть сибирскихъ татаръ и большинство тунгусскихъ племенъ, были покорены безъ большаго труда и кровопролитія. На Амурѣ было встрѣчено противодѣйствіе со стороны китайцевъ и манчжуровъ, которые въ половинѣ XVII столѣтія образовали одно государство и въ 1689 году вынудили насъ на цѣльяхъ 170 лѣтъ оставить берега великой рѣки. Въ среднеазіатскихъ степяхъ, напротивъ того, владычество наше водворилось по доброй волѣ самихъ киргизскихъ вождей; но дѣйствительная покорность была достигнута долгими успѣхами политики и оружія. Вслѣдствіе безплодности страны, переселенцы не шли сюда массами и охрана завоеваннаго всецѣло ложилась на плечи правительства.

Въ 1732 году наша государственная граница въ Средней Азіи ушла далеко на югъ, благодаря добровольному подданству киргизъ Малой и Средней Орды. Положеніе киргизъ въ то время было самое тяжелое. Сильные враги тѣснили ихъ со всѣхъ сторонъ. Городъ Туркестанъ, гдѣ владѣли киргизскіе ханы, взятъ былъ въ 1723 году джунгарскимъ владѣтелемъ Галданъ-Цереномъ. Постоянно безпокоемые калмыками, башкирами и каракалпаками, киргизы, подъ предводительствомъ Букашъ-бая, разбили калмыковъ и башкировъ и, оттѣснивъ ихъ къ Уралу, заняли сѣверную часть Киргизской степи, пограничную съ Россіей. Здѣсь киргизы были безопасны отъ джунгаровъ, даже при очевидномъ своемъ безспіи. Въ это-то время киргизскій ханъ Абуль-Хапръ, изъ своихъ личныхъ выгодъ, обратился къ Россіи съ просьбою о принятіи въ русское подданство киргизъ Малой Орды. Киргизы съ неудовольствіемъ узнали о поступкѣ своего хана; однако краснорѣчіе и умъ мурзы Тевкелева, посланнаго изъ Петербурга, устроили дѣло, и въ 1732 году киргизы Малой Орды со своимъ ханомъ Абуль-Хаиромъ и Средней Орды съ ханомъ Шемякою признали власть Россіи.

Степная граница почти постоянно подвергалась нападеніямъ хищниковъ, но такъ какъ это были собственные подданные, то противъ нихъ иногда высылались отряды, но не съ цѣлью новыхъ завоеваній, а съ цѣлью лишь наказанія. Такъ было до 1820-хъ годовъ. Съ этого времени начинается обозначаться стремленіе къ наступательнымъ движеніямъ, къ завоеваніямъ въ сибирской степи. Генералъ-губернаторъ Сперанскій сдѣлалъ представленіе, по которому рѣшено фиктивное подданство мѣстныхъ киргизъ обратитъ въ дѣйствительное и съ этою цѣлью въ центрахъ проектированныхъ округовъ устроить укрѣпленія. Въ такія укрѣпленія обыкновенно высылались съ линіи гарнизоны казаковъ и даже регулярной пѣхоты. Но такъ какъ, по отдаленности отъ линіи, содержаніе ихъ стоило дорого, то сибирскія власти мало-по-малу рѣшили выселять въ степи казаковъ, которые одновременно могутъ быть и воинами и земледѣльцами. Такимъ образомъ въ степи образовалась новая передовая линія, ставшая цѣлью хищничества номадовъ. Приходилось опять высылать отряды и снова закладывать укрѣпленія. Здѣсь мы усматриваемъ начало системы, приведшей насъ за Балхашъ, къ Или, къ Алатау и, наконецъ, въ Туркестанъ,—системы, выработанной администраціею.

Подобное движеніе впередъ линіями было примѣняемо въ первое время лишь въ западно-сибирской степи. Въ Оренбургской же степи ничего подобнаго долгое время не было, за исключеніемъ небольшой Илецкой линіи, выдвинутой въ 1810 г., специально для защиты мѣстныхъ соляныхъ копей. Но въ 1835 году, при оренбургскомъ военномъ губернаторѣ, генералъ-адъютантѣ Перовскомъ, была устроена такъ называемая Новая линія, т. е. рядъ укрѣпленій между крѣпостями Орскою и Звѣриногодовскою, которая отрѣзала у киргизъ Малой Орды обширныя и наилучшія мѣста для кочевья; отрѣзанное пространство заселено казаками. Эта мѣра открыла Верхнеуральскую Уйскую линію отъ хищниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно разорила многихъ киргизъ, а еще

болѣе выселенныхъ въ степь казаковъ. Мѣра эта развила сильныя волненія въ степи, такъ что для обезпеченія вновь водворенныхъ станицъ генералъ Перовскій началъ быстро строить непрерывный валъ, въ родѣ Китайской Стѣны, долженствовавшей связать крѣпость Орскую съ укрѣпленіями Императорскимъ, Владычьица и проч. Кроме того, въ 1834 году было основано на Каспійскомъ морѣ, при заливѣ Кайдакъ, укрѣпленіе Ново-Александровское, съ цѣлью, во-первыхъ, быть ближе къ отдаленнымъ кочевьямъ степныхъ хищниковъ, а во-вторыхъ, прикрывать отъ ихъ разбоевъ рыбныя ловли на морѣ.

Но всѣ эти пограничныя военныя мѣры мало достигали цѣли и скоро въ степяхъ образовалось правильное возстаніе подъ предводительствомъ предприимчиваго удалыца Кенисары Касимова, продолжавшееся 1845 и 1846 годы, когда, наконецъ, Кенисара былъ убитъ дикокаменными киргизами; въ то же время генералъ Обручевъ основалъ въ степи укрѣпленія на рѣкѣ Иргизѣ и Тургаѣ (Оренбургское и Уральское). Въ 1847 году, по волѣ императора Николая, явилось укрѣпленіе на рѣкѣ Сырь-Дарьѣ (укр. Раимъ, востѣдствіи названное Аральскимъ), а еще предъ этимъ, въ сибирской степи, основанъ Копаль, за которымъ начинались кочевья Большой Орды. Орда эта въ 1846 году приняла русское подданство, а до того времени была независимою или номинально подвластною то китайцамъ, то кокандцамъ. Такимъ образомъ въ 1847 году наша государственная граница, по крайней мѣрѣ теоретически, перешла за рѣку Или къ хребту Алатау, къ рѣкамъ Чу и Сырь-Дарьѣ. Надо замѣтить, что вся средняя часть этой границы, по правой сторонѣ р. Чу и р. Сырь-Дарьи представляетъ безплодную степь, гдѣ нѣтъ возможности ни селить станицы, ни возводить укрѣпленій, нельзя даже держать никакихъ, хотя-бы легкихъ, подвижныхъ военныхъ отрядовъ. Чтобы образованъ здѣсь линію, необходимо было перейти рѣку Чу и стать по крайней мѣрѣ у подошвы Киргизинъ-Алатау, Боролдая и Каратау, занявъ въ то же время рѣку Сырь-Дарью до Акъ-Мечети¹⁾ или Джулека. Мало-по-малу это было сдѣлано, сперва занятіемъ рѣки Сырь-Дарьи до Акъ-Мечети въ 1853 году и водвореніемъ русскихъ поселеній за р. Или (1855 г.), а потомъ занятіемъ Токмака, Пишпека (1860 г.), Аулія-ата, Джулека, Азрета, Чимкента (1862—1864 г.). Разгорѣвшаяся по поводу этихъ пріобрѣтеній война съ кокандцами привела насъ къ завоеванію Ташкента, который и былъ взятъ штурмомъ 11 іюня 1865 года, подъ начальствомъ генерала Черняева. Когда Кокандъ сдѣлался послѣ этого не опаснымъ для Россіи, то главнымъ нашимъ врагомъ въ Средней Азіи явилась Бухара, и Бухарскій эмиръ неоднократно предъявлялъ дерзкія требованія сначала генералу Черняеву, а потомъ генералу Романовскому, чтобы русскіе отошли отъ Ташкента. Окрестное населеніе волновалось и готово было поддерживать Бухарскаго эмира. Съ минуты на минуту можно было ожидать общаго народнаго возстанія; поэтому необходимо было дѣйствовать смѣлымъ и рѣшительнымъ образомъ. Битва при Ирджарѣ, 8 мая 1866 г., упрочила наши завоеванія въ Средней Азіи и открыла путь къ новымъ побѣдамъ. Вслѣдъ за Ирджарскимъ разгромомъ былъ взятъ 24 мая Ходжентъ, сильная бухарская крѣпость на Сырь-Дарьѣ. Въ томъ же году взяты штурмомъ бухарская крѣпость Ура-Тюбе (2 октября) и Джизакъ (18 октября), а въ 1867 г. русскіе отряды стали въ 78 верстахъ отъ Самарканда, въ небольшой крѣпостцѣ Яны-Курганъ. Въ 1868 г., послѣ битвы 1 мая, взяты: знаменитый Самаркандъ, бывшая столица Тамерлана, и сильная бухарская крѣпость Катты-Курганъ. Это нанесло Бухарѣ рѣшительный ударъ.

Оставалось занять Фергану, что и было сдѣлано въ началѣ 70-хъ годовъ.

Вотъ приблизительно тотъ путь, которымъ мы прошли въ Среднюю Азію, въ Туркестанъ. Мы пришли сюда совершенно неожиданно какъ для самихъ себя, такъ и для туземцевъ, конечно. Мы двигались впередъ потому, что обстоятельства заставляли насъ идти впередъ. Понятно, что мы явились совершенно не подготовленными. Если взглянуть кое-какія свѣдѣнія объ этой странѣ, то они и по сіе время, большею частью, лежать въ архивахъ. Пришлось изучать край на мѣстѣ.

¹⁾ Акъ-Мечеть—фортъ Перовскій, нынѣ уѣздный городъ Перовскъ.

Международная тюремная выставка въ СПб. Русскій отдѣль.

Въ промежутокъ 1865 — 1890 гг. въ этомъ направленіи мы сдѣлали не мало. Положимъ, что еще много есть надъ чѣмъ поработать, еще до сихъ поръ край называютъ „непечатымъ“; но теперь мы можемъ производить свои изслѣдованія съ большимъ успѣхомъ.

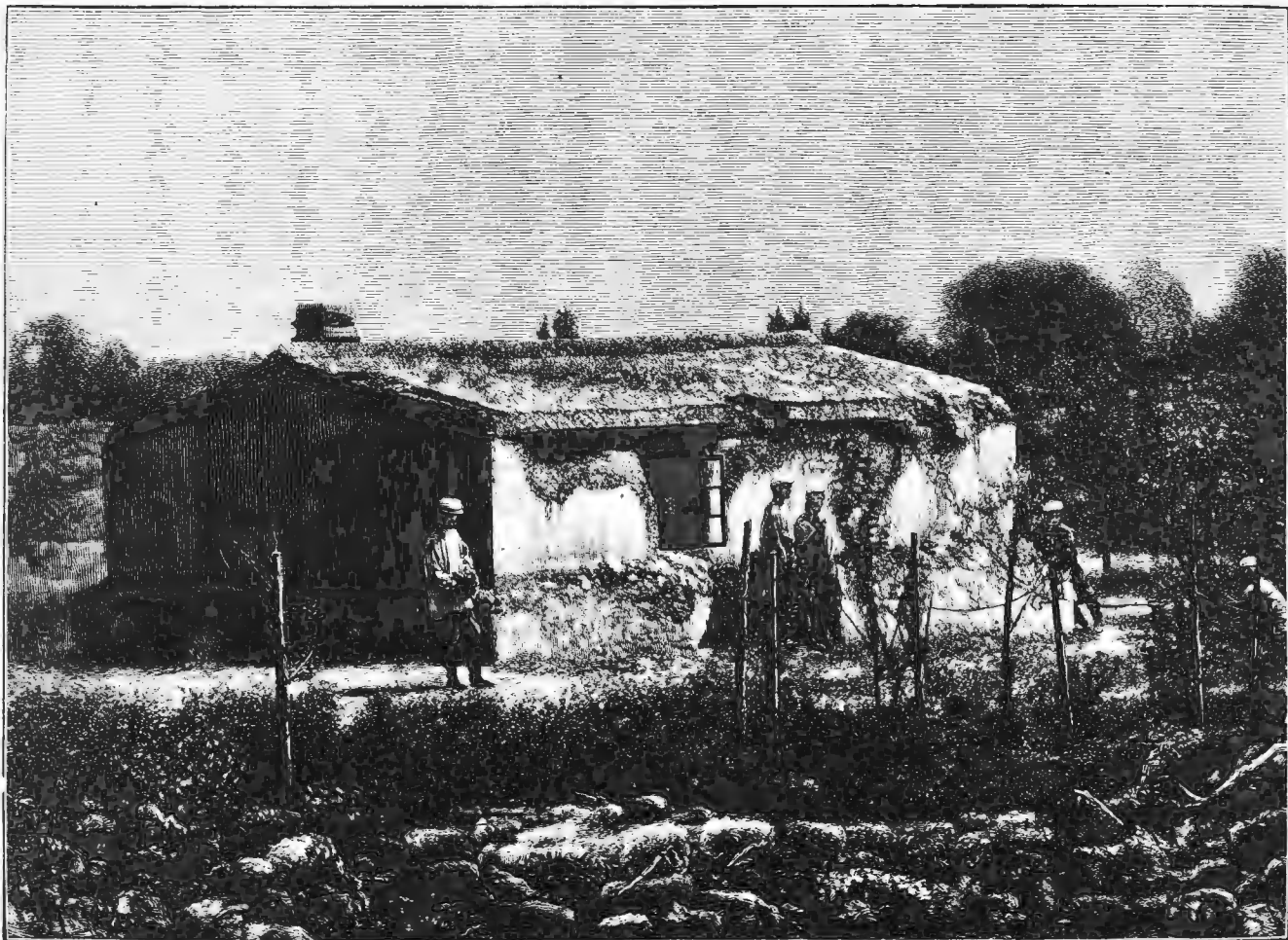
Взглянемъ только на Ташкентъ, чѣмъ онъ сталъ теперь. Прошло двадцать пять лѣтъ со дня завоеванія Ташкента—и городъ сталъ неузнаваемъ. Если бы пришлось кому-нибудь приѣхать сюда послѣ 25-лѣтняго отсутствія, то онъ не повѣрилъ бы своимъ глазамъ, до того измѣнился наружный видъ города. Въмѣсто прежнихъ мазанокъ, мы имѣемъ каменные двухъ-этажныя зданія (6 корпусовъ гимназій, магазины и даже нѣкоторыя казармы); вмѣсто азиатскихъ деревьевъ, украшавшихъ сады и улицы города, мы видимъ много европейскихъ; улицы сдѣланы широкія и главныя изъ нихъ вымощены, а остальные прекрасно шоссепроваши; давно уже нѣтъ той баснословной грязи, которая дѣлала путеше-

Начальникъ Главнаго Тюремнаго Управленія, М. Н. Галнинъ-Враскій.
Съ фотогр. Дензера, грав. Шюблеръ.

ствія по улицамъ невозможными. Каждый годъ даетъ намъ одно или нѣсколько улучшеній. Мы имѣемъ прекрасный гостинный дворъ; роскошный Константиновскій скверъ составляетъ поистинѣ одно изъ лучшихъ украшеній города. Весь городъ тонетъ въ зелени, такъ что путешникъ издали видитъ одну сплошную массу зелени, и посреди ея высокооднимающійся крестъ Прображенскаго собора свидѣтельствуетъ о томъ, что это большой русской городъ.

По послѣднимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ къ 1 марта 1890 г., общая площадь городекой территории—176 кв. верстъ, число населенія города 12,880 человекъ въ русской части города, безъ войскъ, и 120,585 человекъ туземнаго населенія въ азиатской части Ташкента; въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ число учащихся 1,018 человекъ обоого пола, а въ азиатскихъ школахъ и медресе 8,305 человекъ; число фабрикъ и заводовъ въ Ташкентѣ 666; выработываемыхъ на нихъ издѣлій производится на сумму 2,289,915 руб.,

Домикъ генерала Черныева въ Ташкентѣ. Съ фотогр. грав. Рашевскій.

число рабочих 1,593 человек; годовой оборот торговли Ташкента достигает теперь весьма солидной цифры: по привозу до 8 миллионов руб. и по вывозу до 7 миллионов руб.

Промышленность развилась уже сравнительно до высокой степени, результаты чего мы увидим на Среднеазиатской сельско-хозяйственной промышленной выставке, которая открывается осенью текущего года по случаю празднования 25-ти-лѣтня Ташкента.

Прилагаемый рисунок представляет домъ генерала М. Г. Черняева. Это былъ первый русскій домъ, построенный тогда по взятіи города Ташкента. Въ настоящее время онъ еще существуетъ, но въ очень плачевномъ состояніи, а въ скоромъ времени вѣроятно будетъ окончательно уничтоженъ, такъ какъ по распланировкѣ города здѣсь рѣшено построить новыя казармы. Вблизи домика находится русская крѣпость, а за крѣпостью уже начинается азиатская часть города. Домикъ Черняева послужилъ какъ бы разграничительною чертою между азиатскою и русскою частями города; отсюда начали строиться русскія зданія, разбивались улицы и т. п. Это, можно сказать, первая точка нашего укрѣпленія въ Ташкентѣ.

С. Лидскій.

Политическое обозрѣніе.

Англо-германское соглашеніе о разграниченіи колоніальной политики въ Африкѣ обсуждается многократно и многообразно, но недовольныхъ имъ, кажется, болѣе, чѣмъ вначалѣ ожидали. Къ недовольнымъ надо причислить и князя Бисмарка, вдохновляющаго, какъ слышно, *Hamburger Nachrichten*, которая назвала нынѣшній англо-германскій договоръ — „это гласное и торжественное доказательство дружбы между Германіей и Англійей“, по словамъ вѣнской *Fremdenblatt*, — „одною изъ самыхъ роковыхъ ошибокъ, такъ какъ въ Восточной Африкѣ черезчуръ много уступлено англичанамъ, которые провели пѣтуцъ самымъ смѣшнымъ образомъ“. Съ другой стороны, въ Англии, только консервативные органы довольны соглашеніемъ. За-то другія газеты, въ большинствѣ случаевъ, осуждаютъ его. *Daily News* утверждаетъ министерство въ податливости и замѣчаетъ, что оно не было въ силахъ устоять противъ германской энергіи и не защитило надлежащимъ образомъ англійскихъ интересовъ. *Daily Chronicle* называетъ договоръ прямо позорнымъ и унижительнымъ, которымъ уступается приобретенный дорогою цѣною Гельголандъ. Въ этой уступкѣ та же газета видитъ начало разложенія Британской монархіи, такъ какъ теперь можно ожидать, что Италия и Испанія прибѣгнутъ къ такой же разбойничьей тактикѣ, какъ и Германія, и потребуютъ, первая — Мальту, а послѣдняя — Гибралтаръ.

Въ Германіи, въ свою очередь, указывая на громадныя уступки въ Африкѣ, которая ничто въ сравненіи съ утратой, вслѣдствіе этихъ уступокъ, нѣмецкаго вліянія на материкѣ чернокожихъ, въ то же время сомнѣваются въ выгодѣ приобретенія Гельголанда и много толкуютъ о стратегическомъ значеніи острова. Нѣкоторые, во главѣ съ адмираломъ фонъ-Генке, доказываютъ, что Гельголандъ, находящійся въ разстояніи всего 50 верстъ отъ устья Эльдера, Эльбы, Везера и Яде, служить ключемъ къ главнымъ торговымъ портамъ Германіи на Нѣмецкомъ морѣ и можетъ имѣть важное оборонительное значеніе на случай войны. Другіе прибавляютъ, что въ рукахъ германцевъ этотъ островъ можетъ приобрести также значеніе наступательное и служить отличнымъ опорнымъ пунктомъ для смѣлыхъ дѣйствій германскаго флота и мѣстомъ, въ которомъ онъ можетъ всегда найти надежное убѣжище.

Но на ряду съ этими разсужденіями встрѣчается не мало замѣтокъ отрицательнаго свойства. Такъ, въ *Rheinische Courier* другой спецѣлистъ морскаго дѣла, адмиралъ фонъ-Вернеръ, возражая адмиралу фонъ-Генке, не признаетъ за Гельголандомъ никакого практическаго значенія. По его мнѣнію, Гельголандъ, приобретенный цѣною цѣлой имперіи въ Африкѣ, будетъ стоить громадныхъ денегъ и служить источникомъ безконечныхъ заботъ. Сооруженіе хорошаго порта и постройка укрѣпленій поглотятъ массу денегъ и, не смотря на это, непріятельскій флотъ все-таки будетъ въ состояніи пройти между Гельголандомъ и Кускафеномъ. Господствовать надъ каналомъ между Балтійскимъ и Нѣмецкимъ морями островъ не можетъ, а въ самомъ благоприятномъ случаѣ можетъ лишь служить убѣжищемъ для миноносекъ.

Въ Софіи военный кассационный судъ рассмотрѣлъ жалобы

Паницы и товарищей, которые протестовали противъ нарушенія закона и домогались, чтобы дѣло ихъ разбиралось не военнымъ, а обыкновеннымъ судомъ. При этомъ прокуроръ потребовалъ для Паницы смертной казни безъ смягченія наказанія, а для Колобова — ссылки въ каторжную работу безъ срока. Но военный кассационный судъ, какъ телеграфируютъ въ Лондонъ изъ Софіи, утвердилъ всѣ вынесенные по дѣлу Паницы и товарищей приговоры.

Закончивъ одну комедію, болгарскіе лежправители не могутъ жить покойно и снова напоминаютъ о себѣ, старою погудкой на новый ладъ о признаніи принца Фердинанда законнымъ главою Болгаріи. Для того болгарскіе правители, чрезъ своего агента въ Константинополѣ, Вулковича, обратились къ Портѣ съ нотой, въ которой въ энергичныхъ, но въ то же время почтительныхъ выраженіяхъ излагаютъ трудность положенія, создаваемаго продолжительнымъ образомъ дѣйствій Порты, отказывающейся признать принца Фердинанда. Нота требуетъ законной поддержки сюзереннаго двора и оканчивается заявленіемъ, что если Порта отвѣтитъ и на этотъ разъ отрицательно, какъ то она сдѣлала недавно, то Болгарія почтетъ себя свободно отъ всякихъ обязательствъ по отношенію къ сюзерену, возвратитъ себѣ свободу дѣйствій и постарается выйти собственными силами изъ нынѣшняго неопредѣленнаго положенія. По словамъ *Neue Freie Presse*, нота болгарскихъ правителей произвела въ Турціи весьма неблагоприятное впечатлѣніе. И Кіамиль-паша, и нѣкоторые министры были приглашены во дворецъ для совѣщанія объ отвѣтѣ на болгарскую ноту. Никакого рѣшенія по этому поводу еще не принято. Вопросъ будетъ переданъ обычнымъ порядкомъ въ совѣтъ министровъ. Говорятъ въ официальныхъ кругахъ, что турецкое правительство или отвѣтитъ уклончиво, или же обратится съ запросомъ къ великимъ державамъ.

Рѣшеніе ребуса № 30 (помѣщеннаго въ № 20).

„Смѣлымъ Богъ владѣетъ“.

Рѣшеніе шарады № 28 (помѣщенной въ № 19).

Во-доч-на.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ Г.г.: СПб. — Б. Кратирова, В. С. Вехъ, Москва — Р. Карачана, А. Волкова, П. Зякина, В. А. Нуртасова, Деестъ, П. С. Александрова, Бадю — И. Акинѣева, Б. Норовино — В. К. Терскаго, Енаторино-славъ — Н. Поповикова, Каменна — В. Я. Сердюкова, Кронштадтъ — О. Тонъ, Лебедянь — В. И. Чурилина, Люблинъ — В. Кондратьевой, Она — К. Косолапова, Орель — Л. Бунакова, Полоцкъ — С. Берлинъ, Старица — П. Клашанцова, Славута — Е. Шнейдеръ, Харьковъ — В. Стратовническаго, Ярославль — П. М. Т., П. Мосягина.

Рѣшеніе алгебраической задачи № 29 (помѣщ. въ № 20).

1) $5d = d^2 - c^2;$	$a = 21 = \mathbf{У}$
2) $j : (b - f) = - 2/3;$	$b = 4 = \mathbf{Г}$
3) $h^2 - e^2 = 128;$	$c = 16 = \mathbf{О}$
4) $(h + e) : (h - e) = 8;$	$d = 19 = \mathbf{С}$
5) $g + j = d;$	$e = 14 = \mathbf{М}$
6) $\sqrt{b + k} = 4;$	$f = 19 = \mathbf{С}$
7) $g - k = - 1;$	$g = 11 = \mathbf{Й}$
8) $a : k = e : (d - g);$	$h = 18 = \mathbf{Р}$
9) $2(f - j) = h;$	$j = 10 = \mathbf{Л}$
10) $c = 16;$	$k = 12 = \mathbf{К}$

Мусоргскій.

Примѣчанія къ:

2) Чтобы получить настоящее значеніе дроби $\frac{36a - 4a^2}{4a^2 - 108}$, нужно ее сократить на $a - 3$.

6) Уравненіе $\sqrt{48x^2 + 7x - 0,8} = \sqrt[5]{2}$ возводимъ въ квадратъ:

$48x^2 + 7x - 0,8 = \sqrt[5]{4} = 4^{1/5}$; откуда получаемъ квадратное уравненіе:

$8x^2 + 7x - 1 = 0$; беремъ цѣлое рѣшеніе $x = - 1$.

9) Назвавъ въ уравненіи $\sqrt{x + 350} - \sqrt{x - 853} = 3\sqrt{x + 350}$ черезъ y , видоизмѣняемъ его такъ: $y - \sqrt{y^2 - 1203} = 3$; откуда находимъ сначала $y = 202$, а затѣмъ $x = 40454$. Въ числѣ 40454 есть только двѣ значущія цифры 4 и 5; ими только могутъ начинаться искомыя пятнадцатичисла.

Разсуждая такъ, мы находимъ сначала количество пятнадцатичиселъ, начинающихся съ 4 по формулѣ $\frac{1 \cdot 2 \cdot 3 \cdot 4}{1 \cdot 2} = 12$, а чиселъ, начинающихся съ 5 по формулѣ $\frac{1 \cdot 2 \cdot 3 \cdot 4}{1 \cdot 2 \cdot 3} = 4$; а всего 16.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ Г.г.: СПб. — Б. Котохова, Б. Норовино — В. К. Терскаго, Лебедянь — В. И. Чурилина, Соколка — В. Соколовскаго, Ярославль — Д. А. Боговѣнскаго.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „НИВА“ проситъ Г.г. подписчиковъ, НЕ ВНЕСШИХЪ ПОЛНУЮ ГОДОВУЮ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ за „НИВУ“ 1890 г., озаботиться своевременными взносами слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Г.г. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатные адреса отъ бандеролей.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. много-родныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНИЕ: Жизнь, какъ она есть. Романъ въ пяти частяхъ. Вас. И. Немировича-Данченко. Часть II. (Продолженіе). — Борьба двухъ началъ. Гермины Виллингеръ. — Помошь утопающимъ и мною-умиришь. Н. Фальнгорста (съ 6 рис.). — Къ рисункамъ: Нарушенный покой (съ рис.). — Обѣдъ матросовъ на военномъ судѣ (съ рис.). — „Скучно!“ Орг. рис. А. Писемскаго (съ рис.). — Искушеніе Иисуса Христа (съ рис.). — Часть водопада. Паро-порогъ (съ рис.). — Черепаша на походѣ (съ рис.). — „Негодная земля“ въ Данюгѣ (съ рис.). — Международная тюремная выставка въ СПБ. Русский отдѣлъ. (съ рис.). — М. Н. Галицынъ-Враскій (съ портр.). — Но дню двадцатипятилѣтія Таинента. 1865—1890 (съ рис.). — Политическое обозрѣніе. — Рѣшенія задачъ. — Завлеченіе. — О перемѣнѣ адреса. — Обновленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Клоушиковъ.

РЕЗИДЕНЦІЯ ЭЙЗЕНАХЪ (240 м.)

Лѣтнее пребываніе и Курортъ у подножія горы Вартбургъ (396 м.).

Окончившіе сезонъ купаній, выздоравливающіе послѣ тяжкихъ болѣзней и всѣ нуждающіеся въ покое и подкрѣпленіи своего здоровья послѣ утомительныхъ занятій могутъ здѣсь найти желаемое убѣжище. Свѣдѣнія сообщаются: „der Vorstand des Fremdenverkehrsverein.“ № 4564

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ВТОРОЕ ПОЛУГОДІЕ

НОВОСТИ ДНЯ

изданія годъ

VIII й.

Развитіе „Нов. Дня“ всегда шло рука объ руку съ возрастающимъ успѣхомъ газеты. За послѣднее время въ этомъ смыслѣ сдѣлано весьма много. Размѣръ газеты значительно увеличенъ противъ прежняго, при чемъ подниная цѣна осталась безъ измѣненія. Въ общемъ, всесторонняя полнота содержанія и богатство беллетристическаго матеріала, помещаемаго въ „Новостяхъ Дня“, дѣлаютъ газету одинаково интересной, какъ для столичныхъ, такъ и для провинціальныхъ читателей. Въ настоящее время редакция, кромѣ того, озабочилась приглашеніемъ спеціальныхъ корреспондентовъ въ Петербургъ и большаинствѣ провинціальныхъ городовъ, съ цѣлью дать читателямъ современныя и полная свѣдѣнія о важнѣйшихъ фактахъ законодательной хроники и общественной жизни. Съ этою же цѣлью редакция, въ дополненіе къ телеграммамъ „Сверснаго телеграфнаго агентства“, организовала отдѣлъ собственныхъ телеграфныхъ сообщеній.

Въ первомъ полугодіи 1890 г. въ „Нов. Дня“ были помещены слѣдующія произведенія: **Первый урокъ**, пов. *В. И. Лодыженскаго*. **На литературныхъ хлѣбахъ**, соч. *В. И. Немировича-Данченко*. **Отецъ**, бол. ром. *Л. В. Назаровой*. **Русскіе орлы въ Парижѣ и Тушинскій воръ**, двѣ ист. пов. *Д. С. Димитріева*. **Тайна Кузнечнаго Моста**, романъ *Искри*. **Пуссъ-Пуссъ** (Тайны Эйфелевой башни), пер. съ фр.

Въ теченіе слѣдующаго полугодія будутъ помещены: **Въ заколдованномъ кругѣ**, ром. *Е. О. Дубровиной*. **Фейерверкъ**, повѣсть *Николаево*. **Былъ ли поросло**, повѣсть *П. И. Богатерова*. **Ирина Калугина**, ром. *А. И. Лемана*. **Клятва**, пов. *С. М. Нестерова*. **Во имя искусства**, ром. *В. А. Прохорова*. **Отверженные**, романъ *В. Курскаго*, и много друг.

Юнкскіе нумера газеты, въ которыхъ начались печатаніемъ новые романы, будутъ высланы всѣмъ новымъ подписчикамъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

12	6	1
мѣс.	мѣс.	мѣс.

Съ дост. въ Москвѣ. 8 — 5 — 1 —
 „ перес. въ города. 9 — 5 50 1 —
 „ перес. за границу 13 — 7 90 1 60

Объявленія — 25 к. за строку на первой страницѣ и 12 коп. на послѣдней: стороннія сообщенія въ концѣ текста газеты 50 к. строка.

Къ свѣдѣнію публикующихъ: „НОВОСТИ ДНЯ“ печатаются въ большомъ количествѣ экземпляровъ, причемъ кругъ читателей постепенно расширяется. Публикація, которая вообще есть двигатель торговли, вполне достигаетъ, такимъ образомъ, своей цѣли, такъ какъ останавливаетъ на себѣ вниманіе большаго контингента читателей изъ различныхъ общественныхъ слоевъ.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ГАЗЕТЫ

„НОВОСТИ ДНЯ“:
 Москва, Мясницкая, д. Сытовскихъ.

СЕМЬЯ ВОЛЬНОДУМЦЕВЪ. Историч. повѣсть времени Екатерины II. Петрова и В. Клоушикова. Ц. 1 р.

CIGARETTES ESPIC contre ASTHME & CATARRHE
 AUTOMISÉS PAR LE GOUVERNEMENT RUSSE
 St général: STOLL & SCHMIDT, à Saint-Pétersbourg
 Vente en gros: J. ESPIC, 20, rue Saint-Lazare, Paris.
 Exiger la Signature sur chaque Cigarette.

ЭЛЕОПАТЪ ПРОВ. КИНУНЕНЪ
 для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп., но безъ пересылки.
 Пров. КИНУНЕНЪ.
 Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона,—пров. Кинуненъ. (24) № 4287
 Главный складъ: С.-Петербург., Демидовъ пер., д. № 1.

Во всѣхъ складахъ духовъ и въ всѣхъ парикмахерскихъ въ Франціи и за границей.
LA VELOUTINE
 Специальная рисово-висмутовая пудра.
 CHA^{LES} FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

Въ зубо-врачебн. кабинетахъ Ивана Ив. ХРУЩОВА, Невскій, 43, на углу Троицкой, ежедневно производится всѣ зубныя операціи, леченіе, пломбированіе и вставленіе искусственныхъ зубовъ.
 Тутъ же въ конторѣ продаются всѣ матеріалы, требуемыя для зубо-врачебной практики. № 4505 5-5

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ
 Франкфуртъ н/М. В. № 4387
ФАБРИКАНТЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ „ОРЕЛЬ“.
 Всякаго рода двухъ- и трехъ-колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей. Составныя части и принадлежности. Ищутъ агентовъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 пфен. марками.

САМАЯ ДЕШЕВАЯ ГАЗЕТА ВЪ РОССІИ
„РУССКІЙ ЛИСТОКЪ“
 ОТКРЫТА ПОЛУГОДОВАЯ ПОДПИСКА.
 Выходитъ ЕЖЕДНЕВНО, въ форматѣ БОЛЬШИХЪ газетъ. Подробныя сообщенія о всемъ выдающемся въ современной жизни. Ежедневныя корреспонденціи и телеграммы. Извѣстія о русскихъ и иностранныхъ рынкахъ. Интересные романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія и т. д. и т. д. Подписная цѣна: на годъ 5 руб., полгода 3 руб. и 1 мѣсяцъ 60 коп. Адресъ редакціи: Москва, Варсановскій пер., д. Рабушинскаго. № 4597

По свидѣтельству врачей-авторитетовъ этотъ **Purgativ** имѣетъ слѣдующія преимущества:
 Аккуратное и ВѢРНОЕ дѣйствіе,
 МАЛАЯ ДОЗА.
 Владѣлецъ: **АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ** въ Будапештѣ.
ПРОДАЕТСЯ у ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ и АПТЕКАРЕЙ. ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ
ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.
 В. Соловьева.
 Ром.-хрон. XVII вѣка, въ 3-хъ ч. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ЛѢТНЯЯ НОВОСТЬ!
 Англискіе растягивающіеся кушачи „ГРАЦІЯ“ изъ позолоченой проволоки съ массивныя, позолоченныя замочкомъ, протканныя бѣлыми, розовыми, голубыми, золотыми, синими, темно-красными и черными шелкомъ. Кушачи прозрачныя очень прохладительныя и пріятно носить для каждой дамы.
 Цѣна 3 руб. 50 коп. Торговцамъ дѣлается уступка. Единственный складъ для Россіи у **ОСКАРА ЛЕССЕРЪ**, СПб., Садовая, 12—18, въ 1-мъ дворѣ.

ЛЕПШИНСКЪ и ГЮЗНПЪ
 имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатаютъ иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

КЪ БЛАГОТВОРИТЕЛЯМЪ.
 Въ минувшемъ апрѣлѣ мѣсяцѣ Коломенско-Адмиралтейскимъ Отдѣломъ Общества пощенія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ открыта по Садовой ул., въ д. № 118 дѣтская столовая, наименованная съ Высочайшаго соизволенія въ память чудеснаго событія 17-го октября 1888 г. По своимъ скромнымъ средствамъ эта столовая можетъ выдать ежедневно не болѣе сорока даровыхъ обѣдовъ, и только столичная благотворительность могла бы развитъ ея дѣйствія до размѣровъ соотвѣствующихъ спросу со стороны бѣднаго населенія Коломны. Поэтому, въ виду наступленія лѣта, когда въкочуря другія столовыя пріостанавливаютъ свои дѣйствія, Коломенскій Отдѣлъ находитъ наиболее своевременнымъ напоминать великодушнымъ благотворителямъ объ открытой имъ дѣтской столовой и усердіемъ просить о послѣднихъ въ пользу ея пожертвованіяхъ, которыя принимаются надзорительницею въ помещеніи самой столовой ежедневно отъ 11 час. утра до 3 час. пополудни.

Съ разрѣшенія СПб. Врачебнаго Управленія. № 4527 10—8
СВОБОДИНЪ
 Средство для уничтоженія **МОЗОЛЕЙ и БОРОДАВОКЪ.**
 Получать можно во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ маг. Россіи.
 Цѣна за флаконъ 35 коп.
 Съ пересылкой 2 флакона 1 руб.
 ГЛАВНОЕ ДЕПО ДЛЯ РОССІИ
А. ГЕВГАРТЪ,
 С.-Петербургъ, Казанская, д. № 5.

№ 4711.
РЕЙНСКІЕ БУКЕТЫ
 СЛѢДУЮЩИХЪ ЗАПАХОВЪ:
 Подсѣбниинъ, Гольдьякъ, Жасминъ, Геліотропъ, Ландышъ, Опопанасъ, Резеда, Рейнская роза, Рейнская фиалка, Рейнскіе цвѣты и Ясминникъ.
 Превосходные, продолжительные и дешевые духи для платковъ.
 Цѣна флакона, содержащаго 1/4 фунта **1 р. 25 коп.**
 Можно получать во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и за границей.
 Главное депо у **Алекс. Тиссъ и Ко**, Пушкинская, № 4.

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ „ГОЛЛЕНДЕР“.

Средство для уничтожения мозолей и бородавок. Цена 35 коп. за флаконъ, за два флакона съ перес. 1 руб.

Получать можно во всѣхъ парфюмер., аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главный складъ у Г. Голлендера, Демидовъ пер., № 1. Въ С.-Петербургѣ. (19) № 4386

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и Ко.
строители земледѣльческихъ машинъ и орудій.

Специальность: плуги и молотилки. Они же состоятъ главными агентами известнаго англійскаго завода паровыхъ молотилокъ и локомобилей Клейтона и Шутлелворта въ Англии и знаменитаго завода стѣносилкокъ, знаменъ „Дези“ и сноповалонъ Маи Норрина въ Чикаго.

Кромѣ того имѣются: тарелочныя бороны Рандаля и конныя грабли Тигра завода Стодартъ, рядовыя сѣлки Савка и проч. № 4484 26-6

Запасныя части ко всѣмъ машинамъ. Фабрика и Главная Контора въ Москвѣ. Масницкая ул., соб. домъ, бывш. Бр. Бутенонъ. Отдѣленіе въ Харьковѣ, Рыбная ул., д. Иванова.

ПИАНО-МЕЛОДИКО.

Ручной салонный органъ со струнами, исполняющій полностью всевозможныя пьесы. 2-1

Цена безъ нотъ 90 руб. Ноты по 80 к. за метръ (1 1/2 арш.).

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЪ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. — Москва, Кузнецкій м., домъ Захарьина.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ВѢСТНИКЪ САДОВОДСТВА, ПЛОДОВОДСТВА и ОГОРОДНИЧЕСТВА 1890 г.

Органъ Императорскаго Россійскаго Общества Садоводства подъ редакціею **В. И. Кутузова** (СПБ., Лѣсной Институтъ).

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, въ объемѣ 3 листовъ текста съ двумя хромолито-графіями и разными рисунками въ текстѣ.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи журнала „Нива“ (СПБ., Невскій просп., № 6) и у назначен. Общества Э. И. Эндеръ (СПБ., Импер. Ботаническій Садъ). Цена 8 рублей за годъ. Допускается подписка съ срочной для лицъ состоящихъ на государственной службѣ исключ. въ конторѣ редакціи „Нивы“.

Вышелъ новый иллюстрированный прейсъ-куррантъ на 1890 г. известнаго англійскаго завода Зингеръ и Ноуентри. Представитель для всей Россіи Генрихъ Немлинка въ Москвѣ, уголь Тверской и Старога Газетнаго пер., д. Фальцъ-Фейль, магазинъ № 19.

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО

Г. ГОЛЛЕНДЕРЪ

Для смягченія кожи.

Новоизобрѣтенное вазелиновое мыло, пріятнаго запаха, придаетъ кожѣ желаемую пѣхую мягкость. Цена за кусокъ 30 коп., 3 куска съ пересылк. 1 р. 50 к.

Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи.

Главный складъ: **СПБ., Демидовъ пер., д. № 1. (24) № 4278**

ДЛЯ УМЫВАНІЯ ЛИЦА 5-1

МОЛОКО НИМФЕЯ
флаконъ 1 руб. 25 коп.

МАГАЗИНЪ **А-ЛА-РЕНОМЕ**

Невскій пр., № 3.
Торговц. соразмѣри. уступка.

СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО „РОССІЯ“

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное въ 1881 г.

Общество заключаетъ по умѣреннымъ преміямъ: Страхованія пассажировъ отъ несчастныхъ случаевъ во время путешествія по желѣзнымъ дорогамъ, на пароходахъ, въ дилижансахъ и экипажахъ.

Страхованія отъ всякаго рода несчастныхъ случаевъ, могущихъ произойти съ застрахованнымъ лицомъ во время путешествій, поѣздокъ, прогулокъ; при несчастьяхъ въ домахъ, храмахъ, фабрикахъ и театрахъ; при исполненіи служебныхъ обязанностей; вообще вездѣ — дома и внѣ дома, съ условіемъ возврата Обществомъ всѣхъ внесенныхъ премій или безъ такового. Страхователи участвуютъ въ прибыляхъ Общества.

Коллективныя страхованія служащихъ и рабочихъ на фабрикахъ, заводахъ, постройкахъ и т. п. отъ несчастныхъ случаевъ, могущихъ приключиться при исполненіи служебныхъ обязанностей.

Страхованія могутъ быть заключаемы въ Правленіи Общества въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13) и въ Агентствахъ Общества во всѣхъ городахъ Имперіи.

Страховые билеты по страхованію пассажировъ на желѣзныхъ дорогахъ и на пароходахъ выдаются также на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, на пароходныхъ пристаняхъ и въ главныхъ гостиницахъ въ городахъ Россійской Имперіи.

№ 4586 4-2

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СКЛАДЪ

ГЕРМАНЪ ГЕССЕ

МЕХАНИЧЕСКОЕ ЗАВѢЩЕНІЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

САДОВАЯ 16.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

Торговый Домъ Ж. БЛОКЪ,

Москва, С.-Петербургъ, Кузнецкій Мостъ, Б. Морская № 21.

единственный Складъ для всей Россіи велосипедовъ: Свингъ, Виннетъ, Русскій Клубъ, Молни (New Rapid), Имперіалъ и пр.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ
Общедоступный Свингъ № 2 = 150 руб. =

Прейсъ-Курранты высылаются бесплатно.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ

В. ГЕНА въ Вѣнѣ

изъ ГРЕЦКИХЪ ОРЪХОВЪ.

Безвредное средство для быстрого окрашиванія волосъ и борода въ черныя, русыя, темныя и свѣтло-каштановыя цвѣты. 8-5

Цена за флаконъ 3 руб. съ пересылкой.

Главный складъ для Россіи у В. Аурихъ въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18.

ФОТОГРАФИЧЕСК. АППАРАТЫ

ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ.

Всѣдствие новѣйшаго изобрѣтенія фотографиров. доступно каждому, и этими аппаратами можетъ всякій, безъ особенной подготовки, снимать вполне хорошія портреты, группы и ландшафты.

Цена полн. прибора 18, 30, 35, 50 руб. и дороже.

Наборъ принадлежностей отъ 9 рублей.

Проксимъ не смѣшивать съ реклами. крайне дешев. аппаратами.

Е. КРАУСЪ и Комп.

Фабрика оптическихъ инструм. въ Парижѣ.

ДЕПО ДЛЯ РОССІИ:

С.-Петербургъ, Мойка, № 42.

Руководство и иллюстр. прейсъ-куррантъ высылаются бесплатно. № 4598

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ

собств. издѣлія продаются по вновь удешевленнымъ цѣнамъ:

съ 3 педальми по 4 р. и 4 р. 50 к.

„ 7 „ съ приспособленіемъ для легкой и скорой настройки по 6 рублей

Самый легкій инструментъ для изученія. Пріятный тонъ. Въ короткое время проданы многія тысячи.

За пересылку по почтѣ прошу прилагать за 4 руб., за 10 фунт., за 6 руб., за 15 фунт.

Г. Ф. МИУЛЕРЪ

Москва, Петровка, домъ Волкова.

Иллюстр. прейсъ-куррантъ съ всѣми инструментами бесплатно. (30) Ц. № 3864

Торговцамъ дѣлается скидка.

PAPIER FAYARD ET BLAYN

используется въ леченіи ревматизма, раздраженія дыхательныхъ органовъ, насморка, раздраженія груди, вывиховъ, ранъ, ожоговъ, ознобленій, мозолей и всякихъ кожныхъ затвердѣній. Продажа во всѣхъ аптекахъ (требовать собственноручную подпись).

Leichner's Fettmilch

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА

для вечера а также и дня! Незамѣтна на кожѣ! Косметическое средство для красоты кожи! Цена коробки 1 рубль!

Театральныя гримировки! № 4293 12-5

Румяна, бѣлѣла и карандаши для бровей!

Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

Л. ЛЕЙХНЕРЪ, Берлинъ, поставщикъ Бельгійскихъ театровъ и двора.

Главное депо для Россіи у В. Ауриха, Колокольная, № 18. С.-Петербургъ.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ *Вс. Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ИНШУАЦІА МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость красота.

Введена во всѣхъ Министерствахъ и много правительствъ и частныхъ учрежд.

Прейсъ-куррантъ, содерж. многочисленныя отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылаются бесплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

Москва С.-Петербургъ
Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21.

ЖИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXI г.
№ 26

г. XXI
1890

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 30 июня 1890 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цена этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1890 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

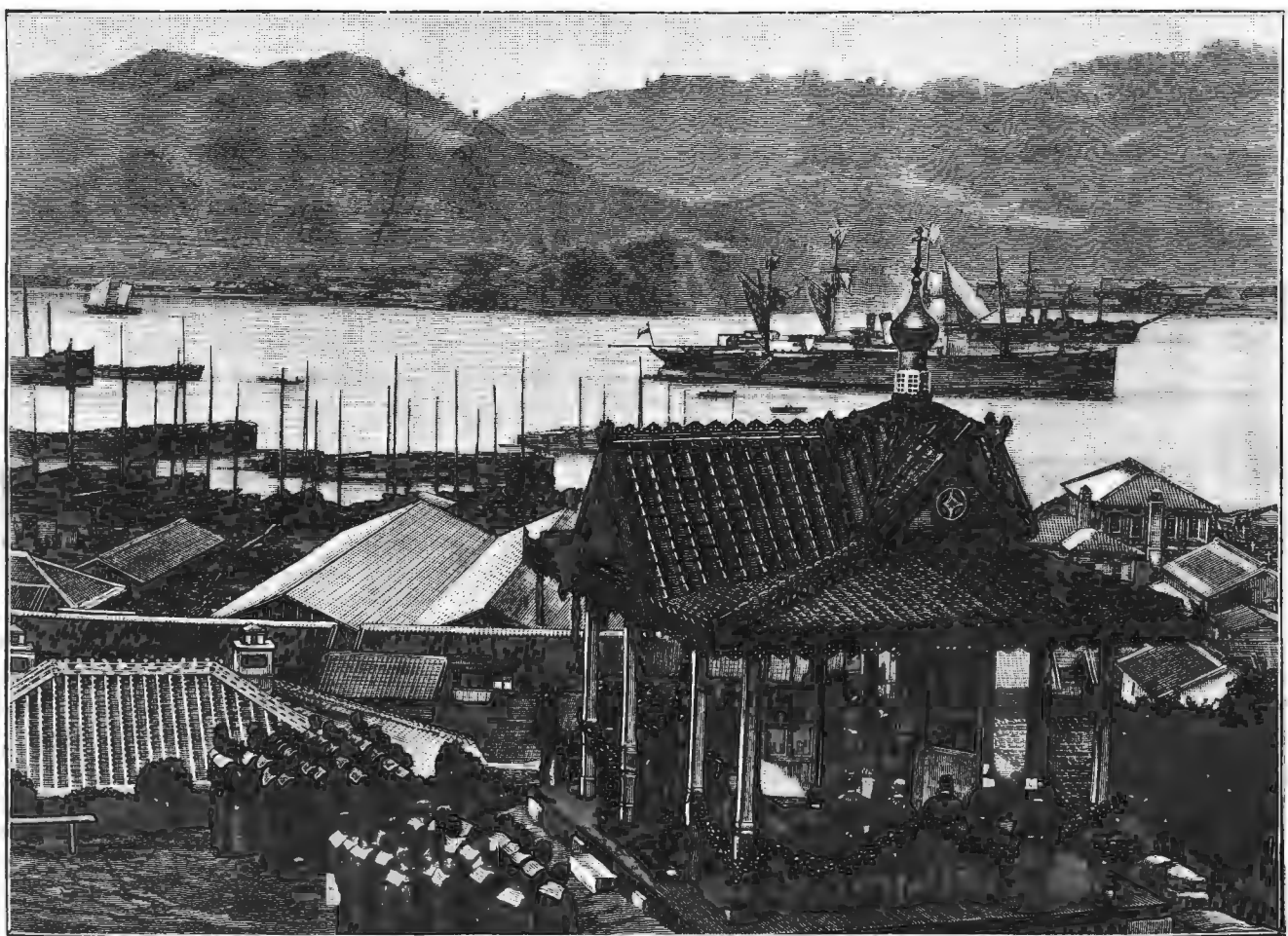
ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку нонпарейль (1/4 шир.
стр.) въ Глав. Кон. Ред. по
25 к. — Загран.: для Франціи у
Agence Havas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 20 Pf.

Безъ доставки въ Пе-
тербургъ 5 р.
Съ доставкою въ Пе-
тербургъ 6 р. 50 к.
За границу, съ пересылкою 9 р.

Безъ дост. въ Москвѣ чр.
конт. объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.
Съ пересылкой въ Москву
и другіе города Россіи . . . 7 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Безъ всякой доплаты за пересылку главныхъ премій.

Освященіе русской православной часовни въ Нагасани (Японія). Съ фот. Апостоли, грав. Рашевскій.

ЖИЗНЬ, КАКЪ ОНА ЕСТЬ.

Романъ въ пяти частяхъ. Вас. И. Немировича-Данченко.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

— Наплодять, наплодять дѣтей, а потомъ и...

И Петръ Саввичъ еще разъ перевернулся на своей постели.

Что это съ нимъ такое? спалъ онъ всегда хорошо, хотя чутко; малѣйшій шорохъ онъ слышалъ во снѣ—и стоило этому шороху повториться, чтобы Чижевъ уже подымался съ тюфяка, прислушивался и пытливо всматривался въ темноту. Онъ не боялся нападенія ни откуда. Онъ жилъ одинъ, замки и затворы его были надежны, да и револьверъ подъ подушкой находился всегда съ пулями во всѣхъ гнѣздахъ про случай. Чуткость въ немъ была воспитана не трусостью, а самими занятіями его; тѣмъ не менѣе въ ту ночь онъ чувствовалъ себя совсѣмъ странно. Голова горѣла, тюфякъ и подушка точно давили ее. Ему было не по себѣ. Онъ зажигалъ свѣчу, но при огнѣ не могъ заснуть; тушилъ ее и засыпалъ, чтобы тотчасъ же проснуться въ какомъ-то непонятномъ ему смятеніи. Что собственно случилось съ нимъ такое? Сегодня онъ торговалъ отлично. Процентъ пришлось на его долю много, невыкупленныхъ вещей еще больше. Неприятностей тоже не было, если не считать одного безмѣстнаго лакея, обозвавшаго его „живодеромъ“. Но это его не задѣвало, онъ привыкъ. Кто его не называлъ живодеромъ? Что-жъ, у всякаго есть свое дѣло, своя профессія! Угодно имъ называть это живодерствомъ—пускай... Оно, живодерство, кормитъ и поитъ его, безъ живодерства онъ былъ бы самъ какъ этотъ безмѣстный лакей: ходилъ бы закладывать рваныя, ничего не стоющія жилетки. Нѣтъ, не это!..

Какъ она, Пашутка кажется (такъ бишь ее звали?), схватила его рученкой за палецъ!.. И рученка какая маленькая, влажная, съ крохотными пальчиками и ноготками. И какъ она крѣпко держала его... Уцѣпилась и держитъ! Смѣшная, губы въ трубочку вытянетъ и точно хочетъ ими дотянуться до свѣчи, не дотянется—и давай пузыри пускать!.. а глаза у нея черные, безъ бровей, тоже смѣшные... Поди ничего еще не понимаетъ. Все равно ей: живодера за палецъ схватить или мамку... Пожалуй и у него на рукахъ такъ же спокойно лежала бы, лишь-бы свѣчка горѣла передъ нею... занятная дѣвчонка-то... И чѣмъ только она, эта жалкая мать, кормитъ ее? Сама чуть не побирается... Дура, безъ документу, на Иоанна Крестителя повѣрила какому-то процалыгѣ. Кто безъ документа заплатитъ? Да приведишь хоть ему, Петру Саввичу Чижеву, а и онъ безъ документа никому не дастъ и самъ не заплатитъ. Потому не порядокъ... На все свой порядокъ установленъ. Что-же это будетъ, если на слово? Поймай-ко его, это слово. Сказалъ, а оно ужъ вонъ гдѣ, за хвостъ не схватишь, да назадъ его не выманишь. Грудью должно кормитъ она Пашутку-то? Только какое ужъ у нея и молоко-то можетъ быть! Полтора рубля отдастъ она хозяйкѣ за квартиру—а полтинникъ ей на все содержаніе... Не очень раздобрѣешь съ этого. Положимъ, ея вещи стоили всего восемь рублей. Четыре можно было бы дать ей... Да какъ же ему упускать свой интересъ! Что-же это будетъ такое? Тогда хоть лавку запирай совсѣмъ. Понятное дѣло, онъ ужъ никакъ больше не могъ дать.

Вѣдь вотъ онъ прожилъ и не любилъ никого. Сестру развѣ? Да и ее такъ—своя вѣдь, нельзя не любить. А такъ чтобы совсѣмъ—никого еще. Давно начиналось что-то; помнить онъ хорошо это. Дворовымъ онъ былъ. Горничная Маша. Славная дѣвчонка была. И точно тепломъ на него пахнуло въ эту безсонную ночь. Славная. Глазенки яркіе, губки алыя, пряткая... И веселая же. Смѣется, по всему двору слышно, всѣ старушки сейчасъ бывало ворчать начнутъ: „ишь Машка-то заржала!

Чтобъ ее!..“ Подумывалъ Петръ Саввичъ даже о женьтибѣ—хотѣлъ было уже и къ барину идти, а тутъ барчукъ изъ Питера пріѣхалъ—ну, известное дѣло. Сладкій кусъ кому не милъ... Потомъ воля вышла—а еще попозже встрѣтилъ онъ на улицѣ Машу. Пьяную, оборванную... Да, теперь у самого Петра Саввича поди были бы такія-же Пашутки... На глазахъ бы у него выросли и за палецъ-бы его схватывали влажными мягкими дѣтскими рученками и губы въ трубочку тянулись бы къ нему... Теперь бы всѣ эти Пашутки большія были уже; что смѣху, да шуму кругомъ—безпокойство одно. Безъ нихъ тише, удобнѣе... И работать безъ нихъ куда лучше! Еще вышли-ли бы изъ нихъ помощницы?.. Да, такъ-то лучше. Одно только вотъ, если болѣзнь пристукнетъ... Помнить онъ, какъ два дня больной лежалъ здѣсь, простудился должно-быть. Слышалъ какъ въ двери стучались, потомъ городской пришелъ—хотѣлъ было его по одиночеству въ больницу отправить, да взялъ десятку и прочъ убрался. Жутко было тогда, какъ жутко! Хорошо, что вечеромъ дворничиха—добрая баба—явилась и просидѣла съ нимъ, и на другой день тоже. А то страшно...

А умирать одному?.. Болѣть, старѣться, умирать?

Такъ же будетъ молчать ночь... Такъ же стануть грызть половицу неугомонныя мыши... Жутко... И кому все это достанется? Кончитъ онъ свое дѣло—тысячъ триста у него будетъ. Не даромъ живодерствовалъ... Тысячъ триста, да... А золота да серебра заложенаго и невыкупленнаго? И вѣдь случись что—разворуютъ. Да какъ еще! Первый кто войдетъ—и цапнетъ, прямо въ шкапъ руку запуститъ, ограбитъ что попадется и крадучись прочъ пойдетъ... А то еще умирающаго придумать пожалуй, чтобы не крикнулъ, собравъ свои послѣднія усилія.

А тогда и больному-то ничего.

Пашутки бѣгали бы кругомъ—топъ-топъ—на своихъ маленькихъ ножкахъ, проворныхъ; къ нему-бы подошли, на кровать взобрались, лепетать бы стали. Все-бы не такъ какъ теперь было. И мать у нея, дура-то дурой, а должно-быть хорошая и добрая баба. Глупая, но хорошая. Еще бы! Дурная безъ документу не дала-бы—какъ-же! Гдѣ такихъ найдешь?.. Да и потомъ, ну померь-бы... Всѣ померь, что-жъ, такой ужъ положень отъ Бога предѣлъ—его-же не преидеши; зналъ бы за то кому все нажитое добро досталось. Всякій разъ какъ взглянули на богатство это—вспомнили-бы: „отъ батюшки отъ покойнаго. Дай Богъ ему царствіе небесное“. И помолились-бы—все душѣ легче. А теперь что?.. Собакѣ собачья и смерть, другаго и не дожидайся отъ этихъ-то... Или стануть рассказывать: „Нѣтъ, какой у насъ живодеръ Петръ Чижевъ былъ—такъ ужъ точно!“ Вѣдь вотъ поди-жъ ты какихъ голышей Господь Пашутками надѣлилъ, а ему должно-быть такъ живодеромъ и помирать придется...

И только когда сквозь занавѣсъ робкіе, блѣдныя лучи тусклаго дня проникли въ комнату, борясь съ желтымъ сіяніемъ нагорѣвшей свѣчи и точно съ удивленіемъ скользя по заваленнымъ разнымъ заложенымъ хламомъ угламъ, Петру Саввичу удалось забыться и заснуть.

II.

Днемъ Петръ Саввичъ даже не вспомнилъ безсонную ночь. Всѣ ея впечатлѣнія сошли съ него, какъ съ гуся вода. Онъ даже былъ неумолимѣе обыкновеннаго. Давалъ меньше чѣмъ слѣдовало, а на всякія возраженія кричалъ своимъ клиентамъ:

— Ступай рядомъ. Тамъ тебѣ поди больше дадутъ.

Но увь кліенты знали, что около — еще хуже въ этомъ отношеніи, и покорялись своей участи. Вечеромъ (была суббота) Чижовъ заперъ лавочку раньше и пошелъ къ вечернѣ. Онъ никогда не пропускалъ ея. Очень внимательно прослушалъ всю службу, козломъ подтягивалъ пѣвчимъ, лѣниво крестился и часто кланялся въ землю, а по окончаніи пошелъ домой.

— Смотри, смотри, живодеръ идетъ! слышалось ему навстрѣчу.

Онъ и ухомъ не повелъ.

— Петръ Саввичъ, за мои часики, что у васъ въ залогъ пропали, дозвольте гривенничекъ на вышивку, обратился къ нему какой-то оборванецъ.

— Ступай, ступай! не то, знаешь — вонъ вѣдь городской стоять...

— Треснуть-бы тебѣ, кровопивцу! За часики, братцы мои, восемнадцать дадено, а у него за пять пропали.

Живодеръ тихо и мирно дошелъ до дому, осмотрѣлъ и оцупалъ засовъ, потомъ отперъ громадный замокъ отъ заднихъ дверей, зажегъ свѣчи передъ образами, поставилъ самоваръ и тихо и мирно сталъ пить чай... „Тамъ бы Пашутка сидѣла!“ ни съ того, ни съ сего мелькнуло у него въ головѣ... „Ногами бы поди болтала да языкомъ... Безпокойство!“ И на сухое, сморщенное лицо Петра Саввича словно незначай налетала улыбка... но не на долго: „Баринъ-то золотыхъ часовъ не выкупилъ, да и мамзель изъ Калашниковскаго дома тоже браслетку бральянтовую проморгала. Слава тебѣ Господи... Отъ часиковъ семьдесятъ чистаго, да отъ браслетки — три катеньки набѣгутъ. Куда съ барами да мамзелями лучше... Эти не ругаютъ и не ноютъ. Прибѣжить: „ужли-жъ я опоздалъ?“ — „Точно такъ, господинъ, продана“... Помотаетъ, помотаетъ головой и прочь пойдетъ — смирно, благо-родно... Дочка была-бы, выросла бы... Какъ-бы я ее одѣлъ — иной купчихѣ не выстоятъ такъ-то!“

Петръ Саввичъ вышелъ на улицу какъ-то. Клиентовъ не было — онъ и сталъ въ дверяхъ около лавочки. Солнце свѣтило ярко, небо было чисто... Почему-то Чижову вспомнилась тогда деревня:

„Хлѣбъ убираютъ съ полей... Пѣсни поютъ вечеромъ, хороводы водятъ“... Задумался. „И все то съ нуждой лютой бьются. Правда живутъ по-божески, никого не обираютъ... А все нищѣ“.

— Эй, эй, матушка! крикнулъ онъ — и самъ не зная зачѣмъ... Та же баба съ ребенкомъ, что приходила къ нему закладывать обручальное кольцо; остановилась. — Вы это куда?..

— Наниматься ходила.

— Съ ребенкомъ?

— Да. — И вдругъ она поблѣднѣла даже. — И навязалась-же она мнѣ — прости Господи.

— Кто навязался?

— Пашутка-то... Вотъ ужъ Богъ смерти не дастъ!

— Чтò вы, чтò вы... А еще мать!

— Куда-же мнѣ съ нею? На шестое мѣсто хожу: какъ узнаютъ что съ ребенкомъ, „нѣтъ, говорятъ, намъ не надо“... Одно остается — въ деревню ее отдать... Пушай тамъ живетъ, а я за нее платить буду, изъ жалованья...

— Ну, въ деревнѣ она помретъ.

— Чтò-же мнѣ дѣлать-то?

Петръ Саввичъ развязалъ платокъ, закрывавшій лицо малытки... Она спала...

— Ишь ты, засмѣялся онъ, — тоже дыханіе!.. Пашутка лежала, раскрывъ ротъ; во снѣ раздумянилась — безбровья выпуклины смѣшно торчали, еще смѣшнѣе выступалъ круглый носикъ. Должно-быть свѣтъ ударилъ ей въ лицо: открыла глаза, зажмурилась, даже ротъ скривила, плакать собиралась, да вмѣсто того чихнула и разсмѣялась.

— Ишь ты... блоха! одобрилъ ее Петръ Саввичъ. — Подлинно блоха...

— Блоха-то ѣсть не просить, сама ѣсть, а эта...

— Ну, ну! не кричать, нечего! заворчалъ Петръ Саввичъ, потомъ вдругъ ни съ того, ни съ сего спросилъ:

— А ко мнѣ бы вы пошли?

— Какъ къ вамъ?

— Я съ ребеночкомъ возьму... Старъ становлюсь, одному не справиться.

— А сколько жалованья?

— Жалованья я не дамъ. На чтò жалованье? Кормить, поить буду.

— Какъ на чтò жалованье? А одѣваться, обуваться? Мало-ли...

— Ну, на этотъ счетъ изъ заложеннаго хламу всегда выберемъ.

— Нѣтъ, задумчиво проговорила женщина, — нѣтъ, такъ чтобы безъ жалованья невозможно.

— Вѣдь вотъ вы какая, а я съ ребеночкомъ беру... Кто съ нимъ возьметъ? ну? Отъ него безпокойство одно будетъ. Вы то подумайте, что я еще вамъ благодѣтель выхожу... Пищитъ онъ у васъ?

— Отчего не пищать — пищитъ...

— Ну вотъ. Въ деревню за него вамъ надо четыре въ мѣсяцъ отдать, да подарки.

— А жалованья мнѣ дадутъ восемь.

— Ну, гдѣ!..

— Вездѣ дадутъ.

— На восемь, матушка, потребуютъ, чтобы и одежда была приличная, и все прочее.

— Какъ хотите, а безъ жалованья я не могу.

— Ну, рупь я вамъ дамъ... Смотрите, раздумаю.

— Рупь мнѣ мало. Пять!

— Экое вы слово сказали... Пять! Гдѣ это видано?..

Подростетъ и ее вѣдь кормить придется... А вы бы хорошино челоуѣкомъ дорожили.

Но тутъ ребенокъ высвободилъ рученку, растопырилъ пальчики и началъ ловить что-то такое надъ своей пуговкой, замѣнявшей ему покуда носъ. Петръ Саввичъ протянулъ къ ней свой корявый палецъ. Пашутка опять ухватила за него, точно это было единственнымъ ея спасеніемъ. Схватила и по-своему крѣпко сжала.

— А вамъ сколько лѣтъ? заинтересовался вдругъ Петръ Саввичъ.

— Мнѣ? Двадцать пять.

— Служили гдѣ прежде?

— Мой мужъ домоу управлялъ — а я у хорошихъ господъ, у генеральши Кривоносковой въ экономкахъ жила.

— Грамотны вы?

— Да.

— И писать умѣете?

— Пишу ежели что по хозяйству.

— Такъ рубль беретъ?

— Нѣтъ. Это и толковать нечего.

И она было двинулась идти. Но младенецъ не выпускалъ руки Петра Саввича и тотъ поневолѣ остановилъ ее.

— Ну, погодите... погодите. Чего торопиться-то! Такъ въ два слова дѣла кончать нельзя. Отъ своего счастья бѣжите.

— Какое ужъ счастье!.. Дай Богъ прокормиться-то.

— Почему кто знаетъ... Ну вотъ что, только чтобы это ужъ послѣднимъ словомъ было... Дамъ я вамъ три рубля...

И словно испугавшись своей щедрости, Петръ Саввичъ высвободилъ свой палецъ и пошелъ къ себѣ.

Женщина задумалась... Постояла на порогѣ, постояла и шагнула въ лавку.

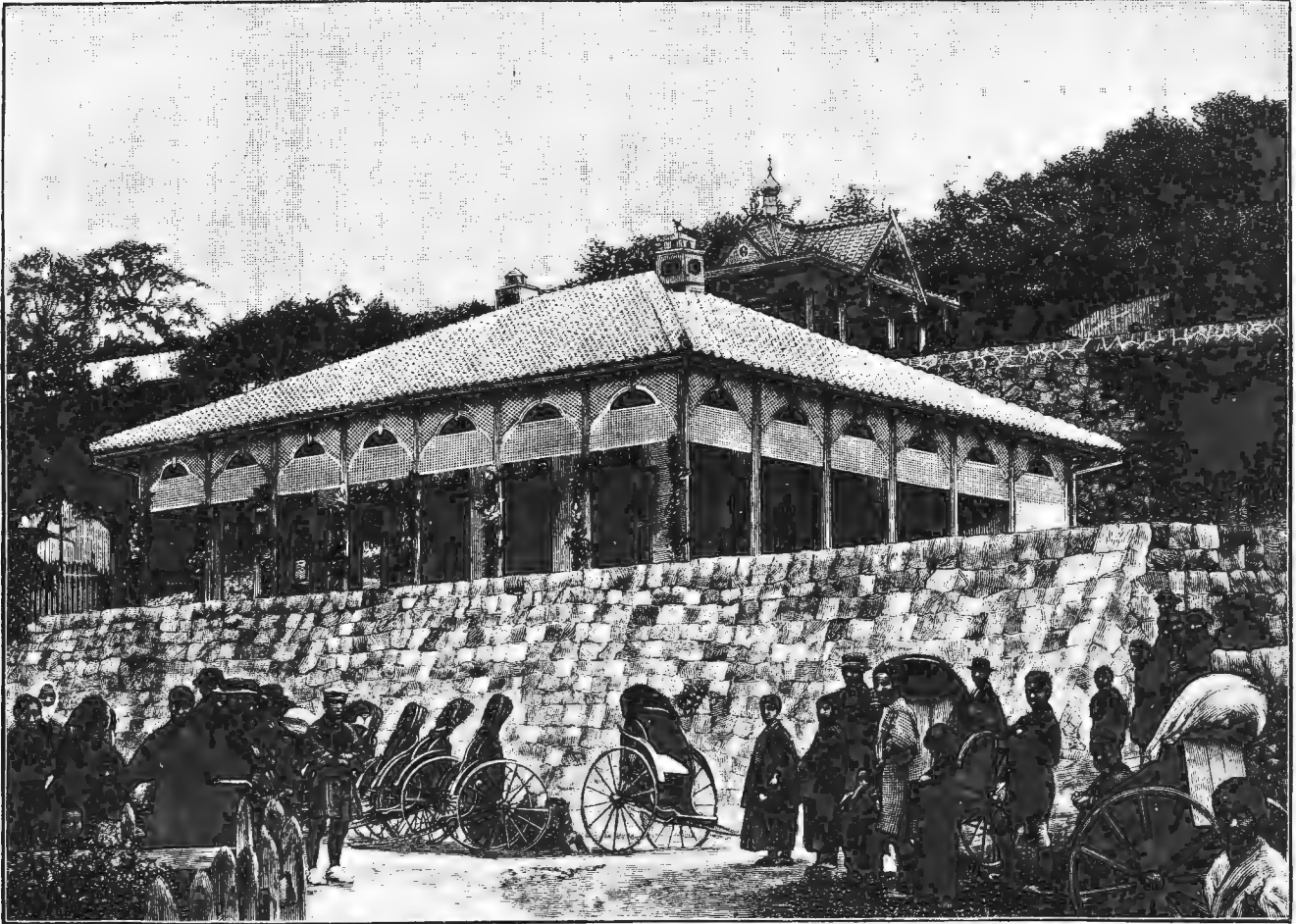
— Ну-съ? Поторопился я. Много набавилъ и самъ каюсь. Три-то рубля на полу не валяются.

— Чай, сахаръ вашъ?

— Это извѣстно. Кормить буду. Что самъ — то и вы.

— Я согласна.

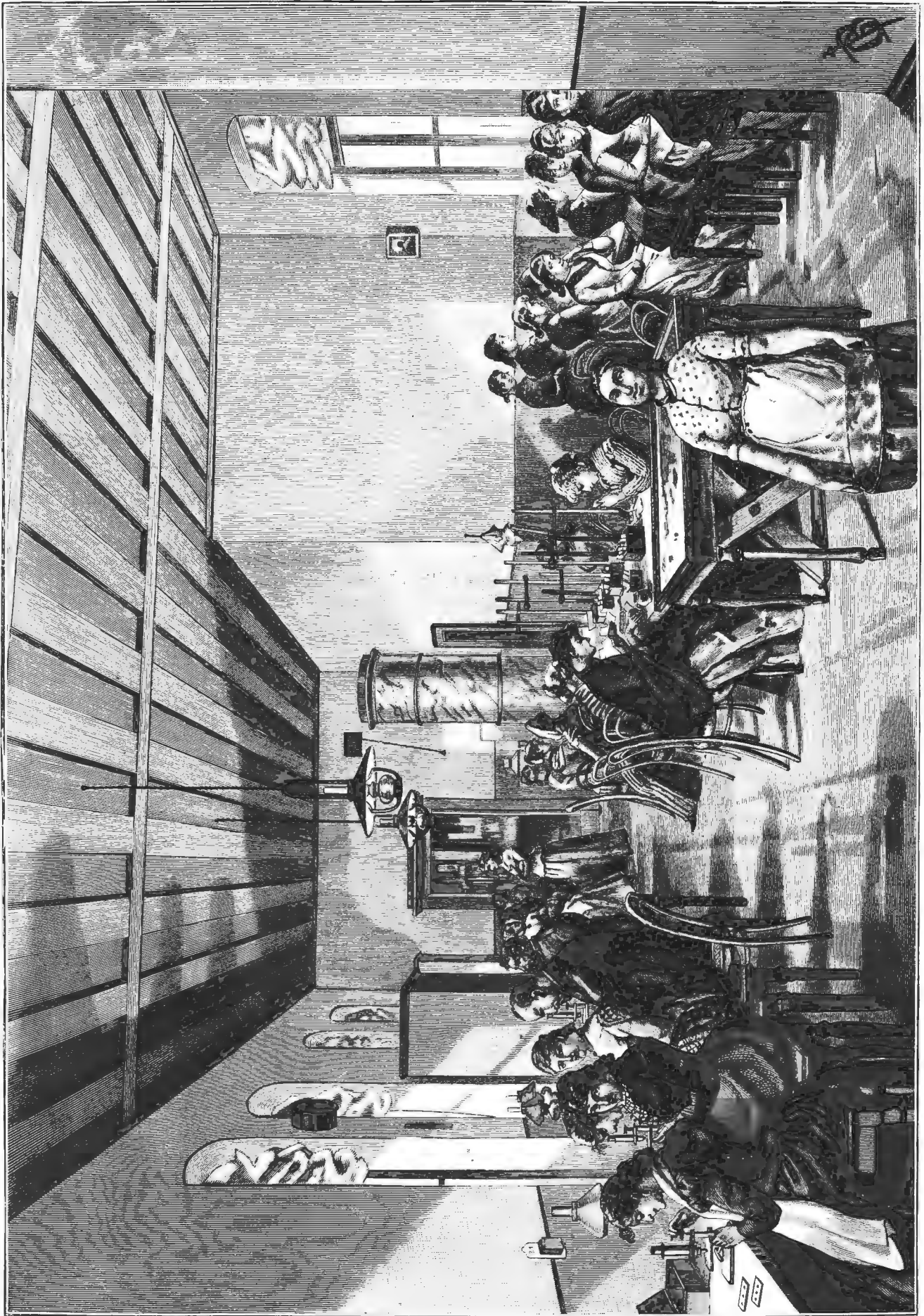
— Еще-бы да не согласиться! Кому отъ своего счастья бѣжать хочется? Такъ значитъ двадцать пять лѣтъ вамъ?

Русскій офицерскій лазаретъ у часовни въ Нагасани (Японія) Съ фот. Апостоля, грав. Рашевскій

Русская гостиница въ Нагасани (Японія). Съ фот. Апостоля, грав. Рашевскій.

СПБ. Микроскопическая станція для изслѣдованія трихинъ въ свиномъ мясѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Бродинга, грав. Шюблеръ.

— Да.

— А замужъ вамъ не хочется?

— Кто-же съ ребенкомъ возьметъ?

— Старикъ возьметъ, только отъ старика вы, надо полагать, отворотитесь... „А если“, думалъ онъ, „да подкормить ее—совѣмъ ничего будетъ. Бѣдность узнала баба — работать станетъ, какъ слѣдуетъ. Эй, не дури Петръ Саввичъ! Эй, не дури!.. Сѣдые волосы нажилъ...“

— Какъ звать-то васъ?

— Марья Петровна! покраснѣла она.

— Такъ какъ-же, Маша, а?

Та молчала, потупясь.

— Ну, вотъ ваша комнатка будетъ, показалъ онъ рядомъ съ кухней. Потомъ ни съ того, ни съ сего потрепалъ ее по плечу и улыбнулся.

— Ишь, круглая! Только что на лицо худа... Ну сегодня—перевозитесь. На извозчика-то денегъ нѣтъ, поди? На вотъ бумажку... Да смотри извозчику денегъ-то много не давай... Отъ Кувалдышева дома сюда-то и пятналтынный за глаза!.. „Вотъ не было печали, еще разъ улыбнулся онъ. „Ну, да, ладно. Чуть что—вѣдь и прогнать могу“.

Но онъ не прогналъ ее. Марья Петровна оказалась именно такою, какая нужна была „живодеру“. Семь лѣтъ прошли точно семь дней. Она блюла его копѣйку, никогда и куда не отлучалась, домъ держала въ порядкѣ. Пашутка выросла и стала тоже такою дѣвчонкою, о которой часто думалъ Петръ Саввичъ. Надо прибавить, что Марья Петровна такъ оправилась, пополнила и похорошѣла, что года черезъ три послѣ того, какъ она поступила къ нему, ростовщикъ женился на ней, увѣряя, что ему никогда не придется жалѣть объ этомъ. Да и три рубля въ мѣсяцъ останутся въ карманѣ, рассуждалъ онъ, соорбяжая, что расхочовъ на жену не понадобится больше чѣмъ на кухарку. Такимъ образомъ Пашутка росла, уже считая его папкой, и о существованіи нѣкогда другаго папки даже и не подозрѣвала. Она была настоящею хозяйкою въ домѣ: чтò хотѣла то и дѣлала; къ сумрачному Петру Саввичу взбиралась на постель, теребила его за ощеннившіеся усы (бороды онъ тогда не носилъ), пряталась къ нему въ стойку когда кто нибудь приходилъ „закладываться“, а въ шесть лѣтъ была грозою всѣхъ мальчишекъ на улицѣ. Она вступала съ ними въ бой и не разъ выходила побѣдительно; для тѣхъ только и оставалось одно утѣшеніе—кричать ей вслѣдъ: „живодерова дочь, живодеркой сама будешь“. Сначала Пашутка не понимала значенія „живодеръ“, но потомъ, играя на улицѣ, часто слышала какъ недовольные „закладывавшіеся“, выходя, ругались: „Подавился ты моими часами, живодеръ проклятый!“ или „Чтобъ тебя разорвало, живодерище!“ или „Съ чортомъ свяжешься... Ужъ истинно что живодеръ...“ Пашутка послѣ этого стала задумываться и обижаться.

— Мой папка добрый, огрызнулась она отъ мальчишекъ.

— Добрый? Бываютъ развѣ живодеры добрые?

— Добрый, добрый! топала она ногами.

— Ему-бы шкуру драть — вотъ какой онъ добрый!..

Погоди, помереть, замучаютъ его въ ади, черти-то.

Пашутка плакала, кидалась на обидчиковъ и приходила домой изорванная.

— Что, опять разодралась? спрашивалъ ее, покачивая головою, Петръ Саввичъ.

Она молчала, потупясь и пробираясь поскорѣе къ матери.

— Мама, а мама... Папка вѣдь добрый?

— Добрый... разумѣется, добрый! задумывалась та.

— А почему *они* его живодеромъ кличутъ? торопилась она разрѣшить свое недоумѣніе.

— Такъ, Пашутка. А ты бы не слушала.

— Нѣтъ, ты скажи зачѣмъ?

— Должность у него такая... не находилась та.

— Значить *они* правду говорятъ.

— Для тебя онъ доберъ и для меня тоже. Ты и должна уважать и любить его.

— Я и люблю его, раздумчиво говорила дѣвочка, и долго послѣ того пытливо всматривалась въ Чижова, отыскивая въ немъ какіе-бы то ни было признаки живодерства. Сядетъ бывало въ уголь и смотритъ: не проявится-ли въ чемъ живодерство? Но нѣтъ. Часы проходили за часами, онъ стоялъ, спокойно торговалъ и шкуры ни съ кого не дралъ... „Когда-же онъ шкуры деретъ?“ еще пуще задумывалась она... И наконецъ, обсудивъ дѣло, дѣтскимъ умомъ своимъ рѣшила, что ночью. Ночью когда она спитъ — онъ уходитъ на свой промыселъ и деретъ шкуры... Теперь она уже не обижалась на названіе живодера и весьма резонно отвѣчала, „что это у него должность такая, чтобы, значить, шкуры драть“. Семь лѣтъ ей было когда она рѣшила все это узнать обстоятельно. Утромъ—отецъ еще спалъ—Пашутка забралась къ нему на постель, сѣла въ ногахъ и стала терпѣливо ждать... Она пристально всматривалась въ него соннаго, задаваясь вопросомъ, какъ это онъ шкуры деретъ, и больно-ли это, и кричатъ-ли при этомъ. И безотчетный страхъ вкрадывался въ ея душу... Въ эту самую минуту Петръ Саввичъ открылъ глаза.

— Ну, блоха, здравствуй... Поди ко мнѣ...

И онъ протянулъ ей руки, но на этотъ разъ, вмѣсто того чтобы броситься къ нему, она еще ближе прижалась къ спинкѣ кровати.

— Чего ты пыхишься?.. Поди скорѣй... Пашутка!

— Ты ночью, папка, куда ходилъ?

— Я? удивился онъ.—Никуда... Здѣсь былъ.

— Нѣтъ, ты врешь... А я знаю куда.

— Приснилось тебѣ, Пашутка?

— Нѣтъ, не приснилось. Ты, папка, живодеръ вѣдь. Ты вѣдь по ночамъ ходишь шкуры драть-то?

Петръ Саввичъ похолодѣлъ даже. Это слово, къ которому онъ такъ давно уже привыкъ, сказанное пухлыми и румяными губками Пашутки, подняло его разомъ. Онъ не нашелся въ первую минуту и долго смотрѣлъ на нее.

— Чтò ты сказала, чтò?

Она тоже со страхомъ глядѣла на него въ эту минуту.

— Чтò ты сказала... а?

— Ну да, всѣ такъ говорятъ. Что у тебя должность такая... Днемъ дома... а ночью ходишь.

— Куда хожу?

— Драть, съ живыхъ людей, которые по улицамъ заблудимши... Послушай, папка... имъ больно вѣдь?.. а?.. Кричатъ они?..

— Марья, Марья!

Марья Петровна, возившаяся въ кухнѣ за самоваромъ и ничего не подозрѣвавшая, вошла.

— Послушай-ко, чтò дочка твоя говоритъ... Живо-деръ вишь я... Ночью шкуры драть хожу.

— Ну да, дѣловымъ тономъ подтвердила Пашутка.— И Васька, и Сенька, и Алешка—всѣ говорятъ. А я тебя, папка, боюсь.

— Чего-жь ты боишься, дура?

— Боюсь...

— Чего?

— А какъ ты меня съ мамкой задерешь тоже?

— Пошла вонъ, дура!.. озлился Петръ Саввичъ и поблѣднѣлъ даже—и такое злое стало у него лицо, что Пашутка кубаремъ скатилась съ кровати и опрометью кинулась въ кухню. Чижовъ всталъ туча-тучей. Точно совѣсть его выросла въ этой дѣвчонкѣ... Живо-деръ, всѣ говорятъ... Шкуру съ живыхъ людей деретъ. И она этому повѣрила... Чтò какъ станетъ подростать съ чувствомъ ненависти и страха къ нему? Или если и будетъ въ глубинѣ своей дѣтской души любить его, но при другихъ станетъ его стыдиться?..

Было воскресенье. Чижевъ пошелъ по обыкновенію въ церковь. Молился истово и степенно. Ставилъ свѣчки, а самъ все не переставалъ думать. Вотъ тебѣ и расчетъ его, что Пашутка вырастетъ помощницей ему; выдать ее замужъ и мужъ явится продолжателемъ его дѣла... Живодеръ! И тутъ въ церкви ему почудилось, что въ толпѣ кто-то проговорилъ ему вслѣдъ: „ишь живодеръ-то нашъ: погляди какъ распинается... Кровопивецъ...“ Вернулся домой онъ еще сумрачнѣе. Крикнулъ на Марью. Пашутка забила къ куда-то въ уголь. Шелъ мимо лавки батюшка. Увидѣлъ его въ окно Петръ Саввичъ и вышелъ.

— Здравствуйте, отецъ Никита. Какъ живете-можете?

— Не то чтобы, Петръ Саввичъ... Поясница вотъ... Ну и оскудѣніе одолѣло. Вѣра въ людяхъ умалается.

— А я хотѣлъ съ вами поговорить.

— О чемъ это?

— Насчетъ моего дѣла.

— Какого?

— А вотъ,—и Петръ Саввичъ взглядомъ показалъ на лавку.—Очень ужъ люди меня не одобряютъ. Кровопивецъ, говорятъ... Какъ это по вашему?.. И даже въ собственномъ семействѣ. Что-же это будетъ если и свои тоже?

— То-есть какъ?

Отецъ Никита былъ дипломатъ и первымъ дѣломъ постарался уклониться.

— Люди злы — сами знаете-съ. Мало-ли что говорить... Грѣхи...

— Нѣтъ, а по вашему-то какъ? Потому я для успокоенія моей души. Мятется она у меня. Нешто я ограбилъ кого? Вы все это произошло—вотъ и скажите какъ понимать это... Какъ вы то-есть?

И онъ жадно сталъ прислушиваться.

— Какъ судить, искалъ выхода отецъ Никита.—Сказано: „не осуждай, да не осужденъ будешь. Ею-же мѣрою мѣряете, тою и воздастся вамъ“.

— Это все отлично... А только—вы что? Промыселъ мой какъ вамъ? Вы, батюшка, по правдѣ...

Отецъ Никита безпомощно оглянулся.

— То-есть видишь, на сіе два взгляда могутъ быть: свѣтскій, такъ-сказать экономическій, и духовный—евангельскій. По свѣтскому—дѣло выгодное, законами Россійской имперіи не возбраняемое... Отъ полиціи притѣсненія нѣтъ вѣдь?

— Я не о томъ. Ахъ, Боже мой! По совѣсти-то, по Евангелію какъ?

— По Евангелію... Ну, братъ, по Евангелію всѣ мы грѣшны, потому и сказано: „могій вмѣстити да вмѣстити“... Не всякому дано это, а Богъ по нашей слабости прощаетъ. Понялъ?

— Про ростовщикова что сказано? Есть-ли, значить, указанія?

— Есть... Вообще обо всѣхъ: „Кая польза человѣку еще весь міръ приобрящетъ, душу-же свою отщетить?“ Ну да ты бодрись...

И широко размахивая рукавами рясы, отецъ Никита пошелъ дальше.

„Душу же свою отщетить... Кая польза...“ Именно „кая польза!“ Если даже дома на тебя какъ на звѣря смотрятъ?.. Кая польза... Разумѣется никакой пользы, окромѣ жадности нашей.

— Кровопивцу и живодеру! проходилъ мимо оборванный мастеровой.—Петру Саввичу! Все попрежнему грабите?

— Проходи, проходи! А то по шеѣ.

— Шей-то у насъ своя, не заложная, смѣялся тотъ.—А вотъ какъ вы помрете, милостивый сдари Чижевъ, такъ вамъ сейчасъ осиноный колъ въ спину. Сказываютъ, всѣмъ такимъ по закону слѣдуетъ.

Петръ Саввичъ оглянулся—не слышитъ-ли Пашутка?..

Слава Богу, ея не было. Домой вернулся, Пашутка все такъ-же пытливо смотритъ на него.

— Поди ко мнѣ...

Но она съ застѣнчивою неловкостью попятилась и спряталась за мать.

— Что ты, дура! озабоченно уговаривала та.—Иди къ папкѣ.

— Не хочу...

— Чего не хочешь?

— Боюсь, отвѣчала дѣвочка.

Въ эту ночь до утра Петръ Саввичъ не смыкалъ глазъ. На другой день онъ изумилъ всѣхъ въ своей лавкѣ. Время выдалось какъ нарочно для него самое лучшее—подъ праздникъ. Вся бѣдность то и дѣло шмыгала къ нему съ разными вещами, но къ общему удивленію Чижевъ всѣмъ отвѣчалъ наотрѣзъ: „Несите къ другимъ“.

— Что такъ?

— Больше не принимаю, довольно, будетъ.

— Петръ Саввичъ, что ты... Побойся Бога!

— То-то что, съ вами возжамшись, пересталъ Его бояться. У меня у самого дитѣ растеть.

Въ крайнемъ недоумѣніи кліенты его выходили на улицу.

— Что это съ живодеромъ нынче?

— Насосался, сытъ! рѣшали они.

Вечеромъ онъ пошелъ въ церковь и наткнулся тамъ на старика-мѣщанина Антоныча, котораго всѣ звали душевнымъ человѣкомъ. Антонычъ не разъ выговаривалъ Чижевю: „не ладно де поступаешь. Съ голи послѣднее берешь“. Увидѣвъ его въ углу молящимся, Петръ Саввичъ подошелъ къ нему. Почему-то ему захотѣлось теперь поговорить не съ кѣмъ инымъ, какъ съ этимъ всегдашнимъ своимъ порицателемъ.

— Здравствуйте.

Антонычъ возрился на него подслѣповатыми глазами.

— Ну, что? Все сосешь? А ты о Богѣ подумай-ко...

— Я ужъ и то подумалъ.

— Неладно такъ-то, неладно... Грѣхъ неимущихъ обижать.

— Будетъ, полно... Я, Антонычъ, прекращаю!—и потомъ, замѣтивъ удивленіе старика, прибавилъ:—торговлю свою прекращаю.

— Совсѣмъ? недовѣрчиво покосился на него Антонычъ.

— Какъ есть, довольно... Для души теперь хочу. Опять же ребенокъ у меня растеть. Неладно ему дѣла наши видѣть.

— Это ты вотъ какъ хорошо задумалъ! обрадовался старикъ.—Это ты ладно... И я за тебя помолюсь... Только трудно, охъ, трудно тебѣ будетъ! Все къ старому станеть, къ неправедной наживѣ тянуть.

Петръ Саввичъ усмѣхнулся: „не потянетъ“.

— Ну, дай Богъ!.. А ты вотъ что... ты разомъ... Знаешь: отвалилось—и нѣтъ его, вотъ какъ!..

— Разомъ-то? Залоги у меня. Съ ними тоже возня... Пока выкупаютъ. Что же мнѣ свое терять-то?

— Они-то тебя и удѣржутъ. Они-то тебя на старое и повлекутъ...

— Не повлекутъ... Въ случаѣ чего...

И онъ остановился.

— Что, въ случаѣ чего?

— Въ случаѣ чего, говорю... Я ужъ рѣшилъ что мнѣ дѣлать-то. Ужъ и то Пашутка бояться меня стала... Известное дѣло: глупа—слышитъ: „живодеръ“ да „живодеръ“... ну, и она за людьми тоже.

— Богъ-то, братикъ, черезъ младенцевъ оказываетъ Себя. Это бываетъ тоже!

Дома, за чаемъ, Петръ Саввичъ долго молчалъ и думалъ. Наконецъ, когда Пашутка улеглась и заснула, онъ обратился къ Марьѣ:

— Ты въ деревнѣ долго жила?
 — Самъ знаешь, до семнадцати годовъ.
 — Ну, значитъ, забыла. Вспомнить придется. Слышала вѣдь — прекращаю.
 — Сказывали!
 — Неладно мнѣ это... Дѣло такое суровое... Для Пашутки-то неладно. И то ужъ бояться меня стала.
 — Глупа еще! потушилась Марья.
 — Нѣтъ, не глупа. Она сердцемъ чувствуетъ гдѣ правда-то. Слава Богу, ей не довелось расти какъ я росъ-то. Я ласки не зналъ. Мнѣ не за что было людей-то любить,—анъ Богъ-то Себя черезъ младенца и показалъ. Антонычъ тоже это понимаетъ вотъ какъ! Пушай же ее въ деревнѣ растеть. Въ деревнѣ-то люди Бога больше помнятъ. И мы землю купимъ, да Пашутку подымать станемъ... Что-жь, въ самомъ дѣлѣ! Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше. Таперче еще съ залогами... Какъ ни какъ — мѣсяца два подождать надо...

Но Петръ Саввичъ не дождался. Обстоятельства сложились иначе. На другой день ворвался къ нему мастеровой-сапожникъ, жившій по сосѣдству.

— Правда!? ораля онъ еще издали.
 — Что, правда?
 — Дѣло-то ты бросаешь? Мнѣ сказывали сейчасъ. Только не по закону это будетъ, вотъ что!
 — Бросаю, пора... Нельзя больше.
 — Такъ-то такъ... А часы мои?.. Что-жь имъ пропадать, моимъ часамъ-то?
 — Принеси деньги и бери.
 — Нѣтъ, другъ любезный. Я тебѣ проценты какъ слѣдуетъ принесу... А ужъ часики пушай лежать. То ты насъ морилъ, а ужъ теперь, Петръ Саввичъ, и мы тебя дойдемъ.
 — Не доймете.
 Онъ ушелъ за загородку. Въ шкапъ полѣзъ.
 — На тебѣ твои часы!
 — Какъ же это такъ будетъ? оторопѣлъ мастеровой.
 — Такъ и будетъ... Ступай вонъ теперь — не до тебя мнѣ.
 — А деньги? недоумѣвалъ тотъ.
 — Коли совѣсть есть — положишь въ кружку у церкви.

Мастеровой выскочилъ какъ угорѣлый. „Взбѣсилъ совѣмъ живодеръ: часики отдалъ, да и денегъ не взялъ“. Какъ прослышала объ этомъ бѣднота окрестная — разомъ ринулась въ лавку къ Петру Саввичу Марья даже перепугалась.

— Ограбятъ они тебя, нищимъ оставятъ!
 — Не бось, на нашъ вѣкъ, да и на Пашуткинъ съ устаткомъ хватить. А вотъ пошли-ко сюда ты Пашутку.

Дѣвочку онъ посадилъ на прилавокъ. Черезъ ея руки онъ и раздавалъ залогомъ обратно. Въ недѣлю кончили свои дѣла, заказывая всѣмъ: „коли совѣсть есть, деньги-то кладите въ кружку“... Потомъ всей семьей сходилъ въ послѣдній разъ въ церковь, отслужилъ молебенъ и, прощаясь съ отцомъ Никитой, заявилъ ему: „Въ свою сторону ѣду... Пора, будетъ. Надо, чтобы Пашутка добро кругомъ видѣла. Пушай на легкомъ воздухѣ растеть, а не такъ-то... И то ужъ образъ и подобіе Божіе потерялъ я здѣсь“.

— Что же, въ деревнѣ торговлю откроешь?
 — Нѣтъ. Ну ее, торговлю-то. Землей займусь... Въ нашей сторонѣ сады хорошо поднимаются. Садамъ, пчелами... Это дѣло Божье. Нѣтъ, отче, пушай ужъ и люди про „живодера“ забудутъ... У меня до сихъ поръ сердце болитъ...

И зажила Пашутка на легкомъ воздухѣ, и стала такъ расцвѣтать, что Петру Саввичу только бы на нее радоваться. Крупно росла дѣвочка и словно яблоко-

боровинка румянцемъ наливалась, да опять жадный бѣсъ смутилъ Чицова. Стали кругомъ оскудѣвать помѣщики и землю чуть не задаромъ сбывать начали. Думаль-думаль Петръ Саввичъ—сначала одно купили имѣніе, потомъ другое. А немного прошло времени—въ такую горячку скупки земель ударился, что опять Бога забылъ. Для души-то, оказывается, и въ деревнѣ сдѣлать ничего не могъ. А къ этому времени жена его Марья Петровна умерла—и онъ съ Пашуткой остался одинъ. Къ счастью, сестра его была жива. Въ свое время, благодаря помощи брата, она тоже вышла въ люди, замужемъ за лавочникомъ деревенскимъ оказалась и тоже овдовѣла, невдолгѣ послѣ смерти Маши. Написала брату объ этомъ. Тотъ ее вызвалъ къ себѣ. Женщина она была умная и добрая—но въ брата пошла, ужъ очень на наживу лютовала. За то Пашутку она полюбила. Своихъ дѣтей у нея никогда не было—а материнское чувство не угасло. Она приласкала дѣвочку и почувствовала, что ея сердце прирастаетъ къ ней. Та звала ее „тетей“—и „тетя“ до тѣхъ поръ не успокоилась, пока не убѣдила Пашутку кликать себя „мамой“. Пашутка привязалась къ ней и, переболѣвъ смерть матери настоящей—почувствовала, что въ сущности ничто вокругъ не измѣнилось. Впослѣдствіи она такъ привыкла звать „нашкину сестру“ мамой, что ей даже странно было, если бы кто сталъ доказывать ей, что это она дѣлаетъ неправильно. А дѣла шли своимъ чередомъ. Чицовъ все заботился о стяжаніи. Кипѣлъ въ вѣчной лихорадкѣ приобрѣтенія и мучился тѣмъ что „дуну свою губить“. „Охъ, отщетилъ я ее!“ говорилъ онъ. „Не спастись мнѣ... Грѣхъ вселился въ меня!“ На счастье привелъ ему Господь подъ кровлю, тогда еще іеромонаха, старца Сластенова. Бесѣдовали они цѣлый вечеръ о душѣ—и страшно Петру Саввичу стало. Видитъ онъ, что гибнетъ она у него, совѣмъ, что въ болото, въ мірскіе стяжательные помыслы ушла. „Отче, помоги мнѣ!“ и, повалившись въ ноги иноку, рассказалъ онъ ему, какъ вздумалъ въ деревнѣ отъ жаднаго бѣса спастись, а онъ, подлецъ, и тутъ его настигъ и опомниться не даетъ. Выслушалъ его старецъ, на молитву сталъ и его съ собой поставилъ. Полночи они молились, потомъ всталъ инокъ и облобызалъ его...

— За что это ты меня, пса смердящаго, цѣлуешь?

— Потому, братъ ты мой теперь, одна тебѣ дорога—въ монахи. Окромѣ обители тебѣ никуда отъ этой лютой наживы не уйти. Въ мірѣ-то ты все на чужое зариться станешь...

— А Пашутка?

— И безъ тебя вырастетъ. Слава Господу, оставишь ты имъ не малые капиталы. Съ такими да не поднаться!..

Убѣхалъ инокъ... Началъ думать Чицовъ. Въ монастырь съѣздивъ — понравилась ему обитель. Покой, тишина, житіе безмятежное, ласковое. Вернулся опять въ кипень житейскую, а жадный бѣсъ уже сторожить его: то въ одно ухо шепнетъ: „у господъ Андросовыхъ лѣсъ продается“, то въ другое броситъ: „генеральша Перегрызова въ Парижъ собралась, во всѣ заграницы, деньги ей вотъ какъ надобны, а заливные луга у нея, ахъ, хороши“... А тутъ болѣзнь пришла — смертнымъ часомъ его Господь напугалъ. И какъ всталъ Петръ Саввичъ, отвезъ семью въ городъ, домъ ей купилъ, на Пашутку всѣ свои капиталы положилъ.. Опекущей къ ней сестру свою Анну Саввину поставилъ... „Поди, въ Россіи такихъ невѣстъ мало будетъ“, смѣялся онъ на послѣдокъ. А самъ—въ обитель и принялъ постриженіе... Первое время его здѣсь казначеемъ выбрали, да онъ вскорѣ отказался. Очень ужъ опять бѣсъ наживной одолѣлъ его.

(Продолженіе будетъ).

Досуги старого рыбака. Съ карт. А. Мюллера.

Старинный вальсъ.

(Изъ разсказовъ стараго маюра).

На дворѣ стояла хмурая осень.

На пустынныхъ улицахъ слабо мерцали фонари, дрожащимъ свѣтомъ отражаясь въ мелкихъ лужицахъ, по всѣмъ направленіямъ перерѣзывавшихъ неприглядную убогую мостовую. Сверху, какъ изъ сита сѣялъ мелкій осенній дождь, подъ ногами была липкая грязь; докучливый вѣтеръ съ порывистымъ свистомъ пронесся по узкимъ улицамъ, и съ глухимъ стономъ разбился о крыши и трубы домовъ.

Было холодно, глухо, непривѣтно... и будто въ контрастѣ этой мрачной картинѣ, уютный домикъ Т...скаго исправника, на краю города, ярко блестя издали, выглядывая на темную улицу, изъ-за обнаженныхъ деревьевъ палисадника, цѣлымъ фасадомъ своихъ освѣщенныхъ оконъ.

Тамъ, въ залѣ, собралась молодежь и весело щебетала, тѣснясь передъ пылающимъ каминномъ.

Изъ сосѣдней съ залой гостиной доносились оживленные споры игроковъ, засѣвшихъ за скромный винтъ; въ столовой привѣтно кипѣлъ самоваръ, и слышался звонъ чайной посуды; изъ маленькой стеклянной галереи, сплошь уставленной зеленью и въ шутку прозванной владѣльцемъ ея „звонимъ садомъ“, доносились звуки роаяля... Кто-то бойко и умѣло игралъ старинный и всѣмъ хорошо извѣстный „Juristen-Walzer“.

— Вотъ бы потанцовать хорошо!.. всакаявъ съ мѣста и начиная кружиться по залѣ, воскликнула меньшая изъ дочерей исправника, Надя, миниатюрная блондинка, вся кругленькая, розовенькая, прозрачная, какъ саксонская фарфоровая куколка.

— Вотъ вадорь!.. Чтѣ за танцы?! нетерпѣливо пожалла плечами старшая сестра ея, Катерина Сергѣевна, красивая но серьезная дѣвушка, казавшаяся почти матерью своей меньшей сестры, которая, дѣйствительно, была моложе ея лѣтъ на десять.

— И въ самомъ дѣлѣ, Надя, какъ это тебѣ не скучно все вертѣться? вмѣшалась въ разговоръ бойкая и красивая бронеетка, съ нѣсколькими рѣзкими манерами, дочь мѣстнаго соборнаго протоіерея, незадолго передъ тѣмъ окончившая курсъ „въ губерніи“, въ мѣстной женской гимназіи.

— Такъ чтѣ же дѣлать-то?.. Вѣдь скучно! проговорила Надя какъ бы въ оправданіе себя, останавливаясь посреди залы, и настолько же граціознымъ, насколько безцеремоннымъ жестомъ закидывая за голову пухленькія ручки.

При видѣ этого жеста, старшая сестра серьезно покачала головой и укоризненно проговорила: „Надя!“

Это новое неодобреніе окончательно вывело изъ себя маленькую шалунью.

— Опять не такъ?.. Господи!.. Да оставите-ли вы меня всѣ въ покоѣ? топнувъ ножкой, крикнула она, и завидѣвъ въ дверяхъ бодрого, но совершенно сѣдаго старика, въ маюрскомъ мундирѣ и съ Георгіемъ въ петлицѣ, бросилась къ нему навстрѣчу.

— Петръ Семеновичъ, защитите! крикнула она.—Всѣ на меня напали! И сестра Катя, и эта противная Грушенька, и всѣ, всѣ!..

— За что-же это онѣ? съ улыбкой освѣдомилъ старикъ, проводя морщинистою рукой по бѣлокурой головкѣ молодой дѣвушки.

— Да за чтѣ? Онѣ и сами не знаютъ за чтѣ!.. за то, что мнѣ танцовать захотѣлось!..

— Ну, это еще бѣда не велика, улыбнулся старикъ.—Тутъ еще не за что бранить мою козочку!..

— Вотъ видишь, вая Катя! поддразнила шалунья, высывая изъ-за плеча стараго маюра свою смѣющуюся кудрявую головку, и составляя такимъ образомъ граціозный контрастъ его красивымъ, какъ снѣгъ бѣлымъ сѣдинамъ.—Вотъ видишь!.. Я была права, а ты нѣтъ!.. За чтѣ ты бранилась?..

— Я и не думала браниться! съ улыбкой снисхожденія, возразила Катерина Сергѣевна.—Я сказала только, что въ такую бурю и непогоду какъ-то странно пускаться въ плясъ.

— Да вѣдь музыка-то, музыка кака! сложивъ руки и покачивая своей задорной головкой, въ тактъ все громче и громче раздававшемуся вальсу, проговорила Надя.—Вѣдь подѣ этотъ вальсъ умереть можно!.. И догадался же противный Шмидка, на грѣхъ мнѣ, заиграть такой убійственный вальсъ!..

Въ эту минуту, какъ бы въ отвѣтъ на восторженный возгласъ молодой дѣвушки, дверь стеклянной галереи растворилась—и аккорды вальса, словно вырвавшись на волю, полились могуче, страстные, безумные...

Невидимый музыкантъ игралъ съ любовью и знаніемъ своего дѣла. Подѣ его умѣлыми пальцами, скромный вальсъ выросталъ въ цѣлую поэму...

Молодежь притихла, и вся обратилась въ слухъ. Поникнувъ головою и старый маюръ, но на его лицѣ, при этомъ, отразился не одинъ только восторгъ, вызванный прекрасною музыкой; на немъ глубокими, горькими чертами легла тяжелая грусть, мучительная, безысходная тоска...

— Петръ Семеновичъ, васъ разстраиваетъ эта музыка... Я попрошу М-г Шмидта сѣиграть что-нибудь другое, обратилась

къ маюру Катерина Сергѣевна, вставая съ мѣста.—Я давно замѣтила, что вы этого вальса не любите!..

— Нѣтъ, оставьте Катюша!.. Оставьте!.. Пусть играетъ! движеніемъ руки остановилъ ее старикъ Волховской, старый то-варщикъ и другъ исправника Хмѣлина, на рукахъ носившій обѣихъ дѣвочекъ со дня ихъ рожденія и усвоившій себѣ право относиться къ нимъ какъ къ своимъ роднымъ дѣтямъ.—Оставьте его!.. онъ такъ славно играетъ!.. Притомъ же онъ старъ какъ я, и ему тоже, быть-можетъ, этотъ старинный вальсъ напоминаетъ его прошлую, безвозвратно миновавшую молодость!..

— Да... но ежели вы не любите этого вальса...

— Напротивъ... Кто вамъ сказалъ!.. Я скорѣе слишкомъ сильно, слишкомъ горячо люблю его!.. Онъ будитъ въ душѣ моей такія горькія, такія страшныя воспоминанія!..

Катерина Сергѣевна молча сѣла, остановивъ на симпатичномъ лицѣ старика взглядъ полный дружбы и участія.

Шаловливая Надя была не такъ скромна.

Она подбѣжала къ старому маюру и, пользуясь своими правами любимицы и балованнаго ребенка, схватила обѣими ручками за его плечи.

— Какія воспоминанія?.. какія?.. разскажите!.. Голубчикъ, миленькій!.. разскажите! приставала она.—Вы такъ хорошо разсказываете!..

— Въ самомъ дѣлѣ! робко присоединила свой голосъ благо-разумная Катерина Сергѣевна.—Въ самомъ дѣлѣ, Петръ Семеновичъ... Ежели разсказъ этотъ не пробудитъ въ душѣ вашей слишкомъ горькихъ воспоминаній... ежели это не будетъ вамъ слишкомъ трудно, скажите намъ, отчего звуки именно этого вальса... Juristen-Walzer, навѣваютъ на васъ такую грусть?..

— Да!.. Да!.. Разскажите!.. Голубчикъ... Миленькій, разскажите!.. раздалось со всѣхъ сторонъ, и вся молодежь, шумной и нестрой толпой окруживъ стараго маюра, почти насильно тащила его къ большому кресламъ, уютно придвинутымъ къ рѣзной рѣшеткѣ камина.

Въ эту минуту музыка замолкла, и старый музыкантъ Шмидтъ, сѣдой и чопорный нѣмецъ, показавшись на порогѣ залы.

— Вы, главная причина всего зла!.. Пожалуйте сюда!.. выбѣгая къ нему навстрѣчу и таща его за руку, суетилась Надя, деспотически властвовавшая надъ чопорнымъ нѣмцемъ, какъ умѣла она властвовать надо всѣмъ въ домѣ.—Мнѣ за васъ досталось!.. Вы тамъ такой задорный вальсъ играли, что я не вытерѣла... танцовать пустилась... а Катя на меня за это напустилась... А теперь вашъ же противный вальсъ Петра Семеновича разстроилъ... горе ему какое-то старое напомнилъ... И мы всѣ хотимъ знать какое именно... А онъ не говоритъ... А на дворѣ дождь идетъ... И больше дѣлать нечего какъ слушать!.. Мы всѣ его просимъ... А онъ, противный, не слушается!.. Ступайте же теперь, просите вы, потому что вы всему злу корень!.. Поняли?.. Да?.. Ну!.. Маршъ!.. Идите и просите!..

Она говорила торопливо, захлебываясь и сильно жестикулируя, точно бойкостью и широкимъ размахомъ жестовъ стараясь пополнить смыслъ и силу своей не достаточно связанной рѣчи.

Старый нѣмецъ стоялъ передъ нею сконфуженный и озадаченный этимъ бурнымъ потокомъ безсвязныхъ просьбъ, рѣчей и приказаній.

Онъ видимо недоумѣвалъ, кого и о чемъ слѣдуетъ просить.

— Оставьте ты Эрста Карловича въ покоѣ, егоса! улыбнулся маюръ, обращаясь къ своей любимицѣ.—Не слушайте ее, Эрстъ Карловичъ! Не обращайтесь вниманія на ея болтовню!.. Я и самъ не прочь подѣлиться съ молодежью моими воспоминаніями... Намъ, старикамъ, вѣдь только это и осталось!..

— Ну такъ и разсказывайте! нетерпѣливо перебила Надя, тоная миниатюрною ножкой, обувью въ щегольскую, столичную туфельку.

Старикъ Хмѣлинъ ничего не жалѣлъ для дѣтей, и рядилъ дочерей своихъ, какъ куколокъ.

— Разсказать-то, почему не разсказать! въ раздумьѣ проговорилъ старый маюръ, плотно усаживаясь въ большое кресло, вокругъ котораго тѣсно сомкнулось все бывшее въ залѣ общество, не исключая и старика Шмидта, применувашаго къ молодежи.—Разсказать можно... да только боюсь я старыя раны разбередить!.. Давно все это прошло... большемъ давно поросло, а вспоминаю я обо всемъ этомъ... такъ... громко... на людяхъ... еще впервые... Ну, да и то сказати!.. Не въ укоръ вспоману, не съ худой и осужденіемъ... а съ неуснувшей любовью и глубокимъ почетомъ... Съ той же любовью и тѣмъ же почетомъ, надѣюсь, и выслушаютъ меня мои молодые друзья! съ легкимъ поклономъ прибавилъ онъ, яснымъ, старческимъ взглядомъ окидывая сгруппировавшуюся вокругъ него молодежь.

— Я начну разсказъ свой издадека, — такъ началъ маюръ,

затягиваясь шипросой и нервным жестом откидывая съ своего блѣднаго, морщинистаго лба набѣжавшую на него прядь волосъ,—я коснусь своего далекаго, почти забытаго уже мною самима дѣтства.

Отецъ мой, небогатый помѣщикъ Р...й губерніи, рано вышелъ въ отставку и, схоронивъ мою мать въ очень еще молодыхъ лѣтахъ, болѣе уже не женился, весь отдавшись моему воспитанію и заботамъ своимъ по управленію имѣніемъ.

И остался послѣ матери пятилѣтнимъ ребенкомъ, и смутно только, словно во снѣ, вспоминаю какъ нагбалась она поздно вечеромъ надъ моею дѣтской кроваткой и крѣпко цѣловала меня блѣдными губами; какъ пасмурнымъ осеннимъ утромъ меня, полу-соннаго, на рукахъ принесли въ нашу большую деревенскую залу, и какъ я, поднятый на руки няней, щекою прикоснулся къ тѣмъ же блѣднымъ, совершенно холоднымъ губамъ лежавшей въ гробу матери.

Впоследствии отецъ, сохранившій объ ней самое искреннее, самое горячее воспоминаніе, много говорилъ мнѣ о моей матери, но эти разговоры относятся къ той эпохѣ моего отрочества, когда отецъ, нѣсколько холодный отъ природы, считалъ меня уже достойнымъ серьезной его бесѣды.

Въ дѣтствѣ же онъ разговаривалъ со мною мало, ограничивая заботы свои обо мнѣ тѣмъ, что исполнялъ всѣ разумныя требованія няни моей относительно тратъ на мой скромный дѣтскій туалетъ, и два раза въ годъ, съ какнхъ-то ближайшихъ ярмарокъ, привозилъ транспортъ дешевыхъ игрушекъ, которыхъ тщательно складывались въ кладовую, а ключъ отъ нея хранился у няни.

Игрушки эти выдавались мнѣ постепенно, по мѣрѣ того какъ одинъ комплектъ ихъ ломался и исчезалъ безслѣдно, и лишь изрѣдка не въ очередь, въ видѣ поощренія за усѣхъ въ наукахъ или утѣшенія въ болѣзни.

Я росъ одинъ. Сверстниковъ изъ сосѣднихъ „барчатъ“ у меня не было, а съ дѣтми крестьянъ и дворовыхъ няни мнѣ играть не позволяла, и потому волюшъ памятна та радость, съ какою я узналъ однажды отъ няни, что въ сосѣднее съ нами богатое село Спасское прѣѣхалъ на лѣто помѣщикъ, князь Курагинъ, тоже вдовецъ, съ двоими дѣтми, сыномъ и дочерью.

Князь былъ стариннымъ знакомымъ, чуть-ли не школьнымъ товарищемъ отца и очень любилъ его, и отецъ, всегда неподатливый на знакомства, въ особенности же съ людьми выше его поставленными, тѣмъ не менѣе первый поѣхалъ къ князю, а въ слѣдующее затѣмъ воскресенье повезъ съ собою и меня.

Помню страшныя хлопоты и тревогу няни и моего студента-учителя (у меня тогда уже былъ учитель) по поводу этого визита.

Няня съ вечера начала мыть и чистить и меня и мое платье, приглаживать мнѣ волосы и расправлять мои воротнички, такъ усердно накрахмаленные нашею доморощеною прачкой, что у меня на шеѣ отъ нихъ красные рубцы образовались; а студентъ неизвѣстно зачѣмъ принялся съ вечера экзаменовать меня изъ-всѣхъ вкратцѣ пройденныхъ мною предметовъ, особенно усердно налегая при этомъ на таблицу умноженія.

Меня готовили какъ рекрута къ инспекторскому смотру.

По мѣрѣ приближенія минуты нашего отъѣзда въ Спасское, я и самъ начиналъ слегка трусить, и только внушительныя слова отца: „Чего дрожишь-то? Вѣдь не пороть тебя везу, а въ гости!“ отчасти успокоили меня.

„И въ самомъ дѣлѣ“, подумалъ я, „вѣдь тамъ, въ Спасскомъ, такія же дѣти, какъ я!.. Чего же мнѣ ихъ бояться?“ и смѣло и развязно вошелъ за отцомъ въ богатую гостиную князя.

Роскошь обстановки не могла меня озадачить. Въ отсутствіе князя, управляющей его, очень привѣтливый и радужный итѣмецъ, не разъ приглашалъ насъ къ себѣ и показывалъ мнѣ съ няней весь княжескій домъ. Теперь меня поразили только та жизнь и тотъ свѣтъ, которые прѣѣздъ князя внесъ въ этотъ молчаливый, слегка даже мрачный домъ.

Князь встрѣтилъ насъ очень радушно и тотчасъ отвелъ меня на балконъ, къ своимъ дѣтямъ, которыхъ играли тамъ, подъ надзоромъ своихъ воспитателей.

Подлѣ маленькаго князя, рисовавшаго что-то, когда мы вошли на балконъ, сидѣлъ чопорный, точно изъ воску отлитый англичанинъ; за стуломъ маленькаго княжны, разбиравшей груды цвѣтовъ, лежавшихъ у нея на колѣняхъ—стояла красивая и нарядная боная-француженка.

Сами дѣти были хороши какъ амуры, привѣтливы и гостеприимны какъ ихъ отецъ.

Особенно поразила меня маленькая княжна, которая была тремя или четырьмя годами моложе своего брата, почти моего ровесника.

Это была очень миниатюрная и очень худенькая дѣвочка, съ большими темно-синими глазами на смугломъ, точно изъ свѣтло-желтаго мрамора выточенномъ личикѣ. Волосы ея, черные какъ смоль, густыми локонами падали ей на плечи и спускались до самаго пояса; голенькія и совершенно смуглыя ручки были правильно сформированы какъ у взрослой, а крошечныя ножки, обутыя въ шелковые чулочки и вычурныя атласныя башмачки, казалось такъ и созданы были только

для того, чтобы ступать по гладкому паркету, никогда не прикасаясь ни земли, ни даже простаго, неровнаго пола.

Я такихъ дѣтей видалъ только на картинкахъ, да и то въ особенно дорогихъ книгахъ, которыхъ мнѣ отецъ давалъ смотрѣть только по очень большимъ праздникамъ, и поиняно то отчасти смѣшное, наивно-благоговѣнное чувство удивленія, которое охватило мою дѣтскую душу при первомъ взглядѣ на эту плѣнительную, кружевную куклолку.

Отецъ, шутливо извинившись передъ княземъ за мою пеловкость, подвелъ меня къ дѣтямъ, при чемъ, въ видѣ поощренія, хлопнулъ меня по плечу и назвалъ „вахлакомъ“.

Этотъ эпитетъ, служившій мнѣ дома лаской и поощреніемъ, на этотъ разъ окончательно сконфузилъ меня.

Я стоялъ глупо потупившись и чувствовалъ, какъ слезы подступали мнѣ къ горду.

Но это продолжалось не долго. Маленькій князь, котораго отецъ назвалъ непонятнымъ мнѣ именемъ Димы, и котораго гувернеръ громко и строго наставилъ на путь гостеприимства возгласомъ: „Voions, voions, Monsieur Dimitry!“ оказался очень милымъ и добрымъ мальчикомъ, и мы такъ быстро сдружились, что часъ спустя я уже бѣгалъ и шумѣлъ на весь садъ такъ же свободно, какъ у себя дома.

Не разстроила этого смѣлаго и веселаго настроенія даже и наивная выходка маленькой Нелли, которая, освѣдомившись черезъ свою боину о томъ, какъ зовутъ моего отца и желая почетно и церемонно величать меня по имени и отчеству, пререзерно обратилась ко мнѣ съ вопросомъ:

— Хотите бѣгать, Вахлакъ Семенычъ?..

Кружевная дѣвочка, воспитанная въ раздушенныхъ гостинныхъ своихъ княжескихъ отелей, не имѣла понятія о нашихъ деревенскихъ шуткахъ и привѣтствіяхъ и наивно приняла слово „вахлакъ“ за мое собственное имя.

Чопорную боппу эта ошибка привела въ несказанный конфузъ; что-же касается князя, то онъ, вмѣстѣ съ отцомъ моимъ, много смѣялся этому, а въ нашемъ дѣтскомъ мѣрѣ титулъ „вахлака“ такъ и остался за мною; и въ позднѣйшіе годы, уже будучи замужемъ, Нелли никогда иначе не начинала своихъ писемъ ко мнѣ, какъ: „Мой милый, дорогой вахлакъ!“

Маленькій князекъ оказался прекраснымъ, добрымъ мальчикомъ, и мы, съ первой минуты знакомства, стали друзьями.

Отецъ часто и охотно отпускалъ меня въ Спасское, а когда князь, задержанный въ имѣніи устройствомъ дѣлъ по онекъ, порѣшилъ провести всю осень и часть зимы въ Спасскомъ, и съ этой цѣлью выннсалъ для Димы, кромѣ его англичанина еще двухъ русскихъ учителей,—я и вовсе перебрался въ гостеприимный княжескій домъ, и сдѣлался настоящимъ членомъ этого, дорогаго мнѣ семейства.

Князь предложилъ отцу чтобы я готовился вмѣстѣ съ Димой, и отецъ съ радостью принялъ это предложеніе.

Эти мѣсяцы, проведенные въ домѣ Курагиныхъ, остались лучшимъ воспоминаніемъ всей моей жизни.

Мы съ Димой много занимались, много учились, и все свободное отъ занятій время проводили въ громадной, роскошно обставленной дѣтской, съ маленькою Нелли, которая, съ наступленіемъ холодныхъ, осеннихъ дней, все недомогала, и здоровье которой причиняло князю серьезное безпокойство.

Маленькая Нелли, по словамъ старой няни, выходявшей покойную княгиню, была изумительно похожа на мать, и князь, сохранившій страстное воспоминаніе о женѣ, итѣжно и горячо любилъ свою дѣвочку.

Да нельзя было и не любить этого прелестнаго ребенка.

Вся итѣжная, хрупкая, граціозная, она и душою, и сердцемъ была такъ же итѣжна, какъ физическою своей природой.

Она всѣхъ окружающихъ любила, обо всѣхъ жалѣла, надъ каждымъ чужимъ горемъ плакала, и не было ни въ дворѣ, ни на деревнѣ ребенка, хоть разъ понавгагося на глаза маленькой княжнѣ, который не явился-бы обладателемъ и теплаго платяца, и теплыхъ чулочекъ, и одной изъ безчисленныхъ куклокъ и игрушекъ щедрой малютки.

Около Рождества Нелли серьезно занемогла, и по поводу этой болѣзни, учебныя занятія мои были на время прерваны, такъ какъ маленькая больная не могла обходиться безъ своего „вахлака“ и требовала моего безотлучнаго присутствія.

Отецъ мой, искренно привязавшійся къ семейству князя, охотно подчинился этому капризу маленькой больной, за что Курагинъ былъ ему невыразимо благодаренъ.

Болѣзнь дѣвочки продлилась около мѣсяца, и это время установило и скрѣпило между нами ту дружбу, которая связала насъ на всю остальную нашу жизнь.

Когда здоровье маленькой Нелли поправилось, уроки мои возобновились по старому, а въ началѣ Великаго Поста князь съ дѣтми уѣхалъ въ Петербургъ, чтобы, опредѣливъ Диму въ Пажескій корпусъ, проѣхать съ Нелли въ Италію, куда упорно посылали ее доктора.

Прощанье наше было горькое, полное слезъ, взаимныхъ обѣщаній не забывать другъ друга и обоюдныхъ надеждъ на скорое, радостное свиданіе.

Князь Василій Шуйскій на Лобномъ мѣстѣ. Ориг. рпс. (собетв. „Нивы“) А. Земцова, грав. Рашевскій.

Рачникъ-любитель. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Котляевского, грав. Шюблеръ.

Надеждамъ этимъ не суждено было сбыться.

Князь пробылъ съ дочерью за границей около года, и затѣмъ сѣбно вызванный въ Петербургъ извѣстиемъ о смерти тещи, оставившей громадное наслѣдство его дѣтямъ, долженъ былъ провести около двухъ лѣтъ на югѣ Россіи, послѣ чего вновь уѣхалъ за границу.

Я тѣмъ временемъ успѣлъ подготовиться въ Московскій кадетскій корпусъ, гдѣ и кончилъ уже курсъ, когда, шесть лѣтъ спустя послѣ момента, съ котораго начался мой рассказъ, мнѣ вновь пришлось встрѣтиться съ моими маленькими друзьями.

А. С.

(Продолженіе будетъ).

Къ вопросу о воздухоплаваниі и искусственномъ летаніи.

Эрнста фонъ-Вехмара.

Въ виду громаднаго интереса, возбуждаемаго вопросомъ о воздухоплаваниі, не лишнимъ будетъ указать здѣсь на тѣ, хотя и скромные, результаты, которые были достигнуты за послѣднее время въ этой области.

Принимая въ соображеніе чрезвычайныя трудности, встречающіяся на этомъ пути, невольно рождается вопросъ, въ состояніи-ли будетъ когда-либо изобрѣтательность человѣка подчинить себѣ воздушную стихію въ такой мѣрѣ, какъ подчинила водную.

Произвольное управленіе аэростатами нынѣ представляетъ собою вполнѣ возможнымъ въ будущемъ, тогда какъ разрѣшеніе вопроса о личномъ полетѣ человѣка (искусственномъ лета-

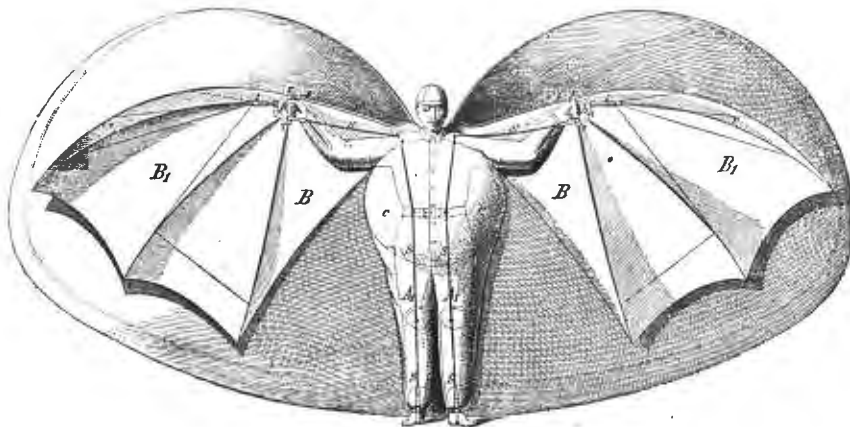
бы имѣть возможность летать, даже еслибъ у него мгновенно выросли крылья“.

Мы позволимъ себѣ возражать на это. Именно, потому что всакой съ дѣтства привыкъ считать подобную мысль неосуществимой, никому не приходитъ въ голову серьезно заняться этимъ вопросомъ и составить себѣ о немъ свободное, не предвзятое мнѣніе. Основателенъ-ли однако подобный скептицизмъ? Можно-ли считать несомнѣнно доказанною истинной, что человекъ слишкомъ тяжелъ и слабъ, чтобы имѣть возможность передвигать вѣсь своего тѣла въ воздухѣ при помощи механизма, устроеннаго вполнѣ рационально.

Если основываться только на томъ, что „многими“ уже дѣлались подобные опыты и всегда безуспѣшно, то можно возразить, что опыты эти не имѣли ни научнаго, ни пракческаго значенія. Устройство правильно функционирующаго механизма настолько трудно, что одному лицу не подъ силу довести его до необходимой степени совершенства. Не говоря уже о низкой степени развитія, на которой находилась тогда техника, опыты производились безъ всякой системы, безъ необходимыхъ мѣръ предосторожности, необдуманно и безумно смѣло. Лишенные всякой посторонней поддержки, изобрѣтатели большею частью теряли на этихъ опытахъ все свое состояніе и, получивъ въ награду одиѣ насмѣшки и издѣвательства, принуждены бывали отказаться отъ дальнѣйшихъ попытокъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что человекъ по строенію своему тяжелѣе птицы. Но, съ другой стороны, относительно подъемной силы, онъ поставленъ въ условія не менѣе благоприятныя, чѣмъ птица, которая также не могла бы летать безъ помощи особаго, естественнаго, механизма для воздухоплаваниа; однимъ же прыжкомъ (безъ помощи крыльевъ) птица отдѣляется отъ земли не многимъ болѣе, чѣмъ человекъ. Кроме того, наши нижнія оконечности, не смотря на свою относительную тяжесть, обладаютъ значительною двигательною и отталкивательною силою, которая вполнѣ уравновѣситъ эту тяжесть, если только будетъ правильно употреблена при конструкціи летательнаго снаряда.

Механизмъ для передвиженія у человѣка настолько совершененъ, что при ходбѣ, плаваніи и т. п., мы почти не замѣчаемъ напряженія и усталости; сознаніе напряженія наступаетъ у здороваго, сильнаго человѣка только послѣ нѣсколькихъ миль ходбы, а потому нѣтъ никакого основа-

Фиг. 1. Летательный аппаратъ спереди.

нія) большинство считаетъ едва-ли вѣроятнымъ. Чтобы составить себѣ болѣе полное понятіе объ этомъ вопросѣ, попробуемъ уяснить себѣ настоящее состояніе воздухоплаваниа и то значеніе, которое ему придается въ наше время.

Во Франціи были учреждены въ 1886 году особыя военно-воздухоплавательныя парки, состоящія въ вѣдѣніи генеральнаго штаба. Также учреждены военно-воздухоплавательныя школы, для образованія спеціальнаго персонала.

Въ Германіи также еще въ 1884 году была признана важность воздухоплаваниа и тогда же открыто особое „отдѣленіе аэростатовъ“, переименованное послѣдствіемъ въ „отдѣленіе воздухоплавателей“.

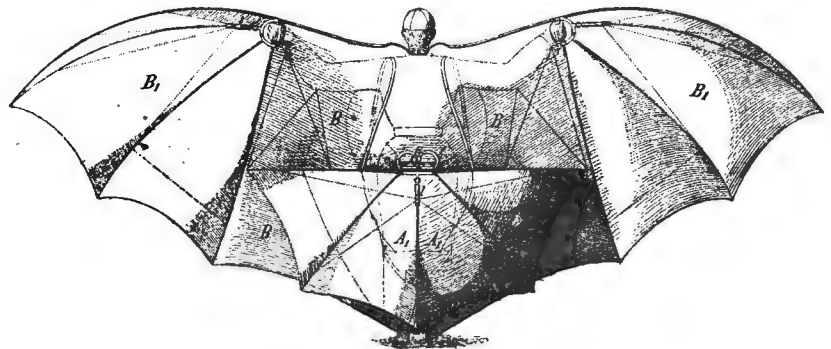
Въ настоящее время многіе выдающіеся ученые, какъ напримѣръ Гельмгольдъ, Лессель и др., обратили вниманіе на эту отрасль, а потому можно надѣяться и на достиженіе болѣе благоприятныхъ практическихъ результатовъ.

Изъ другихъ государствъ Англія и Сѣверная Америка уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ положили начало дѣятельности воздухоплавательныхъ учрежденій; въ Италіи и Россіи также обращено на это должное вниманіе.

Развитіе и усовершенствованіе техники воздухоплаваниа есть вопросъ времени. Пока состояніе техники еще не достигло того момента, который предшествовалъ въ мореплаваниі открытію паровыхъ машинъ, и трудно сказать съ увѣренностью, сколько времени потребуется, чтобы примѣнить на практикѣ теоретическіе выводы науки въ области аэронавтики. Можно ожидать, во всякомъ случаѣ, что при высокомъ современномъ состояніи техники достаточно будетъ нѣсколькихъ десятилѣтій для такихъ усовершенствованій, на которыхъ потребовались въ дѣлѣ мореплаваниа цѣлыя тысячелѣтія.

Въ настоящее время искусство воздухоплаваниа не можетъ еще служить для всеобщаго пользованія, а примѣняется лишь къ спеціально военнымъ цѣлямъ, но такъ какъ основныя принципы его уже установлены, то можно надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ оно приобрететъ права гражданства.

А дѣло личнаго летанія? Въ какомъ положеніи находится оно въ настоящее время? „Что за вопросъ!“ воскликнетъ большинство читателей. „Каждому школьнику извѣстно, что человекъ слишкомъ слабъ и слишкомъ тяжеловѣсенъ, что-

Фиг. 2. Летательный аппаратъ съзади.

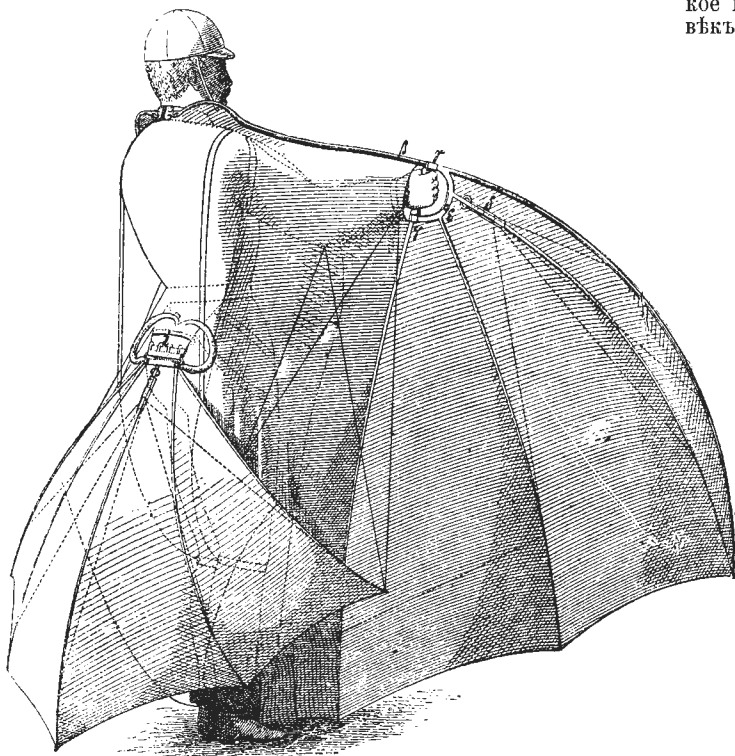
нѣя предполагать, что при полетѣ, съ помощью рационально устроеннаго механизма, усталость замѣчалась бы черезчуръ скоро.

Можетъ-быть потому именно, что мы съ такою легкостью, совершенно безсознательно, носимъ вѣсь нашего тѣла стоя, ходя или плавая, и появилось столь распространенное заблужденіе, что вѣсь этотъ долженъ быть принимаемъ въ соображеніе лишь при летаніи.

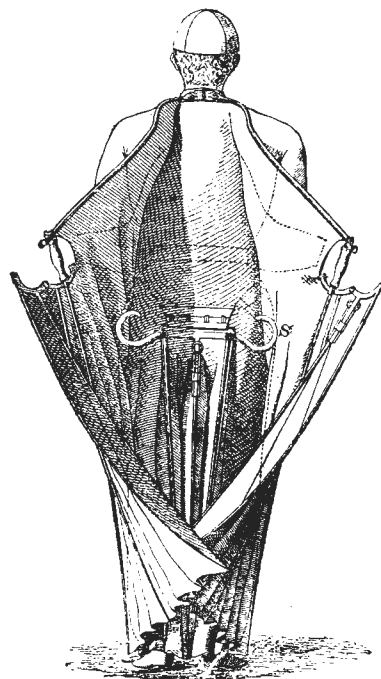
Такъ напримѣръ, стоя, чему мы обязаны тѣмъ, что держимся прямо и не падаемъ—ногамъ-ли и землѣ, на которой стоимъ, или чему-либо другому? Очевидно не одиѣмъ ногамъ, а дѣйствующей въ насъ жизненной силѣ. Если сила эта ослабѣваетъ, ноги не въ состояніи больше поддерживать насъ, мы

должны прислониться или лечь, так как тяжесть нашего тѣла подчиняется закону тяготѣнія. Какъ много надо времени, пока ребенокъ научится ходить, т. е. научится перемѣщать

рашютомъ, что равняется быстротѣ паденія при погруженіи прыгающаго въ воду человека. Опыты эти производились до сихъ поръ только при вертикальномъ положеніи тѣла, а не при горизонтальномъ, т. е. подобномъ тому, какое принимаетъ тѣло летящей птицы. Но такъ какъ человекъ, при горизонтальномъ положеніи тѣла, представляетъ въ

Фиг. 3. Летательный аппаратъ сбоку.

Фиг. 4. Сложенный аппаратъ.

центр тяжести своего тѣла! То же самое относится ко всякому другому движению: къ плаванію, бѣдѣ верхомъ, гимнастикѣ, танцамъ, катанью на конькахъ, на велосипедахъ и т. д., и можетъ точно такъ же относиться къ лѣтанію, при которомъ, въ пособіе жизненной силѣ, является еще соответствующій механизмъ.

Птица поддерживается въ равновѣсїи и движется въ воздухѣ лишь благодаря цѣлесообразному устройству своихъ, дѣйствующихъ на подобіе парашюта, крыльевъ, благодаря которымъ она преодолеваетъ дѣйствующую на нее силу тяготѣнія; точно такъ же какъ мы преодолеваемъ ее при ходбѣ, плаваніи и т. д. Другими словами, птица находится въ томъ отношеніи къ воздуху, какъ рыба къ водѣ, а четвероногія или двуногія животныя къ землѣ.

Фиг. 5. Аппаратъ для подвѣшанія изучающихъ предварительныя движенія при полетѣ.

Извѣстно, что при помощи парашюта человекъ приводится, относительно быстроты паденія, въ такое-же отношеніе къ воздуху, какъ безъ

пять или шесть разъ большую поверхность для сопротивленія воздуху, то и размѣры парашюта могутъ быть уменьшены въ той-же степени и быть доведены до относительной величины крыльевъ птицы.

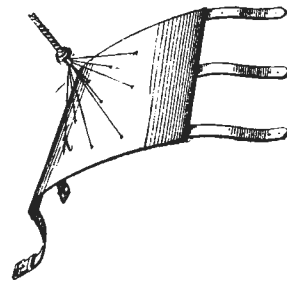
Почему-же, при правильныхъ движеніяхъ, которыя должны конечно изучаться систематически, какъ и движенія при плаваніи, человекъ не могъ-бы двигаться въ воздухѣ точно такъ же какъ птицы, тѣмъ болѣе, что активная сила его организма легко и свободно преодолеваетъ пассивную?

Конечно, однихъ рукъ для этого было-бы недостаточно; но вѣдь не руки составляютъ наши главные двигательные органы, а ноги. Значительная отталкивающая сила послѣднихъ могла-бы, при правильномъ устройствѣ механизма, способствовать передвиженію, точно такъ-же какъ при плаваніи.

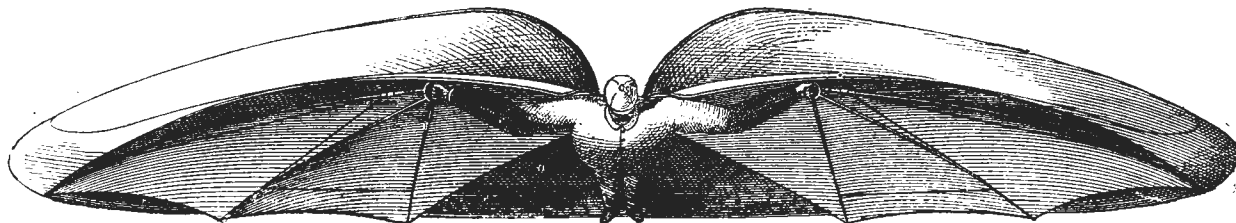
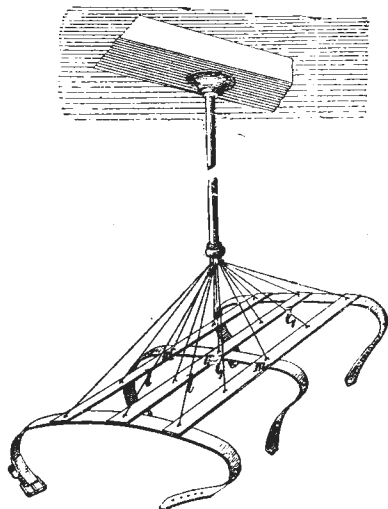
Имѣя въ виду, что опыты искусственнаго лѣтанія, помимо ихъ практическаго значенія, имѣютъ и научный интересъ, мы не остановились передъ нелегкою задачей изготовить снарядъ для личнаго полета человека.

Что касается до конструкции, то мы имѣли тройную цѣль:

- 1) Изобрѣсти снарядъ, замѣняющій собою отсутствующіе у насъ летательные органы.
- 2) Уменьшить удѣльный вѣсъ человека и

Фиг. 6. Аппаратъ для прирѣпленія начинающихъ.

Фиг. 7. Летящій человекъ спереди.

парашюта — къ водѣ. Опыты, производившіеся съ большой высоты, какъ напр. при опусканіи воздушнаго шара, доказываютъ, что быстрота паденія настолько уменьшается па-

3) Дать необходимыя средства, чтобы сдѣлать предварительныя изученія движеній при лѣтаніи вполне безопасными и могущими быть систематически изучаемыми.

Относительно первого пункта мы льстим себя надеждою, что ввели совершенно новыя основанія, исключая возможность прежнихъ ошибокъ. Сюда мы относимъ перенесеніе двигательной силы съ однихъ частей организма на другія и превращеніе ихъ пассивной силы въ активную.

Разсматривая внимательно приложенные рисунки, мы замѣтимъ, что фиг. 5 и 6 представляютъ аппаратъ для подвѣшанія начинающихся, научающихся предварительныя движенія при полѣтѣ. Воздушная подушка, видимая на тѣлѣ летающаго (фиг. 1 С. С.), служитъ для предохраненія тѣла отъ ушибовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ для уменьшенія удѣльнаго вѣса человѣка; впрочемъ, для послѣдней цѣли имѣетъ гораздо большее значеніе шаръ-парашютъ, который вмѣстѣ съ парашютомъ для горизонтальнаго положенія тѣла и замѣняющимъ хвостъ „рулемъ или летательнымъ вѣтромъ“ (на фиг. 2 А' А') представляетъ могущественное аэродинамическое средство.

Между тѣмъ какъ „летательный плащъ“ (фиг. 1 ВВ', фиг. 2 ВВ' и фиг. 7) служитъ замѣною крыльевъ и подобно имъ управляется руками, для упомянутыхъ раньше снарядовъ, т. е. шара-парашюта, парашюта для горизонтальнаго положенія тѣла и рули двигательнымъ средствомъ служатъ ноги.

Рисунки представляютъ: фиг. 1—передній видъ обыкновеннаго летательнаго костюма (плащъ, шаръ-парашютъ и воздушная подушка); фиг. 2—задній видъ и фиг. 3—боковой видъ уже для болѣе опытныхъ летальщиковъ (плащъ, руль и воздушная подушка). Фиг. 4 представляетъ плащъ и руль въ сложенномъ видѣ и наконецъ на фиг. 7 изображенъ летящій человѣкъ.

Что касается до новѣйшихъ усовершенствованій нашего снаряда, то они заключаются въ томъ, что сила ногъ переносится на руки, какъ видно изъ рисунка (фиг. 1), а именно отъ ручекъ крыльевъ проводятся два крѣпкихъ ремня или шнуръ (S), чрезъ прикрѣпленные къ плечу, поясу и колѣну кольца, къ ступнямъ ноги, гдѣ они и укрѣплены.

Во время летанія руки двигаютъ крылья взадъ и впередъ, а соединенныя съ ними ноги, сильными толчками, помогаютъ движенію крыльевъ.

Идея этого нововведенія была сообщена намъ анонимнымъ письмомъ.

Само собою разумѣется, нашъ снарядъ, какъ и всѣ новыя изобрѣтенія, нуждается въ дальнѣйшихъ усовершенствованіяхъ и можетъ служить пока лишь для опытовъ. (С).

Къ рисункамъ.

Нагасаки (Японія). (Рис. на стр. 657 и 660).

Суда нашей Тихоокеанской эскадры, проплававъ лѣтомъ у береговъ дальняго Востока, на зимнее время уходятъ къ портамъ Японіи и Китая.

Самымъ удобнымъ и любимымъ портомъ считается спокойная Нагасакская бухта, въ которой обыкновенно суда стоятъ по нѣскольку мѣсяцевъ.

Приноровясь къ требованіямъ русскихъ, японцы снабжаютъ суда отличною провизіей, пекутъ черный хлѣбъ и сухари; столы и парусники съ успѣхомъ исполняютъ всѣ работы и починки. Наконецъ, къ услугамъ русскихъ механической заводъ и сухой докъ, гдѣ могутъ исправляться крупныя поврежденія по корпусу и механизмамъ судна.

Въ виду продолжительныхъ стоянокъ въ Нагасаки, по инициативѣ и на средства Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Михайловича, плававшего на корветѣ „Рында“, построены въ 1887 году часовня, лазареты для офицеровъ и команды и баня. По одну сторону бухты, рядомъ съ домомъ русскаго консулства, стоитъ красивая деревянная часовня въ русскомъ стилѣ, по рисунку лейтенанта князя Путятина, въ которой приходилось уже не разъ отпѣвать офицеровъ и матросовъ. Рядомъ съ часовой лазаретъ для команды съ достаточнымъ числомъ комнатъ и кроватей, отдѣльною комнатою для аптеки и ванной. Наконецъ, такой же лазаретъ для офицеровъ. Раньше больные оставались на судахъ, или поселялись въ японскій госпиталь; теперь же они помѣщаются въ лазаретахъ подъ присмотромъ одного изъ судовыхъ докторовъ, который въ случаѣ надобности остается на лѣто при лазаретахъ, когда наши суда уходятъ во Владивостокъ.

По другую сторону бухты, въ деревнѣ Инаса, рядомъ съ японскимъ кладбищемъ, расположено русское кладбище, на которомъ за нѣсколько десятковъ лѣтъ накопилось до 50 могилъ, изъ коихъ многія украшены красивыми памятниками. У берега бухты помѣщена баня съ большими помѣщеніями для офицеровъ и команды.

Недалеко отъ бани пріютилась въ живописномъ уголкѣ русская гостиница, которую содержитъ, извѣстная всѣмъ морякамъ, почтенная японка Оматцу-Санъ, знающая отлично русскій языкъ и кухню. Проплававъ нѣсколько лѣтъ заграницей, пріятно понасть въ Нагасаки къ симпатичнымъ японцамъ; а поѣвъ черного хлѣба, щей и каши, невольно почувствуешь себя дома.

Многіе японцы понимаютъ русскій языкъ и нѣкоторые изъ нихъ даже очень хорошо говорятъ. Наконецъ, простой разговорный японскій языкъ настолько легокъ, что въ два мѣсяца его можно достаточно изучить, чтобы быть понятнымъ способными, какъ и мы русскіе, къ языкамъ японцами.

Микроскопическая станція при городской скотобойнѣ въ С.-Петербургѣ. (Рис. на стр. 661).

Микроскопическая станція при городской скотобойнѣ основана въ 1882 году по мысли ветеринарнаго врача Н. В. Изотова; ранѣе былъ voluntary осмотръ въ Никольскомъ рынкѣ и разумѣется крайне неудовлетворительный. Станція помѣщается возлѣ бойни свиней, въ отдѣльномъ каменномъ зданіи. Комната, предназначенная для микроскопическихъ работъ освѣщается окнами съ двухъ сторонъ, вдоль комнаты по обѣимъ сторонамъ расположены столы съ асидными досками, на которыхъ и производится изслѣдованія. Число занимающихся достигаетъ въ зимнее время до 40 чел., преимущественно женщинъ; постоянный штатъ состоитъ изъ трехъ ветеринарныхъ врачей, одного помощника и сръзчиковъ; обязанность послѣднихъ состоитъ въ сръзаніи кусковъ мяса съ убитыхъ

свиней; сръзанные куски они раскладываютъ на блюда, помѣчаютъ фамилію владѣльца товара и затѣмъ передаютъ врачамъ для подготовки препаратовъ. Нѣкоторые изъ занимающихся микроскопическимъ изслѣдованіемъ получаютъ жалованье 20—25 руб., а остальные работаютъ на задѣльной платѣ по 10 к. съ препарата. Работа на станціи идетъ круглый годъ, но особенно увеличивается въ зимнее время; среднимъ счетомъ въ годъ убиваютъ и осматриваютъ около 40,000 свиней, не считая привозныхъ окороковъ, за осмотръ которыхъ взимается по 20 к. со штуки. Передъ Пасхой, въ виду увеличивающейся работы, открываются въ Петербургѣ еще двѣ временныя станціи. Финныя свиньи тутъ-же при бойняхъ сжигаются, а зараженныя трихинами вытравливаются на жиръ. По образцу Петербургской станціи устроена такая-же въ г. Козловѣ. Въ настоящее время Петербургской станціей завѣдуетъ ветеринарный врачъ Алексѣй Григорьевичъ Сергѣевъ.

„Досуги стараго рыбака“. Картина А. Мюллера. (Рис. на стр. 665).

Обычная сценка въ приморскихъ рыбацкихъ селеніяхъ. Взрослая молодежь и главы домовъ, кормильцы семьи, ушли на лодкахъ въ море; женщины заняты своими работами: починкой сѣтей, заготовкой рыбы и т. п. По домамъ остались лишь старыя да малыя. Сѣдой дѣдушка, травленный морской волкъ, нажившій себѣ пожизненный ревматизмъ, тѣшитъ вучка, тоже будущаго рыбака, соорудивъ ему на забаву модель морской лодки съ мачтой, парусомъ и со всѣми снастями...

„Василій Шуйскій на лобномъ мѣстѣ“. Карт. А. Земцова. (Рис. на стр. 668).

Рисунокъ А. Земцова переноситъ зрителя къ самому тяжкому времени на Русь. Смуты и раздоры заступили мѣсто спокойствія. Смерть царя Бориса Годунова въ 1605 году и приближеніе Лжедмитрія къ Москвѣ довели безначаліе до крайнихъ предѣловъ. Молодой и неопытный царь Феодоръ, при всѣхъ личныхъ достоинствахъ, но окруженный бездѣтельными и нерадивыми боярами, не могъ бороться съ окружающими обстоятельствами. Переходъ войска подъ начальство Басманова, Голицыныхъ и Салтыкова, и вскорѣ затѣмъ купцовъ и ремесленниковъ въ Красномъ Селѣ, довершили бѣдствія, и упорно сопротивлявшаяся Москва должна была сдать-ся и впустить пословъ самозванца, которые въ сопровожденіи красносельцевъ, достигнувъ Лобнаго мѣста, прочли народу грамоту Лжедмитрія. Народъ взволновался, бояре объявили патриарху о мятежѣ; тотъ заклиналъ ихъ выйти къ народу и образумить его; бояре, повидимому, послушались, вышли на Лобное мѣсто и ничего не сдѣлали. Говорятъ, что народъ просилъ князя Василія Ивановича Шуйскаго объявить правду, точно-ли онъ похоронилъ царевича Дмитрія въ Угличѣ. Шуйскій, который, по словамъ Пушкина въ „Борисѣ Годуновѣ“, завѣрлялъ Бориса, что „Дмитрій во гробѣ спитъ“, теперь отвѣчалъ, что царевичъ спасся отъ убійцъ, а вмѣсто него убитъ и похороненъ иповъ сынъ. Эту сцену и передаетъ бойкій карандашъ Земцова.

„Рачникъ-любитель“. Картина А. Котляревскаго. (Рис. на стр. 669).

Это pendant къ помѣщенному въ № 23 *Новыя* рисунку того же автора: „Рачникъ-промышленникъ“. Почтенный любитель ловить небольшою сѣточкой, представляющею такъ-сказать миниатюру извѣстнаго уже читателямъ *круга*, не столько заботится о количествѣ добычи, сколько наслаждаясь самымъ процессомъ ловли.

Вождь „Красная лошадь“ (Painted horse). „Прыгающий орел“ (Jumping eagle). „Смелый медведь“ (Brave bear). „Желтый парень“ (Yellow boy). „Пятый орел“ (Spotted eagle).

Падди Стерль (наубой).

„Подземный ходок“ (Walks under the ground).

Вождь „Парящий“ (Flies above).

„Смелый сердцем“ (Brave heart).

„Зерно“ (Corn).

„Дикая Америка“ вь СПб. на Марсовомъ Полю.

Дикая Америка. (Рис. на стр. 673).

Въ Петербургъ на-дняхъ прѣѣхала, и съ субботы, 23 июня, дасть интересныя представленія труппа краснокожихъ Америки и тѣхасскихъ и мексиканскихъ пастуховъ (Cow-Boys и Vaqueros). Въ обширномъ индѣюмѣ, на Царицыномъ лугу, среди холщевыхъ палатокъ (Terees), гдѣ любопытные посетители могутъ наблюдать домашнюю обстановку и образъ жизни американскихъ индѣйцевъ, послѣдніе изображаютъ ловлю дикихъ лошадей-мустанговъ, нападеніе на почтовый фургоны, судъ Анча надъ конокрадомъ, лагерь американскихъ охотниковъ и т. п. Среди нихъ находится также известный стрѣлокъ, докторъ Карверъ, который былъ приглашенъ, при постройкѣ Тихо-Океанской желѣзной дороги въ Америкѣ, поохотиться на бизонивъ, сильно мѣшавшихъ проведению желѣзнодорожнаго пути, и въ три мѣсяца убилъ до 5,000 этихъ животныхъ. Изъ его продѣлокъ особенно замѣчательны выстрѣлы по пяти стекляннымъ шарамъ, которые онъ одновременно кидаетъ вверхъ и разбиваетъ ихъ всѣ на лету пятью выстрѣлами, одинъ за другимъ.

Индѣйцы труппы принадлежатъ къ тремъ краснокожимъ племенамъ: Сіу, Шейенновъ и Огаловъ, живущихъ на территории Дакота. Между ними находится много вождей съ женами, дѣтьми и всей домашней обстановкой. Въ числѣ нашихъ портретовъ изображены вожди: Painted horse (Крашеная Лошадь), который былъ сильно раненъ въ послѣднюю экспедицію противъ краснокожихъ, и другіе. Жилнща ихъ, такъ называемые „тепи“, полотняные шатры, ими самими приготовляемые, наполнены всѣми предметами туземнаго обихода, а также мѣстными издѣліями и рѣдкостями: узорною расшитую обувью, украшенными жемчужномъ дѣтскими платьями, оружіемъ разнаго рода, взятыми съ бою скальпами (волосы и кожа съ человѣческаго черена), томагавками (топорами), трубками мира и проч. Все это краснокожіе охотно показываютъ и объясняютъ зрителямъ. Программа представленій такъ составлена, чтобы виолиѣ ознакомить зрителей съ бытомъ, промыслами, занятіями и увеселеніями этихъ дикарей.

Каубои (пастухи) представляютъ уже болѣе цивилизованныя типы европейскіхъ насельниковъ Техаса и Мексикки, хотя полудикій образъ ихъ жизни, подвергая ихъ постоянно различнымъ лишениямъ и опасностямъ, развиваетъ въ нихъ необычайное мужество, удалство, силу, ловкость и проворство, такъ что въ этомъ отношеніи они стоятъ отнюдь не ниже индѣйцевъ и одинъ лишь въ состояніи бороться съ этими послѣдними. Повседневныя занятія каубоевъ состоятъ въ присмотрѣ за громадными, широко по степямъ (преріямъ) раскинутыми стадами. Ловить они какъ скотъ, такъ и своихъ дикихъ, упрямыхъ, необъязанныхъ лошадей (мустанговъ) посредствомъ *lasso* (аркана съ петлей).

Представленіе состоитъ изъ 16 №-въ, въ которые между прочимъ входятъ: скачки краснокожихъ и каубоевъ, обязательное мустанговъ, ловля дикихъ лошадей, нападеніе индѣйцевъ на жилище степнаго охотника, состязаніе въ стрѣльбѣ, судъ Анча надъ конокрадомъ, нападеніе дикарей на почту и на пассажирскій поѣздъ, индѣйскіе танцы, стрѣльба изъ луковъ и борьба съ каубоими, стрѣльба д-ра Карвера и проч.

М. И. Владиславлевъ. (Портр. на стр. 676).

„Пусть люди судятъ меня, какъ кому угодно, но совѣсть моя не упрекнетъ меня ни въ чемъ. Я имѣлъ предъ собою ясно сознаванную мною задачу поднять вѣренное мнѣ высокое учрежденіе на его падежащую высоту и, по мнѣрѣ силъ моихъ, шелъ къ этой цѣли прямымъ путемъ... Отъ всей души благодарю сочувствующихъ и содѣйствующихъ мнѣ и да проститъ Господь тѣхъ, кто не хотѣлъ понять меня.“ Такъ говоритъ въ своей предсмертной исповѣди Владиславлевъ, ректоръ и ординарный профессоръ С.-Петербургскаго университета по кафедрѣ философіи, извѣстный своими учеными трудами по логикѣ, психологій и исторіи философіи. Этими словами покойнаго прекрасно характеризуются и его дѣятельность, какъ ректора, и его высоконравственная личность, какъ полезнаго гражданина, про котораго совершенно справедливо было сказано, что онъ „былъ неовѣдникомъ истины и правды—и философской, и христіанской, и граждаиской“. Началамъ христіанской правды и истины—этимъ высшимъ нравственнымъ началамъ—Владиславлевъ придавалъ громадное значеніе и оставался всегда неизмѣнно вѣрнымъ съ первыхъ шаговъ своей сознательной жизни. Онъ глубоко и твердо вѣрилъ въ духовность и бессмертіе души человѣческой: „если не хочешь, — говоритъ онъ, — чтобы человѣчество потеряло свое истинно-человѣческое достоинство, такъ не думай и не говори, что душа — не самостоятельное начало въ человѣкѣ и исчезаетъ влѣтъ съ тѣломъ; то же скажу и о бытіи Божіемъ... Я долго мучился надъ этими вопросами и пришелъ къ тому же, что такъ давно и глубоко вѣрно высказано псалмопѣвцемъ: *рыце безумны въ сердце своемъ; тѣтъ Богъ*“. Вотъ почему въ періодъ брешней умовъ, когда онъ выступилъ на учено-литературное поприще, онъ ни на минуту не увлекся тогдашними ложными философскими ученіями, основанными на грубомъ материализмѣ и, устно и печатно, отвергалъ модныя воззрѣнія на Божество

и душу человѣческую всѣми силами своего глубоко-философскаго ума; вотъ почему онъ свѣтло смотрѣлъ на жизнь, какъ философъ-христіанинъ, а не какъ послѣдователь Будды или иной пессимистической нѣмецкой школы. Будучи истинно честнымъ человѣкомъ, строго исполняя свои обязанности, онъ твердо помнилъ, какую серьезную нравственную отвѣтственность несетъ онъ передъ Богомъ и собственной совѣстью за своихъ слушателей съ умомъ еще неокрѣпшимъ, и потому, и какъ профессоръ, и какъ ректоръ, онъ умѣлъ стоять твердою ногою на высотѣ своего положенія, оберегая науку отъ всего наноснаго, вреднаго, а храмъ науки—университетъ—отъ всего, что нарушаетъ его честь и внутреннее спокойствіе; Владиславлевъ, съ любовью, горячо относившійся къ университетскимъ пуждамъ, „желалъ видѣть въ университетѣ дѣйствительно широкой и плодотворной расадинкѣ здоровыхъ, образованныхъ молодыхъ силъ, просвѣщенныхъ, истинно-русскихъ дѣятелей“, гражданъ преданныхъ своему отечеству. Въ его управленіи университетомъ сказались отличительныя черты нравственнаго характера Владиславлева: удивительное самообладаніе и сдержанность, прямота и твердость въ словахъ и въ дѣйствіяхъ, необыкновенная исполнтельность, уваженіе къ порядку. Съ непреклонною твердостью исполняя свой долгъ, онъ прѣблгалъ, въ особенныхъ случаяхъ, къ строгимъ мѣрамъ, хотя эти мѣры стоили ему самому очень дорого, доставляли ему не мало душевныхъ мукъ, ибо онъ былъ человѣкъ протививавшій всегда руку помощи великому; раскаявшіеся молодые люди, исключенные изъ университета, нерѣдко обращались къ содѣйствію Владиславлева, и благодаря его ходатайству бывали вновь приняты. Учено-литературная дѣятельность Владиславлева болѣе ярко выразилась въ нѣсколькихъ обширныхъ сочиненіяхъ: „Логика, обзоръ индуктивныхъ и дедуктивныхъ пріемовъ мышленія“, „Современныя направленія въ наукѣ о душѣ“, „Философія Плотина, основателя Новолатоновской школы“, „Психологія“, а также заключалась въ цѣломъ рядѣ журнальныхъ статей по философскимъ и педагогическимъ вопросамъ, въ которыхъ онъ, главнымъ образомъ, старался проводить въ публикѣ здравыя философскія понятія и возставалъ противъ материалистическаго направленія, господствовавшаго въ германской университетской наукѣ, защищая классицизмъ. Таковы, напримѣръ, его статьи: „Материалистическая психологія“, „Вліяніе естественныхъ наукъ на психологію“, „Современный материализмъ“, „Современное положеніе философіи и ея задачи“, „О зависимости нѣмецкой философіи отъ англійской“, „О положеніи философіи въ нашей системѣ образованія“, „Схоластическая логика“, „Историческіе очерки логики Аристотеля“ и проч. Кромѣ того, русская литература обязана ему хорошимъ переводомъ сочиненія Канта „Критика чистаго разума“. Владиславлевъ не создалъ новой философской системы, но замѣчательно добросовѣстно разрабатывалъ высшіе философскіе вопросы и особенно много трудился надъ изученіемъ старыхъ и новыхъ направленій въ наукѣ о душѣ. Смерть Владиславлева — чувствительная потеря для Петербургскаго университета и для общества, тѣмъ болѣе, что онъ умеръ далеко не старымъ человѣкомъ.

Михаилъ Ивановичъ Владиславлевъ, сынъ священника Новгородской губ., родился 9 ноября 1840 года. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Старорусскомъ духовномъ училищѣ и Новгородской семинаріи, по окончаніи которой, въ 1859 году, опредѣлился въ С.-Петербургскую духовную академію. Не окончивъ въ ней полнаго курса, онъ вышелъ изъ нея въ 1861 г. и причислился къ министерству Народнаго Просвѣщенія, которое командировало его въ слѣдующіе годъ за-границу для приготовленія къ профессурѣ. Послѣ трехлѣтнихъ занятій въ нѣсколькихъ нѣмецкихъ университетахъ философскими науками, онъ получилъ въ 1866 году степенъ магистра и вслѣдъ затѣмъ назначенъ доцентомъ философіи въ Петербургскомъ университетѣ, а въ 1869 г. утвержденъ экстра-ординарнымъ профессоромъ. Одновременно съ тѣмъ, а именно въ 1867 г., онъ началъ преподаваніе философіи въ Историко-филологическомъ институтѣ, а позднѣе читалъ тотъ же предметъ на Высшихъ женскихъ курсахъ. Съ 1885 г. онъ занялъ должность декана историко-филологическаго факультета, а 28 мая 1887 г.—ректора университета. На всенароднѣйшей докладной запискѣ министра Народнаго Просвѣщенія о кончинѣ Владиславлева, Государь Императоръ позволилъ написать: „Очень сожалею“.

П. Быковъ.

Островъ Гельголандъ. (Рис. на стр. 676).

Уступленный на-дняхъ Англіей Германіи островъ Гельголандъ въ Нѣмецкомъ морѣ, занимаетъ около половины квадратной версты съ 2,000 жителей и состоитъ изъ отвѣсно подымающейся на 30 сажень надъ уровнемъ моря, скалистой плоской возвышенности (плато) и части плоскаго берега на востокѣ, откуда наверхъ ведетъ лѣстница въ 190 ступеней. Еще восточнѣе этого берега лежитъ несчащаный островъ, называемый *диюно* и представляющій превосходное мѣстечко для морскихъ кунавий. Этими послѣдними онъ и славится съ 1826 года. Жители, болѣею частью фризы, живутъ рыболовствомъ, ловлею омаровъ, лодчанствомъ, а главное послугами иностран-

пымъ туристамъ. Языкъ ихъ — фризское нарѣчіе, школьницъ же и официальнымъ служитъ нѣмецкій. Подземный телеграфъ соединяетъ островъ съ германскимъ берегомъ, а для пассажирскаго сообщенія служатъ множество пароходовъ. До 1712 года Гельголандъ принадлежалъ герцогству Голштейнъ-Готторпскому и только въ 1814 году отошелъ къ Англии.

Международная тюремная выставка въ Спб.

(Рис. на стр. 677).

Нашъ рисунокъ на стр. 677 изображаетъ одно изъ многочисленныхъ отдѣленій тюремной выставки, въ которомъ сосредоточены преимущественно образцы работъ военно-морской пловучей тюрьмы на бывшемъ корветѣ „Память Меркурія“. Тутъ весла, канаты, боченки, плетенки и множество другихъ издѣлій морскихъ арестантовъ. На первомъ планѣ видна громадная модель этой тюрьмы, изготовленная въ модельной мастерской Морскаго музея, а влѣво надъ ней видна картина художника Ваннова. Подъ нею контрольный аппаратъ съ часовымъ механизмомъ. Вдоль стѣны размѣщены разныя производенія заключенныхъ въ различныхъ тюрьмахъ. Тутъ тросточки и ручки для зонтиковъ Московскаго исправительнаго арестантскаго отдѣленія, гармонія Устюжской тюрьмы, 11 проволочныхъ фокусовъ тюрьмы Естляндской губерніи и проволоочныя работы Одесскаго тюремнаго замка; далѣе, за дверью, замѣтна на прилавкѣ удачная модель Ревельскаго Вышгородскаго замка, работа арестантовъ Ревельской тюрьмы, и скринка изъ Смоленской тюрьмы.

Пишущая машина „Бостонъ“. (Рис. на стр. 677).

Эта машина имѣетъ всѣ тѣ механическія устройства и нужныя качества, которыя необходимы для письменныхъ занятій. Съ нею можно работать во время ѣзды по желѣзной дорогѣ, на качающемся кораблѣ или въ экипажѣ и отчетливость шрифта не теритъ своей ясности, поэтому эта машина особенно важна для путешественниковъ, которые могутъ съ помощью машины на дорогѣ заниматься своею корреспонденціею, къ чему способствуютъ ея портативность и легкость. Машина вѣситъ только 3 фунта, она имѣетъ въ длину 30 сант., въ ширину 15 сант., въ вышину 7 сант. Отчетливость и красота шрифта очень мало отличаются отъ печатнаго, и поэтому недоразумѣніе и двусмысленности, которыя часто происходятъ отъ неотчетливыхъ и худыхъ рукописей, не могутъ случаться. Упражненія съ машиною, въ теченіе 15 мин., достаточно, чтобы съ нею познакомиться; она такъ проста въ употребленіи, что каждый ребенокъ можетъ на ней работать. Лица, которыя страдаютъ въ рукѣ судорогою или другими недостатками, могутъ смѣло работать съ помощью этой машины. На ней можно нѣсколько часовъ продолжать работать, не чувствуя усталости. Писанный машиною шрифтъ копируется и такимъ образомъ отпечатки можно размножать. Устройство машины такъ прочно, что кажется она ни въ какой поправкѣ не можетъ нуждаться, что однако, при простотѣ механизма, въ случаѣ потребности, вездѣ можно выполнить.

Представители для Россіи: Евгенийъ Ботмацъ и К^о, Спб., Садовая, д. № 18.

Политическое обозрѣніе.

16 іюня окончился послѣдній актъ трагико-комедіи „Заговоръ Паницы“. Для главнаго дѣйствующаго лица окончилась она смертію, которая некупила всѣхъ предшествующія дѣянія убитаго и покрыла вѣчнымъ позоромъ главари Болгаріи принца Фердинанда и его сподручнаго и руководителя Стамбулова. Личный врагъ Паницы, Стамбуловъ употребилъ все свое вліяніе, чтобы одѣлаться отъ опаснаго для себя человѣка, устроилъ такъ, что военный кассационный совѣтъ, утвердивъ приговоры суда, не смелъ нужнымъ ходатайствовать о смягченіи наказаній осужденнымъ и замѣнѣ смертной казни главнаго виновника заключеніемъ, и, наконецъ, удалил принца Кобургскаго изъ Болгаріи, какъ бы страшнаго, что боязливый и слабый глава государства воспользуется своимъ правомъ помилованія и даруетъ жизнь ненавистному человѣку. 15 іюня принцъ Фердинандъ уѣхалъ въ Карлсбадъ изъ Софіи, издавъ передъ отбѣгомъ прокламацію о назначеніи Стамбулова регентомъ, а на другой день Паница былъ разстрѣлянъ. Въ девять часовъ утра онъ былъ отправленъ на мѣсто, гдѣ находился лагерь Софійскаго гарнизона. 1-й, 6-й, 13-й и 14-й пѣхотные полки съ артиллеріею образовали каре. Паница твердыми шагами подошелъ къ мѣсту казни и отдалъ честь офицерамъ. По прочтеніи приговора, Паница недовѣдывался и приоблился къ Св. Ташу. Затѣмъ Паница самъ завязалъ себѣ глаза. Передъ командой стрѣлять—Паница громко воскликнулъ: „Да здравствуетъ Болгарія!“ Грудь его была прострѣлена 21 пулею. Экзекуціонный взводъ былъ назначенъ отъ 14-го Македонскаго полка. Далѣе сообщаютъ *Агентству Рейтера*, что послѣ казни Паницы командиръ военнаго лагеря обратился къ войскамъ съ рѣчью, въ которой указалъ на опасность, угрожающую странѣ въ случаѣ успѣха заговора Паницы. Въ заключеніе командиръ сказалъ, что Паница понесъ заслуженное имъ наказаніе и что подобная же участь ожидаетъ всѣхъ измѣнниковъ странѣ. Казнь Паницы повсемѣстно, не исключая Болгаріи, произвела удручающее впечатлѣніе. Французскія газеты сожалеютъ, что принцъ поддался вліянію Стамбулова, который стремился удовлетворить чувство личной мести. *République Française* замѣчаетъ, что принцъ Фердинандъ и Стамбуловъ жестоко ошибаются, полагая выиграться этимъ способомъ изъ ложнаго положенія. Кровь Паницы не войдетъ имъ въ прокъ. Римская газета *Diritto* пишетъ, что съ этой казнью принцъ Фердинандъ Кобургскій утрачиваетъ симпатію либераловъ Европы. *Hamburger Nachrichten* рѣзко осуждаютъ разстрѣляніе Паницы, называя это надвѣвательствомъ надъ правдѣю и государственною мудростію, и замѣчаютъ, что казнь Паницы разоблачила характеръ пышныхъ порядковъ въ Болгаріи. Принцъ Фердинандъ оказался марионеткой Стамбулова и симпатіямъ къ Болгаріи за-границею нанесенъ ударъ.

Journal de St-Petersbourg, указывая, что принцъ Кобургскій покинулъ страну до исполненія этой казни, отказавшись отъ примѣненія права, которымъ только онъ одинъ могъ воспользоваться—права помилованія—тѣмъ самымъ засвидѣтельствовалъ, кто управляетъ и царствуетъ въ Болгаріи. По Стамбулову, конечно, не пуждался въ этомъ актѣ жестокости, для разоблаченія характера своего властвованія, которое сводится къ террору.

пользоваться—права помилованія—тѣмъ самымъ засвидѣтельствовалъ, кто управляетъ и царствуетъ въ Болгаріи. По Стамбулову, конечно, не пуждался въ этомъ актѣ жестокости, для разоблаченія характера своего властвованія, которое сводится къ террору.

Въ сосѣдней съ Болгаріею Сербіи другой властитель,— правда, не у дѣлъ,—отъ бездѣлья старается всѣми силами мѣшать естественному теченію этихъ дѣлъ. На дняхъ, профессоръ Велікой Школы, большинство напредники, дали банкетъ Милану, подарившему школѣ ботанической садъ. На ирешество министръ, просвѣщенія не былъ приглашенъ, а самый профессорскій банкетъ Милану, какъ менсату, оказался демонстраціею противъ регентства и министерства. Ректоръ Николаевичъ, превознося правленіе Милана, сказалъ, что отреченіе его повергло страну въ анархію, конституція поирвана, власть безавторитетна, повсюду беззаконія, насилие, убійства. Миланъ заявилъ, что виною всему настоящій режимъ, гибельный, подобно республиканскому. Демократическое теченіе не дастъ Милану покоя, и вышѣ Ристичъ поддался этому теченію. Онь, Миланъ, готовъ де защищать престолъ и честь государства и лишь ожидаетъ случая. За безтактный поступокъ Николаевичъ немедленно уволенъ указомъ регентства, а Миланъ поспѣшилъ пригласить къ себѣ на бесѣду корреспондента *Politische Correspondenz* и объявилъ свою послѣднюю выходку исключительно необходимою самозащиты противъ нападковъ радикаловъ.

Кромѣ того, профессоръ Миловановичъ разоблачаетъ въ *Одежѣ* антиправительственную демонстрацію профессорскаго банкета, гдѣ отвѣтныя рѣчи и заявленія Милана были допущены ректоромъ. Въ виду полной солидарности регентства и министерства полагаютъ, что огнишъ Миланъ политическихъ рѣчей произносить болѣе не будетъ.

Небезызвѣстный законопроектъ объ увеличеніи численности войскъ въ мирное время принятъ германскимъ рейхстагомъ 14 іюня. Большинствомъ 211 голосовъ противъ 128, вотирована была ст. 1-я этого законопроекта, коия численность арміи по штатамъ мирнаго времени опредѣлена до 31 марта 1894 года въ 486,983 человѣка. Прочія статьи были утверждены безъ всякихъ ирешій. Противъ законопроекта подали голоса прогрессисты, социалисты, въкоторые члены центра и одинъ вельфъ.

На другой день послѣ перваго вотированія, императоръ Вильгельмъ приступилъ къ своему путешествію и переехалъ на бронепоездѣ „Kaiser“, который въ 8 час. вечера въ сопровожденіи учебной эскадры вышелъ въ море, направляясь къ Копенгагену. 16 іюня онъ прибылъ къ Гельсингеру, откуда, въ сопровожденіи короля и принцевъ, отправился съ экстреннымъ поѣздомъ въ Фреденсборгъ. Прогостивъ тамъ 2 дня, юный монархъ отправился съ германскою эскадрою въ Христіанію, гдѣ и былъ встрѣченъ 68-ю пароходами, наполненными публикою въ праздничныхъ одеждахъ.

С М Ъ С Ъ .

Послѣднюю новость въ журнальныхъ предпріятіяхъ Америки составляютъ фотографическія interview (бесѣды съ знаменитостями). Известно что большая часть американскихъ ежедневныхъ газетъ

постоянно печатаютъ кучу очерковъ и портретовъ и ни передъ чѣмъ не останавливаются, когда надо озакомить публику на сенсационныя новости публику съ личностями знаменитостей дня, каковы нашъ.

боксеры, игроки въ мячъ, преступники или главные герои бракоразводнаго процесса; но никому еще не приходило въ голову соединить устное interview съ моментальною фотографіей для полнѣйшей передачи въ печати. Неистощимый въ изобрѣтеніяхъ по части новостей въ области газетнаго дѣла и репортерства, нью-іорскій *World* впервые выступилъ съ обширнымъ предпріятіемъ этого рода, начавъ съ извѣстнаго оратора, Джона Пингоса, члена Сената отъ Канзаса. Къ нему явился репортеръ *World'a* съ двумя стенографами и фотографомъ, и передача этой бесѣды въ газетѣ заняла не менѣе четырехъ страницъ, которая по величинѣ немногимъ уступаетъ английскому *Times*. Содержаніе бесѣды не важно, оно вертится на вопросахъ, на которые сенаторъ давнымъ-давно уже отвѣтилъ; все дѣло въ необыкновенно удавшихся моментальныхъ снимкахъ, которыхъ въ газетѣ приложено 27. Такъ какъ подъ каждымъ снимкомъ напечатаны слова, которыя сенаторъ произносилъ въ моментъ снѣтія фотографіи, то читатель получаетъ такое полное понятіе о характерѣ и самой личности бесѣдующаго, какового никогда не можетъ достигнуть простая передача его словъ. Даже убѣдительность рѣчи отчасти передается фотографіей; это чувствуетъ каждый внимательный читатель, когда передъ нимъ на самыхъ выдающихся оборотахъ мысли и блестящихъ ораторскихъ приемахъ внезапно возникаетъ серьезная, выразительная мица и характерный жестъ говорящаго. Едва ли не лучше перваго interview удалось второе, съ знаменитымъ

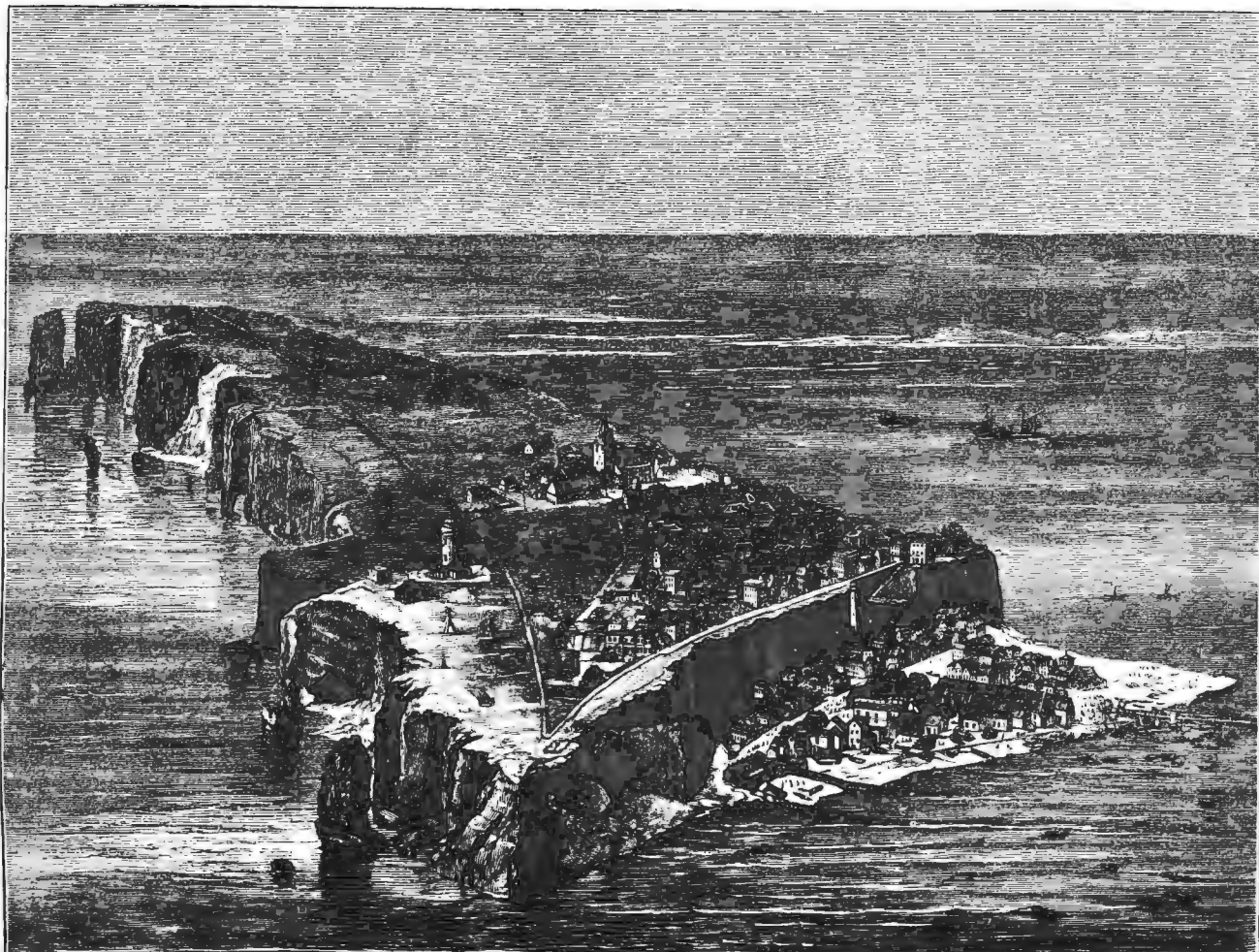
М. И. Владиславлевъ († 25 апрѣля 1890).
Съ фот. Пазетти, грав. Шюблеръ.

отзывъ на Парижской выставкѣ. Тонкость, чистота работы и изящество рисунка елецкихъ кружевъ замѣчены были парижанами, и въ текущемъ году изъ Франціи получены на нихъ заказъ на нѣсколько

проповѣдникомъ Толмеджемъ. Съ него, также на четырехъ страницахъ бесѣды, снято было не болѣе, не менѣе какъ 39 снимковъ, которые иллюстрируютъ не только рѣчь, но и физическія особенности ораторскихъ приемовъ пресловутаго проповѣдника, такъ что онъ какъ живой стоить передъ читателями со всеми своими жестами и мимикой.

Подвигъ Сары Бернаръ. Въ послѣднюю свою побывку въ Америкѣ знаменитая актриса зашла въ книжный магазинъ, купила у приказчика нѣсколько книгъ, заплатила и хотѣла уже удалиться, какъ вдругъ, точно одумавшись, взяла записной карандашикъ и стала искать глазами клочка бумаги. Не находя его, она взяла великолѣбно переплетенный экземпляръ роскошнаго изданія романовъ Вальтеръ-Скотта, развернула его, написала что-то на заглавной страницѣ, вырвала листокъ изъ книги, подала его изумленному приказчику и смѣясь вышла изъ магазина. Это былъ даровой пропускъ на ея представленіе, но лучший экземпляръ въ магазинѣ—погибъ.

Орловскія кружева, которыя, какъ извѣстно, славятся Орловская губернія, до сихъ поръ сбывались преимущественно въ ея предѣлахъ. Теперь, по извѣстію мѣстной газеты, они получили извѣстность и за границей. Еще въ прошломъ году за кружева, сработанныя крестьянками Елецкаго уѣзда, получились были похвальный

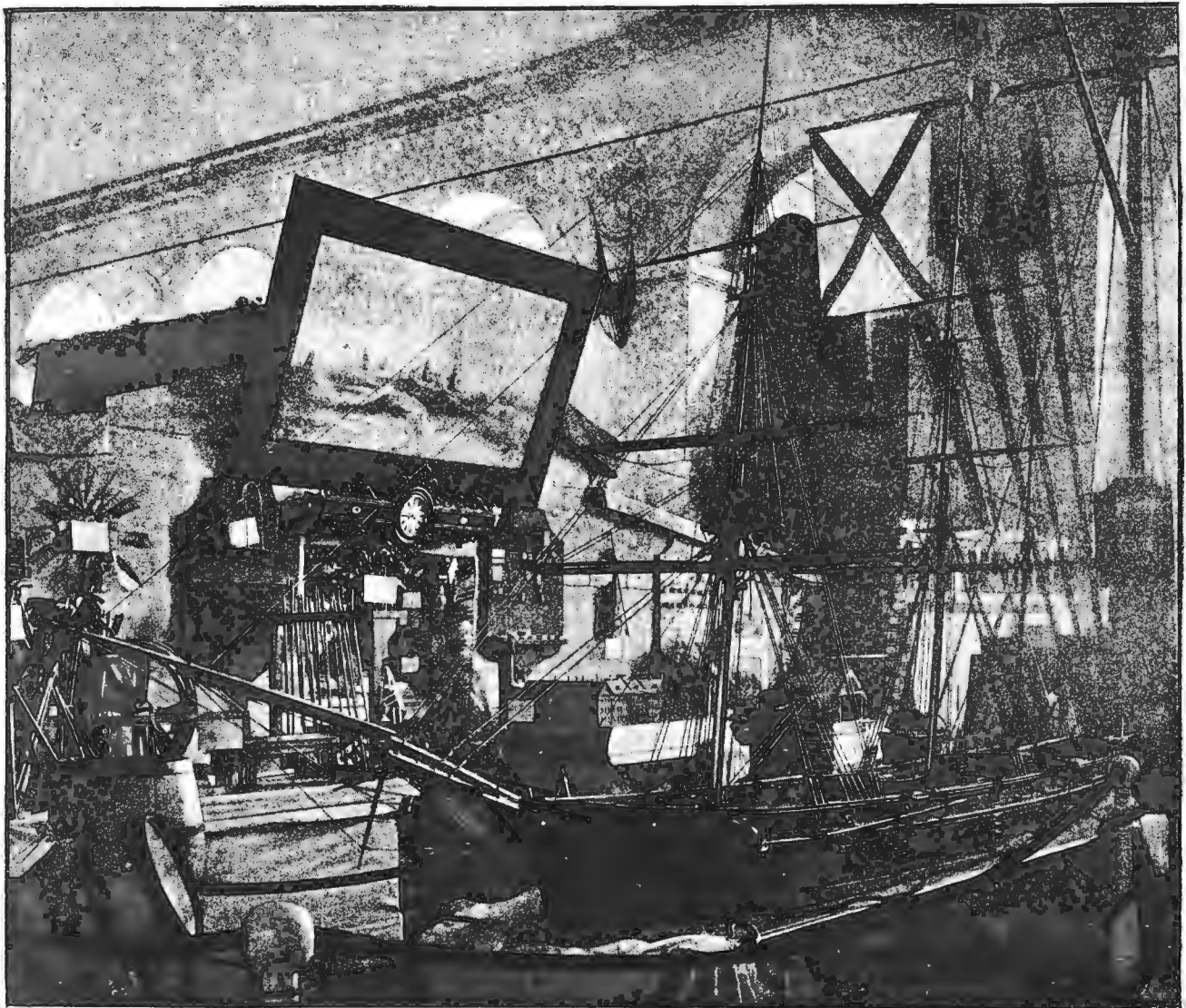

Островъ Гельголандъ.

сотъ франковъ. Требуются широкія, шелковыя кружева цвѣтовъ, кремъ и чернаго. Обыкновенно, прежде чѣмъ поступить на рынокъ, кружева проходятъ чрезъ нѣсколько рукъ торговыхъ-скупщицъ, которыя, пользуясь тяжелымъ экономическимъ положеніемъ кружевницъ и большимъ съ ихъ стороны предложеніемъ, сбиваютъ цѣну до невозможнаго; а при продажѣ, наоборотъ, — имѣя опредѣленные мѣста

тризну надъ нимъ, и по семь творяху кладу велику, и вѣложахуть и (его) на кладу мертвеца сожжаху, и по семь собранше кости вложаху въ судину малу и поставляху на столъ на путелъ, еже творить вятиче и нынѣ“ (Даврентьевская лѣтопись, 13). (в.)

Производство опиума въ Россіи. Къ числу продуктовъ, производство которыхъ рекомендовалось въ послѣдніе годы, принадле-

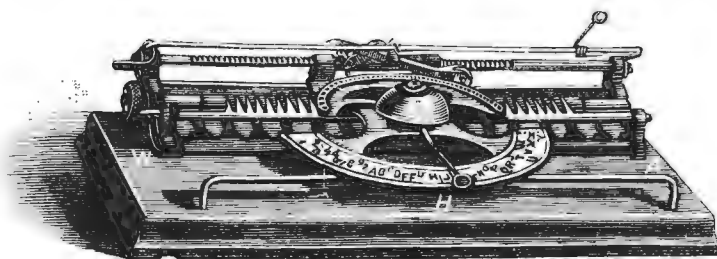

Международная тюремная выставка въ СПб. Модель Севастопольской плавучей тюрьмы и проч.

сбыта по всей Россіи (кружева посылаются въ Одессу, Ростовъ, Таганрогъ, Москву и другіе города) и значительный спросъ, скупщицы очень дорожатся. Барышъ въ 12, 15 коп. на аршинъ средняго сорта и 30, 40 к. — высшаго сорта, считается обыкновеннымъ. Пыль, благодаря безкорыстному посредничеству образованныхъ женщинъ, кружева въ нѣкоторыхъ селахъ Елецкаго уѣзда поступаютъ на продажу изъ первыхъ рукъ, результатомъ чего является замѣчательная дешевизна, и кружевницы зарабатываютъ гораздо болѣе. (в.)

Похоронный обычай въ Гродненской губерніи. Одинъ изъ малорусскихъ этнографовъ, г. Эварницкій, помѣщающій въ разныхъ изданіяхъ отрывки изъ своей записной книжки, рассказываетъ о слѣдующемъ архаическомъ обычаѣ, который практикуется въ настоящее время въ Гродненской губерніи, Брестскаго уѣзда, Олушской волости, въ селѣ Радяхахъ. Онъ состоитъ въ томъ, что послѣ похоронъ умершаго родственники его собираютъ оставшіяся отъ досокъ гроба стружки, берутъ также нѣкоторыя изъ вещей покойника, несутъ все это за село на перекрестокъ, гдѣ двѣ дороги перекрещиваются одна другою, устраиваютъ здѣсь костеръ и все это сжигаютъ; это называется — жечь остатки покойника. Этотъ современный обычай напоминаетъ обычай глубокой древности, занесенный на первыя страницы русской лѣтописи: „Аще кто умряше, творяху

жигъ и опиумъ. Культура той породы мака, изъ которой опиумъ добывается, и самое добываніе этого цѣннаго продукта требуютъ большой затраты времени и труда, но за то такая затрата выкупается значительнымъ доходомъ отъ его производства, который могъ бы служить немаловажнымъ подспорьемъ преимущественно въ небольшихъ хозяйствахъ. Вопросъ однако состоялъ въ томъ, можно ли производить въ Россіи хорошій опиумъ? Опыты чужихъ странъ, напримѣръ, Франціи и Германіи, показываютъ, что это производство возможно, хотя опиумъ и является продуктомъ южныхъ странъ. На основаніи такихъ опытовъ, одинъ изъ хозяевъ въ Липовецкомъ уѣздѣ Кіевской губерніи, И. М. Рева въ прошломъ году сталъ добывать опиумъ и достигъ прекрасныхъ результатовъ. Изслѣдованіе образ-

Пишущая машина „Бостонъ“.

чиковъ опиума, добытыхъ г. Ревою, по словамъ журнала *Земледѣліе*, показало, что они нисколько не хуже опиума, добываемаго въ Смирнѣ, Франціи, Италіи и другихъ мѣстностяхъ. Въ означенныхъ пробныхъ образцахъ опредѣлялось содержаніе воды и одной изъ существенныхъ составныхъ частей опиума — морфина. Такимъ образомъ, опытъ г. Рева, сопровождавшійся нѣкоторыми затрудненіями, далъ удовлетворительные результаты, которые позволяютъ думать, что культура опиума въ Россіи можетъ привиться. (в.)

Новѣйшая физиологія разсматриваетъ лобную часть мозга человѣка и животныхъ какъ вмѣстѣ характеръ и высшихъ умственныхъ способностей. Къ такому предположенію привели прежде всего наблюденія надъ животными Мунка, Гольца, Феррье, Лузана и др. У собакъ и обезьянъ, при удаленіи передней части мозга, не замѣчалось ни парализованія мускуловъ, ни нарушения чувствительности (что происходитъ при выпаденіи другихъ частей мозга), но лишь нѣкоторыя измѣненія въ манерѣ держать себя, въ настроеніи и характерѣ. Животныя становились живѣе, белоконнѣе, нетерпимѣе, раздражительнѣе, невнясливѣе и строптивѣе; движенія ихъ пріобрѣтали характеръ безцѣльности, вниманіе къ окружающему и понятливость ослабѣвали. Опыты, сдѣланные надъ животными, подтвердились и наблюденіями надъ людьми, у которыхъ вслѣдствіе болѣзни или несчастнаго случая повреждена была лобная часть мозга, сдавлена-ли, разрушена, размягчена или т. п. Большую извѣстность въ медицинской литературѣ получилъ слѣдующій фактъ, сообщенный американскимъ врачомъ д-ромъ Гарлоу, извѣстный подъ именемъ Stowbar Case. Молодому человеку, забивавшему въ каменную глыбу взрывное вещество, острымъ желѣзнымъ пруткомъ, вслѣдствіе внезапнаго взрыва, прутъ этотъ вошелъ чрезъ челюсть въ мозгъ и вышелъ чрезъ лобъ наружу; прутъ былъ найденъ въ нѣкоторомъ разстояніи покрытымъ кровью и мозговымъ веществомъ. Молодой человекъ проявилъ вслѣдствіи измѣненія въ характерѣ, тождественныя съ наблюдавшимися у животныхъ: онъ впаде въ ребячество, сталъ капризенъ, непочтителенъ и умственные способности его ослабли. Вслѣдствіи явленія эти исчезли; пострадавшій выздоровѣлъ, потерявъ только глаза, и прожилъ еще 13 лѣтъ. Черепъ его хранится въ коллекціи Гарвардскаго университета. Въ новѣйшее время сообщаютъ подобный-же случай изъ пюрикской медицинской клиники. Одинъ мастеровой, возвратившись домой въ пьяномъ видѣ, хотѣлъ вѣроятно закрыть окно и вывалился изъ него. Онъ упалъ съ высоты 100 футовъ и получилъ проломъ

съ осколками обѣихъ лобныхъ костей, съ тяжкимъ поврежденіемъ правой передней части мозга и истеченіемъ мозгового вещества. Пострадавшій, отличавшійся до несчастнаго случая кротостью, миролюбіемъ, благонаравіемъ, веселостью и чистоплотностью, сталъ проявлять противоположныя свойства: онъ сдѣлался золь, бунтъ, выказывалъ склонность къ ссорамъ, ругательствамъ и сдѣлался нечистоплотенъ, хотя и не проявлялъ никакихъ болѣзненныхъ явленій. По мнѣнію Феррье, такія измѣненія характера являются у человѣка и животныхъ какъ слѣдствія разрушенія тѣхъ частей, которыя накапливаются воспитаніемъ и жизнью съ собою подобными. Какъ при параличѣ сокращающихся дѣятельность сердца нервныхъ волоконъ получаютъ преобладаніе возбуждающія его дѣятельность волоконъ, такъ при бездѣйствіи передней части мозга, первобытныя животныя наклонности человѣка получаютъ перевѣсъ надъ привитыми образованіемъ. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что не весь лобный мозгъ, а преимущественно обѣ внутреннія извилина нижней стороны, должны быть разсматриваемы какъ исходная точка высшихъ умственныхъ способностей. (с.)

Своеобразная дуэль существуетъ въ Гренландіи. Когда какой-либо эскимосъ чувствуетъ себя обиженнымъ, онъ вызываетъ противника на поединокъ; но смертоносное оружіе замѣняется публичнымъ состязаніемъ въ ивни. Оскорбленный поетъ при всемъ собраніи комическую лѣсню о своемъ противникѣ и если пропустить что-либо достойное насмѣшки, то друзья приходятъ ему на помощь и со своей стороны расшариваютъ униженное. Вызванный долженъ въ присутствіи всего собранія парировать насмѣшки остроумными и мѣткими отвѣтами. Если по мнѣнію присутствующихъ ему это не удастся, то онъ считается побѣжденнымъ и побѣдитель получаетъ право выбрать себѣ любую вещь изъ его имущества. Если же вызвавшій нападетъ вяло и неостроумно, онъ, вмѣстѣ со своими товарищами, со срамомъ изгоняется съ поля битвы. (с.)

Ребусъ. Задача № 37.

Задача буквъ № 38.

Н. В. П.

	12	20	37			
	18	19	23	3	30	
2	8	32	36	15	35	4
9	11	25	14	27	24	31
22	6	28	34	1	13	26
	10	17	21	33	16	
	29	7	5			

Требуется найти семь словъ:
 1) Мнѣніе какое чудовище. 2) Городъ въ Италіи. 3) Домашнее животное. 4) Игра. 5) Африканское животное. 6) Знакъ германской власти. 7) Названіе рѣки и собранія.
 Затѣмъ, по порядку, буквы каждаго найденнаго слова разставить на мѣстахъ чиселъ прилагаемой фигуры, принявъ во вниманіе, что числа, напечатанныя жирнымъ шрифтомъ, обозначаютъ мѣста начальныхъ буквъ каждаго изъ найденныхъ словъ. Наполненную буквами фигуру раздѣлить на десять частей и сложить изъ нихъ прямоугольникъ такъ, чтобы внутри его образовалась начальная буква фамиліи извѣстнаго русскаго сатирика, а въ прямоугольникѣ можно было бы прочесть названія трехъ его произведеній.

Логогрифъ. Задача № 39.

Когда погасаетъ свѣтло дневное,
 Ложатся вечернія тѣни,
 И я нисхожу утолить, послѣ зноя,
 Безмѣрную жажду растений.
 Глядите въ меня лучъ луны серебряный,
 Играетъ со мной лучъ разсвѣта,
 Любуются мною и кисти артиста,
 Живу я и въ пѣсняхъ поэта...
 Когда же мой звукъ уничтожите первый —
 Со мною нерѣдко нѣтъ сладу:
 Пазойлива, дѣйствуя даже на нервы,
 Могу возбудить я досаду.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Жизнь, какъ она есть. Романъ въ пяти частяхъ. Вас. И. Немировича-Данченко. Часть II. (Продолженіе). — Старинный вальсъ. (Изъ рассказовъ стараго маюра). А. С. — Къ вопросу о воздухоплаваніи и искусственномъ летаніи. Эрста фонъ-Вехмана (съ 7 рис.). — Къ рисункамъ: Нагасаки (Японія) (съ 3 рис.). — Микроскопическая станція при городской скотобойнѣ въ С.-Петербургѣ (съ рис.). — „Досуги стараго рыбака“. Картина А. Мюллера (съ рис.). — „Василій Шуцкій на лобномъ мѣстѣ“. Карт. А. Земцова (съ рис.). — „Рачининъ-любитель“. Карт. А. Хотяревскаго (съ рис.). — Дикая Америка (съ рис.). — М. И. Владиславлевъ (съ портр.). — Островъ Гельголандъ (съ рис.). — Международная тюремная выставка въ СПБ. (съ рис.). — Пишущая машина „Бостонъ“ (съ рис.). — Политическое обозрѣніе. — Слѣзь. — Задачи. — Переѣзды адреса. — Заявленіе. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марисъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „НИВА“ проситъ Гг. подписчиковъ, НЕ ВНЕСШИХЪ ПОЛНУЮ ГОДОВУЮ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ за „НИВУ“ 1890 г., озаботиться своевременными взносами слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатные адреса отъ бандеролей.

МОСКОВСКОЕ ЧАСТНОЕ РЕАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ И. М. ХАЙНОВСКАГО

(Волонка, против храма Спасителя)

состоит из шести классов основнаго и коммерческаго отдѣленія и VII дополнительнаго класса (общее отдѣленіе), въ который исключительно принимаются лица, имѣющія аттестат шести классов основнаго отдѣленія Реальныхъ училищъ Вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія. Въ младшій приготовительный классъ принимаются дѣти отъ семилѣтняго возраста. П. № 4609

Вышло изъ печати и поступило въ продажу въ конторѣ журнала „Нива“ (СПб., Невскій, 6), а также у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ:

Сочиненіе **Ф. К. АРНОЛЬДА:**

„РУССКІЙ ЛѢСЪ“

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Изданіе **А. Ф. МАРНОСА**, въ С.-Петербургѣ.

Все сочиненіе будетъ состоять изъ трехъ большихъ томовъ, отпечатанныхъ на лучшей бумагѣ, съ приложеніемъ 2-хъ картъ, 120 художественно исполненныхъ гравюръ и полиграфіей и 17 эстамповъ на мѣди.

Первый томъ имѣетъ 387 страницъ и между прочимъ заключаетъ въ себѣ предисловіе и введеніе автора, большую карту лѣсности Европ. Россіи, печат. 14-ю красками, и карту лѣсист. Европы, печат. 6 красками.

Въ этомъ томѣ выясняется значеніе лѣсовъ вообще; помѣщены статистическія свѣдѣнія о площади лѣсовъ, находящихся въ каждомъ уѣздѣ Европейской Россіи, съ показаніемъ сколько въ томъ числѣ казенныхъ, частновладѣльческихъ и принадлежащихъ крестьянскимъ обществамъ; представлено сравненіе лѣсности Россіи и западно-европейскихъ государствъ.

Второй томъ сочиненія выйдетъ изъ печати въ концѣ 1890 или въ началѣ 1891 года, а вслѣдъ за нимъ въ непродолжительномъ времени выйдетъ и третій томъ.

Содержаніе втораго тома: описаніе древесныхъ породъ, растущихъ въ лѣсахъ Россіи, лѣсохозяйственное ихъ значеніе, уходъ за каждою породою, приемы возвращенія лѣсовъ въ различныхъ полосахъ Россіи, орудія, употребляемая для лѣсоразведенія, опасности, угрожающія лѣсамъ, враги повреждающіе ихъ, порядокъ рубки въ лѣсахъ, и пр. и пр.

Наонецъ III томъ — будетъ содержать указанія возможно выгоднѣйшей организаціи лѣснаго хозяйства, какъ въ крупныхъ, такъ и въ мелкихъ лѣсовладѣльчѣхъ; устройство лѣса съ начертаніемъ плана хозяйства; порядокъ эксплуатаціи лѣса; учетъ отпускаемыхъ лѣсныхъ матеріаловъ; условія, какія должны быть включаемы въ контракты; извлеченіе доходовъ отъ побочныхъ пользованій въ лѣсу; соответственное устройство администраціи и отчетности лѣснаго имущества.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА ВСѢ ТРИ ТОМА:

При выписываніи 1-го тома вносится 4 р., до выхода 2-го тома 8 р., а до выхода 3-го тома 2 р., а всего 14 руб.

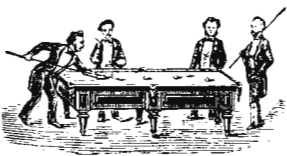
Иногородные подписчики на все сочиненіе за пересылку не платятъ. За два мѣсяца до выхода II и III томовъ въ „Нивѣ“ будетъ объявлено о днѣ выхода ихъ.

По выходѣ всего сочиненія цѣна будетъ значительно возвышена.

Подписка принимается исключительно въ конторѣ журнала „Нива“ (СПб., Невскій, 6).

Цѣна первому тому въ отдѣльной продажѣ 5 р., а съ пересылкой 5 р. 60 к.

Примѣчаніе. Лица купившія 1-й томъ отдѣльно и желающія приобрести слѣдующіе 2 тома, платятъ за все сочиненіе наравнѣ съ подписчиками, т. е. 14 р., при чемъ до выхода 2-го тома вносятъ 7 р., а 3-го тома 2 р.

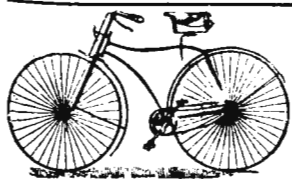
БИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египетскаго моста, домъ № 7-2. 26-13
Иллюстрированные прейсъ-курранты по требованіямъ высылаются безвозмездно.

СПБ. ЧАСТНОЕ РЕАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ П. И. БОГДАНОВА,

состоитъ подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Е. И. В. Государя Великаго Князя Сергѣя Александровича.

Основ. 1872 г. Невскій, 79, противъ Знаменія. Приемъ прошеній вновь поступающихъ націонероу и принимающихъ по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ отъ 12-3 часовъ. М. № 4608
Приемныя испытанія съ 16-го августа. Начало уроковъ 1-го сентября.

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ Франкфуртъ и/М. Р. № 4387 ФАБРИКАНТЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ „ОРЕЛЬ“.

Вскаго рода двухъ- и трехъ-колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей. Составныя части и принадлежності. Издугъ агентствъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 пфен. марками.

ПРО ЧТО ЩЕБЕГАЛА ЛАСТОЧКА. Соч. Шимпанца. Съ портретомъ и биографіею автора. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Вс. Соловьева.

Ром.-хрон. XVII вѣка, въ 3-хъ ч. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

БЕРЕЗОВАЯ ЭМУЛЬСИЯ

косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

При употребленіи березовой эмульсіи, кожа лица дѣлается бѣлою. Ц. флакона 1 р. 25 к., съ перес. 2 р., 2 флак. съ перес. 3 руб. Для предупрежденія подблѣковъ, прому требовать: подписи А. Энглундъ красными чернилами и марку Сиб. Косметической Лабораторіи. Ц. № 4477

Получать можно: въ Русск. Общ. торгов. аптек. товар., у А. Рузанава. Въ Москвѣ: у К. Феррейръ, В. Безбардидь, Р. Келлеръ и Ю. О. Гетлингъ, и во всѣхъ извѣстныхъ аптек. и парфюм. торгов. Россійской имперіи. Главн. складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, С.-Петербургская Косметическая Лабораторія А. Энглундъ. Литейна, № 38.

СЕКРЕТЬ въ 2 мѣс. безъ зубрвенія горитъ по французски. Рушат. авт. въ 12 вып. въ картахъ, вып. 60 к., съ перес. 1 р. Проф. Теофиль Вольфъ. Больш. Морскал, д. 17, кв. 18. № 4607

Съ разрѣшенія Сиб. Врачебнаго Управленія. № 4527 10-9

СВОБОДИНЪ

Средство для уничтоженія МОЗОЛЕЙ и БОРОДАВОКЪ.

Получать можно во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ маг. Россіи.

Цѣна за флаконъ 35 коп.

Съ пересылкой 2 флакона 1 руб. ГЛАВНОЕ ДѢЛО ДЛЯ РОССІИ

А. ГЕБГАРТЪ,

С.-Петербургъ, Казанская, д. № 5.

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ,

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ Д-РА ЛЕНГИЛЯ

употребляется для бѣлизны кожи, лица ирукъ. Въ виду многихъ подблѣковъ прому обратитъ вниманіе на припечатанную здѣсь охрашительную марку и на подписи единственнаго агента **Василія Аурихъ**, въ С.-Петербургѣ, Колоколь-*Василія Аурихъ* ная, 18-19.

Цѣна: флакону 1 руб. 65 коп., бензооево мыло 35 коп. 1 50 коп. кусокъ, опо помада (лучше колдъ-крема) 1 руб. Знаковка и пересылка въ Европ. Россіи 70 коп., въ Азіат. 1 р. Имѣется во всѣхъ парфюмер. и аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. В. № 4407 12-9

Употребляемая въ С.-Петербургск. Воспитательномъ Домѣ

МОЛОЧНАЯ МУКА

для вскармливанія грудныхъ дѣтей, суррогатъ материнскаго молока Шаров. фабр. **БЛИГКЕНЪ** и **РОБИНСОНЪ** въ Сиб.

Единственный агентъ для Россіи: **ВАСИЛІЙ АУРИХЪ**,

Колокольная, 18 — 19, въ С.-Петербургѣ.

Его подпись должна быть на *Василія Аурихъ* каждой жестянкѣ:

Цѣна 90 к. за жестянку безъ пересылки.

Продается въ аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи. В. № 4406 9-6

„ПРИВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ ОХОТЫ“

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

(50 №№ въ годѣ)

Будетъ выходить въ Саратовѣ съ 1-го сентября 1890 года (годъ считается съ 1-го сентября 1890 года по 1-е сентября 1891 года).

„Приволжскій Вѣстникъ Охоты“, имѣя въ общіе отдѣлы охотничьяго органа, обратитъ особенное вниманіе на развитіе литературнаго отдѣла, для доставленія читателямъ легкаго, изящнаго чтенія. Рисунки, изготовляемые специально для журнала, будутъ иллюстрировать текстъ. Журналъ отводитъ особый отдѣлъ, посвященный военнымъ охотничьимъ командамъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Цѣна за годъ съ пересылкой и доставкой — 6 руб., за 1/2 года — 4 р., за 1 мѣсяць — 1 р. Гг. офицеры, подписывающіеся на годъ, пользуются разсрочкой по 50 к. въ мѣсяць. Подписка принимается: въ г. Саратовѣ, въ конторѣ редакціи: уолю Вольскій и Анничковской улицъ. № 4605

Издатель Телепневъ. Редакторъ-издатель Тхоржевскій.

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и заграничій.

VELOUTINE

Спеціальная рисово-висмутовая пудра.

CHALES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Faix Paris.

П. № 3767 (66)

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп., но безъ пересылки.

Пров. **КИНУНЕНЪ.**

Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона,—пров. Кинуненъ. (25) № 4287

Главный складъ: С.-Петерб., Демидовъ пер., д. № 1.

ОКАРИНО

Практичный дешевый музыкальный инструмент, на котором можно выучиться играть въ нѣсколько дней.

Цѣна 75 к., 1 р., 1 р. 50 к., 2 р., 2 р. 50 к., 3 р., 6 р. и 8 р. Краткое наставленіе бѣзплатно. Подробный самоучитель 1 руб. Пересылка на счет покупателя.

Иллюстрир. прейсъ-курантъ бѣзплатно. **ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ** Главное депо № 4604 музыкальных инструментовъ и нотъ. С. Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарыина.

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО

І. ГОЛЛЕНДЕРЪ

для смягченія кожи.

Новозобрѣтенное вазелиновое мыло, пріятнаго запаха, придаетъ кожѣ желанную илжнюю мягкость. Цѣна за кусокъ 30 коп. 3 куска съ пересылк. 1 р. 50 к.

Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи.

Главный складъ: Спб., Демидовъ пер., д. № 1. (25) № 4278

НОВОСТЬ!!
НОВѢЙШІЙ
и
ЛУЧШІЙ
МЕХАНИЧЕСКІЙ
ИНСТРУМЕНТЪ
ПИАНО-
МЕЛОДИКО
 20x10x6 1/2 верстк.
 Цѣна 90 рублей.
 Ноты отдѣльно по 80 коп. за 1 (одинъ) метръ (1 метръ=1 1/2 аршинъ.).
 = Требуется подробное описание и каталогъ нотъ. =

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ

Москва, Петровка, д. Волкова, противъ Столешникова переулка. № 4482 (7)

Торговый Домъ Ж. БЛОКЪ,

Москва, С.-Петербургъ, Кузнецкій Мостъ, Б. Морская № 21.

Имѣетъ единственный Складъ для всей Россіи Велосипедовъ: Свифтъ, Виппегъ, Русскій Клубъ, Молни (New Rapid), Имперіаль и др.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ

Общедоступный Свѣтъ № 2 = 150 руб. =

Прейсъ-Куранты высылаются бѣзплатно. Поставщики велосипедовъ Русской Арміи.

ЛЕВНИНГЪ и МУЗНИНЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

Новое, большое, роскошно иллюстрированное издание in folio

ГѢТЕ „ФАУСТЪ“

объ части, переводъ А. ФЕТА, съ 25-ю эстампами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ Энгельберга Зейбертца,

исполненными знаменитыми граверами: Адрианомъ Шлейхомъ, Альгейеромъ, Зигле и друг.

Паданіе А. Ф. МАРКСА въ Спб.

Появленіе въ свѣтъ настоящаго изданія было встрѣчено русскою издающею прессою весьма лестными отзывами; такъ, между прочимъ, *Русскія Вѣдомости* (№ 346), говорятъ о книгѣ слѣдующе: „Предпріятіе г. Маркса исполненное теперь, является большою заслугою передъ цѣнителями изящныхъ изданій. Ничего подобнаго по роскоши, красотѣ и изяществу — мы не знаемъ въ нашей литературѣ. Мы не омибемъ, сказавъ, что такого изданія безсмертной поэмы Гете мы еще не видѣли... Разбираемое нами изданіе украшено массою эстамповъ Э. Зейбертца, иллюстрирующихъ главныя сцены. Знаменитый художникъ выполнилъ свою задачу бистательно, какъ въ этихъ работахъ, такъ и во множествѣ политипажей, находящихся въ текстѣ „Фауста“. Онъ не только вѣрно воспроизвелъ идеи великаго поэта, — онъ воплотилъ ихъ въ дѣйствительность тѣхъ отдаленныхъ вѣковъ... А. Ф. Марксъ напечаталъ все это съ роскошью, которою насъ не изблаovali русскіе издатели. Отдѣльныя картины (а ихъ всѣхъ много) — хоть вѣшалъ на стѣну, бумага великолѣпна, переплетъ книги тоже выдержанъ въ строгомъ вкусѣ того времени, — ни банальной позолоты, ничего, что рѣзало-бы глаза... Мы искренно поздравляемъ г. Маркса съ этимъ изданіемъ...“

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреновомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзкомъ и въ футлярѣ 40 р., перес. за 35 фунтовъ по разстоянію.

Съ требованіями просить обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“, Невскій просп., № 6, въ С.-Петербургѣ.

Только что вышло въ свѣтъ и поступило въ продажу въ КОНТОРЪ ЖУРНАЛА „НИВА“ (Спб., Невскій, 6), а тамъ же у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ:

новое изданіе А. Ф. МАРКСА:

ВСПОМОГАТЕЛЬНАЯ КНИЖКА ДЛЯ ЛѢСНИЧИХЪ и ЛѢСОВЛАДѢЛЬЦЕВЪ

Состав. Э. АРНОЛЬДЪ.

Спб., 1890 г. Цѣна въ коленкоромъ переплетѣ 75 коп., съ пересылкою 1 руб.

Настоящая книжка содержитъ въ себѣ таблицы для опредѣленія площади древесныхъ основаній и кубическаго содержанія какъ цѣлыхъ стволовъ, такъ и частей ихъ; таблицы площадей сѣченія круговъ и объемовъ цилиндра; временныя масовыя таблицы, (для сосны, ели, дуба, березы и ольхи) и вообще всѣ тѣ таблицы, которыя необходимо всегда имѣть при себѣ лѣсничему, таксатору, лѣсовладѣльцу и лѣсоторговцу — при устройствѣ лѣсовъ, оцѣнкѣ лѣсобѣкъ, изслѣдованіи полнодревесности деревъ и соответствующихъ имъ видовыхъ чиселъ. Изданная до сихъ поръ подобныя таблицы весьма неудобны по своему большому формату, вслѣдствіе чего ими не всегда можно пользоваться при работахъ, между тѣмъ какъ эта книжка издана въ форматѣ приспособленномъ для пошенія въ карманъ и можетъ быть постояннымъ спутникомъ лѣсничаго или лѣсовладѣльца.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.

Романъ изъ жизни Туркестанскаго края Н. Н. КАРАЗИНА. Изд. 2-е, дополн. 8-ю новыми оригинальн. рисун. автора. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.; въ роскошн. коленк. пер. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к. Съ требов. прос. обращ. въ Контору журнала „Нива“ (Спб., Невскій, д. 6).

Вышло изъ печати и поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новое изданіе А. Ф. МАРКСА въ Спб.:

ИИСУСЪ

(сынъ Навина).

Новѣйшее изданіе изъ библейскихъ временъ **ГЕОРГА ЭБЕРСА**. Переводъ съ нѣмецкаго. (Право перевода пріобрѣтено отъ автора).

Изданіе изданный томъ in 8° (387 страницъ), отпечатанный на лучшей веленовой бумагѣ, красивымъ убоρισнымъ шрифтомъ, съ 53-ю гравюрами въ текстѣ, исполненными по рисункамъ художника А. Земцова. Спб. 1890 г. ц. 2 руб., съ перес. 2 р. 20 к.

Требованія просить адресовать въ Спб., въ контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ

Специалистъ хронометровъ. Спбурѣ, Невскій пр., № 52 прот. Имп. Публ. Библиотеки. Оптовая и рознич. продажа. Подробный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по востребованію бѣзплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года. № 4501 20—6

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ

„ГОЛЛЕНДЕРЪ“.

Средство для уничтоженія мозолей и бородавокъ. Цѣна 35 коп. за флаконъ, за два флакона съ перес. 1 руб.

Получать можно во всѣхъ парфюмерн., аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главный складъ у І. Голлендеръ, Демидовъ пер., № 1. Въ С.-Петербургѣ. (20) № 4366

ПИШУЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствъ и много правительствъ и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылаются бѣзплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи: **ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ** Москва С.-Петербургъ Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21.

ЛѢТНЯЯ НОВОСТЬ!

Англійскіе растягивающіеся кушачи „ГРАЦІЯ“ изъ позолоченой проволоки съ массивн. позолоченнымъ замочкомъ, протканые бѣлымъ, розовымъ, голубымъ, золотымъ, синимъ, темнор-краснымъ и чернымъ шелкомъ. Кушачи прозрачныя очень прохладительны и пріятно носить для каждой дамы. Цѣна 3 руб. 50 коп. Торговцамъ дѣляется уступка. Единственный складъ для Россіи у **ОСКАРА ЛЕССЕРЪ**, Спб., Садовая, 12—18, въ 1-мъ дворѣ.

ДЛЯ УМЫВАНІЯ ЛИЦА 5-2

МОЛОГО НИМФЕЯ флаконъ 1 руб. 25 коп.

МАГАЗИНЪ **А-ЛА-РЕНОМЕ** Невскій пр., № 3. Торговц. соразмѣрн. уступка.

Вышелъ новый иллюстрированный прейсъ-курантъ на 1890 г. извѣстнаго англійскаго завода Зингеръ и № 10 Новентри. Представитель для всей Россіи Генрихъ Жемлиха въ Москвѣ, уголъ Тверской и Старога Газетнаго пр., д. Фальцъ-Фейнъ, магазинъ № 19.

ПЛУЩИХЪ **ФАБРИКЪ**

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ

ФРАНЦУЗСКІЯ отъ 100 р. **ДОР АМЕРИКАНСКІЯ** отъ 180 р. **ДОР РЕК: ВЪ БОЛЬ ВЪБОРЪ** **ФАБРИКА МУЗЫКАЛЬН.-ИНСТРУМЕНТЪ: І. Ф. МЮЛЛЕРЪ** МОСКВА, ПЕТРОВКА Д. ВОЛКОВА. Иллюстрир. Прейсъ-Курантъ ВСѢМЪ ИНСТРУМЕНТАМЪ БЕЗПЛАТНО

XXI г.
№ 27

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXI
1890

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выдавъ 7 июля 1890 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы“ 20 к., съ перес. 25 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1890 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку непарейль (1/4 шир
стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
75 к. — Загран.: для Франціи у
Agence Navas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 20 Pf

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ Петер- 5 р.
бургъ
Съ доставкою въ Петер- 6 р. 50 к.
бургъ
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италию и друг. госуд. 9 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

БЕЗЪ ВСЯКОЙ ДОПЛАТЫ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ ГЛАВНЫХЪ ПРЕМІЙ.

При семъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ІЮЛЬ 1890 г., съ 29 рисунками и отд. листъ съ 29 чертежами
выкоекъ въ натур. величину и 32 рис. рукодѣльныхъ работъ.

На удочку. Съ карт. П. Вагнера, грав. Веберъ.

Жизнь, какъ она есть.

Романъ въ пяти частяхъ. **Вас. И. Немировича-Данченко.**

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

III.

Отецъ Варавва долго сидѣлъ у дороги наединѣ со своими воспоминаніями. Стало уже вечерѣть. Закатъ обливалъ розовымъ свѣтомъ мѣловыя скалы и берегъ. Тишина мало-по-малу охватывала все кругомъ и только монастырскіе колокола порою наполняли ее своимъ молитвеннымъ звономъ. Монахъ хотѣлъ уже подняться и идти къ себѣ: „сегодня должно-быть ужь не будутъ“, думалъ онъ, какъ вдали, подъ лучами уже заходившаго солнца, показалось золотое облако. Очевидно, чей-то экипажъ поднималъ пылъ на дорогѣ. Облако это приближалось, теряя свою радужную, веселую окраску... Должно-быть отца Варавву замѣтили еще издали, потому что онъ различилъ бѣлый платокъ, которымъ ему махала оттуда чья-то рука. Онъ пошелъ навстрѣчу и услышалъ: „батюшка!“ произнесенное знакомымъ голосомъ Пашутки, уже выросшей и выровнявшейся теперь въ красавицу-дѣвушку, съ тяжелыми толстыми косами, яркими карими глазами и такимъ румянцемъ во всю щеку, который лучше этихъ глазъ и алыхъ губъ говорилъ объ ея здоровьи и силѣ.

— Ну, вотъ... ну, вотъ! радовался монахъ. — Благо-слови Боже въ часъ добрый... Я ужь думалъ завтра прѣдете. Сегодня и не ждалъ.

— Мы вчера получили телеграмму отъ Сластенова, сказала Анна Савишна, выходя изъ коляски и отряхивая запыленное платье. — Хотѣли-было завтра выѣхать, да развѣ съ Прасковьей сговоришь. Узнала, что въ монастырь, и такъ пристала, такъ пристала. Ыдемъ сейчасъ, мама, ѣдемъ сейчасъ. Ты что же, дылда этакая, подъ благословеніе не идешь? недовольно напомнила она названной дочери.

Та тотчасъ же исполнила это.

— Не знаешь, зачѣмъ это Сластеновъ звалъ насъ? лукаво спросила Анна Савишна.

— Не видались давно.—И Варавва строго нахмурилъ свои сѣдыя брови.

— Ну, изъ-за этого онъ не позоветъ. Другое что.

— Съ племянникомъ онъ... Милліонщики!

— Слава Богу и у насъ... Дѣла-то идутъ и безъ тебя, жаловаться не могу. Мельница паровая работаетъ на славу, коженни тоже въ ходу. Одно только — съ рабочими сладу нѣтъ.

Отецъ Варавва нахмурился. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ оставилъ въ монастырѣ казначейскую должность, ему противно было даже упоминаніе о деньгахъ.

— Отличны дѣла-то... Прасковья, ты бы впередъ шла...

Дѣвушка побѣжала по дорогѣ.

— Изъ-за племянника вѣрно—и дѣло-то все. Я давно вѣдь Савву Кузмича знаю, озабоченно соображала Анна Савишна.—Ну а ты не видалъ его, каковъ онъ?

— Это ужь вамъ надо судить, не наше, не монашеское дѣло — разбирать. Такъ онъ показался мнѣ изъ кисляевъ. Ужь очень блѣдный, кровинки въ лицѣ нѣтъ... И ходитъ... точно трость, вѣтромъ колеблемая... По моему, Пашуткѣ онъ не пара, а впрочемъ — никакихъ качествъ за нимъ нѣтъ. Я говорилъ съ Саввой. Смирень что теленокъ и пужливъ. Ходитъ—оглядывается. Къ новому своему положенію никакъ приобыкнуть не можетъ. Точно ему милліоны-то Сластеновскіе по ошибкѣ попали и ждетъ онъ: вотъ придетъ нѣкто и отниметъ ихъ у него...

И Варавва умѣхнулся.

— Смирень—это хорошо... Не пьеть?

— Куда ему пить!.. Какъ гусь—воду, я такъ полагаю. Коли понравится онъ Пашуткѣ — будетъ она его

державить. Ишь какая пышная стала!—И Варавва, прищуривъ свои старческіе глаза, съ удовольствіемъ любовался дѣвушкой, смѣло шедшей впереди.—Не похожа на ту, что изъ-за меня тогда пужалась все... Ахъ, грѣхи, грѣхи!.. Ну а она какъ?.. Сердце то у нея—ни къ кому?

— Чего еще, старый, выдумаешь! съ неудовольствіемъ прервала его сестра.—Въ честномъ кушеческомъ дому живетъ! Окромъ нашихъ дѣвицъ никто у нея не бываетъ. Заладилъ было подъ окномъ одинъ ходитъ съ кокардой, въ сѣрыхъ штанахъ въ клѣтку, ну я приказала Ефрему попужать его — онъ и спустил Волчка... Смѣху что было... Самъ знаешь, Волчокъ-то собачка громаднѣющая—какъ рывкнула на кокарду-то — тотъ взвился ажъ!.. Такъ отъ клѣтокъ-то ничего и не осталось. Потомъ мировой вызывалъ — да я не пошла, ну ихъ! Оштрафовали... На пятьдесятъ... За то теперь никто не ходитъ. Боятся. По другую сторону улицы идутъ — и то глазами этакъ въ бокъ: нѣтъ-ли гдѣ собачки...

— Ты что-же это бунтуешь? а?.. Вѣдь это по настоящему разбоемъ называется. Живаго человѣка-то — собаками рвать.

— Это-то?.. Нѣтъ, отецъ (съ тѣхъ поръ какъ братья ея принялъ иночество, она его иначе не называла), нѣтъ, это, отецъ, не разбой. А вотъ разбой: растишь, растишь дѣвочку, а онъ ужь носомъ деньги-то почуялъ и давай оболокать да улещать ее. Вотъ это точно разбой. Другой еще гитару возьметъ. По нашимъ-то мѣстамъ и такіе завелись.

— А если хорошій человѣкъ?.. Какъ его узнаешь — какой онъ! Другой и съ гитарой — а сердце въ немъ доброе.

— Ну нѣтъ. У кого денегъ нѣтъ, кто бѣдный ежели — за тѣмъ смотри! У того, опять, добраго на умѣ и быть не можетъ.

— Анна! строго прервалъ онъ ее.—А сама то ты забыла—какъ я тебя замужъ голуую да голодную выдалъ? Съ деньгами ты была?

— По твоей святости тебѣ этого не понять, а только хорошіе люди коли они безъ денегъ—за дѣвушками-то не ходятъ.

— Ахъ, гибель, гибель ваша мірская!.. Видно при всякихъ деньгахъ—жадные бѣсы приставлены. Съ себя снялъ—а они уже надъ тобою властвуютъ. Не избѣгнешь ихъ. Только въ обители и спасеніе!..

— Пашутка-то, не обращала вниманія на его разсужденія Анна Савишна.—Пашутка-то теперь на кавалеровъ—ноль вниманія. Уже свои грѣхи есть... Завелись! Что дѣлать! у кого ихъ нѣтъ?

— Какіе еще? умѣхнулся старикъ, слѣдуя неотступно ласковымъ взглядомъ за Пашуткой.

— Первое дѣло: музыканить. Страсть! отъ фортопьянъ, не оторвешь. Съ утра звонить. Лба себѣ не перекрестить оглашенная—а ужь сейчасъ давай играть. Я ее ужь вчера за косу оттащила. Помолись, говорю, сперва, дурища. Ну, а второе — книга. Эта самая бібліотека у насъ завелась, какже, въ городѣ. Николи не бывали, а теперь есть. И лежатъ, отецъ, въ бібліотекѣ эти книжки. Сама видѣла. Горы книжекъ-то. Ну Пашутка-то на нихъ, какъ голодная кошка на почонку, такъ и накинудась. Обидѣла я ее на-дняхъ-то... Очень обидѣла. Зло меня взяло. Сидитъ съ книжкой и ничего не видитъ, что кругомъ. Страница пришла, объ Іерусалимѣ-градѣ рассказываетъ — а она носъ-то уткнула, точно больная индюшка, и читаетъ. Вырвала я эту книгу—и по лбу ее. Два дня со мной не говорила ни слова. Я ужь къ ней такъ и сякъ—молчитъ. Потомъ нѣла вся... А потомъ—одолжила меня: „что съ васъ, го-

ворить, тетенька, ишь—понимай сколь обидѣлась—тетенькой опять назвала, что съ васъ и требовать, сами вы во тѣмъ выросли, и ежели что впередъ, такъ я уйду отъ васъ—вотъ и все...“

— Куда?.. встревожился отецъ Варавва.

— А это ужъ ты у нея увспроси... Куда?.. Ну, да не уйдетъ. Некуда ей уйти отъ денегъ отъ нашихъ. Это бѣднымъ ежели, ну тѣмъ уходить хорошо... А богатому не уйти! съ глубокимъ убѣжденіемъ проговорила Анна Савишна.—А вотъ и Савва Кузмичъ... Онъ!.. Побѣлѣлъ... Бороду-то у него точно инеемъ... А съ нимъ-то... это и есть племянникъ?..

— Да, да...

— Точно, что кисляй...

— Анна Савишна, Парасковья Яковлевна!.. Ну, ужъ я по-стариковски, прямо въ щечки.

— А то какъ еще?.. смѣялась Анна Савишна.— Пашка, ты чего еще стыдиться вздумала?.. Скажите на милость!

— Племянникъ мой, Василій Герасимовичъ. Нашей Сластеновской породы. Вотъ только еще не подкормился. А подкормится, такой же будетъ. Всѣ мы въ одну масть... шутилъ Савва.

Василій Герасимовичъ смутился. Пашутка смотрѣла на него во всѣ глаза и видимо даже едва удерживалась отъ того, чтобы ей самой не расхохотаться; до такой степени казался ей смѣшнымъ этотъ молодой богачъ, котораго надо было подкармливать, чтобы сдѣлать его достойнымъ фамиліи, которую онъ носилъ. Она шла съ нимъ первое время молча, а потомъ вдругъ спросила:

— Вы въ Москвѣ живете?..

— Да... А до Москвы—въ Петербургѣ...

„Вонъ какой. Изъ *питерскихъ*“, мелькнуло у нея въ головѣ. „Ну, съ нимъ, значитъ, надо быть насто-рожа. Питерскіе, не гляди что хлипкіе—всѣ насмѣшники“.

— Весело у васъ въ Петербургѣ? ужъ нѣсколько пониженнымъ тономъ спросила она.

— Кому какъ... Мнѣ не всегда весело было. Я до полученія наслѣдства очень нуждался. Какъ крыса былъ бѣденъ.

— Какъ крыса?.. А развѣ есть крысы богатые и бѣдныя? прыснула она и вдругъ сдержалась.—А почему же вы бѣдны были?

— Мой отецъ разорился вѣдь и намъ ничего не оставилъ съ матушкой... Такъ что я долженъ былъ университетъ бросить.

— А вы и въ университетѣ были? удивилась Пашутка и повнимательнѣе взглянула на Сластенова.—Въ нашемъ городу купечество есть, и богатое, а чтобы кто въ университетѣ бывалъ—нѣтъ, не слышно. У насъ такъ все въ реальную гимназію. Поучатся до шестаго класса—и за дѣло.—Она помолчала, покраснѣла, хотѣла сказать что-то и сдержалась.—А теперь вы богаты?

— Да! Отъ дяди Арсенія Николаевича... При жизни-то онъ мнѣ ни разу не помогъ. А какъ нужно было!

— Перваго такого вижу! вдругъ вырвалось у нея.— У насъ, знаете, никто не признается, что бѣденъ былъ. У насъ это считается стыдно... Мы сами бѣдныя были прежде... Только маменька никому не сознается объ этомъ.

— Чего-жъ тутъ стыдиться? Честная нищета во всякомъ случаѣ выше неправдой нажитаго богатства, выпалили онъ вдругъ фразою, прочитанною когда-то въ Нешумовскомъ фельетонѣ.—И ужъ если разбирать, такъ большія состоянія (какъ это говорилъ Наплаксинъ?.. припоминалъ онъ), большія состоянія представляютъ собою продуктъ общественной безнравственности.

Пашутка даже вздрогнула. Ей стало страшно. „Тихоней смотреть“, пронеслось у ней въ головѣ, „а какія слова знаетъ!“ Она даже въ своихъ книгахъ этого не

читала. „Вотъ онъ какой... Его и подкармливать-то не надо...“ соображала она.

— Да вѣдь у васъ теперь, мнѣ сказывали, тоже большіе капиталы; какъ же вы это такъ говорите?

— Большіе, точно. Поэтому я и долженъ употребить ихъ на пользу общую. Капиталы это—обязательства. Я только ихъ хранитель и распредѣлитель.

— Не понимаю! откровенно призналась Пашутка.— То-есть, какъ-же вы?—своему капиталу значить не хозяинъ?

— Нѣтъ, хозяйинъ, но я не имѣю права распоряжаться имъ какъ хочу. Я долженъ расходовать его на добрыя дѣла.

— Ну, на это не много надо. Мы тоже по суббота-тамъ пищихъ по пятаку одѣляемъ... А кому и по гривеннику.

— Вы меня не поняли. Вотъ, напримѣръ, у насъ устраивается такая компанія—мы будемъ издавать честную газету.

— Какъ это честную? Развѣ есть...

— То-есть хорошую газету... Потомъ книжки.

— Будете книжки выпускать—мнѣ пришлите. Я страсть читать люблю. Мама и то бранится.

— Этого мало, вдохновлялся Сластеновъ.—Надо отечеству послужить и въ болѣе широкомъ масштабѣ. Такъ, напримѣръ, соединить Каспійское и Черное моря.

— Чего-съ?..

Пашуткѣ вдругъ стало страшно. Она даже оглянулась, на всякій случай, идутъ-ли за ними.

— Соединить, говорю, моря... Это знаете... это... Кто этому послужить, имя того будетъ навѣки вписано на земномъ глобусѣ... „Такъ кажется Боголюбовъ Боголюбовичъ выражался?“ задумался онъ.

„Господи...“ взмолилась мысленно Пашутка, „ничего-то я, дура, не понимаю, какъ настоящіе говорятъ“.

— Это зачѣмъ моря?.. отчего же ихъ не оставить? Моря-то вѣдь Богъ создалъ. Что-жъ ихъ трогать-то?

— Для облегченія торговли. Грузы съ Каспійскаго моря будутъ идти прямо въ Черное и обратно.

— А!.. значить это опять-таки для капиталу-же! успокоилась Пашутка.

— Одно для капиталу, а другое для добраго дѣла.

— У насъ въ городу есть купецъ Евстигнѣевъ, такъ онъ открылъ пріютъ для престарѣлыхъ мѣщанъ, ну, ему за это медаль повѣсили. Большую золотую медаль на красной лентѣ. Такъ онъ съ этой медалью и ходитъ. А если, сказываютъ, церковь онъ построить, такъ ему крестъ выйдеть... У насъ тоже жертвуютъ, ежели кто получить что желаетъ. Какъ-же...

— Ну, голуби! крикнулъ имъ Савва Кузмичъ.—Познакомились? Теперь ты, Василій Герасимовичъ, скинь-ко шапку да пониже поклонись. Дамамъ съ дороги отдохнуть, а чай пить мы къ нимъ опять. Если позовете...

— Приходите, смѣялась Анна Савишна.—У меня съ собой куманичное варенье, да айвовое желе есть. Угощу. Еще я изъ городу кренделей привезла. Здѣсь не достанешь!.. Отецъ, ты съ нами? обратилась она къ Вараввѣ.

И они поднялись въ отведенный имъ номеръ.

— Ну, говорила съ питерскимъ-то?.. Какъ онъ тебѣ?.. не выдержала Анна Савишна.—Понравился?

— Страсть умный какой... Такой умный—я половину не поняла. Про Каспійское море какъ онъ это говорилъ—страшно мнѣ стало даже. Думаю—какая я дура большая выросла... Экой жидкій какой изъ себя, а поди-ко, сколько въ немъ... Про капиталъ онъ тоже хорошо рассуждаетъ...

— Вотъ что, Василій Герасимовичъ, заговорилъ Савва Кузмичъ, когда они остались одни,—надо мнѣ съ тобой теперь побалакать по настоящему. Тебѣ вѣдь двадцать четвертый пошелъ, а? Аль ошибаюсь? Кажись такъ?..

— Нѣтъ, двадцать третій.

Литературный альбомъ. „Князь Серебряный“ гр. А. К. Толстаго. Поединокъ боярина Морозова съ княземъ Вяземскимъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) К. Лебедева. грав. Шюблеръ.

— Ну, вотъ. Пора бы тебя поженить. Чего тебѣ, въ самомъ дѣлѣ, зря болтаться. Капиталы у тебя есть, домъ въ Москвѣ—всѣмъ домамъ домъ. Чаша полная, одного не хватаетъ—хозяйки. А безъ хозяйки, будемъ говорить правду, все-то у тебя Плюсы съ Галопами растащутъ. Потому, вижу я, ужь очень ты простъ. Только развѣ лѣнивый не сорветъ съ тебя. Ты думаешь: мильонъ большое дѣло; а я тебѣ скажу: ста тысячъ труднѣе лишиться, чѣмъ мильона, потому при мильонѣ-то и счетъ большой, особый, не то что при тысячахъ, да и жадность людская такъ на мильонъ разинута, что нужно много ума въ головѣ имѣть, иначе и не оглянешься, какъ они тебя и съ мильономъ твоимъ слопаютъ. Понимаешь ты меня?

— Вы это, дядя, къ чему ведете?

— Какъ тебѣ Парасковья Яковлевна—нравится?

— Ничего... Крупна ужь очень. Я такихъ еще и не видывалъ. У насъ, въ Петербургѣ, дѣвицы-то больше въ голову ушли — все попусту мозгами шевелить. Этакого румянца по всему городу не найдешь. А руку-то мнѣ пожалала—до сихъ поръ болитъ... Мнѣ она нравится.

— Ну вотъ. Настоящая тебѣ невѣста. Человѣкъ вѣрный, не балованный. Денегъ у нея не столько, сколько у тебя, а все же не безприданница.

— Вы ужь и женили насъ! усмѣхнулся Василій Герасимовичъ.—Да она за меня, мозгляка, и не пойдетъ. Чтò я за находка для нея?

— Ну, тамъ будетъ видно! загадочно проговорилъ Савва Кузмичъ и оставилъ племянника въ покоѣ.

Вечеръ удался удивительный. Мѣсяцъ выглянулъ за тополями и такимъ серебрянымъ свѣтомъ обильно окрестности, какого до сихъ поръ Сластеновъ еще и не видывалъ. Серебряныя скалы, серебряные берега, серебряныя стѣны монастыря и серебряныя колокольни—уносили въ какое-то волшебное царство. Ничто кругомъ не было похоже на будничную дѣйствительность. Вѣтеръ заснулъ совсѣмъ—и весенніе ручьи со звонкимъ рокотомъ своимъ, да соловьи, одни наполняли таинственное безмолвіе этого чуднаго края. Колокола обители спали въ потемкахъ. Огни гасли въ кельяхъ иноковъ, откуда-то доносилась тихая-тихая, робкая, словно крадущаяся нѣсня. Должно-быть молодой послушникъ вспомнилъ далекую деревушку, навсегда брошенную, и пѣлъ такъ, чтобы себя только слышать. Звуки, точно слезы, падали на измученную грудь.

— Хорошо поетъ! замѣтилъ Савва Кузмичъ.—Должно быть изъ Курскихъ... Курскіе по деревнямъ поютъ—за сердце хватаетъ.

Но точно испуганный донесшимся до него говоромъ, пѣвецъ замолкъ—и только одинъ соловей теперь, невидимый, гремѣлъ въ заколдованномъ царствѣ весенней ночи.

— А что, Анна Савишна, если мы пойдемъ къ рѣкѣ? предложилъ дядя-Сластеновъ.—И молодежь бы погуляла...

Та его поняла и поднялась.

— Мы-то сядемъ гдѣ-нибудь—а они пуцай, ихъ дѣло иное. Нашей немощи нѣтъ у нихъ. Покоя имъ не надо!

— Коли не скучно вамъ будетъ со мной—пойдемте, а? робко предложила Пашутка, все еще терявшаяся при Васильѣ Герасимовичѣ.

— Почему же скучно? изумился тотъ.—Развѣ съ вами можетъ быть скучно?

— Со мной-то?..

Пользуясь тѣмъ, что они вошли въ рошу и тѣни деревьевъ спрятали ее отъ луннаго свѣта, она насмѣшливо улыбнулась.—Со мной-то, душой! Съ кѣмъ и скучать, какъ не со мной? Вы-то вонъ какой умный... а я чтò!.. Догадались бы руку дать — тутъ споткнешься. И корни-то переплелись внизу, точно змѣи. Идешь—будто тебя руками кто хватаетъ за ногу.

Онъ подаль ей руку, но не ему пришлось поддерживать ее; напротивъ, не сдѣлавъ еще двухъ шаговъ, онъ растянулся, споткнувшись объ одинъ узловатый корень. Она расхохоталась, но тотчасъ же сдѣлалась серьезна. Понизу бѣжали свѣтлые блики луннаго свѣта, казалось они догоняли молодыхъ людей, заскакивая впередъ, падали на нихъ сверху, по корявымъ старымъ стволамъ скользили внизъ. Василій Герасимовичъ то видѣлъ задумчивое лицо почему-то разомъ притихшей дѣвушки, то оно уходило отъ него въ тѣнь, чтобы тотчасъ же появиться снова. Чѣмъ дальше, тѣмъ соловьи пѣли все громче и задорнѣе... Одинъ зарокоталъ надъ самыми головами ихъ, когда они проходили подъ деревомъ, въ чащѣ котораго онъ сидѣлъ. Пашутка остановилась разомъ и заслушалась.

— Вы соловьевъ любите? тихо спросила она, и сама сейчасъ же отвѣтила:—Соловья нельзя не любить, потому что соловей самъ всѣхъ любитъ. Ишь какъ дѣлается!.. Ну еще, еще голубчикъ, милый! У насъ въ клѣткѣ былъ соловей—жалко мнѣ его было, я его и выпустила. Грѣхъ птиць-то въ клѣткахъ держать.

— А на волѣ его коршунъ...

— Пусть. Все-таки на волѣ... На волѣ-то помирать легче, чѣмъ въ затворахъ жить, а?.. Василій Герасимовичъ, скажите мнѣ по правдѣ, по истинѣ... смѣшная я вамъ, а?..

— Какъ смѣшная?

— Такъ... Вы вѣдь питерскій, вы про себя думаете поди, вотъ дура-то уѣздная, неотесанная... А? Думаете вѣдь, голубчикъ?.. Скажите мнѣ.

— Да какъ же можно!.. Да я, Прасковья Яковлевна, самъ былъ бы дуракъ... Такихъ какъ вы, до сихъ поръ я и не...

Но ему не удалось отвѣтить. Точно стрѣла вырвалась она у него изъ-подъ руки, бросилась въ чашу и крикнула „лови“! Потомъ донеслось ея „ау!“, и Василій Герасимовичъ смѣясь бросился за нею, наткнулся на какое-то дерево, споткнулся о камень, поднялся, чтобы тотчасъ же въ оврагъ слетѣть, хорошо что было не глубоко. Тутъ меланхолически булькала вълючь, точно жаловался на что-то... „Ау!“ слышалось впереди.

— Василій Герасимовичъ, гдѣ вы... ау! ау!..

Онъ словно ополоумѣвшій выбѣжалъ и передъ нимъ была уже рѣка въ мѣловыхъ берегахъ. Тѣни на нихъ отъ деревьевъ ложились длинныя, черныя, рѣзкія... Каждый камень обрисовывался ярко. Пашутка стояла у самой воды, и отъ нея также рѣзко, черно и длинно ложились тѣни на бѣлыя отмели. Она точно преобразилась вся. Ни улыбки на лицѣ. Напротивъ, даже поблѣднѣла. Строго смотрѣли ея глаза. Она прислушивалась къ чему-то...

— Василій Герасимовичъ, вы понимаете, чтò рѣка говоритъ?.. Каждая струйка съ камешками... Ишь, точно прощается... Далеко-далеко уйдетъ она отсюда и слѣда отъ нея не будетъ. Новыя струйки набѣгутъ—и они тоже... Всѣ къ морю синему. Теперь и надъ моремъ мѣсяцъ этотъ... Соловьевъ только нѣтъ нашихъ тамъ и лѣсу нѣтъ... за-то просторъ... свѣжесть... прохлада... И все оно подъ луной блесгитъ, теперь, и волнуется... А море куда уходитъ, Василій Герасимовичъ? Все вѣдь идетъ куда-нибудь?.. Безъ остатку... Было—нѣтъ. Куда же море-то?—Она молча задумалась.—Хорошо говорить рѣка... хорошо. А берега-то тихіе какіе... пустынные... Вы никогда не плачете, а?.. Мнѣ въ такія ночи... такъ бы и разревѣлась, да стыдно...

Слезы стояли въ ея глазахъ.

И она тихо пошла впередъ. Онъ уже не нарушалъ ея молчанія. Скоро она сѣла у берега на большой известковый камень.

— А это вы хорошо задумали, поясняла она дальше свою мысль.—Стараться къ тому, чтобы всѣмъ жить хорошо было. Это вы очень хорошо, Василій Герасимовичъ.

Мы вѣдь здѣсь, какъ во тѣмѣ—ничего не знаемъ, что у людей дѣлается. У насъ все по заведенному, какъ завелось, такъ идетъ и хоть-те что... Вотъ теперь мы Божьему міру радуемся... Ночь эта, соловьи... Рѣка вотъ... Слушаемъ ихъ, такъ бы кажется крылья раскинула, кабы были, да за этой водой и улетѣла. А кто бѣдный—понимать это не можетъ. Онъ за день-то натомится, ему бы спать. Вы меня простите, Василій Герасимовичъ, я и говорю-то Богъ знаетъ что. Въ головѣ у меня понятно все, а рассказать не умѣю. Вы вонъ давеча про газету... Это что-жь, вы сами ее писать будете?

— Нѣтъ... Я дамъ средства. А редакция у меня и сотрудники найдутся! У меня старые друзья есть.

— И это хорошо. Чтобъ, значить, доброе писали и рассказывали, какъ надо жить по-хорошему, по-настоющему. Оттого вы, Василій Герасимовичъ, и худой такой, что все думаете. Кто думаетъ мало—тотъ здоровъ, а кто много... Только это хорошо... У насъ нѣтъ такихъ...

Она поднялась и пошла вдоль рѣки.

— Наше женское дѣло — охъ скучное! вырвалось у нея.

— Почему?

— Какъ же! У васъ вонъ какія мысли, и вы можете дѣлать что хотите... Задумали и сдѣлали... А мы-то... сиди вотъ, да брянчи на фортепьяно, либо книжку читай.

— Отчего же? Это у васъ въ вашемъ маленькомъ городѣ, а въ Петербургѣ и Москвѣ теперь пропасть дѣвушекъ и женщинъ которыя работаютъ. Вотъ пріѣзжайте къ намъ, увидите сами. Пріѣзжайте въ самомъ дѣлѣ.

И голосъ у него дрогнулъ.

— Я бы поѣхала, да какъ?.. Коли бы Савва Кузмичъ женатый былъ—тогда бы къ нему. Погостить.

— Вы богатая дѣвушка и разсуждаете еще. Сѣли да поѣхали.

— Вонъ вы какъ!.. А матушка-то?.. Она мнѣ тетенька собственно, но замѣсто матушки... Такъ я ее и зову... Нешто ей легко будетъ? Зачѣмъ же я съ нею буду не по хорошему!

— Пускай и она.

— Ей нельзя, у нея дѣла есть... большія дѣла у ней. Ей никакъ отлучиться невозможно. Помилуйте, какіе убытки будутъ! Еще пока батюшка въ мірѣ былъ—ну такъ; а теперь на кого она довѣриться-то можетъ. Свой глазъ нуженъ.—И она разомъ перешла въ дѣловой тонъ. Наживная жилка забила. — У насъ съ одной паровой мельницей—возни-то! Недавно поставили. Опять-же скупка хлѣба въ конторѣ...

— Маленькій убытокъ васъ не разоритъ.

— Нѣтъ—убытки, это зачѣмъ же! Это ужъ всегда: какъ пойдетъ убытокъ, такъ его не удержишь... Мы это знаемъ. Зачѣмъ-же... Ловите, Василій Герасимовичъ!

И звонко расхохотавшись, она бросилась впередъ по бѣлому берегу, вся обрисовываясь на немъ своею сильною и красивою фигурой.

Сластеновъ побѣжалъ—она было приостановилась, но когда молодой человѣкъ хотѣлъ ее поймать, она, вся раскрасѣвшаяся, умкнула въ сторону и онъ попалъ въ воду. У берега было мелко, онъ только промочилъ сапоги.

— Вотъ, недовольно брюжжалъ онъ,—завтра изъ-за васъ у меня будетъ кашель и насморкъ.

— Скажите!.. Отъ этого, да кашель? Сейчас все высохнетъ... Чтой-то вы странный какой? Точно и не молодой. Слово дяденька, Савва Кузмичъ. Все бы вамъ о важномъ... Это отъ мыслей. Пріѣхали бы вы къ намъ, въ городъ, посмотрите какъ поздоровѣли бы!

— А вы бы хотѣли, Парасковья Яковлевна, чтобы я пріѣхалъ?

— Отчего-жь. У насъ такихъ нѣтъ. Съ вами хорошо, просто отвѣтила она.

— А можетъ быть я и въ самомъ дѣлѣ пріѣду. Только боюсь.

— Чего это еще?

— Вѣдь вы вонъ какая. Съ вами страшно.

— Со мной-то! Тоже страхи напли; что вы, что вы, Василій Герасимовичъ! Съ нами, съ дурами-то... Это вы такъ по своему, по столичному. Вотъ съ вами точно что... съ непривычки, не знаешь какъ—и все боишься. Меня-то и привезли сюда не сирота, вырвалось у дѣвушки.

— Какъ не сирота?..

— Такъ... Смотрѣть васъ... А вамъ показать меня!—И она расхохоталась.—Мама-то всю дорогу—приченись, говорить, по модному, что ты все въ косахъ ходишь. Въ косахъ ему не понравилась... А мнѣ что?.. Я обмазывать-то не желаю. Хожу какъ хочу.

— Косы къ вамъ, напротивъ, идутъ.

— Еще-жь бы! такія-то!—И она, схвативъ одну изъ косъ, крѣпко ударила ею по плечамъ Василя Герасимовича.—Потомъ, говорить, чтобы я съ вами поменьше балакала—вы осудите. А я такъ думаю, что притворяться грѣхъ. Какая есть, такая и будь. А вамъ дядя, Савва Кузмичъ, ничего не говорилъ... про это самое?

— Говорилъ, улыбнулся Сластеновъ.—„Вотъ увидишь такую красавицу, какихъ ни въ Питерѣ, ни въ Москвѣ и съ огнемъ не сыскать“.

— Ну ужъ... уroda показали. Поди у васъ въ Питерѣ въ каждомъ окнѣ есть лучше?

— Такихъ какъ вы — нигдѣ нѣтъ. Васъ, если бы художники увидѣли, да они съ ума сошли бы. Сейчас бы васъ рисовать стали.

— Что вы, что вы! Съ живаго человѣка-то—рисовать?.. Я не такая, обидѣлась она.—А еще что вамъ говорилъ дядя?

— А еще... и Сластеновъ сконфузился.—А еще говорилъ, что онъ очень бы хотѣлъ... чтобы мы... то-есть я... и вы... То-есть знаете... какъ это...

Но она вдругъ опрометью кинулась отъ него прочь, со звонкимъ смѣхомъ перепрыгивая черезъ камни и узенькія полоски воды оставшейся у берега. А ночь молчала, задумчивая и прекрасная, мѣсяцъ застоялся посреди неба, окутывая всю ее своимъ серебристымъ вѣнчалнымъ флеромъ. Въ словно заколдованную тишину уже отошедшіе далеко, вмѣстѣ съ рощами и садами, соловьи кидали свои звонкія поэтическія трели и нѣжно-нѣжно, ластясь къ берегамъ, журчали струи быстро бѣгущей рѣки.

IV.

Утро смотрѣло въ окна небольшой кельи, занятой въ монастырской гостиницѣ Анной Савишной съ Пашуткою. Дѣвушка только что встала съ постели и, жмурясь отъ солнца, любовалась на цѣлое море свѣжей роскошной зелени, разстилавшейся до самой рѣки и перекидывавшейся за рѣку на холмы, ограничивавшіе горизонтъ. Небо было чистое, ясное. Ни одного облачка на немъ; по вершинамъ лѣса часто пробѣгалъ легкій вѣтерокъ и весенняя нѣжная листва струилась какъ вода. Когда окна отворили, вмѣстѣ съ благоуханнымъ дыханіемъ только-что распустившейся чащи, въ комнату ворвалось пѣніе птицъ, стрекотъ кузнечиковъ, отдаленный медлительный звонъ колокола деревенской церкви, совсѣмъ затерявшейся въ этихъ лѣсахъ.

— Хорошо здѣсь, мама... какъ хорошо! У насъ въ городѣ-то куда хуже. А?.. правда, хуже? И садъ у насъ не такой.

— Что ужъ объ городѣ-то болтать пустое. Въ городу грѣхъ, а здѣсь...

И она задумалась, очевидно о чемъ-то постороннемъ.

— Я не о томъ. Ты посмотри на лѣсъ этотъ. Кажется—бросишься и утонешь въ немъ. Ты что хмуришься, а?..

— Хмурюсь?.. Нѣтъ... Думаю такъ... Вчера-то устала ты—говорить съ тобою было некогда... Ну, что, какъ у васъ?

— У кого, у насъ? притворилась лукавая дѣвушка непонимающей.

— У васъ... Ну, съ Слассеновымъ съ этимъ? На ладъ что-ли идетъ?..

— Что на ладъ?

— Эко какая ты! укоризненно покачала та головою.— Отъ меня и то хоронишься. Вѣдь все равно что мать тебѣ? Нешто позволили бы мы тебѣ гулять по ночамъ съ постороннимъ кавалеромъ ежели бы... Ну, какъ онъ тебѣ? Побольше его разсмотрѣла?

— Умный! задумалась дѣвушка.—И все говорить непонятное. Уставится внизъ и говорить... А бѣгать не умѣетъ. Я побѣжала... а онъ шабашъ—споткнулся... Теперь поди у него синяки на лбу. А то пожалуй и шинка вскочила.

— Еще бы имъ бѣгать-то—у нихъ въ столицахъ и мѣстовъ такихъ нѣтъ. А вотъ что, любовь онъ тебѣ?

Дѣвушка покраснѣла, отвернулась къ комоду и давай рыться въ немъ. Анна Савишна показала видъ, что не замѣчаетъ ея смущенія.

— Любовь онъ тебѣ, что-ли?.. Потому что ежели любовь, такъ мы на зиму на эту поѣдемъ въ Москву... Такъ и Савва Кузмичъ рѣшилъ. У него въ дому останемся. И тятенька-то благословилъ на это на самое!.. Ну, чего-жъ ты—точно воды въ ротъ набрала?

— Что-жъ мнѣ-то?.. По мнѣ пожалуй поѣдемъ въ Москву. Я Москвы-то еще не видывала.

И дѣвушка еще пуще раскраснѣлась.

— Ну, то-то. А еще прятаться вздумала. Лукавка несурзная!

Черезъ нѣсколько минутъ Прасковья Яковлевна оставила тетку одну. Она не усидѣла бы дома въ это свѣжее, ясное весеннее утро. Живо она вбѣжала въ лѣсную чащу и замечталась въ ея тѣни и прохладѣ, слѣдя за золотыми зайчиками солнечныхъ лучей на травѣ и на толстыхъ стволахъ старыхъ деревьевъ. Савва Кузмичъ будто зналъ, что она будетъ здѣсь. Онъ привелъ Василія Герасимовича сюда и попросилъ его обождать,

пока самъ сходить къ отцу Антонину въ его схимническую пустынь.

— Здравствуйте! окликнула молодого человѣка дѣвушка.

Тотъ неловко подошелъ къ ней.

— Что у васъ голова?.. не болитъ со вчерашняго?.. Я такъ думала, шинка будетъ у васъ... Экій вы какой, право! недовольно проговорила она.—Чего-жъ вы не здороваетесь?

Онъ подаль ей руку.

— А мы на зиму въ Москву.

— Ну!? радостно переспросилъ Василій Герасимовичъ.

— Мама сейчасъ говорила. Савва Кузмичъ ей съвѣтуетъ.

— Дядя?..

Слассеновъ немного покраснѣлъ и смутился. Замѣтивъ это, и сама конфузившаяся, дѣвушка оправилась и набралась силы. Ей даже стало жалко миллионера, робѣвшаго передъ ней.

— Видѣться будемъ часто.. Вы у дяди-то бываете поди каждый день?

— Нѣтъ, пока не бывалъ столько, а теперь...

— Что теперь? притворилась она ничего не понимающей.

— Теперь буду... По крайности васъ увидишь... опустил онъ голову.

— Вы смотрите... Вы каждый день къ намъ въ Москвѣ ходите.

— Очень вамъ нужно. Со мной скучать станете. Потому сами меня прогоните. Скажете—стужай вонъ, надобѣль. И чего шляется!..

— Я не такая... Я привязчивая.—И она задумалась.—Я вѣдь тоже сначала въ бѣдности да скудности росла. Тятенька-то не сразу баловалъ, тихо начала она.—Какъ и вы тоже... не знала что лакомый кусокъ значить. Коли-бы не тятенька... Онъ насъ съ мамой спасъ. А то бы пропадомъ пропадать намъ привелось. Мало-ли такихъ-то... Только что мнѣ меньше чѣмъ вамъ пришлось маяться. А посмотрите-ка какъ вы оправитесь въ хорошей жизни. И потому я смирныхъ люблю, потому я-то вѣдь трусливая тоже.

(Продолженіе будетъ.)

Старинный вальсъ.

(Изъ разсказовъ стараго маіора).

(Продолженіе)

Я отпущенъ былъ на вакаціи къ отцу, и въ самый день приѣзда, узнавъ что князь въ Спасскомъ, верхомъ поскакалъ туда.

Въ первую минуту встрѣчи, мы все другъ друга не узнали. Князь замѣтно постарѣлъ, изъ красиваго еще и статнаго брэнета сдѣлался совсѣмъ сѣдымъ старикомъ.

Дима былъ удивительно красивъ и строенъ, въ своемъ камерьянскомъ мундирѣ, а въ худенькой, высокенькой барышнѣ, тщательно заткнутой въ корсетъ и отвѣсившей мнѣ церемонный реверансъ, я никогда не узналъ-бы миниатюрную Нелли, капризно засыпавшую на моихъ рукахъ, во время своей болѣзни.

Она, впрочемъ, первая стряхнула съ себя овладѣвшую всеми нами неловкость, и съ крикомъ: „Вахлакъ Семенычъ, это ты?..“ стремительно бросилась ко мнѣ на шею.

Ни снисходительныя замѣчанія улыбавагося князя, ни строгія восклицанія скандализованной англичанки, жемаино пожимающей своими сухими плечами и ожесточенно зывавшей: „Schoking, miss Nelly!.. Schoking!..“ ничто не могло удержать порыва неподдѣльной радости, овладѣваго сначала юномъ маленькимъ другомъ, а затѣмъ и мною самимъ.

Мы обнимались, плакали, и вновь обнимались безъ конца, безъ счета...

Отецъ мой, выѣхавшій изъ дома тотчасъ послѣ меня, и подосидѣвшій къ этой сценѣ, улыбался и съ притворнымъ гнѣвомъ останавливалъ меня, приговаривая

— А ты бы къ ручкѣ!.. Вотъ ужъ подлинно Вахлакъ Семеновичъ!

Курагины на этотъ разъ прогостили въ Спасскомъ около мѣсяца, и я ежедневно бывалъ съ ними.

То мы катились кавалькадой верхомъ, то вмѣстѣ ѣздили на сѣнокосъ, то подъ веселый шумъ тѣшняго дождичка весело болтали, важно расхаживая по громадной залѣ или уютно

усѣвшись все трое въ рядъ, на длинной отоманкѣ, тянувшейся вдоль всего кабинета князя.

Хорошее это было время! Куда какое хорошее!.. И теперь, на старости лѣтъ, какъ вспомнишь объ немъ, такъ что-то встрепенется, воскреснетъ въ душѣ, и словно весь помолодеешь!..

Дима станеть бывало разсказывать свои корнушенія шалости, воспитателей своихъ передразнивать, а тамъ вдругъ размечтается о томъ, какъ онъ въ кавалергарды выйдетъ, какъ на придворныхъ балахъ отличиться станеть.

Нелли тоже, какъ болыная барышня, описывала мнѣ все туалеты въ какихъ она танцовала въ теченіе послѣдняго зимаго „сезона“, про „кавалеровъ“ своихъ мнѣ разсказывала, и въ заключеніе всегда, бывало, скажетъ: „Только все они въ душѣ пустыи, и навѣрное не добры! Ты, Вахлакъ Семеновичъ, добрѣе и лучше всехъ... Кромѣ!..“

И за этотъ кромѣ слѣдовала длинная пауза во время которой большіе синенькіе глазки опускались, смуглыя щеки покрывались румянцемъ, а затѣмъ начинался длинный безконечный разговоръ о любимомъ товарищѣ и пріятелѣ Димѣ, графѣ Нерадовскомъ, вмѣстѣ съ Курагиннымъ перешедшемъ въ старшій классъ и пожалованномъ въ камерьянши.

— И какой онъ красавецъ, въ этомъ своемъ мундирѣ!.. Ежели-бы ты видѣлъ его, Вахлачѣкъ, ты бы самъ въ него неперемѣнно влюбился!.. заканчивала рѣчь свою воодушевившаяся дѣвочка, складывая на груди свои крохотныя ручки.

— А что?.. Развѣ кто нибудь ужъ влюбленъ?.. съ улыбкой спрашивала я, въ отвѣтъ на ея слова, за что получалъ легенькій ударъ по лбу или по головѣ, съ шутливымъ, нараспѣвъ сказаннымъ. „Вахлакъ—дуракъ!..“

Да, счастливое это было время, счастливые годы!.. Дважды на вѣку такихъ не переживается!..

За этотъ пребываніемъ княжескаго семейства въ Спасскомъ послѣдовалъ опять долгій перерывъ.

Нающаяся Магдалина. Съ карт. Габріэля Макса, грав. Т. Капустинъ.

Я успѣлъ окончить курсъ, и выйдя въ офицеры, сгоропилъ отца, и прѣхалъ въ долгосрочный отпускъ, для ввода во владѣніе и устройства дѣлъ.

Отъ управляющаго Спасскимъ узналъ я, что и семью Курагиныхъ постигло страшное, никѣмъ непредвидѣнное несчастье.

Дима, упавъ съ лошади на скачкахъ, убится до смерти на мѣстѣ, и князь, проводившій въ это утро сына здоровымъ и встрѣтившій вечеромъ его окровавленное тѣло, — былъ такъ пораженъ этимъ, что чуть не сошелъ съ ума.

Въ то время когда эта горькая вѣсть дошла до меня, со дня смерти Димы прошелъ уже почти годъ, и спустя короткое время послѣ моего прѣзда, въ Спасскомъ получено было извѣстіе о скоромъ прибытіи туда князя съ дочерью-невѣстой.

Извѣстіе о свадьбѣ Нелли поразило меня не менѣе вѣсти о кончинѣ Димы, и странно, не радость а какое-то горькое чувство шевельнулось въ моей груди при этомъ извѣстіи.

Отчета въ этомъ чувствѣ я самъ себя дать не могъ.

Нелли любила я какъ сестру, мысль о возможности какой-нибудь иной привязанности между нами никогда не закрадывалась мнѣ въ душу, да и гдѣ было мнѣ, мелкопомѣстному дворянину, бѣдному армейскому офицеру, мечтать о такой невѣстѣ, какъ княжна Наталья Ѳедоровна Курагина, единственная наследница миллионера!

Подобная безумная мысль никогда не могла запасть въ мою голову, а между тѣмъ сердце билось какъ-то особенно тревожно, и что-то горькое мучительно сжимало мнѣ грудь.

Я рѣшилъ не ѣхать въ Спасское первымъ и ни о чемъ не освѣдомляться, а терпѣливо ждать, пока получу формальное приглашеніе.

Товарища моего, Димы, въ живыхъ уже не было; самому князю, безъ батюшки, я былъ не нуженъ; что же касается Нелли... то кто знаетъ, захочетъ-ли она, блестящая фрейлина Двора, счастливая невѣста навѣрное какъ она-же богатаго и знатнаго жениха, — вспомнить и узнать стараго товарища своего дѣтства, своего прежняго, преданнаго ей „Вахлака“?

Но я ошибался въ моей „кружевной дѣвочкѣ“. Она была все та-же, нѣжная, добрая и любящая, и на другой-же день послѣ прѣзда князя въ Спасское, верховой, нарочно присланный отъ княжны, вручилъ мнѣ элегантный, атласный конвертикъ съ княжеской короной, а въ немъ визитную карточку княжны, со слѣдующею припиской:

„Вахлакъ Семеновичъ! Я прѣехала, и очень удивлена и оскорблена тѣмъ, что вы меня не встрѣтили. Я выхожу замужъ, я счастлива, мой женихъ въ Спасскомъ, вмѣстѣ со мною, и оба мы хотимъ видѣть и требуемъ немедленнаго прѣзда нашего „вахлака“.

И конвертикъ этотъ, и эта карточка, свидѣтели ея радости и счастья... все это цѣло, все свято хранится у меня.

Понятно, что на такое дружеское приглашеніе нельзя было отвѣтить иначе какъ тотчасъ-же отправившись въ Спасское. Такъ я и сдѣлалъ, и не дождался до околицы встрѣченъ былъ группою гуляющихъ, изъ которыхъ быстро выдѣлилась Нелли, почти бѣгомъ устремившаяся ко мнѣ навстрѣчу.

Я соскочилъ съ лошади, и княжна повисла у меня на шеѣ.

— Браво, Нелли! вотъ какъ! звучнымъ баритономъ раздавалось подлѣ насъ, и я тутъ впервые обернулся и увидалъ общество, сопровождавшее княжну.

Оно состояло изъ трехъ гвардейцевъ и двухъ молодыхъ дамъ или дѣвушекъ, изъ которыхъ одна, съ перваго взгляда, поразила меня своею наружностью.

Она была замѣчательно высока ростомъ и стройна какъ пальма. Ея талія, гибкая и тонкая, слегка качалась на ходу, какъ пышный цвѣтокъ на своемъ стеблѣ; на ея великолѣпныхъ плечахъ, нескромно сквозившихъ изъ-подъ кружевнаго лифа, гордо высились миниатюрная, красивая головка, слегка откиннутая назадъ, подъ бременемъ густой, волнистой косы; изъ-подъ щегольскаго платья выглядывала стройная, узенькая ножка; до локтя обнаженные руки были точно изъ мрамора выточены. Но что особенно поражало въ ея наружности, что придавало ей заманчивую, какъ-бы неотразимую прелесть, это ея глаза, большіе зеленые глаза, гордые и холодные, пристальнаго взгляда которыхъ никто навѣрное не могъ бы выдержать на себѣ безнаказанно.

Такимъ, по крайней мѣрѣ, казался взглядъ этотъ мнѣ, и я невольно вздрогнулъ, встрѣтившись съ его холодными, какъ острая сталь, лучами.

Въ отвѣтъ на раздавшееся за нею замѣчаніе, Нелли весело разсмѣялась и, отбѣгая отъ меня, представила мнѣ поочередно все сопровождавшее ее общество.

Въ кавалергардѣ, такимъ звучнымъ, красивымъ баритономъ, остановившемъ княжну, я узналъ жениха ея, элегантнаго красавца, графа Николая Антоновича Нерадовскаго, товарища бѣднаго Димы, предметъ пылкихъ дѣтскихъ разсказовъ маленькой Нелли, на старомъ диванѣ уютнаго кабинета.

Рядомъ съ нимъ были будущіе шафера его, лейбъ-гусаръ Ховринъ и кирасиръ баронъ Эльгень.

Дамы были: одна, сосѣдка князя по имѣнію, новая владѣлица громаднаго села „Ополе“, Софья Сергѣевна Дружинина, а другая, зеленоокая красавица, бывшая воспитанница одного

изъ петербургскихъ институтовъ, Лариса Андреевна Войтовичъ, что-то среднее между компаньонкой и лектрисой, приглашенная въ домъ князя для того чтобы сопутствовать всюду Нелли, а въ свободныя минуты читать вслухъ газеты самому князю, совершенно устарѣвшему и отсутствующему послѣ смерти сына.

Домой мы вернулись всѣ вмѣстѣ, пѣшкомъ, и на балконѣ нашли князя, распечатывавшаго только что привезенныя съ почты газеты.

Я съ трудомъ узналъ князя Курагина, такъ сильно измѣнили его прожитые годы и пережитое горе.

Ни прежней бодрости, ни прежней красоты и въ поминѣ не было. Это былъ дряхлый старикъ, замѣтно подбодривавшийся и молодившийся, чего за княземъ, до того времени, не водилось никогда.

Лариса Андреевна своей ровною, величественною походкой направилась прямо къ нему и принялась помогать ему въ распечатываніи конвертовъ.

Княжна попробовала воспротивиться этому, два раза нетерпѣливо крикнувъ: „Лара!“ но это не привело ни къ чему; молодая дѣвушка невозмутимо продолжала развѣнчавшее занятіе.

Впрочемъ, не много пронизательности нужно было для того чтобы сразу понять, что Лариса Андреевна не создана ни для покорности, ни для послушанія, и что подъ какою бы скромною маской она ни вошла въ домъ, она всегда съумѣетъ занять въ немъ первое мѣсто и подчинить себѣ все окружающее.

Таково, по крайней мѣрѣ, было впечатлѣніе, произведенное молодою дѣвушкой лично на меня.

— Что „Вахлакъ“, заглядѣлся на Лару? Правда, красавица? спросила меня княжна, подмѣтивъ пристальный взглядъ, который я остановилъ на M-elle Войтовичъ.

— Не заглядѣлся, а просто посмотрѣлъ! отвѣтилъ я и перенесъ взглядъ свой съ зеленоокой красавицы на самое Нелли.

Вотъ тутъ было дѣйствительно на что заглядѣться!

Княжна замѣчательно развила за послѣдніе годы и теперь, вся озаренная любовью и свѣтлой надеждой на грядущее счастье, она была положительно красавица.

Сколько нѣжности, сколько чарующей, женской граціи было въ этой красотѣ! Какъ она далека была отъ той холодной, мраморной, до суетнаго страха охватывающей и ледяющей красоты, которая такъ поразила въ Ларисѣ, или въ Ларѣ, какъ называла ее княжна.

И что за странное имя это было—Лара! Какъ оно звучало какимъ-то таинственнымъ, старымъ преданіемъ, чѣмъ-то мрачнымъ, байроническимъ.

— Нѣтъ, а по моему прелестное имя!.. перебила рассказчица болтушка Надя. — Катя, голубушка, зови меня Ларой!.. что хочешь дамъ тебѣ за это, только зови... Хочешь черепаховую гребенку бери... а то красный кушакъ... Хочешь?..

— Отстань! нетерпѣливо возразила ей старшая сестра, среди всеобщаго смѣха, вызваннаго этой внесенной мѣновой торговлей.—Гдѣ-бы слушать, а ты вздоръ разный выдумываешь!.. Ну, какая ты Лара?.. И что въ тебѣ похожего на легенду или на Байрона?..

Хохотъ раздался еще шумнѣе, еще веселѣе.

Розовенькая Надя окунула всѣхъ недоумѣвающимъ взглядомъ.

— Не похожа?.. нѣтъ?.. Ну и не надо!.. торопливо заговорила она, кругленькими ручками своими отмахиваясь отъ досаднаго смѣха.—Ну, и отстаньте всѣ!.. Чего вы?..

— Ахъ, Надя, Надя!.. съ улыбкой покачалъ головой рассказчикъ, закуривая папиросу и приготовляясь продолжать свой рассказъ.

— Въ этотъ вечеръ я не долго оставался у Курагиныхъ, такъ началъ онъ послѣ минутнаго молчанія.—При всемъ радушіи стараго князя и княжны Нелли, я въ Спасскомъ чувствовалъ себя не попрѣжнему, не у себя дома. Чѣмъ-то новымъ, незнакомымъ, чужимъ повѣяло!..

Прощаясь, князь взялъ съ меня слово прѣхать непременно на слѣдующій день къ обѣду.

Обѣдать ждали губернатора, а вечеромъ проектировался импровизованный балъ. Даже полковой оркестръ выписанъ былъ изъ города.

Я попробовалъ отказаться, но Нелли и слышать ничего не хотѣла.

— Вздоръ, Вахлакъ Семеновичъ, совершеннѣйшій вздоръ! Вы прѣдете, непременно прѣдете!.. Это мой первый балъ съ тѣхъ поръ, какъ я невѣста. И вы никогда еще не видали меня танцующей!.. Вы не только прѣдете, но и танцовать будете и со мной... и съ Ларой!.. смѣясь приставала она.

Отъ танцевъ я наотрѣзъ отказался, хотя расшалившаяся Нелли и увѣряла, что съ меня строго не спросится, и что я могу танцевать „по своему“, „по вахлацки“; прѣхать же въ Спасское я обѣщалъ, и дѣйствительно прѣхалъ, но только не къ обѣду, пугавшему меня своей официальной скукой, а прямо на балъ, который засталъ уже во всемъ разгарѣ.

Еще издали, подѣбжая къ Спасскому, я былъ пораженъ красотой вида, представившагося мнѣ глазамъ.

Домъ, стоящій на горкѣ, былъ весь залитъ огнями; большая терраса, выходящая въ садъ, а равно и главный парадный

подъездъ дома были увѣшаны цѣлыми гирляндами цвѣтныхъ фонариковъ, которые, вращаясь въ непроглядную тьму южной ночи, придавали общей картинѣ видъ чего-то волшебнаго, чарующаго.

И вошелъ въ залу въ разгарѣ вальса, и въ числѣ танцующихъ паръ, пестро и весело мелькавшихъ по залѣ, тотчасъ отмѣтилъ княжну, вальсировавшую съ женихомъ.

Она была вся въ бѣломъ, по случаю едва окончившагося траура, и смуглая головка ея, склоненная къ плечу ея кавалера, дышала такимъ счастьемъ, отраднымъ покоемъ; вся она, свѣтлая, радостная, какъ облакомъ окруженная безчисленными, широко вздымавшимися оборками своего воздушнаго, газоваго платья, — такимъ лучезарнымъ видѣшемъ носилась по залѣ, что мнѣ и заплакать хотѣлось глядя на нее, и молиться за нее хотѣлось, и глубоко, свято, безповоротно вѣрилось въ то, что судьба улыбнется ей, что жизнь ее не обманетъ, что она дастъ ей то счастье, на которое она имѣла такіа права.

Раздумывая такимъ образомъ, я осторожно пробирался по залѣ, лавируя между танцующими парами, когда княжна, увидавшая меня, остановилась и, нѣжно улыбувшись своему кавалеру, догнала меня.

— Вотъ онъ, противный Вахлакъ Семеновичъ!.. привѣтствовала она меня. — И не стыдно это было не пріѣхать къ обѣду? А еще другомъ называется!.. Ну, какой вы другъ, вы вахлакъ, а не другъ!.. и приподнявшись на носкахъ, она своими душистыми бѣлыми перчатками дотронулась до моего уха.

— Вотъ вамъ наказанье!.. разсѣялась она, слезка деревушку меня за ухо. — Вотъ вамъ за то, что мало сочувствуете моему счастью, мало радуетесь моей радости!.. Вѣдь я счастлива!.. А это такое хорошее, такое рѣдкое чувство!.. Не правда-ли?.. Это мой первый балъ невѣстой!.. Я сегодня въ первый разъ вальсировала съ Никсомъ, сознавая, что онъ „мой“ и навсегда „мой“, что никто, никогда его у меня не возьметъ, не отниметъ, что всю жизнь, всегда онъ будетъ „моимъ“. И какой вальсъ играютъ, велушайте только, какой вальсъ!.. Подъ какіе чудные, чарующіе звуки мнѣ пришлось впервые сознать всю глубину моего счастья!..

Крѣпко пожавъ мою руку, она исчезла въ толпѣ, и минуту спустя я вновь видѣлъ ея головку въ легкомъ облакѣ бальнаго наряда, на плечѣ ея счастливаго жениха.

Я влудшался въ звуки вальса, раздававшагося съ хоръ громадной залы. Это былъ знаменитый Juristen-Walzer, въ то время сводившій съ ума всю танцующую Европу.

Тутъ я въ первый разъ въ моей жизни и услышалъ этотъ дѣйствительно прелестный, но... роковой въ моей жизни вальсъ...

— Вы не танцуете?.. раздался за мною голосъ одного изъ будущихъ шаферовъ, и не дожидаясь моего отвѣта, онъ продолжалъ: — А я опять пойду русалку приглашу!..

— Кого?.. переспросилъ я, думая, что ошибся и не точно распланилъ слова моего собесѣдника.

— Русалку!.. Лару Войтовичъ!.. Развѣ вы ее не видали?..

И отвѣтилъ отрицательно.

— Ну, батюшка, такъ ничего же вы не видали, послѣ этого!.. воскликнулъ онъ. — Да вы взгляните только на нее!.. Мечта, поэма, Шехерезада какая-то!.. Видаль я красавица на своемъ вѣку, и много видѣлъ, но ничего подобнаго этому мнѣ и во снѣ не снилось!.. Да вотъ она вальсируетъ... полюбуйтесь!.. И онъ глазами указалъ мнѣ на пару, въ бѣшенномъ вальсѣ кружившуюся передъ нами.

Я хотѣлъ отвѣтить ему, хотѣлъ возразить противъ преувеличенія, противъ неумѣстной восторженности его похвалъ, но, увидавъ Лару, мгновенно остановился и умолкъ какъ заколдованный.

Дѣйствительно, это было нѣчто невозможное... невиданное... небывалое... Это была какая-то захватывающая, какая-то заколдованная красота...

Лара тоже была вся въ бѣломъ, но ея бѣлое платье, гладкое и матовое, плотно охватывало ея, какъ изъ мрамора выточенную, фигуру и прямыми, тяжелыми складками падало вдоль ея дивнаго бюста.

Шея и руки ея были совершенно открыты, и согласно прихотливой модѣ, введенной въ Парижѣ императрицей Евгеніей, пройма ея корсажа, при полномъ отсутствіи рукавовъ, слегка схвачены были только громаднымъ бѣлымъ цвѣткомъ водяной лиліи, извѣстной въ простонародѣ подъ оригинальнымъ названіемъ „мертвораго розана“.

Названіемъ этимъ цвѣтокъ обязанъ тому поэтическому народному повѣрью, будто русалки, поднимаясь со дна рѣкъ и болотъ, стонуть и плачутъ по ночамъ, снѣтая гирлянды изъ этихъ розановъ, и этими гирляндами обвиваютъ и ду-

шать утопленниковъ, которыхъ имъ удастся заманить въ свои сѣти.

Съ плечъ Лары, отъ этихъ громадныхъ цвѣтковыхъ, длинной нитью, тамъ и сямъ цѣпляясь въ безпорядкѣ за лифъ, тюникъ и платье молодой дѣвушки, шла гибкая гирлянда „мертвыхъ розановъ“, съ ихъ крупными, словно изъ воска отлитыми лепестками, съ ихъ крупными, темными листьями, съ ихъ гибкимъ какъ змѣя и ползущимъ стеблемъ.

Съ головы фантастической красавицы, такой же ползущій букетъ, прикрѣпленный за ухомъ, спускался вдоль шеи, обвивая и словно давя ее своими цѣпями.

Все это, не убранный и задрапированный какъ на балъномъ нарядѣ, а цѣпкое, скользящее, неуловимое, охватывало ее всю, льнуло къ ней какъ къ своей царицѣ, сковывало ее какъ осужденную преступницу.

И среди этого всего, ея мраморная, чудная, и какъ у статуи холодная плечи, сквозь тонкую кожу которыхъ не сквозило ни капли крови, ея прелестныя, какъ „мертвый розанъ“ гибкія руки, ея холодное, какъ камень правильное лицо, какъ-то странно освѣщенное блескомъ ея глубокихъ, зеленыхъ глазъ. Все это туманило голову, пугало воображеніе.

Повторяю, ничего подобнаго я въ жизни своей не видалъ!.. Ничто подобное мнѣ никогда не случилось!..

И стоялъ и смотрѣлъ какъ очарованный!.. Я хотѣлъ и не могъ оторвать глазъ отъ этого чуднаго, ослѣпляющаго видѣнія!..

— Что, и вы залюбовались?.. послышался сади меня знакомый мнѣ звучный баритонъ и, оглянувшись, я увидѣлъ за собою жениха Нелли, графа Нерадовскаго. — Не правда-ли, какъ хороша собою Лара?.. спросилъ графъ, вмѣстѣ со мною слѣдя за быстро носившейся по залѣ молодой дѣвушкой. — И какъ она дивно вальсируетъ!.. Вѣдь родятся же, на чужое несчастье, такіа всевластныя красавицы!..

— Почему же на несчастье?.. спросилъ я. — Быть можетъ М-ше Войтовичъ суждено составить полное счастье мужа и семьи?..

— „Русалка“ — то этой, скованной и обмотанной горами своими „мертвыхъ“ цвѣтвъ?.. Вотъ тоже нашли семейнику!.. Да развѣ изъ объятій такой женщины человѣкъ живымъ выходитъ?..

И видя, что Лара, холодно поблагодаривъ своего кавалера, опустилась на диванъ, графъ торопливо натянулъ перчатку и направился въ ея сторону.

Еще минута, и они вальсировали вдвоемъ среди утомленной и отдыхающей залы.

Онъ, своею мощною рукою, крѣпко обвилъ ея станъ, она — гордо откинула свою блѣдную головку, всю охваченную цѣпкими вѣтвями болотныхъ розановъ.

Они одинъ кружились среди притихнувшей на мгновение залы. На нихъ однихъ сосредоточено было всеобщее вниманіе. Для нихъ однихъ играла музыка... для нихъ лились эти чудные, за душу хватающіе звуки.

Я радъ былъ, когда окончился этотъ вальсъ и когда заволнованная и шумно хлынувшая на балконъ толпа уносно ввела нарушенный строй жизни въ ея обычную, будничную колею.

Все это море страстныхъ звуковъ, обаяніе этого вальса, эти заколдованныя цѣпи „мертвыхъ цвѣтвъ“, весь этотъ міръ грѣмъ и обаянія, пугалъ меня своею новизной, своимъ чарующимъ волшебствомъ, своимъ отличіемъ отъ всего, что мнѣ приходилось видѣть и испытать въ теченіе всей моей предшествовавшей жизни.

И страшно мнѣ было не за одного себя, нѣтъ. Я смутно чувствовалъ, что еще кому-то здѣсь, подлѣ меня, несчастіемъ и бѣдою грозятъ эти чудные, волшебные звуки... эти роковыя, мертвые цвѣты.

И старикъ вновь отвелъ морщинистою рукою пряди сѣдыхъ волосъ, набѣжавшія на его блѣдный лобъ, и замолкнувъ на минуту, пристальнымъ взглядомъ остановился на потухавшихъ угольяхъ каминна, по которымъ, дрожа и всхливая, перебѣгалъ снѣговатый огонекъ.

Присмирѣвшая молодежь, плотно сдвинувшись вокругъ его кресла, вся превратилась въ слухъ.

Казалось, все эти юныя, еще не искушенныя жизнью души, вмѣстѣ съ героями разсказа, переживаютъ все ихъ бывшее горе, все бывшаго страданія.

— Роскошный балъ прошелъ весело, возобновили Волховской своей разсказъ, — онъ длился долго, и долго нѣмая, черная, южная ночь оглашалась дивными звуками чуждаго нами поля, далекаго, петербургскаго вальса.

А. С.

(Продолженіе будетъ).

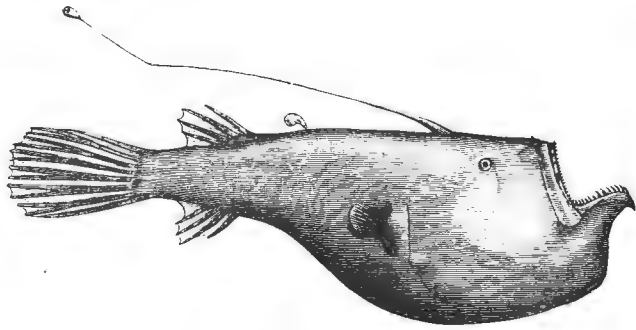
Свѣтлѣящая рыба дна морскаго.

Очеркъ Роберта фонъ-Ленденфельда. (Переводъ М. Штауде).

Животныя, населяющія дно океана, представляютъ много особенностей и громадный интересъ, во-первыхъ, потому что среди нихъ можно встрѣтить представителей древнихъ формъ, которыя прежде были извѣстны лишь по ископаемымъ остаткамъ прежнихъ геологическихъ отложений; — во-вторыхъ

потому, что среди нихъ подмѣчены особенности, соответствующія исключительнымъ условіямъ жизни.

На поверхности земнаго шара съ теченіемъ времени постоянно происходитъ смѣна однихъ климатическихъ условій другими. Конечно, животнымъ приходится примѣняться къ

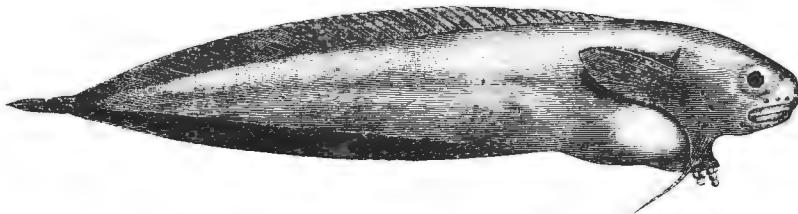

Фиг. 1. *Ceratias uranoscopus*, сбоку (натур. величина).

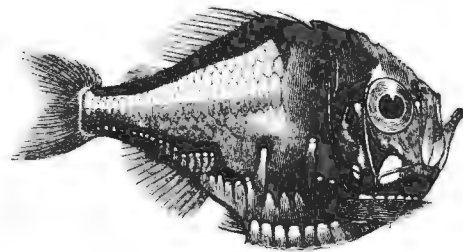
этимъ медленно измѣняющимся условіямъ и благодаря этому происходитъ измѣненіе ихъ формъ. Между тѣмъ физическія условія на извѣст-

Фиг. 2. *Ceratias uranoscopus*, сверху (натур. величина).

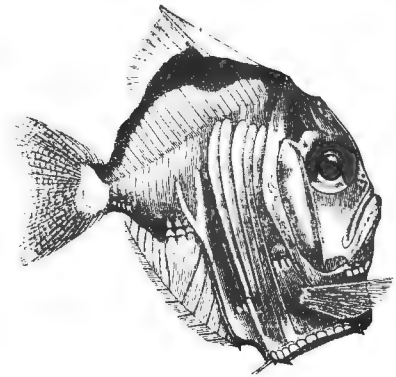
Фиг. 3. *Paraliparis bathybius* (въ половину натур. величины).

Фиг. 4. *Polyipnus spinosus*, сбоку (натур. величина).

Фиг. 5. *Polyipnus spinosus*, спереди (натур. величина).

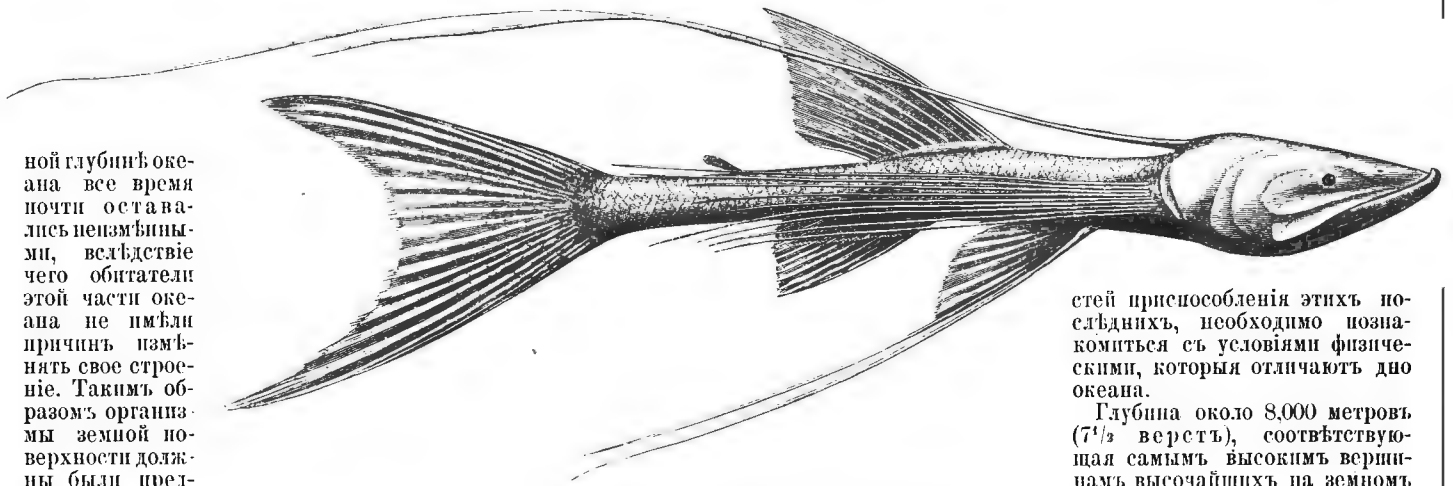
Фиг. 6. *Sternoptyx diaphana* (натур. величина).

ленно переселяться изъ болѣе высокихъ слоевъ воды океана новыя формы животныхъ, которыя должны были примѣняться къ новымъ для нихъ условіямъ.

Но прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію особенно-

Фиг. 7. *Gonostoma elongatum* (натур. величина)

Фиг. 8. *Bathypterois longicauda* (натур. величина).

стей приспособленія этихъ послѣднихъ, необходимо познаться съ условіями физическими, которыя отличаютъ дно океана.

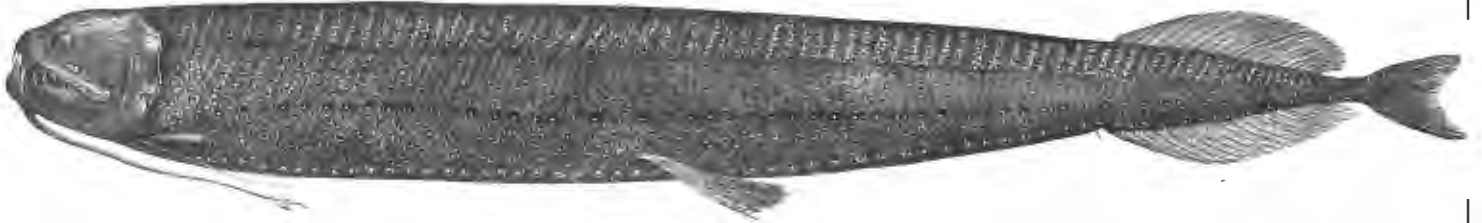
Глубина около 8,000 метровъ (7¹/₂ верстъ), соответствующая самымъ высокимъ вершинамъ высочайшихъ на земномъ

ной глубинѣ океана все время почти оставались неизмѣнными, вследствие чего обитатели этой части океана не имѣли причинъ измѣнить свое строеніе. Такимъ образомъ организмы земной поверхности должны были пред-

ставлять большое разнообразіе, тогда какъ представители жизни на днѣ океана сохранили свое первобытное устройство, пребывая консервативными. Дѣло и оставалось-бы въ такомъ положеніи, если-бы жизненная борьба не заставляла посте-

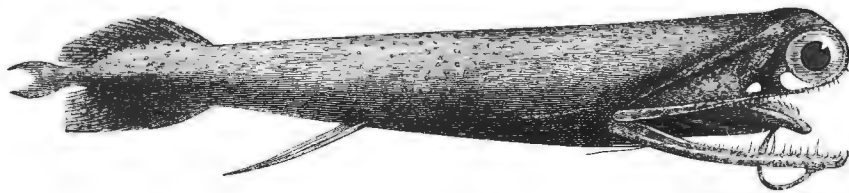
партъ Гималайскихъ горъ, найдена лишь въ сѣверной части Тихаго океана у береговъ Японіи; за обыкновенную-же глубину всего океана можно считать 5,000 метровъ (около 4²/₃ верстъ). На этой глубинѣ, нѣсколько болѣе чѣмъ вы-

Фиг. 9. *Idiacanthus ferox* (натур. величина)

Фиг. 10. *Opostomias micripnus* (немного уменьшенъ).

сота Монблана, господствует громадное давление — около 500 атмосферъ. Давление на поверхность рыбы, длиною съ ведро, въ обыкновенной водѣ доходитъ до 12 пудовъ, тогда какъ на вышеуказанной глубинѣ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, оно

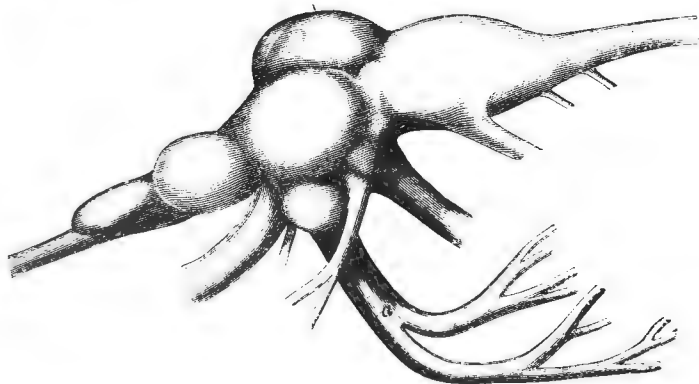

Фиг. 11. *Malacosteus indicus* (натур. величина).

да, то разрываетъ ее всю. Не смотря на это, онѣ могутъ жить при измѣняющемся (конечно, въ извѣстныхъ предѣлахъ) давлении среды, какъ на это указываютъ періодическія появленія ихъ въ зависимости отъ времени года въ различныхъ слояхъ во-

Фиг. 12. *Echiostoma barbatum*.

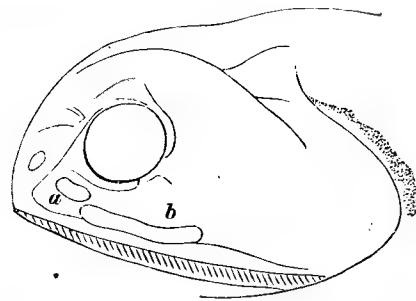

Фиг. 13. Головной мозгъ *Echiostoma barbatum* (увеличенъ вчетверо). *a* — свѣтящій нервъ (вѣтвь *trigemini*'а).

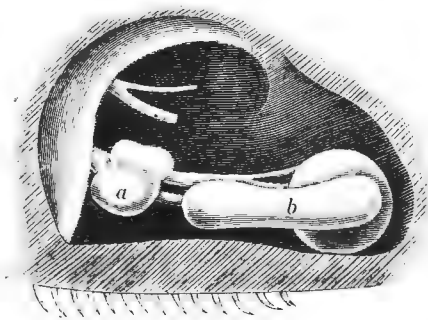
приблизительно равно 54,000 пудовъ, т. е. вѣсу средней величины парохода. Впрочемъ, оказывается, что это повидимому ужасное давление не влечетъ за собою какихъ-нибудь особенностей въ организаціи и вѣѣ отравленія происходить точно такъ-же, какъ и при давленіи одной

ды. Но при помощи сѣти вытаскать рыбу живою со дна океана никогда не удастся.

Извѣстно, что температура поверхности воды мѣняется съ временами года и вообще всегда нѣсколько холоднѣе лѣтомъ, а зимою нѣсколько теплѣе температуры окружающаго воздуха. Въ глубинѣ-же господствуетъ нѣгода въ годъ одна и та-же постоянная температура — нѣсколько градусовъ выше нуля. Въ виду того,

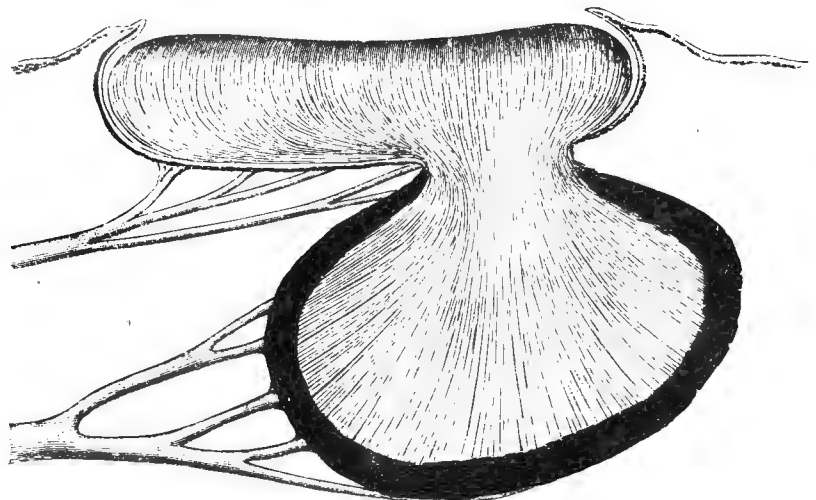

Фиг. 14. Подглазныи свѣтящій органъ *Pachystomias microdon*. Голова видна сбоку (натур. велич.). *a* — передній, *b* — задній свѣтящій органъ.

Фиг. 15. Подглазныи свѣтящій органъ *Pachystomias microdon*. Подглазныи органъ высвобожденъ (увеличенъ вчетверо)

атмосферы на поверхности земли. Конечно, воздухъ плавательнаго пузыря рыбы, живущихъ на этой глубинѣ, благодаря этому давленію, сжатъ чрезвычайно сильно; поэтому если извлечь такую рыбу на поверхность, то постепенно расширяющийся воздухъ пузыря (благодаря уменьшенію давленія) растягиваетъ рыбу и, если не находитъ себѣ другаго выхо-

Фиг. 16. Подглазныи свѣтящій органъ *Pachystomias microdon*. Разрѣзъ задняго органа (*b*) (увеличенъ въ 25 разъ).

что солнечный свѣтъ не проникаетъ вглубь ниже 150 метровъ, на днѣ океана должна царствовать вѣчная ночь.

На основаніи химическаго изслѣдованія пробъ воды, взятой на большой глубинѣ, извѣстно, что она богаче углекислотого и бѣднѣе кислородомъ, чѣмъ вода поверхности океана. Такимъ образомъ, обитатели этой глубины, кромѣ того, что

испытывают давление столба воды въ 5,000 метровъ вышиною, находятся еще въ очень неблагоприятныхъ для жизни условияхъ. Недостатокъ кислорода и низкая температура затрудняютъ отправление ихъ тѣла; неизмѣнность условий не заставляеть ихъ измѣняться и двигаться впередъ въ своемъ развитіи; ни лѣта, ни лѣснаго дня они не знаютъ, такъ какъ зимняя ночь господствуетъ здѣсь постоянно.

И такъ вотъ къ какимъ неблагоприятнымъ условиямъ приходится привыкаться тѣмъ животнымъ, дѣтямъ солнечнаго свѣта и тепла, которыя вслѣдствіе жизненной борьбы должны опуститься въ эту холодную, темную, непривѣтливую глубь. Конечно, въ зависимости отъ громадной разницы въ условияхъ жизни на поверхности и на днѣ океана, самыя приспособленія совершенно иного характера, чѣмъ это мы видимъ среди обитателей поверхностной части океана. Главнѣйшія изъ особенностей у послѣднихъ извѣстны болѣе или менѣе каждому, тогда какъ касающіяся обитателей дна океана открыты лишь въ самое недавнее время и такъ своеобразны, что поневолѣ привлекаютъ къ себѣ всеобщее вниманіе. Главнѣйшее интересъ теперь сосредоточивается на томъ, какъ они привыкли къ окружающей ихъ темнотѣ.

Вѣчная ночь дна океана освѣщается слабымъ фосфоричнымъ мерцаніемъ, которое производятъ многочисленныя болѣе или менѣе свѣтящіяся животныя этой области. Поэтому здѣсь не совсемъ темно, хотя свѣтъ и гораздо слабѣе часто наблюдаемаго явленія, извѣстнаго подъ названіемъ свѣченія моря.

Слѣдствіемъ полного отсутствія свѣта бываетъ обыкновенно то, что глаза за ненадобностью мало-по-малу видоизмѣняются и наконецъ совершенно исчезаютъ, какъ это можно видѣть у крота и другихъ животныхъ.

У нѣкоторыхъ изъ обитающихъ на этой глубинѣ рыбъ точно также глаза дѣлаются маленькими и вообще измѣняются въ вышеуказанномъ направленіи, напр. у *Ceratias* (рис. 1), *Bathypterois* (рис. 8), *Saccorhagux* (рис. 24) и др., даже извѣстна одна рыба, у которой глазъ совсѣмъ не найдено. Но, съ другой стороны, открыто большое число рыбъ, у которыхъ глаза хорошо развиты и имѣютъ большую величину, чѣмъ обыкновенно у рыбъ. Особенно большіе глаза у *Paraliparis* (рис. 3), *Polyipnus* (рис. 4), *Sternoptux* (рис. 6), *Malacosteus* (рис. 11) и мн. др. Это на первый взглядъ странное явленіе объясняется очень просто, если обратить вниманіе на то, что какъ рыбы съ зачаточными глазами, такъ и съ громадными, одинаково являются потомками рыбъ имѣющихъ глаза обыкновенной величины.

Рыбы опускаются съ освѣщенной поверхности океана въ холодную и темную его глубину постепенно. По мѣрѣ своего опусканія онѣ наконецъ попадаютъ въ полутьму, гдѣ, конечно, одаренныя лучшимъ зрѣніемъ пользуются большими преимуществами надъ рыбами съ нормальнымъ зрѣніемъ; поэтому первыя путемъ естественнаго подбора и наследственности размножаются въ этой области гораздо усилѣннѣе и вытѣсняють своихъ менѣе приспособленныхъ родичей. Далѣе, опускаясь внизъ, эти рыбы съ большими глазами попадаютъ въ совершенную темноту, гдѣ только слабое фосфорическое мерцаніе при очень хорошемъ зрѣніи дозволяетъ различать предметы; поэтому хорошее зрѣніе, выработанное при опусканіи дѣльмъ рядомъ поколѣній, здѣсь сохраняется.

Съ другой стороны, понятно, что эта постепенная выработка большихъ органовъ зрѣнія могла происходить лишь у тѣхъ поверхностныхъ рыбъ, которыя имѣли къ этому уже извѣстную наклонность, находясь въ обыкновенныхъ условияхъ, т. е. уже обладали хорошимъ зрѣніемъ; при этомъ не надо упускать изъ вида, что самое опусканіе совершалось медленно. Если которое-нибудь изъ этихъ условий отсутствовало, то этимъ исключалась возможность постепеннаго возрастанія остроты зрѣнія, такъ какъ слабый органъ, не будучи въ состояніи видѣть при слабомъ фосфоричномъ мерцаніи на днѣ океана, постепенно отъ неупотребленія измѣнялся, но не исчезъ совсѣмъ (*Irnops*).

Не нужно впрочемъ думать, что рыбы представляютъ въ этомъ отношеніи единичное явленіе: трилобиты силурійской эпохи встрѣчаются съ большими глазами на ряду съ совершенно слѣпыми формами, причѣмъ способъ ихъ происхожденія подобенъ тому, какъ у рыбъ живущихъ на днѣ океана. Но эти рыбы не только приспособили свое зрѣніе къ слабому свѣту окружающей среды, а еще вмѣстѣ съ тѣмъ начали вырабатывать у себя способность освѣщать ее для своихъ дѣлей.

Многія морскія животныя имѣютъ это свойство, но касательно рыбъ сдѣлалось это извѣстнымъ лишь недавно. Ночью обыкновенно онѣ вытѣкаютъ на поверхность моря, тогда какъ днемъ опускаются на глубину нѣсколькихъ сотъ метровъ. Остальныя рыбы не свѣтятъ.

Объясненіе этого явленія не такъ просто, какъ способа происхожденія слѣпыхъ и большеглазыхъ рыбъ.

Извѣстно, что рыбы имѣютъ по своей боковой линіи тѣла рядъ слизистыхъ капальцевъ, т. е. сосудовъ, наполненныхъ слизью, въ стѣнкахъ которыхъ находятся особенныя органы чувствъ. Вѣроятно благодаря послѣднимъ рыба получаетъ воспріятіе такихъ колебаній морской воды, которыя вслѣдствіе малой длины своихъ волнъ не доступны слуху. Вотъ

эти-то слизистыя каналцы (вѣрнѣе, нѣкоторая ихъ часть) и измѣнились у многихъ рыбъ, живущихъ на большой глубинѣ, въ свѣтящіе аппараты. Конечно, на ряду съ этимъ измѣненіемъ ихъ идетъ рука объ руку также измѣненіе другихъ частей и даже самаго мозга, какъ это мы далѣе увидимъ.

Впрочемъ, прежде чѣмъ къ этому перейти, нужно отвѣтить на одинъ вопросъ, который вѣроятно готовъ возникнуть у cadaго читателя: какъ случилось, что эти слезоотдѣлительныя каналцы начали измѣняться въ свѣтящіе аппараты.

Дѣло въ томъ, что извѣстны нѣкоторыя лягушки, которыя выделяютъ свѣтящуюся слизь; поэтому легко можетъ быть, что слизь вообще рыбъ и земноводныхъ отличается этимъ свойствомъ, но только въ такой слабой степени, что оно недоступно нашему зрѣнію. Конечно, свѣченіе приноситъ громадное преимущество тѣмъ рыбамъ, которыя опускаются въ темную глубь, вслѣдствіе чего это свойство закрѣпляется и усиливается путемъ естественнаго подбора и наследственности у слѣдующихъ поколѣній, что въ видѣ конечнаго результата мы и видимъ у интересующихъ насъ рыбъ.

Далѣе оказывается, что не всѣ рыбы со дна океана одарены органами свѣченія, а это свойство свѣченія находится въ тѣсной связи съ развитіемъ глазъ: рыбы съ зачаточными глазами, совершенно бесполезными имъ въ окружающей ихъ темнотѣ, не имѣютъ и освѣтительныхъ аппаратовъ (*Ceratias*, рис. 1 и 2; *Bathypterois*, рис. 8; *Idiacanthus*, рис. 9; *Saccorhagux*, рис. 24). Рыбы же съ большими, хорошо развитыми глазами, вполне приспособленными къ условиямъ окружающей ихъ среды, имѣютъ и вышеупомянутыя органы (*Paraliparis*, рис. 3; *Polyipnus*, рис. 4 и 5; *Sternoptux*, рис. 6; *Gonostoma*, рис. 7; *Opostomias*, рис. 10; *Malacosteus*, рис. 11; *Pachystomias*, рис. 14; *Halosaurus*, рис. 20—23). Да оно иначе и быть не можетъ, потому что освѣтительный аппаратъ былъ бы совершенно лишнимъ для этихъ слѣпыхъ рыбъ: чѣмъ темнѣе, тѣмъ лучше для нихъ. Для рыбъ, обладающихъ хорошо развитыми глазами, конечно, свѣтъ чрезвычайно важенъ, особенно если онѣ могутъ направлять и регулировать степень его силы согласно своему желанію. Выгода для нихъ при этомъ заключается не только въ томъ, чтобы освѣтить данное пространство, но еще и въ другомъ отношеніи.

Всѣ рыбы дна океана — хищники; раки-же, служащіе имъ пищею, обыкновенно привлекаются свѣтомъ какъ насекомыя на поверхности земли. Свѣтъ, дѣйствуя притягивающимъ образомъ на этихъ животныхъ, даетъ возможность свѣтящимъ рыбамъ пользоваться болѣе обильною пищею. Такимъ образомъ, освѣтительныя аппараты, служащіе для приманки добычи, разсыяны въ большомъ числѣ на брюшной сторонѣ, лучахъ плавниковъ, а также разбросанно по всему тѣлу.

Простейшаго устройства эти органы находятся на лбу и по бокамъ *Astronesthes* и представляютъ железистыя образования, питающіяся при помощи свѣти тонкихъ волосныхъ сосудовъ кровеносной системы и состоящая изъ вертикальныхъ трубочекъ съ железистыми клѣточками, выделяющими слизь, которая, приходя въ соприкосновеніе съ морской водою, начинаетъ свѣтить. У *Sternoptux* (рис. 6) и нѣкоторыхъ другихъ рыбъ находятся подобныя-же простыя железистыя органы на нижней губѣ. *Opostomias* (рис. 10) и др. имѣютъ ихъ на усикахъ и на измѣненныхъ мягкихъ и нитеобразныхъ плавникахъ. Даже на внутренней поверхности жаберной крышки найдены эти органы, особенно замѣтныя у *Halosaurus* (рис. 20—23).

Чаще встрѣчаются болѣе мелкіе (величиною отъ булавочной головки до рисоваго зерна), неправильно расположенныя освѣтительныя органы на животѣ и по бокамъ этихъ рыбъ. Ихъ можно отличить названіемъ „глазкообразныхъ“ (*ocellaris*), такъ какъ прежніе изслѣдователи принимали эти аппараты даже за глаза, вслѣдствіе ихъ сходства съ послѣдними. Такія образования встрѣчаются въ небольшомъ числѣ на головѣ *Paraliparis* (рис. 3), также по бокамъ и на брюшной сторонѣ *Polyipnus* (рис. 4), *Sternoptux* (рис. 6), *Gonostoma* (рис. 7), *Malacosteus* (рис. 11), *Halosaurus* (рис. 20—23) и мн. др. Только у немногихъ разсыяны они въ безпорядкѣ по всему тѣлу, какъ напр. у *Opostomias* (рис. 10).

Разсматривая эти органы, мы встрѣчаемъ среди нихъ различныя степени развитія, что даетъ при помощи сравнительнаго ихъ изученія возможность опредѣлить, какимъ образомъ достигли они своей самой совершенной организаціи.

Болѣе простыя глазкообразныя освѣтительныя органы находятся на спинной сторонѣ *Opostomias* (рис. 10), являясь на черной кожѣ этой рыбы въ видѣ разбросанныхъ бѣлыхъ точекъ. Эти органы, полшарообразной или чечевичеобразной формы, сидятъ нѣсколько вглубь сравнительно съ поверхностью тѣла. Съ нижней ихъ стороны находится дѣлая свѣтъ нервовъ и кровеносныхъ сосудовъ, отъ которыхъ подымается сплетеніе короткихъ, призматическихъ, широкихъ трубочекъ и круглыхъ зернистыхъ клѣтокъ. Выше стоятъ по своей организаціи выдающіяся надъ поверхностью тѣла освѣтительныя органы у этой рыбы (*Opostomias*), а также у *Pachystomias*. Болѣе правильно расположены они у *Astronesthes*, *Malacosteus* (рис. 11) и *Echiostoma* (рис. 12). Они обыкновенно

неправильной полушарообразной формы съ наружною плоскою поверхностью и лежатъ ниже общей поверхности тѣла. Весьма круглой изгибъ внутренней ихъ поверхности окруженъ темнымъ непрозрачнымъ слоемъ пигмента (темнаго красящаго вещества), служащимъ для освѣтительнаго аппарата какъ бы рефлекторомъ, отражающимъ лучи въ опредѣленномъ направленіи. Самый аппаратъ состоитъ изъ пирамидальныхъ трубочекъ, наполненныхъ железистыми клѣточками и стоящихъ перпендикулярно къ кривой поверхности органа. Въ серединѣ послѣдняго имѣется пустота, гдѣ всѣ вышеупомянутыя трубочки кончаются отверстіями. Наружная кожа конечно прозрачна и прикрывается все это въ видѣ часоваго стекла.

Слѣдующую ступень въ развитіи этихъ освѣтительныхъ приборовъ представляютъ сложные глазкообразные органы. Они состоятъ изъ внутренней шарообразной и наружной куполообразной части и находятся въ видѣ двухъ продольныхъ рядовъ на боковой сторонѣ тѣла у *Opostomias* (рис. 10), *Echiostoma*, *Astronesthes* (рис. 17) и др. Пигментный слой, вездѣ одинаковой толщины, облекаетъ обѣ части, утончаясь немного къ наружному краю (рис. 17). На внутренней его сторонѣ лежитъ очень тонкая свѣтопреломляющая пластинка. Вся внутренняя шарообразная часть выполнена по оси (радіально) расположенными трубочками, открывающимися въ одну общую срединную полость; сходныя трубочки, также наполненыя зернистыми слизевыми клѣточками, но расположенныя въ длину, находятся внутри куполообразной части. Между послѣдней и шарообразной частями лежитъ круглая чечевича, составленная изъ большихъ клѣтокъ. Снаружи весь этотъ аппаратъ прикрытъ нѣсколькими совершенно прозрачными оболочками.

Разсмотрѣнное нами устройство органа указываетъ на то, что железистыя полости вырабатываютъ слизь на чечевичеобразную часть перехвата, причемъ послѣдняя издаетъ свѣтъ, отражаемый преломляющею свѣтъ частью оболочки, прилегающей къ пигментному слою шарообразной части. Далѣе этотъ свѣтъ сосредоточивается опять на чечевичеобразной части перехвата, откуда, при помощи отраженія на стѣнкахъ куполообразной части (представляющей форму параболоида вращения, т. е. тѣла, происшедшаго отъ вращения по оси параболы, кривой линіи, получаемой отъ разсѣченія конуса плоскостью, параллельною линіи, соединяющей вершину конуса съ какою-нибудь точкою его основанія), выходитъ въ видѣ ярко свѣща лучей въ темную среду океана.

Высшія ступени въ устройствѣ глазкообразныхъ освѣтительныхъ аппаратовъ всѣ могутъ быть легко выведены изъ только что нами разсмотрѣннаго. Главное различіе между ними заключается въ томъ, что дѣятельность ихъ сильнѣе, а также еще въ томъ, что оптическая ось (направленіе свѣта) расположена болѣе или менѣе наклонно къ поверхности тѣла. Въ послѣднемъ случаѣ одна сторона купола длиннѣе другой. Такие аппараты съ серебристо-блѣннымъ свѣтомъ лежатъ на спинной линіи позади спинныхъ ллавниковъ у *Scorpius* и въ два ряда по каждой изъ боковыхъ сторонъ тѣла у *Gonostoma* (рис. 7), *Polyipnus* (рис. 4 и 5), *Sternoptyx* (рис. 6), *Opostomias* (рис. 10) и др. У *Paraliparis* (рис. 3) нѣсколько такихъ органовъ находится на головѣ.

Эти органы состоятъ изъ мощной наружной пигментной оболочки, поверхъ которой лежитъ толстый серебристо-блестящій слой тоненькихъ удлиненныхъ клѣточекъ. Внутренняя шарообразная часть наполнена железистыми каналами. Ткань облекающая здѣсь куполообразную часть сложнѣе устроена, чѣмъ въ прежнихъ аппаратахъ, не имѣющихъ толстыхъ рефлекторовъ: кровеносные сосуды и нервы перестѣкаютъ удлиненную стѣнку купола, которая вслѣдствіе наклона послѣдняго является въ видѣ жолоба. Изъ колонокъ, ведущихъ свое начало отъ сосудовъ и нервовъ, расходятся по оси (радіально) тонкія клѣточки, веретенообразной и клинообразной формы. Послѣднія на своемъ внутреннемъ утолщенномъ концѣ несутъ поверхъ клѣточного ядра свѣтопреломляющую каплю выдѣленія. Все это затѣмъ покрыто слоемъ большихъ многовѣтвистыхъ нервныхъ клѣтокъ.

Такие освѣтительные органы, находящіеся у *Sternoptyx* (рис. 6) и *Polyipnus* (рис. 4 и 5), слиты по 3—10 вмѣстѣ своими внутренними шарообразными частями. Поэтому эти группы являлись въ видѣ трубокъ или кармановъ (внутреннія слившіяся части), отъ которыхъ идутъ 3—10 прямо- или наклонно-параболическихъ жолобообразныхъ куполовъ. Въ остальномъ они сходны съ раньше разсмотрѣнными одиночными глазкообразными органами.

Только у *Halosaurus* и *Xenodermichthys* освѣтительные органы представляютъ нѣкоторое отличіе.

У первой рыбы (рис. 20—23) эти органы расположены въ рядъ по обѣимъ бокамъ тѣла, по такъ-называемой боковой линіи. Состоятъ они изъ маленькихъ веретенообразныхъ удлиненныхъ вальковъ, сидящихъ на пронизанныхъ каналомъ вазовъ чешуйкахъ. По этому каналу идутъ нервы и сильно развитые кровеносные сосуды, которые распространяются у основанія органа. Изъ этого слоя, состоящаго изъ нервовъ и кровеносныхъ сосудовъ, поднимаются внутрь лучеобразно къ кривой поверхности органа тонкія веретенообразныя клѣ-

точки. Ихъ внутренніе концы загнуты и кончаются въ видѣ тоненькихъ ниточекъ, расходящихся по направленію касательныхъ къ поверхности органа. Веретенообразныя клѣточки отдѣлены другъ отъ друга прозрачнымъ, какъ стекло, промежуточнымъ веществомъ. Снаружи органъ покрытъ оболочкою, отходящею отъ заднаго конца чешуйки, на каждой изъ которыхъ по боковой линіи находится по свѣтшаему аппарату.

Особенностью своего устройства отличаются свѣтшае глазкообразные органы у *Xenodermichthys* (рис. 18 и 19). Здѣсь они выступаютъ надъ общею поверхностью тѣла и соединены съ послѣдней лишь при помощи тоненькаго и весьма короткаго стebelъка. Весь органъ яйцевидной формы, причемъ, плотно прилегая самою своею толстою частью къ кожѣ, тѣмъ самымъ прикрываетъ къ послѣдней. Оптическая ось аппарата лежитъ параллельно наружной поверхности рыбы. Внутренняя болѣе толстая его часть отдѣла толстымъ пигментнымъ слоемъ, свободная же наружная—прозрачною кожей. Чрезъ основаніе входить въ него толстый нервъ (рис. 18). Внутренняя часть отдѣляется поперечною бороздкою пигментнаго слоя, здѣсь утолщеннаго, отъ наружной. Въ первой можно отличить округлыя клѣтки, тогда какъ вторая составлена изъ продольно расположенныхъ клинообразныхъ клѣточекъ (рис. 19), которыя очень сходны съ подобными же клѣточками сложныхъ глазкообразныхъ свѣтшаихъ органовъ, такъ какъ также выдѣляютъ на своемъ утолщенномъ концѣ слизь въ видѣ одной большой капли или нѣсколькихъ маленькихъ.

Свѣтшае аппараты лежатъ также въ глазныхъ впадинахъ, точно такъ подъ глазами, и поэтому освѣщаютъ поле зрѣнія самой рыбы. По своей величинѣ и развитію они занимаютъ первое мѣсто среди освѣтительныхъ органовъ рыбъ. Снаружи они обыкновенно прикрываются темною, богато пигментированною тканью, которая, на подобіе глазныхъ вѣкъ, служитъ для того, чтобы рыба могла закрыть ею свой потайной фонарь, когда находитъ это для себя выгоднымъ.

Такие подглазные органы найдены между прочимъ у *Gonostoma* (рис. 7), *Opostomias* (рис. 10) и *Pachystomias* (рис. 14—16). У *Astronesthes* ихъ два, тогда какъ у *Opostomias* ихъ двѣ пары. Каждый изъ послѣднихъ состоитъ изъ болѣе или менѣе шарообразной и удлиненной наружной части, лежащей сейчасъ подъ кожей. Внутренняя часть выполнена, какъ и раньше, железистыми трубочками, наружная—состоитъ изъ двухъ слоевъ, раздѣленныхъ толстыми клинообразными клѣтками: нижняго изъ извилистыхъ железистыхъ канальцевъ, и верхняго изъ тоненькихъ веретенообразныхъ клѣточекъ. Концы клинообразныхъ клѣтокъ находятся въ соединеніи съ большими нервными, вѣтвистыми клѣтками, лежащими поверхъ железистыхъ канальцевъ. Къ внутренней части органа подходит нервный стволъ, раздѣляющийся преимущественно между вышеупомянутыми двумя слоями. Здѣсь нѣтъ слоя, играющаго роль рефлектора, какъ у вышеупомянутыхъ органовъ.

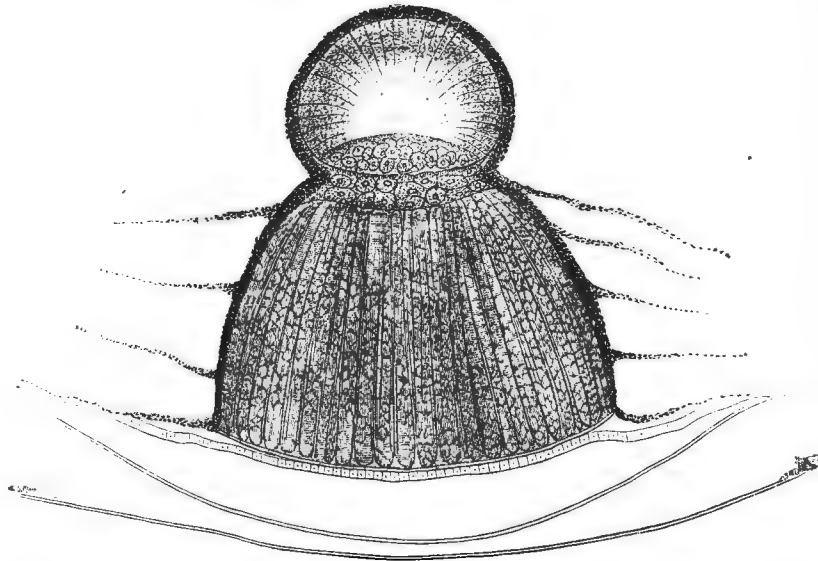
У *Pachystomias* (рис. 14—16), *Malacosteus* (рис. 11) и др. подглазные свѣтшае органы устроены нѣсколько иначе, а именно здѣсь отражающая въ видѣ рефлектора часть рѣзко выражена (рис. 16). Обыкновенно находится двѣ пары органовъ: внизу и впереди глаза лежитъ маленький, а ниже и позади его болѣе крупный органъ. Состоятъ они изъ шарообразной внутренней и удлиненной наружной части, раздѣленныхъ глубокимъ перехватомъ, такъ что соединены лишь при помощи узкой шейки. Внутренняя шарообразная часть покрыта очень толстою отражающею свѣтъ оболочкою, серебристо-блестящаго цвѣта. Наружная удлиненная часть не имѣетъ этой оболочки, которая рѣзко обрывается на перехватѣ. Содержимое состоитъ по большей части изъ железистыхъ канальцевъ.

Маленькіе свѣтшае аппараты, разсѣянные по наружной поверхности тѣла, получаютъ нервы отъ спиннаго мозга, подглазные же—прямо отъ головного. Послѣдній отдѣляетъ въ видѣ вѣтви отъ *perivus trigeminus* необычайно толстый стволъ, совершенно отсутствующій у несвѣтшаихъ рыбъ. Замѣчательно, что у электрическаго ската (*Torpedo*) къ электрическому аппарату подходит также очень толстая вѣтвь отъ того же *perivus trigeminus*.

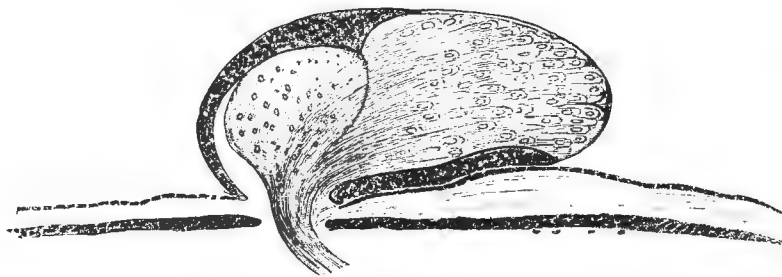
Сравнивая свѣтшае аппараты рыбъ съ подобными же органами другихъ водныхъ животныхъ, легко замѣтить, что они по своему развитію являются наивысшими формами.

У низшихъ организмовъ (свѣт. свѣрная баццлла, *Noctiluca* и друг.) свѣтитъ все тѣло. У *Pelagia noctiluca* свѣтитъ въ моментъ своего прикосновенія съ водою выдѣляемая слизь. У одного свѣтшаго моллюска (*Phyllirhoe buserhala*) точно такъ залегаютъ подъ верхнюю поверхность тѣла отдѣльныя соединенныя съ нервами клѣточки съ каплею жидкости, издающей при раздраженіи свѣтъ. У *Pyrosoma* находятся группы свѣтшаихъ клѣтокъ, выдѣляющихъ жирную слизь, которая сгораетъ, издавая столь сильный свѣтъ, что при немъ можно читать. Эти послѣдніе органы походятъ на глазкообразные свѣтшае аппараты рыбъ. Болѣе высокой степени развитія достигаютъ они у нѣкоторыхъ родовъ.

Простые железистые свѣтшае органы рыбъ и другихъ водныхъ животныхъ выдѣляютъ слизь, имѣющую свойство свѣ-

Фиг. 17. Разрѣзъ глазообразнаго свѣтящаго органа *Astronesthes niger* (увелич. во сто разъ).

Фиг. 18. Выступающій свѣтящій органъ *Xenodermichthys nodulosus*. Продольный разрѣзъ органа (увеличенъ во сто разъ).

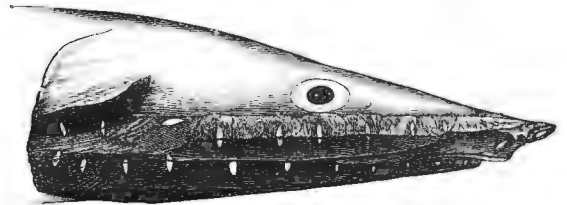
тить въ моментъ своего образованія. Далѣе тамъ, гдѣ на ряду съ железами являются и другія образованія, также вѣроятно выделяется слизь, только при дѣйствіи другихъ клѣтокъ получающая возможность сгорать и давать свѣтъ. Такую роль принимаетъ на себя чечевицеобразная часть. Серебристо-блестящая оболочка играетъ роль вогнутаго зеркала, отбрасывающаго концентрированные лучи въ опредѣленномъ направленіи.

Судя по величинѣ подглазныхъ органовъ, слѣдуетъ замѣтить, что вѣроятно они способны давать свѣтъ, далеко проникающій въ направленіи поля зрѣнія животнаго.

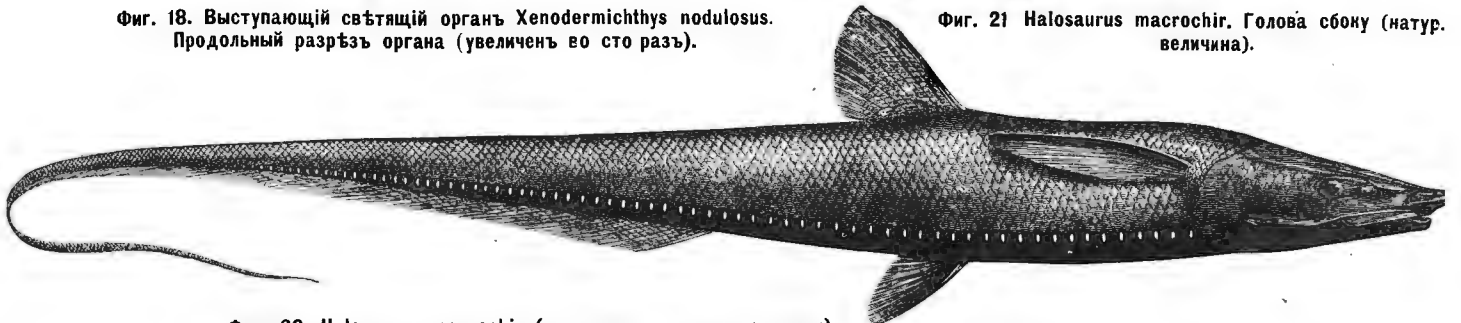
Такимъ образомъ эти рыбы устранили одно изъ главныхъ неудобствъ обитанія на такой громадной глубинѣ. Съ помощью хорошо развитаго зрѣнія онѣ могутъ различать предметы при слабомъ фосфорич-

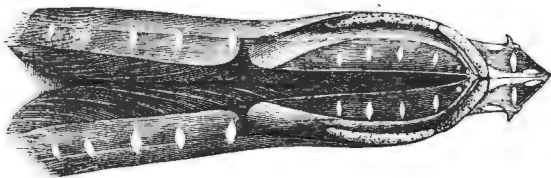
Фиг. 19. Выступающій свѣтящій органъ *Xenodermichthys nodulosus*. Два свѣтящія клѣточки (увелич. въ 800 разъ).

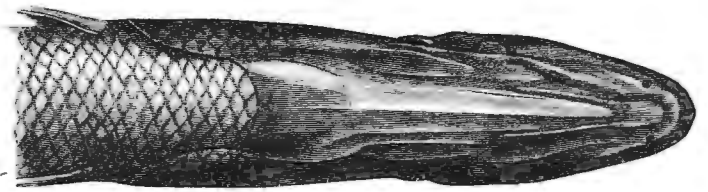
Фиг. 21 *Halosaurus macrochir*. Голова сбоку (натур. величина).

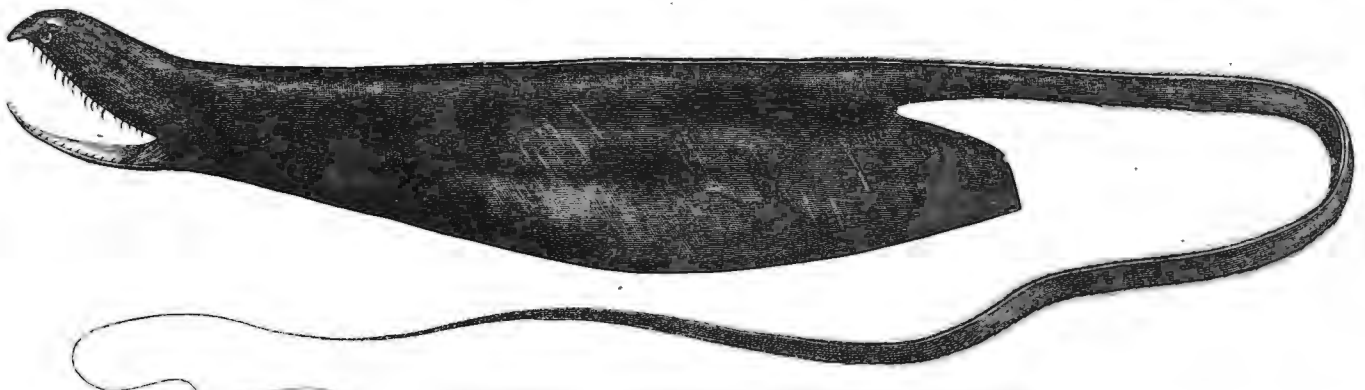
Фиг. 20. *Halosaurus macrochir* (въ половину натур. величины).

Фиг. 22. *Halosaurus macrochir*. Голова снизу (натур. величина).

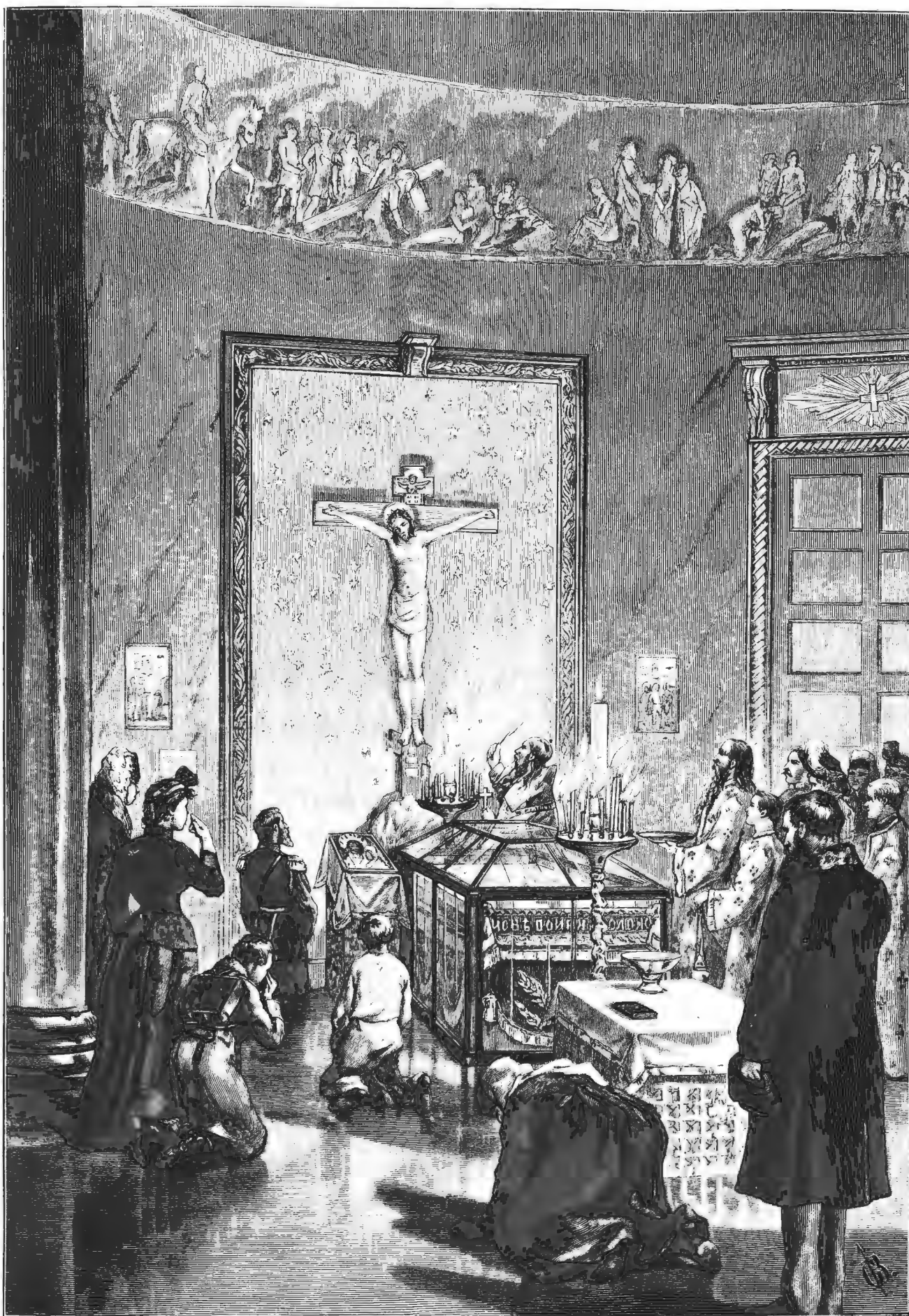
Фиг. 23. *Halosaurus macrochir*. Голова сверху (натур. величина).

Фиг. 24. *Saccopharynx ampulaceus* (въ половину натур. величины).

номъ свѣтѣ и лишь немногія изъ нихъ не могли ни улучшить своего зрѣнія, ни выработать свѣтящихъ аппаратовъ. Онѣ ослѣпли совсѣмъ и преимущества въ жизненной борьбѣ всецѣло остались на сторонѣ первыхъ. Вслѣдствіе того, что онѣ,

такъ сказать, очертя голову бросились въ эту негостепримную среду, онѣ роковымъ образомъ должны потерпѣть заслуженную кару, которая для нихъ неизбежна въ силу неуомлимыхъ законовъ природы.

Освященіе Креста въ С.-Петербургскомъ Казанскомъ соборѣ. По рисунку Н. Бретской, грав. Форбергерь.

Къ рисункамъ.

На удочку. (Рис. на стр. 681).

Тепло на солищкѣ. Весна
Береть свои права;
Въ рѣкѣ, мѣстами, глубь ясна,
На днѣ видна трава.
Чиста холодная струя.
Слѣжу за поплавкомъ:
Шадунья рыбка, вижу я,
Играетъ съ червячкомъ...

А. Фетъ.

Поединокъ Морозова съ Вяземскимъ.

(Рис. на стр. 684 и 685).

Историческій романъ „Князь Серебряный“, графа Алексѣя Константиновича Толстого, безусловно принадлежитъ къ числу лучшихъ историко-беллетристическихъ произведений въ русской литературѣ. Появившись въ 1861 году на страницахъ *Русскаго Вѣстника*, онъ сразу завоевалъ значительный успѣхъ у критики и среди читающей публики. Съ тѣхъ поръ „Князь Серебряный“ выдержалъ три изданія и его содержаніе хорошо вѣдомо. Прекрасное по языку, интересное по изложенію и содержанію, высоко-художественное произведеніе графа Толстого даетъ неисчерпаемый матеріалъ художникамъ. Рисунки К. Лебедева передаетъ одно изъ самыхъ замѣательныхъ событій романа, именно приготовленіе къ поединку боярина Морозова и князя Вяземскаго. Прекрасно задуманная, полная множествомъ характерныхъ фигуръ, работа г. Лебедева обращаетъ на себя вниманіе также и замѣчательною точностью въ одеждахъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ поединкѣ, про которыхъ романъ пишетъ слѣдующее:

Между тѣмъ, насталъ день, назначенный для сужаго поединка. Еще до восхода солнца народъ столпился на Красной площади; всѣ окна были заняты зрителями, всѣ крыши ими усыпаны. Въстѣ о предстоящемъ боѣ давно разнеслась по окрестностямъ. Знаменитыя имена сторонъ привлекли толпы изъ разныхъ сѣлъ и городовъ, и даже отъ самой Москвы прѣехали люди всѣхъ сословій посмотреть, кому Господь даруетъ одолѣніе въ этомъ дѣлѣ.

Внутри обѣдленного мѣста расхаживали поручики и старшіе обѣихъ сторонъ. Тутъ-же стояли бояринъ и окольничій, приставленные къ полю, и два дьяка, которымъ вмѣстѣ съ ними надлежало наблюдать за порядкомъ боя. Одинъ изъ дьяковъ держалъ развернутый судебникъ Владиміра Гусева, изданный еще при великомъ князѣ Юаннѣ Васильевичѣ III, и толковалъ съ товарищемъ своимъ о предвидѣнныхъ случаяхъ поединка.

Окруженный множествомъ опричниковъ, Иванъ Васильевичъ подѣхалъ верхомъ къ мѣсту поединка, слѣзъ съ коня, взошелъ по ступенямъ помоста и, поклонившись народу, опустился на кресла съ видомъ человѣка, готовящагося смотрѣть на занимательное зрѣлище.

Позади и около него размѣстились, стоя, царедворцы.

Въ то же время на всѣхъ слободскихъ церквяхъ зазвонили колокола, и съ двухъ противоположныхъ концовъ вѣхали во внутреннюю цѣнь, Вяземскій и Морозовъ, оба въ боевыхъ нарядахъ. На Морозовѣ былъ дощатый доспѣхъ, то есть стальные бахтерцы изъ наборныхъ блихъ, наведенныхъ черезъ рядъ серебромъ. Паручи, рукавицы и поножи блестяли серебряными разводами. Голову покрывалъ высокой шпичакъ съ серебромъ и чернью, а изъ-подъ вѣнца его падала на плечи боярина кольчатая бармица, скрещенная на груди и укрѣпленная круглыми серебряными блихами. У бедра его висѣлъ на узорномъ поясѣ, застегнутомъ кроюкомъ, широкий прямой тесакъ, котораго крыжъ, ножовья обоймцы и наконечникъ были также серебряные. Къ правой сторонѣ сѣдла привѣшенъ былъ, концомъ внизъ, золоченый пестоперъ—оружіе и знакъ достоинства, въ былые годы неразлучный съ бояриномъ въ его славныхъ битвахъ, но нынѣ, по тяжести своей, врядъ ли кому по рукѣ.

Подъ Морозовымъ былъ грудастый конь. Его покрывалъ бархатный малиновый чалдаръ, весь въ серебряныхъ блихахъ. Отъ кованого налобника падали по сторонамъ малиновые шелковые морхи, или кисти, перевитыя серебряными нитками, а изъ-подъ шен до самой груди висѣла такая-же кисть, больше и гуще первыхъ, называвшаяся наузомъ. Узда и поводья состояли изъ серебряныхъ цѣпей съ плоскими вырѣзными звеньями, перовой величины.

Мѣрно шелъ конь, поднимая косматые ноги въ серебряныхъ наколѣвникахъ, согнувши толстую шею, и когда Дружина Андреевичъ остановилъ его саженахъ въ пяти отъ своего противника, онъ сталъ грести густую волнистую гривой, достававшею до самой земли, гривѣ удила и нетерпѣливо рыть шею сильными копытомъ, выказывая при каждомъ ударѣ блестящіе шипы широкой подковы. Казалось, тяжелый конь былъ подобранъ подъ-стать дороднаго всадника, и даже бѣлый цвѣтъ его гривы согласовался съ сѣвою бородой боярина.

Вооруженіе Вяземскаго было гораздо легче. Еще страдая отъ недавнихъ ранъ, онъ не захотѣлъ надѣть ни зеркала, ни бахтерцовъ, хотя они и считались самою надежною броней, но предпочелъ имъ легкую кольчугу. Ея ожерелья, подолъ и зарукавья горѣли дорогими камнями. Вмѣсто шпичака, на князѣ была ерихонка, то есть низкій вязицо высунутый шлемъ, имѣвший на вѣнцѣ и ушахъ золотую

насѣчку, а на тулѣ высокой сногъ изъ дрожащихъ золотыхъ проволочекъ, густо усыпанныхъ во всю длину ихъ яхонтовыми искрами. Сквозь полку шлема проходила отвѣсно желѣзная золоченая стрѣла, предохранявшая лицо отъ поперечныхъ ударовъ; но Вяземскій, изъ удалства, не спустилъ стрѣлы, а напротивъ, поднялъ ее, посредствомъ щуренца, до высоты яхонтоваго снога, такъ что бѣдное лицо его и темная борода оставались совершенно открыты, а стрѣла походила на золотое перо, щегольски воткнутое въ полку ерихонки. На поясѣ, плотно стянутомъ пряжкой поверхъ кольчуги и украшенномъ разными привѣсками, звенцами и брицальдами, висѣла кривая сабля, вся въ дорогихъ камняхъ, та самая, которую заговорилъ мельникъ и на которую теперь твердо надѣлся Вяземскій. У бархатнаго сѣдла, фиолетоваго цвѣта, съ горючатыми серебряными гвоздями и съ такими-же коваными скобами, прикрѣпленъ былъ булатный топорокъ съ фиолетовымъ бархатнымъ черенкомъ въ золотыхъ полясахъ. Изъ-подъ наряднаго подола кольчуги видѣлась бѣлая шелковая рубаха, съ золотымъ шитьемъ, нававшая на зарбанные штаны, жаркаго цвѣта, всунутые въ зеленые сафьянные сапоги, которыхъ узорныя голенищи, непокрытыя поножами, натянуты были до колѣнъ и перехватывались подъ стѣбкомъ и у щиколокъ жемчужною тесьмою.

Конь Афанасія Ивановича, золотисто-булатный армамакъ, былъ весь увѣшанъ, отъ головы до хвоста, гремящими цѣпами изъ дутыхъ серебряныхъ бубенчиковъ. Вмѣсто чепрака или чалдара, пардовая кожа покрывала его спину. На ворономъ налобникѣ горѣли въ золотыхъ гвѣздахъ крупныя яхонты. Сухія черныя ноги горскаго скакуна не были вовсе подкованы, но на каждой изъ нихъ, подъ бабкой, висѣло по одному серебряному бубенчику.

Кающаяся Магалина. (Рис. на стр. 689).

Картины Габріели Макса, обыкновенно заключающія себѣ болѣе 2—3 фигуръ, отличаются скорѣе внутреннимъ содержаниемъ, чѣмъ рисункомъ и колоритомъ, всегда тускловатымъ, какъ бы дымчатымъ. Такою является и его Магалина, съ ея раскаяніемъ и надеждою на прощеніе, свѣтящаяся въ задумчивыхъ, красивыхъ глазахъ.

Торжество освященія Креста въ СПБ. Казанскомъ соборѣ. (Рис. на стр. 697).

10 февраля настоящаго года, въ 9 час. утра, было совершено мѣстнымъ причтомъ, при участіи церковно-народнаго хора въ 250 человѣкъ обоего пола, торжественное освященіе восьмиконечнаго крестнаго Креста, сооруженнаго въ намѣтъ 17 октября 1888 года. По окончаніи водосвятія, протоіерей А. А. Лебедевъ прочелъ умиленную молитву, нарочито на освященіе Креста положенную, послѣ чего Крестъ былъ трижды окропленъ Св. водою. Не смотря на ранній часъ дня и время Масляницы, народу набралось весьма много; на лицахъ присутствовавшихъ выражалась неподдѣльная радость вновь сооруженной святыхъ, прибывшей изъ Афона. Работали Крестъ шпикъ Пантелеимонова монастыря „Русскій“. Вверху Креста изображенъ Богъ Отецъ и исходящій отъ Него Духъ Святый, ниже инициалы надписи на еврейскомъ, греческомъ и римскомъ языкахъ, а затѣмъ распятый Спаситель (въ человѣчскій ростъ). Въ подножіи Креста вѣлаи камень, составляющій часть пещеры Гроба Господня—даръ Великаго Князя Сергія Александровича, и желѣзныя гвозди, однаковой мѣры и подобія съ однимъ пазъ гвоздей, которыми Спаситель былъ пригвожденъ ко Кресту. Крестъ временно укрѣпленъ на деревянномъ возвышеніи (обитомъ коричневою, подъ гранитъ, клеенкою), приставленномъ къ дверямъ въ южной части собора, надъ которыми барельефъ изображаетъ несеніе Креста Спасителемъ. Въ дверяхъ этихъ временно повѣшена голубая канауцовая завѣса, несмѣренная серебряными глазовыми звѣздами (работы усердныхъ мѣстныхъ прихожанокъ). Передъ Крестомъ поставлена соборная Плащаница, а по обѣи ея стороны на апалояхъ—икона страданія Спасителя на Крестѣ и Казанская икона Богоматери, находившаяся послѣ катастрофы 1 марта 1881 года въ часовнѣ по Екатерининскому каналу. Сооруженіе постоянной Голговы (по проекту архитектора Н. П. Николаева), предстоющихъ у Креста и предпологаемыхъ по бокамъ иконъ: семъ Святыхъ, имена которыхъ носятъ Члены Августѣйшей Семьи, и явленія Прендобному Сергію Божіей Матери, —состоится въ будущемъ году, вѣдѣствіе недостаточности собранной на это суммы—2,300 р., въ виду сего сборъ на довершеніе задуманнаго продолжается церковнымъ старостою, полковникомъ графомъ П. О. Гейденкомъ, съ выдачею жертвователямъ квитанцій.

Наводненіе въ Томскѣ. (Рис. на стр. 700).

Рѣка тронулась въ ночь на 29 апрѣля. Утромъ 29 апрѣля вода быстро пошла на прибывъ и касалась къ 3 noonудни достигла такой высоты, до которой не доходила въ одно изъ самыхъ болѣе наводненій 1888 г. Остальной день 29-го и слѣдующій 30-го вода то сбывала, то снова поднималась до

прежняго уровня. 1 мая замѣтно пошла на убыль, но это было не долго; часовъ въ 9½ вечера вода быстро пошла на прибыль и затопила такія мѣста, которыя могли считаться въ безопасности. Отчаянные крики о помощи огласили городъ... Общественныя лодки едва успѣвали вывозить несчастныхъ. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крики о помощи были „гласомъ вопіющаго въ пустынѣ“, такъ напр. за Истокомъ многіе дома были затерты льдомъ, чрезъ который не было возможности пробраться, за озеромъ мѣшала плавать немовѣрная стрѣльба, благодаря которой опрокинулось нѣсколько лодокъ, наполненныхъ народомъ. Въ одной изъ такихъ лодокъ были двѣ дѣвочки четырехъ и шестилѣтняго возраста, сдѣлавшія добычей разбушевавшейся стихіи.

Общество наше приняло близко къ сердцу несчастіе, постигшее городъ: со всѣхъ сторонъ стали поступать пожертвованія, образовался комитетъ, состоящій изъ гласныхъ думы, для пріема и распредѣленія пожертвованій между пострадавшими. И не только въ Томскѣ, но и въ другихъ городахъ, даже не сибирскихъ, собирались пожертвованія. Изъ числа жертвователей, въ другихъ городахъ живущихъ, слѣдуетъ отмѣтить нѣкоторыя торговыя фирмы Москвы, сдѣлавшія крупныя пожертвованія.

Во время самага наводненія многіе состоятельные люди разсылали по затопленнымъ частямъ города хлѣбъ и даже кирпичный чай.

Разсказываютъ даже случаи, что одинъ нищій собиралъ куски и отправлялъ ихъ на уральскихъ лодкахъ пострадавшимъ. Исправляющій должность начальника губерніи д. с. с. Катюховъ отнесся также чрезвычайно сочувственно къ народному бѣдствію, и 3 мая, когда вода стала немного сбывать, онъ самъ, въ сопровожденіи помощника пристава, объѣхалъ нѣкоторые затопленные кварталы Песковъ и Заозерья и выслушивалъ жалобы на несправность городскихъ лодокъ въ дѣлѣ доставленія хлѣба голодающимъ. Только въ ночь на 4 мая вода сбывла, но и затѣмъ долго еще не входила окончательно въ свое русло.

Н. Селивановъ.

Дѣло Борраса. (Портр. на стр. 701).

Процессъ безвинно осужденнаго Борраса надѣлалъ неслыханнаго шума во всей французской и заграничной печати, такъ какъ въ этомъ дѣлѣ обнаружилась не судебная ошибка, до нѣкоторой степени извинительная при ограниченности человѣческаго ума, а преднамеренное подавленіе истины всѣми судьями, на разсмотрѣніе коихъ поступало это дѣло.

Въ 1887 году было совершено убійство супружеской четы, проживавшей въ уединенномъ сельскомъ домикѣ въ Пти-Рондонѣ. Жена, передъ смертью, была еще въ силахъ заявить, что убійца было трое. На другой день послѣ убійства, власти арестовали двухъ бродягъ, Гильоме и Вилларубію, и они безъ дальнихъ околичностей сознались, что были участниками этого преступленія. Оставалось найти третьяго виновника. Нять дней спустя жандармы захватили нѣкоего Борраса, испанца, мирно проживавшаго со своей женою въ Каркасонѣ и кормившагося честнымъ трудомъ. Это былъ человекъ ничѣмъ не запятанный. Ничто не могло навѣсн на него подозрѣнія. Полиція накинулась на него единственно потому, что „третьяго“ не доставало и что онъ дружественно относился къ одному изъ арестованныхъ преступниковъ, своему земляку, испанцу Вилларубію. Обвиненіе изумило, возмутило и раздражило Борраса при допросѣ. Слѣдователь примѣнилъ къ этому старинную поговорку: ты сердился—стало быть неправъ“, и Боррасъ вмѣстѣ съ Гильоме и Вилларубіей былъ преданъ ассизному суду въ Одскомъ департаментѣ. Онъ не переставалъ доказывать свою невинность. Предъ судомъ выступили четыре свидѣтели, которые единогласно показали, что въ день и ночь преступленія Боррасъ находился далеко отъ мѣста преступленія, другими словами, доказано было *alibi*. Перекрестные допросы не могли сбить свидѣтелей. Тогда предѣлатель суда, Резенъ (Raisin), воскликнулъ: „Это семья Борраса подкупила ихъ!“ Присяжные признали его виновнымъ наравнѣ съ двумя сознавшимися преступниками, и судъ приговорилъ его къ смертной казни.

Боррасъ объявилъ, что подаетъ на апелляцію. Въ этомъ ему было отказано, такъ какъ въ дѣлѣ не оказалось нарушенія какихъ-либо формальностей, но судъ однако предложилъ замѣнить смертную казнь пожизненными каторжными работами. Всѣ судьи подписали это заявленіе, за исключеніемъ предѣлателя Резена. Оба преступника, Гильоме и Вилларубія, громко говорили въ тюрьмѣ при всѣхъ сторожахъ, что Боррасъ не участвовалъ съ ними, а Вилларубія даже добился свиданія съ адвокатомъ Крозалемъ (Crosals) и заявилъ ему о невинности Борраса. Доношеніе адвоката объ этомъ было только подшито къ дѣлу какъ несоостоятельное. Десять мѣсяцевъ томился Боррасъ въ неизвѣстности, ежедневно ложась спать въ своей тюрьмѣ съ мыслью, что утромъ его разбудятъ и поведутъ на гильотину. Наконецъ, 19 (7) июля 1888 года ему объявили, что смертный приговоръ 11 сентября 1887 года замѣненъ для него пожизненными каторжными работами.

Между тѣмъ молодой женѣ Борраса удалось пробудить участіе къ своему несчастному мужу въ сенаторѣ Одского департамента, г. Марку. Последній разсмотрѣлъ дѣло Борраса и убѣдился въ его невинности. Онъ тотчасъ поѣхалъ въ Парижъ, осаждалъ министра юстиціи въ министерствѣ, въ сенатѣ, въ палатѣ, на улицѣ, обличая преступленіе Резена и другихъ судей, и наконецъ настоялъ на пересмотрѣ дѣла Борраса. Но для того чтобы этотъ пересмотръ состоялся, Боррасъ долженъ былъ оставаться въ тюрьмѣ на почвѣ Франціи. Сенаторъ, зная съ какимъ народомъ имѣетъ дѣло, добился приказа не посылать Борраса въ Новую Каледонію, куда обыкновенно отправляются каторжники. Г. Марку не отступалъ до тѣхъ поръ, пока министръ не подписалъ этого приказа при немъ, а канцелярія отправила приказъ въ тулонскую прокуратуру. Каково же было удивленіе сенатора, когда недѣли черезъ двѣ онъ получилъ отчаянное письмо жены Борраса, въ которомъ она извѣщала г. Марку, что мужа ея уже перевезли на корабль для отправки въ Новую Каледонію! Сенаторъ носѣвши въ Тулонъ и сдѣлавъ тамъ слѣдующее невѣроятное открытіе: тулонскій прокуроръ, получивъ министерскій приказъ удержать Борраса во Франціи, распорядился немедленно отправить его на корабль. Г. Марку пустилъ въ ходъ телеграфъ, грозилъ интригами и такимъ образомъ ему удалось сломить упорство прокурора: Боррасъ былъ возвращенъ въ тюрьму.

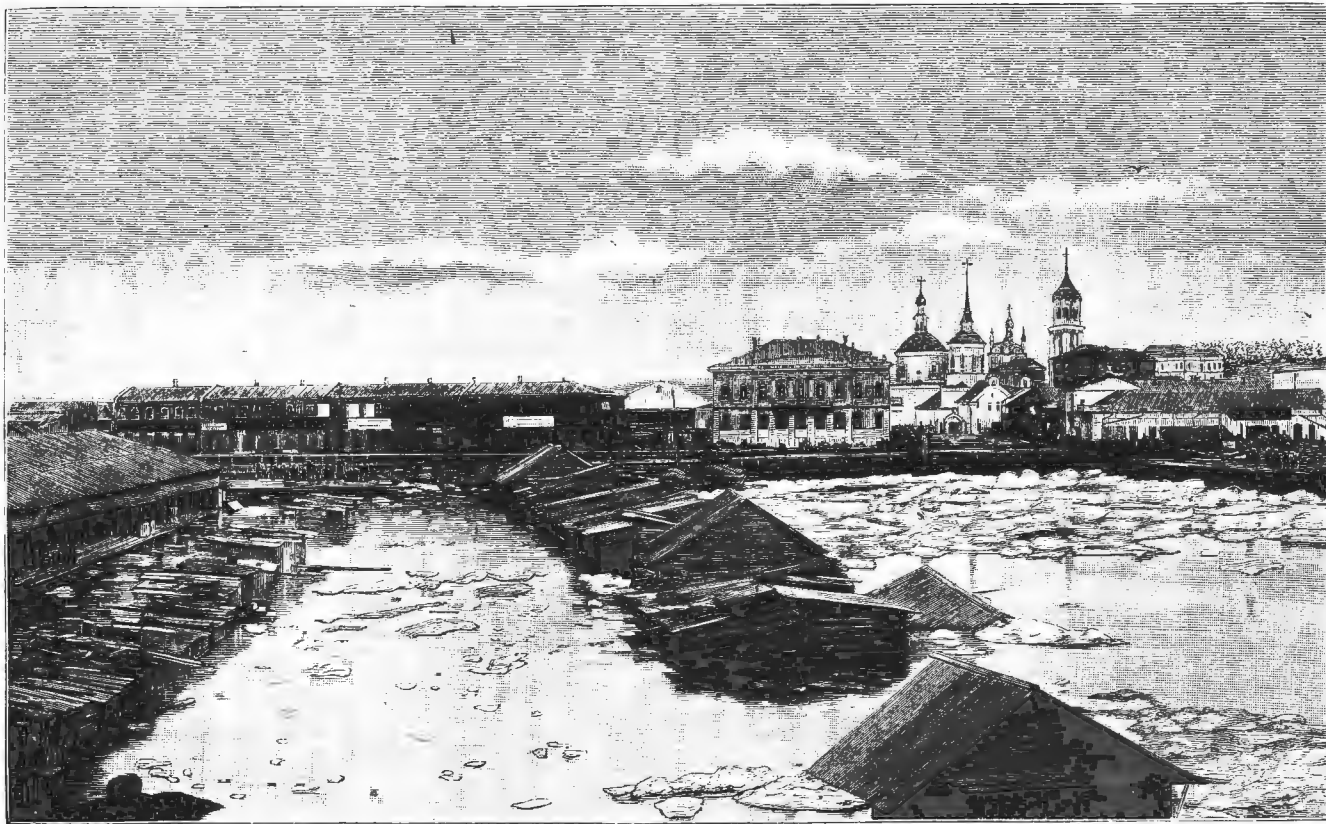
Между тѣмъ произошло нѣчто еще необычайнѣе. Нѣкій бродяга, по имени Россель, арестованный въ Испаніи за какой-то проступокъ, сознался что онъ былъ третьимъ участникомъ съ Гильоме и Вилларубіей. Испанскія власти тотчасъ же сообщили объ этомъ французскимъ, рекомендуя послѣднимъ потребовать выдачи Росселя, которая-де и не замедлитъ. Отношеніе это попало въ Монпельскій судъ, постановившій слѣдующее рѣшеніе: „Выдачи Росселя не требовать, ибо хотя онъ и признаетъ себя виновнымъ, но слѣдствіе доказало, что третій убійца не онъ, а Боррасъ. Поэтому Росселя слѣдуетъ считать невиннымъ. Впрочемъ, еслибъ онъ и принималъ участіе въ этомъ преступленіи, то это не уменьшило бы вины Борраса, а отъ очной ставки Росселя съ Боррасомъ нечего ждать“.

Такъ наступилъ 1889 годъ. Боррасъ уже полтора года томился въ тюрьмѣ. Между тѣмъ министромъ юстиціи сталъ Тевене. Г. Марку составилъ докладную записку обо всемъ этомъ дѣлѣ, изложилъ всю несообразность отклоненія испанскихъ предложеній относительно выдачи Росселя, и подалъ записку президенту республики, г. Карно, который переслалъ ее министру Тевене. Сенаторъ, не отставая со своей стороны, сталъ просто пугаломъ министерства юстиціи. Чиновники старались отомстить ему, распространивъ слухъ, что г. Марку сошелъ съ ума, помѣшавшись на томъ, что какой-то убійца въ Южной Франціи не виновенъ. Марку однако не унимался: онъ встрѣтился съ г. Тевене и спросилъ его, что случилось съ его запиской; оказалось, что министръ и не видалъ ее: она исчезла на пути отъ президента республики въ министерство юстиціи. Тогда г. Марку лично передалъ министру новую докладную записку. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Сенаторъ снова заговорилъ о ней съ министромъ. Г. Тевене не читалъ самой записки, но въ канцеляріи министерства составили противъ нея возраженіе, въ которомъ по пунктамъ опровергли ее на основаніи различныхъ протоколовъ, приложений и др. документовъ, съ означеніемъ ихъ номеровъ. Сенаторъ вышелъ изъ себя, чиня это возраженіе: большей части означенныхъ и перенумерованныхъ документовъ вовсе не существовало на самомъ дѣлѣ, другая часть состояла лишь изъ обвинительнаго акта прокурора и приговора Монпельскаго суда.

Этотъ позорный подлогъ канцеляріи министерства юстиціи спасъ Борраса. Тевене былъ замѣненъ г. Фальеромъ, которому г. Марку и изложилъ, какія дѣла дѣлаются въ его министерствѣ. Новый министръ лично прочелъ записку — и результатомъ этого было, что Боррасъ черезъ нѣсколько дней былъ „помилованъ“ (это единственно возможная форма въ такихъ случаяхъ во Франціи) и выпущенъ на свободу. Горьженное же объявленіе его невиннымъ можетъ послѣдовать лишь по пересмотрѣ его дѣла и въ силу новаго приговора, на что потребуются еще нѣсколько времени.

Вотъ это дѣло во всемъ его ужасѣ. Какія же причины заставили судей и чиновниковъ взять на свою совѣсть такое преступленіе по должности? Причины весьма понятныя. Сначала эти господа были просто глупы и ослѣплены самоуверенностью. Когда же имъ указали ихъ глупость и ослѣпленіе, у нихъ не достало гражданского мужества признать это и раскаяться, а чтобы не сознаваться въ своей ошибкѣ, они прибѣгли къ обдуманному и утонченному преступленію и рядомъ подлоговъ направили всю тяжесть административной машины на несчастнаго Борраса съ тѣмъ, чтобы раздавить безвиннаго.

Потребовалось чудо для его спасенія—и чудо это совершили великодушный сенаторъ, да и тотъ едва-ли успѣлъ бы спасти Борраса, не будь такъ-называемой каторжной совѣсти у всѣхъ трехъ убійцъ. Предъ этимъ безпримѣрнымъ дѣломъ блѣднѣютъ всѣ знаменитые процессы Лезюрка и другихъ.

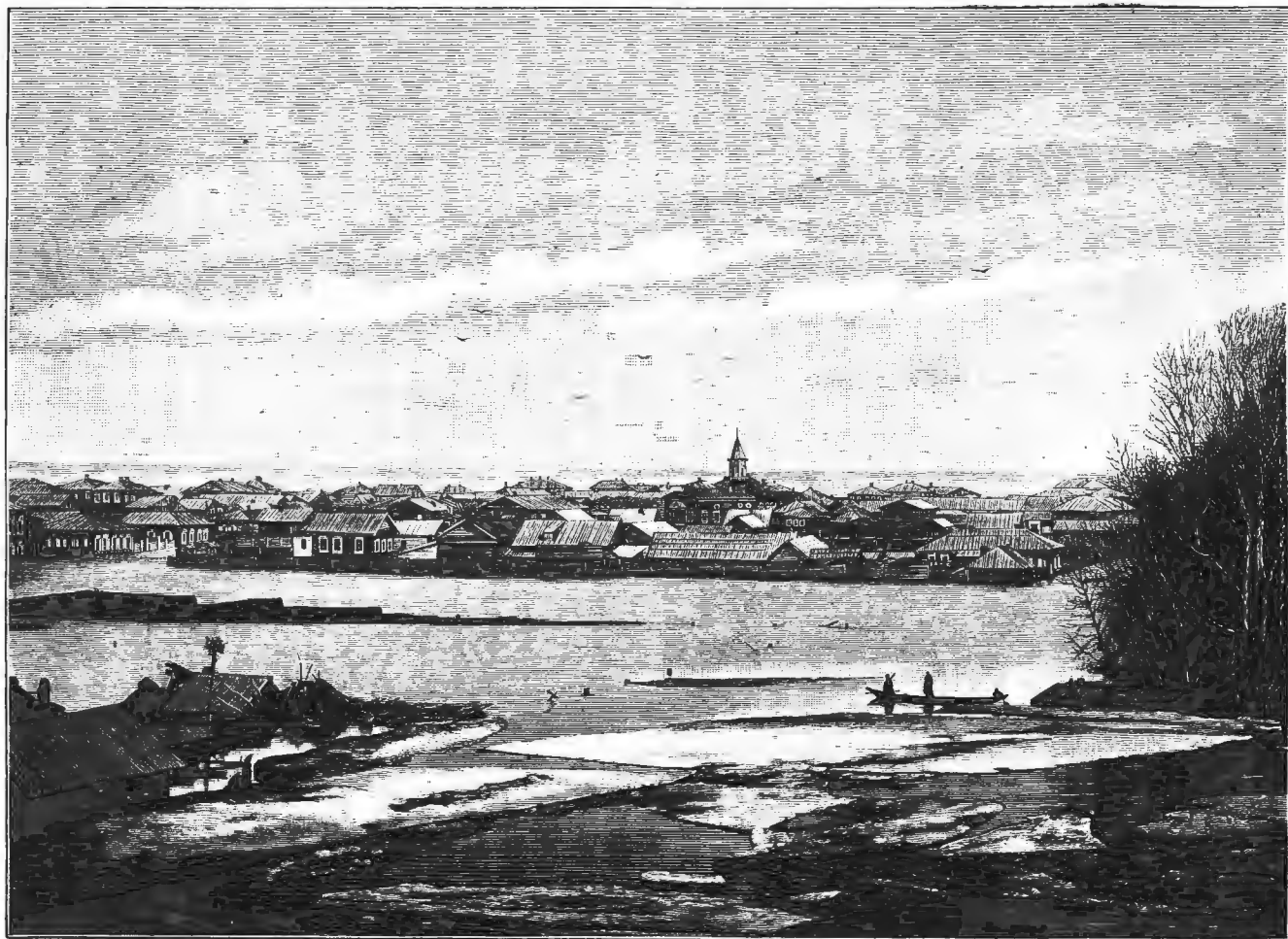

Наводнение въ Томскѣ. Общій видъ набережной рѣки Ушайки. Съ фотогр. Селиванова, грав. Рашевскій.

Политическое обозрѣніе.

23 іюня, послѣ двухдневнаго разбирательства, въ Парижѣ, окончилось дѣло русскихъ шпигловъ. 29 мая у различныхъ

лицъ былъ произведенъ обыскъ, давшій важныя открытія. Были найдены бомбы, взрывныя вещества и составныя ихъ части. Дальнѣйшіе розыски повели къ аресту разныхъ лицъ, числомъ до 29, изъ которыхъ 8: супруги Рейнштейнъ, Накашидзе, Сте-

Наводнение въ Томскѣ съ 29 апрѣля по 3 мая 1890 г. Видъ на За-источное предмѣстье. Съ фот. Селиванова, грав. Рашевскій.

пановъ, Кашищевъ, Львовъ, Лавреніусъ и дѣвица Бромбергъ были преданы суду передъ девятою палатою исправительной полиціи. Рейнштейновъ защищала Райберти, депутатъ отъ Ниццы; Накашидзе, Степанова и Кашищевъ—Миллеранъ, депутатъ отъ Парижа; Львовъ—адвокатъ Пюгъ, Лавреніусъ—адвокатъ Дюрье, Бромбергъ—адвокатъ Тардифъ. Всѣ они преданы суду по обвиненію въ храненіи и приготовленіи смертоносныхъ или зажигательныхъ снарядовъ и взрывныхъ веществъ. На судѣ по этому дѣлу присутствовала многочисленная публика; особенно много русскихъ. Допросъ подеудимыхъ прошелъ безъ особенныхъ приключеній. При допросѣ судъ касался исключительно факта открытія взрывныхъ снарядовъ. Подеудимые заявили, что они специально занимались химіей и изученіемъ взрывныхъ веществъ, какъ двигательной силы, и сдѣлались жертвою подстрекателя, который скрылся. Дѣвица Бромбергъ, еврейка изъ Кременчуга, объявила, что содержаніе найденнаго у ней чемодана съ пятнадцатью бомбами ей было неизвѣстно. Затѣмъ судъ допросилъ многочисленныхъ свидѣтелей. На другой день въ обвинительной рѣчи противъ ии-

поступать съ людьми, которые даже не знаютъ, чего они хотятъ, но во всякое время готовы на совершеніе чудовищныхъ преступленій. Нѣтъ сомнѣній, что существуетъ много приятныхъ, благоразумныхъ и развитыхъ русскихъ, желающихъ умѣренныхъ реформъ, но по той или иной причинѣ они, повидимому, держатся въ сторонѣ и никакого ощутительнаго вліянія на правительство не оказываютъ. По отношенію къ русскимъ они никакого значенія не имѣютъ. Чрезмѣрный процентъ образованныхъ людей въ Германіи ведетъ къ неудовольствію и разочарованію, а въ Россіи—къ неудовольствію. Тамъ къ высшимъ жизненнымъ занятіямъ готовятъ въ десять разъ больше юношей, чѣмъ имѣется свободныхъ для нихъ мѣстъ или случаевъ приличнаго заработка. Быть-можетъ и методъ жизни тамъ не совсѣмъ правиленъ. Имѣется слишкомъ много стипендій и занятій, при которыхъ бѣдняки чувствуютъ себя несчастными и бесполезными. Такъ, напримѣръ, большая часть дѣтей священниковъ получаютъ высшее воспитаніе и университетское образованіе безвозмездно, но развѣ имъ это приноситъ какую-нибудь пользу? По окончаніи курса для мно-

Сенаторъ М. Марну, содѣйствовавшій возстановленію чести Боррасса.

Жозефъ Боррассъ, ложно обвиненный въ убійствѣ Карнасонскимъ ассизнымъ судомъ.

гиллистовъ прокуроръ Ломбаръ сказалъ, что иностранцы, ищущіе убѣжища во Франціи, должны уважать мѣстные законы. „Мы даемъ имъ гостепріимство—прибавилъ прокуроръ—взамѣнъ этого они, съ своей стороны, обязаны вести себя достойнымъ образомъ, не вызывая никакихъ для насъ международныхъ затрудненій и не нарушая нашего спокойствія“. Перейдя къ доказательству обвиненія, прокуроръ выставилъ на видъ, что подсудимые дѣйствительно занимались изготовленіемъ взрывныхъ снарядовъ, опровергнувъ нѣкоторыя инсинуаціи защиты, направленные противъ судопроизводства, и въ заключеніе потребовалъ, чтобы всѣ подеудимые были наказаны.

Судъ своимъ приговоромъ по дѣлу шиглистовъ оправдалъ женщинъ Рейнштейнъ и Бромбергъ. Лаудейзенъ приговоренъ заочнымъ рѣшеніемъ къ пятилѣтнему тюремному заключенію. Всѣ остальные подеудимые приговорены къ трехлѣтнему тюремному заключенію и къ 200 франкамъ штрафа каждый.

Изъ этого приговора видно, что обвиняемыхъ судили за изготовленіе взрывныхъ снарядовъ и храненіе ихъ, а не какъ политическихъ преступниковъ. Какъ таковые, они, конечно, не заслуживаютъ никакой пощады, и это мнѣніе начинается повсюду становиться всеобщимъ. Интересны въ этомъ отношеніи слова князя Бисмарка, въ его бесѣдѣ по этому поводу съ мистеромъ Питти Кингстономъ, корреспондентомъ *Daily Telegraph*. О шиглистахъ бывшій канцлеръ высказалъ слѣдующее мнѣніе: „Никакихъ уступокъ шиглистамъ дѣлать нельзя. Всѣ они алчутъ убійствъ, всѣ они—убійцы изъ-за угла, если не на дѣлѣ, то по намѣренію. Единственное средство противъ нихъ—это обостреніе и усиленіе закона и примѣненіе его къ нимъ съ удвоенною строгостью. Объ уступкахъ этимъ злодѣямъ не можетъ быть и рѣчи. Нельзя дружески и примирительно

ихъ молодыхъ людей ничего въ виду не имѣется и приобрѣтенныя ими познанія не только оказываются бесполезными, но дѣлаютъ изъ нихъ недовольныхъ и даже нищихъ. Ихъ воспитывали для состязанія на гораздо болѣе дорогіе призы, чѣмъ тѣ, которые даетъ жизнь въ дѣйствительности, исключая многихъ, къ ихъ сословію не принадлежащихъ. Миѣ приходилось встрѣчаться въ Россіи сторожей, которые воспитывались въ университетахъ и получили ученые степени. Можно ли представить себѣ что-нибудь, что было бы болѣе жестоко и нелѣпно? Такіе люди, исполненные ненависти и злобы противъ всѣхъ богатыхъ и высокопоставленныхъ, легко поддаются на заговоры и преступленія. Созидать они неспособны, но обладаютъ достаточными познаніями для разрушенія. Вѣдь легче разрушить, чѣмъ замѣнить одно другимъ, и вотъ они творятъ зло, называя это улучшеніемъ“.

Брюссельская конференція по вопросу объ уничтоженіи невольничества окончила свою задачу. Какъ сообщаетъ *Independance Belge*, всѣ державы, исключая Голландіи, подписали общій актъ конференціи по уничтоженію невольничества, равно какъ дополнительную декларацію, касающуюся таможенныхъ сборовъ съ товаровъ въ государствѣ Конго. Голландіи предложено присоединиться къ постановленіямъ конференціи въ шестимѣсячный срокъ.

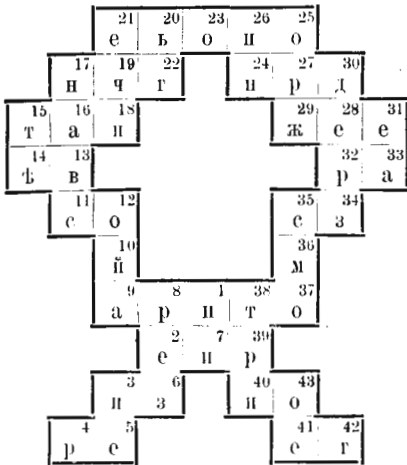
Въ Испаніи только что совершился довольно спокойно министерскій кризисъ. Либеральное министерство Сагасты давно уже вызывало неудовольствіе и подвергалось ожесточеннымъ нападкамъ. Открытыя злоупотребленія въ администраціи довели дѣло, и министерство должно было подать въ отставку, которая принята королевой-регентшей. Новое консервативное министерство составлено подъ предѣлительствомъ Кановаса-дель-Кастильо.

С М Ъ С Ъ .

Изъ жизни графа Аракчеева. Въ воспоминаніяхъ г. Тимченко-Рубана, напечатанныхъ въ *Историческомъ Вѣстникѣ*, разсказывается, между прочимъ, и о графѣ Аракчеевѣ, замѣчательномъ государственномъ чловѣкѣ. Дѣятельность Аракчеева, по словамъ всѣхъ его окружавшихъ, была изумительная. Всѣ въ одинъ голосъ повторяли, что не знаютъ, когда онъ и спитъ. Онъ ложился спать около 11-ти часовъ, а уже въ два часа ночи посѣщалъ и штабъ военныхъ поселеній, и чертежную, гдѣ въ это время кипѣла работа. Дежурные при немъ адъютанты должны были быть на ногахъ цѣлыя

сутки, въ полной формѣ. Они то и дѣло разсылались съ его порученіями. У графа Аракчеева была подруга, Анастасія Федоровна Минкина, которую онъ называлъ „своею Настею“. Весьма видная, красивая и умная женщина, она происходила изъ простыхъ крестьянокъ и поступила къ графу послѣ похоронъ его жены. Одѣвалась она всегда чрезвычайно нарядно: бархатъ, кружева, брилліанты—составляли обыкновенный нарядъ. Своею угодливіостью и предупредительностью она снискала себѣ безграничную любовь графа и его довѣріе. Все дворцовое хозяйство было на ея рукахъ; всѣмъ распоряжалась она

Рѣшеніе задачи буквъ № 31 (помѣщенной въ № 22).

- 1) Езеи
- 2) Римини
- 3) Геродот
- 4) Роза
- 5) Женева
- 6) Сто
- 7) Почь
- 8) Рѣна
- 9) Сери

„Не презирай совѣта
ническаго,
„Но прежде размотри
его“.

Крыловъ.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи
присланы отъ гг.: С. П. — А. А.
Посѣева, Ф. Михеля, Б. Коро-
вино — В. К. Терскаго, Одесса —
М. Юрѣва, Серпуховъ — Я. С.
Иконникова.

Рѣшеніе шарады № 32 (помѣщенной въ № 22).

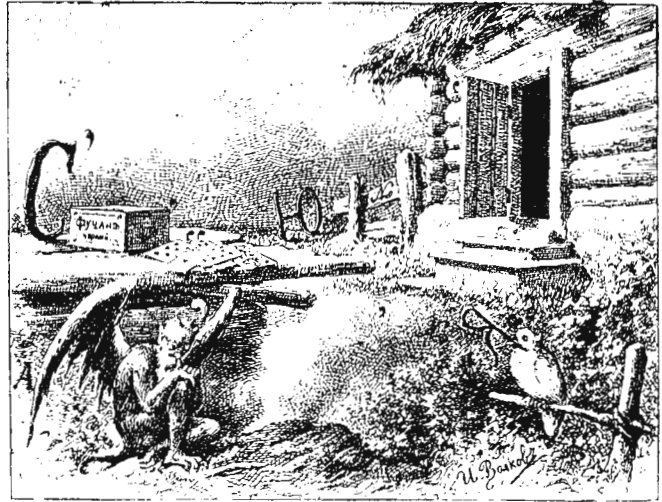
До-кладъ.

Вѣрныхъ рѣшеній этой задачи получено около тысячи. За недостаткомъ мѣста
фамили рѣшившихъ не могутъ быть помѣщены.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иног-
родныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать
прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп.
почтовыми марками на типографскіе рас-
ходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ пред-
ставлять подписные билеты.

Ребусъ. Задача № 40

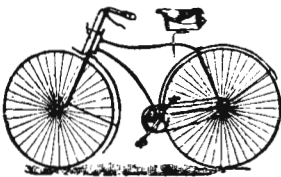

СОДЕРЖАНІЕ: Жизнь, какъ она есть. Романъ въ пяти частяхъ. Вас. И. Неми-
ровича-Данченко. Часть II. (Продолженіе). — Старинный вальсъ. (Навъ расказовъ
старого майора). (Продолженіе). — Свѣтлая рыба дна морскаго. (Ферикъ Роберта
фонъ-Ленденфельда. (Переводъ М. Штауде) (съ 24 рис.). — Къ рисункамъ: На
удочку (съ рис.). — Поездикъ Морозова съ Вяземскимъ (съ рис.). — Наю-
щаяся Магдалина (съ рис.). — Торжество освѣщенія Креста въ С. П. Б. Казан-
скомъ соборѣ (съ рис.). — Наводненіе въ Томскѣ (съ 2 рис.). — Дѣло Борраса
(съ 2 портр.). — Политическое обозрѣніе. — Смѣкъ. — Тиражъ выигравшей въ Госу-
дарственномъ Банкѣ. — Заявленіе. — Ребусъ и рѣшеніе задачи. — О перемѣнѣ
адреса. — Объявленія. — При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за
ІЮЛЬ 1890 г., съ 29 рис. и отд. листъ съ 29 чертеш. выкроекъ въ натур. вели-
чину и 32 рис. рукодѣльныхъ работъ.

Печателъ А. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Ключниковъ.

ІОДИСТО-РАЗСОЛЕННЫЯ ВОДЫ BAD-HALL ВЪ ВЕРХНЕЙ АВСТРИИ.
Самое сильное содержаніе іодистаго разсола въ Европѣ. Лечение при золотухѣ,
а также при тѣхъ общихъ болѣзняхъ, гдѣ іодъ бываетъ важнымъ факторомъ
лечения. Превосходное устройство леченія (ванны и внутреннее употребленіе
минеральныхъ водъ, завертываніе, вдыханіе, массажъ, кефиръ). Весьма выгод-
ная климатическая условія; станція ж. д. Пулъъ черезъ Линцъ на Дунай. Сезонъ
отъ 15-го мая до 30-го сентября. М. № 4522 4—4
Подробныя программы на разныхъ языкахъ высылаютъ Дирекція водъ въ BAD-HALL.

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ
Франкфуртъ н/М. В. № 4587
ФАБРИКАНТЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ
„ОРЕЛЬ“.

Всѣмъ рода двухъ- и трехъ- колесные вело-
ципеды для взрослыхъ и дѣтей. Составныя ча-
сти и принадлежности. Ищутъ агентствъ. Иллю-
стрированный каталогъ за 10 пфен. марками.

СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО

„РОССІЯ“

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное въ 1881 г.

Общество заключаетъ по умѣреннымъ преміямъ:
Страхованія пассажировъ отъ несчастныхъ случаевъ во
время путешествія по желѣзнымъ дорогамъ, на пароходахъ,
въ дилижансахъ и экипажахъ.
Страхованія отъ всякаго рода несчастныхъ случаевъ, мо-
гущихъ произойти съ застрахованнымъ лицомъ во время
путешествія, поѣздокъ, прогулокъ; при несчастныхъ въ до-
махъ, храмахъ, фабрикахъ и театрахъ; при исполненіи
служебныхъ обязанностей: вообще вездѣ — дома и внѣ дома,
съ условіемъ возврата Обществомъ всѣхъ внесенныхъ пре-
мій или безъ такового. Страхователи участвуютъ въ при-
быляхъ Общества.
Коллективныя страхованія служащихъ и рабочихъ на фа-
брикахъ, заводахъ, постройкахъ и т. п. отъ несчастныхъ
случаевъ, могущихъ приключиться при исполненіи служеб-
ныхъ обязанностей.

Страхованія могутъ быть заключаемы въ Правленіи Обще-
ства въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13) и въ
Агентствахъ Общества во всѣхъ городахъ Имперіи.
Страховые билеты по страхованію пассажировъ на же-
лѣзныхъ дорогахъ и на пароходахъ выдаются также на
станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, на пароходныхъ пристаняхъ и
въ главныхъ гостиницахъ въ городахъ Россійской Имперіи.

№ 4588 4 3

ЭЛЕОПАТЬ ПРОВ. КИНУНЕНЪ

для волосъ. Элеопать Кинунена нахо-
дится для продажи во всѣхъ большихъ
Аптекъ и Cosmet. магазинахъ. Цѣна фла-
кону, содержащему 120 граммовъ, 1 р.
50 коп., но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Просятъ непременно обращать вниманіе
на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго фла-
кона, — пров. Кинуненъ. (26) № 4287

Главный складъ: С.-Петерб., Демидовъ пер., д. № 1.

для ОКРАШИВАНІЯ СѢДЫХЪ ВОЛОСЪ: жидкость, флак.
3 р., пол. флак.
1 р. 75 к. Краска для бороды и усовъ флак. 3 р., пересылка по 1 р. за флак., пол-
флакона не высылаютъ. Парижская Ивановой, Гороховая, д. № 57. № 4613

ASTHME & CATARRHE

AUTHORISEES PAR LE GOUVERNEMENT RUSSE
отъ general: STOLL & SCHMIDT, à Saint-Peter-bourg
Vente en gros: J. ESPIC, 20, rue Saint-Lazare, Paris.
Exiger la Signature sur chaque Cigarette.

Во всѣхъ складахъ духовъ и во всѣхъ парикмахер-
скихъ въ Франціи и за границей.

VELOUTINE

Спеціальная рисо-
висмутовая пудра.
CHA LES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

По свидѣтельству
врачебныхъ авторитетовъ зтогъ
Purgativъ имѣетъ
слѣдующія пре-
имущества:

Аккуратное
и ВѢРНОЕ
дѣйствіе,
МАЛАЯ
ДОЗА.

Владѣлецъ: АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ въ Будапештѣ.
ПРОДАЕТСЯ у ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ и АПТЕКАРЕЙ.
ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ
ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.

ЛУЧШАЯ ВЪ МІРѢ
ГАРМОНИИ
Фабрики **Г. Ф. КАЛЬБЕ**,
имѣютъ такой

фабричный знакъ и продаются у меня по фабричнымъ дешевымъ цѣнамъ:
Однорядныя: въ 4 1/2, 5 1/2, 6, 7, 7 1/2, 8, 9, 10, 11, 12, 15, 20 и 25 р.
Двурядныя: въ 12, 14, 15, 16, 18, 20, 25, 28 и 30 р. и въскія въ 10 и 22 р.
Трехрядныя: въ 60 р. и въскія въ 30, 50 и 75 р.
Самоучитель Соколова по 1 р. Ноты его же по 75 к. и 1 р. за тетрадь.
Гармонию можно имѣть нѣмецкаго или русскаго строя. № 4612
Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно.
Налюстрир. прейсъ-курантъ бесплатно.
Продажа оптомъ и въ розницу.
ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
главное депо
музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО
Г. ГОЛЛЕНДЕРЪ
для смягченія кожи.
Новозобрѣтенное вазелиновое мыло, пріятнаго запаха, придаетъ кожѣ желаемую нѣжную мягкость. Цѣна за кусокъ 30 коп. 3 куса съ пересылк. 1 р. 50 к.
Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи.
Главный складъ: Спб., Демидовъ пер., д. № 1. (26) № 4278

Съ разрѣшенія Спб. Врачебнаго Управленія. № 4527 10—10
СВОБОДИНЪ
Средство для уничтоженія
МОЗОЛЕЙ И БОРОДАВОКЪ.
Получать можно во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ маг. Россіи.
Цѣна за флаконъ 35 коп.
Съ пересылкой 2 флакона 1 руб.
ГЛАВНОЕ ДЕПО ДЛЯ РОССИИ
А. ГЕБГАРТЪ,
С.-Петербургъ, Казанская, д. № 5.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи
Торговый Домъ Ж. БЛОКЪ,
Москва, С.-Петербургъ,
Кузнецкій мостъ, Б. Морская № 21.
имѣетъ
единственный Складъ для всей
Россіи Велосипедовъ: Свинотъ,
Винетъ, Русскій Клубъ, Мол-
ниа (New Rapid), Имперіаль и пр.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.
НОВОСТЬ
Общедоступный Свинотъ № 2
= 150 руб. =
Прейсъ-Куранты высылаются бесплатно.
Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

ТУАЛЕТНЫЯ МЫЛА
ЛУИ БУИСЬИ КЪ
Вышелъ новый иллюстрированный прейсъ-курантъ на 1890 г. извѣстнаго англійскаго завода Зингеръ и Ко Новентри. Представитель для всей Россіи Генрихъ Немчица въ Москвѣ, уголъ Тверской и Старого Газетнаго пер., д. Фальцъ-Фейнъ, магазинъ № 19.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ
НОВОСТИ ДНЯ
изданія годъ
VIII.

Развитіе „Нов. Дня“ всегда шло рука объ руку съ возрастающимъ успѣхомъ газеты. За последнее время въ этомъ смелѣ сдѣлано весьма много. Размѣръ газеты значительно увеличенъ противъ прежняго, при чемъ подписная цѣна осталась безъ измѣненія. Въ объемѣ, всесторонняя полнота содержанія и богатство бѣдетристическаго матеріала, помещаемаго въ „Новостяхъ Дня“, дѣлаютъ газету одинаково интересной, какъ для столичныхъ, такъ и для провинціальныхъ читателей. Въ настоящее время редакція, кромѣ того, озабочилась приглашеніемъ специальныхъ корреспондентовъ въ Петербургъ и большинство провинціальныхъ городовъ, съ цѣлью дать читателямъ своевременна и полная свѣдѣнія о важнѣйшихъ фактахъ законодательной хроники и общественной жизни. Съ этою же цѣлью редакція, въ дополненіе къ телеграммамъ „Сѣвернаго телеграфнаго агентства“, организовала отдѣлъ собственныхъ телеграфныхъ сообщеній.

Въ первомъ полугодіи 1890 г. въ „Нов. Дня“ были помещены слѣдующія произведенія: **Первый урокъ**, пов. *Ив. Н. Лодыженскаго*. **На литературныхъ хлѣбахъ**, соч. *В. А. Немировича-Данченко*. **Отець**, бол. ром. *К. В. Назаровой*. **Русскіе орлы въ Парижѣ** и **Тушинскій воръ**, двѣ пов. *Д. С. Дмитриева*. **Тайна Кузнецкаго Моста**, романъ *Искри*. **Пусть-Пусть** (Тайны Эйфелевой башни), пер. съ фр.

Въ теченіе слѣдующаго полугодія будутъ помещены: **Въ заколдованномъ кругѣ**, ром. *Е. О. Дубровина*. **Фейерверкъ**, новѣсть *Моложе-виатора*. **Былье поросло**, новѣсть *Н. И. Богиньскаго*. **Ирина Налугина**, ром. *А. И. Лемана*. **Млатва**, пов. *С. М. Нестерова*. **Во имя искусства**, ром. *В. А. Прохорова*. **Отверженные**, романъ *В. Курскато*, и много, друг.

Юнскіе номера газеты, въ которыхъ начались печатаніемъ новые романы, будутъ высланы всѣмъ новымъ подписчикамъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
12 6 1
мѣс. мѣс. мѣс.
Съ дост. въ Москвѣ. 8 — 5 — 1 —
„ перес. въ города. 9 — 5 50 1 —
„ перес. за границу 13 — 7 90 1 60

Объявленія — 25 к. за строку на первой страницѣ и 12 коп. на послѣдней: стороннія сообщенія въ концѣ текста газеты 50 к. строка.

Къ свѣдѣнію публикующихся: „**НОВОСТИ ДНЯ**“ печатаются въ большомъ количествѣ экземпляровъ, при чемъ кругъ читателей постепенно расширяется. Публикація, которая вообще есть диванецъ торговли, вполне достигаетъ, такимъ образомъ, своей цѣли, такъ какъ останавливаетъ на себѣ вниманіе большаго контингента читателей изъ различныхъ общественныхъ слоевъ.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ГАЗЕТЫ
„НОВОСТИ ДНЯ“:
Москва, Мясницкая, д. Сытовыхъ.
ВТОРАЯ ЖЕНА. Ром. *Марштина*. Пер. съ фр. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

ФАБРИКА КАУЧУКОВЫХЪ ШТЕМПЕЛЕЙ
К. М. ЛЕВИНСОНА
ВЪ ОДЕССѢ
ПРИГЛАШАЮТЪ СЯ АГЕНТЫ
ВЫСЫЛАЮТСЯ

Только водянину съ этой фабрич. маркой
Huste-Nicht
„НЕ КАШЛЯЙ“
Медо-Травинной-Мальць-Экстрактъ и Конфекты. *)
Л. Г. ПИТЦЪ и Ко.
въ Бреславль.
Употребляется противъ кашля, мокроты, хриплости, страданій горла и груди.
СПОСОБЪ УПОТРЕБЛЕНІЯ:
Д-ръ Михаѣльс пред. граст. назначилъ для дѣтей 3—4 раза въ день по 1 чайной ложкѣ, а взрослые берутъ ежедневно 4—4 чайныхъ ложекъ экстракта.
Конфекты предупреждаютъ кашель, хриплость и простуду горла.
Химическимъ анализомъ и медицинскими опытами подтверждено, что во всѣхъ случаяхъ въ составъ этихъ препаратовъ не входятъ никакія вредныя для здоровья вещества и ввозъ и продажа въ Россіи разрѣшены Медицинскимъ Департаментомъ.
*) Цѣна: бутылка 1 р. 25 к. и 2 р. 40 к. конфекты по 30 и 50 к.
Упаковка и пересылка считаются особо
Главный складъ для Россіи у **В. Ауриха** въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18—19.
Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магаз. и аптекахъ Россіи. А. № 4045 12—12

Преподаватель коммерческихъ наукъ
С. Я. ЛИЛЕНТАЛЬ
ОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНІЕ
ИНОГОРОДНЫХЪ И МОСКОВСКИХЪ
ДВ. ИТ. БУХГАЛТЕРІИ
посредствомъ лекцій - корреспонденцій, многиѣ замѣняющихъ устное преподаваніе.
Подробныя свѣдѣнія и пробныя лекціи высылаются авторомъ **БЕЗПЛАТНО**.
Масса благодарностей и почетныхъ отзывовъ, законно засвидѣствованныхъ.
Предостереженіе отъ жалкихъ подражаній этому сочиненію, пріобрѣтшему широкую распространенность и выдержавшему 8 изданій. Ц. № 4610
Адресъ: Москва, Долгоруковская, домъ Фингоеновой, **КОНТОРА СТЕФАНА ЯКОВЛЕВИЧА ЛИЛЕНТАЛЯ**. 5—1
Личный пріемъ отъ 10 до 12 ч. ежедневно.

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и Ко.
строители земледѣльческихъ машинъ и орудій.
Спеціальность: плуги и молотилки. Они же состоятъ главными агентами известнаго англійскаго завода паровыхъ молотилокъ и локомотивовъ Клейтона и Шутлеворта въ Англии и знаменитаго завода стенокопильщиковъ, именн. „Дезъ“ и сноповязалонъ Манъ Норрима въ Чикаго.
Кромѣ того имѣются: тарелочныя бороны Рандала и конныя грабли Тигръ завода Стодартъ, рядовыя сѣлки Сакка и проч. № 4184 26—7
Заласныя части ко всѣмъ машинамъ. Фабрика и Главная Контора въ Москвѣ, Мясницкая ул., соб. домъ, бывш. Бр. Бутенего. Отдѣленіе въ Харьковѣ, Рыбная ул., д. Иванова.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.
Вс. Соловьева.
Ром.-хрон. XVII в., въ 3 ч. Ром. этотъ обнимаетъ эпоху правленія и низложенія Царевны Софій. Спб. 1886 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп.; въ колѣнкор. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 руб. 25 коп.

НОВОСТЬ!
ПАРУСИВЫЕ БАШМАКИ на резиновой подошвѣ удобны, мягки, прочны и дешевле обыкновенныхъ башмаковъ. Иногороднымъ высылаются по почте наложеннымъ платежемъ. 3—1
КОНСТАНТИНЪ МАЛЬМЪ
СКЛАДЪ РЕЗИНОВЫХЪ ТОВАРОВЪ
Большая Морская, № 34.

ЛЕВИНСОНЪ и ГОЗИНЪ
имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ
„ГОЛЛЕНДЕРА“.
Средство для уничтоженія мозолей и бородавокъ. Цѣна 35 коп. за флаконъ, за два флакона съ перес. 1 руб.
Получать можно во всѣхъ парфюмер., аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главный складъ у **Г. Голлендера**, Демидовъ пер., № 1. Въ С.-Петербургѣ. (21) № 4366

ЛѢТНЯЯ НОВОСТЬ!
Англійскіе растягивающіеся кушачи „**ГРАЦІЯ**“ изъ позолоченой проволоки съ массивн. позолоченнымъ замочкомъ, протканые бѣлымъ, розовымъ, голубымъ, золотымъ, синимъ, тѣмно-краснымъ и чернымъ шелкомъ. Кушачи прозрачны **очень прохладительны и пріятно носить для каждой дамы.**
Цѣна 3 руб. 50 коп. Торговцамъ дѣляется уступка. Единственный складъ для Россіи у **ОСКАРА ЛЕССЕРЪ**, Спб., Садовая, 12—18, въ 1-мъ дворѣ.

МИНДАЛЬНОЕ МЫЛЬНОЕ ТѢСТО!
приготовленное лабораторіей А. Энглундъ. Миндальное мыльное тѣсто на безосновномъ содѣ, котораго обильная, освежающая и пріятная пѣна, впитывалась въ кожу, придаетъ ей нѣжность и мягкость, употребляется какъ мыло.
Цѣна за кусокъ 35 и., съ пересылкой 6-ти кусковъ 2 р. 50 коп.
Для предупрежденія поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на надпись А. Энглундъ красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи.
Получать можно во всѣхъ известныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ всей Россійской Имперіи. Ц. № 4403 12—3
ГЛАВНЫЙ СКАДЪ
А. ЭНГЛУНДЪ,
Спб., Литейный пр., 36.

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ
НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ
собств. издѣлія продаются по вновь усовершенствованнымъ цѣнамъ:
съ 3 педалями по 4 р. и 4 р. 50 к.
„ 7 „ съ приспособленіемъ для легкой и скорой настройки по 6 рублей
Самый легкій инструментъ для изученія. Пріятный тонъ. Въ короткое время проданы многія тысячи.
За пересылку по почтѣ прошу прилагать за 4 руб. за 10 фунт., за 6 руб. за 15 фунт.
Г. Ф. МОЛЛЕРЪ
Москва, Петровка, домъ Волкова.
Иллюстр. прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ бесплатно. (31) Ц. № 3864
Торговцамъ дѣляется скидка.

ПЕЧАТНАЯ МАШИНА
„РЕМИНГТОНА“.
Печатъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость красота.
Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительствъ и частныхъ учрежд.
Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленныя отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылаются бесплатно. № 3748
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва С.-Петербургъ
Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXI г.
№ 28

г. XXI
1890

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 14 июля 1890 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1890 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку непарейль (1/4 шир.
стр.) въ Глав. Кон. Ред. по
25 к.—Загран.: для Франціи у
Agence Navas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

Безъ доставки въ Пе-
тербургъ 5 р.
Съ доставкою въ Пе-
тербургъ 6 р. 50 к.
За границу, съ пересылкою

Безъ дост. въ Москвѣ чр.
конт. объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.
Съ пересылкою въ Москву
и другіе города Россіи . . . 7 р.
. 9 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говъхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Продавцы у пристани пароходныхъ обществъ въ Саратовѣ. Съ фотогр. Апостоли, грав. Флюгель.

ЖИЗНЬ, КАКЪ ОНА ЕСТЬ.

Романъ въ пяти частяхъ. **Вас. И. Немировича-Данченко.**

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

Вѣтеръ зашепестѣлъ надъ ними нѣжною мягкою листовою. Кака-то птица расхлѣбась, гдѣ-то въ сторонѣ булькала и переливался ключъ... Что-то нѣжное, кроткое, счастливое проникло въ душу дѣвушки. Ей и хорошо, и жаль чего-то стало. Она вскользь посмотрѣла на опущенное блѣдное лицо Василия Герасимовича.

— Ну, что вы такой-то? а? Точно вамъ непріятно со мною здѣсь! И она положила ему на руку—свою.

— Напротивъ... оправился онъ.

И на него этотъ свѣжій лѣсъ, эта радость пробудившейся природы пахнули бодрящею молодостью и счастьемъ.

— Напротивъ... у меня до встрѣчи съ вами, Прасковья Яковлевна, все какія-то потемки были.

— А теперь свѣтлѣе?

— Какъ же! (Онъ уже не замѣчалъ самъ, что жметъ ей руку).—Теперь, какъ же сравнить, помилуйте. Сидишь съ вами и думаешь: всю бы жизнь такъ безъ конца. Чтобы ничего кругомъ не мѣнялось — и лѣсъ этотъ стоялъ, и солнце это свѣтило, и птичка пѣла...

— Хорошо! сорвалось у нея.

— И сидѣть-бы намъ съ вами вдвоемъ и никого-бы третьяго около не было.

Кровь густо заливала ей щеки.

— Вѣдь въ самомъ дѣлѣ странно: до вчерашняго дня я совсѣмъ не зналъ васъ, а теперь мнѣ кажется, что я вѣкъ васъ видѣлъ и знаю. И страшно даже—какъ это мы разстанемся и опять встрѣтимся при другихъ—и вы можете-быть посмотрите на меня какъ на чужаго совсѣмъ человѣка. Потому что я вамъ не пара... Вы такая...

— Не говорите этихъ глупостей. Выдумали тоже!

— Ну... а ежели-бы... Савва Кузмичъ, дядя мой, рохлей меня назвалъ сегодня изъ-за васъ. Я, говорить, нарочно ихъ сюда вызвалъ, чтобы вы познакомились—а ты рохла совсѣмъ. Это я-то... А все потому что о настоящемъ я съ вами еще не говорилъ... „Не мнѣ-же за тебя, смѣется, съ дѣвками болтать!“ Онъ и теперь меня нарочно здѣсь оставилъ, какъ васъ увидѣлъ. Такъ что, Прасковья Яковлевна, ежели-бы я теперь... то-есть...

И онъ вдругъ замолчалъ; замолчала и она, наклонилась, сорвала какой-то цвѣтокъ розовый, еще опрысканный росой и къ губамъ его поднесла, такъ что свѣтлыя утреннія росинки заблестали на нихъ. Василий Герасимовичъ мялся, мялся, и вдругъ заинтересовался какою-то зеленою букашкою исползавшей къ нему на сапогъ.

— Такъ какъ-же, Прасковья Яковлевна?

— Насчетъ чего это?

— А вотъ дядя-то...

— Мнѣ дядя вашъ ничего не сказывалъ. Что дядя-то?.. Я не знаю. Онъ вамъ вѣдь дядя.

— За то я знаю, что я ужасный дуракъ... Мнѣ-бы надо говорить теперь, а я мнусь...

Дѣвушка сконфуженно улыбалась и видимое дѣло ждала.

Онъ уголкомъ глаза взглянулъ на нее и замѣтилъ ея смущеніе. Это его ободрило.

— Да, вотъ Саввѣ Кузмичу кажется что изъ насъ бы вышла хорошая пара...

— А вамъ этого не кажется? еще тише спросила она и ниже наклонила голову.

— Мнѣ?.. Я бы съума сошелъ отъ счастья... Я бы, Прасковья Яковлевна, всю жизнь молился на васъ, я бы кажется разомъ себя почувствовалъ и умнѣе, и сильнѣе, и счастливѣе всѣхъ на свѣтѣ. Не знаю вотъ только какъ вы...

— И что-жь... я еще... Я тоже, ежели... Какъ хотите...

— Нѣтъ, вы мнѣ скажите: я, такъ какъ есть — не противенъ вамъ?

— Съ какой стати вы себя считаете противнымъ? горячо вырвалось у нея. Она даже за него-же и на него обидѣлась.— Я развѣ это говорила когда? А объ другомъ обо всемъ... о чемъ вы знать хотите... По нашему нелзя такъ. А пусть лучше Савва Кузмичъ съ маменькой поговоритъ.

Онъ еще сильнѣе пожалъ ей руку, и она ему отвѣтила тѣмъ-же.

— Только пусть онъ скорѣе говорить... Потому у меня, Василий Герасимовичъ, сердце горячее. Я пока что—измалюсь да измучаюсь вся, не знавши!.. Пусть же скорѣе.

— Сегодня-же... дорогая моя... милая...

По эти слова она скорѣе угадала, чѣмъ услышала ихъ. Такъ тихо онъ проговорилъ ихъ.

— Ну, пойдѣмъ, пойдѣмъ!

И она побѣжала впередъ къ монастырской гостиницѣ, уже вся залитая румянцемъ счастья и стыда.

Василій Герасимовичъ, наученный опытомъ прошлой ночи, тихо шелъ за нею.

„Какъ это все случилось?“ размышлялъ онъ и никакъ не могъ понять. Всего удивительнѣе казалось ему, что онъ осмѣлился настолько чтобы сдѣлать предложеніе этой красавицѣ. Послѣ этого онъ самъ началъ чувствовать къ себѣ нѣкоторое уваженіе.

— Ну, братъ, не ожидалъ я отъ тебя такой прыти! радовался Савва Кузмичъ, когда племянникъ его передалъ о согласіи Паши выйти за него замужъ. — Не ожидалъ. Правду сказать — ты мнѣ всегда, особливо на первыхъ порахъ, большимъ кисляемъ казался... И хлипокъ, и кисляй. Какъ это тебя Господь умудрилъ? Впрочемъ что-жь — съ милліонами-то дѣло простое. Всякій подъ ногами землю почуветь. Это голышамъ жутко.

Анна Савишна и отецъ Варавва тоже порадовались. Разумѣется, они согласились тотчасъ-же. Первая выразилась такъ:

— Ну что-жь, онъ хоть и не очень-то изъ себя, да за то по нашему купеческому дѣлу и то слава Богу— смиренъ, не пьеть и не балуется на сторонѣ. Въ томъ наше женское счастье и есть, чтобы мужу вѣрить да уважать его, если онъ стѣбитъ его.

Отецъ Варавва произнесъ только:

— Благослови Господи! и пошелъ молиться къ себѣ.

Монахи тоже узнали объ этомъ и поздравляли молодыхъ людей, краснѣвшихъ и не знавшихъ куда имъ дѣваться.

Вечеромъ на другой день, когда Анна Савишна и Паша собирались ложиться спать,—смущенный и растерянный гостиничный служка вдругъ вручилъ имъ громадный букетъ.

— Пожалуйста... простите Христа ради... Такое необыкновенное происшествіе, отродясь не бывало... копфузился онъ.

— Что такое? изумились тѣ.

— Букетъ... вашей милости значить!.. Ужъ я сомнѣвался—да что подѣлалась... Приказываютъ.

— Откуда это?

— Сказываютъ: въ городу заказывали нарочно!.. Изъ бутону изъ самага... Грѣхи!.. Испушеніе тоже не малое...

— Василий Герасимовичъ прислалъ?

— Нѣтъ. Господинъ одинъ, вчера еще пріѣхали... Прослышали про сговоръ-то, ну вотъ и приказали чтобы безпрѣмѣнно букетъ вамъ. Я говорю имъ, не мона-

шеское это дѣло чтобы пукеть съ бутонами передавать, а онъ толкнулъ это меня въ плечо, да говоритъ: „ступай, ступай, нечего—пукеть тоже созданье Божье“. Ну, я точно... противъ Бога что скажешь... О цвѣтахъ-то и въ Писаніи есть.

— Кто-же бы это былъ такой?

— Знать не знаю и не видѣлъ ихъ никогда... Были они у игумена нашего, благословились. Изъ себя такіе сугубые господа-съ! Великатства этого хоть отбавляй, и говорятъ по благородному. Должно быть изъ большихъ особъ которые.

— Ты не знаешь, Паша?

— Нѣтъ, и въ толкъ не могу взять.

— Пріятель Василія Герасимовича?

— Нѣтъ, я еще ихъ вмѣстѣ не видалъ. Они и въ гостиницахъ разныхъ. Этотъ господинъ, съ пукетомъ который, все Богу молятся, и такъ молятся, такъ молятся! Въ скитъ ѣздили, нашихъ иноковъ одобрили. Говорять, во всѣхъ заграницахъ я былъ, а такого скита еще и не видывалъ. А только я такъ думаю: онъ изъ иновѣрцевъ должно быть. Потому—молиться-то молится, а только духу настоящаго у нихъ нѣтъ... Духу-то, ахъ—нѣтъ!

Загадка объяснилась на другой день.

Василій Герасимовичъ съ дядей отправился въ церковь. Наканунѣ Савва, занятый дѣлами, оставался дома и былъ только у схимника. Сластеновы пришли къ правому клиросу и заняли мѣсто, которое на все время ихъ пребыванія въ обители такъ и оставалось за ними. Посреди службы, когда богомольцы шепотомъ повторяли за священникомъ молитвы и во храмѣ стоялъ глухой шорохъ отъ поднимавшихся для крестнаго знаменія рукъ, головъ отвѣшивавшихъ поклоны, и иноческихъ рясъ, шестидесятихъ одна о другую,—Савва Кузмичъ невольно услышалъ разговоръ двухъ іеромонаховъ рядомъ:

— Ужь такъ истово молится, такъ молится!.. А сказывали: иновѣрецъ.

— А вчера всю обѣдню на колѣняхъ простоялъ и столь благообразно, что отецъ-игумень опослѣ его особенно къ себѣ приглашалъ для утѣшительнаго собесѣдованія.

— Должно изъ важныхъ какихъ...

Савва Кузмичъ обернулся по направленію взглядовъ, которые время отъ времени устремляли иноки обмѣнивавшіеся этими замѣчаніями, и обомлѣлъ отъ неожиданности. Онъ даже глаза протеръ, и еще разъ воззрелся. Но нѣтъ—не кажется... Это сама дѣйствительность.

Посреди церкви величественно и необыкновенно благородно стоялъ... самъ Готлибъ Готлибовичъ Курцьфонъ-Галопъ.

Дядя толкнулъ въ бокъ Василія Герасимовича.

— Погляди-ко... Галопиншка-то откуда проявилась.

Сластеновъ обернулся.

Но Боголюбовъ Боголюбовичъ въ эту самую минуту упалъ на колѣни, возвелъ очи горѣ и весь ушелъ въ столь неопикуемый молитвенный экстазъ, что очевидно весь міръ исчезъ у него изъ глазъ и особенно онъ не видѣлъ и не замѣчалъ Сластеновыхъ.

— Н-ну! сорвалось у Саввы Кузмича. — Ну, Василій Герасимовичъ, Галопиншко-то на тебя накромился, не отвертись ты отъ него теперь. Вычистить онъ тебѣ шерсть—помяни мое слово. И въ обитель, скверпавецъ, за нами увязался. Ахъ ты Плевна этакая—скажите пожалуйста!

Но когда по окончаніи службы, Курцьфонъ-Галопъ какъ будто нечаянно наткнулся на Сластеновыхъ, онъ такъ естественно и просто держалъ себя и выразилъ такое достоинство, что Савва Кузмичъ даже одобрилъ его.

— Плутъ ты, братъ... Только за тебя большія деньги платить можно!..

— Помилуйте... Я такъ обрадовался, можно сказать.

— Еще бы тебѣ, шельмѣ, не радоваться! Когда ты какъ каркадиль какой по слѣду до насъ добѣжалъ.

— Помилуйте, я на работы наши ѣздилъ. И не думалъ о васъ вовсе.

— Каки-таки работы?

— А наши каналь! повель Боголюбовъ Боголюбовичъ глазами на Сластенова-младшаго.

— Нашъ? изумился Савва Кузмичъ.—Съ какихъ это поръ нашимъ онъ сталъ?

— Какъ же... Я уже наймомъ рабочихъ распорядился съ силу полномочій, данныхъ мнѣ почтеннѣйшимъ Василіемъ Герасимовичемъ... Вторичныя изысканія и съемки послалъ производить цѣлую коммисію.

— Ну, это еще баба помеломъ писала. Облопаешься, братъ... А какъ это тебя занесло сюда? Насъ прочухалъ?

— И не воображалъ даже, достойнѣйшій Савва Кузмичъ... И не воображалъ... Напротивъ. Ыду, и такъ это горько мнѣ стало!.. Живу въ православной странѣ, такъ, можно сказать, люблю и уважаю русскаго человека и самъ душою русскій совсѣмъ. И вдругъ... чувствую, что пока я еще не воссоединился, все-таки я буду чужимъ этому прекрасному нашему общему отечеству.

— Какъ воссоединился? Да ты вѣдь изъ жидовъ.

— Н-ну! съ неудовольствіемъ протянулъ тотъ.—Мои предки были тевтонскими рыцарями. Мой пра-пра-пра-пра-дѣдъ подѣ Грюнвальдомъ...

— И чего ты врешь, чего ты врешь... аспидная душа! Вѣдь отецъ-то у тебя до сихъ поръ въ Бердичевѣ часы править... Ахъ ты, Господи! Ну и моль пошла нынче. Такъ ты желаешь здѣсь, значить, православіе принять?

— Желая воссоединиться! И даже радуюсь, что васъ вижу... Въ крестные отцы прошу.

— Ну, нѣтъ, братъ! рѣшительно отказался Савва Кузмичъ.—На это ты меня не ноймаешь. Шалишь, я на свою душу такого грѣха не возьму. Самому дороже стоить. А вотъ чайкомъ тебя, Галопиншко ты этакій, побалую. Это я могу, сколько угодно. Это ты значить вчера монаха-то съ букетомъ посылалъ?

— Я... услышалъ о счастіи моего достойнѣйшаго компаніона...

— Онъ ужъ такъ тебя въ поминанье и записалъ компаньономъ... смѣялся Савва Кузмичъ.—Не хватало бы теперь, чтобы Приходзько съ Плюсомъ пріѣхали.

— Они не пріѣдутъ, замѣтилъ едва удерживаясь отъ смѣха Готлибъ Готлибовичъ.

— Вотъ ты же пріѣхалъ, пронюхалъ?

— Да они тоже уѣхали... Велѣдъ...

— Куда? изумился Савва Кузмичъ.

— На Валаамъ.

— Чего-съ?

Онъ даже поперхнулся.

— На Валаамъ уѣхали.

— Да вы что, иновѣрцы, бѣлены обѣлись что-ли, обители наши пакостить?

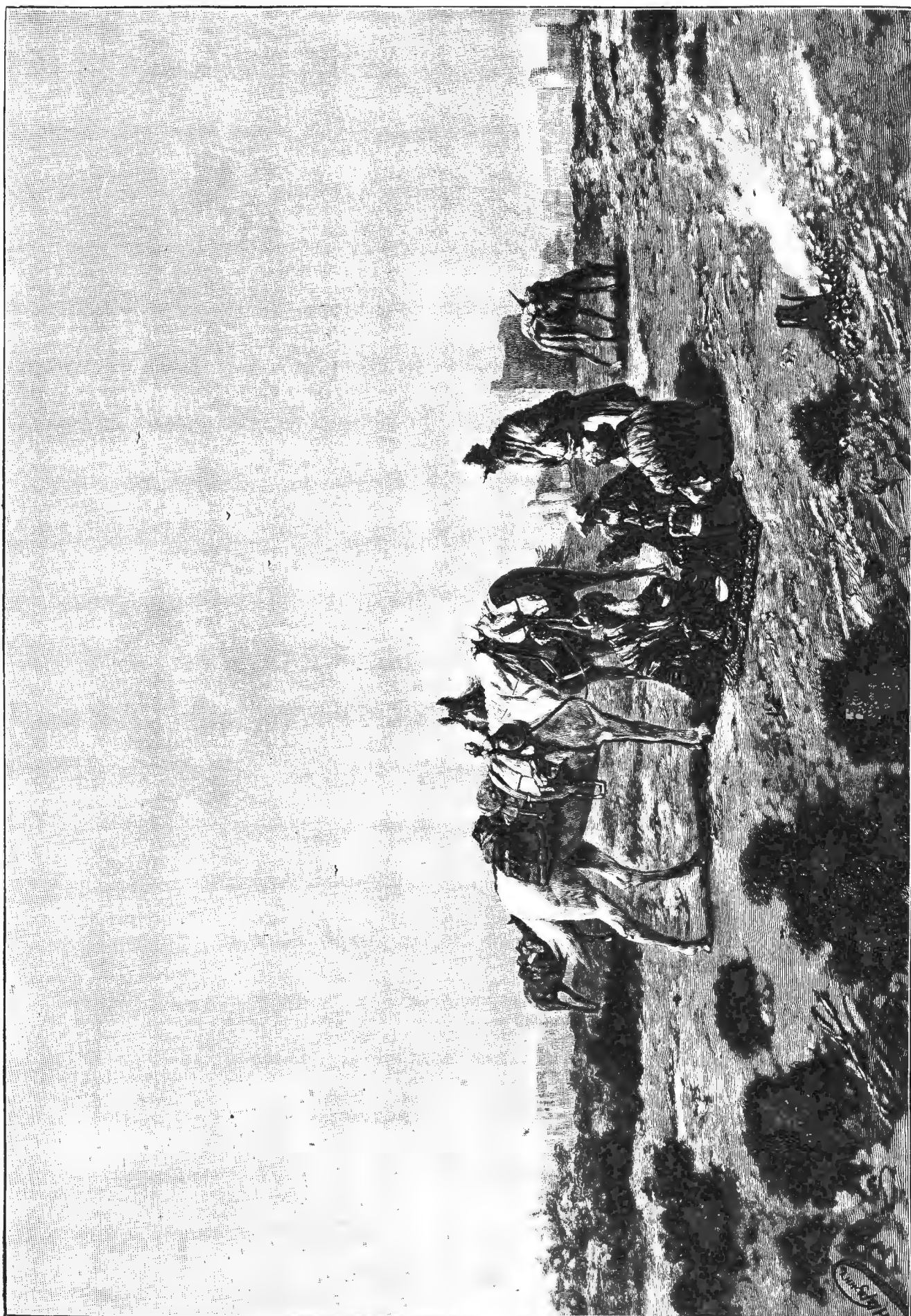
— Нѣтъ, а только они думали, что Василій Герасимовичъ съ вами на Валаамъ, ну и они туда же. Совсѣмъ въ противоположную сторону.

— Это все твои шашни?

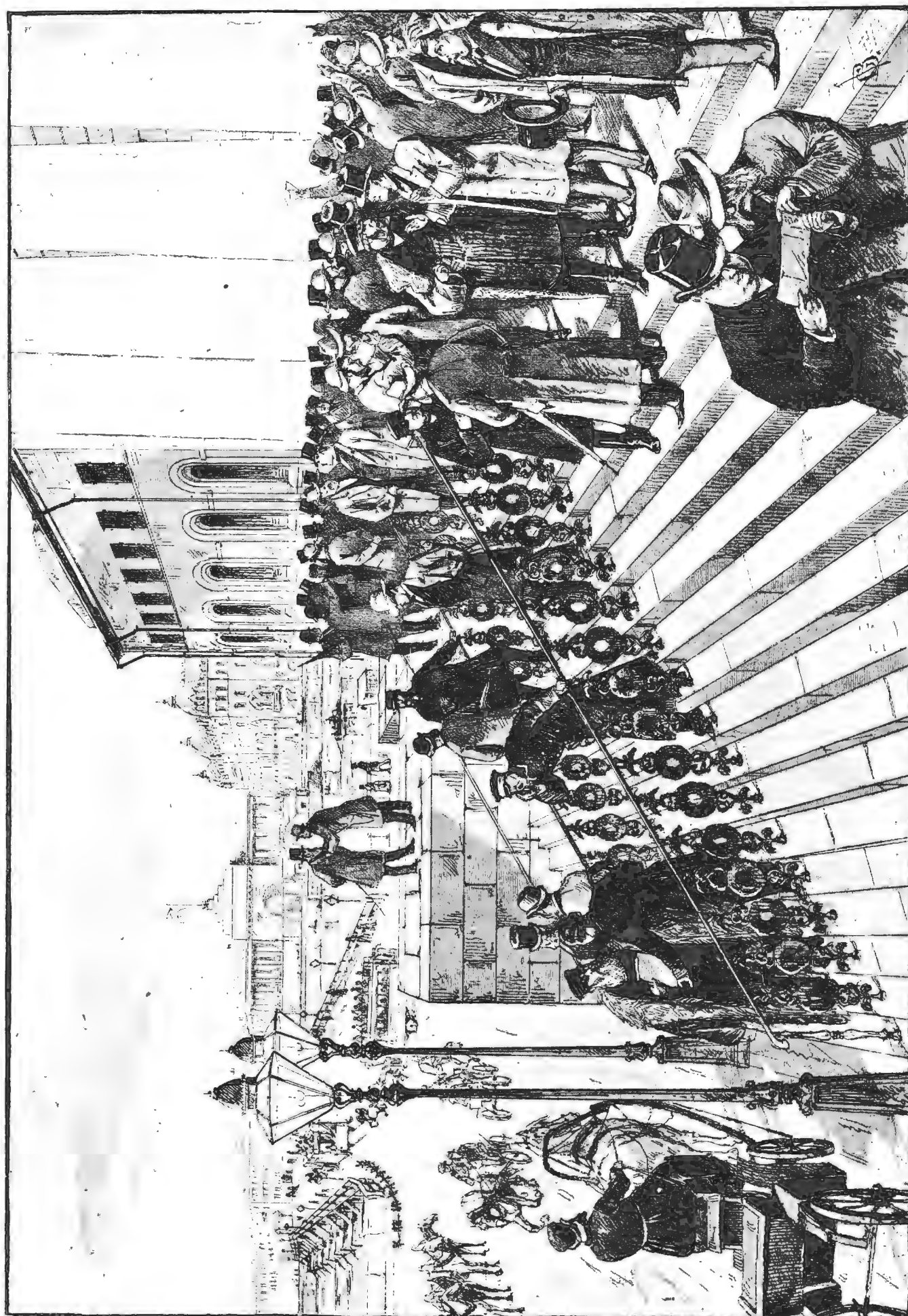
— То-есть... мнѣ хотѣлось избавить Василія Герасимовича отъ надзора этихъ непрошенныхъ опекуновъ, я подѣ руками и распространилъ слухъ, будто вы... на Валаамъ поѣхали.

— Ну, Галопиншко, шельмецъ ты, а за это спасибо. Пушай они прокатятся... Ахъ ты, Господи Боже мой! Н-народъ!

— Когда я могу представить вамъ всѣ отчеты по моей командировкѣ? серьезно обратился Курць къ Василію Герасимовичу.

Выставка Императ. Академіи Художествъ. „Приваль“.
Карг. Н. Н. Каразина (исключительное право воспроизведенія въ гравюру и т. п. принадлежитъ „Нивѣ“); грав. М. Рапшевскій.

СПБ. биржа въ полдень. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Бролинга, хемпграфіи мастерской „Нивы“.

— Какой командировкѣ?

— А вотъ этой самой, по поводу канала нашего.

Сластеновъ безпомощно посмотрѣлъ на дядю.

— Послѣ, послѣ... понялъ тотъ затруднительное положеніе племянника.—Послѣ. Теперь намъ не до тебя.

Но Готлиба Готлибовича не такъ легко было поставить въ затруднительное положеніе.

— Я все равно, могу изложить Саввѣ Кузмичу все.

— Вотъ это дѣло. Меня ты, братецъ, на кривой не обѣдешь. Со мною будетъ тебѣ потяжелѣй. Со мной-то еще ты поборешься. Меня такъ не слопаешь, я вѣдь изъ ершей. Такъ жабры поставлю, что и твоя глотка подавится.

— Отлично... Планы и карты со мною... улыбался Готлибъ Готлибовичъ.

Василій Герасимовичъ пошелъ къ невѣстѣ, а старикъ Сластеновъ увелъ Курца къ себѣ.

Вечеромъ дядя съ племянникомъ встрѣтились. Первый былъ немного сконфуженъ.

— Что съ вами, дядя?

— Знаешь. Либо меня этотъ нечистый обвелъ... либо... либо я ужъ не знаю что. А только дѣло-то это... насчетъ морей... у него не глупо задумано... Большіе миллионы съ него снять можно, если приняться по настоящему. Дай мнѣ еще до утра одуматься. Очень ужъ въ головѣ звенить. Этотъ Галопинко-то говоритъ безъ умолку. Вотъ оправлюсь... А ежели что—благословясь и самъ войду, да и другихъ привлеку къ дѣлу. На него деньжищъ понадобится прорва. Страсть что! И твоя газета, ежели что, тоже на пользу придется. Потому при каждомъ дѣлѣ шарманка нужна. Ежели что—сейчасъ твои писачки-то за насъ горой стануть... Правда что-ли? такъ?..

Но очевидно онъ еще не могъ справиться со своими впечатлѣніями.

— Я еще его пощупаю завтра. Утромъ-то голова посвѣжѣй. А только, что смутилъ онъ меня, это точно. Ужъ очень шельмовать! Боюсь все-таки, какъ бы онъ не обошелъ невзначай.

V.

Василій Герасимовичъ ѣхалъ въ Москву уже женихомъ Прасковьи Яковлевны. Рѣшили, что осенью она вмѣстѣ съ теткою прїѣдетъ туда же и поселится у Саввы Кузмича. Свадбу назначили на зиму, въ первые заморозки, послѣ чего молодые должны были уѣхать за-границу. Во всѣхъ этихъ переговорахъ Курецъ-Галопъ принималъ ближайшее участіе. Онъ вдругъ сталъ какъ-то необходимымъ всѣмъ, точно безъ него нельзя было ничего сдѣлать. Даже старикъ Сластеновъ говорилъ: „знаю что плутъ, да ужъ очень услужливъ, каналья! Ты еще только думать началъ, а ужъ онъ бѣжитъ исполнять“. Устроивъ всѣ свои дѣла такимъ образомъ, Боголюбъ Боголюбовичъ сообразилъ, что „возсоединиться“ ему болѣе не за чѣмъ, и пересталъ тревожить иноковъ собесѣдованіями по части „святыхъ православныхъ церквей“, какъ онъ выражался. Только Анна Савишна, какъ женщина, слѣдовательно болѣе недовѣрчивая, никакъ не могла помириться съ Курцемъ... „Ну, ужъ и змій“, говорила она. — „Склизкій — такъ тебѣ въ душу и ползеть“, и смотрѣла поэтому на него съ нѣкоторою боязнью, хотя онъ и называлъ ее „почтеннѣйшая мадамъ“ и при ея видѣ изображалъ на своемъ лицѣ самое рыцарское уваженіе къ женщинамъ...

Ѣхали въ Москву Сластеновы съ Курцемъ вмѣстѣ. Онъ какъ-то ухитрялся не спать. Захочется старику Саввѣ Кузмичу ночью сельтерской воды — смотришь, а Боголюбъ Боголюбовичъ уже раскупориваетъ бутылочку. Онъ ихъ будилъ передъ болѣе значительными остановками, когда они отдыхали, предъявлялъ за нихъ билеты контролю и вообще дѣйствовалъ такъ, что даже дядя-Сластеновъ похвалилъ его: „Старайся, Галопинка,

старайся... А за нами, будь спокоенъ, не пропадетъ“.

На одной изъ станцій скрещивались поѣзда въ Москву и изъ Москвы. Приходилъ первый и тотчасъ же уходилъ второй. Было жарко. На платформѣ вагона перваго класса стояли и бесѣдовали Боголюбъ Боголюбовичъ, Василій Герасимовичъ и Савва Кузмичъ. Не успѣвъ остановиться ихъ локомотивъ, какъ вагоны другаго поѣзда, шедшаго на югъ, двинулись и вдругъ оттуда, изъ одного купѣ перваго класса, послышался крикъ: „вотъ они!“ Курецъ высоко поднялъ шляпу, а Василій Герасимовичъ не могъ не расхохотаться, замѣтивъ съ какимъ отчаяніемъ Приходзько и Плюсъ простирали къ нему оттуда руки. „Должно-быть помолитесь на Валаамѣ, вернулись и поѣхали къ вамъ“, замѣтилъ Боголюбъ Боголюбовичъ, душевно радуясь огорченію, отразившемуся на лицахъ своихъ конкурентовъ. Савва Кузмичъ только головою качалъ: „Экая зависть мутитъ ихъ, прости Господи. И-народъ! Никто своимъ не доволенъ, всякій чужаго хочетъ!“ — „Теперь они будутъ очень на меня злы въ Москвѣ и стануть вредить мнѣ въ вашемъ мнѣніи“, замѣтилъ Курецъ. — „Всѣхъ бы васъ на одну осину!“ отвѣтилъ на это старикъ, „и что это у васъ за остервенѣніе на чужіе капиталы?.. Такъ и сосеть у вашего брата подъ ложечкой. Такъ и сосеть!“...

Подъѣзжая къ московской платформѣ, Сластеновы завидѣли еще издали Ечкина съ Чуксинимъ, даже и кланявшихся какъ-то вмѣстѣ и при этомъ ухитрявшихся сливаться въ одно лицо. Оба они бросились къ ручкамъ Сластеновскимъ. Василій Герасимовичъ свою отдернулъ, совѣтятся и не зная куда ему дѣваться; Савва Кузмичъ за то съ полнымъ равнодушіемъ ткнулъ свою ладонь прямо имъ въ губы и съ мѣста спросилъ: „ну, какъ, шельмы, благополучно безъ насъ поворовывали?“ — „Помилуйте, даже не обидѣлся Карнѣй Карнѣичъ, — за что такая ампутація?“ — „Мы за вашъ грошъ, вставилъ Прохоръ Богдановичъ, — завсегда помереть согласны!“ — „Ну, а что Плюсъ съ Приходзько?“ поинтересовался Галопъ. Ечкинъ съ Чуксинимъ фыркнули, изъ почтительности какъ-то въ горсти къ себѣ. — „Ну?“ спросилъ и Савва Кузмичъ. — „Комедія была съ ними... Потому они сначала на Валаамѣ ударились, а съ Валааму не солоно хлебамши сюда... Тутъ только настоящій адресъ узнали изъ письма. Ну, поотдохнули, собрались опять и живымъ манеромъ за вами. И ссорились же! Другъ дружку такъ чехвостили. Приходзько кричить: „ты виноватъ, жидовская твоя морда!“ А Плюсъ, съ полнымъ благородствомъ говорить: „съ такимъ полячишкой, какъ ты, и знаться-то не желаю, ты мнѣ сначала по векселямъ заплати, а потомъ ори, если духу у тебя хватить“... — „А у него есть векселя?“ вмѣшался чему-то обрадовавшійся Курецъ. „Гм! Я этого не зналъ“. И глаза его приняли столь мечтательное выраженіе, что Станиславу Сигизмундовичу въ эти мгновенія очевидно обдумывалась какая-нибудь величайшая мерзость. „Такъ у него есть векселя!“ И Боголюбъ Боголюбовичъ сталъ необыкновенно веселъ и жизнерадостенъ.

Дома Василій Герасимовичъ, отвязавшійся отъ Курца, нашель у себя цѣлую пачку писемъ. Онъ схватился прежде всего за два изъ нихъ: Нешумовское и Наплаксинское.

Сергѣй Ѳедоровичъ Нешумовъ былъ очень недоволенъ счастливымъ миллионеромъ.

„Разумѣется, писалъ онъ, люди въ твоёмъ положеніи недолго сохраняютъ въ душѣ благородные завѣты, когда-то воспитанные въ нихъ нуждою. Ты ожирѣлъ, покрылся свинымъ саломъ и обросъ щетиною, какъ видно, вполне уже безнадежно, и если на что и годишься теперь, то только на ветчину... Кажется, было такое обѣщаніе: какъ только прїѣдешь въ Москву, тотчасъ же озаботиться о газетѣ. Мнѣ поручилъ ты со-

братъ литературныя силы для будущаго изданія и, какъ всѣ подлецы-эксплуататоры, понавѣ въ привилегированное положеніе, совершенно утратилъ самую тѣнь воспоминанія объ этомъ. А между тѣмъ, я не терялъ времени даромъ, и для тебя, дурака, пригласилъ геніальнаго романиста Свиристѣлова, неподражаемаго въ изображеніи аристократическихъ салоновъ и дамъ нашего бомонда. Я даже пьянствовалъ съ нимъ три дня и три ночи, и если мы не околѣли при этомъ, то виною этому чуду судьба, пожелавшая сохранить для отечества столь великія силы. Нашелъ я тебѣ еще романиста изъ штыкъ-юнкеровъ. Славно шельма изучилъ мужичьи потроха. Онъ тебѣ даже началъ романъ „Мужичья душа“ и столь реальный, что съ первой главы такъ и пахнетъ кислымъ полшубкомъ, и при этомъ содержаніе небывалое: герой Евстигнѣй съ голоду въ первой же части пожираетъ своего ребенка Антошку, а баба его Матрена глодаетъ за околицей вмѣстѣ съ волками палую лошадь... Гдѣ же тебѣ, плантаторъ ты этакій, найти что-либо подобное? Ваши московскіе писаки лоннутъ, а не сдѣлаютъ ничего похожего. Потому что всѣхъ ихъ, мерзавцевъ, эстетика заѣла... Потому заолучилъ я тебѣ романистку Софію Стручкову (псевдонимъ небезизвѣстный тебѣ—Текла Геліотропова). Дама и писательница замѣчательная: никогда не чешется и не моется, чтобы эти пустяки не отвлекали ее отъ творчества. Ей сорокъ пять лѣтъ и она презираетъ любовь, въ ея романахъ любви вовсе нѣтъ, а вмѣсто нея скорбь о несчастныхъ, замученныхъ жертвахъ мужскаго эгоизма. Оригинальна не только въ своихъ произведеніяхъ, но и во всемъ: пахнетъ оподельдохомъ и въ уши кладетъ камфору. Я нарочно фздилъ въ маскарадъ, чтобы познакомиться съ нею для тебя, вислоухаго эксплуататора и монополиста. Она для наблюденія нравовъ одѣлась испанкой и даже на вискахъ закрутила волосы запятыми. Миѣ она прямо сказала: „я для вашей газеты напишу романъ чистыми женскими слезами, по 200 рублей за листъ и за пять впередъ немедленно“... Театральную критику беретъ на себя членъ общества драматическихъ писателей изъ брантмейстеровъ Борисъ Кроткій, а женскій вопросъ будетъ разрабатывать „любительница русской словесности“ Дарья Михайловна Апушкина, необычайно гордящаяся своей фамиліей, ибо если въ ней между *A* и *II* поставить точку, то будетъ А. Пушкина. Она требуетъ назначенія женщины на всѣ государственныя должности, не исключая даже станovýchъ приставовъ. Въ поэтахъ у тебя будетъ извѣстный тебѣ поэтъ-крестьянинъ Флегонтъ Бурлаковъ; кстати его послѣдняя поэма „Солонъ потъ мужицкій“ произвела здѣсь страшное впечатлѣніе. Ну, доволенъ ли ты, толстопузый монополистъ этакій? Если доволенъ — присылай авансы. Они нужны всѣмъ. Намъ, братъ, безъ аванса даже и думать нечего начинать литературное предпріятіе. А я тебѣ обѣщаю немедля прѣхать въ вашу глупую и дикую Москву и дернуть тамъ тебя за хохоль твой по старой памяти, чтобы ты, подлець, передъ нами, честными бѣдняками, не зазнавался и въ нашемъ присутствіи ходилъ опасно... Если же я отъ тебя не получу отвѣта—вы вѣдь, разжирѣвшіе Крезы, и на этакое свинство способны—то я клянусь тебѣ, обличу въ нашей газетѣ и обличу жестоко, такъ что всѣ московскія ваши афишки перепечатаютъ мои строки... Впрочемъ, будь спокоенъ, я не сдѣлаю этого изъ одного благороднаго презрѣнія ницаго-плебей къ сытому миллионеру... Изъ слога этого письма ты можешь видѣть, какою полекаю мы угостимъ нашихъ недруговъ. Чего-чего, а остроумія у Нешумова на всю Москву хватить... Прощай и помни обо мнѣ. Твой, пока еще другъ, Сергѣй Нешумовъ“.

Тимофей Арсеньевичъ Напаксинъ тоже сѣтовалъ на молчаніе Сластенова, но на философской подкладкѣ. Онъ много говорилъ о концентраціи впечатлѣній бо-

гатства и о послѣдовательной амортизаціи воспоминаній о нищетѣ, сдѣлалъ экскурсію въ дебри Гартмана и Шопенгауэра, заявилъ, что онъ и самъ мало надѣялся на Василия Герасимовича, у котораго волевые центры не такъ развиты, чтобы устоять отъ давленія новыхъ, въ его положеніи неизбежныхъ, жировыхъ отложений. По пути сослался на ассоціацію впечатлѣній по Слъчепову и, разсмотрѣвъ детально психическую дѣятельность человека, только-что получившаго миллионы, предсказалъ ему послѣдовательное развитіе разбойничьихъ инстинктовъ, развитіе ихъ во всемъ сѣромъ веществѣ головного мозга до тѣхъ поръ, когда философская истина станетъ для него уже невозможною къ воспріятію...

Василій Герасимовичъ ушелъ при чтеніи этихъ писемъ весь въ свое прошлое.

Ему опять представилась бѣдная голая комнатка у Бантши, косоногая постель въ углу, вынутыя вьюшки въ печкѣ, неистовое оранье капитана Стратона Буреломова и меланхолическія гаммы консерваторки, верхняя юты Кимишкіана ради бифштекса, легкіе танцы Мордана Македонскаго и литературная каторга Нешумова съ философскимъ пѣломудріемъ Напаксина. Словно въ туманѣ проступили когда-то такъ правившіяся ему черты блѣдной и худощавой Кремлевой, — проступили и спрятались опять... Ей не было мѣста теперь, когда все заслонила пышная красота Паши...

— Да, надо, надо газету...

Онъ позвонилъ. Къ нему вошелъ лакей.

— Позовите, пожалуйста, Чуксина.

Не прошло мгновенія, какъ Каригѣй Каригичъ уже выросъ въ дверяхъ, пронизывая оттуда хозяина острымъ взглядомъ своихъ коломенскихъ глазъ, пощипывая бородку, точно боясь, чтобы она не сорвалась у него съ мѣста.

— У насъ въ Петербургѣ есть деньги?

— Въ Волжско-Камскомъ... Триста шестьдесятъ пять тысячъ.

— Книжка чековъ здѣсь?

— Сей минутъ-съ.

И Чуксинъ, какъ призракъ, исчезъ, чтобы тотчасъ же явиться опять.

— Вотъ, извольте-съ.

Василій Герасимовичъ подумалъ, сдѣлалъ на бумагѣ маленькій расчетъ и написалъ чекъ на пять тысячъ...

„Теби, шалопая, слѣдовало бы отдѣлать хорошенько за всѣ твои прилагательныя, писалъ онъ къ Нешумову,— ну, да ужъ Богъ съ тобой... Посылаю тебѣ чекъ и прошу раздать надлежащіе авансы, не жалѣя денегъ. Сверхъ этого, накорми Кимишкіана до отвала бифштексами и поручи Бантшѣ ежедневно въ теченіе мѣсяца давать ему по три порціи ихъ, заплати деньги впередъ. Морданъ Македонскій—который можетъ смѣло сказать: „omnia mea mesum porto“ — всегда мечталъ о танцевальной фрачной парѣ, сооруди ему таковую и напомни, что въ Москвѣ у него есть другъ, который его никогда не забудетъ и радъ будетъ впоследствии доказать это. Постарайся приурочить къ газетѣ, хотя бы конторщицей, Ольгу Андреевну. Боясь, что она на учительской бѣготнѣ ухлопаетъ свое здоровье, а у нея его и безъ того мало, и прѣзжай сюда скорѣе самъ, со своими. Я буду вамъ очень радъ“...

Онъ приостановился. Еще разъ вспомнилъ прошлое, и вдругъ ему стало такъ жаль, такъ болѣзненно жаль пережитой нищеты, своего маленькаго, дешеваго, изрѣдка выпадавшаго ему счастья, старыхъ друзей, искреннихъ и увлекающихся, такъ не похожихъ на всю эту стаю Плюсовъ, Курцовъ и Приходзько, своихъ безкопечныхъ споровъ съ философомъ-фанатикомъ Напаксинимъ, ссоръ съ Миной Карловной, упрекавшей его по Свѣдсцову и грозившей вьюшками по Самарину,

стиховъ Бурлакова, нуждавшагося только въ томъ, чтобы подкормиться и вполнѣдствіи этого удивить міръ своимъ гениемъ, честнаго негодованія вѣчно больной и вѣчно готовой на всякую услугу Ольги Андреевны Кремлевой... Онъ вдругъ уронилъ голову на руки и разрыдался, разрыдался какъ ребенокъ. Ему казалось, что вмѣстѣ съ этими слезами все прошлое отходитъ отъ него въ безвозвратную даль, что оно уже не повторится больше никогда, никогда. Можетъ-быть впереди ждетъ его лучшее, но не будетъ того, къ чему онъ уже привыкъ такъ, не будетъ той ясности душевной, той вѣры въ человѣка, которыя скрашивали небеснымъ свѣтомъ его безысходную нищету.

Когда онъ наконецъ очнулся и всталъ—стемнѣло.

Ему показалось ужасно безпріютно и холодно въ его палатахъ. Въ гостиной и залѣ зажгли лампы. Позолота, фарфоръ, дорогія картины, хрустали и бронза искрились и свѣтились кругомъ. Дорогія обои, мягкіе ковры, рѣдкая мебель были ему противны въ эту минуту. Безмолвные лакеи ходили какъ тюремщики. Козьма Стефановичъ Козаковъ, его метрдотель, положительно давилъ его какъ кошмаръ своимъ величіемъ и презрительно оттопыренными бритыми губами. Сластенову казалось, что Козаковъ презираетъ его и мысленно задается вопросомъ, отчего всѣ эти милліоны достались этому блѣдному „хаму“, а не ему, Козакову, съ его безукоризненно выхолощенными бакенами, изумительно расчесанными волосами и мягкими, но полными собственнаго достоинства, приемами. Василій Герасимовичъ торопливо одѣлся. „Прикажете заложить лошадь?“ спросили его. — „Нѣтъ, нѣтъ, не надо. Я хочу пѣшкомъ пройти“. Онъ показалъ видъ, что не замѣтилъ мордастаго швейцара съ Георгіемъ, вытянувшагося передъ нимъ, и вышелъ на улицу. Онъ пошелъ куда глаза глядятъ, воображая себя опять прежнимъ бѣднымъ Сластеновымъ, неожиданно получившимъ откуда-то пять

рублей и потому невыразимо счастливымъ... Легкій вѣтерокъ несъ прохладу ему навстрѣчу. Веселый говоръ стоялъ на утонувшихъ въ сумракѣ бульварахъ. Скоро въ небесахъ прорѣзались мѣсяцъ и засверкало нѣсколько робкихъ звѣздочекъ. Онъ сѣлъ на скамейку и только сейчасъ разсмотрѣлъ передъ собою окна пивной „Гамбринусъ“ за деревьями бульвара. Обрадовался и пошелъ туда. Приказалъ себѣ подать кружку пива и, закрывъ глаза, сталъ прислушиваться къ громкимъ голосамъ молодежи, сидѣвшей кругомъ. Ему казалось, что это все Нешумовы, Наплаксины, Бурлаковы; что онъ прежній и въ прежнемъ мірѣ... Едва онъ открылъ глаза опять, собираясь вступить въ споръ съ сосѣдомъ по какому-то вопросу, какъ увидѣлъ вдали необыкновенно величаво сидящаго и очевидно не замѣтившаго его лакея Антона, прислуживающаго Саввѣ Кузмичу. Сластеновъ бросилъ мелочь на столъ и поскорѣе вышелъ... Увы! отъ прежняго, отъ этой тяжелой въ дѣйствительности и ясной и счастливой въ воспоминаніяхъ нищеты не оставалось ничего кромѣ иллюзій... Онъ чувствовалъ, что первый періодъ его жизни окончился...

Наступалъ второй. Ему должно было бы радоваться. Онъ—Сластеновъ, которому всѣ завидовали... Но въ его душѣ была какая-то трогательная печаль, точно онъ только-что вернулся съ похоронъ лучшаго друга: можетъ-быть у него будутъ другіе, еще лучшіе, но этотъ ужъ не возвратится, а станетъ тихо и недвижно истлѣвать въ своей одинокой могилѣ... Да!.. Онъ опять сѣлъ на бульварѣ и задумался. Что-то ему говорило: не будетъ счастья, настоящаго счастья въ этихъ случайно доставшихся ему милліонахъ, и сердце его щемило и его попрежнему тянуло въ потемки и нужду, къ тѣмъ далекимъ теперь, но оставшимся милліонами его сердцу людямъ...

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Старинный вальсъ.

(Изъ разсказовъ стараго маіора).

(Продолженіе).

Къ концу вечера „Juristen-Walzer“, по требованію молодой невѣсты, повторили, и еще упонпельнѣе, еще безумнѣе полились эти звуки, среди утомленной залы, подъ блескомъ догорающей и мѣстами гаснущей иллюминаціи.

Усталые музыканты играли тише, мучительные звуки тянулись медленнѣе, сильнѣе хватили за душу, и еще томительнѣе, еще властнѣе врѣзывались въ вѣную даль дремавшей ночи...

И что за ночь это была!.. Тихая, знойная, благоухающая!.. Нынче такихъ почей ужъ не бываетъ...

Нынче и на Югѣ-то ночи стали хмурья и холодныя какія-то, словно сѣверныя... Я былъ прошлымъ лѣтомъ тамъ... въ Спасскомъ... Все измѣнилось!.. Все потемнѣло, какъ-то сгустилось... И люди не тѣ стали, и природа не та... Все словно инеемъ и туманомъ подернулось!..

— Сами-то вы инеемъ подернулись, Вахлакъ Семеновичъ!.. неожиданно вступилась розовенькая Надя за переживаемые ею, по ея мнѣнію, хорошіе и свѣтлые дни.—Точно ужъ будто мы всѣ не такіе-же какими-бы были!..

— Надя!.. Надя!.. ужаснулась старшая сестра, но старикъ не слышалъ этого возгласа.

При первыхъ словахъ рѣзвой дѣвочки онъ весь встрепенулся, ожилъ, и притянувъ маленькую шалуницу къ себѣ, крѣпко прижалъ къ груди своей ея беззаботную, бѣлокурую головку.

Слова, шаловливо брошенныя ею, разбудили въ душѣ его цѣлый міръ воспоминаній...

— Какъ ты сказала это имя, моя дѣвочка!.. Какъ ты его сказала!.. дрожащимъ отъ волненія голосомъ проговорилъ старикъ.—Боже мой!.. Точно она, моя голубушка, моя кружевная Нелли!.. сказалъ старикъ, смахивая съ глазъ набѣжавшую на нихъ, непрошенную слезу.— Пора мнѣ кончать мой разсказъ!.. И вы устали меня слушать, и самъ я утомился, да и винтеры наши что-то притихли!.. Видно тоже устали спорить и сорряться изъ-за своего вшталъ!..

На чемъ бинъ я остановился?.. Да, на балѣ!.. Ну-съ, за этимъ баломъ послѣдовала цѣлая серія великосвѣтскихъ удовольствій и празднествъ, точно князь, къ свадьбѣ дочери улолокъ Петербурга за собой въ деревню перевезъ!..

Я видался съ Нелли почти ежедневно, но въ кавалькадахъ и балахъ ихъ дѣятельнаго участія не принималъ.

И съ юности былъ очень нервень и чутокъ, и грубая жизнь въ армейскомъ полку не могла вполнѣ сгладить во мнѣ это природное свойство. Мнѣ какъ-то до боли досадно было на князя и на самую Нелли, за то полное, беззаботное и шумное веселье, которое они доускали въ домѣ, еще полнымъ воспоминаніями о безвременно погибшемъ Димѣ. Мнѣ казалось, что его тѣнь оскорблена этимъ моремъ веселыхъ звуковъ, этимъ ураганомъ вальсовъ, мазурокъ и веселыхъ кавалькадъ.

Издавна извѣстно, впрочемъ, что счастье—самое эгоистическое изъ всѣхъ чувствъ человѣческихъ.

Компаньонка княжны, волшебница Лара, участвовала во всемъ, и всюду вложила обаяніе своей чудной, волшебной красoty.

Она безумнѣе всѣхъ скакала верхомъ, вся змѣею изогнувшись на сѣдлѣ, въ своей роскошной черной бархатной амазонкѣ, подарокъ стараго князя, съ рыцарской любезностью благаго времени относившагося къ своей граціозной лектрисѣ.

Она задорнѣе всѣхъ играла въ загѣванныя перѣдко такъ называемыя petits jeux; ея отвѣты въ „Secrétaire“ были всѣхъ смѣлѣе и остроумнѣе, никто не могъ догнать и поймать ее, когда играли въ горѣлки, и когда она садилась за фортепьяно, что впрочемъ случалось съ нею довольно рѣдко, то музыкы ея можно было заслушаться до безумія, до смерти, какъ по преданію, заслушиваются рыбаки, на Рейнѣ, чарующихъ пѣсень волшебницы Лореленъ.

Всѣ безусловно ею восхищались, и безконечно добрая Нелли, чуждая всякаго чувства соперничества и зависти, любовалась подругою своей больше и искреннѣе всѣхъ остальныхъ.

Одинъ я только всегда относился къ Войтовичъ сдержанно и холодно, что она отлично замѣчала, и объ чемъ разъ, оставшись со мною наединѣ, прямо и смѣло заговорила.

— За что вы меня не любите, Петръ Семеновичъ?.. спросила она, останавливая на мнѣ пристальный, металлическій взглядъ своихъ большихъ, зеленыхъ глазъ.

— Я?.. почему это вамъ такъ кажется?.. нехотя спросилъ я, въ отвѣтъ.

— Да потому, что вы одни только ко мнѣ холодны и невнимательны, тогда какъ всѣ прочіе...

Римская дѣвушка. Картина Зихеля.

— Восхищаются вами?.. да?.. перебил я ее.—И что-же вы думаете, что всё что вам восхищается—и любить вас непременно?.. Напрасно заблуждение!.. Полюбить вас искренно, глубоко может только тот, кого вы сами выберете, обовьете, задумаете, какъ, помните, оуптывали и душили вас эти большие болотные цвѣты, на первомъ балѣ?.. Этотъ избранникъ, дѣйствительно, отдастъ вамъ весь и погибнетъ!.. Тогда какъ другіе...

— Что-же другіе?.. насмѣшливо переспросила она.

— Холодно полюбятся, какъ любятъ дорогимъ мраморомъ въ богатой коллекціи, и спокойно отойдутъ.

— И вы въ томъ числѣ?.. спросила она.

— Нѣтъ, я даже и любовать не стану. Я въ Пигмалионъ не гожусь... Я просто и молча отойду...

— И, отходя... назадъ не оглянетесь даже?

— И назадъ не оглянусь, Лариса Андреевна!.. Я васъ боюсь.

— Боятесь, вотъ какъ!.. То вниманія не обращаете, то боятесь—это непозволительно, улыбнулась она своею загадочною змѣиною улыбкой.

Я никогда, вполдѣтви, уже не встрѣчалъ такой улыбки. Въ ней было что-то неумолимо-отталкивающее, что-то змѣиное! Я увѣренъ что живописецъ, сдумавшій-бы схватить и передать эту улыбку на лицѣ Луды, въ ту минуту когда предатель, подъ трепетнымъ свѣтомъ фонаря, идетъ во тьмѣ Геосимапскаго сада,—обезсмертилъ-бы свое имя.

Я инстинктивно отодвинулся отъ нея.

— Я не за себя боюсь васъ, Лариса Андреевна!.. сказалъ я.— Для меня лично вы не страшны... Я боюсь васъ за другихъ, болѣе меня слабыхъ и беззащитныхъ людей... За людей счастьемъ которыхъ я дорожу болѣе, нежели своимъ собственнымъ...

Она бойко разсмѣялась и отошла отъ меня своею плавною походкой, бросивъ мнѣ на прощанье только:

— Такъ защищайте, коли можете!.. Боритесь сколько хватитъ силъ, коли спокойнаго мира не хотѣли!..

Этотъ смѣлый вызовъ, послѣ долгихъ лѣтъ, еще звучитъ въ моихъ ухахъ. Всею ужасающей силой своею раздается въ моемъ сердцѣ...

Лѣто прошло незамѣтно, и къ осени князь сталъ сбираться въ Петербургъ, гдѣ въ началѣ октября назначена была свадьба Нелли.

И она, и самъ князь усердно звали меня съ собою, но и хозяйство удерживало меня дома, да и что за гость былъ-бы я на ихъ роскошныхъ, придворныхъ пиркахъ!..

Съ Нелли простился я рано утромъ, въ день ихъ отъѣзда, назначеннаго послѣ ранняго завтрака, чтобы не опоздать на станцію, къ поѣзду.

Когда я пріѣхалъ въ Спасское, князь еще не выходилъ, и мы съ Нелли, рука за руку, сошли съ крутой террасы, и пошли вдоль большой аллеи, на которой мы такъ часто и много бѣгали въ дѣтствѣ, вмѣстѣ съ Димой.

Княжна одѣта была по-дорожному, въ щегольскомъ свѣтлосѣренькомъ английскомъ костюмѣ, и была какъ-то грустнѣе обыкновеннаго.

Мы тихо продвигались по аллеѣ, среди груды пожелтѣвшихъ листьевъ, шуршавшихъ подъ нашими ногами...

По бокамъ, въ раткахъ, отцвѣтая, ярко пестрѣли астры и георгины... По небу бродили сѣренькія тучки... Осеннее солнце золотило, но не грѣло уже туманнаго осенняго утра...

На душѣ у меня было такъ мучительно горько, что я боялся заговорить, чтобы не расслакаться.

— Ну-съ, Вахлакъ Семеновичъ, прощайте!.. Не хотите съ нами ѣхать, не хотите держать вѣнецъ надъ головою своей дѣвочки, Богъ вамъ судья!.. Хотѣли издала помолитесь за меня въ этотъ день!.. Я телеграфирую вамъ день и часъ моей свадьбы... Помолитесь за меня тогда... смотрите... крѣпко, усердно помолитесь!.. А теперь благословите меня здѣсь, пока мы одни... Вѣдь вы, со смертью Димы, остались мнѣ единственнымъ братомъ и другомъ на землѣ. О папѣ я не говорю: онъ утомился жпзью, папа, и это утомленіе, близкимъ къ нему людямъ, начинаетъ сильно сказываться... Дима далеко... никогда ужъ не придетъ!.. Папа—это въ прошломъ, мужъ—въ будущемъ, въ настоящемъ только вы одинъ... Благословите-же, и отъ души, любя благословите.

И она опустила передо мною на колѣни, среди аллеи, на груды желтыхъ листьевъ, ковромъ рассыпавшихся у ея ногъ.

Я набожно перекрестилъ ее, крѣпко обнявъ руками ея смуглую головку, и молча, полными слезъ глазами, взглянулъ на небо...

Говорить я не могъ... Да и что можно было сказать въ такую минуту?..

Еще теперь, послѣ столькихъ лѣтъ пройденной жизни, послѣ столькихъ мучительно пережитыхъ страданій, я не могу равнодушно вспомнить этого прощальнаго благословенія... А тогда... тогда...

Да что говорить!.. махнулъ онъ рукою, вытирая съ сѣдыхъ усевъ своихъ непрощенную слезу...

— Когда мы вернулись въ залу, всѣ были уже въ сборѣ.

Нерадовскій торопливо сбѣжалъ съ балкона навстрѣчу

своей невѣсты; князь заботливо возился съ киною пераспечатанныхъ газетъ; оба гвардейца стояли облокотившись на роуль, за которымъ сидѣла М-лле Войтовичъ, бойко и со свойственнымъ ей умѣньемъ по слуху наигрывая модный „Juristen-Walzer“.

Томительные, страстные звуки этого вальса, вырвавшись изъ отворенныхъ дверей залы, живымъ потокомъ хлынули намъ навстрѣчу...

— Слышите, слышите, мой чудный вальсъ!.. весело вслеснула руками Нелли. — Мерсі, Лара, мерсі!.. Это она хочетъ живымъ воспоминаніемъ счастья проводить меня изъ этого роднаго, стараго дома, и встрѣтить на порогѣ новой жизни!.. Какіе вы всѣ добрые и какая я счастливая!..

И она бросилась обнимать и цѣловать мраморную Лару.

Та холодно сверкнула по ней металлическимъ лучемъ своихъ зеленыхъ глазъ.

— Слушайте, „вахлакъ!“ обратилась княжна ко мнѣ, не замѣчая холоднаго взгляда своей компаньонки. — Слушайте!.. Когда-бы и гдѣ-бы вамъ ни пришлось услышать звуки этого вальса, всегда и всюду вспомните обо мнѣ... и ежели я буду жива и счастлива, улыбнитесь издали моему счастью; ежели я умру, помолитесь за мою душу. Что-же, вѣдь и молодые умираютъ, и они уходятъ съ житейскаго пира!.. прибавила она, видя что послѣднія слова ея навѣяли грусть на присутствующихъ.—Вѣдь ушелъ-же бѣдный Дима, и какъ рано, какъ внезапно ушелъ!.. Такъ вспомните, „вахлакъ?“ Да?.. Общаете?.. продолжала она.

Я общалъ, и какъ видите, свято исполнилъ этотъ несложный обѣтъ. Звукъ этого вальса я никогда не слышалъ не вспоминая объ ней.

Въ то же утро Курагинны уѣхали.

Я не поѣхалъ ихъ провожать, боясь своимъ горемъ нагнать тоску на отъѣзжавшихъ. А скрытъ этого горя не могъ, не умѣлъ!.. Оно змѣей хватало меня за сердце... Оно душило меня!..

И вновь однообразно потянулись дни, послѣ ихъ отъѣзда, отъ почты до почты, въ ожиданіи писемъ и извѣстій изъ Петербурга.

Нелли не забывала меня, среди своего счастья. Она писала ко мнѣ и съ дороги, и по пріѣздѣ въ Петербургъ; и согласно данному обѣщанію, телеграммой увѣдомила меня о днѣ и часѣ своей свадьбы.

Тотчасъ послѣ свадьбы, молодые уѣхали за границу, но и тамъ, среди обаянія полного, невозмутимаго счастья, моя „кружечная дѣвочка“ не забывала меня, и письма къ „вахлаку“ летали и съ ледяныхъ вершинъ Швейцаріи, и съ шумныхъ береговъ Сены, и изъ-подъ знойнаго неба Италіи.

Письма эти неизмѣнно дышали полнымъ счастьемъ, въ нихъ было такъ много радости, такъ много жизни, что я начиналъ успокаиваться и называть мой инстинктивный страхъ за Нелли пустыми бреднями разстроенаго воображенія.

Самъ я, тѣмъ временемъ, вышелъ въ отставку, и тоже сбирался жениться, да не состоялось это... не судьба видно мнѣ была семейнымъ старъ... не гожусь я, видно, для семейной жизни!..

Такъ прошелъ годъ, продолжалъ старикъ Волховской. — Нелли давно вернулась съ мужемъ изъ-за границы, и поселилась въ Петербургѣ вмѣстѣ со старымъ княземъ, который хирѣлъ и опускался день-отъ-дня, и при которомъ, въ качествѣ лектрисы и безсѣннаго члена семьи, проживала волшебная красавица Лара.

Всѣ эти подробности зналъ я отъ управляющаго. Нелли, подробно писавшая мнѣ о себѣ и своемъ мужѣ, какъ-то мало и рѣдко писала о князѣ, а имя Лары, въ письмахъ своихъ, почти не упоминала.

Тотъ же самый болтливый управляющій сообщилъ мнѣ, что М-лле Войтовичъ живетъ въ домѣ полною хозяйкой и сдумала такъ угодить старому князю, что онъ въ ней просто души не чаеъ.

— Да чего ужъ больше, съ досадой прибавилъ словоохотливый рассказчикъ, довольный тѣмъ, что нашелъ во мнѣ снисходительнаго и заинтересованнаго его рассказами, слушателя.— Чего еще говорить!.. Когда я въ послѣдній разъ въ Петербургѣ, съ оброкомъ и съ отчетами, ѣздилъ, такъ даже вѣдомость по имѣнію она отъ меня принимала, компаньонка эта самая, и деньги въ, по княжескому приказанію, ей же вручили... А вѣдь денегъ-то, шутка сказать, 37 тысячъ было!..

Эта послѣдняя подробность, признаюсь, нѣсколько удивила меня.

— Что-же Нелли? Что-же графиня? спросилъ я. — Развѣ она въ дѣла отца не входитъ?

— Да вѣдь вы развѣ нашу княжну не знаете? улыбнулся онъ мнѣ въ отвѣтъ, упорно продолжая именовать Нелли ея прежнимъ титуломъ „княжны“. — Вѣдь онъ что малый ребенокъ! Ихъ и самихъ-то супругъ почти что вовсе отстранилъ отъ управленія. Взялъ отъ нихъ полную довѣренность, да такъ-то къ рукамъ все прибралъ, что на удивленіе!.. Доходы почтай что удвоилъ, а концовъ съ концами все не сведеть!.. Все, какъ ни послушаешь, долги растутъ да растутъ.

— Да развѣ у графа своего состоянія не было? удивился я. — Правда, я никогда ни отъ кого не слышалъ о состояніи

Нерадовскаго, но почему-то считала его богатым человеком.

— Есть состояние, какъ не быть! задумчиво отвѣтилъ мнѣ управляющій.— Да только такъ онъ его зацуталъ, что лучше бы вовсе ничего не было! Съ самаго дня свадьбы все женинымъ живутъ. Теперь, слышно, ужь Костромское имѣніе спускаютъ. А какое имѣніе-то было, золотое дно! За княжной-покойницей оно чистымъ шло, ужь послѣ ея смерти князь его въ Совѣтъ заложилъ, да и то для того только, чтобы пустошь къ нему прикупить. Нѣтъ, не показалось мнѣ что-то ихъ житье! закончили рѣчь свою управляющій, и слова эти глубоко запали мнѣ въ душу.

А время, среди деревенскаго однообразія, тянулось медленно, скучно, тоскливо.

Словно заколдованные, остановились дни, часы, недѣли. Время, казалось, замерло и не двигалось.

Со свадьбы Нелли прошло четыре года.

И въ промежутокъ этого времени два раза былъ въ Петербургѣ, но одинъ разъ вовсе не засталъ тамъ ни Курагина, ни Нерадовскихъ,—всѣ были за-границей, куда по приказанію докторовъ повезли Нелли, послѣ неудачныхъ родовъ,—а во второй разъ захватилъ графиню уже совсѣмъ на пути, въ день отъѣзда ея въ Крымъ, куда раньше нея уѣхалъ вышедшій въ отставку Нерадовскій.

Я нашелъ въ Нелли большую переменѣ. Она замѣтно пополнила, и какъ-то вся сложилась, физически и нравственно.

Красавицей ее назвать было нельзя, но она была неотразимо плѣнительна, со своею свѣтлою улыбкою, съ прежнимъ, дѣтскимъ блескомъ своихъ лазурныхъ глазъ.

Она шутила представила мнѣ свою крошечную, двухлѣтнюю дочку, прелестную куклу, поразительно похожую на нее, и до боли живо напомнившую мнѣ мою прежнюю, незабвенную „кружевную дѣвочку“.

Затѣмъ, передавъ ребенка боннѣ, она пригласила меня пройти на половину князя, который оставался въ Петербургѣ и въ Крымъ съ дочерью не ѣхалъ.

— Папа очень радуется будетъ, мой дорогой „вахлакъ“, сказала Нелли, проходя по коридору, ведущему на половину князя.— Онъ часто объ васъ вспоминаетъ, но только... пожалуйте... воздержитесь отъ всякаго жеста удивленія, при встрѣчѣ съ нимъ!.. Вы найдете въ немъ—большую переменѣ... Вы пожалуй даже вовсе не узнаете его. Но, ради Бога, не показывайте ему этого. Это его страшно сердитъ и волнуетъ. Кстати, вы тамъ встрѣтите старую знакомую... помните, красавицу Лару... къ которой вы такъ недружелюбно относились, среди всеобщаго, окружающаго ее обожанія? Съ нею, тоже, пожалуйте... будьте повнимательнѣе... Папа къ ней привыкъ и очень шепетилень и выскателень на этомъ пунктѣ. Ну-съ, а теперь пожалуйте! Милости просимъ, Вахлакъ Семеновичъ! весело проговорила молодая женщина, но веселью этому я плохо вѣрилъ. Очень ужь дѣлано, пятакнуто прозвучала ея веселая нотка, слишкомъ много затаеннаго горя слышалось въ ней.

Когда мы вошли къ князю, онъ сидѣлъ въ большихъ креслахъ, весь обложенный подушками и закутанный въ щегольской чернѣй бархатный шлафрокъ, съ большими кистями.

Онъ тщательно отдѣлывалъ себѣ ногти, поочередно мѣшля шпатель и щеточки, лежавшія передъ нимъ.

При шумѣ отворившейся двери, онъ поднялъ голову, и какъ ни былъ я приготовленъ къ происшедшей въ немъ переменѣ, я все-таки отступилъ и чуть не вскрикнулъ отъ удивленія.

Меня остановилъ умоляющій взглядъ Нелли, взявшей меня за руку, чтобы подвести къ отцу.

— Папа... ты узнаешь? Вахлакъ нашъ пріѣхалъ! Нашъ Спасскій Вахлакъ Семеновичъ! весело проговорила она, чтобы дать мнѣ время оправиться и придти въ себя.

Я пристально, не спуская глазъ, смотрѣлъ на князя—и удивленіе мое все росло и росло.

Передо мною былъ не прежній красавецъ-аристократъ, такъ плѣнявшій меня въ дѣтствѣ величіемъ своей осанки, даже не сѣдой, опустившійся старикъ, котораго видѣлъ я въ Спасскомъ, передъ свадьбою Нелли, нѣтъ,—передо мной была какая-то мумія, какая-то ветхая, разрисованная кукла, жалкій манекенъ, со вставными челюстями, съ нарумяненными щеками, въ черномъ какъ смоль, тщательно завитомъ парикѣ, и съ нафабранными, какъ смоль черными усами.

Я встрѣтился съ нимъ взглядомъ и невольно ощутилъ глаза.

Мнѣ совѣстно было за него. Мнѣ грустно было сознаться передъ самимъ собою, что эта жалкая, размалеванная кукла—нашъ князь, передъ которымъ мы всѣ такъ искренно благоговѣли, которому, главнымъ образомъ, обязанъ я былъ своимъ воспитаніемъ.

— Здравствуйте, здравствуйте! Я радъ! заговорилъ онъ, и голость его, дрожащій, дряблый какъ онъ самъ, какою-то неприятною, незнакомою мнѣ нотой прозвучалъ надъ моимъ ухомъ.— А я тутъ занялся, словно извинился взглянулъ онъ на дочь.— Волшебница моя уѣхала, я и занялся!

— А Лары дома нѣтъ? разсѣянно осведомилась Нелли.

— Нѣтъ, она поѣхала переменить кое-какія покупки. Грѣхъ мой исправитъ! Я тутъ кое-что купилъ для нея... кружева тутъ кое-какія... бездѣлицы... Она вѣдь на себя сама ничего не истратитъ, а надо-же ей... Ну такъ я безъ нея выбралъ, а ей и не понравилось. Такъ поѣхала переменить.

Нелли разсѣянно слушала робкій и безсвязный лепетъ старика. Она видѣла то тяжелое впечатлѣніе, которое произвела на меня видъ князя, и это огорчало ее.

— А вы постарѣли-таки, шибко постарѣли! обратился старикъ ко мнѣ, шуря свои слезящіеся, слегка подрисованные глаза, съ густо начерченными бровями.— Да, время не падитъ никого! Ну, а меня какъ вы находите? измѣнился я? спросилъ онъ, выпрямляя свой сгорбленный станъ и видимо прибадриваясь, чтобы произвести на меня возможно пріятное впечатлѣніе.

Нелли бросила на меня умоляющій взглядъ.

— Нѣтъ, князь, я не нашелъ въ васъ никакой переменѣ, отвѣтилъ я старому ребенку,—напротивъ, я нахожу даже что вы помолодѣли.

— Да, не вы одни это мнѣ говорите, улыбнулся онъ своими окрашенными губами.— Вотъ и волшебница моя то же самое замѣчаетъ. А, да вотъ и она! воскликнулъ старикъ съ робкою, ребяческой радостью, весь подаваясь впередъ, навстрѣчу входившей Ларѣ.

Дѣйствительно, вошла не женщина—а волшебница, такъ неподражаемо, такъ дивно хороша была молодая дѣвушка, въ своемъ роскошномъ, модномъ нарядѣ.

И гордая осанка, и манера держать голову нѣсколько откинутаю назадъ, и величественное спокойствіе всей ея, безукоризненно элегантною особы, все осталось попрежнему, но ко всему этому прибавился еще повелительный тонъ полной и властной хозяйки, какою видимо чувствовала себя Лариса Андреевна въ этомъ домѣ, въ который вошла простою компаньонкой.

Она пожала руку Нелли и холодно раскланялась со мною.

— Вы узнали нашего Спасскаго съезда? спросилъ ее князь, и видя что этотъ вопросъ ей неприятенъ, тотчасъ же робко переключилъ разговоръ.— Ну что? переключилъ? спросилъ онъ, заглядывая въ ея холодные, зеленые глаза.

— Да, переключила, нехотя отвѣтила она, бросая на столъ свою дорожку, кружевную шляпу.— Только вы, князь, безудно дорого заплатили за браслетъ. Помилуйте, да за 800 рублей можно было купить вещь несравненно лучше и изящнѣе. Его и мѣнять не стали. Они видимо довольны, что избавились отъ этой дряни.

И она презрительнымъ жестомъ бросила на столъ высокую голубой бархатный футляръ, который тутъ же скатился на полъ.

Я нагнулся чтобы поднять его.

— Не беспокойтесь! На это есть лакеи, бросила она мнѣ и, взявъ со стола большой серебряный колокольчикъ, громко позвонила.

Растерянный старикъ вздрогнулъ. Нелли покраснѣла и быстро встала съ мѣста.

— Пойдемте ко мнѣ, Вахлакъ, грустно улыбнулась она, поцѣловавъ отца въ лобъ и направляясь къ двери.

Я молча послѣдовалъ за нею, холодно раскланявшись съ Ларой и наскоро простившись съ княземъ, который едва-ли замѣтилъ мой уходъ, такъ всецѣло былъ онъ поглощенъ безпричиннымъ гнѣвомъ своего капризнаго божества.

— Видѣли?! коротко и грустно сказала Нелли, когда мы снова очутились въ ея уютной и роскошно убранной гостиной.

Больше распространяться она ни о чемъ не стала; да и къ чему бы это послужило?

Я и такъ зналъ и понималъ больше, нежели желалъ бы знать.

Къ вечеру того-же дня Нелли уѣхала, а спустя два мѣсяца я узналъ отъ управляющаго, что князь женился на своей бывшей Лекрисѣ, и что „молодые“, тотчасъ послѣ свадьбы, уѣхали въ Крымъ, къ Нерадовскимъ.

— И грѣхъ, и смѣхъ! прибавилъ къ своему разсказу управляющій.— Женуха-то, говорятъ, чуть не подъ руки вокругъ аналога водила. И найдетъ же этакая, прости Господи, дурь, на умнаго человека!

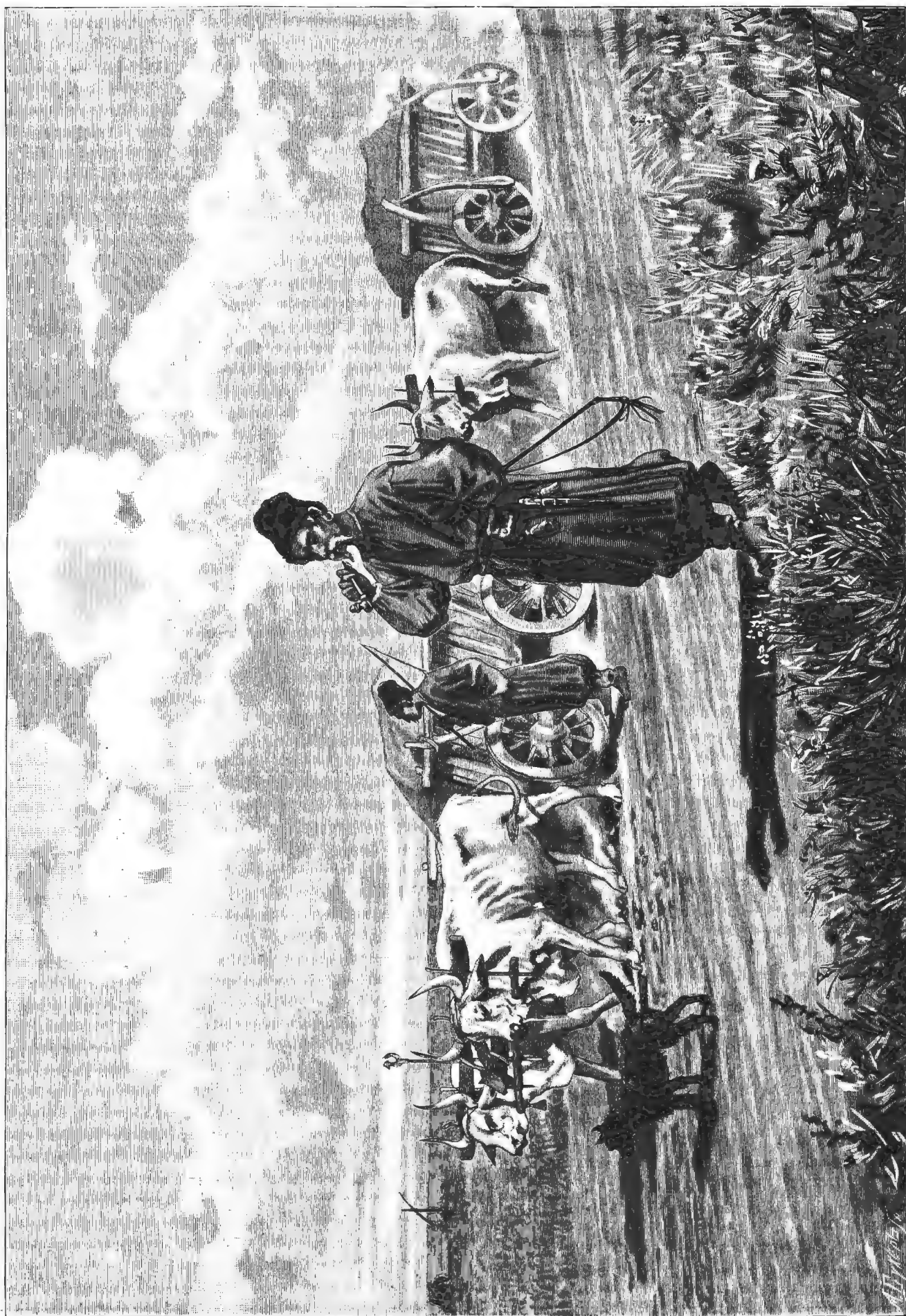
Въ Крыму обѣ „молодые“ четы прожили не долго. На зиму они всѣ вмѣстѣ вернулись въ Петербургъ, а въ началѣ лѣта управляющій впопыхахъ прискакалъ ко мнѣ, чтобы оповѣстить меня о скоромъ пріѣздѣ Курагинскихъ и Нерадовскихъ въ Спасское.

Отъ Нелли я, въ послѣднее время, все рѣже и рѣже получалъ письма, и потому вѣсть о ея скоромъ прибытіи была для меня совершенной новостью.

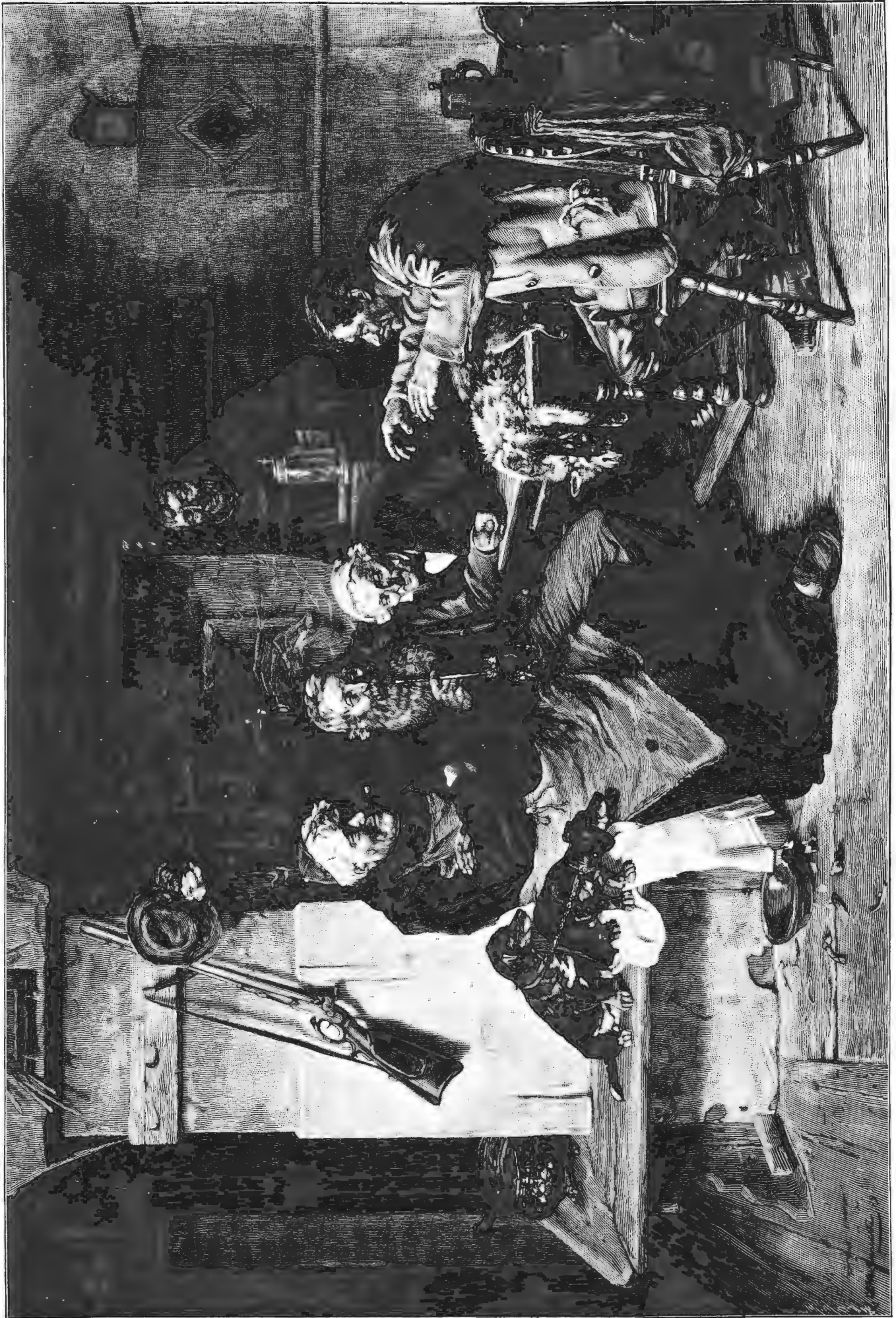
Первыми пріѣхали Курагины, въ сопровожденіи Нерадовскаго; Нелли осталась на время въ Петербургѣ, задержанная легкой болѣзью дочери.

Въ первыхъ числахъ іюня пріѣхала и она, и тотчасъ прислала за мною; но увидавъ ее, я не радъ былъ ни ея пріѣзду, ни этому свиданію. Меня буквально ужаснула та переменѣ, которую я нашелъ въ ней.

Она вся похудѣла, поблѣднѣла, осунулась, и не будь она такъ молода годами, я прямо сказалъ бы что она „постарѣла“.

Въ Крымъ за солью. Украинскіе чумани. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. Радомскаго, грав. Бухеръ.

Охотничій жаргонь. Съ карт. Коченрейгера, грав. Лейбе.

Дочь ея, маленькая Катя, выросла, но была тоже вся худенькая и воздушная какъ мать.

Объ онѣ, пользуясь всей роскошью и всѣми удобствами жизни, казалась, тѣмъ не менѣе, чужими среди всего ихъ окружающаго.

Ребенокъ болталъ и рѣзвился только оставаясь наединѣ съ матерью, да еще со мною, съумѣвшимъ какъ-то сразу войти въ ея довѣріе.

Всѣхъ остальныхъ, не исключая и отца, Катя дичилась, а отъ княгини Лары, въ шутку называвшей себя „бабушкой“, прямо сторонилась и, при входѣ ея въ комнату, оставляла свои игрушки и прижималась къ матери, бросая на красивую княгиню осмысленные, не-дѣтскіе взоры, полные вражды и ненависти.

Лара, напротивъ, держалась очень просто, мило и привѣтливо, съ Нелли была исключительно любезна, за старикомъ мужемъ ухаживала какъ Антигона, и очаровывала любезностью всѣхъ гостей, начиная съ меня, котораго встрѣтила она со-вѣтъ какъ стараго друга.

На самой дружеской ногѣ держала она себя также и съ Нерадовскимъ, котораго называла или шутливымъ именемъ „сыночка“, или просто Никсомъ, какъ звали его всѣ остальные члены семейства.

Съ перваго дня пріѣзда „молодыхъ“, Спасское оживилось. Княгиня сдѣлала визиты всѣмъ сосѣдямъ, всѣхъ пригласила къ себѣ, къ старикамъ отнеслась почтительно, молодежь обворожила лаской и привѣтомъ, и безповоротно покорила себѣ всѣ сердца.

И я самъ, подчасъ, въ глубинѣ души своей, не сочувствовалъ тому отчужденію, въ какомъ держала себя Нелли, и упрекалъ моего бѣднаго друга въ капризахъ, и, прости Господи, чуть не въ зависти.

Такъ хорошо умѣла эта ловкая змѣйка заполнить во всякую душу и запустить тонкое жало свое въ каждое сердце.

Прошло около мѣсяца. Подходилъ день рожденія молодой княгини.

Лара шутя говорила что она хочетъ торжественно отраздновать свою наступающую старость (т. е. ей доходило 27-й годъ)—и въ Спасскомъ дѣлалась приготовленія къ роскошному балу.

Не чуло ни чье сердце, какой эпизодъ готовился къ этому веселому празднику!...

Курагины звали чуть не всю губернію, и нависые провинціалы, очарованные гостеприимствомъ магнатовъ, забрались въ Спасское, чуть не за недѣлю до бала.

По крайней мѣрѣ, наканунѣ дня рожденія княгини, приглашенный очень любезною заниской Лары къ обѣду, я напелъ домъ переполненнымъ гостями.

Дворъ переполненъ былъ чужими людьми и экипажами, во всѣхъ свободныхъ комнатахъ громаднаго дома устроены были наскоро спальни и уборныя для дамъ; во всѣхъ флигеляхъ и службахъ, убранныхъ и задранированныхъ на скорую руку, прилажены были кабинеты, курильни и нѣчто въ родѣ общихъ дортуаровъ для кавалеровъ.

Въ домѣ, какъ говорится, дымъ шелъ коромысломъ, и душою всего этого живаго гомона, пульсомъ всей этой, ключемъ бившей жизни,—была красавица-княгиня, съ своею холодною, волшебною красотой появляясь всюду, все вокругъ себя освѣщая и озаряя!...

Два оркестра, бальный, состоявшій при театрѣ губернскаго города, и военный, любезно отданный въ распоряженіе княгини мѣстнымъ полковымъ командиромъ, прибыли въ Спасское, наканунѣ, съ утра, и пользовались этимъ, Лара рѣшила что танцовать будутъ оба вечера сряду, празднуя, такимъ образомъ, сначала преддверіе ея „старости“, а тамъ уже, въ самый день ея рожденія, и первую ступень этой „старости“.

Погода стояла чудная; яркіе, залитые солнечными лучами дни, и черныя, благоухающія южныя ночи, чередовались, нѣжа и опьяняя все!...

Переживался какой-то общій, всесторонній праздникъ природы!...

Только одна Нелли все ниже и ниже клонила свою блѣдную головку; одна она только грустно и одиноко улыбалась, среди общаго, шумнаго веселья, волною охватившаго все Спасское.

И, по настоятельному приглашенію князя и Лары, пріѣхалъ въ Спасское наканунѣ праздника, съ утра, и усердно помогалъ развѣшивать фонарики и свивать гирлянды, для убранства балконовъ.

За этимъ занятіемъ застала меня Нелли, возвратившаяся изъ сада вмѣстѣ съ маленькой Катей, которую она вела за ручку.

Ребенокъ молча и чинно выступалъ подлѣ матери, какъ будто понимая что тутъ, почему-то, нѣтъ мѣста ни ея шумному дѣтскому веселью, ни ея подчасъ бойкой рѣзвости.

— А, вотъ вы гдѣ, мой бѣдный „вахлакъ?“ улыбулась мнѣ Нелли, своей блѣдной улыбкой. — И вы къ знаменитому торжеству готовитесь?... И вы приносите дань „волшебницѣ“?... Вѣдь такъ кажется зовутъ всѣ здѣсь Ларису Андреевну?..

— Вы несправедливы къ княгинѣ, Нелли... Она всячески старается снискать вашу дружбу... а вы!...

И не договорилъ,—такъ странно, почти страшнѣе былъ взглядъ, брошенный на меня графиней.

— Я?... несправедлива къ ней?... повторила она, сжимая обѣими руками свои виски, точно она боялась, что голова ея не выдержитъ всей силы, всего напора охватившихъ ее мыслей.— Я несправедлива... къ ней?... Вы не подумали о томъ что вы сказали, Петръ Семеновичъ!.. Вы не взвѣсили всей силы вашихъ словъ!.. — Впрочемъ, оставимъ этотъ разговоръ... бойко сказала она, послѣ минутнаго молчанія. — Продолжайте... занимайтесь вашимъ веселымъ дѣломъ!.. Несите дань вашей царницѣ!.. Чѣмъ больше дашиковъ, тѣмъ прочѣе царство!...

И насмѣшливо произнесла послѣднія слова, она медленно ушла, уводя за собою свою дѣвочку.

За все время импровизованнаго вечерняго бала, Нелли была задумчивѣе и грустнѣе обыкновеннаго, что видимо озачинило княгиню Лару, безпрестанно подходившую къ ней, и напротивъ того, странно сердито стараго князя, громко замѣтившаго дочери, что она trouble-fête.

Она перенесла этотъ упрекъ молча и вышла на балконъ.

Мнѣ показалось что на глазахъ ея блеснули слезы.

Мнѣ стало невыносимо жаль ее; я вышелъ вслѣдъ за нею.

Она стояла одна, облокотившись на перила и устремивъ неподвижный взглядъ въ темную аллею сада.

При моемъ приближеніи, она подняла голову, и слегка вздрогнула.

— Что вы?... спросила она. — Какъ странно, я сейчасъ только о васъ думала!..

— Я счастливъ что вы вспомнили обо мнѣ, Нелли!..

— А знаете что именно я думала?... спросила она, дотрогиваясь до моей руки и поворачивая ко мнѣ свою блѣдную головку.—Я вспоминала другой вечеръ, тутъ-же, въ Спасскомъ, другую ночь, такую же темную, ягучую, благоуханную... такую же ночь веселья и счастья... съ громомъ музыки и яркімъ блескомъ иллюминаціи... Я говорю о балѣ передъ моимъ замужествомъ... о томъ балѣ который данъ былъ здѣсь, когда бѣдному Димѣ едва годъ только вышелъ... Странная тризна, не правда-ли? И много эгоизма нужно было съ моей стороны... чтобы тогда согласиться на этотъ балъ!.. Но судьба справедлива... и теперь... вотъ этотъ сегодняшній, импровизованный балъ, это тоже тризна... но тризна по живомъ чело-вѣкѣ!..

— Полноте, Нелли, вы хандрите... У васъ нервы разстроены!.. попробовать я ее успокоить.

Въ эту минуту, съ хоръ раздалась знакомые мнѣ по старому воспоминанію звуки „Juristen-Walzer“, и словно въ отвѣтъ ему, изъ груди Нелли, вырвалось глухое, сдавленное, мучительное рыданіе!...

Я нагнулся къ ней. Она крѣпко схватила меня за руку.

— Слышите... слышите!.. И вальсъ тотъ же!.. и эти страстные... мучительные звуки!.. Все какъ тогда было... Только счастья прежняго нѣтъ... да нѣтъ еще вѣры... А безъ вѣры, развѣ можно жить?..

И заглушенные рыданія все сильнѣе поднимали ея грудь!.. и она все прерывистѣе дышала!..

— Нелли, что съ вами?... Бога ради... что съ вами? весь встревоженный спросилъ я, нагибаясь къ ней.

Въ отвѣтъ мнѣ послышался заглушенный взрывъ истерическаго смѣха.

— Что со мною? повторила она.—Что со мною?... Вы не понимаете?... нѣтъ?... Такъ смотрите же... вотъ что со мною!..

И крѣпко, до боли стиснувъ мою руку, она указала мнѣ на вальсировавшую въ залѣ пару.

Это былъ ея мужъ и княгиня Лара.

Они носились по залѣ весело, бойко, съ какою-то страстною, безумною удалью.

Она крѣпко охватила рукою ея стройный, пышно развившейся станъ; она нѣжно прильнула къ нему, склонивъ къ его плечу свою гордую, красивую голову!..

Она что-то говорила ей!.. Она молча улыбулась, прямо и смѣло взглядывая ему въ лицо своими неуловимыми, скользкими зелеными глазами!..

А чудные звуки лились, наполняли собою залу и, вырываясь изъ этихъ душныхъ стѣнъ, неслись и будили темную лѣтнюю ночь!..

Я понималъ что заставляло такъ сильно страдать Нелли, понималъ какое горькое подозрѣніе закралось въ ея душу, но не могъ, не хотѣлъ повѣрить въ возможность того, что мучило и терзало бѣдную молодую женщину.

— Вы ошибаетесь, Нелли, сказалъ я.—Вы ревнуете... А ревность, вы знаете, дурной совѣтникъ!..

— И не ревную, горько улыбулась она. — Я этого чувства не знаю вовсе... И ошибиться тоже я не могу... Слишкомъ сильно люблю я, чтобы ошибиться!.. Мнѣ сердце подсказаетъ правду тамъ, гдѣ умъ мнѣ намѣнитъ!.. Впрочемъ... вы правы... быть-можетъ я преувеличиваю... Оттого я только и живу, что я еще не убѣдилась вполнѣ!.. Съ такимъ убѣжденіемъ въ душѣ... я жить бы не могла... ни одного дня... ни одного часа!.. Знайте это, другъ мой; помните это ясно, отчетливо, твердо... и ежели вы узнаете, что я убѣдилась въ этомъ—не желайте мнѣ жизни!.. не сожалѣйте о моей

смерти!.. Знайте, что самый адъ мнѣ не такъ страшенъ, какъ любовь моего мужа къ другой женщинѣ... и въ особенности къ ней... къ Ларѣ...

Послѣднія слова Нелли договорила на ступеняхъ террасы, съ которой она тихо сошла одна...

Я не смѣлъ послѣдовать за нею: я понималъ, что ей лучше остаться одной.

Вскорѣ послѣ вальса балъ окончился и всѣ разошлись, приберегая силы къ слѣдующему дню.

Всю ночь я не могъ заснуть ни на минуту, и только передъ утромъ забывшись не надолго, опоздалъ въ церковь, къ обѣднѣ, которую засталъ уже на исходѣ.

Всѣ гости были въ полномъ сборѣ, и деревенскій храмъ цвѣтѣлъ роскошью и прихотью модныхъ, городскихъ нарядовъ.

Новорожденная сізла счастьемъ и красотой, и съ особенной пѣжностью ухаживала за мужемъ, который, по случаю торжества, былъ просто натагуированъ.

Пробирался, во время молебна, къ молодой княгинѣ, я увидалъ въ сторонѣ, передъ образомъ Богоматери, графиню Нелли, на колѣняхъ, всю ушедшую въ горячую молитву.

Она меня не замѣтила, и я поздоровался съ нею уже вернувшись домой.

— О чемъ вы такъ усердно молились сегодня? пошутилъ я. — Я не рѣшился подойти къ вамъ и прервать вашей горячей молитвы...

— И хорошо сдѣлали, серьезно отвѣтила она. — Мнѣ необходимо было хорошенько, горячо помолиться сегодня.

— Отчего же именно сегодня? спросилъ я.

Она вздохнула.

— Сама не знаю хорошенько, отвѣтила она. — Такъ что-то... жутко... страшно мнѣ!.. И сама не знаю отчего это со мною!.. Старое-ли горе припоминается, новое-ли страшнымъ призракомъ впереди встаетъ...

Слова эти не на шутку напугали меня, но затѣмъ въ теченіе дня, праздничный шумъ и всеобщее оживленіе увлекли и меня, и заставили забыть горе моей «кружевной дѣвочки».

Подошелъ вечеръ. Всѣ дамы вышли въ балъныхъ нарядахъ.

Нелли была прелестна, въ своемъ тяжеломъ «дамскомъ» платьѣ, свѣтло-сѣраго, почти серебрянаго цвѣта, съ большими ярко-пунцовыми розами въ волосахъ.

Такою «дамой» я еще не видалъ ее.

Что касается княгини Лары, то въ ту минуту когда она вышла въ залу, я инстинктивно вздрогнулъ и взглянулъ въ ту сторону, гдѣ была Нелли.

Она тоже смотрѣла на «мачиху», но была блѣднѣе смерти. Княгиня была одѣта точь-въ-точь такъ же, какъ тогда, въ тотъ памятный намъ всѣмъ день... на балѣ... передъ свадьбою Нелли.

То же матовое бѣлое платье, та же фантастическая прическа, и тѣ же «мертвые розы», цѣпками, ползучими, неотвязными вѣтвями охватывавшіе, сковывавшіе ее всю... скользившіе по ея мраморнымъ плечамъ... душившіе ее за горло...

— Русалка! дрожащимъ шепотомъ раздался надъ мной ухомъ голосъ Нелли, тихую, безшумную походкой приблизившейся ко мнѣ и схватившей меня за руку...

Лара замѣтила насъ обонхъ, и какъ-то странно улыбнулась намъ.

— Капризъ мужа! бросила она намъ, сверкнувъ своими зелеными глазами по своему прихотливому наряду. — Un souvenir du bon vieux temps!..

— Да... капризъ мужа! упавшимъ голосомъ повторила за нею Нелли. — Но «чего» мужа?..

Балъ начался вальсомъ, какимъ-то шумнымъ веселымъ вальсомъ, которымъ видимо хотѣлъ щегольнуть армейскій оркестръ, расположившійся на террасѣ, облежавшей домъ.

Нелли не танцевала вовсе; графъ, напротивъ, танцевалъ и веселился отъ души.

Князь Курагинъ, окончательно впадавшій во младенчество, тоже непремѣнно захотѣлъ что-нибудь протанцевать, и для него устроился польскій, въ которомъ приняли участіе всѣ приглашенные, безъ изыятія, причѣмъ каждый изъ гостей обязательно велъ подъ руку или свою жену, или дочь свою.

Я, какъ всѣмъ чужой, закоренѣлый холостякъ, отказался и отъ этого «обязательнаго» танца, и всѣ пары, одна за другою, дефилировали передо мною.

А. С.

(Оконч. въ слѣд. №).

Литературныя бесѣды.

„Демонъ“, Лермонтова.

Изъ всѣхъ произведеній Лермонтова ни одно не производитъ такого чарующаго, хотя въ то же время нѣсколько неопредѣленнаго впечатлѣнія, какъ „Демонъ“. Оно есть самое характерное произведение великаго поэта, въ немъ болѣе всего сказались сокровенная душевная жизнь его. Мысль о „Демонѣ“ занимала Лермонтова съ юношескихъ лѣтъ и до поры зрѣлаго мужества; первый набросокъ поэмы сдѣланъ, какъ извѣстно, еще въ 1829 году, когда поэту было всего 16 лѣтъ; а такою, какою мы знаемъ ее, она вышла изъ-подъ пера Лермонтова въ 1838 году, послѣ неоднократныхъ передѣлокъ и измѣненій даже самаго плана сочиненія. Ни на одномъ произведеніи не сосредоточилъ Лермонтовъ столько усилій своего великаго таланта, какъ на „Демонѣ“, который, можно безъ преувеличенія сказать, занималъ поэта въ теченіе всей его недолгой молодой жизни.

Въ чемъ же состоитъ значеніе характеристичной для нашего поэта поэмы, что онъ хотѣлъ сказать ею или сказалъ безъ намѣренія?

Самъ Лермонтовъ называлъ „Демона“ — „восточною повѣстью“. Но было бы, конечно, ошибкою искать въ этой „восточной повѣсти“ дѣйствительнаго намѣренія автора изобразить Востока съ его любовными и характерными чертами. Своимъ гениальнымъ поэтическимъ умомъ Лермонтовъ глубоко постигалъ поэзію Востока и отразилъ ее въ образахъ сильныхъ, поражающихъ. Помните-ли своеобразную прелесть роскошной картины несчастья стѣней Аравійской земли въ „Трехъ пальмахъ“ и глубокое отраженіе фаталистическаго мировоззрѣнія человѣка тѣхъ странъ? Помните-ли изумительныя по силѣ и краткости характеристичныя черты „дряхлаго Востока“ въ „Спорѣ“? И этотъ „сонный грузинъ“, въ тѣни чинары, любующій пѣну сладкихъ винъ на узорные шальвары; и въ дыму каляна Тегеранъ, дремлющій у жемчужнаго фонтана; и „сожженная Богомъ“ безглагольная, недвижная, мертвая страна у ногъ Иерусалима; и древній Египетъ, гдѣ — „вѣчно чуждый тѣни моетъ желтый Нилъ раскаленные ступени царственныхъ могилъ“; — весь Востокъ въ этихъ картинахъ, съ его шбогда кипучей жизнью, давно угасшей, и съ его современнымъ „родомъ людскимъ“, глубоко спящимъ тамъ ужъ девятый вѣкъ. Естественно и неизбежно, что и въ „Демонѣ“ съ огромной силой сказалось это удивительное умѣнье поэта проникнуть въ чуждыя европейскому человѣку черты Востока, что въ поэмѣ мы находимъ и дѣйствительно восточную, собственно кавказскую природу, и дѣйствительно восточнаго человѣка съ его страстями. Но картины кавказской природы и жизни служатъ только фономъ, на которомъ поэтъ изображаетъ нѣчто совершенно чуждое восточному человѣку, вполне европейское и — русское.

Задача Лермонтова была ближе и проще. Въ одномъ изъ „посвященій“ „Демона“, онъ самъ указываетъ все серьезное значеніе своей поэмы. Онъ не хочетъ, чтобы ее принимали „за игру или сонъ воображенія“, т. е. за нѣчто легкое, за сочиненіе доставлявшее своему автору просто занятіе, и категорически заявляетъ, что „Демонъ“ есть „простое выраженіе тоски, мой бѣдный умъ томившей столько лѣтъ“, и въ то же время — „больной души тяжелей бредъ“. Въ этихъ немногихъ словахъ — лучшее разъясненіе того, что было побужденіемъ и источникомъ созданія „Демона“. И даже самая форма, форма „восточной повѣсти“, какъ нельзя больше гармонируетъ съ тѣмъ настроеніемъ поэта, съ тою тоскою, которая томилъ его „бѣдный умъ“, и думается, что мысль, сказавшуюся въ поэмѣ, авторъ не могъ бы, да и не захотѣлъ бы выразить въ формахъ болѣе реальныхъ, изображеніемъ простой, будничной человѣческой жизни.

Дѣло въ томъ, что Лермонтовъ принадлежалъ къ тѣмъ глубокимъ поэтическимъ натурамъ, для которыхъ не существуютъ легкихъ, быстро смѣняющихся впечатлѣній, и которыя глубоко принимаютъ въ душу и неизгладимо хранятъ въ ней то, что западаетъ въ нее. Между тѣмъ жизнь его складывалась такъ, что ему приходилось воспринимать сразу впечатлѣнія противоположныя, непримиримыя между собою. Съ одной стороны, его духовный ростъ совершался подъ влияніемъ европейскихъ литературъ, гдѣ, какъ особенно въ Байронѣ, имѣвшемъ на Лермонтова сильнѣйшее влияние, дѣйствительная жизнь анализировалась и отрицалась, а рядомъ создавались великіе, но обыкновенно неопредѣленные идеалы и стремленія, стоявшіе съ жизнью въ полномъ противорѣчій, трудно примиримые къ ней и потому приводившіе къ отчаянію и пессимизму. А съ другой стороны, Лермонтова окружала дѣйствительность, въ высокой степени вызывавшая отрицательное къ себѣ отношеніе, которая была бы мучительна и не для такихъ впечатлительныхъ натуръ, какъ Лермонтовъ. Личная жизнь и судьба поэта, его семейная обстановка, мало извѣстная, но дозволяющая подозревать свои печальныя стороны, нужно думать, много способствовали ранней грусти поэта, раннимъ мыслямъ его о жизни, о бѣдственныхъ сторонахъ ея. Любопытнѣйшею чертою въ слагавшихся воззрѣніяхъ поэта является то, что его отрицаніе дѣйствительности устремлялось не на порядки, не на отношенія людей, а на самихъ людей, создающихъ эти отношенія. Въ его отрицаніи дѣйствительности не было въ сущности ничего „политическаго“, онъ не увлекался и не могъ увлечься теоріями перестройки общественныхъ отношеній, отъ нихъ онъ не ждалъ обновленія человечества, не думалъ, что при лучшихъ порядкахъ они будутъ лучше. Это принадлежало его отношенію къ дѣйствительности особенною острою

и бѣдность. Благо тому, кто вѣрнѣ въ человѣка—и все дурное въ немъ и въ его отношеніяхъ къ ближнему объясняется обстоятельствомъ. Но кто не вѣрнѣ въ людей, тому нѣтъ исхода отъ отчаянія и безвѣрія въ будущее. Именно этой-то вѣры и не было у Лермонтова; его люди — „вольнѣ холоднѣй“, т. е. всѣ вообще люди, не тѣ, которыхъ зналъ и любилъ поэтъ.

На этой почвѣ страстнаго отрицанія вѣры въ людей естественно создается то, что стало основной чертой и Лермонтовскаго характера, и Лермонтовской поэзіи. Мнръ сталъ чуждъ поэту, онъ не находилъ въ немъ ничего достойнаго желаній и стремленій. Если иногда, подъ влияніемъ зовущихъ впечатлѣній дѣйствительности, жизни, и случалось, что, какъ это выражено въ „Сосѣдѣ“, умъ поэта былъ „половъ желаній и страстей“ и кровь его „кишѣла“, то только „слезы изъ очей, какъ звуки, лились другъ за другомъ“, свидѣтельствуя объ отсутствіи вѣры въ возможность удовлетворить этимъ желаніямъ и страстямъ, а быть-можетъ и въ самую законность и разумность ихъ. И вотъ поэтъ создавалъ для себя особый мнръ, въ которомъ ему легче жилось и чувствовалось, мнръ представленій чуждыхъ жизни. Но не мирился онъ и въ немъ, и вновь возвращался къ земной дѣйствительности, съ тѣмъ однако, чтобы высказать въ страстныхъ стихахъ осужденіе ея, рядомъ съ сожалѣніемъ, однако, что приходится осуждать ее. Во всей поэзіи Лермонтова мы находимъ постоянно только эти мотивы, въ разнообразныхъ формахъ.

Ничтожество людей влекло поэта къ явленіямъ противоположнаго характера. Этимъ и объясняется преклоненіе его гордой головы передъ памятью такихъ далеко выдвинувшихся изъ толпы людей, какъ Наполеонъ, и такихъ событій, какъ гигантская борьба на поляхъ Бородина. Этимъ же объясняется его постоянное обращеніе къ величественной природѣ, безстрастно и величаво совершающей предначинанное ей. Въ природѣ поэтъ нашъ находилъ успокоеніе, его не раздражали ея величавое спокойствіе и сила, столь противоположныя мятущимся страстямъ людскимъ. Поэтъ невольно сравниваетъ природу съ человѣкомъ, и ему милѣе „тучки“, у которыхъ „вѣтъ родины“ и для которыхъ „вѣтъ изгнанія“, какъ и та тучка, которая „ночевала на груди утеса великана“, а утромъ рано умчалась „по лазури весело играя“, — милѣе людей, которые „ничтожной толпою“ проходятъ одинъ за другимъ. Но „бѣдный умъ“ поэта долженъ былъ быть арекою вѣчной борьбы и неудовлетворенности, той „тоски“, о которой онъ самъ говоритъ. Про Лермонтова можно сказать его же собственными словами: „Его душа была изъ тѣхъ, которыхъ жизнь—одно мгновеніе невыносимаго мученья... Онѣ не созданы для міра, и мнръ былъ созданъ не для нихъ!“ И къ этому нужно

только добавить что, однако, онѣ живутъ въ мнрѣ, и слѣдовательно въ противорѣчій, прямо въ и безысходномъ, съ самимъ собою.

„Демонъ“ и служить отраженіемъ душевной жизни и поэтическаго характера Лермонтова, разъясняемыхъ выше. „Простое выраженіе“ тоски, томившей поэта, все въ немъ. Даже болѣе можно сказать. Она, эта поэма, не представляетъ цѣлаго со строго обдуманнми и необходимыми частями; въ ней слиты многообразные элементы, въ сущности не стоящіе ни въ какой связи между собою. Роскошныя картины природы ни мало не нужны для исторіи Демона и Тамары, еще менѣе нужны описанія кавказской жизни и природы. Даже самая исторія Демона и Тамары не представляетъ послѣдовательнаго цѣлага, и характеристика Демона мало вытекаетъ съ его любовью и проявленіями этой любви къ Тамарѣ. Но всѣ эти элементы крѣпко сплавляются именно „тоскою“ поэта, которая всюду глядитъ изъ-за стиховъ, придавая своеобразную послѣдовательность и единство всему произведенію. Та же мысль, то же чувство проникаетъ каждую частность, и читатель не чувствуетъ рѣзкихъ переходовъ отъ одного предмета къ другому. То же стремленіе оторваться отъ ничтожества слышится и въ описаніяхъ роскошной и бурной природы Кавказа, и въ бытѣ смѣлыхъ наездниковъ, и на „зубцахъ развалины старинной“ на склонѣ каменной горы, и на неясномъ, но чарующемъ образѣ Тамары, и на колоссальной фигурѣ Демона. Роскошный мнръ фантазій, неясный, говорящій скорѣе намеками, обнимаетъ васъ при чтеніи поэмы; но оставляетъ въ васъ она горькое впечатлѣніе, потому что и вы проникаетесь тѣмъ же чувствомъ противорѣчія между живнью и мечтою, которая служила источникомъ и для поэта въ созданіи его образовъ.

Но въ „Демонѣ“ есть, какъ извѣстно, и свой особый, особенный, приближающійся къ общественному, смыслъ. Поэтъ хотѣлъ, по общепринятому мнѣнію, изобразить въ „Демонѣ“ тотъ духъ сомнѣнія и отрицанія, который составлялъ характеристичную черту того времени въ цивилизованномъ мнрѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что поэтъ въ Демонѣ отразилъ съ огромной силой многія свойства этого духа. Но представляется вопросъ: разъяснилъ-ли онъ этотъ духъ, сказалъ-ли по меньшей мѣрѣ: зло-ли онъ, или добро, демонъ-ли это искуситель, или болѣе доброе начало? Мы думаемъ, что поэтъ и самъ не рѣшилъ для себя этого вопроса, и образъ его лишенъ во многихъ отношеніяхъ опредѣленности. Это, однако, не лишаетъ поэмы необыкновенной, чарующей прелести, и читатель въ каждомъ стихѣ слышитъ зовъ къ идеалу, хотя быть-можетъ поэтъ томимый сомнѣніями и страданіями, и самъ принадлежалъ только къ ищущимъ идеала, и—не находившимъ его.

Арс. Введенскій.

Къ рисункамъ.

Волга у Саратова. Выгрузка кулей муки.

(Рис. на стр. 705).

Достаточно разъ проѣхать по Волгѣ на пароходѣ, чтобы судить объ ея кипучей дѣятельности и обширной торговлѣ. Особенно бойки онѣ у пристаней пароходныхъ обществъ, гдѣ пристають баржи съ товарами для выгрузки или на грузки тяжестей. На предлагаемомъ снимкѣ видно, какъ пристала барка съ хлѣбомъ и мужички выгружаютъ кули на берегъ, гдѣ они сваливаются на ломовыхъ и везутся въ склады, или на мельницу.

„Приваль“. Карт. Н. Н. Каразина. (Рис. на стр. 708).

На Академической выставкѣ текущаго года, въ числѣ прочихъ произведеній нашего уважаемаго соотрудника, находилась и помѣщаемая здѣсь въ гравюрѣ картина, изображающая приваль среднеазиатскихъ кочевниковъ подъ пальцами лучами степнаго солнца, на коврѣ, въ крошечномъ клочкѣ тѣни, даваемой лошадыми. Въ мѣдномъ сосудѣ кипятится кирпичный чай съ бараньимъ жиромъ. На второмъ планѣ — развалины древнихъ построекъ, свидѣтелей минувшаго величія среднеазиатскихъ владыкъ, о которыхъ повидному и ведутъ бесѣду два бѣлородные старика, если судить по указующему жесту одного изъ нихъ.

СПБ. Биржа въ полдень. (Рис. на стр. 709).

Какъ извѣстно, въ недавнемъ прошломъ СПБ. Биржа открывалась между четырьмя и пятью часами пополудни, когда изъ телеграммъ становились уже извѣстны сдѣлки и курсъ состоявшійся на заграничныхъ биржахъ. Въ видахъ освобожденія нашей биржи отъ вытекавшей отсюда зависимости, съ прошлаго года Биржа открывается въ полдень (съ половины двѣнадцатаго до половины перваго), пока еще не пришли заграничныя телеграммы. Въ это время, какъ биржевыя залы, такъ и самый подъездъ Биржи представляютъ ту оживленную картину, которую передаетъ на нашемъ рисункѣ бойкое перо г. Брюлинга. Здѣсь и куницы ищущіе приобрѣсть заграничные век-

селя (тратты) для расплаты, и хлѣбные торговцы дождавшіеся прихода своихъ барокъ и тутъ же старающіеся продать свой товаръ, и маклера сводящіе покушателей и продавцовъ, и зайцы (вольвопрактикующіе, неутвержденные маклера), и куча празднаго люда, прислушивающагося къ биржевымъ толкамъ, въ надеждѣ навѣрняка принять участіе въ такъ-называемой „биржевой игрѣ“... Безпрестанно къ подъезду прибываютъ и отбываютъ отъ него новыя лица, поражая зрителя пестрою „смѣсью“ одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній.“

Молодая римлянка. (Рис. на стр. 713).

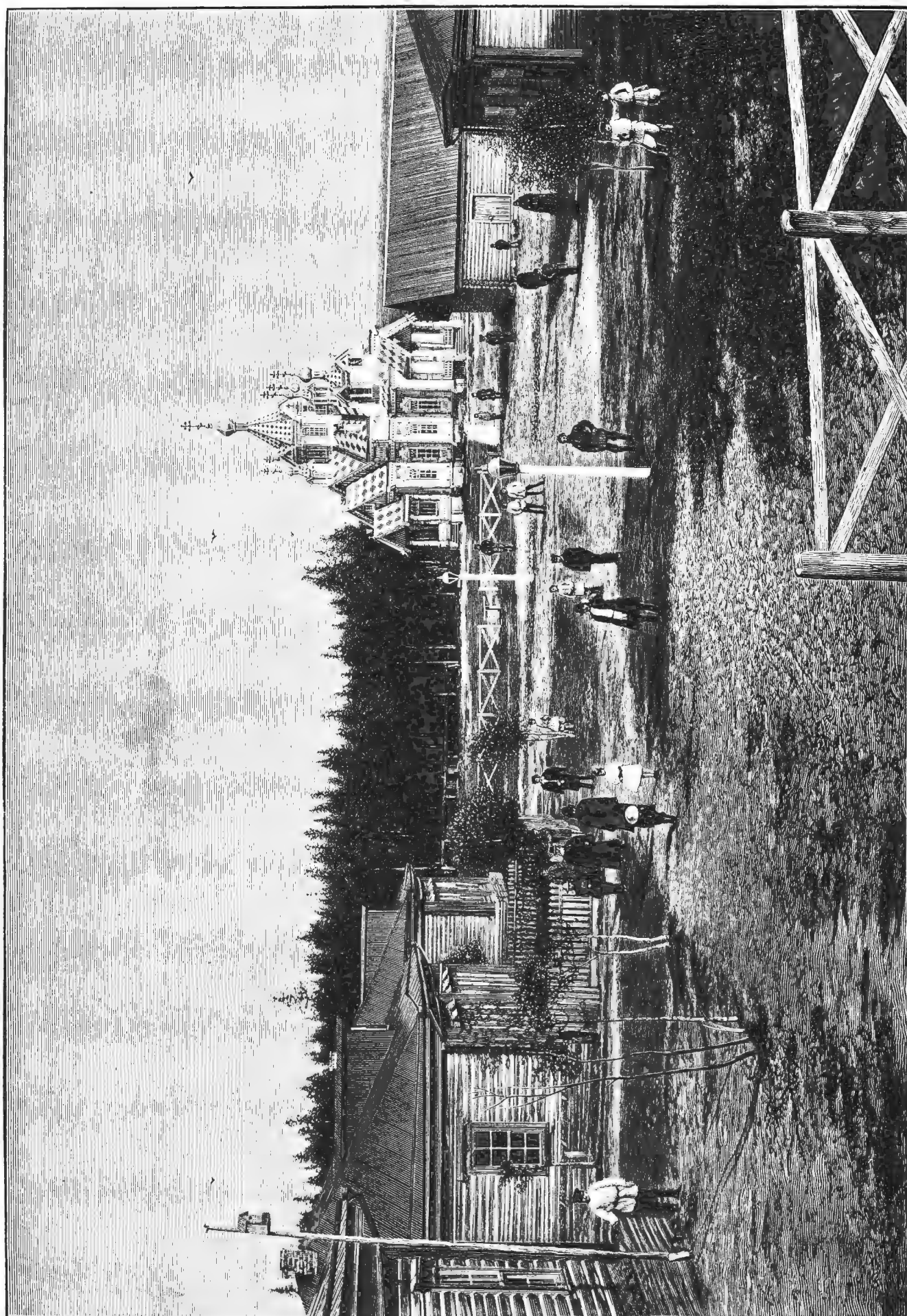
Мастерская кисть знакомаго читателямъ *Нивы* художника Зихеля на этотъ разъ передаетъ красивыя и спокойныя черты молодой римлянки. Небрежно облокотясь, она равнодушно наблюдаетъ изъ-подъ густыхъ рѣсницъ за кѣмъ-нибудь или любитъ зрѣлищемъ, быть-можетъ боемъ гладиаторовъ или травлею христіанъ дикими звѣрьми...

„Въ Крымъ за солью“. (Рис. на стр. 716).

Встарину малороссіянѣ добывали себѣ соль только изъ Крыма, для чего и снаряжались обозы такъ-называемыхъ чумаковъ. Томительный путь знойною, нерѣдко безводною степью былъ сопряженъ со всевозможными опасностями, не говоря уже о мелкихъ лишеніяхъ и невзгодахъ, въ родѣ всевозможнаго гнуса (мошкара и комары), которыми кишитъ степь.

Охотничій жаргонъ. (Рис. на стр. 717).

Въ монастырскую пивоварню, какихъ много при католическихъ монастыряхъ Германіи, зашелъ охотникъ со своими двумя таксами и трофеемъ послѣдняго поля—убитой имъ лисцей. Уточаемый мѣстнымъ издѣліемъ, онъ съ жаромъ описываетъ свои приключенія на томъ охотничьемъ языкѣ, въ которомъ то и дѣло мелькаютъ непонятныя профанамъ выраженія: „сдѣлала двойку... цеглю... замела трубой... даль пудель... дублетомъ...“ Тѣмъ не менѣе гостеприимные хозяева добродушно слушаютъ рассказчика, хорошо понимая, что не въ словахъ дѣло.

Общій видъ Нижегородской земледѣльской исправительной колоніи для малолѣтнихъ. Съ фот. грав. М. Раппевскій.

Нижегородская земледельческая исправительная колонія для малолѣтнихъ. (Рис. на стр. 721 и 724).

Въ 20 верстахъ отъ Нижняго-Новгорода, близъ станицы „Орловка“ Московско-Нижегородской желѣзной дороги, среди лѣса находится одно изъ гуманнѣйшихъ учреждений настоящаго времени — колонія для малолѣтнихъ.

Открытие этого учрежденія принадлежало небольшому кружку лицъ изъ нижегородскаго общества и, благодаря энергичнымъ заботамъ гг. членовъ-учредителей, образовалось Общество Нижегородской земледельческой исправительной колоніи для малолѣтнихъ, составленъ и утвержденъ уставъ Общества и, что всего важнѣе, съ Высочайшаго соизволенія былъ дарованъ для колоніи лѣсъ, въ количествѣ 228 десятинъ, 1,910 квадрат. сажень. При такихъ первоначальныхъ условіяхъ Нижегородская земледельческая исправительная колонія для малолѣтнихъ и была открыта 28 октября 1878 года.

Съ этого времени Нижегородская колонія приняла въ свое убѣжище 163 человѣка, а выпустила 130 человѣкъ. Есть надобности говорить, что контингентъ поступившихъ составляли вполнѣ испорченные дѣти, такъ какъ одна Нижегородская ярмарка, со всѣми ея радостями и печальми, доставляла значительное количество питомцевъ для колоніи. Трудны были первые годы существованія колоніи: новое Общество, еще не заявившее себя результатами, новое дѣло, отсутствие опредѣленныхъ средствъ, отсутствие удобныхъ помѣщій для колоніи — одна лѣсная дѣбрь. Много пришлось потрудиться первому директору колоніи, Николаю Михайловичу Архангельскому, работавшему для общаго дѣла около 4-хъ лѣтъ и умершему на службѣ въ колоніи.

Прошло двѣнадцать лѣтъ. Много перемѣнилось лицъ, представленныхъ къ управленію колоніей: мѣнялись взгляды, мѣнялись убѣжденія, мѣнялись и педагогическіе приемы, но колонія жила и росла — святая идея составляла ея жизненную силу. Нашлись и добрые жертвователи, нашлись и лица примѣнившія къ дѣлу жертвы благотворителей — и въ настоящее время Нижегородская земледельческая исправительная колонія представляетъ довольно стройное учрежденіе, имѣющее возможность помѣстить до 35 малолѣтнихъ.

Одно изъ главныхъ пожертвованій, какъ по значенію, такъ и по суммѣ, колонія получила отъ Ивана Михайловича Рукавишникова, выстроившаго для колоніи прекрасный по архитектурѣ храмъ, стоившій строителю до 30 тысячъ рублей сер. Такаго жертва г. Рукавишникава незаменима для колоніи и имѣетъ громадное значеніе въ религиозномъ и нравственномъ вліяніи на питомцевъ колоніи. Законъ Божій преподаетъ воспитанникамъ и богослуженіе въ церкви колоніи совершаетъ особый священникъ, старецъ о. К. Цвѣтковъ, опытный педагогъ, живущій въ самой колоніи. Во время богослуженій воспитанники колоніи исполняютъ всѣ обязанности низшихъ членовъ клира: поютъ, читаютъ и прислуживаютъ въ алтарѣ. Нужно быть въ храмѣ колоніи и помолиться вмѣстѣ со старцемъ-священникомъ и питомцами колоніи, чтобы вполнѣ оцѣнить значеніе этой семейной молитвы и самаго храма для колоніи.

Почетнымъ попечителемъ колоніи уже нѣсколько лѣтъ состоитъ почетный гражданинъ Нижняго-Новгорода Николай Александровичъ Бугровъ, жертвующій ежегодно для колоніи до 500 пуд. ржаной муки и 500 р. денегъ. Управленіемъ дѣлами Общества колоніи и заботами объ изысканіи средствъ для ея существованія занятъ комитетъ Общества, состоящій изъ лицъ, сердечно преданныхъ дѣлу исправленія малолѣтнихъ. Средства колоніи въ настоящее время пока еще не велики, но опредѣлены, а именно: 2000 р. ежегодно отъ губернскаго земства, 1000 р. ежегодно отъ г. Нижняго-Новгорода, отъ уѣздныхъ земель губерніи до 500 р., изъ суммъ тюремнаго комитета до 1000 р. и затѣмъ случайные доходы въ формѣ членскихъ взносов и другихъ жертвъ.

Въ настоящее время Нижегородская колонія имѣетъ двѣ прекрасно устроенныя мастерскія — столярную и сапожную, въ которыхъ обучаются питомцы колоніи въ свободное отъ полевыхъ работъ время. Обученіемъ ремесламъ занимаются два мастера, столярный и сапожный. Съ отрадой можемъ сказать, что столярный мастеръ въ колоніи, Балагушкинъ — бывший воспитанникъ колоніи, отличный мастеръ и примѣрный семьянинъ, гордость и радость всей колоніи. По колоніи

можетъ указать много и другихъ хорошихъ мастеровъ и честныхъ труженниковъ изъ своихъ питомцевъ.

Въ Нижегородской колоніи въ настоящее время состоитъ два учителя-воспитателя, обучающие воспитанниковъ грамотѣ по программамъ курса начальныхъ училищъ и поочередно слѣдяще за внутрешнею жизнью питомцевъ колоніи; о своихъ наблюденіяхъ они ежедневно докладываютъ директору, на которомъ всецѣло лежитъ главное управленіе заведеніемъ, какъ въ отношеніи воспитанія, такъ и въ отношеніи управленія хозяйствомъ колоніи, прилившимъ въ настоящее время довольно большіе размѣры.

Съ августа 1889 года директоромъ колоніи (5-й по счету) состоитъ Василій Ивановичъ Виноградовъ, авторъ многихъ педагогическихъ сочиненій по начальному обученію, бывшій двѣнадцать лѣтъ народнымъ учителемъ въ с. Дуденевѣ, Горбатовскаго уѣзда. Принявъ въ управленіе колонію, г. Виноградовъ сердечно предался своему новому дѣлу и въ сравнительно короткое время сумѣлъ внести извѣстный порядокъ въ жизнь колоніи.

На Международной тюремной выставкѣ въ СПБ. Нижегородская земледельческая исправительная колонія экспонируетъ работы 10-ти воспитанниковъ изъ общаго числа 30-ти, въ числѣ которыхъ 15 поступило въ теченіе 1889 года. Выставленные работы воспитанниковъ колоніи не велики по размѣрамъ, но по способу исполненія представляютъ совершенство въ техническомъ отношеніи, особенно фанерованныя разноцвѣтнымъ агатомъ шкатулки, точеные счеты и столики, что даетъ право заключать о правильномъ обученіи ремесламъ въ Нижегородской колоніи.

Можно надѣяться, что IV международный тюремный конгрессъ выработаетъ для колоній особая положенія, кои должны будутъ принести несомнѣнную пользу такимъ гуманнѣйшимъ учрежденіямъ, какъ Нижегородская земледельческая исправительная колонія для малолѣтнихъ.

Памятникъ гр. Тотлебену въ Севастополѣ.

(Рис. на стр. 725).

Давно невиданное торжество произошло недавно въ Севастополѣ. При громадномъ стеченіи народа, въ присутствіи Высочайше командированнаго для участія въ торжествѣ генералъ-адъютанта свѣтлѣйшаго князя Имеретинскаго, 19 іюня открытъ памятникъ генералъ-адъютанту графу Эдуарду Ивановичу Тотлебену, славному герою Севастополя и Плевны. Памятникъ поставленъ на самомъ видномъ мѣстѣ, вблизи церкви, и лицевою стороною обращенъ къ западу. Онъ представляетъ большой, облицованный полированными гранитомъ склепъ, который возвышается надъ всѣмъ „Братскимъ кладбищемъ“ и находится неподалеку отъ памятника князю Горчакову. Нижняя часть склепа сооружена изъ темносѣраго гранита, а верхняя часть, вмѣстѣ съ протобразною аркою надъ бюстомъ, изготовлена изъ сѣраго мрамора бордилью. На pedestаль, на которомъ возвышается бюстъ, изображены боевые трофеи и различныя надписи изъ Священнаго Писанія; на задней сторонѣ арки вырѣзаны и вызолочены годы рожденія (18 мая 1818) и кончины (19 іюня 1884) гр. Тотлебена и сѣва высѣченъ весьма художественный рельефный планъ города и южной бухты съ надписью „Севастополь“, а съ правой, съ надписью „Плевна“, изображенъ планъ осады этого города. Какъ разъ въ срединѣ этой стороны высѣченъ гербъ героя съ начертаннымъ девизомъ: „Treu auf Tod und Leben“. Бюстъ названъ изъ превосходнаго бѣлаго и отчасти сѣраго мрамора, привезеннаго изъ Италіи, и сдѣланъ съ фотографіи, по рисунку и указаніямъ инженеръ-полковника Баранецкаго. Славный защитникъ Севастополя изображенъ въ инженерной формѣ съ цѣпью ордена Св. Андрея Первозваннаго, причѣмъ всѣ знаки отличія покойнаго графа такъ же превосходно, отчетливо изваяны на груди бюста. Съ лицевой стороны, на бюстѣ, подъ крестомъ имѣется надпись: „Графу Эдуарду Ивановичу Тотлебену“. Роскошный, огромный величій памятникъ этотъ отличается особенной чистотою и изяществомъ работы и изготовленъ въ Одессѣ, въ мастерской мраморныхъ издѣлій скульптора Менционе. Стоимость памятника, считая и матеріалъ для бюста, цѣнность котораго достигаетъ солидной суммы, опредѣлена въ 21,000 руб. По Высочайшему повелѣнію, у памятника гр. Тотлебена назначенъ на вѣчныя времена почетный караулъ.

Политическое обозрѣніе.

Въ Болгаріи творится что-то неладное. Извѣстія запаздываютъ, а то и совсѣмъ не получаются по нѣсколькимъ дней. Получаемыя окольными путями сообщенія, преимущественно черезъ Букарестъ и Русчукъ, и то въ видѣ смутныхъ слуховъ, рисуютъ положеніе дѣлъ въ самомъ безотраднѣмъ видѣ, близкомъ къ анархіи. По словамъ нѣсколькихъ путешественниковъ, добравшихся изъ Болгаріи до Бѣлграда, со времени казни Папичи и отъѣзда лже-князя, общественное мнѣніе расположено думать, что принцъ Фердинандъ просто бѣжалъ и судьбы несчастной страны произвольно вѣршитъ Стамбуловъ вкувъ съ

Муткуровымъ и Вульковичемъ. При такомъ положеніи весьма вѣроятно извѣстіе, передаваемое брюссельскимъ *Nord*, что всѣ члены Орлеанской фамилии считаютъ дальнѣйшее пребываніе молодого Кобурга въ Болгаріи невозможнымъ. По ихъ мнѣнію, если онъ не пожелаетъ пожертвовать собою добровольно, то его принесутъ въ жертву.

Подтвержденіемъ этого слуха можетъ служить одна изъ статей *Soleil*, завѣдомаго органа главы Орлеанскаго дома. Въ ней указывается, что, принявъ болгарскій престолъ, принцъ поступилъ весьма неблагоразумно. Ни для кого не была тайной его

увѣренность въ австрійской дружбѣ, но никто не воображалъ, что онъ придаетъ ей такую цѣну, что готовъ ради ея жертвовать всѣмъ. Онъ сталъ играть роль австрійскаго форпоста на Балканскомъ полуостровѣ и не упустилъ ни одного случая пригласить Россію. Казнь Пашича была новымъ вызовомъ, и оправдать эту мѣру никакимъ образомъ нельзя. Если, не смотря на такой образъ дѣйствій Фердинанда, миръ еще не нарушенъ, то благодаря лишь великодушнѣйшей политикѣ Русскаго правительства. Фердинанду пора образумиться и покориться судьбѣ. Съ этою, можетъ быть, цѣлью, глава Саксенъ-Кобургскаго дома, герцогъ Эрнестъ, прибылъ 28 іюня никогито въ Карлсбадъ для посѣщенія своего племянника, принца Фердинанда. По словамъ *New-York Herald* и *Figaro*, собравшейся на другой день въ Карлсбадѣ семейный совѣтъ Кобургскаго дома постановилъ, чтобы принцъ Фердинандъ отрёкся отъ болгарскаго престола. При совѣтѣ присутствовали герцогъ Эрнестъ Саксенъ-Кобургскій. Полагаютъ, что онъ дѣйствовалъ по инструкціямъ императора Вильгельма, который желаетъ положить конецъ болгарскому вопросу.

Говорятъ, что на совѣтъ герцога Эрнеста отказаться отъ болгарскаго престола, Фердинандъ не соглашается. Но герцогъ Эрнестъ собирается также убѣдить принцессу Клементину въ необходимости отреченія. Для этого изъ Карлсбада герцогъ Эрнестъ Кобургъ-Готскій выѣхалъ въ Вѣну, гдѣ ожидается принцесса Клементина Кобургская, мать принца Фердинанда. Принцесса отправляется въ Буда-Пештъ для присутствованія при бракосочетаніи своей внучки, эрцгерцогини Маргариты, съ княземъ Туринъ-Такенсомъ. Сомнительно, однако, что благодаря главы Кобургскаго дома возьметъ верхъ надъ честолюбіемъ матери Фердинанда. Поэтому неудивительно сообщеніе, что по «авторитетному» порученію изъ Болгаріи, *Политическая Корреспонденція* опровергаетъ извѣстіе объ отреченіи принца Кобургскаго и заявляетъ, что принцъ, какъ и въ прошломъ году, возвратится въ Болгарію. Интересно знать, кто это даетъ эти авторитетныя порученія и къ чему они приведутъ Болгарію!

Сосѣдняя съ ней Сербія, заботясь о своемъ благосостояніи

и спокойствіи, приваля мѣры, которыя не могутъ не порадовать всѣхъ истинныхъ друзей порядка въ этой странѣ. Утомленное постоянными просеками Милана, котораго бывшій напредничій кассационный судъ призналъ обыкновеннымъ сербскимъ гражданиномъ, сербское правительство рѣшило измѣнить это постановленіе. Будучи простымъ гражданиномъ, Миланъ Обреновичъ не переставалъ пользоваться своими особыми правами, какъ членъ Сербской королевской семьи, и притомъ пользовался ими въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Чтобы положить конецъ этой раздвоенности, новый кассационный судъ, въ противность прежнему, признаетъ Милана не простымъ гражданиномъ, а членомъ королевской семьи, которой конституція предоставляетъ особая права, но возбраняетъ участіе въ политикѣ и парламентской жизни страны. Въ силу настоящаго рѣшенія, Миланъ защищенъ отъ оскорбленій печати, но вѣлое его вмѣшательство въ политику будетъ отнынѣ считаться посягательствомъ на конституцію.

3 іюля, палата лордовъ приваля въ третьемъ чтеніи билль объ уступкѣ Гельголанда, и передача острова должна произойти въ недалекомъ будущемъ, при самой торжественной обстановкѣ. Это сближеніе Германіи съ Англіей не можетъ не озабочить старыхъ союзницъ первого изъ этихъ государствъ и въ печати появился слухъ о предстоящемъ будто бы въ августѣ свиданіи маркиза Солебери съ Каприви, Кальноки и Криспи. Миланская газета *Perseveranza* сообщаетъ, что свиданіе это непременно состоится, а вѣнская газета *Fremdenblatt* объявляетъ, что въ австро-венгерскихъ руководящихъ кружкахъ «ничего объ этомъ не знаютъ». Но если не удастся повидаться представителямъ всѣхъ четырехъ странъ, то, какъ сообщаетъ *Neue Freie Presse*, въ половинѣ августа состоится свиданіе графа Кальноки съ генераломъ Каприви. Относительно этого свиданія преобладаетъ мнѣніе, что свиданіе не слѣдуетъ придавать выдающагося значенія. Даже *Vossische Zeitung* выставилъ на видъ, что нельзя ожидать отъ Германіи, чтобы она еще больше стала держаться австрійскаго фарватера.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— Съ 24 по 28 іюня Ихъ Императорскія Величества находились въ Бомарзундѣ. 28 іюня Ихъ Величества, на яхтѣ „Царевна“, въ сопровожденіи судовъ: яхты „Маревъ“ и „Тамара“, миноносца „Нарва“ и пароходовъ лондонскаго вѣдомства „Елексея“ и „Сатурнъ“, перешли въ Феризундъ; на пути Ихъ Величества пересѣли на яхту „Маревъ“, на которой посѣдили замокъ Кастельхольмъ. 30 іюня Ихъ Величества, на яхтѣ „Царевна“, въ сопровожденіи тѣхъ же судовъ, перешли въ Юнгфруундъ; 1 іюля — въ бухту Чельвикъ близъ Экенеса; 2 іюля — въ заливъ Лапгела у остр. Котка.

Правительственные распоряженія.

— *Именнымъ Высочайшимъ указъ Правительствующему Сенату.* Въ 1864 г., по волѣ почившаго въ Божѣ Родителя Нашего, заведеніе мѣстными хозяйственными дѣлами вѣдѣно губернскимъ и уѣзднымъ земскимъ учрежденіямъ, образованнымъ изъ лицъ, избираемыхъ плательщиками земскихъ налоговъ. Дѣятельность сихъ учреждений во многомъ принесла пользу населенію, но двадцатипятилѣтній опытъ убѣдилъ, что въ узаконеніяхъ, опредѣляющихъ составъ и порядокъ дѣйствій означенныхъ учреждений, есть недостатки, препятствующіе правильному ихъ развитію. Посему Мы повѣлили Министру Внутреннихъ Дѣлъ пересмотрѣть изданное 1 января 1864 года Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ и ввести въ него необходимыя улучшенія, дабы учрежденія эти, въ предоставленномъ имъ кругѣ дѣятельности и въ должномъ единеніи съ другими правительственными установленіями, съ вѣднимъ успѣхомъ исполняли порученное имъ важное государственное дѣло, согласно видамъ и намѣреніямъ ихъ Основателя и Пашимъ.

Утвердивъ составленное на основаніи сего Нашего повѣленія и разсмотрѣнное въ Государственномъ Совѣтѣ Положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ и препроводивъ его въ Правительствующій Сенатъ, повѣщаемъ: Положеніе сіе привести въ дѣйствіе, взаимно Положенія о земскихъ учрежденіяхъ 1 января 1864 года, въ губерніяхъ: Бессарабской, Владимір., Вологод.,

Воронеж., Вят., Екатеринбург., Казан., Калуж., Костром., Курск., Москов., Нижегород., Новгород., Олонек., Орлов., Пензен., Перм., Полтав., Псков., Рязан., Самар., Сиб., Саратов., Симбир., Смоленск., Тавричес., Тамбов., Твер., Тул., Уфим., Харьков., Херсон., Чернигов. и Ярославской, въ той постепенности, которая будетъ опредѣлена для сего министромъ Внутреннихъ Дѣлъ.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„АЛЕКСАНДРЪ“.

Въ Петербургѣ.
12 іюня 1890 года.

— Высочайшимъ указомъ Св. Синоду повѣдено ввести въ дѣйствіе Высочайше утвержденную инструкцію церковнымъ старостамъ.

Народное просвѣщеніе.

— Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, желая воспользоваться какъ достигнутыми въ періодъ 18-ти-лѣтняго существованія гимназическаго устава 1871 г. успѣхами въ педагогическомъ дѣлѣ, такъ и указаніями многолѣтняго опыта, признало нужнымъ пересмотрѣть дѣйствующіе нынѣ учебные планы и программы преподаванія въ мужскихъ гимназіяхъ.

Съ этою цѣлью, для обсужденія составленныхъ вновь проектовъ учебныхъ плановъ и программъ была учреждена въ 1889 году, подъ предѣлительствомъ товарища министра Народнаго Просвѣщенія князя Волконскаго, особая коммисія изъ профессоровъ, директоровъ и учителей гимназій и другихъ специалистовъ, которая, при участіи почти всѣхъ посетителей учебныхъ округовъ, выработала новые планы и программы, а также таблицу числа недѣльныхъ уроковъ.

Основываясь на соображеніяхъ этой коммисіи, Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія внесено въ Государственный Совѣтъ о соответствующемъ измѣненіи приложенной къ уставу гимназій 1871 г. таблицы уроковъ, а также объ увеличеніи на двѣ недѣли срока лѣтнихъ ваканцій въ гимназіяхъ, реальн., городскихъ и уѣздныхъ училищахъ.

Загѣмъ, при окончательномъ разсмотрѣніи дѣла въ Государственномъ Совѣтѣ, на основаніи высказанныхъ тамъ сужденій, сдѣланы

были нѣкоторыя измѣненія въ представленномъ проектѣ и составлена новая таблица числа недѣльныхъ уроковъ въ гимназіяхъ, которая и удостоилась 12 іюня сего года Высочайшаго Его Императорскаго Величества разсмотрѣнія. Тогда же воспомѣдовало Высочайшее повелѣніе и объ увеличеніи на 2 недѣли канкуллярнаго срока въ поименованныхъ заведеніяхъ.

По новой таблицѣ прибавлено по три урока на Законъ Божій и русскій языкъ, по одному уроку на исторію и на физикъ и пять уроковъ на чистописаніе и рисованіе, которое введено нынѣ въ число обязательныхъ предметовъ гимназическаго курса. Въѣстѣ съ тѣмъ уменьшено на 10 число уроковъ по древнимъ языкамъ, на 2 — по географіи и на одинъ — по математикѣ, по общему числу уроковъ во всѣмъ предметѣ осталось неизмѣненнымъ, т. е. 225 въ недѣлю для обучающихся обоимъ новымъ языкамъ или среднимъ числомъ по 28 уроковъ на 7 классовъ и на одинъ — 29 и 206 для обучающихся одному языку.

Означенное Высочайшее повелѣніе сообщено Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія почитателямъ учебныхъ округовъ, для надлежащаго распоряженія о введеніи, съ начала наступающаго 1890 — 91 учебнаго года, новаго распредѣленія уроковъ во всѣхъ классахъ и увеличеніи срока лѣтнихъ канкулъ до двухъ мѣсяцевъ.

Въ настоящее время та же коммисія занята измѣненіемъ составленныхъ ею весной сего года программъ, согласно съ послѣдовавшей переимѣной въ таблицѣ числа недѣльныхъ уроковъ, и работы ея по этому предмету приходятъ къ окончанію. Въ преподаваніи древнихъ языковъ обращается особое вниманіе на необходимость усилить чтеніе образцовыхъ произведеній древнихъ авторовъ и дать этому занятію преобладающее значеніе, оставивъ упражненія въ письменныхъ переводахъ съ русскаго на оба древніе языка лишь какъ дидактическій приѣмъ; на выпускныхъ же испытаніяхъ для полученія аттестата зрѣлости устанавливаются исключительно письменные переводы съ древнихъ языковъ на русскій.

Нижегородская земледельческая исправительная колонія для малолѣтнихъ. Сапожная мастерская. Съ фотогр. грав. Флюгель.

Нижегородская земледельческая исправительная колонія для малолѣтнихъ. Столярная мастерская. Съ фотогр. грав. Флюгель.

Библиографія.

Сочиненія графини Е. П. Ростопчиной. Два тома. СПб. 1890. Съ портретомъ. Въ „Нивѣ“ уже говорилось, по поводу юбилея графини Ростопчиной, о яркомъ и симпатичномъ талантѣ этой мало оцѣненной у насъ поэтессы. Теперь, когда въ публикѣ все болѣе и болѣе ощущается потребность въ настоящихъ поэтическихъ произведеніяхъ, собраніе сочиненій гр. Е. П. Ростопчиной является весьма кстати. Нынѣшнее поколѣніе плохо знакомо съ произведеніями ея и, прочти стихи и прозу гр. Ростопчиной, убѣдится, что, какъ бы ни развѣчивали ея таланта пристрастные и односторонніе критики псевдо-радикальнаго лагеря, гр. Ростопчина можетъ дать вполне эстетическое наслажденіе и принадлежить къ мастерамъ старой школы, которые не имѣютъ ничего общаго съ мнимыми поэтами новѣйшаго времени, значеніе которыхъ раздуто ихъ друзьями. Настоящее изданіе сочиненій графини Ростопчиной предпринято ея роднымъ братомъ, С. П. Сушковымъ, по желанію ея дочерей, причемъ напечатаны лишь избранныя произведенія писательницы. Въ прекрасномъ биографическомъ очеркѣ г. Сушковъ защищаетъ память сестры отъ дерзкихъ и несправедливыхъ нападокъ. Къ изданію приложенъ превосходный, рѣдкій портретъ гр. Ростопчиной, снятый съ миниатюры, написанной въ 1833 году.

Воспоминанія А. Я. Головачевой - Панаевой. Русскіе писатели и артисты 1824—1870. Писатели: Аксаковъ, Анненковъ, Бакунинъ, Бѣлинскій, Гоголь, Грановскій, Герцель, Гончаровъ, Гербель, Глинка, Добролюбовъ, Достоевскій, Катковъ, Костомаровъ, Кавелинъ, Коршъ, Лажечниковъ, Лермонтовъ, Марквичъ, Михайловъ, Некрасовъ, Огаревъ, Одоевскій, Островскій, Панаевъ, Петрашевскій, Писемскій, Рѣшетниковъ, Салтыковъ-Щедринъ, Тургеневъ, гр. Л. Н. Толстой, Чернышевскій, и др. Артисты: Бринскіе, Маргушовъ, Максимовъ, Каратыгины, Самойловы, Петровъ, Шумскій, Щенкинъ, Семенова, Истомина и др. СПб. Изданіе книгопродавца В. И. Губинскаго. 1890.

Воспоминанія г-жи Головачевой печатались въ *Историческомъ Вѣстникѣ* и были оцѣнены по достоинству. За исключеніемъ нѣкоторыхъ недостатковъ, какъ напр. нѣсколькихъ анахронизмовъ и ошибокъ памяти, уже указанныхъ критикой, нѣсколько мелочной quasi-характеристики нѣкоторыхъ крупныхъ дѣятелей, о которыхъ ничего болѣе не сказано въ *Воспо-*

минаніяхъ и потому лучше было бы вовсе умолчать, да въ значительной мѣрѣ пристрастнаго отношенія къ такъ-называемой молодой редакціи *Современника*, которую самъ Некрасовъ въ минуты откровенности не безъ раздраженія называлъ своей „семинаріей, перессорившей его со всѣми друзьями“, — книга эта представляетъ весьма интересную картину литературныхъ нравовъ преимущественно въ сороковыхъ и шестидесятихъ годахъ — этихъ двухъ эпохахъ роскошнаго цвѣта

русской литературы и ея печальнаго упадка въ слѣдующемъ поколѣніи. Особенно хорошо знаетъ г-жа Головачева театральнаго быта первой половины нашего столѣтія, родившись въ семьѣ Брявскихъ, пѣвчихъ артистовъ Имп. театра въ СПб.

А. А. Парландъ. Храмы древней Греціи. Лекціи по архитектурѣ, читанныя въ Импер. Академіи Художествъ. СПб. 1890.

При бѣдности нашей литературы по зодчеству, книга академика А. А. Парланда есть истинный кладъ для всѣхъ готовящихся въ архитектуру, такъ какъ наученіе древне-греческаго зодчества даетъ ключъ къ разумѣнію всѣхъ позднѣйшихъ архитектуръ. Книга эта иллюстрирована сликомъ двумястами чертежей и рисунковъ въ текствѣ и семью таблицами.

Смертность отъ кори въ СПб. за 1871—1883 гг. (1871—1888). Статистическіе матеріалы къ эпидемиологіи СПб. Диссертация на степень доктора медицины, Д. В. Лецинскаго, санитарнаго врача Спасской части. СПб. 1890.

Этотъ въ высшей степени почтенный ученый трудъ является результатомъ долголѣтнаго изученія

болѣзни, которую привыкли считать неопасною, а между тѣмъ смертность отъ нея, по крайней мѣрѣ въ СПб. за 18 лѣтъ, не на много отстаегъ отъ смертности въслѣдствіе оспы, скарлатины и дифтерита. Цѣлымъ рядомъ хромо-литографированныхъ диаграммъ (числомъ 15) авторъ наглядно знакомитъ читателя съ числомъ заболѣвавшихъ отъ кори въ СПб. по годамъ (сравнительно съ другими инфекціонными болѣзнями) и колебаніями смертности отъ кори по годамъ и мѣсяцамъ, по временамъ года и проч. Главнѣйшіе выводы автора, противорѣчащіе установившемуся мнѣнію толпы, суть слѣдующіе: Надо стараться отдалять дѣтей всѣми возможными мѣрами отъ коревой инфекціи; для борьбы противъ распространенія кори необходимо примѣне-

Памятникъ гр. Тотлебзу въ Севастополѣ. Съ фот. Гезлемезъ, грав. Шюблеръ.

ше къ ней тѣхъ же мѣръ профилактики (предупредительныхъ) и дезинфекціи, какія употребляются въ отношеніи скарлатины и дифтерита.

Вышла июльская книжка *Вѣстника садоводства, плодоводства и огородничества*. Содержаніе ея слѣдующее: *Cyclamen latifolium* Sibth. et Sm. — Широколистная дряква. Съ хромолитографіею 13 и 14. Э. Л. Регеля.—Посадка хвойныхъ въ садахъ. В. Н. Кутузова. (Продолж.). — Саратовская земская сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка въ 1889 г. П. А. Дунтревъ. (Продолж.).—Цвѣты и овощи.—Новости послѣднихъ лѣтъ. Съ 14-ю рисунками. В. Н. Кутузова.—Истребитель сѣмянъ фасоли во время прорастанія. В. Э. Иверсена. — Гентекія азалеи послѣдняго производства. В. Е. Волкештейна.—Розанъ „Namenlose Schöne“, гвоздика „M-me Ed. Rupaert“ и гигантскій кактусовѣтвистый георгинъ. Съ 4-мя рисунками. В. Н. Кутузова.—Фаллопиевы П. Е. Волкештейна.—Хроника и мелкія извѣстія: Столѣтіе георгинъ.—Цвѣтники въ Америкѣ.—Три лучшихъ сорта немахровыхъ пеларгоній для высадки въ грунтъ.—Къ цвѣтению олеандровъ.—Школа садоводства въ Екатеринбургѣ.—*Calligonum polygonioides*.—Земля для горшечныхъ растений.—Помѣщеніе для перевивки растений (съ рисун.).—Любопытный приговоръ.—Зима въ Парижѣ.—Поливка горячей водой.—Троицкскій подѣлочный лѣсъ.—*Champ-de-Mars* послѣ всемірной выставки.—Стоимость посадки „одного“ дерева.—Полунаріе изъ цвѣтовъ.—Уничтоженіе мха на корѣ деревьевъ.—Размноженіе хризантемула черешками по японскому способу.—Кануэта Петсай или Шантунгъ.—Восхожденіе на Mount Owen Stanley. В. К.

Въ редакцію *Нивы* присланъ изъ Имп. Рус. Географич. Общества циркуляръ объ изданіи ежемѣсячнаго журнала *Метеорологическій Вѣстникъ*. Въ него войдутъ слѣдующіе отдѣлы:

- 1) Научныя и популярныя статьи по метеорологіи и земному магнетизму.
- 2) Статьи по климатологіи, при чемъ особенное вниманіе будетъ обращено на лечебныя мѣстности и климатическія статьи Россіи.
- 3) Годовые и ежемѣсячныя обзоры погоды въ Россіи.
- 4) Обзоръ русской и иностранной литературы.
- 5) Корреспонденція и разъясненіе вопросовъ предлагаемыхъ подписчиками.

Подписная цѣна 5 р. въ годъ съ пересылкой и 4 р. 50 к. безъ пересылки.

Въ журналѣ принимаютъ участіе извѣстные русскіе ученые, притомъ многіе изъ нихъ знакомы съ потребностями практической жизни, особенно сельскаго хозяйства, гигиены и инженернаго дѣла, такъ что мы не сомнѣваемся, что новый органъ будетъ полезенъ не однимъ специалистамъ-ученымъ, а обширному кругу читателей, которымъ пужны ясно и толково изложенныя свѣдѣнія о климатѣ и погодѣ.

Редакція *Вѣстника* собрала уже 1,500 р. отъ первоначальныхъ учредителей, уплатившихъ по 25 р. или болѣе, но приступитъ къ дѣлу лишь тогда, когда получитъ достаточное количество заявленій о желаніи быть учредителемъ или подписчикомъ, съ точнымъ обозначеніемъ адреса. Денегъ пока присылать не пужно. Заявленія просить адресовать въ Петербургъ, въ Имп. Русское Географическое Общество, редактору *Метеорологическаго Вѣстника*.

Смѣсь.

Ново-открытое сочиненіе Посошкова. Въ засѣданіи учрежденной двадцать пять лѣтъ тому назадъ комиссіи для приведенія въ ясность и порядокъ хранящихся въ архивѣ Синода дѣлъ, членъ комиссіи Е. М. Прилежаевъ сдѣлалъ сообщеніе объ открытой имъ въ рукописяхъ синодальнаго архива второй половиной сочиненія Посошкова: „Отеческое завѣщаніе сыну“. Первая шесть главъ этого завѣщанія, какъ извѣстно, были открыты г. Поновымъ и изданы имъ же въ 1873 году. Открытая теперь г. Прилежаевымъ вторая половина „Отеческаго завѣщанія“ содержитъ въ себѣ послѣднія три главы этого сочиненія Посошкова, которыя оставались неизвѣстными и считались недоеденными до нашего времени. Въ первой изъ нихъ Посошковъ наставляетъ своего сына, какъ жить и дѣйствовать, если ему придется быть церковнымъ причетникомъ и священникомъ; во второй — какъ вести себя, если онъ будетъ простымъ инокомъ или

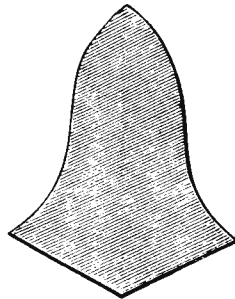
архимандритомъ; въ третьей главѣ Посошковъ даетъ сыну совѣты и указанія на тотъ случай, когда ему довелось бы стать архiereмъ. (в.)

Объ извѣстномъ артистѣ Жолковскомъ въ польскихъ газетахъ разсказанъ забавный анекдотъ, могущій служить назиданіемъ разнымъ особамъ прекраснаго пола, слишкомъ усердно поклоняющимся талантамъ разныхъ актеровъ и пѣвцовъ. Артистъ Жолковскій, производившій фуроръ въ Варшавѣ и вышѣ покойный, не могъ нигду укрыться отъ одной своей поклонницы. Она не отставала отъ него ни на шагъ и страшно ему досаждала; тѣмъ болѣе, что при одномъ взглядѣ на эту поклонницу артистъ приходилъ въ бѣшенство. Она была беззуба, съ рѣдкими волосами и съ бородавкою на носу. Передъ смертью Жолковскій неожиданно для поклонницы самъ пожелалъ ее видѣть. Разуменься, она обрадовалась несказанно и явилась на зовъ тотчасъ же. „Вы желали меня видѣть?“ спросила она томо. „Да!“ отвѣтилъ актеръ, „и вотъ почему: скоро меня не станетъ, и кто знаетъ, быть можетъ мнѣ суждено попасть въ адъ. Поэтому-то, чтобъ не испугаться злыхъ духовъ, которыхъ мнѣ придется състрѣтить, я и пожелалъ взглянуть на васъ, сударыня!“ (в.)

Дезинфицирующія свѣчи изобрѣтены недавно, по словамъ польскихъ газетъ, варшавскимъ химикомъ, докторомъ Александромъ Вейнбергомъ. Во время сторація эти свѣчи прекрасно очищаютъ воздухъ и весьма пригодны для дезинфекціи покойничьихъ, госпиталей, ретирадныхъ мѣстъ и проч. Особенно же онѣ окажутся полезными для комнатъ, вмѣсто употребляемыхъ простыхъ свѣчей, когда въ комнатахъ выставлены тѣла умершихъ, иногда уже разлагающіяся и портящія воздухъ. Каждая такая свѣча горитъ четыре часа и въ теченіе этого времени выделяетъ изъ себя около двухъ литровъ дезинфицирующихъ газовъ. (в.)

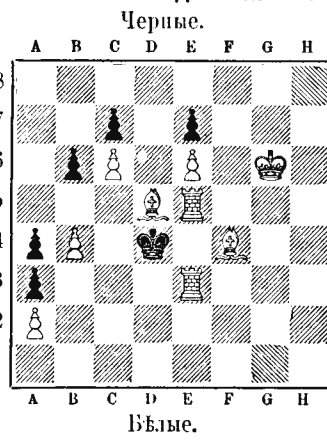
Женщины-контрабандистки, организовавшія свою дѣятельность въ широкихъ размѣрахъ на трансъ-атлантическихъ пароходахъ, недавно открыты въ Нью-Йоркѣ и оказались женскою пароходной прислугой. (в.)

Геометрическая задача № 41.

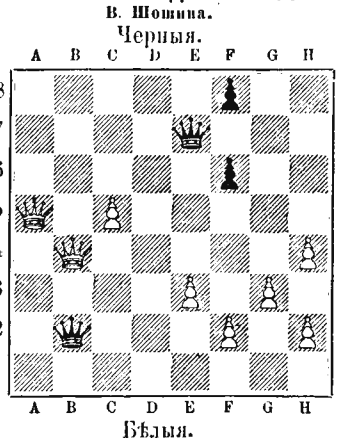
Двумя прямыми линіями раздѣлить данную фигуру на 3 части, изъ которыхъ составить треугольникъ, имѣющій основаніе равное высотѣ его.

Шахматная задача № 42.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Шашечная задача № 43.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ дамку и шашку черныхъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подлинныя билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Жизнь, какъ она есть. Романъ въ пяти частяхъ. Вас. И. Немровича-Данченко. Часть II. (Продолженіе). — Старинный вальсъ. (Назъ разсказовъ стараго маюра). (Продолженіе). — Литературныя бесѣды. „Демонъ“, Лермонтова. — Къ рисункамъ: Волга у Саратова. Выгрузка нулей муки (съ рис.). — „Привалъ“. Март. Н. Н. Назарина (съ рис.). — СПб. Биржа въ полдень (съ рис.). — Молодая римлянка (съ рис.). — „Въ Крымъ за солью“ (съ рис.). — Охотничій жаргонъ (съ рис.). — Нижегородская земледѣльская исправительная колонія для малолѣтнихъ (съ 3 рис.). — Памятникъ гр. Тотлебену въ Севастополѣ (съ рис.). — Политическое обозрѣніе. — Разныя извѣстія. — Библиографія. — Смѣсь. — Задачи. — Заявленіе. — О перемѣнѣ адреса. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марисъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

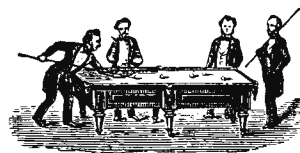
ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „НИВА“ проситъ Гг. подписчиковъ, НЕ ВНЕСШИХЪ ПОЛНУЮ ГОДОВУЮ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ за „НИВУ“ 1890 года, озаботиться своевременными взносами слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатные адреса отъ бандеролей.

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ К. БАУХЪ

В. МОРСКАЯ, № 17, СПБ.
Лечение зубныхъ болей, пломбированіе, испол-
нение всѣхъ зубныхъ операций, вставленіе но-
выхъ зубовъ и чѣлхъ челюстей по американ-
скому методу; передѣлка старыхъ челюстей. Про-
чѣе и аккуратное исполненіе гарантируется на
много лѣтъ. Цѣны умеренныя.

БИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА А. ФРЕЙЗЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египет-
скаго моста, домъ № 7-2. 26-14
Иллюстрированные прейсъ-курранты по вос-
требованіямъ высылаются безвозмездно.

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ *Всевлады Грестовскаго* (автора „Пегерб. Трущоб.“); 3-е
изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ

„ГОЛЛЕНДЕРЪ“.

Средство для уничтоженія мозолей и боро-
давокъ. Цѣна 35 коп. за флаконъ, за двѣ
флакона съ перес. 1 руб.

Получать можно во всѣхъ парфюмерн.,
аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главный
складъ у **Г. Голлендеръ**, Демидовъ пер., № 1.
Въ С.-Петербургѣ. (22) № 4366

ЛѢТНЯЯ НОВОСТЬ!

Английскіе растягивающіяся кушанья
„ГРАЦІЯ“ изъ позолоченой проволоки съ
массивн. позолоченнымъ замочкомъ, про-
теканные бѣлыми, розовымъ, голубымъ, зо-
лотымъ, синими, темно-красными и чер-
ными шелкомъ. Кушанья прозрачныя,
очень прохладительныя и при-
ятно носить для каждой дамы.
Цѣна 3 руб. 50 коп. Торговцамъ дѣлается
уступка. Единственный складъ для Россіи
у **ОСКАРА ЛЕССЕРЪ**,
СПБ., Садовая, 12-18, въ 1-мъ дворѣ.

РЕЗИДЕНЦІЯ ЭЙЗЕНАХЪ (240 м.)

Лѣтнее пребываніе и Курортъ
у подножія горы Вартбургъ (396 м.).

Окончаніе сезонъ купаній, выздоравлива-
ющіе послѣ тяжкихъ болѣзней и всѣ нуждаю-
щіеся въ покое и поддержаніи своего здо-
ровья послѣ утомительныхъ занятій могутъ
здесь найти желаемое убѣжище. Свѣдѣнія
сообщаетъ: „der Vorstand des Fremdenver-
kehrsverein“. № 4564

ОБРАЗОВАННЫЙ ГОСПОДИНЪ, въ совершен-
ствѣ знающій иностранныя языки, при-
родный русскій, умѣющій прекраснымъ сло-
гомъ писать корреспонденціи для газетъ, и
вполнѣ свѣдущій въ архивномъ дѣлѣ, пред-
лагаетъ свои услуги въ качествѣ переводчика,
газетнаго корреспондента и производителя
справокъ въ архивахъ. Дѣлающіе воспользо-
ваться его услугами, благоволятъ адре-
совать: Москва, Почтамтъ, до востребованія,
подъ лит. Ч. Ш. Ш. № 179. № 4616

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЬ

В. ГЕНА въ Вѣнѣ
изъ ГРЕЦКИХЪ ОРЕ-
ХОВЪ.

Безвредное средство
для быстрого окраши-
ванія волосъ и боро-
ды въ черныя, русыя,
темно- и свѣтло-каштан-
новый цвѣтъ. 8-6

Цѣна за флаконъ 3 руб. съ пересылкой.
Главный складъ для Россіи у **В. Аурихъ**
въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18.

ПИСЬМАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

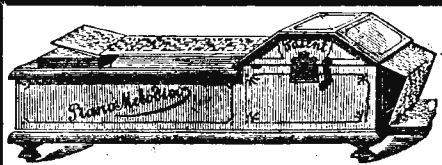
Пишетъ въ 3 раза
быстрѣ пера. Чисто-
та, четкость красота.
Введена во всѣхъ
Министерствахъ и
мног. правительствъ,
и частныхъ учрежд.
Прейсъ-куррантъ, содер-
жащій отъ Правительства и другихъ учре-
жденій, высылается безплатно. № 3748
Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва С.-Петербургъ
Кузнечій мостъ. Б. Морская, 21.

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО

Г. ГОЛЛЕНДЕРЪ
для смягченія кожи.
Новозобрѣтенное вазелиновое мыло, при-
ятнаго запаха, придаетъ кожѣ желанную
вѣдую мягкость. Цѣна за кусокъ 30 коп.,
3 куска съ пересылк. 1 р. 50 к.
Получать можно во всѣхъ парфюм. и
аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи.
Главный складъ: СПБ., Демидовъ
пер., д. № 1. (27) № 42

ПІАНО- МЕЛОДИКО.

Ручной салонный органъ со
струнами, исполняющій
полностью всевозможныя
пѣсни. 2-2

Цѣна безъ нотъ 90 руб. Ноты по 80 к. за метръ (1 1/2 арш.).

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ и НОТЪ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. - Москва, Кузнечій м., домъ Захарьина.

РУССКО-АМЕРИКАНСКАЯ БАГЕТНАЯ И РАМОЧНАЯ ФАБРИКА

Ч. ГОФМАНА

С.-Петербургъ, Малая Деорянская, № 17-19,
рекомендуетъ большой выборъ вновь вышедшихъ изящныхъ образцовъ багета,
золоченаго, чернаго и подъ старую бронзу.
Приемъ частныхъ заказовъ.
Невскій проспектъ, д. № 11, бель-этаж. № 4617 4-1

ЭЛЕОПАТЪ ПРОВ. КИНУНЕНЪ

для волосъ. Элеопатъ Кинунена нахо-
дится для продажи во всѣхъ большихъ
Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна фла-
кону, содержащему 120 граммовъ, 1 р.
50 коп., но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Просятъ непременно обращать вниманіе
на клеймо въ стеклѣ каждого фла-
кона,—пров. Кинуненъ. (27) № 4287
Главный складъ: С.-Петерб., Демидовъ пер., д. № 1.

CIGARETTES ESPIC contre
ASTHME & CATARRHE
AUTORISÉES PAR LE GOUVERNEMENT RUSSE
Le pôt general: STOLL & SCHMIDT, à Saint-Pétersbourg
Vente en gros: J. ESPIC, 20, rue Saint-Lazare, Paris.
Exiger la Signature sur chaque Cigarette.

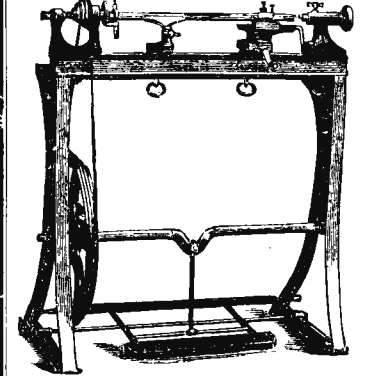
Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахе-
ровъ въ Франціи и заграничій.
LA VELOUTINE
Спеціальная рисо-
висмутуованъ пудра.
CHATELAIN FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ
Франкфуртъ н/М. К. № 587
ФАБРИКАНТЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ
„ОРЕЛЬ“. (6)
Вскаго рода двухъ- и трехъ-колесные вело-
сипеды для взрослыхъ и дѣтей. Составныя ча-
сти и принадлежности. Ищутъ агентовъ. Иллю-
стрированный каталогъ за 10 пфен. марками.

Leichner's Fettwiderer
ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА
для вечера а также и дня! Незамѣтна на кожѣ! Косметическое средство для кра-
сoty кожи! Цѣна коробки 1 рубль! № 4293 12-6
Театральныя гримировки!
Румяна, бѣллыя и карандаши для бровей!
Ищутся во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.
Л. ЛЕЙХНЕРЪ, Берлинъ, поставщикъ Вѣдильскихъ театровъ и двора.
Главное депо для Россіи у **В. Ауриха**, Колокольная, № 18. С.-Петербургъ.
СЕМЬЯ ВОЛЬНОДУМЦЕВЪ. Историч. повѣсть временъ Екатерины II. Петрова и
В. Кюшникава. Ц. 1 р.

Вышелъ новый иллю-
стрированный прейсъ-
куррантъ на 1890 г. из-
вѣстнаго англійскаго
завода Зингеръ и Ко Но-
вентри. Представитель
для всей Россіи Ген-
рихъ Немчица въ Мо-
сквѣ, уошь Тверской и
Старога Газетнаго
пер., д. Фальцъ-Фейнъ,
магазинъ № 19.

СПЕЦІАЛЬНАЯ
усовершенствован-
ческія покар-
Д. Савронскаго
главный складъ и фабрика, Гродненскій
пер., собств. д. № 6, бѣ. Знаменскій ул.,
магазинъ Басеѣной ул., д. № 10. Любитель-
скіе стани отъ 65 р. Прейсъ-курранты вы-
сылаются за 14 коп. марку. № 4618

НОВОСТЬ!!
НОВѢЙШІЙ
и
ЛУЧШІЙ
МЕХАНИЧЕСКІЙ
ИНСТРУМЕНТЪ
**ПІАНО-
МЕЛОДИКО**
Цѣна 90 рублей.
Ноты отдѣльно по 80
коп. за 1 (однѣ) метръ
(1 метръ=1 1/2 аршин.).
= Требуется подро-
бное описаніе и катало-
гъ нотъ. =

И. Ф. МОЛЛЕРЪ
Москва, Петровка, д. Волкова, противъ
Столешикова переулка. № 4482 (8)

№ 4711
РЕЙНСКІЕ БУКЕТЫ
СЛѢДУЮЩИХЪ ЗАПАХОВЪ:
Подсѣнникъ, Гольдланъ, Жасминъ,
Геліотропъ, Ландышъ, Опопанаксъ,
Резеда, Рейнская роза, Рейнская фи-
алка, Рейнскіе цвѣты и Ясминникъ.
Превосходные, продолжительные и
дешевые духи для платковъ.
Цѣна флакона, содержащаго 1/4 фунта
1 р. 25 коп.
Можно получать во всѣхъ лучшихъ
парфюмерныхъ и аптекарскихъ мага-
зинахъ Россіи и заграничій.
Главное депо у **Алек. Тисъ и К^о**,
Пушкинская, № 4. Ц. № 4615 8-1

НОВОСТЬ!

ПАРУСИНОВЫЕ БАШМАКИ НА РЕЗИНОВОЙ ПОДОШВЕ

удобные, мягкие, прочные и дешевые обыкновенных башмаков. Погородным высылает почтою наложенным платежом. 3—2

КОНСТАНТИНЪ МАЛЬМЪ

СКЛАДЪ РЕЗИНОВЫХЪ ТОВАРОВЪ
Большая Морская, № 34.

ЛЕНИНГЪСЪ и ГРОЗНИГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Ива“. № 2405

ГЛАВНОЕ ДЕЛО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ

Специалистъ хронометровъ. СПбургъ, Невскій пр., № 52 прот. Им. Публ. Библиотеки. Оптовая и розничн. продажа. Подробный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по требованію бесплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года. № 4501 20—7

Прейсъ-курантъ высылается по требованію бесплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года. № 4501 20—7

ДЛЯ УМЫВАНІЯ

ЛИЦА 5—3

МОЛОКО ПИМФЕЯ

флаконъ 1 руб. 25 коп.

МАГАЗИНЪ

А-ЛА-РЕНОМЕ

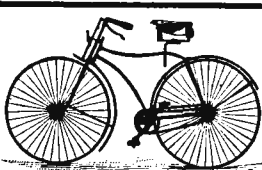
Невскій пр., № 3.

Торгов. соразмѣри. уступка.

ФРАНЦУЗСКІЯ отъ 100 р. ДОР
АМЕРИКАНСКІЯ отъ 180 р. ДОР
РЕН: въ боль. выборъ **ФАБРИКА МУЗЫКАЛЬН.-ИНСТРУМЕНТЪ**
І. Ф. МЮЛЛЕРЪ
МОСКВА, Петровка д. Волкова.
Иллюстрир. Прейсъ-Курантъ всѣмъ инструментамъ **БЕЗПЛАТНО.**

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи
Торговый Домъ Ж. БЛОКЪ,
Москва, С.-Петербургъ,
Кузнецкій Мостъ, Б. Морская № 21.
имѣетъ единственный складъ для всей Россіи велосипедовъ: Свингъ, Винпегъ, Русскій Клубъ, Молнія (New Rapid), Шперриаль и пр.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ

Общедоступный Свѣтъ № 2 = 150 руб. =

Прейсъ-Курантъ высылается бесплатно.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

ОТЪ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА.

Государственный Банкъ, приступивъ къ обмѣну на новыя 5% банковыхъ билетовъ 1-го выпуска (1860 г.), какъ подлежащихъ погашенію до 1888 г. (со штензелемъ), такъ и пересроченныхъ на 37-ми лѣтній срокъ (до 1925 г.), имѣетъ честь объявить, что обмѣнъ этотъ будетъ производиться на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Билеты могутъ быть представляемы какъ непосредственно въ Государственный Банкъ въ С.-Петербургѣ, такъ и во всея Конторы и Отдѣленія Банка, лично или чрезъ почту.

2) Владѣльцы билетовъ, живущіе въ С.-Петербургѣ, представляютъ билеты въ 5% Отдѣленіе Банка, при объявленіяхъ установленной формы, вписывая въ нихъ №№ билетовъ по достоинствамъ и въ послѣдовательномъ порядкѣ.

3) Согласно послѣдовавшему разрѣшенію Г. Министра Финансовъ, взамѣнъ представляемыхъ къ обмѣну билетовъ новыя билеты будутъ выдаваемы тѣхъ же достоинства, но за другими номерами, т. е. безотносительно къ номерамъ билетовъ 3-го десятилѣтія.

4) При приемѣ въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Банка билетовъ для обмѣна съ владѣльцевъ ихъ будетъ взимаемо за комиссію по обмѣну по 10 коп. съ каждого листа, безотносительно къ достоинствамъ, и кромѣ того деньги на почтовые расходы въ одинъ путь (по пересылкѣ изъ Банка новыхъ билетовъ) по существующему для частныхъ лицъ почтовому тарифу. При обмѣнѣ билетовъ чрезъ посредство Московской, Кіевской, Харьковской или Одесской Конторы Банка, если билеты будутъ представлены къ обмѣну не позже 1 Сентября 1890 года, взамѣнъ почтовыхъ и комиссіонныхъ сборовъ будетъ взимаемо за каждый листъ: 100 р. д. 15 к., 150 р. д. 20 к., 500 р. д. 50 к., 1,000 р. д. 75 к., 5,000 р. д. 2 р. 50 к., 10,000 р. д. 4 р. и 25,000 р. д. 8 руб.

5) Билеты, находящіеся на храненіи въ Государственномъ Банкѣ, его Конторахъ и Отдѣленіяхъ, какъ выданные на предъявителя, такъ и написанные на имена вкладчиковъ, будутъ обмѣнены безъ особыхъ заявленій вкладчиковъ, при чемъ билеты, которые окажутся вышедшими въ тиражъ, будутъ оставлены во вкладахъ въ прежнемъ видѣ до полученія о нихъ распоряженій со стороны вкладчиковъ; билеты же, написанные на имена другихъ лицъ (не вкладчиковъ) и не снабженные законными бланковыми или передаточными надписями, могутъ быть обмѣнены лишь по особымъ заявленіямъ вкладчиковъ, съ представленіемъ надлежащихъ документовъ о принадлежности ихъ вкладчикамъ или особымъ заявленіемъ на имя Банка отъ лицъ, на имена которыхъ написаны билеты, съ засвидѣтельствованіемъ подписей этихъ лицъ нотаріальнымъ порядкомъ. За комиссію по обмѣну билетовъ, находящихся на храненіи въ Банкѣ, будетъ взимаемо по 10 коп. съ каждого листа, а съ вкладчиковъ Конторы и Отдѣленій Банка сверхъ того деньги на почтовые расходы согласно п. 4.

6) Справки о томъ, произведенъ ли обмѣнъ находящихся во вкладахъ на храненіи билетовъ, какіе должны быть представлены документы для обмѣна не обмѣненныхъ Банкомъ билетовъ, не оказалось ли билетовъ (3-го десятилѣтія), вышедшихъ въ тиражъ, а равно свѣдѣнія о №№ новыхъ билетовъ могутъ быть получаемы вкладчиками, по представленіи сохранныхъ росписокъ, изъ Государственного Банка и изъ Конторы и Отдѣленій съ 1 Ноября 1890 г.

7) Тѣ вкладчики, которые не пожелаютъ обмѣнить принадлежащія имъ билеты чрезъ посредство Отдѣленій вкладовъ на храненіе или провинціальныхъ Конторъ и Отдѣленій Банка, должны подать о семъ письменныя заявленія по принадлежности: въ Банкъ — до 1 Августа, а въ Конторы и Отдѣленія Банка до 1 Сентября текущего года.

8) Владѣльцы именныхъ билетовъ, представляя билеты къ обмѣну лично, прилагаютъ къ объявленіямъ объ обмѣнѣ и свѣдѣтельства о личности, а поручающіе высылку своихъ билетовъ по адресу другихъ лицъ, присылаютъ заявленія о семъ съ засвидѣтельствованіемъ подписи нотаріальнымъ порядкомъ. Отъ погостороннихъ лицъ именные билеты, не исключая и тѣхъ случаевъ, когда новыя потребуются на прежнія имена, представляются въ Банкъ съ законными довѣренностями владѣльцевъ.

9) При именныхъ билетахъ, перешедшихъ къ настоящимъ владѣльцамъ по наслѣдству, судебнымъ постановленіямъ или другимъ актамъ, должны быть представляемы сіи документы, а также удостовѣреніе объ уплатѣ пошлины, установленной закономъ 15 Іюня 1882 года.

10) Совершеннолѣтніе владѣльцы именныхъ билетовъ, названные въ надписи на билетахъ малолѣтними, должны представить при обмѣниваемыхъ билетахъ засвидѣльствованныя копіи метрическихъ свѣдѣтельствъ о своемъ рожденіи въ удостовѣреніе того, что они достигли совершеннолѣтія.

11) При именныхъ билетахъ, представляемыхъ къ обмѣну по порученію владѣльцевъ банками и банкирскими конторами, должны быть прилагаемы заявленія владѣльцевъ на имя Государственного Банка съ засвидѣльствованіемъ подписи владѣльцевъ нотаріальнымъ порядкомъ или нотаріальныя довѣренности.

12) Билеты, написанные на имя лицъ, состоящихъ подъ опекою, для обмѣна съ написаніемъ на то же имя могутъ быть представляемы опекунами, съ приложеніемъ указовъ опекунскихъ учреждений о назначеніи ихъ опекунами.

13) Въ тѣхъ случаяхъ, когда приложенные подлинныя документы требуются обратно, должны быть вмѣстѣ съ ними представляемы, для оставленія при дѣлахъ Банка, засвидѣльствованныя нотаріальнымъ порядкомъ копіи.

14) Билеты, находящіеся въ Дворянскихъ Опекахъ, Сиротскихъ Судахъ или въ казенныхъ установленіяхъ на храненіи, въ залогъ по подрядамъ, поставкамъ и проч., будутъ обмѣниваемы на общихъ основаніяхъ.

15) Приемъ къ обмѣну билетовъ въ Государственномъ Банкѣ, равно выдача новыхъ билетовъ, будутъ производимы ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 2-хъ часовъ. Новыя билеты будутъ выдаваемы чрезъ 7 дней по представленіи старыхъ; если же окажется возможнымъ, то будутъ назначаемы менѣе продолжительный срокъ.

16) Въ приемѣ билетовъ будутъ выдаваемы именные контрмарки, которыя не могутъ быть передаваемы другимъ лицамъ.

17) За обмѣнъ билетовъ, представляемыхъ непосредственно въ 5% Отдѣленіе Банка, лично или чрезъ почту, платы не взимается, почтовые же расходы по высылкѣ новыхъ билетовъ обращаются на счетъ владѣльцевъ, которые могутъ прислать на этотъ предметъ наличныя деньги или срочныя купоны.

18) Въ объявленіяхъ объ обмѣнѣ билетовъ, присылаемыхъ въ Банкъ по почтѣ, не должны быть помѣщаемы порученія по другимъ операціямъ, какъ напр. размѣнъ билетовъ, покупка и продажа и проч.; такія порученія будутъ оставлены безъ исполненія.

и 19) Во избѣжаніе задержки въ полученіи съ почты новыхъ билетовъ, владѣльцы оныхъ возможно точнѣ обозначаютъ въ объявленіяхъ какъ свои адреса, такъ и ближайшія почтовые учреждения, изъ которыхъ производится выдача денежной корреспонденціи.

Управляющій Ю. Жуковский.

3 Іюля 1890 г.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXI г.
№ 29

г. XXI
1890

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 21 іюля 1890 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫПРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цена этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1890 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
страну нонпарейль (1/4 шир.
стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
75 к.—Загран.: для Франціи у
Agence Navas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

Безъ доставки въ Пе-
тербургъ 5 р.
Съ доставкою въ Пе-
тербургъ 6 р. 50 к.
За границу, съ пересылкою 9 р.

Безъ дост. въ Москвѣ чр.
конт. объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.
Съ пересылкою въ Москву
и другіе города Россіи . . . 7 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Безъ всякой доплаты за пересылку главныхъ премій.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1890 г. нумера „Нивы“ со всѣми приложеніями.

П. С. Ванновскій.
Не малое торжество готовится въ нашемъ военномъ мірѣ. 22 іюля исполнится 50-лѣтіе службы въ офицерскихъ чинахъ Военнаго министра, генер.-адъютанта, П. С. Ванновскаго. Уже девять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ генералъ Ванновскій, быстро выдвинувшійся впередъ, былъ призванъ на столь высокій постъ, который пришлось ему занять во дни крамолы, при далеко неблагоприятныхъ условіяхъ. Будучи однимъ изъ выдающихся боевыхъ генераловъ, изучившій военное дѣло и въ теоріи, и на практикѣ и основательно знакомый съ бытомъ и нуждами русскаго солдата, генералъ Ванновскій сразу обнаружилъ административныя способности и оказался на высотѣ своего призванія. Замѣчательно честный и энергичный, настойчивый, но вмѣстѣ и осторожный, онъ за эти годы управленія своего министерствомъ потрудился достаточно и для водворенія строжайшей дисциплины въ арміи, и

Военный министр, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи, Петръ Семеновичъ Ванновскій (по поводу 50-лѣтн. юбилея). Съ фот. Левицкаго, грав. Шюблеръ.

особенно для установленія порядка въ военномъ хозяйствѣ, наблюдая большую, разумную экономію, къ которой и ранѣе всегда былъ склоненъ. Благодаря своей рѣдкой бережливости, онъ способствовалъ значительному сокращенію военнаго бюджета, а вслѣдствіе осторожности, всегда стараясь устранить, гдѣ только можно, всякія рискованныя предпріятія. До назначенія на постъ Военнаго министра, генералъ Ванновскій зарекомендовалъ себя особенно въ послѣднюю Русско-турецкую войну, находясь во главѣ штаба арміи стоявшей на Ломѣ, командованіе которою было по Высочайшей волѣ возложено на Цесаревича, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора. Извѣстно, какую службу сослужила эта армія своею стойкостью и стратегическими маневрами, вліяя этимъ путемъ на успѣхъ всего дѣла. Выигранный же войсками этой арміи бой подъ Церковиною безусловно устранилъ серьезную опасность, однажды грозив-

шую царской стоянкѣ у Горнаго-Студеня. Независимо отъ этого Русукскій отрядъ представлялъ собою примѣръ вполне достойнаго подражанія относительно разумной бережливости, съ какою здѣсь расходовали силы солдата, не растрачивая непроизводительно пришеюй ему доблести. Вообще генералъ Ванновскій, будучи тогда ближайшимъ сотрудникомъ Августѣйшаго Главнокомандующаго, дѣятельно участвовалъ и въ общемъ планѣ дѣйствій Русукскаго отряда, и въ его выполненіи по деталямъ, и былъ достойно оцененъ уже въ то время Государемъ.

Генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи, Петръ Семеновичъ Ванновскій, изъ дворянъ Минской губерніи, происходить отъ родителей православнаго исповѣданія и родился въ Кіевѣ, въ іюнѣ 1822 года. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ 1-мъ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда былъ выпущенъ въ 3-гв. Финляндскій полкъ прапорщикомъ, имѣя 18 лѣтъ отъ роду. Чинъ подпоручика онъ получилъ въ 1843 году, поручика — въ 1845, а въ штабсъ-капитана произведенъ въ 1849 году за участіе въ Венгерскомъ походѣ. Въ Крымскую кампанію П. С. Ванновскій состоялъ въ отрядѣ генералъ-лейтенанта Павлова и въ награду за отличіе получилъ Монаршее благоволеніе и орденъ Св. Владиміра 4-й степени съ мечами. Въ 1855 г. онъ въ чинѣ полковника командовалъ 3-мъ и потомъ 1-мъ батальономъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, а въ 1857 г. — Стрѣлковою офицерскою школой. Запня эту должность и въ 1860 г., онъ много поработалъ какъ совѣтательный членъ временно организованной комисіи Артиллерійскаго комитета, по закрытіи которой былъ произведенъ въ 1861 г. въ генералъ-майоры и назначенъ ди-

ректоромъ Павловскаго кадетскаго корпуса; въ слѣдующемъ — состоялъ членомъ особаго Комитета по преобразованію военно-учебныхъ заведеній, а затѣмъ членомъ специальной комисіи по административной и хозяйственной части. Послѣ этого онъ пять лѣтъ занималъ мѣсто начальника 1-го военнаго Павловскаго училища, которое хранитъ о немъ и понынѣ добрую память. Въ 1868 г. П. С. Ванновскій былъ переведенъ въ Главное управленіе военно-учебныхъ заведеній для особыхъ порученій и получилъ чинъ генералъ-лейтенанта съ назначеніемъ начальникомъ 12-й пѣхотной дивизіи. Въ 1870—1875 гг. командовалъ войсками Кіевского военнаго округа, и начальствовалъ надъ 33-й пѣхотною дивизіей. Въ 1876 г. его назначили командиромъ 12-го армейскаго корпуса, который поступилъ въ составъ дѣйствующей арміи, а въ слѣдующемъ за военныя отличія произвели въ генералъ-адъютанты. По окончаніи войны онъ вторично командовалъ временно войсками Кіевского военнаго округа и исправлялъ должность кіевского, волынскаго и подольскаго генералъ-губернатора, а въ августѣ того же 1879 г. снова принялъ командованіе 12-мъ армейскимъ корпусомъ. Въ маѣ 1881 г. онъ былъ назначенъ на должность управляющаго Военнымъ министерствомъ. П. С. Ванновскій имѣетъ много орденовъ русскихъ и иностранныхъ. Ко дню юбилея генерала Ванновскаго разрѣшено поднести ему званіе почетнаго президента Военно-медицинской академіи и поставить въ конференцъ-залѣ его портретъ. Хотя П. С. Ванновскій и приближается уже къ 70-лѣтнему возрасту, но его энергія не ослабѣваетъ, помогая ему трудиться, „безъ отдыха, но и безъ поспѣшности“.

П. Б.—овъ.

Жизнь, какъ она есть.

Романъ въ пяти частяхъ. **Вас. И. Немировича-Данченко.**

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. (Продолженіе).

I.

Черезъ три года послѣ описанныхъ нами событій, Василій Герасимовичъ Сластеновъ, съ женою Прасковьей Яковлевной выходилъ изъ своего палатца. Сластеновъ остался такимъ же, какимъ мы его видѣли въ первыхъ главахъ нашего разсказа, только что потолстѣлъ немного. За-то Паша развернула въ такую пышную красавицу московскаго типа, рослую, плечистую, дебелую, съ роскошными формами выхоленнаго тѣла, ясными и въ то же время нѣсколько лѣнивыми глазами и медленными движеніями, что едва-ли бы кто узналъ въ ней недавнюю вострушку и занозу, порывистую и мечтательную, такъ неудержимо бѣгавшую по лѣснымъ чащамъ и мѣловымъ отмелямъ далекой и мирной обители. Домъ она прибрала къ рукамъ и самъ метрдопель Кузьма Медичисъ при ней терилъ все свое величіе и обнаруживалъ даже нѣкоторую юркость. Лакеи у нея ходили въ струнку, а мордастый швейцаръ, когда она показывалась на лѣстницѣ, замиралъ и, вытягивая руки по швамъ, старался не дышать. Но всѣхъ болѣе терялся при ней Василій Герасимовичъ. Она его державила съ самаго перваго дня свадьбы; впрочемъ, это ей ничего не стоило: онъ подчинялся безъ всякой борьбы и даже находилъ это очень для себя удобнымъ. Въ Прасковьѣ Яковлевнѣ оказалось при этомъ много чисто московскаго своеобразнаго такта. Властная дома, не тергившая у себя ничѣй воли рядомъ со своею, не допускавшая даже возможности какого-либо возраженія, она никогда не вмѣшивалась въ дѣла мужа. За стѣнами своего палатца онъ распоряжался самъ временемъ и деньгами какъ хотѣлъ. Дѣлалъ тысячи глупостей, теряя часто безъ толку крупныя суммы, что приводило въ ужасъ дяденьку Савву Кузмича; но всякій разъ, когда тотъ пробовалъ было подѣйствовать на него черезъ жену, она рѣшительно отказывалась вступаться.

— Поговорите ему сами, отвѣчала Прасковья Яковлевна.

— Что-жь я съ нимъ говорить стану, коли онъ на всемъ свѣтѣ одну тебя слушається!

— А я не могу. Не моего, бабьяго ума это дѣло... Вотъ по дому точно: тутъ я никому вступаться не дамъ,—а своимъ капиталамъ Васенька самъ хозяйинъ.

— Да вѣдь растащутъ у него!

— Авось не растащутъ... У него, дяденька, тоже свои резоны...

— И свое спустить, и твоего не хватить.

— Мое у меня отдѣльно, спокойно отвѣчала Прасковья Яковлевна.—Изъ своего я ему ни синь-пороха не дамъ, будьте спокойны... Зачѣмъ-же-съ, помилуйте! Своему я сама счетъ знаю и собственного интересу не упущу... А иначе, коли я стану въ его дѣла вмѣшиваться, значить не будетъ у меня къ нему никакого уваженія; а не стану я его уважать—и онъ меня не уважитъ. Это ужъ такъ!

И ничего большаго Савва Кузмичъ отъ нея добиться не могъ.

Въ подъѣздѣ швейцаръ благоговѣнно набросилъ ей на плечи великолѣпную бархатную на чернобуромъ лишемъ мѣху ретонду и только что бросился къ дверямъ, какъ она оборвала его:

— А Василію Герасимовичу?.. строго спросила Прасковья Яковлевна и тотчасъ же прибавила: — Ишь забывчивые какіе... Поперекъ шире на хозяйскихъ кормахъ стали... На портретѣ-то хоть деревянный домъ на камennomъ фундаментѣ строй!

Мордастый швейцаръ, сконфузившись, кинулся помочъ Сластенову надѣть пальто съ барашковымъ воротникомъ.

— Не надо, не надо... Я самъ! смущенный, точно извинялся онъ, что заставило Пашу только нахмурить свои черныя брови.

— Ну-ну... нечего баловать... И то они у насъ... точно борова какіе передъ Святками ходять...

Кучеръ тоже опасно поглядывалъ на нее.

— Ты, Ефремъ, что-жь это? задала она ему довольно загадочный вопросъ, но очевидно тотъ его отлично понималъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, матушка, Прасковья Яковлевна, это онѣ врутъ все...

— Врутъ... А вотъ я возьму тебя, козла, да со двора и сгоню...

— Это какъ вамъ угодно-съ... Ваша воля-съ... Обидѣть человѣка всегда возможно...

— Обидѣть. Нѣтъ, ты у меня помни, ежели еще Маша на тебя пожалуется, что ты ей проходу не даешь, такъ ужъ самъ иди за расчетомъ, не жди зову... Слышишь?..

— Виновать-сь, покорно соглашался Ефремъ и старался не мигая держаться на козлахъ.—Виновать-сь... А только и онъ тоже... имъ повѣрь...

— Ну-ну, поговори!

И еще недавно пугавшій своимъ высокомеріемъ Василія Герасимовича, кучеръ безпрекословно смолкалъ. Втайнѣ Сластеновъ никакъ не могъ понять, откуда все это взялось у Паши, такъ тихо, робко, скромно, растерянно вошедшей въ его домъ, на первыхъ порахъ пугаясь окружавшаго ее непривычнаго великолѣбія. Но только на первыхъ порахъ. На второй же недѣлѣ по возвращеніи изъ-за границы, куда она пробѣжалась съ мужемъ, когда величественный Козьма Медичисъ попробовалъ было не самъ исполнить приказаніе Паши, а помануть бровями одного изъ лакеевъ, — „молодая“ спокойно замѣтила ему:

— Тебѣ сказано, старичокъ, ты и поди. Нечего на другихъ-то моргать. Ишь и то животь-то у тебя какъ у тельной коровы!

Казаковъ покраснѣлъ до корней волосъ (иносказательно, впрочемъ, ибо такіе у него были безъ корней — такъ какъ онъ носилъ парикъ) и отвѣтилъ обиженнымъ тономъ:

— Помилуйте, сударыня, мнѣ и покойный Арсеній Николаевичъ не говорилъ ничего такого.

— У каждого своя повадка, отъ Арсенія-то Николаевича тебѣ безъ словъ по шеѣ влетало... слышали мы... Ну, а у насъ иначе... Ступай, ступай, нечего...

И Казаковъ понялъ, что его царствію пришелъ конецъ, и сталъ служить какъ слѣдуетъ, такъ что даже Сластеновъ вдвое трусливѣе на него поглядывалъ, отчасти не понимая этой метаморфозы, а отчасти опасаясь, какъ бы Козьма Медичисъ не обрушилъ на него свое негодование. Домъ пришелъ въ порядокъ. Престрой распушенности не стало. При Прасковья Яковлевнѣ даже Боголюбовъ Боголюбовичъ терялъ свой апломбъ и старался какъ можно менѣе обращать на себя ея вниманіе. Боголюбовъ Боголюбовичъ вообще въ послѣднее время сильно измѣнился, сталъ задумываться, мечтательно смотрѣлъ въ пространство, писалъ отъ нечего дѣлать единицы съ длинными рядами полей.

„Точно онъ обокрасть кого собирается!“ своеобразно рѣшилъ Савва, подозрительно присматриваясь къ нему.

— Куда прикажете? почтительно полуобернувшись Ефремъ, сдерживая лошадей.

— Прямо пока... Тебѣ куда надо? обернулась она къ Василію Герасимовичу.

— Да на Тверскую сначала... Посмотрѣть какъ нашъ домъ подвигается. А потомъ въ редакцію... Ты заѣдешь со мною? Вѣдь ни разу у нашихъ не бывала. Тѣ даже удивляются.

— Нѣтъ. Я тебя оставляю тамъ. Мнѣ еще въ лавки... Скажи, когда заѣхать за тобой?..

Неискреннее что-то послышалось въ ея голосѣ. Василій Герасимовичъ давно уже замѣтилъ, что она какъ будто тщательно избѣгаетъ знакомиться съ его дѣлами. Иногда ничего не отвѣчая, только хмурилась.

Сани долго ныряли по ухабамъ и снѣговымъ выбоинамъ даже и зимою не разстававшейся со своею азиатскою грязью Москвы. Прасковья Яковлевна давно уже усвоила себѣ мѣстную посадку, основательную и прочную, избавлявшую ее отъ печальной необходимости вылетать изъ саней. За-то Василій Герасимовичъ старался напрягать все свои усилія и схватывался даже за кушакъ своего кучера, чтобы не совершить неизбѣжнаго сальто-мортале. Застоявшіеся наканунѣ кони неслись впередъ, и Ефрему приходилось натягивать возжи во всю, чтобы хоть нѣсколько сдерживать ихъ. Особенно правая пристяжная. Она, выгнувъ шею кольцомъ, такъ и выбивала громадные комья снѣга сильнымъ копытомъ; да и коренникъ неслись впередъ что было духу, точно его настигала погоня. Кони были вороные, подо-

бренные. Прасковья Яковлевна завела такой выѣздъ, что о немъ скоро заговорила вся Москва. Она ихъ любила и любовалась ими, не обращая ни на что вниманія по дорогѣ. На Тверской Ефремъ, не ожидая приказанія, остановился.

— Пойдешь взглянуть? спросила Прасковья Яковлевна мужа, поворачивая голову къ громадному строившемуся дому, еще со всѣхъ сторонъ покрытому лѣсами — и внутри, и снаружи.

На этихъ лѣсахъ, точно сотни муравьевъ, копошились рабочіе — одни висы на тонкихъ доскахъ, подвизанныхъ еще болѣе тонкими веревками къ выступамъ кровли, другіе невѣдомо какъ устанавливались на жердяхъ, гнувшихся подъ ихъ тяжестью. Внутри — народъ казался совсѣмъ висѣть въ воздухѣ. Тонкіе лѣса раскидывались цѣлою паутиной, въ которой рабочіе чудились неосторожно зацупавшимися мухами. Мухи эти пѣли, орали, перекликались. Снизу привычно бѣжали къ нимъ съ ведрами и кирпичами на головахъ десятки сѣрыхъ подносчиковъ; вверху шлепали лопаточками цементовщики и штукатуры. Точно козявки, прилипнувъ къ стѣнамъ кое-гдѣ, невѣдомо чѣмъ держались на ровной стѣнѣ рабочіе съ такимъ беззаботнымъ видомъ, какъ будто подъ ихъ ногами была не бездна, а прочный полъ. Отъ паутины къ паутинкѣ бѣжали лѣсенки; въ другихъ мѣстахъ не было и такихъ, а просто, покачиваясь подъ увѣренными шагами, едва намѣчивались тонкія жердочки съ надрубленными на нихъ ступенями.

— У меня всякій разъ голова кружится, сообщала мужу Прасковья Яковлевна. — Страшно смотрѣть на нихъ!.. Какъ вамъ не боязно?.. спросила она вороватого десятника, подбѣжавшаго къ ней съ англійскимъ футомъ въ рукахъ и веревкою на шеѣ, точно онъ сейчасъ сорвался съ висѣлицы. — Какъ вамъ не страшно только...

— Намъ, матушка, ваше степенство, пужаться неколи... Работать надо...

— Да вѣдь поди падаютъ?..

— Нѣтъ, Богъ бережетъ. Вонъ онъ нашъ заступникъ-то! указалъ онъ на деревянный крестъ, которымъ въ одномъ углу оканчивались выступавшіе надъ кровлею лѣса. — Вонъ онъ нашъ хранитель-то!..

Крестъ ласково рисовался на чистыхъ сегодня небесахъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, замѣтилъ Сластеновъ, — какъ это Викторъ Степановичъ не обратитъ вниманія!..

Но не успѣлъ онъ еще и кончить своей мысли, какъ Викторъ Степановичъ, толстый и благополучный архитекторъ, снявъ издали Прасковья Яковлевнѣ шапку, подошелъ къ нимъ. Викторъ Степановичъ былъ одержимъ одышкой и на лѣса самъ никогда не лазилъ, на ходу брюхо у него колыхалось во всѣ стороны и толстая золотая цѣпь съ массою брелочковъ и жетоновъ звенѣла и бряцала какъ сбруя.

— Это вы насчетъ чего? спросилъ онъ Василія Герасимовича, пожавъ ему руку.

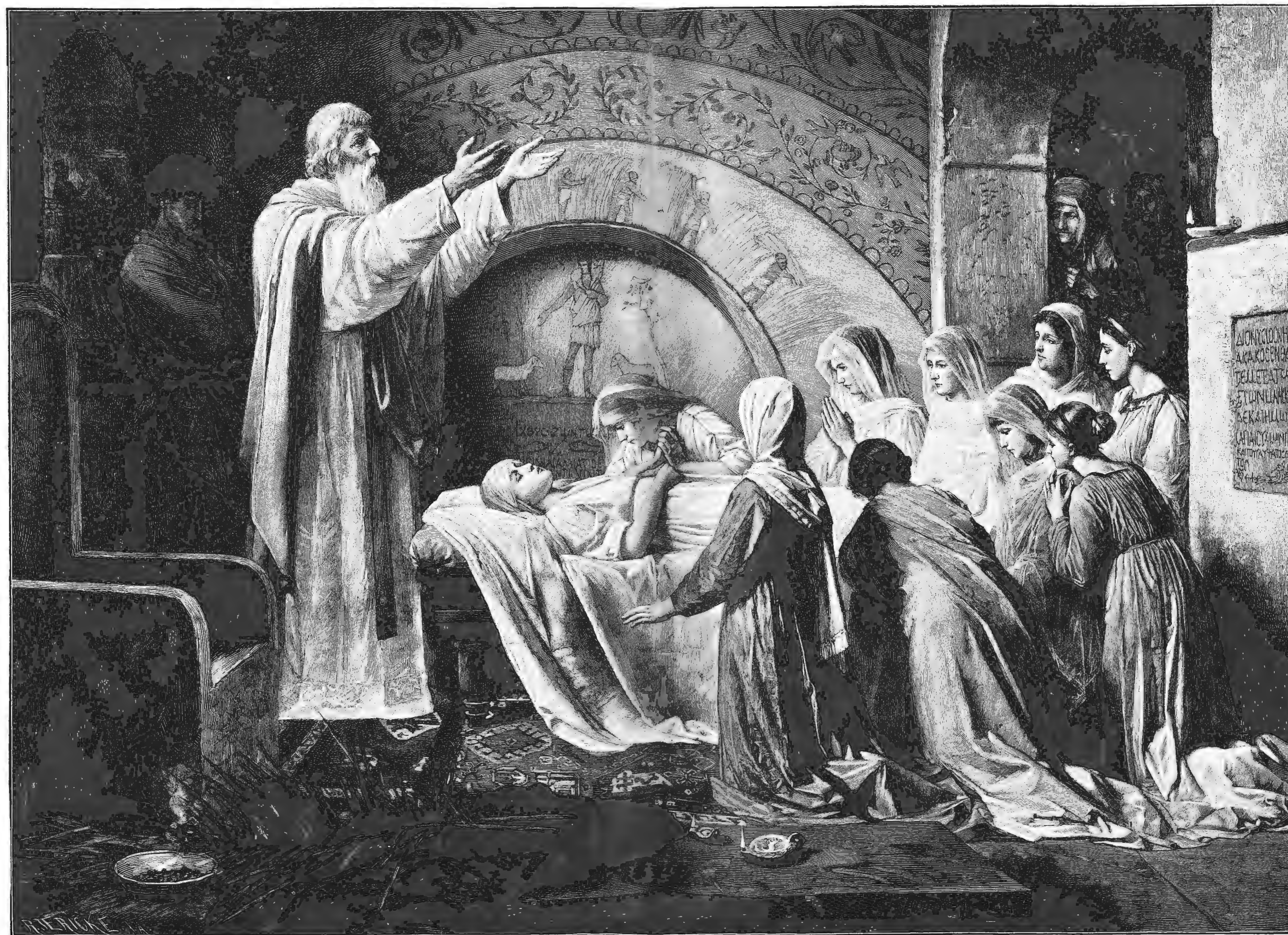
— Лѣса... тонки... сконфузился тотъ по своему обыкновению.

— Тонки?.. усмѣхнулся архитекторъ. — А зачѣмъ имъ быть толстыми... Это вы должно быть въ газетахъ читали?

— Чтò въ газетахъ?..

— Да на нашъ счетъ прохаживаются. Во „Всероссійскихъ Курантахъ“ кто-то... Лѣса, вишь, тоже вотъ что и вы, тонки и стѣны дома тонки, и домъ-то самый, вишь, рухнетъ и передавитъ народъ... Я специалистъ, на этомъ не только собаку съѣлъ, а пожалуй пѣлюю царню, а они мнѣ указываютъ, точно не я, а они этому дѣлу учились! У меня по Москвѣ не одинъ десятокъ домовъ такъ построены — и слава Богу, живутъ... Въ полтора кирпича вишь!..

— Это сегодня въ газетахъ? взволновался Василій Герасимовичъ.

Погребение въ катакомбахъ. Съ карт. А. Граса, съ фот. свѣтописнаго общества въ Берлинѣ, грав. Ерике.

— Да, сегодня.

— Я еще не читаль... Въ редакціи буду—посмотрю... А въ самомъ дѣлѣ, въ полтора кирпича не мало-ли?

— Ну, вотъ. Мы ужъ на этотъ счетъ, по вашему же приказанію, съ Боголюбъ Боголюбовичемъ уговорились вполне... Вы, главное, не слушайте. На всякое чиханье не наздравствуешься!..

Ближайшіе рабочіе, замѣтивъ хозяина, остановились и сняли шапки; а двое помѣстившихся, свѣсивъ ноги, на тонкой жердочкѣ, мирно завтракали, нисколько не замѣчая ужаса на лицахъ смотрявшихъ на нихъ прохожихъ. Эти тоже положили хлѣбъ на колѣни и медленно приподняли картузы.

— Будьте спокойны, утѣшилъ Сластенова Викторъ Степановичъ.—Будьте спокойны. Домъ правленія „Каспійско-Черноморской водяной коммуникаціи“, такъ кажется Боголюбъ Боголюбовичъ окрестилъ его, мы выведемъ на славу. Вотъ тутъ, на этомъ выступѣ колонны, поставимъ сверху барельефъ: Нептунъ съ трезубцемъ, переиды и тритоны везутъ въ раковинѣ вазъ, Савву Кузмича и Курца... Ваши-то бюсты выйдутъ на славу. Косоглазовъ лѣнитъ... У васъ въ рукахъ будетъ земной глобусъ, у Саввы Кузмича—астролябія, а у Боголюбъ Боголюбовича—лира.

— Что? изумился Сластеновъ.

— Лира-съ! по собственному его желанію... Ибо лира, такъ сказать, символъ вдохновенія, а самый каналъ является продуктомъ творческой мысли, то-есть вдохновенія Курца... Вашъ перстъ будетъ указывать на глобусъ именно промежуткомъ между двумя морями... Вообще выйдетъ отлично. По сторонамъ каріатиды, а подъездъ будетъ покоиться на двухъ атлантахъ...

— Ну, какъ хотите... согласился немедленно Василій Герасимовичъ.—Такъ значитъ въ полтора кирпича ничего по вашему?

— Стѣна-то?

— Ну, да... стѣна.

— Разумѣется, ничего... Помилуйте, обидѣлся уже архитекторъ,—я недаромъ вѣдь учился!.. А вотъ моя будетъ вамъ просьба. Статеечку я доставилъ въ вашу газету три дня ужъ... А они ее не печатаютъ. Отвѣтъ этимъ господамъ... Вотъ и сегодня опять нападки, а такъ-сказать моей отповѣди публика не слышитъ. Покорнѣйшая моя къ вамъ просьба—заѣдете въ редакцію, прикажите имъ... Потому вы хозяинъ, они должны слушаться!..

Василій Герасимовичъ простился. Кучеръ тронулъ возжи, лошади понеслись впередъ—и мухи, запутавшіяся въ громадной паутинѣ строившагося дома, опять зашумѣли и забились. До самаго поворота съ Тверской въ одну изъ боковыхъ улицъ Сластеновъ слышалъ еще ихъ пѣсни, крики и шлепанье лопаточекъ о мягкую массу цемента.

— Знаешь, меня этотъ домъ беспокоитъ, обратился онъ къ женѣ.

— А что? безразлично спросила она, вѣрная своему правилу не вмѣшиваться въ дѣла мужа.

— А вдругъ въ самомъ дѣлѣ... Въ полтора кирпича вѣдь стѣны-то.. Какъ-бы чего, не дай Боже, не случилось.

— Твое дѣло... Спроси того кто знаетъ.

— Да вѣдь кого спросить-то... Вотъ я сегодня съ дядей поговорю... Онъ долженъ быть теперь въ нашей конторѣ.

Пока, до окончанія постройки будущаго палаца „Каспійско-Черноморской водяной коммуникаціи“—контора ея помѣщалась не далеко, на Большой Дмитровкѣ. Василій Герасимовичъ велѣлъ Ефрему ѣхать туда, но тотъ обернулся къ Прасковьѣ Яковлевнѣ, точно она одна здѣсь могла отдавать приказанія.

— Слышалъ-вѣдь, недовольно проговорила та,—чего-жъ еще... Нѣтъ, Василій Герасимовичъ—прогналъ-бы ты Ефрема загодя!..

Но Ефремъ только отмахнулся головой и, съ видомъ обиженной добродѣтели направился куда ему прика-

зали. Въ одно время къ тому-же подъѣзду подкатили и Боголюбъ Боголюбовичъ. Съ нимъ за эти три года случилось много перемѣнъ. Во-первыхъ, онъ, по собственному выраженію, „возсоединился“ наконецъ и такимъ образомъ получилъ себѣ въ крестные отцы одного изъ крупнѣйшихъ московскихъ богачей, котораго тотъ-же часъ и осѣдлалъ; во-вторыхъ, онъ раздобылъ и приобрѣлъ столь невыносимое благородство лица, столь неистовый видъ самодостоинства, что казался даже лучезарнымъ. Въ-третьихъ—въ его приемахъ и манерахъ уже сквозила большая самоувѣренность, а по отношенію къ Василію Герасимовичу даже и покровительственный тонъ. Онъ его хлопалъ по плечу, начиналъ относиться къ Сластенову свысока и трепеталъ только его жены. Въ-четвертыхъ, Курецъ-Галошъ, окончательно преобразовался въ Короткова-Быстрова—на собственное свое имя приобрѣлъ нѣсколько домовъ, былъ избранъ въ городскую думу гласнымъ и слылъ тамъ однимъ изъ первыхъ московскихъ ораторовъ... „Расцѣтъ, расцѣтъ Галошишко,“ не унимался Савва Кузмичъ встрѣчаясь съ нимъ. „Горой раздуло шельму, да погоди, авось лопнетъ!“... Но Курецъ этого удовольствія старику не доставлялъ, и вмѣсто того чтобы лопнуть, еще пуще раздувался... Только, какъ мы говорили выше, въ самое послѣднее время—его очевидно мучила какая-то тайная мысль.

— А, Василій Герасимовичъ! окликнулъ онъ Сластенова.—И Прасковья Яковлевна! Неужли-жъ къ намъ, осчастливить?..

И Боголюбъ Боголюбовичъ подбѣжалъ къ ней умиленно и радостно.

— Ну васъ! Не пойду я къ вамъ.

— Напрасно... напрасно-съ... Посмотрѣли-бы наши дѣла... Можетъ быть и сами-то...

— Чтò это сама?

— Возсоединились бы съ нами. Поди на свои капиталы, мадамъ, по пяти казенныхъ получаете.

— Ну? недовольно отвернулась она въ сторону.

— А у насъ-бы впослѣдствіи... триста на сто. Посмотрите, кончимъ каналъ, наши-то акціи вмѣсто двухсотъ по тысячѣ будутъ котироваться на биржѣ. Если мы ихъ еще туда пустимъ!..

— Ну и кушайте на здоровье... У меня деньги-то не бѣшеныя. Тянька-то наживаль-наживаль...

И простаясь съ мужемъ, она поѣхала на Кузнечій мостъ. Боголюбъ Боголюбовичъ хлопнулъ покровительственно Василія Герасимовича по плечу и спросилъ:

— Ну-съ... Когда-же на крестины будущаго дофина позовете?

— Не предвидится, покраснѣлъ тотъ.

— Жаль... А оно бы надо, ахъ надо наследника! Вѣдь вы съ нашего дѣла десятки миллионъ снимете; какъ-же безъ дофина-то обойтись... Надо-бы, ахъ надо дофина!

— А!.. медоточивыя уста! встрѣтилъ ихъ въ конторѣ Савва Кузмичъ.—Ты это какъ завернулъ, племянникъ?.. Чтò-то тебя не видать у насъ совсѣмъ.

— Дѣло такое, дядя, озабоченно проговорилъ Сластеновъ.—Читали газеты-то?..

— Нѣтъ, а что?

— Я самъ не читаль, а только сказываютъ о нашемъ домѣ...

— Ну?

— Не хорошо! Будто въ полтора кирпича—и рухнетъ, и всѣхъ передавить. Миѣ сегодня Викторъ Степановичъ...

— Мало-ли чтò въ газетахъ пишутъ... Имъ тоже ѣсть-пить требуется...

— У меня, позвольте вамъ сказать, всѣ дома въ полтора кирпича строены, вмѣшался Боголюбъ Боголюбовичъ.

— И стоять? совсѣмъ уже глупо переспросилъ Сластеновъ.

— А вы думали—лежать? Нѣтъ еще... Надѣюсь, вѣка два-три стоять будутъ на удивленіе потомкамъ...

— А то вы подумайте... какое несчастье будетъ!.. все волновался и краснѣлъ Василій Герасимовичъ.—Подумайте. Вѣдь тамъ у насъ шестьсотъ человѣкъ работаетъ.

— Ну, нѣтъ, всѣхъ-то до восьмисотъ будетъ... Наверху шестьсотъ, да въ погребахъ. Вездѣ на отдѣлку да на отчистку подвигается!

— Ну вотъ... И вдругъ всѣ они погибнутъ... Вѣдь этакого грѣха и не замолишь!

— Ну, намъ-то какая забота. Мы препоручили вотъ Готлибу...

— Боголюбу!.. поправилъ тотъ съ достоинствомъ.

— Молчи, Галопинко... Что свинья, что кошоць—все едино... Препоручили мы тебѣ съ архитекторомъ, вы и старайтесь... А если чтѣ выйдеть—вашъ грѣхъ... А только ничего не будетъ... Всѣ такъ строить... А и безъ грѣха не прожить тоже, единъ Богъ безъ грѣха... Опять Галопинко задумался? Не люблю я когда ты думаешь. Потому развѣ у тебя могутъ быть хорошія мысли?

II.

На одной изъ центральныхъ московскихъ улицъ—уже три года какъ красовалась вывѣска „Редакція и главная контора газеты *Сегодня*...“ На двери то же самое значилось вырѣзаннымъ на большой мѣдной доскѣ; за зеркальными стеклами нижняго этажа видны были какія-то сѣрья, наклонившіяся къ столамъ и конторкамъ лица, кипы бумагъ, бухгалтерскихъ книгъ и громадная пачка газеты... Это и была главная контора Сластеновскаго ежедневнаго изданія... Здѣсь, въ желѣзной клѣткѣ сидѣла, считая деньги за объявленія и подписку, Ольга Андреевна Кремлева, тоже располнѣвшая и оздоровѣвшая на московскихъ кормахъ послѣ голодной петербургской бѣготни. Она давно уже успокоилась. Не кричала объ эксплуатаціи, не называла Василя Герасимовича подлецомъ и довольствовалась вполне счастьемъ своего нынѣшняго дня, позволявшимъ ей окружить „поэта - крестьянина“ Флегонта Бурлакова извѣстными удобствами. „Будущій“ геній—онъ все еще оставался „будущимъ“ и, не смотря на свои тридцать пять лѣтъ, пока только подавалъ надежды; „будущій геній“ теперь откармливался и собирался показать цѣлому міру—чтѣ? это было его секретомъ. Изрѣдка онъ помѣщалъ въ газетѣ „Сегодня“ стихи, отъ которыхъ самъ былъ въ восторгѣ и выражался такъ: „Это, братцы мои... это—изъ-подъ самой подошмы ухнуло... Тутъ, братики, не мозгами, а настоящими мужицкими потрохами наработано!..“ Теперь уже цѣлый годъ писалъ онъ поэму о томъ какъ простой деревенскій пастухъ Савоська поспрашивалъ всю интеллигенцію, но и самъ погибъ въ кабацкѣ зловольною жертвою цѣловальника Проходимова.

Вѣчный странникъ, всемірный путешественникъ, великій Агасоерьъ, короче Петръ Смарагдовичъ Морданъ-Македонскій пріютился тутъ-же и къ крайнему своему удивленію оказался полезнымъ по конторѣ. Собственно говоря, онъ попрежнему плясалъ на свадьбахъ и у секретарей консисторіи считался первымъ кавалеромъ, но теперь онъ уже завелъ платье въ клѣтку и розовый галстукъ съ черными мухами. Онъ рассчитывалъ скоро вступить въ законный бракъ съ дочерью богатаго священника. Редакція была наверху—и самъ Сластеновъ удивлялся тому, что вмѣсто ожидавшагося имъ разбойничьяго вертепа, она вдругъ приняла видъ благообразный и даже буржуазный.

— Всѣ мы, голубушка моя, съ сытой жизни въ буржуевъ превратились! сладко говорилъ разнѣженный Нешумовъ.

— Навуходоносоры вы на подножномъ корму, укорялъ ихъ единственный оставшійся неисправимымъ Напшаксинъ.

Дѣло въ томъ, что обильные московскіе хлѣба живо

передѣляли питерскихъ пессимистовъ на свой ладъ. Еще въ первый годъ они болтали по старому—но мало-по-малу глаза у нихъ заплывали жиромъ, щеки надувались какъ резиновые мячики и розовѣли; жилеты начинали какъ-то странно оттопыриваться—очевидно наростало брюшко—и на губахъ, вмѣсто старой горькой усмѣшки, такъ и скользилъ утробный, благодушный московскій смѣхъ.

— Развѣлись, братики, дорвавшись до сладкаго мясато? спрашивалъ ихъ Флегонтъ Бурлаковъ.

Прелести сытой жизни и высокога Сластеновскаго гонорара живо переродили неукротимыхъ апостоловъ Минны Карловны. Познавъ удобства теплыхъ квартиръ съ мягкой мебелью, хорошихъ извозчиковъ—даже не безъ гуттаперчевыхъ шинъ, сытнаго обѣда и сытнаго ужина—всѣ, начиная съ Нешумова, стали настоящими ремесленниками, т. е. старались писать плавно и спокойно, безцвѣтно и безразлично обо всемъ, памятуя только одно, что каждая строка равна пятиалтынному и что чѣмъ больше этихъ пятиалтынныхъ, тѣмъ вкуснѣе будетъ обѣдъ въ Эрмитажѣ или Московскомъ трактирѣ. Нешумовъ, посѣщавшій Сластенова, уже сталъ пристраиваться къ московскимъ невѣстамъ, интересуясь только однимъ вопросомъ: „коровиста-то она коровиста, чтѣ говорить. Настоящая фабрика молочныхъ скоповъ, но сказываютъ за ней двѣсти тысячъ чистоганчику, ась?“ Онъ даже постигъ всю прелесть знакомства съ желѣзнодорожнымъ міромъ, нѣкогда въ его-же изобличеніяхъ являвшимся „бандитскимъ“, и на выдавшемся впередъ жилетѣ у него уже болталось два жетончика, дававшіе ему права бесплатныхъ проѣздовъ и туда, и сюда. Единъ Напшаксинъ попрежнему яростно и фанатически велъ въ философскомъ направленіи научный отдѣлъ газеты, оставался тощъ и неудобопонятенъ и дописывался до такихъ фразъ, что на вопросы: „Чтѣ ты этимъ хотѣлъ сказать?“ отвѣчалъ рѣшительно: „Хороша будетъ философія, если всякая сволочь понимать ее станутъ!“ Когда-же ему предлагали затѣмъ: „да самъ-то ты понимаешь?“ Онъ бралъ газетный листокъ, прочитывалъ сомнительное мѣсто еще разъ, задумывался и искренно отвѣчалъ: „нѣтъ, и самъ не понимаю...“ Но и онъ отошелъ отъ своихъ идеаловъ. Онъ уже не задавался цѣлію пересоздать міръ и обновить человечество—а путался въ потемкахъ неустановившейся мысли. Во всей редакціи была только одна настоящая большая сила... Но о томъ какъ она вошла туда—слѣдуетъ сказать нѣсколько подробнѣе...

На второй годъ газета „Сегодня“ дышала на ладанъ. Не смотря на то, что Сластенову она обошлась тысячь въ триста (на однихъ авансахъ значилось по книгамъ болѣе ста и разумѣется безнадежныхъ!), не смотря на то, что Нешумовъ поражалъ москвичей истинно петербургскою развязностью и легкостью мысли, и разнузданностію языка; не смотря на то, что Стручкова писала самыми чистыми женскими слезами, по 200 рублей за листъ, безконечный романъ, гдѣ мужчины нещадно оказывались подлецами, а женщины можно было прямо за ихъ добродѣтель взять живемъ на небо, вѣроятно для того, чтобы оттуда швырнуть на землю обратно за ненадобностію; не смотря на то, что репортеры въ родѣ Клима Евсѣевича Трепетова по всей Москвѣ бѣгали въ высокиихъ сапогахъ отыскивая „пронисшествіевъ“ и за ихъ недостаткомъ шли горькую,—газеты никто не читалъ и не зналъ. Наконецъ Нешумовъ разразился такою статьей, что Сластенова пригласили кое-куда и пообщали ему по шапкѣ, если онъ не возьметъ настоящаго человѣка въ руководители.

— Да гдѣ настоящіе люди-то? Дайте мнѣ настоящаго человѣка? приставалъ онъ къ каждому, пока судьба не сжалилась надъ нимъ и не свела его съ Александромъ Васильевичемъ Крѣпышевемъ.

(Продолженіе будетъ).

Старинный вальсъ.

(Изъ разсказовъ стараго майора).

(Окончаніе).

Впереди всѣхъ шелъ князь, своей нетвердою, разбитою походкой, и какъ-то весь смѣнно изогнувшись на правый бокъ, велъ за руку свою жену, волшебную русалку Лару, съ которой не спускалъ влюбленнаго, очарованнаго взгляда.

За ними графъ Нерадовскій, красивый, холодный и равнодушный, велъ подъ руку какъ смерть блѣдную Нелли. Оба молчали, и оба съ неотступнымъ вниманіемъ слѣдили за парой, шедшей впереди ихъ, точно обоимъ охватило одинаковое чувство мучительнаго, суевѣрнаго страха...

Когда польскій кончился, Нелли подошла ко мнѣ, и крѣпко, до боли сжавъ руку, тихо проговорила:

— Пойдемте!.. Вы мнѣ нужны!..

Я молча послѣдовалъ за нею, испуганный ея мертвенною блѣдностью, ея холоднымъ, ровнымъ голосомъ...

Такъ говорить безумные, когда, охваченные гнетущею мыслью, которая сожгла ихъ блѣдный мозгъ, они тихо, мѣрно и безсвязно передаютъ свои страданія, не заботясь о томъ, слушаютъ ихъ кто-нибудь или нѣтъ.

Нелли привела меня въ маленькую боковую гостиную, раздѣленную на-двое трельяжемъ, дверь которой вела на маленькую террасу, спускавшуюся прямо въ садъ, въ широкую боковую аллею, ведущую прямо къ пруду.

Въ дѣтствѣ мы всѣ трое особенно любили и эту комнату, и эту маленькую террасу, и съ чувствомъ таинственнаго страха глядѣли въ глубь аллеи, по которой намъ запрещали бѣгать и рѣзвиться однимъ, изъ опасенія, чтобы мы не попали въ прудъ.

— Читайте! сказала мнѣ Нелли, все тѣмъ же ровнымъ, холоднымъ голосомъ.—Читайте скорѣе и молчите...

И она сунула мнѣ въ руку крошечную, раздушенную записочку.

Я открылъ ее. Въ ней твердымъ, незнакомымъ мнѣ почеркомъ написано было:

„Когда заиграютъ Juristen-Walzer, въ маленькой боковой гостиной“.

Ни подписи, ни адреса на запискѣ не было, да въ нихъ и надобности не было никакой. Я понялъ кто и къ кому писалъ.

— Записку эту уронилъ мой мужъ, неосторожно снимая перчатку, пояснила мнѣ Нелли.—Это ея рука... ея... И адресована эта записка моему мужу!.. Juristen-Walzer заиграютъ сейчасъ... послѣ этой кадрили!.. Оставайтесь здѣсь... со мною!.. Я хочу сама... во-очью видѣть и слышать все... Я хочу убить въ глубинѣ семейнаго позора... въ глубинѣ своего собственнаго несчастія!..

Я пробовалъ уговорить Нелли, доказать ей всю бесполезность, всю рискованность затѣянной ею сцены...

Она ничего не хотѣла слушать... Она хотѣла звать... все знать... знать во что бы то ни стало...

— Я говорила вамъ вчера... я чувствовала... что здѣсь надъ живымъ человѣкомъ трезну править будутъ...

И какъ отзвукъ этой горькой фразы, съ боку, изъ большой залы, полились томительные, волнующіеся звуки волшебнаго вальса, исполненнаго, на этотъ разъ, бальнымъ оркестромъ.

Скрипки стонали, плакали... Виолончель вгорила имъ своими за душу хватающими нотами... Звукъ росли, лились, наполнили собою весь этотъ сияющей огнями домъ, всю эту мертвую глубь уснуваго сада...

Казалось кто-то съ кѣмъ-то простался, кто-то куда-то уходилъ далеко-далеко... безвозвратно уходилъ...

По ту сторону трельяжа раздалися шаги...

Въ комнату первымъ вошелъ Нерадовскій... за нимъ слѣдомъ вошла княгиня Лара.

Мы могли свободно видѣть обоимъ; насъ, скрытыхъ въ тѣни густаго трельяжа, въ комнатѣ освѣщенной только матовымъ, дрожащимъ свѣтомъ голубаго фонарика, — замѣтить было невозможно.

— Наконецъ-то!.. страстнымъ шепотомъ заговорилъ первымъ Нерадовскій.—Я думалъ, что этотъ проклятый вальсъ никогда не начнется... Я ждалъ этой минуты какъ жизни, какъ свѣта!..

И онъ крѣпко, страстно обнялъ княгиню Лару.

Нелли вздрогнула, и холодными пальцами впиалась въ мою руку.

— Какъ!.. ты клянешь этотъ вальсъ?... кокетливо разсмѣялась Лара.—Этотъ вальсъ, который самъ же ты, въ Петербургѣ, называлъ „заремъ своего счастья?“

— Нѣтъ, я не клянусь его... Я его боготворю, я благоговѣю передъ нимъ... Но вѣдь я эти дни не живу... Вѣдь это не жизнь, а пытка!.. Въ теченіе двухъ долгихъ, мучительныхъ дней, и въ первый разъ остался наединѣ съ тобою... Да когда же наступитъ та счастливая минута, когда ты будешь моею... нераздѣльно, неотъемлемо моею?... Когда намъ не нужно будетъ прятать и скрывать нашего счастья...

— Подожди... Старика жить осталось не долго... Послѣднія вспышки быстрыми шагами ведутъ его къ могилѣ!.. А разво-

ды у насъ такъ возможны... такъ легки... Но я боюсь... что ты раздумаешь... пожалѣешь оставить свою жену... свою прошедшую любовь!.. А кто знаетъ... можетъ и не совсѣмъ прошедшую?..

И голосъ ея зазвучалъ легкою насмѣшкой. Она, какъ русалка, машла, дразнила свою жертву...

— Полно... перестань... дрожащимъ шепотомъ произнесъ Нерадовскій, страстно сжимая Лару въ своихъ объятіяхъ.— Ты знаешь что я люблю одну тебя только въ мѣрѣ... А та съ первой минуты женитьбы моей ненавистнымъ призракомъ стала между мною и счастьемъ!.. Я никогда не любилъ ее... Пожалѣй меня... Не говори мнѣ объ ней!.. Знаешь ли ты, что бывають минуты, когда мнѣ убить ее хочется!..

Ледяные пальцы Нелли еще глубже, еще крѣпче впились въ мои руки...

Она держалась за меня чтобы не упасть.

— Но у нея есть дочь... Твоя дочь, продолжала русалка дразнить свою жертву.

— Что мнѣ дочь!.. Что мнѣ весь мѣръ!.. въ порывѣ безумной страсти воскликнулъ онъ и снова припалъ къ ней горячими устами, и они рука за руку спустились съ террасы.

А звуки вальса все лились, безумные, страстные, жгучіе; они лились въ широкую растворенныя двери террасы, вдогонку удалявшейся, влюбленной парѣ.

— Слышали?... Повѣрили?... Довольно?!.. въ порывѣ безумнаго отчаянія, падая на диванъ, проговорила Нелли.— Слышали?... Онъ никогда не любилъ меня... Понимаете-ли вы все значеніе этого страшнаго слова: ни-когда?... Онъ любилъ ее, одну только ее!.. А передо мною онъ только притворялся.. и галѣ... Безсовѣстно, безбожно галѣ, и передъ святымъ алтаремъ, обручаясь со мною... и передъ колыбелью дочери, въ день ея рожденія... и здѣсь... тогда... въ минуту моего призрачнаго счастья, подъ звуки этого-же вальса!..

Она закрыла лицо руками, и тихо, беззвучно, мучительно зарыдала...

Но этотъ порывъ отчаянія лился только одну минуту.

Она живо подняла голову, отерла глаза, и прежнимъ своимъ холоднымъ, до безумія ровнымъ голосомъ, проговорила:

— Перейдите на ту сторону трельяжа... встрѣтите ихъ въ дверяхъ террасы... они навѣрное тотчасъ вернуться... они сдѣлаютъ нѣсколько шаговъ по аллеѣ!..

— А вы?... спросилъ я, испуганный этимъ внезапнымъ спокойствіемъ.

— Обо мнѣ не заботьтесь!.. Я знаю что мнѣ остается сдѣлать... Заговорите съ моимъ мужемъ... и уведите его съ собою въ залу... Оставьте меня одну съ нею, на минуту... на одну только минуту!.. Мнѣ такъ надо... Сдѣлайте это ежели вы меня любите, ежели вы когда-нибудь меня любили!..

На террасѣ послышались шаги... Нелли спряталась за трельяжъ, быстрымъ движеніемъ вытолкнувъ меня впередъ.

Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ двери, и встрѣтился, лицомъ къ лицу, съ Ларой и ея спутникомъ.

Оба вздрогнули и подозрительно взглянули на меня.

Я заговорилъ съ графомъ, и развязно взявъ его подъ руку, направился къ залѣ.

Лара осталась въ комнатѣ одна, видимо довольная тѣмъ, что Нерадовскій вернулся въ залу, подъ руку съ мною.

Такое чувство, по крайней мѣрѣ, прочелъ я въ ея зеленыхъ глазахъ, переступая порогъ гостиной.

Что было затѣмъ — я не знаю... Этого никогда не узналъ никто...

Прошло минутъ десять, не болѣе... Роковой вальсъ продолжалъ еще звучать своими могучими, безумно страстными нотами, когда въ залу вбѣжала княгиня Лара, блѣдная, испуганная, съ неподвижнымъ взглядомъ своихъ большихъ зеленыхъ глазъ, съ измятымъ газомъ своего воздушнаго платья, съ котораго крупными каплями струилась мутная, тишистая вода...

Всѣ бросились къ ней навстрѣчу... Всѣ засыпали ее вопросами...

Она могла отвѣтить одно только слово: „Нелли!.. Нелли!“ и безъ памяти упала среди залы.

Бросились искать молодую графиню... Ея нигдѣ не было... Княгиня Лара лежала безъ памяти, и ничего сказать не могла.

Всѣ разсыпались по саду... звали... кричали... Отвѣта не было...

Я первый догадался произнести слово: „прудъ.“

Мигомъ всѣ бросились къ пруду, чернѣвшему въ концѣ аллеи...

Сбѣжался народъ... Замелькали фонари... На пруду спущены были лодки... закинуты были сѣти... и полчася спустя, на темномъ берегу, освѣщенная красноваглымъ отблескомъ фонарей, лежала блѣдная молодая графиня, моя блѣдная, пострадавшая дѣвочка, моя „кружевная куколка“.

Два пугала. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Котляревского, грав. Шюблеръ.

Блѣдное личико ея поносило, большіе голубые глаза глядѣли испуганно... Все платье ея было покрыто тиной и переплетено ползучею зеленью и траурными листьями болотныхъ „мертвыхъ розановъ“.

Однѣ изъ такихъ розановъ, бѣлый, упругій и блестящій, судорожно сжать былъ въ мертвой, застывшей рукѣ утопленницы...

Голосъ старика уналъ; онъ опустилъ на грудь свою сѣдую голову и горько задумался.

Присмирѣвшая молодежь молчала вмѣстѣ съ нимъ.

— Что-же она... ваша маленькая, кружевная графиня... совсѣмъ умерла?... тихо и осторожно проговорила розовенькая Нада, нугливо присмирѣвшая, боясь звукомъ своего серебрянаго голоса разбудить уснувшее горе своего стараго друга.

— Совсѣмъ умерла!.. тихо, какъ эхо, повторилъ за нею старикъ.—Возвратить ея къ жизни не удалось, не смотря ни на какія успія...

Похоронили ея, мою голубушку, тутъ-же, на сельскомъ кладбищѣ, у самой церкви, и на похоронахъ ея, кромѣ меня, никого близкихъ не было...

Со старымъ княземъ сдѣлался ударъ... Книгиня Лара лежала въ бреду, въ сильнѣйшей нервной горячкѣ, а графъ ухѣхалъ точно-же, въ ночь, и съ нимъ я больше уже въ жизни своей не встрѣчался.

Князь вскорѣ умеръ, оставивъ почти все громадное состояніе свое своей вдовѣ и оставя мало удѣливъ внука.

Книгиня, впослѣдствіи, вышла въ Парижѣ замужъ за какого-то молодого француза, который обобралъ и бросилъ ее.

Она съ горя лишилась разума, и въ моменты находившихъ на нее припадковъ, все боролась, говорить, съ кѣмъ-то, ти-

пунимъ ее въ воду... все молила кого-то, простить ей ея страшный грѣхъ...

Подробностей того, что произошло между ею и Нелли въ эту страшную, роковую ночь, она такъ и не сказала. Она сослалась на смертельный испугъ... на порывъ безумія, будто-бы овладѣвшій бѣдною Нелли... Она смутно припомнила только, что Нелли, отъ самаго дома бросившаяся бѣжать вдоль по темной аллеѣ, стремительно бросилась въ прудъ... Она будто бы пыталась удержать ее... пыталась ее вытащить... Но силъ не было... Она сама вся намочка, и обезсилѣвъ въ неравной борьбѣ, вся дрожа отъ прикосновенія охватившей ее холодной воды, бросилась бѣжать къ дому, моля о спасеніи...

Ничего предшествовавшего этому она не помнила, не говорила... Молчать и я, не желая бесполезно нарушать могилнаго покоя измученной души...

На - вѣки осталась неразгаданною тайна этой горькой смерти.

Было-ли это убійство... или самоубійство?... разгадка этого вопроса погребена глубоко, на днѣ темнаго пруда... да на днѣ темной души...

Суда людскаго это страшное дѣло миновало.

Такъ вотъ отчего, дѣтки вы мои милыя, не люблю я этого, когда-то моднаго вальса... Вотъ почему мнѣ страшно, холодно дѣлается, когда я слышу эти томилціе, за душу хватающіе звуки.

Старикъ умолкъ. Молчали вокругъ него и грустно поникнувшія юныя головки...

Только искры, догорая, вспыхивали въ каминѣ, да осенній дождь мѣрно и докучливо стучалъ въ окна...

A. C.

Панорама Константинополя.

В. Теплова.

Послѣдній приготовленія къ отъѣзду изъ Царьграда наконецъ сдѣланы, и я направляюсь, съ нѣсколькими провожающими меня товарищами, черезъ предместье Галату, на пароходъ.

Съ трудомъ протискиваемся черезъ суетолю главной Галатской улицы, представляющей самое пестрое смѣшеніе „племень, нарѣчій, состояній“.

Кромѣ разноязычной толпы, цѣлый день до заката солнца снующей по этой торговой артеріи Галаты и останавливающейся мимоходомъ у открытыхъ лавокъ всевозможныхъ ремесленниковъ, тутъ же занимающихся своимъ производствомъ, по ней тянутся и арбы, перевозящія разныя тяжести и запряженные волами, либо черными, лохматыми буйволами, съ голубыми бусами на лбу—отъ дурнаго глаза. Проходить вереницы ословъ, надрываюсь подъ грузомъ досокъ, просто привязанныхъ за одинъ конецъ по бокамъ спины, такъ что свободные ихъ концы волочатся по землѣ, задѣвая, между прочимъ, по ногамъ зазѣвавшихся прохожихъ. Проходятъ и *хамалы* (носильщики), которыхъ остроумный Теофиль Готье прозвалъ „двуногими верблюдами Константинополя“. На крестикъ у нихъ надѣта кожаная трехугольная подставка въ родѣ горба, на которую накладываютъ просто невѣроятныя тяжести; идутъ они буквально согнувшись въ три погибели; обнаженные ихъ икры дрожатъ отъ напряженія, а они все идутъ-идутъ—на плоскости-ли, по взвивающимся-ли въ гору ступенямъ улицы,—все тѣмъ же мѣрнымъ шагомъ, отъ времени до времени выкрикивая лишь зычнымъ голосомъ „варда, варда“ (берегись, отъ итальянскаго „guarda“): Если тяжесть уже черезчуръ превышаетъ силы одного человѣка, то ее подвѣшиваютъ къ большому шесту, а иногда и къ двумъ, положеннымъ на-крестъ, и тогда человѣкъ двадцать, положивъ свои руки на плечи одинъ другому, тащатъ ихъ тѣмъ же скорымъ, точно отбивающимъ тактъ шагомъ и такъ же горлава хоромъ свое „варда, варда“.

Съ крикомъ пробиваются сквозь толпу и верховые: около нихъ, либо сзади, держась за хвостъ лошади, бѣгутъ *суруджи*—погонщики, съ высоко подобранными бѣлыми шароварами, образующими буфы, что дѣлаетъ ихъ нѣсколько похожими на придворныхъ кавалеровъ XVI и начала XVII вѣковъ, только съ обнаженными коблями. Щелкаютъ бичемъ и кучера въ фескахъ и порывѣлыхъ пальто, какъ-то бокомъ сидяще на козлахъ разнокалиберныхъ каретъ и колясокъ, когда-то должно-быть бывшихъ чистыми.

Къ довершенію сумятицы, достигающей своего апогея на перекресткѣ ведущемъ къ мосту и къ биржѣ, по этой же улицѣ проходитъ конка; грязный, какъ бы облупленный вагонъ полонъ всякаго люда; кучеръ что есть мочи трубитъ въ пронзительный, гнусавый рожокъ, но такъ какъ всякому европейскому изобрѣтенію турки придаютъ свой собственный отпечатокъ, то и впереди вагона бѣжитъ оборванецъ, обязанный расталкивать народъ и отпихивать собакъ ухитряющихся спать на рельсахъ, несмотря на тысячи ногъ, которыя чуть не наступаютъ на нихъ.

Вотъ мы, наконецъ, и на плывучемъ мосту, соединяющемъ Галату со Стамбуломъ—ежедневно проходящая здѣсь толпа

въ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ такъ проталкивается мостовую настилку, сдѣланную даже не изъ досокъ, а изъ довольно плохо отесанныхъ брусевъ, что нужна извѣстная привычка, чтобы, идя по мосту, не вывернуть себѣ ноги.

Если взять любого жителя какой-нибудь европейской столицы,—не говоря уже о жителѣ петербургскомъ, привыкшемъ къ постоянной чинности и порядку,—и внезапно перенести его въ Константинополь, поставить на Галатскій мостъ, то, можно битаясь объ закладъ, въ первыя минуты онъ совершенно растеряется, а движущійся предъ его изумленными глазами пестрый kaleidoscope приметъ за обширную маскарадную толпу, въ которой все сливается и нельзя разобрать ни одного отдѣльнаго лица. Лишь черезъ нѣсколько времени глазъ привыкаетъ къ этому необычному, въ особенности для сѣвернаго жителя, зрѣлищу и начинаетъ мало-по-малу различать составныя части гигантскаго хамелеона, находящагося въ непрерывномъ движеніи между берегами Золотого Рога.

Кто желаетъ въ короткое время ознакомиться съ обиліемъ національностей населяющихъ Константинополь, для того, конечно, нѣтъ лучшаго наблюдательнаго пункта, какъ Галатскій мостъ.

Европейская толпа, какъ бы она ни была велика, все-таки, по костюму своему, болѣе или менѣе носитъ на себѣ печать однообразія. Не то видимъ мы въ Константинополь, гдѣ обычный европейскій костюмъ утопаетъ въ морѣ самыхъ разнообразныхъ восточныхъ одеждъ, принадлежащихъ разнымъ національностямъ и блещущихъ въ большинствѣ случаевъ яркостью красокъ и сочетаніемъ цвѣтовъ, повидимому, самыхъ несомнѣваемыхъ.

Оставимъ официальный костюмъ турецкаго чиновника, обличенаго въ долгополый, однобортный сюртукъ,—наиболѣе приближающийся къ европейскому, а потому и наименѣе живописный; какое вообще разнообразіе въ покроѣ и цвѣтѣ одеждъ у другихъ классовъ турецкаго населенія, начиная съ ситцеваго, розоваго или полосатаго халатика ребятишекъ до отороченной мѣхомъ шубы почтеннаго муллы съ бѣлою либо зеленою чалмою на головѣ! Въ противность обычаямъ Европы, болѣе однообразіемъ покроя здѣсь отличаются одежды турецкихъ женщинъ: закутанныя въ свои накидки—*фарадже*—однаковыя для всѣхъ по своему фасону, турчанки, выступающія къ тому же цѣлостью, неуклюжею походкою, напоминаютъ какихъ-то фантастическихъ большихъ птицъ. За то накидки ихъ, и лѣтомъ и зимою, самыхъ нѣжныхъ оттенковъ розоваго, голубаго, персиковаго и зеленаго цвѣтовъ, еще болѣе оживляютъ впечатлѣніе турецкой толпы, давая ей крупныя свѣтлыя пятна.

Османскій турокъ вообще красивъ. Блестящіе черные глаза, горбатый носъ, открытое лицо его выражаетъ гордость смѣшанную съ добродушіемъ. Вся его фигура невысокая, но крѣпко построенная, выражаетъ силу, хотя иногда и слящую, но увѣренную въ самой себѣ, благодаря чему все существо османлика проникнуто достоинствомъ. По своему характеру онъ скромнѣе, уважаетъ другихъ, но за то требуетъ чтобы и другіе его уважали.

Вообще, истый, нецивилизованный турокъ имѣеть массу достоинствъ: его умъ, ясный и прямой, презираетъ все, что фальшиво, слишкомъ уточнено и темно; какъ запахъ, онъ храбръ и стоекъ, умѣренъ въ своихъ потребностяхъ; въ частной жизни онъ честенъ, простъ, сострадателенъ, гостеприименъ, прекрасный семьянинъ, глубоко и искренно набоженъ.

Этими послѣдними чертами своего характера турки приближаются къ русскимъ: не въ этомъ-ли обстоятельстве разгадка того, что простые турки ни съ кѣмъ такъ скоро и такъ искренно не сближаются, какъ съ русскими — *московами*, и обратно, какъ это было доказано во время послѣдней войны.

Несмотря на рядъ войнъ веденныхъ съ Россіею и потрясенныхъ могуществомъ Турціи, турокъ не смотритъ на русскаго какъ на своего постоянного врага. Онъ привыкъ съ ними встрѣчаться на полѣ битвы, но онъ не злопамятенъ: онъ помнитъ, что москвовъ одолевалъ его въ честномъ бою и что, значитъ, Аллаху было угодно сдѣлать москвова побѣдителемъ. Но никогда турокъ не забываетъ коварства тѣхъ націй, которыя, подъ личиною друзей султана, безъ боя, одною хитростью отрывали кусокъ за кускомъ отъ Османской имперіи. Прямой его умъ не мирится съ такими несообразностями.

Однако, возвратимся къ толпѣ, наполняющей Галатскій мостъ.

Вотъ бредутъ болгары въ коричневыхъ сукошныхъ курткахъ и шароварахъ: упорство написано на ихъ лицахъ, поступъ ихъ тяжелъ и неуклюжъ. Какалъ разница съ проходящими тутъ-же черногорцемъ, въ своей бѣлой одеждѣ, черной шапочкѣ и съ цѣлымъ арсеналомъ оружія за поясомъ! какъ движенія его легки, красивы и полны естественной граціи!

Бѣлокурый, съ тонкими чертами арнаутъ, хотя и осѣдъ черногорца, съ которымъ онъ ведетъ издавна безконечную войну, уже менѣе подвиженъ. Но все-таки стройная его фигура, въ расшитой золотомъ курткѣ, либо въ бѣлой кацавейкѣ невольно выдѣляется изъ толпы.

Проходятъ и персіане, любящіе для своихъ одеждъ, въ противность туркамъ, темные цвѣта: они и здѣсь не покидаютъ своей мерлушечьей шапки, изъ-подъ которой выглядываютъ блестящіе глаза, свѣтящіеся въ большинствѣ случаевъ недобрымъ огнемъ.

Ихъ обгоняютъ толстые грузины въ шелковыхъ казакшахъ, опосланные серебрянымъ поясомъ; на головахъ у нихъ большія фуражки съ козырьками.

За ними движутся сирійцы въ пестрыхъ шелковыхъ головныхъ уборахъ: поджарые, тощие, они съ любовью смотрятъ на проходящую толпу, обмѣниваясь впечатлѣніями на своемъ языкѣ, столь обильномъ гортанными звуками; глаза съ желтыми бѣлками горятъ у нихъ какъ угли.

Тутъ-же проходятъ и представители всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій: греческіе священники съ клобукомъ, расширяющимся къверху на подобіе вазы; армянскіе священники въ четырехугольныхъ шапочкахъ съ черными либо фіолетовыми вуалами; католическіе священники и монахи всѣхъ орденовъ: тутъ и босой бенедиктинецъ, и доминиканецъ въ бѣлой одеждѣ и съ непокрытой головой, тутъ и іезуитъ въ длинной, черной одеждѣ, бѣлымъ галетухѣ и шляпѣ съ продолговатыми, завернутыми въ трубу полями. Не говорю уже о мусульманскихъ муллахъ, отличающихся лишь бѣлыми чалмами, и о дервишахъ, одѣтыхъ въ длинные балахоны и въ шапки, вмѣняющія видъ греческихъ.

Большинство проходящихъ, конечно, принадлежитъ армянамъ и грекамъ.

Армяне по большей части высокаго роста, съ лицомъ бѣлымъ, розовымъ; ихъ большіе, нѣсколько выпученные, глаза сидятъ подъ довольно низкимъ лбомъ, носъ длинный, крючковатый. Верхнюю часть лица армянинъ похожъ на турка, нижею, болѣе вытянутою — на персіанца: онъ такъ-же разсудителенъ, какъ первый, и такъ-же пронырливъ, какъ второй; вся фигура его изображаетъ дѣльца, но дѣльца сосредоточеннаго въ самомъ себѣ, не любящаго тратить понапрасну слово и выставляя напоказъ свою дѣловитость. Въ этомъ армянинъ совершенная противоположность греку, который живетъ весь наружу.

Непрерывающаяся рѣчь грека такъ и льется, дополняемая самими оживленными жестами. Всѣ черты его подвижнаго лица съ заостреннымъ подбородкомъ и длиннымъ носомъ, зачастую служащимъ, какъ и у древнихъ грековъ, продолженіемъ линии лба, участвуютъ въ разговорѣ. Очевидно, мыслей такъ много толпится въ головѣ, что слова не постигаютъ за ними и недостающее восполняется жесткоулыбкой. Нынѣшніе ромѣи постоянно суетятся, что-то доказываютъ своему спутнику со всѣмъ жаромъ, свойственнымъ однимъ потомкамъ эллиновъ побитыхъ византіяцами, со всею энергіею, бывшею живымъ ключемъ, присущее вообще южнымъ народамъ.

Обитатели греческихъ острововъ гораздо степеннѣе: идутъ они болѣе группами, выдѣляясь огромными, свиснувшими на одинъ бокъ фесками съ длиною шелковою кистью. Стройныя ихъ ноги въ черныхъ чулкахъ, а высоко подобранныя черныя-же шаровары болтаются сзади какъ курдюкъ караманскихъ овецъ.

Конечно, толпа была-бы не полна безъ типической фигуры

еврея; и его видите вы во множествѣ среди этой восточной толпы, одѣтымъ то въ феску, повязанную чернымъ платкомъ, и въ костюмѣ турецкаго хамала, то въ европейскомъ облачении. Но какъ-бы онъ ни былъ одѣтъ, вы сразу замѣчаете его по его основнымъ чертамъ, общимъ для евреевъ всего міра. Тотъ-же быстрый, то скользящій, то вливающейся въ васъ заискивающей взглядъ, способный моментально перейти отъ нахальства къ униженности, то-же выраженіе хитрости, недовѣрія и какой-то затаенной скорби.

Вся эта толпа, къ которой надо еще прибавить татаръ, черкесовъ, среднеазіатовъ, цыганъ, не говоря уже о франкахъ-европейцахъ, торопливо движется по мосту по двумъ разнымъ направленіямъ, сталкивается, перемѣшивается, опять расходится, приближается къ безчисленнымъ лоткамъ разныхъ мелкихъ разносчиковъ, тутъ-же раскинувшихъ свои товары, либо къ фруктамъ, разложеннымъ и развѣшаннымъ причудливыми, красивыми гиридами въ устроенныхъ на обоихъ концахъ моста лавкахъ; разстунается предъ флуцимъ верхомъ чернымъ евнухомъ съ выпяченнымъ, огромнымъ животомъ и съ самодовольнымъ взглядомъ, снова смыкается, тѣснится, чтобы дать проѣздъ арбѣ или коляскѣ, подаетъ милостыню безчисленнымъ нищимъ-калъкамъ, выбравшимъ мостъ для постоянной выставки самыхъ ужасныхъ язвъ и поврежденій, отважно высунутыхъ на осмотръ проходящей публикѣ; торопится на пароходную причалъ или, слома голову, бросается въ бокъ, чтобы дать мѣсто бѣгущей опречью на пожаръ кучкѣ полубогаженныхъ *ту.умбаджи* (пожарныхъ), на своихъ плечахъ тащащихъ пожарную трубу и орущихъ нечеловѣческими голосами.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ пестрая картина Галатскаго моста дополнялась еще одною типичною фигурой, приводившею въ смущеніе всѣхъ встрѣчныхъ европейскіхъ дамъ. Это былъ знаменитый юродивый Мустафа, зимою и лѣтомъ ходившій въ одномъ и томъ-же костюмѣ, состоявшемъ единственно изъ ключа, повѣшеннаго на опоясывавшей его тонкой веревочкѣ. Сколько разъ одѣвали Мустафу, но на другой-же день онъ раздавалъ свое платье нищимъ, а самъ, попрежнему нагой, отправлялся въ путь по стогнамъ Стамбула и Перы; онъ пользовался величайшимъ уваженіемъ со стороны турокъ и въ особенности турчанокъ. Поразительно было видѣть его голое, успѣвшее сдѣлаться коричневымъ, тѣло, пробирющееся въ толпѣ, не смотря на морозъ и на снѣгъ, покрывающій мостовую.

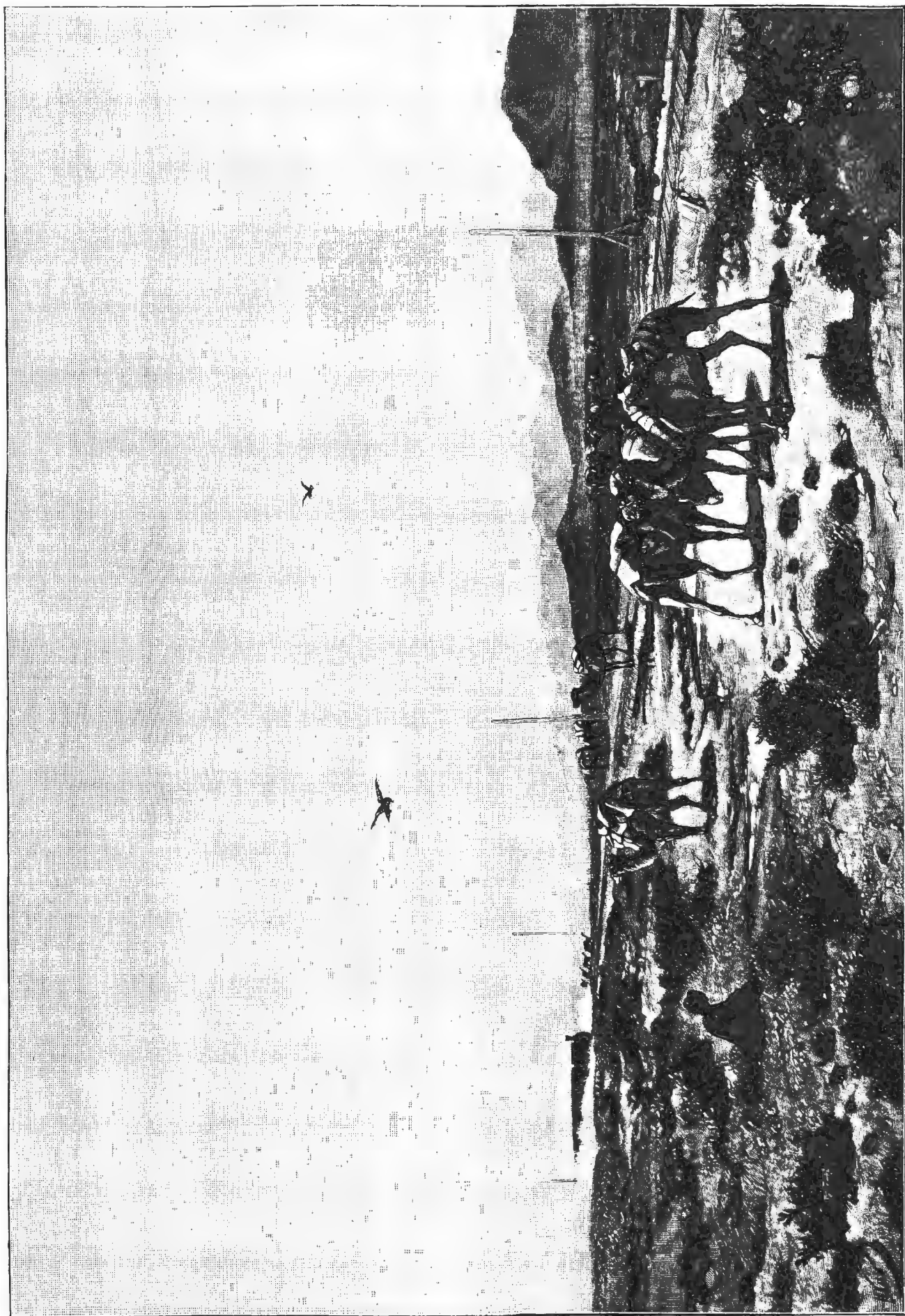
Катеръ съ военнаго парохода „Таманъ“, чуть не съ Крымской войны состоящаго въ распоряженіи нашего посольства въ Царьградѣ, поджидалъ насъ у моста. Заработали весла, поднимаемая въ тактъ молодцами-матросами, какъ-бы крылья огромной чайки, и чрезъ нѣсколько минутъ мы уже выжили по трану на „Константинь“, который торопливо пыхтѣлъ, точно сорясь съ визгливою лебедкою, непрерывно стучавшею, грохотавшею и подкидывавшею ящикъ за ящикомъ въ обѣшное чрево парохода.

„Константинь“ стоитъ противъ входа въ Золотой Рогъ и съ палубы его развѣривается прекраснѣйшій въ мірѣ видъ, которымъ, кажется, никогда не успеешь любоваться. Двѣнадцать лѣтъ прожилъ я въ Константинополѣ, бесцѣтное число разъ видѣлъ я панораму этого города при всевозможномъ освѣщеніи, и всякій разъ, казалось мнѣ, что я открываю въ ней новую прелесть, что-либо не замѣченное прежде. Не даромъ есть турецкая пословица, что кто попробовалъ топчапекской (Топчапекъ — одно изъ предмѣстій Царьграда) воды, для того нѣтъ лекарства и онъ навсегда останется вѣрнымъ любовникомъ Константинополя.

Не видавъ панорамы лучшей жемчужины ислама, трудно вообразить себѣ, какую чарующую картину представляетъ городъ или, вѣрнѣе сказать, цѣлое столѣніе городовъ, притворливо раскинувшихся на этомъ рубежѣ Европы и Азіи, по холмамъ, сбѣгающимъ къ Босфору, къ Золотому Рогу и къ Пронтидѣ. Это восхитительнѣйшая декорация, написанная рукою природы и чловѣка для міровой сцены, на которой разыграно было столько кровавыхъ трагедій, ввѣсенныхъ въ скрижали исторіи.

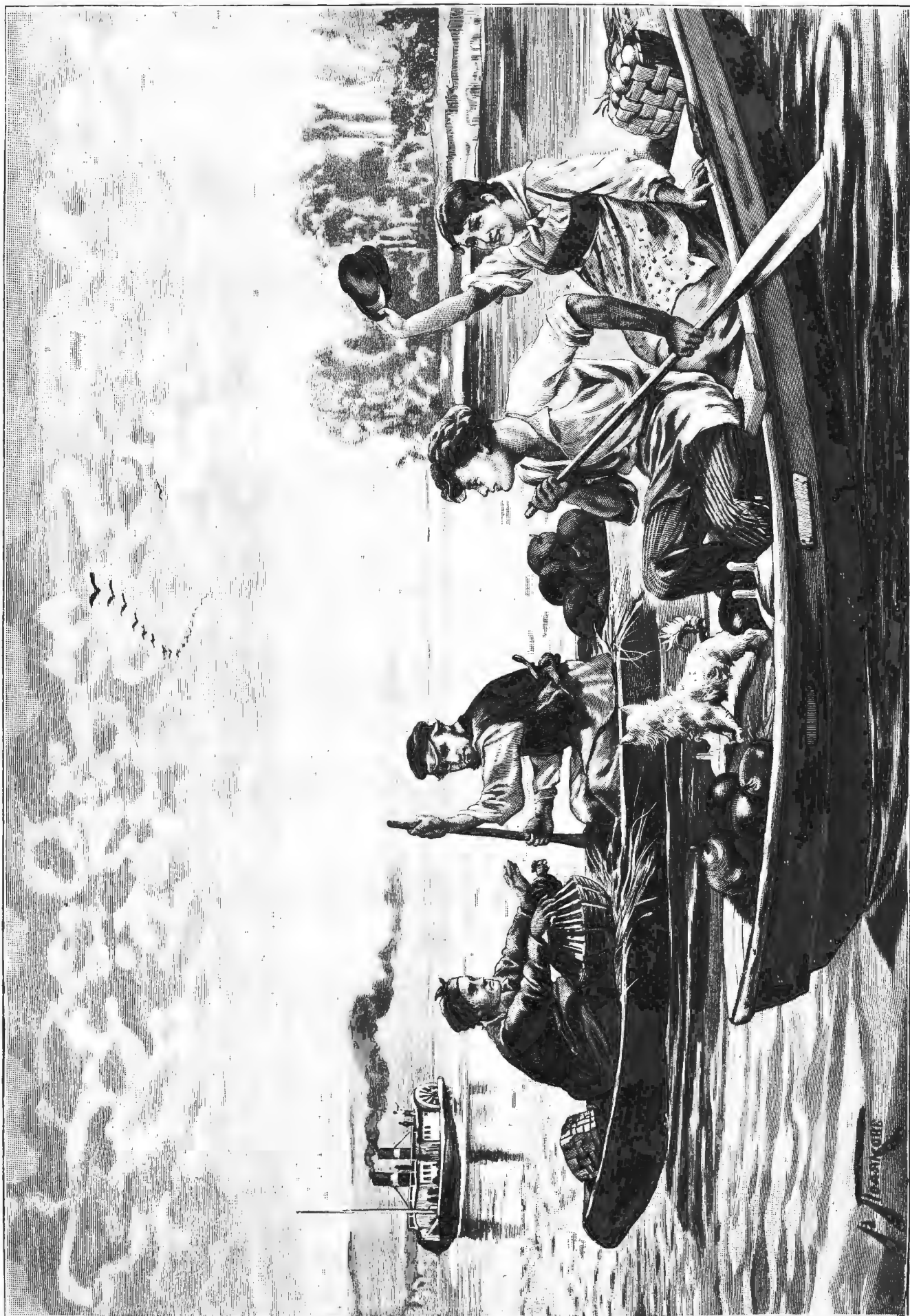
Прямо предъ нами холмъ — Серай-бурну (Дворцовый мысъ), усаженный кіосками, поднимающими свои причудливыя кровли и жестяные кунюла изъ темной зелени кипарисовъ и платановъ. Этого холма — древняя Византія, и на немъ-же находился, нынѣ уже не существующій, большой султанскій дворецъ, частями котораго являются доселѣ видимые кіоски, свидѣтели могущества и паденія повелителей османлисовъ.

Было время, когда эти дворцовые сады, эти мраморные дворцы, сплошь покрытые арабесками, какіе могла пронести только пылкая фантазія арабскаго архитектора, были наполнены шумною толпою придворныхъ и янычаровъ. Теперь все занустило, ни чья нога не попираетъ дорожекъ, по которымъ ходили красивѣйшія женщины, присылаемыя султанамъ со всѣхъ концовъ ихъ обширнаго государства. Только хмурятся древнія зубчатая стѣны съ башнями, какъ гирида обвиняющія холмъ; илюющъ смѣло разбѣгается по нимъ, захватывая въ свои объятія и ихъ, и деревья, успѣвшія разрастись въ расщелинахъ.

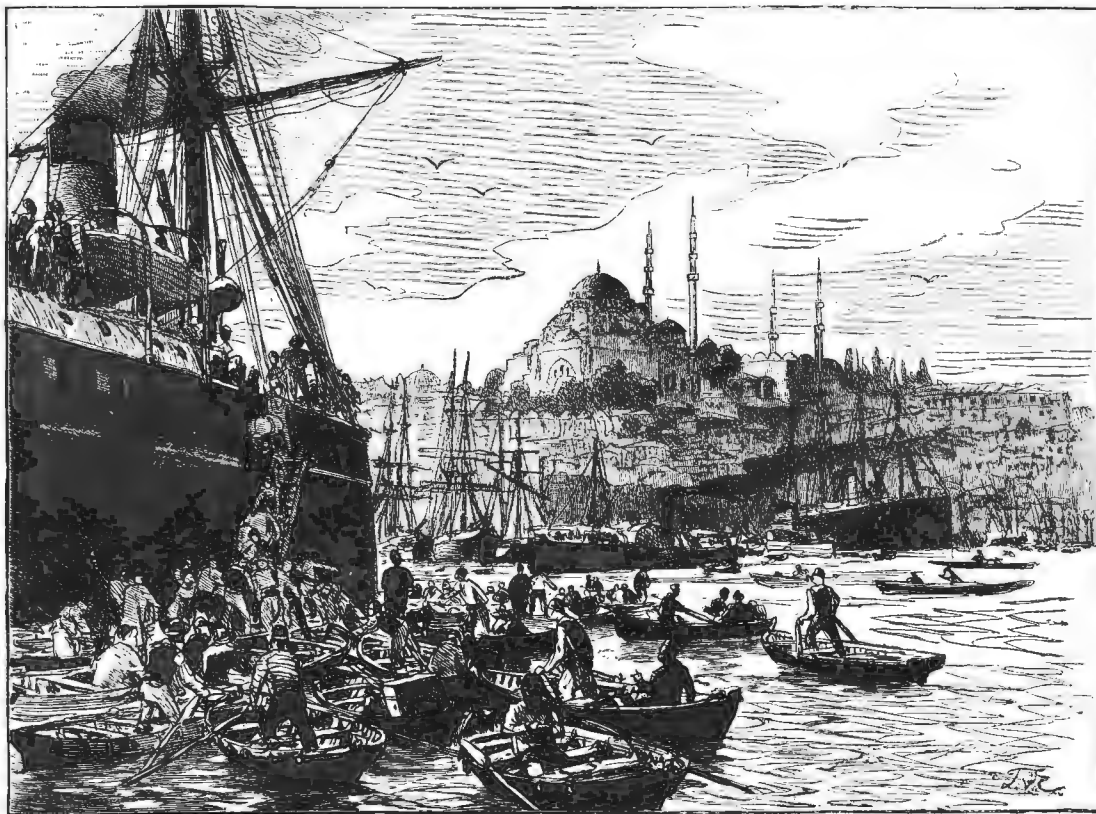

Выставка Императ. Академіи Художествъ, „Конкуренты“.

Карт. Н. Н. Наразина (право воспроизведения въ гравюрѣ и т. п. принадлежитъ „Нивѣ“), грав. М. Рашевскій.

На Камъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Полянова, грав. Шюблеръ.

Константинопольская гавань. Съ рис. Экембрехера, грав. Брендамуръ.

пареты, въ перемежку съ яркою зеленою судовъ, — все это представляетъ вполне своеобразную картину, мягкостью и сочетаніемъ своихъ красокъ превосходящую виды наиболее живописныхъ европейскихъ городовъ.

Насколько видъ Стамбула располагаетъ къ нѣгѣ, къ спокойствію, вкушаемому въ жизнерадостномъ настроеніи духа, настолько противоположныя чувства возбуждаетъ видъ ближайшаго его сосѣда — Золотого Рога, гдѣ все говоритъ о кипучей дѣятельности, о постоянной работѣ, приносящей человѣку Запада. Громадные пароходы грузятся и разгружаются, всюду шныряютъ паровыя шлюпки, повсюду гамъ, стукъ, сует-

ливое безпокойство, какъ бы поскорѣе подвинуть впередъ свое дѣло.

Правый берегъ Золотого Рога, противоположный Серай-бурну, застроенъ темными, закончѣнными домами Галаты, бывшаго владѣнія генуэзцевъ.

За Галатю, вдоль по берегу Золотого Рога, тянут-

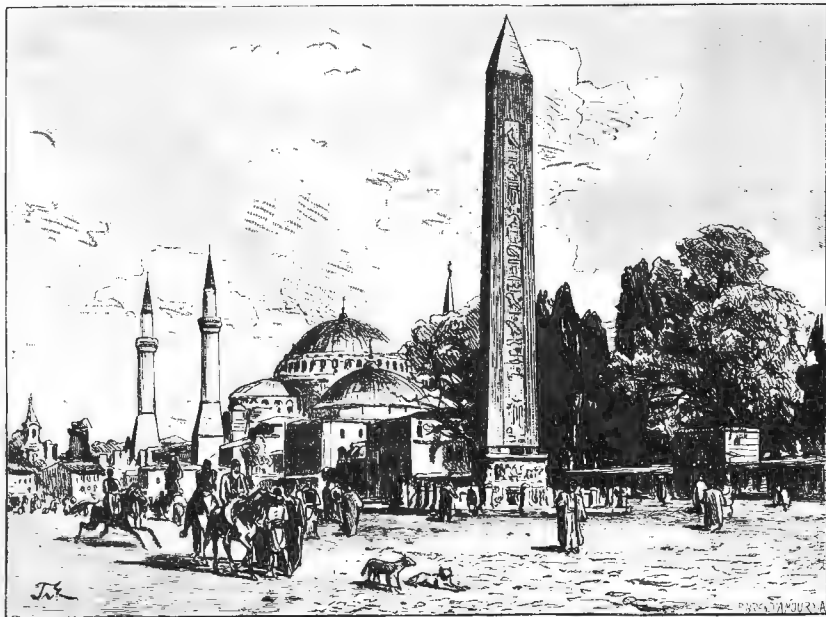
Хамаль (двуногий верблюдъ).

ся уже мусульманскіе кварталы вплоть до самаго Эюба, лежащаго въ глубинѣ залива. Надъ Галатюй горю круто поднимается гора сплошь застроенная каменными домами, составляющими европейскій кварталъ Шеры. Между черепичатыми крышами домовъ поднимаются тамъ и сямъ дворцы посольствъ. Наше посольство, огромное зданіе въ видѣ крѣпости, расположилось на гребнѣ холма, какъ горделивая владычица, спокойно смотрящая на лежащій у ея ногъ городъ.

Вираво отъ насъ Босфоръ, эта широкая рѣка, оба берега которой — непрерывный рядъ дворцовъ, загородныхъ домовъ и садовъ, и которая для насъ, смотрящихъ на нее съ парохода, замыкается холмами, по склонамъ коихъ высятся зубчатая стѣна Румели и Анатоли-хисаровъ, крѣпостей построенныхъ еще Магометомъ II до взятія Константинополя, а невдалекѣ отъ нихъ вырисовываются изящныя контуры Ортакейской ме-

Сераскириатъ (военное министерство). Съ рис. Экембрехера, грав. Брендамуръ.

Св. Софія и Атмейданъ (Гипподромъ). Съ рис. Экенбрехера, грав. Брендамуръ.

лотога города). За Скутари видѣется Кадикей, древній Халкидонъ, и берега Визоніи, продающіе въ туманной дали, надъ которою въ неясныхъ очертаніяхъ вздымаются снѣжная вершина Олимпа.

Общій видъ заканчивается Мраморнымъ моремъ, на которомъ видѣляется небольшой архипелагъ Принцевыхъ острововъ, во вре-

Хамалы (носильщики).

мя византійскихъ императоровъ бывшій мѣстомъ ссылки и заточенія низвергнутыхъ владыкъ и ихъ родственниковъ.

Но иное дѣло перечислить то, что представляется взору съ парохода стоящаго въ Золотомъ Рогѣ, и совершенно иное—передать поэтическую прелесть этой картины, которую de Mouy называетъ такъ образно „le sourire de la création“ (улыбкою творенія)¹⁾. Самые блестящіе описанія не могутъ передать разнообразныхъ ощущеній, испытываемыхъ зрителемъ при видѣ этихъ причудливыхъ, нѣжно закругленныхъ линій пейзажа, въ которомъ величественное и суровое перемѣшано съ граціознымъ, гдѣ предъ вашими глазами проходитъ цѣлая гамма цвѣтовъ, отъ самаго яркаго до самаго воздушнаго оттѣнка, гдѣ въ тѣсномъ соудѣствѣ между собою вы видите постоянное смѣшеніе Востока съ Западомъ и гдѣ, наконецъ, все наполняющее картину проникнуто сладостною мягкостью и обито какимъ-то жемчужнымъ свѣтомъ. Чудится, что эта картина съ голубоватыми и ояловыми тонами, отражающаяся въ трепещущемъ зеркалѣ серебрянаго Босфора, не есть дѣйствительность,

¹⁾ Lettres du Bosphore, par de Mouy, p. 30.

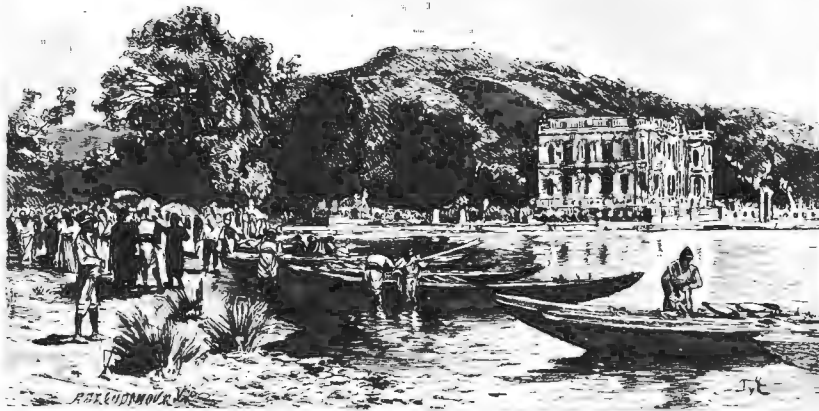
чети и дворца Азіятскихъ Сладкихъ Водъ (Гекъ-су)—любимой праздничной прогулки турецкаго общества.

Дома по Босфору расположены не только по самымъ берегамъ его, какъ бы жадно принадавая къ струямъ пролива, но и по всемъ возвышенностямъ этихъ береговъ, круто поднимающимся въ гору; домики, въ большинствѣ деревянные, кокетливо выглядываютъ изъ садовъ и виноградниковъ, а иногда собираются въ кучу въ какомъ-нибудь излюбленномъ мѣстѣ и тогда они дѣлятся другъ къ другу, жмутся, тѣснятся, совершенно какъ ласточки гнѣзда, потомъ снова разбѣгаются и снова точно играютъ въ прятки между зелеными кустами деревьевъ, отъ времени до времени выставляясь своими желтыми, красными, зелеными и розовыми фасадами и задранными мелкой рѣшеткой окнами. Самъ Босфоръ тоже полонъ оживленія; съ восхода до заката солнца по немъ проходятъ торговыя суда всѣхъ націй, стрѣлою несутся остроносые канки и лопочатъ колесные пароходы, перевозящіе публику отъ Галатскаго моста во все прибосфорскія деревушки.

За пами Скутари, особенно красивый при закатѣ солнца, когда на стеклахъ его отражаются кровавымъ свѣтомъ послѣдніе лучи уходящаго свѣтила и когда онъ дѣйствительно оправдываетъ свое имя Хризополя (Зо-

Фонтанъ.

Гекъ-су (Сладкія Воды) на Азіатскомъ берегу. Съ рис. Экенбрехера, грав. Брендамуръ.

а лишь миражъ, ослѣпительная фата-моргана.

Но вотъ нагрузка кончена, большія баржи и лодочки съ провожавшими одна за другой отпихиваются отъ парохода, который притихъ въ ожиданіи отплытія; умокла лебедка, и матросы не безъ удовольствія убираютъ ее и закрываютъ борты.

Еще одна минута, протяжный свистокъ — и „Константинъ“, описывая огромный кругъ, направился въ Мраморное море. Замахали бѣлые платки въ лодочкахъ, оставшихся далеко позади, раздалось еще нѣсколько прощальныхъ возгласовъ, и мы покинули Босфоръ, вступивъ въ такія же тихія струи Мраморнаго моря.

Новыя картины понеслись предъ нами. Вотъ за Кадикеемъ открылась бухта Мода-бурну, древняя бухта Евтропія, наглаго евнуха, любимаго Аркадія.

Далѣе вырисовываются изъ волнъ Мраморнаго моря Принцезы острова, гдѣ во времена Византійской имперіи было пролито столько слезъ, испытано столько жгучаго горя...

Монастыри, покрывающіе острова, видѣли отчаяніе низвергнутыхъ императоровъ, побѣжденныхъ и навѣки изуродованныхъ претендентовъ, принцевъ и принцессъ — жертвъ гнусной дворцовой интриги, императрицъ и царевенъ насильно постриженныхъ въ монахины. Тамъ, на жалкихъ монашескихъ одрахъ, умирали тѣ, кто привыкъ спать на ложахъ изъ драгоценныхъ шъховъ, подъ золотыми мозаиками Влахернскаго дворца.

Съ правой стороны отъ парохода бѣжитъ Стамбуль и его предмѣстья Вланга, Псаматія, населенныя по преимуществу армянами; понизу ихъ охватываетъ зубчатая стѣна, продолжающаяся вплоть до Семибашеннаго замка, отъ котораго стѣна эта направляется уже по матеріку къ Эюбу, кварталу лежащему, какъ сказано выше, въ глубинѣ Золотога Рога. Семибашенный замокъ — Еди-куле — построенъ Магометомъ II. Съ этимъ замкомъ, обращеннымъ въ государственную тюрьму, — куда, между прочимъ, сажали и европейскихъ пословъ при объявленіи войны тому государству, которое дипломаты эти представляли, — связаны наиболѣе мрачныя воспоминанія времени могущества султановъ. Каждый камень въ немъ воиетъ къ небу, рассказывая объ ужасныхъ терзаніяхъ. Теперь онъ разваливается, зелень придаетъ веселый видъ нѣкогда грознымъ стѣнамъ; тѣмъ не менѣе сердце сжимается, когда глядишь на башни, гдѣ такъ много было пролито, зачастую совершенно невинной, крови, гдѣ смерть косила съ такимъ наслажденіемъ.

Вотъ башня съ цѣлымъ лабиринтомъ тайниковъ, гдѣ томилась высшіе сановники государства въ ожиданіи рѣшенія своей участи.

Вотъ другая башня, гдѣ находится большая круглая комната; въ ней тайно рубили головы, которыя бросали въ доселѣ сохранившійся „колодезь крови“. Подъ нею пещера въ скалѣ, освѣщавшаяся фонаремъ подвѣшеннымъ къ своду, — гдѣ нытали заключенныхъ: вырѣзали ремни изъ кожи, поливали раны горячею смолою, раздробляли тяжелою палицею руки, ноги.

Стѣны ограждающія Византію съ сухопутья были построены въ V вѣкѣ. Съ парохода видна ихъ длинная линія, слѣдующая по неровностямъ почвы, то углубляясь въ долину, то взбираясь на холмъ. Видъ ихъ — одинъ изъ красивѣйшихъ видовъ Константинополя. Собственно говоря, стѣна эта состоитъ изъ тройнаго ряда стѣнъ: внутренней съ большими четырехугольными башнями, средней съ круглыми башнями, нынѣ лежащими въ развалинахъ, и наружной — очень низкой, близъ рва, когда-то наполненнаго водою, а теперь покрытаго огородами. Непрерывная ихъ линія, невольно внушающая уваженіе къ ихъ величію, тянется насколько хватаетъ глазъ и прона-

Мечеть въ Ортакёѣ. Съ рис. Экенбрехера, грав. Брендамуръ.

даетъ въ туманной дали. О стѣны эти разбивались волны почти всѣхъ народовъ среднихъ вѣковъ; исчезли эти народы, забылись ихъ имена, а стѣны продолжаютъ стоять.

Сослужили свою службу древнія стѣны, отразили много вражескихъ нашествій, не смогли лишь отстоять города отъ войскъ Магомета II, и закатилось солнце Византіи.

Нынѣшній видъ стѣнъ почти такой же, какъ и въ день 29 мая 1453 года; чудится, что страшная, ожесточенная битва расы противъ расы и религіи противъ религіи происходила лишь вчера: башни средней ограды почти всѣ разрушены, на большихъ башняхъ внутренней ограды видны слѣды дѣйствія тарановъ, баллиствъ и катанультовъ; нѣкоторыя изъ нихъ треснули снизу доверху, у иныхъ отгорожены цѣлые углы взрывомъ мины; у двери Св. Романа огромная брешь, воспоминаніе о чудовищной пушкѣ отлитой Орбаномъ, которая требовала 700 человекъ прислуги и стрѣляла мраморными ядрами въ 600 фунтовъ вѣсу. Во многихъ мѣстахъ осыпались зубцы и повержены на землю громадныя обломки стѣнъ, отъ которыхъ вѣетъ величіемъ и печальною красотой. Одна лишь природа позаботилась принарядить эти мѣста ужаса и щедрою рукою украсила эти позлащенные вѣками стѣны, разсыпавъ вездѣ смѣющуюся зелень и надѣвъ на нихъ мохнатую шапку изъ плюща и дикаго винограда; смѣло завладѣли они когда-то грознымъ оплотомъ, обвивъ своими гирилами зубцы, изъ-за которыхъ критскій пращникъ пускалъ свой мѣткій камень, и высунувшись изъ бойницъ, нѣкогда изрыгавшихъ изъ себя горячую смолу, кипящее масло и знаменитый греческій огонь. Платаны, дикія миндальныя деревья и угрюмые кипарисы разрослись теперь тамъ, гдѣ валялись обезображенные трупы осаждавшихъ и лилась потокомъ кровь. Молчаніе царитъ теперь тамъ, гдѣ раздавались стоны раненыхъ и предсмертныя проклятія умирающихъ, гдѣ кипѣла грозная битва между несмѣтными полчищами Магомета, съ бѣшенствомъ нападавшими на городъ, и горстью защитниковъ Византіи, — бой ужасный, закончившійся, какъ всегда, побѣдой юношеской энергіи варварства надъ одряхлѣвшею цивилизацією.

Невозмутимо спокойна теперь и равнина прилегающая къ стѣнамъ — мѣсто стоянки турецкихъ ордъ и ихъ батарей. Мирно раскинулись на ней кладбища, освѣщенные темными глазами кипарисовъ, вырѣзающихся на темногубомъ фонѣ неба; вдали приютился древній монастырь Балыклы, а въ остальной части — огороды, сады и колодцы, покрывающіе это историческое поле, замѣнили собою камнететныя машины, тяжеловѣсныя тараны и всякія „стѣнобойныя козны и хитрости“, когда-то осаждавшія эти стѣны.

Къ рисункамъ.

Погребеніе въ катакомбахъ. (Рис. на стр. 732 и 733).

Къ числу диковинъ Рима принадлежатъ, между прочимъ, катакомбы. Многія изъ нихъ относятся еще къ первому вѣку

христіанства и служили мѣстомъ для богослуженія и погребенія первыхъ христіанъ. Катакомбы встрѣчаются не только въ Римѣ, а и въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ: въ Неаполѣ, Сиракузахъ, Парижѣ и др., но во всѣхъ этихъ городахъ

Гульманъ, священная обезьяна индусовъ. Рис. и грав. Шехтъ.

значительно уступают Римскимъ, по обширности. Подземныя кладбища встрѣчаются въ очень глубокой древности и вѣроятно заимствованы въ Италию изъ Египта, гдѣ мы находимъ цѣлый рядъ подземныхъ, очень древнихъ могилъ во всю длину Ливійской горной цѣпи. Первоначально римскія катакомбы были мѣстомъ добычана неса или ломками туфа. Въ нихъ, въ языческія времена, бросались тѣла рабовъ и преступниковъ. Но когда въ Римѣ появилось христіанство, въ катакомбахъ начали скрываться христіане отъ преслѣдованій язычниковъ. Тамъ они совершали свои требы и хоронили единовѣрцевъ. Они углубили и увеличили первоначальныя ломки, и теперь эти послѣднія представляются въ видѣ болѣе или менѣе многочисленныхъ ходовъ и камеръ (subiculum, crypta), часто въ 3 — 5 этажей. Нашъ рисунокъ наглядно передаетъ, какъ совершалось въ катакомбахъ погребеніе, приблизительно въ III или IV столѣтіи. Все помѣщеніе высѣчено въ камень и стѣны покрыты христіанскими символами, изображеніемъ Христа, добраго пастыря, и крестовъ, долженствовавшихъ напоминать о смерти. Посреди камеры маститый священнослужитель, стоя у тѣла умершей молодой дѣвушки, надгробнымъ словомъ утѣшаетъ присутствующихъ въ тяжелой для нихъ утратѣ.

Два пугала. (Рис. на стр. 737).

Хотя давнымъ-давно извѣстно, что такъ-называемое „пугало“, т. е. зипунъ распяленный на скрещенныхъ палкахъ и накрытый старою шляпою, нисколько не пугаетъ птицъ, отлично умѣющихъ отличать его отъ живаго человѣка; тѣмъ не менѣе простонародье такъ крѣпко держится своихъ обычаевъ, что и до сихъ поръ почти повсемѣстно ставятъ эти чучела на огородахъ, въ садахъ и т. п. Но на ряду съ ними откомандировываются и живыя „пугала“ въ лицѣ деревенскихъ подростковъ. Въ Малороссіи дѣвочки обходятъ поле или огородъ, постукивая палкой въ лезвіе косы, и этотъ звенящій, далеко разносящійся звукъ отпугиваетъ цѣлыя стаи птицъ.

„Конкуренты“. Кар. Н. Н. Каразина. (Рис. на стр. 740).

Сцену изображаемую нашимъ талантливымъ сотрудникомъ— часто можно наблюдать въ нашихъ азіатскихъ степяхъ со времени проведенія Закаспійской желѣзной дороги. Подурзвоченный караванъ верблюдовъ расположился на отдыхъ по обѣ стороны рельсового пути; верблюды и вожаки ихъ тупо смотрятъ на приближающійся, посвистывающій и грозя пыхтящій паровозъ, который тащитъ за собою такое количество грузовъ, что ставитъ вѣд конкуренціи самыя большія караваны. Два орла парятъ въ прозрачномъ воздухѣ пустыни, какъ бы предвѣщая и въ этомъ безлюдѣ близкое исчезновеніе первобытнаго способа торговыхъ сношеній.

На Камѣ. (Рис. на стр. 741).

Главная водная артерія нашей горно-заводской промышленности, Кама играетъ большую роль въ сбытѣ уральскихъ металловъ и товаровъ идущихъ изъ Сибири, орошая губерніи Вятскую, Пермскую, Оренбургскую и Казанскую. Общая длина теченія ея 1,500—1,600 верстъ (по другимъ, до 2,000 верстъ). Въ среднемъ теченіи, правый (луговой) ея берегъ—пологій, а лѣвый (нагорный)—возвышенный и утесистый. На рисункѣ г. Полюкова мы видимъ двѣ крестьянскія лодки, нагруженныя сельскими продуктами на продажу, пересѣкающія рѣку на перекатѣ. Вдали Волжско-Камскій пароходъ. Надъ рѣкою несется въ вѣтку стая дикихъ гусей.

Гульманъ (Semnopithecus entellus).

(Рис. на стр. 745).

Гульманъ или Гануманъ весьма распространенъ въ Индостанѣ, а въ передней Индіи ему воздаютъ даже большія почести, такъ какъ онъ играетъ видную роль въ религіи индусовъ. Онъ принадлежитъ къ красивѣйшимъ и умѣйшимъ породамъ обезьянъ. Основной цвѣтъ его шерсти желтовато-бѣлый, на обнаженныхъ мѣстахъ темно-фіолетовый; покрыты шерстью части лица, рукъ и ногъ черныя; короткая борода—желтоватаго цвѣта. Обезьяна эта встрѣчается лишь по сѣверо-востоку Гауга и Джумны и никогда не попадаетъ на Гималаяхъ, повсюду находится подъ охраной населенія и потому сильно размножается. Во многихъ городахъ, напр. въ священномъ Бенаресѣ, она до того многочисленна, что становится истиннымъ бичемъ обывателей, но тѣмъ не менѣе почитается за священное животное. По свидѣтельству древне-индійской легенды, однажды великанъ Рава похитилъ Ситу, супругу Шри-Рама, и увелъ ее въ свое жилище на островѣ Цейлонѣ. Гануманъ, праотецъ всѣхъ нынѣ живущихъ гульмановъ, изображаемый въ легендѣ разумнымъ, полу-человѣческимъ, полубожественнымъ существомъ, освободилъ ее изъ заточенія и возвратилъ супругу. Далѣе сага гласитъ, что онъ укралъ въ саду великана роскошнѣйшій плодъ Юга, манго, и далъ его въ даръ людямъ. За эту кражу онъ былъ осужденъ на сожженіе, но успѣлъ погасить костеръ, причѣмъ ему только опалили ноги, руки и лицо, которые и остались навсегда черными. Почтеніе къ нему, впрочемъ, основано не столько на этихъ мифическихъ заслугахъ, сколько на вѣрѣ въ переселеніе душъ,

по которой люди плохой нравственности по смерти рождаются вновь обезьянами. Гульманы кротки, общительны и доверчивы, но при этомъ большіе лакомки и ворюжки, нападаютъ на сады и даже пробраются въ дома, гдѣ отъ нихъ ничего не укроется. Поэтому европейцы и магометане терпятъ ихъ не могутъ; индусы же настроятъ имъ множество храмовъ съ садами, гдѣ ихъ питаютъ и холить, а также больницы, въ которыхъ ухаживаютъ за больными животными.

Угольные копи острова Сахалина.

(Рис. на стр. 748).

Исслѣдованія острова Сахалина, до настоящаго времени, производились весьма поверхностно и только въ тѣхъ частяхъ его, доступъ куда не представлялъ особенныхъ затрудненій. Сѣверная-же часть острова, въ которой послѣ непроходимой тайги и громадныхъ торфяныхъ залежей, начинается болотистая почва — совершенно не исследована.

Угольные копи находятся въ средней части Сахалина и расположены между постами Александровскъ и Дуэ, въ самомъ берегу моря. Рисунокъ 1 показываетъ расположеніе входовъ въ шахты, которыя размѣщены на склонѣ крутой горы. Всѣхъ входовъ, а слѣдовательно и угольныхъ слоевъ, — три. Первый входъ А расположенъ выше уровня воды на 25 фут. Выше А идетъ входъ В и еще выше С. Всѣ эти три шахты имѣютъ внутреннее сообщеніе. Слой угля доходитъ до пяти четвертей. Уголь, добытый въ верхней шахтѣ, спускается, какъ видно на рисункѣ, въ вагонеткахъ по наклонному рельсовому пути при помощи безконечной цѣпи; изъ нижнихъ-же шахтъ уголь вывозится прямо на дворики (склады), которыхъ высота подходящая.

На рис. 2 изображенъ „Общій видъ расположенія двориковъ и пристани“. Дворикомъ называется небольшое четырехугольное пространство, огражденное массивною бревенчатою стѣною. Около самой земли въ боковой стѣнѣ дѣлаются небольшія дверцы. Добытый уголь высыпается въ эти дворики и сохраняется въ нихъ впредь до прихода парохода.

Такъ какъ у пристани слишкомъ мало воды, то приходится уголь, взятый изъ двориковъ, грузить сперва на баржу, а затѣмъ уже съ баржи на пароходъ.

Рис. 3 представляетъ тѣ-же дворики сверху. Здѣсь ясно видно, что добытый уголь въ тачкахъ по рельсовому пути, проложенному по верху двориковъ, перевозится и высыпается. Каждый дворикъ вмѣщаетъ въ себя около 70,000 пудовъ.

Угольные копи эти арендуются компаніею „Общество Сахалинъ“. Согласно контрактному условію, мѣстное тюремное начальство обязано доставлять Обществу ежедневно 400 человѣкъ ссыльно-каторжныхъ рабочихъ за условленное контрактное вознагражденіе. Эти 400 человѣкъ арестантовъ сортируются на работы слѣдующимъ образомъ: *крупильщики, забойщики, саночники, вагонщики и сортировщики*. Въ крупильщики выбираются самыя опытные и смѣлѣе, ихъ обязанность — ставить подпоры и скрѣпы въ томъ пространствѣ, гдѣ уже вырубленъ уголь; отъ качества ихъ работы зависитъ безопасность дальнѣйшей разработки пласта. Забойщики откалываютъ отъ пластовъ куски угля, и чѣмъ рабочій опытнѣе, тѣмъ онъ большей величины куски будетъ откалывать, что весьма важно, такъ какъ въ слѣдствіе частыхъ нагрузокъ и перегрузокъ уголь дробится и чѣмъ меньше куски, тѣмъ скорѣе онъ превращается въ порошокъ. Такъ напр., во Владивостокѣ, на складѣ „Общества Сахалинъ“, уголь весь превращенъ въ порошокъ. То, что откалывается забойщиками, принимается саночниками, которые на санкахъ спускаются по наклоннымъ плоскостямъ (внутри шахты) и передаютъ этотъ уголь вагонщикамъ, которые по рельсовому пути вывозятъ его наружу до самыхъ двориковъ, гдѣ и высыпаютъ. Высыпанный уголь во дворики сортировщиками очищается отъ постороннихъ примѣсей.

При такомъ распредѣленіи рабочихъ добывается ежедневно отъ 3 до 4 тысячъ пудовъ угля, и въ теченіе зимы всѣ дворики наполняются углемъ, дабы лѣтомъ можно было безпрятственно переправлять его пароходами во Владивостокъ, гдѣ онъ продается на коммерческіе пароходы.

Количество ссыльно-каторжныхъ рабочихъ, принятыхъ „Обществомъ Сахалинъ“:

за 1886 годъ	было всего	130,635	человѣкъ.
„ 1887	„	122,148	„
„ 1888	„	119,623	„

Постепенное уменьшеніе числа рабочихъ ссыльно-каторжныхъ объясняется пріемомъ на рудничныя работы ссыльныхъ поселенцевъ (водворенныхъ на островѣ по отбытіи срока каторги), что для нихъ составляетъ довольно важное подспорье при отсутствіи другихъ отхожихъ промысловъ.

Первое время „Общество Сахалинъ“ не всецѣло серьезно отнеслось къ своему предпріятію, почему уголь доставлялся во Владивостокъ въ видѣ порошка и не очищенный. Кромѣ того уголь, который добывался Обществомъ, года три тому назадъ, въ слѣдствіе сланцевыхъ прослоевъ въ пластахъ, стоялъ много ниже угля, добываемаго на японскихъ Токасимскихъ копяхъ. По всѣмъ вышеизложеннымъ причинамъ, уголь сахалинскій и не могъ пробить себѣ дорогу далѣе Владивостока,

да и здѣсь онъ сбывался въ очень ограниченномъ количествѣ. Но за послѣдніе два года Общество приступило къ разработкѣ новыхъ пластовъ и стало получать довольно чистый уголь и очень хорошаго качества, а также обращено больше вниманія на способъ его добыванія. Этотъ уголь превосходитъ токасимскій, благодаря чему сталъ появляться не только во Владивостокѣ, но и въ Китаѣ. Русскія и иностранныя суда, плавающія во Владивостокъ, дѣлали запасы угля въ Японіи; теперь эти-же пароходы наполняютъ свои угольные ямы сахалинскимъ углемъ. Общество предсказываетъ своему углю большую будущность и намѣревается открыть склады въ Шанхаѣ.

Оттенсонъ.

Гюи-де-Мопассанъ. (Портр. на стр. 749).

Къ числу самыхъ популярныхъ писателей не только во Франціи, но и за предѣлами ея, принадлежитъ французскій романистъ и поэтъ Аври-Рене-Альбертъ Гюи-де-Мопассанъ. Его небольшіе рассказы, бойко и тонко написанные, доставили

ему извѣстность, которую затѣмъ поддерживали и увеличили его позднѣйшія произведенія, болѣе серьезныя и значительныя по объему. Уроженецъ Нормандіи, онъ двадцатилѣтнимъ юношей принималъ горячее участіе, какъ простой солдатъ, въ франко-прусской войнѣ. Вскорѣ затѣмъ онъ началъ писать, но получилъ въ которую извѣстность только послѣ того, какъ былъ введенъ въ кружокъ литераторовъ Гюставомъ Флоберомъ, къ школкѣ котораго онъ прикнулъ. Первымъ обратившимъ на себя вниманіе твореніемъ молодого писателя былъ рассказъ „Boule de suif“, помещенный въ 1880 г. въ сборникѣ „Soirée de Médan“. Въ напечатанныхъ въ томъ же сборникѣ стихахъ, онъ явился недурнымъ лирикомъ, мастерски владѣющимъ стихотворною формою.

Дальнѣйшія его произведенія еще болѣе упрочили за нимъ репутацію изящнаго повѣствователя, которую онъ особенно оправдалъ въ своихъ фельетонахъ, на страницахъ Gaulois. Изъ его болѣе крупныхъ произведеній обращаютъ на себя вниманіе: „Clair de lune“, его первый большой романъ, и его послѣдняя работа „Notre Coeur“.

Разныя извѣстія.

Предворныя извѣстія.

— Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица, съ Августѣйшими Дѣтьми, И. И. В. Вел. Кн. Георгіемъ и Михаиломъ Александровичами и Вел. Княж. Ксенією Александровною, 5 іюля, изволили возвратиться въ Петергофъ. 6 іюля, въ 3 часа пополудни, Ихъ Величества изволили посѣтить на Знаменкѣ Е. В. Княгиню Милену Черногорскую.

— Е. И. В. Вел. Кн. Николай Николаевичъ Старшій, 8 іюля, выѣхалъ изъ Петербурга въ гор. Варшаву и Волянскую губ.

— Изъ Севастополя телеграфируютъ, что королева Эллиновъ отбыла на пароходѣ „Эрикликъ“ въ Константинополь.

Морское дѣло.

— Въ Севастопольскій портъ, 9 іюля, прибылъ новый минный крейсеръ „Казарскій“. Вскорѣ ожидается два миноносца „Адлеръ“ и „Анакрія“, построенные на заводѣ Шихау. Скорость хода крейсера 22 узловъ въ часъ, а миноносцевъ свыше 23 узловъ.

— Изъ Чарджуя пишутъ, что тамъ торжественно похоронили помощника капитана парохода аму-даринской флотилии „Царь“, лейтенанта Саблина, тяжело раненаго 1 іюля при взрывѣ котла паровой паровой лебедки. Покойный Саблинъ геройски бросился спасать своихъ матросовъ и пострадалъ болѣе ихъ всѣхъ. Несчастье случилось во время слѣдованія парохода изъ Чарджуя въ Керки.

Промышленность.

— Въ газетѣ „Владивостокъ“ сообщаются слѣдующія свѣдѣнія о дѣятельности капитана А. Г. Дыдымова, поставившаго себѣ цѣлью развить на новыхъ началахъ отечественный китовый промыселъ у русскаго восточнаго побережья Тихаго океана. Выйдя изъ Владивостока 14 декабря минувшаго года, когда бухта покрылась уже силовымъ льдомъ, китоловный пароходъ капитана Дыдымова „Геннадій Невельской“ спустился на югъ Японскаго моря и на параллели залива Броутона, къ 29 декабря, уже убилъ четырехъ китовъ. Пятя въ трюмѣ сопровождавшей его шхуны грузъ отъ трехъ китовъ, раньше убитыхъ имъ въ заливѣ Америка, китобой провелъ шхуну въ Нагасаки, гдѣ сдать грузъ, и, затѣмъ, 22 января текущаго года вновь былъ на промыслѣ въ Японскомъ морѣ, а къ 19 февраля въ трюмѣ шхуны „Надежда“ уже насчитывалось еще 8 китовъ, заставившихъ бросить охоту и идти въ Нагасаки. Въ третій выходъ, съ 6 по 22 марта, было убито еще

8 китовъ. Такимъ образомъ, несмотря на то, что ни самъ руководитель предпріятія, ни команда парохода, только что набранная изъ состава матросовъ Сибирскаго экипажа, не были вполне подготовлены къ этому дѣлу, въ результатъ четырехъ-мѣсячнаго пробнаго промысла, капитанъ Дыдымовъ приобрѣлъ 23 кита, давшихъ ему до 12,000 пудовъ просоленнаго жира и 5 тоннъ китоваго уса. Хотя сбытъ продуктовъ промысла не организованъ еще вполне, тѣмъ не менѣе за всѣ 12,000 л. жиру было выручено, безъ всякихъ затрудненій, около 14,000 долларомъ, а за 5 тоннъ уса, по посланнымъ въ Лондонъ образцамъ, заочно предлагали по 190 фунтовъ стерлинговъ за тонну. Слѣдовательно, за покрытіемъ расходовъ по содержанію парохода и шхуны, предпріятіе въ четыре мѣсяца дало чистой прибыли до 20,000 руб.

Наука.

— Въ Маргеланѣ получены слѣдующія свѣдѣнія объ ученой экспедиціи капитана Громбчевскаго. Дальнѣйшему движенію экспедиціи въ глубь Тибета китайскія власти оказали энергичное сопротивленіе. Экспедиція была задержана въ Полу, войска окарауливали дорогу, населенію было приказано разбѣгаться въ горы, запрещено что-либо продавать и заниматься въ проводники экспедиціи. Китайцы требовали, чтобы экспедиція немедленно вернулась въ Кашгаръ, и угрожали насиліемъ. Экспедиція — въ отчаянномъ положеніи, всѣ отпущенныя средства и занятая крупная сумма израсходованы на сборы, оставалось еще сдѣлать передъ выстуленіемъ послѣднія покупки и запасы. Громбчевскій, утомленный притѣсненіями китайцевъ, дѣйствующихъ по наущенію живущихъ въ Кашгарѣ англійскихъ офицеровъ, и вида, что всѣ труды послѣднихъ мѣсяцевъ должны пропасть безслѣдно, что значительная часть Тибета, не входящая въ районъ изслѣдованія Ивцова, должна остаться, попрежнему, неизвѣстною, рѣшился, рискуя жизнью и судьбою экспедиціи, на отчаянное средство. На послѣдніе деньги, подкупивъ населеніе и не закончивъ сборовъ, безъ проводника, онъ двинулся въ ночь на 5 мая изъ Полу въ глубь неизслѣдованной пустыни.

— Омскъ посѣтилъ, проѣздомъ въ Западный Китай, извѣстный синологъ, проф. китайскаго и маньчжурскаго языковъ въ Петербургскомъ университетѣ, академикъ, тайный совѣтникъ В. П. Васильевъ, командированный, съ научною цѣлью, Императорскою Академіею Наукъ. Изъ Омска В. П. Васильевъ поѣдетъ сначала въ Чугучакъ, потомъ горами

въ Кульджу, затѣмъ въ Вѣрныи, а отгуда вернется въ Россію черезъ Ташкентъ и Самаркандъ, по Закаспійской желѣзной дорогѣ. Цѣль поѣздки — ознакомленіе съ языкомъ и высшимъ бытомъ различныхъ народностей, населяющихъ пограничныя мѣстности Западнаго Китая (маньчжуры, солонь, дунгане и др.).

Пути сообщенія.

— 11 іюля, командированный министерствомъ Путей Сообщенія инженеръ Герсенавъ окончательно принялъ отъ подрядчика французской компаніи вновь углубленный въ Керченскомъ проливѣ каналъ.

— У Костромы Волга сильно обмелѣла. Пароходы оназдываютъ на 10 и болѣе часовъ. У Рыбинска вода въ Волгѣ убываетъ по вершкѣ, на нѣкоторыхъ перекатахъ воды 4½ четверти; пассажирскіе пароходы проходятъ съ трудомъ. Въ Ниловицахъ воды три четверти съ вершкомъ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ на Волгѣ спадъ воды достигаетъ крайнихъ предѣловъ: между Нижнимъ и Казанью на Нижне-Телльемъ перекатъ воды 6 четвертей, выше Нижняго-Новгорода на Кочергинскомъ перекатѣ 5½ четвертей.

Изъ губерній и областей.

— Въ Слоимѣ, 5 іюля, страшный ураганъ разрушилъ много деревянныхъ строеній, вырвалъ въ садахъ деревья и столѣтніе тополи. Ураганомъ повреждено и разрушено 116 домовъ; убитыхъ 9 человекъ; раненыхъ до 50 человекъ, одинъ умеръ.

— Городъ Велуга 9 іюля уничтоженъ пожаромъ. Сгорѣли соборъ, городская управа, общественный банкъ, ряды, женское училище, аптека, десять кварталовъ домовъ и почтовое учрежденіе. Убиты громадные. Причину пожара было неосторожное обращеніе съ огнемъ.

Некрологъ.

— 1 іюля скончался непочитель С.-Петербургскаго учебнаго округа, генеральнаго штаба генералъ-лейтенантъ Иванъ Петровичъ Новиковъ.

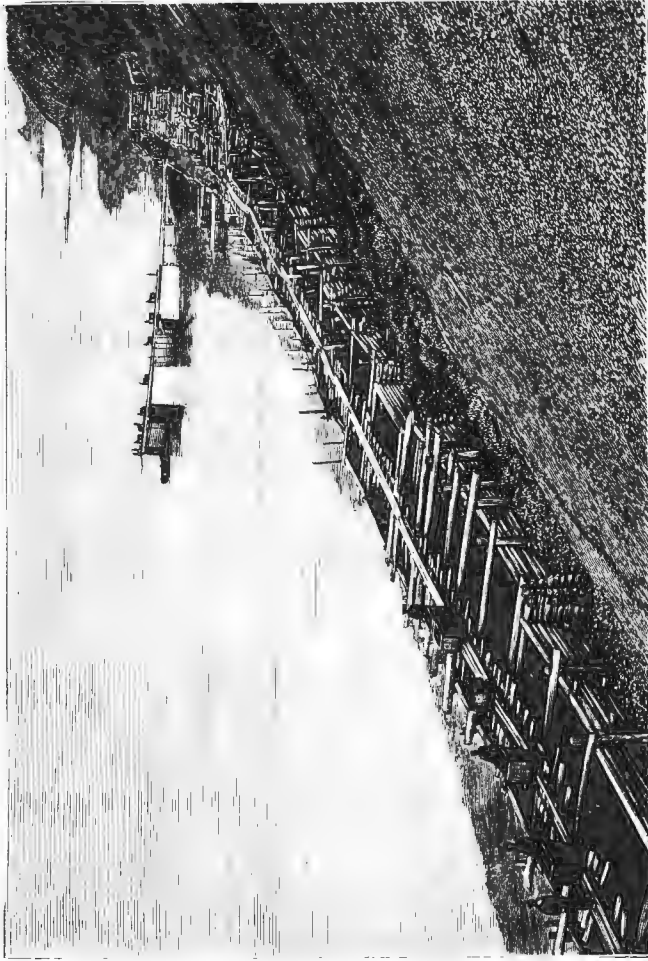
— Въ Витебскѣ, 6 іюля, въ лагерѣ Ленкоранскаго пѣхотнаго полка, во время стрѣльбы, нечаяннымъ выстрѣломъ изъ револьвера убилъ себя наповалъ командиръ этого полка, полковникъ М. В. Савеловъ.

— 9 іюля, скоропостижно скончался въ СПб. вице-директоръ департамента общихъ дѣлъ министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ званіи камергера, Николай Петровичъ Золотницкій.

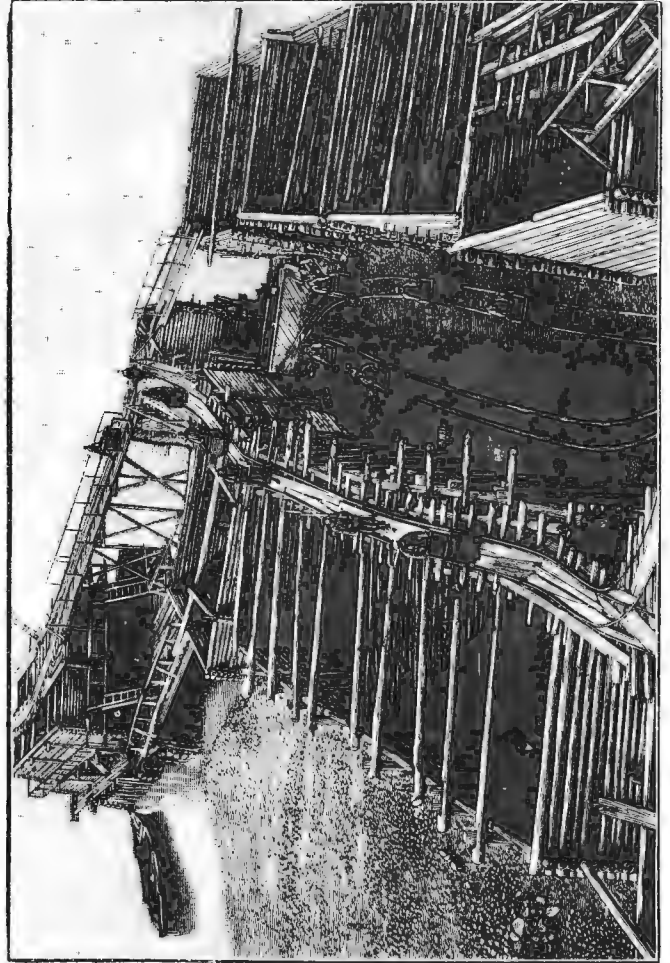
Политическое обозрѣніе.

Загнѣе охватило политическую жизнь въ Европѣ. Хотя сессія англійскаго парламента и французской палаты депутатовъ, затянувшись необычно долго, продолжаютъ занимать текущими вопросами, но послѣдніе касаются преимущественно внутренней государственной жизни Англии и Франціи, разрѣшаются спокойно и общеввропейскаго значенія не имѣютъ.

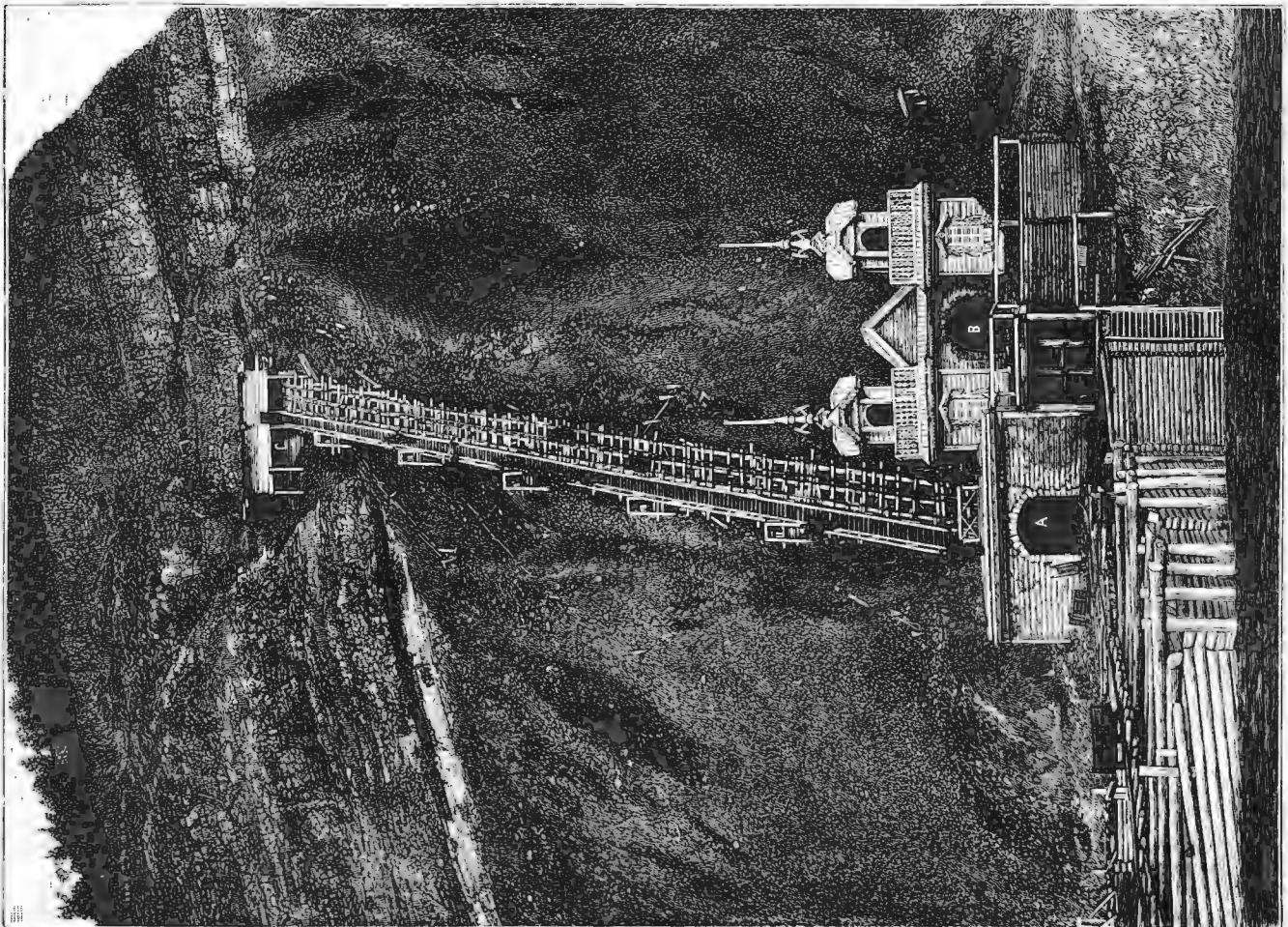
Тѣмъ болѣе привлекаютъ къ себѣ вниманіе событія послѣдняго времени на Юго-Востокѣ, несмотря на всю скудность свѣдѣній о нихъ. Въ Бѣлградѣ, вслѣдъ за постановленіемъ кассационнаго суда, которое превратило Милава Обреновича изъ „чистаго“ гражданина въ члена царствующаго дома, появилось новое постановленіе, измѣняющее и семейное

Каменноугольная копи на о. Сахалинѣ. Общій видъ расположенія дворищъ и пристани въ Семеновскомъ рудникѣ. Съ фотогр. грав. М. Гашевскій.

Каменноугольная копи на островѣ Сахалинѣ. Общій видъ расположенія дворищъ и пристани въ Семеновскомъ рудникѣ (сверху). Съ фотогр. грав. М. Гашевскій.

Входы (А, В, С) въ шахты Семеновскаго рудника на островѣ Сахалинѣ. Съ фот. грав. М. Гашевскій.

положение бывшего короля. Влѣдствіе ходатайства королевы, архіерейскій соборъ, въ предсѣдательствѣ митрополита, разсмотрѣвъ бракоразводное дѣло, вручилъ королевѣ актъ, которымъ разводъ признанъ незаконнымъ. Велѣдъ затѣмъ Миланъ лично явился къ митрополиту и, послѣ бурной сцены, настоялъ на выдачѣ, за единоличною подписью митрополита, документа, коимъ обѣщается не дѣлать пересмотра бракоразводнаго дѣла по существу. Насколько эти перемены повліяютъ на образъ дѣйствій Милана и его сторонниковъ покажетъ будущее, но политика бывшего короля и напредячкѣ партіи хорошо извѣстна по прошлымъ годамъ и оцѣнена по достоинству. Еще недавно на радикальномъ съѣздѣ Пашичъ проназесъ рѣчь, въ которой констатируетъ разореніе и униженіе, причиненныя австрийскою и хищническою политикою Милана и напредячкѣ. Пашичъ благодаря полной солидарности регентовъ, министерства и народа, Сербія снова де выведена на традиціонный путь и постепенно освобождается отъ иноземной экономической кабалы. Единодушная Сербія, не затрогивая ни чьихъ правъ, отстаивая лишь собственную независимость и православную вѣру, никого не боится. Симпатіи Русскаго народа нынѣ де на сторонѣ Сербіи. Рѣчь произвела громадное впечатлѣніе. Съѣздъ выразилъ вѣрнопопданническія чувства королю Александру и благодарность регентамъ. Респичъ благодарилъ радикаловъ за патріотическія стремленія.

Въ Болгаріи, пока Фердинандъ отсутствуетъ и совѣщается о своемъ здоровьѣ и будущемъ пребываніи среди „возлюбленнаго“ болгарскаго народа, Стамбуловъ развѣзжаетъ по странѣ, проназеситъ рѣчи и вслѣдствіи старается хлопотать о себѣ и же-князѣ. Слухи объ отреченіи князя онъ дѣятельно опровергаетъ, вполнѣ увѣренный въ выборѣ Фердинанда Кобургскаго между благоразуміемъ родственниковъ и собственнымъ честолюбіемъ. Мало того, желая добиться во что бы то ни стало признанія принца законнымъ княземъ Болгаріи со стороны турецкаго правительства, онъ пускается на проски, которые должны не особенно польстить блестящей Портѣ. Такъ велѣдъ за постановленіемъ о македонскихъ епископахъ, Стамбуловъ обратился къ великому визирю по телеграфу съ просьбою выразить султану, отъ имени болгарскихъ правителей, благодарность за разрѣшеніе вопроса о болгарскихъ епископахъ въ Македоніи и обѣщать ему поддержку Болгаріи на случай, если въ томъ встрѣтятся надобность. Кромѣ того, онъ просилъ заявить, что болгарскія газеты восхваляютъ султана

за его мудрость и справедливость. Хотя эти бераты объ епископахъ не представляютъ непосредственнаго интереса для Болгаріи, а въ этомъ вопросѣ, какъ замѣчаетъ аѳинская газета *Акрополисъ*, особенно заинтересована Сербія, тѣмъ не менѣе Стамбуловъ съчелъ своею необходимою поддаться въ Константинополь. Оно становится понятнымъ, если вѣрнѣе извѣстію *Times*, сообщающей, что 5 іюля болгарскій агентъ Вулковичъ вручилъ Портѣ ноту, въ которой софійскіе правители просятъ отвѣта—каковъ бы онъ ни былъ—на прежнюю ноту относительно признанія принца Кобургскаго болгарскимъ княземъ. Ранѣе этой ноты подана была другая, въ которой заявлялось, что болгарскіе правители, посылая первую ноту, отнюдь не имѣли въ виду грозить Портѣ и сожалѣютъ, что Порта придала ей именно характеръ угрозы.

На-дняхъ органъ князя Бисмарка, газета *Hamburger Nachrichten*, обсуждая вышнее положеніе дѣлъ, указываетъ на то, что удаленіе принца Кобургскаго отъ управленія Болгаріею послужило бы къ обезпеченію мира и что осложненій можно было бы опасаться только въ томъ случаѣ, если бы Порта оказалась отъ мудрой политики, которой держалась дониндѣ, и склонилась бы на увѣщанія сдѣлаться орудіемъ противниковъ Россіи, стоящихъ за снпюю Стамбулова. Далѣе газета говоритъ, что если бы Германія взяла на себя защиту австрийскихъ интересовъ на Балканскомъ полуостровѣ, то тѣмъ самымъ она, вслѣдствіе ухудшенія отношеній ея къ Россіи, поставила бы себя въ зависимость отъ Австріи. Сообщеніе это, конечно, не пришло по вкусу въ Австрію и газеты сильно заинтересованы, насколько причастенъ къ этой статьѣ бывшій канцлеръ. *Нейтскій Ллойдъ* заявляетъ, что нападенія этой газеты направлены прямо противъ тройственнаго союза. „Написано это—прибавляетъ *Ллойдъ*—княземъ Бисмаркомъ и отставка его оправдывается обстоятельствомъ“.

Въ Римѣ, 4 іюля, папа, въ сопровожденіи конюшнихъ и дворянскихъ гвардейцевъ, выѣхалъ въ экипажѣ изъ воротъ Ватикана, выходящихъ на улицу Фондамента, и вернулся въ Ватиканъ черезъ ворота, выходяща на улицу Музеевъ. Итальянскій часовой сдѣлалъ на караулѣ, нѣсколько рабочихъ преклонилъ колѣна. Газеты обсуждаютъ этотъ фактъ, съ 1870 г. ни разу не случившійся, и придаютъ въѣзду папы изъ Ватикана великое значеніе. Въ *National Zeitung* телеграфируютъ, что когда сопровождавшее папу лицо замѣтило, что придется проѣхать по итальянской территоріи, папа отвѣтилъ, что было бы хуже, еслибъ пришлось ѣхать по турецкой.

Гюи-де-Моассанъ. Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

С М Ъ С Ъ.

Странный обычай существуетъ среди жителей города Алешекъ, Таврической губерніи, Дѣлѣвскаго уѣзда, гдѣ на лѣвомъ берегу Дѣлѣра этнографъ Эварницкій производилъ свои изслѣдованія на мѣстѣ Запорожской Сѣчи, Алешковской. По его словамъ, между жителями Алешекъ и ближайшихъ къ городу селъ женитба рака представляетъ весьма распространенный обычай и является своего рода культомъ. Эта женитба происходитъ обыкновенно на праздникъ Петра и Павла, 29-го іюня. Въ рѣкѣ ловятъ рака и рачиху и одѣваютъ перваго въ мужское платье, а послѣднюю въ женское съ цвѣтами и лентами, вѣнчаютъ вокругъ стола и въ заключеніе пьютъ водку, играютъ на различныхъ музыкальныхъ инструментахъ, поютъ свадебныя пѣсни и танцуютъ. Трудно объяснить настоящее значеніе этого обычая: изъ того, что онъ существуетъ только у прибрежныхъ жителей, какъ кажется, можно заключить о связи его съ рыболовнымъ промысломъ ихъ, быть-можетъ женитбой рака жители желаютъ, такъ сказать, обезпечить на будущее время его плодородіе, а чрезъ это и свое благосостояніе. (в.)

Своеобразная игра природы. Нѣкая графиня Кенигсдасеръ, жившая въ началѣ прошлаго столѣтія въ Грацѣ, обладала, по разсказамъ современниковъ, замѣчательнымъ свойствомъ, которому трудно было бы дать вѣру, еслибы не многочисленныя, вполнѣ уважаемыя свидѣтельства. Графиня, имѣвшая нѣсколькихъ сыновей и дочерей, не могла переносить вида своихъ дѣтей. Какъ только, по рожденіи, къ ней приносили ребенка, она впадала въ глубокой обморокъ, и

такъ какъ это повторялось при каждой новой попыткѣ, то ничего болѣе не оставалось, какъ воспитывать дѣтей вдали отъ матери.

Одинъ изъ ея снпвей, никогда не видавшій свою мать, поступилъ въ военную службу. Когда, послѣ долголѣтняго отсутствія, онъ вернулся въ родительскій домъ, отецъ хотѣлъ еще разъ повторить опытъ. Онъ представилъ сына, какъ посторонняго офицера; графиня приняла его вполнѣ неприиужденно, но не успѣла она обмѣняться съ нимъ нѣсколькими словами, какъ упала въ обморокъ и пришла въ себя только послѣ того, какъ сына удалили. Такъ какъ второй опытъ оказался столь-же неудачнымъ, то приходилось мириться съ фактомъ, и такимъ образомъ дѣти, до самой смерти, оставались чужими своей матери. (с.)

Въ Крыму, по сообщенію одной изъ южныхъ газетъ, найдена недавно катакомба въ хребтѣ, идущемъ надъ татарской слободкой Керчи. Находится она на глубинѣ двухъ саженей подъ землей и состоитъ изъ трехъ отдѣленій. Расписана она фресками, представляющими Гермеса, крылатыхъ геніевъ и сцену изъ домашней жизни. Довольно интересная вещь здѣсь—это надписи, которая въ разводѣ гласитъ слѣдующее: „Это святилище устроилъ для себя Сорахъ, который не выбросилъ ничьей кости и заклинаетъ, чтобы его костей не грабили и не оскверняли“. Тѣмъ не менѣе катакомба эта найдена уже ограбленною. (в.)

Оригинальное научное общество возникло въ Чикаго. Оно состоитъ изъ дамъ и кавалеровъ *цвѣтной кожи*. (в.)

Наполеоновскій бюллетень 1812 г. Когда Наполеонъ I, во время своего плачевнаго отступленія, прибылъ въ Сморгонь, въ 16-ти часахъ разстоянія отъ Вильны, начальникъ штаба доложилъ ему, что пора выпустить бюллетени, такъ какъ ни Франція, ни остальная Европа не знаютъ объ опасномъ положеніи арміи, скрывать которое долѣе нѣтъ возможности. Наполеонъ согласился. Вся потеря была по возможности равномерно распределена между полками; когда-же Іоахимъ Мюратъ, король Неаполитанскій, спросилъ какимъ образомъ показать колоссальную потерю кавалеріи, которая существовала лишь на бумагѣ, императоръ сталъ задумчиво ходить взадъ и впередъ по комнатамъ. Наконецъ онъ остановился. „Сегодня страшный холодъ, сказалъ онъ, — пусть она замерзнетъ вся въ эту ночь!“ И такимъ образомъ, по приказанію императора, кавалерія, погибшая уже на пути въ Россію, замерзла въ одну эту ночь. Удивительнаго всего, что большая часть публики повѣрила этой баснѣ. Лица, вполнѣ уважаемая, рассказывали, что слышали отъ очевидцевъ, какъ дѣлая колонна — въ тридцать тысячъ человекъ! — замерзла вмѣстѣ съ лошадьми... Колонна была яко-бы выстроена противъ непріятеля и когда, на слѣдующее утро, явился главноначальствующій, чтобы сдѣлать ей смотръ, онъ нашелъ кавалерію выстроенную, но — мертвую... (с.)

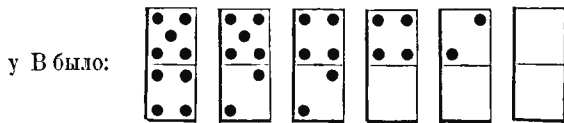
Столовая утварь Англійской королевы, хранящаяся въ двухъ отдѣльныхъ комнатахъ, съ несгораемыми желѣзными стѣнами, представляетъ собою цѣнность въ 20 миллионъ фунтовъ стерлинговъ (200 милл. рублей). Сюда относится парадный сервизъ Георга IV, на 130 персонъ, съ принадлежащимъ къ нему холодильникомъ для шампанскаго, съ хрустальными стѣнками и такой величины, что въ немъ могутъ искупаться два человека. Есть также множество вещей со времени королевы Елизаветы и великолѣпнѣйшіе экземпляры изъ Индіи, Китая и Бирмы. Къ замѣчательнѣйшимъ рѣдкостямъ слѣдуетъ отнести чашку для кофе Шведскаго короля Карла XII и столовый орнаментъ временъ Георга III, — цѣностью въ 40,000 ф. ст. Онъ имѣетъ форму навлина, тѣло и хвостъ котораго сдѣланы изъ массивнаго золота и украшены жемчугомъ, изумрудами, бриллиантами и рубинами. А также — голову тигра въ натуральную величину изъ массивнаго серебра, съ хрустальными глазами и золотымъ языкомъ. Тридцать дюжинъ тарелокъ временъ Георга IV представляютъ цѣнность въ 10,000 ф. ст. Стѣны сокровищницъ также убраны оружіемъ величайшей цѣнности, какъ вещественной, такъ и художественной. (с.)

Расхищеніе археологическихъ сокровищъ. Самовольныя раскопки древнихъ могильниковъ и торговля извлекаемыми изъ нихъ археологическими рѣдкостями въ Чечнѣ и сѣверной Осетин, по словамъ кавказскихъ газетъ, принимаютъ все большіе размѣры. Теперь осетины и чеченцы уже не поджидаютъ пріѣзда иностранныхъ ученыхъ и путешественниковъ, чтобы выгодно сдать имъ археологическія рѣдкости, а спѣшатъ продать ихъ первому встрѣчному спекулятору. Недавно одинъ изъ такихъ спекулянтовъ выгодно приобрѣлъ у осетинъ Алагирскаго общества большую коллекцію рѣдкостей, извлеченныхъ изъ древнихъ могильниковъ Ардонскаго и Валаджирскаго уцелій. Украшеніе этой коллекціи, заключающей въ себѣ болѣе 1,000 отдѣльныхъ предметовъ бронзоваго вѣка и переходной эпохи отъ этого послѣдняго къ желѣзному, кромѣ золотыхъ, серебряныхъ вещей и монетъ, покрытыхъ надписями и рисунками, между прочимъ, составляютъ и 2 дѣльныхъ, хорошо сохранившихся бронзовыхъ шлема ассирійской формы (конические), бронзовые сосуды въ видѣ вазъ, цилиндровъ и шара, небольшія печати, представляющія довольно изящно исполненное изваяніе тигра съ поджатыми лапами, фибулы, самой разнообразной формы булавки, колокольчики, дробки, стрѣлы, копыя, принадлежности лошадиной сбруи и проч. Тамъ-же имѣются и каменные топоры, нѣсколько острыхъ кремневыхъ стрѣлъ, какія-то фигурки, выточенные изъ камня и кости и быть-можетъ игравшія роль амулетовъ, и большой клыкъ мамонта съ отколотымъ концомъ у острія. Купившій коллекцію увѣряетъ, что подобныя приобретенія за ничтожную цѣну онъ дѣлалъ какъ на сѣверномъ Кавказѣ, такъ и въ Дагестанѣ. (в.)

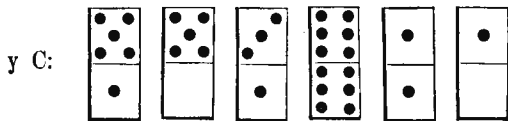
Интересныя открытія сдѣланы въ имѣніи Е. И. В. Великой Книгини Ольги Θεодоровны „Ай-Тодоръ“, гдѣ производились и производятся раскопки. По сообщенію крымскихъ газетъ, здѣсь открыты фундаменты древнихъ зданій, найдены монеты и другія вещи. Изъ монетъ обращаетъ на себя вниманіе монета съ надписью: „Sabina Augusta“, затѣмъ римскія монеты перваго вѣка и армянскія Тиграна. Для опредѣленія характера открытыхъ зданій въ Ай-Тодоръ вызывался телеграммою предсѣдатель таврической ученой архивной комиссіи. (в.)

Жертвы моря. Въ Англии опубликованы статистическія данныя, опредѣляющія число погибшихъ на торговыхъ и рыболовныхъ судахъ. Оказывается, что въ теченіе 10 лѣтъ море поглотило 30,000 человекъ. Самое большое число жертвъ, 3,512 человекъ, пришлось на 1882 годъ, а наименьшее — 2,071, на 1888 годъ. (в.)

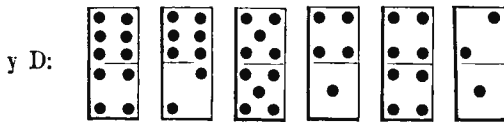
Рѣшеніе задачи игры въ домино № 33 (помѣщ. въ № 23).

изъ которыхъ три послѣдніе остались.

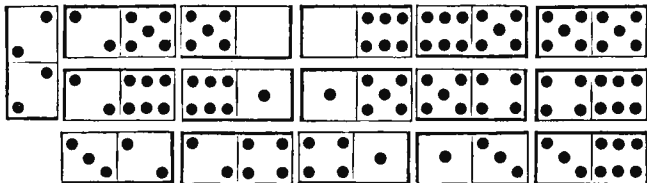
три послѣдніе остались.

два послѣдніе остались.

Ходъ игры:

Верныя рѣшенія этой задачи присланы отъ Гг.: С. П. Соколова въ Калугѣ, М. Юрѣва въ Одессѣ и М. Борисовскаго въ Брюсселѣ.

Рѣшеніе шарады № 34 (помѣщенной въ № 24).

„Балконъ“.

Въ пользу голодающихъ черногорцевъ въ контору журнала „Нива“ вновь поступили пожертвованія отъ слѣдующихъ лицъ: Непавѣтнаго изъ Татарбунаръ — 3 р., М. В. изъ Ковельска 3 р. и Д. Е. Гончарова изъ Ростова на Дону — 3 р., — всего 9 руб. (а съ предъидущими 104 р. 42 к.), каковая сумма сдана въ Хоз. Управл. Святѣйш. Синода по квитанціямъ за №№ 5,241 и 457.

Рѣшеніе шашечной задачи № 36 (помѣщенной въ № 24).

- Бѣлыя. Черныя.
- 1) d 4 — c 5
 - 2) f 4 — c 7
 - 3) f 6 — d 8
 - 4) e 1 — c 3
 - 5) b 2 — a 3
 - 6) d 8 — a 5
 - 7) a 5 — e 1
 - 8) e 1 — a 5
 - 9) h 4 — f 6
 - 10) a 3 — b 4
 - 11) a 1 — b 2
- вар. а.
- 1) b 4 — d 6
 - 2) d 8 — b 6
 - 3) h 6 — d 2
 - 4) f 8 — h 6
 - 5) a 5 — b 4
 - 6) b 4 — d 2
 - 7) a 7 — b 6
 - 8) h 6 — g 5
 - 9) b 6 — c 5
 - 10) c 5 — a 3
 - 11) a 1 — b 2
- вар. б.
- 5)
 - 6) a 3 — b 4
 - 7) a 1 — b 2
 - 5) b 6 — c 5
 - 6) c 5 — a 3
 - 7) a 7 — b 6

- 8) c 3 — d 4
- 9) d 4 — b 6
- 10) d 8 — a 5
- 11) h 4 — f 6
- 8) b 6 — c 5
- 9) a 5 — c 7
- 10) h 6 — g 5
- шашка заперта.

Остальныя варіаціи понятны. Верныя рѣшенія этой задачи присланы отъ Гг.: Н. П. Смирнова въ Москвѣ, и С. П. Соколова въ Калугѣ.

Рѣшеніе шахматной задачи № 35 (помѣщенной въ № 24).

- 1) J g 6 — g 2 Ф d 1 — g 4
 - 2) J a 3 — h 3+ куда угодно.
 - 3) J g 2 — h 2 или C f 4 — g 5++
- Верныя рѣшенія этой задачи присланы отъ Гг.: СПб. — А. Сивилъ, Витебскъ — Н. Зельмина, Дисна — М. Д. Коблицъ, Калуга — С. П. Соколова, Щучинъ — В. Берштейнъ, Ярославль — Д. К. Крылова.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „НИВА“ проситъ Гг. подписчиковъ, НЕ ВНЕСШИХЪ ПОЛНУЮ ГОДОВУЮ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ за „НИВУ“ 1890 года, озаботиться своевременными взносами слѣдуемыхъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатные адресы отъ бандеролей.

СОДЕРЖАНІЕ: П. С. Ванновскій (съ портр.). — Жизнь, какъ она есть. Романъ въ пяти частяхъ. Вас. И. Немировича-Данченко. Часть III. (Продолженіе). — Старинный вальсъ. (Изъ рассказовъ стараго маюра). (Окончаніе). — Панорама Константинополя. В. Теплова (съ 8 рис.). — Къ рисункамъ: Погребеніе въ катакомбахъ (съ рис.). — Два пугала (съ рис.). — „Конюренцы“. Март. Н. Н. Каразина (съ рис.). — На Намѣ (съ рис.). — Гульманъ (*Semnopithecus entellus*) (съ рис.). — Угольные копи острова Сахалина (съ 3 рис.). — Гюи де-Мопассанъ (съ портр.). — Разныя извѣстія. — Политическое обозрѣвіе. — Смісь. — Рѣшенія задачъ. — Заявленіе. — Объявленія.

Прод. 160 д. удоб. чернозему, съ хоз. завед. Козл. у., Тамб. г. Адр. Шехманская и. с. Тамб. г. М. М. Тимофееву. № 4631

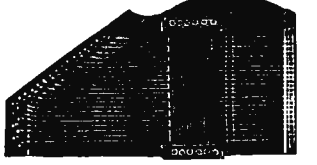
ПЕЧАТНАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылается бесплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи: **ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ**

Москва С.-Петербургъ Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21.

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ

Собств. издѣлія продаются по вновь удешевленнымъ цѣнамъ:

- съ 3 педальми по 4 р. и 4 р. 50 к.
- „ 7 „ съ приспособленіемъ для легкой и скорой настройки по 6 рублей

Самый легкій инструментъ для изученія. Приятный тонъ. Въ короткое время проданы многія тысячи.

За пересылку по почтѣ прому прилагать за 4 руб. за 10 фунт., за 6 руб. за 15 фунт.

И. Ф. МЮЛЛЕРЪ

Москва, Петровка, домъ Волкова. Иллюстр. преясъ-курантъ всѣмъ инструментамъ бесплатно. (32) Ц. № 3864 Торговцамъ дѣлается скидка.

ЛЕННИНГЪ и ГЛОЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2408

Во всѣхъ складахъ духовъ и во всѣхъ парикмахерскихъ во Франціи и за границей.

LA VELOUTINE

Спеціальная рисо-пигментовая пудра.

CHARLES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

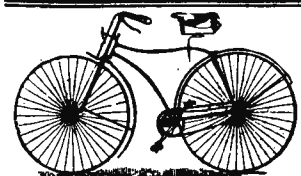
Ц. № 3767 (69)

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ, БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ Д-РА ЛЕНГИЛЯ

употребляется для бѣлизны кожи, лица и рукъ. Въ виду многихъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на припечатанную здѣсь охранительную марку и на подпись единственнаго агента **Василія Аурихъ**, въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18—19.

Цѣна: флакону 1 руб. 65 коп., бензоево мыло 35 коп. и 50 коп. кусокъ, оло помада (лучше колдъ-крема) 1 руб. Упаковка и пересылка въ Европ. Россіи 70 коп., въ Азіат. 1 р. Имѣется во всѣхъ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. В. № 4407 12 - 10

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ

Франкфуртъ н/М. Р. № 4387

ФАБРИКАНТЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ „ОРЕЛЬ“. (7)

Велкаго рода двухъ- и трехъ- колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей. Составили части и принадлежности. Имѣютъ агентовъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 шфен. марками.

СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО „РОССІЯ“

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное въ 1881 г.

Общество заключаетъ по умѣреннымъ преміямъ:

- Страхованія пассажировъ отъ несчастныхъ случаевъ во время путешествія по желѣзнымъ дорогамъ, на пароходахъ, въ дилижансахъ и экипажахъ.
- Страхованія отъ всякаго рода несчастныхъ случаевъ, могущихъ произойти съ застрахованнымъ лицомъ во время путешествій, поѣздокъ, прогулокъ; при несчастьяхъ въ домахъ, храмахъ, фабрикахъ и театрахъ; при исполненіи служебныхъ обязанностей; вообще вездѣ — дома и внѣ дома, съ условіемъ возврата Обществомъ всѣхъ внесенныхъ премій или безъ такового. Страхователи участвуютъ въ прибыляхъ Общества.
- Коллективныя страхованія служащихъ и рабочихъ на фабрикахъ, заводахъ, постройкахъ и т. п. отъ несчастныхъ случаевъ, могущихъ приключиться при исполненіи служебныхъ обязанностей.
- Страхованія могутъ быть заключаемы въ Правленіи Общества въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13) и въ Агентствахъ Общества во всѣхъ городахъ Имперіи.
- Страховые билеты по страхованію пассажировъ на желѣзныхъ дорогахъ и на пароходахъ выдаются также на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, на пароходныхъ пристаняхъ и въ главныхъ гостинницахъ въ городахъ Россійской Имперіи.

№ 4586 4 - 4

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО

И. ГОЛЛЕНДЕРЪ

Для смягченія кожи.

Новоизобрѣтенное вазелиновое мыло, пріятнаго запаха, придаетъ кожѣ желаемую нѣжную мягкость. Цѣна за кусокъ 30 коп., 3 куска съ пересылк. 1 р. 50 к.

Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи.

Главный складъ: СПБ., Демидовъ пер., д. № 1. (38) № 4278

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Вс. Соловьева.

Ром.-хрон. XVIII в., въ 3 ч. Ром. этотъ обнимаетъ эпоху правленія и низложенія Царени Софій. СПб. 1886 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп.; въ коленкор. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 руб. 25 коп.

КАПИТАНЪ ГРЕХАДЕРСКОЙ РОТЫ.

Ром.-хрон. XVIII в. Вс. Соловьева. Изд. 3-е. СПб. 1886 г. Ц. 2 руб., съ пересылкой 2 руб. 50 коп.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ

на Всемирной Выставкѣ въ Парижѣ 1889 года.

О-ДЕ-КОЛОНЪ

ЦВѢТОЧНЫЙ

БРОКАРЪ и Ко.

№ 4630 Изобрѣтены 7-1

Складъ фабрики: Офицерская, 6.

ЛУЧШАЯ ЗАБАВА НА ЛѢТО.

ТОЛЬКО 10 РУБ.!

Настоящій фотографическій аппаратъ, не игрушка, коимъ каждый, даже ребенокъ, можетъ снимать съ натуры портреты, виды, ландшафты и пр., въ визитн. и кабинетную велич., съ пробн. снимк. и руководств. Перес. за 15 фунт. Адресъ: С.-Петербургъ. Складъ новыхъ изобрѣтений, 4, Невскій просп., 4. Новый иллюстр. каталогъ всѣхъ изобрѣтений за 7 коп. марку.

ЭЛЕПАТЪ ПРОВ. КИНУНЕНЪ

для волосъ. Элепатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп., но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона, — пров. Кинуненъ. (28) № 4287

Главный складъ: С.-Петерб., Демидовъ пер., д. № 1.

CIGARETTES ESPIC contre ASTHME & CATARRHE

AUTORISÉES PAR LE GOUVERNEMENT RUSSE

Le pôt général: STOLL & SCHMIDT, à Saint-Petersbourg

Vente en gros: J. ESPIC, 20, rue Saint-Lazare, Paris.

Exiger la Signature sur chaque Cigarette.

Употребляемая въ С.-Петербургск. Воспитательномъ Домѣ

МОЛОЧНАЯ МУКА

для вскармливанія грудныхъ дѣтей, суррогатъ материнскаго молока

Паров. фабр. **БЛИГКЕНЪ и РОБИНСОНЪ** въ СПБ.

Единственный агентъ для Россіи: **ВАСИЛІЙ АУРИХЪ**, Колокольная, 18 — 19, въ С.-Петербургѣ.

Его подпись должна быть на каждой жестянкѣ:

Цѣна 90 к. за жестянку безъ пересылки. Продается въ аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи. В. № 4408 9-7

ГОРЬКАЯ ВОДА САКСЛЕНЕРА

По свидѣтельству врачейъ этотъ Purgativ имѣетъ слѣдующія преимущества:

Аккуратное и ВѢРНОЕ дѣйствіе, МАЛАЯ ДОЗА.

Владѣлецъ: **АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ** въ Будапештѣ.

ПРОДАЕТСЯ у ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ и АПТЕКАРЕЙ.

ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ

ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ

„ГОЛЛЕНДЕРА“.

Средство для уничтожения мозолей и бородавок. Цена 35 коп. за флаконъ, за два флакона съ перес. 1 руб.

Получать можно во всѣхъ парфюмерн., аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главный складъ у Голлендера, Демидовъ пер., № 1. Въ С.-Петербургѣ. (23) № 4366

БАРОМЕТРЫ-АЭРОИДЪ.

Въ нѣмк. опра. въ 5 и 6 р., 50 к., по-рек. за 2 и 3 фун.

Въ полн. дерев. оправѣ отъ 9 до 14 р. То же съ термометромъ отъ 13 до 22 р. Карманный баром. и для измѣренія высотъ отъ 11 до 45 р.

Е. КРАУСЪ и К°.

Фабрика въ Парижѣ, Aven. d. I. Républ. 4. 2-1 ДЕПО ДЛЯ РОССИИ № 4628

С.-Петербургъ, Мойка, № 42.

Шпюстр. прейсъ-кур. выслается бесплатно.

ЖЕНСКОЕ УЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ

съ курсомъ правительственныхъ гимназій Л. Ф. Ржевской

Садовая - Каретная, д. Карчагинныхъ. Ежедневныя физическія упражненія по системѣ Профессора Лесгафта и подъ рукою водствомъ его ученицы. Иностранныя языки преподаются по натуральному методу. Для правильной подготовки ученицы къ гимназическимъ классамъ открывается Отдѣленіе приготовительнаго класса для малолѣтнихъ дѣвочекъ „Дѣтскій садъ“ съ платою 50 р. въ годъ. Съ IV кл. для желающихъ вводителю преподаваніе латинскаго языка. Ученицы принимаютъ приходящими, пансіонерками и полу-пансіонерками. Заявленія о поступленіи принимаются съ 10 го августа ежедневно съ 10 ч. до 3 ч. Приемные экзамены 28 и 31 августа съ 10 ч. Начало ученія 1 сентября. Программы можно получить у секретаря въ теченіе дня ежедневно. П. № 4624

ЖЕЛАЮЩИХЪ

купить или продать имѣніе приглаш. адресъ Харьковъ, около Виржи, Константинову. На переп. прилаг. марки. Писать, если возможно, заказными. № 4626

МАССА БЛАГОДАРН. и ОТЛИЧН. ОТЗЫВОВЪ

ОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНІЕ

БУХГАЛТЕРІИ

ИНОГОРОДНИХЪ и МОСКОВСКИХЪ

ПОСРЕДСТВ. ЛЕКЦІИ-КОРРЕСПОНДЕНЦІИ

ВПОЛНЪ ЗАМѢНЯЮЩИХЪ УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ. — ПЛАТА УМѢРЕННАЯ.

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ КОММЕРЧЕСКАЯ НАУКА

С. Я. ДИЛЛЕНТАЛЬ.

АРБАТЪ, МАЛ. НИКОЛО-ПЕСНОВСКОИ

МОСКВА, ПЕРЕУЛОКЪ, ДОМЪ АДАМОВИЧА.

ПОДРОБНЫЯ УСЛОВІЯ и ПРОбныя ЛЕКЦІИ

ВЫСЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

Торговый Домъ Ж. БЛОКЪ,

Москва, С.-Петербургъ, Кузнецкій Мостъ, Б. Морская № 21.

имѣетъ единственный Складъ для всей Россіи велосипедовъ: (швѣтъ, Вишнетъ, Русскій Клубъ, Молли (New Rapid), Имперіаль и пр.

ДО СКОГО ВЕЛОСИПЕДОВЪ ПОСТОЯННО НА СКЛАДѢ

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ

Шпюстр. Курьеръ Свѣтъ № 2 = 150 руб. =

Прейсъ-Курьеры выслаются бесплатно.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

Вышло изъ печати и поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новое изданіе А. Ф. МАРКСА въ СПБ.:

ИСУСЪ

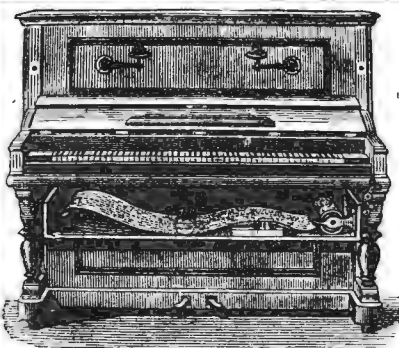
(сынъ Навина).

Повѣствованіе изъ библейскихъ временъ **ГЕОРГА ЭБЕРСА.**

Переводъ съ нѣмецкаго. (Право перевода приобретено отъ автора).

Пяцно изданный томъ in 8° (387 страницъ), отпечатанный на лучшей веленовой бумагѣ, красивымъ убористымъ шрифтомъ, съ 58-ю гравюрами въ текстѣ, исполненными по рисункамъ художника А. Земцова. СПБ. 1890 г. Ц. 2 руб., съ перес. 2 р. 20 к.

Требованія просить адресовать въ СПБ., въ контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

НОВОСТЬ!

МЕХАНИЧЕСКОЕ

ПИАНИНО

заграничной работы, новѣйшей конструкціи. Можно играть не только какъ на обыкновенномъ пианино, но также отлично исполнять всѣ танцы и концертныя пьесы посредствомъ верченія ручки.

Цѣна безъ нотъ 600 руб. Ноты по 1 руб. 25 коп. за каждый метръ (=1½ аршина).

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ и НОТЪ. С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. - Москва, Кузнецкій м., домъ Захарьина.

„ДЕШЕВЫЯ НЕСГОРАЕМЫЯ ПОСТРОЙКИ“.

Составилъ М. Н. Грудинцовъ, Саратовскій Губернскій Архитекторъ. Продается во всѣхъ столичныхъ и провинціальныхъ книжныхъ магазинахъ; главный складъ изданія въ Саратовѣ, Нѣмецкая улица, книжный магазинъ Духовникова и отдѣленіе его въ Петербургѣ, Фонтанка, домъ № 170. № 4623

ВИРТЕМБЕРГСКАЯ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВ. АКАДЕМІЯ

въ Гогенгеймѣ. D. № 4627 2-1 Зимній курсъ начинается въ среду, 15-го Октября с. г. Программы и списки лекцій съ планомъ сельско-хозяйственнаго заведенія выслается по желанію бесплатно

КОРОЛЕВСКАЯ ДИРЕКЦІЯ АКАДЕМІИ Гогенгеймъ, въ Іюль мѣс. 1890 г. Vossler.

НИЖЕГОРОДСКАЯ ЯРМАРКА.

Складъ для оптовой продажи товаровъ Товарищества С.-Петербургскаго Механическаго Производства Обуви находится во время ярмарки въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ Пушномъ ряду, противъ канавы лит. А. и Б., №№ 15, 16 и 17. Настоящее объявленіе просить гг. торговцевъ принять къ свѣдѣнію.

№ 4622

НОВОСТЬ!

ПАРУСИНОБЫЕ БАШМАКИ НА РЕЗИНОВОЙ ПОДОШВѢ

удобнѣе, мягче, прочтѣе и дешевле обыкновенныхъ башмаковъ.

Иногороднымъ выслается почтою наложеннымъ платежемъ. 3-3

КОНСТАНТИНЪ МАЛЬМЪ

СКЛАДЪ РЕЗИНОВЫХЪ ТОВАРОВЪ

Большая Морская, № 34.

ЛѢТНЯЯ НОВОСТЬ!

Англискіе растягивающіеся кушачи „ГРАЦІЯ“ изъ позолоченой проволоки съ массивн. позолоченнымъ замочкомъ, прокшашные блямбы, розовымъ, голубымъ, золотымъ, синимъ, темно-краснымъ и чернымъ шелкомъ. Кушачи прозрачныя очень прохладительны и пріятно носить для каждой дамы.

Цѣна 3 руб. 50 коп. Торговцамъ дѣлается уступка. Единственный складъ для Россіи у **ОСКАРА ЛЕССЕРЪ,** С.-Петербургъ, Садовая, 12-18, въ 1-мъ дворѣ.

Вышелъ новый иллюстрированный прейсъ-куррантъ на 1890 г. извѣстнаго англійскаго завода Зингеръ и № Новентри. Представитель для всей Россіи Генрихъ Немлишна въ Москвѣ, уголъ Тверской и Старого Газетнаго пер., д. Фальцъ-Фейнъ, магазинъ № 19.

КОМПАНИОНЪ

нуженъ для торговаго дома съ капиталомъ отъ 15 до 80 тыс. рублей, съ личнымъ участіемъ, или безъ оного, дѣлю выгодное и чистое, извѣстной фирмы, инволю безобремененное событіемъ, безъ всякаго риска; желающихъ просить адресовать письменно: № 500 В, въ контору объявленій А. Ремизова, Тверская, рядомъ съ д. ген.-губернатора. № 4621

ПОСЛѢДНЯЯ НОВОСТЬ ВЪКА!

„АВТОМАТИЧЕСКІЙ ПРОДАВЕЦЪ“.

Особенно важно для дѣла. Продажа шпюстр., сигаръ, газетъ, шоколада, духовъ и проч. товаровъ въ магазинахъ, садахъ и проч. производится этимъ аппаратомъ автоматическимъ, т. е. безъ содѣйствія кого-либо, при одномъ лишь опусканіи въ него соотвѣтствующ. монеты.

Цѣна отъ 30 р.

Новый каталогъ всѣхъ изобрѣтеній за 7 исп. марку. Мт. № 4629

ЕДИНСТВЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО ДЛЯ РОССИИ: С.-Петербургъ, СКЛАДЪ НОВЫХЪ ИЗОБРѢТЕНІЙ 4, Невскій пр., 4.

№ 4711

РЕЙНСКІЕ БУКЕТЫ

СЛѢДУЮЩИХЪ ЗАПАХОВЪ:

Подсѣмниинъ, Гольдлакъ, Маслиннъ, Геаіотропъ, Ландишъ, Ополончикъ, Резеда, Рейнская роза, Рейнская фиалка, Рейнскіе цвѣты и Ясминникъ.

Прекосходные, продолжительные и дешевые духи для платковъ.

Цѣна флакона, содержащаго ¼ фунта **1 р. 25 коп.**

Можно получать во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и заграници.

Главное депо у Алекс. Тисъ и К°, Пушкинская, № 4. Ц. № 4615 3-2

ПОВѢСТИ и РАЗСАЗЫ Вс. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

XXI г.
№ 30

г. XXI
1890

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 28 июля 1890 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1890 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку непарейль (1/4 шир
стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
75 к.—Загран.: для Франціи у
Agence Havas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ Петер-
бургъ **5 р.**
Съ доставкою въ Петер-
бургъ **6 р. 50 к.**
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. **9 р.**

Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл.
Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. лии. **6 р.**
Съ пересылкой въ Москву и другіе го-
рода Россіи **7 р.**

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

БЕЗЪ ВСЯКОЙ ДОПЛАТЫ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ ГЛАВНЫХЪ ПРЕМІЙ.

Лягушечій концертъ. Съ карт. Мари Ло, грав. Бонгъ

Стихотворенія

А. Фета.

Графиня В. С. Толстой.

I.

Гдѣ средь инаго поколѣнья
 Намъ мѣръ такъ пусть,
 Ловлю усмѣшку утомленья
 Я вашихъ устъ.

Мнѣ все сдается, миновали
 Восторги розъ,
 Цвѣты послѣдніе увяли,
 Побилъ морозъ.

И безуханна, безпривѣтна
 И та гряда,
 Гдѣ распушилась, чуть замѣтна,
 Лишь борозда.

Но знаю, въ воздухѣ нагрѣтомъ
 Вотъ здѣсь со мной,
 Цвѣты задышатъ прежнимъ лѣтомъ
 И резедой.

II.

(Послѣ моего юбилея).

Пора! по влагѣ кругосвѣтной
 Я въ новый мѣръ перехожу
 И съ грустью нѣжной и завѣтной
 На милый сѣверъ свой гляжу.

Я знаю, уносимъ волною,
 Съ звѣздой полярною въ очахъ,
 Что ты вдали горишь за мною
 Въ твоей красѣ, въ твоихъ лучахъ.

Жизнь, какъ она есть.

Романъ въ пяти частяхъ. **Вас. И. Немировича-Данченко.**

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. (Продолженіе).

Крѣпышевъ былъ настоящій московскій типъ. Въ формальномъ и застѣгнутомъ на всѣ пуговицы Петербургѣ такіе невозможны. На чиновничихъ чернилахъ ихъ не выпоишь и на ингерманландскихъ болотахъ не вырастишь... Крѣпышеву было уже 68 лѣтъ—но на его бѣлой отъ сѣдинъ львиной головѣ глаза горѣли юношескимъ блескомъ, губы улыбались такою наивною и доброю улыбкою, что, увидѣвъ ее разъ, всѣ понимали: нѣтъ въ цѣломъ мѣрѣ такой силы, которая въ этой прекрасной душѣ могла-бы угасить вѣру въ правду, надежду на будущее и любовь къ людямъ. Это былъ типъ стараго апостола—закрывавшаго глаза на все злое, но удивительно умѣвшаго всюду подмѣчать доброе и прекрасное. Онъ не говорилъ, а импровизовалъ... Начиная неуверенно, робко, путался, смолкалъ—и опять начиналъ слово за словомъ; но вдругъ, какъ какой-то неудержимый вихрь, его подхватывалъ потокъ вдохновеннаго увлеченія—и Александръ Васильевичъ, сгорбившійся и ветхій, вдругъ молодѣлъ, вырасталъ и каждое слово его, смѣлое, сильное, чудное, вызывало слезы на глазахъ слушателей, дѣлало ихъ добрѣе и лучше. Полный экстаза, дѣтски чистый, онъ наивно любилъ человѣка—какъ любятъ природу, какою-бы она ни являлась. Когда ему говорили о чьей-нибудь подлости—онъ негодовалъ и вдругъ гдѣ-то, на самомъ днѣ ея, выискивалъ незамѣтный другому глазу слабый проблескъ добра и правды, схватывался за него и, мучительно болѣя сердцемъ, кричалъ: „дайте разгорѣться этой искоркѣ, пусть она охватитъ падшую душу пожаромъ, вѣрьте—все нечистое, подлое сгоритъ въ немъ... Спасите человѣка! Нѣтъ такой лужи, какъ-бы она грязна ни была, въ которой не отразилось-бы солнце“... И окружающимъ казалось, что это солнце горитъ собственно въ его душѣ, въ душѣ этого молодого старца, горячимъ свѣтомъ блестя въ его увлекательномъ словѣ и согрѣваетъ все охолодѣвшее, ожесточившееся, разъ оно обращается къ послѣднему. Крѣпышевъ не зналъ страха когда надо было дѣлать добро; отъ озлобленности его спасло чувство прекраснаго, никогда не разлучавшееся съ его душою.

Онъ встрѣтился со Сластеновымъ въ одномъ обществѣ... Кто-то рассказывалъ объ умиравшей съ голоду семьѣ стараго профессора... Вдругъ у Сластенова вы-

рвалось: „Ужасно, ужасно!.. Всю жизнь человѣкъ работалъ, сѣялъ знаніе, служилъ наукѣ—чтобы потомъ гнѣло самое дорогое, что у него было: его жена, дѣти...“ И вдругъ, не говоря ни слова, уѣхалъ къ себѣ и послалъ вдовѣ чекъ на сумму, проценты съ которой обезпечивали ее и дѣтей.. Крѣпышевъ, самъ товарищъ покойнаго, но бѣднякъ, пріѣхалъ благодарить Василія Герасимовича—расплакался, обнялъ его и поцѣловалъ... Они разговорились. Вдругъ Сластенову пришло въ голову:

— Возьмите мою газету...

— Газету? изумился Крѣпышевъ.

— Да—газету...

— А вѣдь я думалъ—и въ головѣ Крѣпышева, являвшейся какою-то неистощимою лабораторіей мыслей, сейчасъ же сложился планъ о томъ, какое чудное вліяніе газета, ежедневная бесѣда съ громадною аудиторіей, можетъ имѣть на общество, на заскорузлое, эгоистическое, все охваченное заботою о грошѣ общество. Онъ вдругъ всталъ, совсѣмъ по-молодому прошелся изъ угла въ уголь и остановился передъ Сластеновымъ, и глядя на него юношески восторженными глазами заговорилъ: „Знаете, мы напишемъ на нашемъ знамени...“ И пошелъ, и пошелъ... Черезъ нѣсколько дней онъ явился въ редакцію—а слѣдомъ за нимъ свѣжей струей ворвался въ нее совсѣмъ иной духъ, очищающій. Какой-то отблескъ идеала легъ на все, что теперь выходило изъ-подъ пера его сотрудниковъ. Онъ всѣхъ заразилъ своимъ энтузіазмомъ... Подписка пошла. За Крѣпышевымъ явилось много новыхъ талантливыхъ силъ. Онъ такъ увлекъ всѣхъ, что даже Софія Стручкова (Текла Геліотропова тожъ) стала причесываться и разъ атаковала его вопросомъ—извѣдалъ-ли онъ когда-нибудь высокое чувство раздѣленной любви...

Въ Крѣпышевѣ нравились даже его смѣшныя черты.

Онъ былъ страшно расцѣянъ. Голова, вѣчно занятая великими идеями, мало думала о будничномъ и житейскомъ. Ему случалось ѣхать къ генералъ-губернатору и быть остановленнымъ на улицѣ кѣмъ-либо изъ знакомыхъ.

— Александръ Васильевичъ... куда вы это въ столь странномъ костюмѣ?

— Какъ... во фракѣ, батенька.

— Фракъ-то фракъ... но ужь остальное слишкомъ полѣтнему... Положимъ, сегодня жарко.

И Александръ Васильевичъ только тутъ замѣчалъ неприличную неполноту своего одѣянія...

Часто когда къ нему приходили молодые писатели и спрашивали съ трепетно бьющимся сердцемъ:

— Прочли вы мою статью?

— Прочелъ, прекрасная статья... Слѣдуетъ вамъ работать... Очень хорошая статья... Гдѣ били она...

Онъ начиналъ рыться въ своемъ столѣ, обращая кабинетъ въ вавилонское столпотвореніе — статьи не находилось; но вдругъ умъ его озарился и онъ дѣтски радостно улыбался...

— Представьте пожалуйста... Я вѣдь ею въ кухнѣ окно заткнулъ. Мавра, а Мавра... дай-ка ту рукопись, которою я окно заткнулъ.

Мавра приносила, Александръ Васильевичъ торжественно раскрывалъ ее, со словами: „я здѣсь на поляхъ сдѣлалъ отмѣтки...“ и вдругъ изумлялся...

— Нѣтъ... это мой переводъ испанскаго поэта Лопе-де-Вега... Великій драматургъ... здѣсь у него прекрасное мѣсто... „Честь женщины—поругана тобою, но я люблю, и въ сердцѣ у меня...“

— Позвольте, робко волновался юноша.—А моя рукопись?

— Какая ваша рукопись? уставлялся на него Крѣпышевъ.

— О которой вы только что говорили?

— Ни объ какой рукописи я не говорилъ.

Наконецъ онъ мало-по-малу возвращался къ сознанию дѣйствительности, и опять начинались поиски, призывалась та же неизбѣжная Мавра...

— Гдѣ рукопись? строго обращался онъ къ ней.

— Бумаги, что-ли...

— Ну да... Въ кружокъ свернутыя...

— Въ красной обложкѣ, робко вставлялъ юноша.

— Въ красной? радовалась Мавра. — Ну, такъ въ красной вы вчера сапожнику послали.

— Что—о!

— Сапожнику...

— Какому сапожнику? растерянно пучилъ глаза Крѣпышевъ, ничего не понимая.

— Сиклионову! начинала уже раздражаться Мавра.

— Да я ему долженъ былъ деньги послать, а не рукопись. Зачѣмъ сапожнику рукопись?

— А ужь это я не знаю... Сказали: отнеси... я и отнесла. И Сиклионовъ удивился. „Впрочемъ, говорить, оставь, я почитаю въ праздникъ когда“. Можетъ что антиреспектное, баринъ даромъ бы не послалъ.

И Александръ Васильевичъ беспомощно хлопалъ глазами и вдругъ огорошивалъ посѣтителя:

— Ну такъ вотъ видите, значить она у сапожника... и отлично... А теперь мы съ вами почитаемъ Шекспира...

Вмѣсто Петербурга, ему случилось пропутешествовать въ Орель, вмѣсто одного дома—попасть въ другой. Разъ онъ, приглашенный на купеческую свадьбу — ошибся домомъ, улицей и кварталомъ, съ удовольствіемъ провелъ вечеръ, долго на прощанье жаль руку молодому, вдругъ порывисто обнялъ и поцѣловалъ его и на его вопросъ какъ ему понравилась молодая, съ ясною улыбкой отвѣтилъ:

— Уродъ, знаете, но вѣрно доброе сердце... У такихъ всегда доброе сердце...

Часто, когда у него собирались гости, онъ вдругъ соображалъ, что „хозяину“ пора спать, вставалъ не замѣчая что онъ у себя, шелъ въ переднюю, прощаясь, надѣвалъ шубу, уходилъ впередъ куда глаза глядятъ, задумывался, шелъ-шелъ, потомъ, почувствовавъ усталость, бралъ извозчика, говорилъ ему свой адресъ, и подѣзжая къ дому съ изумленіемъ видѣлъ всѣ окна своей квартиры ярко освѣщенными... Его встрѣчали

хохотомъ, объясняли ему ошибку—и онъ наивно оправдывался: „со мной это случается, господа...“ Разъ въ редакцію онъ явился расцарапанный.

— Что съ вами, Александръ Васильевичъ?

— Да вчера у Коврова... вмѣсто шапки—сибирскаго kota на голову надѣлъ...

Вмѣсто калошъ онъ попадалъ въ чужую и свою шляпы, на литературныхъ вечерахъ выходилъ, раскланивался—начиналъ: „сейчасъ я вамъ, господа, прочту...“ Принимался рыться въ одномъ карманѣ въ другомъ, и вдругъ, вмѣсто статьи, вытаскивалъ подъ обшій хохотъ старую туфлю, задумывался и затѣмъ успокаивалъ публику: „рукопись-то, господа, я должно-быть забылъ—значить до слѣдующаго раза!“ И подъ обшій рукопесканія уходилъ съ эстрады. Рассказывали о томъ, какъ, поспоривъ объ идеѣ прекраснаго въ твореніяхъ Блаж. Августина — онъ со своимъ оппонентомъ разстался и вдругъ на Лубянкѣ опомнился, остановилъ проходившаго мимо жандармскаго поручика за пуговицу:

— И такъ вы, сударь, думаете, что въ двѣнадцатомъ письмѣ своемъ Блаженный Августинъ не обнаружилъ высокаго соотвѣтствія начала, середины и конца и притомъ въ образахъ...

— Позвольте...

— Нѣтъ, не позволю, вы сначала мнѣ отвѣтите... Вѣдь помните это мѣсто?

И онъ по-латынѣ начиналъ цитировать Блаженнаго Августина.

Жандармскій поручикъ обидѣлся и требовалъ карточку Крѣпышева...

Говорятъ, что разъ по ошибкѣ въ подобномъ случаѣ онъ далъ карточку своего пріятеля, которому потомъ невѣдомо за что и досталось на орѣхи.

Организаторъ при этихъ условіяхъ онъ былъ плохой, но за то въ газету внесъ оживленіе, увлекательную силу вѣры въ правду и сумѣлъ вдохновить другихъ работавшихъ въ ней своимъ юношескимъ экстазомъ.

Когда Сластеновъ поднялся наверхъ — Крѣпышевъ уже былъ тамъ.

— Я вчера былъ у васъ и не засталъ, встрѣтилъ его тотъ.—Куда вы уѣзжали?

— Я былъ все время дома.

— Ну вотъ!.. Я въ семь часовъ пріѣзжалъ—и сидѣлъ у васъ до полночи.

Сластеновъ зналъ уже Александра Васильевича.

— Да вы куда ѣздили?

— На Таганку—второй домъ справа.

— А я живу за Рогожской частью въ самомъ концѣ. Крѣпышевъ моргая задумался и наконецъ дошелъ до истины:

— Значить я вчера не къ вамъ попалъ... Странно... У кого же это я былъ?.. очень пріятно провелъ время и мы много спорили... Да кстати — у репортера у нашего, Третьякова, жена родила. Надо ему помочь. Онъ триста рублей просить...

— Какъ? вмѣшался Нешумовъ, — да вѣдь эта жена уже родила два мѣсяца назадъ, а на прошлой недѣлѣ умерла... И мы на похороны и на крестины уже давали ему деньги.

— Скажите пожалуйста... какой интересный фактъ! задумался Крѣпышевъ. — Ужасно интересный! Какъ вы говорите...

Нешумовъ ему повторилъ.

Крѣпышевъ что-то соображалъ, потомъ подошелъ къ Наплаксину и сказалъ ему:

— Знаете, вы бы воспользовались этимъ... для научной хроники...

Онъ пришелъ въ себя подъ обшій хохотъ...

— Ахъ, какой прелестный старикъ! восторгалась Софія Стручкова (Текла Геліотропова тожъ).—Какой очаровательный старикъ!.. Я была бы даже готова по-

Гонецъ въ пустынѣ. Съ карт. А. Пазини, грав. Маццеллио.

любить его! закатила она глаза, но тотчас же обратилась къ Сластенову дѣловымъ тономъ:

— Василий Герасимовичъ... надѣюсь, что я имѣю дѣло съ порядочнымъ человѣкомъ: позвольте мнѣ впередъ за пять листовъ авансъ... Я, знаете, напишу такой романъ, что его переведутъ на всѣ языки.

Сластеновъ далъ авансъ... Его дѣло кажется только и заключалось въ выдачѣ авансовъ.

III.

За послѣднее время все чаще и чаще Василий Герасимовичъ, разсѣянный и не наблюдательный вообще, поневолѣ ловилъ на себѣ упорный и загадочный взглядъ Паша. „Ты хочешь мнѣ сказать что-то?“ спрашивалъ онъ у нея, отрываясь отъ книги или безцѣльнаго шатанія по гостиной. „Нѣтъ, такъ!“ уклонялась та отъ прямого отвѣта. Она бы впрочемъ и сама не могла дать себѣ отчета—о чемъ она думала въ такія минуты. Какіе-то беспорядочные отрывки мыслей, не связанныхъ вовсе между собою, роились въ ея головѣ, какъ роится пчелы въ лѣтнюю жару. Одни отлетали прочь, другіе возвращались... „Добрый...“ проносилось въ ея мозгу. „Очень добрый... Такой добрый, что всякій его можетъ съѣсть безъ остатка, а онъ и не опомнится. Чтой-то точно бы и не мужчина совсѣмъ... Самъ по хорошему думаетъ—а кругомъ одни плуты да мошенники пользуются. Вступить-бы, да какъ—не въ свое дѣло?.. И матушка говорила: „въ мужнія дѣла не суйся, а свое береги и будетъ у васъ міръ всегда и благополучіе“... А только жалко... Галопишко этотъ всѣхъ обвелъ—командуетъ... А хороший Васенька, очень хороший. Дурной мысли у него нѣтъ—только и воли своей нѣтъ. Дома запустилъ все, кабы я къ рукамъ не прибрала—самому бы ему не опомниться. Кузьма Степановичъ приказывалъ бы здѣсь, а онъ бы слушался. Сказываютъ... и женщины у него здѣсь до меня не было. Нѣтъ, хороший... А только мякоть какая-же!.. Кто его захотѣлъ, тотъ и въ руки взялъ. Неужто-жъ всю жизнь такъ-то изъ чужихъ рукъ смотрѣть будетъ... да чужими глазами... И гдѣ они растутъ такіе! А на словахъ-то... тогда въ обители меня совсѣмъ огуманилъ. Какъ еще! Думала я, такой онъ умникъ что мнѣ съ нимъ страшно будетъ. А ничего страшнаго нѣтъ. Такъ, не человѣкъ, а мечтаніе одно...“ Она вспомнила свои слова: „боязно мнѣ съ нимъ, мама... Такой онъ для меня безонятный. Дура я рядомъ съ нимъ, совсѣмъ дура“... А онъ вонъ какой вышелъ ручной, хошь имъ кашу мѣшай, хошь его съ кашей ѣшь!“ И она засмѣялась. Вчера еще такъ его опредѣлили Ечкинь, думая что его никто чужой не слышитъ, а Паша была за перегородкой и невольно усмѣхнулась. Именно: „хочешь имъ кашу мѣшай, хочешь его съ кашей ѣшь. Онъ на все согласенъ... На все... Точно бы и не человѣкъ“. И вмѣстѣ съ жалостью къ мужу въ ней пробуждалось какое-то обидное чувство къ нему, не то пренебреженіе, не то презрѣніе... Она стала на него смотрѣть какъ на больного, но больного всегда. Первое время больного жалко. Женщина готова плакать надъ нимъ, а потомъ острое чувство боли уходитъ, является другое... „Бѣдный... а только же и скучно! Что это онъ всегда-всегда боленъ! Годъ-бы ничего, а то сколько годовъ и все съ постели не встаетъ, возись съ нимъ!.. Хотъ-бы ужъ скорѣй его Богъ прибралъ!“ нежданно для самихъ себя въ такихъ случаяхъ додумываются лучшія изъ женщинъ. Иной разъ ей хотѣлось двигаться, шумѣть, суетиться. Здоровье говорило, кровь требовала возни, шалости... Казалось, угомону ей нѣтъ въ такія минуты. Она срывалась съ мѣста, схватывала Василия Герасимовича за плечи, вытаскивала на середину зала и давай вертѣть его и вертѣться съ нимъ, приговаривая: „да ну-же, ну!“ И Сластеновъ на первыхъ порахъ глядѣлъ въ ея разгорѣвшееся лицо и сіяющіе безавѣтнымъ весельемъ

глаза, тоже смѣялся, бѣгалъ, „игрался“, какъ выразилъ разъ свое впечатлѣніе все тотъ же не въ мѣру наблюдательный Ечкинь. Но „играться“ ему долго не приходилось. Жена бывало только что разойдется, а онъ ужъ и сомлѣлъ... одышка у него и устава—и такъ бы и присѣлъ на первое кресло... „Эхъ ты! кричала она ему,—догони-ко меня!“ Но онъ сидѣлъ тяжело дыша, весь блѣдный. „Тебѣ бы въ книжку все!.. Ну, да ужъ Богъ съ тобой, чтò дѣлать“. И она, запыхавшаяся, румяная, уходила съ чувствомъ какой-то неудовлетворенности въ душѣ и еще больше съ какимъ-то обиднымъ снисходительнымъ пренебреженіемъ къ мужу. „Игрались, игрались сегодня, объяснялъ вечеромъ Ечкинь кому-нибудь изъ домашнихъ,—а онъ и смякъ... Хошь ты имъ кашу мѣшай, хошь ты его съ кашей ѣшь, а онъ на все согласенъ. Такой ужъ недородъ человѣчій“. „Недородъ человѣчій“—аудиторіи понравилось, какъ опредѣленіе вѣрное, и точное, и краткое, и стали съ тѣхъ поръ его присные звать такимъ образомъ Василия Герасимовича между собою. „Ахъ, ты, недородъ человѣчій!“ смотрѣлъ ему вслѣдъ Козьма Медичисъ. „Именно недородъ!“ думалъ мордастый швейцаръ, подавая ему шубу, и для этого даже не выпуская изъ рукъ *Дешевой газетки*, усерднѣйшимъ читателемъ которой онъ былъ.

— Всѣ-то въ тебѣ заискиваютъ, всѣ тебѣ какъ миліонщику кланяются, говорила Сластенову жена,—а тебѣ чего-то стыдно, и говоришь ты съ ними точно прощенія у нихъ просишь. Хотъ бы ты у дядюшки у Саввы Кузмича поучился. Ишь онъ какой! Онъ себѣ на ногу наступить не позволить. Гдѣ ужъ! А то вчера Галопишко пріѣхалъ, наораль-наораль—а у тебя и словъ никакихъ нѣтъ. Поди опять съ чекомъ уѣхалъ?

— Да. Нельзя-же. Дѣло вѣдь. Сама знаешь. Деньги въ этихъ дѣлахъ—что кровь у человѣка. Нѣтъ денегъ—и дѣло не идетъ, нѣтъ крови—и человѣкъ умираетъ.

Она посмотрѣла на его блѣдное лицо и усмѣхнулась.

— Что ты? спросилъ.

— Такъ я... А то есть и такіе что безъ крови живутъ...

Она вышла изъ комнаты и стукнула за собою дверь, сама не понимая на чтò она зла.

Вообще все кругомъ дѣлалось такъ, какъ она того хотѣла. Ея желанія были закономъ. Всего оказывалось вдоволь. А между тѣмъ она далеко не чувствовала себя хорошо, счастливо. Точно чего-то, но чего-то самаго главнаго ей не доставало. Все кажется на лицо—а тошно. Нѣтъ души, безъ которой это все—безжизненно и безцвѣтно... „Есть такіе что и безъ крови живутъ!“ уже усмѣхалась она про себя.

— Какой ты! набросилась она разъ на Василия Герасимовича.—На все ты согласный.. Именно: Согласъ Согласовичъ... Такъ бы мнѣ и звать тебя надо было.

— И зови.

— А тебѣ это не обидно?

— Съ чего же это я обижаться стану?

— Ужели я не стѣю? Съ чего тебѣ обижаться? Хотъ бы ты когда поспорилъ со мной... побранилъ... Ну, ударилъ что-ли...

Онъ глаза на нее вытаращилъ:

— Какъ это ударилъ?

— Такъ по нашему, по купечеству бываетъ... Бранятся и не со зла, а такъ, въ душѣ закинуть, ну и ткнуть.

— Этого только не доставало.

— Ну, ударъ! смѣясь подошла она къ нему.— Ну, ударъ... Не смѣешь...

Онъ улыбаясь чуть дотронулся до ея плеча. Паша вспыхнула.

— Эхъ ты!.. Цыплячья смерть! По нашему-то вотъ какъ! и отвѣсила ему такую тукманку, что Василий

Герасимовичъ изъ одного кресла очутился вдругъ въ противоположномъ, лицомъ къ стѣнѣ.

— Однако, рука!

— Тебя когда обидитъ кто, а ты этого не можешь, смѣялась она.

— Подымать руку на человѣка не слѣдуетъ.

— Все-то у тебя по правилу... Все-то по правилу, и кто васъ такихъ правильныхъ дѣлаетъ! Ну, а вотъ что... Ну вотъ положимъ если-бы я... да вдругъ тебя разлюбила... Такъ любилась-любились, да вдругъ и шабашъ. Не хочу де этакого разносола... Другаго люблю, вотъ и все...

— Другаго? задумался Василий Герасимовичъ.

— Да, другаго... Другой де лучше... я его и люблю. Что-жь бы ты и тогда не убилъ меня?

— Убить!—и Василий Герасимовичъ изумился. — За что-жь убивать?

— Какъ за что? уже разозлилась она. — За измѣну да не убить... Либо искалѣчить на всю жизнь.

— Что за варварство!

— А ты бы какъ сдѣлалъ? какъ по вашему-то, по правильному? Ну?..

— Я бы принялъ на себя все, даль бы тебѣ разводъ и выходи ты за него замужъ.

— Что!? не вѣрила своимъ ушамъ Прасковья Яковлевна.

— Выходи за него замужъ.

Она уставилась на мужа, точно видѣла его въ первый разъ въ жизни.

— Своими руками меня такъ бы и отдалъ чужому?

— Да какъ же иначе?

Но она уже не слушала его, а вся горячая негодованіемъ, вскочила и подошла къ Сластенову:

— Какъ? А вотъ какъ... Чтобы ужъ если не мнѣ, такъ и никому другому. Потому коли я люблю, такъ лучше мнѣ мертвымъ его видѣть, чѣмъ знать что другая его милуетъ да цѣлуетъ... Слышишь ты это?.. Я бы его вотъ такъ за горло схватила...

И Василий Герасимовичъ забарахтался въ ея рукахъ, чуть не высовывая языка.

— А потомъ суди меня Богъ и люди. Все равно ужъ. Эхъ вы, правильные!.. съ нескрываемымъ презрѣніемъ ужъ окончила она.—Правильные... Своими руками-бы отдалъ чужому...

„Я бы *его*, отчего-же не я бы *тебя*“... пронеслось у нея въ головѣ. Почему когда она говорила о Василии Герасимовичѣ, она никогда не смѣшивала его съ тѣмъ „съ нимъ“, съ идеальнымъ „нѣкто“, котораго бы она и душила, и ласкала, и ревновала ко всему свѣту? Мелькнуло это въ ея памяти и безслѣдно исчезло.

— И любить-то васъ по настоящему не стѣить! Правильныхъ. Все по правилу, всегда по правилу, а по душѣ, да по сердцу — никогда!.. закончила она, выходя въ другую комнату.

Такъ Сластеновъ и не понялъ на что она злится.

Въ другой разъ въ саду какомъ-то—дѣло было лѣтомъ — подпившій саврасъ непочтительно отнесся къ Прасковѣ Яковлевнѣ. Смотрѣлъ-смотрѣлъ на нее въ упоръ, да и выпалилъ: „Хороша Маша да не наша, а ужъ мнѣ бы да такую!“ Сластенова вздрогнула. Она съ испугомъ обернулась къ мужу. Въ первое мгновеніе думала—быть бѣдѣ... Кинется ея Васенька на обидчика... Но Васенька благоразумно взялъ ее подъ-руку и увелъ прочь, приговаривая „что съ пьянымъ связываться...“ Вначалѣ Паша была очень довольна, скандала избѣжала, да потомъ вдругъ ей ужасно горько стало. „Другой-бы, подумала она,—за эти самыя слова, живаго-бы мѣста на обидчикѣ не оставилъ... Всего-бы его грызкомъ изгрызъ, коли-бы силы не хватило“.

— Ты что мрачная такая? спросилъ ее мужъ.

— Такъ, не любишь ты меня... То-есть любишь...

только по-своему, по-правильному... Затронь-ка кто хоть бы Марью Алексѣевну, да ея мужъ я не знаю что...

— Ея мужъ... засмѣялся Сластеновъ, — ея мужъ дикарь, грубое животное... Вышелъ-бы только скандалъ, процессъ, неприятности.

— Да развѣ объ этомъ думаютъ въ такихъ случаяхъ?.. Развѣ думаютъ—что да какъ выйдеть?

— Ея мужъ... не унимался Сластеновъ. — Ея мужъ и ее иногда наотмашь...

— Что-жь такое, если съ сердцовъ... Если у какого человѣка сердце горячее... Это только у васъ у правильныхъ... Ну, напали-бы на меня, что бы ты сдѣлалъ...

— Какія глупости, засмѣялся Василий Герасимовичъ, — слава Богу, не въ лѣсу живемъ... Въ Москвѣ кто на тебя нападетъ!..

— А я знаю, что бы ты сдѣлалъ, упорно стояла она на своемъ.—Ты бы, замѣсто всего, „караулъ“ сейчасъ кричать. Вотъ что бы ты сдѣлалъ! Нѣтъ, не настоящий ты... Есть куклы такія,—совсѣмъ живая, кажется, а все она не настоящая... Такъ и ты.

Въ другой разъ Прасковья Яковлевна обратилась къ Василию Герасимовичу:

— Прикажи ты своему Галопинкѣ, чтобы онъ рукъ моихъ не цѣловалъ своими жидовскими губами... слышишь?.. Не хочу я этого.

— Какъ же я ему прикажу... удивился Сластеновъ.

— Такъ, какъ слѣдуетъ. Не смѣй-де рукъ у моей жены цѣловать, потому ей противно это.

— Развѣ это можно? Вѣдь онъ обидится.

— А тебѣ что до его обиды? Пушай обижається... Наплевать намъ на его обиду. Не мы въ немъ, а онъ въ насъ нуждается.

Въ сердцахъ Паша начинала говорить по старому, уфѣдному.

— Ну что, сказала ему что-ли? спросила она на другой день.

— Нѣтъ... Пойми сама, какъ же мнѣ ему сказать-то... Стыдно... Зачѣмъ же... въ самомъ дѣлѣ...

— Эхъ ты... протянула она.—Цыплячья смерть!..

И до вечера избѣгала съ нимъ встрѣчаться, а когда Боголюбовъ Боголюбовичъ пришелъ, она не подала ему руки.

— Ручку-съ! развязно расшаркивался онъ.

— Ладно... обойдетесь... На всякія губы и руки-то не хватить...

Такъ что даже Курцъ сконфузился и заговорилъ о чемъ-то постороннемъ.

Прасковья Яковлевна разъ какъ-то заѣхала въ редакцію вмѣстѣ съ мужемъ. День, какъ нарочно, выдался горячій, передъ праздниками. Ее поразило, что никому не приходило въ голову спрашивать о чемъ бы то ни было ея мужа. Даже больше, когда онъ по какому-то второстепенному вопросу вмѣшался было, Нешумовъ съ удивленіемъ поднялъ на него глаза.

— Тебя бы по старому за хохолокъ твой слѣдовало дернуть, замѣтилъ онъ.—Это не твоего ума дѣло.

— А что же по твоему моего ума дѣло?

— А вотъ вынимай чековую книжку, да пиши намъ авансы. Въ этомъ все твое назначеніе въ мірѣ.

Сластеновъ засмѣялся. Прасковья Яковлевна потупилась и слушала.

— Вы ему и дома-то не позволяйте другими дѣлами заниматься! съ милою развязностью отнесся къ ней Нешумовъ.—Потому у него—тутъ всегда было мало! стукнуть онъ себя по лбу.

— А у васъ много? наивно спросила она.

— У насъ? опѣшилъ онъ.

— Да?

— Помилуйте... Это наша специальность... Мы торгуемъ умомъ... пробовалъ было отшутиться онъ.

— А я думала, что торгуете мужними авансами!

Такъ Нешумовъ и присѣлъ, безсильно опустивъ руки

и соображая, что барыня-то ядъ и при ней надо ходить опасно и держать ухо востро.

Какъ-то разъ Пешумовъ распутился до того, что собственнаго же патрона, Сластенова, пробралъ въ его же газетѣ.

Ирасковья Яковлевна вслухъ прочитала его фельетонъ мужу.

— Ну? окончила она — Такъ этому и быть?.. Тутъ и про твою фабрику, и про твой домъ на Тверской, и про то какъ Галопъ тебя за носъ водить „уцѣмивъ его пальцами“... Что-жъ ты дѣлать будешь?

— А что? Право печатнаго слова, видишь-ли..

— Ничего я не вижу... А вотъ пошли-ко ты дядюшку Савву Кузмича вмѣсто себя... онъ имъ покажетъ. Да, впрочемъ, куда тебѣ... Ты знаешь, я въ твои дѣла не мѣшаюсь... А только это ужъ...

Газета тѣмъ не менѣе шла.

Подписывались на нее изъ-за Крѣпышева, изъ-за людей вмѣстѣ съ нимъ вошедшихъ въ дѣло, хотя „Петербургскія силы“ относились къ этимъ съ пренебреженіемъ. „Ну, что можетъ быть хорошаго изъ этихъ московскихъ дрожжей?“ думали они, и когда *Сегодня* стало печататься уже въ 15,000 экземплярахъ, Пешумовъ прѣбхалъ къ Сластенову и предложилъ ему:

— Ну, видишь какъ дѣло пошло. Теперь вотъ что, сгони ты этого Крѣпышева. Зачѣмъ онъ намъ? Совсѣмъ лишній... Я ужъ и то поправляю-поправляю его статьи.

— Ты? изумился Сластеновъ.

— Да, я... Чего ты тарачишься?

— А онъ на это что-жъ?

— Младенецъ-то? Да развѣ онъ замѣтитъ что. Сегодня спрашиваетъ, чья это статья?.. Я говорю—ваша. Онъ только головой покачалъ. Своего не узналъ... Да кстати подиши мнѣ маленькій авансикъ.

Всякая литературная бесѣда заканчивалась для Сластенова всегда этою стереотипною фразой. Онъ даже пересталъ считать эти авансы. Дошло до того, что репортеръ Трешетовъ разъ въ пьяномъ видѣ вскочилъ къ нему на Кузнецкомъ мосту въ сани и заоралъ благимъ матомъ: „давай авансъ, чортъ тебя возьми, дрянъ ты такая!“ И Сластенову стоило не мало труда убѣдить его, что на улицѣ никакъ аванса написать нельзя. „Слѣдовало бы съ тебя сорвать что-нибудь“, раздумчиво проговорилъ Трешетовъ, слѣзая съ саней. „Да ужъ такъ... Побъжай пока и чувствуй, что мы, писатели—солъ земли, а ты только денежный мѣшокъ и ничего больше.. Есть въ твоихъ мѣшкѣ деньги—ты человекъ; нѣтъ—грошъ тебѣ цѣна въ базарный день...“

— Уйми ты свою редакцію! ворвался къ нему разъ Савва Кузмичъ.

— А что?

— Меня разнесли сегодня. Что-жъ это будетъ такое?.. За наши же деньги.

— Ничего я съ ними сдѣлать не могу.

— Не давай авансу... Попросятъ, а ты имъ покажи шишъ. На-те, дескать, выкусите..

— Какъ же это отказывать?..

— Оставьте его! вмѣшалась Ирасковья Яковлевна.— Ему вѣдь вступиться за свое стыдно. И сколько у него стыда этого, просто страсти Господни! Точно онъ укралъ что...

(Продолженіе будетъ).

Дочь полка.

(Эпизодъ изъ минувшей турецкой кампаніи).

Знаменитый бой 28 ноября 1877 года, имѣвшій, какъ извѣстно, рѣшающее влияние на исходъ всей кампаніи, покрывшій новыми лаврами наше побѣдоносное оружіе и окончившійся паденіемъ неприступныхъ Плевненскихъ твердынь и сдачей необходимаго (*Гази*) турецкаго военачальника Османа-пашы съ его сорокатысячной арміей, шелъ къ концу.

На выручку изнемогавшихъ въ борьбѣ съ превосходными силами вдесятеро многочисленнѣйшаго врага и вынужденныхъ въѣдствіе этого уступить свои позиціи, храбрыхъ Асраханскаго и Сибирскаго гренадерскихъ полковъ, бывшихъ въ этотъ знаменательный день на аванпостахъ,—прибыли свѣжія войска гренадерскаго корпуса, стоявшія на позиціи отъ дер. Долній-Дубникъ до оврага „Копанная могила“. Ударивъ во флангъ наступавшаго побѣдоносно непріятеля, они мгновенно измѣнили ходъ сраженія. Турки, не выдержавъ стремительнаго натиска нашихъ гренадеръ, пораженные паническимъ страхомъ, смѣшались и начали въ хаотическомъ безпорядкѣ поспѣшно отступать къ рѣкѣ Виду, за которой выплыли ихъ укрѣпленія. Громогласное, раскатистое, побѣдное „ура“ пронеслось изъ конца въ конецъ по обширнымъ Плевненскимъ равнинамъ и долго стояло неумолкаемымъ гуломъ, покрывая собою громъ орудійныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ. Перейдя въ наступленіе, части гренадерскаго корпуса, развернувъ фронтъ, стремительно преслѣдовали бѣжавшихъ турокъ сплошными залпами берданокъ и картечью изъ орудій, которыя успѣли вновь занять прежнія свои позиціи въ отбитыхъ было непріятелемъ батареяхъ.

— Молодцами гренадерскіе гренадеры *)! Валяй ихъ хорошо! весело напутствовать своихъ солдатъ командиръ корпуса, генералъ Ганецкій, пробѣжая въ головѣ свиты мимо наступающихъ рядовъ гренадеръ.

— Рады стараться, ваше превосходительство! восторженно отвѣчали храбрецы на привѣтствіе любимаго начальника и ураганомъ неслись впередъ за бѣжавшимъ отъ нихъ непріятелемъ.

Масса труповъ, какъ турецкихъ, такъ и нашихъ, покрывала обширное поле боя. Тяжело раненные снѣжились подниматься и, случалось, что съ послѣднимъ вздохомъ, такой страдалецъ пускалъ изъ винтовки пулю вслѣдъ удаляющемуся врагу. Нѣкоторые-же, въ особенности турки, напрягали послѣднія усилія, стараясь отползти въ заросли кукурузныхъ полевовъ, съ тщетною надеждой укрыться отъ наступавшей лавы нашихъ войскъ.

Въ самый разгаръ преслѣдованія непріятеля, въ линію огня

*) Любимая поговорка И. С. Ганецкаго.

Авт.

вступилъ 2-й баталіонъ С—каго гренадерскаго полка, подъ командою майора Г—скаго.

— Рота, стройся влѣво, бѣгомъ! скомандовалъ командиръ 8-й роты, молодой поручикъ Д—вичъ, выбѣгая впередъ фронтомъ своей части.

Лишь исполнили солдатики команду своего начальника и, съ ружьями „на перевѣсъ“, двинулись вслѣдъ за медными впереди, подъ огнемъ непріятельскихъ батарей, своими однополчанами.

Пробѣжавъ приблизительно около версты, лѣвый флангъ роты вынужденъ былъ пробираться въ густой заросли высокихъ стеблей кукурузнаго поля.

— Эй, Сидорчукъ! Глянько-съ что за штука! крикнулъ товарищу ефрейторъ Борщовъ, останавливаясь въ нѣсколькихъ шагахъ передъ лежавшею на землѣ, своеобразно-интересною группой.

— Штука и есть! согласился подбѣжавшій на зовъ приземистый Сидорчукъ.

Передъ ними на землѣ, на стебляхъ смятой и обильно смоченной кровью кукурузы, лежалъ съжившійся трупъ турецкаго редиѣа. Лицо покойнаго носило слѣды только что минувшей мучительной агоніи, а правая рука застыла въ судорожномъ объятіи, которымъ онъ какъ бы старался привлечь къ себѣ на грудь прелестнаго четырехъ-лѣтняго ребенка-дѣвочки, уцѣпившуюся въ свою очередь обѣими руками за шею убитаго и въ невыразимомъ испугѣ широко раскрывшую большіе каріе глаза на подошедшихъ такъ неожиданно нашихъ солдатиковъ.

— Вотъ такъ находка! развелъ руками Борщовъ.

— Да какъ ее сюда занесли?.. Родитель это ейный, надо полагать, недоумѣвалъ Сидорчукъ.

— Должно родитель. Ишь ты сердечная, какъ уцѣпилась-то за него!

— Жалко тоже чай...

Разсуждая такимъ образомъ, солдатики начали приближаться къ убитому и дѣвочкѣ.

Ребенокъ нагнулъ головку къ лицу покойнаго и, пугливо озираясь на подошедшихъ, еще крѣпче началъ жаться къ трупу.

— Дѣвонька... Глушенькая... Тятка что-ли это тебѣ будетъ?.. Тятка-то теперь ау! померъ! жалостливо бормоталъ Сидорчукъ, нагнувшись къ дѣвочкѣ и глядя ее по головкѣ.

— Рабеночекъ-то, рабеночекъ какой... Картинка! восторгался въ то же время и Борщовъ, стараясь приласкать малютку. Дѣвочка тряслась отъ невыразимаго страха при видѣ чуждыхъ ей усачей и затѣмъ расплакалась.

Съ добрымъ утромъ! Карт. П Вагнера.

— Эко горе-то!.. Что-жь мы теперь съ ней дѣлать-то будемъ? недоумѣвалъ сердобольный Сидорчукъ.— Зѣбси ее оставить никакъ невозможно, того и гляди шальная пуля еще задѣнетъ.

Какъ бы въ подтвержденіе этихъ словъ, въ разстояніи не болѣе шага отъ ребенка просвѣтала и зарылась въ землю пуля, пущенная со стороны отступающихъ турокъ.

— Эге, братъ, такъ негодится! съ сердцемъ буркнулъ Сидорчукъ.— Возьмемъ-ка, Борщовъ, дѣвочку-то отъ покойника. За чтѣ младенецъ-то погибать должонъ?.. Нешто онъ виноватъ!

— И то, возьмемъ да и понесемъ къ ротному... Находку моль, ваше благородіе, нашли. А тамъ начальство ужъ порѣшить, куда ребенка дѣвать.

— Вѣстимо, какіе мы христіане будемъ, коли ребенка на погребъ оставимъ!.. Ишь какъ плачетъ, сердечная!.. Ау, душенька... Пойдемъ съ нами, милая.

— Пойдемъ... Папка умеръ... Неча съ имъ сидѣть... Идемъ. Утѣшая какъ могли плачущаго ребенка по своему, солдатики съ трудомъ отняли его отъ трупа.

Снявъ съ себя башлыкъ, Сидорчукъ, при помощи товарища, укуталъ головку и шею малютки, а затѣмъ, посадивъ ее на правую руку, вскинулъ на лѣвое плечо ружье; и причмокивая и цюцкаяя, чтобы утѣшить какъ-нибудь своего найденыша, двинулся въ сопровожденіи Борщова догонять ушедшую далеко впередъ роту.

Огонь въ это время, какъ съ непріятельскихъ позицій, такъ и со стороны наступающихъ нашихъ войскъ, началъ замѣтно утихать. На непріятельскихъ батареяхъ вѣнчавшихъ грозныя Плевненскія высоты, за рѣкою Видомъ, появились бѣлые флаги, выкинутые по распоряженію Османа-пашы, который, будучи въ это время раненъ и не предвидя возможности дальнѣйшаго сопротивленія геройскому наступленію нашихъ войскъ, послалъ парламентера къ генералу И. С. Ганецкому съ предложеніемъ безусловной сдачи.

Когда Сидорчукъ и Борщовъ со своею живою находкой догнали роту, она уже подходила къ Видекому мосту. Какъ орудійный, такъ и ружейный огонь съ обѣихъ сторонъ былъ прекращенъ. Генералъ Ганецкій, въ сопровожденіи начальника штаба генералъ-майора Маныкина - Невструева, генерала Струкова и другихъ лицъ свиты, отправился на турецкія позиціи въ ставку раненаго Османа-пашы, чтобы принять его саблю. Масса турокъ покрывала края высотъ за Видомъ, складывая оружіе и съ невыразимою тоскою поглядывая на стоящихъ внизу за рѣкою, своихъ торжествующихъ побѣдителей.

— Робата, глянь-ко, Сидорчукъ-то нашъ чтѣ несетъ!

— Эй, Сидорчукъ, кого это тебѣ Господь послалъ?

— Кажн, Сидорчукъ, кого тащншь?..

Послышались восклицанія въ рядахъ солдатиковъ, когда наши пріятель со своей ношей появились среди однополчанъ.

— Дѣвочку, братцы, намъ съ Борщовымъ Богъ привелъ найти. Ишь какая красавица! отозвался усачъ Сидорчукъ, любовно глядя на ребенка и открывая его личико, чтобы могли изъ полюбоваться подошедшіе товарищи.

— И то красавица!

— Ишь ты махонькая какая!

— Люлю... люлю, милая!

— Не плачь, мы тебя въ обиду не дадимъ.

Подходя одинъ за другимъ къ ребенку и поочередно лаская его, говорили солдатики.

Вскорѣ около Сидорчука съ его ношей и Борщова собралась почти вся рота.

Принесшіе дѣвочку усачи едва успѣвали отвѣчать на задаваемые имъ со всѣхъ сторонъ вопросы, по поводу найденной ими малютки.

Вѣсть объ интересной находкѣ мигомъ разнеслась по всему полку, и офицеры, во главѣ съ командиромъ 8-й роты, къ которой принадлежали Сидорчукъ и Борщовъ, не замедлили послѣдствовать, чтобы разузнать въ чемъ дѣло.

— Господа! посмотрите, прелесть какая! почти дѣтеки восторгался молодой поручикъ Д—вичъ, взявъ малютку къ себѣ на руки и покрывая ее поцѣлуями.

Офицеры, въ свою очередь, ласкали ребенка и любовались имъ.

— Однако, что-же ты думаешь дѣлать съ этой малюткой, куда ты ее помѣстишь? заботливо замѣтилъ, обращаясь къ Д—вичу, одинъ изъ ротныхъ командировъ, штабсъ-капитанъ Т—ко.

— Какъ что?.. Во-первыхъ, сообщу о своей находкѣ командиру полка, а во-вторыхъ, отправлю какъ можно скорѣе въ лагерь, въ свою землянку... Прикажу моему деньщику, Ирлюцу, чтобы онъ объ ней позаботился... А когда самъ вернусь въ лагерь, такъ ужъ тогда приложу всѣ усилія, чтобы по возможности устроить ее какъ можно удобнѣе, относительно помѣщенія, костюма и продовольствія.

— Что-же, такъ и будешь возить ее за собою?.. Да быть-можетъ у нея родители отыщутся въ Плевнѣ.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе!.. Мы ее нашли около

отца въ кукурузѣ, отецъ убитъ былъ, а она къ ему жалась больно ужъ жалостливо таково, отозвался Сидорчукъ, не отходявшій все время отъ ребенка.

— Да ты почему-же знаешь, что это былъ ея отецъ?

— Сичасъ замѣтно, ваше благородіе... Къ кому-же какъ не къ родителю будетъ такъ жаться дитѣ!

Своеобразная логика солдатика вызвала улыбку на лицахъ окружающихъ ребенка офицеровъ.

— Ну, господа, тамъ будь чтѣ будетъ, а пока что, заботы объ малюткѣ я всецѣло беру въ настоящее время на себя, въ силу того, что онъ найденъ людьми моей роты, да кромѣ того, я, любя вообще дѣтей, считаю нравственнымъ долгомъ позабиться насколько въ моихъ силахъ, объ этой, такъ неожиданно попавшей въ наши руки, дѣвочкѣ, рѣшительно пронзешь Д—вичъ, лаская ребенка.—Господа! посмотрите, да она смѣется! съ неподдѣльнымъ восторгомъ добавилъ онъ, замѣтивъ улыбку на лицѣ плакавшей и дичившейся всѣхъ до той поры крошки.

Дѣйствительно, въ силу-ли пріятнаго впечатлѣнія или другихъ какихъ-либо неуловимыхъ причинъ, благопріятно подѣйствовавшихъ на первную систему малютки, она, встрѣчая отовсюду ласки и видя добрыя лица окружающихъ ее незнакомыхъ людей, хотя и не понимала ихъ разговора, тѣмъ не менѣе, понемногу освоилась со своимъ положеніемъ и глядя недоумѣло на все происходящее вокругъ, изрѣдка улыбалась, какъ-бы въ отвѣтъ на расточаемыя ей лѣзности.

Привлеченные слухомъ о находкѣ сѣланной нижними чинами 8-й роты, вскорѣ пришли полюбоваться и узнать подробности и старшіе офицеры полка: баталіонные командиры и самъ командиръ полка.

— А ну-ка, поручикъ, похвастайте вашимъ найденышемъ? обратился полковникъ М—овъ къ нянчившемуся съ ребенкомъ Д—вичу.

— Извольте, г. полковникъ... Прелесть дѣвочка!

— Красавица, красавица! согласился полковникъ, потрепавъ ребенка по щекѣ.—Только куда вы ее теперь помѣстите?

— Въ лагерь думаю отправить, г. полковникъ. Пока что, въ землянкѣ ея у себя устрою.

— Ну, что-жь, устраивайте... Только кормить вы чтѣмъ ее думаете?.. Ребенку молоко вѣдь надо, къ нашей грубой пищѣ едва-ли она привыкнетъ.

— Ужь я на этотъ счетъ постараюсь, г. полковникъ.

— Корова, ваше высокоблагородіе, въ Магалетахъ¹⁾ у болгарина есть, я бымыши въ хлѣбнекахъ высмотрѣлъ, заявилъ вдругъ вынырнувшій изъ толпы солдатъ Сидорчукъ, вытягиваясь передъ полковымъ командиромъ.

— Ну и молодецъ!.. Это не ты-ли нашелъ дѣвочку?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе... Съ Борщовымъ въ кукурузѣ обрѣли.

— Молодецъ!.. Такъ ты ужъ и похлопочи насчетъ молока.

— Постараюсь, ваше высокоблагородіе!

Въ это время раздалось со стороны Гривницкаго редута раскатистое, восторженное „ура“ войскъ лѣваго фланга. Побѣдный кликъ этотъ былъ принятъ и подхваченъ гренадерами стоящими у рѣки Видъ, и затѣмъ полетѣли вверхъ тучею шапки... Августѣйшій главнокомандующій, Великій Князь Николай Николаевичъ объѣзжалъ свои храбрыя войска и поздравлялъ ихъ съ побѣдой. Восторгъ былъ выше всякаго описанія.

8-я рота поручика Д—вича была назначена въ числѣ прочихъ частей полка для принятія плѣнныхъ, выходившихъ изъ Плевны по сложеніи ими оружія.

Не имѣя возможности лично отправиться въ лагерь подъ Дольній-Дубнякъ, Д—вичъ распорядился, чтобы принятая имъ на попеченіе малютка была отправлена туда и помѣщена возможно удобнѣе въ его землянкѣ.

— Смотри-же, Сидорчукъ, ты отнеси ребенка какъ можно бережнѣе, да позаботься, чтобы какъ-нибудь достать у марки-танта булокъ и затѣмъ молока... Слышишь? Вотъ тебѣ деньги, говорилъ Д—вичъ, отправляя служиваго съ его находкой въ лагерь.

— Помилуйте, ваше благородіе, нешто душа-то во мнѣ не христіанская, обидчиво отозвался усачъ.—Лучше всякой няньки предоставлю, увѣренно добавилъ онъ и, завернувъ бережно малютку въ башлыкъ, отправился къ выходу на Софійское шоссе, по направленію къ Дольнему-Дубняку.

Дѣвочка, какъ-бы инстинктивно угадывая чувства руководителя относительно ея служивымъ, довѣрчиво обвила рученками его загорѣлую шею, прижавшись головкой къ щетинистой щекѣ.

Добродушный по натурѣ, весельчакъ и любимецъ товарищей, юный поручикъ Д—вичъ какъ бы переродился. Въ теченіе почти двухъ сутокъ, которые полкъ провелъ на мѣстѣ боя, принимая плѣнныхъ и переходя съ ними, въ качествѣ конвоя, съ мѣста на мѣсто, по указанію начальства,—онъ постоянно былъ въ какой-то ажитаци и пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы узнать, какъ устроилась его малютка въ лагерь, посылая съ первой оказіей при отправленіи туда людей

¹⁾ Магалетахъ—деревня въ 6-ти верстахъ отъ Дольняго-Дубняка, гдѣ устроена была хлѣбнекарня 2-й гренадерской дивизіи. Авт.

по каким-либо причинамъ, различныя наставленія своему денщику и Сидорчуку.

Товарищи-офицеры, видя за это время Д—вича необыкновенно озабоченнымъ, слегка посмѣивались.

— Что-то подозрительно, Иванъ Викентьевичъ, обращался къ нему кто-нибудь изъ товарищей,—ты такъ хлопочешь объ этой дѣвчкѣ, какъ будто это твой собственный ребенокъ.

— Вовсе нѣтъ, замѣчалъ другой,—Иванъ Викентьевичъ себѣ на умѣ... Онъ, полагать надо, невѣсту себѣ воспитать думаетъ, оттого и хлопочетъ.

Д—вичъ на всѣ эти замѣчанія и т. п. невинныя подшучиванія товарищей обыкновенно отмалчивался, но иногда и рѣзко обрывалъ назойливаго шутника.

— Да отстаньте, вамъ какое дѣло?.. Можеть и невѣсту хочу себѣ воспитать; для васъ, мнѣ кажется, это безразлично, съ отбѣнкомъ досады говорилъ онъ и уходилъ отъ нихъ въ сторону.

Когда полкъ къ вечеру втораго дня послѣ боя возвратился въ лагерь подъ Дольній-Дубнякъ, Д—вичъ со всѣхъ ногъ бросился къ своей землянкѣ.

То, чтъ онъ увидѣлъ, превзошло его ожиданія.

Небольшая, квадратная, въ аршинъ глубины яма, покрытая, въ видѣ крыши, тонкими брусьями, переплетенными кукурузными стеблями, и усыпанная сверху землей, представляла довольно невзрачное убѣжище, слышущее подъ названіемъ землянки, въ которой, подобно другимъ офицерамъ, помѣщался и поручикъ.

На этотъ разъ, съ прибытіемъ новой жилицы, въ лицѣ взятой Д—вичемъ на свое попеченіе малютки-турчанки, помѣщеніе это, стараніями Сидорчука и денщика Ярыловца, значительно измѣнилось къ лучшему и носило даже отпечатокъ нѣкотораго комфорта.

Въ глубинѣ землянки видѣлось подобіе какой-то занавѣси изъ грубого холста, которая раздѣляла все помѣщеніе почти на половину. Изъ-за приподнятаго края этого импровизированнаго драпри видѣлась стоящая на земляной насыпи продолговатая плетеная изъ древесныхъ вѣтвей корзина, покрытая сверху кускомъ сѣраго сукна, въ видѣ одѣяла, и съ подушкой въ чистой бѣлой наволочкѣ на мѣстѣ изголовья. Стѣна землянки надъ этой постелью была покрыта цыновкой, ситеной изъ кукурузныхъ стеблей, и таковая же лежала на землѣ около корзины. Все это было устроено и приспособлено усердіемъ Сидорчука для вѣренной его заботамъ малютки. Кровать же самого хозяина землянки, поручика Д—ча, была перенесена ближе къ входу; остальное имущество, заключающееся въ чемоданѣ, было помѣщено подъ сбитый изъ досокъ столикъ, примыкающій къ постели.

Когда Д—вичъ вошелъ въ свою землянку, то первое, что бросилось ему въ глаза, былъ Сидорчукъ. Почтенный служивый сидѣлъ у входа и старательно сшивалъ какія-то разноцвѣтныя тряпички.

Увиди поручика, онъ приостановилъ свое занятіе и вытиснулся во фронтъ.

— Ну, что, какъ наша дѣвочка? скороговоркой спросилъ Д—вичъ, пытливо вглядываясь въ глубь землянки.

— Слава Богу, ваше благородіе, починаетъ танеръ.

— Спитъ?.. Ну и хорошо... Гдѣ же ты ее устроилъ?

— А вотъ тутотка, ваше благородіе.

Сидорчукъ указалъ рукою по направлению къ занавѣси.

— Ну, вотъ молодецъ, спасибо, тихо заговорилъ Д—вичъ, подходя къ постели, устроенной служивымъ, и любясь на безмятежно спавшую малютку.

— Изъ чего же вы постель и все это устроили? заботливо разспрашивалъ поручикъ сердобольнаго усача.

— А мы, ваше благородіе, такъ распорядились: тюхфикъ изъ мочалы соорудили, у капитанармиста полковаго и кулъ выпросили, объяснялъ Сидорчукъ. — Запавѣску и чехоль для тюхфика изъ сухарнаго мѣшка сшили. Подушечку одну вашу взяли... махонькую... А насчетъ одѣяльца оягъ-таки сукна у квартирмистерскаго денщика раздобыли... Простыньку вашу, ваше благородіе, одну подшили, а другую застлали.

— Чудесно!.. Молодецъ!.. А кормили ее чѣмъ?.. какъ?.. Молока достали?

— Достали, ваше благородіе... Еще вчерась въ Магалеты самъ слеталъ.

— Вотъ и хорошо... Ну, а какъ сама?.. Весела или скучаетъ?

— Обходителъ, ваше благородіе, привыкаетъ... Ёсть не особенно дюже, а только кушаетъ какъ надо.

— А это ты что же шьешь? спросилъ поручикъ, кивнувъ головою на тряпички въ рукахъ служиваго.

— Платице, ваше благородіе, для дѣвочки мастерию... Двѣ рубахи у меня еще изъ Рассей новыя ситцевыя были, мнѣ ихъ къ чему онѣ... Такъ я вотъ ихъ и прожертвовалъ, ухмыльнулся Сидорчукъ.

— А ты умѣешь?

— Что это?.. Шить-то, ваше благородіе?.. Кабы настоящей струментъ былъ, такъ замѣсто швен въ лучшемъ видѣ смастерю... Вотъ бѣльца бы, ваше благородіе... Рубаюнки дѣвонькѣ пошить... Да полусапожки бы... Кожки только нѣтъ, а то Борцовъ башмачникъ вѣдь... Смастеритъ.

— Что же, это можно. Ярыловецъ! обратился Д—вичъ къ своему денщику,—достань, братецъ, двѣ мои новыя рубашки, да передай ихъ вотъ Сидорчуку, пусть выкроитъ изъ нихъ что надо... А насчетъ башмаковъ, такъ у меня сапоги городскіе есть, можеть изъ нихъ можно что сдѣлать?

— Можно, ваше благородіе, поспѣшилъ отозваться Сидорчукъ. — Ежели голенища хорошия, такъ изъ нихъ башмачки за первый сортъ выйдуть.

— Ну, дѣлай какъ знаешь.

Распорядившись такимъ образомъ, Д—вичъ еще разъ полюбовался, подоидя къ занавѣси, на спящую малютку и затѣмъ, пообѣдавъ наскоро, одолѣваемый усталостью, тихонько улегся на свою кровать, продолжая мечтать о томъ, какъ бы лучше устроить свою малютку, пока сонъ не смежилъ его отяжелѣвшія вѣки.

Проснувшись поздно вечеромъ, Д—вичъ былъ приятно пораженъ представившеюся ему взорамъ сценой.

Дѣвочка сидѣла на своей кроваткѣ и весело что-то щебетала по своему со стоявшимъ передъ нею на колыняхъ Сидорчукомъ. Въ дверяхъ землянки, на почтительномъ разстояніи отъ входа, торчали головы усачей-гренадеръ, пришедшихъ полюбоваться на „воспитальницу“, какъ они называли дѣвочку, поселившуюся у ихъ ротнаго командира.

По смуглымъ и загорѣлымъ лицамъ солдатъ блуждали улыбки и они шепоткомъ перекидывались между собой фразами въ родѣ слѣдующихъ:

— Ишь Сидорчукъ-то, ровно нянька заправская!.. И ёптъ, рабенокъ, хоша изъ турчинъ, а вѣдь ишь ты понимаеть какъ быдто, что ему бають.

— Споровка тоже, чай, нужна...

— Кака споровка?

— А такая, значить, чтобъ обхожденье понимать; хочеть, примѣрно, рабенокъ ёсть, алибо шть... Ну, и ему чтобы въ точности.

— Да ужъ на что надо, такъ только Сидорчука взять.

— Ходовый парень... Оягъ тоже чувствительный... Рабенокъ это понимаеть.

Д—вичъ поднялся съ кровати и подошелъ къ ребенку.

— Ну, что, миленькая, выспалась, моя красавица? ласково глядя на дѣвочку, заговорилъ онъ, стараясь жестами пополнить смыслъ непонятной ей рѣчи.

— Часа съ два, ваше благородіе, какъ проснулась, отвѣтилъ за малютку Сидорчукъ. — Я покормилъ ее малость, да вѣтъ теперъ и займаюсь на досугѣ... Понятная, ласковалъ дѣвочка.

— А ко мнѣ пойдешь? протянулъ къ ней руки Д—вичъ.

Ребенокъ, какъ бы узнавъ своего благодѣтеля, улыбнулся и залепеталъ что-то по-турецки.

Взявъ малютку на руки, молодой поручикъ вышелъ съ нею изъ землянки.

— Что, братъ, нянчншься! раздался голосъ изъ небольшой группы офицеровъ, проходившихъ въ это время по лагерю.

— Отчего же и не понянчнться... Прелесть-то кака въдѣ! отвѣчалъ восторженно Д—вичъ, цѣлуя розовыя щечки своей воспитанницы.

Такъ проходили дни за днями. Пребываніе малютки-найденныша въ землянкѣ Д—вича внесло какъ бы освѣжающую струю въ среду суровой бивуачной жизни. Самъ Д—вичъ всецѣло сосредоточился на мысли, чтобы доставить всевозможныя удобства своей питомицѣ, которая вскорѣ перестала дичиться окружающихъ ее незнакомыхъ людей и какъ бы начинала понимать то, чтъ ей говорили. Слово „папа“, обращаемое безразлично къ Д—вичу и Сидорчуку, она начала выговаривать сознательно прежде всего; затѣмъ довольно внятно произносила: „шть“, „ёсть“, „хорошо“ и нѣсколько общеупотребительныхъ словъ. Не проходило дня, чтобы многіе изъ офицеровъ не посѣщали землянку Д—вича, принося ей маленькой обитательницѣ всевозможныя сласти, которыя только можно было найти у маркитанта. Солдатки, одинъ передъ другимъ, наперерывъ, сѣвши въ свою очередь понянчнть малютку, которая довѣрчиво шла къ нимъ на руки. Однимъ словомъ, дѣвочка эта сдѣлалась общою любимицей всего полка, начиная отъ полковаго командира до послѣдняго фурштата.

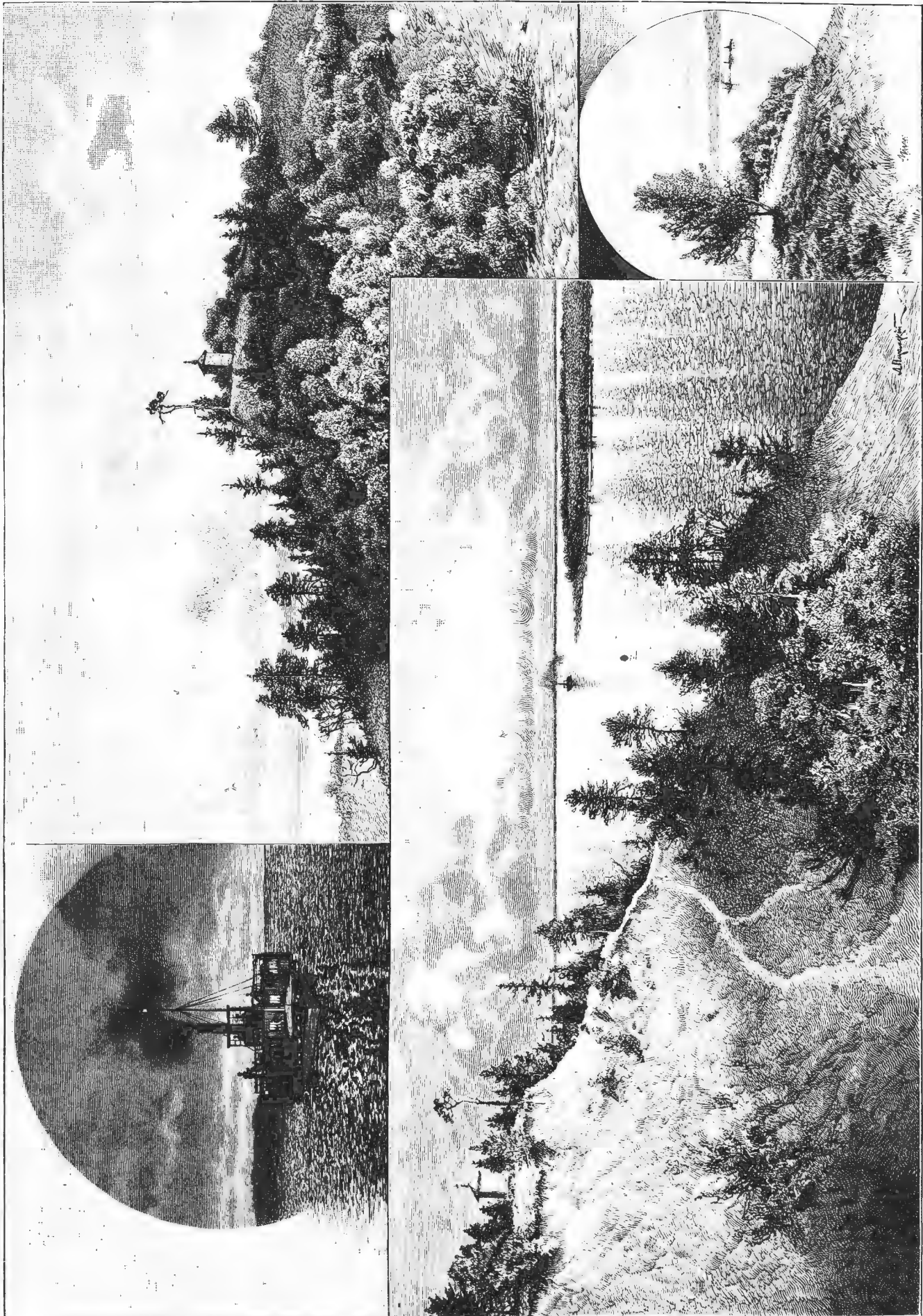
Такъ прошло три недѣли. Наступили жестокіе морозы и дѣвочку, названную по инициативѣ Д—ча, Машей, приодѣли общими стараніями офицеровъ, при содѣйствіи Сидорчука и Борцова, довольно тепло. Сидорчукъ смастерилъ для своей любимицы два ситцевыхъ платя, кое-что необходимое изъ бѣлья, и даже ухитрился сдѣлать изъ старого пальто Д—вича довольно теплую кофту въ родѣ бурнусика и капоръ. Борцовъ изъ переданныхъ въ его распоряженіе старыхъ голенищъ сшилъ довольно сносныя полусапожки и такимъ образомъ гардеробъ маленькаго приемыша полка былъ относительно устроенъ.

Въ это время, въ войскахъ стоявшихъ подъ Плевною пропелся слухъ о скоромъ выступленіи на Шипкинскій перевалъ для усиленія корпуса генерала Радецкаго.

Вѣсть эта поставила въ довольно неприятное положеніе Д—ча, озабоченнаго дальнѣйшею участіемъ своей питомицы, но

Запорожцы на пути въ Сѣчь. Ориг. рис. (собственность „Нивы“) В. Строчков, грав. Флюгель.

Царицынъ бугоръ и часовня въ память посѣщенія Государыней Императрицей деревни Мальгино въ 1881 году. Волжскій пароходъ. Царицынъ бугоръ съ видомъ на Волгу. Царицынъ бугоръ на Волгѣ близъ Юрьевца. Ориг. рис. (собственность „Нивы“) Писемскаго, грав. Раппевскій.

къ этому вопросу сочувственно отнеслись всѣ офицеры во главѣ съ самимъ командиромъ полка, А. К. М—вымъ.

По инициативѣ послѣдняго, было рѣшено на общемъ собраніи офицеровъ, признать малютку Машу полковою дочерью и изъ добровольныхъ взносовъ дѣлаемыхъ офицерами ежегодно, образовывать капиталъ, на который она могла бы получить приличное воспитаніе въ предѣлахъ Имперіи.

Съ рѣшеніемъ этого вопроса было предложено и дать фамилію дѣвочкѣ соответственную случаю, вслѣдствіе чего она и была названа фамиліей командира полка съ присовокупленіемъ названія полка, т. е. М—вою-С—кою.

Теперь предстоятъ вопросы: какимъ образомъ отправить малютку въ Россію?

Полкъ выступалъ на-дняхъ въ глубь турецкихъ владѣній, а сообщенія съ отечествомъ черезъ Румынію, кромѣ почтового, не было никакого.

Но и тутъ выручили случай.

Передъ самымъ выступленіемъ полка въ походъ на Балканы, къ Дольнему-Дубняку прибылъ подвижной лазаретъ подъ начальствомъ графа С—ба, направившійся съ ранеными и сестрами милосердія въ Румынію, а затѣмъ и въ Россію.

Одна изъ сестеръ милосердія, по просьбѣ начальника штаба дивизіи, припявшаго горячее участіе въ малюткѣ-пріемышѣ, взяла на себя трудъ доставить ребенка въ Россію и передать его семейству почтеннаго полковника Г—вина, живущему въ Москвѣ.

Насталъ день выступленія полка изъ бивуака, а слѣдовательно и передачи дѣвочки въ распоряженіе будущей ея попечительницы, сестры милосердія.

Нужно было видѣть непритворное горе какъ самого Д—вича, такъ и усача - няньки Сидорчука, которымъ предстояло разлука съ ихъ любимицей. Д—вичъ цѣлую ночь не могъ сомкнуть глазъ, ворочаясь въ раздумьи съ боку на бокъ, а Сидорчукъ продежурилъ до разсвѣта у кровати, гдѣ беззаботно покончалась малютка Маша.

Съ разсвѣтомъ ударили сборъ, и солдатики выползли изъ палатокъ, начали выстраиваться къ походу.

Офицеры передъ выступленіемъ изъ лагеря спѣшили къ землянкѣ Д—вича, чтобы проститься съ общей ихъ дочерью. Малютка недоумѣло таращила глазенки переходя съ рукъ на руки и улыбалась только на расточаемыя ей ласки и поцѣлуи.

Понуро опушта головы смотрѣли на эту трогательную сцену Д—вичъ и Сидорчукъ.

Но вотъ барабаны ударили подъемъ; послышалась команда начальниковъ—и первый баталіонъ, съ ибсенниками впереди, началъ вытягиваться на Софійское шоссе по направленію къ Плевнѣ.

Къ опустѣвшей землянкѣ Д—вича подѣхала повозка подвижнаго лазарета.

— Ну что же, гдѣ у васъ дѣвочка? послышалось изъ повозки мягкое *mezzo-soprano* пожилой женщины въ костюмѣ сестры милосердія.

— Вотъ... возьмите, берегите пожалуйста, сдавленнымъ голосомъ проговорила Д—вичъ, передавая въ повозку закутанную съ ногъ до головы дѣвочку.—А это вотъ ей на дорогу, добавилъ онъ, протягивая руку съ довольно объемистымъ кошелькомъ.

— Затѣмъ, не надо, я ее и такъ доведу, попробовала протестовать сестра милосердія.

— Нѣтъ, возьмите, ей тамъ пригодится... Если что, напишите прямо въ полкъ, на имя командира... Прощайте... Прощай, Маша! торопливо, какъ бы захлебываясь отъ подступавшихъ къ горлу слезъ, проговорилъ Д—вичъ, поспѣшно отходя къ выстроившейся и ожидавшей его ротѣ.

— Прощай, Маша! хрипло, точно простонавъ, вымолвилъ въ сторону малютки, сидѣвшей уже въ повозкѣ, Сидорчукъ, и крупная слеза скатилась по его загорѣлой щекѣ.

Маша, какъ бы чувствуя съ кѣмъ она расстается и видя себя на рукахъ незнакомой женщины, протянула въ сторону солдатъ рученки и раслакалась.

Слезы малютки больно подѣйствовали на нервную натуру молодого поручика.

— Сирава по отдѣленіямъ! ружья вольно! шагомъ марш! скомандовалъ онъ надтреснутымъ голосомъ и занаталъ во главѣ роты, за ушедшими впередъ войсками.

— Ну, трогай! крикнулъ возница на лошадей, и повозка покатилась въ обратную сторону, но намерзлой почвѣ шosse, по направленію къ Дольнему-Дубняку.

До ушей Д—вича издали по временамъ доносился какъ бы плачь оставленнаго имъ ребенка, и онъ, чтобы заглушить въ себѣ эти мучительные для него звуки, вызвалъ ибсенниковъ впередъ роты.

Греми слава трубой!

Мы дрались, турокъ, съ тобой!

раздалась захватская пѣсня изъ десятка молодецкихъ грудей, и рота бодро зашагала по направленію къ Плевнѣ.

Въ августѣ 1878 года, когда С—кій полкъ послѣ переміи стоялъ лагеремъ за Балканами, около села Курджикіой, было получено письмо, въ которомъ пзвѣщали, что дочь полка 15 юлія присоединена къ православію, подѣ именемъ Маріи, и находится въ семьѣ полковника Г—вина, гдѣ всѣ ее очень любятъ.

Дальнѣйшая судьба этой дѣвочки автору неизвѣстна. По слухамъ, она воспитывалась въ одномъ изъ провинціальныхъ институтовъ.

В. Д.

Мѣры, принимаемыя Германіей для обороны ея береговъ.

Очеркъ В. В. Иванова.

„Если хочешь жить въ мирѣ, готовься къ войнѣ“—изреченіе пзвѣстное, и, руководясь-ли дѣйствительнымъ желаніемъ жить въ мирѣ или по инымъ побужденіямъ, Германія дѣлательно трудится надъ мѣрами обороны своихъ береговъ Балтійскаго и Нѣмецкаго морей и надъ развитіемъ своего военнаго флота. Намъ, ея близкимъ сосѣдямъ, конечно, не мѣшаетъ не упускать изъ виду этихъ оборонительныхъ мѣръ, такъ какъ онѣ могутъ представить для насъ живѣйшій и насущный интересъ, если помнить, что дружба вообще, а въ особенности политическая дружба, измѣнчива и что оборонительныя мѣры часто служатъ весьма прозрачнымъ прикрытіемъ, а въ случаѣ надобности—большимъ подспорьемъ для мѣръ наступательныхъ.

И такъ, читатель, познакомимся съ этими мѣрами въ нижеслѣдующемъ, по возможности сжато, ихъ очеркѣ. Берегъ Германіи начинается отъ русской границы, у Полагенена, и, направляясь дугообразно сперва на югъ, а потомъ на западъ, достигаетъ Шлезвига (южная часть Ютландскаго полуострова). Онъ богатъ заливами. Изъ послѣднихъ наиболѣе близки къ русской границѣ: Куршнѣ-гафъ и Фришнѣ-гафъ, обширныя водныя пространства. Каждый изъ этихъ заливовъ отдѣляется отъ Балтійскаго моря длиною, узкою и низменною полоскою земли—косою или, какъ пѣмцы ихъ называютъ, *нерунг*омъ: *Куршнѣ-нерунг* и *Фришнѣ-нерунг*. Изъ мѣстечекъ и городовъ, стоящихъ на берегахъ этихъ заливовъ и на дальнѣйшемъ, по направленію на западъ, берегу Германіи, я, имѣя въ виду назначеніе этой статьи, упомяну только о тѣхъ, за которыми ибмцы признали большую или мѣншую стратегическую или экономическую важность и потому постарались укрѣпить ихъ. Замѣчу мимоходомъ, что планъ укрѣпленій еще не весь выполненъ и что германское правительство продолжаетъ ежегодно ассигновать большія суммы на сооруженіе фортовъ (укрѣпленій), каналовъ, разнаго рода военныхъ судовъ и на минированіе фарватеровъ¹⁾.

¹⁾ *Минированіе*—разстановка мичъ (разныхъ системъ) по тѣмъ, болѣе глубокимъ, естественнымъ, а иногда и расчищеннымъ (искусственно углубленнымъ) каналамъ, которыми неприятельскія суда должны были бы проходить, если бы пожелали подойти (вообще съ враждебными наміреніями) къ какому-нибудь порту или вообще къ какому-нибудь важному береговому пункту.

Мемель—коммерческій портъ на сѣверномъ берегу входа въ Куршнѣ-гафъ. Онъ укрѣпленъ съ юго-западной стороны цитаделью съ крупными земляными бастионами, но—въ отношеніи вооруженія—послѣдніе не вполне отвѣчаютъ современнымъ требованіямъ. Входъ въ узкій, естественный каналъ, соединяющій Куршнѣ-гафъ съ Балтійскимъ моремъ, оберегается двумя батареями, изъ которыхъ одна стоитъ на материковомъ берегу, а другая—на оконечности длинной косы Куршнѣ-нерунгъ, отдѣляющей заливъ Куршнѣ-гафъ отъ моря; на батареяхъ двѣнадцать орудій большаго калибра. Отъ Мемели желѣзная дорога идетъ на Кенигсбергъ, а послѣдній соединенъ—желѣзными путями—съ разными какъ береговыми, такъ и внутренними пунктами Германіи. Высадка неприятеля на косу Куршнѣ-нерунгъ признается мало-вѣроятною.

Пиллау, по отношенію къ заливу Фришнѣ-гафъ, играетъ такую же роль, какую Мемель—по отношенію къ Куршнѣ-гафу. Пиллау служитъ вѣншимъ портомъ для Кенигсберга. Оборона его, какъ важнаго въ стратегическомъ отношеніи пункта, весьма солидна. Со стороны моря сооруженъ пятиугольный фортъ съ бастионами; со стороны залива (гафа)—фортъ съ панцирными (броневыми) куполами, а противъ послѣдняго, на оконечности косы Фришнѣ-нерунгъ, стоятъ фортъ и три батареи. Всѣ эти укрѣпленія на видъ весьма внушительны и, какъ говорятъ, артилерія ихъ состоитъ изъ 12—14 дюймовыхъ пушекъ¹⁾. Надо полагать, что при такихъ оборонительныхъ сооруженіяхъ, атака Кенигсберга со стороны моря едва-ли возможна, тѣмъ болѣе, что глубина рѣки Прегель, на берегу которой стоитъ этотъ городъ, не превышаетъ 10 футовъ и, слѣдовательно, атаку пришлось-бы вести только съ весьма мелко-сидящими въ водѣ судами. Но укрѣпленъ тщательно не только входя къ Кенигсбергу, а и самый Кенигсбергъ. Послѣдній имѣетъ весьма многочисленный гарнизонъ; притомъ онъ обнесень оборонительною стѣною и тринадцатью отдѣльными укрѣпленіями, вооруженными орудіями большаго калибра. Отъ Кенигсберга три желѣзныя дороги направляются внутрь стра-

¹⁾ Т. е. такихъ орудій, у которыхъ поперечникъ выходнаго (дульнаго) отверстія равенъ 12—14 дюймамъ.

ны, а четвертая (главная береговая стратегическая линия съѣвера Германіи) тянется чрезъ лежащія близъ моря города: Мариенбургъ, Данцигъ, Стольнъ, Кольбергъ, Штеттинъ, Любекъ и Киль. Къ ней, на всемъ ея протяженіи, примыкаетъ множество другихъ линій, вводящихъ ее въ связь со внутреннею желѣзно-дорожною сѣтью Германіи¹⁾.

Коса Фриш-перунгъ не нуждается въ той оборонѣ, какая дана косѣ Курш-перунгъ. Часть ея—„Вердеръ“—такъ сказать отвоєвана отъ моря и, въ случаѣ войны, можетъ быть затоплена.

Далѣе по берегу Балтійскаго моря, на самомъ западномъ рукавѣ рѣки Вислы, въ трехъ миляхъ отъ этого моря, находится крѣпость и портъ Данцигъ, передъ которымъ расположенъ довольно глубокой и обширный (60 миль въ длину) заливъ. Отъ западнаго берега этого залива, къ его серединѣ, выбѣгаетъ узкая, низменная и песчаная коса *Хела* (Nehung Pele), по внутреннюю сторону которой находится заливъ *Пуригеръ-викъ*,—надежное и обширное якорное мѣсто, часто посѣщаемое судами германскаго военнаго флота.

По настоящее время Данцигъ—торговый портъ; но нѣмцы рѣшили превратить его въ одну изъ первоклассныхъ станцій германскаго военнаго флота. Они нашли, что Либавъ, которую русское правительство намѣрено превратить въ одну изъ такихъ станцій для своего военнаго флота, слишкомъ близка къ германской границѣ. До сихъ поръ у нѣмцевъ первоклассною станціею былъ одинъ Киль.

Данцигъ имѣетъ сто-тысячное населеніе; онъ служитъ главною квартирою втораго армейскаго корпуса. Ниже города, на сѣверной части острова Хольмъ (на рѣкѣ Вислѣ) стоитъ нѣсколько батарей. Кромѣ того, на лѣвомъ берегу Вислы, у деревни Брѣасицъ, стоитъ фортъ (командующій устьемъ рѣки) съ шестью и батарея съ семью орудіями большаго калибра; на правомъ берегу—два сильные редута и укрѣпленный лагерь. По восточную сторону города стоитъ фортъ, а возлѣ форта—люнетъ, командующій нѣкоторыми важными шлязами.

Побережье по западную сторону Данцига, на протяженіи многихъ миль, защищено самою природою и потому здѣсь важныя оборонительныя сооруженія нѣтъ. Далѣе встрѣчаются: Штольмюндъ (при устьѣ рѣки Штольпэ), Рюгенвальдъ (на устьѣ рѣки Вишперъ) и Кольбергъ²⁾ (на устьѣ рѣки Персаптэ); первые два имѣютъ въ резервѣ дальнѣйшія орудія.

Еще далѣе идетъ Штеттинъ,—городъ на берегу рѣки Одеръ; онъ съ его окрестностями имѣетъ весьма важное значеніе въ стратегическомъ отношеніи. Оборонительныя его сооруженія, также какъ и сооруженія находящіяся передъ нимъ двухъ большихъ острововъ (Узедомъ и Воллинъ), канавовъ и внутренняго устья рѣки Одеръ, образуютъ одну фортификаціонную систему. Изъ трехъ ведущихъ къ нему фарватеровъ, одинъ—именно фарватеръ рѣки Свинэ—удобенъ для плаванія большихъ судовъ (глубина 23—24 англ. ф., ширина немного болѣе четверти мили). У устья, для защиты его отъ засоренія пломъ, выведены два (каждый на три-четверти мили) прекрасные мола. Свинемюндъ—второстепенный морской портъ. Изъ него идутъ желѣзныя дороги въ Штеттинъ, имѣющія значительныя торговые дома и обширныя мастерскія общества морскихъ построекъ „Вулканъ“, и въ Стральзундъ. Укрѣпленія Свинемюндъ соотвѣтствуютъ его стратегическому и большому экономическому значенію. На правомъ и на лѣвомъ берегахъ устья рѣки Свинэ сооружены массивныя, совершенно одинаковыя, земляныя укрѣпленія, вооруженныя двѣнадцати-дюймовыми орудіями.

Штеттинъ, служащій главною квартирою втораго армейскаго корпуса, имѣетъ значительный гарнизонъ, но оборонительная его стѣнка разрушена, и понади онъ когда-нибудь въ руки враговъ—участъ его будетъ завистъ отъ милости этихъ послѣднихъ. Впрочемъ, для своей обороны онъ имѣетъ нѣсколько блиндированныхъ канонерокъ и, кромѣ того, выработаны проектъ минированія ведущихъ къ нему фарватеровъ.

Между островами Узедомомъ и Рюгеномъ, на сѣверо-западъ отъ перваго, находится Грейфсвальдскій заливъ, противъ вершины котораго, на материкѣ, стоитъ городъ Грейфсвальдъ; нѣсколько же далѣе, на части материка, наиболѣе близкой къ острову Рюгену, стоитъ Стральзундская крѣпость; эта послѣдняя командуетъ проливомъ Стралазундъ, находящимся между материковымъ берегомъ и берегомъ острова Рюгена.

Оборона Стральзунда пока требуетъ еще многихъ улучшеній, но къ этимъ узчненіямъ уже приступлено. На косѣ, выбѣгающей отъ Стральзунда въ море, находится старинная, лишь отчасти перестроенная, крѣпость; по направленію на сѣверъ и на востокъ отъ него стоитъ по одной батареѣ; въ направленіи же на югъ—два люнета. На островѣ Рюгенѣ, противъ Стральзунда, сооружены два укрѣпленія, изъ которыхъ одно, Кральховъ, вооруженное 14 орудіями большаго калибра, имѣетъ весьма важное стратегическое значеніе. Оба эти укрѣпленія (второе четырехъ-пушечное) могутъ, при содѣйствіи минъ, преградить непріятелю путь чрезъ проливъ Стралазундъ. Кромѣ

того, намѣреваются поставить по одному укрѣпленію на—образующихъ сѣверную часть острова Рюгена—полуостровахъ Виттовъ и Язмундъ.

Въ дальнѣйшемъ направленіи на западъ (именно на юго-западъ), на материковомъ берегу, при устьѣ рѣки Варновъ, стоитъ городъ Ростокъ. Въ немъ, вмѣсто прежде существовавшихъ укрѣпленій, вѣроятно уже сооружаются новыя. Изъ нихъ нѣкоторыя будутъ имѣть броневыя куполы, а вооруженіе ихъ будетъ состоять изъ четырнадцати-дюймовыхъ орудій.

Еще далѣе на юго-западъ находится Висмарская бухта, на берегу которой стоитъ городъ Висмаръ. Этотъ пунктъ признается военными критиками однимъ изъ слабѣйшихъ на всемъ побережьи Балтійскаго моря. Хотя на материкѣ и поставлены двѣ батареи, одна съ шестнадцатью, другая съ пятью орудіями, но непріятель для высадки десанта могъ-бы прекрасно воспользоваться островомъ Поэль и маленькимъ Волленбургскимъ заливомъ. Эти оборонительныя невыгоды окружаются, впрочемъ, тѣмъ, что Висмаръ стоитъ на одной изъ вѣтвей стратегической береговой желѣзно-дорожной линіи и въ немъ легко было-бы быстро сосредоточить войска. Висмарская бухта составляетъ восточную вершину обширной Нейштадтской бухты, у другой (западной) вершины которой, въ десяти миляхъ вверхъ по теченію впадающей въ нее рѣки Травъ, стоитъ городъ Любекъ; къ послѣднему могутъ подходить суда сидяція не глубже 16 футъ. Въ Травъмюндѣ, старинномъ портѣ при устьѣ рѣки Травъ, могутъ выгружаться большія суда. Оборона входа нынче ограничивается минами, но чрезъ Любекъ, по одной изъ малыхъ вѣтвей береговой стратегической линіи, возможенъ подвозъ войскъ.

Отъ западной части Нейштадтской бухты, берегъ направляется на западо-сѣверо-западъ (WNW), къ Кильскому фіорду. Фіордъ (заливъ) этотъ узокъ; онъ врѣзывается—въ направленіи на юго-юго-западъ—на 10 миль въ Голлингію. Городъ Киль стоитъ въ глубинѣ фіорда, берега котораго окаймлены холмами. Наибольшая высота послѣднихъ 1,000 фут. (304,7 метра). Фіордъ этотъ глубокъ; даже близъ городской набережной глубина достигаетъ 6-ти, 10-ти и болѣе метровъ (т. е. 19,7 и 32,8 футовъ). Арсеналъ стоитъ между мѣстечкомъ Эллербекомъ и моремъ. У самой вершины фіорда находятся верфи³⁾ общества „Германія“. Большія морскія верфи находятся и въ Неймюленѣ.

Для обороны Кила съ стороны моря сооружены грозныя укрѣпленія. Во-первыхъ, на лѣвомъ берегу фіорда стоитъ Фридрихсортъ—очень сильная цитадель, въ тылу которой находятся артиллерійскій паркъ и магазинныя наполненные минами и взрывнымъ матеріаломъ для подводныхъ минъ. На такъ-называемомъ „Brunner Bergъ“ стоитъ крѣпость Фалькенштейнъ, достигающая 17 саженъ высоты надъ уровнемъ моря. Далѣе по берегу фіорда стоитъ грозный и сильно вооруженный фортъ Приссъ съ двумя крытыми, бронированными (толщина брони 25 сантиметровъ, т. е. около 10 дюймовъ) батареями, вооруженными 3 и 6 дюйм. орудіями;—двумя желѣзными башнями (толщина стѣнъ не менѣе 16 дюймовъ), каждая съ двумя орудіями десяти-дюймаго калибра; двумя открытыми и блиндированными батареями, сооруженными изъ тесанныхъ камней и изъ земли, съ толщиною стѣнъ въ 19 футовъ,—батареями, вооруженными одиннадцати-дюймовыми мортирами; тремя желѣзными башенками, каждая съ двумя четырехъ-дюймовыми орудіями, и тремя желѣзными масками, защищающими каждая по четыре двухъ-дюймовыя картечицы. Это важное укрѣпленіе высится приблизительно на 130 футовъ надъ поверхностью фіорда.

И на правомъ берегу, у Мельтенорта, на косѣ, выдающейся въ море, сооружена батарея съ орудіями большаго калибра. Ниже по берегу находятся другіе форты и батареи, между прочимъ, фортъ Стошъ и фортъ Рёйсдорфъ, весьма похожій на обращенный къ нему фасомъ фортъ Приссъ. Двѣ крытыя, блиндированныя батареи форта Рёйсдорфъ вооружены четырьмя осьми-дюймовыми и шестью одиннадцати-дюймовыми орудіями; блиндажъ его состоитъ изъ плиты осьми-дюймовой толщины. Этотъ фортъ имѣетъ три желѣзныя башенки (съ наименьшею толщиною стѣнокъ въ 20 дюймовъ), изъ которыхъ каждая вооружена двумя двѣнадцати-дюймовыми орудіями; кромѣ того: двѣ открытыя батареи съ четырьмя осьми-дюймовыми мортирами; четыре желѣзныя башенки, каждая съ двумя четырехъ-дюймовыми орудіями, и четыре желѣзныя маски, за которыми стоятъ четыре двухъ-дюймовыя картечицы. Киль и его предместья будутъ ограждены фортами и съ материковой стороны.

Устье канала, соединяющаго моря Балтійское и Сѣверное (Нѣмецкое), находится въ Хольтенау, на полуострѣ между Фридрихсортъ и Килемъ. Каналу этому предназначается важная роль въ дѣлѣ обороны береговъ Германіи. Описание обороны Кила дано мною съ нѣсколько болѣе подробностями, потому что это важнѣйшій военный портъ Германіи на Балтійскомъ морѣ. Необходимо добавить, что сообщеніе его съ внутреннею странною обезпечивается тремя желѣзно-дорожными линіями.

Теперь опять буду кратко по возможности. Устье Экен-

¹⁾ Верфи служатъ для постройки судовъ.

¹⁾ Свѣдѣнія помѣщены въ англійской газетѣ „Times“; см. также „Revue Française“.
²⁾ Когда-то важный оборонительный пунктъ. Въ войны семилѣтнюю и 1805—1807 годовъ онъ успешно сопротивлялся непріятелю. Нѣкоторыя изъ его полуразрушенныхъ укрѣпленій исправлены и вновь вооружены, согласно съ современными требованіями.

Фюрда, находящаяся на сѣверо-западъ отъ Кили, имѣетъ для послѣдняго такое же значеніе, какое Синдхэдъ—для Портсмута; оно представляетъ собою глубокое и надежное якорное мѣсто.

Отъ Кили—въ направленіи къ датской границѣ—единственный фортъ, имѣющій нѣкоторую важность, находится на островѣ Альзенѣ. Пролитомъ между Альзеномъ и материкомъ командуетъ батарея, состоящая изъ двадцати-двухъ орудій. Новыя батареи начинаютъ возводить на обонхъ берегахъ пролива Альсъ-зундъ⁴⁾.

Вся сѣверная часть германскаго берега Нѣмецкаго (Сѣвернаго) моря ограждена самою природою: передъ нею тянется рядъ песчаныхъ банокъ съ весьма извилистыми, пересѣкающимися ихъ каналами, плаваніе которыми въ военное время, когда будутъ сняты все ограждающіе ихъ теперь морскіе знаки, станетъ совершенно невозможнымъ. Важныя оборонительныя сооруженія встрѣчаются, поэтому, только по достиженіи устья Эльбы.

Входъ въ Эльбу между Бузумомъ и Куксхавеномъ, какъ и дальнѣйшій путь по ея фарватеру, извилисты и грудны. Такъ какъ фарватеръ рѣки идетъ вдоль южнаго ея берега, то послѣдній тщательнѣе укрѣпленъ, чѣмъ другой берегъ рѣки. У Куксхавена, въ мѣстности, называемой Кугель-Бек'омъ, построены фортъ, вооруженный четырнадцатью орудіями большаго калибра и восемью фланковыми орудіями меньшаго калибра. Помимо главнѣйшихъ укрѣпленій, есть здѣсь и второстепенныя, по западную сторону первыхъ, а между этими батареями и Куксхавеномъ сооружена батарея изъ восьми орудій.—Новый фортъ построенъ при входѣ въ Куксхавенскій портъ, а дальѣ стоитъ фортъ Остерхорпестакъ, вооруженный шестью орудіями; ниже Гродена стоитъ укрѣпленіе съ восемью орудіями большаго калибра. Наконецъ, на нѣсколько миль выше, у Стадъ, стоятъ форты: съ пятью орудіями, у Варнкруга, и съ десятію орудіями, у Граусерога, въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка суживается. На лѣвомъ берегу еще нѣтъ важныхъ укрѣпленій. Построить сильную крѣпость и учредить небольшую военно-морскую станцію намѣрены у Брунебютеля, тамъ, гдѣ каналъ, должествующій соединить моря Балтійское и Сѣверное, будетъ имѣть свое южное устье.

Соединенныя устья р. Везера и залива Ядъ образуютъ, на юго-западъ отъ Куксхавена, обширную, усаженную песчаными мелями, бухту, въ верхнюю часть которой выдвигается полуостровъ Норденгамъ. По восточную сторону этого полуострова лежитъ устье р. Везеръ, а по западную — устье Ядъ. Для обороны устья Везера недавно построено четыре форта, — по два съ каждой стороны. Во-первыхъ, у устья стоитъ фортъ Имсумъ, имѣющій четыре броненосныя башни; изъ нихъ три, обращенныя къ морю, вооружены каждая двумя одиннадцатидюймовыми орудіями; въ башнѣ же, обращенной къ материкъ, поставлено два шести-дюймовыхъ орудія. Нѣсколько выше Имсума стоитъ Бринкамахофтъ, — фортъ, вооруженный восемидюймовыми орудіями. По сѣдѣству съ нимъ, на отмени Лангъ-Лютенъ-зандъ, покрывающейся водою при каждомъ приливѣ, построено еще два форта. Дальнѣйшій изъ этихъ фортовъ имѣетъ шесть броненосныхъ башенъ, изъ нихъ четыре вооружены каждая двумя орудіями одиннадцатидюймаго калибра, а остальные имѣютъ по два же орудія шести-дюймаго калибра. Фортъ № 1 состоитъ изъ блиндированной батареи съ девятію орудіями восьми-дюймаго калибра

Вильгельмехафенъ, морской портъ, укрѣпленъ очень сильно, въ особенности въ болѣе узкомъ мѣстѣ рѣки Ядъ, у Эквардена. По сѣверную сторону Вильгельмехафена берегъ обороняется двумя большими укрѣпленіями: фортомъ Хещенсъ, вооруженнымъ 19 орудіями большаго калибра (помимо зависящей отъ него батареи съ 7 орудіями) и Даунсфельдомъ, вооруженнымъ 15 орудіями одиннадцати- и двѣнадцатидюймаго калибра. Съ сухопутной стороны Вильгельмехафенъ обороняется фортами: Рюстерзилемъ, Шааромъ и Мариензилемъ, соединенными между собою желѣзною дорогою; изъ нихъ фортъ Рюстерзилъ командуетъ подходами съ моря.

Отъ устья р. Ядъ и дальѣ нѣтъ укрѣпленій, за исключеніемъ батареи, оберегающей каналъ между Эмденомъ и Долдартомъ; а отъ послѣдняго начинается голландская граница. Здѣсь обороною для берега служатъ обширныя песчаныя мелі („watten“ по мѣстному названію), дно которыхъ при отливѣ осушается. Тѣмъ не менѣе этотъ берегъ введенъ въ непосредственную связь съ сѣтью береговыхъ желѣзныхъ дорогъ и наиболѣе важныя его пункты соединены какъ надземною, такъ и подводною телеграфными проволоками.

Соединительный каналъ между морями Сѣвернымъ (Нѣмецкимъ) и Балтійскимъ, къ прорытію котораго приступили 3 іюня 1887 года, входитъ въ тѣсную связь съ проемомъ обороны германскихъ береговъ. Онъ будетъ имѣть ширину, у дна, приблизительно 69 фут., а глубина его будетъ около 17 фут. Шлюзовъ у него будетъ только два, по одному на каждой его оконечности. Когда каналъ этотъ откроютъ для плаванія судовъ, послѣднія въ состояніи будутъ проходить изъ Кили въ Эльбу и обратно въ теченіе 8 часовъ. Тогда вопросъ объ обладаніи выходами Балтійскаго моря (Бельгъ, Каттегатъ, Скагеракъ) потеряетъ для Германіи значеніе и она, имѣя свой собственный входъ въ это море, изъ Нѣмецкаго моря, всегда будетъ въ состояніи концентрировать, въ случаѣ надобности, свои эскадры въ короткое время. Существуетъ предположеніе образовать еще и внутренней судоходный путь между Килемъ и Вильгельмехафеномъ.

Теперь нѣсколько словъ о военномъ флотѣ Германіи. Онъ въ настоящее время состоитъ изъ слѣдующихъ 15 броненосцевъ, одинъ двухбашенный *перваго класса*, вооруженный четырьмя 8,2 дюйм. орудіями; толщина его брони отъ 4½ до 7½ дюймовъ; онъ сидитъ въ водѣ 13 футовъ 9 дюймовъ. Къ *второму классу* принадлежатъ 11 броненосцевъ, изъ которыхъ каждый вооруженъ 37-тоннымъ орудіемъ, стрѣляющимъ черезъ барбетъ, и имѣетъ броневую обшивку толщиной отъ 5 до 8 дюймовъ; они сидятъ въ водѣ только 10 фут. 3 дюйм. Къ *третьему классу* принадлежатъ два броненосца, изъ которыхъ каждый вооруженъ 8½ дюйм. орудіемъ; броней покрыта у нихъ одна палуба, а въ водѣ они сидятъ не глубже 11 футовъ. Изъ десяти строящихся броненосцевъ *четвертаго класса* спущены на воду только одинъ „Зигфридъ“; его артиллерія состоитъ изъ трехъ барбетныхъ орудій; по ватерлиніи онъ защищенъ броневымъ поясомъ. Въ теченіе текущаго года должно быть построено еще два броненосца; въ 1890 — 91, 1891 — 92, въ 1892—93 г. также по два броненосца, въ 1894 г. должна быть начата постройка послѣдняго изъ нихъ. Такимъ образомъ Германія, *для защиты ея береговъ*, будетъ имѣть 24 броненосца, изъ которыхъ восемь или девять предназначаются для охраны Эльбы, а остальные будутъ распределены вдоль побережій Германіи.

Къ рисункамъ.

Лягушечій концертъ. (Рис. на стр. 753)

Вотъ какъ извѣстный знатокъ жизни животныхъ, Альфредъ Брэмъ, передаетъ звуки и впечатлѣніе этого болотнаго оркестра: „Брекеке,—брекеке, брекеке!—коаксъ, ту-у!—брекеке, брекеке,—брекеке, кварръ, брекеке, ту-у! и т. д. Хотя Окевъ и говоритъ, что стоя вблизи пруда населеннаго лягушками думаешь, что находишься около дома умалишенныхъ, но по моему голосу ихъ, ихъ ипнѣе точно такъ-же составляютъ неотъемлемую принадлежность весенней ночи, какъ и трели соловья. Въ простыхъ звукахъ ихъ высказывается безграничная веселость, даже настоящая гармонія, какъ ни рѣзки, повидимому, стѣблыные звуки. „Брекеке“ начинается одна, заливало всего общества, а другія слушаютъ пока молча, но въ слѣдующій мигъ разнажаются тою-же строфой или глухимъ: „кварръ“ и продолжаютъ квакать какъ слѣдуетъ. Съ прохладою сумерокъ начинается общее ипнѣе; оно продолжается упорнѣе, чѣмъ всякая другая пѣснь ночи, и только къ утру въ болотѣ дѣлается тише, хотя и тутъ постоянно то та, то другая, какъ бы вспоминая прежнюю удалъ, даетъ себя знать полусдержаннымъ „кварръ!“

Художникъ, не имѣя возможности изобразить этихъ звуковъ графически, представилъ намъ лягушечій оркестръ играющимъ на крошечныхъ инструментахъ.

Гонецъ въ пустынь. (Рис. на стр. 756 и 757).

Верблюды, рожденные въ пустынѣ и въ степи—прекрасные бѣгуны; они въ состояніи пробѣгать не останавливаясь такія пространства, какихъ не можетъ пробѣгать ни одно домашнее животное. Богатая фантазія бедуиновъ сильно преувеличила быстроту хорошаго верблюда, но тѣмъ не менѣе скорость его очень значительна. Легкихъ, приученныхъ верховыхъ верблюдовъ называютъ *хеджми* (верблюды пилигримовъ), а того кто ѣдетъ—*хеджанъ*; впрочемъ послѣднее названіе даютъ преимущественно вѣстовымъ, гонцамъ. Въ короткое время эти гонцы пробѣгаютъ почти невѣроятныя пространства. Знамениты верблюды разводимые близъ Эснеха въ верхнемъ Египтѣ, но еще знаменитѣе бишаримскіе изъ Восточнаго Судана. На такомъ хеджимѣ спавшійся Мехметъ-Али пробѣжалъ не останавливаясь отъ Каира до Александріи въ 12 часовъ. Такъ какъ разстояніе между этими городами равно по крайней мѣрѣ 175 верстамъ, то изъ этого примѣра видны быстрота и неутомимость этихъ животныхъ.

Съ добрымъ утромъ. (Рис. на стр. 761).

Стройная бѣлокурая дѣвушка тихонько вошла въ комнату и раздвинула занавѣски. Какъ золотыя иглы, ворвались солнечные лучи и освѣтили уютную спаленку, гдѣ на постелѣ сладко спалъ краснощекий курчавый мальчуганъ. Отъ внезапнаго освѣщенія, онъ открылъ было свои глазенки, но тотчасъ снова зажмурился. „Пора вставать!“ раздался звонкій голосокъ

4) Знаменитыя Дюпелльскія оборонительныя линіи и Зондерборгскія укрѣпленія скрыты; теперь на обонхъ берегахъ пролива Альсъ-зундъ начинаютъ возводить новыя укрѣпленія.

вошедшей и она, подбѣжавъ къ кровати, начала будить своего братишку. Онъ сначала нахмурился, съежился, но потомъ, выскочивъ изъ-подъ одеяла, въ свою очередь, принялся тормошить и цѣловать своего мучителя, приговаривая: „Съ добрымъ утромъ, съ добрымъ утромъ!“

Запорожцы на пути въ Сѣчь.

(Рис. на стр. 764).

Обращаемъ вниманіе читателей на чрезвычайно тонкій рисунокъ перомъ г. Сѣрова и смѣлые ракурсы коней и всадниковъ, теряющихся въ безграничномъ просторѣ степи. Выполненіе же этого рисунка fac-simile въ гравюрѣ поражитъ каждого имѣющаго хоть малѣйшее понятіе о ксилографіи. Это понятіе египетская работа, требующая громаднаго времени и почти непоносимаго напряженія глазъ.

Беззаботно несутся родимою степью вольныя иттицы — братья по Сѣчи Запорожекой, сокращая путь отъ времени до времени добрымъ глоткомъ горилки или запеканки изъ баклаги, причемъ каждый въ свою очередь усовѣщиваетъ ивощаго оставить что-нибудь и на его долю.

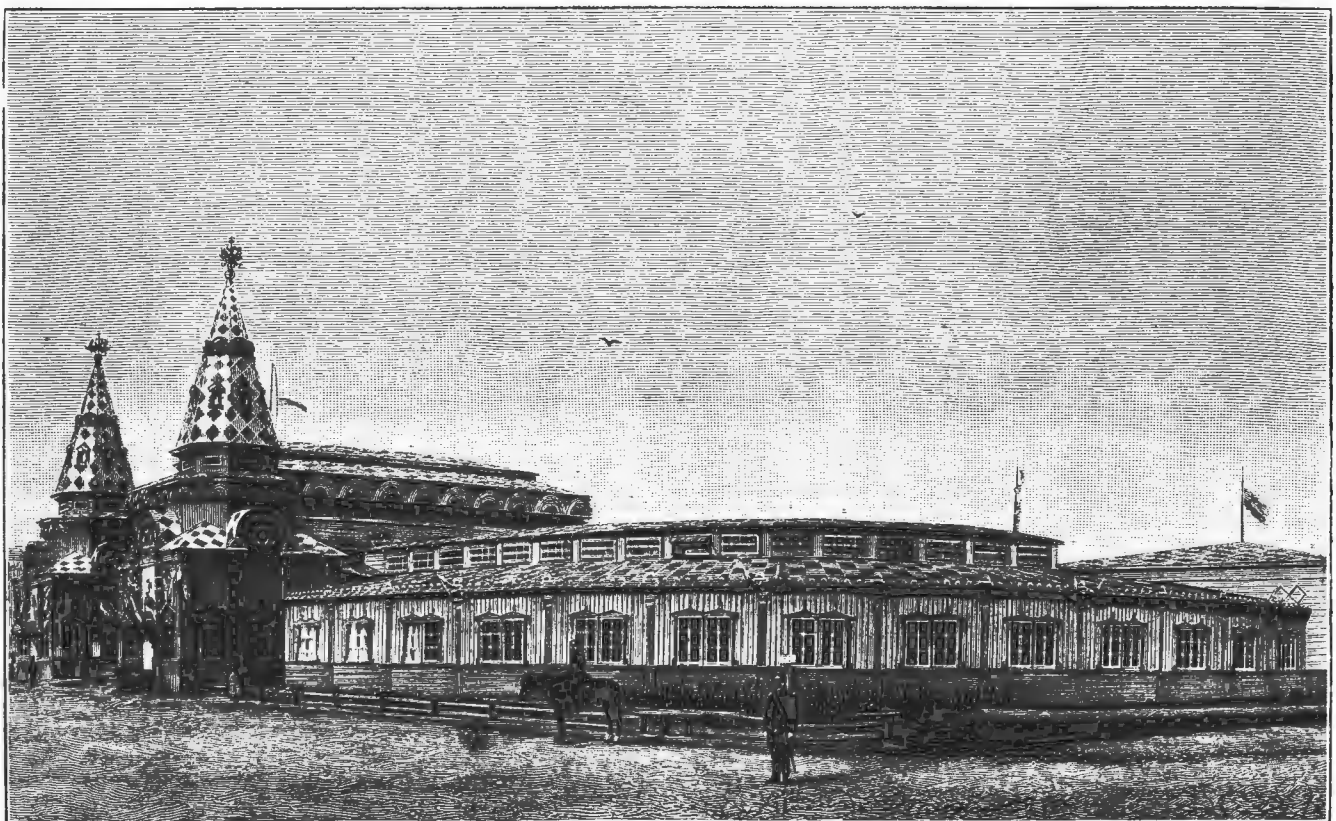
Леопольдъ II, король Бельгійскій.

Царицынъ бугоръ на Волгѣ близъ Юрьевца. Ориг. рис. Писемскаго.

(Рис. на стр. 765).

Въ іюлѣ 1881 г., во время путешествія Ихъ Величества Государя Императора и Государыни Императрицы по Волгѣ, во время стоянки парохода „Отважный“ близъ города Юрьевца (Костромской губ.), вечеромъ 22 числа, Государыня Императрица съ Августѣйшими дѣтьми изволила на шлюпкѣ ѣздить на горный берегъ Волги. На этой прогулкѣ Ея Величество изволила зайти въ деревню Мальино, стоящую въ нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣки. По неожиданности Высочайшаго посѣщенія, крестьяне не вдругъ повѣрили счастью видѣть у себя Царицу. Глубоко растроганные, они колѣнопреклоненно молились на берегу.

Въ память этого событія, урочище на берегу получило названіе „Царицына бугра“ и на немъ сооружена часовня, изображенная нашимъ талантливымъ сотрудникомъ вмѣстѣ со всеми окрестностями.

Казанская выставка. Главное зданіе и входъ на выставку. Съ фот. грав. Рашевскій.

Леопольд II, король Бельгийскій. (Портр. на стр. 769).

Бельгия на днях отпраздновала два юбилея: шестидесятилетний самого государства и 25-летний царствования Леопольда II. 22 сентября 1830 года была провозглашена независимость Бельгии, принятая 29 октября национальным собранием, которое 23 мая следующего года избрало королем Леопольда, сына герцога Франца Саксен-Кобургского. После 34-летнего царствования, Леопольд I скончался 28 ноября 1865 года, и на престол вступил сын и преемник его Леопольд II, пылкий празднующий четверть-вековой юбилей своего благополучного царствования. Родившись 28 марта 1835 года, в Брюсселе, он получил титул герцога Брабантского в 1840 г. и спустя 6 лет поступил в ряды войска, где впоследствии прошел все чины до генерал-лейтенанта включительно (1865 г.). Назначенный членом сената, по достижении совершеннолетия, он вступил 10 августа 1853 г. в брак с эрцгерцогиней Марией-Генриэтой, дочерью умершего эрцгерцога Иосифа, палатина Венгерского. Держась вдаль от внешней политической жизни, Леопольд II, подобно своему отцу, все свои усилия положил на процветание страны. Развитие торговли, особенно внешней, и усиление внутренней производительности прежде всего должны были приписаны в юбилейному юбилею; затѣм громадные заслуги в дѣлѣ изслѣдованія внутренней Африки, для чего в Брюссель созывался даже особый конгрессъ въ 1876 году. Постлѣдствіемъ было учрежденіе государства въ Конго, высокій протекторатъ надъ которыми были приняты Леопольдомъ II.

Юбилейная торжества продолжались нѣсколько дней. 9 июля было совершено торжественное молебствіе въ церкви Св. Гудулы, стѣны которой были великолѣпно украшены. Король и королева возсѣдали на тронѣ противъ епископскаго мѣста, на которомъ находился кардиналъ де-Малинь, окруженный всеми прелатами Брюсселя. Затѣмъ королевская чета присутствовала на національной площади, гдѣ происходили торжественныя процессіи делегаций. Вечеромъ городъ былъ блестяще иллюминированъ и состоялось факельное шествіе 1500 солдатъ.

Казанская научно-промышленная выставка.

(Рис. на стр. 769).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Обществѣ естествоиспытателей при Казанскомъ университетѣ возникла мысль устроить небольшую выставку, которая представила бы картину природы Волжско-Камскаго края, его естественныхъ богатствъ, исторіи и археологіи. По съ теченіемъ времени мысль эта расширялась, въ программу выставки вошло обозрѣніе развитія Волжско-Камскаго края въ сельско-хозяйственномъ, фабрично-заводскомъ, ремесленномъ, кустарномъ и художественномъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ и развилась настоящая, огромныхъ размѣровъ выставка, имѣющая большое и весьма серьезное значеніе для всего Востока нашей родины. Открытіе выставки происходило 15 мая, совпавъ съ празднованіемъ дня коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, и сопровождалось громаднымъ стеченіемъ публики и большимъ торжествомъ. Выставка производитъ прекрасное впечатлѣніе и помѣщается въ обширномъ, подковообразномъ зданіи, построенномъ на Николаевской площади, фасадомъ къ Черному озеру, и примыкающемъ къ Государственному саду. Зданіе очень красиво и въ немъ много свѣта. Около пятнадцати главныхъ отдѣловъ расположено въ этомъ большомъ зданіи, декорированномъ со вкусомъ, а въ садикѣ, среди массы зелени, помѣщены нѣсколько менѣе важныхъ витринъ, кіоски, киргизская кибытка, акваріумъ довольно значительныхъ размѣровъ и рестораны. Вышность и убранство зданія вполне гармонируютъ съ богатствомъ ея внутренняго содержанія: всюду тропическія растенія, кіоски, фонтаны, гроты; фасадъ зданія исполненъ въ русскомъ стилѣ и украшается двумя боковыми, около 12 саж. высоты, башнями, отъ которыхъ идутъ вѣтви главнаго зданія — одна въ научный отдѣлъ, другая въ промышленный, а средняя занята фабрично-заводскимъ отдѣломъ. Все зданіе замыкается поперечными павильонами съ сельско-хозяйственнымъ и машиннымъ отдѣлами. Подъ всею площадью выставки, кромѣ изысканныхъ павильоновъ, занято пространство въ 240 квадратныхъ сажень. Проектъ выставки и постройка зданія исполнены подъ наблюденіемъ гражданскаго архитектора М. Н. Литвинова и обошлись въ 50,000 рублей. Научно-промышленная областная выставка, заключающая въ себѣ до 1,000 экспонатомъ, распадается на двѣ части — научную и промышленную; въ первую входятъ отдѣлы: почвенно-геологическій и минералогическій, ботаническій, зоологическій, антропологическій и археологическій, историко-этнографическій, учебный, медицинскій; вторая состоитъ изъ отдѣловъ: фабрично-заводскаго, кустарнаго, ремесленнаго, сельско-хозяйственнаго и книжно-типографскаго. Особенно интересными и полными являются отдѣлы научно-этнографическій, знакомящіи съ исторіей, этнографіей и археологіей края, строго систематизированный; кустарной промышленности губерній Казанской, Пермской и Вятской, и учебный, въ которомъ детально изображена постановка школьнаго дѣла

въ Казанской губерніи. Много новаго и любопытнаго представляетъ отдѣлъ изображающій бытъ калмыковъ, чувашей, черемисовъ, вотяковъ и другихъ народностей населяющихъ восточную Россію. Вообще, выставка являетъ полную картину народнаго хозяйства, промышленности, быта современнаго и прошлаго, а отчасти и природы Волжско-Камскаго края, раскинувагося такъ широко и населеннаго двадцатью милліонами разноплеменнаго народа. Выставка имѣетъ громадный успѣхъ и, безъ сомнѣнія, принесетъ богатые плоды для развитія края во всехъ отношеніяхъ. Государю Наслѣднику Цесаревичу благоутробно было принять Казанскую выставку подъ свое Августѣйшее покровительство.

Луисвилльскій тифонъ. (Рис. на стр. 772).

Луисвилль, одинъ изъ 20-ти главнѣйшихъ городовъ въ Сѣверныхъ Соединенныхъ Штатахъ, средоточіе торговой и промышленной жизни штата Кентукки, насчитывающее болѣе 150,000 жителей, вечеромъ 15 (27) марта былъ, какъ извѣстно, разрушенъ ураганомъ. Зданія пострадали на протяженіи пяти верстъ въ длину и одной версты въ ширину. Болѣе двухсотъ человекъ погибло, болѣе пятисотъ отдѣлались увѣчьями и ушибами; убытки простираются до нѣсколькихъ милліоновъ.

Атмосферическое возмущеніе, перешедшее въ тифонъ, повидному началось 26 марта въ Скалистыхъ горахъ, и затѣмъ распространилось на громадную область, въ которой наблюдались вихри имѣвшие скорость отъ 70 до 110 верстъ въ часъ. Сѣверную границу этой области составляли штаты Небраска, Айова, Миннесота, Висконсинъ, Мичиганъ и сѣверныя части Иллинойса; южная граница проходила въ Канзасѣ, Миссури, Кентукки, Теннесси и въ южныхъ частяхъ Иллинойса, Индианы и Огайо. На сѣверѣ выпали огромныя массы снѣга, на югѣ-же хлынули дожди пастоящимъ потокомъ, перекопавъ все притоки и самую рѣку Миссисипи. Метеорологи полагаютъ, что на югѣ образовалось нѣсколько смерчей, имѣвшихъ незначительное основаніе на землѣ и огромную верхушку въ нѣсколько верстъ.

Это явленіе сопровождалось чудовищнымъ разряженіемъ атмосфернаго электричества. Раскаты грома и непрерывный блескъ молній всюду сѣяли паническій ужасъ. Казалось, міръ былъ погрязенъ до глубочайшихъ нѣдръ и настала кончина его. Многие города сильно пострадали, какъ напр. Булингринъ (Кентукки), Метрополисъ (Иллинойсъ и др.), но главная катастрофа разразилась въ Луисвиллѣ.

Еще утромъ 27 марта центральное метеорологическое бюро предупредило американскую публику о приближеніи циклона, но на телеграмму не обратили вниманія.

Первымъ обрушилось одно изъ главныхъ зданій Луисвилля, служащее для общественныхъ собраній, гдѣ въ моментъ катастрофы засѣдали масоны ложи Le Joyeux, человекъ 300. Затѣмъ рухнула епископальная церковь Св. Иоанна, изображенная на среднемъ рисункѣ и къ счастью оказавшаяся пустою, за исключеніемъ священника и его семьи, который и погибъ съ женою; дѣти-же были спасены какъ-бы чудомъ. На рыночной площади были уничтожены цѣлые ряды зданій, какъ видно на нижнемъ рисункѣ. Любопытное зрѣлище представляли развалины желѣзнодорожной станціи, на которой стоялъ цѣлый поѣздъ и неизбежно погибъ-бы, еслибы машинистъ, понявшій опасность, не посѣлшилъ уйти изъ-подъ крыши на всехъ парахъ (см. верхній рис.).

В. Н. Веревкинъ. (Портр. на стр. 773).

Въ одинъ день съ Военнымъ министромъ, П. С. Ванновскимъ, праздновалъ пятидесятилетний юбилей своей службы генералъ Веревкинъ, занимающій постъ коменданта С.-Петербургской Петропавловской крѣпости. Будучи однимъ изъ заслуженныхъ боевыхъ генераловъ, онъ принималъ участіе въ цѣломъ рядѣ военныхъ дѣйствій, былъ подъ Севастополемъ и уже въ сравнительно немолодыхъ лѣтахъ находился въ рядахъ дѣйствующей арміи въ послѣднюю войну съ турками. Въ мирное время онъ также выказалъ не мало энергіи и распорядительности, когда управлялъ Витебскою губерніею и состоялъ начальникомъ мѣстныхъ войскъ Вилеискаго военнаго округа. Въ настоящее время генералъ Веревкинъ приближается къ семидесяти-лѣтнему возрасту.

Фамилія Веревкиныхъ принадлежитъ къ старинному русскому дворянству. Иванъ Ивановичъ Веревкинъ, дрался со шведомъ въ 1549 г. Дѣдъ нашего юбиляра, былъ орловскимъ помѣщикомъ и не оставилъ почти никакого состоянія сыну, а отецъ, Николай Никитичъ, генералъ-майоръ и кавалеръ многихъ орденовъ, отличался благородствомъ души, большимъ безкорыстіемъ и доблестями, сражался подъ Аустерлицемъ, при Гутштатѣ, Гейльсбергѣ и Фридрихсбургѣ и затѣмъ занималъ около десяти лѣтъ постъ коменданта въ Москвѣ, гдѣ въ іюль 1822 года и родился Владиміръ Николаевичъ. На одиннадцатомъ году онъ поступилъ въ Пажескій корпусъ въ Петербургѣ и вышелъ изъ него въ 1840 году, съ чиномъ прапорщика, выпущенный въ лейбъ-гвардію Измайловскій полкъ. Офицерскій чинъ онъ получилъ 22 іюля этого года, пробылъ до 50-хъ годовъ въ означенномъ полку и, дослужившись до чина штабсъ-капитана, перечислился въ нѣхотный Екатеринбургскій полкъ, командуя

которымъ, принималъ участіе въ Крымской кампаніи. Три мѣсяца онъ съ особеннымъ усиліемъ защищалъ 2-е отдѣленіе оборонительной линіи, съ праваго фланга, а 27 августа, когда непріятель взялъ редутъ Шварца,—отбилъ этотъ редутъ, бросивши на непріятеля въ штыки съ двумя ротами своего полка, вытѣснить врага съ помощью подосѣвшихъ резервовъ и взялъ, кромѣ того, значительное число плѣнныхъ. За этотъ подвигъ ему были пожалованы орденъ Св. Георгія 4-й степени. Ранѣе за ту же кампанію онъ получилъ ордена Св. Анны 3-й степени съ бантомъ, Св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ и мечами, золотую полусаблю за храбрость. Послѣ войны В. Н. Веревкинъ довольно продолжительное время оставался командиромъ Екатеринбургскаго пѣхотнаго полка и, произведенный 20 мая 1863 г. въ первый генеральскій чинъ, вслѣдъ за тѣмъ былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ города Витебска и гражданскимъ губернаторомъ Витебской губерніи. Хотя онъ недолго занималъ эти должности, но успѣлъ оставить по себѣ добрую память. Послѣ этого ему пришлось командовать 16-й пѣхотной дивизіей, позднѣе занимать мѣсто

начальника войскъ Виленскаго военного округа и, наконецъ, начальника 36-й пѣхотной дивизіи. 28 марта 1871 года Веревкинъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а въ 1875 и 1876 годахъ получилъ ордена Св. Владиміра 2-й степени и Бѣлаго Орла. Вспыхнувшая война 1877—1878 гг. призвала его снова на поле битвы. За свое участіе въ этой послѣдней кампаніи онъ былъ Высочайше награжденъ знаками ордена Св. Александра Невскаго съ мечами. Въ 1883 году, состоя командиромъ 14-го армейскаго корпуса, Веревкинъ былъ назначенъ членомъ Александровскаго комитета о раненыхъ и черезъ три года, 30 августа, произведенъ въ полные генералы. По смерти генерала Гавецкаго, онъ, по Высочайшему приказу отъ 14 апрѣля 1887 году, назначенъ командантомъ Петропавловской крѣпости. В. Н. Веревкинъ числится въ 37-мъ пѣхотномъ Екатеринбургскомъ Е. И. В. Великаго Князя Алексея Александровича полку. Кромѣ неизменныхъ орденовъ, онъ имѣетъ еще знакъ отличія безорочной службы за XI лѣтъ и ордена Св. Станислава 2-й и 1-й степени и Св. Анны 2-й степени съ короною и мечами.

П. Б—овъ.

Политическое обозрѣніе.

16 іюля англійская палата Общинъ приняла безъ голосованія въ третьемъ чтеніи билль относительно уступки Гельго-ланды. Иначе, впрочемъ, и быть не могло. Непріятіе билля было бы равносильно сверженію министерства, а въ Англии подобныя явленія по вопросамъ внѣшней политики чрезвычайно рѣдки. Но принятіе это совершилось все-таки не съ легкимъ сердцемъ. По крайней мѣрѣ, при предложеніи Фергюссона приступить 12 іюля ко второму чтенію билля о Гельголандѣ, Гладстонъ, не вставая, противъ англо-германской сдѣлки, заявилъ, однако, что правительство, испрашивая у палаты общинъ согласіе на уступку части британской территоріи, тѣмъ самымъ создаетъ конституціонный прецедентъ, за который онъ, Гладстонъ, не хочетъ брать на себя отвѣтственности, почему и не можетъ принять участія въ дальнѣйшемъ обсужденіи билля.

На другой день послѣ принятія билля о Гельголандѣ въ Англии, въ Берлинѣ, въ *Имперскомъ Указателѣ* опубликована была докладная записка генерала Каприви о мотивахъ англо-германскаго соглашенія. „Соглашеніе — сказано въ запискѣ — имѣетъ цѣлью устраненіе причинъ разногласія, равно содѣйствіе сохраненію европейскаго мира. Китовая бухта все не имѣетъ того значенія, какое ей приписываютъ; то же должно сказать и о крайѣ прилегающемъ къ Нисесѣ; а Виту, съ утратою Патты и Лому, потеряло всякую цѣну. Частныя права германскихъ подданныхъ гарантированы. Край между областями Нисесы и государствомъ Конго особеннаго значенія не имѣетъ, за то для Германіи важно значительное пользованіе озеромъ Нисесы и обладаніе возможно большимъ протяженіемъ береговъ озера Викторинъ“. Далѣе въ запискѣ указывается необходимость прочнаго владѣнія береговой полосой германскою восточно-африканскою компаніею. Предоставленіе Англии протектората надъ Занзибаромъ безвредно. Англія требуетъ, чтобы было оформлено владѣніе, которымъ на дѣлѣ она давно пользуется и вытѣснить которое Германіи не удалось. Затѣмъ докладная записка выставляетъ на видъ значеніе пріобрѣтенія Гельголанда съ точки зрѣнія національнаго чувства и со стороны военнаго интереса. Обладаніе Гельголандомъ облегчитъ де оборону береговъ Сѣвернаго моря.

Изъ Бѣлграда получено знаменательное извѣстіе. Вслѣдствіе выяснившася на радикальномъ съѣздѣ (о которомъ уже упоминалось у насъ по поводу рѣчи Пашича) полного единодушія радикальной партіи, идущей рука объ руку съ регентствомъ и правительствомъ, въ виду дружнаго отпора, даннаго Австріи, а также неудачи относительно назначенія Портою болгарскихъ епископовъ, а затѣмъ въ виду удовлетворенія офицеровъ добавочнымъ содержаніемъ и кассированія соборомъ бракоразвода, — въ виду всего этого, Австрія, Миланъ и напредняки потеряли всякую почву.

Дружный отпоръ австрійскимъ протескамъ, уже давно замѣчавшійся въ Сербіи, съ особенною силою проявился, когда Австро-Венгрія, безспійная справиться съ пзмѣнившимся политическимъ теченіемъ въ сербскихъ дѣлахъ, вздумала дать себя почувствовать на экономической почвѣ. Какъ извѣстно, на другой день послѣ рѣчи, произнесенной графомъ Кальноки въ австрійскихъ делегаціяхъ, венгерское правительство сдѣлало распоряженіе о запрещеніи транзита для свиней изъ Сербіи, если въ транспортѣ окажется хоть одна штука подозрительная или румынскаго происхожденія. Въ тотъ же день, сообщая въ *Правительственный Вѣстникъ* изъ Бѣлграда, были возвращены изъ Пешты два транспорта сербскихъ свиней подъ тѣмъ предлогомъ, что въ числѣ ихъ находится нѣсколько больныхъ и нѣсколько румынскаго происхожденія. Составленная, по распоряженію сербскаго министра торговли, коммисія нашла, что стадо вполне здорово, сербскаго происхо-

хожденія и снабжено требуемыми конвенціою свидетельствами и удостовѣреніями. Тѣмъ не менѣе, венгерскія власти стали направлять обратно въ Сербію не только свиней, но и воловъ и даже ишеницу, утверждая, что все это румынскаго происхожденія. Вагоны даже не осматривались, такъ какъ иломбы, наложенныя при отправленіи, оставались нетронутыми. Запрещеніе вывоза скота наноситъ Сербіи громадный убытокъ, такъ какъ однихъ свиней вывозилось ежегодно до 200,000 штукъ, на сумму свыше 12 милліоновъ франковъ. Поэтому распоряженіе венгерскаго правительства вызвало сильное негодованіе среди сербскаго населенія. Почти во всѣхъ городахъ состоялись митинги, на которыхъ выражалось довѣріе правительству и постановлялось не покупать ничего австрійскаго. Многіе заказы, сдѣланные въ Австріи, отменены. На съѣздахъ торговцевъ принимаются мѣры къ открытію новыхъ рынковъ для сбыта сербскихъ произведеній. Съѣздъ аптекарей постановилъ дѣлать впредь всѣ заказы въ Германіи. Учащаяся молодежь отказывается носить платье изъ австрійскихъ матерій. Сербское правительство дало концессіи англійской компаніи „Marshall“ на устройство въ городѣ Нишѣ завода мясныхъ продуктовъ. Компанія обладаетъ капиталомъ въ 6 милліоновъ франковъ и обязывается перерабатывать до 100 тыс. свиныхъ тушъ въ годъ. Въместѣ съ тѣмъ ведутся переговоры о сбытѣ скота изъ Сербіи въ Италію. Такимъ образомъ, не смотря на временную убытокъ, который терпитъ Сербія, мѣры австро-венгерскаго правительства дали толчокъ сербской предпримчивости.

Изъ Средней и Южной Америки получаютъ извѣстія весьма тревожнаго свойства. Въ республикѣ Санъ-Сальвадоръ возгорѣлась междоусобная война. Республика Гватемала, заключивъ союзъ съ республиками Костарика и Никарагуа, объявила войну Санъ-Сальвадору подъ предлогомъ возстановленія тамъ порядка. Пронзило нѣсколько стычекъ и въ главномъ сраженіи, завершившемся пораженіемъ вторгнувшихся въ Гватемалу санъ-сальвадорцевъ, уронъ съ обѣихъ сторонъ простирается до 400 человекъ убитыми и ранеными. Въ самой Гватемалѣ вспыхнуло также возстаніе противъ президента республики Барильаса. Опасаются, что войска присоединятся къ инсургентамъ и двинутся на городъ Гватемалу, гдѣ въ такомъ случаѣ должно произойти рѣшительное сраженіе.

Изъ Южной Америки телеграфируютъ, что въ Буэносъ-Айресѣ 14 іюля вспыхнула революція вслѣдствіе возстанія войскъ. Но улица мѣла, всѣ торговыя заведенія закрыты, министры общественныхъ работъ взяты въ плѣнъ; между возмущившимися войсками и сторонниками правительства произошли ожесточенныя схватки, причемъ было много убитыхъ. Президентъ Сельманъ бѣжалъ; провозглашено революціонное правитель-ство; президентомъ избранъ Аремъ, а министромъ финансовъ назначенъ Гомерсъ. На другой день правительственная войска въ Буэносъ-Айресѣ, послѣ упорной уличной борьбы, были побѣждены мятежниками, которые и бомбардировали правительственные зданія. Затѣмъ заключено перемиріе на сутки. Въ это время правительственная войска получила значительныя подрѣзленія и президентъ республики Сельманъ возвратился. Потери съ обѣихъ сторонъ около 1,000 человекъ убитыми и ранеными. Возобновившійся 17 числа, возмущеніе окончилось побѣдой правительства, которое совершенно подавило возстаніе. Возмущившаяся войска положили оружіе и сдались; офицеры ихъ будутъ, вѣроятно, раскассированы. Силы, мобилизованныя правительствомъ въ провинціи, распускаются по домамъ, такъ какъ въ Буэносъ-Айресѣ, да и во всей Аргентинской республикѣ, возстановилось полное спокойствіе. По словамъ *Times*, аргентинскіе инсургенты сдались вслѣдствіе недостатка въ боевыхъ припасахъ.

Разныя извѣстія.

Дѣла церкви.

— Высочайше повелѣно постановить, что церковныя свѣчи должны быть приготавливаемы изъ чистаго пчелинаго воска.

Розничная торговля церковными свѣчами никому, кромѣ церквей и состоящихъ въ вѣдѣніи духовнаго начальства свѣчныхъ складовъ и лавокъ, не дозволяется.

— 8 іюля было совершенно освященіе часовни, сооруженной на средства предсѣдателя Киевской мѣщанской управы г. Щербатова, въ гор. Киевѣ, при Успенскомъ соборѣ, въ память 900-лѣтія крещенія Руси.

Правительственныя распоряженія.

— Именнымъ Высочайшимъ указомъ министру Путей Сообщенія отъ 14 іюня 1890 г. разрѣшено приступить къ устройству коммерческаго порта въ Феодосіи.

Промышленность и сельское хозяйство.

— Изъ Черчинска отъ 16 іюля телеграфируютъ, что открытіе золота въ прибрежьяхъ Уды расширяется и золотопромышленность Кабинета упрочивается тамъ, а также на Урульгѣ—въ мѣсторожденіи цвѣтныхъ камней.

— Бельгійскій генеральный консулъ въ Москвѣ, по порученію своего правительства, предпринялъ путешествіе на Волгу и Уралъ, чтобы собрать точныя свѣдѣнія объ урожаѣ и по разнымъ вопросамъ, связаннымъ съ экономической жизнью указаннаго района, и представить отчетъ бельгійскому правительству.

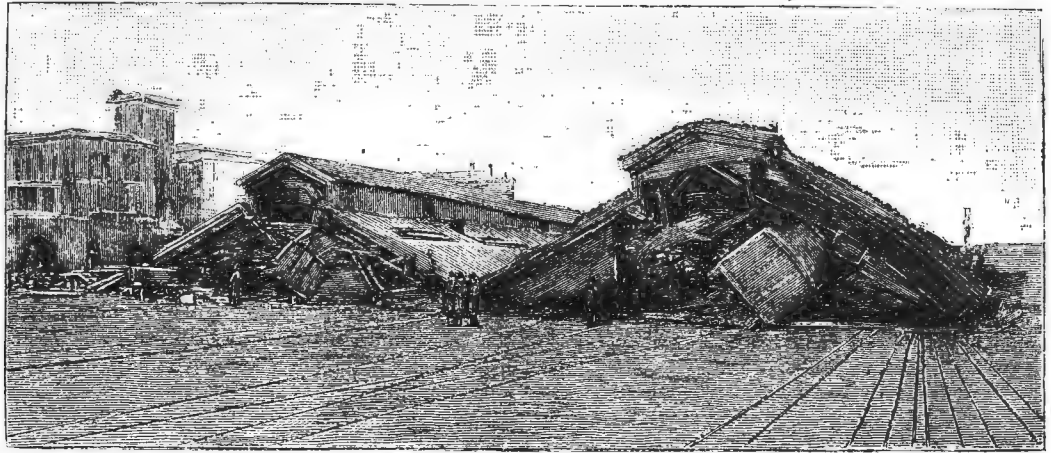
— Произведеніе въ Ольгопольскомъ уѣздѣ, въ имѣніяхъ Чичильникъ и Балановкѣ, опыты приманки гессенскаго комарика дали прекрасные результаты. Приманки переполнены коконами этого насѣкомаго.

— Ввозъ винограда съ Кавказа въ порты Крыма воспрещенъ, вслѣдствіе филлоксеры.

Торговля.

— Въ Нижнемъ-Новгородѣ 15 іюля подняты ярмарочныя флаги и торжественно открытъ главный ярмарочный домъ.

— Изъ Тифлиса отправлено на Нижегородскую ярмарку до 30,000 пудовъ бычачьихъ кожъ и овчинъ. Изъ Евлаха отправлено на ярмарку 40,000 пудовъ мѣди не въ дѣлѣ. Изъ Асхабада прибыло въ Тифлисъ 5,000 пудовъ персидской себзыварской шерсти для продажи и около 30,000 пуд. для отправленія чрезъ Багумъ за-границу.

Лусивльскій тифонъ. 1) Остатки желѣзнодорожной станціи. 2) Разрушеніе церкви Св. Іоанна. 3) Развалины ратуши и др. зданій на рыночной площади.

Искусства изобразительныя.

— С. П. Митусовъ, составившій себѣ большую коллекцію предметовъ художественной рѣзбы, преимущественно изъ слоновой кости, сдѣлалъ духовное завѣщаніе, по которому вся эта коллекція, содержащая въ

себѣ 138 нумеровъ, представляющихъ, въ своей совокупности, стоимость свыше 21,500 рублей, должна перейти въ собственность Имп. общества поощренія художествъ.

Спортъ.

— Въ Одессѣ, 8 іюля, на скаковомъ полѣ

была торжественная закладка зданій новороссійскаго общества поощренія коннозаводства. Мѣсто, отведенное городомъ, соединяется съ городомъ паровою конно-железною дорожкой. На сооруженіе трибунъ и другихъ построекъ ассигновано 12 тысячъ рублей.

С М Ы С Ъ .

Геометрическія пропорціи человѣческаго тѣла. Въ библиотекѣ венеціанской академіи хранятся рисунки великаго живописца и естествоиспытателя Леонардо да-Винчи въ поясненіе къ трактату Витрувія „о строеніи человѣческаго тѣла“, вмѣстѣ съ итальянскимъ переводомъ этого автора. Трудъ Леонардо былъ впоследствии изданъ въ Лондонѣ Жозефомъ Болони, и съ немъ встрѣчаются слѣдующія замѣчательныя строки о геометрическихъ пропорціяхъ человѣческаго тѣла:

„Природа, создавая человѣка, соблюдала такой порядокъ, чтобы лицо, отъ подбородка до лобной кости или до бровей, составляло десятую часть всего тѣла. Тотъ же размѣръ повторяется въ кисти руки отъ сгиба до конца средняго пальца. Голова, отъ подбородка до маковки, составляетъ восьмую часть, пространство отъ высоты груди до лобной кости — седьмую. Промежутки отъ сосцовъ до маковки составляютъ четвертую часть всего тѣла. Если разстояніе отъ подбородка до линіи волосъ на головѣ разделить на три равныя части, то первая — будетъ доходить до поздравей, вторая — до бровей. Ступня составляетъ седьмую часть всей фигуры; пупокъ находится какъ разъ на серединѣ, представляя центръ фигуры. Если человѣкъ лежитъ на спинѣ, раскинувъ руки и ноги, то проведенная изъ пупка окружность коснется крайнихъ точекъ рукъ и ногъ. Не менѣе правильное совпаденіе повторится, если провести квадратъ: разстояніе отъ головы до подошвы ногъ равняется разстоянію отъ одной руки до другой, въ раскинутомъ положеніи“. Пиздатель предполагаетъ не безъ основанія, что положенія эти заключаютъ въ себѣ древнія правила искусства греческихъ скульпторовъ и именно знаменитаго Поликлета. (с.)

Сатурнъ и Регуль. Изъ числа большихъ планетъ Сатурнъ считался въ древнія времена самою верхнею или дальнею. Индійцы называли его медленно-двигающимся (Саначара), такъ какъ онъ описываетъ свою орбиту среди звѣздъ зодиака въ теченіе 30 лѣтъ. Изъ послѣдняго обстоятельства справедливо заключали, что Сатурнъ изъ числа извѣстныхъ въ то время планетъ наиболее удаленъ отъ насъ. Въ началѣ февраля мы видѣли его, въ вечернее время, на юго-востоку, въ созвѣздіи Льва, на 3° влѣво отъ Регула, наиболее яркой звѣзды (1 величины) этого созвѣздія, называвшейся также сердцемъ Льва. Но Сатурнъ казался еще ярче и яркость его все увеличивалась, такъ какъ земля стремилась ему навстрѣчу. Вслѣдствіе этого, онъ какъ бы двигался назадъ или вправо съ постоянно возрастающей быстротою и подвигался къ Регулу (мимо котораго онъ прошелъ 28 марта новаго стиля на 1° 21' къ сѣверу). 28 апрѣля (нов. ст.) Сатурнъ пришелъ къ стоянію въ 1 3/4° вправо отъ Регула, затѣмъ началъ обыкновенное прямое движеніе къ востоку, которымъ онъ перемѣщается ежегодно на 12° вокругъ солнца. Такимъ образомъ онъ снова вернулся къ Регулу и 30 мая прошелъ на 1° 14' къ сѣверу отъ этой неподвижной звѣзды. Какъ ни мало замѣтно вообще медленное движеніе Сатурна среди другихъ звѣздъ, но, благодаря соседству его съ Регуломъ, движеніе земли отражается на немъ поразительно ясно въ томъ смыслѣ, что оно дѣлаетъ планету то удаляющеюся, то стоящею на мѣстѣ, то прямо идущею. Послѣ перерыва наблюденій вслѣдствіе дурной погоды, въ первый ясный вечеръ можно легко замѣтить измѣнившееся положеніе Сатурна относительно Ре-

гула. Послѣдній принадлежитъ хотя не къ самымъ яркимъ звѣздамъ первой величины — Сиріусъ въ пять разъ ярче — но благодаря близости его къ Сатурну, глазъ невольно обращается къ нитересной двойной звѣздѣ. (с.)

Живучесть лягушки. Англійскій натуралистъ М. Белль утверждаетъ, что лягушки не только продолжаютъ жить въ желудкѣ про-

глотившаго ихъ животнаго, но иногда даже квакають тамъ. „Я имѣлъ много случаевъ убѣдиться въ этомъ“, пишетъ Белль, „такъ какъ въ своемъ звѣрицѣ постоянно кормилъ амфи лягушками. Еще недавно лягушенокъ, проглоченный за полчаса передъ тѣмъ ехидной, выпрыгнулъ изъ ея пасти, когда она зѣвнула, но былъ тотчасъ же снова проглоченъ пресмыкающимся“. — Естествоиспытатель М. Гарланъ, изъ Филадельфіи, утверждаетъ то же самое и говоритъ: „Однажды моя собака проглотила нѣсколько лягушекъ и, полчаса спустя, онѣ начали вознѣсь и квакать у нея въ желудкѣ. Собака дѣлала при этомъ уморительнѣйшія движенія, и случай этотъ доставилъ намъ весьма оригинальное развлеченіе“. — Д-ръ В. Гудсъ изъ Кингстона сообщаетъ, что въ его домѣ прожила три года травяная лягушка, состоя въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ его людьми. Ежедневно, въ обѣденное время, пресмыкающееся вылѣзало изъ норы и получало на кухнѣ пищу; зимой, оно часто оставалось долго у теплаго очага, пребывая въ самой тѣсной дружбѣ съ кошкою, возлѣ которой оно грѣ-

лось по цѣлымъ часамъ. Однако-же долго державшееся повѣріе о томъ, что лягушекъ и жабъ находили въ глыбахъ каменнаго угля, гдѣ онѣ будто-бы оставались живыми въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій, давно уже признано басней. (с.)

Повѣрье эстовъ. Любопытный обзоръ народныхъ повѣрій эстонцевъ печатается въ *Эстляндскихъ губернскихъ ведомостяхъ*. Нѣкоторыя изъ этихъ повѣрій вполне сходны съ русскими, напримѣръ: кошка моется — гости будутъ; кто невзначай надѣнетъ кафтанъ на изнанку, тому не миновать порки и проч. Но есть и совершенно оригинальныя. Если дѣвушка при мытьѣ бѣлья сильно забрызгается, то она — какъ думаютъ эсты — попадетъ замужъ за пьяницу, ибо врядъ-ли посватается за нее женихъ, любящій аккуратность и чистоплотность. Если дѣвица не довяжетъ ридъ, то женихъ, который шелькъ ней свататься, воротится назадъ домой. То же случится, если дѣвушка целовко вытираетъ столъ. Если дѣвица не сниметъ нагара со свѣчи или лучины, то попадетъ замужъ за долгоносаго. Впрочемъ, со времени введенія во всеобщее употребленіе керосиновыхъ лампъ, это повѣрье начинаетъ терять практическое значеніе. Если молодуха, входя первый разъ въ домъ своего мужа, усѣнетъ сосчитать бревна на потолкахъ такъ, чтобы другіе этого не замѣтили, тогда она будетъ имѣть всегда успѣхъ при тканьи полотна. Если у женщины развяжется повязка, то о ней будутъ дурно говорить, особенно въ многолюдномъ мѣстѣ, гдѣ молодежь сейчасъ подхватитъ ее на зубокъ и будетъ на счетъ ея балагурить. (в.)

Молодые листья земляники, по словамъ одного спеціального изданія, получаютъ все большее и большее примѣненіе въ домашнемъ хозяйствѣ и промышленности. Въ Германіи ихъ высушиваютъ и употребляютъ вмѣсто чая, который они напоминаютъ своимъ вкусомъ. Прибавка къ этому чаю молодыхъ листьевъ терновника еще болѣе улучшаетъ его вкусъ. (б.)

Командантъ СпБ. крѣпости, генераль отъ-инфантеріи, В. Н. Веревкинъ (по поводу 50-лѣтняго юбилея). Съ фот. Шалиро, грав. Шюблеръ.

Власть бѣдности въ Китаѣ. „Нигдѣ на свѣтѣ, пишетъ японская газета *Chinese Times*. бѣдность не составляетъ такой силы, какъ въ Китаѣ. Ницѣй тамъ царь. Онъ играетъ видную роль въ политикѣ, чему въ послѣднее время было не мало примѣровъ. Великій государственный дѣятель послѣдняго тридцатилѣтія Ху-Ли-и, вице-король Ху-Куанга во время возстанія тайпинговъ, мало извѣстенъ благодаря своей ранней кончинѣ. Но послѣ подавленія возстанія былъ составленъ имъ планъ, вся слава котораго выпала на долю бывшихъ его подчиненныхъ Цзэнъ-Кво-фана, его брата Цзо-Цзунъ-Танга, Пенгъ-Уулина и Ли-Хунъ-Чана. Ху-Ли-и отличался своей бѣдностью, равно какъ и Цзэнъ-Кво-фанъ, Пенгъ-Уулинъ и Цзо. Люди эти пользуются огромнымъ вліяніемъ въ государственномъ совѣтѣ и именно благодаря своей бѣдности, которая, у китайскаго чиновника, служитъ признакомъ безсребренности. Народъ съ дѣтскою привязанностью относится къ каждому, кто выйдетъ незапятнаннымъ изъ тяжелыхъ искушеній китайской чиновничьей жизни. Бѣдному чиновнику прощается въ Китаѣ все. Величайшія ошибки Цзо-Цзунъ-Танга не ставились ему въ вину и, ни его эцентричность, ни рѣзкость обращенія не могли умалить его вліянія. Разительнѣйшимъ живымъ примѣромъ тому же служитъ странный вице-король Чанъ-Чи-тунгъ, который многимъ обязанъ пустотѣ своего кошелька. Онъ обладаетъ несомнѣнно большимъ природнымъ мужествомъ, но много значить и то, что ему нечего бояться. Ни одинъ подкапывающійся подчиненный, ни одинъ сплетникъ не можетъ найти на немъ пятна. Онъ высоко и самоуверенно держитъ голову и гордится даже своими ошибками и неуспѣхами. Одинъ онъ могъ дерзнуть не привести въ порядокъ финансовыхъ дѣлъ во время своего управленія и просить государственное управленіе податей и сборовъ принять его счета не проверенными, *en bloc*. Такая смѣлость обуславливалась только его бѣдностью и безупречною честностью. Для такого дѣятеля возможны реформы, ибо онъ не кормитъ изъ общественныхъ средствъ толпу голодныхъ родственниковъ и не знаетъ личныхъ интересовъ. Дворъ хотя и возбужденъ противъ самовластнаго чиновника, но молчитъ, потому что народъ на его сторонѣ. Онъ исцеляетъ судьбу съ гениальнымъ легкомысліемъ челоѣка, который ничѣмъ не обязанъ своевранной фортуѣ и на будущее время не намѣренъ искать ея милостей. Онъ составляетъ власть въ государствѣ, которое опирается на его перо, его патриотизмъ и его бѣдность. Но послѣдняя значить больше первыхъ двухъ. (с.)

Новый египетскій музей въ Каирѣ. Музей египетскихъ древностей, находившійся до сихъ поръ въ предмѣстьи Булакъ, въ тѣсномъ и ежегодно подвергающемся наводненіямъ Нила помѣщеніи, недавно перенесенъ въ Гизскій дворецъ, построенный въ 1878 году хедивомъ Измаиломъ, напротивъ города, на лѣвомъ берегу Нила, въ трехъ верстахъ выше моста. На перевозку и устройство музея было ассигновано 6.000 фунтовъ стерлинговъ. Работы по переноскѣ въ настоящее время уже окончены и музей открытъ для публики. За исключеніемъ вторника, въ который входъ безплатенъ, за посѣщеніе музея взимается плата въ пять шастровъ. Не смотря на то, что постройка дворца мало соответствуетъ его теперешнему назначенію и не смотря на непріятный контрастъ между солидностью древнихъ выставленныхъ предметовъ и мишурнымъ блескомъ

окружающаго, музей и въ такомъ видѣ представляетъ огромный шагъ впередъ и несомнѣнно превосходить всѣ музеи въ свѣтѣ не только по богатству содержанія, но и по удобству расположенія. Гизскій дворецъ, открытый для публики вмѣстѣ съ прилегающими къ нему садами, состоитъ изъ трехъ соединенныхъ между собою отдѣленій. Онъ является послѣднимъ твореніемъ хедива Измаила, который жилъ въ немъ весьма непродолжительное время. Часть дворца, ближе всѣхъ расположенная къ Нилу, носитъ названіе Новаго Саламлика; къ нему ведетъ особый вновь возведенный входъ. Старый (раньше построенный) Саламликъ соединяетъ эту часть дворца съ главной частью его — гаремомъ. Новый Саламликъ, какъ и великолѣпная мраморная лѣстница, осталась неоконченными и верхній этажъ его остается пока незавершеннымъ. Въ нижнемъ этажѣ собраны памятники, относящіеся къ „древнему царству“ (отъ I до XI династій). Въ „археологической“ залѣ помѣщены всѣ найденныя до сихъ поръ древности, относящіяся ко времени до пирамидъ Гизека, въ томъ числѣ обѣ недавно найденныя, деревянныя фигуры изъ самыхъ нижнихъ слоевъ Мемфиса. Колоссальная сидящая фигура Хефрена занимаетъ середину большихъ сѣней. Большая галерея Новаго Саламлика не имѣетъ себѣ подобныхъ. Здѣсь собраны древности „средняго царства“ (отъ XII до XVII династій) и всѣ до сихъ поръ найденныя изображенія эпохи Гиксовъ. Обширныя залы и сѣни Новаго Саламлика заключаютъ въ себѣ памятники „Новаго царства“. Въ нижнемъ этажѣ помѣщены всѣ болѣе крупныя предметы: колоссы, саркофаги, и т. п. Древнѣйшіе памятники XVIII династии составляютъ особое отдѣленіе. Египетскіе памятники имѣютъ отдѣльныя залы. Въ видѣ особыхъ отдѣловъ точно также предложены греческій, римскій, коптскій и византийскій музеи, но они еще не готовы. Въ верхнемъ этажѣ Старога Саламлика собраны болѣе легкіе предметы; здѣсь есть залы естественно-историческая, нумизматическая и посвященная религиознымъ культамъ. Посреди послѣдней помѣщается относящаяся къ эпохѣ Птолемеевъ, единственная въ своемъ родѣ змѣя Эскулапа, снабженная говорильнымъ аппаратомъ и служившая оракуломъ; она привезена зимою Гребавомъ изъ Верхняго Египта. Безчисленные предметы искусства и промышленности помѣщены въ витринахъ въ другомъ рядѣ залъ. Настоящую сокровищницу представляетъ та зала, гдѣ собраны богатія украшенія изъ золота, драгоценныхъ камней и художественной работы эмали.

Обширныя залы, сѣни и галереи „гарема“ заняты гробницами и муміями новаго царства и греко-римской эпохи. Въ большой средней залѣ верхняго этажа, представляющей плоскость не менѣе 900 квадр. метровъ, лежатъ знаменитыя, несравненныя муміи, найденныя въ 1881 году въ гробницѣ Деръ-эль-Бабари, представляющей несомнѣнные останки Амосиса, Сесостриса, Тутмеса, Аменоиса и многихъ другихъ знаменитыхъ царственныхъ мужей.

По приказанію хедива, перенесена сюда же гробница французскаго археолога Мариетта, основаннаго 30 лѣтъ тому назадъ Булакскій музей и трудами котораго собраны главнѣйшіе его предметы. Саркофагъ изъ чернаго мрамора, вѣснцій 14,000 килограммовъ, въ которомъ покоятся останки знаменитаго археолога, помѣщенъ при входѣ въ музей. (с.)

Ребусъ. Задача № 44.

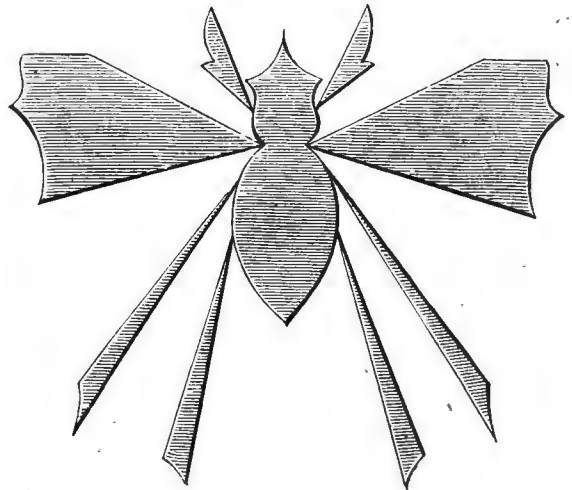

Шарада. Задача № 45.

Хранить мое начало колосья,
Оно же входитъ и въ плетень;

Средина — часто рѣдкій голосъ,
Концы — мы слышимъ каждый день.
Онъ — звукъ; но разное значеніе
Дастъ ему людской нашъ родъ
И издастъ отъ удивленія,
Или зѣвая во весь ротъ.
А все — ѣда, и очень вкусно —
И, съ незапамятныхъ временъ,
Его готовятъ прескусно
Одно изъ близкихъ къ намъ племенъ.

Геометрическая задача № 46.

Разрѣзать данную фигуру на 9 частей такъ, чтобы составить изъ нихъ ромбъ.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Контора журнала „НИВА“ проситъ Гг. подписчиковъ, НЕ ВНЕСИХЪ ПОЛНУЮ ГОДОВУЮ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ за „НИВУ“ 1890 года, озаботиться своевременными взносами слѣдуемыхъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатные адреса отъ бандеролей.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „НИВА“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять поднесенные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Стихотворенія А. Фета. Графинѣ С. А. Толстой. — Жизнь, какъ она есть. Романъ въ пяти частяхъ. Вас. И. Немировича-Данченко. Ч. III. (Продолженіе). — Дочь поля. (Эпизодъ изъ минувшей турецкой кампаніи). — Мѣры, предпринимаемыя Германіей для обороны ея береговъ. Очеркъ В. В. Иванова. — Къ рисункамъ: Лагушечій концертъ (съ рис.). — Гонецъ въ пустынь (съ рис.). — Съ добрымъ утромъ (съ рис.). — Запорожцы на пути въ Сѣчь (съ рис.). — Царицынъ бугоръ на Волгѣ близъ Юрьевца. Ориг. рис. Писемскаго (съ рис.). — Леопольдъ II, король Бельгійскій (съ портр.). — Казанская научно-промышленная выставка (съ рис.). — Луисвильскій тифонъ (съ 3 рис.). — В. И. Веревкинъ (съ портр.). — Политическое обозрѣніе. — Разныя извѣстія. — Сѣбѣ. — Задачи. — Заявленія. — О перемѣнѣ адреса. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

Безплатно каталогъ рѣдкихъ фотографій. Образцы съ персилькой 5 рублей. А. Дикманъ. Амстердамъ (въ Голландіи).

Вышло въ свѣтъ и поступило въ продажу въ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА „НИВА“ (СПБ., Невскій, 6), а также у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ:

новое изданіе А. Ф. МАРКСА:

ВСПОМОГАТЕЛЬНАЯ КНИЖКА ДЛЯ ЛѢСНИЧИХЪ И ЛѢСОВЛАДѢЛЬЦЕВЪ
Состав. Ф. АРНОЛЬДЪ.

СПБ., 1890 г. Цѣна въ коленкоровомъ переплетѣ 75 коп., съ персилькой 1 руб.

Настоящая книжка содержитъ въ себѣ таблицы для опредѣленія площади древесныхъ оснований и кубическаго содержанія какъ цѣлыхъ стволовъ, такъ и частей ихъ; таблицы площадей сѣченія круговъ и объемовъ цилиндра: временныя массовыя таблицы, (для сосны, ели, дуба, березы и ольхи) и вообще всѣ тѣ таблицы, которыя необходимо всегда имѣть при себѣ лѣсничему, таксатору, лѣсовладѣльцу и лѣсоторговцу — при устройствѣ лѣсовъ, опѣнкѣ лѣсовъ, изслѣдованіи полндревности деревъ и соответствующихъ имъ видовыхъ чиселъ. Изданная до сихъ поръ подобныя таблицы весьма неудобны по своему большому формату, вслѣдствіе чего ими не всегда можно пользоваться при работахъ, между тѣмъ какъ эта книжка издана въ форматѣ приспособленномъ для ношенія въ карманѣ и можетъ быть постояннымъ спутникомъ лѣсничаго или лѣсовладѣльца.

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни. Вс. Соловьева. II. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Гг. имѣющимъ надобность въ археологическихъ розысканіяхъ и въ прочихъ работахъ, относящихся до пользованія древнѣйшими рукописями, — предлагаемъ свои услуги свидущее лицо. Предложенія благоволятъ адресовать: Москва, Почтамтъ, до востребованія, подъ лит. Ч. III. Ц. № 179.

САМОУЧИТЕЛИ.
По самой новой цифровой и нагляднейшей системѣ, по которой только и можно безъ помощи учителя въ самое короткое время легко и скоро выучиться играть на инструментахъ. Для гитары составилъ Е. Любановъ; для гармоніи всѣхъ системъ съест. Кузковъ; для мандолины въ 8 струнъ тоже. Общедоступный Практическій Самоучитель для скрипки 1 р. 30 коп. Огромный выборъ нотъ и инструментовъ. Каталоги высылаются безплатно. Москва, Маросейка, д. Еремѣевой, магазинъ КУЛИКОВА. № 4637

№ 4711.
РЕЙНСКІЕ БУКЕТЫ
СЛѢДУЮЩИХЪ ЗАПАХОВЪ:
Подсѣнникъ, Гольдьякъ, Жасминъ, Геліотропъ, Ландышъ, Опопонакъ, Реведа, Рейнская роза, Рейнская фиалка, Рейнскіе цвѣты и Ясмининъ.
Превосходные, продолжительные и дешевые духи для платковъ.
Цѣна флакона, содержащаго 1/4 фунта **1 р. 25 коп.**
Можно получать во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и заграничъ.
Главное депо у Алекс. Тись и №. Пушкинская, № 4. Ц. № 4615 3-3

ВИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА А. ФРЕЙБЕРГЪ.
С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египетскаго моста, домъ № 7--2. 26-15
Иллюстрированные прейс-куранты по востребованіямъ высылаются безвозмездно.

Вышло въ свѣтъ и продается въ книжныхъ магазинахъ:
ПОЛОЖЕНІЕ О ЗЕМСКИХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ 12 ЮНЯ 1890 ГОДА
и дополнительныя къ нему постановленія объ отдѣльныхъ отрасляхъ дѣятельности земства. № 4641 2-1
Составили по Своду Законовъ, Полному собранію законовъ и Собранію узаконеній и распоряженій правительства Н. Воеводскій и баронъ Ю. Инскуль. Ц. 2 руб., съ перес. 2 р. 25 коп. Складъ изд. въ книжн. магаз. „Новаго Времени“.

ЛУЧШИХЪ ФАБРИКЪ
И. Ф. МЮЛЛЕРЪ
МОСКВА, ПЕТРОВКА Д. ВОЛКОВА.
Иллюстрир. Преис-Курантъ
Всѣмъ инструментамъ БЕЗПЛАТНО.

По всѣмъ складамъ духовъ и увесѣхъ парикмахеровъ во Франціи и за границей.
VELOUTINE
Спеціальная рисово-висмутовая пудра.
CHALES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

НОВОСТЬ!!
НОВѢЙШІЙ И ЛУЧШІЙ МЕХАНИЧЕСКІЙ ИНСТРУМЕНТЪ ПІАНО-МЕЛОДИКО
Цѣна 90 рублей.
Ноты отдѣльно по 80 коп. за 1 (однѣ) метръ (1 метръ = 1 1/2 аршин.).
= Требуется подробное описание и каталогъ нотъ. =
И. Ф. МЮЛЛЕРЪ
Москва, Петровка, д. Волкова, противъ Столешникова переулка. № 4482 (9)

РЕАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ К. К. МАЗИНГА, въ Москвѣ,

между Воздвиженкой и Знаменкой, Ваганьковской пер., пользуется всѣми правами казенныхъ реальныхъ училищъ и состоитъ изъ 6 основныхъ классовъ и химико-техническаго отдѣленія дополнительнаго класса. Во всѣ классы воспитанники принимаются приходскими и пансіонерами. Въ подготовительное отдѣленіе принимаются воспитанники съ 8 лѣтъ. Начало приемныхъ экзаменовъ 8 августа. Начало ученія 16 августа. Ц. № 4639
Въ юнѣ былъ произведенъ IX выпускъ учениковъ, при чемъ получили аттестаты и свидѣтельства объ окончаніи курса 49 учениковъ, а именно: по основному отдѣленію: 1) Алышангъ С., 2) Алышангъ Ф., 3) Богарсуковъ, 4) Богушъ, 5) Веселовскій, 6) Гехтъ, 7) Дронсейко, 8) Жигаревъ, 9) Ивановъ, 10) Клейменовъ, 11) Клинь, 12) Константиновъ-Щипунигъ, 13) Корниловъ, 14) Крейманъ, 15) Куклинъ, 16) Ламакинъ, 17) Любимовъ, 18) Лясковскій, 19) Морозовъ, 20) Панченко, 21) Поливановъ, 22) Поляковъ, 23) Поповъ, 24) Ростовцевъ, 25) Санинъ, 26) Селвереговъ, 27) Соколовъ, 28) Трубкинъ, 29) Хоботовъ, 30) Циргъ, 31) Эрихсонъ, 32) Федосѣевъ. По химико-техническому отдѣлу: 1) Богдановъ, 2) Бунинъ, 3) Вещеловъ, 4) Вильямъ, 5) Ворошиловъ, 6) Герасимовъ, 7) Гонзаго-Павличинскій, 8) Грибановъ, 9) Келейниковъ, 10) Ламакинъ, 11) Масловъ, 12) Ростовцевъ, 13) Сивохинъ, 14) Соловьевъ, 15) Хлуденевъ, 16) Шмельвъ, 17) Федосовъ.

РУССКІЙ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОММЕРЧЕСКІЙ БАНКЪ въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.
Невскій пр., № 23, домъ графа Строганова.
Имѣетъ честь довести до всеобщаго свѣдѣнія, что впредь до измѣненія:
Платить: по текущимъ счетамъ:
простымъ 3% год.
условнымъ 3 1/2% год.
по вкладамъ:
до востребованія. 3% год.
на срокъ до 3 мѣсцевъ. 3 1/2% год.
" " отъ 3 до 6 мѣсцевъ 4% год.
" " свыше 6 мѣсцевъ 4 1/2% год.
Взимаетъ: по учету векселей отъ 51 до 71 2/3, по соглашенію.
" " ссудамъ подъ залогъ бумагъ:
гарантированныхъ 6 1/2% год.
негарантированныхъ 7% год.
Банкъ исполняетъ: порученія по покупкѣ и продажѣ фондовъ и другихъ биржевыхъ ценностей за 1 1/2% комиссіи.
Производитъ платежи и выдаетъ переводы на главнѣйшія мѣста въ Россіи и за границей.
Принимаетъ порученія на полученіе платежей по векселямъ и всякимъ другимъ срочнымъ документамъ.
Принимаетъ на храненіе всякаго рода цѣпности.
Объ условіяхъ по продажѣ товаровъ и выдать ссуду подъ оныя послѣдуютъ особа объявленія. № 4640

ПАЛКА ФЛЕЙТА

Цѣна 1 руб.

На видъ какъ обыкновенная палка, играть на ней очень легко. Пересылка за 2 фута.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

Главное депо № 4636
Музыкальныхъ инструментовъ и нетъ.
С. Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарина.

ВЪ КРЫМУ

КЛИМАТО-ЛЕЧЕБНОЕ заведение № 4632

въ г. Балаклава, съ превосходнымъ видомъ на бухту и море, могушее замѣнить роскошную барскую дачу, въ 12 верстахъ шоссеиной дороги отъ Севастополя, по семейнымъ обстоятельствамъ продаю.
Балаклава, К. А. Сирмунтъ

БАРОМЕТРЫ-АНЕРОИДЪ.

Больш. чувствит., хорошо вывѣрены.

Въ Николаевѣ, отпра- въ 6 и 6 р. 50 к., пе- рес. за 2 и 3 рин.

Въ поляр. дерев. отпра отъ 9 до 14 р. Также съ термометромъ отъ 13 до 22 р. Кармаш. баром. и для измѣренія высоты отъ 11 до 45 р.

Е. КРАУСЪ и К°.

Фабрика въ Парижѣ, Aven. d. I. Républic. 4. 2-2
ДЕПО ДЛЯ РОССІИ № 4628
С.-Петербургъ. Мойка, № 42.

Платье, швей-кур, вышнелаетъ бесплатно.

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО

1. ГОЛЛЕНДЕРЪ

для смягченія кожи.

Новозобрѣтенное вазелиновое мыло, пріятнаго запаха, придаетъ кожѣ желанную мягкость. Цѣна за кусокъ 30 коп., 3 куса съ пересыл. 1 р. 50 к.

Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптеч. магазинахъ и аптекахъ Россіи.

Главный складъ: СПБ., Демидовъ пер., д. № 1. (39) № 4278

ЛѢТНЯЯ НОВОСТЬ!

Английскіе растягивающіеся кушачи „ГРАЦІЯ“ изъ позолоченной проволоки съ массивн. позолоченнымъ замочкомъ, прокрасные бѣлѣны, розовыя, голубыя, золотыя, синія, темно-красныя и черныя шелкомъ. Кушачи прозрачныя очень прохладительны и пріятно носить для каждой дамы.

Цѣна 3 руб. 50 коп. Торговцамъ дѣлается уступка. Единственный складъ для Россіи у **ОСКАРА ЛЕССЕРЪ**, СПБ., Садовая, 12-18, въ 1-мъ дворѣ.

ЛЕВИНГЕРЪ и ГЮЗНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

НАСТОЯЩЕ ВЕЛОСПЕДЫ (ВѢФЪ)

ПЕРВОЕ МѢСТО

Ж. БЛОКЪ

СВЯТОЕ

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

С. ПЕТЕРБУРГЪ

МОСКВА

КУЗНЕЦКАЯ МОСТЪ

ПОМОЛОГИЧЕСКІЙ САДЪ Д-РА РЕГЕЛЯ и КЕССЕЛЬРИНГА,

Выборгская сторона, Лабораторное шоссе, № 1. № 4635
При настоящемъ удобномъ времени для посадки въ петербургскомъ климатѣ выносливыхъ сортовъ хвойныхъ, многолѣтнихъ и земляники, предлагаетъ: 1) полную коллекцію хвойныхъ въ естественныхъ разноразличіяхъ, 2) коллекцію болѣе 1,500 сортовъ красиво-цвѣтущихъ и декоративныхъ многолѣтнихъ и 3) выборъ всѣхъ сортовъ земляники, пенитантныхъ въ климатѣ сѣверной и средней Россіи. Съ заказами просимъ обращаться къ К. К. Кессельрингу, проживающему въ Помолагическомъ Саду, а за каталогами письменно къ Д-ру Э. Л. Регелю, въ Императорскомъ Ботаническомъ Саду.

Вышло изъ печати и поступило въ продажу въ конторѣ журнала „Нива“ (СПБ., Невскій, 6), а также у всѣхъ известныхъ книгопродавцевъ:

Сочиненіе **О. К. АРНОЛЬДА:**

„РУССКІЙ ЛѢСЪ“.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Изданіе А. Ф. МАРКСА, въ С.-Петербургѣ.

Все сочиненіе будетъ состоять изъ трехъ большихъ томовъ. Отпечатанныхъ на лучшей бумагѣ, съ приложеніемъ 2-хъ картъ, 120 художественно исполненныхъ гравюръ и полиграфій и 17 эстамповъ на мѣди.

Первый томъ имѣетъ 387 страницъ и между прочимъ заключаетъ въ себѣ преисловіе и введеніе автора, большую карту лѣсистости Европ. Россіи, печат. 14-ю красками, и карту лѣсист. Европы, печат. 6 красками

Въ этомъ томѣ выясняется значеніе лѣсовъ вообще; помѣщены статистическія свѣдѣнія о площадяхъ лѣсовъ, находящихся въ каждомъ уѣздѣ Европейской Россіи, съ показаніемъ сколько въ томъ числѣ казенныхъ, частновладельческихъ и принадлежащихъ крестьянскимъ обществамъ; представлено сравненіе лѣсистости Россіи и западно-европейскихъ государствъ.

Второй томъ сочиненія выйдетъ изъ печати въ концѣ 1890 или въ началѣ 1891 года, а велѣдъ за нимъ въ непродолжительномъ времени выйдетъ и третій томъ.

Содержаніе второго тома: описаніе древесныхъ породъ, растущихъ въ лѣсахъ Россіи, лѣсохозяйственное ихъ значеніе, уходъ за каждою породою, приемы возращенія лѣсовъ въ различныхъ полосахъ Россіи, орудія, употребляемыя для лѣсоразведенія, опасности, угрожающія лѣсамъ, враги повреждающіе ихъ, порядокъ рубки въ лѣсахъ, и пр. и пр.

Наконецъ III томъ — будетъ содержать указанія возможно выгоднѣйшей организаціи лѣснаго хозяйства, какъ въ крупныхъ, такъ и въ мелкихъ лѣсовладѣніяхъ; устройство лѣса съ начертаніемъ плана хозяйства; порядокъ эксплуатаціи лѣса; учетъ отпускаемыхъ лѣсныхъ матеріаловъ; условія, какія должны быть включаемы въ контракты; извлеченіе доходовъ отъ побочныхъ пользованій въ лѣсу; соответственное устройство администраціи и отчетности лѣснаго имущества.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА ВСѢ ТРИ ТОМА:

При выписаніи 1-го тома вносится 4 р., до выхода 2-го тома 8 р., а до выхода 3-го тома 2 р., а всего 14 руб.

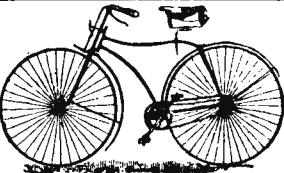
Иногородные подписчики на все сочиненіе за пересылку не платятъ. За два мѣсяца до выхода II и III томовъ въ „Нивѣ“ будетъ объявлено о днѣ выхода ихъ.

Но выходъ всего сочиненія цѣна будетъ значительно возвышена.

Подписка принимается исключительно въ конторѣ журнала „Нива“ (СПБ., Невскій, 6).

Цѣна первому тому въ отдѣльной продажѣ 5 р., а съ пересылкой 5 р. 60 к.

Примѣчаніе. Лица купившія 1-й томъ отдѣльно и желающія приобрести слѣдующіе 2 тома, платятъ за все сочиненіе наравнѣ съ подписчиками, т. е. 14 р., при чемъ до выхода 2-го тома вносятся 7 р., а 3-го тома 2 р.

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ

Франкфуртъ и/М. К. № 4587

ФАБРИКАНТЪ ВЕЛОСПЕДОВЪ

„ОРЕЛЬ“.

Велсаго рода двухъ- и трехъ-колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей. Составили часть и принадлежности. Ищутъ агентовъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 пфен. марками.

ЭЛЕОПАТЪ ПРОВ. КИНУНЕНЪ

для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптекъ и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп., но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона, — пров. Кинуненъ. (29) № 4287

Главный складъ: С.-Петербургъ, Демидовъ пер., д. № 1.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ

Специалистъ хронометровъ. С.Петербургъ, Невскій пр., № 62 прот. Имп. Публ. Библиотеки. Отовары и розничн. продажи. Подробный иллюстрированный прейс-курантъ высылается по востребованію бесплатно. Пересылка на счетъ магасина. Ручательство на 2 года. № 4501 20-8

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ
на Всемирной Выставкѣ въ Парижѣ 1889 года.

О-ДЕ-КОЛОНЪ

ЦВѢТОЧНЫЙ

БРОКАРЪ и К°

№ 4620

ИЗООБРЕТЕННЫЙ

Складъ фабрики: Офицерская, 5.

ЦЕВАРЬ и МИНКА

въ Цанѣ (кор. Пруссіею)

обширнѣйшій въ Европѣ известный заводъ для разведенія породистыхъ собакъ, получившій множество золотыхъ и серебряныхъ медалей.

Поставщикъ Е. И. Величества Государя Императора, Императора Германскаго, Султана Турецкаго, Короля Голландскаго, Вел. Герцога Ольденбургскаго и другихъ царствующихъ особъ. № 4638

предлагаетъ для предстоящаго сезона охоты какъ спеціалісты Лягавыхъ, Борзыхъ, Гончихъ и Таксъ, отлично дрессированныхъ и молодыхъ съ гарантіею. Кроме того имѣются въ громадномъ выборѣ всевозможная росписная и породистыя собаки, начиная отъ громадныхъ ульмскихъ договъ и себернардовъ до самыхъ маленькихъ комнатныхъ собачекъ.

Иллюстрированное прейс-курвантъ по-французски и по-нѣмецки бесплатно. 5-е изданіе брошюры „Воспитаніе, уходъ, дрессировка и болѣзни чистокрылыхъ собакъ“, съ 50-ю иллюстраціями, на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ — за 10 марк. = 12,50 франк. = 5 руб. = 6 гульд.

Лягавыхъ собакъ можно видѣть въ Цанѣ или Виттенбергѣ.

Собственная постоянная выставка многихъ сотенъ собакъ на продажу. (Bahnhof-Wittenberg).

БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ.

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

Противъ шероховатости кожи и пр. Цѣна каждой банки 1 руб., съ перес. 2 руб. — 2 банки съ перес. 3 руб. Для предупрежденія поддѣлокъ прому требовать на каждомъ этикетѣ подписи: А. Энгльндъ, красными чернилами и марку Сиб. Косметической Лабораторіи.

Получать можно: въ Русск. Общ. торгов. аптеч. товариств., у А. Рузанова, Сиб. Техно-Химич. Лабор. — Въ Москвѣ: у К. Феррейна, В. Безбардиси, Р. Келлеръ и Кю. О. Гетлингъ и во всѣхъ известныхъ аптеч. и парфюмер. торгов. Россійской имперіи. Главный складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, Сиб. Косметическая Лабораторія А. Энгльндъ, Литейная, № 38. Ц. № 4479

НИЖНЯЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрѣ пера. Чистота, четкость красота.

Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.

Прейс-курантъ, содерж. многочисленныя отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылается бесплатно. № 3749

Единственный складъ для всей Россіи: **ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ**

Москва С.-Петербургъ
Кузнецкій мостъ. В. Морская, 21.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXI г. № 31 **ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.** г. XXI 1890

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 4 августа 1890 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цена этого № 20 к., съ перес. 25 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1890 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за строку непарейль (1/4 шир. стран.) въ Глав. Кон. Ред. по 75 к.—Загран.: для Франціи у Agence Navas по 2 fr. 40 с.; для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

Безъ доставки въ Петербургъ 5 р.

Съ доставкою въ Петербургъ 6 р. 50 к.

За границу, съ пересылкою 9 р.

Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.

Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи . . . 7 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особая приложенія при „НИВѢ“ объявленія отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.

При семь № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за АВГУСТЪ 1890 г., съ 27 рисунками и отд. листъ съ 36 чертежами выкроекъ въ натур. величину и 24 рис. выпильныхъ работъ.

Н. Ѡ. Дубровинъ.

Не такъ давно минуло тридцать лѣтъ со времени появленія перваго печатнаго труда Николая Ѡедоровича Дубровина, члена Военно-ученаго комитета Главнаго Штаба и академика, извѣстнаго своими многочисленными сочиненіями по исторіи Кавказа. Въ этомъ году исполнилось также и тридцатипятилѣтіе его службы въ офицерскихъ чинахъ, что даетъ намъ поводъ напомнить читателямъ о нашемъ почтенномъ труженникѣ науки. Н. Ѡ. Дубровинъ родился 26 ноября 1837 года въ селѣ Корытовѣ, Великолудскаго уѣзда, Псковской губерніи, отъ брака Ѡедора Николаевича Дубровина, поручика въ отставку, съ Анною Никитичною Ѡедоровой. Получивъ первоначальное воспитаніе дома, Дубровинъ на 12-мъ году поступилъ въ Полоцкій кадетскій корпусъ, а отсюда былъ переведенъ въ Дворянскій полкъ, нынѣ Константиновское военное училище. Въ 1855 году, по окончаніи курса, онъ получилъ первый офи-

Николай Ѡедоровичъ Дубровинъ (по поводу 35-лѣтія службы въ офицерскихъ чинахъ). Съ фот. грав. Шюблеръ.

церскій чинъ и выпущенъ въ конную артиллерию, продолжалъ свое высшее образованіе въ Михайловской артиллерійской академіи и, выйдя изъ нея въ 1858 году, поступилъ на службу въ лейбъ-гвардіи 1-ю артиллерійскую бригаду. Послѣ этого служилъ во 2-й артиллерійской бригадѣ, а потомъ снова переведенъ былъ въ 1-ю гвардейскую артиллерійскую бригаду. Къ этому времени относится вступленіе Дубровина на литературное поприще: онъ помѣстилъ въ *Артиллерійскомъ журналь* 1859 года свою первую статью, а черезъ два года напечаталъ въ *Разсвѣтѣ* журналъ для взрослыхъ дѣвницъ, весьма недурную по идѣ и полную чувства повѣсть „Умъ для свѣта“. Впрочемъ, авторъ не придавалъ ей никакого особеннаго значенія и, оставивъ беллетристику, всецѣло посвятилъ себя занятіямъ военною исторіею. Результатомъ этихъ серьезныхъ занятій явился цѣлый рядъ его статей въ *Военномъ Сборникѣ*, *Русскомъ Вѣстникѣ*, *Отечествен-*

ишь *Затискахъ* (подъ редакціей Дудышкина) и др.: „Графъ Ростопчинъ и Москва въ 1812 году“, „Сербскій вопросъ въ царствованіе императора Александра I-го“, „Турецкая война 1806—1812 гг.“, „Генераль-фельдмаршалъ А. А. Прозоровскій“, „Наполеонъ I-й и поляки въ 1812 году“, „Князь Волконскій и его донесенія изъ Польши 1764—1780 гг.“, „А. П. Ермоловъ при назначеніи на Кавказъ“, „Тысяча восемьсотъ второй годъ въ Грузіи“, „Наканунѣ перваго раздѣла Польши“ и друг. Въсѣтъ съ тѣмъ онъ издалъ отдѣльно книги: „Георгій XII, послѣдній царь Грузіи, и присоединеніе ея къ Россіи“ (1867) и „Закавказье 1803—1806 гг.“. Послѣдній трудъ былъ написанъ Дубровинимъ на объявленную Главнымъ Штабомъ тему и удостоенъ преміи въ 500 рублей. Въ немъ авторъ повѣствуетъ весьма подробно, на основаніи официальныхъ документовъ, объ эпохѣ присоединенія Грузіи къ Россіи, даетъ множество любопытныхъ фактовъ и рисуетъ яркими чертами блестящую картину дѣйствій русскихъ на Кавказѣ. Сочиненіе это вызвало сочувственные отзывы въ печати и сразу сдѣлало имя П. О. Дубровина извѣстнымъ. Произведенный 30 августа 1868 года въ полковники, Дубровинъ былъ въ слѣдующемъ году прикомандированъ къ Главному Штабу для военно-историческихъ работъ, получивъ передъ этимъ предложеніе заняться описаніемъ Кавказской войны и исторіею покоренія края. Послѣ многихъ лѣтъ усидчиваго и крайне кропотливаго труда, Дубровинъ выпустилъ въ свѣтъ свое объемистое сочиненіе „Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ“, которая по настоящее время вышло шесть томовъ, представляющихъ цѣнный историческій матеріалъ, сводъ массы историческихъ архивныхъ документовъ, подробнѣйшее описаніе кавказскихъ племенъ, библиографію статей о Кавказѣ и проч. Многолѣтнія занятія по собиранію матеріаловъ близко познакомили автора съ литературою русской исторіи, ему были развѣшены доступъ въ разныя архивы, что въ значительной степени расширило кругъ его работъ, а потому, конечно, онъ не ограничился изданіемъ упомянутаго труда. Погрузившись всецѣло въ изученіе прошлаго и преимущественно внутренней жизни Россіи, Дубровинъ съ 1870 по 1890 годъ началъ до 40 томовъ разныхъ изслѣдованій, историческихъ матеріаловъ, документовъ, изъ которыхъ наиболѣе обратили на себя вниманіе: „Матеріалы для исторіи Крымской войны“ (6 то-

мовъ), „Пугачевъ и его сообщники“ (3 тома, по неизданнымъ документамъ), „Восточная война 1853—1856 годовъ. Обзоръ событій по поводу сочиненія М. И. Богдановича“, „Присоединеніе Крыма къ Россіи“ (3 тома), „Отечественная война въ писемлахъ современниковъ“—совершенно новые матеріалы для исторіи Отечественной войны, „Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе Императора Александра I“, біографія Н. М. Пржевальскаго и проч. Кроме того, въ этотъ періодъ времени онъ помѣстилъ нѣсколько любопытныхъ статей въ журналахъ: „Очеркъ устройства русской арміи въ царствованіе Императора Александра I“, „Походъ графа В. А. Зубова въ Персію въ 1796 году“, „Три года изъ исторіи войны и владычества русскихъ на Кавказѣ“ (1806—1808), „Трехсотъ-сорока-девятидневная защита Севастополя“, „Маркизъ Паулуччи въ Закавказь“, „Борьба за Эчмиадзинскій патриаршій престолъ“, „Передъ началомъ Пугачевского бунта“, „Пугачевъ подъ Оренбургомъ“ и мн. друг. 30 августа 1878 года Дубровинъ былъ произведенъ въ генераль-майоры, а въ ноябрѣ 1882 г. назначенъ членомъ военно-ученаго комитета Главнаго Штаба. Между тѣмъ ученые труды Дубровина обращали на себя все большее и большее вниманіе: за разборъ сочиненія М. И. Богдановича о Восточной войнѣ Академія Наукъ избрала его своимъ членомъ-корреспондентомъ, а затѣмъ 7 февраля и 7 марта 1887 г.—адъюнктомъ по русской исторіи, причемъ подъ его предстваніемъ подписались четыре академика. Въ настоящее время Дубровинъ состоитъ въ числѣ генераль-лейтенанта (съ 30 августа 1888 г.) и занимаетъ редакцію сборниковъ разныхъ документовъ изъ архива Собственной Его Величества канцеляріи. Его труды отличаются прекраснымъ литературнымъ изложеніемъ, увлекательностью разсказа. Если въ нихъ иногда и замѣтенъ недостатокъ критики тѣхъ или другихъ событій, за то они всегда основаны на достовѣрныхъ фактахъ и чужды малѣйшей тенденціозности; нашъ историкъ всегда держится строго-научныхъ выводовъ, не позволяетъ себѣ никакихъ гипотезъ, не увлекается и старается быть вполне безпристрастнымъ. Къ этому необходимо прибавить его необыкновенное трудолюбіе, его большую добросовѣстность въ обращеніи съ сырымъ матеріаломъ, благодаря чему работы П. О. Дубровина приобретаютъ еще большую цѣнность.

П. Бывовъ.

Жизнь, какъ она есть.

Романъ въ пяти частяхъ. Вас. И. Немировича-Данченко.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. (Продолженіе).

IV.

Въ описанный нами въ началѣ этой части день Василій Герасимовичъ вернулся изъ редакціи домой довольно поздно. Ему оставалось не болѣе часу до обѣда. Въ швейцарской онъ спросилъ у вѣчнаго читателя всякихъ листовъ:

- Прасковья Яковлевна вернулась?
- Давно ужъ!.. нехотя отрубалъ тотъ.
- Есть кто-нибудь?
- Двое тамъ дожидаются.
- Кто такіе?
- Господа...

Безъ жены Сластенову постоянно приходилось слышать такіе отвѣты. Онъ не обращалъ на это вниманія и улыбался только.

- Какіе господа?
- Сами увидите... Тамъ должно.

И мордастый нахаль сѣлъ къ окну за газету, не забывая о томъ, что Сластеновъ еще въ швейцарской.

Проходя къ себѣ въ кабинетъ, Василій Герасимовичъ заглянулъ въ гостиную и замѣтилъ сидѣвшихъ другъ противъ друга „патронную даму“, Любовь Петровну Тренидонову — патронессу безчисленнаго количества пріютовъ, больницъ, благотворительныхъ кассъ, обществъ вспоможенія—и, какъ его называли, „благотворительнаго генерала“ Водохлѣбова. Водохлѣбовъ былъ собственно не генераль, а полковникъ, и то изъ интендантскихъ. Вышелъ изъ кантонистовъ и болѣе всего на свѣтѣ любилъ семгу и астрономію. Въ благотворителн онъ попалъ совершенно случайно. Разъ ему поручили устроить какое-то „гулянье“. Къ своему изумленію, онъ увидѣлъ въ кассѣ цѣлую прорву денегъ и по глупости на первыхъ порахъ всѣ ихъ предоставилъ правленію „Человѣколюбиваго Голубя“. Тамъ удивились... „Помилуйте, что это значитъ... съ прежнихъ-то намъ очи-

щались сотни, а вы тысячи... Вона!“ Водохлѣбовъ былъ не глупъ. Онъ сообразилъ, что слишкомъ поторопился. Отъискалъ благотворительнаго штабъ-капитана, своего предмѣстника по устройству официальныхъ праздниковъ. Пригласилъ его ужинать... Угостилъ Ротштейнъ-сес'омъ и потолковалъ съ нимъ „какъ и что“ по душѣ. Результатомъ этой бесѣды было то, что слѣдующее официальное гулянье, несмотря на то, что публика ломилась, билетовъ не хватало и большинство артистовъ и присяжныхъ увеселителей играло, шло, декламировало даромъ или почти даромъ—„Голубъ“ получилъ только семьдесятъ два рубля.

— Ну, вашъ предшественникъ никогда меньше пяти-сотъ не доставлялъ.

— Разъ на разъ не приходится! скромно отвѣчалъ Водохлѣбовъ. — Въ прошлый разъ я девять тысячъ привезъ...

Онъ опять пригласилъ благотворительнаго штабъ-капитана и поставилъ ему вторично Ротштейн-сес.

— А это вамъ за совѣтъ и за участіе, и сунулъ ему въ карманъ барашка въ бумажкѣ. Благотворительный штабъ-капитанъ даже не удивился, а только глаза его приняли мечтательное выраженіе, и онъ вдругъ съ чувствомъ продекламировалъ:

Малютка шлемъ нося просилъ
У Бога пищи лишь дневная
Слѣзку, котораго водиль...
Кѣмъ славны Римъ и Византія.

А при словахъ „онъ Велизарія шпаетъ“, ощущалъ барашка въ карманѣ, протянулъ руку и пожалъ ею за локоть Водохлѣбова.

- Хорошіе прежде стихи писали! вздохнулъ онъ.
- Да... Я самъ, знаете, за астрономію стою.
- А артистамъ не платите...
- Какъ?

— Так... Съ благотворительною цѣлью. Чтò ихъ баловать! Я имъ никогда не платилъ.

— А если будутъ не склонны?..

— Не посмѣютъ жаловаться... Пугните!.. Въ случаѣ чего... Цыганскаго Мазини Ерофея Глотова знаете?

— Ну?

— И цыганскую Патти—Матрену Дуй-Гора—тоже?

— Знаю-съ.

— Ну, разъ они на меня было вздумали... Я Мазини—въ зубы, а Матрешку привлеку—документъ у нея былъ не вполнѣ въ порядкѣ... Въ ноги Патти кланялась, чтобы помиловалъ... Миѣ что-жь, я па нихъ зла не помню! кротко заключилъ онъ.

Водохлѣбовъ принялъ къ свѣдѣнію, и сталъ кататься на гуттаперчевыхъ шинахъ, построилъ домъ въ пять этажей, купилъ подъ Москвой имѣніе со старымъ паркомъ и оранжерейми и каждый день сталъ ѣсть съ утра семгу-порогъ по рублю восьмидесяти пяти за фунтъ. Въ глазахъ у него явилась благосклонность и онъ ужъ пріучился, бесѣдуя о бѣдныхъ, вздыхать, устремлять увлажненный слезами взглядъ въ потолокъ, хлопать московскихъ Китовъ по животу и говорить съ Матрешкой Дуй-Гора и Ерофеемъ Гловымъ въ настоящемъ тонѣ.

— Мы даромъ не желаемъ пѣть! рѣшительно отказывались тѣ.

— Въ пользу бѣдныхъ?..

— Хотя и въ пользу бѣдныхъ... Знаемъ мы эту пользу!

— Ну что-жь... подт конвоемъ приведемъ... и все-таки пѣть будете...

Съ настоящими артистами Водохлѣбовъ поступалъ иначе. Онъ являлся къ нимъ, съ восторженнымъ видомъ наивнаго поклонника смотрѣлъ имъ въ глаза, вздыхалъ съ опасностью треснуть и, улучивъ минуту, столь сладко говорилъ: „Спѣли бы вы у насъ.... Осчастливили бы... Въ пользу бѣдныхъ... А?.. И для Бога хорошо, и публика оцѣнить...“—что у тѣхъ не хватало характера отказаться, и они пѣли для Бога и для публики.

Любовь Петровна Трепидонова была совсѣмъ изъ другой оперы. Ее называли въ Москвѣ насмѣшники патронною дамой, мадамъ Скуси-патронъ, потому что не было кажется въ городѣ благотворительнаго кружка, гдѣ бы она не значилась патронессой. Она дѣйствительно себя и свои интересы приносила въ пользу ближнему, жертвовала и сама, и заставляла раскошелиться самыхъ невѣроятныхъ и крутыхъ эгоистовъ, такъ что тѣ, разставшись съ нею, только глаза пучили, не понимая, какъ это она ихъ улестила. Савва Кузмичъ именовалъ ее филантропъ-министромъ и генераломъ отъ благотворительности. Въ городѣ рассказывали, что даже знаменитаго скрягу Спирофонова она сзумѣла на какой-то брошенныхъ дѣтей пріютъ „подковать“ на пять тысячъ, почему онъ, чтобы наверстать потерю, и себя, и дѣтей своихъ лишилъ завтрака года на два, пересталъ ѣздить въ клубъ и вздыхалъ по крайней мѣрѣ мѣсяца четыре, до болѣзни сердца. Трепидонова суетилась съ утра до ночи. Она кажется органически не понимала что значитъ покой и отдыхъ. „Мои бѣдныя“—это для нея былъ цѣлый міръ, и видъ его она ничего не видала. Во вселенной могли совершаться величайшія событія—они не касались ея вовсе. За-то открытіе какого-нибудь новаго прибѣжища волновало, радовало и подымало ее на-долго. Мужъ давно махнулъ на нее рукою и, вообразивъ себя великимъ артистомъ, принималъ ближайшее участіе въ дѣятельности Иеронима Вячеславича Бончъ-Шержевскаго—отставнаго пѣтуха какой-то оперы, открывшаго въ Москвѣ курсы свѣженспеченныхъ гениевъ и общество будущихъ Тамберликовъ и Сальвини... Трепидоновъ, забывъ свои пятьдесятъ лѣтъ, сидѣлъ за пюпитромъ и изучалъ драматическое искусство, играя

первыхъ любовниковъ и, скрывая подагру, бросался на крохотной „общественной“ сценѣ на колѣна, взывая: „преlestное созданіе, ужели ты и нынче останешься непреклонною!“ и т. д. Бончъ-Шержевскій одобрялъ его явно, называя втайнѣ плѣшивымъ осломъ. Сидя теерь съ Водохлѣбовымъ, Любовь Петровна смотрѣла на него съ ненавистью; тотъ тоже готовъ былъ бы утопить ее въ стаканѣ воды...

— Все по пріютамъ бѣгаете? ѣдко спрашивалъ онъ.

— Да... Резиновыхъ шинъ на благотворительныя суммы не завожу... Пѣшкомъ приходится.

Водохлѣбовъ проглатывалъ языкъ на мгновение, но потомъ вдругъ вспоминалъ:

— А вчера я вашего супруга въ обществѣ свѣженспеченныхъ гениевъ видѣлъ... Очень хорошо Армантъ Дюваля игралъ и такъ, знаете, натурально Маргаритѣ цѣловалъ руки, лучше не надо.

— Такой же старый дуракъ, равнодушно отвѣчала Любовь Петровна,—какъ и тѣ, что пѣвичекъ изъ Салонъ-де-Варіете на благотворительный счетъ по заграницамъ возятъ!

Водохлѣбовъ окончательно вялъ и только про себя думалъ: „вотъ бритва-то—не понадайся“.

Прасковья Яковлевна къ нимъ не выходила... Она не любила „благотворителей“ и называла ихъ „пустоболтушками“. „У меня свои бѣдныя есть“, говорила она.—„Я имъ ежемѣсячно жалованье плачу“.

Въ ожиданіи Василія Герасимовича они молчали, окидывая другъ друга негодующими взглядами...

Когда онъ вошелъ, Водохлѣбовъ, точно подчиняясь неуправляемому порыву, схватилъ его въ объятія и нѣкоторое время не выпускалъ его изъ нихъ, все крѣпче и крѣпче прижимая его къ груди...

— Отецъ!.. Вотъ по комъ рай давно плачетъ! умиленно и прослезившись обратился онъ къ Любови Петровнѣ.

Но та не поддавалась нѣжностямъ.

— Вы бы, генералъ, усы вытерли... Противно. Слезы-то, вѣрно, нынче дешевы стали.

Генералъ сконфузился, пожалъ плечами и поднялъ очи горѣ, точно призывая небо въ свидѣтели своей виновности.

— Отпустите меня скорѣе, Василій Герасимовичъ. Я васъ долго ждала... А генералу-то вѣдь времени некуда дѣвать!.. Видите ли, нашъ пріютъ брошенныхъ дѣтей открытъ на сорокъ человѣкъ, а ужъ тамъ ихъ восемьдесятъ пять и каждый день приходитъ еще и приносятся... Хотя на улицѣ оставляй несчастныхъ... Вся наша надежда на васъ, и только на васъ однихъ... Если вы не поможете, мы ужъ не знаемъ, какъ намъ и быть...

— А сколько надо? сконфузился Сластеновъ.

— Чтобы принанять помѣщеніе и устроить еще кое-что—пятнадцать тысячъ... Не откажите. Это ужъ, сами знаете, Христа-ради. Вамъ Богъ-то не даромъ вѣдь посылаетъ... И вы должны страждущему человѣчеству по силѣ возможности послужить, а? не такъ ли?..

Водохлѣбовъ звѣремъ смотрѣлъ на нее. Онъ было хотѣлъ вмѣшаться, но она такимъ его окинула уничтожающимъ взглядомъ, что интендантскій полковникъ, боясь какихъ-либо изобличеній, только вздыхалъ, сошѣлъ и потѣлъ, издала видя какъ Сластеновъ шипеть чекъ... Но Трепидонова, поблагодаривъ Василія Герасимовича, не могла не задѣть по пути Водохлѣбова.

— Я ухожу... Теперъ вы... Только, „генералъ“, вы бы не очень... надо же и мѣру знать... Ну, купили себѣ домикъ, помогли бѣдному семейству (у васъ, кажется, двое дѣтей? да?) и будетъ!..

— Ядъ, а не дама! пустилъ онъ ей въ слѣдъ. — И за чтò только она меня ненавидитъ! съ видомъ оскорбленнаго достоинства обратился онъ къ Сластенову. —

Выставка Императорской Академіи Художествъ. „Передъ вѣнцомъ“.

Карт. проф. К. Е. Маковского (исключительное право воспроизведенія въ гравюрѣ и т. п. принадлежитъ „Нивѣ“), грав. Шюблеръ.

Не понимаю... Кажется, себя не жалю для бѣдныхъ... Я и теперь къ вамъ, драгоценный Василій Герасимовичъ... Ну, какъ здравіе ваше и вашей супруги?.. Все дѣтокъ-то нѣтъ у васъ! сокрушенно помогать онъ головою. — А вы впрочемъ надѣйтесь... Нѣтъ денегъ — передъ деньгами, нѣтъ дѣтокъ — передъ дѣтками! — И самъ довольный своимъ остроуміемъ, захохоталъ, сладко глядя въ глаза хозяину и ежесекундно рискуя апоплексическимъ ударомъ. — А я къ вамъ... Бѣдное семейство одно... Вотъ собираю подписку. Отецъ, дѣдъ... прадѣдъ... Дѣтей куча. Жена большая... Сестра-свояченица... Мальмала меньше и всѣ съ голоду умираютъ... Вчера сама повѣсилась было, да во-время вынули изъ петли... Ну, осталась живъ, а завтра вѣдь опять въ петлю полѣзетъ. Непредложно полѣзетъ... Если вы не можете — полѣзетъ. Я ѣхалъ мимо — дай, думаю, загляну. Если кто и спасетъ бѣдную семью, такъ это Василій Герасимовичъ — некому больше...

Сластеновъ вынулъ сторублевку и краснѣя подалъ ему.

Тотъ, не глядя, сунулъ ее въ карманъ.

— А теперь о дѣлѣ... Благодарю, но о настоящемъ дѣлѣ теперь... Семья за васъ Богу помолитъ... Для души-то, ахъ, сколь это прекрасно!.. Для души! Молитва-то бѣдныхъ къ Богу доходчива. Наша-то еще на подорогѣ застрянетъ, а та сейчасъ къ престолу... Анъ Господь-то Всемилостивый и услышитъ... А теперь о дѣлѣ. Извѣстно вамъ должно-быть, что мы о праздника гулянье задумываемъ. Въ пользу раненыхъ въ прошлую войну... Которые остались безъ всякихъ средствъ... Представьте себѣ, въ самомъ дѣлѣ. Голову подставляли, изъ тысячи смертей вышли искалѣченными... Подъ тѣнью гранатъ, такъ сказать, были... И теперь... подайте мальчику на хлѣбъ!.. Ни аржановъ, ничего. А манже-буаръ надо. Брюхо-то вѣдь, чортъ его возьми, патристическихъ резоновъ не слушаешь, ему подай его порцію. Мы съ вами разныхъ деликатесовъ попробуемъ: семушки, что-ли, сладострастно зажмурился онъ, — а у того ни хлѣба, ни зрѣлицъ... Такъ вотъ намъ на гулянье это, на устройство... надо бы... Мы вамъ послѣ вернемъ... Непремѣнно вернемъ. Какъ сборъ будетъ — сейчасъ же назадъ...

„Два раза бралъ — не возвращалъ!“ мелькнуло въ памяти у Сластенова.

— Будьте столь добры... Не откажите... Ужь если вы бабѣ этой для ея отвлеченныхъ младенцевъ... то для раненыхъ-то воиновъ... патриотовъ. Помилуйте!.. Я ужъ вамъ сумму не назначаю.

Сластеновъ развернулъ чековую книжку.

— Сколько можете... Все вамъ вернется... Но мы во всякомъ случаѣ будемъ благодарны.

Сластеновъ взялъ перо въ руки.

Водохлѣбовъ даже зажмурился... Потомъ открылъ глаза, замѣтилъ, что Василій Герасимовичъ наверху цифрами поставилъ 300...

— Еще ноликъ... Одинъ маленькій... малюсенькій ноликъ... софѣль и ласково шепталъ ему подъ руку Водохлѣбовъ. Даже благоспитанный котъ не могъ бы промурлыкать нѣжнѣе. — Вотъ такъ...

И у генерала даже подъ ложечкой засосало.

„Еще ноликъ, еще ноль“, вдругъ запѣлъ онъ на мотивъ „эй ухнемъ, еще разикъ, еще разъ“...

Сластеновъ уже дописывалъ чекъ, какъ въ гостиную вошелъ Савва Кузмичъ.

„Черти принесли!“ сконфузился „генералъ“. Его такъ часто называли генераломъ, что онъ и самъ привыкъ считать себя такимъ.

— А, ваше превосходительство!.. Вотъ ужъ истинно трудолюбивая пчела... Со всякаго цвѣтка каплю меду снимаешь...

— Ну, гдѣ намъ.

— Какъ гдѣ, слыхомъ земля полнится... Еще домикъ у Рѣдкозубова торгуешь?.. Ты что это, остано-

вить онъ племянника. — Чекъ?.. на три тысячи?.. По-каж-ко!

Василій Герасимовичъ далъ ему.

На лицѣ у Водохлѣбова изобразился ужасъ.

— Зачѣмъ это тебѣ?

— Гулянье... для раненыхъ патриотовъ, которые... устраиваемъ... мялся онъ.

— На гулянку?.. Три тысячи?.. И гулянка тоже тебѣ въ карманъ? Ну, нѣтъ, братъ, шалишь. Знаемъ мы эти гулянки, знаемъ...

И Савва Кузмичъ вдругъ разорвалъ чекъ на мелкіе кусочки.

— Савва Кузмичъ!.. Помилуйте! возонилъ Водохлѣбовъ.

— Не мое дѣло миловать, а только грабить племянника не дамъ!

— Да вѣдь они Любовь Петровнѣ Трепидоновой 15,000 отвалили! теноркомъ плакался генералъ.

— То Трепидоновой. Она у насъ настоящая патронная дама. У нея деньги-то на бѣдныхъ, да на хорошія дѣла идутъ, а то — ты!.. Какіе-такіе на тебѣ узоры написаны, чтобы тебѣ по три тысячи въ глотку со-вать, а?

— Не мнѣ... Для раненыхъ, ей-Богу-съ.

— Въ кое мѣсто ранены?.. Нѣтъ, братъ, не прокляжайся понапрасну...

Сластеновъ, точно онъ не причастенъ былъ ко всему этому, сидѣлъ опустилъ голову и слушалъ ихъ.

— Да вѣдь не ваши деньги! озлился Водохлѣбовъ.

— Не мои. А ты думаешь, покойный братецъ Арсений Николаевичъ даромъ ихъ наживалъ, что-ли? Для тебя, брюхача, хлопоталъ?.. Опослѣ того, увижу я на улицѣ разбойникъ за горло кого душишь — и проходи мимо. Мое дѣло де сторона. Такъ по твоему?.. И сколь въ тебѣ жадности этой лютой!.. удивился Савва Кузмичъ. — То ешь съ верхомъ. Хоть отбавляй! И ты тоже, обратился онъ къ Василію Герасимовичу, — всякую шушвалъ на домъ пускаешь... Я какъ-то побезпокоился — самъ-то ты вѣдь о себѣ не подумалъ — сколько ты ужъ на этого генерала издержалъ, такъ вѣдь его всего изъ золота можно точно идола вылить, да самоцвѣтными камнями изуставить!

Водохлѣбовъ сидѣлъ какъ въ воду опущенный.

— Ну, чего ты?.. Нахохлился! совсѣмъ пѣтухъ, у котораго собака хвостъ оторвала... А ты забудь про три тысячи-то... Было и нѣтъ... Вспомни Иова много-страдальнаго на гноищѣ... смѣялся Савва Кузмичъ.

— Ты бы посматривала за мужемъ-то! немного погоди говорилъ онъ Прасковѣ Яковлевнѣ. — Такъ ежили впередъ пойдешь — живымъ манеромъ вы оба на улицѣ-то очутитесь.

— Что-жъ мнѣ за нимъ смотрѣть, не маленькій... Хоть и хуже маленькаго!

И такая нотка раздражительнаго недовольства послышалась въ ея голосѣ, что Савва Кузмичъ только покачалъ головой...

— Смотри, Василій, какъ бы намъ тебя въ опеку не взять! погрозилъ Савва Кузмичъ. — Ишь, и жена-то на тебя... иначе чѣмъ прежде смотреть.

Но тутъ Прасковья Яковлевна не выдержала — расплакалась и ушла къ себѣ.

— Чтò у васъ такое случилось?

— Ничего не понимаю!

И дѣйствительно, Василій Герасимовичъ не понималъ ничего, только ужасно несчастнымъ чувствовалъ себя въ эту минуту.

V.

И не только въ эту минуту, но все время какъ только онъ вернулся въ Москву, въ свой палаццо, къ своимъ миллионамъ. Въ самомъ дѣлѣ — онъ былъ совершенно равнодушенъ къ послѣднимъ. Едва-ли между извѣстными ему людьми нашлся бы кто другой, кому было бы

до такой степени все равно: быть богатым или нѣтъ. Миллионы не принесли ему счастья. Они вырвали его изъ привычной среды и бросили въ другую, съ которой у него не было ничего общаго. Мечтательное существованіе полуголоднаго бѣдняка смѣнилось сытою обезпеченностью, но въ то же время создало вокругъ него какую-то лихорадку. Никто не смотрѣлъ на него какъ на человѣка. Начиная съ Плюса и Приходзько и кончая какимъ-нибудь Водохлѣбовымъ, онъ былъ для всѣхъ только рядъ нулей при извѣстной цифрѣ. Къ нему не относились съ желаніемъ съ нимъ познакомиться какъ съ личностью, ему не симпатизировали, его не ненавидѣли, имъ не интересовались. Онъ былъ—миллионеръ. Этого довольно. Къ нему подходили съ исключительною цѣлью цапнуть съ него болѣе или менѣе круглую сумму. При одномъ его видѣ у всѣхъ разгорались самыя подлые инстинкты. Въ глазахъ у приближавшихся къ нему свѣтилась жадность, и какъ ни мало онъ зналъ людей—онъ понималъ ужъ это и видѣлъ отблескъ отвратительной страсти къ наживѣ въ ихъ взглядахъ, слышалъ что-то надтреснутое, что-то хищное въ ихъ голосахъ. Онъ не придавалъ уже значенія словамъ. Слова, по обыкновенію, ничего не выражали. Онъ улавливалъ ихъ тонъ и отъ отвращенія самъ жмурился, не зная куда ему уйти отъ этой всюду длившейся ужъ три года охоты за нимъ. Сначала около него были Плюсъ и Приходзько. Отъ того и другаго избавилъ его Боголюбъ Боголюбовичъ. Плюса онъ съумѣлъ вытѣснить изъ дома Сластеновскаго, а Приходзько—попалъ къ нему въ лапы иначе. Курць скунилъ его векселя и такъ прижалъ къ стѣнѣ бѣднаго Станислава Сигизмундовича, что тотъ радъ былъ, когда его оставили въ покоѣ. Но на смѣну къ нему являлись новые Плюсы и новые Приходзьки—и все съ тѣмъ же алчнымъ, неукротимымъ желаніемъ сорвать и уйти. Во времена оны у него были друзья. Тамъ, у Вантши, въ нетопленныхъ комнатахъ, всѣ эти Нешумовы, Наплаксины, Морданы, Кимишкіаны—считали его своимъ, любили его, горевали вмѣстѣ съ нимъ и радовались его дешевому счастью, когда оно выпадало на долю бѣдняка. Теперь—и они развратились, и они смотрѣли на него съ проблесками жадности. Эти проклятыя деньги, миллионы, его дома, его лошади и, главное, его чековая книжка—изподличали все вокругъ. Онъ не зналъ на кого ему положиться. Онъ прекрасно понималъ, что дядя Савва Кузмичъ, напримѣръ, любилъ его по своему, а между тѣмъ не поцеремонился оттягать у него громадную фабрику—сначала въ управленіе, а потомъ какъ-то такъ вышло, что фабрика оказалась у него, а совѣтъ негодное подмосковное имѣніе съ полуразвалившимся домомъ и провинчившимся сосѣдями-мужиками—у Василия Герасимовича. И дядя еще подчеркивалъ не разъ: „слава те, Господи, не даромъ я у тебя фабрику взялъ... Цѣлое имѣніе тебѣ предоставилъ подъ самой Москвой...“ Боголюбъ Боголюбовичъ—тотъ смотрѣлъ на Сластенова какъ на законное свое достоинствѣ. Онъ сосалъ его вдосталь, сосалъ постоянно, упорно, съумѣвъ при этомъ подчинить своему влиянію и дядю, и всѣхъ его окружающихъ, кромѣ Прасковьи Яковлевны. Даже жена его, которую Василій Герасимовичъ любилъ больною, страстною, мучительною любовью,—даже она—вѣдь не вышла бы за него замужъ, если-бы онъ познакомился съ нею тогда, у Вантши. Вѣдь по ея мнѣнію, привитому воспитаніемъ, теткою-скошидомкой, окружающими, бѣдность сама по себѣ уже была большимъ порокомъ. Василию Герасимовичу теперь приходилось часто прерывать краснорѣчивыя изліянія новыхъ своихъ знакомыхъ. Настолько онъ уже осмѣлился и самъ сталъ безперемоненъ. Когда—невѣдомо зачѣмъ, невѣдомо откуда—явился къ нему ошцаненный актеръ Георгій Задраловъ и началъ распространяться о святости искусства и высокомъ значеніи сцены, Сластеновъ кротко спросилъ его:

— Сколько?

— Чего сколько? вытаращилъ тотъ глаза.

— Сколько вамъ снять съ меня желательнѣе?

Онъ уже даже и выражаться привыкъ по образу и по добію Саввы Кузмича.

— Помилуйте!

— Ничего-съ, я привыкъ... Сколько?

— Сто вамъ не будетъ жалко?

— Штъ, не жалко...

— Позвольте прижать васъ къ сердцу.

Сластеновъ не отказалъ ему и въ этомъ утѣшеніи. Когда Задраловъ уходилъ, онъ печально смотрѣлъ ему въ слѣдъ. Откуда они брались такіе? Отчего самъ, во время своего мученичества „виноголодь“, онъ ни у кого никогда не просилъ денегъ?..

У всѣхъ были ужасно высокія и чрезвычайно возвышенныя дѣла и идеи. И всѣ, услышавъ отъ него „сколько“, не медля сдавались, говорили цифру и, заполучивъ ее, какъ бы по-собачьи, угодливо смотрѣли ему въ глаза и торопились уйти поскорѣе, унести въ свое логово дешево доставшуюся лакомую добычу.

Савва Кузмичъ никакъ понять не могъ, съ чего этотъ оболтусъ раздаетъ всѣмъ свои деньги. Кто ни приходи, кто ни попроси—сейчасъ, пожалуйста получить. Онъ не видѣлъ одного: именно медленно и вѣрно развивавшагося въ молодомъ богачѣ презрѣнія къ деньгамъ. Именно презрѣнія. Онъ начиналъ презирать все и всѣхъ. И тѣхъ кто приходилъ къ нему, и самыя миллионы, распространившіе вокругъ эту заразу подлости, униженія, заискиванія, хищничества, злобы, взаимной ненависти и клеветы. Когда Приходзько жаловался ему на Курца, а Курць на Приходзько, и живописали они другъ друга подлецами изъ подлецовъ, онъ не вѣрилъ ни тому, ни другому. Онъ видѣлъ въ нихъ самыя простыя и обыкновенныя мошенничества. Они только неистово завидовали другъ другу и никакъ не могли вынести мысли, что при Сластеновскихъ миллионахъ кромѣ одного изъ нихъ можетъ состоять и другой. Онъ сидѣлъ вечеромъ въ день посѣщенія его Водохлѣбовымъ у камина и печально смотрѣлъ въ огонь, когда къ нему, пышная и яркая, подошла Прасковья Яковлевна.

Онъ подвинулъ ей кресло и засмотрѣлся на нее.

— Чего ты?.. спросила она, замѣтивъ на себѣ его упорный взглядъ.

— Такъ, думаю, улыбнулся онъ.

Но она различила грусть въ его улыбкѣ.

— Смѣешься, а самому плакать хочется.

И вдругъ, не смотря на все недовольство, которое въ ней возбуждалъ онъ, она положила на его руку свою.

— Ну, говори ужъ, чтѣ у тебя?

— Другаго бы мужа тебѣ надо было, Паша.

— Чего еще!

— Вѣрно! Ну, какой я мужъ.

— Мужъ какъ мужъ... Смирный! придумала она достоинство въ немъ.

— Ну, а еще?..

— Еще? Она задумалась.—Смирный... трезвый... По кучечеству какіе бываютъ!.. У Лоскутниковыхъ жена-то молодая съ перешибленнымъ носомъ ходитъ.

— Смирный, трезвый. А еще?

— Чего-жъ тебѣ еще?..

И она тоже заглядѣлась въ огонь, и на ея лицѣ отразилось, или ему это показалось, что-то болѣзненное, тревожное, печальное. Онъ смотрѣлъ на ея пышные волосы, на эти круглыя плечи, твердыя какъ мраморъ, на чудную грудь, на все это сильное, молодое тѣло—и какимъ жалкимъ казался самому себѣ! Румянецъ такъ и горѣлъ на лицѣ его жены и глаза сіяли нестерпимымъ блескомъ. Онъ вспомнилъ свое блѣдное, хотя уже и не худое лицо, свои безцвѣтные глаза—и ему жаль стало Паша. Онъ схватилъ ея руку, прижалъ къ своимъ губамъ и вдругъ заплакалъ.

— Что ты, что ты?... очнулась она изъ забытья и вдруг обвила его своими сильными руками.—Что ты... Васенька?..

— Нѣтъ, такъ, ничего... Не обращай вниманія... Вотъ и прошло...

— Аль боленъ?

— Сердцемъ боленъ. Знаешь: или я недоносокъ дѣйствительно, какъ меня называли, или... я ужъ не знаю. Только такъ мнѣ горько, такъ больно!.. Вѣдь посмотри всѣхъ кругомъ... кто ни подойдетъ, у каждаго пасть на мои миліоны раскрыта.

— Ужъ это такъ! подтвердила она.—Какъ же имъ не разбѣвать ртовъ?.. У бѣдныхъ всегда жадности много. А ты не вели пускать къ себѣ, вотъ и все... Однако не забудь, что мы сегодня вечеромъ у Лоскутниковыхъ. Въ прошлую среду не были. Она и то встрѣтила сегодня и говоритъ: „загордились должно, насъ забыли“.

— Если хочешь, поѣдемъ.

— Да... ужъ и одѣваться пора... Балъ у нихъ, гляди... фракъ надѣнь.

Она черезъ часъ была уже готова. Черные, густые непокорные волосы ея едва сдерживались на головѣ золотыми иглами съ брилліантовыми ручками, ярко горѣвшими надъ нею. Алмазная діадема сверкала надъ чистымъ и красивымъ лбомъ, на шеѣ переливалась радужными отблесками ривьера. Но ея плечи, охваченныя золотистымъ атласомъ, ея тѣло изъ-подъ стившихъ сумасшедшія деньги кружевъ, затмѣвали и жемчугъ, и брилліанты. Тонкая гибкая талія дразнила Василю Герасимовича. Ему досадно было, что этотъ вырѣзъ на ея спинѣ, удивительный, художественный, какъ и вся она, этотъ смѣло открытый бюстъ кромѣ него будутъ видѣть другіе.

И руки ея, удивительныя, точно выточенные съ ямочками у локтей. Онъ злился когда длинная перчатка скрыла ихъ отъ него, отвернулъ ее у плеча и поцѣловалъ.

— Какія нѣжности! засмѣялась она.

Онъ посмотрѣлъ на себя въ зеркало. Какъ онъ былъ смѣшонъ въ этомъ глупомъ фракѣ! Точно ошипанная ласточка. Даже жалость возбуждала его фигура рядомъ съ этою пышною женщиной. Онъ все время сегодня любовался ею. У Лоскутниковыхъ, подымаясь по лѣстницѣ, онъ не отводилъ отъ нея влюбленнаго взгляда. Въ пышныхъ залахъ—прислонясь къ дверямъ, слѣдилъ за нею и любовался какъ она шла царицей посреди обступившей ее молодежи, какъ колеблется ея станъ, какъ яркій свѣтъ отражается на бѣлой кожѣ ея плечъ, на брилліантахъ ея діадемы, какъ невозмутимо она относится къ этимъ господамъ, со всѣхъ сторонъ какъ мухи на медъ летѣвшимъ къ ней. Лоскутниковы жили богато, съ тяжелою роскошью присущей старымъ московскимъ купеческимъ домамъ. Посѣщали ихъ тоже люди богатые, „милліонщики“, — но лучше его Паши здѣсь никого не было.

— Какова краля! улыбнулся ему Савва Кузмичъ, — а? Развернулся-то какой цвѣточекъ. Чего-жъ ты киснешь все? Поди пригласи... Потанцуй.

— Я? съ ужасомъ спросилъ Сластеновъ.

— Да, ты... Чего пучишь глаза.

Но онъ только отошелъ отъ дяди. Василю Герасимовичу казалось святотатствомъ приблизиться теперь

къ женѣ. Онъ издали все продолжалъ любоваться ею. Изъ всѣхъ гостей къ ней пуще всего приставалъ пріѣзжий изъ Петербурга офицеръ — самоувѣренный, красивый, рослый, выхолонный и выкормленный. Ни мысли, ни чувства не было въ этомъ спокойномъ, самодовольномъ лицѣ. Онъ на полголовы выше Паши — и смотрѣлъ на нее такъ, какъ будто она уже была его собственностью. Онъ танцевалъ съ нею, ухаживалъ за ней.

— Позвольте мнѣ познакомить васъ съ мужемъ, предложила она.

— Я очень счастливъ, процѣдилъ тотъ сквозь зубы.— Вашъ мужъ извѣстный... Ему завидуютъ многіе. Еще-бы: такая жена и милліоны.

— Для васъ-то поди милліоны лучше? угадала она съ московскою безцеремонностью, такъ что шитерскій гость сжался какъ береста на огнѣ. Тѣмъ не менѣе когда его представили Сластенову, Василю Герасимовичъ показался себѣ самому такимъ маленькимъ и жалкимъ рядомъ съ этою на диво развернушеюся атлетическою фигурой, что даже смѣшался на первыхъ порахъ.

— Это вашъ мужъ? полунасмѣшливо спросилъ ее тотъ потомъ. — Вотъ не думалъ.

— Почему?

— Такъ, не подходитъ къ вамъ, небрежно уронилъ онъ.

Та вспыхнула и обидѣлась.

— Мы мужей не на заводахъ выбираемъ. Красавцы-то денегъ ищутъ — они для дуръ хороши.

Офицеръ смутился. Прасковья Яковлевна попала въ большое мѣсто. Онъ нарочно пріѣхалъ въ Москву, чтобы жениться, если Аллахъ ему поможетъ, на какой-нибудь архи-милліонершѣ купчихѣ. Но купчихи—вездѣ появлялись съ нимъ, пользовались его ухаживаніемъ, хвастались имъ передъ другими—и только что онъ заговаривалъ о бракѣ, какъ онѣ ему показывали на дверь.

— Вотъ бы тебѣ такого мужа! вздохнулъ Сластеновъ уѣзжая съ женою домой.

— Какого?

— Офицера этого.

— Спасибо... На деньги зарится... Посмотрить на брилліанты и точно у него зубы заболать. Поди подъ ложечкой-то у него сосало какъ! Хлюстова-то его спровадила, а онъ ея милліоны ужъ носомъ чуюлъ. Я ему какъ сказала о ней, ажъ позеленѣлъ онъ.

— А между тѣмъ ты съ нимъ цѣлый вечеръ...

— Я? и Прасковья Яковлевна расхохоталась.—Я это нарочно.

— Зачѣмъ?

— А Лоскуникова-то—изъ себя выходила. Даже мигрень у ней сдѣлалась отъ злости. Такъ только ее дразнила...

Когда они пріѣхали домой, онъ проводилъ ее до порога ея комнаты.

— Ну а теперь прощай... Я сегодня устала. Иди въ кабинетъ.

Онъ пошелъ на свою половину.

И какимъ жалкимъ и постылымъ онъ казался самъ себѣ проходя по освѣщеннымъ комнатамъ и видя свою чахлую фигурку повторенною зеркалами.

„Да не такой ей нуженъ, не такой...“

Холодное отчаяніе проникало въ его смятенную душу.

(Продолженіе будетъ).

Послѣдній экзамень.

(Изъ недавняго прошлаго).

Разказъ **Вл. Толля.**

I.

Простенькая жестяная лампочка освѣщала маленькую бѣленькую кухню. На выходившемъ въ сѣни окнѣ была чистенькая колениковая занавѣска. На полкѣ какъ жаръ горѣли двѣ-три мѣдныя кострюльки. Выскобленный кухонный столъ былъ украшенъ маленькимъ самоварчикомъ, вычищеннымъ до соревнованія съ солнцемъ. Въ углу подъ образами стояла желѣзная кровать, прикрытая швейнымъ одѣяломъ.

На оставшей плитѣ клубкомъ свернулся бѣлый большой котъ.

Мнѣ всегда казалось, что въ этой обстановкѣ никто, кромѣ Анны Ефимовны, обитать и не могъ, и не долженъ былъ. Почему? Потому что сама Анна Ефимовна была тоже маленькая и бѣленькая.

Совершенно сѣдые волосы, всегда аккуратно расчесанные, были прикрыты бѣлоснѣжнымъ чепчикомъ. Чистый перед-

A stylized, handwritten signature of Kaiser Wilhelm II in black ink. The signature is highly decorative and cursive, starting with a large 'W' and ending with a long, sweeping flourish.

Императоръ Германскій Вильгельмъ II.

пикъ, свѣтленькое, какое-нибудь сѣренькое ситцевое платье,— все это представляло самую подходящую рамку для ея невысокой, довольно полной фигуры, для ея блѣднаго, морщинопятаго, добродушнаго лица, украшеннаго прелестнѣйшими голубыми глазами. Заглянувъ въ эти глаза, всякій наслаждался тѣмъ внутреннимъ миромъ и душевнымъ покоемъ, которые должны были царствовать въ ея душѣ и которые невольно сообщались собесѣднику ея.

Третій часть утра. Кругомъ тишина. Только рядомъ въ комнатѣ слышится равномерное жужжаніе, происходящее отъ чтенія вполголоса.

Не смотря на столь поздній часъ, старушка сидѣла за столомъ въ своей кухонкѣ и быстро-быстро визала что-то, изрѣдка останавливаясь, разглядывая и растягивая свое вязанье. Нѣтъ-нѣтъ да и сомкнутся глаза ея и склонится голова набокъ, но Анна Ефимовна тотчасъ подбодрится опять и спѣшитъ поднять опущенную петлю.

Но вотъ приостановились вязальныя спицы. Старушка стала прислушиваться.

„Что-то затихъ мой голубчикъ. Не заснулъ-ли? Да и пора бы отдохнуть. Пойти посмотрѣть. А вдругъ не спитъ? Нѣтъ, все же пойду!“

Она встала и неслышную походкой въ мягкихъ туфляхъ приблизилась къ запертой двери въ комнату. Пріотворивъ дверь на палецъ, она заглянула въ щелку.

Спиной къ двери, въ одной рубашкѣ, отвалившись на спинку стула, передъ ломбернымъ столомъ, заваленнымъ книгами, литографированными и рукописными тетрадями, сидѣлъ невысокаго роста молодой человекъ. На столѣ горѣла лампа подъ абажуромъ изъ зеленой бумаги, очевидно самодѣльной работы.

Въ этой комнатѣ видна была борьба между порядкомъ и чистотой, царствовавшими въ кухнѣ, и чьєю-то постороннею рукой, невольно нарушавшею этотъ порядокъ.

— Николенька, ты спишь? послышался тихій-тихий, какъ бы боязливый шопотъ старушки.

Отвѣта не было. Молодой человекъ сидѣлъ, скрестивъ на груди руки и вперивъ взоръ въ пространство передъ собой. Онъ не спалъ; онъ силится сосредоточить мысли на только что прочитанномъ отрывкѣ лекцій, силится и не могъ этого сдѣлать. Въ головѣ возникали воспоминанія о прошломъ, мечты о будущемъ.

Чувствуя, что отъ дверей не отходятъ, онъ порывисто двинулся на стулъ, повернулся лицомъ къ двери и рѣзко проговорилъ:

— Да что же это, маменька! Сколько разъ ужъ сегодня просилъ я васъ не беспокоиться!.. И что это за подглядыванье и подслушанье.

— Ну, ну, прости, прости, голубчикъ, не буду!

Старушка быстро прихлопнула дверь и замахала руками уже передъ запертой дверью.

— Не буду, не буду, продолжали беззвучно шептать ея губы, въ то время какъ она своими легкими шагами возвращалась къ покнутому вязанью.

— Эй! порохи! А вѣдь только на словахъ, бормотала она, опускала на носъ приподнятые давеча на лобъ большія стальные очки и принималась за спицы. — На дѣлѣ-то ангельская душа, мухи не обидитъ. Ш-ш-ш! зашнѣла она внезапно и махнула чулкомъ по направленной плитѣ, гдѣ котъ, уставъ лежать въ одномъ положеніи, поднялся, выгнувъ колесомъ спинку, потянулся и задрѣлъ за жестяной чайникъ. — Экое безпокойное животное!

Въ ту же минуту въ комнатѣ послышался шумъ отодвигаемаго стула, шаги, дверь отворилась и на порогѣ показался молодой человекъ лѣтъ 26—27, невысокаго роста, узкогрудый, съ усталыми воспаленными глазами, всклокоченными рыжеватыми волосами, такую же бородкой и невысокимъ лбомъ. Блѣдно-голубые его глаза не выражали ни особеннаго ума, ни силы воли. Видно было, что это самый обыкновенный, дюжинный человекъ.

Старушка испуганно вскинула на сына глаза и забормотала: — Ужъ этотъ разъ, ей Богу, не я, Николенька. Это Васька. Вотъ, постой, я его!

Она вскочила съ мѣста и принялась награждать шлепками перецуганнаго и съ просонья не знающаго куда броситься кота.

— Да вы про что, маменька? нетерпѣливо спросилъ сынъ. — Перестаньте вы суетиться.

— Ну, прости. Я думала, тебя шумъ обезкокошилъ. Это противное животное чуть не опрокинуло чайникъ.

— Да нѣтъ, совсѣмъ не то! Вы прежде выслушайте, а потомъ... Нѣтъ-ли хоть чаю холоднаго? А то совсѣмъ подвело. Табука нѣтъ...

— Ахъ, Ты, Господи! Да что-жъ ты не скажешь, Николенька? Я сегодня захватила четверку въ лавкѣ. Поутру еще видѣла, что у тебя мало. Вотъ, возьми.

— Да гдѣ-жъ вы взяли? Вѣдь лавочникъ ужъ отказался въ долгъ отпускать... Кланялись опять скоту этому!

— Нисколько, голубчикъ. Съ тѣхъ поръ, какъ мы ему немножко заплатили, онъ опять охотно отпускаетъ.

— Да когда-жъ мы ему заплатили? Я что-то не знаю.

— А на прошлой недѣлѣ ты мнѣ далъ три съ полтиной. Вотъ я три рубля и...

— Такъ вѣдь я вамъ на башмаки далъ! Вѣдь не босикомъ же вамъ ходить!

— Ну, вотъ, ну, вотъ, Никдѣ. Да куда же мнѣ, старой, новыя башмаки? Мнѣ старыя тутъ на дворѣ сапожникъ за тридцать копѣекъ отлично зачинилъ.

— Чортъ знаетъ что такое! Все-то на-выворотъ дѣлаютъ! пробурчалъ сынъ и вышелъ изъ кухни, хлопнувъ дверью, но все же захвативъ съ собой табакъ.

— Ну, вотъ, ну, что-жъ... растерянно зашептала старушка. — Ну какъ же это? Опять не пографила. Да и то сказать. Надоѣла ужъ я ему, старая...

Тутъ нить ея размышленій была прервана вторичнымъ приходомъ сына.

— Маменька, заговорилъ онъ, — ужъ вы того... простите меня... Я такая свинья... Цѣнитъ васъ не умѣю. Какой-то я раздражительный сталъ, да и сдержаться не могу... Вы простите меня.

Старушка расцвѣла блаженной улыбкой, подняла на него свои прекрасные глаза и сказала:

— И-и-и, Христось съ тобой, милый ты мой мальчикъ, не всякое же лыко въ строку. Мудрено-ли тутъ погорячиться. Мучаешься-мучаешься, которую ночь, не смыкая глазъ, за ученьемъ просиживаешь... И пригнувъ къ себѣ голову сына, старушка подцѣловала его въ оба воспаленные покраснѣвшіе глаза. — Видишь ты, глаза-то, глаза какъ натрудили, и не грѣхъ тебѣ! Брось ты это ученье, лучше отдохни, прилягъ, а завтра со свѣжей головой на экзаменъ пойдешь.

— Нѣтъ ужъ не завтра, а сегодня, вѣдь три часа. Что вы-то сидите? Сами бы котъ прилегли, еще захвораете!

— Какой тутъ, милый, сонъ, когда знаешь, что ты вотъ рядомъ, не смыкая глазъ, шестую ночь сидишь; да много-ли намъ, старикамъ, и сна нужно? Подремлешь-подремлешь надъ чулкомъ—и довольно. Ну, да сегодня ужъ кончится эта каторга!

— Да, вздохнулъ сынъ.—какъ-то еще кончится!

— Никто какъ Богъ, Никдѣ. Его святая воля на все.

— Къ несчастью, Онъ не пойдетъ за меня экзаменъ держать.

— Не глумись, Николай, не грѣши, произнесла старушка неожиданно-строгимъ голосомъ и добавила про себя: „прости ему, Господи!“

Спицы вновь задвигались въ ея проворныхъ пальцахъ. Сынъ стоялъ передъ ней. Вдругъ онъ какъ-то порывисто опустился на колѣни, обхватилъ станъ ея руками, прижался лицомъ къ груди ея и внезапно судорожно зарыдалъ.

— Что ты, что ты, Николенька, Христось съ тобой! съ испугомъ заговорила старушка.—Успокойся, миленькій; видишь ты какой нервный сталъ.

Она старалась приподнять его голову и заглянуть ему въ лицо, но онъ все крѣпче и крѣпче прижимался къ ней и рыдалъ-рыдалъ...

— Маменька... Я чувствую... Какой я несчастный!.. Я чувствую... мнѣ не выдержать экзамена... За что это все?.. Провалюсь—и тогда все пропало!.. Выгонятъ... Я второй годъ на послѣднемъ курсѣ... Ужъ по одному предмету провалился. Я вамъ не говорилъ... Еле уприсилъ профессора... Общаль... если по другимъ... выдержу... пропустить... А теперь чувствую... завтра опять провалюсь... на второмъ предметѣ и на главномъ... Тогда... шабашъ! Всему, всему конецъ. Куда тогда, что тогда дѣлать?

Судорожныя рыданія, всхлипыванія прерывали его на каждомъ словѣ. Рука старушки покоилась на головѣ его, а полныя слезъ глаза были обращены въ уголъ на образъ Божьей Матери:

— Пресвятая Богородица, спаси насъ. Помогни намъ, Заступница! Никдѣ, зачѣмъ такое отчаяніе? Помолнись, помолнись со мной хоть разъ! Увѣруй ты, бѣдное, бѣдное дитя мое, и повѣрь: тебѣ легче будетъ... Ну, не выдержишь, что дѣлать! Какъ нибудь переберемся!

— Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно! Ахъ, какъ тяжело, грустно, горько!

Нѣсколько успокоившись, онъ приподнялся съ колѣнъ, приблизилъ свое мокрое отъ слезъ лицо къ лицу матери, заглянулъ въ ея глубокіе, добрые глаза и тихимъ шопотомъ спросилъ:

— Вы мнѣ все... все прощаете? И все можете простить?

Старушка любовно и тревожно посмотрѣла на него, набожно перекрестила, и вмѣсто отвѣта послышалась ея просьба:

— Николенька, помолимся вмѣстѣ!

И столько мольбы, столько внутренней боли, столько страданія за любимое существо сказалось въ этихъ трехъ словахъ, что сынъ невольно вздрогнулъ, отвернулся, закрылъ лицо руками и пошелъ въ комнату, черезъ силу произнесъ:

— Не могу... Вы знаете, не могу... Я... я... сомнѣваюсь... не... не твердо вѣрую.

Старушка поникла головой.

— Господи, Господи, за что такъ жестоко наказываешь Ты

меня? Нѣтъ, не меня одну, а обоихъ насъ, и его тяжелой нежелел меня... У меня есть утѣшеніе въ вѣрѣ, въ надеждѣ на милосердіе Твое, у него же нѣтъ ничего!

Шатаясь добрела старушка до угла, увѣшаннаго иконами, и распростерлась передъ ними.

II.

Мрачно сидѣлъ сынъ ея передъ столомъ своимъ, запустивъ пальцы въ волосы, и бессмысленно глядѣлъ въ раскрытую передъ нимъ книгу. Несвязной толпой пронесли въ воспаленномъ мозгу отрывки мыслей, переплетавшихся съ воспоминаніями прошлаго.

„Надобно однако читать лекціи“, мелькнуло у него въ головѣ. Онъ прочелъ нѣсколько строкъ и убѣдился, что читать рѣшительно не въ состояніи, такъ какъ ровно ничего не понимаетъ изъ прочитаннаго. Скрутивъ толстую папиросу, онъ закурилъ ее, откинулся на спинку стула и незамѣтно для самого себя углубился опять въ воспоминанія.

Вотъ онъ ребенкомъ шести или семи лѣтъ сидитъ вечеромъ у отца въ кабинетѣ и съ невольнымъ уваженіемъ, какимъ-то суевѣрнымъ страхомъ смотритъ на толстыя, громаднаыя книги, въ которыя отецъ что-то записываетъ, и кажется ему, что не только онъ самъ никогда не будетъ въ состояніи выписывать это „нѣчто“ въ подобныя громадныя книги, но что врядъ-ли есть на свѣтѣ еще кто-нибудь, могущій исполнять это дѣло кромѣ отца его, тѣмъ болѣе, что и названія у его отца и у этихъ книгъ страшно мудренныя, никакъ не выговоришь. Теперь ему все это смѣшно: отецъ былъ бухгалтеромъ, а книги эти—меморіаль, инвентарь, журналъ.

Какой славный былъ садъ около ихъ домика!.. а за садомъ вдали это громадное чудовище, съ безконечными трубами, вѣчно пылящее, свистающее, стучащее, испускающее клубы дыма, та фабрика, на которой служилъ отецъ. Разъ отецъ взялъ его съ собой и сталъ показывать, но онъ почти тотчасъ же, какъ вошелъ въ зданіе, испуганный шумомъ и видомъ этихъ громадныхъ машинъ, расплакался и сталъ проситься домой. Отецъ тогда разсердился на него.

А маменька—какая она еще тогда молодая и веселая была, и какъ любила, баловала его! Богатства кажется и тогда не было, а былъ во всемъ достатокъ. Сколько разъ она на рукахъ уносила его, большого мальчика, изъ кабинета въ спальню, когда онъ вечеромъ, засидѣвшись у отца, засыпалъ въ креслѣ! И вотъ эта страшная, страшная ночь, когда мать его разбудила, и онъ съ ужасомъ увидѣлъ, что комната залита какии-то страшнымъ, необычнымъ свѣтомъ, врывающимся въ комнату черезъ окна. А оттуда, откуда лился этотъ странный свѣтъ, доносились громкіе крики, шумъ колесъ, топотъ лошадей, на соседней церковной колокольнѣ безостановочно гудѣлъ колоколъ и гудѣлъ какъ-то зловѣще, не такъ, какъ въ воскресные дни, когда онъ отправлялся съ мамой въ церковь. Горѣла фабрика, на которой служилъ отецъ.

Потомъ эта страшная минута, когда въ снѣгахъ послышался топотъ нѣсколькихъ человѣкъ, несшихъ что-то тяжелое, отворяющаяся дверь, крикъ матери, его собственный безпричинный плачь, чьи-то стоны, чужіе люди въ комнатѣ... Это принесла съ пожараща его полуобгорѣлаго отца, бросившагося спасать ребенка одного изъ жившихъ на фабрикѣ рабочихъ.

Потомъ черезъ два или три дня похороны отца. Какъ все это ему тогда казалось странно! Гробъ этотъ, про который онъ все спрашивалъ у матери, зачѣмъ папу кладутъ въ такой неудобный ящикъ; самъ папа съ обуглившимися почти лицомъ и руками, обгорѣвшими волосами нисколько не напоминалъ прежняго папу, и онъ не совсѣмъ вѣрилъ матери, чтобы это былъ отецъ, но въ то же время принужденъ былъ вѣрить. Постоянныя слезы и печаль матери, потомъ его собственный истерическій плачь, когда увозили гробъ, и онъ наконецъ окончательно понялъ, что отецъ умеръ,—понялъ, въ чемъ заключается смерть, т. е. что отецъ ужъ больше никогда, никогда не вернется, что съ нимъ случилось что-то такое, давнее другимъ людямъ право заколотить его въ ящикъ, увезти, опустить этотъ ящикъ въ глубокую яму и засыпать землею.

Фабрика сгорѣла до-тла; владѣлецъ ея разорился, и они съ матерью остались совершенно безъ средствъ.

И вотъ встаетъ въ воображеніи образъ матери, сильно измѣнившейся подъ гнетомъ горя, дни и ночи сидящей за шитьемъ и вязаньемъ на продажу въ убогой бѣдненькой каморочкѣ. Какъ часто, просыпаясь среди ночи, видѣлъ онъ ее передъ столомъ, при тускломъ свѣтѣ лампочки, склонившеюся надъ кускомъ матеріи, на которую нерѣдко скатывалась слезинка и такъ и блестяла, не вытигиваясь въ матерію.

Потомъ онъ, при помощи добрыхъ людей, попалъ въ гимназію и уже съ третьяго класса началъ помогать матери, зарабатывая гроши перепиской, дешевыми уроками по 5, 6 рублей въ мѣсяцъ.

А какъ вѣдь хорошо тогда жилось! Всѣ эти волшенія передъ получкой денегъ, завѣшанье шансовъ за и противъ скорого ихъ полученія, размысленія и прикидыванія, на что можетъ хватить этихъ жалкихъ рублей, казавшихся ему тогда огромною суммою; что нужнѣе подметки-ли къ сапогамъ или повалъ „кэшка“, какъ у нихъ назывались носившіяся тогда въ гимназіяхъ кэши. А тревоги передъ экзаменами! Радость при

благополучномъ окончаніи ихъ, утѣшенія матери въ случаѣ неудачи, все это такъ гладко, хорошо шло!

Вотъ, наконецъ, и университетъ—вѣнецъ тогдашнихъ желаній и стремленій!.. Чего, чего не ожидалъ онъ отъ него! Увы! Во многомъ пришлось разочароваться.

„Чего я ждалъ тогда отъ университета? Не помню ужъ теперь, но ждалъ чего-то грандіознаго... и... разочаровался, да, разочаровался“, думалось ему. „Студенты... многіе изъ нихъ оказались тѣми-же школьниками, занимающимися только для того, чтобы снискнуть экзамены. Да и я самъ такой же. Вѣдь и то сказать: трудно было мнѣ заниматься“. И ему самому стало жалко себя. „Гдѣ тутъ всецѣло предаться слушанію курса и сопряженнымъ съ этимъ занятіямъ, когда дома нужда, старуха-мать чуть не босикомъ бѣгаетъ, сидитъ въ нетопленной квартирѣ, часто безъ обѣда, когда надо рыскать по грошовымъ урокамъ, гоняться за всякимъ листомъ переписки за гривенникъ.“

„И за что старуха моя мучается? Впрочемъ, не это ей главное мученье. Ей все хочется, чтобы я былъ такой же вѣрующей, какъ она. Но что же мнѣ дѣлать, что дѣлать, если я сомнѣваюсь! Я не могу себя припудить. Да много-ли ей помогаетъ ея вѣра? Вѣрять, не вѣрять—а радостей въ жизни у нея никакъхъ нѣтъ.“

„Впрочемъ, нѣтъ-помогаетъ! Меня злость беретъ, когда у меня сапоги безъ подметокъ и лавочникъ табаку въ долгъ не отпускаетъ, а ей ничего! Она спокойна, ровна, беззаботна, твердо увѣрена, что такъ и быть должно теперь, а впродъ будетъ лучше.“

„Si Dieu n'existait pas il faudrait l'inventer, сказалъ Вольтеръ,—и глядя на маменьку, я съ нимъ соглашаюсь; но почему же я не могу такъ вѣрить, какъ она, такъ чисто, свято, безъ всякихъ сомнѣній, безъ вопросовъ? Почему?“

„Невольню приходится на память иногда стихотвореніе Плещеева „Лампа“. Жена старика-равнина, живущаго въ страшной нищетѣ, ропщетъ на судьбу, а мужъ въ утѣшеніе:

..... къ настольной лампѣ

Подвелъ таинственно ее...

Позолоченная блистала

Большая лампа какъ звѣзда;

И говоритъ равнинъ чуть слышно:

„Насъ не должна злостить нужда!

Вѣдь эта лампа—золотан!..“

Когда я только захочу,

Все дастъ она—вино и мясо,

И шелкъ, и бархатъ, и парчу“.

„И старуха вѣрять и утѣшается. Она весело переноситъ нужду и невзгоды и

... отъ субботы до субботы

Жила она своей мечтой,

Смѣясь и радуясь богатству,

Что скрыто въ лампѣ золотой.“

„Этого-то я и не могу. У меня нѣтъ этой лампы, которая бы меня утѣшала, позолоченной лампы, которую бы я просто-душно принималъ за золотую. А у маменьки есть. И она въ тысячу разъ счастливѣе меня!“

Мало-по-малу эти размысленія опять перешли въ область воспоминаній.

Вотъ онъ на второмъ курсѣ принужденъ отказаться отъ экзаменовъ: постороннія занятія мѣшали въ теченіе года слушанію курса. Какъ тяжело было примириться съ потерей дѣлаго года! Мать поддержала, успокоила, уговорила.

Потомъ явилась еще одна поддержка, путеводная звѣзда, свѣтившая ему все время, дававшая ему силы для борьбы со всѣми трудностями и невзгодами. Онъ влюбился. Два года тому назадъ, онъ объяснился и съ ней, и съ родителями ея, получилъ согласіе, но подъ условіемъ (со стороны родителей) приобрести себѣ прежде вѣрное обезпеченное положеніе.

Въ прошломъ году такъ близко было счастье! Онъ надѣлся окончить курсъ, получить мѣсто учителя гимназій, которое ему даже было обѣщано попечителемъ одного изъ учебныхъ округовъ, случайно бывшимъ въ Петербургѣ, познакомившимся съ нимъ въ Публичной библиотекѣ и заинтересовавшимся имъ.

И вдругъ все рухнуло. Отодвинулось опять на дѣлкій годъ: онъ провалился на экзаменѣ. Онъ былъ близокъ къ самоубійству, но два любящія и любимыя существа, мать и невѣста, легко заставили его примириться съ этимъ новымъ испытаніемъ.

„Что-же будетъ, что будетъ, если я и нынче не выдержу экзамена, принужденъ буду покинуть университетъ безъ средствъ, безъ протекціи? Куда я двинусь? Что будетъ съ Вѣрой?.. Какъ я взгляну на нее?.. Я завлекъ ее несбыточными надеждами, я укралъ у нея два года лучшей поры въ жизни и не въ правѣ назвать ее своей женой. Если она и рѣшится обвѣнчаться со мной противъ воли родителей, чѣмъ я, ищій, буду содержать ее?.. А старуха-мать, ну, чѣмъ, чѣмъ я буду содержать всѣхъ?..“

„Но Вѣра и не рѣшится на подобный шагъ. Она молча, покорно будетъ изнывать въ безплодной тоскѣ, а я, медленный убійца, я буду смотрѣть и радоваться на дѣло рукъ своихъ! О-о-о!“

Конская группа бар. Клодта на Анничовомъ мосту.

Арна (ворота) Главнаго Штаба.

Памятникъ Петру I въ Александровскомъ саду, противъ Сената.

Конская группа бар. Клодта на Анничовомъ мосту.

Памятникъ Екаторинѣ II, противъ Александринскаго театра.

Невскій проспектъ у Гостиного Двора, Дума и проч. Виды и зданія Петербурга.

Памятникъ Имп. Николаю I на Исакиевской площади.

Зубы его заскрежетали. Холодный пот выступил крупными каплями на лбу. Пальцы судорожно сжимали виски, в которые молотом стучала кровь.

„Разъ... два... шесть! Шесть часов! Скоро, скоро наступит решающая минута! Читать, читать надо, может, может-быть еще как-нибудь удастся!“

И вновь лихорадочно забѣгали воспаленные глаза по строчкам, сухія губы бессмысленно повторяли слова, но утомленный мозг отказывался воспринять, перегруженная за послѣдніе дни память—удержать прочитанное.

Въ голову полѣтъ какой-то вздоръ.

„Портсмутъ, Плимутъ, Фальмутъ, Саутгэмптонъ...“

...„Что это такое?.. Такъ складно выходитъ... это что-то глупо-назическое...“

Онъ заснулъ, склонившись на книгу головой.

Песляшно, безъ скрипу отворилась дверь, легкими, безшумными шагами подошла къ сыну несчастная мать, погасила лампу, свѣтъ которой начиналъ уже уступать забрезжившему на востокъ разсвѣту сѣренькаго, петербургскаго утра; взявъ съ кровати маленькую подушку, она пошевелила ее спящему подъ голову, съ усиліемъ приподнятую ею со стола.

Рука ея нѣсколько мгновений еще покоилась на головѣ сына, а вдохновенный, почти неземной взоръ ея чудныхъ голубыхъ глазъ устремился въ высь, туда, къ Тому, Кто одинъ ей могъ помочь въ этомъ горѣ, вернуть на путь истинный сердце заблудшаго.

III.

Онъ спалъ, но тревоженъ былъ его сонъ. Раздраженные нервы, воспаленный мозгъ не давали ему и во снѣ покоя.

Старенькіе стѣнные часы, уже въ третій разъ съ тѣхъ поръ какъ онъ заснулъ, захрипѣли болѣзненно и протяжно. Наконецъ тихо, съ промежутками раздалось девять ударовъ. Затѣмъ опять послышался хрипъ, и все стихло.

Старушка заглянула въ дверь. Будить или нѣтъ? Но въ эту минуту сияшій порывисто откинулся въ сторону, чуть не упалъ, проснулся и испуганно оглянулся кругомъ себя. Лицо его было блѣдно.

„Да, это былъ сонъ, но какой глупый и страшный сонъ!“

Ему снилось, что онъ спускался по склону какой-то скалы, дикой, пустынной, а напротивъ возвышается гора, покрытая чудной растительностью. Онъ все спускается по своей голой скалѣ, и мучатъ его голодь и жажда. Напротивъ, по красивой, богатой растительностью, живописной горѣ, все выше и выше поднимается его мать и рядомъ съ ней Вѣра. У нихъ тамъ такъ свѣтло и весело, вокругъ же него мракъ и пустыня. Вдругъ изъ-подъ земли выскакиваютъ какіе-то чертенята. Они вертятся, кружатся, кривляются и тянутъ и толкаютъ его все ниже и ниже. Онъ взглядывается въ нихъ и кажется они ему знакомыми. Вотъ Стрёмовъ, товарищъ его, застрѣланный въ прошломъ году, вотъ Петрицкій, съ которымъ онъ чаще всего бесѣдовалъ о религіи, вотъ тотъ профессоръ, у котораго ему предстоитъ экзаменоваться, вотъ еще и еще знакомыя лица... Онъ хочетъ отъ нихъ отдѣлаться, отогнать ихъ—и не можетъ... Впезано и его начинаютъ тянуть такъ же кривляясь, прыгать, гримасничать и неудержимо влечетъ его что-то подъ-гору. Но вдругъ онъ взглядываетъ вверхъ и видитъ, что мать его все такъ же легко поднимается на противуположную гору, ее окружаютъ какое-то сіяніе, ее поддерживаютъ какія-то существа, сотканныя изъ свѣта и тепла, и тещо это, вѣтъ-нѣтъ и достигнетъ до него, нѣтъ-нѣтъ, и пахнетъ на него. Ему хочется къ ней, но какъ попасть? Онъ пробуетъ растолкать, отбросить прицѣпившихся къ нему гномовъ, чтобы съ разбѣгу перепрыгнуть развѣвающуюся подъ ногами его пропасть, отдѣляющую его скалу отъ противоположной горы, и не можетъ! Онъ силится, надрывается... дѣлаетъ прыжокъ... и обрывается въ пропасть. Вдругъ его подхватываетъ облако и выноситъ его къ подножію той плодоносной горы, по которой поднималась мать. Оно отлетаетъ въ сторону и вдругъ начинаетъ приобѣгать образъ человѣческой. Это какой-то старикъ съ длинной сѣдой бородой, потухшими карими глазами, ввалившимися щеками, заострившимся носомъ. Старикъ исчезаетъ—и онъ опять видитъ мать и Вѣру, далеко-далеко, почти на вершинѣ горы. Онъ бѣжитъ за ними, топчется, спотыкается, а разстояніе еле-замѣтно уменьшается. Онъ собираетъ послѣднія силы, дѣлаетъ отчаянное, порывистое движеніе... и просыпается.

Въ кухнѣ, куда онъ вышелъ умываться, на столѣ кипѣлъ уже самоваръ. Умывшись и выпивъ наскоро стаканъ чаю, онъ сталъ собираться на экзаменъ. Старуха-мать суетливо помогала ему одѣваться, вдѣвая запонки въ чистую, но довольно обтренанную крахмальную рубашку, которую она вчера вселчески старалась привести въ болѣе благоприсойный видъ, обрѣзавъ висѣщія на рукавчикахъ мохры обношеннаго полотна и вставивъ на груди аккуратненькую, маленькую заплаточку.

Наконецъ онъ собрался.

— Продайте, маменька! Пожелайте мнѣ счастья.

— Никто какъ Богъ, Никдѣя, повторила она свою любимую фразу, поцѣловала и перекрестила его.

И долго еще смотрѣла она въ окно вслѣдъ быстро удаля-

вшейся по переулку фигурѣ сына и посылала ему вслѣдъ крестныя знаменія.

Низко опустивъ голову, насунувъ брови, шагала молодой чело-вѣкъ по улицамъ, не обращая вниманія ни на погоду, ни на прохожихъ.

Наконецъ, онъ добрался до университета. Экзаменъ еще не начинался. Студенты собирались уже мало-по-малу въ предназначенную для экзамена аудиторію, одни веселые, видимо увѣренныя въ себѣ, другіе взволнованные и смущенные. Нѣкоторые торопливо перелистывали еще лекціи, просматривали программу.

Начался экзаменъ. Профессоръ былъ строгъ. Волненіе Николая все возрастало по мѣрѣ приближенія очереди къ нему. Онъ хотѣлъ было дочитать тѣ страницы, которыхъ не успѣлъ пройти утромъ, и не могъ.

Его раздражалъ сухой тонъ профессора, задававшего вопросы экзаменуемымъ, злорадство какое-то, звучавшее въ голосѣ его, когда отвѣчающій начиналъ путаться; раздражало сытое, самодовольное лицо сидѣвшаго рядомъ съ нимъ франта, товарища его, раздражала поминутно разстегивавшаяся запонка рубашки, не державшаяся въ слитномъ широкой разорванной петлѣ, надѣлалъ развязавшейся галстухъ, котораго дрожавшія отъ волненія руки никакъ не могли завязать...

Онъ сидѣлъ уже давно и начиналъ досадовать, что пришелъ такъ рано.

— Г. Долинскій, Николай, раздалось вдругъ въ ухахъ его.

Онъ не сразу понялъ, что это его вызываютъ. Окликъ повторился. Потка нетерпѣнія прозвучала въ голосѣ вызывавшаго.

„И къ чему это онъ прибавляетъ: Николай“, подумалъ онъ, направляясь къ профессорскому столу, „вѣдь у меня здѣсь однопамилыда нѣтъ“. „Никто какъ Богъ“, мелькнуло у него въ головѣ, когда онъ брался за кончикъ билета. „Ну, если есть Богъ—я выдержу, если я выдержу—я увѣрю“.

— Господинъ Долинскій, не задерживайте, нетерпѣливо произнесъ экзаменаторъ.

Онъ быстро, какъ-то испуганно дернулъ за уголокъ билета, который держалъ двумя пальцами. Пошелъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ отдѣловъ предмета, которые ему были хорошо знакомы. Онъ началъ говорить, хорошо говорить, такъ что экзаменаторъ и старичокъ-ассистентъ одобрительно покачивали головами.

Вдругъ ему пришло на умъ:

„Никто, какъ Богъ; при чемъ-же тутъ Богъ? я о Богѣ подумалъ тогда, когда уже взялся за билетъ, слѣдовательно онъ мнѣ не помогать при этомъ и Ему нѣтъ никакого дѣла до моего экзамена, до моей вѣры...“

Тутъ произошло нѣчто странное. Онъ, начавшій говорить такъ хорошо и увѣренно, вдругъ сталъ путаться въ словахъ, повторялъ одно и то же, возвращался къ давно уже сказанному... Его просили успокоиться, предложили воды. Онъ залпомъ выпилъ стаканъ холодной воды, попробовалъ опять отвѣчать, но въ головѣ была путаница. Экзаменаторъ началъ недѣлительно поглядывать на него и сталъ его, что называется, „щупать“. Обнаружилось его крайне ограниченное знакомство съ предметомъ.

— Господинъ Долинскій, мнѣ крайне жаль, но, какъ и въ прошломъ году, я не могу признать вашихъ отвѣтовъ удовлетворительными, сухо и отчетливо произнесъ профессоръ.

— По... позвольте мнѣ переэкзаменоваться черезъ нѣсколько дней, произнесъ черезъ силу блѣдными трясущимися губами несчастный.

— Не могу-съ, господинъ Долинскій, тѣ познанія, которыхъ вы не могли приобрести за два года, не могутъ быть усвоены вами въ два-три дня.

— Господинъ профессоръ, вы губите меня... вы... вы губите цѣлую семью.

У экзаменатора нервно дрогнула щека, нахмурились брови, онъ черезъ очки глянулъ куда-то поверхъ Долинскаго и, еще суровѣе, рѣвко и отрывисто произнесъ:

— Не могу-съ, ничего не могу-съ, отыскалъ въ спискѣ слѣдующую фамилію:—Господинъ Дор... Дод... Дерфу... какъ скверно написано: господинъ Дорвуаль, Адольфъ.

Съ помутившимся взоромъ бессознательно выбрался Долинскій, провожаемый сочувственными взглядами товарищей, изъ аудиторіи въ коридоръ, спустился въ шинельную, надѣлъ пальто, нахлобучилъ шапку и вышелъ на улицу.

„Дорвуаль, какая глупая фамилія! Фу, какъ тяжело! Провалился! Га, никто какъ Богъ? Что-же онъ моей гибели хочетъ? Ха, ха, ха!“ засмѣялся онъ неожиданно для самого себя и такъ хрипло, скрипуче, что самъ даже вздрогнулъ. Прохожіе съ удивленіемъ оглядывались на него.

Онъ шелъ по Дворцовому мосту. Рѣзкій, холодный вѣтеръ заставлялъ его по временамъ вдрагивать. Накрапывалъ дождикъ. Начинались уже сумерки.

Перейдя мостъ, онъ повернулъ налѣво вдоль Дворцовой набережной. Вѣтеръ все усиливался. Онъ шелъ все скорѣе и скорѣе, какъ будто торопясь куда-то, сильно жестикулируя, бормоча себѣ подъ носъ несвязныя слова:

— Что-же это... Конечъ, шабашъ всему!.. Провалился!..

Нѣтъ, не могу, надо кончить. Какъ я взгляну на мать, на Вѣру?.. Что имъ скажу?..

Въ эту минуту онъ дошелъ до Троицкаго моста и такъ-же безсознательно какъ шелъ до сихъ поръ вступилъ на него.

Онъ былъ на серединѣ моста... Неожиданный порывъ вѣтра сорвалъ съ него шапку и унесъ въ Неву. Свинцовыя волны съ бѣленькими гребешками перегоняли другъ друга, наскакивали на плашкоуты и разбивались. Шапка чернымъ пятномъ всплывала на бѣломъ гребнѣ волны, затѣмъ снова исчезала.

Онъ остановился у перилъ, безмысленно глядя на шапку и не чувствуя потоковъ холоднаго дождя, обдававшихъ его вспаленную голову, стекавшихъ по волосамъ за воротникъ рубашки. Прохожихъ не было. Изрѣдка проѣзжала близко отъ него конка со звономъ, рѣзавшимъ слухъ, и кондукторъ долго смотрѣлъ со своей площадки на эту одинокую фигуру.

„Туда, за ней! Одинъ прыжокъ... и все кончено!.. Все... Вотъ она ко дну идетъ!..“

И онъ чувствовалъ, что его что-то тянетъ въ эти темныя, точно чернильныя волны! Онъ чувствовалъ какое-то сладострастное наслажденіе при мысли, что окунется сейчасъ въ эти волны!

„Скорѣй, скорѣй! Ахъ, вагонъ идетъ... переждать. Или подъ вагонъ? Нѣтъ, лучше туда.“

Вагонъ прошелъ. Онъ занесъ ногу на перила. Вторую... Вотъ сейчасъ...

„Перекреститься или нѣтъ? Купающіеся передъ тѣмъ какъ броситься въ воду крестятся...“

— Пстой, пстой!.. погоди, родимый!.. произнесъ вдругъ за спиной его дребезжащій, старческій голосъ, и въ тотъ-же мигъ двѣ дюжія руки схватили его за локти, ператащили обратно черезъ перила и поставили на ноги. Онъ рванулся, но его держали крѣпко. Повернувъ голову, онъ увидѣлъ прямо передъ собой усатое лицо городского, а рядомъ съ нимъ старичка-священника. Послѣдній поразилъ его: гдѣ-то онъ видѣлъ эту длинную шелковистую бороду, совершенно сѣдую, эти нависшія надъ карими потухшими глазами сѣдые брови, но гдѣ... гдѣ?

— Отпусти его, произнесъ старикъ, обращаясь къ городскому.—Онъ со мною пойдетъ...

И въ голосъ его, и во всей наружности было нѣчто, заставившее Николая повиноваться.

— Зачѣмъ... зачѣмъ мѣшаете вы мнѣ? бормоталъ онъ, слѣдя за старикомъ.

— Оставь насъ, обратился священникъ къ городскому.

— Надо-бы ихъ въ участокъ, батюшка, для...

— Ну это послѣ. Ты меня знаешь, ну, черезъ меня и найдете его, если ужъ вамъ такъ требуется. Я отвѣчаю за него.

— Слушаю-съ.

Старичокъ кивнулъ головой, взялъ спасеннаго имъ за руку и повелъ за собой.

Николай не сопротивлялся. Онъ все силится вспомнить, гдѣ онъ видѣлъ это почтенное старческое лицо. Вдругъ ему пришло на умъ сонъ...

„Облако... старикъ... да, да, это то самое лицо. Что-же это такое? Вѣдь прежде я его никогда не видалъ!“

Старичокъ молча подвигался впередъ по пустынной площади.

Они вошли въ ворота какого-то дома, затѣмъ въ квартиру.

Николай шелъ за своимъ путеводителемъ, не отдавая себѣ отчета въ томъ, куда его ведутъ. Очнулся онъ въ теплой, освѣщенной горницѣ.

— Обогрѣйся, родимый, обсушись, а затѣмъ расскажешь мнѣ какое-такое горе постигло тебя, что заставило забыть и Бога и близкихъ своихъ, буде таковыя имѣются.

Черезъ полчаса Николай, можно сказать, исповѣдался старичку, рассказавъ ему все, повѣдавъ о невѣрнн и сомнѣніяхъ своихъ, объ изумленіи своемъ, когда лицо священника напомнило ему сонъ его...

Во время рассказа Николая отецъ Петръ подробно разспросилъ адресъ его матери и невѣсты и раза два выходилъ изъ комнаты.

Когда Николай окончилъ свой чистосердечный рассказъ, отецъ Петръ всталъ, прошелся по комнатѣ, остановился передъ собеседникомъ своимъ и заговорилъ:

— Ты говоришь: сомнѣваюсь, не вѣрую... Въ чемъ сомнѣваешься, во что не вѣруешь? Что можетъ тебѣ замѣнить вѣру въ Творца? Откуда-же взялось все вокругъ насъ, откуда взгляды мы сами? Не стану входить съ тобой въ философскіе споры, спрошу лишь: откуда явился сонъ твой знаменательный? Ты скажешь, расстройство нервовъ... О, слѣпецъ неразумный! О, слѣпецъ духовный, отталкивающій руку духовно врачей матери своей, что хочешь ве-

сти тебя по пути истины. О, слѣпецъ возгордившійся, хотѣй самъ найти дорогу и блуждающій впотьмахъ посредн западной и ямъ, вырытыхъ лжеучителями, докопѣ не придетъ къ пути погибели, къ гееннѣ огненной, откуда нѣтъ возврата. Скала бесплодная, по коей спускался ты, то—безвѣріе твое, и алкалъ ты по пути сему пищи духовной и жаждалъ ты питія духовнаго. И не было тебѣ удовлетворенія. И страсти твои и сомнѣнія твои преслѣдовали тебя и толкали тебя въ геенну огненную, въ ту пропасть, что отдѣляла тебя отъ матери твоей. А мать твою восходила по плодоносной горѣ вѣры своея ко Господу своему, окруженная ангелами Его, и свѣтъ и тепло вѣры ея изрѣдка достигали лучами своими тебя, но не проникали въ душу твою, потому что не видѣлъ ты пути прямого, пути молитвы. И сжалился Господь надъ тобою, сыномъ блуднымъ, и спустился милость Его въ видѣ облака, и оно подхватило тебя, падаваго въ пучину гибели, и вынесло къ подножію горы вѣры твердой. И удостоилъ Господь меня, недостойнаго раба Своего, быть орудіемъ милосердія Своего! Благодарю Тебя, Господи, и молю, просвѣти душу чада сего Твоего неразумнаго, яко Ты еси Богъ силенъ въ милости и благу въ крѣпости!

Потухшія очи іерея блестѣли огнемъ вдохновенія и рука его простерлась надъ головой невольно опустившагося на колѣна Николая.

Вдохновенная рѣчь старца проникла въ душу его, онъ чувствовалъ, что сомнѣнія его исчезаютъ и уступаютъ мѣсто доселѣ невѣдомому миру, ясности и спокойствію.

Изъ сосѣдней горницы, гдѣ все время слышался какой-то шумъ, покашливанія, шаги нѣсколькихъ человекъ, высунулась въ пріотворившуюся дверь голова дьякона или дьячка. Отецъ Петръ пошелъ къ двери и скрылся за нею вмѣстѣ съ выглядывавшимъ.

Прошло нѣсколько минутъ. Николай сидѣлъ на стулѣ прямо противъ двери, потупивъ и раздумывая о словахъ священника. Его сильно поразило толкованіе сна его и сходство священника съ приснившимся ему старцемъ.

Вдругъ растворились двери въ сосѣдную комнату, и представились глазамъ его стѣны, увѣшанныя иконами въ серебряныхъ и вызолоченныхъ ризахъ, на которыхъ играли и переливались огоньки лампадъ и свѣчей.

Посреди комнаты въ полномъ облаченіи стоялъ передъ аналоемъ отецъ Петръ, а рядомъ съ нимъ дьяконъ.

Николай невольно всталъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ моленной.

Отецъ Петръ повернулся къ нему лицомъ и, осѣняя его издали крестнымъ знаменіемъ, произнесъ:

— „Придите ко Мнѣ вси труждающіеся и Азъ упокою вы“, сказалъ Господь, а посему вниди, чадо, въ храмину сію и помолимся вмѣстѣ о спасеніи твоемъ и исцѣленіи душевнаго недуга твоего. Молитвы-же матери и нареченной невѣсты твоей подкрѣпятъ нашу.

— Гдѣ... гдѣ онъ? воскликнулъ Николай вбѣгая въ комнату, и тотчасъ почувствовалъ онъ себя въ объятіяхъ рыдающей матери, а въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ стояла Вѣра.

Онъ упалъ передъ матерью на колѣна и залился слезами. Это были не тѣ безотрадныя, тяжелыя, горькія рыданія, которыя душили его прошлой ночью, а слезы радости, облегчавшія наболѣвшую, измученную отчаяніемъ и сомнѣніями душу его.

— Господи, прости мнѣ! Матушка, прости! Вѣра!

Чтобы скрыть волненіе свое, отецъ Петръ отвернулся къ аналою, смахнулъ слезу съ рѣсницы и сказалъ:

— Начнемъ, отецъ дьяконъ.

На другой день отецъ Петръ лично привезъ ему записку отъ строгаго экзаменатора, въ которой тотъ увѣдомлялъ, что, уступая просьбамъ многихъ лицъ, рѣшается поступить на этотъ разъ противъ своего принципа, т. е. сдѣлать послабленіе и признать его выдержавшимъ экзаменъ, на что соглашаются ассистенты и ректоръ.

— Увѣрялъ онъ меня все, что несправедливость сія тяжелымъ бременемъ ляжетъ на совѣсть его, добродушно рассказывалъ отецъ Петръ, поглаживая свою шелковистую, сѣдую бороду и чуть-чуть усмѣхаяся углами губъ, — но я успокоилъ его, сказавъ, что по множеству грѣховъ своихъ и содѣянныхъ мною несправедливостей беру и сіе бремя на душу свою.

Черезъ три мѣсяца отецъ Петръ совершилъ обрядъ вѣнчанія.

Еще черезъ недѣлю онъ совершалъ напутственный молебенъ и провожалъ на Николаевскую желѣзную дорогу получившаго, отчасти благодаря его-же протекціи, мѣсто на Югѣ Долинскаго съ женой и матерью.

Виды Петербурга.

(Рис. на стр. 788, 789 и 792).

Центральную точку Сѣверной столицы, какъ извѣстно, составляетъ Адмиралтейство, отъ котораго на югъ радіусами идутъ три главныя артеріи Петербурга: Невскій проспектъ, Гороховая улица и Вознесенскій проспектъ.

На *Невскомъ* (см. рис. на стр. 788 и 789), довольно долгое время по основаніи Петербурга представлявшемъ лишь просѣку, прорубленную въ непроглядномъ лѣсу и называвшуюся *Приметливою*, теперь сосредоточена самая кипѣвшая столичная

жизни. Обстроенный по обѣ стороны громадными домами съ роскошнѣйшими магазинами, онъ тянется на три версты отъ Адмиралтейства (котораго золоченый и острый какъ игла шпиль виденъ въ глубинѣ нашего рисунка) до Николаевского вокзала и далѣе слишкомъ на версту до Александро-Невской лавры. На лѣвой сторонѣ рисунка часть адмиралтейскаго шпильа закрываетъ каланча *Городской думы*, а еще ближе къ зрителю виденъ въ ракурсѣ *Гостинный дворъ*, предъ которымъ отъ самой думы идетъ широкая панель для пѣшеходовъ. Правѣе, посрединѣ проспекта пролегаютъ рельсы конно-железной дороги съ двумя вагонами на первомъ планѣ, а по ту и по другую ихъ сторону провады для экипажей и навозчиковъ, которыми Невскій буквально кишитъ между двумя и четырьмя часами пополудни; въ то же время на правой его панели, такъ называемой солнечной сторонѣ, движется сплошная толпа гуляющихъ, въ которой иногда трудно бываетъ пробраться.

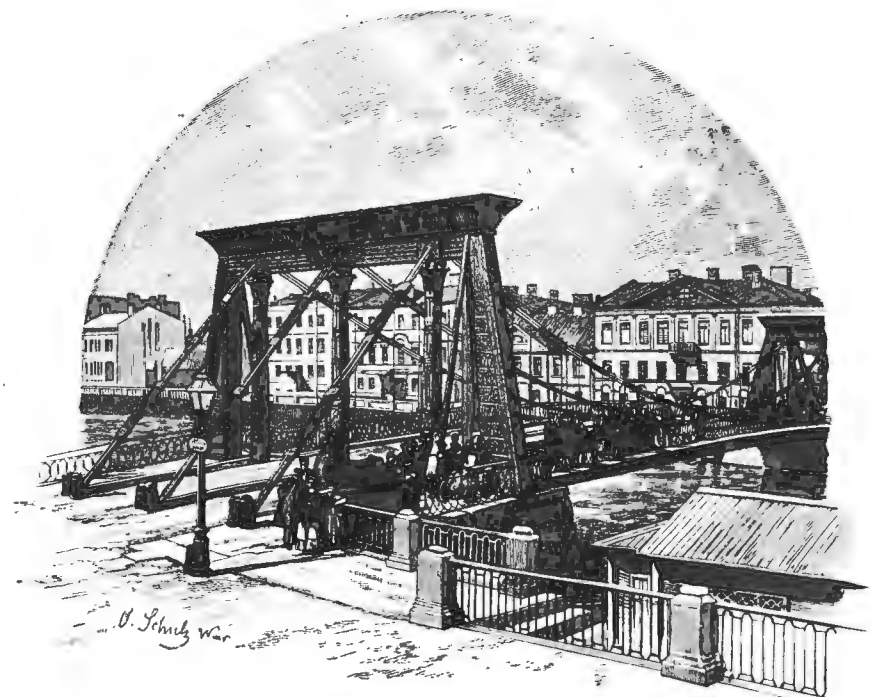
На слѣдующемъ рисункѣ слѣва изображенъ воздвигнутый въ 1873 году по проекту академика Микѣшина памятникъ Екатерины II на площади Екатерининскаго сквера, составляющаго расширение лѣвой стороны Невского тотчасъ за Гостиннымъ дворомъ и обставленнаго съ трехъ сторонъ великолѣпными зданиями Публичной библиотеки, Александринскаго театра (въ глубинѣ рисунка слѣва) и Собственного Его Величества дворца (Аничковскаго). На примыкающемъ къ дворцу Аничковскомъ мосту черезъ Фонтанку (пересекающую здѣсь Невскій) высятся четыре конскія группы, изваянныя барономъ Клодтомъ-фонъ-Юргенсбургъ и отлитыя изъ бронзы, на гранитныхъ пьедесталахъ. Тому же скульптору принадлежит и конная статуя памятника императору Николаю I на Исаакievской площади, составляющей расширение другой артерій Петербурга — Вознесенскаго проспекта. Памятникъ этотъ, сооруженный по проекту архитектора Монферрана (известный строитель Исаакievскаго собора), состоитъ изъ каменнаго пьедестала эллиптической формы, на окружности котораго расположены барельефы, трофеи, украшения и 4

Троицкий соборъ и памятникъ войны 1877—78 гг.

Михайловскій дворецъ и Михайловская площадь.

Египетскій мостъ на Фонтанкѣ.

эмблематическія женскія фигуры: Правосудіе, Сила, Мудрость и Вѣра. Ступени и нижняя часть пьедестала изъ краснаго порфира, цоколь изъ сѣраго сердобольскаго гранита, верхъ изъ бѣлаго мрамора. Конная-же статуя императора представляетъ истинное торжество монументальнаго искусства, такъ какъ конь, поднятый въ галопъ, держится въ равновѣсіи на однѣхъ заднихъ ногахъ, ничѣмъ болѣе не прикрѣпленный къ пьедесталу.

Миную знаменитую конную статую Петра I, работы Фалькопета (по ту сторону Исаакievскаго собора, въ Александровскомъ саду), настолько извѣстную, что здѣсь мы о ней только упомянемъ, переходимъ къ изображенному рядомъ съ этимъ послѣднимъ памятникомъ созданію императора Николая — это арка Главнаго Штаба (противъ Зимняго дворца), которая выходитъ лицевымъ фасадомъ на Дворцовую площадь, а противоположнымъ на Большую Морскую улицу, пересекающую Невскій, и служитъ промежу-

точнымъ звеномъ между двумя колоссальными четырехэтажными корпусами, выгнутый фасадъ которыхъ дугой охватываетъ часть Дворцовой площади; въ немъ насчитывается 768 оконъ, а въ самомъ здании помѣщается Главный Штабъ, министерство Финансовъ и др. учрежденія. Это созданіе императора Николая по громадности, красотѣ и оригинальности фасада не имѣетъ себѣ подобнаго въ Европѣ. Арка увѣнчана бронзовою колесницею бога войны въ шесть лошадей.

Отъ войны вообще мысль невольно переходитъ къ послѣдней русской войнѣ 1877—78 года. Идя отъ памятника императору Николаю по Вознесенскому проспекту до конца его у Фонтанки, переходимъ по мосту на составляющей продолженіе Вознесенскаго, Измайловскій проспектъ. Здѣсь предъ Троицкимъ соборомъ сооруженъ памятникъ славы русскихъ войскъ въ турецкую кампанію 1877—78 гг., по проекту проф. Гримма. Чугунная колонна съ коринтскою капителью и увѣнчающею ее фигурой побѣды плотно усажена отбитыми у турокъ пушками и покоится на гранитномъ пьедесталѣ. Изъ пушекъ же сдѣланы двѣ канделябры и два столба въ оградѣ. Всего

Дрофы передь грозой. Картина степной жизни. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) П. Каразина, грав. Флюгель.

въ памятникѣ 140 пушекъ. Надписи съ 4-хъ сторонъ на 8 мѣдныхъ доскахъ: на верхнихъ краткая исторія войны 1877—78 г., а на нижнихъ — перечисленіе участвовавшихъ въ ней войскъ и одержанныхъ ими побѣдъ.

Изображенный ниже, Михайловскій дворецъ, произведение итальянскаго архитектора Росси, принадлежавшій первоначально великому князю Михаилу Павловичу, а нынѣ до-

чери его, Великой Княгини Екатерины Михайловны, прилепляется къ Михайловскому скверу, составляющему послѣ Летняго сада одну изъ любимѣйшихъ прогулокъ для петербуржцевъ.

Египетскій мостъ черезъ Фонтанку, выстроенный генераломъ Бетанкурромъ, находится неподалеку отъ Измайловскаго проспекта, въ концѣ Могиловской улицы въ Коломнѣ.

Къ рисункамъ.

„Передъ вѣнцомъ“. Кар. проф. К. Е. Маковского.

(Рис. на стр. 780 и 781).

Предстаетъ картина проф. Маковского переноситъ насъ на яву въ старинную Русь съ ея задушевнымъ бытомъ и своеобразно милыми обычаями. Въ просторной свѣтлицѣ боярскаго терема, единственное убранство которой, какъ и во всякомъ честномъ домѣ, составляютъ иконы въ богатыхъ окладахъ съ теплящимися свѣчами воску яраго, собрались подружки невѣсты провожать ее къ вѣнцу. Любимая подружка пришла у колыбель своей ненаглядной и глазъ отвести отъ нея не можетъ, сибша наглядѣться въ послѣдній разъ, въ остаточный. Бойкая, видавшая всякіе виды сватовника расцѣпляетъ невѣстѣ косу и чешетъ ее гребнемъ подъ хоровую пѣсню остальныхъ подружекъ, которая то величаютъ будущую княгиню, то подшучиваютъ и пересмѣиваютъ, стараясь развеселить ее.

У стола съ зеркаломъ, заставленнаго ларцами съ камнями самоцвѣтными и ладами бурмынками, сидитъ мать невѣсты, любовно глядя на свое дѣтище и держа въ рукѣ узорную ширинку, которую не разъ уже и не одну слезу смахнула съ покрасѣвшихъ вѣкъ. Возлѣ нея — меншой братишка невѣсты, который побѣдетъ съ образомъ, а теперь пока сидитъ съ набитымъ пряниками подоломъ рубашонки и храбро откусываетъ голову прыншному коню.

Въ отворенную дверь пытается ворваться видимо навеселѣ не то самъ женихъ, не то посланный имъ дружка съ какимъ-то цѣннымъ подаркомъ, но ему пророчно загоразиваетъ дорогу одна изъ провожатыхъ боярынь, усовѣщающая безстыжаго, такъ какъ невѣсту въ день свадьбы до приѣзда въ церковь видѣть мужчинамъ нельзя.

Кругомъ, по лавкамъ и на полу разложено приданое.

Художественно выполненная гравюра наша конечно передаетъ въ совершенствѣ рисунокъ и общее впечатлѣніе картины. Что же касается яркости красокъ, ихъ вѣрныхъ переливовъ, виртуозно написанныхъ тканей, metalloвъ, драгоценныхъ камней, борьбы двухъ освѣщеній — дневнымъ свѣтомъ и восковыми свѣчами, словомъ, колорита картины, объ этомъ можетъ дать полное понятіе лишь оригиналъ нашего неподражаемаго въ этомъ отношеніи мастера.

Императоръ Германскій Вильгельмъ II.

(Портр. на стр. 785).

Въ началѣ августа Россію вторично посетитъ молодой императоръ Германіи и будетъ присутствовать на большихъ маневрахъ, которые пройдутъ въ окрестностяхъ Нарвы. Державный гость, по словамъ газетъ, прибудетъ моремъ на яхтѣ „Горенцолернъ“ въ Ревель, откуда на Балтійской желѣзной дорогѣ прослѣдуетъ 5 августа въ Нарву. Къ тому времени въ этомъ городѣ будетъ уже находиться главная квартира маневрирующихъ войскъ красносельскаго лагернаго сбора. 6 августа въ Нарвѣ состоится церковный парадъ л.-гв. Преображенскому полку, а съ 7 числа возобновятся маневры. Войска будутъ понемногу отступать отъ города къ Красному Селу, и маневры закончатся большимъ смотромъ и парадомъ на Красносельскомъ военномъ полѣ, 12 августа. Изъ Краснаго Села императоръ Вильгельмъ профѣдетъ въ Петергофъ, откуда и возвратится на родину.

Съ Германскимъ императоромъ, кромѣ принцевъ Генриха Прусскаго и Альберта Саксенъ-Альтенбургскаго, прибудутъ: имперскій канцлеръ генералъ-адъютантъ де-Каприни, фельд-маршалъ графъ Эйленбургъ, начальникъ военнаго кабинета генералъ-адъютантъ генералъ-лейтенантъ де-Ганкэ, директоръ военнаго департамента подполковникъ фонъ-Вейзе, совѣтники этого кабинета дѣйствительные тайные совѣтники: гг. Миленцъ и Шульцъ, совѣтникъ министерства иностранныхъ дѣлъ тайный совѣтникъ Рандау и личный секретарь канцлера г. Тагенъ, начальникъ морскаго кабинета баронъ де-Зенденъ-Вибравъ, совѣтники министерства внутреннихъ дѣлъ: дѣйствительный тайный совѣтникъ докторъ фонъ-Тукануэ и тайные совѣтники Шнейдеръ и Аббъ. Помимо этихъ лицъ администраціи, Германскаго императора сопровождаютъ: генералъ-адъютантъ генералъ-лейтенантъ Виттихъ, свиты генералъ-майоръ графъ Ведель, флигель-адъютанты майоры: фонъ-Видевичъ и фонъ-Шоль, личный секретарь императора Шверинъ и лейб-медикъ его величества докторъ медицины профессоръ Лейтольдъ. Принцевъ сопровождаютъ въ качествѣ адъютантовъ: Генриха Прусскаго капитанъ-лейтенантъ фонъ-Бассе и Альберта Саксенъ-Альтенбургскаго лейтенантъ Рукелебенъ.

Дрофы передъ грозой. (Рис. на стр. 793).

Дрофы (*Otis tarda*) встрѣчаются во всей Европѣ и въ значительной части Азіи, но нигдѣ не попадаются онѣ такими стадами какъ въ степяхъ южной Россіи и всей Средней Азіи. Эта осторожная птица положительно предпочитаетъ тѣ мѣстности, гдѣ занимаются хлѣбопашествомъ, выбирая себѣ для жилья обширныя поля, гдѣ уже издали видно приближеніе человека. Почуевъ дрофа на самыхъ отдаленныхъ отъ жилья поляхъ, болѣею частью паровыхъ или вспаханныхъ, куда отправляется только въ сумерки. Походка ея медленная и развѣренная, хотя въ случаѣ пугды птица бѣжитъ такъ быстро, что собака съ трудомъ догоняетъ ее. Передъ взлетываніемъ она дѣлаетъ разбѣгъ въ два-три прыжка и затѣмъ, хотя не быстро, но все же безъ всякаго успія, поднимается на воздухъ; затѣмъ движется первоначально медленными ударами крыльевъ, но достигнувъ извѣстной высоты, летитъ довольно быстро. Когда стая поднимается вмѣстѣ, то каждая птица держится на извѣстномъ разстояніи одна отъ другой, какъ будто болѣе поминать соудкѣ или задѣть ее крыльями. Нашъ художникъ изобразилъ моментъ подъема дрофы, вступившихъ приближеніемъ грозы.

Букетъ сушеныхъ цвѣтовъ. (Рис. на стр. 796).

Большая часть цвѣтовъ засушиваемыхъ между листьями книги — скоро теряютъ свѣжесть своей окраски; они какъ-бы не переживаютъ искаженія своей первоначальной формы грубымъ стискиваніемъ пыльных ленточекъ. Есть однако простыя, хотя и мало извѣстныя средства, позволяющія сохранять цвѣтамъ изящество формы и свѣжесть красокъ на продолжительное время. Теперь какъ разъ пора дѣлать такіе запасы на зиму, и мы считаемъ нелишнимъ сообщить читателямъ въ чемъ состоитъ секретъ заготовленія цвѣтовъ такъ-сказать вырокъ.

Не всѣ цвѣты одинаково поддаются этой операціи. Всего скорѣе и удачнѣе высушиваются тонкіе, почти прозрачные лепестки; толстые-же и сочные лепестки требуютъ особаго навыка, особыхъ приемовъ, и удаются хуже. Точно такъ-же не всѣ краски одинаково хорошо сохраняются. Такъ напр. розы сохнутъ довольно плохо и нерѣдко бурѣютъ, какъ-бы заболѣли ни сушили ихъ; напротивъ, Анютины глазки сохраняютъ свой бархатистый отливъ, герань — всю яркость цвѣта, фіалка — всю свою грацію до такой степени, что въ примѣн къ свѣжымъ цвѣтамъ трудно распознать сушеные.

Вотъ въ чемъ состоитъ приемъ сушенія. Надо запастись бѣлымъ пескомъ, очень сухимъ, очень мелкимъ и предварительнымъ просѣяннымъ. Необходимо чтобы песокъ былъ безъ всякихъ землстыхъ примѣсей, которые могутъ заначать цвѣтокъ. Лучшій песокъ добывается изъ песчанника, причемъ камень расколачиваютъ молоткомъ, толкутъ и просѣиваютъ; но годится и всякій бѣлый песокъ, предварительно хорошо промытый въ водѣ и высушенный въ печи. Затѣмъ берутъ ящикъ такой величины, чтобы цвѣтокъ свободно въ немъ помѣстился; насыпаютъ на дно слой песка, кладутъ на него цвѣтокъ, набравъ песокъ въ сито и начинаютъ понемногу сѣять его сверху въ ящикъ на цвѣтокъ. Песокъ мало-по-малу заполняетъ всѣ промежутки между частями цвѣтка, пробирается между лепестковъ и удерживаетъ ихъ въ естественномъ положеніи, если только сѣять медленно и съ осторожностью. Ящикъ можетъ быть деревянный, но предпочтительнѣе жестяной. Когда цвѣтокъ совершенно покроется пескомъ, ящикъ ставится въ печь, температура которой не должна быть выше 47—50° Цельсія. Если температура выше, цвѣтокъ жарится и теряетъ окраску; если она значительно ниже — сушка идетъ долѣе и цвѣтокъ загниваетъ.

Цасовъ черезъ пять или шесть цвѣты обыкновенно уже настолько высохнутъ, что ящики можно вынуть изъ печи. Но отнюдь не слѣдуетъ вынимать цвѣты изъ песка тотчасъ-же: они хрупки и ломки, и ихъ легко погубить. Имъ надо дать постоять по крайней мѣрѣ сутки, чтобы, набравшись влажности воздуха, они отошли и потеряли свою хрупкость.

Вынувъ цвѣтокъ изъ песка, снимаютъ кисточкой приставшія кое-гдѣ песчинки, и тѣмъ дѣло кончено. Такіе цвѣты очень долго сохраняютъ свѣжесть окраски; изъ нихъ можно составлять букеты и ставить ихъ въ вазы, или, группируя какъ-нибудь иначе, наклеивать на картонъ въ видѣ картинны.

Не всѣ цвѣты требуютъ и этой простой операціи. Многие прекрасно высыхаютъ на воздухѣ. Таковы всѣ злаки, образующіе изящные букеты, которые сохраняются почти безконечно.

Ихъ срѣзаютъ во время отдѣлыванія, сушатъ сначала въ тѣни, потомъ когда они нѣсколько подсохнутъ, ставятъ ихъ передъ разведеннымъ огнемъ; при этомъ они какъ бы вырастаютъ въ объемъ, ибо каждый стебелекъ отклоняется отъ прочихъ.

А. Л. Апухтинъ. (Портр. на стр. 797).

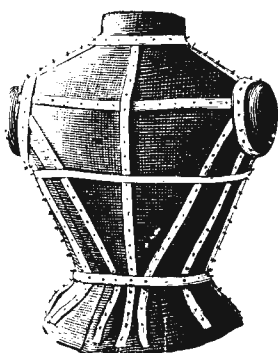
Можно быть очень талантливымъ администраторомъ, прекрасно понимать свои обязанности, имѣть за собою большой жизненный опытъ — и все-таки, при всѣхъ достоинствахъ, сдѣлать очень мало, въ особенности тамъ, гдѣ надо настойчиво проводить правительственныя мѣропріятыя, гдѣ надо долго и упорно бороться съ разрушительными началами, со всѣмъ, что такъ или иначе противодѣйствуетъ намѣреніямъ правительства. Для успешной борьбы администратору необходимо имѣть большую твердость и много энергіи, при наличности которыхъ, независимо отъ обладанія умомъ, тактомъ и опытностью, онъ только и можетъ стоять на высотѣ своего призванія и приносить дѣйствительную пользу. Именно такими, необходимыми для администратора качествами обладаетъ А. Л. Апухтинъ, почетный Варшавскаго учебнаго округа, недавно праздновавшій пятидесятилѣтіе службы своей въ офицерскихъ чинахъ. „Полувѣковое отменно-полезное служеніе ваше на военномъ и гражданскомъ поприщѣхъ—говорится въ Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ на имя Апухтина — отличавшееся постояннымъ рвеніемъ и непоколебимой твердостью въ исполненіи возложенныхъ на васъ обязанностей, даетъ вамъ право на особое Наше благоволеніе“. И дѣйствительно, А. Л. Апухтинъ, и въ качествѣ директора Константиновскаго Межеваго института, и на своемъ настоящемъ, отъѣздившемъ и трудномъ посту всегда проявлялъ бездну энергію и твердость, доходившей до полного самоотверженія, всѣми силами стараясь поднять значеніе и достоинство правительственной власти. Человѣкъ русскій въ полномъ и лучшемъ значеніи этого слова, образованный, прекрасно научившій положеніе учебно-воспитательнаго дѣла у насъ и за-границей, онъ понимаетъ истинные интересы Россіи и дѣйствуетъ въ Западномъ краѣ въ чисто русское направленіе, съ рѣдкою твердостью, придерживаясь строгой системы и стараясь поднять духъ русскаго населенія, угнетеннаго поляками и евреями, дружно сплотившимся для упорнаго противодѣйствія правительственнымъ дѣлаемъ. Полезная и энергичная государственная дѣятельность А. Л. Апухтина, съ честью занимающаго столь отъѣздившій постъ и являющагося надежною опорой русской партіи въ краѣ, достойно оценена всѣми истинно-русскими людьми. За то и явные и тайные враги Россіи ищутъ къ нему сильнѣйшую ненависть, стараясь ему вредить и дѣлать непріятности гдѣ только можно. Но, воспитанный въ военной дисциплинѣ, съ духомъ закаленнымъ въ бояхъ, А. Л. Апухтинъ не страшится этой ненависти и идетъ неуклонно, твердымъ шагомъ по развѣянному пути. Какъ почетный учебнаго округа, онъ, глубоко убѣжденный въ томъ, что университетъ долженъ быть расадникомъ науки, а не мѣстомъ политическаго броженія незрѣлыхъ умовъ, старался водворить строгую дисциплину въ стѣнахъ храма науки, никогда не зашривалъ, не вступалъ въ сдѣлки съ молодежью, настойчиво и строго требуя отъ нея повиновенія власти, чтобы учащаяся молодежь занималась наукою, а не политикой. Другъ порядка и врагъ малѣйшей распушенности, А. Л. Апухтинъ сдѣлалъ весьма много для насажденія просвѣщенія на западной окраинѣ Россіи, и его полезную дѣятельность справедливо оценитъ потомство. Свои просвѣщенные

взгляды на воспитаніе, на постановку педагогическаго дѣла онъ отчасти выразилъ въ своемъ замѣчательномъ трудѣ „Описаніе нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній Франціи, Бельгіи и Пруссіи“, въ которомъ авторъ даетъ множество свѣдѣній объ устройствѣ, типѣ и характерѣ наиболее видныхъ специальныхъ заведеній въ Европѣ, знакомитъ съ общою системой образованія въ Бельгіи и Пруссіи. Книга А. Л. Апухтина весьма кетати появилась въ то время, когда у насъ подняты были вопросы о преобразованіи военно-учебныхъ заведеній, объ учрежденіи въ Москвѣ сельско-хозяйственной академіи, о новомъ уставѣ для гимназій и училищъ и проч. — и, безъ сомнѣнія, сослужила хорошую службу, являясь подспорьемъ для уясненія этихъ вопросовъ. Кроме названнаго сочиненія, онъ написалъ еще весьма объемистую и солидную книгу „Очеркъ исторіи Константиновскаго Межеваго Института съ 1779 по 1879 годъ“.

Александръ Львовичъ Апухтинъ родился 4 ноября 1822 г. и происходитъ изъ старой дворянской фамиліи, считающей своимъ родоначальникомъ Федора Юрьевича Опухту, жившаго въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтія. Его прадѣдъ, дѣдъ и отецъ, Левъ Александровичъ, майоръ, — всѣ служили въ военной службѣ. Воспитывался А. Л. Апухтинъ въ I Московскомъ кадетскомъ корпусѣ и въ Императорской военной академіи, въ которой пробылъ съ 1842 по 1845 годъ. Службу свою онъ началъ 22 іюля 1840 г. прапорщикомъ первой полевой артиллерійской бригады, съ причисленіемъ его къ Генеральному Штабу. По окончаніи академическаго курса онъ былъ посланъ на топографическую съемку Сибири, а въ 1851 г., въ чинѣ штабсъ-капитана, назначенъ старшимъ адъютантомъ штаба 6-го пѣхотнаго корпуса. Черезъ три года его перевели на ту-же должность въ Штабъ всѣхъ пѣхотныхъ резервныхъ войскъ арміи, которую онъ занималъ до октября 1855 г., когда былъ назначенъ инспекторомъ классовъ Константиновскаго межеваго корпуса, въ которомъ читалъ также лекціи по военнымъ наукамъ. Въ декабрѣ 1859 г. А. Л. Апухтинъ, по распоряженію М. Н. Муравьева, тогдашняго управляющаго Межевымъ корпусомъ, былъ командированъ, въ чинѣ полковника — за-границу для осмотра и изученія учебныхъ заведеній, гражданскихъ и военныхъ, отъ которыхъ можно было бы позаимствовать что-либо полезное для организаціи школъ межеваго вѣдомства. Въ командировкѣ онъ пробылъ девять мѣсяцевъ и по возвращеніи, въ сентябрѣ 1860 г., въ Россію, представилъ обширный и блестящій отчетъ, послужившій матеріаломъ для упомянутой нами книги. Тогда же А. Л. Апухтинъ сдѣлалъ начальникомъ Школы межевыхъ топографовъ, а 19 апрѣля 1864 г. произведенъ въ генералъ-майоры. Въ октябрѣ того-же года онъ былъ назначенъ директоромъ Константиновскаго межеваго института, а 1 сентября 1873 г., сверхъ того, на него возложено исправленіе должности начальника школы межевыхъ топографовъ. Съ января 1876 г. А. Л. Апухтинъ переведенъ въ вѣдомство министерства Народнаго Просвѣщенія, съ производствомъ въ чинъ тайнаго совѣтника, а Высочайшимъ указомъ отъ 4 іюля 1879 года назначенъ на постъ почетнаго Варшавскаго учебнаго округа. За свою полувѣковую службу А. Л. Апухтинъ награжденъ орденами Св. Александра Невскаго, Бѣлаго Орла, Владиміра 2-й степени, Анны 1-й степени и др. Въ день своего юбилея онъ получилъ орденъ Александра Невскаго съ брилліантовыми украшениями. А. Л. Апухтинъ, кромѣ того, состоитъ предѣдателемъ Общества поощренія художествъ въ Царствѣ Польскомъ.

П. Быковъ.

Новое изобрѣтеніе.

„Пособникъ“, какъ видно на рисункѣ, составленъ изъ особаго рода резиновыхъ лентъ, усѣженныхъ шпильками остриемъ наружу и указывающихъ мѣста, гдѣ должны быть швы. Что-

бы получить выкройку, слѣдуетъ надѣть „пособникъ“ на корпусъ того кому шьется платье или бѣлье, и застегнувъ пряжки на шеѣ, талии, плечахъ и груди, оправить ленты, чтобы линіи ихъ были направлены какъ слѣдуетъ. Затѣмъ на острія шпилекъ накладываютъ соответствующія величины листовъ бумаги и надавливаютъ на бумагу подушечкой, отчего на бумагѣ получаютъ проколы. Снявъ осторожно бумагу и обрѣзавъ ножницами по проколамъ, получаютъ точную выкройку, по которой уже легко кроить матерію, прибавляя на запасъ. Само собой разумѣется, что относительно верхняго платья и костюмовъ снарядъ этотъ годится лишь для безукоризненно сложенныхъ особъ, такъ какъ искусство портнаго или портнихи состоитъ не въ томъ чтобы платье шилось аккуратно по тѣлу, облекая всѣ его линіи, а какъ разъ наоборотъ, въ томъ чтобы оно прибавками или урѣзками скрывало недостатки естественной фигуры, какъ напр. кособокость, непропорціональную ширину или толщину той или другой части тѣла и т. п.

„Пособникъ“ продается по 5 руб. за штуку, въ СПб., на Невскомъ проспектѣ, № 118, кв. 7.

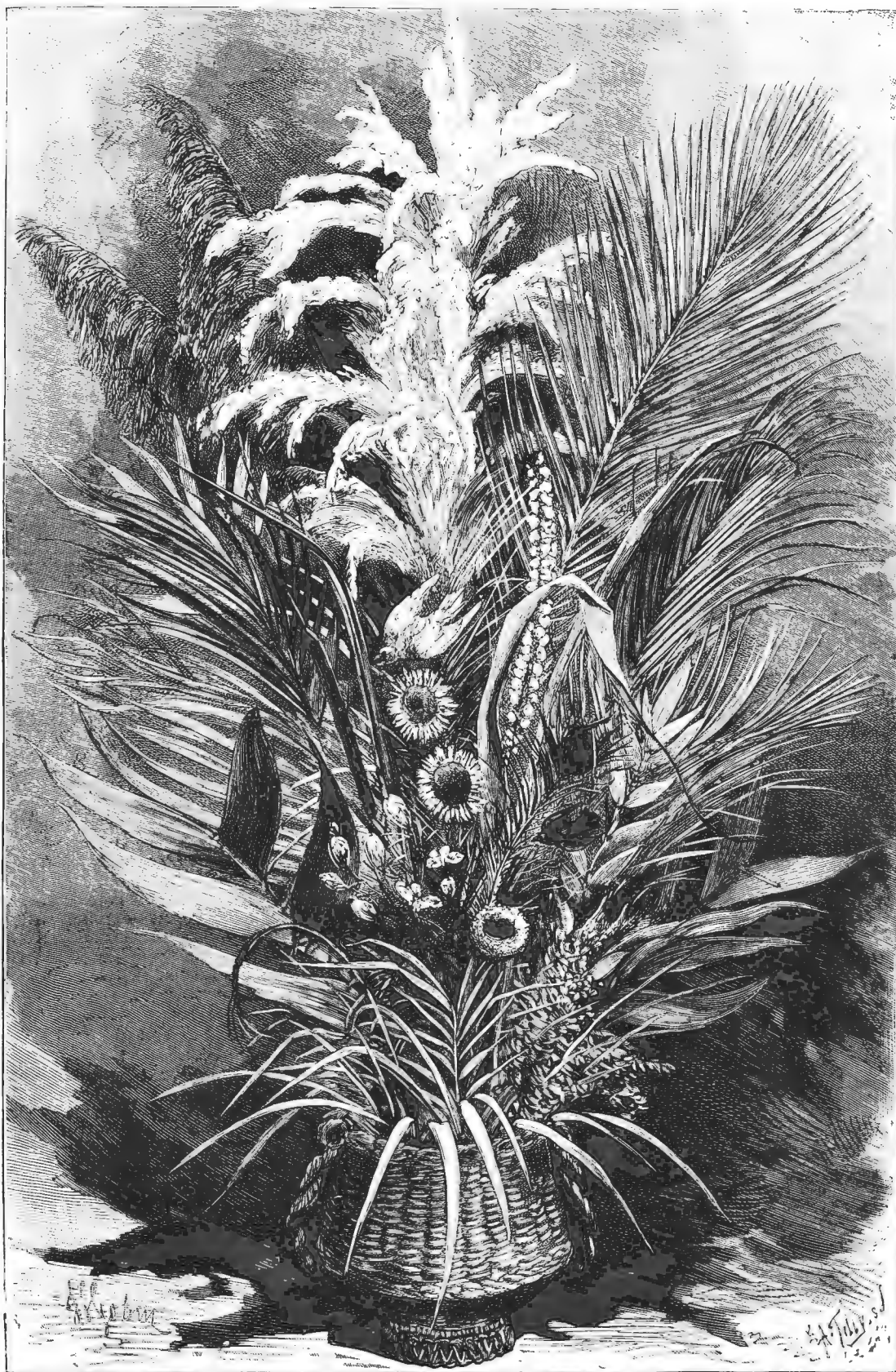
Политическое обозрѣніе.

22 іюля, какъ уже извѣстно читателямъ нашего журнала, исполнилось пятидесятилѣтіе служенія въ офицерскихъ чинахъ

Военнаго Министра, генералъ-адъютанта П. С. Ванновскаго. Данный по сему случаю мастиному юбилею Высочайшій ре-

скрипть, заключает великія слова Державнаго вождя Россіи: „Отечеству Нашему несомнѣнно нужна армія сильная и благоустроенная, стоящая на высотѣ современнаго развитія военнаго дѣла, но не для агрессивныхъ цѣлей, а единственно для огражденія чести и государственной чести Россіи. Охраняя неоцѣнимыя блага мира, кои Я умоваю, съ Божьею помощію,

Слова эти радостно отозвались въ сердцахъ всѣхъ искренно русскихъ людей, коимъ дорого благосостояніе ихъ отечества. Но и за предѣлами нашей обширной родины Монаршее слово не прошло незамѣченнымъ. Раньше другихъ появилась статья въ римской газетѣ *Riforma*, служащей личнымъ органомъ главы итальянскаго министерства Крисиби. Въ газетѣ

Букетъ сушеныхъ цвѣтовъ. Грав. Тилли.

еще надолго продлится для Россіи, вооруженныя силы ея должны развиваться и совершенствоваться наравнѣ съ другими отраслями государственной жизни, не выходя изъ предѣловъ тѣхъ средствъ, кои доставляются имъ увеличивающимся народонаселеніемъ и улучшающимися экономическими условіями“.

говорится, что слова Высочайшаго рескрипта будутъ встрѣчены общимъ удовольствіемъ, потому что нельзя выразиться болѣе определеннымъ и болѣе усноконтельнымъ образомъ. Слова эти безусловно добровольны и начертаны къ тому-же въ такой моментъ, когда де существовала извѣстная озабоченность вслѣдствіе послѣднихъ инцидентовъ на Востокѣ. Но

при этом газете не упоминает какие инциденты она иметь в виду. Далѣе, *Hamburger Nachrichten* говоритъ, что рескриптъ этотъ является новымъ знаменательнымъ доказательствомъ миролюбія и будетъ радостно приветствованъ во всѣхъ европейскихъ кругахъ, дорожащихъ сохраненіемъ мира.

„Охраняя миръ, говорится въ рескриптѣ, вооруженныя силы должны развиваться и совершенствоваться“. Нагляднымъ доказательствомъ блестящаго развитія и успѣховъ въ мирное время нашихъ войскъ являются нынѣ происходящіе маневры, на которыхъ въ ближайшемъ будущемъ будетъ присутствовать императоръ Германскій. До прибытія въ Россію, ожидаемый державный путешественникъ посетилъ Бельгію и Англію.

Изъ Вильгельмсафена императоръ Вильгельмъ отплылъ 20 іюля на яхтѣ „Hohenzollern“ въ Остенде въ сопровожденіи практической эскадры. Въ Остенде императоръ Германскій прибылъ 21 іюля въ 1 ч. 45 м. Король, графъ Фландрскій и принцъ Балдуинъ вышли на яхту „Hohenzollern“, чтобы приветствовать императора. Затѣмъ состоялся семейный завтракъ въ королевскомъ дворцѣ. Императоръ, король и принцы послѣ завтрака присутствовали на концертѣ въ курзалѣ, гдѣ громадная масса публики устроила овацію. Далѣе состоялся парадный обѣдъ на 80 кувертовъ и вечеръ въ Казино. На другой день послѣ завтрака у Бельгійской королевской четы, императоръ Вильгельмъ, въ 4 часа пополудни, на яхтѣ „Hohenzollern“ отплылъ въ Англію и прибылъ въ Дувръ, а 23 іюля утромъ императоръ продолжалъ путешествіе въ Кале, на о. Уайтѣ, откуда отправился въ Осборнъ, гдѣ и произошло свиданіе съ его вѣнценосною бабкою. Въ теченіе перваго дня своего пребывания въ Осборнѣ, императоръ дѣлалъ и принималъ визиты, а вечеромъ состоялся семейный обѣдъ, на которомъ присутствовали почти всѣ члены Англійскаго царствующаго дома. Во вторникъ утромъ императоръ, въ сопровожденіи принца Уэльскаго и его супруги, отправился на принадлежащей принцу яхтѣ „Aline“ на наружную гонку, призомъ для которой назначенъ кубокъ королевы. Въ гонкѣ принимали участіе какъ „Aline“, такъ и принадлежащая принцу Генриху Баттенбергскому яхта „Scheila“. Въ среду императоръ отправился въ Портсмутъ, гдѣ посетилъ арсеналъ и присутствовалъ при минныхъ опытахъ. Передъ отъѣздомъ, 26 іюля, императоръ представилъ случай осмотрѣть британскій флотъ, въ то время, какъ тотъ направлялся къ Ландсэду на большіе маневры. На обратномъ пути изъ Англии, какъ полагаютъ, императоръ посетитъ 11 августа (30 іюля) островъ Гельголандъ.

Посѣщеніе Германскаго императора приветствуется восторженно англійскою печатью. Въ немъ видятъ новый залогъ дружественныхъ отношеній обѣихъ націй, выразившихся еще недавно въ соглашеніи объ африканскихъ владѣніяхъ и объ уступкѣ Германіи Гельголанда со стороны Англии. Однако это соглашеніе не могло не затронуть интересовъ Франціи въ Африкѣ. Возникшіе переговоры привели къ особому англо-французскому соглашенію, которое и подписано 25 іюля. Со-

глашеніе или конвенція заключаетъ 7 статей, и въ силу ея, Франція, между прочимъ, отказывается отъ деклараціи 1862 года, въ смыслѣ допущенія англійскаго протектората надъ Занзибаромъ и Маскатомъ. За это Англія признаетъ французскій протекторатъ надъ Мадагаскаромъ и зависимость мѣстныхъ англійскихъ консуловъ отъ ехекуатуа Франціи, а также обязуется не распространять свою сферу вліянія за рѣчку Бинуэ (со стороны Сьерра-Леоне и Камеруна) и выражаетъ согласіе какъ на установленіе Франціей постоянныхъ сообщеній между Алжиромъ съ одной стороны и Сенегамбіей и Суданомъ—съ другой, такъ и на включеніе во французскую сферу вліянія Сулы. Что касается Нигера, то, какъ постановлено въ ст. 7 конвенціи, регулированіе относящихся къ этому пункту спорныхъ вопросовъ возлагается на особую разграничительную комиссію.

Въ противность извѣстіямъ, сообщеннымъ, по инициативѣ Милана, европейской печати, —изъ Бѣлграда извѣщаютъ, о заявленіи митрополита, что, по новому церковному закону, королевскій бракоразводъ подвѣдомственъ исключительно собору. Кассировавъ разводъ, въ виду незаконной процедуры, соборъ вручилъ о томъ королевскій актъ, подписанный всѣми іерархами. Выданный затѣмъ митрополитомъ Милану документъ, которымъ обѣщается не поднимать дѣла по существу, не противорѣчитъ соборному рѣшенію и отнюдь не уничтожаетъ его силы, неся чисто частный характеръ.

Интересно сообщеніе корреспондента *Московскихъ Вѣдомостей*, какъ былъ выданъ этотъ документъ митрополитомъ:

„11 іюня соборъ призналъ незаконнымъ разводъ королевы Наталіи и выдалъ ей со своего рѣшенія копію съ подписью сербскихъ епископовъ, печатью митрополита и митрополита Михаила. Едва узнали объ этомъ рѣшеніи Миланъ и регенты, какъ на митрополита, при участіи главы либеральной партіи Аввакумовича и профессо-

ра великой школы Панга Сречковича, друга и поклонника Милана, было произведено въ его домѣ нападеніе, или, точнѣе сказать, насилие, по выраженію самого митрополита. Говорятъ, что Миланъ, съ пѣной у рта, съ поднятымъ кулакомъ лѣвой руки и съ революверомъ въ правой, угрожалъ чести и жизни митрополита, требуя отмены выданнаго королевскія рѣшенія. Когда-же митрополитъ Михаилъ отказался исполнить это требованіе, то Ристичъ и Вѣлмарковичъ (регенты Протичъ уклонился), Аввакумовичъ и Сречковичъ принудили митрополита выдать Милану 5 іюля, за № 1,101, заявленіе о некомпетентности сербскаго архіерейскаго собора въ пересмотрѣ рѣшенія митрополита Мравовича.

„Этотъ документъ, выданный подъ вліяніемъ насилія и угрозы, очевидно, законной силы имѣть не можетъ и полная законность рѣшенія архіерейскаго собора отъ 11 іюня, которымъ уничтожено окончательно и безповоротно незаконное постановленіе лже-митрополита Мравовича о разводѣ ея величества Сербской королевы съ отставнымъ королемъ Миланомъ, остается вѣдь всякаго сомнѣнія“.

С М Ъ С Ъ .

Египетскій государственный архивъ. Въ послѣднее десятилетіе на египетской почвѣ было найдено столько замѣчательныхъ древностей, что мы, наконецъ, привыкли считать возможнымъ всякое тамъ открытіе. Тѣмъ не менѣе эта страна чудеса постоянно превосходить наши ожиданія и доставляетъ такія рѣдкости, о которыхъ мы едва смѣли бы мечтать. Вслѣдъ за открытіемъ въ пирамидахъ Сахары древнѣйшихъ памятниковъ религіозной литературы, въ рудникахъ Дерельбахри были найдены въ 1881 г. муміи великихъ царей Египетскихъ, а теперь передъ нами новое, необычайное открытіе. Египетскіе феллахи въ началѣ прошлой зимы от-

крыли часть египетскаго государственнаго архива: письма царей Вавилонскихъ, правителей странъ по верховьямъ Евфрата и вассальныхъ владѣтелей Сиріи и Финикіи къ фараонамъ пятнадцатаго вѣка до Р. Хр. Сокровища эти ¹⁾, первоначально обязанія своимъ сохраненіемъ извѣстному въ Вѣнѣ любителю древностей, Теодору Графу, пока находится въ этомъ городѣ и, благодаря содѣйствію

¹⁾ Извѣстіе о находкѣ въ Египтѣ 200 табличекъ съ клинообразными письмомъ уже нѣсколько недѣль тому назадъ было возвѣщено англійскими газетами. Но авторъ этого важнаго сообщенія не имѣлъ доступа къ самой находкѣ и потому показанія его не особенно авторитетны.

одного из вѣнскихъ гражданъ, семейство котораго уже не одну услугу оказало музею, можно надѣяться, что хотя главная часть ихъ тамъ и останется. Мѣсто находки — развалины Тель-эль-Амарны, такъ часто упоминаемой со времени прусской экспедиціи 1842—1845 г. Большой городъ, по свидѣтельству Лепсіуса, изъкогда здѣсь стоявшій, подвергся страннымъ превратностямъ. Царь Аменофисъ IV (около 1420 г. до Р. Хр.) дѣлаетъ смѣлую попытку замѣнить старая, отживающія вѣрованія египтянъ новою религіею, имъ самимъ измышленною и основанною на поклоненіи солнечному диску. Старые боги и ихъ храмы были такъ ненавистны реформатору, что онъ не хотѣлъ оставаться въ прежней столицѣ своего государства и задумалъ воздвигнуть новую резиденцію, гдѣ ничто не напоминало бы ему ненавистныхъ боговъ, которыхъ чтили его отцы. Новая столица возникла на обширномъ пространствѣ, нынѣ занимаемомъ развалинами Тель-эль-Амарны.

Не долго существовала она, однако. Не прошло и десяти лѣтъ, какъ новая религія была низложена и жрецы прежней принялись жестоко мстить за оскорбленія, нанесенныя имъ царемъ-еретикомъ. Они разрушали воздвигнутыя имъ зданія, изгоняли съ памятниковъ его имя, а новую столицу его стерли съ лица земли. Какъ совершилось паденіе Тель-эль-Амарны: было ли оно слѣдствіемъ народнаго возстанія, или состоялось по приказанію новаго правительства — неизвѣстно. Но должно полагать, что при томъ не было недостатка въ дикихъ, необузданныхъ порывахъ, иначе разрушители двора врядъ ли дали бы уцѣлѣть среди его развалинъ остаткамъ нынѣ найденнаго архива.

Двѣ серіи документовъ спаслись отъ рукъ грабителей: часть азиатской корреспонденціи, относящейся къ первымъ годамъ царствованія Аменофиса III, и часть таковой же отъ времени его сына, основателя Тель-эль-Амарны. Число писемъ, сохранившихся цѣликомъ и въ отрывкахъ, 160. Происхожденіе ихъ разнообразно, но всѣ они на вавилонскомъ языкѣ и написаны вавилонскимъ клинообразнымъ письмомъ. Матеріалъ при томъ употребленъ такой, на которомъ клинообразное письмо представляется глубоко давленными. Вѣнность табличекъ крайне разнообразна. Большинство ихъ величиною съ ладонь, но многія, а именно происходящія изъ страны Митанни, имѣютъ болѣе сорока сантиметровъ длины. Почеркъ посланий, вышедшихъ изъ царской канцеляріи въ Вавилонѣ, очень изящень, другія же писаны скорописью. Цвѣтъ и качество глины, изъ которой состоятъ таблички, тоже очень разнообразны. Изъ писемъ отъ царственныхъ особъ всего интереснѣе тѣ, которая писала фараону Вавилонскій царь Бунабуріашъ. Они, съ одной стороны, рисуютъ намъ любопытную картину отношеній существовавшихъ между этими двумя отдаленными царствами, а съ другой — даютъ намъ въ первый разъ возможность сооставить вавилонскую хронологію съ египетскою. Указаніе на то, что вавилонскій царь Бунабуріашъ былъ современникъ Аменофиса IV (или, какъ онъ, согласно началу прозвищу Нефрхонперы, значится на глиняныхъ табличкахъ, Наххурурія), весьма важно для древней исторіи. Дружественный союзъ между этими государями былъ только возобновленіемъ подобнаго же между ихъ двумя предшественниками. Но они, помимо того, состояли еще и въ личныхъ сношеніяхъ, и когда царица Вавилонская посѣщала горе, въ немъ принимала живое участіе супруга фараона: „она не поднимала головы и сидѣла погруженная въ печаль“.

Главнымъ изъ царственныхъ корреспондентовъ Ниммури (т. е. Небмара, Аменофиса III) былъ Душратта, „великій царь“ земли Митанни. Предметъ переписки — бракъ дочери этого царя съ фараономъ. Душратта, какъ видно, вовсе не считалъ этого брака за особенную честь для своего дома, напротивъ, принималъ его скорѣй въ обратномъ смыслѣ и недвусмысленно выражалъ это въ позднѣйшихъ посланіяхъ, гдѣ напоминалъ фараону, какъ долго тотъ сватался за принцессу Митаннійскую, прежде чѣмъ получилъ ея согласіе.

Что это за страна Митанни, царь которой держитъ себя на равной ногѣ съ могущественнымъ властелиномъ Египта? Въ египетскихъ текстахъ не упоминается нигдѣ названіе Митанни и намъ пришлось бы довольствоваться на счетъ ея одними догадками, еслибъ не явилось на помощь слѣдующее обстоятельство. Египетскій архиварій, хранитель табличекъ, дѣлалъ на нихъ по краямъ коротенькія замѣтки для своихъ цѣлей. Такъ, на одномъ изъ писемъ Митаннійскаго царя онъ отмѣтилъ слѣдующее: „Годъ 2-й, второй зимній мѣсяцъ, 5-й день, какъ дворъ переселился въ южную резиденцію, въ замокъ Каемехутъ. Письма изъ Нахарини, привезенныя посломъ Нетретіемъ, и...“ Страна Митанни, значитъ, тождественна съ обширнымъ государствомъ Нахарини на верховьяхъ Евфрата. Сначала это были владѣнія, за преобладаніе въ которыхъ фараоны спорили съ Сиріей, но позже, именно при Аменофисѣ III, они усилились въ сильное государство, сосѣднее съ Египтомъ и граничащее съ нимъ къ сѣверу¹⁾. Слѣдовательно, Нахарина лежала на верховьяхъ Евфрата, и дѣйствительно, еще Ассирійскій царь Тиглатъ Пилезаръ I говоритъ о странѣ Митанни, какъ о находящейся въ томъ направленіи.

Весьма интересная табличка происходитъ изъ Сѣверной Сиріи, какъ кажется, изъ города Туниа: она обращена не къ царю, а къ одному изъ египетскихъ чиновниковъ, по имени Гаи, и въ ней молятъ о защитѣ. „Царь Хаттievъ въ странѣ Курхашевъ“, гласитъ табличка, „и я боюсь его. Онъ направляется въ Сирію“. Кто врагъ, отъ котораго авторъ письма проситъ египтянъ его защитить — мы

не знаемъ. Египтяне называли Хеттами народъ, населявшій страну на юго-востокѣ Малой Азіи. Но, уже поколѣніе спустя, народъ этотъ, наравнѣ съ египтянами, распорядился въ Сиріи, а о странѣ Нахаринѣ вовсе перестаютъ упоминаеть. Интересно прослѣдить по табличкамъ, какими подвигами въ заключеніе добился царь Хаттievъ первенствующаго положенія среди малоазиатскихъ державъ.

Авторы другихъ писемъ изъ сирійскихъ и финикійскихъ городовъ (какъ Библосъ, Зимира, Мегиддо, Аскалонъ и пр.), подобно автору только что упомянутой таблички, не принадлежатъ къ числу владѣтельныхъ государей. Это очевидно мелкіе туземные династы, управляющіе родиною отъ имени фараоновъ, которымъ тогда были подчинены всѣ эти земли.

Изъ вышесказаннаго должно заключить, что вавилонскіе языкъ и письмо были очень распространены въ пятнадцатомъ вѣкѣ до Р. Хр. Не то чтобы жители по верховьямъ Евфрата дѣйствительно всѣ говорили на этомъ языкѣ, но онъ былъ общепринятъ для письма во всей Малой Азіи. Естественно и египетскій дворъ свою азиатскую переписку предпочиталъ вести съ помощью не иноземныхъ толмачей, а собственныхъ чиновниковъ, посвященныхъ въ тайны клинообразнаго письма. Всѣ вновь найденныя таблички — письма разныхъ лицъ, за исключеніемъ одной, которая воспроизводитъ вавилонскій мифологическій текстъ. Трудно было бы объяснить ея присутствіе среди официальныхъ документовъ архива, еслибъ на ней не было разъясняющихъ дѣло знаменъ. Она исполнена точками, изъ египетскихъ чернилъ, наставленными между словами, съ цѣлью отдѣлять одно отъ другаго. Очевидно, ихъ тутъ поставилъ египтянинъ, изучавшій по этому тексту клинообразное письмо и желавшій такимъ образомъ облегчить себѣ трудную задачу. Вотъ все, что обнаружилъ первая сортировка вновь открытыхъ документовъ, но, конечно, пройдутъ еще дни и годы, прежде чѣмъ она сдѣлается дѣйствительно достояніемъ науки. Знатокъ клинообразнаго письма найдетъ въ ней трудности, которыя невозможно отбросить съ перваго взгляда. Въ большинствѣ другихъ ассирійскихъ и вавилонскихъ текстовъ почти всѣ слова изображены знаками съ установленнымъ значеніемъ, но не произношеніемъ. Государственные же документы отъ пятнадцатаго вѣка до Р. Хр. произведенія чисто фонетическія. Но фонетическая орфографія со всѣми своими трудностями составляетъ весьма важное приобретеніе для науки. Настоящія таблички, передающія ее, самые древніе памятники не только вавилонскаго, но и всѣхъ семитическихъ языковъ, и онѣ впервые подають надежду на возможность быть вполнѣ вѣрно прочитанными. Такимъ образомъ, открытіе въ Тель-эль-Амарнѣ является столь же важнымъ для языковѣднн, сколько и для исторіи. (N.)

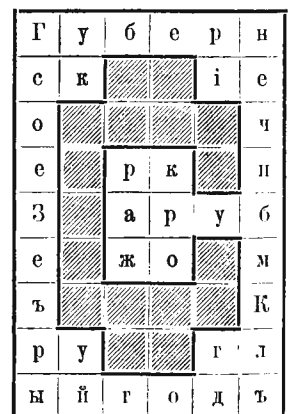
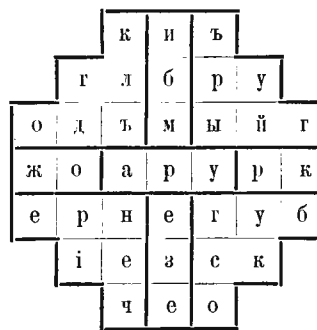
Розовая эссенція очень дорога, и не мудрено: иппскіе промышленники, напримѣръ, употребляютъ 12,000 фунтовъ розъ для получения одного фунта этой эссенціи. (в.)

Рѣдная старость. На одной изъ нижнихъ улицъ города Орла, по общему мѣстной газетѣ, проживаетъ старуха, имя которой едва-ли кому извѣстно, такъ какъ всѣ ее зовутъ „Корнѣевою“. Ей — сто пятнадцать лѣтъ. Преклонный возрастъ скорбилъ старуху, но она пользуется сравнительно хорошимъ здоровьемъ и обладаетъ даже неистощимымъ юморомъ. Память ей несколько не измѣняется; старуха рассказываетъ любопытныя подробности изъ орловской старины; по временамъ только она жалуется на то, что „Богъ ей смерти не даетъ“ и что „жизнь надоѣла ей“. (в.)

Рѣшеніе ребуса № 37 (помѣщеннаго въ № 26).

Боятся несчастья — счастья не видать.

Рѣшеніе задачи буквъ № 38 (помѣщенной въ № 26).

Слова: 1) Горго, 2) Реджіо, 3) Куры, 4) Кегли, 5) Зебра, 6) Бунчукъ, 7) Сеймъ.

М. Е. Салтыковъ: 1) Губернскіе очерки, 2) За рубежомъ. 3) Круглый годъ.

Рѣшеніе логогрифа № 39 (помѣщеннаго въ № 26).

Роса. Оса.

Рѣшеніе ребуса № 40 (помѣщеннаго въ № 27).

Счастью не вѣрь, а бѣды не пугайся.

¹⁾ Что царь Аменофисъ III состоялъ въ бракѣ съ Нахаринскою принцессою, упоминается между прочимъ и въ одномъ египетскомъ источникѣ.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Контора журнала „НИВА“ проситъ Гг. подписчиковъ, НЕ ВНЕСИХЪ ПОЛНУЮ ГОДОВУЮ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ за „НИВУ“ 1890 года, озаботиться своевременными взносами слѣдуемыхъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатные адреса отъ бандеролей.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. ночтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подлинные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Н. Ф. Дубровинъ (съ портр.). — Жизнь, какъ она есть. Романъ въ пяти частяхъ. Вас. И. Немировича-Данченко. Ч. III. (Продолженіе). — Послѣдній экзаменъ. (Изъ недавняго прошлаго). Рассказъ Вл. Толяя. — Видъ Петербурга (съ 10 рис.). — Къ рисункамъ: Передъ вѣнцомъ. Нарт. проф. Н. Е. Маковского (съ рис.). — Императоръ Германскій Вильгельмъ II (съ портр.). — Дрофы передъ грозой (съ рис.). — Букетъ сушеныхъ цвѣтовъ (съ рис.). — А. Л. Апухтинъ (съ портр.). — Новое изобрѣтеніе (съ рис.). — Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — Рѣшенія задачъ. — Завѣтніе. — О перемѣнѣ адреса. — Объявленія. — При семь № прилагаются „ПАРИЖСІЯ МОДЫ“ за АВГУСТЪ 1890 г., съ 27 рис. и отдѣльный листъ съ 36 чертѣж. выкроекъ въ натур. величину и 24 рис. выпильныхъ работъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Ключниковъ.

О ВЪЯВЛЕНІЯ

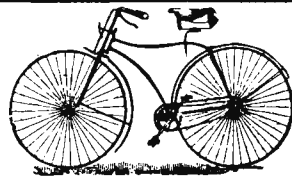
Безплатно каталогъ рѣдкихъ фотографій. Образцы съ пересылкой 5 рублей. А. Динманъ. Амстердамъ (въ Голландіи).

НАСТОЯЩІЕ ВЕЛОСИПЕДЫ (ВИФЪ)

ПЕРВОЕ МѢСТО

Ж. БЛОКЪ

С. ПЕТЕРБУРГЪ

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ
Франкфуртъ н/М. К. № 4387
ФАБРИКАНТЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ „ОРЕЛЬ“.

Вскаго рода двухъ и трехъ-колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей. Составная часть и принадлежноти. Идутъ агентовъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 пфен. марками.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ
В. ГЕНА въ ВѢВѢ
ИЗЪ ГРЕЦКИХЪ ОРЪХОВЪ.

Безвредное средство для быстрого окрашивания волосъ и бороды въ черныи, русый, темно- и свѣтло-каштановый цвѣтъ.

Цѣна за флаконъ 3 руб. съ пересылкой. Главный складъ для Россіи у В. Аурихъ въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18.

Leichner's Fettzuder

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА

для вечера а также и для! Незамѣтна на кожѣ! Косметическое средство для красоты кожѣ! Цѣна коробки 1 рубль!

Театральныя гримировки!
Румяна, бѣлѣла и карандаши для бровей!
Идутъ во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.
Л. ЛЕЙХНЕРЪ, Берлинъ, поставщикъ Бельгійскихъ театровъ и дюра.
Главное депо для Россіи у В. Ауриха, Колокольная, № 18. С.-Петербургъ.

АЛЬБОМЪ
РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ (АЖУРНЫХЪ РАБОТЪ)

дополненный 32-мя совершенно новыми, нигдѣ еще не напечатанными рисунками, алфавитами русской азбуки и красивыми монограммами. Альбомъ состоитъ изъ 25 большихъ листовъ, заключающихъ въ себя болѣе 400 рисунковъ разнообразныхъ вещей, буквъ, монограммъ и пр., а также и рисунокъ большаго туалетнаго зеркала со шкатулкой.

Цѣна альбома 1 руб., съ пересылкой 1 руб. 30 коп.

Съ требованіями обращаться въ С.-Петербургѣ, въ контору журнала „Нива“ (Невскій, № 6).

ГОРЬКАЯ ВОДА САКСЛЕНЕРА
ИСТОЧНИКА „ГУНИАДИ-ЯНОСЪ“

По свидѣтельству врачебныхъ авторитетовъ этотъ Purgativ имѣетъ слѣдующія преимущества:

Аккуратное и ВѢРНОЕ дѣйствіе.
МАЛАЯ ДОЗА.

Владѣлецъ: АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ въ Будапештѣ.
ПРОДАЕТСЯ у ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ и АПТЕКАРЕЙ.
ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ
ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.

Преподаватель коммерческихъ наукъ
С. Я. ЛИЛЕНТАЛЬ
ОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНІЕ ИНОГОРОДНЫХЪ и МОСКОВСКИХЪ ДВ. ИТ. БУХГАЛТЕРІИ посредствомъ лекцій - корреспондентій, вполнѣ замѣняющихъ устное преподаваніе. Подробныя свѣдѣнія и пробныя лекціи высылаются авторомъ БЕЗПЛАТНО. Массы благодарностей и почетныхъ отзывовъ, законно засвидѣствованныхъ. Предостереженіе отъ жалкихъ подражаній этому сочиненію, пріобрѣтшему широкую распространенность и выдержавшему 8 изданій. Ц. № 4610

Адресъ: Москва, Долгоруковская, домъ Финогеновой, КОНТОРА СТЕФАНА ЯКОВЛЕВИЧА ЛИЛЕНТАЛЬ. 5-3
Личный приемъ отъ 10 до 12 ч. ежедневно.

МИНДАЛЬНОЕ МЫЛЬНОЕ ТѢСТО !!
приготовленное лабораторіей А. Энглундъ. Миндальное мыльное тѣсто на березовомъ сокѣ, котораго обильная, освѣжающая и пріятная пѣна, впитываясь въ кожу, придаетъ ей нѣжность и мягкость, употребляется какъ мыло.

Цѣна за кусокъ 35 н., съ пересылкою 6-ти кусковъ 2 р. 50 коп.

Для предупрежденія поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на подпись А. Энглундъ красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи.

Получать можно во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ всей Россійской Имперіи. Ц. № 4409 12-7
ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ
А. ЭНГЛУНДЪ,
СПБ., Литейный пр., 36.

Вышло въ свѣтъ и продается въ книжныхъ магазинахъ:
ПОЛОЖЕНІЕ О ЗЕМСКИХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ
12 ІЮНЯ 1890 ГОДА.

и дополнителныя къ нему постановленія объ отдѣльныхъ отрасляхъ дѣятельности земства. № 4611 2-2

Составили по Своду Законовъ, Полному собранію законовъ и Собранію узаконеній и распоряженій правительства Н. Воеводскій и баронъ Ю. Инскуль. Ц. 2 руб., съ перес. 2 р. 25 коп. Складъ изд. въ книжн. магаз. „Новаго Времени“.

МОСКОВСКОЕ РЕАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ
И. М. ХАЙНОВСКАГО
(Волхонка, противъ храма Спасителя)

состоитъ изъ шести классовъ основнаго и коммерческаго отдѣленія и VII дополнительнаго класса (общее отдѣленіе), въ который исключительно принимаются лица, имѣющія аттестатъ шести классовъ основнаго отдѣленія Реальныхъ училищъ Вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія. Въ младшій приготовительный классъ принимаются дѣти отъ семилѣтняго возраста. Приемъ прошеній съ приложеніемъ метрики и свидѣтельства о званіи въ канцеляріи училища ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 3 часовъ. Начало экзаменовъ 8 августа, начало ученія 16 августа. Ц. № 4649

Въ новыхъ складахъ духовъ и въ всѣхъ парикмахерскихъ въ Франціи и за границей.

LA VELOUTINE

Спеціальная рисово-милутованъ пудра.

CHA LES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

РУССКО-АМЕРИКАНСКАЯ
БАГЕТНАЯ И РАМОЧНАЯ ФАБРИКА
Ч. ГОФМАНА
С.-Петербургъ, Малая Дворянская, №17-19,
рекомендуетъ большой выборъ вновь вышедшихъ изящныхъ образцовъ багета, золоченаго, чернаго и подъ старую бронзу.
Приемъ частныхъ заказовъ.
Невскій проспектъ, д. № 11, безъ-этаж. № 4617 4-2

CIGARETTES ESPIC contre
ASTHME & CATARRHE
AUTORISÉES PAR LE GOUVERNEMENT RUSSE
Le pôt général: STOLL & SCHMIDT, à Saint-Petersbourg
Vente en gros: J. ESPIC, 20, rue Saint-Lazare, Paris.
Exiger la Signature sur chaque Cigarette.

ЖЕНСКІЕ КЛАССЫ НОВЫХЪ ЯЗЫКОВЪ
М. М. БОБРИЩЕВОЙ-ПУШКИНОЙ.

Курсъ теоретическій и практическій языковъ: русскаго, французскаго, немецкаго, англійскаго, итальянскаго и ихъ литературъ, латинскаго языка (этимологія) и изящныхъ женскихъ работъ (выжиганіе по дереву, рисованіе по фарфору, тисненіе по кожѣ, имитация бобеленовъ и др.). Полугодовая плата за предметъ отъ 25 до 40 р.
Приемъ на слѣдующій учебный годъ открытъ ежедневно, съ 1-го сентября, кромѣ праздниковъ, отъ 11 до 4 час., въ помѣщеніи классовъ: Ивановская, д. 2-28, кв. 8.

ФИСГАРМОНИИ

прекрасна-го тона, солидной конструкции, роскошной отделки.

АМЕРИКАНСКІЙ въ 110, 150, 175, 200, 250, 300, 450, 600, 700, 900 и 1400 руб.
 ФРАНЦУЗСКІЙ въ 100, 130, 160, 200, 300 и 500 рублей.

Играть на фисгармонии можно долго и учиться. Кто немного играет на фортепиано, тому игра на фисгармонии не доставляет никакого труда.

Самочитель для фисгармонии 2 руб. Иллюстрированный прейсъ-курантъ безобразителен и каталогъ нотамъ для фисгармонии безблатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ
 - главное депо № 4648
 музыкальных инструментовъ и нотъ:
 С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 36.
 Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захаркина.

ЛЪТНЯЯ ПОВОСТЬ!

Английскіе растягивающіеся кушаки "ГРАЦІЯ" изъ позолоченой проволоки, позолоченнымъ замочкомъ, позолоченныя бѣлымъ, розовымъ, голубымъ, синимъ, темно-краснымъ и чернымъ шелкомъ. Кушаки прозрачныя, очень прохладительныя и пригодны носить для каждой дамы.

Цѣна 3 руб. 50 коп. Торговцамъ дѣлаются уступки. Единственный складъ для Россіи:

У ОСКАРА ЛЕССЕРЪ,
 С.-П., Садовая, 12-13, въ 1-мъ этажѣ.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ

на Всемирномъ Выставкѣ въ Парижѣ 1889 года.

О-ДЕ-КОЛОНЪ

БРОКАРЪ и К^о
 № 4630
 Изобрѣтены 7-8
 Складъ фабрики: Офицерская, 5.

ДЛЯ УМЫВАНІЯ ЛИЦА

МОЛОКО НИМФЕЯ

флаконъ 1 руб. 25 коп.

МАГАЗИНЪ

А-ЛА-РЕНОМЕ

Невскій пр., № 3.
 Торговц. соразмѣри. уступка.

Вышло изъ печати и поступило въ продажу въ конторѣ журнала „Нива“ (СПБ., Невскій, 6), а также у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ:

Сочиненіе **Ф. К. АРНОЛЬДА:**
„РУССКІЙ ЛѢСЪ“.
 ТОМЪ ПЕРВЫЙ.
 Изданіе А. Ф. МАРКСА, въ С.-Петербургѣ.

Все сочиненіе будетъ состоятъ изъ трехъ большихъ томовъ, отпечатанныхъ на лучшей бумагѣ, съ приложеніемъ 2-хъ картъ, 120 художественно исполненныхъ гравюръ и полтипажей и 17 эстамповъ на мѣди.

Первый томъ имѣетъ 387 страницъ и между прочимъ заключаетъ въ себѣ предисловіе и введеніе автора, большую карту лѣсистости Европ. Россіи, печат. 14-ю красками, и карту лѣсист. Европы, печат. 6 красками.

Въ этомъ томѣ выясняется значеніе лѣсовъ вообще; помѣщены статистическія свѣдѣнія о площади лѣсовъ, находящихся въ каждомъ уѣздѣ Европейской Россіи, съ показаніемъ сколько въ томъ числѣ казенныхъ, частновладельческихъ и принадлежащихъ крестьянскимъ обществамъ; представлено сравненіе лѣсности Россіи и западно-европейскихъ государствъ.

Второй томъ сочиненія выйдетъ изъ печати въ концѣ 1890 или въ началѣ 1891 года, а вслѣдъ за нимъ въ непродолжительномъ времени выйдетъ и третій томъ.

Содержаніе второго тома: описаніе древесныхъ породъ, растущихъ въ лѣсахъ Россіи, лѣсохозяйственное ихъ значеніе, уходъ за каждою породою, пріемы возращенія лѣсовъ въ различныхъ полосахъ Россіи, орудія, употребляемыя для лѣсоразведенія, опасности, угрожающія лѣсамъ, враги повреждающіе ихъ, порядокъ рубки въ лѣсахъ, и пр. и пр.

Наконецъ III томъ — будетъ содержать указанія возможно выгоднѣйшей организациі лѣснаго хозяйства, какъ въ крупныхъ, такъ и въ мелкихъ лѣсовладѣльчыхъ: устройство лѣса съ начертаніемъ плана хозяйства; порядокъ эксплуатаціи лѣса; учетъ отпускаемыхъ лѣсныхъ матеріаловъ; условія, какия должны быть включаемы въ контракты; извлеченіе доходовъ отъ побочныхъ пользованій въ лѣсу; соответственное устройство администраціи и отчетности лѣснаго имущества.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА ВСѢ ТРИ ТОМА:
 При выписываніи 1-го тома вносится 4 р., до выхода 2-го тома 2 р., а до выхода 3-го тома 2 р., а всего 14 руб.
 Иногородные подписчики на все сочиненіе за пересылку не платятъ.
 За два мѣсяца до выхода II и III томовъ въ „Нивѣ“ будетъ объявлено о днѣ выхода ихъ.
 По выходѣ всего сочиненія цѣна будетъ значительно возвышена.

Подписка принимается исключительно въ конторѣ журнала „Нива“ (СПБ., Невскій, 6).

Цѣна первому тому въ отдѣльной продажѣ 5 р., а съ пересылкой 5 р. 60 к.

Примѣчаніе. Лица купившія 1-й томъ отдѣльно и желающія приобрести слѣдующіе 2 тома, платятъ за все сочиненіе наравнѣ съ подписчиками, т. е. 14 р., при чемъ до выхода 2-го тома вносить 7 р., а 3-го тома 2 р.

ЭЛЕОПАТЬ ПРОВ. КИНУНЕНЪ

для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптекъ и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп., но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.
 Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ стеклѣ каждого флакона,—пров. Кинуненъ. (30) № 4287
 Главный складъ: С.-Петербургъ, Демидовъ пер., д. № 1.

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ „ГОЛЛЕНДЕРА“.

Препаратъ для уничтоженія мозолей и бородавокъ. Цѣна 35 коп. за флаконъ, за два флакона съ перес. 1 руб.

Получать можно во всѣхъ парфюмерн., аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главный складъ у Г. Голлендера, Демидовъ пер., № 1. С.-Петербургъ. (24) № 4366

ЛЕЛЕНГЕСТЪ и ГИОЗИНГЪ

имѣетъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатаютъ иллюстрированный журналъ „Нива“.

Полный фотографическій приборъ т. е. аппаратъ со всѣми принадлежностями и руководствомъ. Цѣна 30 руб. Аппаратъ отдѣльно 15 руб.

АДОЛЬФЪ РЕЙНЕ
 Москва, Кузнеч. мостъ, 3.

ОТЪ ЛЮБИМЫХЪ ГЛАССКОЕ ГИМНАЗИИ С. Н. Фишеръ

(Москва, Остоженка, д. Бутыковой).
 Въ мѣсяцъ лѣса сего года выдержали испытаніе зрѣлости и получили аттестаты о зрѣлости воспитаницъ (выпускъ XII-й).
 Цѣна учебника на слѣдующій учебный годъ 20-го августа. П. № 4646

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ

издѣлія продаются по вновь усовершенствованнымъ цѣнамъ:
 3 педальми по 4 р. и 4 р. 50 к.
 7 „ „ съ приспособленіемъ для „бланда“ и скорой настройки по 6 рублей.
 Самый легкій инструментъ для изученія. Пріятный тонъ. Въ короткое время проигрываютъ многія тысячи.
 За пересылку по почте ирону прилагать по 4 руб. за 10 фунт., за 6 руб. за 15 фунт.

И. Ф. МЮЛЛЕРЪ
 Москва, Петровка, домъ Волкова.
 Иллюстр. прейсъ-курантъ съ емъ инструментамъ безблатно. (33) Ц. № 3864
 Торговцамъ дѣлаются скидки.

„РЕМИНГТОНА“

Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота.
 Выдерживаетъ во всѣхъ климатическихъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многоочисленныя отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений высылается безблатно. № 244
 Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
 Москва С.-Петербургъ
 Бульварный мостъ. Б. Морская, 21

МАШИНО-СТРОИТЕЛЬНЫЙ — ЧУГУННО-ЛИТЕЙНЫЙ И КОТЕЛЬНОЙ ЗАВОДЪ

Ф. САНЪ ГАЛЛИ.
 С.-Петербургъ, Лиговка, № 60.

Паровыя машины и котлы, Трансмисси, Подъемныя машины, Корчевальныя машины, Табакорѣзальныя машины.

Р. № 4650

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

XXI г.
№ 32

г. XXI
1890

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цена этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1890 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку непарейль (1/4 шир.
стр.) въ Глав. Кон. Ред. по
75 к.—Загран.: для Франціи у
Agence Havas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

Безъ доставки въ Пе-
тербургъ 5 р.

Съ доставкою въ Пе-
тербургъ 6 р. 50 к.

За границу, съ пересылкою

Безъ дост. въ Москвѣ чр.
конт. объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.

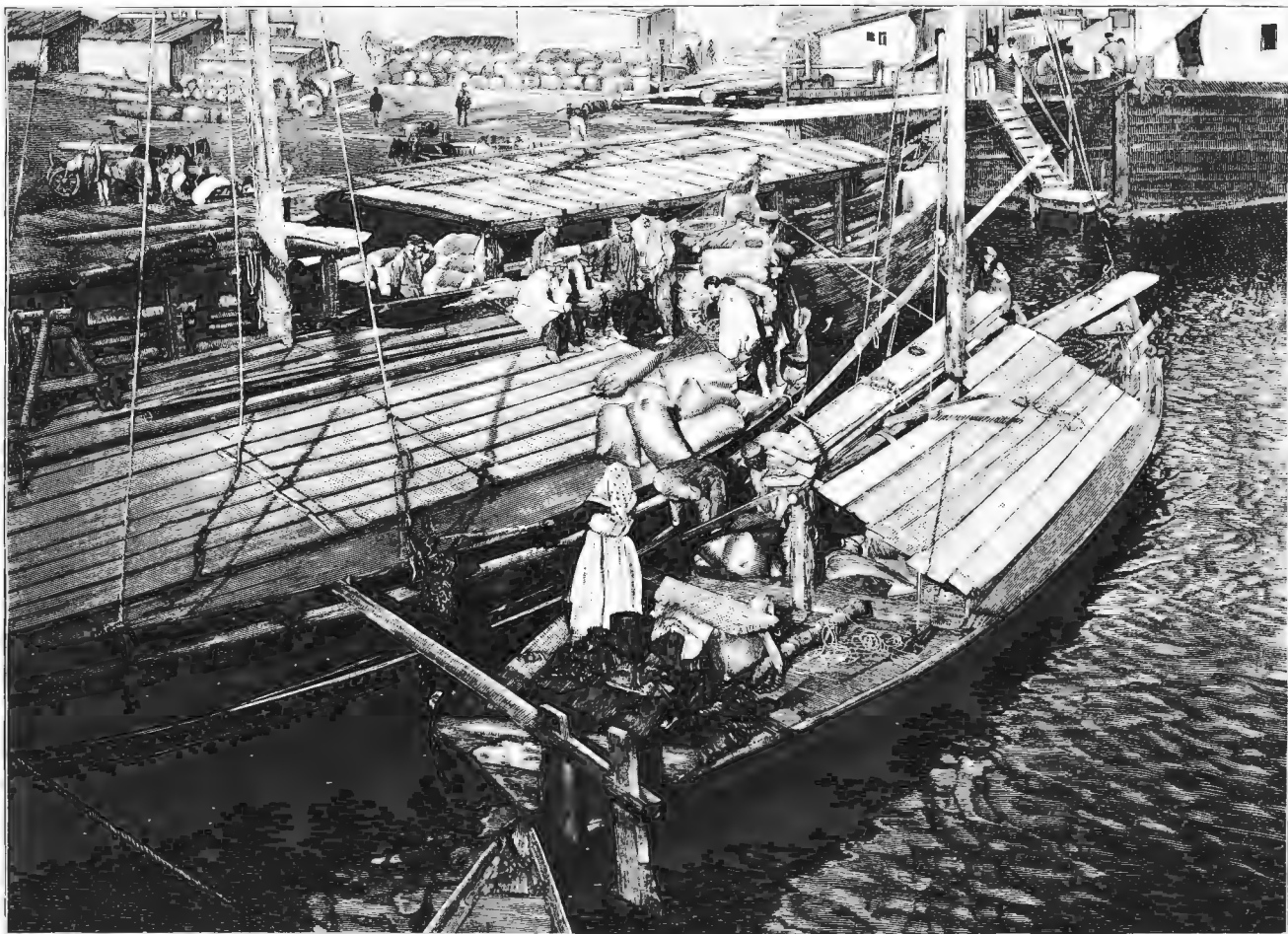
Съ пересылкою въ Москву
и другіе города Россіи . . . 7 р.

За границу, съ пересылкою 9 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Безъ всякой доплаты за пересылку главныхъ премій.

На Волгѣ у Саратова. Выгрузка нулей муки. Съ фот. Апостоли, грав. Шюблеръ.

Жизнь, какъ она есть.

Романъ въ пяти частяхъ. **Вас. И. Немировича-Данченко.**

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. (Продолженіе).

VI.

Въ одномъ изъ лучшихъ нумеровъ „Славянскаго базара“, на другой день очень поздно проснулся Обнинъ-Коленскій—офицеръ, произведшій повидимому такое невыгодное впечатлѣніе на Прасковью Яковлеву. Ему было около тридцати лѣтъ—возрастъ, къ которому онъ успѣлъ довольно обстоятельно разориться. Въ бюро у Плюса было не мало его векселей, да и кромѣ того еще больше ихъ гуляло по бѣлу свѣту—съ товарищескими бланками и безъ оныхъ. У Обнинъ-Коленскаго еще оставались большія имѣнія, но они были заложены и перезаложены. Какъ онъ ухитрился существовать, это было его тайной. Онъ давно уже долженъ былъ снять форму—потому что изъ блестящаго полка, гдѣ служилъ въ Петербургѣ, былъ уволенъ товарищескимъ судомъ. Но Москва наивна и доверчива, поэтому онъ не только щеголялъ въ ней не принадлежащимъ ему мундиромъ, но и называлъ себя княземъ. Теперь онъ прѣхалъ въ Москву и жилъ здѣсь уже два мѣсяца съ цѣлью жениться „на какой-нибудь хамкѣ съ нѣсколькими милліонами“, какъ выражался онъ самъ. Въ Петербургѣ до сихъ поръ думаютъ блестящіе молодые люди, что въ Москвѣ такихъ „хамокъ“ непочатый уголь. Увы! это было когда-то, чуть не въ Грибоѣдовскія времена. Московскія купеческія дѣвицы съ тѣхъ поръ очень измѣнились—и если не прочь отъ мимолетнаго знакомства съ изящными и красивыми питерскими Марсами, то замужъ норовятъ выходить въ своей средѣ. Хорошо это или нѣтъ—другое дѣло. Во всякомъ случаѣ—московская семейная жизнь сдѣлалась отъ этого счастливѣе, а въ большемъ петербургскомъ свѣтѣ стало появляться воронъ въ павлиньихъ перьяхъ менѣе чѣмъ прежде. Къ концу втораго мѣсяца, самозванный князь Обнинъ-Коленскій убѣдился, что исканія его совершенно напрасны. Его приглашали на вечера, гдѣ онъ отлично танцовалъ, кормили его великолѣпными обѣдами, давали ему мѣсто въ своихъ ложахъ въ Большомъ театрѣ—но все этимъ и ограничивалось. Едва лишь онъ заговаривалъ съ какою-нибудь „милліонной хамкой“ посерьезнѣе, причѣмъ старался придать своему голосу ласкающій тембръ, а грудь выпятивъ колесомъ,—какъ на губахъ избранницы его появлялась едва замѣтная улыбка и она очень ловко отклоняла этотъ разговоръ. Онъ переставалъ бывать у нея и принимался ухаживать за другою, но и эта другая встрѣчала его исканія столь же равнодушно. Къ крайнему своему ужасу, „князь“ началъ соображать, что Плюсъ пожалуй больше ему отстрочки не дастъ, да и никто другой денегъ ему не поѣрритъ подъ его изящный автографъ на бумажкѣ со столбиками. „Однако это скверно!“ соображалъ онъ про себя и сталъ уже бѣгать повсюду за архимилліонершей-вдовой—красивою женщиной, къ сожалѣнію оказавшейся умнѣ всѣхъ „князей“ Обнинъ-Коленскихъ взятыхъ вмѣстѣ. Она его сразу отрезвила.

— Знаете, князь, вы напрасно тратите со мною порохъ, ласково улыбаясь предупредила она его.

— Чего-съ? растерялся онъ и щелкнулъ даже шпорами.

— Вы понимаете въ чемъ дѣло, и я тоже. Значитъ зачѣмъ-же еще *les points sur les i...* Вы напрасно стараетесь... Я никогда, слышите, никогда замужъ не выйду. Въ моемъ положеніи было-бы это величайшею глупостью. Я и такъ хорошо и удобно себя чувствую. А вотъ обѣдать милости просимъ.

Но отъ тяжелыхъ московскихъ обѣдовъ у него ужъ начинался катаръ желудка, и онъ отказался.

— Какъ угодно... Поваръ у меня отличный.

И она совсѣмъ его перестала приглашать къ себѣ.

Сегодня утромъ, вспоминая вчерашній балъ у Лоскутниковыхъ, „князь“ невольно остановился на Сластеновой.

„Вотъ красавица-то!“ думалъ онъ. „И мужъ точно какое-то насѣкомое, маленькій, жалкій, еле-еле душа въ тѣлѣ. Закройщикъ какой-то, а между тѣмъ у этого закройщика милліоны! Да, милліоны... А милліоны дѣло хорошее... Очень хорошее. Разсказываютъ, что онъ чудакъ какой-то... Совсѣмъ чудакъ, если не дуракъ. Можетъ быть у него занять можно. Разумѣется. Жена вѣрно держитъ его въ повиновеніи. Еще-бы—этакого комара! Слѣдовательно, если повліять на нее, то на первое время можно будетъ хоть у него перехватить деньжонокъ“.

Онъ одѣлся и сошелъ внизъ завтракать въ ресторанъ.

Тамъ оказались знакомые. Заговорили о вчерашнемъ вечерѣ.

— Нѣтъ, а какая красавица Сластенова эта! вырвалось у кого-то.

— Да и досталась вѣдь такому дрянцу, какъ ея супругъ! замѣтилъ другой.

— Однако вы поосторожиѣе. У насъ въ Москвѣ незбылемо царитъ культъ милліона. А у Василя Герасимовича такихъ милліоновъ нѣсколько.

— Значитъ она вышла въ расчетъ на его состояніе? спросилъ князь.

— Нѣтъ. У нея у самой около милліона будетъ. У нея въ Екатеринославской, Харьковской, Воронежской и Орловской губерніи такія имѣнія...

Обнинъ-Коленскій почувствовалъ что у него даже голова кружится.

— И все это идетъ въ купеческія руки?!

— Да, *mon cher*, что съ этимъ дѣлать! *La haute finance* теперь здѣсь все. И знаешь, *pour ne pas être accusé de partialité nous devons constater*, что это съ ихъ стороны очень-очень разумно. По крайней мѣрѣ...

— Постой! вспыхнулъ „князь“.—Что-жь намъ-то дѣлать! Это ужъ историческій законъ такой, что аристократическіе роды (онъ уже искренно сталъ считать себя за аристократа) должны разоряться поощря искусства, торговлю что-ли и что еще есть тамъ—промышленность, а потомъ насъ спасаетъ свадьба съ этими хамками. Онѣ должны помогать намъ *à redorer notre blason*. Тутъ рука руку моетъ. Такъ вы говорите что у этой... какъ ее... Прасковьи... *Quel nom, mon Dieu!*.. у самой есть милліоны... Дура этакая, могла-бы осчастливить кого-нибудь.

— У тебя не спросилась? А вотъ бы тебѣ теперь отлично, а? смѣялись кругомъ.

Послѣ завтрака, обождавъ нѣсколько, Обнинъ-Коленскій поѣхалъ въ Рогожскую къ Сластеновымъ.

— Баринъ дома? спросилъ онъ у мордастаго швейцара.

Увидѣвъ офицера, въ мундирѣ полка гдѣ когда-то самъ служилъ, швейцаръ вдругъ расцвѣлъ:

— Никакъ нѣтъ-съ... На стройку поѣхали.

— На какую стройку?!

— Домъ у нихъ на Тверской...

— А! это о которомъ въ газетахъ пишутъ?!

— Да!.. улынулся швейцаръ.— Въ газетахъ очень не одобряютъ...

Но тутъ князь сдѣлалъ строгое лицо и тотъ осѣкся.

— Барыня принимаетъ?

— Пожалуйте.

Когда Прасковья Яковлевна доложили, что ее спрашивают „князь“ Обнинь-Коленский, она вспыхнула и засуетилась. Встала съ кресла, опять сѣла... Потомъ приняла внезапное рѣшеніе.

— Скажите, что дома нѣтъ.

— Ему ужь сказали, что дома.

— Ахъ ты Господи... Ну—больна, что-ли...

Но въ это время шаги „князя“ послышались въ гостиной рядомъ и спастись отъ него было уже поздно. „Ну да все равно“, подумала Прасковья Яковлевна, „авось не съѣстъ... Подавится!“ улыбнулась она. Тѣмъ не менѣе, когда Обнинь-Коленский вошелъ къ ней, она еще разъ покраснѣла идя къ нему навстрѣчу. Онъ принялъ равнодушный видъ, сѣлъ въ кресло и, разсѣянно оглядывая комнату, проговорилъ:

— Да у васъ здѣсь цѣлый дворецъ.

— Дѣдушка мужнинъ строилъ... Вотъ и портретъ его виситъ, указала она на строгаго старика, глаза котораго сурово смотрѣли на нее изъ-подъ сѣдыхъ нависшихъ бровей. Одно только неудобство—далеко очень! Ыдешь-Ыдешь въ городъ, ажно скушно станеть.

„Ажно скушно!“ подумалъ про себя князь. „Дура ты такая...“

И при этомъ остановилъ на ней ласкающій и въ то же время увѣренный взглядъ своихъ красивыхъ и наглыхъ глазъ.

— А въ Петербургѣ вы бывали?

— Нѣтъ. Мы въ заграницу Ыздили...

„Въ заграницу“, отмѣтилъ въ своей памяти Обнинь-Коленский,— „настоящая мужланка“.

— Вашъ мужъ, я слышалъ, страшно занятъ?

— У него дѣла. Моря эти соединяютъ они... Слыхали можете?

— Какъ же...

— Большихъ денегъ стоить!

— Я вообще много слышалъ о вашемъ мужѣ. Онъ отличается, говорятъ, самую широкою благотворительностью... Очень лестно говорятъ о немъ... Онъ у васъ только болень кажется?

— Нѣтъ... зачѣмъ болень...

— Такъ мнѣ показалось.

И „князь“, замѣтивъ, что Прасковья Яковлевна краснѣетъ отъ его взгляда, уже не отводилъ его отъ нея.

— Нѣтъ, онъ здоровъ. Онъ вообще такой... отъ природы.

— Вы бы къ намъ въ Петербургъ пріѣхали... не раскаялись бы... Воображаю—такая красавица, какъ бы взбаломутились всѣ у насъ!.. Кто это такая? Кто?.. Князь (увидѣли бы меня съ вами), какой вы счастливецъ!..

Обнинь-Коленский перевелъ взглядъ съ ея сверкавшихъ глазъ на ея алые полураскрытыя губы. Онъ зналъ силу этого пріема. Прасковья Яковлевна сначала не замѣчала, какъ онъ смотритъ, а замѣтивъ вся такъ и залилась румянцемъ. Ей чудилось, что его взглядъ вызываетъ какое-то странное ощущение на ея губахъ, точно онъ касается ихъ, нѣжно касается... Она вся горѣла и стыла въ то же время. Ей было и обидно, и жутко... Она пробовала отвернуться, но нельзя же было сидѣть бокомъ къ гостю, и опять поворачивалась къ нему. А онъ какъ нарочно говорилъ холодно, спокойно, разсѣянно... Говорилъ о пустякахъ—которыхъ она порядкомъ даже не слышала—все время держа ее подъ обаяніемъ своихъ глазъ... Такъ что, когда наконецъ ей доложили, что пріѣхалъ Боголюбовъ Боголюбовичъ—она въ первый разъ въ жизни обрадовалась ему и, вся возбужденная, взволнованная, смятенная, вышла къ нему на середину комнаты, чего до тѣхъ поръ не дѣлала...

Курцъ уже не рѣшался цѣловать ей руки...

Она представила его „князю“—тотъ вдѣлъ въ глазъ монокль и, недовольный его приходомъ не во время, смѣрилъ Курца съ ногъ до головы. Но Боголюбовъ Бого-

любовича трудно было сбить съ позиціи. Онъ въ Москвѣ зналъ все и всѣхъ. Стоило кому-нибудь показаться въ первопрестольной—и на другой же день Готлибъ Готлибовичъ передалъ бы вамъ о немъ точныя свѣдѣнія. Замѣтивъ монокль и пренебреженіе князя, онъ мягко взглянулъ ему въ глаза и еще мягче проговорилъ:

— О, я часто слышалъ о князѣ... У насъ есть общіе друзья.

— Кто это?.. какъ-то въ носъ протянулъ князь, еще разъ мѣряя Галопу съ ногъ до головы. „Этакій наглець!“ думалъ про московскаго прощальгу питерскій нахаль.

— Кто?..—Боголюбовъ Боголюбовичъ сдѣлалъ паузу и совсѣмъ уже сладко посмотрѣлъ на князя. — Да кому же иному быть, какъ не моему почтенному пріятелю Исаакъ Яковлевичу Плюсу.

„Князь“ вздрогнулъ, точно его хлыстомъ ударили, и слегка покраснѣлъ.

— Да?.. Вы его знаете? заговорилъ онъ совсѣмъ другимъ тономъ.—У насъ съ нимъ есть счеты.

— Какъ же, какъ же... слышалъ и о счетахъ... Все это Курцъ проговорилъ такъ нѣжно, точно онъ ласкалъ князя своимъ голосомъ.—Какъ же, какъ же, и о счетахъ слышалъ.

„Ахъ, мерзавецъ“, соображалъ князь.— „Такъ бы и задавить... И вѣдь какъ смотреть, шельма!.. Поди-ка раскуси ихъ, московскихъ“.

— Вы и съ Приходзько знакомы? еще слаще спросилъ Курцъ.

Тутъ уже князь совсѣмъ растерялся, и монокль выронилъ, и на Галопу устремилъ взглядъ, какъ птица на очковую змѣю.

— Какъ же...

Сигизмундъ Станиславовичъ еще вчера заѣзжалъ къ нему. Одинъ изъ кредиторовъ передалъ ему векселя князя для взысканія.

— Ну, вотъ!—И чтобы совсѣмъ добить того, Курцъ поинтересовался еще:—изъ какого рода князей Обнинныхъ вы? А потомъ небрежно спросилъ:—Я слышалъ что-то въ полку о васъ?—Послѣ этого Курцъ, поставивъ „князя“ на свое мѣсто, смиловался и отпалъ отъ него, совсѣмъ удовлетворенный.—Если вамъ понадобится что у Приходзько, вы только скажите ему отъ моего имени... Онъ для васъ все сдѣлаетъ, подчеркнулъ Боголюбовъ Боголюбовичъ.

— Очень вамъ благодаренъ! искренно вырвалось у князя.—Очень, очень вамъ благодаренъ.

— Вотъ вамъ моя карточка... Покажите ему...

И желая быть вполне великодушнымъ, онъ написал на ней: „Станиславъ Сигизмундовичъ, рекомендую вамъ горячо моего друга, князя Обнинь-Коленскаго“.

Надо сказать правду, на сей разъ „моего друга“ не покорило „князя“. Напротивъ, онъ сжалъ руку Готлибу. Они взглянули въ глаза другъ другу и поняли отлично одинъ другаго... Готлибъ всталъ, всталъ и князь. Оба вышли вмѣстѣ.

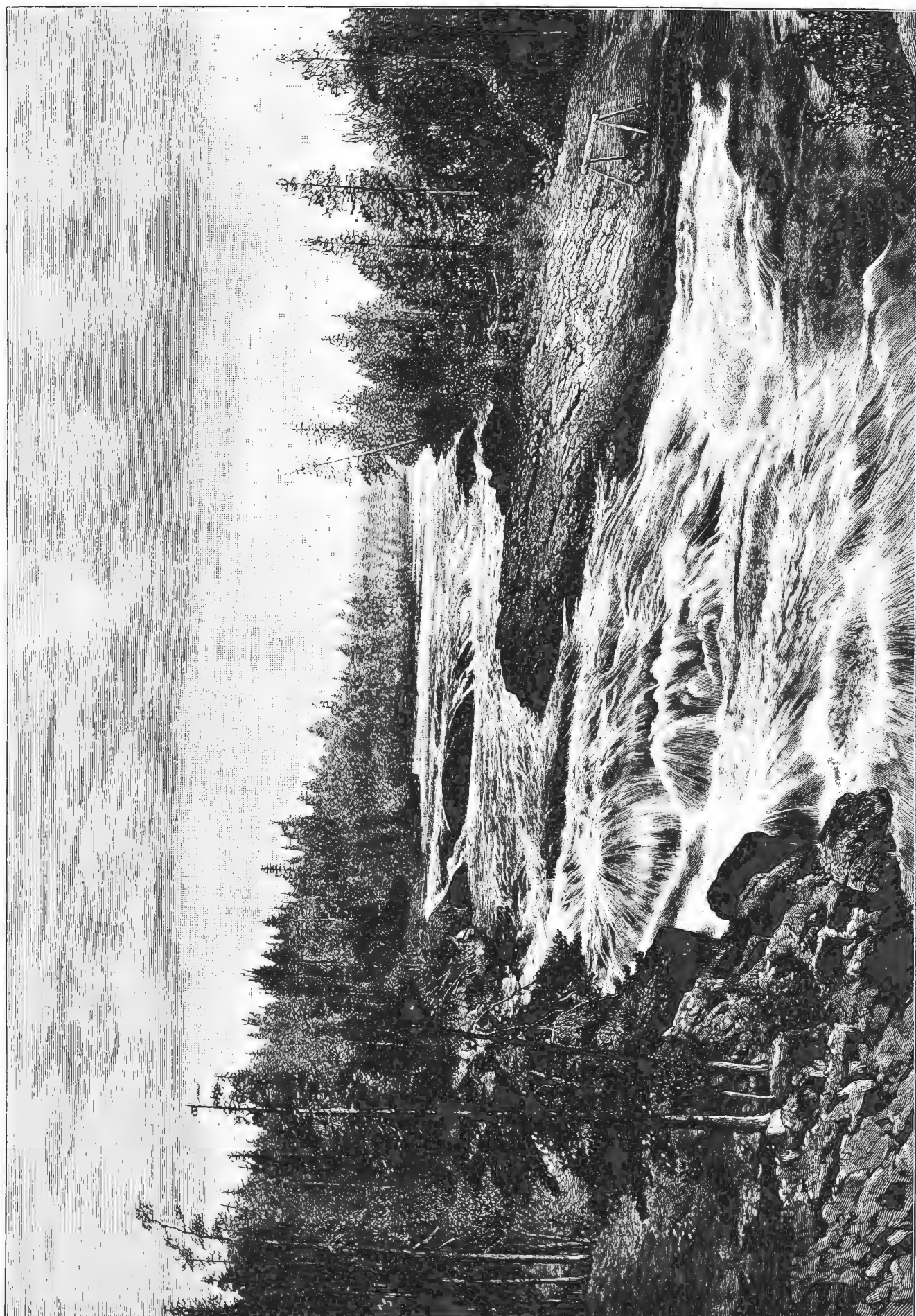
Прасковья Яковлевна ходила какъ потерянная.

Казалось, ей не было мѣста... Губы у нея горѣли отъ этого упornaго взгляда петербургскаго нахала. Точно онъ цѣловалъ ихъ. Она чувствовала себя оскорбленною, чѣмъ—сама не могла дать отчета, но обида была, иначе сердце ея бы не щемило такъ и не ныло въ душѣ неотвязный вопросъ: „что я ему сдѣлала, за что это онъ меня такъ?..“

„Что такъ? спросила она себя самоё, тяжело дыша.—Что такъ?.. Только смотрѣлъ вѣдь. Смотрѣлъ, да какъ смотрѣлъ... Какъ онъ смѣлъ?..“

Она позвонила и приказала подать себѣ холодной, со льда, зельтерской воды. Вышла. Ее немного освѣжило. Она пришла въ себя.

„Да, такъ я и поѣду въ Питеръ къ вамъ!“ думалось ей. Она ужь улыбалась, ходи изъ угла въ уголъ.—

Водопадъ Гирвасъ, въ Олонецкой губерніи. Съ фот. Вишнякова, грав. Рашевскій.

Кіевъ. Вхoдъ въ ближнія пещеры. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) в. Козачинскаго, грав. Ольшевскій.

„Ишь тамъ какіе! Только ротъ разинь... Хваты!.. Какъ это ихъ дядя Савва Кузмичъ называетъ? Да, нахальтекинцы. Именно нахальтекинцы... А этотъ изъ всѣхъ этихъ текинцевъ самый настоящій нахаль вѣрно. Эхъ, приказать бы людямъ полюбѣмъ его по ногамъ...“

И разомъ злое чувство шевельнулось въ ней.

„Это онъ вѣдь нарочно смотрѣлъ такъ. Ей-Богу, нарочно... На-ко, дескать. Смѣю и смотрю, а ты ничего сдѣлать не можешь... И думаю про что хочу въ это время... А о чемъ онъ думалъ?.. Кабы у меня настоящій мужъ былъ, онъ бы тебѣ показалъ, какъ на чужихъ женъ зариться. Василью Герасимовичу-то самому защита нужна, а не то чтобы ему за другихъ еще вступаться. Развѣ Саввѣ Кузмичу сказать? Засмѣть. Скажетъ: „и съ чего ты, дылда, вообразила? Такъ онъ, по своей деликатности, на тебя глядѣлъ. Не запретишь ему. На то и глаза во лбу...“ Хорошо еще, что Галопъ этотъ увелъ его прочь“.

Василій Герасимовичъ, вернувшись, засталъ жену первую и разстроенною.

— Что это съ тобою?—Онъ не привыкъ ее видѣть такою.—Больна ты?

— Нѣтъ, не больна! рѣзко отвѣтила она.

— Сердишься на что? На меня можетъ-быть?

— На что-жъ мнѣ сердиться-то?.. И на тебя не за что... Не ты виноватъ въ томъ, что тебя Богъ обидѣлъ.

— Какъ это такъ? растерялся Василій Герасимовичъ.

— А такъ что... развѣ ты можешь за жену постоять? Тебя всякій однимъ пальцемъ убрать можетъ. Ткнулъ тебя въ грудь, ты и повалился... Чѣмъ ты виноватъ?.. Уйди съ глазъ моихъ... вотъ что! внезапно рассердилась она и ушла, хлопнувъ дверью.

„Что съ нею такое?“ растерялся Сластеновъ, ничего не понимая.

Къ обѣду она вышла заплаканная и сконфуженная. Нервительно приблизилась къ мужу, взяла его за руку.

— Ты меня прости, Васенька... Я ужъ такая. Съ сердцовъ невѣдомо за что человѣка обижу. Потому, сердце у меня горячее, да отходчивое... Я тебя давеча... Меня бы бить надо по настоящему.

— Да что съ тобой было?

— Ничего... Поцѣлуемся, вотъ такъ... Эхъ, какія губы у тебя холодныя! И цѣловаться-то по настоящему ты не умѣешь.

„А тотъ должно-быть умѣеть!“ пронеслось въ ея головѣ, и она покраснѣла, низко опуская голову, какъ виноватая.

VII.

У Луковнинныхъ былъ балъ. Луковнинъ, свѣжеиспеченный миллионеръ, торопился жить, точно вознагражденный себя за долги лишения, когда никому невѣдомый, гдѣ-то въ глуши Урала, онъ сбивалъ кошѣйку, работая какъ волъ и отказывая себѣ во всемъ. Вернувшись въ Москву богатымъ, онъ женился на бѣдной купчихѣ, правильно соображая, что ея связи въ московской haute finance стѣять его денегъ. Въ этомъ отношеніи онъ не просчиталъ. Она принесла ему въ приданое громадное родство, и Луковнинъ сталъ сразу близокъ съ самыми фундаментальными Китами Бѣлокаменной. Даже Сластеновымъ онъ приходился какъ-то съ родни, разумѣется, все также по женѣ. Василій Герасимовичъ къ нему не поѣхалъ. Онъ себя чувствовалъ не особенно хорошо. Начиналась отвратительная московская весна, когда только Мининъ и Пожарскій на Красной площади здоровы; все же остальное хотя и выѣзжаетъ по привычкѣ, но болѣетъ всевозможными флюсами, катаррами, бронхитами, плевритами и тому подобными прелестями... На балу было очень весело. Прасковья Яковлевна много танцевала, смѣялась и была оживлена такъ,

что Обнинъ-Коленскій не отводилъ отъ нея глазъ. Молодая Луковнина даже поздравляла ее.

— Ну... Молодецъ Паша! смѣялась она, любуясь по другой.

— А что? обернулась та, раскраснѣвшаяся и возбужденная.

— Точно сама не знаешь! Питерскаго-то... подъ ноги покорила... Собачкой за тобой ходить... Куда ты, туда и онъ. Всѣ замѣтили. Ничего. Пускай его побѣгаетъ. Не все ему свысока.

Прасковья Яковлевна давно чувствовала на себѣ его пристальный взглядъ. Только здѣсь, въ теплой атмосферѣ бальной залы, подъ огнями множества свѣчей, на міру, среди общаго шума и движенія, этотъ взглядъ не производилъ на нее того впечатлѣнія, какое она испытала дома. Она даже обернулась къ Обнинъ-Коленскому и усмѣхнулась, да такъ, что его передернуло.

— Погоди! прошептала онъ сквозь зубы.—Ты у меня за этотъ смѣхъ поплатишься... Ужъ безъ этого я изъ Москвы не уѣду.

И планы зародились въ его красивой головѣ одинъ другаго смѣлѣе. „А тогда что?“ думалъ онъ. — „Да что, ясное дѣло, увезу съ собою въ Петербургъ... Пускай броситъ мужа... Не она первая, не она послѣдняя. Мужъ-мозглякъ дастъ разводъ. Его только приструнить... Ну, и она богата тоже. Во всѣхъ отношеніяхъ дѣло хорошее... Обтесать только ее придется, да въ хорошихъ рукахъ это сокровище...“ И средства à redorer son blason уже являлись передъ нимъ во всей своей соблазнительной прелести.—„Надо будетъ бросить навсегда службу. И изъ запаса уйду! Заплачу долги да и хозяйничать въ ея имѣніе... Ну, а тамъ, впослѣдствіи...“

— Вы что это, князь, на меня таращитесь? безцеремонно подошла она къ нему.

— Таращитесь? Это по вашему, по московскому? насмѣшливо улыбнулся онъ.

— Какія есть, не взыщите... Глазъ не сводите, не хорошо это, смѣялась Прасковья Яковлевна.

— Значитъ, приятно, если смотрю... Хорошо что вы сегодня здѣсь одинѣ, безъ мужа.

— Почему?

— А потому, что онъ не къ лицу вамъ...

— Какія глупости вы говорите. Я люблю Васеньку... Васенька—отличный мужъ...

— Васенька, Васенька, Васенька... Именно Васенька—и ничего больше.

— Вы, кажется, смѣтаетесь надъ нимъ? нахмурила она свои черныя брови.

— Не смѣюсь... Что-жъ надъ нимъ смѣяться?.. Мнѣ васъ жалко, вы свою молодую жизнь губите.

— Что-о?.. Какъ же гублю?.. Я очень счастлива, напротивъ...

— Съ чѣмъ васъ и поздравляю... если это называется счастьемъ...

— Разумѣется, это... Мужъ дома, смирный, не кутишь...

— Жену не бьетъ, за косы ее не таскаетъ, докончилъ онъ за нее.—Это вѣдь по вашему, по московскому купеческому обиходу чудесное дѣло... Нѣтъ, по моему, это не счастье, а такъ... Вѣдь послѣ того и растение тоже счастливо: поливаютъ его во-время... холятъ... Нечѣмъ будетъ вамъ и молодости своей вспомнить! Нѣтъ, по моему, счастье—другое.—И онъ вдругъ вспыхнулъ и разгорѣлся. Смѣло взглянулъ ей прямо въ глаза.—Такъ жить, чтобы небу жарко было, чтобы каждая жилка жила, каждымъ нервомъ своимъ радость жизни чувствовать, все отъ нея взять, что она дать можетъ, а не даетъ—силой отнять...

И говоря всѣ эти заученныя, давно заученныя и, увы! столько разъ декламировавшіяся имъ фразы, онъ отдавалъ ее все болѣе и болѣе разгоравшимся взгля-

домъ. Прасковья Яковлевна, тяжело дыша, стояла передъ нимъ, опустила голову. Она хотѣла засмѣяться и не могла. Что-то помимо ея воли поднималось въ ея душѣ, горячею волной приливало къ ея горлу, все ея лицо заливало яркимъ, густымъ румянцемъ.

— Съ ума сойти отъ счастья, чтобы всѣ завидовали вамъ и ни одной минуты не пропало... Вотъ это дѣло.

— Ну, ужь... это по вашему... по-питерски...

— По-питерски! презрительно передразнилъ онъ ее.— Въ самой жизни кипитъ, а она какъ улитка забралась въ раковину... Развѣ я васъ насквозь не вижу?.. Васенька! Скажите, пожалуйста, какое сокровище ея Васенька...

— Вы дерзости говорите.

— Не дерзости, а правду... Вы бы на меня молились.

— Ждите! только и могла проговорить вся смущенная и растерявшаяся отъ этого безцеремоннаго тона Прасковья Яковлевна.

— И ждать не буду... Что мое, то мое...

— Обожжетесь!..

— Я не боюсь огня... Изъ-за такой красоты и обжечься стоитъ...

— Знаете какъ дяденька Савва Кузмичъ называетъ такихъ, какъ вы?

— Какъ? любовался онъ ея растерянностью и смущениемъ.

— Нахаль-текинцами... Настоящій вы нахаль-текинецъ! Васъ-бы на цѣпи держать надо было. Какъ это только позволяютъ вамъ на свободѣ ходить!

Она повернулась и пошла отъ него прочь.

— Ну что тебѣ этотъ прынецъ говорилъ? встрѣтила ее Луковнина.

— Такія глупости... Охальникъ онъ—вотъ что.

— Охальникъ... А только всякая собака—свою палку найдеть... Ты бы его приструнила.

— Ужъ очень онъ наскокомъ все... Дай опомниться. Я ему покажу...

Она была вся въ бѣломъ сегодня... Серебристый и серебромъ шитый атласъ такъ и горѣлъ въ этомъ яркомъ освѣщеніи. Онъ струился весь мягкимъ и нѣжныхъ блескомъ, еще болѣе отгнѣняя красоту этой женщины... Проходя въ двери гостиной—она было наткнулась на „князя“. Тотъ слегка посторонился и проговорилъ, вслухъ уже, такъ чтобы она слышала эти два слова: „моя будетъ!“

— Подавитесь! грубо, по-купечески отвѣтила она и обдала его негодующимъ взглядомъ.

— Не беспокойтесь. Я вѣдь не вашъ Васенька. Киснуть не стану... Что мое—то мое, а что не мое—то будетъ мое.

— По-воровски значить. По-разбойничьи?.. Ай да „князя“ нонче... Можно чести приписать...

— Чести приписать? Это еще что за жаргонъ?..

— Свой собственный. Мы вѣдь не ученые.

„Однако—совсѣмъ мужикъ-баба!“ думалъ онъ слѣдя за нею. „А хороша! Ослѣпительно хороша. Боже мой, Боже мой!..“

— Я за ужиномъ рядомъ съ вами сяду, догналъ онъ ее.

— Не сядете.

— Вы развѣ запретите?

— Нѣтъ. А только сейчасъ уѣду. Васенька болепъ... Нельзя-же его одного дома оставлять.

— Вы меня заставите ненавидѣть вашего Васеньку... Вы уѣдете... Значить и я домой. Больше не для кого здѣсь оставаться.

— А вы бы попробовали... Можетъ быть какуюнибудь дуру и улестили-бы словами.

— Улестили! смѣялся онъ.

— Да... Вѣдь вамъ ничего больше и не надо, какъ улестить...

— Нѣтъ... Не стану улещать... Вы сейчасъ ѣдете?

— Не ваше дѣло...

— Да руку-то пожать вамъ можно?.. Кажется, надо проститься.

— Ну васъ... надоѣли!.. Прощайте... Ай!.. Что вы жмете-то такъ—больно... Все не по-людски... Обрадовались что Богъ силой не обидѣлъ...

Онъ вышелъ вслѣдъ за ней... Набросилъ на нее рогонду тибетскаго мѣха, только что вошедшаго тогда въ моду, и еще разъ полюбовался на ея черные глаза, черныя брови и алыя губы, казавшіяся еще красивѣе отъ его бѣлой и мягкой волны... Потомъ самъ живо надѣлъ шинель и шапку.

— А вы куда? остановилась она въ дверяхъ.

— Я вамъ сказалъ—ѣду тоже... Что-же мнѣ оставаться здѣсь?

— Скучать дома—лучше нешто?

— Нѣтъ, о васъ мечтать буду... А это вовсе не скучно.

— Знаемъ какъ вы мечтаете... Къ цыганкамъ, къ Яру... смѣялась она.

— Это еще что за московское развлечение!.. Мы это купцамъ предоставляемъ...

— Не знаю... А только я слышала... смутилась она. Потомъ опомнилась... — Да, разумѣется, купцамъ; для вашего брата цыгане-то поди дорогоньки... Деньги у купцовъ только...

Тутъ пришла очередь сконфузиться князю... Онъ вышелъ за нею въ подъѣздъ.

— Погодите... Я сейчасъ распоряжусь чтобы позвали вашу карету.

Онъ ушелъ на минуту. Она съ удовольствіемъ подставила свѣжему холодному воздуху свое разгорѣвшееся лицо.

„Противный, противный и нахаль!“ думала она. „А съ нимъ весело... Что кабы моему Васенькѣ такимъ быть!..“

„Князь“ Обнинъ - Коленскій посадилъ Прасковью Яковлевну въ карету, крикнулъ Ефрему: „домой въ Рогожскую!“ и не успѣла Сластенова опомниться, какъ онъ вскочилъ за нею, сѣлъ рядомъ и захлопнулъ дверцы. Карета въ это время тронулась...

— Извините... Я и не спросилъ у васъ позволенія, небрежно проговорилъ онъ.—Вамъ ѣхать мимо меня. Вы меня подвезете домой.

— Я не привыкла ѣздить съ посторонними.

— Привыкнете! засмѣлся онъ. Ей казалось что и въ темнотѣ она видитъ его наглые красивые глаза, упорно глядящіе на нее. — Привыкнете... Это по вашему, по московскому, должно быть считается неприличнымъ?

— Во все нѣтъ... Да мнѣ, впрочемъ, все равно. — И она откинулась въ уголъ кареты.—Я устала и преспокойно спать буду.

Прасковья Яковлевна зажмурилась.

Обнинъ-Коленскій искренно расхохотался...

— Что вы? открыла она глаза.

— И вовсе вамъ не все равно... И спать вы не будете...

— Что-же я стану дѣлать? спросила она.

— Ждать! еще громче разсмѣялся онъ, уже не отрывая отъ нея своихъ совсѣмъ влюбленныхъ глазъ.

— Чего еще? робко, чуть слышно проговорила Прасковья Яковлевна и старалась больше прижаться въ уголъ кареты.

— Ждать и бояться.

— Какой вы... вырвалось у нея.—Мы не въ степи, слава Богу... Не въ разбойничьей шайкѣ.

— Хуже. Въ степи-бы вы закричали и карету остановили... А въ городѣ испугаетесь скандала. Скажутъ, вѣрно она поводъ подала князю. Не сумасшедшій-же онъ, чтобы ни съ того, ни сего...

Ей стало страшно... Сердце какъ испуганная птичка заколотило въ груди.

— Чтобы ни съ того, ни съ сего... и голосъ его дрог-

нужь:—Ни съ того, съ ни сего—взять васъ вотъ такъ за руки...

— Оставьте, князь... оставьте... Слышите оставьте...

— Нѣтъ... Теперь не оставляю...

Она вдругъ почувствовала какъ онъ съ силой притянулъ ее къ себѣ, такъ что мѣховая ротонда сползла у нея съ плечъ и осталась въ углу... Она не успѣла еще опомниться, какъ въ потемкахъ кареты что-то обожгло ея открытыя плечи.

— Моя, да? Моя? слышался ей точно совѣтъ не его голосъ.

Это „моя“ было и ласково и прямо къ сердцу просилось...

Она уперлась въ его грудь руками... Хотѣла его оттолкнуть отъ себя — но руки ея живо сами опустились и, сама не понимая какъ, Прасковья Яковлевна упала къ нему на грудь... Безцеремонно, даже не стѣняясь больше, онъ взялъ ея голову, повернулъ къ себѣ, взглянулъ въ ея глаза въ упоръ, властно и увѣренно и вился горячими крупными губами въ ея губы... Сердце ея билось все тише и тише... Еще минута (она смутно поняла это)—еще минута—и онъ былъ-бы ея хозяиномъ, богомъ, а она стала-бы его рабой и исполнила-бы его предсказаніе, начала-бы молиться на него... Но къ счастью карета пошла въ ухабъ и Прасковью Яковлевну сильно что-то дернуло въ сторону — губы ихъ разомкнулись... Его глаза ушли куда-то...

— Негодяй! крикнула она.

И опять послышался его тихій смѣхъ.

— Негодяй!.. Вонъ, вонъ сейчасъ!.. Вонъ отсюда! Остановите кучера!.. Слышите?

Собравъ послѣднія силы, она вырвалась, схватилась свободной рукой за ремень отъ окна и хотѣла опустить его. Князь отнял у нея ремень... Тогда сама не зная что она дѣлаетъ — обнаженнымъ локтемъ она изо всей силы ударила въ толстое зеркальное стекло. Страшная боль почувствовалась ей въ одно мгновеніе съ рѣзкимъ звукомъ разлетѣвшагося въ куски окна...

— Помогите... Помогите! крикнула она.

— Помогите!.. уже вся дрожа, въ истерическомъ припадкѣ высунулась она въ окно.

Ефремъ разомъ остановилъ лошадей.

Князь отворилъ дверцу и быстро кинулся на улицу, на тротуаръ, тамъ живо поднялъ воротникъ шинели, юркнулъ въ какой-то переулокъ и чуть не бѣгомъ, стремительно понесся впередъ.

Кучеръ соскочилъ, подошелъ къ дверцамъ и ахнулъ.

Бѣлый атласъ платья былъ весь залитъ кровью... Кровь струилась изъ раненой руки Прасковьи Яковлевны. Локоть весь былъ оборванъ. Красныя пятна были и на бѣлой волнѣ тибетскаго мѣха...

— Матушка!.. Голубушка!.. струсилъ Ефремъ.

— Скорѣй домой... Домой скорѣй!.. хохотала она, и плакала, и билась, не замѣчая что рѣдкіе въ этотъ поздній часъ прохожіе сбѣгаютъ отовсюду къ ея каретѣ и съ тупымъ недоумѣніемъ смотрятъ на эту красивую, израненую женщину.

(Продолженіе будетъ).

Первая гроза.

Повѣсть Виктора Бибикова.

I.

Двери растворились, и, по обѣимъ сторонамъ крыльца губернскаго окружнаго суда, сѣраго, громаднаго зданія, помѣщавшагося на обширной, пустынной площади, въ безпорядкѣ спускались посѣтители, шумно переговариваясь, дѣлились только что полученными впечатлѣніями.

Слышались восклицанія: „Вотъ такъ соловей!.. Ловко отбрилъ прокурора, да!“ По временамъ раздавался смѣхъ, и на всѣхъ лицахъ сіяли улыбки.

Выходила публика послѣднихъ рядовъ: потертыя пальто мужчинъ, старомодныя шляпки дамъ; на извозчиковъ, столпившихся у подъѣзда и наперерывъ предлагавшихъ свои услуги, никто не обращалъ вниманія: толпа шла толпой, какъ сидѣла въ залѣ суда, и каждый прислушивался къ восклицаніямъ, вырвавшимся то здѣсь, то тамъ, находя въ этихъ восклицаніяхъ отзвукъ чувства еще не пережитаго, съ которымъ не хочется ни разстаться, ни уединиться.

Молодой человѣкъ въ коричневомъ длиннополомъ пальто и соломенной шляпѣ, проводивъ своихъ сосѣдей-по-скамѣ до угла зданія, вернулся опять къ подъѣзду. Нѣсколько извозчиковъ, ноявшихъ это возвращеніе по своему, чуть не взвѣхали на тротуаръ, зазывая сѣдока, но молодой человѣкъ нетерпѣливо отмахнулся рукой и остановился у подъѣзда, взглядываясь въ посѣтителей, продолжавшихъ выходить изъ дверей суда.

Теперь выходила публика первыхъ рядовъ: изящно одѣтые мужчины, нарядныя, въ свѣтлыхъ лѣтнихъ платьяхъ, дамы. Слышались французскія фразы. Молодой человѣкъ узналъ нѣкоторыхъ: въ провинціальномъ городѣ, хотя-бы и большомъ, поневолѣ знаешь почти всѣхъ болѣе или менѣе замѣтныхъ обывателей.

Прошла губернаторша, еще не старая полная дама, въ шляпкѣ съ краснымъ перомъ, подъ руку съ младшимъ чиновникомъ по особымъ порученіямъ своего мужа. Она громко хвалила адвоката, преимущественно его манеру держать себя, и кавалеръ ея сочувственно улыбался. Прошелъ фельетонистъ и редакторъ единственной мѣстной газеты, всеобщій любимецъ, присяжный повѣренный Тюльпановъ. Онъ велъ подъ руку жену побѣжденнаго сегодня прокурора, красивую, статную блондинку. Ихъ окружала золотая молодежь города: два польскіе графа, адъютантъ кавалерійскаго полка, товарищъ прокурора, младшій совѣтникъ губернскаго правленія и золотушный сынъ перваго богача города. Тюльпановъ, должно быть, только что отпустилъ остроту; его спутники хохотали, а онъ самоодовольно улыбался, раздувая ноздри и блестя живыми черными глазами.

Конечно, и они говорили о героѣ дня, петербургскомъ адвокатѣ Тарахтинѣ, чьею выхода ожидалъ молодой человѣкъ въ длиннополомъ пальто и, когда послѣдняя группа поравнялась съ нимъ, до его слуха дошелъ гнусливый голосъ фельетониста:

„Штука не великая выиграть уголовное дѣло, нѣтъ, ты попробуй гражданское, тамъ краснорѣчіемъ не возьмешь!“ Но Тюльпанова перебилъ адъютантъ кавалерійскаго полка, высокій гусаръ съ толстыми рыжими усами, не спускавшій глазъ съ жены прокурора: „Въ тебѣ, Жоржъ, зависть говорить“.

Ожидавшій Тарахтина молодой человѣкъ, хотя и зачтывался воскресными фельетонами остроумнаго Жоржа, благодарно посмотрѣлъ на кавалериста: онъ успѣлъ уже влюбиться въ пріѣзжаго адвоката, относился къ его успѣху, какъ къ своему собственному, и ему былъ непріятенъ отзывъ Тюльпанова.

Но вотъ послѣднимъ прошелъ старикъ отставной генералъ, опираясь на руку своего лакея, широкоплечаго, откормленнаго тушеядца въ военной ливреѣ; молодой человѣкъ успѣлъ выкурить папиросу,—а того, кого онъ ждетъ, все нѣтъ Но Тарахтинъ долженъ скоро выйти. Молодой человѣкъ ждетъ не одинъ. Ждетъ адвоката и, нанятый имъ на время пребыванія въ городѣ, кучеръ Дмитрій, владѣлецъ фаэтона и пары темно-сѣрыхъ рысаковъ, чернобородый красавецъ съ румянцемъ лицомъ.

У Дмитрія лучшія лошади въ городѣ, и хотя ожидавшій молодой человѣкъ никогда не катался въ фаэтонѣ Дмитрія, но знаетъ его и знаетъ кого онъ ждетъ. Они уже и поговорили, Дмитрій даже куритъ тоненькую папиросу, предложенную молодымъ человѣкомъ, и снисходительно слушаетъ его разговоръ о побѣдѣ stolичнаго адвоката.

Дмитрій привыкъ къ знаменитостямъ: его нанмали, когда въ городъ пріѣзжалъ какой-то иностранный принцъ, его-же нанмаютъ часто и театральныя звѣзды, являющіяся иногда на гастроли въ мѣстный театръ съ тѣмъ, чтобы „блеснуть, плѣнить и улѣпить“, и онъ помнитъ, какъ студенты выпрягали его лошадей, портили дорогую наборную сбрую и везли на себѣ ту или другую актрису, но онъ рѣшительно не въ силахъ понять, чѣмъ Тарахтинъ могъ плѣнить этого юношу настолько, чтобы ожидать его выхода съ такимъ нетерпѣніемъ.

— Мы стекломъ не закусываемъ и можемъ понять къ примѣру Сару Бернаръ: она хоть и жидовка и съ лица на выдру смахиваетъ, но тѣмъ не менѣе въ газетахъ писали, что у ее однихъ брилліантовъ тысячь, можетъ, на пятьдесятъ есть. И всякому лестно. А Тарахтинъ, онъ баринъ добрый, кто говорить, но только, воля ваша, я бы его ожидать не сталъ.

И Дмитрій осторожно поправилъ возжей сдвинувшуюся сбрую у правой лошади.

— Вы меня не понимаете! съ досадою перебилъ молодой человѣкъ.—Вы знаете, когда онъ произнесъ свою вторую рѣчь, многія дамы плакали, одна даже въ обморокъ упала, и ее вынесли.

Дмитрій махнулъ рукой, его выразительное лицо говорило: „Знаемъ дамъ вашихъ!“ Но онъ не отвѣтилъ ни слова, нахму-

Необычный поклонникъ. Карт. Ф. Андреотти, грав. Крёнеръ

рилъ брони и собралъ въ рукахъ возжи; кони нетерпѣливо застучали копытами, заскрипѣли колеса по гранитной мостовой, и фэзтонъ тронулся.

Съ крыльца спускался Тарахтинъ, и молодой человѣкъ впиля въ него своими узкими голубыми глазами, которые даже заблестѣли отъ счастья видѣть такъ близко знаменитаго оратора. Все казалось ему необыкновеннымъ и въ наружности, и въ костюмѣ Тарахтина. Ему казалось, что онъ никогда не видалъ такой красивой сѣрой пуховой шляпы, какъ покрывавшая черные курчавые волосы адвоката; длинная, какъ плащъ, сѣрая крылатка, облегающая высокую и представительную фигуру Тарахтина, казалась ему мантией; о наружности и говорившій нечего: несомнѣнно красивый, съ правильными чертами смуглаго энергичнаго лица, которое освѣщалось большими, умными сѣрыми глазами, Тарахтинъ еще въ судѣ казался ему воплощеніемъ идеала мужской красоты. Онъ такъ засмотрѣлся на адвоката, что забылъ дать ему дорогу, и Тарахтинъ невольно остановился, отвѣчая милостивой улыбкой на унорный взглядъ юноши, полный нѣмого обожанія. Тарахтинъ сдѣлалъ шагъ въ сторону, чтобы обойти молодаго человѣка, но это ему не удалось: юноша уже опомнился, захотѣлъ дать дорогу, и они столкнулись; молодой человѣкъ забормоталъ извинительную фразу, но Тарахтинъ перебилъ его и: со словами, пронзенными ласковымъ голосомъ: „ничего, такъ часто бываетъ“, направился къ фэзтону.

Звукъ его голоса и привѣтливая прощальная улыбка ободрили молодаго человѣка, онъ подбѣжалъ къ Тарахтину и заговорилъ, снѣша и волнуясь:

— Позвольте мнѣ выразить тотъ восторгъ, который... ваше краснорѣчіе... простите, что я, не будучи представленнымъ, позволяю себѣ говорить съ вами, но мнѣ хотѣлось, чтобы я... чтобы вы...

Молодой человѣкъ окончательно терялся, и Тарахтинъ пришелъ къ нему на помощь.

Держась уже одной рукой за подушку козель, онъ повернулъ къ молодому человѣку свое лицо и, сдерживая улыбку, порхавшую въ его глазахъ, сказалъ:

— Очень радъ, если я доставилъ вамъ нѣсколько пріятныхъ минутъ.

— Повѣрьте, господинъ Тарахтинъ, что я не могу выразить того чувства, того восхищенія, которое... Но, встрѣтятся съ насмѣшливымъ взглядомъ Дмитрія, прибавилъ скороговоркой:— Простите, что я васъ задерживаю и что не будучи знакомымъ я позволилъ себѣ...

Молодой человѣкъ опять не находилъ словъ и взялся за шляпу, чтобы раскланяться съ Тарахтинымъ, но адвокату понравился молодой человѣкъ и его смущеніе, онъ сказалъ:

— Напрасно вы извиняетесь, а позвакомьтесь мы можемъ очень легко: мою фамилію вы знаете, позвольте узнать вашу...

И, снявъ перчатку, протянулъ молодому человѣку свою большую, широкую руку съ длинными пальцами.

Молодой человѣкъ, не помня себя отъ радости, крѣпко пожалъ руку Тарахтина и назвалъ себя. Его звали Фёдоръ Васильевичъ Панченко.

— Вы студентъ? спросилъ Тарахтинъ.

— Да, студентъ, то-есть въ этомъ году я окончилъ университетскій курсъ.

— По юридическому факультету?

— Да.

— Кандидатомъ?

— Да, кандидатомъ, отвѣчалъ Панченко, позволивъ себѣ даже улыбнуться.

— Такъ вотъ что, Фёдоръ Васильевичъ, душевно радъ знакомству съ вами, но мнѣ кажется, что мы съ большимъ удобствомъ можемъ продолжать нашу бесѣду въ фэзтонѣ, если только вы нигде не спѣшите.—и, посмотрѣвъ на молодаго человѣка, онъ, не ожидая отвѣта, прибавилъ:—Прошу васъ, садитесь.

Они усѣлись. Дмитрій повернулъ лицо къ Тарахтину, ожидая приказаній. Тарахтинъ досталъ изъ кармана золотые открытыя часы и сказалъ:

— Три часа, да обѣда времени еще довольно, не покатаемся ли мы по городу, какъ вы думаете, Фёдоръ Васильевичъ?

Но Фёдоръ Васильевичъ ничего не думалъ, онъ съ одинаковымъ восхищеніемъ смотрѣлъ и на глазетовый поясъ Дмитрія, и на фонари коляски, сверкавшие серебряной отдѣлкой, и на пушистый коверъ въ ногахъ, который онъ боялся запачкать, и на вопросъ Тарахтина, послѣ нѣкотораго молчанія, избѣгая встрѣтиться взглядомъ съ Дмитріемъ, отвѣтилъ:

— Какъ вамъ угодно, я нигде не спѣшу.

— Бульваромъ прикажете? спросилъ Дмитрій.

— Побѣжай бульваромъ, если тебѣ хочется, отвѣтилъ Тарахтинъ, откидываясь на бархатную спинку фэзтона и окидывая своего сосѣда съ ногъ до головы зоркими, наблюдательными глазами.

II.

Они проѣхали длинный бульваръ, на который выходила гимназія, длинная, желтая, напоминая Тарахтину Петербургскія казармы. Смущеніе молодаго человѣка проходило, онъ

привыкъ уже и къ близости адвоката, и къ фэзтону Дмитрія. Когда они поравнялись съ гимназіей, Панченко нашелъ не лишнимъ сказать, что въ этой гимназіи онъ воспитывался и вынесъ изъ нея съ золотою медалью; что при гимназіи чудесный, тѣнистый паркъ съ прудомъ, на которомъ воспитанники зимой катаются на конькахъ; что въ городѣ еще три гимназіи, но это старѣйшая и самая аристократическая, куда принимаютъ со строгимъ выборомъ; а указывая на красивѣйшій изъ-за топей университетъ, прибавилъ:

— А вотъ это наша alma mater!

Поощренный вопросомъ своего спутника и его вниманіемъ, онъ разсказалъ свою біографію, и Тарахтинъ узналъ, что Фёдоръ Васильевичъ Панченко происходитъ изъ старинной малороссійской фамиліи, что его предокъ былъ кошевымъ при Богданѣ Хмѣльницкомъ, и что фамилію Панченка упоминаетъ Костомаровъ въ примѣчаніяхъ къ одной изъ своихъ монографій.

Тарахтинъ узналъ также, что молодой человѣкъ круглый спрота, но что у него есть небольшой капиталъ, въ десять тысячъ, въ полное владѣніе которымъ онъ вступилъ черезъ два мѣсяца по достиженіи совершеннолѣтія, черезъ два мѣсяца ему минуло двадцать одинъ годъ. На службу въ судебную палату онъ поступать не хочетъ, считая себя неспособнымъ къ этого рода карьерѣ; ему хочется быть адвокатомъ; получить на-дняхъ бумаги изъ университета, запишется помощникомъ кого-нибудь изъ здѣшнихъ присяжныхъ повѣренныхъ и будетъ изучать уголовное право и его практику, чувствуя къ нему особое призваніе.

— Придется вѣроятно серьезно поработать, потому что, какъ вамъ извѣстно, университетъ даетъ только общее образованіе и дипломъ, съ которымъ мы являемся на службу совершенными профанами, заключилъ онъ свою рѣчь.

Тарахтинъ согласился съ нимъ, что дѣйствительно, молодые люди оканчивающіе курсъ — малосвѣдущи въ практикѣ судопроизводства.

— Но усвоить эту практику можно только на практикѣ, сказалъ онъ, приостановился, давая Панченко время для офынки этого каламбура, и добавилъ:—Вы, конечно, согласитесь со мной, что университетскую аудиторію нельзя превратить въ пріемную адвоката, куда бы приходили кліенты, какъ приходятъ больные въ клинику; да и ни одинъ студентъ до окончания курса навѣрно не знаетъ, кѣмъ онъ хочетъ быть: адвокатомъ, прокуроромъ или губернаторомъ. Въѣсивъ мои соображенія, вы, надѣюсь, поумѣрите вашъ гнѣвъ, и я думаю согласитесь со мной. Заниматься же на первыхъ порахъ вамъ не придется совсѣмъ: знаніе будетъ приходить [съ каждымъ новымъ кліентомъ.

Послѣ двухчасоваго катапья по городу, фэзтонъ остановился у французской гостиницы, лучшей въ городѣ; Тарахтинъ пригласилъ молодаго человѣка отобѣдать вмѣстѣ, и они поднялись по широкой лѣстницѣ, устланной краснымъ ковромъ и уставленной на площадкахъ цвѣтами и гипсовыми статуями. Адвокатъ занималъ въ бель-этажѣ три комнаты, меблированные съ обычной трактирною претензіей: была въ первой комнатѣ бархатная мебель, стояло въ углу пианино, спускалась съ потолка ненужная люстра съ стеклянными подвѣсками, безжывшими отъ фэды по улицѣ; былъ въ кабинетѣ монументальный письменный столъ, обтянутый малиновымъ сукномъ, двѣ рѣзныя этажерки, на которыхъ валялись старые номера мѣстныхъ газетъ; дверь въ третью комнату, спальню, Тарахтинъ притворилъ за собой, но тотчасъ позвалъ туда Панченко и сказалъ, что если молодой человѣкъ позволитъ, то онъ при немъ и переодѣнется, и умоется.

Молодой человѣкъ не безъ любонитства слѣдилъ, какъ Тарахтинъ снялъ фракъ и жилетъ и, оставшись въ бѣлой какъ снѣгъ рубахѣ, умывался и обливая свою голову подъ краномъ механическаго умывальника. Умывшись, онъ долго вытиралъ голову мохнатымъ полотенцемъ, быстро причесался, дѣйствуя въ одно время и гребнемъ и щеткой, надѣлъ синюю австрійскую блузу и, подавивъ пуговку электрическаго звонка надъ кроватью, объявилъ, что теперь они могутъ и пообѣдать. Явился лакей. Онъ внимательно выслушалъ заказъ Тарахтина, сказалъ обычное: „слушаю-съ“, но не ушелъ, а, переложивъ изъ-подъ одной руки въ другую салфетку, объявилъ, что Тарахтина ожидаетъ уже минутъ десять въ общей залѣ господинъ по дѣлу.

— Онъ сказалъ свою фамилію?

— Никакъ нѣтъ-съ. Зачѣмъ же-съ! лакей ослабился и спѣша отвѣтитъ Тарахтину, который смотрѣлъ на него недоумѣвая, сказалъ:—Ихъ всѣ и такъ знаютъ, они у насъ часто бываютъ, въ газетѣ работаютъ, господинъ Бронъ ихъ зовутъ. Просили доложить вамъ, какъ придете, по самому нужному дѣлу.

Вмѣшался Панченко.

— Бронъ—это ваша городская знаменитость, Сергѣй Николаичъ; онъ и рецензентъ, и критикъ мѣстный, на пожарахъ всегда первый бываетъ, они съ Тюльпановымъ представители мѣстной литературы.

— Съ какимъ Тюльпановымъ? спросилъ Тарахтинъ.

— Неужели вы не знаете? изумился Панченко. — Да вѣдь

это известный Тюльпановъ, Жоржъ, онъ же и Шишовникъ, это его псевдонимъ въ здѣшнемъ листкѣ.

— Не знаю, повторилъ Тарахтинъ.

Лакей съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него и переглянулся съ Панченко.

Молодой человѣкъ продолжалъ:

— Онъ известный фельетонистъ, рассказчикъ, на клубной сценѣ куплеты читаетъ, и Бронъ тоже читаетъ; первые скандалисты въ городѣ. Неужели вы не знаете? продолжалъ изумляться Панченко. — Вѣдь Тюльпановъ и присяжный повѣренный.

— Все-таки не знаю, возразилъ Тарахтинъ. — Въ каждомъ городѣ, другъ мой, есть непременно свой присяжный повѣренный, онъ же по большей части и фельетонистъ; въ Россіи много городовъ и еще больше присяжныхъ повѣренныхъ, всѣхъ не узнаешь. Однако что же намъ дѣлать съ этимъ, какъ его... Брономъ? Надѣюсь, онъ пришелъ не съ тѣмъ, чтобы произнести здѣсь скандалъ или куплеты читать; что ему нужно?

— Зачѣмъ же-съ, какъ можно! сказалъ лакей. — Скандалить у насъ нельзя-съ. А они, надо полагать, отъ газеты, по дѣлу. — Стало-быть онъ репортеръ? обращаясь къ Панченко, спросилъ Тарахтинъ.

— Да, разумеется, репортеръ, отвѣчала молодой человѣкъ, уже проишкавшись презрѣніемъ къ Брону. — Хотя онъ пишетъ и передовыя статьи, и внутреннее обозрѣніе. Тюльпановъ можетъ только фельетоны.

— Проси, приказалъ Тарахтинъ, — да накрывай на столъ, живѣе, мнѣ ѣсть хочется.

Лакей исчезъ, и не прошло еще и одной минуты, какъ въ дверяхъ раздался троекратный стукъ согнутымъ пальцемъ.

— Войдите, пригласилъ Тарахтинъ.

Дверь распахнулась, и въ комнату быстрыми шагами вошелъ высокий худой человѣкъ, одѣтый съ ногъ до головы въ черное сукно. Онъ подъ мышкой держалъ мягкій кожаный портфель трубой, въ лѣвой рукѣ, затянутой въ черную перчатку, былъ черныи цилиндръ съ широкими полями, похожий на тѣ цилиндры, какіе рисовалъ Фодотовъ на факельщикахъ погребальныхъ процессій. Но цилиндръ Брома былъ совершенно новый, очевидно заказной. Непомѣрно высокой ростъ сѣнялъ Брона, онъ склонялъ плечи и склонялъ свою маленькую голову надъ тонкой и худой шеей, которую странно было видѣть въ широкомъ, отложномъ, чуть-ли не до ключицъ, воротникѣ его рубашки. Лицо у него было желтое, скорбно изогнутыя губы подъ рыжеватыми закуреными усами; его прическа съ косымъ проборомъ и свѣсившейся прядкой на лобъ, придавала его фигурѣ видъ унылый, и тѣмъ разительнѣе было выраженіе его глазъ, большихъ, рыжихъ, почти безъ рѣсницъ и безъ бровей; они смѣялись, эти глаза, неудержимо, и страстно, и неприятно были ихъ блескъ.

Панченко сидѣлъ на диванѣ; Тарахтинъ приподнялся съ кресель, сдѣлалъ два шага навстрѣчу гостю. Бронъ покачнулся на своихъ тонкихъ ногахъ, вытянулъ впередъ голову, точно стараясь освободиться отъ воротничка, потомъ закинулъ ее назадъ, какъ не въѣзженная лошадь, когда ей надѣли хомутъ, и заговорилъ громкимъ, гортаннымъ голосомъ, обнаруживавшимъ, несмотря на старательно и раздѣльно произносимыя слова, еврейское происхождение репортера.

— Имѣя счастье видѣть передъ собой Сергѣя Николанча Тарахтина, которымъ справедливо гордится наша адвокатура и наше русское общество, смѣшу выразить отъ лица редакціи городского листка, котораго являюсь представителемъ, отъ мѣстной интеллигенціи и лично отъ себя, какъ отъ человѣка, благодарностъ за эстетическое наслажденіе, доставленное вашими художественно-ораторскими и глубоко прочувствованными рѣчами. Повторяю, эти чувства выражены мной отъ лица редакціи, отъ лица мѣстной интеллигенціи и отъ собственного лица, какъ человѣка, въ которомъ пробудились лучшія чувства подъ неотразимымъ влияніемъ вашего могучаго дарованія.

Бронъ говорилъ громко, слишкомъ громко для небольшой гостиной номера; такимъ голосомъ говорятъ плохіе рассказчики на открытыхъ и клубныхъ сценахъ. Но несмотря на то, что тонъ, какимъ онъ произнесъ привѣтственную рѣчь, былъ въ высшей степени серьезенъ, его наглые глаза продолжали смѣяться по-прежнему; даже тогда, когда, выражая пробужденныя лучшія чувства отъ себя, какъ отъ человѣка, его голосъ увлажился какъ-бы слезой, глаза все-таки смѣялись надъ Тарахтинимъ, надъ Панченко, на котораго перебѣгалъ иногда спокойный взглядъ Брома, надъ собственной рѣчью Брома, надъ нимъ самимъ.

Бронъ кончилъ, досталъ изъ кармана сюртука шелковый черныи же платокъ и отеръ имъ вспотѣвшее лицо.

Не приглашая его садиться, Тарахтинъ спросилъ Брона такимъ тономъ, какъ будто онъ его только что увидѣлъ, а не слышалъ ни звука его голоса:

— Мнѣ доложили о вашемъ желаніи видѣть меня по дѣлу, прошу васъ объяснить, что привело васъ ко мнѣ.

Бронъ, не сводя смѣющихся глазъ съ Тарахтина, съ прилежнымъ вниманіемъ выслушалъ его вопросъ и, перехватыва-

вая лакейскимъ жестомъ трубку портфеля въ лѣвую руку, а локтемъ правой прижимая цилиндръ къ тощему боку, сказалъ:

— Совершенно вѣрно, я имѣю къ вамъ дѣло по газетѣ.

Онъ, не торопясь, разстегнулъ портфель, досталъ оттуда сѣрый корректурный листъ городского листка и продолжалъ тѣмъ же голосомъ, какимъ говорилъ вступительную рѣчь:

— Я нахожу, что каждое слово Тарахтина не должно пропадать для русскаго общества; я записалъ вашу рѣчь особымъ, мною изобрѣтеннымъ способомъ стенографической скорписи, но еггате humanum est, я могъ ошибиться, невольно искажить ваши слова и потому покорнѣйше прошу, въ интереса печатнаго слова и всего читающаго русскаго общества, просмотрѣть корректуру и исправить замѣченные погрѣшности.

Тарахтинъ взялъ протянутый ему газетный листъ и, попросивъ Брона подождать, ушелъ въ сосѣднюю комнату. Онъ скоро возвратился оттуда, держа въ рукахъ развернутый листъ съ нестрѣвными кое-гдѣ рѣдкими помарками.

— Однако у васъ прекрасная память, сказалъ онъ Брону. — Петербургскіе стенографы часто искажаютъ цѣлыя фразы, а у васъ, сколько я могъ замѣтить послѣ бѣлаго просмотра, почти нѣтъ ошибокъ.

Онъ отдалъ газету Брону, которую тотъ аккуратно свернулъ и спряталъ въ портфель, окидывая жаднымъ взглядомъ предданный столъ, накрытый бѣлосѣвжкою скатертью, гдѣ лакей расставлялъ тарелки съ закусками и бутылки.

— Я бы пригласилъ васъ откушать съ собой, сказалъ Тарахтинъ, — но до поѣзда осталось часа три, не больше, а мнѣ нужно о многомъ побесѣдовать съ моимъ молодымъ другомъ, и я надѣюсь, вы простите меня.

— Охотно, продекламировалъ Бронъ, — вполнѣ понимаю и раздѣляю ваши намѣренія. Прошу со своей стороны прощенія за то, что обезокоилъ васъ и отнял нѣсколько драгоценныхъ, въ истинномъ значеніи этого слова, минутъ времени; прошу также вѣрить, что я унесу съ собой и сохраню въ благодарной памяти воспоминаніе объ этихъ нѣсколькихъ минутахъ, проведенныхъ мною въ обществѣ Тарахтина.

Глаза его неудержимо смѣялись, казалось, вотъ-вотъ сейчасъ Бронъ не выдержитъ и залетѣетъ злораднымъ хохотомъ, но ничуть не бывало, его лицо сохранило безстрастное выраженіе, онъ наклонилъ голову для поклона, потомъ опять вскинулъ ее, поднялъ плечи и вышелъ изъ номера неторопливо, самоувѣренной походкой.

III.

Лакей, уже въ питяныхъ бѣлыхъ перчаткахъ, бережно раздѣлялъ дымившіяся супъ по тарелкамъ.

Тарахтинъ развернулъ салфетку, сложенную епископскою шапкой на маленькой тарелочкѣ, задержавъ ее конецъ между второй и третьей пуговицей жилета и расправилъ ея складки на своей широкой, выпуклой груди.

— Не находите ли вы, почтеннѣйшій Фодоръ Васильевичъ, что бесѣда съ Брономъ подѣйствовала благотворнымъ образомъ на нашъ аппетитъ?

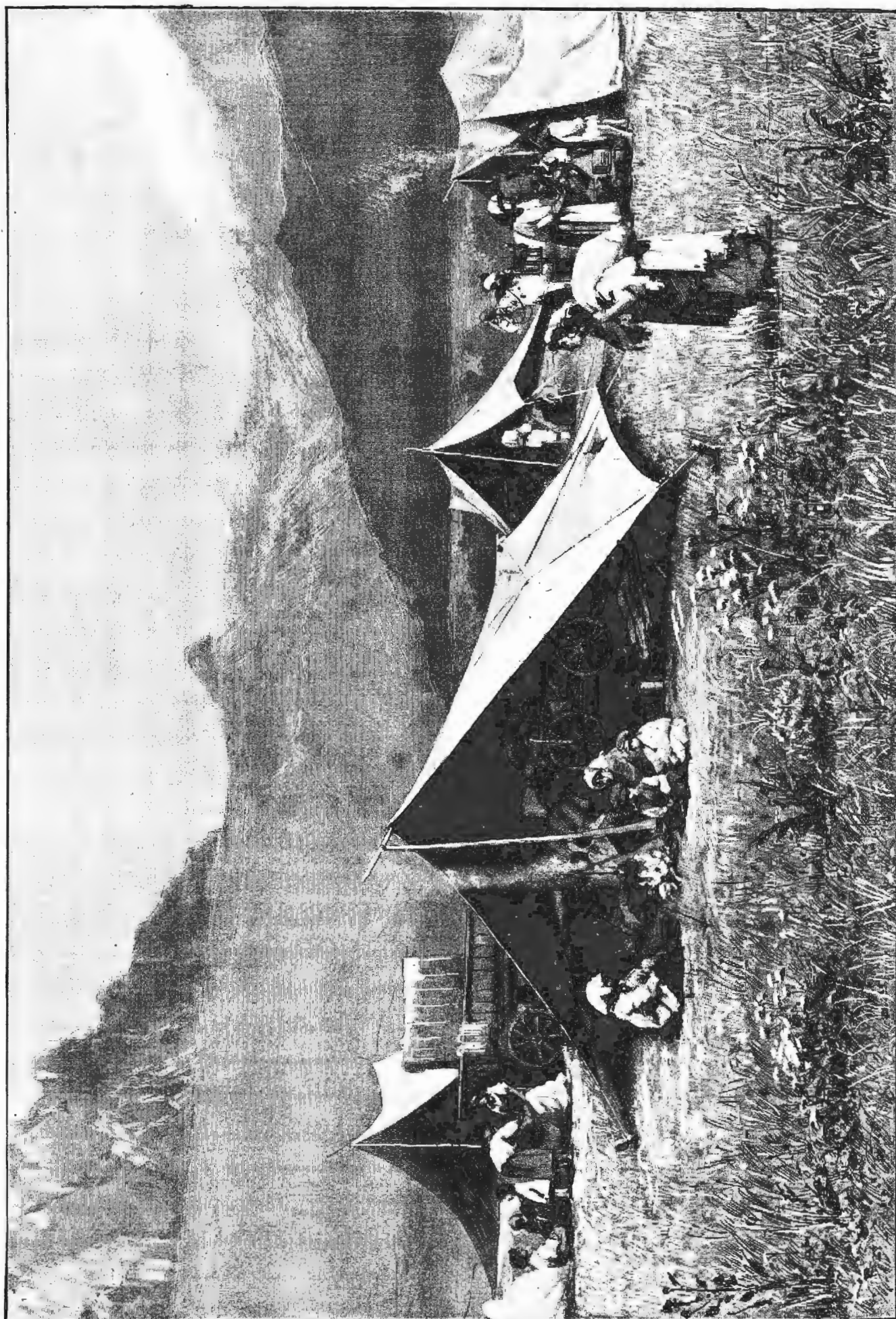
Панченко улыбнулся, онъ окончательно былъ покоренъ Тарахтинимъ, а сцена съ Брономъ еще болѣе усилила обаяніе адвоката.

Какъ ни какъ, а Бронъ въ городѣ считался особой, актеры заискивали въ немъ, его театральныя рецензіи всегда были пересыпаны цитатами изъ Ирвинга и Гертвигуса, а критическія статьи выдержками изъ Сентъ-Бѣва, Шоенгауэра и Бѣлинскаго, что придавало имъ ученый колоритъ; кромѣ того, какъ газетный рецензентъ, онъ сидѣлъ всегда въ первомъ ряду кресель, стоялъ въ почетной группѣ во время военныхъ парадовъ у губернаторской палатки и, по общему приговору, считался образцовымъ чтецомъ и декламаторомъ Некрасовскихъ стихотвореній... И какъ же съ нимъ обошелся Тарахтинъ! Даже не подалъ ему руки, а Бронъ не посмѣлъ протянуть своей знаменитому адвокату... Не пригласилъ его садиться... Ничего не отвѣтилъ на его похвалы... Пожалуй, онъ точно такъ же бы обошелся и съ Тюльпановымъ? Вѣрно бы такъ же, отвѣтилъ на свой вопросъ Панченко и съ новымъ приливомъ восхищенія, пересилившимъ аппетитъ, посмотрѣлъ на Тарахтина.

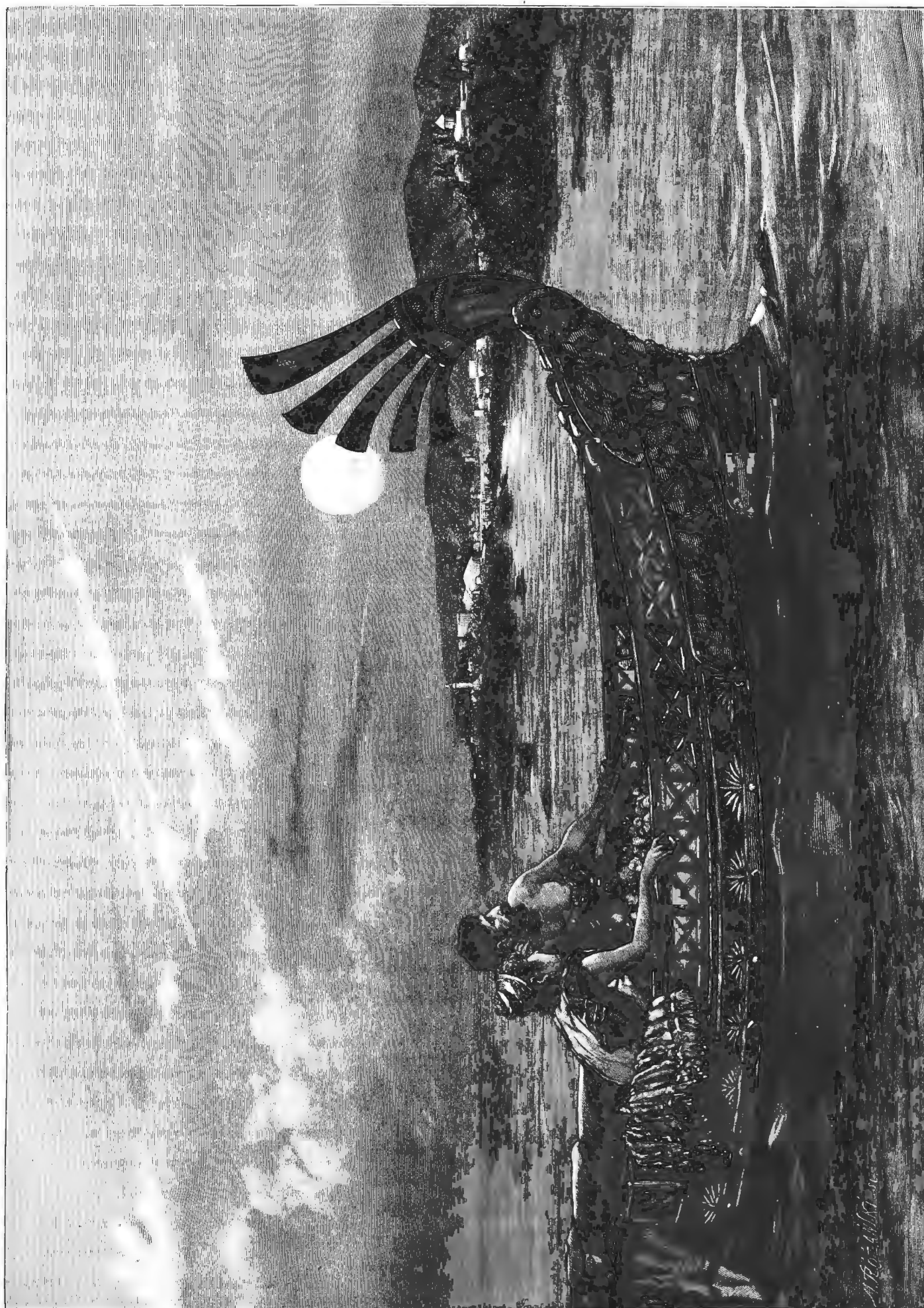
— Однако, презабавный еврейчикъ этотъ вашъ Бронъ! сказалъ Тарахтинъ, читая на выразительномъ лицѣ молодаго человѣка его мысли, какъ въ открытой книгѣ. — И вы говорите, что онъ играетъ здѣсь нѣкоторую роль, этотъ представитель мѣстной интеллигенціи? прибавилъ онъ, наливая въ рюмки зеленатоватый допель-кюммель.

— О да, подтвердилъ Панченко, — не только нѣкоторую, но даже и очень выдающуюся роль. На годовыхъ обѣдахъ въ клубѣ онъ говоритъ рѣчи. Когда городъ открывалъ новую больницу, онъ, по порученію Думы, говорилъ тоже рѣчь. Его остроги повторяются всѣми. Съ нимъ бывали такіе случаи, что просто трудно повѣрить: вотъ, напримеръ, вы слышали, что онъ сказалъ Сарѣ Бернарь, когда она здѣсь была на гостроляхъ?

— Нѣтъ, ужъ лучше не рассказывайте, я сировадилъ Брона,

Цыганскій таборъ на Кавказѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Козачинскаго грав. вл. мастерской „Нивы“.

Прогулка римского патриція въ Помпейской гавани. Грав. Рожанскій.

чтобы остаться съ вами и говорить о васъ, а онъ тутъ невидимо присутствуетъ. Прекратимъ. Пейте-ка лучше вашу кюммель, и совѣту закусить вотъ этимъ сыркомъ.

Они выпили по рюмкѣ кюммеля и принялись за супъ. Тарахтинъ ѣлъ не торожась, въ перемежку съ супомъ прожеывая крупинки рокфора, посыпалъ зеленую супъ и съ удовольствіемъ смотрѣлъ на молодого человѣка, который, съѣвъ всѣ положенные на его долю пирожки, уже успѣлъ уничтожить нѣсколько ломтей бѣлаго хлѣба. Послѣ супа Тарахтинъ разлилъ изъ большой бутылки мадеры, поданной съ прикрѣпленной къ ней серебряною ручкой, вино по стаканамъ, сдѣлать нѣсколько глотковъ, и когда Панченко опорожнилъ свой стаканъ, Тарахтинъ наполнилъ его вторично и сказалъ, вытирая усы салфеткой:—Я и не предполагалъ, что съ вами такъ пріятно обѣдать. Посудайте, началъ онъ снова:—вы говорили мнѣ, что хотите сдѣлать карьеру адвоката и даже на-дняхъ запишетесь въ помощники присяжнаго повѣреннаго; къ кому же вы запишетесь, ужъ не къ Тюльпанову-ли? и, не ожидая отвѣта, онъ продолжалъ:—Вы говорили мнѣ, что у васъ есть десять тысячъ, на эти деньги вы можете прожить даже и въ Петербургѣ, не нуждаясь до тѣхъ поръ, пока не станете на ноги. Скажите, неужели вы никогда не мечтали о столицѣ?

Онъ прихлебнулъ изъ стакана и подвинулъ молодому человѣку блюдо съ только что поданною рыбой.

— Конечно, мечталъ и постоянно мечтаю, не замѣчая его движенія отвѣтилъ Панченко,—но я думаю, что надо пройти школу здѣсь, въ провинціи, и потомъ уже, когда я буду опытнымъ адвокатомъ и присяжнымъ повѣреннымъ, переѣхать въ Петербургъ.

Тарахтинъ переложилъ большую часть рыбы въ тарелку молодого человѣка; лакей подаль подносъ съ соусами, Панченко положилъ нѣсколько ложекъ перваго попавшагося, но не ѣлъ, а весь обратился въ слухъ, ожидая, что еще скажетъ Тарахтинъ.

— Какую школу пройдете вы здѣсь? Чему можете научить васъ Тюльпановъ, навѣрно самъ спустя рукава относящійся къ своимъ обязанностямъ...

— О, да, перебилъ Панченко,—онъ часто пропускаетъ сроки, такъ что судъ постановляетъ заочныя рѣшенія.

— Ну, вотъ видите, вамъ это лучше меня извѣстно, но только теперь вы еще удивляетесь халатному отношенію Тюльпанова къ интересамъ своихъ довѣрителей, а привыкнете—перестанете удивляться и побѣдите по той же дорожкѣ. Скажу вамъ откровенно: вы призвали на меня выгодное впечатлѣніе, я васъ мало знаю, но за васъ говоритъ ваша молодость, въ ней же всѣ блага... Въ началѣ осени одному изъ моихъ помощниковъ исполнится пятилѣтіе, и онъ вступитъ въ число присяжныхъ повѣренныхъ Петербургскаго округа; освободившуюся вакансію я предлагаю вамъ, несмотря на то, что въ Петербургѣ много претендентовъ на эту вакансію и попасть ко мнѣ помощникомъ довольно трудно; я принимаю съ разборомъ. Но повторяю, вы мнѣ понравились, и мнѣ хочется вырвать васъ изъ провинціи, изъ той части русскаго общества, въ которой представляютъ интеллигенцію Броны съ Тюльпановымъ. Подумайте, не снѣшныя рѣшительнымъ отвѣтомъ, я его не требую, до осени осталось еще три мѣсяца, и вы можете отложить свой отвѣтъ до этого срока, а пока займитесь форелью и пожалуйста съ тѣмъ же усердіемъ, съ какимъ вы истребляли супъ.

Панченко взялъ въ руки ножъ и вилку, но тотчасъ положилъ ихъ на тарелку.

— Конечно, я согласенъ, заговорилъ онъ, почему-то отстегнувъ салфетку и сжимая ее въ рукахъ,—я ужасно радъ, не знаю, какъ благодарить васъ и мнѣ не зачѣмъ думать три мѣсяца, я согласенъ сейчасъ, сію минуту... Это такое счастье быть вашимъ помощникомъ, не знаю, право, чѣмъ я заслужилъ...

Онъ поднялся съ дивана и черезъ столъ хотѣлъ обнять Тарахтина, рукавомъ задѣлъ бутылку мадеры, но Тарахтинъ, внимательно слѣдившій за молодымъ человѣкомъ, оставилъ бутылку въ сторону, подошелъ къ дивану, и они крѣпко обнялись и поцѣловались.

— Вотъ такъ лучше, сказалъ Тарахтинъ,—я уже подумалъ, не хотите-ли вы краснорѣчіемъ перецеголать Брона, пошутить онъ, вытирая послѣ поцѣлуя свои полныя и красивыя губы.—Значитъ, по рукамъ: вы мой помощникъ, и въ сентябрѣ вступите въ отправление вашихъ новыхъ обязанностей. Ышьте же вашу рыбу, а то она стынетъ отъ нетерпѣнія, и мы выпьемъ шампанскаго.

Лакей, не ожидая приказанія, рванулся къ дверямъ, но Тарахтинъ его удержалъ.

— Пожалуйста не морозить вина, принеси той же марки что я вчера пилъ, да захвати льду и мандариновъ.

Лакей побѣжалъ въ буфетъ. У Панченка, подъ вліяніемъ радости, аппетитъ пропалъ, рыбы вообще онъ не любилъ, и принуждалъ себя ѣсть изъ желанія угодить Тарахтину, но, встрѣтаясь съ взглядомъ сѣрыхъ пронизательныхъ глазъ своего будущаго патрона, смутился и покраснѣлъ.

— Бросьте рыбу, разъ она вамъ не нравится; я по петер-

бургской привычкѣ заказалъ форель, тамъ теперь ея время, и забылъ, что она здѣсь привозная. Бросьте, повторилъ онъ, помогая Панченку,—намъ сейчасъ подадутъ мясо, а пока допивайте мадеру, она поддержитъ и укрѣпитъ вашъ аппетитъ.

Панченко съ удовольствіемъ послѣдовалъ предложенію Тарахтина; убѣдившись, что отъ адвоката не скроешься, онъ почувствовалъ себя гораздо свободнѣе и съ нескрываемымъ отвращеніемъ отодвинулъ отъ себя тарелку съ рыбой.

Тарахтинъ весело разсмѣялся.

IV.

Когда лакей разлилъ въ бокалы принесенное шампанское, Тарахтинъ ложкой положилъ въ каждый бокалъ равное количество кусочковъ льду и, чокаясь съ Панченко, сказалъ:

— Выпьемъ за ваши будущіе успѣхи и за даму вашего сердца, о которой вы до сихъ поръ почему-то молчите.

Панченко съ радостнымъ удивленіемъ посмотрѣлъ на улыбавагося адвоката и вскричалъ:

— Почему вы знаете?

— Ты можешь оставить насъ, сказалъ Тарахтинъ, обращаясь къ лакею:—позову, когда будетъ нужно.

— Вѣдь я вамъ ничего не говорилъ, почему вы знаете? повторилъ Панченко, продолжая наумляться.

Тарахтинъ расправилъ усы.

— Вы мнѣ не говорили, что вы не любите рыбу, однако...

— Да, дѣйствительно, я ее терпѣть не могу, не понимаю, что въ ней находятъ, перебилъ Панченко.

— Ну, вотъ видите, а я вотъ и безъ вашего признанія догадался. Такъ же легко могу догадаться, мой юный другъ, что вы влюблены, и даже представляю себѣ до нѣкоторой степени царницу вашихъ думъ...

— Ну ужъ этого вы никакимъ образомъ себѣ представить не можете.—Панченко съ аппетитомъ ѣлъ ростбифъ и лукаво улыбался, какъ обладатель весьма интересной и ему одному извѣстной тайны.—Ну, скажите, какого цвѣта у нея волосы?

Тарахтинъ внимательно посмотрѣлъ на каштановые волосы Панченко, на его пушистыя, темныя брови и небольшую рыжеватую бородку и сказалъ:

— Разумѣется, она блондинка.

— Вотъ и не угадали, совсѣмъ не блондинка!

Панченко окончилъ ростбифъ и ожесточенно вытиралъ почти все лицо салфеткой, потомъ задумчиво посмотрѣлъ на еще неконченную бутылку шампанскаго.

Тарахтинъ наполнилъ его бокалъ и сказалъ, притворно вздыхая:

— Что дѣлать, не угадалъ, но, вѣроятно, худенькая, невысокаго роста и когда смѣется—она вѣрно часто смѣется,—то показываетъ хотя и большіе, но бѣлые зубы.

— Не угадали, не угадали, повторилъ Панченко,—и не худенькая, и не блондинка, и смѣяться совсѣмъ не любитъ, и зубы не большіе, хотя, дѣйствительно, бѣлые.

— И такъ я разбитъ по всѣмъ пунктамъ, уступаю вамъ поле сраженія, но надѣюсь, что вы, какъ великодушный побѣдитель, смягчите мое пораженіе и расскажете мнѣ подробнѣе о вашей невѣстѣ, такъ такъ навѣрно избранница вашего сердца вмѣстѣ съ тѣмъ и ваша невѣста. Ея портретъ съ вами? вдругъ спросилъ онъ.

— Нѣтъ не со мной: я прежде носилъ его, но онъ, знаете, кабинетный, я его чуть не сломалъ. Онъ у меня стоитъ на письменномъ столѣ. Она, дѣйствительно, моя невѣста, то есть мы рѣшили это съ ней, я знакомъ съ ея отцомъ, но не дѣлалъ еще предложенія, она не хотѣла. А теперь, какъ только я получу всѣ бумаги изъ университета, побѣду къ ней въ деревню, познакомлюсь съ ея матерью—меня пригласилъ туда отецъ Вѣры—и тамъ сдѣлаю предложеніе.

— Не сомнѣваюсь, что оно будетъ принято, вставилъ Тарахтинъ.

— Почему вы такъ думаете? съ живостью спросилъ Панченко.

— Вы вполне достойный молодой человѣкъ съ небольшимъ средствами, наконецъ у васъ есть будущее, вы производите, повторяю, своей особой пріятное впечатлѣніе, чѣмъ же вы не женихъ? Вотъ развѣ молодость! Зеленый вы очень. Впрочемъ, теперь оныя начинаютъ привывать къ раннимъ бракамъ. А кто родители вашей невѣсты?

— Отецъ—отставной полковникъ, участвовалъ во всѣхъ кампаніяхъ, начиная съ Севастопольской; у него много ранъ и вся грудь увѣшена орденами; ужасно добрый старикъ; ему-то я понравился. Вотъ не знаю только, какъ мать Вѣры. Вѣра про нее говорила, что она какал-то особенная женщина. Чего добраго, въ самомъ дѣлѣ, я покажусь ей очень молодымъ, или, какъ вы говорите, зеленымъ...

— А безъ согласія вы-бы не обошлись? О похищеніи изъ родительскаго дома не мечтали? Или въ нашъ прозаическій вѣкъ такія затѣи не приходятъ въ голову практическимъ молодымъ людямъ?

— Нѣтъ, отчего не приходятъ—приходятъ! Похитить можно, но только Вѣра очень любитъ свою мать, лучше бы получить согласіе...

— Ну, а васъ Вѣра любитъ?
— Разумѣется, вдругъ отвѣчалъ Панченко и сейчасъ же прибавилъ: — хотя, какъ вамъ сказать, Вѣра ужасно странная дѣвушка, ее не разберешь: то увѣряетъ, что она меня безумно любитъ, а иногда говоритъ, что боится испортить мою жизнь.

— Ну, это молодыя дѣвушки всегда говорятъ, сказалъ Тарахтинъ и прибавилъ, какъ будто невзначай: — А вы-то любите ее?

— Я! воскликнулъ Панченко. — Я! понижая голосъ, повторилъ онъ.

— Вижу, вижу, что любите, сказалъ Тарахтинъ, съ удовольствіемъ посмотрѣвъ на добрые голубые глаза молодого человека, изъ которыхъ чуть не выступили слезы.

— Я, знаете, откровенно вамъ скажу: я мизанца Вѣры не стою, это такая дѣвушка... Да, впрочемъ, всего этого рассказывать нельзя, ее надо увидѣть.

И Панченко смолкъ; охваченный приливомъ любви къ своей невѣстѣ, онъ безучастно смотрѣлъ теперь на Тарахтина.

— Она, вѣроятно, очень красива? спросилъ Тарахтинъ дружескимъ, мягкимъ голосомъ.

— Удивительно хороша! воскликнулъ Панченко и продолжалъ, волнуясь:— Представьте себѣ: высокій ростъ, стройная, лицо... Нѣтъ, этого не рассказать! Синіе глаза, черные волосы, маленькія уши, а если бы вы слышали, какъ она поетъ! Ей совѣтовали поступить въ консерваторію.

— Вы навѣрно получите согласие и матушки вашей невѣсты, и отца, и пріѣдете къ намъ въ Петербургъ женатымъ, неожиданно для Панченка сказалъ Тарахтинъ.

— Отчего вы такъ думаете? удивляясь его заключенію, спросилъ молодой человекъ.

— Не думаю, мой милый, а увѣренъ: вы такъ сильно любите вашу невѣсту, что этой любовью къ ней покорите и ся матушку, какая бы тамъ она особенная женщина ни была. Завидую вамъ отъ души, вдругъ сказала она.

— Развѣ вы не женаты? спросилъ Панченко.

— Нѣтъ, не женатъ, да я не женитѣбѣ вашей завидую, а молодости вашей, счастью вашему, чистотѣ и прелести вашего чувства, вотъ чему я завидую.

— Развѣ вы несчастливъ? спросилъ Панченко и, желая смягчить, показавшійся ему неловкимъ вопросъ, прибавилъ: — вы съ вашей славой, съ такой наружностью, вы развѣ можете быть несчастливъ?

— Другъ мой, я не жалею и вы не соболизуйтесь, игра въ разочарованіе мнѣ всегда была противна, но есть чувства, есть ощущенія, которымъ поневолѣ завидуешь.

— Развѣ вы не влюблены, то есть я хотѣлъ сказать, развѣ вы никогда не влюблялись? спросилъ молодой человекъ, ощущеніямъ невыразимое удовольствіе въ такой интимной бесѣдѣ съ знаменитымъ Тарахтинымъ и съ нетерпѣніемъ ожидая отвѣта.

Тарахтинъ позвалъ лакея, приказалъ убрать со стола и подать новую бутылку шампанскаго, очистилъ мандаринъ и, бросая его душистые ломтики въ свой бокалъ, предложилъ молодому человеку послѣдовать его примѣру. А самъ подошелъ къ открытому окну, поднялъ бѣлую штору; въ комнату ворвалась струя свѣжаго воздуха, потянувшая и Панченка къ окну...

(Продолженіе будетъ).

Литературныя бесѣды.

„Герой нашего времени“, Лермонтова.

Знаменитый романъ Лермонтова, „Герой нашего времени“, представляетъ собою гениально художественное произведеніе, въ смыслѣ формы почти совершенное. То, что онъ состоитъ изъ ряда какъ бы отдѣльныхъ повѣстей, связанныхъ между собою только главнымъ героемъ Печоринымъ, не только не нарушаетъ его единства, цѣлостности впечатлѣнія, но способствуетъ ему, усиливаетъ его. Каждую отдѣльную повѣсть Печоринъ ставитъ въ новое, своеобразное положеніе, окружается другими людьми и другою жизнью, и на новомъ фонѣ каждый разъ выдѣляется рѣзко и своеобразно новыми черты его характера, его свойства. И въ концѣ концовъ вся фигура героя, какъ живая стоитъ передъ читателемъ, раскрывая передъ нимъ самыя сокровенныя тайны своей душевной жизни. Вы узнаете Печорина съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ,—и въ его отношеніяхъ къ простому и доброму Максиму Максимовичу, и къ дикарѣкѣ Бэлѣ, и къ такъ-называемому „образованному“ обществу, и къ таинственному будущему, къ „судьбѣ“ (въ „Фаталистѣ“), и къ самому себѣ. Случайный пріемъ этотъ, который выбралъ Лермонтовъ для изображенія современнаго ему человека, далъ ему возможность съ необыкновенною силой развить свое знаніе человеческой души, какъ оно проявилось въ тогдашнемъ поколѣніи. Съ меньшою, конечно, разносторонностью и глубиной, но съ той же яркостью и правдой изобразилъ Лермонтовъ и всѣхъ остальныхъ лицъ своего романа; всѣ они становятся знакомы вамъ близко и понятны. Съ какою простотой и въ то же время правдой схваченъ типичный характеръ Грушницкаго! Какъ трогательно бѣдная княжна Мери, послужившая игрушкой для печоринскаго безсердечія! Въ романѣ своемъ Лермонтовъ проявилъ всю силу своего великаго, гениальнаго поэтическаго творчества.

Художественное значеніе „Героя нашего времени“, такимъ образомъ, совершенно ясно и опредѣленно. Но того же нельзя сказать объ общественномъ значеніи романа. Нравственный смыслъ того явленія, которое Лермонтовъ отразилъ въ Печоринѣ, не ясенъ читателю, ускользаетъ отъ него. И это настолько вѣрно, что и критика, въ теченіе долгаго періода времени послѣ того какъ романъ былъ написанъ, не нашла вѣрной и опредѣленной точки зрѣнія, съ которой слѣдуетъ смотрѣть на Печорина. Подкупленные художественною красотой романа, не нашли критическаго, разумнаго отношенія къ герою и читатели; и въ беллетристической литературѣ того времени, когда романъ Лермонтова сталъ всѣмъ извѣстенъ, тянется длинный рядъ подражаній, причемъ Печоринъ является лицомъ „увлекательнымъ“, настоящимъ героемъ. И въ обществѣ тогдашнемъ, естественно, вслѣдъ за литературою, появились подражатели Печорину, облаквашіеся въ таинственность, представлявшіе изъ себя людей томимыхъ таинственными страданіями, которыхъ не можетъ понять холодная толпа.

Были, конечно, и тогда простые люди, которыхъ здравый умъ и человѣчное сердце приводили къ отрицательному отношенію къ Печорину, къ осужденію его страшнаго эгоизма, ничѣмъ не оправдываемаго высокомерія, холодности, почти жестокости въ отношеніяхъ къ ближнимъ и пр. Но общее сужденіе было не таково. Даже тогдашній знаменитый кри-

тикъ Бѣлинскій привѣлъ Печорина подъ свою защиту и страстно напалъ на осуждавшихъ его. Смыслъ его защиты заключался въ томъ, что Печоринъ не хуже другихъ, лицемерныхъ только, но не болѣе нравственныхъ людей; за то же онъ отличается необычайною искренностью, самоосужденіемъ, знаніемъ того, что въ немъ хорошо и что дурно, безпристрастнымъ анализомъ своихъ недостатковъ и полнымъ отсутствіемъ стремленія представить свои дурныя свойства въ хорошемъ свѣтѣ, въ качествѣ добродѣтелей, если возможно, какъ это обыкновенно дѣлается большинствомъ людей. Развитие этихъ свойствъ въ Печоринѣ Лермонтовъ приписывалъ образованности, давшей герою такія преимущества надъ окружающими. Дѣйствительно, сильный умъ Печорина, развитый образованіемъ, имѣетъ подкупающую силу, и особенно долженъ былъ имѣть ее для Бѣлинскаго, страстнаго сторонника европейской образованности.

Увлеченіе Печориннымъ не могло долго удержаться, и критики позднѣйшіе отнеслись къ нему уже иначе. Нѣкоторые изъ нихъ зачислили Печорина въ число паразитовъ общественныхъ, людей бесполезныхъ для общества, съ ихъ таинственныи, никому не нужными страданіями внутри себя и зломъ внѣ, по отношенію къ окружающимъ. Аполлонъ Григорьевъ, этотъ поистинѣ великій критикъ періода послѣ Бѣлинскаго, высказалъ свое осужденіе Печорину и увлеченіямъ имъ въ болѣе опредѣленной и доказательной формѣ, хотя и въ нѣсколькихъ только словахъ. „Кто, спрашивалъ онъ, — въ настоящее время вѣрнѣе въ искренности Печорина, кто вѣрнѣе, что *хорошо*, въ высшемъ моральномъ смыслѣ, „высосать апельсинъ и бросить его“ (какъ выразился Печоринъ по поводу своихъ отношеній къ людямъ), — кто вѣрнѣе въ величіе улыбки Печорина при смерти Бэлъ, въ законность его обхожденія съ Максимомъ Максимычемъ, — кто способенъ сознаться въ раздѣлѣ этихъ мелочныхъ страданій весьма мелочнаго эгоизма? Надо было бы послѣдовательными, милостивыми государи, продолжаетъ Григорьевъ, — надобно, вѣстѣ съ исторіей сознаться, что „герой того времени“ умеръ и не воскреснетъ болѣе, что демонъ который мучилъ поэта — не тотъ который мучитъ насъ!..“ Аполлонъ Григорьевъ думалъ, что поколѣніе, котораго „грядущее или пусто, или темно“, было позади его, въ прошломъ, что оно „составилось подъ бременемъ познанія и сомнѣнія“ и отошло въ вѣчность, не оставивъ послѣ себя ничего. Григорьевъ, такимъ образомъ, отрицаетъ личную нравственную высоту характера Печорина, въ то время какъ вышеупомянутые критики отмѣчаютъ его общественную непригодность. Тотъ ореолъ, которымъ окружили современники Печорина, исчезъ быстро и безвозвратно.

Въ указанныхъ выше двухъ диаметрально противоположныхъ воззрѣніяхъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, господствуетъ односторонность. То, что Печоринъ дѣйствительно умнѣе толпы и несравненно образованнѣе, съ дѣйствительно развитымъ самосознаніемъ, не исключаетъ, конечно, возможности отнестись съ суровымъ осужденіемъ къ его необыкновенному эгоизму и безсердечному отношенію къ ближнему. Наконецъ, самъ авторъ, рисуя наиболѣе образованнаго человека своего времени такимъ въ нравственномъ смыслѣ несовершеннымъ

существомъ, не долженъ-ли былъ прямо указать на отрицательныя стороны именно „образованности“ этой, быть можетъ неправильно направленной или ложной? Простое соображеніе „Героя нашего времени“ съ извѣстной „Думой“, въ которой поэтъ съ горечью высказалъ свое отрицательное отношеніе къ современному ему поколѣнію, какъ нельзя болѣе подтверждаетъ эту мысль. „Время познаній“, какъ съ полною опредѣленностью говоритъ поэтъ, т. е. именно лучшей результатъ образованности, кажется ему тѣсно связаннымъ съ „сомнѣніями“, и поколѣніе, обремененное этимъ „бременемъ познаній и сомнѣній“, представляется ему фатально осужденнымъ „въ бездѣйствіи состариться.“ По всему смыслу „Думы“, поколѣніе, на которое „печально“ смотритъ поэтъ, потому кажется ему такъ безплоднымъ, что „жизнь его томитъ, какъ ровный путь безъ цѣли“, что оно „къ добру и злу постыдно равнодушно“, т. е. лишено строгихъ и опредѣленныхъ нравственныхъ принциповъ; потому-то оно и вянетъ „безъ борьбы“ въ началѣ поприща, ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви и пр. „Образованность“ Печоринская, во имя которой Бѣлинскій такъ страстно защищаетъ героя романа Лермонтова, какъ нужно думать, и была предметомъ критическаго отношенія поэта, и это обстоятельство ставитъ и критика, и современную ему публику, увлекавшуюся Печоринскимъ, въ положеніе неудобное и фальшивое. Печоринъ — истинное олицетвореніе тѣхъ чертъ, которыя, такъ сказать, теоретически выражены въ „Думѣ“. Именно постыдное равнодушіе къ добру и злу только одно и могло приводить къ злымъ поступкамъ, совершаемымъ Печоринскимъ при полномъ сознаніи ихъ гадости. Именно въ бездѣйствіи старѣется Печоринъ, волнуемый своими никому ненужными сомнѣніями, и не можетъ онъ не быть въ бездѣйствіи, потому что онъ ни во что не вѣритъ, ничему не видитъ цѣли, ни въ чемъ не находитъ смысла. Въ этомъ — его бѣда, противъ которой безсилно его искреннее и широкое самосознаніе, его образованность, да и само это безвѣріе дано ему именно этою „образованностью“, одною стороною и фальшивою. И слѣдовательно защищать Печорина во имя его образованности — трудъ неблагоприятный. Необходимо прибавить, что, въ смыслѣ отрицательнаго отношенія къ направленію тогдашняго русскаго образованія, Лермонтовъ

является продолжателемъ Пушкина, а его романъ — продолженіемъ „Евгенія Онегина“. Не даромъ даже всѣми вышшими чертами, начиная именами героев (Онегинъ и Печоринъ — оба отъ близкихъ другъ къ другу сѣверныхъ рѣкъ, Онеги и Печоры) и кончая всѣми подробностями, романы Пушкина и Лермонтова такъ схожи. Но Лермонтовъ только съ болѣею силой отмѣтилъ явленіе, поставивъ въ положеніе Онегина — человека сухого и злого, каковъ Печоринъ. И все значеніе зла вырастаетъ въ романѣ Лермонтова, выставляется рѣзче, результаты его грубѣе и печальнѣе. Само собой разумѣется, Пушкинъ и Лермонтовъ противъ „пстыднаго равнодушія къ добру и злу“, а не противъ образованія, чье-бы оно ни было, и лишь-бы оно было истинное образованіе, не приводящее къ столь печальнымъ результатамъ. Не возможно не замѣтить, что Лермонтовъ не безъ сочувствія относитъ къ своему герою; это сочувствіе объясняется тѣмъ, что, по его мнѣнію, все поколѣніе было жертвой недуга, олицетвореннаго въ Печоринѣ, и заслуживало состраданія.

Но является вопросъ: неужели-же все поколѣніе того времени, когда созданъ былъ „Герой нашего времени“, дѣйствительно было „равнодушно къ добру и злу“? Мы знаемъ, что тогда, напротивъ, возникало въ образованномъ обществѣ сильное идейное броженіе, готовились появиться Гоголь, Тургеневъ и весь рядъ крупныхъ дѣятелей, давшихъ Россіи великую литературу, были уже на сценѣ Бѣлинскій, Станкевичъ и пр. и пр. Слѣдовательно, суровый приговоръ Лермонтова, что „поколѣніе пройдетъ“ безъ слѣда, не бросятся въ камъ ни мысли плодovitой, ни гениемъ начатаго труда, является, если и оправданнымъ, то во всякомъ случаѣ не вполне. И потому на его романъ и на его „Думу“ должно смотрѣть какъ на субъективный анализъ, разборъ фальшиваго русско-европейскаго направленія жизни, которымъ, однако, не печерывалось *все* содержаніе тогдашней и умственной, и общественной русской жизни. Нѣтъ сомнѣній, что Пушкинъ и Лермонтовъ своими произведеніями дали понять фальшивыя стороны жизни и тѣмъ предохранили общество отъ безпріятственнаго ихъ развитія въ пень.

Арс. Введенскій.

Къ рисункамъ.

На Волгѣ у Саратова. (Рис. на стр. 801).

Прилагаемый рисунокъ составляетъ pendant къ помещенному въ № 28 *Нивы*, на стр. 705. Тамъ изображена выгрузка хлѣбныхъ кудей съ барокъ на берегъ и доставка ихъ берегомъ къ дальнѣйшему назначенію; здѣсь же мы видимъ самыя барки, на которыхъ кинитъ работа по выгрузкѣ. Вдали на берегу склады.

Водопадъ Гирвась. (Рис. на стр. 804).

Мы уже касались олонекскихъ водопадовъ или, вѣрнѣе, пороговъ, при описаніи такъ-называемаго Поръ-порога (№ 25 *Нивы*). Характеръ изображеннаго на стр. 804 водопада Гирвась еще болѣе приближается къ типу стремнины; какъ видно на рисунокѣ, русло въ нѣсколькихъ мѣстахъ перекается грядями тѣхъ гранитныхъ валуновъ, которые во множествѣ разсыяны по всей Финляндіи и сосѣдней съ нею Олонекской губерніи. Вода, стремясь черезъ нихъ или обходя ихъ, дробится каскадами, представляя чрезвычайно красивое зрѣлище, напоминающее Имагру или Кивачъ въ миниатюрѣ. На каменистой почвѣ береговъ растутъ только хвоя и мохъ, что придаетъ нѣсколько суровый колоритъ общей картинѣ.

Кіевъ. Входъ въ ближнія пещеры.

(Рис. на стр. 805).

Нива неоднократно давала подробныя описанія Кіева и святыхъ его, послѣдній разъ въ тысячную годовщину Крещенія Руси. Помѣщая теперь изображеніе входа въ ближнія пещеры, мы напомнимъ лишь — со словъ извѣстнаго *Путешествія къ Святимъ мѣстамъ русскимъ* — о цѣломъ рядѣ подвижниковъ, петлѣнныхъ мощи конхъ почіють подъ этими сводами. *Ближними* эти пещеры, ведущія начало отъ преподобнаго Антонія, удалившагося сюда въ болѣе полное уединеніе, называются въ отличіе отъ первоначальнаго мѣстопробыванія его съ братією, за которыми установлено названіе *дальнихъ пещеръ*, связанныхъ съ именемъ другаго великаго подвижника, сотрудника Антоніева, преподобнаго Θεодосія. Какъ извѣстно, тамъ первоначально ископалъ себѣ пещеру преподобный Антоній, основатель Кіево-Печерской обители, и провелъ въ ней 40 лѣтъ въ сообществѣ первыхъ двѣнадцати отшельниковъ, собравшихся въ его дальнія пещеры; но и это тихое сообщество тяготило жаждавшую болѣе глубокаго безмолвія душу его, дабы не нарушалась бесѣда его съ единымъ Богомъ, и вотъ преподобный удаляется изъ первоначальнаго пріюта на холмъ нынѣшнихъ ближнихъ пещеръ и проводитъ еще 12 лѣтъ въ новоископанной келліи. Здѣсь же находится и гробъ его. Отсюда разливалось по всей Руси духовное просвѣщеніе, наставленіе и всяческая помощь нуждавшимся. Въ прилежащей

гробу преподобнаго Антонія подземной церкви, въ открытыхъ ракахъ почіють мощи ископавшихъ ее: постника *Іоанна* и *Прохора*, прозваннаго *Лебедникомъ*, отъ травы, которою онъ единственно питался и прокормилъ народъ въ годну голода. Въ другой подземной церкви, примыкающей къ келліи святаго, почиваютъ мощи преподобнаго *Варлаама*, перваго игумена дальнихъ пещеръ, постриженнаго Антономъ изъ именитыхъ бояръ кіевскихъ. Далѣе, идущимъ отъ гроба пр. Антонія первою представляется *Іуліанія*, княжна Ольшанская, уже въ позднѣйшіе вѣка обрѣтенная подъ великою церковью лавры и поставленная въ пещерахъ на мѣсто успокоенія святиги Михаила, перваго митрополита Кіевского, когда онъ былъ перенесенъ въ соборную церковь Успенскую. Потомъ, два мученика *Василій* и *Теодоръ*, пострадавшие отъ корыстолюбиваго и жестокаго кн. Мстислава (сына Святослава), который сталъ требовать отъ нихъ сокровищъ варяжскихъ, будто бы открытыхъ ими въ пещерахъ, и даже собственноручно поразилъ Василія стрѣлою. Затѣмъ, одинъ изъ трехъ писателей Патерика Печерскаго, *Поликартъ*, первый священноархимандритъ Печерской лавры, чрезъ котораго потомство узнало великіе подвиги смиренно почивающихъ съ нимъ отшельниковъ. Подлѣ священноархимандрита покоится пресвитеръ *Даміанъ*, цѣлебникъ, постриженникъ пр. Θεодосія. Въ тѣсномъ переходѣ налѣво отъ церкви пр. Варлаама почіють 4 угодника: *Никодимъ*, просфорникъ печерскій, тридцать лѣтъ подвизавшійся въ своемъ благочестивомъ трудѣ, затворникъ *Лаврентій* и *Аванасій*, и *Эразмъ*, добровольно пожертвовавшій все свое имущество храму Божіей Матери. По другую сторону входа въ храмъ пр. Варлаама находится гробъ *Луки*, экономъ печерскаго, а недалеко отъ церкви, въ маломъ углубленіи, почиваютъ 4 отшельника: *Анатоль*, врачъ безмездный, начавшій свой христіанскій подвигъ еще при Антоніи и исцѣлившій самого Мономаха; два брата *Іоаннъ* и *Феофилаъ*, конхъ исторія связана съ житіемъ Святаго гробкопателя Марка и доступна разумѣнію лишь истинно вѣрующимъ; наконецъ, священномученикъ *Кукша*, просвѣтившій словомъ Евангельскимъ всю Вяцкую страну и тамъ умерщвленный стрѣлами дикихъ. Среди многочисленныхъ подвижниковъ, открыто или въ затворѣ почивающихъ по сторонамъ тѣснаго перехода, выдаются имена *Нектарія* и *Алексія* затворника, *Григорія* иконописца, *Сергія* послушливаго, *Саввы*, *Св. Меркурія*, епископа Смоленскаго, прославленнаго чудесами на родинѣ, *Пимена* многобогленнаго отъ самаго рожденія и до смертнаго часа, который, исцѣляя другихъ, самъ исцѣлился лишь предъ кончиною и обошелъ всѣ келліи, чтобы проститься съ братією; неподалеку отъ Пимена покоится въ окованной серебромъ ракѣ преподобный *Несторъ* лѣтописецъ, которому обязаны мы знаніемъ первоначальныхъ судебъ нашей родины. Рядомъ съ

Эдипъ и Антигона. Мраморная группа Шрёдера. Грав. Веберъ.

лѣтописцемъ поконится мученикъ *Евстратій*, который былъ взятъ въ плѣнъ половцами при разореніи лавры ханомъ Бонякомъ и проданъ съ другими 50-ю иноками печерскими корсунскому сурею, поддержавъ ихъ всѣхъ въ истинной вѣрѣ и самъ принявъ крестную смерть за исповѣданіе имени Господа Иисуса Христа предъ своимъ мучителемъ. Далѣе два затворника: *Эладій* и *Иеремія* прозорливый, обличавшій сокровенные помыслы братій. Еще далѣе два мученика: *Моисей*, родомъ Угринъ (венгръ), любимый отрокъ Св. страстотерпца кн. Бориса, отведенный въ плѣнъ польскимъ королемъ Болеславомъ и тамъ претерпѣвшій величайшія пытанія отъ одной знатной польки за любовь свою къ цѣломудрію; и *Іоаннъ* многострадалный, вкопавшій себя въ землю по самую грудь для умерщвленія нечистой страсти. Затѣмъ, вышеупомянутый *Маркъ* пещерникъ (гробкопатель), которому, по свидѣтельству Патерика, повиновались мертвые, ибо для нихъ трудился преподобный всю свою жизнь, ископавъ могилы усопшей братіи; и *Никола Святѣица*, сынъ князя Черниговскаго, внукъ Ярослава Великаго, принимавшій на себя самыя трудныя послушанія монастырскія и долго бывшій вратаремъ Св. Лавры. Подлѣ князя-инока улоконлся чудотворецъ *Григорій*, утопленный въ Днѣпрѣ своимъ родственникомъ, кн. Ростиславомъ, за то, что предсказалъ ему пораженіе отъ половцевъ. Въ узкомъ переходѣ, ведущемъ къ трапезѣ пр. Антонія, почіеетъ *Св. Амитій*, иконописецъ печерскій, прославленный многими исцѣленіями и помощью свыше при писаніи имъ иконъ; рядомъ съ нимъ *Стридонъ* просфорникъ печерскій, угасившій мантію своею пламя въ загорѣвшейся храмнѣ; персгы нетлѣнной руки его сложены православнымъ перстосложеніемъ крестнаго знаменія, что неоднократно приводило къ обращенію старообрядцевъ; черноризецъ *Арсенъ*, возблагодарившій Господа при утратѣ всего имущества, и еще нѣсколько отшельниковъ, жизнеописаніе коихъ вѣтъ въ Патерикѣ. Въ самой трапезѣ почіеетъ *Нифонтъ*, епископъ Новгородскій, великій труженикъ, прозванный отъ современниковъ иборникомъ земли Русской, ибо былъ примирителемъ князей и народа, и непрестанно странствовалъ по роднѣ со словомъ правды или мира. Но направленно отъ трапезы къ третьей подземной церкви, почиваютъ: *Св. Симонъ*, епископъ Суздальскій, вмѣстѣ съ Несторомъ трудившійся въ составленіи житій печерскихъ; исповѣдникъ *Онисифоръ*, *Никонъ*, третій житіеу Печерскій. Далѣе *Феофанъ* постникъ, *Макарій*, *Анастасій* діакопъ и *Авраамій* затворникъ, известные лишь по именамъ. Преддверіе третьей подземной церкви, подлѣ Варлаамовой, заканчиваетъ кругъ малыхъ пещеръ. Здѣсь почіютъ мощи пр. *Исаакія*, *Никона Сухога*, черноризца *Иліи*, прозваннаго *Муромцемъ* по мѣсту своего рожденія, и младенца *Іоанна*, сына варяга, убиеннаго идольскими жрецами еще до христіанства на Русѣ. Внутри же самой церкви покоятся: *Ефремъ*, епископъ Переяславскій, и *Титъ* пресвитеръ.

Необычный поклонникъ. (Рис. на стр. 809).

Земляки художника Андреотти, чью картину читатели найдутъ на стр. 809, говорятъ, что молодость — весна жизни. Въ эту счастливую пору весело и ясно смотрится на міръ, беззаботно бьется сердце и заставляеть биться другія сердца. Подъ чарами невольнаго общественнаго положенія, сближаются только потому, что они молоды. Таковы дѣйствующія лица въ картинѣ Андреотти. Красивый горожанинъ и милосивднѣйшій поселенка разговорились при случайной встрѣчѣ въ паркѣ: веселая улыбка свѣтится у обоихъ на лицахъ и незамѣтно бѣжитъ для нихъ время въ шутливой болтовнѣ...

Цыганскій таборъ на Кавказѣ. (Рис. на стр. 812).

Кто не встрѣчалъ на Русѣ великой цыгань, бродящихъ вдоль и поперекъ по ея простору? Веѣ знаютъ ихъ смуглыя и бѣлозубыя лица, съ курчавыми, черными волосами и блестящими, хитрыми глазами. Праздные, лѣнныя, въ лохмотьяхъ, они скитаются съ одного мѣста на другое, останавливаясь на нѣсколько дней и раскидывая свои шатры или повозки. Превосходное описаніе цыганскаго табора оставилъ Пушкинъ въ своихъ „Цыганахъ“, которыхъ онъ могъ наблюдать, живя въ Бессарабіи, гдѣ ихъ еще нынѣ насчитываютъ до 12-ти тысячъ.

Какъ вольность, веселье ихъ ночлеги
И мирный сонъ подъ небесами.
Между колесами телѣги,
Полузащипанныхъ коврами,
Горитъ огонь; семья кругомъ
Готовитъ ужинъ; въ чистомъ полѣ
Пасутся кони; за шатромъ
Ручной медвѣдь лежитъ на волѣ.
Все живо посреди степей:
Заботы мирныхъ семей,
Готовыхъ утромъ въ путь дальній,
И пѣсни женъ, и крикъ дѣтей,
И звонъ походной наковальни...

Прогулка римскаго патриція. (Рис. на стр. 813).

На раздолби небесъ свѣтитъ ярко луна,
И листки серебрятся оливою,
Дикой волнъ полно
Заходила волна,
Жемчугомъ убиралъ заливъ...

Въ такую ночь римскій патрицій, на своемъ расписномъ суднѣ, пахолодиль отдыхъ отъ дневныхъ трудовъ въ модномъ лѣтнемъ мѣстопребываніи — помпейскихъ окрестностяхъ.

„Эдипъ и Антигона“, мраморная группа Шредера.

(Рис. на стр. 817).

Судьбы Эдипа и его преданной дочери были излюбленною темой драматическихъ произведеній древней Греціи. Софоклъ посвятилъ Эдипу и дѣтямъ его три драмы. Эсхилъ и Эврипидъ также писали на эту тему трагедіи, которыя однако не дошли до насъ. Мѣнчскій еванскій царь, Эдипъ, невѣдомо себѣ убившій своего отца и жившійся на родной матери, въ міросозерцаніи древняго грека служилъ страшнымъ примѣромъ грознаго, неотвратимаго давленія судьбы, злаго рока. Узнавъ о совершенныхъ имъ, хотя и безсознательно, преступленіяхъ, Эдипъ выкалываетъ себѣ глаза и осуждаетъ себя на добровольное изгнаніе. Слѣпымъ, нищимъ старцемъ скитається онъ, водимый своею дочерью, Антигоною, изъ города въ городъ, и наконецъ приходитъ къ священной роцѣ Евменидъ въ Колонѣ, близъ Аѳинъ, гдѣ обрѣтаетъ душевный міръ и тихую кончину. Талантливый нѣмецкій скульпторъ изобразилъ его въ ту минуту, когда онъ какъ бы спрашиваетъ у дочери стихами Софокла:

Куда, скажи, слѣпаго старца чадо,
Въ какую область или градъ пришли мы?
Кто нынѣ встрѣтитъ скудною подачкою
Эдипа, безпріютнаго скитальца?

Обманутыя надежды. (Рис. на стр. 820).

Котята окружили кѣтку, которую кто-то чистилъ и, вѣроятно вызванный по дѣлу, второняхъ поставилъ на полу, надѣясь скоро вернуться. Прыгающая по жердочкамъ канарейка сначала привлекла вниманіе кисанекъ какъ двигающаяся игрушка, а затѣмъ пробудила и кровожадные охотничьи инстинкты. Но добратся до нея оказалось трудненько, работали-работали кисаньки со всѣхъ сторонъ, наконецъ опрокинули кѣтку на-бокъ, отъ толчка растворилась дверца... Казалось, дѣло въ шляпѣ—но не тутъ-то было: канарейка выпорхнула и какъ бы смѣется надъ разочарованными хищниками...

А. И. Штакеншнейдеръ. (Портр. на стр. 821).

8 августа 1890 года исполнилось 25 лѣтъ со дня кончины профессора архитектуры Андрея Ивановича Штакеншнейдера. Отецъ его имѣлъ въ арендѣ, въ 5-ти верстахъ отъ Гатчины, водяную мельницу на рѣкѣ Пудости, и тамъ, въ 1802 году, февраля 22, родился Андрей Ивановичъ, младшимъ сыномъ многочисленной семьи, и провелъ первые годы своего дѣтства. Двѣнадцати лѣтъ былъ онъ отданъ въ Академію Художествъ и, окончивъ въ ней курсъ со званіемъ архитектора, въ 1821 г. поступилъ на службу, сперва въ Комитетъ для строеній и гидравлическихъ работъ, а затѣмъ, въ 1825 г., въ комиссію постройкіи Исаакиевскаго собора, при архитектурѣ рисовальщикомъ, гдѣ и оставался до 1831 г. Около этого времени познакомился онъ съ генераломъ, впоследствии графомъ, Бенкендорфомъ, который пригласилъ его въ свое имѣніе Фаль, близъ Ревеля, и поручилъ ему постройку дома и прочихъ зданій въ этомъ имѣніи, на освященіи коихъ присутствовалъ императоръ Николай Павловичъ. Бенкендорфъ представлялъ государю молодого художника, назвавъ его при этомъ творцемъ всего возведеннаго и чѣмъ восхищался государь. Николай Павловичъ облакалъ А. И. Штакеншнейдера и тутъ же приказалъ князю П. М. Волконскому зачислить его придворнымъ архитекторомъ. Штатнаго мѣста при большомъ Дворѣ тотчасъ не оказалось, и только въ 1833 г. онъ былъ назначенъ архитекторомъ ко Двору Великаго Князя Михаила Павловича; первую постройку его на этомъ мѣстѣ былъ домъ для садовника на Каменномъ островѣ, уцѣлѣвшій въ томъ же видѣ и нынѣ. Но и государь не забывалъ художника, и уже въ 1835 г. Штакеншнейдеръ перестроилъ на Знаменской дачѣ комнаты для императрицы Александры Феодоровны, а въ 1837 г. выстроилъ въ Петергофѣ Николаевскій сельскій домикъ. Въ томъ же году ѣздилъ онъ за-границу и прожилъ около года въ Италіи, побѣтивъ также многіе большіе города Европы.

По возвращеніи въ Россію онъ продолжалъ свою художественную дѣятельность, и на перечисленіе всѣхъ его работъ здѣсь не достало бы мѣста. Назовемъ главныя. Въ Петербургѣ: Мариинскій дворецъ, у Синяго моста, гдѣ нынѣ помѣщается Государственный Совѣтъ, дворцы Великихъ Князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича, Государственный Совѣтъ и Комитетъ Министровъ въ старомъ Эрмитажѣ и тамъ же мраморная лѣстница и зала малаго Эрмитажа, часовня на

Николаевскомъ мосту; въ Петергофѣ: острова Ольгинъ, Царичинъ и Озерки, искусственныя развалины, церковь и бельведеръ на Бабигоискихъ высотахъ, мельница, сельскій домикъ, новая ферма. Въ Сергѣевкѣ построилъ онъ дворецъ и морскую церковь; въ Знаменкѣ — оражереи; въ Стрѣльнѣ перестроилъ дворецъ. Оранда, на южномъ берегу Крыма, нынѣ сгорѣвшая, построена по его проекту и подъ его руководствомъ.

Изъ частныхъ зданій построилъ онъ въ Петербургѣ домъ князя Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, что нынѣ дворецъ Вел. Кн. Сергѣя Александровича, и дачу на Крестовскомъ островѣ, а также домъ графа Кушелева у Симеоновскаго моста, нынѣ перестроенный; ему же принадлежитъ церковь у Сергѣевского монастыря близъ Стрѣльны. Столовая зала въ Зимнемъ дворцѣ, устоявшая въ 1880 г. при злодѣйскомъ покушеніи ее взорвать, принадлежитъ также къ его работамъ.

Окончивъ постройки дворцовъ Вел. Кн. Николая и Михаила Николаевичей, А. И. Штакеншнейдеръ большихъ работъ больше не предпринималъ, разстроивъ многолѣтними трудами свое

здоровье, и оставался лишь профессоромъ при Академіи Художествъ, а въ 1865 г. скончался, 63 лѣтъ, въ Москвѣ, проѣздомъ изъ Самарской губерніи, гдѣ лѣчился кумысомъ, на мызу свою, близъ Гатчины, гдѣ родился, но гдѣ не суждено ему было умереть.

Эта мыза — та самая Гатчинская мельница, что нѣкогда арендовалъ его отецъ и гдѣ, 5 ноября 1796 г., находился Великій Князь Павелъ Петровичъ съ супругой своею Маріей Теодоровной, когда гонецъ изъ Петербурга явился доложить ему, что императрица Екатерина кончается. Будучи Великимъ Княземъ и живя въ Гатчинѣ, Павелъ Петровичъ часто прѣзжалъ съ Великой Княгиней на мельницу и останавливался въ домѣ отца А. И. Штакеншнейдера. Въ его семействѣ еще цѣль диванъ, на которомъ государь любилъ отдыхать. Такъ и 5 ноября 1796 г. были они тамъ и за завтракомъ разсказывали знаменательные сны, которые снились имъ въ предшедшую ночь, будто невидимая сила ихъ вознеситъ къ небу.

Воцарившись, Павелъ Петровичъ подарилъ мельницу съ домомъ и со всею удобными ей арендатору.

Разныя извѣстія.

Военное и морское дѣло.

— На предстоящихъ, въ Высочайшемъ при- сутствіи, навро-красносельскихъ маневрахъ, команду маневрирующими корпусами Государю Императору благоугодно было возложить: западнымъ — на генералъ-адъютанта Манзее и восточнымъ — на генералъ-лейтенанта Данилова. Главнымъ посредникомъ Его Императорское Величество соизволило избрать Великаго Князя Владиміра Александровича.

Общее предположеніе для маневровъ войскъ красносельскаго, ямбургскаго и усть-ижорскаго лагерныхъ сборовъ въ 1890 году заключается, по сообщенію *Русск. Инв.*, въ слѣдующемъ. Западный корпусъ, высадившись въ Нарвскомъ заливѣ и базирясь на флотъ, наступаетъ съ цѣлью овладѣть Петербургомъ. Восточный корпусъ — прикрываетъ Петербургъ. Для достиженія поставленныхъ цѣлей командующимъ корпусамъ предоставляется полная свобода маневрированія, причемъ только въ случаѣ ночныхъ дѣйствій имъ слѣдуетъ о томъ предупредить главнаго посредника. Опредѣленіе первоначальнаго расположенія отрядовъ и условій обстановки, регулированіе общаго положенія, назначеніе времени для начала движеній и приостановка сущаго маневрированія, въ зависимости отъ успѣха дѣйствій сторонъ, входятъ въ кругъ обязанностей главнаго посредника. Дневка назначается послѣ двухдневнаго маневрированія. Общій отбой, для окончанія большихъ маневровъ, послѣдуетъ по особому о томъ Высочайшему повелѣнію.

— Какъ извѣстно, въ августѣ должны состояться морскіе маневры, планъ которыхъ уже утверждёнъ Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Генераль-Адмираломъ Алексѣемъ Александровичемъ. Его Императорское Высочество Генераль-Адмиралъ, какъ сообщается въ *Кронштадтскомъ Вѣстникѣ*, избралъ главнымъ судьей на маневрахъ вице-адмирала В. П. Шмидта, а посредниками капитановъ 1-го ранга К. Н. Назимова и К. К. Деливрона 1-го, изъ нихъ первого на нападающую эскадру, второго — на обороняющуюся.

— Въ Севастополь 27 іюля прибылъ броненосецъ „Синолъ“, на которомъ въ пути лопнула паропроводная труба. Черезъ три часа по выходѣ броненоснаго корабля „Синолъ“ изъ Одессы, при переводѣ пара изъ одного котла въ другой, переводная труба лопнула. Шесть нижнихъ чиновъ и мичманъ князь Хилковъ получили сильныя обжоги и вскорѣ скончались въ пути; одиннадцать чело- вѣкъ нижнихъ чиновъ, изъ нихъ четверо тяжело раненыхъ, снаны въ здѣшній госпиталь.

Промышленность и сельское хозяйство.

— Въ послѣднее время получены довольно благоприятныя извѣстія о ходѣ мурманскихъ рыбныхъ промысловъ. Занимавшіеся ловомъ рыбы въ предѣлахъ Норвегіи, русскіе промышленники заработали тамъ за время весны отъ 35 до 70 руб. на каждаго ловца. Къ

іюню мѣсяцу они возвратились въ свои становища на русскомъ мурманскомъ берегу. Остававшіеся же на Мурманѣ, въ становищахъ Вайдогубѣ, Тириберкѣ и другихъ, промышленники на 102 промысловыхъ судахъ добыли за время весны по 10-е іюня: трески 25,384 п., пикшу 5,499 пуд., палтусины 2,302 пуд. и зубатки 943 п., всего, по существовавшему тогда на мѣстѣ цѣнамъ, на сумму до 19,000 р. Для производства лѣтняго промысла, въ первыхъ числахъ мнущаго іюня, прибыли на Мурманъ крестьяне изъ Онежскаго и Кемскаго уѣздовъ. Уловы были удачны и наживки (мойвы и песчанки) оказалось достаточно. Въ настоящее время, по словамъ *Арх. Губ. Вѣд.*, отправляются въ Балтійскіе порты въ Мурманскаго берега нагруженныя рыбою суда поморовъ: шхуна „Поморъ-Василій“, принадлежащая крестьянину Сорочкой волости И. Дудину, съ грузомъ въ 9,250 пудовъ, шхуна „Село-Ковда“ крестьянина М. Клементьева, съ грузомъ въ 11,580 пуд., корабль „Дагмара“ колониста А. Савина, съ грузомъ въ 16,000 п., шхуна „Св. Владиміръ“ крестьянина И. Кочина, съ 10,700 п., и корабль „Св. Іоаннъ“ сумскаго мѣщанина И. Демидова, съ грузомъ въ 16,400 пуд. Всего, такимъ образомъ, отправляется съ Мурманъ въ Балтійскіе порты разной рыбы около 64 тыс. пудовъ.

— Городъ Елецъ, Орловской губерніи, служить центромъ таготивна хлѣбныхъ грузовъ изъ восьми сосѣднихъ уѣздовъ губерніи: Орловской, Воронежской и Тамбовской. Кроме того, этому городу и съ болѣе отдаленными мѣстностями приходится имѣть постоянную дѣловую связь по призову и отзову хлѣбныхъ товаровъ. Поэтому, какъ сообщается въ *Моск. Вѣд.*, къ Ельцу стекаются съ разныхъ мѣстъ точныя свѣдѣнія о результатахъ новаго урожая. Судя по свѣдѣніямъ, полученнымъ за послѣдніе дни, общій урожай всѣхъ трехъ полей черноземнаго края Россіи оказывается значительно ниже, нежели ожидали при началѣ уборки. Двѣ недѣли жаровъ въ концѣ іюня и началѣ іюля, когда термометръ показывалъ до 45 и даже до 47 градусовъ выше нуля, на 20 и 25% понизили количество и качество урожая. Рожь вся вообще оказывается малоулоотной, особенно болѣе поздняго сѣва. Захватъ отразился на озимыхъ и яровыхъ пшеничныхъ сортахъ. Пшеница вся вообще и натурою и цвѣтомъ зерна значительно уступаетъ прошлогодней; ея поздній сѣвъ оказывается съ весьма незначительнымъ умолотомъ. Захватъ подвергся и лучший хлѣбъ въ настоящемъ году — овесъ. Овесъ далъ отъ 12 до 22 копенъ, но поздній сѣвъ, вмѣсто обычныхъ 12—13, даетъ только по 6—8 мѣръ изъ конны. Большая часть гречихи погнбла; осенняя готова къ уборкѣ, но имѣетъ очень мало зерна; поздній сѣвъ ожилъ послѣ дождей и цвѣтеть, но удолетворительнаго урожая не обѣщаетъ.

Торговля.

— Въ настоящее время окончено сооруженіе въ Одессѣ элеватора юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ, на Тираспольской заста-

вѣ. Одесскій элеваторъ является первымъ сооруженіемъ подобнаго рода на югѣ Россіи и представляетъ интересъ какъ въ техническомъ отношеніи, такъ и по тому коммерческому значенію, какое онъ долженъ имѣть для хлѣбной торговли. Сооруженіе юго-западныхъ дорогъ представляетъ собою собственно зернохранилище, съ элеваторами для подъема зерна.

— Въ нынѣшнемъ году въ Одессу будетъ доставлено столько чайныхъ грузовъ, сколько до сихъ поръ никогда не доставлялось. Кроме прибывшихъ уже четырехъ пароходовъ съ чаемъ, на которыхъ привезено около 400 тысячъ пудовъ чая, ожидается еще четыре парохода, такъ что въ общемъ количество чайныхъ грузовъ составитъ до 800,000 пудовъ. Изъ общаго количества чая, въ Одессѣ останется всего лишь 5 проц., т. е. около сорока тысячъ пудовъ, все же остальное будетъ отправлено въ Москву. Что касается качества чая, то въ нынѣшнемъ году онъ, по сообщенію *Новор. Телеф.*, несравненно лучше прошлагодняго, хотя на 20 проц. дороже.

Литература и наука.

— Помощники статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта, баронъ Искуль и Воеводскій, имѣли счастье поднести Его Императорскому Величеству экземпляръ составленнаго ими труда „Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 12 іюня 1890 года и дополнителныя постановленія объ отдѣльныхъ отрасляхъ дѣятельности земства“. По всенеподданнѣйшему о семъ докладу Командующаго Императорскою Главною Квартирою, генераль-адъютанта Рихтера, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: „*благодарить*“.

— Недавно профессоръ Новороссійскаго университета А. О. Ковалевскій посѣтилъ гор. Севастополь, съ цѣлью организаціи тамъ биологической станціи. Въ настоящее время мѣсто для станціи, какъ сообщается въ *Крымск. Вѣстн.*, уже намѣчено на такъ называемомъ Павловскомъ мыскѣ. Зданіе станціи будетъ 3-хъ этажное: въ нижнемъ этажѣ будетъ помѣщаться акваріумъ и бассейны, въ среднемъ — лабораторія и рабочія кабинеты съ акваріумами по неаполитанской системѣ; въ третьемъ этажѣ будетъ находиться библиотека, музей, квартира завѣдывающаго, и проч. Главнымъ фондомъ для постройки биологической станціи служить пожертвованный г-мъ Бодиско капиталъ въ 5,000 руб.; остальная же сумма для постройки собирается изъ частныхъ пожертвованій.

Городскія вѣсти.

— 1 августа, С.-Петербургскій Зоологическій садъ праздновалъ двадцатипятилѣтіе своего существованія. Этотъ садъ достаточно извѣстенъ жителямъ Петербурга, какъ одно изъ любимѣйшихъ увеселительныхъ мѣстъ, ежегодно привлекающее въ лѣтнее время массу публики. Тѣмъ не менше, С.-Петербургскій Зоологическій садъ отнюдь не имѣетъ характера исключительно увеселительнаго заведенія. Въ немъ сосредоточена огромная коллекція раз-

Обманутая надежды. Рис. Пейкье, грав. Нешпръ.

личных видовъ звѣрей, птицъ, пресмыкающихся и земноводныхъ, приносящая не малую пользу распространеніемъ свѣдѣній по естество-

знанію. Дирекція сада всегда прилагала старанія, чтобы сохранить за нимъ, главнымъ образомъ, его образовательное значеніе, и не жа-

лѣла издержекъ на возобновленіе и увеличеніе коллекцій, постоянно знакомя публику съ новыми видами животныхъ.

Политическое обозрѣніе.

„За послѣднія пять лѣтъ всеобщее политическое положеніе вещей никогда не представляло такъ мало интереса, какъ въ настоящее время. Причиной того является установившееся почесуду миролюбивое настроеніе. Всѣ народы искренне желаютъ мира и заботятся объ его сохраненіи“. Такую характеристику переживаемаго времени сдѣлалъ 25 іюля маркизь Солсбери въ Меншенъ-гаузѣ, на традиціонномъ банкетѣ, который ежегодно даетъ министрамъ лордъ-мэръ Лондона, накануне окончанія парламентской сессіи.

Въ это безынтересное по своему спокойствію время самымъ выдающимся событіемъ надо признаться недавнее посѣщеніе Германскимъ императоромъ Англій и его настоящую побѣдку въ Россію. Путешествія эти предприняты, по словамъ нѣкоторыхъ заграничныхъ газетъ, съ тою же цѣлью — отнимающею интересъ у событий, по словамъ Солсбери — съ цѣлью поддержанія мира. По крайней мѣрѣ брюссельскимъ газетамъ сообщаютъ изъ оффіціознаго, повидимому, источника, будто на фамиліиномъ обѣдѣ въ Остенде императоръ Вильгельмъ сказалъ королю Леопольду, что европейскій миръ обезпеченъ на много лѣтъ. „Пока я буду царствовать — призовокушилъ, будто бы, буквально императоръ — до тѣхъ поръ я буду непрестанно трудиться надъ дѣломъ сохраненія мира“. Далѣе, помѣщенное въ правительственныхъ бельгійскихъ газетахъ оффіціозное сообщеніе утверждаетъ, что императоръ Вильгельмъ, желая мира, полагаетъ, что миръ долженъ быть обезпеченъ уваженіемъ правъ всѣхъ и что это должно быть политикою всѣхъ государей.

Побѣдка въ Англію не была лишена той же подкладки, и нѣкоторые полагаютъ, что была сдѣлана попытка привлечь Великобританію къ тройственному союзу. Относительно послѣдняго обстоятельства брюссельскій *Nord*, обсуждая посѣщеніе императоромъ Вильгельмомъ королевы Викторіи въ Осборнѣ, говоритъ, что можно допустить возможность тѣсной дружбы между Англійей и Германіей, но нельзя вѣрять ни существованію англо-германскаго договора, ни присоединенію Англій къ тройственному союзу, такъ какъ это было бы противно всѣмъ британскимъ традиціямъ. Съ этою оговоркою, англо-германскую дружбу можно де признать за благо и за гарантію мира.

Побѣдка въ Россію императора Германіи, въ сопровожденіи блестящей свиты и имперскаго канцлера, вызвала не мало оживленныхъ и разнорѣчивыхъ толковъ, особливо въ Австро-Венгріи. Посѣщеніе императоромъ Вильгельмомъ Россіи, пишутъ въ *Pester Lloyd*, имѣетъ во всякомъ случаѣ выдающееся значеніе и ему далеко нельзя приписывать чисто личный характеръ; но было бы пустою болтовнею утверждать, что предстоящее свиданіе поведетъ къ важнымъ соглашеніямъ и откроетъ европейской политикѣ новыя перспективы. Одно не подлежитъ сомнѣнію, а именно, что въ тройственномъ союзѣ никакихъ переизмѣнъ не произойдетъ. Если удастся укрѣпить Россію въ ея миролюбивыхъ намѣреніяхъ, то тѣмъ лучше, но оплотъ мира, воздвигнутый союзомъ, независимъ отъ какихъ бы то ни было явленій текущей политики“.

На пути изъ Англій въ Германію императоръ Вильгельмъ побывалъ на Гельголандѣ, только что присоединенномъ къ

имперіи. На островъ новый повелитель его прибылъ 29 іюля и былъ встрѣченъ министромъ, статсъ-секретаремъ Беттихеромъ, который прибылъ еще въ субботу на военномъ судѣ для принятія острова во владѣніе Германіи, властями, многочисленною пріѣзжею публикою и туземнымъ населеніемъ. Послѣднее восторженно привѣтствовало своего новаго владителя. Затѣмъ, на открытомъ полѣ, въ присутствіи властей, экипажа германскихъ военныхъ судовъ и народа, происходило богослуженіе, по окончаніи котораго и послѣ краткой рѣчи императора былъ поднятъ на островѣ германскій флагъ и отсалютованъ всѣми стоящими на рейдѣ военными судами. Пропустивъ

мимо себя флотскіе экипажи, императоръ принялъ поднесенный ему гельголандцами всеподданнѣйшій адресъ. Между прочимъ, при раздачѣ паролъ германскимъ морскимъ войскамъ на Гельголандѣ, императоръ Вильгельмъ произнесъ рѣчь, въ которой поминувъ день боя подъ Вертомъ, когда родителю его сдѣлалъ первый ударъ молоткомъ при закладкѣ Германской имперіи. Затѣмъ императоръ указалъ на то, что онъ безъ борьбы и кровопролитія присоединяетъ къ отечеству послѣдній участокъ германской земли — островъ Гельголандъ. Прізвание этого острова — прибавилъ императоръ — ставъ ололомъ для германскихъ рыболововъ, охраняемымъ пунктомъ для Германскаго флота и твердынею Нѣмецкаго моря. За даннымъ вслѣдъ за тѣмъ завтракомъ императоръ высказалъ ту мысль, что еще въ 1873 г., посѣтивъ Гельголандъ, онъ выразилъ надежду, что островъ этотъ станетъ германскимъ. „Мнѣ хочется — сказалъ императоръ — выпить этотъ бокалъ за королеву Викторію, которой мы обязаны тѣмъ, что Гельголандъ снова сдѣлался германскимъ. Съ высокою мудростью и дальновидностью правитъ королева своей страной и придаетъ большую цѣну дружбѣ со мною и моимъ народомъ“. Слова эти

Андрей Ивановичъ Штанкеншнейдеръ, проф. архитектуры. (По поводу 25-лѣтія со дня кончины.) Съ фот. грав. Шюблеръ.

императоръ заключилъ возгласомъ „Noch“ въ честь королевы. Послѣ угощенія со стороны населенія, нѣмецкіе моряки оиать отравились на свои суда, и въ четвертомъ часу пополудни императоръ Вильгельмъ отбылъ въ Вильгельмсгафенъ.

Наканунѣ, 28 іюля, въ *Имперскомъ Указателѣ* напечатанъ императорскій указъ, коимъ постановляется, что островъ Гельголандъ, до регулированія, согласно конституціи, его положенія, будетъ управляться имперскимъ канцлеромъ отъ имени императора на основаніи дѣйствующихъ законовъ, причѣмъ будетъ принята во вниманіе существующая административная организація.

Имперскій канцлеръ объявляетъ, что управленіе портомъ и техническими морскими сооружеженіями острова Гельголанда возложено на капитана Гейзе, которому присвоенъ титулъ губернатора, управленіе же гражданскими и судебными дѣлами поручено тайному совѣтнику Вермуту, которому присвоенъ титулъ имперскаго комисара.

Это новое приобрѣтеніе, однако, не всѣхъ приводитъ въ восторгъ и умленіе. Такъ напримѣръ, *Kölnische Zeitung* замѣчаетъ: „Намъ, нѣмцамъ, трудно будетъ забыть о жертвахъ, которыя пришлось принести въ обмѣнъ Гельголанда! But it is done, all words are idle“ (Но это сдѣлано и слова дѣлу не помогутъ).

Библиографія.

Регель, Э. *Содержаніе и воспитаніе растений въ комнатахъ* Ч. II. В. II. Изд. 2-е. К. Риккера. СПб. 1890. 8°.

Настоящій трудъ г. Регеля предназначенъ главнымъ образомъ для любителей комнатнаго садоводства. Комнатному са-

доводству отведена полностью вся первая часть вышеупомянутого сочиненія, а часть вторая содержитъ описаніе и культуру растений годныхъ для комнатъ и домашнихъ оранжерей. Книга снабжена множествомъ рисунковъ и указателями для справокъ.

Сапуновъ, А. Двинскіе или Борисовы камни. Витебскъ. 1890. 8°. Известный знатокъ Бѣлорусскаго края и его древностей, г. Сапуновъ издалъ свой новый, крайне интересный, трудъ о Двинскихъ камняхъ. Эти замѣчательные памятники Полоцкой старины не разъ уже обращали на себя внимание ученыхъ; еще въ XVI вѣкѣ польскій историкъ Стрыйковскій писалъ о нихъ, но всѣ свѣдѣнія о надписяхъ на этихъ камняхъ были передаваемы весьма неточно. Г. Сапуновъ даетъ подробное и точное описание этихъ надписей, вполне доказывающихъ, что Бѣлоруссія—страна назревшая русская и православная. Книга снабжена многими снимками и издана мѣстнымъ статистическимъ комитетомъ.

Народная библиотека. Прохожий. Святочный рассказъ Д. В. Григоровича. СПб. 1890. 8°.

С М Ъ С Ъ .

Наполеонъ I отличался большою впечатлительностью во всемъ, что касалось его лично. 9 октября 1807 г. былъ при дворѣ большой концертъ и балъ. Ожидали самого императора. Онъ дѣйствительно прѣѣхалъ въ назначенный часъ, занялъ приготовленное ему мѣсто и развернулъ программу. Затѣмъ, тотчасъ подошелъ маршала Дюрока и шепнулъ ему нѣсколько словъ на ухо. Маршалъ направился черезъ всю залу къ секретарю императорскихъ концертовъ Грегуару, на обязанности котораго лежало составленіе программъ, и сказалъ ему тономъ упрека: „г. Грегуаръ, его величество приказалъ мнѣ замѣтить вамъ, чтобы вы воздержались на будущее время отъ остротъ въ вашихъ программахъ“.

Бѣдный секретарь былъ пораженъ и не могъ понять, что означалъ разговоръ.

По окончаніи концерта и бала, императоръ уѣхалъ и оставилъ листокъ на своемъ креслѣ. Грегуаръ бросился къ программѣ, перчиталъ ее нѣсколько разъ, но не могъ понять, что именно послужило поводомъ къ упреку. Тогда Дюрокъ далъ ключъ къ загадкѣ, указавъ на заголовокъ афиши. Она начиналась словами: „Музыка императора“, и подъ ними, вмѣсто обыкновенной черты, Грегуару пришлось въ голову поставить рядъ точекъ, которыя постепенно увеличивались и затѣмъ снова уменьшались, такимъ образомъ:

.....

Могло-ли кому-нибудь придти въ голову, что императоръ увидитъ въ этомъ невинномъ украшеніи намекъ на свое прошедшее, будущее и настоящее?

Время показало, что звѣзда Наполеона дѣйствительно все уменьшалась, пока не померкла совсѣмъ. Но неужели и тогда уже предчувствіе подсказывало великому человѣку, что именно готовить ему судьба? Удивительная впечатлительность его въ этомъ случаѣ довольно заставляетъ остановиться на такомъ предположеніи. (с.)

Заговоръ „на загодуданнѣ“ своихъ пчелъ и „отвращенія отъ своихъ пчелъ чужихъ“ сообщаетъ въ своихъ бѣглыхъ замѣткахъ малороссійскій этнографъ, г. Эварницкій. Этотъ заговоръ слышалъ онъ отъ одного 15-ти-лѣтняго пасѣчника с. Китовки, Екатеринославской губерніи. Настоящій пасѣчникъ, по словамъ „дѣда“, дѣлаетъ свое дѣло не спроста; первая и важнѣйшая задача его — какъ удержать рои въ собственной пасѣкѣ. Для этого берутся мѣры еще въ то время, когда пчелы вывозятся въ степь, впервые послѣ зимы. Пасѣчникъ укладываетъ ульи на гарбу, т. е. длинную, большую безъ лубковъ по бокамъ повозку, беретъ съ собой икону преподобныхъ чудотворцевъ соловецкихъ Зосимы и Савватія и отправляется въ извѣстное, заранѣе облюбованное мѣсто, обыкновенно гдѣ нибудь среди лѣса, въ глубокой балкѣ или среди поля въ густомъ кустарникѣ. По прѣѣздѣ на мѣсто, пасѣчникъ, прежде всего, ставитъ среди пасѣки въ особомъ деревянномъ, набитомъ на взсокую палку, кіотѣ икону преподобныхъ, затѣмъ вынимаетъ изъ гарбы деревянный шкворень, кладетъ его на землю подъ кіотомъ иконы и приговариваетъ: „Уже якъ сему древу свориню на пни не стояти, гиллѣмъ (вѣтвями) не шумити, листомъ не зеленити, такъ зъ моєй пасици моимъ роємъ до трехъ сутокъ изъ вихи (вѣжки) нигде не летити, чужихъ пасикъ, бартей и вуаливъ не шукати, а мене господаря дожидати; я васъ, рои мой, буду у пчельный горнь собирати; принесите, пчелы, воскъ Господеву на свичу, медъ на пищу“. Только послѣ этого пасѣчникъ ставитъ привезенные ульи по мѣстамъ и устраиваетъ для себя курень. Пчеламъ всякой пасѣки могутъ вредить чужія: послѣднихъ напускаетъ какой нибудь завистливый дидь, и тогда первымъ можетъ помочь только „знаючий“ дидь. Онъ, чтобъ спасти свою пчелу отъ нападенія на нее чужой, идетъ въ лѣсъ съ топоромъ и ищетъ въ немъ такого дерева, которое-бы имѣло отъ самаго корня три ствола, подобно луковцѣ съ тремя стеблями; вырубивъ съ корнемъ это дерево, „знаючий“ дидь приноситъ его въ пасѣку, кладетъ на землю у иконы преподобныхъ Зосимы и Савватія и причитываетъ: „Усытитесь, насланиці чужіи пчелы, на сыхъ трехъ древахъ и не сходите зъ нихъ, бо сіе древо со святого Зосимы и Савватія! Я васъ, чужіи пчелы, Божію помощію и дѣйствомъ святого Зосима и Савватія замовляю и заклинаю, одъ своихъ пчелъ одвертаю“. По этимъ словамъ дѣда чужія пчелы будто-бы садятся на трехствольное дерево и перестаютъ беспокоить „своихъ“ пчелъ. (в.)

Замѣчательный примѣръ долготѣія, по сообщенію *Волежскаго Вѣстника*, представляетъ проживающая въ Казани, въ в. Ягодной слободкѣ, на Смоленской улицѣ, въ собственномъ домѣ,

Издателю сочиненій Григоровича книгопродавецъ Мартынову пришла благая мысль, издать каждое сочиненіе отдѣльно и слѣдовательно сдѣлать ихъ доступными для большинства небогатыхъ читателей. Только что вышедшій рассказъ „Прохожий“ удостоенъ Комитетомъ Грамотности большой золотой медали имени Погоскаго, падающаго весьма изящно, украшенъ портретомъ автора и снабженъ предисловіемъ.

Электрическіе звонки. СПб. 1890. 8°.

Эта брошюра весьма полезна для желающихъ устроить домашними средствами электрическіе звонки въ квартирѣ. Кроме подробныхъ свѣдѣній, съ рисунками, объ устройствѣ звонка и его деталей, составитель книги даетъ адреса, гдѣ можно достать лучшіе матеріалы. Издана брошюра изящно и по цѣнѣ доступна.

старушка Феодосія Фоминишна Скворцова (она же Иванова), которой нынѣ пошелъ 112-й годъ отъ рождения. Бодрая не по лѣтамъ, она до сихъ поръ обладаетъ еще довольно хорошимъ зрѣніемъ и острою памятью. Феодосія Фоминишна живетъ вмѣстѣ со своей младшею дочерью, бездѣтною вдовой (старшія дѣти Скворцовой давно умерли), которая, не смотря на свои 65 лѣтъ, до сихъ поръ еще занимается стиркой бѣлья въ люди и продаетъ молоко отъ своихъ двухъ коровъ, предоставляя матери домашнюю стирню. (в.)

Замѣчательное художественное произведеніе доставлено недавно въ комитетъ по постройкѣ храма на мѣстѣ событія 17 октября 1888 г. Это шитый шелками на полотнѣ образъ Спаса Нерукотвореннаго. Ликъ Христа весь вышитъ тѣневыми шелками. Характеръ работы своеобразный; его нельзя назвать гладью, это скорѣй всего подражаніе гравюрѣ. Оригиналомъ служила фотографія, на которой не было имени автора картины; приписываютъ ее или Максусу, или Макаргу. Полотенце, на которомъ вышитъ образъ, сдѣлано изъ пеньковой чечунчи, фонъ изъ лиловаго манчестера, рама изъ золотого багета. Вверху надпись въ треугольничкѣ, шитая золотымъ шелкомъ: „Въ память 17 октября 1888 года“. Площадь фона въ ширину $\frac{3}{4}$ аршина, вышиной 7 аршинъ. Работа исполнена г-жею Теофановой. (в.)

Минералъ изъ породы лабрадорита открытъ около города Миргорода, Полтавской губерніи. (в.)

Анаграмма. Задача № 47.

Съ лица—покрытъ я бранной славой,
Другимъ примѣромъ я служу,
Изъ сѣчи долгой и кровавой,
Съ побѣдой громкой выхожу.
Съ *изнанки*—хитриць я лукавый,
Противный не однимъ очамъ,
Свершаю цѣлою оравой
Набѣгъ свой подлый по ночамъ.
Пичтожень я, а всѣмъ помѣха,
И вотъ уже который вѣкъ
Со мной воюетъ безъ успѣха,
Меня ругалъ, человекъ.

Ребусъ. Задача № 48.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. много-родныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Боголюбивые Христіане!

Новгородской губернии, Демьянскаго уѣзда, Тихвинскаго погоста, каменный храмъ въ честь Тихвинской иконы Божіей Матери, построенный въ 1789 году, по величинѣ своей и наружному фасадѣ представляетъ собою замѣчательную въ художественномъ отношеніи рѣдкость, — между тѣмъ какъ внутренность его находится въ крайне при-скромномъ для святаго мѣста состояніи. Такъ, весь онъ холодный и потому естественно отъ сырости, при такомъ давнемъ своемъ существованіи, въ немъ сильно пострадалъ главный величественный, изъ трехъ ярусовъ состоящій иконостасъ, живопись на иконахъ сильно испортилась, а во многихъ мѣстахъ и сліяла, такъ что на многихъ иконахъ не понять изображаемаго, штукатурка на стѣнахъ во многихъ мѣстахъ обвалилась, полъ угрожаетъ обрушиться, рамы, числомъ болѣе сорока, почти стисли; и все это требуетъ настоятельнаго, почти капитальнаго исправленія, съ устройствомъ сверхъ того и тѣлаго для зимняго времени прѣдѣла. Наконецъ, и ограда вокругъ церкви, стоявшая цѣлый вѣкъ, совершенно обветшала, а первый колоколь, прѣ-томъ и небольшой, отъ давности времени имѣетъ уже трещину и благовѣсть къ божественной службѣ для христіански-благочестиваго слуха производитъ неумилительно-пріятный. На исправленіе и приведеніе храма и его принадлежностей, а главное на устройство тѣлаго прѣдѣла, требуются значительныя денежныя средства, каковыхъ Тихвинскіе прихожане, при своей малочисленности съ одной стороны, а съ другой при отсутствіи заработковъ и частяхъ въ послѣдніе годы неурожая, не могутъ доставить Св. своему Храму при всемъ ихъ усердіи. Въ такой видной крайности мы невольно обращаемся къ Вамъ, благочестивые христіане, любящіе благодѣяніе дома Господня, съ нашею умиленною просьбою, помогите ему Храму отъ изгнанныхъ Вашихъ, для приведенія его въ подобающее святаго благоустройство, и обогатите насъ всеусердно о спасеніи нашемъ молитвою.

Помощь нашему Храму можно оказывать чрезъ избраннаго приходомъ сборщика Зетова или присылать по слѣд. адресу: Новгородской губернии, Демьянскаго уѣзда, чрезъ Велицкое волостное правленіе, священнику Тихвинской церкви, Петру Вознесенскому.

Священникъ **Петръ Вознесенскій.**
Церковный староста **Романъ Лукинъ.**

№ 4656

Во всѣхъ складахъ духовъ и во всѣхъ парикмахерскихъ въ Франціи и за границей.

LA VELOUTINE
Спеціальная рисово-висмутовая пудра.
CHA LES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

Ц. № 3767 (72)

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ И ФАБРИКА
музыкальныхъ инструментовъ
Андрей Емельяновичъ КУЛАКОВЪ
Главная контора и склады
Садовая улица, № 40,
въ С.-Петербургѣ.

Рекомендуетъ любителямъ музыки только что выпущенный музыкальный инструментъ **ПИАНО-МЕЛОДИКО**, представляющій собою въ миниатюрѣ, по звуку своему и тону, рояль или пианино и въ совершенствѣ достигающій ту гармонію и соединенія созвучій, которыя выливаются изъ-подъ пальцевъ самаго лучшаго пианиста, подъ аккомпаниментъ котораго могутъ смѣло танцовать до 100 паръ, такъ что пиано-мелодико, поставленный на столъ для сыгранія пьесъ передъ обществомъ, составляетъ истинное украшеніе зала; мелодичность звуковъ столь пѣжна и пріятна, что пиано-мелодико можетъ привести въ восхищеніе самаго лучшаго знатока и любителя музыки. **Цѣна 85 рублей;** пьесы отдѣльно по 75 коп. за метръ — 1½ аршина. **Требуйте подробное описаніе;** каталогъ пьесъ и иллюстриров. прейсъ-курантъ всѣмъ музык. инструментамъ высылаются безплатно. № 4352 3-1

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ
Франкфуртъ н/М. В. № 4387
ФАБРИКАНТЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ
„ОРЕЛЬ“. (10)
Вскаго рода двухъ- и трехъ- колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей. Составныя части и принадлежности. Ищутъ агентовъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 пфен. марками.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ
для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп., но безъ пересылки.
Пров. КИНУНЕНЪ.
Проситъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона, — пров. Кинуненъ. (31) № 4287
Главный складъ: С.-Петерб., Демидовъ пер., д. № 1.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.
Н. Н. Каразина. Изданіе 2-е. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Обращаться въ Контору журнала „Нива“, а также и ко всѣмъ известнымъ книгопродавцамъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Жизнь, какъ она есть. Романъ въ пяти частяхъ. Вас. И. Немировича-Данченко. Ч. III. (Продолженіе). — Первая гроза. Повесть Виктора Библикова. — Литературныя бѣды. „Герой нашего времени“, Лермонтова. — Къ рисункамъ: На Волгѣ у Саратова (съ рис.). — Водопадъ Гирвасъ (съ рис.). — Нивъ. Входъ въ ближнія пещеры (съ рис.). — Необычный поклонникъ (съ рис.). — Цыганскій таборъ (съ рис.). — Прогулка римскаго патриція (съ рис.). — „Эдипъ и Антигона“, мраморная группа Шредера (съ рис.). — Обманутыя надежды (съ рис.). — А. И. Штаненштейндеръ (съ портр.). — Разныя извѣстія. — Политическое обозрѣніе. — Библиографія. — Смѣсь. — Задачи. — О перемѣнѣ адреса. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Вышло изъ печати и поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новое изданіе **А. Ф. МАРКСА** въ СПб.:

ИСУСЪ

(сынъ Навина).

Повѣствованіе изъ библейскихъ временъ **ГЕОРГА ЭБЕРСА.**
Переводъ съ нѣмецкаго. (Право перевода приобрѣтено отъ автора).

Изящно изданный томъ въ 8^о (387 страницъ), отпечатанный на лучшей веленовой бумагѣ, краснымъ убористымъ шрифтомъ, съ 58-ю гравюрами въ текстѣ, исполненными по рисункамъ художника А. Земцова. СПб. 1890 г. Ц. 2 руб., съ перес. 2 р. 20 к.

Требованія проситъ адресовать въ СПб., въ контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

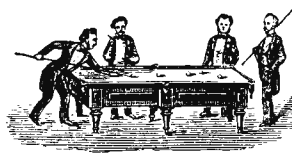
ФОНТАНЫ И ФИГУРЫ
3. ЛЕВНЪ
ПЕТРОВКА ДОМЪ МОСКВА.
ИЛЛЮСТРИРОВАН. ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ ЗА 3 ПОЧТ. Т. М. МАРК. И.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Вс. Соловьева.

Ром.-хрон. XVII вѣка, въ 3-хъ ч. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Безплатно каталогъ рѣдкихъ фотографій. Образцы съ пересылкой 5 рублей.
А. Димманъ. Амстердамъ (въ Голландіи).

БИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА

А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египетскаго моста, домъ № 7--2. 26—16

Иллюстрированные прейсъ-куранты по требованіямъ высылаются безвозмездно.

СIGARETTES ESPIC contre
ASTHME & CATARRHE
AUTORISEES PAR LE GOUVERNEMENT RUSSE
Le pôt général: **STOLL & SCHMIDT**, à Saint-Peterbourg
Vente en gros: **J. ESPIC**, 20, rue Saint-Lazare, Paris.
Exiger la Signature sur chaque Cigarette.

РЕАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ

К. К. МАЗИНГА, въ Москвѣ,

между Воздвиженной и Знаменной, Ваганьковской переулковъ.

Пользуется всѣми правами казенныхъ реальныхъ училищъ и состоитъ изъ 6 основныхъ классовъ и химико-техническаго отдѣленія дополнительнаго класса. Во всѣ классы воспитанники принимаются приходильными и пансіонерами. Въ приготовительное отдѣленіе принимаются воспитанники съ 8 лѣтъ. Начало пріемныхъ экзаменовъ 8 августа, начало ученія 16 августа. Ц. № 46 3

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ, БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ Д-РА ЛЕНГИЯ

употребляется для бѣлизны кожи, лица и рукъ. Въ виду многихъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на припечатанную здѣсь охранительную марку и на подпись единственнаго агента **Василія Аурихъ**, въ С.-Петербургѣ, Колоколь-
ная, 18—19.

Цѣна: флакону 1 руб. 65 коп., бензоовое мыло 35 коп. и 50 коп. кусокъ, опо помада (лучше колѣдъ-крема) 1 руб. Упаковка и пересылка въ Европ. Россіи 70 коп., въ Азіат. 1 р. Имѣется во всѣхъ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. В. № 4407 12—11

Употребляемая въ С.-Петербургск. Воспитательномъ Домѣ МОЛОЧНАЯ МУКА

для вскармливанія грудныхъ дѣтей, суррогатъ материнскаго молока
Паров. фабр. **БЛИТКЕНЪ** и **РОБИНСОНЪ** въ СПб.
Единственныя агенты для Россіи: **ВАСИЛІЙ АУРИХЪ**,
Колокольная, 18 — 19, въ С.-Петербургѣ.

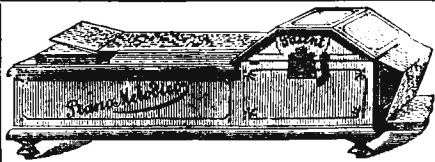
Его подпись должна быть на каждой жестянкѣ:
Цѣна 90 к. за жестянку безъ пересылки.
Продается въ аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи. В. № 4406 9—8

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ

Специалист хронометровъ. СПбургъ, Невскій пр., № 52 прот. Им. Публ. Библиотеки. Отпоявая и розничн. продажа. Подробный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по востребованію безплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года. № 4501 30-9

ПІАНО-МЕЛОДИКО.

Ручной салонный органъ со струнами, исполняющій полностью всевозможныя пьесы.

Цѣна безъ нотъ 90 руб. Ноты по 80 к. за метръ (1 1/2 арш.)

ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ

Большой изящный салонный органъ, на которомъ можно исполнять посредствомъ картонныхъ нотныхъ листовъ дѣльныя увертюры, большія оперы, салонныя пьесы, русскія пѣсни и всѣ танцы. Оркестръ-Манопанъ играетъ отчетливо, чрезвычайно полно и пріятнымъ тономъ, имѣетъ двойные голоса и приспособленъ для громкой и тихой игры. Этотъ инструментъ рекомендуется отлично для семейныхъ баатовъ, вечеринокъ, для клубовъ и пр. Цѣна съ 10-ю пьесами 80 руб. Добавочныя пьесы по 1 р. 20 к., 2 р. 40 к. и дороже. Къ инструменту прилагаются 10 пьесъ по 1 р. 20 к. Пересылка за 85 фунт. Сноска пьесъ для Оркестра-Манопана, а также иллюстрированный прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ — безплатно. № 4655

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЪ. С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. — Москва, Кузнецкій м., домъ Захарьина.

ЛѢТНЯЯ НОВОСТЬ!

Англискіе растягивающіе кушаки „ГРАЦІЯ“ изъ позолоченой проволоки съ массивн. позолоченнымъ замкомъ, прокатанные блѣзнь, розовымъ, голубымъ, золотымъ, синимъ, темно-краснымъ и чернымъ шелкомъ. Кушаки прозрачныя очень прохладительны и пріятно носить для каждой дамы. Цѣна 3 руб. 50 коп. Торговцамъ дѣлается уступка. Единственный складъ для Россіи у ОСКАРА ЛЕССЕРЪ, ИБ., Садовая, 12—18, вт. 1-мъ дворѣ.

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО

І. ГОЛЛЕНДЕРЪ

для смягченія кожи.

Новоизобрѣтенное вазелиновое мыло, пріятнаго запаха, придаетъ кожѣ желаемую ибжную мягкость. Цѣна за кусокъ 30 коп., 3 куска съ пересылк. 1 р. 50 к. Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптеч. магазинахъ и аптекахъ Россіи.

Главный складъ: СПб., Демидовъ пер., д. № 1. (30) № 4278

Вышло изъ печати и поступило въ продажу въ конторѣ журнала „Нива“ (СПБ., Невскій, 6), а также у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ:

Сочиненіе Ф. К. АРНОЛЬДА:

„РУССКІЙ ЛѢСЪ“.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Изданіе А. Ф. МАРКСА, въ С.-Петербургѣ.

Все сочиненіе будетъ состоятъ изъ трехъ большихъ томовъ, отпечатанныхъ на лучшей бумагѣ, съ приложеніемъ 2-хъ картъ, 120 художественно исполненныхъ гравюръ и полнѣйшей и 17 эстамповъ на мѣди.

Первый томъ имѣетъ 387 страницъ и между прочимъ заключаетъ въ себѣ предисловіе и введеніе автора, большую карту лѣсистости Европ. Россіи, печат. 14-ю красками, и карту лѣсист. Европы, печат. 6 красками.

Въ этомъ томѣ выясняется значеніе лѣсовъ вообще; помѣщены статистическія свѣдѣнія о площади лѣсовъ, находящихся въ каждомъ уѣздѣ Европейской Россіи, съ показаніемъ сколько въ томъ числѣ казенныхъ, частновладѣльческихъ и принадлежащихъ крестьянскимъ обществамъ; представлено сравненіе лѣсистости Россіи и западно-европейскихъ государствъ.

Второй томъ сочиненія выйдетъ изъ печати въ концѣ 1890 или въ началѣ 1891 года, а вслѣдъ за нимъ въ непродолжительномъ времени выйдетъ и третій томъ.

Содержаніе второго тома: описаніе древесныхъ породъ, растущихъ въ лѣсахъ Россіи, лѣсохозяйственное ихъ значеніе, уходъ за каждою породою, приемы возвращенія лѣсовъ въ различныхъ полосахъ Россіи, орудія, употребляемыя для лѣсоразведенія, опасности, угрожающія лѣсамъ, враги повреждающіе ихъ, порядокъ рубки въ лѣсахъ, и пр. и пр.

Наконецъ III томъ — будетъ содержать указанія возможно выгоднѣйшей организаціи лѣснаго хозяйства, какъ въ крупныхъ, такъ и въ мелкихъ лѣсовладѣльчійхъ: устройство лѣса съ начертаніемъ плана хозяйства; порядокъ эксплуатаціи лѣса: учетъ отпускаемыхъ лѣсныхъ матеріаловъ; условія, какія должны быть включаемы въ контракты; извлеченіе доходовъ отъ побочныхъ пользованій въ лѣсу; соответственное устройство администраціи и отчетности лѣснаго имущества.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА ВСѢ ТРИ ТОМА:

При выписываніи 1-го тома вносится 4 р., до выхода 2-го тома 8 р., а до выхода 3-го тома 2 р., а всего 14 руб.

Иногородные подписчики на все сочиненіе за пересылку не платятъ. За два мѣсяца до выхода II и III томовъ въ „Нивѣ“ будетъ объявлено о днѣ выхода ихъ.

Но выходъ всего сочиненія цѣна будетъ значительно возвышена.

Подписка принимается исключительно въ конторѣ журнала „Нива“ (СПБ., Невскій, 6).

Цѣна первому тому въ отдѣльной продажѣ 5 р., а съ пересылкой 5 р. 60 к.

Примѣчаніе. Лица купившія 1-й томъ отдѣльно и желающія приобрести слѣдующіе 2 тома, платятъ за все сочиненіе наравнѣ съ подписчиками, т. е. 14 р., при чемъ до выхода 2-го тома вносить 7 р., а 3-го тома 2 р.

НОВОСТЬ!!

НОВѢЙШІЙ И ЛУЧШІЙ МЕХАНИЧЕСКІЙ ИНСТРУМЕНТЪ

ПІАНО-МЕЛОДИКО

Цѣна 90 рублей.

Ноты отдѣльно по 80 коп. за 1 (однѣ) метръ (1 метръ = 1 1/2 аршин.).

Требуется подробное описаніе и каталогъ нотъ.

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ

Москва, Петровка, д. Волкова, противъ Столешникова переулка. № 4482 (10)

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ на Всемирной Выставкѣ въ Парижѣ 1889 года.

О-ДЕ-КОЛОНЪ

БРОКАРЪ и КО. ИЗОБРАТѢЛЬНЫИ

ЦВѢТОЧНЫЙ

Складъ фабрики: Офицерская, 5.

ПИСЬМУЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, чекотливость красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и много правительствъ, и частныхъ учрежд. Прейсъ-курантъ, содерж. многогласенн. отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылается безплатно. № 3748 Единственный складъ для всей Россіи: ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ Москва С.-Петербургъ Бузнецкій мостъ. Б. Морская, 21.

АЛЬБОМЪ

РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ (АЖУРНЫХЪ РАБОТЪ)

Дополненный 32-мя совершенно новыми, нигдѣ еще не напечатанными рисунками, алфавитами русской азбуки и красивыми монограммами. Альбомъ состоитъ изъ 25 большихъ листовъ, заключающихъ въ себѣ болѣе 400 рисунковъ разнообразныхъ вещей, буквъ, монограммъ и пр., а также и рисунокъ большаго туалетнаго зеркала со шкатулкой.

Цѣна альбома 1 руб., съ пересылкою 1 руб. 30 коп.

Съ требованіями обращаться въ С.-Петербургъ, въ контору журнала „Нива“ (Невскій, № 6).

ФРАНЦУЗСКІЯ отъ 100 р. ДОР АМЕРИКАНСКІЯ отъ 180 р. ДОР РЕК: ВЪ БОЛЬ. ВЫБОРЪ ФАБРИКА МУЗЫКАЛЬН.-ИНСТРУМЕНТЪ:

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ

МОСКВА, ПЕТРОВКА Д. ВОЛКОВА.

Иллюстрир. прейсъ-курантъ

ВСѢМЪ ИНСТРУМЕНТАМЪ БЕЗПЛАТНО.

ДЛЯ ВОЛОСЪ

БАЛЪЗАМЪ

ЭЙКАЛИПТИ

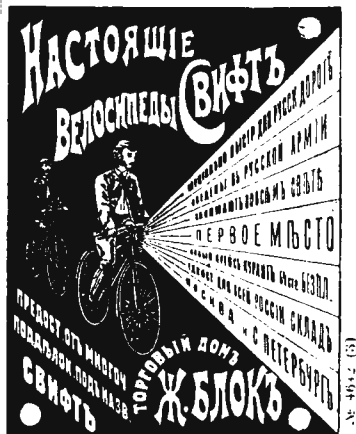
носметина А. ЭНГЛУНДЪ.

Освѣжаетъ головную кожу. Ц. флакона 1 р. 50 к., съ перес. 2 р. 2 флакона съ перес. 3 р. 50 к. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу требовать: подлинн. А. Энглундъ красными чернилами и марку Сиб. Косметическ. Лабораторіи. Получать можно: въ Русск. Общ. торгов. аптек. товар., у А. Рузанова. Въ Москвѣ: у К. Феррейна, В. Безбардиси, Р. Келлера и Копп., О Геллингъ, и во всѣхъ извѣстныхъ аптекахъ и парфюм. торгов. Россійской имперіи. Главный складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, С.-Петербургская Косметическая Лабораторія А. Энглундъ, Литейная, № 38. Ц. № 4478

„ВОЗДУШНЫЕ ЗАМКИ“.

Книжечекъ этюдъ. Пинкюгито. Цѣна съ пересылкою 40 к. Выписывающіе изъ магазина Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ч., Москва, Пикольская, д. Чижовыхъ, стонисать книги 40 коп., могутъ высылать почтовыми марками.

Г. Г. ИМѢЮЩИМЪ НАДОБНОСТЬ въ археологическихъ розысканіяхъ и въ прочихъ работахъ, относящихся до пользованія древнѣйшими рукописями, — предлагать свои услуги съѣзжающее лицо. Предложениа благоволятъ адресовать: Москва, Почтамтъ, до востребованія, подъ лит. Ч. III. Ц. № 179.

ПОВОЗДЕНІЕ. Ромъ изъ современн. жизни. Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

XXI г.

г. XXI

№ 33

1890

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
 Выдавъ 18 августа 1890 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1890 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

<p>ОБЪЯВЛЕНІЯ въ „НИВѢ“ принимаются за сторону непарель (1/4 шир. стран.) въ Глав. Кон. Ред. по 75 к. — Загран.: для Франціи у Agence Navas по 2 fr. 40 с.; для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 1 M. 20 Pf.</p>	<p>ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:</p>		<p>ПРИЛОЖЕНІЯ. Особья приложенія при „НИВѢ“ объявленія отъ тор- говыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.</p>		
	Безъ доставки въ Петер- бургъ	5 р.		Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. лин.	6 р.
	Съ доставку въ Петер- бургъ	6 р. 50 к.		Съ пересылкой въ Москву и другіе го- рода Россіи	7 р.
	За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд.			9 р.	

БЕЗЪ ВСЯКОЙ ДОПЛАТЫ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ ГЛАВНЫХЪ ПРЕМІЙ.

Сампсоніевскій соборъ въ СПб. (по поводу 150-й годовщины основанія). Съ фотогр грав Рашевскій.

Жизнь, какъ она есть.

Романъ въ пяти частяхъ. **Вас. И. Немировича-Данченко.**

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. (Продолженіе).

VIII.

Василій Герасимовичъ уже лежалъ въ постели, когда въ сосѣднихъ комнатахъ послышалась суматоха, топотъ нѣсколькихъ ногъ, сдержанные голоса. Онъ вскочилъ, кинулся къ дверямъ, и первое что бросилось ему въ глаза—была его жена, которую несли на рукахъ лакеи. Точно во снѣ онъ увидѣлъ бѣлый атласъ затканнаго серебромъ платья весь въ кровавыхъ пятнахъ, безцельно висящую правую руку вею въ ссадинахъ, ранахъ, въ запекшейся крови. Прасковья Яковлевна была въ полубоморочномъ состояніи. Она смотрѣла на мужа, не узнавая его, билась и кричала... „Куда вы меня несете, куда?... Я къ мужу хочу, къ мужу... У меня есть мужъ... Помогите!“ И потомъ заливалась слезами... Оторопѣвъ и самъ помертвѣвъ отъ ужаса, Сластеновъ не догадался бы послать за докторомъ. Со слезами на глазахъ онъ возился кругомъ, расшнуровывая жену. Ему помогали горничныя, и только когда новыя красныя пятна свѣжей крови показались на бѣлыхъ постели—сообразили, что кровоизліяніе еще продолжается, и перепугались. Хорошо что Ефремъ догадался. Когда барыню вынули изъ кареты, онъ погналъ лошадей за докторомъ и привезъ его именно въ ту минуту, когда дома только что поняли необходимость позвать его.

— Мнѣ кажется, съ вами придется возиться больше, чѣмъ съ вашей женой! укоризненно проговорилъ старый врачъ, глядя на разстроеннаго Василя Герасимовича.—Будьте мужчиной... Помогите мнѣ.

— Да вѣдь кровь, докторъ... кровь...

— Въ этомъ важности нѣтъ. Только кожа на рукахъ ободрана. Въ одномъ мѣстѣ глубокой порѣзъ, но и то ни одинъ изъ важныхъ сосудовъ не затронуть... Вотъ нравственное состояніе ея меня больше беспокоитъ. Кровь я сейчасъ остановлю. Наложу повязку—и все кончится живо. Дня черезъ четыре-пять заживленіе начнется. А вотъ пожалуй явится нервная горячка... этого я очень опасуюсь... Очень. Положимъ, организмъ крѣпкій... Какъ это случилось?..

Только теперь Василя Герасимовичъ вспомнилъ, что онъ не разспросилъ Ефрема.

Кучера позвали, тотъ первымъ дѣломъ струсилъ.

— Я въ этомъ не виноватъ! Мое дѣло что-жь, я сѣлъ на козлы и погналъ лошадей. Нешто мы можемъ препятствовать!

— Препятствовать?... Чему препятствовать?

— Потому, онъ сѣлъ съ барыней въ карету.

— Кто онъ? Отвѣчай толкомъ. Прежде всего успокойся. Никто тебя не винить.

— Офицеръ этотъ. Позвали меня, посадили барыню и сами за ней въ карету. Я еще и улицу не проѣхалъ, какъ вдругъ Прасковья Яковлевна какъ вдарить ручкой въ стекло да какъ закричить „помогите!“—ажъ у меня въ глазахъ потемнѣло.

— Какой это офицеръ?

— Высокій, рослый... усы какъ у жука.

— Куда же онъ дѣлся?

— А какъ барыня крикнула—онъ сейчасъ зайчикомъ въ дверцы—то шмыгъ и пропалъ. Должно-быть въ переулокъ вдарился... потому народъ побѣжалъ его ловить—да куда... У его длинныя ноги. Слѣзъ такъ шагаль...

Василій Герасимовичъ слушалъ и не понималъ ничего... Одно ему было ясно, что дѣла этого такъ оставить нельзя, что ему необходимо, узнавъ все, разслѣдовать „кто и что“ и оскорбителя его жены—поставить на барьеръ что-ли... Правда онъ, Сластеновъ, не умѣетъ стрѣлять, но—все равно—бросятъ жребій, кому въ

упоръ. А можетъ быть такъ что-нибудь случилось съ женой? И онъ принимался опять разспрашивать Ефрема. Когда это случилось? Много-ли времени прошло съ той минуты какъ они сѣли въ карету, до той когда его жена выбила стекло въ каретѣ? Оказалось, что времени было мало. Минуты три. Это окончательно спутывало и доктора, и Сластенова... Надо было дожидаться когда жена придетъ въ себя. Докторъ ей забинтовалъ руку, далъ успокоительнаго и самъ сѣлъ около...

— Я, знаете, все-таки боюсь... Не лучше-ли намъ пригласить Косоглазова?..

— Разумѣется...

— Если вы ничего не имѣете... я забѣду за нимъ завтра... Еще побѣдетъ-ли? Вы знаете, онъ капризничаетъ какъ женщина...

Василій Герасимовичъ уже ничего не слышалъ. Онъ держалъ здоровую руку жены, сидя на постели.

Онъ ждалъ, когда жена придетъ въ себя—но, успокоившись, она открыла глаза, съ ужасомъ посмотрѣла на Сластенова и отшатнулась отъ него въ сторону.

— Наша, милая!

— Прочь... прочь отъ меня... Не смотрите такъ на меня... Не смотрите... Слышите... Не хочу, не хочу... Я къ мужу... Я къ мужу вѣду... Оставь меня, оставь!..

— Очевидно офицеръ этотъ напугалъ ее... озабоченно заключилъ докторъ, давая ей какія-то успокаивающія капли.—Ей теперь главное уснуть—уснуть во что бы то ни стало. Морфій не поможетъ... Она слишкомъ возбуждена. Хлораль-гидратъ лучше...

Когда принесли хлораль-гидратъ—онъ далъ ей здоровый пріемъ...

Прасковья Яковлевна забылась на нѣкоторое время и, откинувшись на подушки, вся блѣдная, какъ ихъ наволочки, закрыла глаза.

— Теперь бы ей заснуть—и все было бы хорошо!

Но хорошо не было. Припадокъ повторялся нѣсколько разъ ночью—и только подъ утро она успокоилась и заснула тяжелымъ сномъ, сопровождавшимся бредомъ и галлюцинаціями... Василя Герасимовичъ поѣхалъ къ Луковнинымъ. Тамъ были удивлены его рассказомъ. Съ кѣмъ она была въ каретѣ?... Дѣло въ томъ, что подозрѣнія на князя не было... Онъ оставался ужинать. Очевидно Обининъ-Коленскій бросился назадъ на балъ и старался тамъ опять быть замѣченнымъ. Послѣ ужина онъ даже танцевалъ мазурку съ самой Луковниной... Нѣтъ, на него нельзя было подуматъ ничего. Василя Герасимовичъ поѣхалъ къ Саввѣ Кузмичу, тотъ выслушалъ его и нахмурился.

— Вотъ что, Василя Герасимовичъ, чего же ты по городу летаешь—звонишь?..

— Да вѣдь надо же узнать въ чемъ дѣло.

— Надо!.. Чтобы про твою жену неподобныя вещи стали говорить? Дуракъ ты... Слюняй...

И старикъ поднялся во весь ростъ.

— Учить бы тебя—не пускай жену одну,—да какаю отъ тебя защита будетъ! Тебя самого караулить слѣдуетъ какъ бы кто тебя не обидѣлъ... Эхъ ты... слякотный!..

— Помилуйте.

— Чего миловать! Еще жену загубишь. Мало она отъ тебя радости видѣла. Ну чего ты полетѣлъ къ Луковнинымъ. Вѣдь самъ знаешь—было что-нибудь скверное—только честь твоя отъ этого не пострадала—иначе бы она себѣ рукъ не изрѣзала, не кричала бы въ окно. Ну и молчокъ пока встанетъ. А онъ сейчасъ къ

Луковниковымъ. А Луковнина къ Хлюстовымъ, а Хлюстова въ три конца города, къ Лоскутниковымъ, Спиридоновымъ да Савостьяновымъ — а сегодня вечеромъ мнѣ въ клубѣ уже будутъ рассказывать, что твоя жена съ офицеромъ бѣжала. Досталось этакое сокровище — фалалеею... Эхъ, ты!.. И говорить-то съ тобою противно... А вотъ погоди.... Ты самъ не суйся... Это не чье иное дѣло какъ князя. Тебѣ къ нему нельзя. Онъ тебѣ первымъ дѣломъ бога обломаетъ. То-то онъ вчера подъ конецъ балу такой смутный ходилъ... Я къ нему самъ побѣду.

— Вы, дяденька!

— Я... Не тебѣ же!.. Я, братъ, медвѣдя убираю на ротатину... Не бойся. Со мной онъ не поговорить... А ты побѣжай домой къ жёнѣ... Да поласковѣй съ ней. Ничего дурнаго. Кабы она была похуже, дѣйствительно потеряла бы себя!..

Василій Герасимовичъ побѣжалъ къ себѣ, а Савва Кузмичъ къ „князю“.

— Какъ прикажете доложить? спросилъ Сластенова-старшаго лакей.

Тотъ отвелъ его рукою и проворчалъ: „сами доложимъ“.

Самозванный князь сидѣлъ въ креслѣ и думалъ о чемъ-то, какъ въ дверяхъ его номера показалась рослая и сильная фигура Саввы Кузмича.

— А!.. чему обязанъ?.. Очень радъ васъ видѣть.

— Радъ не радъ, а видѣть надо.—И не замѣчая протянутой ему руки, Савва Кузмичъ сѣлъ въ кресло противъ него.—Ну, что-жъ намъ съ тобою теперь, баринъ, дѣлать?

— О чемъ это вы? поблѣднѣлъ Обнинъ-Колесекій.

— О чемъ, ты самъ знаешь. Не гоже... Сказывали мнѣ, что ты не князь и не офицеръ даже, а такъ прощальныя — да я не вѣрю... Мало-ли какихъ слетоговъ у насъ нѣтъ. Хорошей семьи, „княжецкое“ имя держать надо строго, чтобы все его уважали, а ты, баринъ, хуже послѣдняго пьянаго мужика.

— Позвольте... вспыхнулъ тотъ.

— Молчать!—Савва Кузмичъ такъ стукнулъ кулакомъ о столъ, что колокольчикъ задрожалъ на немъ.—Теперь я съ тобой говорю, а не мужъ... Слушай. Меня не запугаешь. Коли ты мужланомъ—такъ и я по мужицки — видалъ ты это? — и онъ протянулъ ему свою ладонь.—Мнѣ шесть десятковъ, а такихъ какъ ты я двухъ легко убегу... Сколь много для тебя чести будетъ... Приѣхалъ въ Москву—да побитымъ вернулся... Мало тебѣ дѣвицъ всякихъ?.. А ты честную семью разстроить вздумалъ... Племянница теперь лежитъ больная—вся изрѣзана. Мужъ по цѣлому городу, точно голову потерялъ, бѣгаетъ.

— Послушайте, въ чемъ вы меня обвиняете?

— Печего хвостомъ-то закидывать... Не на судѣ мы... Вотъ тебѣ мой сказъ. Укладывайся сейчасъ, да прочь побѣжай!.. Съ почтовымъ... два часа до почтоваго...

— Какъ вы смѣете!..

— Какъ смѣю? А вотъ какъ: коли ты не желаешь сейчасъ укладываться (я-то тебя и на машину провожу)—такъ быть тебѣ битому. Лакея позову да при лакеѣ. А за полиціей пошлешь — еще лучше. За племянницу я всегда правъ вступиться. Мы вѣдь здѣсь — не поборованному, смѣшками да шутками. Мы за этакия дѣла, баринъ, кулакомъ въ темя вашего брата хлюпаемъ... А тамъ что будетъ—суди насъ Богъ и Государь!.. Ну, укладывайся.

— Послушайте... да вы съ-ума сошли... Да это насиліе!

— Въ своемъ умѣ, небось... Мы не по-вашему. Съ-умато не легко сходимъ. А что насиліе—точно что. Только вѣдь не тебѣ, зналому, на него жалиться.

— У меня дѣла въ Москвѣ.

— Плевать мнѣ на твои дѣла. Мнѣ нашъ честный миръ въ семьѣ дороже. Укладывайся...

— Да наконецъ я еще денегъ не получилъ. Мнѣ надо расплатиться здѣсь.

— Вотъ это точно резонъ... Безъ денегъ не выпустить... Это ты, баринъ, вѣрно... Но и на это есть у насъ средство.—Онъ подошелъ къ дверямъ и позвонилъ... Лакей, котораго въ коридорѣ онъ отвелъ локтемъ—вошелъ въ комнату.—Какъ тебя звать-то?

— Николаемъ.

— Ну вотъ, Николашка, приятелю нашему князю-кѣ—подай-ка счетъ—да помоги укладываться. Потому они съ почтовымъ ѣдутъ...

— Счетъ? сейчасъ.

Князь безсильно опустился въ кресло и не пошмалъ очевидно, что это стряслось съ нимъ.

— Я все-таки не ѣду, заговорилъ онъ.

— Побѣдешь, другъ... Медвѣдя убираемъ... а ты послабѣй будешь. Ты еще нашихъ московскихъ свычаевъ не знаешь? нѣтъ?.. У насъ, братъ, въ случаѣ чего и ребра ломаютъ вашему брату.

— Я буду жаловаться.

— Это сколько угодно. Призовутъ меня, да спросить — не откажусь, скажу, дѣйствительно прогналъ паршивую овцу изъ стада вонъ. Чтобы не портила. Это ты въ своемъ правѣ.

Часъ спустя, Савва Кузмичъ везъ въ своей коляскѣ князя на машину.

Въ вокзалѣ онъ купилъ ему билетъ и сдалъ венци.

— Давайте ужъ ему купу... Пуцай одумается въ одиночествѣ... Вотъ тебѣ, князь, куна, а вотъ билетъ багажный.

Дождавшись отхода поѣзда, Савва Кузмичъ постоялъ-постоялъ, и когда тяжелый рядъ вагоновъ, окутанныхъ дымомъ, исчезъ въ отдаленіи, онъ плюнулъ на полъ и ногой растеръ.

— Баринъ тоже!.. Хлипкая душа! только и проговорилъ онъ, уходя въ двери дебаркадера.

— Куда прикажете? обернулся къ нему кучеръ.

— Къ племяннику.

Прасковья Яковлевна, еще слабая и больная, лежала въ постели. Въ креслѣ около сидѣлъ мужъ и держалъ ее за руку. Она покраснѣла увидѣвъ входившаго Савву Кузмича. Тотъ ласково улыбнулся ей.

— Молодецъ Пашка! Сколь ты князя напугала!

— А что, дяденька?

Она вся покраснѣла и даже приподнялась.

— Лежи... лежи... Прознавши про его дѣла, приѣхалъ я къ нему сегодня, понужать хотѣлъ, а онъ, слякотный, ужъ и укладывается—дрожмя-дрожить... Сейчасъ на машину его прогналъ въ Питеръ.

Она остановила на немъ благодарный взглядъ.

— Не замай нашихъ. Вотъ мы какъ! Мужъ-отъ твой по благородному хотѣлъ... Дуэль-отъ что-ли. Ну, а у насъ на такихъ молодыхъ другія средства... Мы и безъ дуэли завсегда ихъ успокоить можемъ... Хороши Богъ изъ пистолету палить. Что хорошаго!.. И такъ хвостъ убралъ. Можешь рассказать, какъ дѣло-то было?

— Я ужъ мужу говорила... Кинулся онъ за мной въ карету... „Вамъ, говорить, мимо моего дома. Довезите.“ Мнѣ невдомекъ... А тамъ еще и минуты не прошло, бросился онъ ко мнѣ и давай цѣловать. Ну, я локтемъ въ стекло... А тамъ ужъ и не помню ничего больше.

— И славно. Другая бы растерялась—и все бы прахомъ пошло. Они тоже знаютъ свое дѣло. Съ бацъ бьютъ. Какъ коршуны. Клювомъ въ темя. Это ты правильно... Такъ ихъ шельмовъ и надо!

Прасковья Яковлевна тихо изъ рукъ мужа высвободила свою.

Василій Герасимовичъ сидѣлъ задумавшись, по отъ

За водой. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Котляревскаго, грав Шюблерь.

Голландская школа встарину. Рис. Ж. Стэнъ, грав. Картеръ.

Саввы Кузмича не укрылся нѣсколько странный взглядъ Панин. Она точно сегодня въ первый разъ присматривалась къ мужу, присматривалась какъ къ чужому, желая узнать и опредѣлить его лучше. Что-то необычное было въ ней. Когда Сластеновъ поднялъ голову, она зажмурилась даже и откинулась опять на подушки. Савва Кузмичъ сидѣлъ не долго. Пожелавъ ей скорѣй выздоровѣть, онъ простился и уѣхалъ. Тогда, вся взволнованная и смущенная, Прасковья Яковлевна обратилась къ мужу:

— Василий Герасимовичъ... у меня къ тебѣ просьба.

— Какая?... удивился тотъ, опять протягивая руку къ ея рукѣ, но она отодвинула свою подалеже.

— Скажи мнѣ... Ты ничего дурнаго обо мнѣ не думаешь?

И такъ и вилась ему въ глаза, ожидая его отвѣта.

— Какъ-же я могу о тебѣ душно думать!..

— Такъ-таки и ничего?... еще разъ, затаивъ дыханіе, слушала она.

— Разумѣется, ничего.

И Василий Герасимовичъ даже плечами пожалъ.

— Да вѣдь... онъ цѣловалъ меня...

— Что-жь... силой... Это не твоя вина... Силой я не знаю что сдѣлать можно... Развѣ это вина?

— Нѣтъ, это не то...—И какой-то отчѣнокъ отчаянія послышался въ ея голосѣ.—Нѣтъ... Это не то!

Она опять зажмурилась и думала о чемъ-то. Слышно было, какъ маятникъ стучитъ въ гостиной.

— А если-бы не все силой? тихо проговорила Прасковья Яковлевна.

— И то бы я не посмѣлъ обвинять тебя... Мало-ли что случается!

— А если бы---дальше еще... Если бы я локтемъ-то въ стекло не ударила... Что бы тогда?

— Что-жь дѣлать... Несчастье... Несчастье еще не преступленіе.

— Больно мудроно что-то... Не пойму я по вашему, и никогда не пойму... Оставь меня одну.

— Что?... еще больше изумился онъ.

— Прошу тебя... уйди... Оставь меня... Слышишь?... И хочу быть одна теперь.

Когда Василий Герасимовичъ выходилъ, жена смотрѣла ему вслѣдъ, и трудно было опредѣлить, чего больше въ ея взглядѣ: презрѣнія къ нему, или жалости.

„Какъ жить-то?... Какъ жить!..“ вслухъ спросила она сама себя. „Пропаду вѣдь я такъ-то... коли все пойдетъ по ихнему... по правильному... Пропадомъ пропаду“.

IX.

Панина поправлялась медленно. Странное дѣло, по мѣрѣ того какъ физически она здоровѣла, ея нравственное состояніе дѣлалось все хуже и хуже. Она теперь подолгу лежала одна, не пуская къ себѣ мужа. Надоѣдала ей постель, она вставала и пересаживалась къ окну въ покойное кресло. Когда Василий Герасимовичъ приходилъ къ ней, она зажмуривалась, точно отъ усталости, или сидѣла опустивъ глаза внизъ и не глядя на него вовсе. Отвѣчала нехотя. Сластеновъ говорилъ объ этомъ доктору, тотъ только разводилъ руками.

— Я здѣсь не при чемъ, объяснялъ онъ.—Такъ-то она поправляется, но, очевидно, у нея есть какое-то горе на душѣ. А впрочемъ, если вы не имѣете ко мнѣ довѣрія...

— Напротивъ, напротивъ, успокаивалъ его Василий Герасимовичъ,—я вамъ вполнѣ вѣрю. Меня только беспокоитъ ея состояніе.

— Придется все-таки, для вашего успокоенія, пригласить Косоглазова. Вы человѣкъ богатый, какихъ-нибудь триста-пятьсотъ рублей вамъ ничего не стбитъ.

А онъ все-таки авторитетъ. Подтвердить онъ то, что я сказалъ—вы будете спокойнѣе. Если хотите, я завтра съѣзжу.

Сластеновъ согласился. Косоглазовъ былъ не въ духѣ и сначала обругалъ врача, а потомъ потребовалъ впередъ пятьсотъ рублей. Ему послали ихъ.

— Я не стану по Рогожскимъ свой экипажъ трепать. Пришлите за мною вашу карету.

Сластеновъ успокоилъ его и въ этомъ отношеніи.

— А за моими ассистентами—другую. Я люблю одинъ ѣздить.

Все это было обусловлено и Косоглазовъ назначилъ день. Наканунѣ пріѣхалъ утромъ одинъ ассистентъ, осмотрѣлъ больную, записалъ что-то на бумажкѣ, потолоковалъ съ пользовавшимся ее докторомъ и еще отмѣтилъ кое-что. Послѣ обѣда пріѣхалъ другой, оглядѣлъ мѣстность. Приказалъ на всѣхъ площадкахъ лѣбеницы поставить по мягкому креслу.

— Профессоръ отдыхать любить... а рядомъ съ кресломъ, на табуреткѣ, что-ли, коробочки со спичечными тянучками... Только отъ Трамбле. Это очень важно, чтобы отъ Трамбле,—другихъ профессоръ не сосеть.

Потомъ онъ оглядѣлъ комнату, гдѣ лежала больная.

— Тутъ вы за четверть часа назначеннаго времени попрыскайте и понульверизируйте лѣсной водой, но отъ Безбардиса. Запомните... Непремѣнно отъ Безбардиса. Въ лѣсную воду прибавьте ландышевыхъ духовъ отъ Феррейна. Смотрите же, у когонибудь другаго не возьмите... Это чрезвычайно важно. Профессоръ не умѣетъ думать въ другой атмосферѣ... Запишите себѣ. У васъ плотно запираются форточки?... Печи не дымать?..

Кончивъ съ этимъ, онъ съ торжественностью жреца говорящаго о величайшемъ изъ своихъ божествъ, взялъ Василия Герасимовича за пуговицу.

— Заклинаю васъ—молчите!..

— То-есть какъ же это?..

— Такъ. Пока онъ не заговоритъ—молчите. Слышите? ни одного слова... Ни одного... На вопросы отвѣчайте кратко... Ясно, кратко и отчетливо... „Да“, „нѣтъ“, „точно такъ“... Не забудьте прибавлять: „господинъ профессоръ“. Еще вотъ что—у васъ кромѣ этого блага шелковаго одѣяла нѣтъ другаго?

— А что?

— Профессоръ не любитъ блага шелка.

— Есть желтое.

— Ну и отлично, покройте больную желтымъ одѣяломъ. Постель ей опрыскайте вервеной. Избави васъ Богъ другими духами. Вервеной Аткинсона... Запишите. Сами будьте во всемъ черномъ и въ бѣломъ галстукѣ. Застегнутый наглухо сюртукъ и бѣлый галстукъ—и ничего больше... Пожалуйте же запомните. Свѣтлые цвѣта на мужчинахъ отвлекаютъ профессора. Я вамъ это особенно рекомендую. Кромѣ васъ, вашего доктора (а вы пожалуйста во фракѣ, обернулся онъ къ нему) и насъ, чтобы ничего въ комнатахъ не было. Въ смежной комнатѣ должна стоять бутылка оберъ-зальцбруненна и стаканъ теплаго молока. Молоко должно быть 20° по Реомюру и возьмите его на фермѣ на Тверской, отъ освидѣтельствованной коровы. Скажите: для профессора Косоглазова—тамъ ужъ знаютъ. Онъ послѣ можетъ быть захочетъ пить. И главное, чтобы тишина. Муха пролетитъ, чтобы было слышно. И побольше освѣщенія въ комнатахъ.

Василий Герасимовичъ общалъ все это соблюсти.

На другой день на площадкахъ лѣбеницы были поставлены мягкія кресла, около нихъ на табуреткахъ—тянучки отъ Трамбле. Въ комнатахъ накурено чѣмъ слѣдуетъ, съ педантической точностью. Не понимавшій въ чемъ дѣло швейцаръ почему-то рѣшилъ, что привезутъ икону, и созвалъ всѣхъ своихъ чадъ и до-

мочадцевъ приложиться. Въ назначенное время подкатила сначала карета съ ассистентами. Они остановились въ почтительной позѣ передъ подъѣздомъ. Скоро показалась вдали карета съ профессоромъ. Они бросились къ дверцамъ и благоговѣнно высадили его. Изумившійся швейцаръ вмѣсто иконы увидѣлъ длинную, согбенную фигуру съ сѣдыми волосами и уставлыми глазами на блѣдномъ лицѣ. Ее вели ассистенты подъ руки. Въ передней докторъ во фракѣ, какъ согнулся, такъ и не выпрямлялся до тѣхъ поръ, пока его божество не сѣло въ мягкое кресло на одной изъ площадокъ. Въ рукахъ у божества была громадная палка въ родѣ тѣхъ, что таскаютъ съ собою балетмейстеры. Сѣвъ въ кресло, профессоръ не глядя протянулъ руку, взявъ тянучку и меланхолически сталъ ее сосать. Швейцаръ разинулъ внизу ротъ, да такъ и застылъ. Въ умѣ его совершался курьезный процессъ. По важности пріема и по всѣмъ видимостямъ онъ рѣшилъ, что это митрополитъ. Но какой? Нашъ въ цивильномъ платьѣ не пойдетъ. Значитъ какой иной. Англицкій? Но у англичаго, сказывали, черные чулки сверху и башмаки съ пряжкой, а на воротникѣ, какъ у дѣтей, салфеточка. Българскій должно... Такъ оно вѣрно и есть. Когда онъ рѣшилъ это, профессоръ протянулъ обѣ руки, ассистенты бросились, приподняли его, и повели вверхъ до слѣдующей площадки и слѣдующаго кресла. Сюда вышелъ самъ Василій Герасимовичъ.

— Очень радъ... началъ онъ было.

Но держа новую тянучку въ рукахъ, профессоръ огинулъ его столь негодующимъ взглядомъ, а ассистенты такъ энергично замахали на него и зашикали, что Сластеновъ испугался въ буквальномъ смыслѣ слова и замеръ въ дверяхъ. Скушавъ тянучку, профессоръ опять протянулъ руки и его благополучно ввели въ залу; изъ залы медленно и торжественно, точно священнодѣйствуя, онъ прослѣдовалъ въ слѣдующую и т. д., причемъ вездѣ въ дверяхъ его встрѣчалъ низко склонившійся домашній врачъ. Когда профессора ввели въ комнату больной, онъ потянулъ носомъ. Сосновый запахъ съ ландышами стоялъ въ воздухѣ. Вдругъ онъ остановился и съ негодующимъ жестомъ ткнулъ указательнымъ пальцемъ впередъ. Ассистенты устремились по этому направлею и, съ ужасомъ въ лицахъ, сорвали большой бѣлый атласный бантъ съ туалетнаго столика Прасковьи Яковлевны. Негодование не скоро сбѣжало съ лица у профессора. Онъ тяжело опустился въ кресло у кровати и зажмурилъ глаза, точно наблюдая нѣчто происходящее въ немъ самомъ. Потомъ открылъ ихъ и впился ими въ лицо Прасковьи Яковлевны. Та покраснѣла—но онъ не отводилъ взгляда. Смотрѣлъ съ четверть часа, потомъ вдругъ спросилъ:

— Сколько лѣтъ?

Ему отвѣтила сама больная. Онъ поднялъ брови и отрѣзалъ:

— Не съ вами говорятъ!

Докторъ удовлетворилъ его любопытству.

— Дѣти есть?

— Нѣтъ!

— Отчего? строго обратился онъ къ Василію Герасимовичу.

Тотъ счелъ этотъ моментъ удобнымъ, чтобы заговорить съ профессоромъ.

— Видите-ли... началъ онъ, но Косоглазовъ вдругъ вскочилъ, схватился одной рукой за голову, а другой такъ страшно застучалъ дубиной о полъ, что съ больной чуть не сбѣлалось обморока.

— Молчать, молчать! Невѣжа!.. Профанъ! оралъ профессоръ на несчастнаго Сластенова.

Тотъ опѣшилъ и самъ не зналъ куда ему дѣваться. Ассистентъ бросился въ смежную комнату, принесъ въ стаканѣ молоко съ оберъ-зальцбруненомъ. Профессоръ

сдѣлалъ глотокъ и успокоился, только отъ времени до времени кидая грозные взгляды на Сластенова.

— Начинайте! скомандовалъ онъ доктору.

Тотъ, весь трепеща, сладко-сладко склонивъ голову на сторону, началъ ему подробный отчетъ о болѣзни Прасковьи Яковлевны. Въ тактъ его словамъ, Косоглазовъ кивалъ головою, зажмурилъ глаза. Когда докторъ кончилъ, онъ помолчалъ съ пять минутъ и ткнулъ перстомъ на ассистента производившаго вчера діагнозъ болѣзни. Тотъ вынулъ длинную полосу бумаги и сталъ читать всѣ свои отмѣтки. Когда онъ кончилъ, Косоглазовъ вдругъ увидѣлъ около Василія Герасимовича.

— Уберите... уберите это, вонъ!..

Ассистенты бросились къ Сластенову и выволокли его въ другую комнату. Затѣмъ немедленно вернулись.

Косоглазовъ сталъ самъ производить осмотръ больной. Надо отдать ему справедливость, такъ долго и тщательно возился, выстукивалъ, выслушивалъ, мѣрилъ температуру, ворочалъ пациентку на грудь, на спину, на бокъ, на другой, заставлялъ дышать, приказывалъ не дышать, производилъ всевозможные эксперименты и, кончивъ, весь въ поту, усталый, сѣлъ и задумался... Потомъ онъ вдругъ протянулъ руки къ ассистентамъ, тѣ его подхватили подъ нихъ и вывели тѣмъ же порядкомъ изъ спальни... Еще медленно онъ спустился въ прихожую, надѣлъ шубу, сѣлъ въ карету и уѣхалъ.

— А совѣты?.. Лекарства? добивался оторопѣвшій Василій Герасимовичъ у ассистентовъ.

— Завтра, завтра прилетѣть. Сегодня обдумаетъ, а завтра прилетѣть...

Съ ихъ лица еще не сбѣжало благоговѣніе. Это были духовидцы, только-что бесѣдовавшіе съ Озирисомъ.

— Ну, слава Богу!.. вырвалось у врача.

— Чтѣ слава Богу? спросилъ его Сластеновъ.

— Все обошлось благополучно.

— Какъ благополучно? Меня выгналъ, наступалъ, накричалъ.

— Это еще что! У Темирхановыхъ онъ матушку, кучиху, вѣдь дубинкой сбѣздилъ, а у Лоскутниковыхъ, когда сама была больна, онъ въ ея мужа стаканомъ швырнулъ.

— Признаюсь!..

— Чтѣ хотите, батюшка! Геній... За то пятьсотъ рублей визитъ. И это еще дешево... Съ Хлюстова тысячу взялъ. Вотъ онъ какой у насъ!..

На другой день отъ Косоглазова пріѣхалъ ассистентъ и привезъ наставленіе.

Перечисливъ, чтѣ необходимо было, по его мнѣнію, Косоглазовъ закончилъ своеобразною строкой: „Жаль, что нельзя переимѣнить мужа. Этотъ никуда не годится!“

Докторъ какъ прочелъ, только плечами пожалъ.

— Напихи-ка я такую штуку—меня къ мировому, а къ *нему* только ужасъ будутъ чувствовать!.. Да-съ.

Прасковья Яковлевна, впрочемъ, скоро встала сама...

Она видимое дѣло успокоилась теперь. Румянецъ вернулся на ея щеки, глаза опять загорѣлись прежнимъ блескомъ. Со всѣми она была какъ до болѣзни, только къ мужу относилась иначе. Не то съ обиднымъ снисхожденіемъ, не то съ презрительною терпимостью. Между бровями у нея легла складка, точно она обдумывала что-то важное. Она, впрочемъ, часто теперь уходила въ самое себя... Сидитъ-сидитъ, да вдругъ и скажетъ: „Какъ ни думай, а придется“. — „Что придется?“ спрашивали ее. Она съ удивленіемъ поднимала глаза на говорившаго и потомъ раздумчиво отвѣчала: „Нѣтъ, это я такъ, сама съ собою... Свои мысли у меня есть“.

(Продолженіе будетъ).

Первая гроза.

Повесть **Винтора Бибинова.**

(Продолжение).

На главной улицѣ было тихо: дремали извозчики у подъѣзда гостиницы; у дверей магазина стояли скучающіе приказчики и лѣниво смотрѣли на пустынную улицу; дворники поливали мостовую. Радужными дугами сверкали струи въ лучахъ заходящаго солнца и алмазною пылью разсыпалась вода по увлажненнымъ камнямъ мостовой. Возвышенная часть города показывала изъ-за тополей, липъ, зеленѣющихъ садовъ, свои опрятные бѣлые домики; среди нихъ, тамъ и здѣсь, горѣли кресты церквей; голуби лѣниво кружились въ недвижномъ воздухѣ; синее небо было безоблачно и, казалось, весь городъ заснулъ, нѣжась въ сладкихъ весеннихъ грезахъ; было такъ тихо, что до слуха Тарахтина и Панченка явственно донесся изъ-подъ ниву гостиницы долгій и протяжный зѣвокъ приказчика. Тарахтинъ улыбнулся, Панченко засмѣялся, и оба они возвратились къ столу, гдѣ ихъ ожидалъ прохладный напитокъ. Прихлебывая шампанское, Тарахтинъ сказалъ:

— Я до сихъ поръ не отвѣтилъ на вашъ вопросъ, но, право, не смотря на признаваемое вами мое искусство владѣть рѣчью, я затрудняюсь отвѣчать какъ слѣдуетъ. Впрочемъ, откровенность за откровенность. Разумѣется, я влюблялся неоднократно и въ ваши года, и гораздо раньше, неравнодушенъ и теперь къ женской красотѣ, но мнѣ никогда не случалось испытать то, что переживаете теперь вы. Вѣдь М-elle Вѣра, разумѣется, ваша первая любовь, и вы на ней женились. Какъ же вамъ послѣ этого не завидовать? Обыкновенно, первая любовь если и раздѣляется, то, во всякомъ случаѣ, ей копеекъ не женитба. Ну, да что тутъ толковать, зачѣмъ вдаваться въ психологическія тонкости; интереснѣе, какъ говорить газетные литераторы, самый фактъ вашего счастья, который и былъ нами констатированъ. А такъ какъ чувство прекраснаго въ васъ развито, судя по описанію наружности М-elle Вѣры, то я покажу вамъ портретъ одной особы, который хотя я и не ношу въ карманѣ, но привью возить его всюду съ собой.

Тарахтинъ пошелъ въ спальню, взять съ ночного столика у кровати большой портретъ въ плюшевой рамкѣ, принесъ его въ столовую и отдалъ Панченку. Молодой человѣкъ, осторожно держа портретъ за края рамки, тщательно вглядывался въ его изображение. Высокая и полная женщина, съ правильными хотя и рѣзкими чертами южнаго лица, стояла опершись локтемъ обнаженной руки на пьедесталъ гипсовой урны. Черные густые волосы красавицы сдерживалъ черепаховый гребень, на кривой, точеной шеѣ было жемчужное ожерелье; покатыя, роскошныя плечи сохранили, даже и въ фотографической передачѣ, свой смуглый оттѣнокъ. Несмотря на балльную тщательную прическу, непокорные завитки развились у ея ушей, и вся ея фигура дышала страстью и силой.

— Она, должно быть, не такъ ужъ молода? ставя портретъ на столъ, сказалъ Панченко.

— Да ей около тридцати лѣтъ, отвѣчалъ Тарахтинъ, — по фотографіи всегда старить: на самомъ дѣлѣ, она кажется моложе своихъ двадцати семи лѣтъ. Но не въ этомъ дѣло; какъ вамъ нравится такой типъ красоты?

На этотъ разъ Тарахтинъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ отвѣта, и Панченко, послѣ нѣкотораго раздумья, сознавая всю важность того, что онъ теперь скажетъ, отвѣчалъ, продолжая смотреть некое на портретъ:

— Конечно, она красавица, хотя, какъ вамъ сказать... онъ заннудся.

— Помилуйте, говорите все, не стѣсняйтесь.

— Не находите-ли вы, Сергѣй Николаичъ, выраженіе ея глазъ нѣсколько жестокимъ?... впрочемъ, можетъ быть, это мнѣ такъ кажется, послѣдшилъ онъ прибавить.

— Напротивъ, вы совершенно правы, я съ вами согласенъ и не жалѣю, что показалъ вамъ этотъ портретъ, отвѣчалъ Тарахтинъ съ радостью, удивившему молодого человѣка. — Дѣйствительно, у нея жестокіе глаза, это очень удачное опредѣленіе, дѣлающее вамъ честь, и вообще, это особа съ темпераментомъ.

Онъ на мгновеніе взялъ портретъ въ руки, посмотрѣлъ на него, но тотчасъ поставилъ и заходилъ крупными шагами по комнатѣ.

— Скажите, почему она снималась въ парижской фотографіи, развѣ она не петербургская ваша знакомая, или вы ѣздили съ ней за-границу? спросилъ Панченко.

— Потому что она тамъ живетъ постоянно и никогда не была въ Петербургѣ: я познакомился съ нею въ Парижѣ. Ахъ, вы не можете себѣ представить, началъ онъ съ живостью, поразившей его слушателя, — до чего можетъ измучить такая любовь самаго сильнаго, самаго умнаго человѣка. Вотъ, теперь, отсюда я ѣду къ ней, мы проведемъ недѣли двѣ въ Парижѣ, потомъ поѣдемъ путешествовать, куда она захочетъ. Потомъ я отвезу ее опять въ Парижъ, и мы разстанемся до слѣдующаго лѣта. И такъ уже третій годъ—это велико, мучительно...

Тарахтинъ замолчалъ, вдругъ спохватившись, что бесѣда съ молодымъ человѣкомъ приняла уже черезчуръ откровенный характеръ. Онъ крупными шагами ходилъ по комнатѣ, недовольный и вызванными воспоминаніями, и своей болтливостью. Но взглянувъ на Федора Васильевича и прочитавъ въ его глазахъ столько любопытства, смѣшаннаго съ самымъ наивнымъ участіемъ, онъ почувствовалъ, что было бы жестоко оборвать сразу этотъ разговоръ. Онъ сказалъ: — Вотъ теперь я ѣду къ ней и въ счастья ожиданія увидѣть ее такъ много необъяснимой горечи, что я даже не знаю, счастье-ли это. Не правъ-ли я, завидуя вамъ?—Онъ опустила въ кресло возлѣ дивана, на которомъ сидѣлъ Панченко и продолжалъ:

— Однако, кофейникъ застылъ и вы совѣтъ не пьете ликеровъ, да, кажется, и время собираться въ дорогу.—Онъ позвалъ лакея:—Потѣхъ идеть въ восемь часовъ?

— Такъ точно-съ.

— Всецѣ уложены?

— Такъ точно-съ, кромѣ ручнаго саквояжа, и билетъ взять, какъ вы изволили приказать.

— Хорошо, можешь идти. Принеси намъ горячаго кофе и счетъ. У насъ осталось еще полчаса, прибавилъ онъ, обращаясь къ Панченку.

Но и вновь поданный горячій кофе и ликеры, разнообразныя кушныи которыхъ сперва привлекали Панченка, вдругъ перестали занимать его. Разсказъ адвоката не выходилъ у него изъ головы, и онъ безъ всякаго любопытства даже посмотрѣлъ, какъ Тарахтинъ выпилъ рюмочку шартреза въ свою чашку кофе, и не послѣдовалъ его примѣру.

— О чемъ мечтаете? прервалъ молчаніе Тарахтинъ. — Вы, пожалуйста, не вздумайте сожалѣть меня, а то я пожалѣю, что наша бесѣда приняла такой откровенный характеръ. Пейте кофе, пейте ликеры и перестаньте грустить.

Панченко залпомъ опорожнилъ рюмку ликера, поперхнулся, закашлялся, но не отвѣчалъ на сочувственныя улыбки адвоката и продолжалъ сохранять унылый видъ, и отъ предложенія Тарахтина пить еще отказался.

— Ну, разскажите что нибудь, подбодрилъ его Тарахтинъ.— Какия развлечения у васъ въ городѣ, любите-ли вы театр?

— Развлеченій мало здѣсь, отвѣчалъ Панченко, — а театръ я люблю, только въ этомъ году была здѣсь плохая труппа, началъ онъ, оживляясь.—Для одного только Уральскаго и ходишь въ театръ.

— Для какого Уральскаго? спросилъ Тарахтинъ.

— Трагика Уральскаго, извѣстнаго. Развѣ вы не знаете?

— Нѣтъ, не знаю.

Панченко обидѣлся.

— Вы ужъ черезчуръ презираете, Сергѣй Николаичъ, провинціальную жизнь: о Тюльгановѣ никогда не слышали, Уральскаго не знаете! Можетъ-быть вы не любите театра?

— Нѣтъ, очень люблю, и видѣлъ почти всѣхъ мало-мальскіхъ замѣтныхъ лицедѣевъ, а Уральскаго все-таки не знаю.

— Но вѣдь онъ бывалъ въ Петербургѣ.

— Вѣроятно лѣтомъ, на клубныхъ сценахъ

— У него колоссальный талантъ, возразилъ Панченко.

— Сомнѣваюсь, отвѣтилъ адвокат и продолжалъ, глядя ласково-сощуренными глазами на охладѣвшаго къ нему молодого человѣка:—Напрасно вы думаете, мой юный другъ, что я презираю провинціальную жизнь, какъ вы изволили выразиться; я вообще незнакомъ съ этимъ чувствомъ, но твердо убѣжденъ въ томъ, что никакой выдающейся дѣятель, особенно въ области искусства, не можетъ остаться незамѣченнымъ. Если-бы вашъ любимецъ Тюльгановъ возвышался, хотя-бы немного, надъ уровнемъ посредственности, его статьи постоянно приводилъ-бы въ выдержкахъ петербургскими газетами; если-бы онъ обнаружилъ свои способности, какъ адвокатъ, повѣрьте, у него была-бы практика и въ Петербургѣ. Объ Уральскомъ же и говорить нечего: въ послѣднее время такъ мало актеровъ не съ колоссальнымъ талантомъ, какъ вы говорите, а хотя-бы сколько нибудь приличныхъ, что явись въ Петербургѣ, хотя-бы и на клубной сценѣ, порядочный актеръ, онъ непременно былъ-бы оставленъ въ столицѣ. Непривычныхъ гениевъ нѣтъ, да и быть не можетъ; всякій человѣкъ, стремящійся сдѣлать что нибудь полезное, всегда найдетъ и участіе, и поддержку, и вамъ, почтеннѣйшій Федоръ Васильевичъ, слѣдовало-бы меньше другихъ объ этомъ говорить: вы только мечтали приготовить изъ себя порядочнаго адвоката—и вотъ наместя я, вашъ старшій собратъ, вы мой помощникъ, осенью пріѣдете въ Петербургъ, тамъ найдете искренно расположеннаго къ вамъ человѣка, всегда готоваго прійти къ вамъ на помощь и дать вамъ возможность обнаружить свои способности, а затѣмъ все остальное, разумѣется, въ вашихъ рукахъ, и отъ васъ зависитъ сдѣлать дѣйствительно извѣстнымъ присяжнымъ повѣреннымъ Панченко. Полагаю, что вы, какъ благоразумный юноша, спорить не станете, вышете еще рюмку ликера, только не сразу, и не будете отравлять послѣднихъ минутъ нашего свиданія

Молящая Богородица. Сь карт. Н. Чиньяни, грав. Веберъ.

2

своимъ чыпломъ вилкомъ, такъ не идущимъ къ вашему жизнерадостному и оживленному лицу.

Къ Панченку возвратилось его обычное веселое настроеніе, и онъ опять съ удовольствіемъ смотрѣлъ на адвоката, съ восхищеніемъ слушалъ его неторопливый и увѣренный голосъ, самый звукъ котораго ласкалъ его слухъ.

— Однако, Сергій Николаичъ, вамъ пора уже и собираться, сказалъ Панченко, какъ озабоченный другъ.—вы можете опоздать. Сколько осталось до поѣзда?

Въ это время вошелъ лакей съ серебрянымъ подносомъ. Тарахтинъ досталъ миниатюрный кошелекъ, вынулъ оттуда три скомканныя сторублевья, бумажки и, внимательно просмотрѣвъ счетъ, положилъ рядомъ съ нимъ деньги. Лакей ушелъ. Тарахтинъ пригласилъ молодого человѣка принять участіе въ дорожныхъ сборахъ, и они ушли въ сальню. Панченко оглядывалъ съ любопытствомъ и ручной сакъ изъ мягкой французской кожи, и дорожный несесеръ адвоката. Разрѣзанный на половину послѣдній романъ Зола былъ положенъ въ сакъ рядомъ съ зашпеной книжкой Тарахтина. Портретъ, уложенный въ твердый, обтянутый сафьяномъ, футляръ, положили на книжки, и Тарахтинъ, заперевъ сакъ ключемъ, вѣсившимъ, какъ брелокъ, на его часовой цѣпочкѣ, объявилъ сборы оконченными. Лакей приписъ уплаченный счетъ и, получивъ за свою службу десять рублей, обнаружилъ усердіе необычайное. Такъ какъ всѣ вещи Тарахтина были уже уложены, изъ буфета уже ничего не требовалось, и послѣдней услугой явилась подача малюта Тарахтину, то благодарный лакей внесъ въ эту услугу столько старательной изобрѣтательности, что Панченко безъ улыбки не могъ на него смотрѣть: уже по тому, какъ онъ бережно снялъ накидку съ вѣшалки, можно было судить о важности, какую лакей придавалъ своей услугѣ; онъ встряхнулъ ее въ своихъ протянутыхъ рукахъ, потомъ раскрылъ ихъ какъ объятія, набросилъ на высокія плечи Тарахтина плащъ и старательно расположилъ каждую складку его кашюшона. Когда Тарахтинъ надѣлъ шляпу и сдѣлалъ первый шагъ къ дверямъ, лакей нашелъ нужнымъ подбѣжать къ нему и оправить завернувшуюся полу накидки; онъ проводилъ адвоката до дверей подъѣзда и тамъ, ставъ рядомъ съ благообразнымъ старикомъ-швейцаромъ въ синей ливреѣ, отвѣсилъ наконецъ свой прощальный, низкій поклонъ и пожелалъ счастливой дороги. Когда швейцаръ, снявъ свою фуражку съ широкимъ золотымъ галуномъ, посадилъ Тарахтина въ фэтонъ Дмитрія, лакей не выдержалъ, подбѣжалъ къ коляскѣ и усилъ запахнуть, на этотъ разъ дѣйствительно распахнувшуюся, полу плаща.

Они пріѣхали на станцію за пять минутъ до отхода поѣзда. Сидѣвшій на козлахъ рядомъ съ Дмитриемъ комисионеръ гостиницы, шелъ впереди ихъ, очищая дорогу. Панченко не долго пришлось посидѣть въ вагонѣ перваго класса, какъ забилъ второй звонокъ, и Тарахтинъ, крѣпко обнявъ и поцѣловавъ своего помощника, посоветовалъ ему выйти на платформу. Панченко стоялъ передъ ошущеннымъ окномъ вагона и съ тоской смотрѣлъ на привѣтливо улыбавагося Тарахтина. Мелкой трелью пронесся по пустой платформѣ послѣдній звонокъ, раздались его три заключительные звонкіе удара, свистнулъ оберъ-кондукторъ, короткимъ свистомъ отвѣгнулъ паровозъ, и поѣздъ тронулся. Панченко успѣлъ въ послѣдній разъ пожать руку адвоката, онъ хотѣлъ и поцѣловать его, но не рѣшился, и теперь шелъ быстро рядомъ съ вагономъ, а когда поѣздъ прошелъ платформу, онъ остановился въ концѣ ея и долго смотрѣлъ вслѣдъ все быстрѣе и быстрѣе уходящему поѣзду.

V.

На другой-же день Панченко получилъ всѣ бумаги изъ университета, а вечеромъ онъ уже сидѣлъ въ каютѣ перваго класса на пароходѣ, который долженъ былъ отвезти его къ невѣстѣ. Но онъ мало думалъ о предстоящемъ свиданіи, въ немъ еще слишкомъ живо было впечатлѣніе, оставленное Тарахтинымъ, и новая привязанность вытѣснила на время образъ Вѣры. Онъ вспоминалъ Тарахтина и въ залѣ суда, когда адвокатъ съ самообладаніемъ, поражающимъ молодого человѣка, казалось, не только не слышалъ рѣчей прокурора, но даже и не видѣлъ его, и говорилъ съ присяжными такимъ тономъ, какъ будто въ залѣ не было никого кромѣ ихъ, да Тарахтина. Онъ видѣлъ Тарахтина, покинуваго своей столицѣ и подошедшаго къ присяжнымъ во время послѣдней заключительной рѣчи, вдохновеннаго и вдругъ страшно похорошѣваго; слышалъ громъ рукоплесканій и послѣ этой рѣчи, и по объявленіи оправдательнаго приговора,—рукоплесканій, на которыя. Тарахтинъ обращалъ столько же вниманія, какъ и на рѣчь прокурора; вспоминалъ свое знакомство съ нимъ у подъѣзда суда, ихъ прогулку по городу, обѣдъ въ гостиницѣ и разсказъ Тарахтина о своей любви къ этой загадочной женщицѣ, которая не меньше адвоката завладѣла воображеніемъ молодого человѣка. Ему плохо спалось въ эту ночь въ душной съ низкими потолкомъ пароходной каютѣ, и все яснѣе и яснѣе возникали въ его памяти мельчайшія подробности свиданія съ Тарахтинымъ. Онъ заснулъ подъ утро и, разбуженный помощникомъ капитана, оглядѣлся вокругъ... Толстый, рыжій подрядчикъ-

еврей, торопливо мѣнявшій туфли, въ которыхъ спалъ, на сапоги съ странно короткими голенищами, возвратилъ его къ дѣйствительности. Матросъ вынесъ чемоданъ на палубу. У деревянной пловучей пристани толпились еврей-извозчики. Панченко выбралъ того изъ нихъ, у кого въ тѣлѣги были впряжены двѣ лошади; еврей выхватилъ изъ рукъ матроса чемоданъ и, не разслышавъ даже названія деревни, бокомъ вскарабкался на облучокъ, задержалъ веревочными возжами, и тѣлга покатила, влекомая несущимися вскачь, тощими лошадьми. Только ужъ при выѣздѣ изъ мѣстечка еврей повернулъ къ сѣдoku свое загорѣлое лицо и, сверкая бѣлками глазъ, сказалъ:

— Но и куда прикажетъ баринъ ѣхать?

— Въ Ткачи; знаешь Ткачи?

— Знаемъ, знаемъ, повторилъ еврей, но возжами уже не держалъ, и тѣлга по ровню-укатанной дорогѣ ѣхала значительно тише, чѣмъ по ухабистымъ улицамъ мѣстечка. По мѣрѣ того, какъ тѣлга двигалась вперёдъ среди полей, покрытыхъ на необозримое пространство рожью, волнуемою утреннимъ вѣтеркомъ, росло нетерпѣніе молодого человѣка. Хотя онъ разстался съ Вѣрой всего двѣ недѣли тому назадъ и уже успѣлъ получить отъ нея пять писемъ, въ которыхъ Вѣра выражала увѣренность, что ея мать дастъ согласіе на свадьбу, сомнѣнія мучили влюбленнаго юношу; ему казалось, что мать Вѣры, какъ и всякая мать, уже выбрала и назначила жениха своей дочери — и если она и не откажетъ рѣшительно забраику своей дочери, то можетъ, ссылаясь на молодость жениха и невѣсты (Вѣрѣ минуло недавно шестнадцать лѣтъ), отсрочить хотя на годъ ихъ свадьбу. Панченко вспоминалъ разсказъ Тарахтина, какъ мучительна разлука съ любимой женщиной, и ему почему-то казалось, что и ему суждено пережить то-же.

Съ пригорка, на который взошли, усердно подгоняемые кнутомъ, измученныя лошади, открылась невдалекѣ барская усадьба, украшенная вокругъ высокими пирамидальными тополями. Сердце молодого человѣка забилося крѣпче. Возница, обращаясь къ нему, сказалъ: „Мы сейчасъ будемъ въ Ткачахъ,“ возжи и кнутъ пришли въ движеніе, и тѣлга покатила такъ-же быстро, какъ она ѣхала отъ пристани до околицы мѣстечка. Забѣлѣлъ длинный, одноэтажный домъ усадьбы; при поворотѣ Панченко увидѣлъ скрывающуюся въ лощинѣ деревню; мимо огромнаго сада они подѣхали къ низкому крыльцу барскаго дома.

Никого не было видно на крыльцѣ; молодого человѣка не ждали: въ своемъ послѣднемъ письмѣ къ Вѣрѣ онъ сообщалъ, что пріѣдетъ черезъ недѣлю, телеграфировать ему не хотѣлось,—и теперь, когда возница внесъ его чемоданъ и поставилъ на верхнюю ступеньку крыльца, Панченко пожалѣлъ, что не далъ знать о своемъ пріѣздѣ изъ города. Въ прохладной передней не было никого, но изъ отворенной боковой двери доносился вибрирующий смѣхъ. Панченко вошелъ туда. Въ кухнѣ на деревянной лавкѣ сидѣли, обнявшись, двѣ горничныя, передъ ними стоялъ лакей въ холотвяномъ шиджакѣ и потѣшалъ своихъ слушательницъ.

— Якіи-съ паньччъ! вскричала одна изъ горничныхъ, и лакей повернулся къ Панченку.

— Я могу видѣть звонника? спросилъ тотъ.

— Петра Гаврилыча?

— Да.

— Они на балконтѣ, отвѣтила лакей.

— Проводы-жь, дурный! сказала горничная.

Лакей вышелъ съ гостемъ изъ кухни, принявъ отъ него запившешся малюта и повелъ, черезъ свѣтлую многооконную комнату, на балконъ.

Петръ Гаврилычъ Добрынинъ, коренастый и хорошо сохранившійся старикъ, въ бѣломъ растегнутомъ кителѣ съ полотняными пуговицами, сидѣлъ въ креслахъ и читалъ газету; въ другомъ углу балкона, за круглымъ обѣденнымъ столомъ, высокая и красивая дама, въ которой Панченко сейчасъ-же узналъ мать Вѣры, отбирала цвѣточныя луковичы въ стоящую на скамьѣ корзину.

Она первая увидѣла молодого человѣка, и, отвѣчая на его поклонъ привѣтливой улыбкой, сказала, обращаясь къ своему мужу:

— Пьеръ, къ тебѣ гость.

Петръ Гаврилычъ отложилъ газету въ сторону, снялъ очки и, точно желая лучше осмотрѣть вошедшаго, старательно потеръ глаза, всталъ и, издавъ радостное восклицаніе, крѣпко обнялъ и долго не выпускалъ изъ своихъ рукъ молодого человѣка.

— Вотъ и прекрасно, и прекрасно, что пріѣхали раньше, чѣмъ обѣщали. Обрадуете Вѣру, она васъ такъ скоро не ждала. На жидѣ пріѣхали? Растрясло дорогой? Какъ вамъ наша мѣстность понравилась, послѣ города-то? Съ университетомъ развязались? засыпалъ онъ вопросами своего гостя, а тотъ, не отвѣчая, украдкой взглядывалъ на жену Петра Гаврилыча, которая не спускала съ него внимательныхъ, такихъ-же прекрасныхъ, какъ у Вѣры, синихъ глазъ.

— Позвольте васъ познакомиться съ женой моей, догадался наконецъ Петръ Гаврилычъ, обнявъ за талію своего гостя и дѣлая съ нимъ нѣсколько шаговъ.—Вотъ, Анна Григорьевна,

полюби молодого человѣка, да надо-бы Вѣру позвать. Маруся, Маруся! закричалъ онъ въ садъ.

— Сейчас! послышался звонкій голосъ изъ боковой аллеи, и къ балкону подбѣжала хорошенькая дѣвочка лѣтъ пяти, съ кудрявыми, золотистыми волосами, въ одной рукѣ она держала куклу, а другую, защищаясь отъ солнца, приложила къ глазамъ, съ любопытствомъ оглядывая Панченко.

— Что это, Пьеръ, вотъ вѣчно, такой торопыга!.. улынулась она въ сторону Панченка.—Эго младшая сестра Вѣры, сказала Анна Григорьевна и, обращаясь къ своему мужу, прибавила:

— Mr. Панченко вѣроятно желаетъ отдохнуть и освѣжиться съ дороги... Ты бы лучше проводишь гостя въ его комнату. А Вѣрѣ мы приготовимъ сюрпризъ. Она тамъ по обыкновенію зачитается до завтрака, и Маруся проведетъ Mr. Панченко въ бесѣдку...

— Дѣло, дѣло!.. проговорилъ Петръ Гавриловичъ, и подхвативъ молодого человѣка подъ руку, увлекъ его въ свой кабинетъ.

VI.

Полчаса спустя Маруся шла впереди Федора Васильевича и, постоянно обращаясь къ нему, знакомила его съ садомъ.

— Вотъ эту акацію, говорила она, указывая на широкое вѣтвистое дерево, покрытое бѣлыми цвѣтами,—папа привезъ изъ города такимъ деревцомъ,—она показала рукой разныя деревья,—а теперь, какая она большая! А вотъ это панина бесѣдка, кричала она, показывая на рѣшетчатый шалашъ, силовъ завитый хмѣлемъ.—У насъ у каждого своя бесѣдка, у меня есть, вотъ это панина, къ Вѣрѣ сейчасъ идемъ: только у мамы нѣтъ.

Панченко нетерпѣливо слушалъ болговню Маруси, ничего не отвѣчалъ ей, и пылливо смотрѣлъ впередъ, на каждомъ шагу ожидая встрѣтиться съ Вѣрой. Но вотъ липовая аллея кончилась, съ поворота онъ увидѣлъ въ концѣ новой тополевой аллеи бесѣдку, а Маруся, указывая на нее пальцемъ, сказала:

— Тамъ Вѣра всегда сидитъ и читаетъ, отсюда видъ чудесный. Знаете, чтѣ мнѣ пришло въ голову? вдругъ сказала она, когда они прошли больше половины аллеи.— Вы теперь дорогу найдете, а я уйду, а вы потихоньку подойдите изъ-за тополей, да испугайте Вѣру хорошенько

Панченко отъ души обрадовался предложенію Маруси. Конечно, онъ и не думалъ подкрадываться изъ-за тополей и пугать свою невѣсту, но ему было приятно, что онъ увидитъ Вѣру съ глазу на глазъ и узнаетъ отъ нея насколько основательны его сомнѣнія. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, обернулся и увидѣлъ, что Маруся стоитъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ оставила его, и дѣлаетъ знаки рученками, чтобы онъ свернулъ съ аллеи.

Панченко кивнулъ головой въ знакъ согласія и пошелъ по мягкой высокой травѣ за деревьями, а Маруся, радостно всплеснувъ рученками, побѣжала къ балкону, сѣвша рассказать о своей выдумкѣ. Панченко приближался къ бесѣдкѣ, стоявшей подъ тѣнью огромнаго явора, простирившаго надъ ея крышей свои могучія, многолистные вѣтви. Панченко ви-

дѣлъ уже и Вѣру, сквозь широкія отверстія, образуемая перекладинами бесѣдки.

Молодая дѣвушка сидѣла спиной къ нему. Она была въ бѣломъ гладкомъ платкѣ, перехваченномъ голубой лентой вѣсто пояса; соломенная шляпа и зонтикъ лежали на скамьѣ рядомъ съ раскрытой книгой. Вѣра, облокотясь на одну руку, глубоко задумалась; черная коса недвижно лежала на ея спинѣ. Панченко видѣлъ ея вѣжную шею, маленькія красныя уши, и онъ задрожалъ отъ непонятнаго, но сладостнаго ему чувства, когда Вѣра свободной рукой поправила сбившіеся волосы; онъ боялся, что она повернется. Неслышными шагами онъ подошелъ къ бесѣдкѣ, не изъ желанія испугать Вѣру, но изъ боязни встревожить ея покой. Радостный страхъ овладѣлъ всѣмъ существомъ молодого человѣка; нервно сжавъ пальцы, онъ невольно замѣтилъ, какъ внезапно похолодѣли его руки. Остановивъ у входа въ бесѣдку, онъ старался побѣдигъ свое волненіе и не могъ; хотѣлъ окликнуть Вѣру, но сухія губы беззвучно раскрылись, онъ не могъ произнести, не могъ выговорить милое имя; онъ старался не смотрѣть на Вѣру и глядѣлъ на дѣйствительно чудесный видъ, разстлавшійся передъ обрывомъ, гдѣ стояла бесѣдка. Онъ смотрѣлъ и не видѣлъ: ни синей рѣки уходящей вдаль, гдѣ въ золотистомъ туманѣ зеленѣли лѣса, ни луговой стороны праваго берега, гдѣ сверкали озера; его не поразило вдругъ открывшійся передъ нимъ безграничный куполъ лазурнаго неба съ легкими, какъ дымъ, серебряными облаками; онъ весь былъ проникнутъ ожиданіемъ близкаго счастья, и чуткій, и настороженный ожидалъ его приближенія...

Вѣра почувствовала, что она не одна въ бесѣдкѣ, повернула къ молодому человѣку свое лицо, вдругъ поблѣдѣла, и ея руки безильно опустились. Съ мгновеніемъ они посмотрѣли другъ на друга. Панченко подошелъ къ Вѣрѣ, взялъ ея руки въ свои и стоялъ передъ нею, не находя словъ.

— Ты?.. вы?.. повторила Вѣра, отвѣчая на его пожатіе. Грудь ея высоко подымалась, въ испуганныхъ, но счастливыхъ глазахъ блеснули слезы.

Панченко выпустилъ ея руки. Вѣра поднялась со скамьи и ушла къ нему на грудь. Робко обнявъ одной рукой ея мягкой станъ, онъ встрѣтился съ ея взглядомъ, и они слились въ долгомъ поцѣлуѣ. Яворъ привѣтливо шумѣлъ надъ бесѣдкѣю; ласковой струей несясь съ рѣки прохладный вѣтерокъ; молчала огромный садъ, охваченный утренней дремой; ничто не нарушало блаженной тишины, и молодые люди не оскорбили счастья своей встрѣчи праздными словами. Они бы долго просидѣли въ бесѣдкѣ, но до ихъ слуха донесся веселый топотъ крѣпкихъ ножекъ Маруси, и они, точно стоворившись, встали въ одно и то же время и пошли ей навстрѣчу.

— Идите завтракать! кричала Маруся.—Я уже давно хотѣла васъ позвать, да папа не пускалъ. Сильно испугалъ онъ тебя, Вѣра? спрашивала она, держась за руку сестры и заглядывая ей въ лицо.

Вѣра ничего не отвѣтила ей, и Маруся не повторила своего вопроса, она только зашла съ другой стороны Вѣры и, держась обѣими руками за сестру и за рукавъ Панченко, понукала молодыхъ людей идти скорѣе.

(Продолженіе будетъ).

Звѣриныя общества.

Очеркъ Фридриха Кнауэра.

(Рис. на стр. 836, 837, 839 и 840).

Первое мѣсто въ средѣ живущихъ обществами грызуновъ занимаетъ *сусликъ*, чрезвычайно милое животное, котораго нравы и повадки весьма не трудно наблюдать. Каждый сусликъ выкапываетъ себѣ отдѣльное жилище, но всегда въ близости отъ сосѣда. И вотъ, лѣтомъ, въ послѣполуденные часы, изъ каждой норки выносятся веселый звѣрокъ, подозрительно осматривается на всѣ стороны и затѣмъ присоединяется къ товарищамъ; тутъ они дѣлаютъ туалетъ, лижутъ себѣ шерстку, или отыскиваютъ корни и грызутъ ихъ, или нѣсколько сусликовъ играючи гоняются другъ за дружкой. Внезапно показывается соколъ; но одинъ изъ веселой компаніи уже замѣтилъ хищника, раздастся пронзительный свистъ—и все общество разсыпалось по своимъ норкамъ. Замѣчательно, что каждый сусликъ пользуется выходнымъ (или входнымъ, какъ угодно) коридоромъ изъ своего жилища только въ теченіе одного года, при наступленіи же зимы закупориваетъ его и роетъ изъ котловиднаго логовища новую галерею до поверхности земли, но выходное отверстіе прорываетъ лишь при наступленіи весны. Такимъ образомъ, по числу выходовъ можно судить о долготѣнн норы.

Тѣ времена, когда *бобръ* еще строилъ свои „закѣи“ въ Германіи, давнымъ-давно миновали. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ онъ попадается нынѣ, живетъ онъ большею частью попарно и лишь кое-гдѣ встрѣчаются небольшія общества. Только въ Канадѣ, хотя и тамъ онъ сталъ рѣже, бобръ и теперь еще живетъ большими обществами, создаетъ себѣ тамъ, кромѣ подземныхъ убжищъ, холмообразныя хижины изъ толстыхъ сучьевъ (предварительно обгрызши съ нихъ кору), земли,

глины и песку, и для защиты этихъ надземныхъ жилищъ строятъ поперекъ теченія рѣки плотина до ста сажень длины и до полуторы сажени высоты (рис. 2 на стр. 836). Такую осѣдность бобръ покидаетъ весьма неохотно, и найденны были бобровые поселки, которымъ оказывалось нѣсколько сотъ лѣтъ.

Обществами же, въ искусственныхъ, многокамерныхъ норахъ живетъ *земляной заяцъ* (*Scirtetes jaculus*) въ степяхъ юго-восточной Европы; общественную жизнь ведутъ *домашнія мыши* и *крысы*, которыя, какъ и нерѣдко наблюдали, на волю и въ неволѣ, даже и тогда не помышляютъ о разлукѣ, когда число ихъ возрастетъ до нѣсколькихъ сотъ; точно также и *полевые мыши*, концы жилища тянутъ тѣсными рядами.

Сѣверныя *пеструшки* (*лемминги*), ведущія во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ одинаковый образъ жизни съ ближайшими къ нимъ грызунами, стали намъ извѣстны преимущественно благодаря ихъ рискованнымъ и нерѣдко съ преувеличеніями описаннымъ странствіямъ; такіа путешествія предпринимаетъ онѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда непомѣрное размноженіе ихъ и недостатокъ пищи погоняетъ ихъ съ родины; изъ сотенъ тысячъ немногія лишь возвращаются въ отечество, вслѣдствіе истощенія, болѣзней и истребленія хищниками.

Тысячными обществами населяетъ скалы южно-американскихъ Кордильеръ *чинчилла* (*Eriomys Chinchilla*), грызунъ изъ семейства мышъ-зайцевъ; изъ каждой расщелины выглядываетъ голова звѣрка—и всѣ разомъ исчезаютъ, какъ только раздастся выстрѣлъ по одному изъ нихъ.

Путникъ, вступающій вечеромъ въ пашы и луговныя степи

Рис. 1. Вискаши.

Буэнос-Айреса, то и дѣло наткнется на дѣлы стада другого грызуна, *вискаши* (*Lagostomus trichodactylus*) (рис. 1 на стр. 836), также принадлежащаго къ мыше-зайцамъ. Жилища ихъ, каждое съ 40 — 50 выходами, тянутся непосредственно одно за другимъ, такъ что почва оказывается минированною на дѣлы мили. При малѣйшемъ шорохѣ животныя съ громкимъ крикомъ бросаются въ свои норы. Оригинально, что звѣрки эти сносятъ къ своей норѣ всевозможные пахоти-

ныхъ Патагонии. При малѣйшемъ шумѣ такая сталъ обращается въ бѣгство, слѣдуя за вожакомъ короткими, быстрыми скачками всегда по прямой линіи (рис. 4 на стр. 836—37). Мара живетъ въ большой дружбѣ съ птицей *Eudromias elegans*, изъ семейства куриныхъ; завидѣвъ эту птицу, можно быть увѣрену въ присутствіи стаи марь, и наоборотъ.

Кролики живутъ парно въ отдѣльномъ жилищѣ, но охотно устраиваютъ его близехонько отъ сосѣдскаго, такъ что возникаютъ дѣлы поселки и нерѣдко коридоры выходовъ взаимно пере-

Рис. 2. Бобры и ихъ постройки.

мые ими предметы: кости, гнѣзда, потерянные путешественниками вещи и проч.

Мара (*Dolichotis patagonica*), диковинный грызунъ изъ семейства полусокопытныхъ, живетъ обществами до 40 штукъ въ кустарныхъ пусты-

сѣкаются и спутываются. Точно также норы *мишустникова* на высокихъ горахъ внутренней Азии скопляются тысячами въ одномъ мѣстѣ.

Однокопытныя почти все безъ исключенія живутъ большими или меньшими обществами. Въ обширныхъ есе-

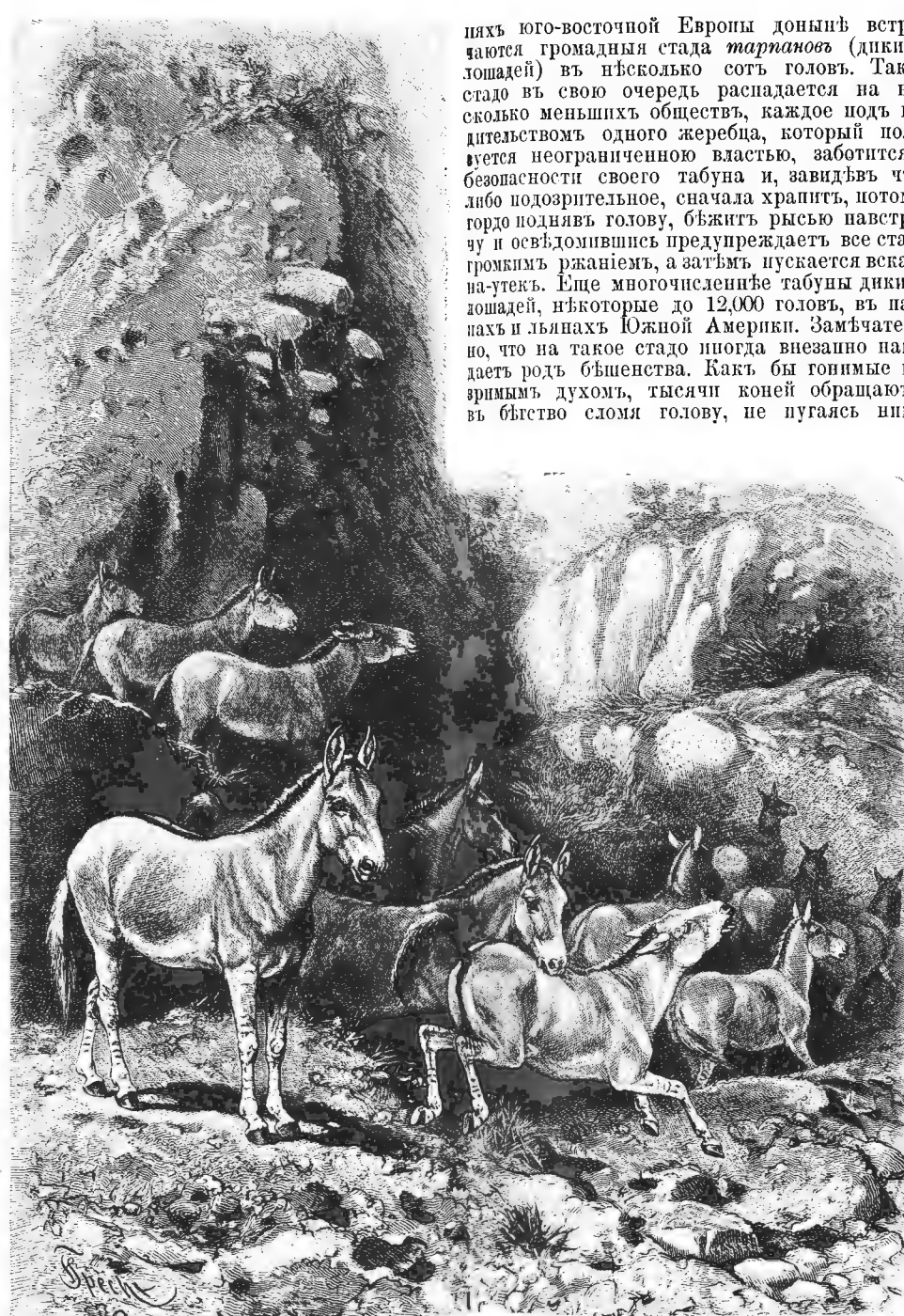

Рис. 3. Дингетай.

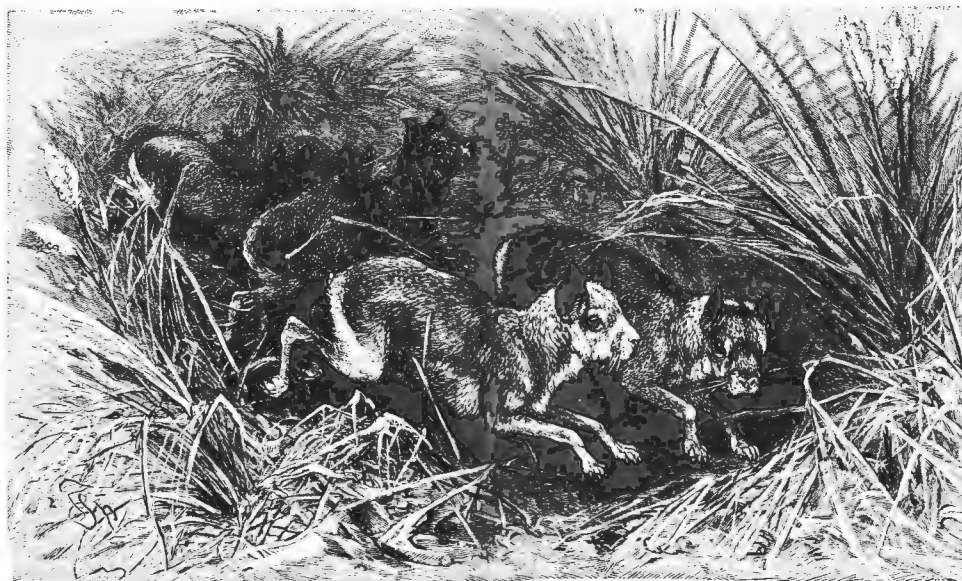

Рис. 4. Стадо марь.

ныхъ юго-восточной Европы донныя встрѣчаются громадныя стада *тарпановъ* (дикихъ лошадей) въ нѣсколько сотъ головъ. Такое стадо въ свою очередь распадается на нѣсколько меньшихъ обществъ, каждое подъ водительствомъ одного жеребца, который пользуется неограниченною властью, заботится о безопасности своего табуна и, завидѣвъ что-либо подозрительное, сначала хрипитъ, потомъ, гордо поднявъ голову, бѣжитъ рысью навстрѣчу и осведомившись предупреждаетъ все стадо громкимъ ржаніемъ, а затѣмъ пускается вскачь на-утѣкъ. Еще многочисленнѣе табуны дикихъ лошадей, нѣкоторые до 12,000 головъ, въ панахъ и льянахъ Южной Америки. Замѣчательно, что на такое стадо иногда внезапно нападаетъ родъ бѣшенства. Какъ бы гонимые незримымъ духомъ, тысячи коней обращаются въ бѣгство сломи голову, не пугаясь ника-

Рис. 5. Гну.

кихъ препятствій, увлекаютъ за собою встрѣчныхъ ручныхъ лошадей и бросаются нерѣдко съ отвѣсныхъ скалъ въ пропасть, гдѣ и разбиваются на смерть.

Въ степяхъ Азии донныя еще въ значительномъ числѣ водятся *куланъ* или *джеметай* (рис. 3 на стр. 836—37). Отдѣльные табуны, до 50-ти головъ, живутъ подъ водительствомъ одного жеребца; эти мелкія общества лѣтомъ сходятся, впрочемъ, не надолго, на пастбищахъ и пасутся вмѣстѣ. При наступленіи же зимы, все табуны непременно соединяются въ громадное стадо до нѣсколькихъ тысячъ головъ и все вкупи переселяются съ лѣтнихъ стоянокъ на зимнія. Какъ только снѣгъ начнетъ весной таять, они возвращаются на лѣтнія пастбища. Они живутъ въ дружбѣ съ яками (длинношерстными быками), тибетскими антилопами, сайгами, джейранами и дикими ба-

выхъ, красивыхъ видовъ зебры. Посреди ихъ видны полосатые гну, съ которыми *дау* дружатъ, также какъ стада квагъ — съ пестрыми антилопами, прыгунами и страусами. Мирно пасутся эти разнородныя животныя вмѣстѣ, спокойно пощипывая травку, пока спокойныя страусы; но какъ только эти осторожныя птицы почувствуютъ опасность и побѣгутъ, все разношерстное стадо кидается вслѣдъ за ними.

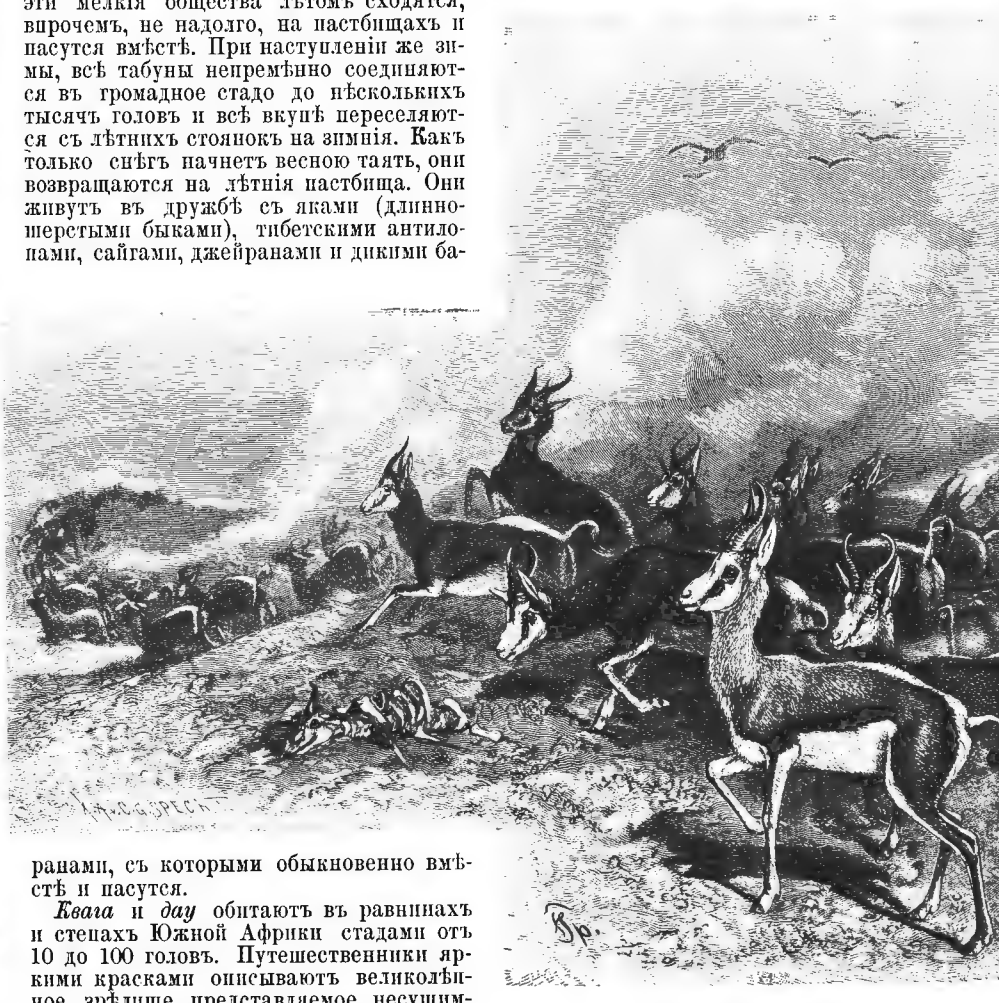

Рис. 6. Прыгуны.

раями, съ которыми обыкновенно вмѣстѣ и пасутся.

Квага и *дау* обитаютъ въ равнинахъ и степяхъ Южной Африки стадами отъ 10 до 100 головъ. Путешественники яркими красками описываютъ великолѣпное зрѣлище, представляемое несущимся во всю прыть стадомъ дау, этихъ рѣ-

Ближайшіе родственники верблюдовъ, *гуанако*, *лама*, *альпака* и *вилюн*, живущіи въ Кордильерахъ Южной Америки, всѣ—животныя общественныя. Гуанако собирается стадами до 100 головъ. Такое стадо состоитъ наичаще изъ одного стараго самца, при множествѣ самокъ и дѣтенышей. При началѣ засухи все общество перебирается къ вершинамъ Кордильеръ до самой снѣговой линіи, позднѣе спускается въ зеленѣющія долины. По временамъ стада предпринимаютъ дальніе странствованія къ излюбленнымъ пастбищамъ. — Ламы держатъ большими стадами на плоскихъ возвышенностяхъ Перу. Каждое утро онѣ безъ пастуха отираются со двора на пастбища, а къ вечеру возвращаются домой, нерѣдко приводя съ собою дикихъ гуанако или вигоней. Если къ пастбищу приближается путешественникъ, все стадо съ любопытствомъ бѣжитъ рысцой навстрѣчу ему. — Альпаки также остаются цѣлый годъ большими стадами на возвышенныхъ пастбищахъ горныхъ равнинъ и загоняются на дворы лишь ко времени вывода молодыхъ. Подобно гуанако, вигони также составляютъ стада изъ одного самца и многихъ самокъ. Самецъ чрезвычайно бдителенъ, возвыщаясь о каждой опасности рѣзкимъ свистомъ и въ бѣгствѣ всегда замыкаетъ стадо послѣднимъ въ арьергардѣ. Лѣтомъ онѣ остаются въ долинахъ, но какъ только пройдетъ время засухи, онѣ, подобно гуанако, взбираются на склоны Кордильеръ. Кромѣ этихъ правильныхъ стадъ, образуются еще табуны изъ однихъ самцовъ, побѣжденныхъ на поединкахъ съ болѣе счастливыми соперниками или молодыхъ прогнанныхъ самками. Въ такомъ табунѣ нѣтъ ни вожака, ни порядка, и все стадо при малѣйшей опасности приходитъ въ страшное смятеніе.

Лосы нашихъ сѣверныхъ лѣсовъ живутъ небольшими стадами, но не склонены къ общественной жизни. Старые самцы, ко времени вывода дѣтенышей, образуютъ отдѣльныя группы, а самки въ свою очередь разсѣиваются каждая со своимъ потомкомъ.

Въ большихъ сплошныхъ лѣсахъ Западной Европы даже неохотникъ наткнется иногда на довольно большія стада *олений*, и можетъ наблюдать что самки со своими дѣтенышами образуютъ отдѣльныя отъ старыхъ оленей общества. Только старые магерые самцы ведутъ отшельническую жизнь до брачной поры. Вожакъ оленьяго стада обыкновенно бываетъ самка. Лѣтомъ отдѣльныя стада встрѣчаются довольно высоко въ горахъ, зимою спускаются глубже въ долины. Таковъ-же образъ жизни *виргинскаго оленя* въ лѣсахъ Сѣверной Америки. — Ост-индскій *аксисъ* живетъ крупными стадами, выходитъ по ночамъ на кормежку, а днемъ держится въ бамбуковыхъ лѣсахъ или въ травяныхъ заросляхъ. — Самцы *бородача* въ Индіи послѣ брачной поры отдѣляются отъ стада, но держатся неподалеку отъ него и лѣтомъ вмѣстѣ съ нимъ передвигаются къ озерамъ, а въ дождливое время на горы. — *Олень палмъ* Южной Америки и наша *косуля* живутъ попарно или небольшими группами.

Широко раскинулись на западѣ Сѣверной Америки безлѣсныя, поросшія низкою травой, такъ называемыя „степи бизоновъ“. Здѣсь съ сентября до марта живетъ *вилорогъ* (*Antelope furcifer*) стадами въ нѣсколько сотъ головъ. Съ марта-же самки отдѣляются для вывода дѣтенышей, а старые самцы ведутъ скитальческую жизнь въ окрестностяхъ. Къ осени всѣ снова соединяются въ большія стада.

Поросшія преимущественно мимозами степи Средней и Южной Африки—родина великолѣннаго *жирафа*. Здѣсь бродитъ онъ кучками въ 6—8 головъ, а въ мѣстностяхъ особенно безопасныхъ, собирается въ стада и до 60 штукъ.

Гораздо многочисленнѣйшія звѣринныя общества представляютъ крупныя антилопы, собирающіяся по нѣскольку тысячъ вмѣстѣ. *Газель* образуетъ стайки въ 3—8 особей, рѣже отъ 40 до 50 головъ. Также африканскій *куду*, *сернобыки*, *нильгау* или *голубыя антилопы* живутъ болѣею частью попарно или мелкими группами. Напротивъ, *серны*, *прыгуны*, *бубалы*, *гну* и *оленебыки* собираются громадными стадами. Весьма общительная серна образуетъ нерѣдко многочисленныя стаи, состоящія изъ молодыхъ самцовъ, самокъ и дѣтенышей, тогда какъ старые козлы держатся особо. Не однимъ охотникамъ доставляетъ истинное удовольствіе подкрасться къ такой компаніи на водѣ и наблюдать ея нравы. Во главѣ стада стоитъ обыкновенно старый, опытный и бывалый въ передѣлкахъ козель, которому и выдается роль вожака въ странствованіяхъ и въ бѣгствѣ. Пока стадо спокойно отдыхаетъ гдѣ-нибудь на обрывѣ утеса, нѣсколько сернь постоянно караулятъ въ разныхъ мѣстахъ, и каждый сторожъ, завидѣвъ опасность, даетъ рѣзкій свистокъ, послѣ чего все стадо съ вожакомъ впереди несется прочь. — *Прыгунъ* (рис. 6 на стр. 837) водится въ громадныхъ количествахъ по неогляднымъ, скуднымъ растительностию пустынямъ Южной Африки. Когда пересохнутъ болота—что случается почти черезъ каждыя пять лѣтъ—мылліоны этихъ звѣрей направляются къ Канской области, уничтожая по пути всякую растительность. Только съ наступленіемъ дождей возвращаются они на родину. Каждое стадо — „бечевниковъ“, какъ ихъ называютъ голландскіе буры, — состоитъ изъ нѣсколькихъ тысячъ особей, и стада ваятъ одно за другимъ. Такой походъ увлекаетъ за собою все попадаю-

щееся по дорогѣ; пасущіеся домашній скотъ присоединяется къ нему; даже львы попадаютъ въ общій потокъ, и не находя изъ него выхода, принуждены бывають слѣдовать въ общей давкѣ. Позади такихъ отрядовъ тянутся другіе львы, леопарды, гиены, шакалы и хищныя птицы, легко находящія при этомъ большую добычу. Такъ какъ антилопы, двигающіяся во главѣ шествія, легче прочихъ находятъ подпожный кормъ, то онѣ постоянно жирѣютъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ облѣшиваются и отстаютъ; поэтому въ теченіе странствованія голодные задніе ряды протискиваются впередъ и такимъ образомъ идетъ постоянная смѣна передовыхъ отсталыми. Странныя движенія продѣлываетъ такое стадо прыгуновъ, если внезапно вспугнуть его съ мирнаго пастбища. Почти отвѣсными, въ саженъ высоты и 2½ сажени длины, прыжками уносится все стадо, представляя одно изъ самыхъ диковинныхъ зрѣлищъ. Прыгуны часто встрѣчаются въ компаніи съ гну, страусами, квагами, причемъ ихъ необычайная бдительность идетъ на пользу прочимъ, менѣе осторожнымъ антилопамъ. — Громадныя стада *бубаловъ пестрыхъ*, *бубаловыхъ* и *каамъ* оживляютъ плоскія возвышенности внутренней Африки, болѣею частью въ товариществѣ съ гну, прыгунами и страусами. Стада каамъ всегда предводимы старымъ козломъ. — Скудно поросшія мимозами луговая степь Южной Африки населена многочисленными стадами *оленебыковъ* въ нѣсколько сотъ головъ, распадающимися въ свою очередь на болѣе мелкія группы въ 8—10 штукъ. Во время засухи, они переселяются въ обильныя влагой низменности, причемъ все стадо ведетъ старый самецъ. — Громадныя стадами, соединяясь съ прыгунами и квагами, скитается *гну* (рис. 5 на стр. 837) по внутренней Африкѣ и ежегодно предпринимаетъ дальніе странствія въ поискахъ за пищей. Когда къ такому стаду приближается путешественникъ, эти веселыя и подвижныя антилопы со всѣхъ сторонъ окружаютъ его экипажъ забавными прыжками и курбетами.

Козы и овцы всѣ безъ исключенія живутъ большими или меньшими обществами. Такъ, *горный козель* (рис. 7 на стр. 839) въ Пиренеяхъ собирается стадами во сто штукъ, причемъ козлы держатся отдѣльно отъ козь, и во главѣ каждой группы стоитъ сильнѣйшая и старѣйшая особь. Такой вожакъ идетъ впереди, осматриваетъ и обнюхиваетъ мѣстность, затѣмъ подзываетъ стадо, отирается снова впередъ и такимъ образомъ предусмотрительно заботится о безопасности своего стада. На пастбищѣ всегда выставляется нѣсколько сторожей. Свистъ уведомляетъ о грозящей опасности. Особенно осторожны самки. — *Безоардовъ козель* Западной и Средней Азии въ брачную пору живетъ небольшими стадами, остальное время года—стадами въ 40—50 головъ. — *Антилопы* Средней Азии точно также въ брачную пору собирается небольшими стадами въ 10—15 штукъ, нѣзъ коихъ во время пастбища то та, то другая попеременно сторожить. — *Муфлонъ*, хотя и ставшій довольно рѣдкимъ вслѣдствіе постоянного преслѣдованія охотниками, все еще встрѣчается по недоступнымъ, обрывистымъ горнымъ утесамъ Сардиніи и Корсикѣ стадами отъ 50 до 100 штукъ, подъ водительствомъ стараго, сильнаго козла; къ брачной порѣ стада эти распадаются на мелкія группы. Муфлоны также выставляютъ сторожей, которые предупреждаютъ товарищей объ опасности тревожнымъ крикомъ. — *Качкарь* населяетъ горныя равнины внутренней Азии, зимой стадами отъ 5 до 30 головъ. Къ такому обществу принадлежатъ нѣсколько самокъ, одинъ изъ коихъ является вожакомъ. Онъ идетъ всегда впереди, по временамъ останавливается, дабы увѣриться въ безопасности окрестностей, взбирается на высокіе утесы, чтобы лучше оглядѣть мѣстность, и какъ только завидитъ что-либо подозрительное, опротивью выдвигается на-утекъ и все стадо за нимъ. На почлягахъ и отдыхахъ козлы всегда ложатся нѣсколько поодаль, чтобы лучше обозрѣвать мѣстность.

Всѣ быки безъ исключенія живутъ обществами, нерѣдко стадами въ нѣсколько тысячъ особей подъ водительствомъ старика. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда вожакъ усвоитъ себѣ злыя повадки, онъ изгоняется всѣмъ обществомъ и осуждается на одинокую жизнь. Стадами въ 20—30 штукъ населяетъ *мускусный быкъ* доли и низменности сѣверныхъ тундръ. Когда же осенью переходитъ въ лѣса или лѣтомъ приближается къ рѣкамъ, то соединяется въ огромныя стада. — *Лыкъ* тибетскихъ горъ живетъ большими обществами только въ мѣстностяхъ изобилующихъ богатыми пастбищами, болѣею же частью встрѣчается мелкими группами. Такія стайки, впрочемъ, не отходятъ далеко одна отъ другой, и при опасности соединяются въ общее стадо, окружая дѣтенышей и молодыхъ какъ бы кольцомъ, а сами ожидаютъ нападенія, причемъ нѣкоторые быки отходятъ отъ главныхъ силъ, словно образуя форпосты. Если угрожаетъ серьезная опасность, все стадо обращается въ бѣгство, наклонивъ головы къ землѣ, затѣмъ останавливается перевести духъ, снова окружая дѣтенышей, и если нужно, вторично бѣгутъ, на этотъ разъ уже гораздо дальше. — *Кафрскій буйволъ* живетъ стадами въ 40—50 головъ, иногда же и въ нѣсколько сотъ, по болотистымъ мѣстностямъ или въ дѣтвенныхъ лѣсахъ и даже безлѣсныхъ степяхъ Средней и Южной Африки; въ первобытномъ лѣсу, если нѣтъ слоновей или носорожьей тропы, онъ со страшной силой прокладываетъ себѣ собственную дорогу. —

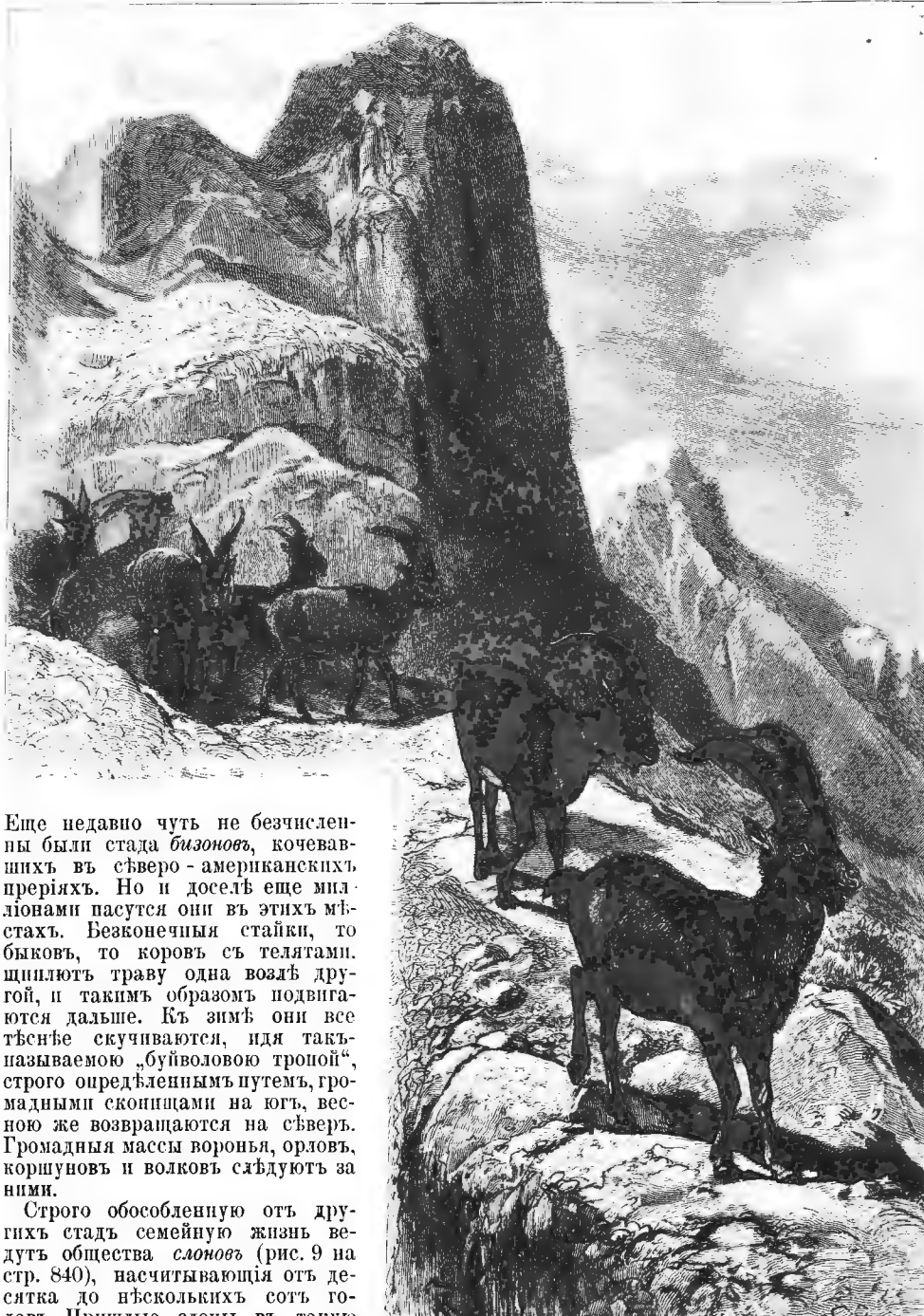

Рис. 7. Горные козлы.

Еще недавно чуть не бесчисленны были стада *бизоновъ*, кочевавшихъ въ сѣверо-американскихъ преріяхъ. Но и доселѣ еще миллионами пасутся они въ этихъ мѣстахъ. Безконечныя стайки, то быковъ, то коровъ съ телятами, щиплютъ траву одна возлѣ другой, и такимъ образомъ подвигаются дальше. Къ зимѣ они все тѣснѣе скучиваются, идя такъ-называемою „буйволовою тропой“, строго опредѣленнымъ путемъ, громадными скопичами на югъ, весной же возвращаются на сѣверъ. Громадныя массы воронья, орловъ, коршуновъ и волковъ слѣдуютъ за ними.

Строго обособленную отъ другихъ стадъ семейную жизнь ведутъ общества *слоновъ* (рис. 9 на стр. 840), насчитывающія отъ десятка до нѣсколькихъ сотъ головъ. Пришлые слоны въ такую семью не допускаются, и даже случайно отбившійся отъ стада товарищъ навсегда изъ него исключается. Умѣвшій въ стадѣ слонъ становится вожакомъ, ему безусловно повинуются прочіе, а онъ исполняетъ свою должность съ изумительными обдуманностью и вниманіемъ. Путешественники не нахвалятся, съ какою предусмотрительностью вожакъ водить свое стадо на пастбище или на водопой, какъ онъ то и дѣло лично освѣдомляется нѣтъ-ли какой опасности, какъ беззвучно ступаетъ при этомъ колоссальный звѣрь, какъ разставляетъ сторожей на приличныхъ мѣстахъ, формируетъ передовой отрядъ и арьергардъ, прежде чѣмъ позволить всему стаду двинуться въ путь, и какъ слѣпо ему повинуются все общество. Въ первобытномъ лѣсу слоны прокладываютъ болѣзныя дороги, которыми впоследствии пользуются путешественники.

Въ богатыхъ разсѣлинахъ при-

Рис. 8. Гиппопотамы.

брежныхъ и пустынныхъ горахъ Африки, на краю утесовъ попадаются цѣлыя ряды *жираковъ* или *дамановъ*, которые постоянно живутъ обществами, оставаясь вѣрными своей ослѣдлости. Пасясь или отдыхая, они всегда выставляютъ часовыхъ.

Весьма обитательны также *кабаны*, которые держатся стадами, день проводятъ на логовищѣ, а къ вечеру выходятъ на кормежку. — Стадами живетъ и *бородавочникъ* Средней Африки; стая ихъ сообща даетъ отпоръ нападающему и можетъ стать весьма опасною охотнику.

Гиппопотамы (рис. 8 на стр. 839) образуютъ мелкія стайки и крупныя стада. По сосѣдству съ ними всегда держится маленькая *цапля-витъ* и *крокодиловый сторожъ* (*Hyas aegyptiacus*), которые ловятъ на хребтѣ гиганта всевозможныхъ паразитовъ; сторожъ повидимому даже предупреждаетъ гиппопотаму своимъ крикомъ объ опасности.

Настоящіе кочевники и притомъ живущіе обществами суть *киты*. Сотни нѣрѣдко различныхъ видовъ собираются вмѣстѣ и совершаютъ свои странствія по волнамъ океана. Обыкновенно подобными стаями предводительствуютъ нѣсколько самцовъ. Потребность въ пищѣ, родственныя связи, инстинктъ общности и любовь къ переселеніямъ удерживаютъ ихъ вкупу. — Маленькими стайками рыщутъ по морю за добычей кровожадные *дельфины-косатки*, поднимая спинной плавникъ на подобіе сабли надъ поверхностью воды, или наситившись сокращаютъ свой досугъ всевозможными играми между собою. Тѣсно сплоченными стадами, нѣрѣдко въ нѣсколько сотъ штукъ — моряки называютъ эти скопича „школами“ — слѣзаетъ за кораблемъ *обыкновенные дельфины* (*морскія свиньи*), кувыркаясь и прыгая надъ водой. — Многотысячныя стада образуютъ самцы и самки *нарвала* (рис. 10 на стр. 840), который большую часть года проводитъ на крайнемъ сѣверѣ и только въ самыя суровыя зимы спускается къ югу. — „Школами“ же въ 20 — 30 особей слѣзаетъ „учителемъ“ — старымъ самцомъ во

главъ, плаваютъ громадный кашалотъ на глубочайшихъ мѣстахъ моря; вожакъ защищаетъ стадо отъ всѣхъ нападеній; нередко нѣсколько „школъ“ соединяются стадомъ въ нѣсколько сотъ особей; иногда старые и молодые самцы образуютъ особое стадо.

Громадными стаями появляется и *полосатикъ*, ежегодно и регулярно совершающей свои рейсы между экваторомъ и полюсами.

Гренландскій китъ живетъ болѣею частью небольшими группами въ 3 — 4 особи. Предпринимая же свои дальнѣйшія странствія съ юга на сѣверъ и наоборотъ, онъ собирается въ сотенныя стаи.

Отрядъ беззубыхъ содержитъ въ себѣ необщительныхъ, уединенно живущихъ звѣрей. Также и между *двухъробками* лишь темныя виды, какъ напр. *сарганъ бѣлый* (*Petaurus scutigerus*) и *кенгуръ* живутъ обществами. Последнія попадаются стадами въ 50 — 100 штукъ, населяющими общія пастбища, соединенныя между собою тропинками. Старый самецъ служитъ вожакомъ, которому слѣдуетъ повиноваться все стадо, отправляясь утромъ и вечеромъ на пастбище и т. п.

Къ рисункамъ.

Церковь Св. Самсонія въ СПб.

(Рис. на стр. 825)

На Выборгской Стронѣ нашей столицы, по Самсоніевскому проспекту, стоитъ старинный храмъ византийскаго архитектурнаго стиля, посвященный по преимуществу фабричнымъ и рабочимъ людямъ той мѣстности. Это — церковь Св. Самсонія Страннопримца, одинъ изъ древнѣйшихъ храмовъ Петербурга, которому въ августѣ текущаго года исполнилось ровно сто пятьдесятъ лѣтъ. Основанная Петромъ Великимъ въ воспоминаніе побѣды подъ Полтавою въ 1709 г., церковь Св. Самсонія сперва была простою, деревянною кладбищенскою церковью и, простоявъ въ такомъ видѣ непродолжительное время, начала приходить въ разру-

шеніе. Тогда вмѣсто нея была въ 1728 г. заложена каменная, существующая и понынѣ, и черезъ двѣнадцать лѣтъ, по окончаніи, была освящена 19 августа 1740 года. Первоначально при церкви находилось два придѣла — во имя Св. Іоанна Божьего и Архистратига Михаила, но сооруженіи которыхъ старая деревянная церковь въ 1737 г. была разобрана и на ея

мѣсто поставлена каменная часовня, и уже въ 1740 г. былъ отстроенъ главный придѣлъ во имя Св. Самсонія, освященный Варсонофіемъ, епископомъ Архангельскимъ и Холмогорскимъ. Церковь эта хранитъ много остатковъ старинныя и замѣчательна своимъ предалтарнымъ иконостасомъ древней рѣзной работы съ колоннами, херувимами и другими изображениями и съ иконами греческаго письма. Изъ древностей здѣсь особенно интересны: золото-парчевая фелонь 1760 г., серебряные вызолоченные потиръ и дарохранительница, пожертвованные купцомъ Лапшинымъ въ 1765 г., вѣсомъ 1 п. 9 фунт., и два большія Евангелія, изъ которыхъ одно кievскаго изданія 1703 г. съ символическими вершинами въ честь царевича Алексѣя Петровича на первомъ листѣ книги. Съ давнихъ лѣтъ въ Самсоніевской церкви хранятся часть ризы Господней и два серебряныхъ креста съ мощами. На западной стѣнѣ при входѣ помещено изображение Петра I, сидящаго въ лагерьной палаткѣ, съ непокрытою головою, въ рыцарскомъ одѣянн и царской порфирѣ; возлѣ государя стоить, на которомъ лежатъ корона, скипетръ и державы, а далѣе

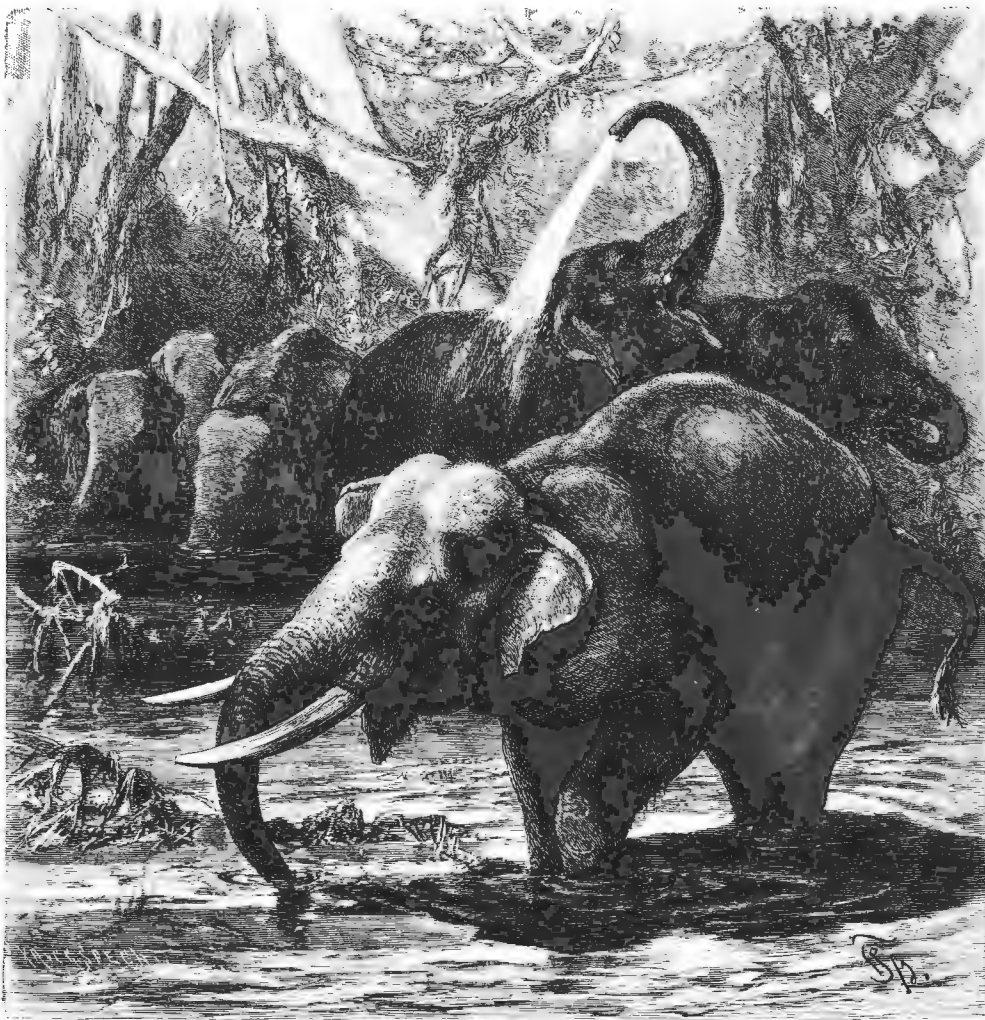

Рис. 9. Слоны.

Рис. 10. Нарвалы (единороги).

шлемъ, кирасы, знамена, барабанъ, пушка и пирамида изъ ядеръ. Въ оградѣ — кладбище, гдѣ замѣчательнъ памятникъ на могилѣ казенныхъ 27 іюня 1740 года Артемія Волинскаго, Хрушова, Ерощина. Нынѣ при Самсоніевской церкви учреждены пріютъ для малолѣтнихъ обою пола и богадѣльня для престарѣлыхъ женщинъ на частныя пожертвованія. При церкви до Екатерины II ежегодно, 27 іюня, проис-

Разграбленіє Рима вестготами Алариха. Рис. Поліаги, грав. Сабатини.

ходилъ церковный парадъ, на которомъ иногда присутствовали и государи.

За водой. (Рис. на стр. 828).

Въ Малороссіи мало рѣчекъ, мѣсто ихъ по хуторамъ занимаютъ пруды (става), вода которыхъ большею частью не вкусна; поэтому для питья и варки пищи берутъ воду изъ колодезь искусственныхъ (журавлемъ) или естественныхъ (ринницъ). Рисунокъ г. Котлиревскаго изображаетъ молодницу возвращающуюся отъ колодца напрямки черезъ плетень.

Голландская школа встарину. (Рис. на стр. 829).

Такъ-называемая *пѣли* давно отошли въ область преданій, и въ нынѣ дѣйствующемъ поколѣніи многіе люди уже не первой молодости, по всему вѣроятію, даже не слышали объ этомъ педагогическомъ средствѣ. А между тѣмъ оно широко практиковалось на Руси не далѣе какъ въ тридцатыхъ и даже сороковыхъ годахъ, почти по всѣмъ семинаріямъ и сельскимъ школамъ. Это небольшая лопаточка изъ твердаго дерева, которою учитель билъ по ладонямъ провинившагося или лѣниваго ученика, причемъ послѣдній самъ долженъ былъ подставлять руку. „Вешать“ десятка два пѣлей—было самымъ обычнымъ наказаніемъ.

Въ національной ирландской галлерей, въ Дублинѣ, находится интересная картина голландскаго художника Яна Стеена, изображающая школу XVII вѣка съ расправою пѣлямъ. Подобно множеству другихъ соплеменниковъ, напримеръ, Остадамъ, Куниамъ, Дову, Тербургу, Метцу, Янъ Стеенъ знакомитъ зрителя со старинной домашней обстановкой современной ему Голландіи, оставляя незамѣтными иллюстраціи минувшей жизни. Родившись въ Лейденѣ въ 1626 году, онъ учился живописи у Н. Кнуифера въ Утрехтѣ и у Адриана ванъ-Остада, въ Гарлемѣ, 22-хъ лѣтъ онъ былъ принятъ въ гильдію живописцевъ въ Лейденѣ и съ тѣхъ поръ написалъ не мало картинъ, преимущественно сценъ изъ жизни бюргеровъ и изъ Священнаго Писанія. Онъ умеръ въ родномъ городѣ въ 1679 году.

„Молящаяся Богоматерь“. Карт. К. Чиньяни.

(Рис. на стр. 833).

Итальянскій живописецъ Карло Чиньяни родился 15 мая (н. с.) 1628 года въ Болоннѣ, учился сначала у Каиро, потомъ у Альбани, изучая притомъ творенія Тициана, Гвидо Рени, Караджи и Корреджо. Въ Болоннѣ для дворца Фарнезе онъ написалъ двѣ фрески, изображающія: одна—короля Франциска I посѣщающаго больныхъ проѣздомъ черезъ Болонью, а другая—въѣздъ папы Павла III,—затѣмъ, по заказу герцога Пармскаго, Рануччо, „Зачатіе Пресвятой Дѣвы Маріи“, и главное свое произведеніе, надъ которымъ трудился 20 лѣтъ, фрески въ куполѣ церкви Мадонны дель-Фуоко въ Форли, изображающія Успеніе Богоматери. Послѣднее его картиной было *Рожденіе Юпитера*, которую онъ написалъ на 80-мъ году жизни, для курфюрста Пфальскаго (нынѣ въ Мюнхенской пинакотека). Чиньяни умеръ 6 сентября 1719 г. въ Болоннѣ. Папа Климентъ XI назначилъ его директоромъ Болонской академіи живописи, герцогъ Рануччо возвелъ его въ рыцарское достоинство. Чиньяни былъ послѣднимъ великимъ живописцемъ Болонской школы. Стиль его своеобразенъ, концепція замысловата, рисунокъ правильный, колоритъ веселый, но не безъ теплоты; женскія и дѣтскія фигуры полны вкуса и граціи.

Разграбленіе Рима вестготами Алариха.

(Рис. на стр. 841).

Въ 410 г. по Р. Х., король (кунингъ) вестготовъ Аларихъ, уже считавшій себя истиннымъ повелителемъ Западной Римской имперіи, потребовалъ у императора Гонорія отреченія отъ престола, и получивъ отказъ, рѣшился во что бы то ни стало покончить съ Римомъ. Онъ объявилъ (третьимъ по счету) походъ на столицу. Вѣчный городъ казался обреченнымъ гибели. Это было въ послѣдніе дни августа 410 года. Съ надеждой на добычу, неполенные отъяги, пошли десятки тысячъ воиновъ Алариха изъ Этрурїи на Римъ. Стѣны не могли защитить города; жители были слабы и изнѣжены. Когда готы подошли къ Риму, оборона его была такъ слаба, что нѣсколькимъ человѣкамъ удалось перелѣзть черезъ стѣну и открыть ворота. Ворвавшись въ городъ, кунингъ отдалъ его на разграбленіе солдатамъ. Съ побѣдителями соединились рабы, призванные къ свободѣ. Разрушеніе было бы ужаснѣе, если-бы Аларихъ и его воины не были христианами. Кунингъ, хотя и арианинъ, запретилъ грабить католическія церкви и, подъ страхомъ смертной казни, приказалъ воинамъ шадить имущество всѣхъ духовныхъ. Свирѣпость воиновъ обрушилась на памятники языческаго искусства. Разрушены были дворцы цесарей, откуда нѣкогда шли строгія мѣры противъ германцевъ. Грабежъ города продолжался три дня и прекратился по слѣдующему поводу. Одинъ воинъ пришелъ въ домъ къ христианинѣ и сталъ отнимать у нея золотые сосуды; но она сказала, что они священны и взяты съ гроба Св. Петра. По приказанію Алариха, эти предметы съ торжествомъ были перенесены во храмъ Аноста. Римляне, составившіе процес-

сію, забили священныя вѣнны. Варвары перестали свирѣпствовать, присоединились къ процессіи, и грабежъ прекратился.

Усадьба въ Гомонтовѣ. (Рис. на стр. 844).

Имѣніе „Гомонтово“, въ которомъ назначено во время текущихъ маневровъ Высочайшее пребываніе Ихъ Величества Государя Императора и Государыни Императрицы, а также Германскаго императора, находится въ Петергофскомъ уѣздѣ и расположено на Нарвскомъ почтовомъ трактѣ, въ 13 верстахъ отъ станицы Касково и въ 8 отъ Чирковицъ. Ближайшая станція Балтійской желѣзной дороги, Волосово, въ 27 верстахъ. Уже въ 1884 году, Ихъ Величества съ Августѣйшими Дѣтьми пробыли здѣсь 8, 9, 10, 11 августа, также во время маневровъ.

Имѣніе это принадлежитъ сенатору барону И. О. Веліо; оно родовое и съ начала нынѣшняго столѣтія находится въ рукахъ этой фамиліи.

Усадьба расположена въ ста сажняхъ отъ шоссе, и къ ней ведетъ двойная липово-березовая аллея. Домъ деревянный, двухъ-этажный, на каменномъ фундаментѣ, крытый желѣзомъ. Кругомъ разбитъ садъ со старинными деревьями различныхъ породъ (въ особенности замѣчательны сибирскія пихты и лиственницы) съ множествомъ цвѣточныхъ клумбъ и разныхъ цвѣтущихъ кустовъ. Садъ обнесенъ рвомъ и густо обсаженъ нѣсколькими рядами деревьевъ, такъ что извнѣ взглядъ почти не проникаетъ въ садъ. Съ другой стороны дома, на довольно открытой лужайкѣ, устроены всѣкія прыгъ: качели разныхъ системъ, гигантскіе шари, гимнастика и кегли съ бесѣдою. Противъ крытаго подъѣзда обширный дугъ, вдоль котораго тянутся правильно линіей разныя хозяйственныя строенія: кухня, ледникъ, амбары, людскія помѣщенія, контора, конюшни и сарай, скотный дворъ, навѣсы, гумно, кузница и пр. и пр. Промежутки между строеніями всѣхъ засажены группами деревъ различныхъ породъ, а заборы—хмѣлемъ или живыми изгородями изъ стриженыхъ ёлокъ и боярышника. За предѣлами сада и двора, вокругъ всей усадьбы, расположены мызные поля на значительное пространство во всѣ стороны.

Полевое хозяйство ведется здѣсь рациональное, 12-ти-польнаго сѣвооборота съ травосѣяніемъ, при помощи машинъ и повѣйшихъ орудій; поля гладкія, ровныя и очищены отъ крупныхъ и даже мелкихъ камней. Большіе полевые камни были употреблены на строенія, какъ-то: скотнаго двора, гумна съ ригами, навѣсовъ для сѣна и сноповъ и пр., а мелкие камни пошли на устройство дорогъ. При имѣніи содержится стадо, около ста головъ скота улучшенной породы, а молочные скоты сбываются въ Петербургъ. Для полевыхъ работъ имѣются 12 лошадей и 8 человѣкъ годовыхъ рабочихъ. Крестьяне соседнихъ деревень пользуются, сверхъ своего падка, отъ владѣльца лишнею пахатною землею, лѣсными сѣнокосами, выгонами для скота и топливомъ, а за то справляютъ владѣльцу по условію разныя работы при уборкѣ съ поля сельскихъ произведеній.

При имѣніи около 800 десятинъ лѣсу мѣшанныхъ породъ, раздѣленныхъ на участки. Пользованіе лѣсомъ состоитъ въ заготовкѣ дровъ для продажи; вырубка-же производится ежегодно, но не сплошная, а лишь отдѣльною выборкою деревьевъ достигшихъ полного возраста, и съ такимъ расчетомъ, чтобы по истеченіи извѣстнаго срока опять возвращались для вырубки въ первоначальный участокъ. Строеной лѣсъ вовсе не продается, а употребляется для надобностей имѣнія. Лѣсные участки, въ которыхъ производится вырубка, очищаются отъ кустарника и содержатся въ чистотѣ, такъ что скорѣе похожи на паркъ и, находясь вблизи усадьбы, служатъ самую приятною прогулкою.

Имѣніе Гомонтово считается однимъ изъ наилучше-устроенныхъ имѣній Петергофскаго уѣзда, и посѣтителю часто прїѣзжаютъ сюда для ознакомленія со всѣми отраслями хозяйства. Вообще видно, что здѣсь трудилось уже не одно поколѣніе владѣльцевъ и что тутъ приложено не мало постоянныхъ и послѣдовательныхъ заботъ и стараній. Нынѣшній владѣлецъ уже много лѣтъ проживаетъ здѣсь постоянно зимою и лѣтомъ.

Д. И. Журавскій. (Портр. на стр. 845).

Въ глуши Повгородской губерніи, на рѣкѣ Веревѣ, черезъ которую проходитъ Николаевская желѣзная дорога, невольно обращаетъ на себя вниманіе профѣжающій длинный мостъ. Онъ тянется на протяженіи полуверсты слишкомъ и, несмотря на свои громадныя размѣры, держится лишь на восьми бѣгахъ, не считая боковыхъ устоевъ, и образуетъ между ними пролеты въ 25½ саж. каждый. Этотъ мостъ, представляющій одно изъ замѣчательнѣйшихъ сооруженій подобнаго рода не только въ Старомъ но и въ Новомъ свѣтѣ, построено челоѣкомъ русскимъ—извѣстнымъ инженеромъ Журавскимъ, который недавно праздновалъ пятидесятилѣтіе своей, въ высшей степени полезной, служебной дѣятельности. Имя Журавскаго, какъ спеціалиста по постройкѣ мостовъ, знатока желѣзнодорожнаго вопроса и какъ прекраснаго администратора, поль-

зается у нас громкою известностью. Онъ одинъ изъ первыхъ сталъ заниматься изученіемъ системы американскихъ мостовъ, посвятивъ много лѣтъ на численіе раскосной системы Гау, помещающейся въ одной плоскости, составилъ проектъ для перестройки шпика на колокольнѣ собора Петербургской Петропавловской крѣпости, указавъ наиболее выгодныя направления желѣзныхъ дорогъ, глубоко изучивъ характеръ внутренняго движенія въ Россіи и принимая въ соображеніе элементы вліяющія у насъ на ходъ торговли. Кромѣ того, онъ болѣе пятнадцати лѣтъ дѣятельно работалъ въ Совѣтѣ Управленія Главнаго Общества, и когда Общество оказалось несоостоятельнымъ въ дѣлѣ окончанія постройки безъ правительственной помощи отданныхъ ему линій, инженеръ Журавскій принималъ большое участіе въ преобразованіяхъ Общества, много поработалъ онъ и въ комитетѣ, которой поручено было принять мѣры для оказанія помощи судоходству, когда въ 1876 году нашей столицѣ угрожало бѣдствіе отъ чрезвычайнаго обмѣтыванія приладожскихъ каналовъ, служащихъ для подвоза произведеній Приволжскаго и Заволжскаго краевъ, а также лѣсныхъ матеріаловъ и дровъ, которыми Петербургъ снабжается съ береговъ рѣкъ, впадающихъ въ Ладожское и Онежское озера. Его большое сочиненіе, надъ которымъ онъ поработалъ около десяти лѣтъ, „О мостахъ по раскосной системѣ Гау“, удостоено полной Демидовской преміи и встрѣтило лестные отзывы разныхъ специалистовъ и вѣстнаго математика, академика П. А. Чебышева, по мнѣнію которыхъ этотъ трудъ показываетъ необыкновенную ловкость автора въ математическихъ приемахъ и въ приложеніи положительныхъ наукъ къ строительному искусству. Сочиненіе это по заключающимся въ немъ выводамъ и формуламъ, по замѣчанію инженера-генерала Дестрема, занимаетъ первое мѣсто между записками и изслѣдованіями о выгодахъ и невыгодахъ мостовъ системы Гау; составленная Журавскимъ теорія была изложена имъ ранѣе появленія гдѣ-либо разбора раскосной системы, а самый разборъ нигдѣ не былъ сдѣланъ такъ полно и удовлетворительно. По еще болѣе прославился инженеръ Журавскій исполненіемъ трудной и замѣчательной по смѣлости, прочности и щегольству работы сооруженія Петропавловскаго шпика, причемъ автору проекта этого сооруженія удалось сдѣлать значительное сокращеніе издержекъ по перестройкѣ шпика. Ему же принадлежатъ труды по возобновленію части моста черезъ рѣку Мсту, истребленной пожаромъ. Въ своихъ статьяхъ по вопросу о желѣзныхъ дорогахъ, напечатанныхъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* и *Современникѣ* 1856 года, Журавскій обнаружилъ всестороннее и серьезное знакомство съ предметомъ и полную независимость взгляда, шедшаго въ разрѣзъ съ идеями французскихъ писателей по этому вопросу, которымъ придавали тогда въ Россіи не малое значеніе. Въ этихъ статьяхъ онъ проводилъ особенно настойчиво ту мысль, что по устройствѣ сѣти желѣзныхъ дорогъ значительная часть отпускиной торговли черноморской обратится къ морю Балтійскому. Соображенія Журавскаго впоследствии вполне оправдались, и нынѣ въ Либаву, портъ Балтійскаго моря, отправляется хлѣбъ изъ мѣстностей, отстоящихъ почти въ три раза дальше, чѣмъ отъ Черноморскаго порта — Николаева.

Тайный совѣтникъ корпуса инженеровъ Путей Сообщенія, членъ Совѣта Министра Путей Сообщенія, Дмитрій Ивановичъ

Журавскій родился 17 декабря 1821 года въ имѣніи родныхъ своей матери, селѣ Бѣломъ, Курской губерніи, Щигровскаго уѣзда. На девятомъ году онъ былъ отпущенъ въ Иѣжинъ для поступленія вольноприходящимъ ученикомъ въ Гимназію Высшихъ Наукъ князя Безбородко и, благодаря отличной домашней подготовкѣ, выдержалъ экзаменъ въ третій классъ, но по молодости лѣтъ былъ принятъ, 30 іюля 1830 года, во 2-й классъ. Оказывая хорошие успѣхи вообще, онъ обнаружилъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ, особенную склонность къ математическимъ наукамъ. Окончивъ курсъ Иѣжинскаго лицей въ 1838 году съ правомъ на чинъ XIV класса, онъ уѣхалъ въ Петербургъ искать мѣста, но, услышавъ о томъ, какіе блестящія ученые — Остроградскій, Гессъ, Кунферъ, Буныковский — преподають въ Институтѣ корпуса инженеровъ Путей Сообщенія, поступилъ въ это учебное заведеніе, гдѣ также блистательно окончилъ курсъ, причемъ имя его было занесено золотыми буквами на мраморной доскѣ Института. Выпущенный въ офицеры, онъ поступилъ, 22 іюня 1840 года, на государственную службу и былъ назначенъ на изысканія желѣзной дороги между Петербургомъ и Москвою. Его неутомимая дѣятельность на линіи, проводимой тогда черезъ Повгородъ, его любовь къ дѣлу и прекрасныя познанія обратили на него вниманіе начальника Сѣверной Дирекціи, а впоследствии министра, П. П. Мельникова, который оставилъ молодого инженера при себѣ, по окончаніи работъ, для составленія проектовъ мостовъ, надъ чѣмъ онъ и проработалъ нѣсколько лѣтъ. Затѣмъ, когда ему было всего 23 года, и то исполняя, ему поручили постройку Верейскаго моста, исполненную имъ блистательно. Весною 1855 г. его командировали на изысканія желѣзной дороги между Москвою и Орломъ, а по возвращеніи въ Петербургъ осенью слѣдующаго года поручили составленіе проекта по перестройкѣ шпика въ соборѣ Петропавловской крѣпости. За эту постройку онъ получилъ чинъ полковника, и въ 1869 году былъ посланъ въ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты для изученія желѣзнодорожнаго дѣла. По возвращеніи на родину онъ вскорѣ былъ назначенъ правительственнымъ членомъ въ Совѣтѣ Управленія Главнаго Общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ и съ этого времени началась его административная дѣятельность. Нѣсколько лѣтъ онъ состоялъ вице-предсѣдателемъ въ этомъ Обществѣ и въ тотъ же періодъ времени принималъ дѣятельное участіе въ Императорскомъ Техническомъ Обществѣ, гдѣ былъ девять лѣтъ предсѣдателемъ отдѣла строительныхъ работъ и сотрудничалъ въ „Запискахъ“ Общества. Въ 1873 году генералъ Журавскій явился предсѣвателемъ Министерства Путей Сообщенія на Международномъ Статистическомъ конгрессѣ и былъ избранъ вице-предсѣдателемъ отдѣла коммерческой статистики. Въ 1877 г. онъ былъ назначенъ директоромъ Департамента желѣзныхъ дорогъ и на него было возложено заведываніе технико-инспекторскимъ комитетомъ. Заслуги Д. И. Журавскаго достойно награждены: онъ имѣетъ ордена Бѣлаго Орла, Св. Владиміра 2-й степени, Св. Анны и Станислава первыхъ степеней, персидскаго Льва и Солнца 1-го класса и другіе, и состоитъ почетнымъ членомъ Русскаго Техническаго Общества и другихъ учреждений. Въ *Журналѣ Министерства Путей Сообщенія* и въ разныхъ газетахъ напечатано много статей его по разнымъ отраслямъ желѣзнодорожнаго дѣла.

П. Б — оуб.

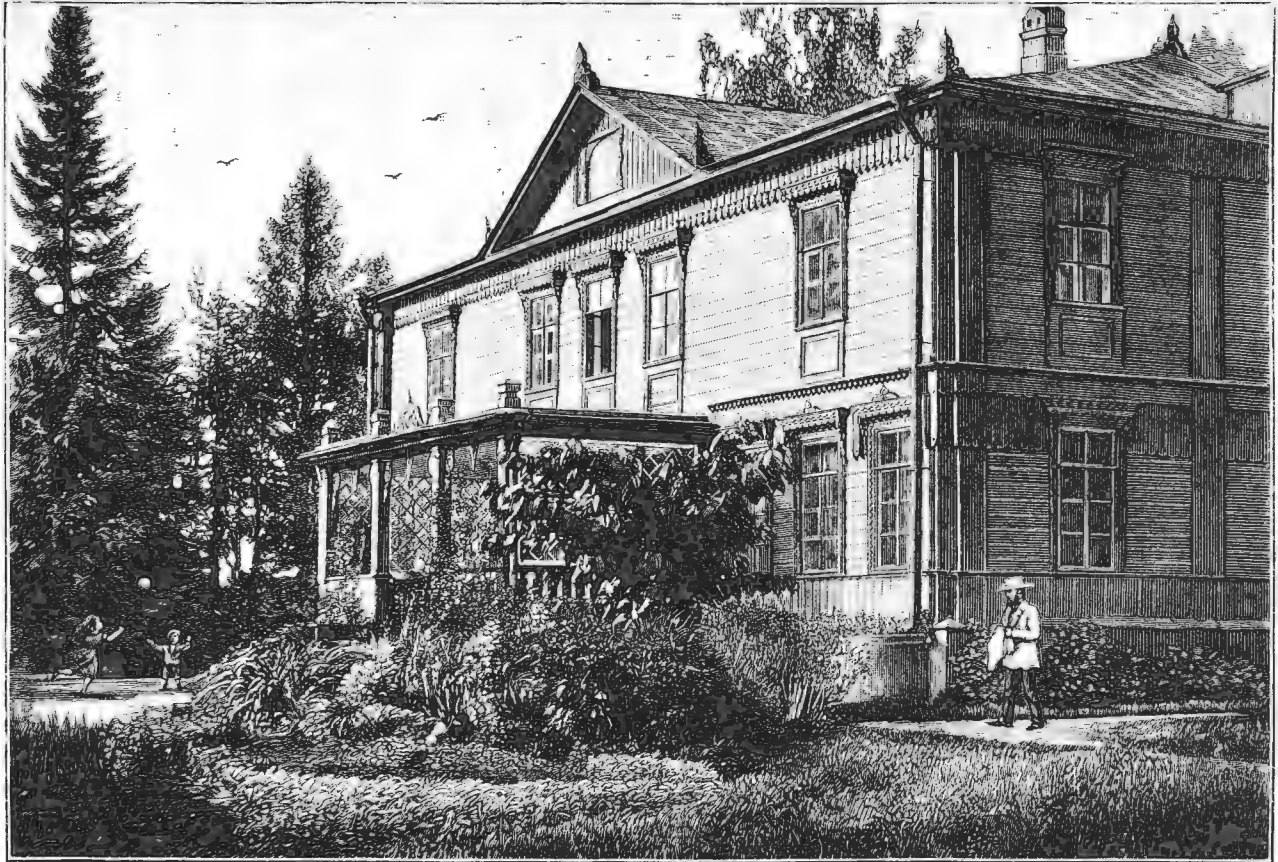
Политическое обозрѣніе.

Россія нынѣ вторично чувствуетъ вѣнценоснаго гостя, императора Германскаго Вильгельма II. Два года тому назадъ, только что вступившій на престолъ, молодой государь, посѣтивъ наше отечество, оставилъ въ немъ самыя свѣтлыя воспоминанія по себѣ, и съ другой стороны, могъ убѣдиться въ томъ, что Россія желаетъ жить въ мирѣ и добромъ согласіи съ германскимъ народомъ. Настоящее посѣщеніе только усилитъ и укрѣпитъ это убѣжденіе и явится новымъ залогомъ всеобщаго мира. За границей печать придерживается того же мнѣнія. Личный органъ графа Кальюки, вѣнскій *Fremdenblatt*, привѣтствуя предстоящаго свиданія Монарховъ, видитъ въ нихъ гарантію мира. Указывая на несомнѣнное миролюбіе русской политики, офиціозный органъ выражаетъ надежду, что теперь удастся достигнуть долговѣчнаго мира, а также и разрѣшенія существующихъ тревожныхъ политическихъ задачъ. *Italia* говоритъ, что посѣщеніе Россіи императоромъ Вильгельмомъ является, преимущественно, актомъ почтительной вѣжливости, согласнымъ съ русско-германскими традиціями, и что оно не вызоветъ никакого осложненія. По мнѣнію газеты, императоръ Вильгельмъ желаетъ, чтобы Русскій Царь водворилъ миръ. По отзыву газеты *Riforma*, побѣдка Германскаго императора въ Россію, упрочивающая миръ, безусловно желательна для обѣихъ сторонъ и не можетъ не имѣть значенія; противное утверждать только враги мира. Изъ этого видно, что нынѣшняя побѣдка императора пронзодитъ въ Италію хорошее впечатлѣніе. Въ Берлинскихъ политическихъ кружкахъ высказывается мнѣніе, что значеніе нынѣшняго свиданія Императоровъ Россійскаго и Германскаго заключается не столько въ способствованіи

разрѣшенію конкретныхъ международныхъ вопросовъ, сколько въ новомъ упроченіи дружественныхъ отношеній между обѣими соседними имперіями, которыя связаны некрѣпкимъ миролюбіемъ. Большая часть газетъ предоставляетъ себѣ высказать свое мнѣніе о свиданіи послѣ посѣщенія императоромъ Вильгельмомъ Россіи. Изъ появившихся пока отзывовъ заслуживаетъ упоминанія статья *Hannoverscher Courier*, гдѣ напоминаетъ о словахъ, сказанныхъ на смертномъ одрѣ императоромъ Вильгельмомъ I, который настоятельно совѣтовалъ тогдашнему принцу Вильгельму заботливо поддерживать дружбу къ Россіи. Далѣе газета указываетъ на услуги, оказанныя Россією Германіи, и въ заключеніе говоритъ: „Побѣдка императора въ Россію составляетъ продолженіе такой же политики, какою была политика князя Бисмарка, направленная къ поддержанію мира“.

Въ путешествіе императоръ Германскій, въ сопровожденіи имперскаго канцлера и прочихъ лицъ свиты, выхалъ 2 августа въ 2¼ ч. пополудни черезъ Киль. Оттуда яхта „Hoheuzollern“ съ императоромъ Вильгельмомъ вышла въ 10 ч. вечера въ море. Вслѣдъ затѣмъ вышелъ въ море корветъ „Irene“. 4 августа яхта „Hoheuzollern“ и корветъ „Irene“ съ императоромъ Вильгельмомъ и принцемъ Генрихомъ показали, въ 9¼ час. утра, въ виду Мемеля и, принявъ почту, ушли въ сѣверное направленіе.

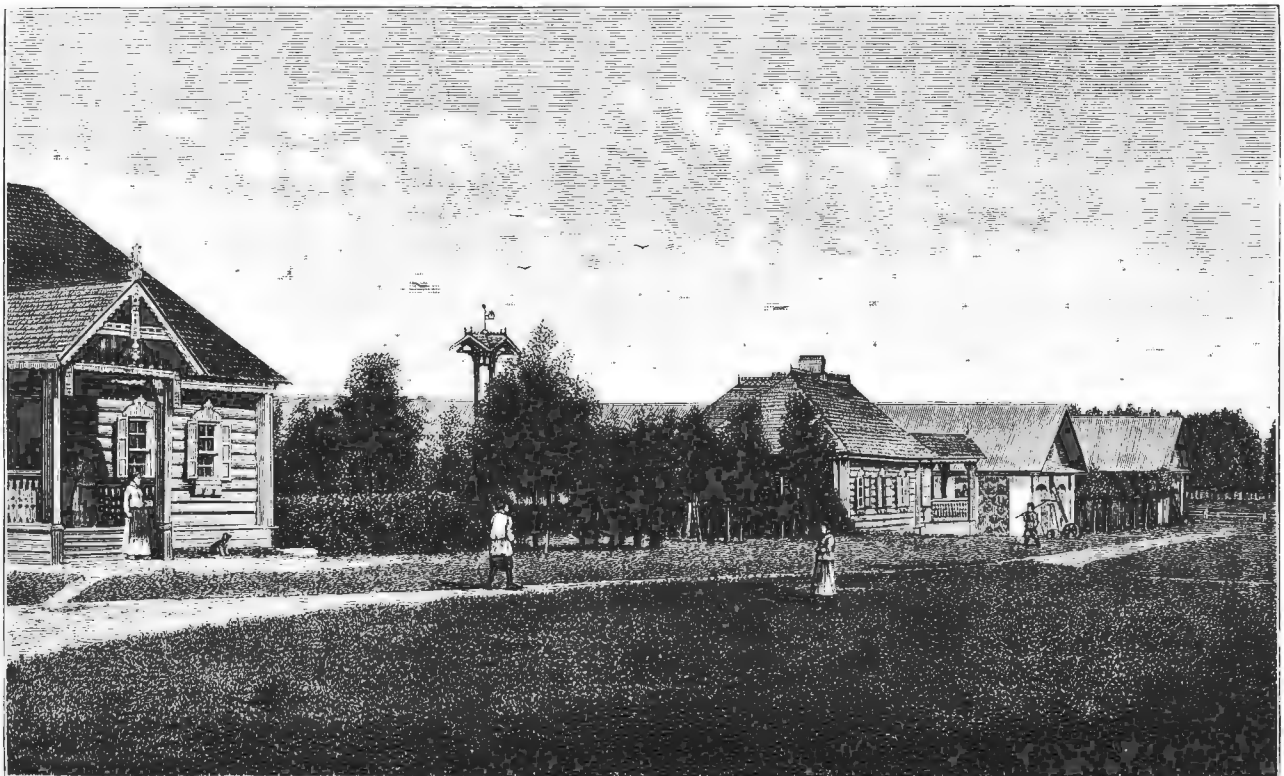
Въ тотъ же день ко вновь построенной и великолѣпно убранной платформѣ у дома г. Половцева, близъ Нарвы, стали послѣ 6 часовъ дня съѣзжаться всѣ находящіеся здѣсь на лицо военныя и гражданскія власти и дамы высшаго обще-

Нарвскіе маневры. Усадьба „Гомонтово“ (Петергофскаго уѣзда, по Нарвскому шоссе) сенатора барона И. О. Велло. Видъ дома съ сѣв.-зап. стороны. Съ фот. грав. Рашевскій.

ства, прибыли городской голова и члены управы. Около 7 часовъ прѣхалъ Великій Князь Сергій Александровичъ, а въ 7 часовъ 7 минутъ остановился у платформы Царскій поѣздъ и изволили выйти изъ вагона Государь Императоръ, Государыня Императрица, Великая Княжна Ксенія Александровна, Великія Княгини Марія Павловна и Елисавета Теодоровна, Великіе Князья Николай Николаевичъ Старшій,

Михаилъ Николаевичъ и Александръ Михайловичъ, великій герцогъ Гессенскій съ наследнымъ принцемъ Гессенскимъ, герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій. Городской голова, а за нимъ малая гильдія и рабочіе фабрики Штиглица и Кренгольмской мануфактуры поднесли Государю Императору хлѣбъ-соль; супруга головы поднесла Государынѣ Императрицѣ роскошный букетъ. Ихъ Величества милостиво осчастливили многихъ присут-

Нарвскіе маневры. Усадьба „Гомонтово“. Хозяйственныя строенія. Съ фот. грав. Рашевскій.

ствующихъ разговоръ. Толпы народа горячо приветствовали Государя Императора и Государыню Императрицу, какъ только Ихъ Величества показались на крыльцѣ. Ихъ Величества въ коллекѣ съ Великою Княжною Кесіею Александровною изволили отприватиться въ домъ Половцева вдоль улицы, роскошно декорированной арками и украшениями. Несмолкаемое „ура“ раздавалось съ обѣихъ сторонъ улицы.

На другой день державный путешественникъ прибылъ въ Ревель. Великій Князь Владиміръ Александровичъ изволилъ прибыть туда въ 6 ч. 20 м. утра съ экстреннымъ поѣздомъ, состоявшимъ изъ 15 царскихъ вагоновъ Московско-Курской желѣзной дороги и, постѣ встрѣчи властями, изволилъ остаться на станціи въ вагонѣ. Утромъ въ 10½ часовъ Его Высочество въ парадной прусской формѣ съ лейтентъ Чернаго Орла прибылъ для встрѣчи Германскаго императора на вновь устроенный дѣбаркадеръ Ревельской гавани. Здѣсь же выстрѣлы развернули фронтъ роты Выборгскаго полка со знаменемъ и хоромъ музыки и собрались губернскіе военные и гражданскіе чины, члены германскаго посольства съ генераломъ Швейнциемъ во главѣ. Въ 11½ ч. утра пушечные выстрѣлы и поставленные по рельсамъ военныхъ судовъ матросы возвѣстили, что императоръ

Д. И. Журавскій. (По поводу 50-лѣтія службы). Съ фот. Денъера, грав. Шюблеръ.

сти 20 минутъ, пересѣлъ съ Ихъ Высочествами въ Царскій поѣздъ Московско-Курской дороги. Въ 2½ часа полудни поѣздъ двинулся въ Нарву, куда и прибылъ въ 8 час. 30 м.

Къ 7 часамъ вечера войска шпалерами были разставлены

Вильгельмъ, встрѣченный на морѣ Великимъ Княземъ Генералъ-Адмираломъ Алексѣемъ Александровичемъ, отвалилъ отъ яхты „Hohenzollern“ къ берегу. Императоръ вышелъ на берегъ въ мундирѣ Выборгскаго полка, въ Андреевской лентѣ и фуражкѣ. Объявивше съ Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ, императоръ принял почетный рапортъ и при звукахъ германскаго національнаго гимна, обошелъ фронтъ почетнаго караула и поздоровался съ солдатами словами: „Здорово, Выборгцы!“ караулъ отвѣтилъ „ура“. Поздоровавшись съ лицами свиты Великаго Князя, императоръ принялъ хлѣбъ-соль отъ офицеровъ Выборгскаго полка. Постѣ того рота Выборгскаго полка прошла церемониальнымъ маршемъ. При прохожденіи колонны императоръ говорилъ каждой: „спасибо!“ Императора окружали принцъ Генрихъ Прусскій, принцъ Саксенъ-Альтенбургскій, канцлеръ Каприви и свита. Перейдя съ Великими Князьями въ вагонъ, императоръ отприватился въ вокзалъ желѣзной дороги, гдѣ, спустя

Рамы для премій „НИВЫ“ 1890 г.,

двухъ большихъ олеографическихъ картинъ, печатанныхъ масляными красками, съ оригиналовъ професс. И. И. ШИШКИНА:

1) „СОСНОВЫЙ ЛѢСЪ“, 2) „ЗАПУЩЕННЫЙ ПАРКЪ“.

(16 вершковъ вышины и 12 вершковъ ширины каждая).

Для удобства гг. подписчиковъ, мы также и въ этомъ году изготовили (на фабрикѣ Ч. Гофмана въ СПБ.) рамы трехъ сортовъ, а именно:

№ 1. Изъ лучшаго золоченаго багета, съ длинными узорчатыми украшениями (ширина въ діаметрѣ 1½ вершк.) по 4 рубля за пару, а съ упаковкою въ ящикъ для гг. иногородныхъ подписчиковъ по 5 р. 50 к. за пару (безъ пересылки).

№ 2. Изъ такого же, но болѣе красиваго и широкаго багета (ширина въ діаметрѣ 2 вершк.) по 5 р. за пару, а съ упаковкою для иногородныхъ по 6 р. 50 к. (безъ пересылки).

№ 3. Изъ богатаго длинаго золоченаго багета (шир. въ діам. 2½ вершк.) по 6 руб. за пару, а съ упаковкою для иногородныхъ по 7 р. 50 к. (безъ пересылки).

Рамы выдаются со вставленными въ нихъ картинами, наклеенными на полотно и укрѣпленными на подрамникахъ.

Гг. городскіе подписчики, при полученіи премій въ рамкахъ, благоволятъ представлять въ контору свои подписные билеты на „Ниву“ 1890 года, а гг. иногородные подписчики высылаютъ при требованіяхъ печатные адреса, подъ которыми получается имя „Нива“.

Гг. иногороднымъ подписчикамъ рамы будутъ высылаемы, по полученіи слѣдующихъ за нихъ денегъ, чрезъ транспортную контору или по желѣзной дорогѣ, при чемъ стоимость они будутъ уплачивать на мѣстѣ — при полученіи посылокъ.

Преміи будутъ выдаваться гг. годовымъ подписчикамъ „Нивы“ по обыкновенію въ октябрѣ мѣсяцѣ, но для тѣхъ лицъ, кои пожелають имѣть ихъ въ рамкахъ,

картины выдаются теперь-же.

Гг. московскіе подписчики могутъ получить преміи въ рамкахъ также теперь, въ отдѣленіи Конторы „Нивы“, при конторѣ Н. Н. Печковской (Москва, Петровскія линіи) — по слѣдующей цѣнѣ: № 1 — по 5 р. за пару, № 2 — по 6 р. 50 к. за пару и № 3 — по 7 р. 50 к. за пару.

Желающихъ получить преміи въ рамкахъ, покорнѣйше просимъ поторопиться требованіями, чтобы дать намъ возможность своевременно остановить имъ высылку картинъ чрезъ газетную экспедицію.

Какъ гг. городскіе, такъ и иногородные наши подписчики (исключая Москвы) благоволятъ обращаться съ требованіями въ Главную Контору журнала „Нива“, СПБ., Невскій просп., № 6.

у дебаркадера Половцева. На самом дебаркадере стояла почетным караулом с музыкою рота Преображенского полка и стали прибывать военные и гражданские власти, члены дипломатического корпуса, состоящие при посольствах германские офицеры, в полной парадной форме. К 8 ч. стали съезжаться члены Императорской Фамилии. В 8 ч. 15 м. восторженное „ура“ возвестило о приезде Государя Императора с Наследником Цесаревичем. Государь Император был в форме прусского гренадерского Императора Александра полка с лентою Черного Ордена. Вступив на дебаркадер, Государь обошел почетный караул и поздравил с ним поздравиться. В 8 ч. 30 м. прибыл в царском

поезде Московско-Курской ж. дор. Германский император с Великими Князьями Владимиром и Алексеем Александровичами, принцем Генрихом Прусским, канцлером Каприви и свитой. Германский император был в форме Выборгского полка с лентою Андрея Первозванного. Государь обнял. При звуках германского национального гимна, Германский император обошел почетный караул и поздоровался с ним по-русски. Провожасмые восторженным „ура“ собравшимся для встречи всего населения города. Государь изволили проследовать в коляске в дом Половцева; во второй коляске ехал Наследник Цесаревич с принцем Генрихом Прусским.

Разныя извѣстiя.

Придворныя извѣстiя.

— По словам *Правит. Вѣстника*, 6 августа, в 12 часов дня, Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица и императоръ Германскій присутствовали на церковномъ парадѣ лейб-гвардiи Преображенскаго полка и гвардейской артиллерiи. Занятъ состоялся Высочайшій завтракъ, въ которомъ были приглашены офицеры праздновавшихъ частей. До парада, въ десятомъ часу утра, Ихъ Величества съ Вел. Княжною Ксению Александровною выходили въ паркъ, гдѣ подъ окнами дачи были водныя шараны, привезенныя въ подарок Ихъ Величествамъ отъ императора Германскаго. Его Величество самъ показывал шараны Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ. После парада былъ завтракъ, на которомъ Его Величество Государь Императоръ по-русски возгласилъ тосты за императора Германскаго, императора Австрiйскаго и за Преображенскiй полкъ и артиллерию. Императоръ Вильгельмъ по-русски возгласилъ здоровье Императора Александра III.

Около 4 часовъ пополудни, оба Государя, Государыня Императрица, Великая Княжна Ксения Александровна, Наслѣдникъ Цесаревичъ и принцъ Генрихъ Прусскiй посѣтили народное гулянье, на которомъ восторженно были встрѣчены народомъ, осмотрѣли Пвангородскую крѣпость, часовню Иоанна Грознаго и магистратъ. На площади Ихъ Величества и Ихъ Высочества были встрѣчены музыкою музыкальной школы, находящейся подъ покровительствомъ Вел. Кн. Владимира Александровича. Городской голова поднесъ Государю Императору и Германскому императору альбомы видовъ Нарвы съ русскими объясненiями. Въ магистратѣ были осмотрѣны грамоты императрицы Анны, Елисаветы и Екатерины II на имя города Нарвы, планы осады и взятiя Нарвы, ибмечка Вибля 1649 года. Во дворѣ Петра Великаго старшина большой гильдiи поднесъ Государынѣ Императрицѣ букетъ, а Германскому императору въ роскошномъ переплетѣ описанiе города Нарвы на ибмец-

комъ языкѣ. Вечеромъ былъ сожженъ фейерверкъ.

Ночью войска выступили изъ Нарвы; начались маневры. Утромъ, 7 августа, въ сильный дождь Ихъ Величества и Ихъ Высочества, съ экстреннымъ поездомъ, отправились въ Ямбургъ. На маневрахъ Государь Императоръ и императоръ Вильгельмъ, Вел. Князья, принцы и свита были верхомъ. Сперва выѣзжали изъ Нарвы въ с. Ново-Пягинское и затѣмъ въ Ямбургъ; сморѣли взрывы мостовъ и мiнъ восточнаго отряда, переправу западнаго отряда черезъ рѣку и наводку понтоннаго моста, после чего былъ завтракъ въ полѣ. Въ пятомъ часу пополудни возвратились въ Нарву.

8 августа, въ 8 час. 30 мин. утра, Государь Императоръ съ Государынею Императрицею, Германскiй императоръ и иностранные принцы отправились, съ экстреннымъ поездомъ, на маневры въ Веймаръ и вернулись въ 4 часа пополудни.

9 августа, въ годовщину взятiя Нарвы штурмомъ, совершилъ крестный ходъ и отслужено молебствiе у памятника павшимъ воинамъ. Государь Императоръ и императоръ Вильгельмъ изволили осматривать утромъ фабрики. Въ тотъ же день Ихъ Величества, Ихъ Высочества и иностранные принцы выѣхали изъ Нарвы, съ экстреннымъ поездомъ, въ Молодосовицы, а оттуда на лошадахъ въ Гомонтовъ, имѣнiе барона Велю.

Морское дѣло.

— Въ настоящее время въ Новороссiйскомъ механическомъ и лигейномъ заводѣ въ Одессѣ строится маячная башня, заказанная дирекцiею лодiи и маяковъ Чернаго и Азовскаго морей, для постановки на Кавказскомъ берегу, на мысѣ Пинцуда. Самый маякъ (фонарь) заказанъ въ Парижѣ извѣстной фирмѣ „Согеръ и Лемонъ“. Башня вся желѣзная, высотой около 7 саж., имѣетъ видъ усѣченнаго конуса, значительно расширяющагося къ основанiю. Остовъ башни состоитъ изъ семи горизонтальныхъ колецъ, склепанныхъ изъ угольниковъ и поперъ и соединенныхъ между собою въ вертикальномъ направлении балками. Снаружи вся постройка

обшита котельнымъ желѣзомъ. Внутри башни, отъ фундамента до верхней площадки, проходитъ желѣзная труба въ 1½ фута въ диаметръ, для прiема вращательнаго механизма фонаря и для укрѣпленiя къ ней желѣзной винтовой лѣстницы и площадокъ.

Торговля.

— Въ Нижнемъ-Новгородѣ, 8 августа, въ собранiи ярмарочнаго комитета избранъ, большинствомъ ста голосовъ, въ председатели, вмѣсто выбывающаго П. В. Осипова, С. Т. Морозовъ.

Ярмарка въ полномъ ходу, идетъ удачно. Въ общемъ цѣны устоялись, колебанiя нѣтъ. На мануфактурномъ рынкѣ высокими цѣнами расторгались, цѣны московскiя; въ нумеровомъ товарѣ ощущается недостатокъ, цѣны на него неустойчивы. Гусляки, жаловавшiеся прежде на плохую торговлю, стали торговать послѣднiе дни недурно: лодзинскими товарами торгуютъ слабо, спросъ на нихъ съ каждымъ годомъ уменьшается, особенно на бумагое, въ виду ея недоброкачественности, предпочитаютъ московскiя фабрики. Въ крупныя мануфактурныя торгуютъ отлично, персiе не закупкамъ мануфактуры почти не приступили, ждутъ разрѣшенiя вопроса о возвратѣ пошлины.

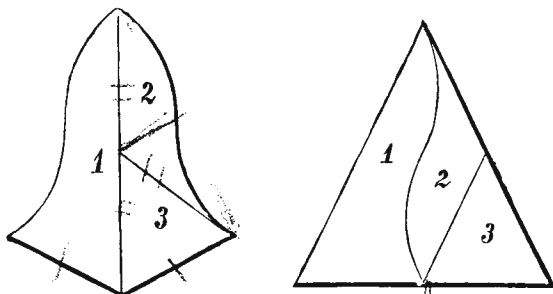
Наука.

— Лаборантъ минералогическаго кабинета Новороссiйскаго университета, М. Д. Сидоренко, командированъ университетомъ въ деревню Широкую, на Тилгускомъ лиманѣ, для изслѣдованiй найденныхъ тамъ залежей окаменѣлостей. По доставленнымъ образцамъ профессоръ П. О. Сичковъ нашелъ, что залежи представляютъ большой научный интересъ.

Изъ губерни и областей.

— Съ границы Персiи сообщаютъ, что тамъ недавно произошла стычка между казаками и мусульманами-контрабандистами. Со стороны русскихъ убитъ сотенный командиръ Полтавскаго полка офицеръ Бело, со стороны контрабандистовъ убиты 4 человекъ.

Рѣшенiе геометрической задачи № 41 (помѣщ. въ № 28).

Фирма рѣшенiя этой задачи присланы отъ Гг.: СПб. — Н. В. Панкова, С. П. Селиванова, М. Шувалова, Ф. Михель, П. Круглова, Москва — Ф. А. Куликова, Д. И. Милоскаго, И. С. Мишина, Борзна — М. Потѣпина, Е. Норовино — В. К. Терскаго, Барановичи — В. Ф. Хмелевскаго, Вильно — А. Н. Узунова, Вильно-мiръ — С. И. Вершило, Гродно — Д. С. Парчевской, Емельяновичъ — Д. Попова, Новоно — Л. Аронштамъ, Киевъ — А. Н. Шульженко, В. Ф. Гетманенко, Кронштадтъ — П. Тетерина, Кубини — И. Гречишкина, Налуга — С. П. Соколова, Лебедянъ — В. И. Чурилина, Минскъ — Климовича, Одесса — К. Кюнеръ, А. И. Брикина, А. Бутли, М. Юрѣва, Оренбургъ — И. Гольдерина, С. Н. Потѣпина, Пенза — К. И. Нотѣхина, С. В. Цыганова, Петергофъ — А. Барсукова, М. П. Коелерина, Парголово — А. Илькевича, Саратовъ — Ф. Ф. Рѣшетникова, Севастополь — К. А. Коста, Соколяна — В. Сокольскаго, Тифлисъ — А. К. Автисова, Южновъ — К. П. Оленцаго, Ямбургъ — Ф. Ф. Кузина, Ярославль — Д. И. Бого-ялевскаго.

Рѣшенiе шашечной задачи № 43 (помѣщен. въ № 28).

Бѣлыя.	Черныя.
1) e 3 — d 4	1) b 2 — e 5
2) h 4 — g 5	2) f 6 — h 4
3) b 4 — a 3	3) e 7 — b 4
4) a 5 — g 7	4) f 8 — h 6
5) a 3 — b 2	5) h 6 — g 5
6) b 2 — e 5	6) g 5 — f 4
7) e 5 — d 4	7) f 4 — e 3
8) d 4 — c 3	8) e 3 — g 1
9) c 3 — d 2	9) h 4 — f 2
10) d 2 — e 1	

отъ Гг.: СПб. — Н. В. Панкова, Москва — В. Т. Манцева, Н. П. Карагылгина, Н. Зекина, Н. П. Смирнова, Н. С. Кузнецова, С. И. Фатеева, Н. М. Митрофанова, А. Ф. Михайлова, Елисаветградъ — Д. Лагунова, Налуга — С. П. Соколова, Коломна — С. Андреева.

Рѣшенiе шахматной задачи № 42 (помѣщен. въ № 28).

Бѣлые.		Черныя.	
1) Cf 4 — h 2	1) b 6 — b 5		
2) .I e 3 — g 3	2) Kp. d 4 : e 5		
2) .I g 3 — d 3+			

Вѣрное рѣшенiе этой задачи прислано Вѣрныя рѣшенiя этой задачи присланы отъ С. П. Соколова въ Налугѣ.

СОДЕРЖАНiЕ: Жизнь, какъ она есть. Романъ въ пяти частяхъ. Вас. И. Немировича-Данченко. Ч. III. (Продолженiе). — Первая гроза. Повесть Виктора Библикова. (Продолженiе). — Зѣврыныя общества. Очеркъ Фридриха Кнауэра (съ 10 рис.). — Къ рисункамъ: Церковь Св. Сампсонiя въ СПб. (съ рис.). — За водой (съ рис.). — Голландская школа встарину (съ рис.). — „Молящаяся Богоматерь“. Карт. К. Чиньяни (съ рис.). — Разграбленiе Рима вестготами Алариха (съ рис.). — Усадьба въ Гомонтовѣ (съ 2 рис.). — Д. И. Журавскiй (съ портр.). — Политическое обозрѣнiе. — Рамка для премiй „Нивы“ 1890 г. — Разныя извѣстiя. — Рѣшенiя задачъ. — Объявленiя.

Печатать А. Ф. Мерисъ. Редакторъ В. Илюшниковъ.

Поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новое издание А. Ф. МАРКСА въ СПб.:

ИИСУСЪ

(сынъ Навина).

Повѣствованіе изъ библейскихъ временъ **ГЕОРГА ЭБЕРСА**. Переводъ съ нѣмецкаго. (Право перевода приобрѣтено отъ автора). Изданъ въ 8^ю (387 страницъ), отпечатанный на лучшей веленовой бумагѣ, красивымъ узорчатымъ шрифтомъ, съ 58-ю гравюрами въ текстѣ, исполненными по рисункамъ художника А. Земцова. СПб. 1890 г. Ц. 2 руб., съ перес. 2 р. 20 к. Требования просить адресовать въ (ПБ. въ Контору журн. „Нива“ (Невскій, № 6).

ЦЕНТРАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ ТЕХН. РИСОВАНІЯ БАРОНА ШТИГЛИЦА, № 4664

вѣдства Министерства Финансовъ, по Деп. Торг. и Мануф. (СПб. Соляной пер. 9) имѣетъ цѣлью образование рисовальщиковъ, живописцевъ и скульпторовъ для надобностей художественно-промышленныхъ производствъ, а также подготовку учителей и учителей рисования и черчения для средних (общеобраз. и профес.) учебныхъ заведеній. Занятія науками и художествами бывають ежедневно отъ 8½ до 5 час. Продолжительность курса 5 лѣтъ. Всѣ учащіеся приходящіе. Подуговая плата шесть рублей. Условія приема: возрастъ не моложе 14 л., представленіе, при поступленіи на имя директора, свидѣтельствъ: метрическаго и объ успѣшномъ окончаніи полнаго курса трехкласснаго городского училища (съ шестилѣтнимъ курсомъ) или первыхъ четырехъ классовъ гимназій или реальнаго училища и выдержаніе вступительнаго экзамена изъ рисованія съ гипс. орнаментовъ (22 сего августа, въ 10 час. утра).

Въ составѣ при Центр. Училищѣ Начальной Школѣ рисованія (до гипс. головъ включ.), черченія и дѣленія занятія бывають въ женск. отд. по понед., средамъ и четв. отъ 5½ до 7½ ч. веч., а въ мужскомъ отд. — по вторн. и пятн. отъ 5 до 9 час. веч. и по воскресн. днямъ отъ 10 до 2 час. дня. Для поступленія въ Начальную Школу требуются только: возрастъ не болѣе 10 лѣтъ и внесеніе подуговой платы полтора руб.

ТЕАТРАЛЬН. МУЗЫКАЛЬН. И ХУДОЖ. ЖУРНАЛЪ „АРТИСТЪ“

Открыта подписка на сезонъ 1890/1 г. (годъ 2-й). Ц. № 4659
Подписная цѣна 9 р., съ перес. 10 руб.
Допуск. разсрочка. Отдѣльн. №№—2 р.
Редакція: (Москва, Вудрино, д. Бартельсъ).

АЛЬБОМЪ

РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ (АЖУРНЫХЪ РАБОТЪ)

дополненный 32-мя совершенно новыми, нигдѣ еще не напечатанными рисунками, алфавитами русской азбуки и красивыми монограммами. Альбомъ состоитъ изъ 25 большихъ листовъ, заключающихъ въ себѣ болѣе 400 рисунковъ разнообразныхъ вещей, буквъ, монограммъ и пр., а также и рисунокъ большаго туалетнаго зеркала со шкатулкой.

Цѣна альбома 1 руб., съ пересылкою 1 руб. 30 коп.
Съ требованіями обращаться въ С.-Петербургъ, въ контору журнала „Нива“ (Невскій, № 6).

ЛѢТНЯЯ НОВОСТЬ!

Англійскіе растягивающіеся кушачи „ГРАЦІЯ“ изъ позолоченой проволоки съ массивн. позолоченными замочками, прокатанные бѣлымъ, розовымъ, голубымъ, золотымъ, синимъ, темно-краснымъ и чернымъ шелкомъ. Кушачи прозрачныя очень прохладительны и приятно носить для каждой дамы. Цѣна 3 руб. 50 коп. Торговцамъ дѣляется уступка. Единственный складъ для Россіи у **ОСКАРА ЛЕССЕРЪ**, (СПб., Садовая, 12—18, въ 1-мъ дворѣ).

ГОРЬКАЯ ВОДА САКСЛЕНЕРА

По свидѣтельству
врачебныхъ авторитетовъ зтоя Ригативъ имѣетъ слѣдующія преимущества:

Аккуратное и ВѢРНОЕ дѣйствіе,

МАЛАЯ ДОЗА.

Владгльецъ: **АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ** въ Будапештѣ.

ПРОДАЕТСЯ у ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ и АПТЕКАРЕЙ.

ПРОСЯТЬ ТРЕБОВАТЬ

ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.

CIGARETTES ESPIC contre ASTHME & CATARRHE

AUTORISÉES PAR LE GOUVERNEMENT RUSSE

Aot general: **STOLL & SCHMIDT**, à Saint-Péter-bourg
Vente en gros: **J. ESPIC**, 20, rue Saint-Lazare, Paris.
Exiger la Signature sur chaque Cigarette.

Въ всѣхъ складахъ духовъ и въ всѣхъ парикмахерскихъ въ Франціи и за границей.

LA VELOUTINE

Спеціальная рисово-висмутовая пудра.

CHA LES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

ГЕНРИХЪ ВЛЕЙЕРЪ
Франкфуртъ н/М. Р. № 4387

ФАБРИКАНТЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ „ОРЕЛЬ“. (11)

Велкаго рѣда двухъ- и трехъ-колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей. Составная часть и принадлежности. Ищутъ агентовъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 пфен. марками.

ПОДПИСКА НА „ЖИВУЮ СТАРИНУ“.

Съ осени (сентября октября) текущаго года Этнографическое Отдѣленіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, съ разрѣшенія Совѣтомъ Общества, предпринимаетъ изданіе журнала „ЖИВАЯ СТАРИНА“, мѣсячнаго выходящаго четыре раза въ годъ книжками въ 12 и болѣе листовъ каждая, со слѣдующими Отдѣлами: I. Исследования, наблюденія, разсужденія. II. Небольшие матеріалы съ примѣчаніями: памятники языка и народной словесности, русскія и инородческія. III. Критика и библиографія. Обзоръ этнографической литературы русской и иностранной. IV. Слѣбъ. Частіи замѣтки. Ученія новости. Дѣйствія ученыхъ обществъ въ Россіи и за границею.

Цѣна годовому изданію 5 р. съ пересылкою во внутреннія губернія Имперіи и за границу 5 р. 50 коп.

Редакція „ЖИВОЙ СТАРИНЫ“ будетъ стараться объ устреніи новыхъ сношеній съ различными мѣстными наблюдателями по всѣмъ краямъ Россіи, поддерживать и развивать общіе Отдѣленія съ многочисленными членами-сотрудниками Общества и приобращать ему новыхъ, обмѣниваясь съ ними мыслями о кругѣ наблюдений и о вопросахъ ожидающихъ разрѣшенія, о выработкѣ наилучшихъ примѣровъ въ дѣлѣ записыванія и изученія особенностей языка, нарѣчій, народныхъ и говоровъ, памятниковъ народной словесности, поѣвій, преданій, примѣтъ, народнаго быта съ его обычными правомъ, экономическимъ ремесломъ или услугою, съ домашнимъ обиходомъ и строемъ съ вѣншею обстановкою, съ народнымъ вкусомъ и чувствомъ къ изящному, съ народными воззрѣніями религиозными, нравственными, общественными, государственнымъ и международными. При этомъ „ЖИВАЯ СТАРИНА“ будетъ уделять мѣсто и вниманіе не только всѣмъ равнодостоинствѣмъ Русскаго народа и цѣлаго Славянскаго племени, но и всѣмъ инородцамъ Россіи. Сверхъ этнографіи въ собственномъ смыслѣ „ЖИВАЯ СТАРИНА“ будетъ принимать на свои страницы изслѣдованія и замѣтки по исторической географіи Россіи, славянскихъ земель Балканскаго полуострова, Астро-Венгріи и Германіи, исторической этнологіи Восточной Европы и соотвѣстной съ ней Азіи. Въ Отдѣлѣ Критики и Библиографіи будутъ вѣдены особыми спецiальными обзорами и указателями отдѣльныхъ сочиненій и періодическихъ изданій по этнологіи и этнографіи, какъ русскія и славянскія, такъ и иностранныя, великобританскія, американскія, нѣмецкія, голландскія, скандинавскія, французскія, итальянскія, испанскія, румынскія и греческія. Въ Отдѣлѣ Вопросовъ и Отвѣтовъ редакція дастъ мѣсто отбѣтамъ Отдѣленія или ученыхъ, къ которымъ оно обратится, на вопросы и справки различныхъ мѣстныхъ наблюдателей и вопросамъ разныхъ ученыхъ къ мѣстнымъ знатокамъ.

Вообще „ЖИВАЯ СТАРИНА“ имѣетъ главнѣйше въ виду служить органомъ общаго Этнографическаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и богатой научными пособіями, не скудной и живыми научными силами столицы съ нашею провинціею, съ удобными городами и уѣздами по преимуществу.

Внусаго любвею и интересъ къ этнографическому знанію, указывая, что сдѣлано, дѣлается и имѣетъ быть сдѣлано по народолюбивому вообще, русскому къ особености, вызывая мѣстныхъ знатоковъ къ постояннымъ сообщеніямъ и къ новымъ наблюденіямъ, „ЖИВАЯ СТАРИНА“ послужитъ Богу дасть и дѣлу науки, и дѣлу русскаго профессіонала. Наука въ правѣ ожидать массы новыхъ драгоценныхъ данныхъ, высококачественныхъ открытій и разъясненій отъ строгаго этнологическаго и этнографическаго изученія всѣхъ когда либо населавшихъ и нынѣ населавшихъ Россію племенъ и народностей. Русскія гражданственность и просвѣщеніе издается также во восторженномъ изученіи Россіи и укоренены въ Русскомъ Обществѣ убѣждены въ необходимости внимательнаго и бережнаго отношенія къ окружающей дѣйствительности, къ народной жизни и обычаю, къ живой старинѣ, какъ она сложилась вѣками своеобразнаго жизни различныхъ краевъ нашего отечества.

Редакторомъ „ЖИВОЙ СТАРИНЫ“ будетъ всегда, независимо отъ перемѣны лицъ, Предѣлительствующій въ Отдѣленіи Этнографіи, въ настоящее время дѣйствительный членъ В. И. Ламанскій. Сверхъ Помощника Предѣлительствующаго проф. Н. И. Веселовскаго и Секретаря Отдѣленія Э. м. и стомаха, ближайшаго участіе въ редакціи примутъ дѣйствительные члены и члены-сотрудники: проф. А. Н. Веселовскій, акад. Л. М. Майковъ, прив.-доц. С. Ф. Ольденбургъ и А. Н. Пылинъ. Въ числѣ сотрудниковъ „ЖИВОЙ СТАРИНЫ“ можемъ назвать: Н. И. Андерсона, Ф. Д. Батюшковскаго, проф. В. В. Богвишча, И. М. Боланова, Ф. Ф. Брауна, проф. А. С. Будиловича, Н. В. Волкова, проф. В. П. Васильева, А. Н. Васильева, прив.-доц. Э. Вольтера, проф. С. М. Георгіевскаго, проф. Н. Я. Грота, проф. М. С. Дриоза, проф. И. Н. Иданова, проф. Н. Г. Злаемана, проф. В. Я. Жуковскаго, проф. А. И. Кипичникова, М. И. Кудряшева, Д. Н. Кудрявскаго, прив.-доц. О. Е. Лемма, прив.-доц. Н. Я. Марра, проф. Э. Ю. Петри, проф. А. М. Позднѣева, И. Н. Половинкина, проф. А. И. Пономарева, проф. А. И. Соболевскаго, проф. В. Д. Смирнова, проф. И. Н. Смирнова, В. В. Стасова, прив.-доц. П. А. Сырку, проф. Ф. И. Успенскаго, проф. Т. Д. Флоринскаго, проф. Д. А. Хвольсона и мн. др.

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ. № 465

Лица, желающія доставлять сообщенія въ редакцію, благоволятъ обращаться до 1 сентября къ редактору (Владимиру Ивановичу Ламанскому) въ Новгородской губ. гор. Боровичи, а съ 1 сентября въ С.-Петербургѣ (въ Импер. Русское Географ. Общество). Предѣлительствующій въ Отдѣленіи Этнографіи Д. Чл. В. Ламанскій.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ и ФАБРИКА
музыкальныхъ инструментовъ
Андрей Емельяновичъ

КУЛАКОВЪ

Главная контора и склады
Садовая улица, № 40,
въ С.-Петербургѣ.

Рекомендуемъ любителямъ музыки только что выпущенный музыкальный инструментъ **ПІАНО-МЕЛОДИКО**, представляющій собою въ изначальнѣмъ, по звуку своему и тону, роль или пианно и въ совершеннѣйшій достигавшій ту гармонію и соединенія звуковъ, которыя вытекаютъ изъ-подъ пальцевъ самаго лучшаго пианиста, подъ аккомпаниментъ котораго могутъ смѣло танцовать до 100 паръ, такъ что піано-мелодико, поставленный на столъ для сыграна въесь передъ обществомъ, составляетъ истинное украшеніе залъ; мелодичность звуковъ столь нѣжна и пріятна, что піано-мелодико можетъ привести въ восхищеніе самаго лучшаго знатока и любителя музыки. Цѣна 85 рублей; въсемъ отдѣльно по 75 коп. за метръ — 1½ аршина. Требуется подробное описаніе: каталогъ въсемъ и иллюстриров. прейсъ-куррантъ въсемъ музык. инструментамъ высылается безплатно. № 465232

ЭЛЕОПАТЪ ПРОВ. КИНУНЕНЪ

для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптекъ и Космет. магазинахъ. Цѣна флакона, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп., но безъ пересылки.

Пров. **КИНУНЕНЪ.**

Просятъ непременно обращаться вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона.—пров. Кинуненъ. (32) № 4287

Главный складъ: С.-Петербургъ, Демидовъ пер., д. № 1.

УТВЕРЖДЕННЫЕ МИНИСТЕРСТВОМ ВУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ—ОСНОВАННЫЕ ВЪ 1882 ГОДУ
МУЗЫКАЛЬНО-ДРАМАТИЧЕСКІЕ КУРСЫ РАПГОФЪ

С.-Петербургъ. Малая Морская, д. № 7, кв. 1 и 12.

Пріемъ вновь поступающихъ съ 20-го августа ежедневный, съ 10 час. утра до 6 час. вечера. Подробныя программы выдаются и высылаются бесплатно. Писемныя заявленія на имя Директора Курсовъ: Евг. Павловича Рапгофъ. № 4663 3—1

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ ЮЛІА ФЛОРАНА
 основанъ въ 1849 году.
 16, Большая Морская, 16,
 С.-Петербургъ. Рт. № 4602

Спеціальность мужскаго и дамскаго бѣлья и принадлежностей туалета.
ПОЛНОЕ ПРИДАНОЕ
 для невѣсты и новобраченныхъ.

ОТДѢЛЪ ЧЕЛОВЧАГО ИЗДѢЛІЯ:

Поски бумажныя суровыя	отъ 2	—	за дюж.
Поски бум. одноцвѣтныя	5	—	"
Поски бум. сур. и цвѣтн.	5	—	"
полосатые	6	—	"
Поски фальдек. суров.	7	—	"
Поски фальдек. одноцв.	8	—	"
Поски шелковыя одноцвѣтныя и фантази.	9	—	"
Чулки бумажныя суровыя	8	—	за дюж.
Чулки бум. одноцвѣтныя	—	70	за пару.
Чулки бум. суров. и цвѣтн. шее полос.	—	75	"
Чулки фальдек. одноцв.	1	10	"
Чулки фальдек. одноцв. extra.	1	25	"
Чулки полушелковыя	2	50	"
Чулки шелковыя одноцвѣтныя и фантази.	4	—	"

По весьма умѣреннымъ цѣнамъ и лучшаго качества.

КОРНЕТЬ-А-ПИСТОПЪ

СКРИПКИ въ 2 1/2, 4, 6, 8, 10, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 р. и др.

СМЫЧКИ ДЛЯ НИХЪ въ 50 к., 1, 1 1/2, 2, 3, 5, 10, 15, 20 и 30 р.

ФУГЛАРЫ въ 3 1/2, 5, 7, 12, 18 и 30 руб.

СНГПИКИ въ 1 1/2 и 1 1/4 вѣд. для дѣтей.

Школа Ваганца въ 1 р., 2 р., 30 к. и 3 р. 50 к.

АЛТЫ и ВИОЛОНЧЕЛИ въ 3 1/2, 5, 8, 10, 15, 20, 25, 30, 40, 50 р. и др.

Школа Сололова по 1 1/2 и 2 1/2 р.

Гитары въ 3, 5, 7, 10, 15, 20, 30, 40, 50, 60, 75, 85, 120 и 160 р.

Самуилъ Келера по 1 1/2 и 2 1/2 р.

8 р. съ механизмомъ для струн.

Школа Сололова по 1 1/2 и 2 1/2 р.

ФЛЕЙТЫ въ 3, 5, 7, 10, 15, 20, 30, 40, 50, 60, 75, 85, 120 и 160 р.

Самуилъ Келера по 1 1/2 и 2 1/2 р.

Кларнеты въ 7, 12, 18, 25, 30, 45, 60 и 75 р.

Самуилъ Келера по 2 1/2 и 4 р.

Гобои, Фаготы и пр. Литавры, Барабаны, Тарелки и пр.

Ноты въ дешевыхъ изданіяхъ.

Пересылка на счетъ покупателя. Иллюстрированы, прейсъ-курантъ — бесплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ
 главное депо музыкальных инструментовъ и нотъ.
 С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. | Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарына.

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ „ГОЛЛЕНДЕРА“.

Средство для уничтоженія мозолей и бородавокъ. Цѣна 35 коп. за флаконъ, за два флакона съ перес. 1 руб.

Получать можно во всѣхъ парфюмерн., антекерск. магазинахъ и аптекахъ. Главн. складъ у Голлендера, Дежидовъ пер., № 1. Вь С.-Петербургѣ. (25) № 4366

АХРОМАТ. УНИВЕРСАЛЬН. ФИНОКЛЬ „АРГУСЪ“

Карм. форм. въ замкн. коньликъ о руб. пересылка за 3 ф.

Больш. форм. съ футур и ремн. 9 руб. пересылка за 4 ф.

„Аргусъ“ имѣетъ превосходн. оптич. качество и одинаково пригоденъ для военныхъ цѣлей, охоты, поля, моря и театра, а потому вполне заслуживаетъ названія „универсальнаго бинокля“.

Спеціальн. театральн. бинокли отъ 5 до 65 р.

Зрительн. трубы въ 5 р. 50, 11, 14, 20, 28 р. и дороже. № 4661 2—1

Микроскопы въ 3 р. 50, 5, 6, 20, 26, 40, 50 р. и дороже. № 4661 2—1

СПЕЦИАЛЬН. ФАБРИКА ОПТИЧ. ИНСТРУМ. Е. КРАУСЪ И СЪ.
 въ Парижѣ, Aven. d. l. Républic. 4.
СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ
 С.-Петербургъ, Мойка, № 42.
 Иллюстр. прейсъ-курантъ высыл. бесплатно.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ
 на Всемирной Выставкѣ въ Парижѣ 1889 года.

О-ДЕ-КОЛОНЪ
 ЦВѢТОЧНЫЙ

№ 4620

БРОКАРЪ И КО.
 Изобрѣтеныи

Складъ фабрики: Офицерская, 5.

Поступило въ продажу въ конторѣ журнала „Нива“ (СПб., Невскій, 6), а также у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ:

Сочиненіе **Ф. К. АРНОЛЬДА:**
„РУССКІЙ ЛѢСЪ“
 ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Изданіе А. Ф. МАРКСА, въ С.-Петербургѣ.

Все сочиненіе будетъ состоять изъ трехъ большихъ томовъ, отпечатанныхъ на лучшей бумагѣ, съ приложеніемъ 2-хъ картъ, 120 художественно исполненныхъ гравюръ и полиграфическ. и 17 эстамповъ на мѣди.

Первый томъ имѣетъ 387 страницъ и между прочимъ заключаетъ въ себѣ предисловіе и введеніе автора, большую карту лѣсности Европ. Россіи, печат. 14-ю красками, и карту лѣсистости Европ., печат. 6 красками.

Въ этомъ томѣ выясняется значеніе лѣсовъ вообще; помѣщены статистическія свѣдѣнія о площади лѣсовъ, находящихся въ каждомъ уѣздѣ Европейской Россіи, съ показаніемъ сколько въ томъ числѣ казенныхъ, частновладѣльческихъ и принадлежащихъ крестьянскимъ обществамъ; представлено сравненіе лѣсности Россіи и западно-европейскихъ государствъ.

Второй томъ сочиненія выйдетъ изъ печати въ концѣ 1890 или въ началѣ 1891 года, а вслѣдъ за нимъ въ непродолжительномъ времени выйдетъ и третій томъ.

Содержаніе втораго тома: описаніе древесныхъ породъ, растущихъ въ лѣсахъ Россіи, лѣсохозяйств. значеніе ихъ значеніе, уходъ за каждою породою, приемы возвращенія лѣсовъ въ различныхъ полосахъ Россіи, орудія, употребляемыя для лѣсоразведенія, опасности, угрожающія лѣсамъ, враги повреждающіе ихъ, порядокъ рубки въ лѣсахъ, и пр. и пр.

Наконечъ III томъ — будетъ содержать указанія возможно выгоднѣйшей организаціи лѣснаго хозяйства, какъ въ крупныхъ, такъ и въ мелкихъ лѣсовладѣльч. устройствахъ лѣса съ начертаніемъ плана хозяйства; порядковъ эксплуатаціи лѣса; учетъ отпускемыхъ лѣсныхъ матеріаловъ; условія, какія должны быть включаемы въ контракты; извлеченіе доходовъ отъ побочныхъ пользованій въ лѣсу; соответственное устройство администраціи и отчетности лѣснаго имущества.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА ВСѢ ТРИ ТОМА:
 При выписываніи 1-го тома вносится 4 р., до выхода 2-го тома 4 р., а до выхода 3-го тома 2 р., а всего 14 руб.
 Иногородные подписчики на все сочиненіе за пересылку не платятъ. За два мѣсяца до выхода II и III томовъ въ „Нивѣ“ будетъ объявлено о дѣѣ выхода ихъ.
 Но выходъ всего сочиненія цѣна будетъ значительно возвышена.

Подписка принимается исключительно въ конторѣ журнала „Нива“ (СПб., Невскій, 6).

Цѣна первому тому въ отдѣльной продажѣ 5 р., а съ пересылкой 5 р. 60 к.
 Примѣчаніе. Лица купившія 1-й томъ отдѣльно и желающія приобрести слѣдующіе 2 тома, платятъ за все сочиненіе наравнѣ съ подписчиками, т. е. 14 р., при чемъ до выхода 2-го тома вносить 7 р., а 3-го тома 2 р.

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ

собств. издѣлія продаются по вновь удешевленнымъ цѣнамъ:

съ 3 педальми по 4 р. и 4 р. 50 к.

„7“ съ приспособленіемъ для легкой и скорой настройкы по 6 рублей.

Самый легкій инструментъ для изученія. Привлечитъ токъ. Въ короткое время проданы многія тысячи.

За пересылку по почтѣ прошу прилагать за 4 руб. за 10 фунт., за 6 руб. за 15 фунт.

І. Ф. МОЛЛЕРЪ
 Москва, Петровка, домъ Волкова.
 Иллюстр. прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ бесплатно. (34) Ц. № 3864
 Торговцамъ дѣлается скидка.

Безплатно каталогъ рѣдкихъ фотографій. Образцы съ пересылкой 5 рублей.

А. Дикманъ. Амстердамъ (въ Голландіи).

Преподаватель коммерческихъ наукъ. **С. Я. ДИЛЗЕНТАЛЬ** основательное обученіе иногородныхъ и москвовскихъ дв. ит. бухгалтерн посредствоиъ лекцій — корреспонденціи, выдѣлѣ замѣняющихъ учетное преподаваніе. Подробныя свѣдѣнія и пробныя лекціи высылаются авторомъ БЕЗПЛАТНО. Масса благодарностей и почетныхъ отозваній, законно засвидѣтельствованныхъ. Предостереженіе отъ жалкихъ подражаній! этому сочиненію, пріобрѣтшему широкую распространенность и выдержавшему 8 изданій. Ц. № 4610

Адресъ: Москва, Долгоруковская, домъ Финягиной, КОНТОРА СТЕФАНА ЯКОВЛЕВИЧА ДИЛЗЕНТАЛЬ. 5—4
 Личный пріемъ отъ 10 до 12 ч. ежедневно.

НИЖНЯЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрѣ пера. Чистота, четкость красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывовъ отъ Правительства и другихъ учреждений, высылается бесплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
 Москва С.-Петербургъ
 Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21.

ДЛЯ ОКРАШИВАНІЯ СЪДЫХЪ ВОЛОСЪ:

ПОМАДА, флаконъ 3 р., пересылка 1 р., для удобства жидкая и густая помада, по полуфлакону, цѣна 3 р. 50 к., пересылка 1 р. 50 к. Горьховая ул., д. № 57, магазинъ-парикмахерская Ивановой.

НАСТОЯЩІЕ Велоспеды (Велотъ)

ПЕРВОЕ МѢСТО

Ж. БЛОКЪ

С.-Петербургъ

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXI г.
№ 34

г. XXI
1890

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 25 августа 1890 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫПРОЕКТЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рунод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цена этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1890 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
страну непарейль (1/4 шир.
стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
75 к.—Загран. для Франціи у
Agence Havas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

Безъ доставки въ Пе-
тербургъ 5 р.
Съ доставкою въ Пе-
тербургъ 6 р. 50 к.
За границу, съ пересылкою 9 р.

Безъ дост. въ Москвѣ чр.
конт. объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.
Съ пересылкой въ Москву
и другіе города Россіи . . . 7 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особая приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говъхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Вездѣ всякой доплаты за пересылку главныхъ премій.

Князь В. А. Долго- руковъ.

Уже четверть вѣка „вѣдаетъ Москву“ князь Владимиръ Андреевичъ Долгоруковъ. блестящій представитель древняго и знаменитаго въ исторіи Россіи рода, прекрасный человекъ, готовый помочь всѣмъ и каждому, другъ науки и просвѣщенія, вѣрный сынъ церкви. Съ первыхъ лѣтъ своей благотворной дѣятельности по управленію первопрестольною столицей сумѣлъ онъ внушить къ себѣ уваженіе и любовь рѣшительно всѣхъ слоевъ населенія Москвы. Необыкновенно доступный, любезный, привѣтливый со всѣми, гостеприимный, настоящій русский хлѣбосоль, яркій выразитель вѣрно-подданическихъ чувствъ и патристическихъ стремленій москвичей, князь Долгоруковъ постоянно и неутомимо заботится о нуждахъ Москвы и губерніи, умѣетъ цѣнить труды и заслуги другихъ и твердо, неуклонно исполня-

Московский генералъ-губернаторъ, князь В. А. Долгоруковъ. (По поводу 25-лѣтія службы генералъ-губернаторомъ въ Москвѣ). Съ фот. Конарскаго, грав. Шюльеръ.

еть свои обязанности какъ блюститель государственныхъ интересовъ, охранитель спокойствія и порядка, столицей всегда на почвѣ строгой законности. И въ мирное время, и во дни крамолы князь Долгоруковъ показал свое умѣнье энергично поддерживать все честное, благонамѣренное и дѣйствовать разумно противъ всякаго зла, противъ нарушителей внутренняго порядка, благосостоянія, безопасности. Обладая такими рѣдкими качествами, князь Долгоруковъ не могъ, конечно, не внушить къ себѣ симпатіи въ московскомъ обществѣ и въ народныхъ массахъ; среди москвичей онъ пользуется безпримѣрною популярностью, его личность дѣйствуетъ на всѣхъ въ высшей степени обаятельно. Дворянство чтитъ его какъ истинно-русскаго боярина, свято хранящаго лучшія дворянскія традиціи, „преданья, завѣты минувшихъ вѣковъ, дѣвствующихъ временъ уюванья“, любовь и неизмѣнную преданность къ престолу и отечеству, добродетеля, покровителя и защитника

всѣхъ приближающихся къ его помощи. Духовенство отдаетъ ему должное какъ ревнителя православія, радителя церкви, ея интересовъ, другу Филарета, Иннокентія и Макарія, этихъ знаменитыхъ московскихъ іерарховъ. Люди науки любятъ и уважаютъ князя за его искренно сочувственное отношеніе къ наукѣ, къ дѣлу образованія и ко всѣмъ служащимъ просвѣщенію. „Въ нашемъ лицѣ — говорилъ профессоръ Н. С. Тихомировъ князю Долгорукову на его 50-ти-лѣтнемъ юбилей — учаііеся постоянно находили то теплое къ себѣ сочувствіе, которое такъ благотворно дѣйствуетъ на молодежь, а учаііе — то просвѣщенное вниманіе къ успѣхамъ науки, благодаря которому университетъ въ представителѣ высшей власти въ нашей столицѣ привыкъ видѣть не только своего почетнаго члена, но и неизмѣннаго покровителя. Съ истиннымъ участіемъ входили вы въ кругъ интересовъ университетскихъ студентовъ, съ сердечною теплотою относились къ ихъ житейскимъ нуждамъ и заботливою рукою охраняли ихъ подверженную искушеніямъ молодость. Вы любили, князь, входить въ непосредственныя отношенія къ членамъ университетской коллегіи и вашимъ личнымъ сближеніемъ съ ними согрѣвали и еще болѣе укрѣпляли живую нравственную связь, установившуюся между вами и университетомъ“. Князь Долгоруковъ, разносторонняя дѣятельность котораго слишкомъ извѣстна, сдѣлалъ очень много добраго и полезнаго для Москвы въ области фабрично-заводскаго дѣла, народнаго и общественнаго призрѣнія, и не даромъ москвичи любятъ называть его *хозяйномъ Москвы*. Онъ, дѣйствительно, трудолюбивый, внимательный хозяинъ, умѣющій распорядиться во ввѣренномъ ему районѣ. Въ качествѣ предсѣдателя Московскаго мѣстнаго управления Общества Краснаго Креста, князь содѣйствовалъ, со своею истинною ему энергіей, организованію 19-ти комитетовъ Общества, въ Москвѣ и въ уѣздахъ Московской губерніи, причемъ собрано пожертвованій около полутора милліона рублей на больныхъ и раненыхъ въ послѣднюю нашу войну съ Турціей, устроено 20 госпиталей на 2,414 кроватей и снаряжены два санитарные поѣзда, которые перевезли около 12,700 раненыхъ, пострадавшихъ на полѣ битвы. Принявъ на себя званіе предсѣдателя Главнаго комитета по сбору пожертвованій на Добровольный флотъ, онъ собралъ 2,250,000 рублей, а въ качествѣ предсѣдателя Комитета по сооруженію въ Москвѣ памятника Императору Александру II собралъ слишкомъ 1,200,000 рублей. По почину князя учреждена, въ 1877 году, особая коммисія для осмотра фабрикъ и заводовъ, въ техническомъ и санитарномъ отношеніяхъ. Подъ его же руководствомъ была отстроена и организована Всероссийская Промышленно-Художественная выставка, обширнѣйшая и удачнѣйшая изъ русскихъ выставокъ; дѣятельное участіе принялъ онъ въ устройствѣ и остальныхъ выставокъ — Этнографической, соединенной со Славянскимъ Съѣздомъ въ Москвѣ (1867), Политехнической (1872), Антропологической (1879), первой Московской Ремесленной. Ревностно потрудился „хозяйнъ Москвы“ при построеніи храма Христа Спасителя, этого великолѣпнѣйшаго, знаменательнаго религіознаго памятника Отечественной войны Двѣнадцатаго Года. Безъ малаго 20 лѣтъ руководилъ онъ, какъ предсѣдатель коммисіи по сооруженію этого храма, всѣми работами. Приобрѣтеніемъ одного изъ полезнѣйшихъ учрежденій Москвы для дѣла народнаго здравія — бактериологической станціи для леченія укушенныхъ бѣшенными животными — москвичи также обязаны князю Долгорукову. Въ Москвѣ нельзя не обратить вниманія на больницу и двѣ лечебницы имени князя Долгорукова, бесплатно раздающія

лекарства бѣднымъ, на Долгоруковскій пріютъ, гдѣ живутъ, воспитываются и обучаются ремесламъ бѣдныя дѣти, и на Долгоруковское ремесленное училище. Въ настоящемъ году „хозяйнъ Москвы“ исполнилось ровно *восемьдесятъ* лѣтъ, а онъ попрежнему бодръ тѣломъ и духомъ, умъ его свѣтелъ, сердце его согрѣто любовью къ ближнему, любовью ко всему доброму.

Князь Владиміръ Андреевичъ происходитъ изъ того древнерусскаго княжескаго рода, представители котораго оказали въ свое время столько важныхъ и значительныхъ услугъ родной землѣ. Имена родоначальника — Михаила Всеволодовича Черниговскаго, мученика за Христа, — Григорія Ропчи-Долгорукова, князя Владиміра Тимофеевича Долгорукова, Якова Федоровича, Юрія Алексѣевича Долгоруковыхъ, наконецъ Василія Михайловича Долгорукова-Крымскаго, покорителя Тавриды — навсегда сохраняются на страницахъ русской исторіи. Князь Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ, генералъ-губернаторъ Москвы — коренной москвичъ и родился 3 іюля 1810 г. Не смотря на знатное происхожденіе и громкій, историческій титулъ, онъ дѣлалъ свою служебную карьеру не при помощи родственныхъ связей и протекцій, а благодаря своимъ личнымъ заслугамъ, и притомъ дѣлалъ ее шагъ за шагомъ. Получивъ солидное воспитаніе дома, онъ поступилъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ (нынѣ Николаевское кавалерійское училище), и окончивъ курсъ въ 1829 г. началъ службу въ рядахъ лейб-гвардіи Коннаго полка. Впервые отличился онъ въ сраженіи подъ Жолтками во время Польскаго мятежа, начавшагося въ 1830 году, былъ затѣмъ безсрѣзнымъ ординарцемъ у генералъ-квартирмейстера дѣйствующей арміи, генералъ-адъютанта Нейдгарта, участвовалъ въ штурмѣ варшавскихъ укрѣпленій и видѣлъ воочию окончательное покореніе Варшавы. Съ половины 1836 по 1838 г. князь находился на Кавказѣ и участвовалъ въ экспедиціи за Кубанью, а съ 1838 г. занялся практикою военнаго хозяйства и по 1845 г. съ успѣхомъ выполнялъ цѣлый рядъ порученій и командировокъ въ характерѣ этихъ занятій. Въ маѣ 1845 г. его назначили временно исправлять должность вице-директора провіантскаго департамента и спустя два года утвердили въ этой же должности. Въ то же время онъ былъ сдѣланъ флигель-адъютантомъ Его Императорскаго Величества. Въ декабрѣ 1848 г. онъ былъ пожалованъ въ генералъ-майоры, назначенъ въ свиту Его Величества и утвержденъ въ должности генералъ-провіантмейстера. Особенно плодотворна была его дѣятельность на этомъ поприщѣ во время Восточной войны 1853—1855 гг. Въ 1854 г. князь былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ къ Наслѣднику Цесаревичу Александру Николаевичу, въ 1856 году сдѣланъ членомъ Военнаго Совѣта, а въ слѣдующемъ пожалованъ въ генералъ-лейтенанты и, наконецъ, 30 августа 1865 года назначенъ на высшій постъ, занимаемый имъ и донныи. Князь Владиміръ Андреевичъ за свои служебныя заслуги былъ награждаемъ множество разъ и имѣетъ всевозможные знаки отличія, ордена русскіе и иностранныя. Между прочимъ отъ Итальянскаго короля онъ получилъ орденъ Благовѣщенія (Annunciata), дающій ему право именоваться кузеномъ королей. Различныя ученныя общества и учрежденія считаютъ его своимъ почетнымъ членомъ. Какъ любитъ москвичи своего „хозяйна“, это было видно во время празднованія княземъ Долгоруковымъ своихъ юбилеевъ 10-ти, 20-ти и 50-ти-лѣтняго, когда его чествовала вся Первопрестольная и когда онъ былъ, что называется, засыпанъ привѣтственными адресами отовсюду.

П. Быковъ.

Жизнь, какъ она есть.

Романъ въ пяти частяхъ. **Вас. И. Немировича-Данченко.**

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. (Продолженіе).

Разъ дядя при ней началъ шпынять Василія Герасимовича за то, что тотъ ужъ слишкомъ поддается Боголюбовъ Боголюбовичу.

— Разорить онъ тебя, смотри. Нищимъ будешь опять.

— Оставьте вы его... Вросьте! вдругъ съ непонятною злостью выпралося у нея.

— Какъ „оставить“?.. Да вѣдь онъ ему ужъ около милліона стоитъ, безъ малаго.

— Пеню Васенька человекъ?.. На немъ кто хочетъ, тотъ и ѣздитъ. Такъ, паръ одинъ. Куда вѣтеръ, туда и дымъ.

— Прибрала бы ты его, Паша, къ рукамъ.

— И вниманія не возьму. Самой дороже стобитъ.

Савва Кузмичъ даже вздрогнулъ, замѣтивъ, какой полный ненависти взглядъ она остановила на мужѣ.

— Съ такимъ, какъ онъ, того и гляди себя потеряешь, страстно заговорила она, точно давая волю давно накопившемуся у нея негодованію. — Вы какъ

думаете, какой онъ правильный? У него все по книжкѣ выходитъ. Тогда въ обители я его пугалась. Думала, семи пядей — заговорилъ онъ меня... Дура была, извѣстно... Ну, а теперь поняла. Какъ-то спрашиваю: ежели я бы да полюбила другаго?.. Кабы вы, дяденька, были моимъ мужемъ, что бы вы сдѣлали?

Савва Кузмичъ глазами сверкнулъ и кулакъ сжалъ.

— Нѣтъ, что бы вы сдѣлали?

— Своими руками бы задумилъ.

— Слышишь? обернулась она къ Сластенову. — Какъ настояще-то люди говорятъ! А онъ по новому. „Я-бы, говорить, сейчасъ вину на себя, а тебѣ разводъ!“ Вотъ оно какъ, по правильному-то... Тогда говорю: „А можетъ-быть я офицера-то вольной волей поцѣловала“. Что-жъ онъ? „Это, говорить, ничего... Пожалуйста де и напередки такъ же“... Какъ съ такимъ мужемъ не потеряться? Что же я, уродъ какой что ли?.. Либо кривая или хромалъ?..

— Ничего я не понимаю, что съ женой дѣлается! въ тотъ же вечеръ, оставшись наединѣ съ Саввой Кузмичемъ, говорилъ Василій Герасимовичъ. — Ничего не понимаю... Ей бы казалось лучше было, если бы я съ ума сошелъ, да прибилъ ее.

— Истинно лучше... А ты какъ полагалъ?

Василій Герасимовичъ уставился на дядю.

— Чего ты?.. Вѣрно тебѣ говорю. Потому у нея характеръ сильный, здоровья до пропасти. Либо ей нуженъ такой мужъ, чтобы еще ея здоровѣй да сильнѣй былъ... Либо такой, чтобы ревностями да попреками ее изводить сталъ. Либо ей счастья съ гору, либо муку-мученскую. Ей некуда силу свою дѣвать, ну, она и страдаетъ. Терзай ее—спасибо скажетъ. Потому тогда у нея эта сила на борьбу съ тобой уйдетъ.

— Богъ знаетъ какія дикія вы вещи говорите!

— Да и женщины у насъ еще дикія водятся, другъ ты мой любезный. А то что ей за сласть державить тебя, коли тобой всякій Галопишко, да что Галопишко, шутъ этотъ Нешумовъ—и тотъ помыкаетъ. Никакой ей радости въ послушаніи твоёмъ нѣтъ... Чуетъ мое сердце, чуетъ: дурно у васъ это дѣло кончится. Ой, дурно!..

Но вдругъ все точно разомъ измѣнилось у Сластеновыхъ.

Жена его стала съ нимъ попрежнему ласкова—и не только ласкова, но просиживала цѣлые вечера, глядя на него и слушая его голосъ. Она обходила комнаты, подолгу останавливаясь у своихъ любимыхъ уголковъ. Въ такія минуты на ея глазахъ Василій Герасимовичъ замѣчалъ слезы.

— Что это съ тобою, Паша? Ты, кажется, плакала? заботливо спрашивалъ онъ.

— Ну, вотъ!.. Такъ... нервы... Плачу!.. Котъ больше наплачетъ, чѣмъ я...

Она принуждала себя улыбаться ему и немного погодя вдругъ спрашивала, глядя куда-то въ сторону:

— Скажи мнѣ, какъ бы ты жилъ, кабы я вдругъ умерла?.. Ну, представь, была я — и нѣтъ меня. Въ могилѣ лежу, что-ли.

— Что это тебѣ въ голову приходитъ, блѣднѣлъ онъ.

— Трудно было бы, тяжело тебѣ, а?.. Ты подумай... Интересно знать мнѣ.

— Разумѣется... Я бы тоже, кажется, умеръ... Я не могу безъ тебя.

Она улыбалась, но ужъ насмѣшливо, и головой качала.

— Нѣтъ, Васенька. Твое горе отходчиво... Куда тебѣ помирать!.. Да я умирать и не собираюсь. Такъ я, съ глупа... Пришло въ голову... А ты по правильному разсуди... Что бы ты сдѣлалъ?.. У тебя вѣдь сейчасъ въ книжкахъ на все правило есть... И на это найдется. Вѣрно найдется... Вотъ дяденька Савва Кузмичъ жаль не женился. Онъ безъ правилъ, а по совѣсти!

Снѣгъ стаялъ скоро. Началась настоящая весна. Прасковья Яковлевна затосковала.

— Я, Васенька, съѣзжу тятеньку навѣстить... да тетю... Только ради Христа Господа не увязывайся ты со мной... Дай мнѣ одной побыть. Надо... Слышишь, надо.

— Ой, не пускай! смѣялся Савва Кузмичъ, только какимъ-то опасливымъ, страннымъ смѣхомъ.

— Отчего?

— Я бы такую не пустилъ. Птица сидѣла въ клѣткѣ. Тоже просила: отвори дверцу, я сейчасъ назадъ. Только по солнышку полетаю, на цвѣтики полюбуюсь, въ теплѣ покупаюсь... Ее и пустили, а она и до сихъ поръ летаетъ!..

Прасковья Яковлевна нахмурилась...

— Я и не спросясь уйду, если захочу... Меня и вы бы не удержали, дяденька, а ему куда ужъ!

— Ваши дѣла, дѣтушки, ваши... Я такъ, по-стари-

ковски. Потому, въ обитель и ему бы хорошо было съѣздить-то... Помолиться... Заживоѣлъ онъ съ Галопишкой этимъ.

Какъ настали ясные, теплые дни, Прасковья Яковлевна живо собралась и уѣхала.

— Пиши же, просилъ ее, прощаясь, Василій Герасимовичъ.—Я истоскуюсь безъ тебя...

— Напишу-напишу... будь спокоенъ...

На первыхъ порахъ она ему все телеграммы посылала: „здорова де, будь спокоенъ“... А черезъ мѣсяцъ и письмо пришло. Прочелъ его Василій Герасимовичъ и, какъ стоялъ, такъ и грохнулся на полъ.

Вотъ что писала ему жена:

„Прощай, другъ мой Васенька, на долго ли — не знаю... Можеть и навсегда... Хорошій ты — и смирный, и ничего я противъ тебя сказать не могу, а только вмѣстѣ намъ не жить... Съ тобою я живо потеряю себя, потому — не настоящій ты и нѣтъ у тебя силы такой, чтобы удержать меня... Одна по добру стану жить, да Богу молиться... А съ тобой мнѣ гибель!.. Такъ ты это и знай. Помнишь ту ночь, какъ меня привезли къ тебѣ всю въ крови? Скажу тебѣ какъ передъ Господомъ, не вовсе ужъ и я права была... Не трихни карету, да не оторвись я отъ губъ его — и стекла бы не била, и тебѣ бы не видать меня, какъ ушей своихъ... Не плачь, Васенька, хоть знаю я, плакать ты будешь. Будь у тебя характеръ настоящій — никогда бы не случился этому грѣху. Потому, знала бы я, что у меня мужъ и уваженіе къ нему чувствовала. А ты доберь слишкомъ для нашей сестры, доберь, такъ доберь, что и полюбить-то тебя нельзя... Такъ ты это и знай... Не вернусь я къ тебѣ скоро. Дурнаго про меня не думай. Разъ меня Господь не допустилъ, а въ другой я и сама себя не доведу... Знаю, не поймешь ты души моей... Прочти мое письмо это Саввѣ Кузмичу. Дяденька скажетъ тебѣ, что рѣшила я по всей настоящей правдѣ-совѣсти... Прощай пока, Васенька, и соблюдай себя отъ злыхъ людей, а я стану за тебя вотъ какъ молиться Господу!.. Вѣрная жена твоя Парасковья Сластенова“...

X.

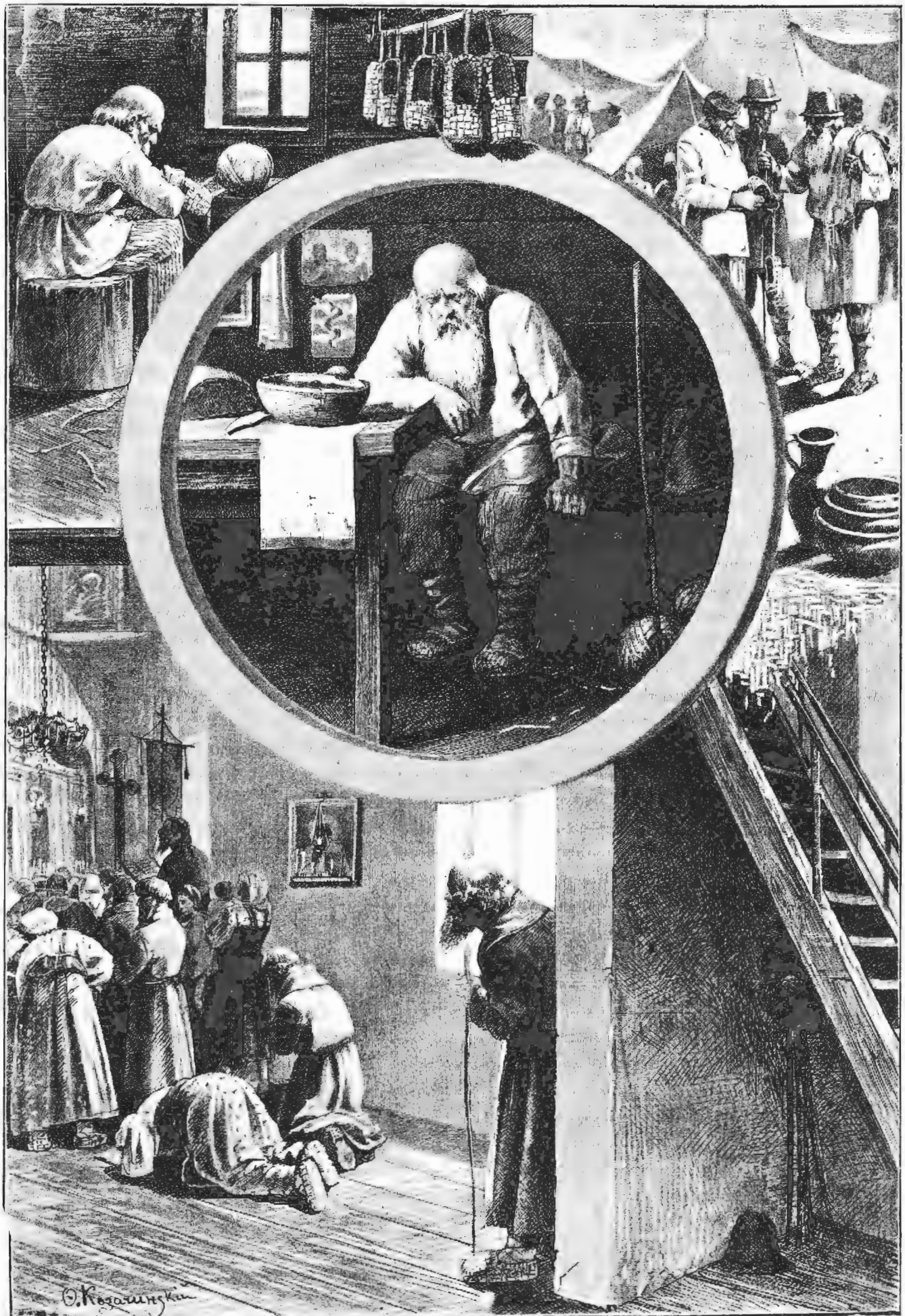
Когда Сластеновъ очнулся—было уже темно.

Онъ чувствовалъ только, что сейчасъ случилось ужасное, безповоротное, что бросить свою густую непроницаемую тѣнь на всю его жизнь. Этому несчастному миллионеру было жутко и холодно; онъ, не подавая голоса, забился въ одно изъ кресель гостиной и сидѣлъ такъ долго-долго, слушая какъ маятникъ однообразно стучить въ часовомъ футлярѣ, какъ чьи-то дрожки за окномъ трещать на мостовой, какъ въ другихъ комнатахъ осторожно шагаютъ его люди, не подозрѣвающие что здѣсь рядомъ случилось ужасное, ужасное дѣло. Въ вискахъ у него стучало. Грудь ныла. Сердце съ страшною силой билось, точно ему хотѣлось раздвинуть свою клѣтку и выйти вонъ изъ этого жалкаго страдальца. Глаза его горѣли. Во рту пересохло. Неужели онъ теперь одинъ, одинъ и навсегда? Неужели это не сонъ, не шутка, не пустая угроза? Нѣтъ, онъ слишкомъ хорошо зналъ свою жену, чтобы считать ее способною на пустягъ угрозы. О Боже мой! Боже мой! За что же все это, за что?! Вотъ оно это письмо... Это страшное письмо! Оно какъ пограничный столбъ на рубежѣ его счастливаго прошлаго и темнаго будущаго. Это будущее уже началось. Оно здѣсь. Какъ призракъ стоитъ рядомъ съ нимъ и заглядываетъ въ его испуганныя и тоскующія очи. Оно сторожитъ его. Оно знаетъ что онъ отдастъ ему на жертву и ждетъ-ждетъ... Онъ не уйдетъ отъ своей судьбы — отъ этого одиночества.

Лакей, не замѣчая его въ креслѣ, вошелъ въ комнату и зажегъ лампу на кругломъ столѣ, потомъ за тѣмъ-же отправился въ слѣдующую комнату. Кузьма

Столетіе Троицнаго собора въ Александро-Невской Лаврѣ въ СПБ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Земцова, грав. Рашевскій.
 1. Главный входъ въ Лавру. 2. Соборъ. 3. Александровская церковь. 4. Серебряная рана съ мощами Св. Александра Невскаго. 5. Частная кладбищенская церковь Русанова. 6. Входъ въ Св. ворота.

О. Козачинский

Литер. альбомъ. „Дѣдушка“, Никитина. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Козачинскаго, фотохемигр. мастерской „Нивы“.

Степановичъ Козаковъ — тоже не видя барина—мягко на своихъ точно рессорныхъ ногахъ, по-лисьи какъ-то, проскользнулъ мимо, встрѣтилъ какого-то лакея и спросилъ:

— Нашего сокровища не выдалъ?

— Должно у себя въ кабинетѣ сидитъ. А что?

— Пора ему чай собирать. Самъ-то вѣдь что младенецъ, не опомнитъся.

Не замѣная, что письмо Прасковьи Яковлевны осталось на полу,—Василій Герасимовичъ собралъ послѣднія силы и, точно придерживая болѣвшее сердце, пошелъ въ спальню къ женѣ. Тутъ все оставалось такъ-же какъ было при ней. Онъ зажегъ свѣчу на туалетѣ, быстро вернулся къ дверямъ и заперъ ихъ. Ему было страшно подумать, что кто-нибудь другой кромѣ него можетъ войти въ эту комнату. Онъ сѣлъ въ кресло у постели и заглядѣлся на нее. Вотъ тутъ на этой батистовой наволочкѣ покоилась ея голова. Сквозь тонкую ткань, чуть-чуть поблескиваетъ шелковая подушка; въ прошивкахъ она ярко видна. Какъ красивы были ея черныя косы на ней когда бывало по утрамъ онъ любовался ими, разметавшимися точно змѣи, впишіяся въ ея голову! Онъ зажмурился, представляя себѣ что она лежитъ здѣсь, что она дышетъ, и ему казалось, что онъ слышитъ ея дыханіе. Да, да... Это она. Если бы увидѣть ее! Открыть глаза и увидѣть на минуту какъ сонъ какой-то, счастливый весенній сонъ поэтической юности. И онъ глядѣлъ — и ничего не видѣлъ; только ея смѣлое, изыщное личико смѣялось ему изъ серебряной эмалированной рамы портрета, висѣвшаго на противоположной стѣнѣ. Вотъ зеркало на туалетѣ въ такой-же рамѣ... Она смотрѣлась въ него. И вдругъ это зеркало стало ему мило и дорого. Онъ издала взглядывался въ его казавшую ему безконечную глубину, надѣясь что авось тамъ смутно, неопредѣленно, едва намѣчиваясь, мелькнуть ея чудныя черты. „Было счастье—и ты, дряблѣй и жалкій человѣкъ, не удержалъ его! Блеснуло тебѣ солнце любви, чистая и прелестная дѣвушка остановила на тебѣ свой ласковый взглядъ—и ты, не умѣлъ понять его: не сдѣлалъ ничего-ничего чтобы эта любовь длилась и согрѣвала твою безцвѣтную, постылую жизнь!“ По этому коврику ступала она,—часто бывало даже бѣлыхъ ножекъ своихъ въ туфли не вдѣнеть, а такъ и идти босикомъ къ зеркалу и изыщная мраморная ступня ея такъ и отдѣляется отъ темно-малиноваго пушистаго ковра. Вотъ книга на столѣ... Послѣдняя, которую она читала. Онъ схватилъ ее и прижалъ къ своей щекѣ. Ему казалось что отъ этихъ страницъ вѣетъ на него ароматомъ ея дыханія. Неужели это не сонъ—и она, улыбающаяся, веселая, радостная, какъ въ первое время ихъ счастья, не пройдетъ мимо и не шевельнетъ шаловливою рукой его торчкомъ попрежнему стоящіе волосы? Да нѣтъ, нѣтъ... Этого не можетъ быть. Ему почудилось. Какъ ни съ того, ни съ сего разбить и уничтожить двѣ жизни — и его жизнь, его, никогда не оскорбившаго ее ни однимъ словомъ, ни однимъ дурнымъ помысломъ! Разумѣется, все это грѣзы, фантазія... Стоитъ ему только проснуться—и ужасы эти окажутся сномъ, сквернымъ отвратительнымъ сномъ, кошмаромъ, зловѣщимъ созданіемъ тяжелой и тревожной ночи. И онъ, широко открывая глаза, всматривался во все кругомъ и вдругъ падалъ въ кресло съ крикомъ:

— Одинъ, одинъ... Навсегда одинъ.

Онъ рыдалъ и бился, наконецъ-то у него открылись источники слезъ, но увъ! отъ этихъ слезъ ему не легче было. Напротивъ, рыданія душили его. Онъ зарывался головою въ подушки кресла, боясь что тамъ за этой запертою дверью разслушаютъ и станутъ смѣяться надъ несчастнымъ, одинокимъ, навсегда оставленнымъ человѣкомъ. Въ безумномъ отчаяніи онъ шепо-

томъ произнесилъ ея имя, звалъ ее, говорилъ ей нѣжныя, ласковыя слова и вдругъ останавливался прислушиваясь, не раздастся-ли около такого-же милаго отвѣта. Но, увъ! кругомъ стояла тишина. Тишина склена—и только въ дверь къ нему дѣйствительно стучали—тихо и почитительно.

— Кто тамъ? поднялъ онъ голову.

— Чай кушать подано.

— Сейчасъ... отозвался онъ и на минуту подошелъ къ зеркалу. Взглянулъ на себя. На немъ лица не было. Э, да не все-ли равно теперь!

— Уйдите... Я выйду самъ... скоро.

Когда вышелъ—онъ прочелъ испугъ на лицахъ прислуживавшихъ ему лакеевъ. Самъ Козьма Медичисъ прислуживалъ ему съ несвойственною этому великолѣпному экземпляру суетливостью. Въ дверяхъ впереди показалось разстроенное лицо горничной. Оно было все въ слезахъ.

„Почемъ они узнали?“ какъ молнія обожгло его голову. „Почемъ они узнали? А узнали — это видно по лицамъ, по движеніямъ, по всему... Гдѣ письмо?..“ Неужели онъ оставилъ его тамъ въ той гостиной?

Онъ всталъ и пошелъ туда. Письма не было... Ни на столѣ, ни у кресла на полу.

— Я тутъ оставилъ письмо, гдѣ оно? обратился онъ къ лакею. — Я его не бралъ съ собою, онъ должно бы быть здѣсь.

Тотъ сдѣлалъ равнодушное лицо.

— Я нашелъ тутъ бумагу—точно. Думалъ нужное и къ вамъ въ кабинетъ положилъ.

Сластеновъ бросился туда — письмо было на его столѣ.

— Прочитали! Теперь всѣ-всѣ знаютъ.

И дѣйствительно узнали всѣ.

Дня черезъ три заѣхалъ къ нему Боголюбовъ Боголюбовичъ,—острымъ, озабоченнымъ взглядомъ окинулъ Сластенова и небрежно, какъ будто, спросилъ:

— Ну, что... какъ вы себя носите?

— Такъ... вообще... ничего... Скверно... вообще... знаете... А развѣ вы что-нибудь слышали?

Курецъ вздрогнулъ, отвернулся.

— Нѣтъ, ничего не слышалъ... Вообще... повторялъ онъ его слова. — Ничего не слышалъ.

— А я думалъ, тяжело и неискренно усмѣхнулся Василій Герасимовичъ, — я думалъ—знаете вѣдь Москва сплетничать любитъ. Думаю нивѣсть что толкуютъ о моей женѣ и объ ея отсутствіи. Жду... жду... Скоро пріѣдетъ.

— Ну, слава Богу! слава Богу!—и Галонъ принялъ видъ искренно обрадовавшагося человѣка. — Значитъ все это чепуха?

— Что чепуха?.. Слѣдовательно въ самомъ дѣлѣ говорили что-нибудь?

— Говорили?—нѣтъ. А въ газетахъ сегодня...

— Въ газетахъ! — Сластенова точно кипяткомъ обдало.—Что въ газетахъ... въ какихъ газетахъ?

— Ну, глупая сплетня. Подлые намеки. Разумѣется ни одинъ порядочный человѣкъ не придастъ имъ никакого значенія.

— Какіе намеки? И гдѣ?

— То-то и скверно, что именно въ вашей газетѣ.

— Какъ въ моей... про меня? Въ „Сегодня“?

— Именно! Я съ собой номеръ захватилъ. Вы бы этихъ своихъ башибузуконъ къ ногтю прижали! Э, чортъ знаетъ что. Вотъ полюбуйтеся.

Онъ вынулъ изъ бокового кармана смятый номеръ „Сегодня“. Посрединѣ было краснымъ карандашомъ отчеркнуто:

„Красавица въ бѣгахъ или близокъ локоть д не укусишь!“

— Что это! что это?!

— Я заѣзжаю въ редакцію, говорю Нешумову: „какъ

вамъ не стыдно“. А онъ мнѣ на это: „высшая добросовѣстность. Своихъ—и то не щадимъ! Каковы, хвастается, у насъ репортеры! Хозяина—и того привлекли къ законной ответственности“. Ну, Крѣпышевъ на него накричалъ. „Шантажисты всѣ вы!“ Кажется даже негодяями что-ли обозвалъ ихъ.

Сластеновъ читалъ и не вѣрилъ глазамъ своимъ.

Талантливое перо репортера Трепетова — превзошло сегодня само себя.

„Знаете-ли вы, прекрасныя читательницы (а можетъ быть и не прекрасныя!) великолѣнное палаццо скоропѣлаго милліонера со сладкой фамиліей? Стоить этотъ дворецъ—на Рогожской, вѣроятно судьба хотѣла подшутить надъ почтеннымъ крезомъ, сравнительно недавно еще довольствовавшимся рогожами вмѣсто одра, каковымъ онъ впрочемъ и самъ былъ... Но оставимъ шутки въ сторонѣ. Въ этомъ дворцѣ—на-дняхъ разыгралась драма... Шекспиръ, гдѣ ты?.. Одолжи мнѣ свое перо... Г-жа N. N. (тутъ была напечатана фамилія одной изъ извѣстныхъ драматическихъ актрисъ) — вы были-бы восхитительны въ роли прекрасной купчихи, черными бровями и пламенными глазами которой увлекся—нѣкій питерскій Марсъ... Разсказываютъ... Но цыц! Молчи мое бѣдное сердце... Ни слова — ни о поцѣлуяхъ въ каретѣ, ни о выбитомъ нарочно (знаемъ какъ это нарочно!) окнѣ... Короче сказать — рогожскій дворецъ опустѣлъ, а сладкій милліонеръ остался при пиковомъ интересѣ въ качествѣ соломеннаго вдовца. Не дальше какъ третьяго дня — черные глаза увѣдомили его... Но скромность, господа и госпожи, прежде всего. Могу сказать только одно—ему собственноручная супруга послала, разумѣется, въ конвертѣ съ почтовой маркой: „прощаюсь, сласть моя, съ тобою“ и потомъ— „я въ пустыню удаляюсь отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ“... Разумѣется въ ту пустыню гдѣ вмѣсто львовъ—водятся господа офицеры, а роль акридъ и дикаго меда играютъ устрицы и шампанское. Опустимъ на нихъ завѣсу и пожелаемъ имъ всякаго благополучія“.

— Что это!.. Что это!.. вертѣлъ Сластеновъ въ рукахъ газету.—Дѣйствительно, жена права. Я жалкій и пустой человекъ, я тряпка... Да... Но какъ они... какъ они смѣли порочить ея доброе имя!.. Бросать въ нее грязью...

— Знаете, что я вамъ посоветую?

— Что?

— Прогоните этого Трепетова... Вы помните въ „Вороней Масти“ статьи о нашемъ домѣ, за подписью Полуторакириичный Строитель?

— Ну?

— Это вашъ Трепетовъ все усердствовалъ.

— Но это наконецъ чортъ знаетъ что!.. Обѣщаю вамъ одно: на этотъ разъ я не буду тряпкой... Нѣтъ... довольно!.. Довольно! крикнулъ онъ во все горло, такъ что вошедшій въ эту минуту въ комнату лакей шарахнулся въ сторону.

— Одѣваться! Ефремъ пусть запрягаетъ лошадей. Поѣдемте вмѣстѣ, Боголюбовъ Боголюбовичъ.

— Слушаю-съ. Приказывайте мнѣ и распоряжайтесь мною.

Сластеновъ весь кишѣлъ негодованіемъ. Точно нужно было несчастіе, чтобы встряхнуть его, вызвать дремавшую въ его душѣ силу.

— Вы не подавайте имъ руки... Сдѣлайте общій поклонъ и только. Если вы подадите имъ руку, вамъ ихъ жалко станеть, наставлялъ его Курецъ, опытный психологъ по этой части.

Но сегодня Сластенова нечего было учить.

Туча-тучей онъ вошелъ въ редакцію. Нешумовъ было бросился къ нему.

— Падѣюсь, ты не обижаешься?..

Но Василий Герасимовичъ такъ взглянулъ на него, что Сергѣй Федоровичъ отскочилъ живо.

— Гдѣ Трепетовъ?

Репортеръ хотя былъ уже пьянъ, но на ногахъ еще держался. Онъ развязно подошелъ и со словами: „здорово, патронъ!“ подалъ ему руку. Увы! рука осталась одинокой.

— Что это вы, ваше степенство?.. Сегодня лѣвой ногой встали?

— Господа, я Трепетова выгоняю, какъ клеветника и мерзавца!.. Вонъ сейчасъ отсюда! Негодяй!

— Чего-съ?.. поблѣднѣлъ Трепетовъ. — Клеветникъ, мерзавецъ и негодяй!.. Это я?.. Господа, вы слышали? Надѣюсь, у мирового подтвердите... А вы... вы еще раскаетесь! Въ самомъ дѣлѣ, у нихъ жены бѣгаютъ, а мы...

Но Трепетовъ не успѣлъ окончить. Откуда у Сластенова сила взялась, онъ размахнулся—и репортеръ вдругъ покотился подъ столъ...

— Убрать его! крикнулъ онъ разсылному.—Сейчасъ же вонъ... Чтобы его духомъ не пахло! Крѣпышевъ въ кабинетѣ у себя?..

— Да-съ! оторопѣлъ Нешумовъ.—Прикажете попросить его?..

Куда дѣвался его развязный тонъ и фамильярность!

— Не надо, я самъ...

— Александръ Васильевичъ, что это творится у насъ? проговорилъ Сластеновъ въ кабинетѣ.

— Что?.. Логовище разбойниковъ какихъ-то... Я ухожу, негодовалъ благородный старикъ. — Ухожу. Я не могу грязнить свое имя шантажнымъ листкомъ этимъ... У меня отъ всей моей трудовой жизни только и осталось—честное имя...

— Нѣтъ... вы уходите не должны... Позвольте мнѣ передать въ ваши руки... Газету губить нельзя. Напротивъ, изъ нея надо создать хорошей и добросовѣстный органъ. У насъ мало вѣдь... Возьмите ее на себя и будьте хозяиномъ. Я не способенъ. У меня эти паразиты совѣмъ все изгадятъ.

— Какъ же это такъ? не понималъ Крѣпышевъ. — На какія же средства я буду издавать?

— Газета ваша. Подписка ваша. Чего не хватитъ — я къ вашимъ услугамъ...

— Надо потолковать...

— Потолкуемъ. Да чего толковать! Я буду счастливъ, если вамъ удастся создать то, чего я не умѣлъ сдѣлать!.. Впрочемъ, съ моей стороны смѣшно было бы и думать, чтобы въ рукахъ у такого бездарнаго человека, какъ я, вышло бы что-нибудь.

Черезъ часъ Сластеновъ вышелъ вмѣстѣ съ Крѣпышевымъ изъ его кабинета.

— Господа! Прощайте... Мы вѣрно больше не встрѣтимся съ вами на одной дорогѣ. Я отказываюсь отъ газеты. Ея хозяинъ и исключительный распорядитель теперь—Александръ Васильевичъ. Онъ съ вами будетъ имѣть дѣло... Отъ него вы теперь и зависите... До свиданія, Александръ Васильевичъ. Не поминайте меня лихомъ, а добромъ не за что.

Онъ уже выходилъ изъ редакціи, какъ вдругъ вспомнилъ что-то и заглянулъ въ контору.

— Ольга Андреевна, позвать онъ Кремлеву, — вы честный человекъ, какъ и Петръ Смарагдовичъ. Помните, я съ вами не ссорился и вовсе не желаю прекращать нашей дружбы. Если я вамъ когда-нибудь буду нуженъ—я весь къ вашимъ услугамъ.

Морданъ даже прослезился и кинулся къ Сластенову на шею...

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Василій Герасимовичъ проснулся, заглянулъ, раздвинувъ занавѣси, на окно... Погода была сырая, пасмурная... Точно слезинки бѣжали по стекламъ. Сѣверная

весна уже царилла со всѣми своими прелестями—утренними туманами, вечерней сыростью, почнымъ холодомъ, ранними дождями и какою-то непобѣдимой скукою, разлитой по всей этой скудной природѣ. Сѣро было небо, низко-низко ползли по немъ грузныя, тяжелыя тучи... Сластеновъ зажмурился и задвинулъ занавѣси опять. Лучше ужь спать, чѣмъ жить въ такую погоду. Но заснуть ему не удалось. Сегодня онъ чувствовалъ себя особенно скверно... Со времени отъѣзда его жены прошло ужь больше полутора мѣсяца—и всѣ эти дни и всѣ эти ночи, въ полномъ уединеніи слоняясь по громаднымъ комнатамъ своего дома, онъ ощущалъ такой ужасъ одиночества, что отъ души радовался, когда къ нему прѣѣзжалъ даже Боголюбовъ Боголюбовичъ... Этотъ понималъ угнетенное состояніе своего патрона и пользовался имъ во всю. Чеки подписывались какъ никогда. Курецъ зналъ, что мысли Сластенова были далеко, что время было самое подходящее и хозяинъ его не слушалъ, все равно, что бы онъ ему ни говорилъ. Хоть „птичку Божью“ читай, Василій Герасимовичъ только проснется въ концѣ, подыметъ отяжелѣвшую голову, спроситъ „сколько“ и подпишетъ. Боголюбовъ Боголюбовичъ даже расцѣлывалъ въ это время, но хваталъ такъ, что ему уже странно становилось... А какъ кошнуть, ревизию назначить?.. Судь вѣдь тогда. Пренія недобрый мысли зародились въ его предприимчивой головѣ. Онъ уже подозрительно поглядывалъ вокругъ, словно задаваясь мыслью: какъ бы не догадались. Въ то же время онъ завелъ какую-то таинственную перешипку, погружавшую его съ головой въ какой-то омутъ нестерпимаго безпокойства. Если бы Василій Герасимовичъ былъ не такъ простодушенъ, бѣглый и острый взглядъ Курца и его бы заставилъ вздрогнуть порою. Очевидно Боголюбовъ Боголюбовичъ что-то готовилъ другимъ и къ чему-то готовился самъ. Существованіе Сластенова было теперь похоже на какія-то сумерки—все оно для него уходило въ потемки, вѣдѣ за которыми должна была наступить еще болѣе безотрадная ночь. Кто не знаетъ этихъ длинныхъ невыносимыхъ вечеровъ сѣвернаго дня, когда день все собирается умереть и никакъ умереть не можетъ, когда его агонія кажется длиннѣе цѣлыхъ сутокъ и, сумерничая, начинаешь съ апетитомъ поглядывать на каждый крюкъ. Какая-то не то слезь, не то сизая мгла ползетъ на тебя отовсюду, и когда наконецъ этотъ чахоточный, болѣзненный свѣтъ на западѣ умретъ, радуешься первой свѣчѣ, какъ лучшему своему другу... Въ такихъ именно сумеркахъ теперь шла вся жизнь Василя Герасимовича. Саввы Кузмича не было въ Москвѣ. Дѣла вызвали его въ Петербургъ, и старика ждали домой не раньше какъ черезъ мѣсяць еще... Преній кружокъ людей, собиравшихся у Сластенова—всѣ эти Нешумовы, Наплакины, послѣ описаннаго въ послѣдней главѣ скандала, уже не показывались Василю Герасимовичу на глаза... Онъ даже не интересовался бывшею *своею* газетой, и когда ему лакей подавалъ ее утромъ вмѣстѣ съ другими, онъ швырялъ ее прочь, точно боясь развернуть эти опротивѣвшіе ему листы печатной бумаги... Галонъ, смотрѣвшій на него какъ на исключительное свое достояніе, убѣдилъ его не принимать никого изъ благотворителей и патронныхъ дамъ и самъ уже подумывалъ, не убѣжать ли и ему, какъ ушло все изъ этого дома, опостылѣвшаго съ отъѣздомъ Панина... Пока онъ собиралъ всѣ свои капиталы, чтобы были при немъ на всякій случай. Водохлѣбовъ разлетѣлся какъ-то, но мордастый Георгіевскій кавалеръ въ швейцарской отвѣтилъ ему кратко и выразительно:

— Не вѣдно, ваше превосходительство.

За это время его изъ полковниковъ произвели въ генералы и предложили ему уйти въ запасъ. Ужь очень огласились его маневренныя подвиги. Такъ онъ и ходилъ забандероленный на погонахъ.

— Чего не вѣдно? удивился тотъ, краснѣя и надуваясь какъ резиновый шарь.

— Пуцать никого не вѣдно... Строго заказано, чтобы отнюдь значить. Всѣмъ одинъ отвѣтъ: „не принимаютъ никого“.

— Какъ никого?.. И генераловъ?..

— И генералы понче не допущаются, потому Василій Герасимовичъ, по случаю собственной супруги, до сихъ поръ въ огорченіи, и кромѣ Боголюбовъ Боголюбовича—сказано „не смѣть“... Ежели что, сейчасъ въ три шеи вонъ, а у меня младенцы!

— Странно!.. Вотъ пошли ему мою карточку, можетъ приметь.

— Приказано и карточекъ ему не передавать пока что. Чтобы не безпокоить.

— То есть какъ пока? переходилъ Водохлѣбовъ отъ изумленія къ изумленію.—То есть какъ это „пока“?

— Пока, значить, они въ свое понятіе не войдутъ... Саввы Кузмича ждемъ изъ Питеру. Тотъ его разговаривать.

— Что же вы его это подъ арестомъ держите?

— Самы не желаютъ. Извѣстно, они хозяева... Какъ захотѣли, такъ и дѣлаютъ. За этотъ мѣсяць и не выходили изъ дому. Походятъ-походятъ по комнатамъ, посмотрятъ въ окошко... Книжку развернуть... Посидятъ чего по малости—и опять спать.

— Весело... Нечего сказать. Въ такомъ состояніи душа склонна къ благотвореніямъ... Мнѣ бы очень его повидать слѣдовало...

Но швейцаръ, намятовавшій о „младенцахъ“, былъ неумолимъ, и Водохлѣбову пришлось уѣхать съ чѣмъ прѣхалъ.

Только разъ пришлось швейцару нарушить „строгий приказъ“, да и то онъ виноватъ не былъ.

Въ подѣздѣ вошла какая-то долговязая и худая блондинка, бросила ему шубу на руки, осталась въ платьѣ наминавшемъ нѣчто въ родѣ подряеника—и только швейцаръ ротъ разинулъ, она ужь стала подыматься вверхъ по лѣстницѣ.

— Позвольте... Позвольте, сударыня! обрѣлъ онъ наконецъ даръ слова.

— Что тебѣ позволить?

— Да какъ же... Пуцать никого не вѣдно, а вы, прости Господи, лѣзете въ барскія комнаты безъ всякаго спросу.

— У тебя, дурака, спрашивать что-ли?.. Вотъ скажу Василю Герасимовичу, онъ тебя живо прогонитъ. Ишь наглець какой!.. Нагулялъ себѣ толстую морду... Давно бы пора на цѣнь посадить, чтобы не кусался.

Швейцаръ даже оторопѣлъ отъ такого привѣтствія и вмѣсто отвѣта заморгалъ глазами.

Наверху перенялъ ее Кузьма Степановичъ. Козьма Медничъ даже руки разставилъ, желая не пустить ее къ барину, но она, повернувшись бочкомъ, отодвинула его прочь и при этомъ совѣтовала:

— Ты бы, старичекъ, въ богадѣльню... давно тебѣ пора... И помирать-то скоро, а ты вотъ все въ господскихъ фракахъ щеголяешь.

Козаковъ превратился въ соляной столбъ...

— Вамъ что угодно, мадамъ? остановилъ было ее въ дверяхъ кабинета лакей.

— Не тебя... Ишь вытянулся!.. Фонарь бы тебѣ на голову, да на улицу поставить—и гори!

И ужь не обращая на него вниманія, она постучалась въ дверь.

— Кто тамъ? послышался голосъ Василя Герасимовича.

— Можно къ вамъ? сладко заговорила дама.

— Что такое?.. Кто тамъ?

Она пріотворила дверь и просунула туда голову.

— Любительница російской словесности Анюшкина.

— Я боленъ... я приказалъ никого не принимать...

Горе-рыболовъ. Зацѣпилась! Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Оболенскаго, грав. Ангереръ.

— Я только на минуту... По самоважнѣйшему дѣлу!

И она продвинулась въ кабинетъ, гордо подала руку Сластенову, сѣла въ кресло, заложила ногу за ногу и, взявъ въ руки лорнетъ-помпадуръ, начала въ упоръ разсматривать Василя Герасимовича.

— Вы и есть Сластеновъ? пожелала она убѣдиться еще разъ.

— Я, терлся онъ.—Чему обязанъ... по какому случаю вы ко мнѣ?

— Не по случаю—а по женскому вопросу.

— Чего-съ?

— По женскому вопросу... Въ качествѣ любительницы русской драматической словесности, я специально занимаюсь устройствомъ литературныхъ чтеній, вечеровъ и спектаклей. У меня это призваніе... Во всѣхъ частяхъ.

— То-есть какъ въ частяхъ? изумился Василій Герасимовичъ, ничего на сей разъ не понимая.

— Видите-ли... Все вамъ разжуй да въ ротъ положи... Мужчины! съ невыразимымъ презрѣніемъ протянула она.—Именно „мужчины“. Вся ваша природная глупость однимъ этимъ словомъ опредѣляется вполне. Въ той части города, махнула она рукой по направленію къ носу Василя Герасимовича,—я уже со своей стороны все сдѣлала. Болѣе ста вечеровъ въ разное время устроила. Тамъ публику не соберешь. Я и рѣшила — устроить литературное чтеніе для замоскворѣцкихъ дикарей...

— Позвольте, я не дикарь во-первыхъ, а во-вторыхъ, чѣмъ же я могу вамъ служить?

— Залой!.. У васъ громадная зала. Мы устроимъ частную конференцію по модному женскому вопросу,—мнѣ-то собственно на него наплевать, но онъ всегда привлекаетъ публику... Литературное чтеніе съ платою по 5 р. за входъ—билеты раздадимъ живущимъ здѣсь Китъ Китычамъ.

— Берите, мнѣ все равно... Я запрѣшу у себя на это время.

— А послушать умныхъ рѣчей не желаете? Будетъ говорить прѣзкій изъ Питера молодой беллетристъ Самодѣйкинъ — о законахъ творчества въ произведеніяхъ другаго молодого беллетриста Свистунова.

— Нѣтъ... Это мнѣ не интересно.

— Ну и чортъ съ вами... Впрочемъ, я вамъ все-таки благодарна. А билеты раздать не возьметесь? Этакъ штукъ пятьдесятъ?

— Нѣтъ. Я никого не знаю и не вижу.

— Ну, это вы положимъ врите... Во всякомъ случаѣ мы вамъ выразимъ печатно нашу признательность... А букетъ Слоновой—на чей счетъ?

— Какой Слоновой и какой букетъ?

— Слонова у насъ будетъ пѣть — бывшая знаменитость? Такъ ее надо букетомъ поощрить. Вы это на себя не примете?.. Нѣтъ. Я такъ и знала. У милліонера рѣдко выпросишь. Жадности этой у васъ... Вы хоть чаю подайте въ комнату гдѣ будутъ участвующіе... Между прочимъ, „женская“ романистка Софія Стручкова прочтетъ этюдъ о „любви въ отвлеченіи и о страсти въ натурѣ“... Она кажется у васъ въ газетѣ участвовала.

— Какъ же, участвовала!—И Василій Герасимовичъ усмѣхнулся, вспоминая свои недавнія еще литературныя увлеченія.—Какъ же, участвовала!

— Ну вотъ. А вы этого не чувствуете... Хотѣла я Крѣпышева пригласить—да онъ отсталыхъ...

— Крѣпышевъ изъ отсталыхъ?—Сластенова начала уже интересоваться эта дама. Такихъ онъ еще не видалъ. Онъ смутно помнилъ, что Нешумовъ когда-то писалъ о ней изъ Петербурга, но почему-то ея участіе въ его газетѣ не устроилось.

— Для васъ онъ можетъ-быть и передовой—а мы и черезъ Безпардонскаго давно перешагнули.

— Что такое! Какой Безпардонскій?

— И Безпардонскаго не знаете? Медикуса? Положимъ, его либеральная печать давно какъ-то осмѣяла. Ну да у насъ всегда такъ. Не помните его этюда „Чѣмъ должна быть натуральная женщина?“ Не читали? Что же вы читали?.. А его монографію „о гражданской душѣ у современной женщины и ея общественныхъ проявленіяхъ въ политикѣ и наукѣ“—тоже нѣтъ? Ахъ вы!.. Поди этого идиота Тургенева наизусть знаете...

Она порывисто встала...

— И руки вамъ не дамъ! Прощайте... Не стѣйте... Такъ вотъ значитъ зало и чай намъ... съ печеньями... Фруктовъ и конфетъ... Молодые беллетристы очень конфеты и фрукты любятъ; для петербургскаго поэта Прификсова—бутылку коньяку, онъ иначе читать не станетъ. Для творчества—ромъ, для чтенія—коньякъ. У него все точно распределено. Ну, до свиданія... Исправьтесь если можете. Нынче не такое время... Устыдитесь.

И она рѣшительно вышла въ двери.

— Ну, что-жъ не приказано принимать?.. остановилась она еще разъ передъ швейцаромъ.

— Намъ что-жъ, уклонялся тотъ отъ прямого отвѣта.

— Что-жъ... А жену поди бьешь?

— Когда стѣбитъ ежели, отчего не бить?..

— Ахъ ты тьма египетская! На, читай!

И она вынула изъ муфты брошюру и сунула ему: „вмѣсто двугривеннаго—тебѣ за пальто“.

Брошюра была тощая—название ея оказывалось длиннѣе самой...

Швейцаръ по уходѣ „любительницы русской словесности“ взглянулъ на обложку.

„О томъ, какъ радовался чортъ Забалуй“

„Мужикъ Еремѣ, что билъ свою жену Матрену,“

„И какъ мужикъ этотъ сгорѣлъ потомъ отъ вина, а жена его стала генеральшей.“

„Сочиненіе студента духовной академіи Иринарха Савостьяновича Безпардонскаго“.

Посѣщеніе Апушкиной нѣсколько вывело Сластенова изъ охватившей его апатии...

По крайней мѣрѣ въ тотъ же день онъ выѣхалъ—въ первый разъ за это время. Совсѣмъ заплывшій отъ жиру, кучеръ Ефремъ даже изумился, когда ему передъ приказаніемъ запрягать лошадей.

— Куда еще? недовольно спросилъ онъ.

— Самъ выѣзжаетъ сегодня.

— Ишь ты... Носить тоже, чорта!

Но вскорѣ Ефремъ спустилъ тонъ. Съ Василемъ Герасимовичемъ очевидно случилась какая-то перемѣна. Опъ въ передней крикнулъ на швейцара:

— Ты что-же это, болванъ, сидишь? Видишь—шинель мнѣ!

Швейцаръ, не ожидавшій этого, оторопѣлъ, вскочилъ и кинулся исполнять приказаніе.

Ефремъ, не глядя на хозяина, небрежно подаль ему экипажъ. Сластеновъ нахмурился.

— Не можешь лошадей удержатъ?

— Удержите сами, коли съумѣете...

— Что?..

— Сказано—удержите сами...

Василій Герасимовичъ вспыхнулъ.

— Ты пьянъ?..

Ефремъ покосился на него. Нахмуренныя брови, рѣшительное выраженіе лица — все это было такъ мало свойственно Василю Герасимовичу.

— Я тебя спрашиваю, ты пьянъ? Или одурѣлъ отъ бездѣльничанья?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Завтра же чтобъ я тебя не видѣлъ! Сдать лошадей Фёдору и пошелъ вонъ...

— Виноватъ-съ... Простите... Я и дяденькѣ вашему служилъ вѣрою-правдою.

— Въ послѣдній разъ. У меня съ вами теперь разговоръ будетъ корококъ! Хочешь служить—служи, а пѣть—на всѣ четыре стороны.

Василій Герасимовичъ приказалъ ему ѣхать на Тверскую.

(Продолженіе будетъ).

Первая гроза.

Повѣсть Виктора Бибикова.

(Продолженіе).

На балконѣ были накрыты столъ. Федора Васильевна посадила рядомъ съ Вѣрой, и онъ сейчасъ сдѣлался предметомъ общаго вниманія. Правда, у Анны Григорьевны сердце сжалось, когда, посмотрѣвъ на Вѣру, она увидѣла вдругъ преобразившуюся, чудно похорошѣвшую свою дочь и не безъ робости посмотрѣла на виновника этой перемѣны; но у виновника было такое смущенное и счастливое лицо, что на него нельзя было смотрѣть безъ сочувственной улыбки, которой и обмѣнялась, тотчасъ при его входѣ на балконъ, Анна Григорьевна со своимъ мужемъ. Разговоромъ завладѣлъ Петръ Гаврилычъ. Но произноси каждое слово, обращенное къ молодому человѣку, Петръ Гаврилычъ поглядывалъ то на Вѣру, то на свою жену, то даже на Марусю, словно ища у нихъ одобренія и поддержки. И Анна Григорьевна, сначала боявшаяся, чтобы ея мужъ неосторожно необдуманнѣмъ вопросомъ не нарушилъ безмятежнаго настроенія молодыхъ людей, скоро успокоилась: настроеніе Вѣры и Федора Васильевича сообщилось всѣмъ тотчасъ же, и лакей Григорій, подававшій блюда, не могъ объяснить, почему сегодня ему такъ особенно весело и пріятно служить господамъ; свое удовольствіе онъ приносилъ и на кухню, заражая своимъ весельемъ краснощекихъ горничныхъ.

Маруся, которой сразу понравился молодой человѣкъ, заливаясь счастливымъ дѣтскимъ смѣхомъ, смотрѣла на Вѣру и дѣлала ей какіе-то таинственные, понятные одной Марусѣ, знаки рукой и бросала въ нее хлѣбные шарики. Анна Григорьевна напрасно старалась удержать расшалившуюся дѣвочку, ея безпрічинный восторгъ былъ вѣрнымъ показателемъ всеобщаго чувства.

Время за завтракомъ пролетѣло незамѣтно, и когда ухмыляющійся Григорій унесъ маленькія тарелочки, на которыхъ были ягоди, и снялъ скатерть, Анна Григорьевна, въ первый разъ обращаясь къ Вѣрѣ, спросила ее:

— Ты показывала, Вѣрочка, видъ съ обрыва Федору Васильевичу?

Вѣра поняла, что этии словами ея мать не только признавала достойнымъ выборомъ своей дочери, но и говорила, что радуется ея счастью и раздѣляетъ его.

Вмѣшался Петръ Гаврилычъ, обнимая молодого человѣка и, дружелюбно привлекая его къ себѣ, онъ повторилъ за женой, обращаясь къ Вѣрѣ:

— Ты пойди, покажи ему, за такой видъ англичане пятьсотъ тысячъ заплатили бы. На тридцать верстъ по рѣкѣ видно. — Идите съ нею, продолжалъ онъ къ Федору Васильевичу, — если не очень устали съ дороги. А? не очень устали? лукаво переспросилъ онъ.

Панченко только улыбнулся ему въ отвѣтъ и, благодаря Анну Григорьевну за завтракъ, наклонился къ ея рукѣ; она подняла его голову и поцѣловала его лобъ, чуть улыбаясь внимательнѣе слѣдившей за ними Вѣрѣ.

— Ну, батюшка, предлагайте руку своей дамѣ, не теряйте золотого времени, идите въ садъ. Ты, стрекоза, куда скачешь? крикнулъ онъ Марусѣ.

Дѣвочка обернулась и пылливо посмотрѣла на старшихъ.

— Она вамъ мѣшать будетъ, сказала Анна Григорьевна.

— О, нисколько! отвѣчалъ Панченко.

Вѣра махнула рукой своей сестрѣ, и та побѣжала впередъ, поворачивая на ходу постоянно сѣющее личико къ слѣдовавшимъ за ней молодымъ людямъ. Молодой человѣкъ, говоря что Маруся нисколько ему не помѣшаетъ, не покривилъ душой: никто теперь не могъ помѣшать ему; если-бы его теперь окружала толпа чуждыхъ ему людей, онъ не чувствовалъ бы ни малѣйшаго смущенія... Но, конечно, лучше идти вдвоемъ съ Вѣрой чудеснымъ майскимъ утромъ въ этомъ роскошномъ саду, по этой гнѣздовой липовой аллеѣ, чувствовать прикосновеніе ея пѣкной руки, встрѣчаться съ ея глубокимъ, проникнутымъ взглядомъ, отвѣчать улыбкой на улыбки Маруси и слушать ея неумолчный счастливый лепетъ.

Маруся свернула на лужайку, гдѣ стояла рѣшетчатая, увитая хмѣлемъ бесѣдка, которую она показывала Панченко, когда вела его къ Вѣрѣ и, приложивъ палецъ къ губамъ, приглашала молодыхъ людей слѣдовать за собой. Вѣра посмотрѣла на своего спутника, взглядомъ спрашивая его согласія, извинившись за свою сестру; онъ не могъ въ отвѣтъ даже улыбнуться, только крѣпче прижалъ ея руку къ своему локтю, и они пошли за Марусей, которая махала имъ ручкой и просила, чтобы они шли потише. Но и безъ ея предупрежденія неслышно и тихо шли молодые люди; высокая, мягкая трава заглушала ихъ шаги, и некуда имъ было сѣшиться. Когда они поровнялись съ дѣвочкой, стоявшей у входа въ бесѣдку, за-

дернутаго рогожей, Маруся, взявъ обѣими ручками за локоть молодого человѣка, поднялась на носкахъ своихъ туфелькъ и, заглядывая ему въ лицо, сказала:

— Здѣсь лежитъ Травка, папина собака съ дѣтми, я хотѣла вамъ показать тогда, какъ мы шли къ Вѣрѣ, да забыла; я покажу вамъ теперь, только подождите, я первая войду къ ней.

Она подняла край тяжелой рогожи и, наклонясь, проскользнула въ бесѣдку.

Молодые люди остались одни; Панченко почувствовалъ, какъ у его локтя, задрожала и ослабла рука Вѣры, онъ заглянулъ въ ея лицо, взявъ ея руки въ свои, и съ мгновеніемъ они посмотрѣли другъ на друга, оба волнуемые однимъ чувствомъ.

Изъ-за рогожи показалась Маруся; у ней было радостное, покраснѣвшее лицо, и она говорила прерывистымъ шепотомъ:

— Идите, Травка сегодня добрая; только ты, Вѣра, первая...

Молодой человѣкъ поднялъ рогожу и забросилъ ее на крышу бесѣдки. Вѣра, держа его руку, вошла въ бесѣдку. На старомъ коврѣ, брошенномъ на свѣжее душное сѣно, лежала Травка, большая легавая собака. Она повернула къ Вѣрѣ свою породистую морду съ откинутымъ однимъ длиннымъ ухомъ и забила по коври толстымъ и длиннымъ хвостомъ, хотѣла встать и заерзала задними ногами; но Маруся, сидѣвшая на корточкахъ возлѣ нея, удержала собаку на прежнемъ мѣстѣ. Четыре крошечныхъ щенка показывали свои мягкіи спинки, слышалось торопливое чмоканье, тяжело дышала Травка, волнуясь при видѣ незнакомаго человѣка... Маруся, смотря на Панченко, слѣдила за впечатлѣніемъ, произведеннымъ на него этимъ зрѣлищемъ.

— Я могу вамъ подарить одного щенка, сказала она, — вотъ этого рыженькаго папа назначилъ себѣ, чернаго возьметъ Вѣра, рыбенкій мой, а бѣлаго, если хотите, мы вамъ уступимъ. Но, можетъ быть, вамъ не нравится бѣлый, тогда попросите Вѣру помѣняться. Только сейчасъ нельзя дать, пусть они подрастутъ.

Она поднесла собакѣ глиняную миску съ водой и приговаривала: «пей, Травка, пей милая, тебѣ жарко!» Собака, далеко высовывая свой сухой, розовый языкъ, жадно локала прохладную воду. Напившись, она лизнула ручку Маруси и, запрокинувъ свою морду, усталыми глазами смотрѣла на молодыхъ людей.

— Теперь пойдемъ, Травка спать хочетъ, сказала Маруся, и они вышли изъ бесѣдки.

— Теперь куда мы пойдемъ? Можно было бы въ лѣсъ, но туда мы ходимъ послѣ обѣда, продолжала неугомонная Маруся, — или въ твою бесѣдку, Вѣра? Тамъ еще не жарко.

Вѣра кивнула головой въ знакъ согласія, и дѣвочка помчалась впередъ, изрѣдка останавливаясь и ожидая появленія молодыхъ людей то изъ-за поворота аллеи, то изъ-за вѣтвей какого-нибудь, прихотливо изогнушагося, дерева. Въ бесѣдкѣ еще не было жарко, но яворъ уже не шумѣлъ надъ крышей, его листья повисли недвижно; рѣка не присылала прохладнаго вѣтерка; было больно смотрѣть глазами на водную гладь, залитую ослѣпительнымъ свѣтомъ полуденнаго солнца. Но свѣтъ обозначался на далкомъ горизонтѣ темно-зеленымъ лѣсомъ, и высоко поднялись легкія облака, скользя по небесной лазури и расплываясь въ согрѣтомъ воздухѣ.

Маруся бѣгала по обрыву, рвала цвѣты—голубые колокольчики и пахучіе деревей, бережно складывала ихъ на скамью возлѣ молодыхъ людей и опять исчезала, бѣгая проворно и безстрашно, какъ коза, по извилистымъ тропинкамъ обрыва.

— Какъ у васъ хорошо здѣсь! сказали Панченко, рѣшаясь наконецъ, послѣ долгаго молчанія, заговорить съ Вѣрой.

— Это мое любимое мѣсто, отвѣчала она и прибавила: — отсюда виденъ пароходъ, когда онъ идетъ изъ города.

Вѣра не сказала, съ какимъ нетерпѣніемъ она приходила каждый день въ бесѣдку по утрамъ и, когда показывался бѣлый дымокъ и пароходъ все ближе и ближе бѣжалъ по рѣкѣ, съ какой тоской разглядывала она нестройную публику, столпившуюся на палубѣ, стараясь угадать въ ней того, кого она ждетъ.

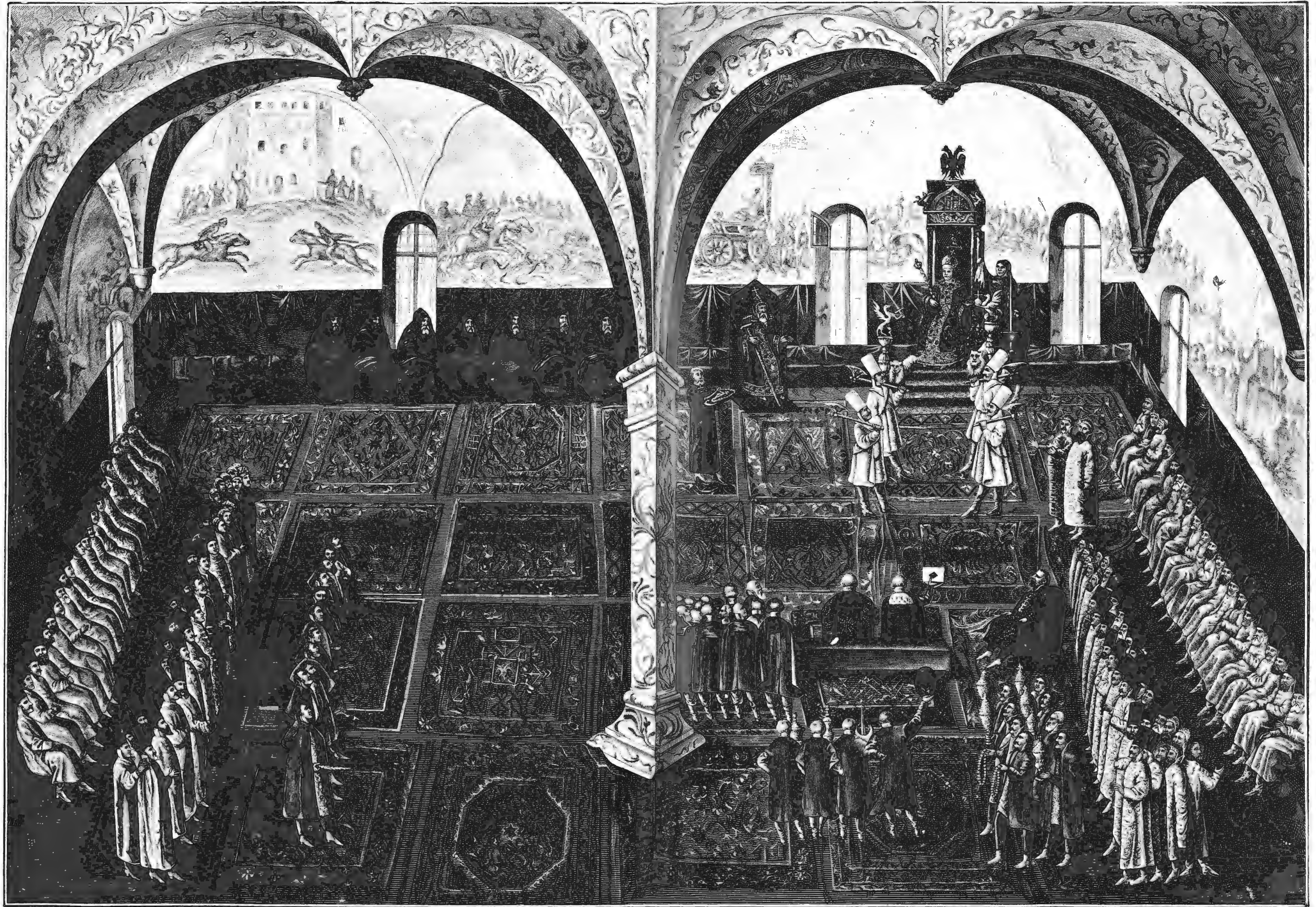
— Ты сегодня утромъ стоялъ на палубѣ? спросила она.

Молодой человѣкъ отвѣчалъ отрицательно, но языкъ не повернулся у него прибавить, что въ это время онъ спалъ, и онъ спросилъ:

— Неужели ты ожидала меня?

— Каждый день, отвѣчала Вѣра.

— Но вѣдь я писалъ тебѣ, что могу пріѣхать только черезъ недѣлю?

Приём польских послов Лже-Дмитрием (точный снимок съ карт. хранящейся в Пешском историческ. музее и открытой графом А. С. Уваровым). Грав. факсимиле Флюгель.

— Я ожидала тебя каждый день, повторила Вѣра.

Больше ни слова не сказали другъ другу молодые люди, и Панченко, смотря на Вѣру, приглядывался къ знакомымъ чертамъ ея милого и всегда новаго ему, лица, спрашивалъ себя, почему въ ея присутствіи имъ овладѣваетъ такая робость, что онъ не смѣетъ не только говорить съ ней, но даже долго смотрѣть на нее, боится пошевелиться и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуетъ, что никогда такъ хорошо, такъ отрадно, легко и свободно не дышетъ его грудь, стѣсненная и робостью и страхомъ, невысказанною любовью и смутнымъ ожиданіемъ невѣдомаго, но близкаго счастья. Солнце поднималось все выше и выше; прозрачная паутина облаковъ таяла, сожженная его лучами. Зной проникъ и въ бесѣдку. Маруся уже не собирала цвѣтвъ, она сидѣла возлѣ Вѣры, склонивъ свою русую головку на плечо сестры, и дремала, полуоткрывъ ротъ и показывая бѣлые, какъ жемчугъ, зубы. Яркій румянецъ заливалъ разгорѣвшееся лицо Вѣры, длинныя, черныя рѣсницы бросали тѣнь на ея пѣщныя щеки, алая кровь, казалось, переливалась въ ея разгорѣвшіеся ушахъ, и высоко подымалась ея грудь.

Панченко, вообще легко переносившій жару, теперь изнемогалъ въ истомѣ, и когда Вѣра предложила вернуться, онъ съ радостью согласился. Онъ хотѣлъ взять на руки Марусю, но дѣвочка проснулась, и зѣвая и потягиваясь, вскричала:

— Я не спала, я все слышала!

Молодые люди засмѣялись, потому что во время ея сна они не говорили ни слова.

VII.

На балконѣ не было Петра Гаврилыча; Анну Григорьевну они нашли въ прохладной, небольшой залѣ съ опущенными занавѣсками на открытыхъ окнахъ, и мягкій полусвѣтъ по дѣйствовалъ успокоительно на вошедшихъ молодыхъ людей.

Сложивъ на рабочей столѣикъ розовое платье Маруси, которое Анна Григорьевна обшивала кружевами, она взяла изъ рукъ младшей дочери собранные цвѣты и пригласила молодыхъ людей посидѣть здѣсь въ этой комнатѣ и переждать зной. Противъ креселъ Анны Григорьевны стоялъ небольшой диванчикъ, на которомъ, однако, свободно было сидѣть вторемъ, но Панченко не рѣшился сѣсть рядомъ съ Вѣрой, а помѣстился у окна на стулѣ.

— У окна теперь жарче, чѣмъ здѣсь, сказала ему Анна Григорьевна, но не повторила своего приглашенія сѣсть поближе, замѣтивъ смущеніе, овладѣвшее молодымъ человѣкомъ.

Пути отбиваясь отъ неотступныхъ ласкъ Маруси, которая крѣпко обняла шею своей матери и покрывала ея лицо безчисленными поцѣлуями, она спросила Федора Васильевича, какъ понравился ему видъ съ обрыва. Потомъ разговоръ перешелъ на Марусю; Анна Григорьевна жаловалась, что ея вторая дочь лѣнивица, до сихъ поръ не умѣетъ писать и читаетъ еще плохо. Панченко оживился, вступилъ въ бесѣду съ Анной Григорьевной и даже сказалъ, что вредъ ранняго развитія для дѣтей. Вѣра не вмѣшивалась въ ихъ разговоръ и, по тону съ какимъ говорила ея мать, обращаясь къ Федору Васильевичу, чувствовала, что онъ успѣлъ уже завоевать нелегко дающееся расположеніе Анны Григорьевны. Такъ незамѣтно прошло время до тѣхъ поръ, пока лакей не появился въ дверяхъ, объявивъ, что кушать подано. Обѣдали въ столовой, высокой прохладной комнатѣ, съ растворенною стеклянною дверью въ паркъ, охранявшій своими близко другъ къ другу посаженными кленами отъ всепроникающаго зноя. За столомъ, на почетномъ мѣстѣ, сидѣлъ Петръ Гаврилычъ, только что умывшійся, еще съ влажными гладко причесанными волосами. Онъ радушно привѣтствовалъ молодого человѣка, усадилъ его возлѣ себя, уговорилъ выпить маленькую серебряную чарку настоянны на смородиновомъ листу, крѣпкой и горькой, отъ которой Панченко долго кашлялъ, но которая, по увѣренію Петра Гаврилыча, обладала всеми цѣлебными свойствами и даже предохраняла отъ лѣтней жары. Стаканъ домашней сливки, сладкой и ароматной, налитый Анной Григорьевной, скоро заставилъ молодого человѣка забыть не-

приятный вкусъ чудодѣйственной настѣйки. Онъ, улыбаясь виноватой улыбкой, разсѣянно слушалъ добродушныя укоризны Петра Гаврилыча, который увѣрялъ, что изъ молодого человѣка вышелъ бы плохой военный. Но старику понравилась такая чувствительность жениха своей дочери къ спиртнымъ напиткамъ и онъ сказалъ:

— Вы, должно быть, составляете исключеніе,—я слышалъ, что студенты-таки покучиваютъ.

Панченко вступился за студентовъ; изъ его словъ можно было вывести заключеніе, что студенты вообще какіе-то избранные молодые люди, и въ его похвалахъ своимъ товарищамъ сказывался невольный эгоизмъ молодости: хвала себѣ подобнымъ, онъ хвалилъ себя.

— Что вы намъ городскихъ новостей не рассказываете? спросилъ Петръ Гаврилычъ,—вотъ я читалъ въ газетѣ, что у васъ вчера въ судѣ окончилось дѣло Саблуковой, которую защищалъ Тарахтинъ. Вы не любознательствовали послушать его? Я читалъ рѣчь Тарахтина, напечатана она хорошо, такъ-ли говорите вы?

Панченко снисходительно улыбнулся въ сторону Петра Гаврилыча, наивнымъ показался ему этотъ вопросъ, и смущеніе, до сихъ поръ не покидавшее его, вдругъ исчезло, онъ даже на Анну Григорьевну посмотрѣлъ смѣло, выдержалъ ея взглядъ и сказалъ самоувѣреннымъ голосомъ:

— Газета не можетъ дать и слабого даже понятія о томъ, какъ говорить Тарахтинъ: его надо видѣть и слышать.

— Вы слышали? спросилъ Петръ Гаврилычъ.

— Я съ нимъ знакомъ, отвѣчалъ Панченко и помолчалъ послѣ этого заявленія, точно давая время удивлѣнію своимъ слушателямъ.—Это такой талантъ, такая сила убѣжденія, что даже трудно представить.

По просьбѣ Петра Гаврилыча, Панченко рассказывалъ о Тарахтинѣ: онъ не хвалилъ петербургскаго адвоката, но въ каждомъ его словѣ чувствовалось обожаніе, съ какимъ говорить о далекомъ, недостижимомъ идеалѣ. Онъ рассказывалъ о дѣлѣ, защищенномъ Тарахтинымъ, объ упавшихъ въ обморокъ дамахъ, о посѣщеніи Брона, о представительной виѣшности Тарахтина. Къ концу разсказа онъ приберегъ сообщеніе о томъ, что Тарахтинъ пригласилъ его къ себѣ помощникомъ съ осени этого года.

— Какъ, развѣ вы ѣдете въ Петербургъ? спросилъ неприятно удивленный Петръ Гаврилычъ,—а Вѣра говорила...

— Я не знала тогда о знакомствѣ Федора Васильевича съ Тарахтинымъ, возразила Вѣра.

— Да и я только позавчера съ нимъ познакомился, вставилъ Панченко.

— Разумѣется, продолжала Вѣра,—было-бы странно терять такой случай! Въ Петербургѣ Федоръ Васильевичъ гораздо легче можетъ выдвинуться впередъ.

— Я думаю! вскричалъ Панченко.—Мнѣ Тарахтинъ прямо сказалъ: „вы будете у самаго руся практика и отъ васъ зависитъ быстро сдѣлать себѣ имя“. Это его собственныя слова. Кроме того, онъ общался на первыхъ порахъ бытъ моимъ руководителемъ.

За столомъ воцарилось молчаніе. Петръ Гаврилычъ переглянулся съ Анной Григорьевной, но ничего не прочиталъ на ея спокойномъ лицѣ, обращенномъ къ Вѣрѣ. Вѣра смотрѣла на своего жениха и всѣмъ существомъ своимъ, проникнутымъ любовью, говорила, что у нея нѣтъ своей воли. И Маруся, вдругъ присмирѣвшая, также не спускала глазъ съ Панченко.

„Вотъ кто теперь здѣсь хозяйнѣ“, съ горечью подумалъ Петръ Гаврилычъ и въ первый разъ ему показалось неприятнымъ присутствіе молодого человѣка. „Но, впрочемъ, до сентября осталось еще почти три мѣсяца, воды много утечетъ до тѣхъ поръ и, пожалуй, это знаетъ, молодой человѣкъ можетъ переменить свои намѣренія“.

Послѣ обѣда молодые люди, уже безъ Маруси, отправились гулять въ роуцъ, которая начиналась за конюшнями, сараями и другими служебными постройками обширнаго двора усадьбы.

(Продолженіе будетъ).

Столѣтіе храма Св. Троицы въ Александро-Невской Лаврѣ.

Очеркъ П. В. Бынова.

(Рис. на стр. 852).

Въ журналѣ великаго преобразователя Россіи, Петра I, за июль мѣсяцъ 1710 года записано: „Государь, будучи въ Петербургѣ, осматривалъ мѣста, гдѣ бытъ какіе-то строенія и надъ Невою рѣкою, при С.-Петербургѣ, на устьѣ рѣчки Черной усмотрѣлъ изрядное мѣсто, которое называлось Виктори, гдѣ указалъ строить монастырь во имя Св. Троицы и Св. Александра Невскаго, и на томъ мѣстѣ, въ присутствіи Его, Государя, и при немъ обрѣтающихся министровъ и генералитета, архимандритъ, назначенный въ тотъ монастырь, Феофанъ, водрузилъ крестъ съ таковымъ надписаніемъ: *Во имя Отца и Сына и Св. Духа, повелѣніемъ Царскаго Пресвятлаго Величества, на семъ мѣстѣ имѣетъ создатися монастырь*, и поставлена на томъ мѣстѣ часовня“. Въ слѣдующемъ году, на лѣвой сторонѣ

рѣчки, была заложена, а еще черезъ годъ отстроена и освящена деревянная церковь Благовѣщенія. При ней тогда же были построены и кельи для монаховъ. Такъ возникъ монастырь, нынѣ извѣстный подъ именемъ Александро-Невской Лавры и при самомъ учрежденіи поставленный выше всѣхъ монастырей въ Великороссіи. При Аннѣ Іоанновнѣ онъ уступилъ первенство свое Троицко-Сергіевскому монастырю, а еще позднѣе, при составленіи общихъ духовныхъ штатовъ въ 1797 г. Александро-Невской Лаврѣ отведено третье мѣсто послѣ Кіево-Печерской и Сергіевской. Съ 1717 года началась, по плану архитектора Андрея Треззина, утвержденному Петромъ, настоящая постройка монастыря, подъ наблюденіемъ князя А. Д. Меньшикова; деревянные кельи были замѣнены каменными,

двух-этажными, которые возводились по обѣимъ сторонамъ Троицкаго собора, основаннаго еще въ 1716 году. Постройками завѣдывали сперва Трезини, потомъ Христофоръ Кондратовъ и, наконецъ, Ѳеодоръ Швердь-Ѳегеръ, архитекторъ „прусской земли“, обязавшійся производить постройку „со всякимъ поспѣшеніемъ, въ добромъ поведеніи, крѣпости и твердости“. 25 октября 1721 года при монастырѣ заведена была школа для служительскихъ и церковничихъ дѣтей на полномъ монастырскомъ содержаніи, а также основана типографія, замѣчательная въ исторіи нашего просвѣщенія тѣмъ, что въ ней печаталась большая часть книгъ, въ которыхъ проводились мысли Петра о преобразованіи духовенства въ Россіи, и напечатаны также первые букварь Ѳеофана Прокоповича. Въ 1723 году типографія выпустила „Изображеніе келейнаго житія монаховъ Александро-Невскаго монастыря“, гдѣ весьма подробно изложены взгляды Петра на монашество и его значеніе. Учреждалъ въ Петербургѣ Александро-Невскій монастырь, Петръ Великій желалъ сдѣлать его образцомъ для прочихъ русскихъ обителей по жизни и подвигамъ спасавающихся въ немъ монашеству. Къ концу 1724 г. верхняя каменная церковь, во имя Александра Невскаго, надъ церковью Благовѣщенія, была отдѣлана, расписана и вызолочена, и освещена 30 августа 1724 года, въ день перенесенія въ нее мощей Св. Князя, по указу Петра отъ 29 мая 1723 года на имя архіепископа Ѳеодосія. Перенесеніе мощей Св. Александра Невскаго изъ Владимірскаго Рождественскаго монастыря сопровождалось особенною торжественностью. Царь Петръ встрѣтилъ процессію въ Усть-Ижорѣ и далѣе самъ везъ мощи на особой галерѣ, рулемъ которой онъ-же и правилъ. Когда она подъѣзжала къ монастырю, навстрѣчу ей выведенъ былъ „дѣлъ русскаго флота“ подъ императорскимъ штандартомъ. При преемникахъ Петра постройки въ Невскомъ монастырѣ продолжались по плану государя, но уже значительно измѣнились. Возлѣ монастыря предполагалось выкопать рыболовный прудъ, обвести монастырь судоходнымъ каналомъ, а на западъ отъ обители разбить большой италіанскій садъ. Сообразно съ этимъ планомъ до 1731 г. возведена была стѣна по обѣ стороны собора, разсажены садъ съ главными аллеями, устроены цвѣтники, галлерей съ гербами и около монастыря выведена стѣна съ воротами (рис. 1). Когда было замѣчено, что Швердь-Ѳегеръ слишкомъ медленно строитъ, дѣло сооруженія монастыря было поручено архитектору Михаилу Земцову, а позднѣе этимъ занимались члены строительной канцеляріи, въ числѣ которыхъ находился и Петръ Михайловъ Еропкинъ (казенный съ А. П. Волыскимъ въ 1740 г.), а по смерти его работы производилъ Иванъ Россіи. Въ теченіе тридцати лѣтъ выстроены: на юго-восточномъ углу двухъ-этажная церковь Св. Иоанна Златоустаго и Св. Ѳеодора (Ярославича), брата Св. Александра Невскаго; Ѳеодоровскій корпусъ, боковые флигели—училищный на югѣ, и братскій на сѣверѣ, на концѣ западной стѣны башни для бібліотеки и ризницы, а также возведена каменная ограда за соборомъ. Императрица Елисавета соорудила для мощей Св. Александра великолѣпную раку, изъ перваго серебра добытаго въ Колыванскихъ рудникахъ, котораго употреблено до 90 пудовъ. Она любила бывать въ монастырѣ, особенно въ торжественный день 30 августа, и въ одно изъ праздничныхъ посѣщеній въ 1757 году ассигновала 100,000 рублей на постройку новаго собора во имя Св. Троицы, который вчерѣ былъ оконченъ еще въ 1753 г. Но такъ какъ въ стѣнахъ открылись поврежденія, то императрица повелѣла разобрать соборъ до основанія, щелевъ употребивъ на усилку Невскаго проспекта, а строительный матеріалъ сложить въ безопасномъ мѣстѣ. Строить новый соборъ пришлось уже Екатеринѣ II, которой Александро-Невская Лавра вообще обязана своимъ красивымъ нынѣшнимъ видомъ. Онъ былъ заложенъ 30 августа 1774 года, по плану архитектора Ивана Егоровича Старова, товарища ректора Академіи Художествъ, и строился двѣнадцать лѣтъ, въ теченіе коихъ сооружены также каменные Святыя врата (рис. 6) съ церковью надъ ними во имя Божіей Матери „всѣхъ скорбящихъ радости“ и каменная ограда вокругъ площади и по берегу Черной рѣчки, на старомъ и новомъ кладбищѣ. Постройками завѣдывалъ, по указу императрицы отъ 19 ноября 1774 г., директоръ оныхъ, С.-Петербургскій архіепископъ Гавриилъ, усердіе и труды котораго увѣковѣчены художникомъ М. Козловскимъ, сдѣлавшимъ, по повелѣнію императрицы, поенной бюстъ митрополита въ маломъ архіерейскомъ облаченіи. Бюстъ этотъ поставленъ былъ въ нишѣ противъ мощей Св. Александра Невскаго. Соборъ Св. Троицы (рис. 2) оконченъ въ 1790 году и освещенъ съ великимъ торжествомъ 30 августа, причѣмъ въ него перенесены изъ Благовѣщенской церкви и мощи Св. Александра Невскаго, и въ этотъ же день Екатерина праздновала заключеніе мира со Швеціею. Освященіемъ Троицкаго собора, этой величайшей достопримѣчательности Александро-Невской Лавры, такъ сказать заключилась исторія монастыря, который въ нынѣшнемъ году чествуетъ такимъ образомъ столѣтнюю годовщину собора. Длина этого главнаго храма Лавры со стѣнами и папертью 33 саж., ширина противъ купола 20 саж., въ маломъ поперечникѣ 16 саж.; ширина купола 8 саж., высота съ нимъ вмѣстѣ — 29 саж. и

высота колоколенъ 22 сажени. Иконостасъ собора обращаетъ на себя вниманіе своимъ великолѣпиемъ. Онъ сооруженъ изъ бѣлаго италіанскаго мрамора, украшенъ пилястрами и бронзою; работа производилась братьями Пипкетти. Въ бронзовыя позолоченныя рамы иконостаса вставлены образы, писанные Акимовымъ на мѣдныхъ доскахъ. Царскія врата сдѣланы также изъ вызолоченной бронзы и надъ ними находится лучезарное сіяніе съ херувимами и облаками, а въ кругу сіянія ликъ Господа Саваоа, принадлежащій кисти того же Акимова. Шесть образовъ на Царскихъ вратахъ писаны также на мѣди Меттенлейтеромъ. Надъ южными вратами помѣщена икона Спасителя работы Ванъ-Дика, надъ сѣверными—образъ Богоматери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, кисти Гверчино. Нижній цоколь клиросовъ сдѣланъ изъ сѣняго италіанскаго мрамора, а перила бронзовыя, вызолоченныя. На правомъ клиросѣ средняя икона Богородицы съ Младенцемъ и верхняя—Спасителя, приемлющаго поруганіе, писаны венеціанцемъ Бассано; ему же принадлежатъ и образа Богоматери и воскресеніе Лазари—на лѣвомъ клиросѣ. Амвоцъ обнесенъ желѣзною, мѣстами вызолоченною, рѣшеткою. Стѣны, колонны, потолки и куполъ украшены арабесками и гипсовыми фигурами Святыхъ въ сидячихъ позахъ. За правымъ клиросомъ помѣщается святыя Лавры—рака съ мощами Св. Александра Невскаго (рис. 4), имѣющая 3 арш. и 7 вершк. длины и 1 арш. и 7 вершк. ширины, съ барельефами, изображающими эпизоды изъ жизни Св. Александра. Съ правой стороны вырѣзано восьмисгнише Ломоносова: „Святый и храбрый князь здѣсь тѣломъ почиваетъ, но духомъ отъ небесъ на градъ сей призираетъ, и на берега, гдѣ онъ противныхъ побѣждаетъ, и гдѣ невидимо Петру споспѣшествовалъ. Являя Дщерь Его усердіе святое, сему защитнику воздвигла раку въ честь отъ перваго серебра, что въдро Ей земное открыло, какъ на тронѣ благоволила сѣсть“. По сторонамъ ангелы и женскія фигуры, держащія книгу, факель, мечъ и вѣсм. Въ 1768 году Екатерина II возложила на раку покровъ съ образомъ Александра Невскаго, вышитый по атласу и съ орденомъ Св. Князя изъ брилліантовъ и бурмицкаго жемчуга. Позади раки въ углубленіи пирамида съ чеканными изображеніями Св. Князя и супруги его; по сторонамъ пирамиды находятся трофеи Князя и старинное оружіе. Передъ ракою поставленъ аналой съ кіотомъ для частицъ мощей и подсвѣчникъ о двѣнадцати шашдалахъ изъ серебра, вѣсомъ до 10 пудовъ—даръ Александра I. Справа отъ раки на колоннѣ, въ металлической рамѣ, находится ключъ Адрианополя, данный сюда Николаемъ I. При ракѣ находится также 5 ковчеговъ съ мощами Святыхъ. За правымъ клиросомъ возвышается Царское мѣсто съ рѣзными украшениями, гербомъ и короною, и надъ нимъ икона апостола Петра; съ другой стороны, противъ лѣваго клироса, помѣщена икона Св. Великомученицы Екатерины; обѣ иконы эти поставлены взамѣнъ портретовъ императора Петра и Екатерины, помѣщавшихся здѣсь. Посреди собора повѣшено огромное серебряное панциadlo въ 12 п. 25 ф. вѣсомъ о 44 подсвѣчникахъ. Множество иконъ храма писаны лучшими художниками русскими и иностранными, и многія изъ нихъ, имѣющія большую цѣнность, принадлежатъ кисти Рафаэля Менгса, Рубенса, Ротари, Валентина, Дрождина, Бѣльскаго, Урюмова, Уткина, Миропольскаго и др. Изъ замѣчательностей собора обращаютъ на себя вниманіе старыя, почти столѣтніе боевыя часы, поставленные въ 1793 г. на юго-западной колокольнѣ, и Никоновъ колоколь (1658 г.) въ 800 пудовъ на сѣверо-западной колокольнѣ, перевезенный по волѣ Петра въ 1724 г. изъ Иверскаго монастыря. Архитектура собора одна изъ удачнѣйшихъ. Нефъ церкви, по замѣчанію П. Н. Петрова, коринтскаго ордера, особенно хорошъ и освѣщенъ довольно приятно сверху и изъ боковыхъ галлерей, сквозъ три широкія арки. Въ 1806 году соборъ внутри расписанъ „chiaroscuro“. Кромѣ главнаго собора и приходской церкви надъ Святыми вратами Лавры, въ ней находится восемь церквей съ Крестою митрополитскою, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательна церковь Благовѣщенія (или Александровская, рис. 3), гдѣ погребены члены Императорской Фамиліи и высшіе сановники, перечисленіе которыхъ заняло бы здѣсь слишкомъ много мѣста. Въ монастырѣ замѣчательна также богатая ризница, гдѣ, между прочимъ, хранятся корона Св. Александра Невскаго въ видѣ архіерейской шапки, четыре золотыхъ потира съ каменьями и антиками, драгоцѣнные пантеоны, митры и проч. Въ трапезной залѣ монастыря (между помѣщеніемъ митрополита и ризницей) висятъ портреты многихъ настоятелей монастыря, начиная съ Ѳеодосія Янковскаго и кончая митрополитомъ Исидоромъ. Кладбище Александро-Невской Лавры заслуживаетъ особеннаго вниманія тѣмъ, что на немъ нашли себѣ вѣчное успокоеніе замѣчательнѣйшіе двигатели русскаго просвѣщенія, наукъ и искусствъ: Ломоносовъ, Карамзинъ, Гумдичъ, Крыловъ, Баратынскій, Достоевскій, Сперанскій, Глинка, Даргомыжскій, Сѣровъ и другіе. Къ Лаврѣ принадлежатъ и находящіяся внѣ стѣнъ ея: Духовный цензурный комитетъ, женская богадѣльня, С.-Петербургская Духовная Академія, Александро-Невское духовное училище и разныя другія учрежденія. Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра пользуется многими правами и преимуществами и доходы ея

еще лѣтъ тридцать тому назад достигали до 300.000 рублей слишкомъ. Ежегодно въ день Св. Александра Невского въ Лавру изъ трехъ соборовъ шествуетъ крестный ходъ, устано-

вленный Св. Синодомъ въ 1748 году по особому предложению императрицы Елисаветы Петровны, сопровождаемый громаднымъ стечениемъ народа и особенно чествуемый петербуржцами.

ЛѢТНЯЯ НОЧЬ.

Стихотвореніе **Василія Величко.**

Надъ зеркаломъ недвижныхъ водъ
Туманъ клубится дымкой сизою,
И темно-синей, звѣздной ризою
Одѣла ночь небесный сводъ.

Луна, полночная царница,
Плыветъ межъ легкихъ облаковъ.
Отъ сладко дремлющихъ дѣтвотъ
Благоуханіе струится.

Облить сіяньемъ луннымъ садъ.
Росы алмазныя слезинки
На каждой трелетной былинкѣ,
На каждомъ листикѣ дрожатъ...

И садъ, въ молчаніи глубокомъ,
И многшумный лѣсъ затихъ,

И группа сосенъ вѣковыхъ,
Какъ стража, на холмѣ высококомъ...

Чернѣютъ берега вдаль,
Съ густою дымкою сливаясь.
Кричатъ въ дугахъ, перекликаясь,
Безсонные коростели.

Стальнымъ отливомъ воды блещутъ,
Везшумень мощный бѣгъ рѣки...
Видны въ туманѣ островки,
И волны тамъ шумятъ и плещутъ.

Онѣ, тревогою полны,
На берегъ лѣзутъ каменный
И чешуею серебрястой
Сверкаютъ при лучахъ луны.

То рѣчи властно плескомъ воднымъ
Ведетъ природа въ тишинѣ,
И слышится въ томъ плескѣ мнѣ
Разказъ о счастьи свободномъ,

О дняхъ, когда, оставъ отъ сна
Душа полюбитъ страстью вѣчной:
Въ ней, какъ въ рѣкѣ той быстротечной,
Желаній закипитъ волна;

Смирится все, что въ ней боролось:
Стремленій, чувствъ и мыслей хоръ,—
Едва заблещетъ милый взоръ,
Заговоритъ любимый голосъ!

Предъ нимъ все смолкнетъ въ глубинѣ
Души, восторгомъ ояненной,
Какъ этотъ мѣръ завороченный
Въ благоговѣйной тишинѣ...

Къ рисункамъ.

Литературный альбомъ. „Дѣдушка“, Никитина.

(Рис. на стр. 853).

Лысый, съ бѣлою бородою,
Дѣдушка сидитъ.
Чашка съ хлѣбомъ и водою
Передъ нимъ стоитъ.
Все прошло; пропала сила,
Притупился взглядъ;
Смерть въ могилу уложила
Дѣтокъ и внучатъ.
Съ нимъ, въ избушкѣ закоптѣлой,
Котъ одинъ живетъ;
Старъ и онъ, и синтъ дѣхъ дѣлый,
Съ печи не спрыгнетъ.
Старикъ немного падо:
Лапти сплестъ, да сбыть —
Вотъ и сытъ. Его ограда —
Въ Божій храмъ ходить.
Къ стѣнкѣ, около порога,
Станетъ тамъ, крихтя,
И за скорби славитъ Бога,
Божіе дѣти.
Радъ онъ жить, не прочь въ могилу, —
Въ темный уголокъ...
Гдѣ ты черпалъ эту силу,
Бѣдный мужичекъ?

Горе-рыболовъ. (Рис. на стр. 857).

Старъ сталъ закоренѣлый любитель рыбной ловли, а все не можетъ отказаться отъ нея. Глаза плохо видятъ, руки дрожать, движенія ихъ неуверенны, и часто, закидывая удю, онъ цѣпляетъ крючкомъ за корягу, создаетъ себѣ бездну хлопотъ, иногда не можетъ самъ справиться и вынужденъ звать на помощь — а все не можетъ бросить благородной страсти... И благо ему — все же она выше страсти къ вину и другимъ гвоздямъ засѣдающимъ иногда въ самыя почтенныя головы.

Приемъ польскихъ пословъ Лже-Дмитріемъ.

(Рис. на стр. 860 и 861).

(Точный снимокъ съ картины, хранящейся въ Пештскомъ историческомъ музеѣ).

Предлагаемая нами историческая картина отыскана была въ 1874 году покойнымъ графомъ А. С. Уваровымъ въ Пештскомъ музеѣ, и представляетъ собою чрезвычайно важный историческій намятникъ. Всѣ подробности приема пословъ въ Грановитой Палатѣ переданы съ такою мелочною точностью, что только прямой очевидецъ событія могъ ихъ такъ запомнить и перенести на картину. Дѣйствительно, по слѣдующимъ подробностямъ, обозначенныхъ на картинѣ, съ современными описаніями и записями иностранцевъ, пребывавшихъ въ Россіи въ началѣ XVIII вѣка, наши ученые пришли къ тому заключенію, что картина изображаетъ приемъ польскихъ пословъ Лже-Дмитріемъ, происходившій 13 мая 1606 года. Пояснимъ читателямъ *Нивы* тѣ подробности приема, которыя могутъ быть имъ неизвѣстны или не вполне понятны.

Торжественное засѣданіе боярской думы, назначенное въ честь пословъ короля Польскаго, происходитъ въ Грановитой Палатѣ, убранный, по этому случаю, красными сукнами по

стѣнамъ и лавкамъ и устланной по полу множествомъ различныхъ, красноватыхъ и золото-тканыхъ персидскихъ ковровъ *). Царь сидѣлъ на тронѣ, въ видѣ громаднаго серебрянаго вызолоченнаго кресла, съ такимъ же балдахинномъ, который сверху увѣнчивался драгоцѣннымъ изображеніемъ государственнаго герба, въ видѣ двуглаваго орла. Надъ спинкой царскаго кресла подъ балдахинномъ, помѣщается икона Богородицы въ золотомъ окладѣ съ драгоцѣнными камнями. По бокамъ трона лежали два серебряные льва, съ вызолоченными головами и гривами; въ лапахъ львовъ утверждены высокіе, золоченые стойки, на которыхъ поставлены два изображенія грифова; одинъ изъ нихъ держитъ мечъ, а другой державу. Лже-Дмитрій сидитъ на тронѣ въ царскомъ одѣяніи „большаго наряда“, т. е. въ *платнѣ* изъ драгоцѣнной матеріи, обшитомъ широкою каймою изъ золотой парчи, усаженной жемчугомъ и камнями. На головѣ царя золотая корона, сверкающая драгоцѣнными рубинами, алмазами и яхонтами; въ правой рукѣ его — скипетръ; лѣвую онъ приподнялъ въ поясеніе рѣчи, которую обращаетъ къ посламъ. Надѣво отъ царя, стряпчий держитъ царскій уборъ (платокъ); а немного далѣе стоитъ князь Шуйскій и держитъ обнаженный государственный мечъ. По правую руку отъ царя, на черномъ бархатномъ креслѣ, сидитъ патриархъ Игнатій, въ черной бархатной рясѣ, обшитой широкою каймою, по разрыву и подолу; кайма эта усажена жемчугомъ и камнями; въ рукѣ патриарха драгоцѣнный посохъ. Неподалеку отъ него — служба съ блюдомъ, на которое положенъ золотой крестъ и поставленъ сосудъ съ св. водою. Еще правѣе, за патриархомъ, сидятъ архіепископы и архимандриты важнѣйшихъ московскихъ монастырей.

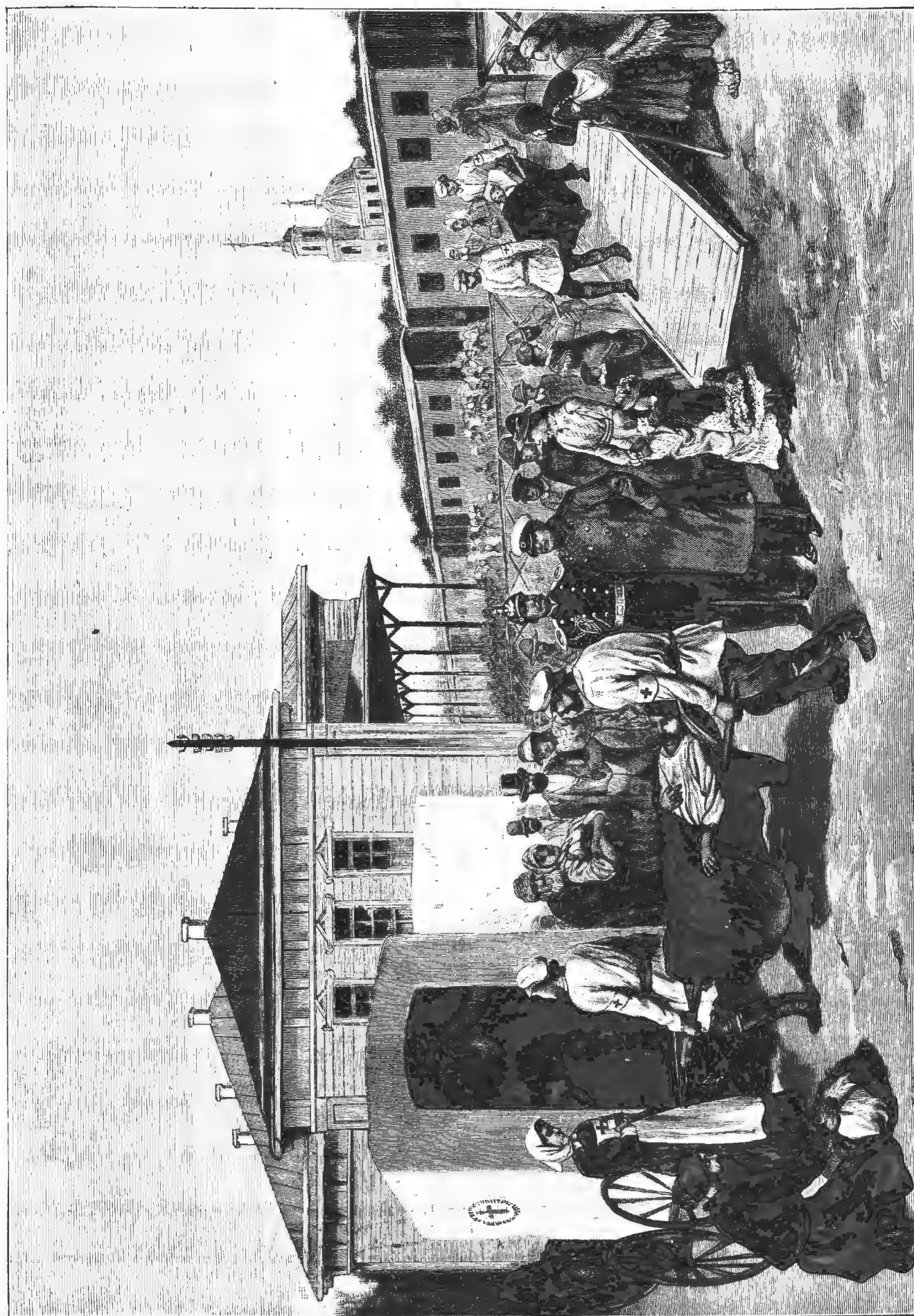
Направо и надѣво, на лавкахъ, около стѣны Палаты, сидятъ бояре, въ горлатныхъ высокіхъ шапкахъ и золотыхъ кафтанахъ. Передъ ними, въ два ряда, въ такой же одеждѣ, поставлены окольничіе и думные дворяне. На лѣвой сторонѣ, передъ думными дворянами, въ рядъ выстроены полки польской наемной дружины Лже-Дмитрія, въ разноцвѣтныхъ польскихъ кафтанахъ и контушахъ; они держатъ въ рукахъ шапки съ высокими султанами изъ перьевъ.

Противъ трона, въ видѣ почетной стражи, стоятъ четверо *рындъ* (по нынѣшнему, пажей), въ парадномъ шитѣ, въ бѣлыхъ атласныхъ кафтанахъ, желтыхъ сапогахъ и горностаевыхъ шапкахъ; поверхъ кафтановъ у рындъ надѣты тяжелыя, золотыя цѣпи. На плечахъ рынды держатъ серебряные топоры. Между рындами и рядами думныхъ дворянъ стоятъ два посольскихъ дьяка: они *являютъ* (т. е. представляютъ) посольство государю.

На особомъ креслѣ сидитъ главный польскій посолъ, въ богатѣйшемъ контушѣ, бархатномъ, съ золотымъ шитьемъ и золотыми пуговицами. Поверхъ контуша на немъ накинута еще плащъ, со стоячимъ воротникомъ. Въ рукахъ посла — шляпа со страусовыми перьями. Посолъ *сидитъ*, ибо представляетъ собою *особу короля*.

Рядомъ съ посломъ, на особой скамьѣ, сидятъ и другіе два, главные представители посольства (вѣроятнo, секретари). Одинъ изъ нихъ, высоко поднимал, на виду держитъ пакетъ, запечатанный огромною, красною печатью и заключающій въ себѣ вѣрительныя грамоты. Дѣлѣе отъ этихъ двухъ членовъ посольства толпою стоятъ дворяне (шляхетство), составляющие свиту посла. Всѣ они, по обычаю времени, бритые; современная

* Въ то время техника ковровая дѣла не достигала еще такого совершенства какъ нынѣ; тканье большихъ ковровъ было невозможно.

Пріємъ побѣда раненыхъ въ Москвѣ княземъ В. А. Долгоруковымъ во время Русско-Турецкой войны въ 1878 г. (По поводу 25-лѣтія службы князя генераль-губернаторомъ въ Москвѣ). Съ акварели акад. К. Трутовскаго (цѣлост. право воспроизв. принадл. „Нивѣ“), грав. Ю. Шубертъ.

мода допускала только наперед головы хохоль, который отрачивался и закладывался за ухо.

Позади свиты стоят слуги посольские съ подарками, присланными от короля Лже-Дмитрію. Эти подарки, насколько их можно рассмотреть, представляют собою различные предметы для внутренних украшений дворцовых комнатъ въ видѣ сребропозолоченныхъ кораблей и церквей, съ часами внутри, съ музыкой, съ затѣйливыми пружинными замками. Въ рукахъ другихъ слугъ видимъ громадныя серебряныя, вызолоченныя кубки и чарки столовыя „съ кровлями“. Двое слугъ держатъ въ рукахъ золотыя, массивныя цѣпи.

Картина эта, очевидно, писана мастеромъ, который не лишень былъ таланта. Ему удалось передать довольно вѣрно характеръ нѣкоторыхъ фигуръ и придать много жизни и движения толпѣ сидящихъ и стоящихъ бояръ, окольныхчихъ и думныхъ дворянъ. Онъ сдѣлалъ даже довольно естественно выразить высокомеріе служивыхъ поляковъ, которые стоятъ очень гордо впереди думныхъ дворянъ, съ полнымъ сознаниемъ своихъ заслугъ на службѣ Лже-Дмитрія.

Пріемъ раненыхъ въ Москвѣ княземъ Долгоруковымъ. (Рис. на стр. 865).

Изъ біографическихъ свѣдѣній о князѣ Владимірѣ Андреевичѣ Долгоруковѣ, помѣщенныхъ въ настоящемъ номерѣ, нашимъ читателямъ извѣстна благотворительная дѣятельность маститаго юбиляра. На стр. 865 мы помѣстили гравюру съ интересной акварели академика К. А. Трутовскаго, изображающей прибытіе одного изъ санитарныхъ поѣздовъ въ Москву, въ 1878 году.

Американскій дворецъ прессы. (Рис. на стр. 863).

Америку безспорно надъ признать страной, которой жители весьма цѣнятъ все чрезвычайное и необыкновенное. Любовь къ выдающемуся проявляется во всѣхъ дѣйствіяхъ твореніяхъ американцевъ. Такъ постройки ихъ нерѣдко бываютъ постигнѣ гигантскими. Однимъ изъ образцовъ такихъ строеній является громадное зданіе, которое построила себѣ американская газета *World*. Оно расположено на углу парка Row и Франкфуртской улицы и занимаетъ площадь всего въ 115 футовъ ширины при 136 футахъ длины. Постройкой завѣдывалъ архитекторъ Джоржъ Б. Постъ, представившій также интересный проектъ зданія для *Times*. Построенное для *World* зданіе далеко превосходитъ своихъ соседей. Всѣхъ этажей, считая въ томъ числѣ и башню, надъ землею возвышается восемнадцать. Работники работаютъ въ тринадцатомъ этажѣ подъ плоскою крышею. На этой крышѣ помѣщается художественный отдѣлъ и ресторанъ для служащихъ при газетѣ. Одиннадцать этажей содержитъ сто пятьдесятъ помѣщеній, различныхъ размѣровъ. Башня, болѣе 9 саж. въ поперечникѣ, предназначена для редакціи. Подъ зданіемъ находятся обширныя подвалы, въ которыхъ помѣщаются машинное отдѣленіе, экспедиція и складъ бумаги, вмѣщающій до 3000 пудовъ. Все зданіе освѣщается электричествомъ. Шесть подъемныхъ машинъ доставляютъ служащихъ во всѣ этажи: двѣ изъ нихъ доходятъ до тринадцатаго и предназначены для рабочихъ, а одна — до восемнадцатаго и въ ней поднимаются только главные редакторы. Наружный видъ зданія очень красивъ. Вся облицовка изъ краснаго песчаника съ терракотовыми и гранитными украшениями.

П. И. Супруненко. (Портр. на стр. 869).

Въ ближайшихъ номерахъ *Нивы* мы намѣрены помѣстить нѣсколько типовъ и видовъ острова Сахалина изъ коллекціи доктора медицины Петра Ивановича Супруненко, прожившаго на Сахалинѣ почти 10 лѣтъ, въ теченіе коихъ П. И. Супруненко, по собственному почину, первый занялся правильнымъ систематическимъ изслѣдованіемъ этого острова въ естественномъ историческомъ и климатологическомъ отношеніяхъ.

Богатыя коллекціи, собранныя Супруненко и фигурировавшія на тюремной выставкѣ, приносятся имъ въ даръ Академіи Наукъ, въ университеты и различные музеи; многолѣтніе труды уважаемаго доктора, такимъ образомъ, послужатъ цѣннымъ вкладомъ въ науку и главное — совершенно мѣняютъ взглядъ на условія жизни острова Сахалина, до сихъ поръ считавшагося почти невозможнымъ для колонизаціи; по изслѣдованіямъ же доктора Супруненко оказывается, что островъ

Сахалинъ въ климатическомъ отношеніи представляетъ страну наиболее здоровую и еще мало знакомую съ заразными болѣзнями, а химическіе анализы почвъ, произведенные въ лабораторіи С.-Петербургскаго Университета, подъ руководствомъ профессора Докучаева, показали богатое содержаніе въ нихъ фосфорной кислоты, солей кали и органическихъ веществъ, что даетъ полное основаніе отвести имъ высокое мѣсто въ ряду почвъ Россіи.

Петръ Ивановичъ Супруненко родился въ почтенной дворянской семьѣ, въ деревнѣ Змучиловкѣ, Апашевскаго уѣзда, Херсонской губ., 9 октября 1844 г. Окончивъ курсъ Ришельевскій гимназіи въ 1861 году, П. И. Супруненко поступилъ на юридическій факультетъ Ришельевскаго лицея; черезъ годъ, почувствовавъ призваніе къ медицинѣ, перешелъ на медицинскій факультетъ въ Киевскій университетъ, пробывъ въ которомъ годъ, перевелся въ Военно-Медико-Хирургическую Академію, и по окончаніи съ отличіемъ курса академіи, въ 1868 г., поступилъ врачомъ въ 56-й пѣхотный Житомирскій полкъ, откуда вскорѣ былъ назначенъ ординаторомъ въ херсонскій военный госпиталь. Пробывъ тамъ нѣсколько лѣтъ, перешелъ на службу въ Медицинскій департаментъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, выдержалъ экзаменъ на степень доктора медицины и, не защитивъ диссертациі, получилъ назначеніе уѣзднымъ врачомъ Повѣнецкаго уѣзда Олонечкой губ. Здѣсь, благодаря теплomu участию, съ которымъ Супруненко всегда относился къ нуждамъ мѣстнаго населенія, онъ очень скоро завоевалъ симпатіи крестьянъ уѣзда, которые, не смотря на то, что Супруненко не имѣлъ имущественнаго ценза въ уѣздѣ, выбрали его уѣзднымъ, а земское собраніе выбрало губернскимъ гласнымъ и членомъ училищнаго совѣта. Не смотря на сложность своихъ обязанностей, Супруненко, по окончаніи службы въ Олонечкой губерніи, принесъ въ даръ Академіи Наукъ очень интересную коллекцію сиговъ изъ различныхъ озеръ Обонежья и Корелы.

Во время минувшей Турецкой кампаніи П. И. Супруненко былъ командированъ на театръ войны въ Эриванскій отрядъ, по прибытіи къ которому былъ назначенъ главнымъ врачомъ временнаго, № 39 военнаго госпиталя, расположеннаго въ городѣ Алашкертѣ, въ Азіатской Турціи, гдѣ въ то время свирѣствовала тифозная эпидемія, не щадившая и главнаго врача. За расформированіемъ этого госпиталя, Супруненко получилъ временный № 40 Кавказскій военный госпиталь, который въ то время былъ расположенъ на русско-турецкой границѣ, на Караванъ-Серайскомъ перевалѣ.

По окончаніи войны, по распоряженію Медицинскаго Департамента, Супруненко былъ прикомандированъ съ научной цѣлью къ Военно-Медико-Хирургической Академіи, гдѣ занимался въ гигиенической лабораторіи профессора Доброславина, результатомъ чего и былъ самостоятельный, солидный трудъ подъ заглавіемъ „Опытныя изслѣдованія надъ озономъ въ примѣненіи его для санитарныхъ цѣлей“, представленный какъ диссертациія на степень доктора.

Въ 1880 году Супруненко, получивъ степень доктора медицины, уѣхалъ на островъ Сахалинъ тюремнымъ врачомъ; по прибытіи на мѣсто въ томъ же году, по собственному почину, устроилъ первую метеорологическую станцію на островѣ Сахалинѣ, въ поселеніи Александровскомъ. Въ 1884 году, съ утвержденіемъ новыхъ штатовъ, Супруненко былъ назначенъ завѣдывающимъ медицинскою частью и метеорологическими станціями острова Сахалина. Здѣсь, помимо своихъ прямыхъ обязанностей, сопряженныхъ съ частыми поѣздками, Супруненко въ теченіе почти 10-ти-лѣтняго пребыванія на островѣ Сахалинѣ, извѣдывалъ его вдоль и поперекъ. Благодаря своей отчасти специальности, отчасти сердечности отношенія къ дѣлу, Супруненко пользовался между инородцами острова особенною симпатіею. Обращаясь къ нему за медицинскою помощью, они называли его „большимъ вайона шаманомъ“ (большой господинъ кудесникъ).

Такимъ образомъ Супруненко является однимъ изъ немногихъ лицъ, коимъ удалось очень хорошо ознакомиться не только съ островомъ, но и съ инородцами населяющими его, съ ихъ бытомъ, религіей, вѣрованіями, обычнымъ семейнымъ правомъ и многими особенностями, которыя представляютъ вымирающее нынѣ племя айновъ, обитающихъ только на югѣ Сахалина и на одномъ изъ японскихъ острововъ Мацмай— „Иессо“.

А. А. Хвостовъ.

Политическое обозрѣніе.

Послѣ блестяще удавшихся маневровъ, побывавъ въ Петергофѣ, императоръ Германскій покинулъ Россію и отплылъ на родину. Ночью, 12 августа, Германскій императоръ, иностранные принцы и германская свита, по прибытіи на кронштадтскій рейдъ, перешли на „Рогенцоллернъ“. Въ 12 ч. 15 мин. почти лхта „Рогенцоллернъ“ и за нею „Ирена“ оставили кронштадтскій рейдъ. Матросы съ фальшфейерами стояли по стѣнкамъ восной, средней и кулической гаваней; военный портовый хоръ, стоявшій на стѣнкѣ у брантвахты, при проходѣ „Рогенцоллерна“, заигралъ германскій гимнъ, военные царовые ка-

тера стояли по фаватеру и жгли фальшфейеры. Въ половинѣ первого „Рогенцоллернъ“ и „Ирена“ прошли мимо Ливавы, а въ 6-часовъ вечера 13 августа, императоръ Вильгельмъ вышелъ на берегъ въ Мемель и былъ встрѣченъ графомъ Вальдерзъ, статсъ-секретаремъ Маршалемъ и мѣстными властями. Этимъ окончилось благополучное путешествіе Германскаго императора въ Россію.

Каковы будутъ послѣдствія свиданія двухъ императоровъ покажетъ будущее, но органы печати нанерерывъ другъ передъ другомъ стараются прозрѣть его и переполнены всевоз-

можными предвѣщаніями. Большинство изъ нихъ сводится къ тому, что всеобщій миръ нынѣ обезпеченъ и упроченъ, и за самое вещественное доказательство того берлинская *Allgemeine Reichs-correspondenz* считаетъ пожалованіе германскому имперскому канцлеру ордена Св. Андрея Первозваннаго. Вообще германская печать довольна поощреніемъ своего государя Россіи и тѣмъ приемомъ, какой былъ ему оказанъ нашими отечествомъ. За то вѣнская и нештская печать относится съ худо скрытымъ недовольствомъ къ пребыванію императора Вильгельма въ Россіи и въ самообольщеніи утверждаетъ, что никакихъ послѣдствій оно не будетъ имѣть и все останется по старому.

Во Франціи въ политическихъ кругахъ преобладаетъ впечатлѣніе, что нарвское свиданіе было благопріятно сохраненію мира, но что оно не расторгнетъ тройственного союза и не ослабитъ неявнаго франко-русскаго соглашенія. *Paris* полагаютъ, что поѣздка императора Вильгельма въ Россію является актомъ несомнѣнно миролюбивымъ. Газета надѣется, что эта поѣздка разсѣетъ существовавшій между обѣими державами недоразумѣнія, но считаетъ невѣроятнымъ, чтобы это повлекло за собою перемену въ общемъ направленіи европейской политики. По мнѣнію *Autorité*, положеніе дѣлъ если и измѣнится, то не столько, чтобы Германія порвала свои связи съ тройственнымъ союзомъ. *Soleil* говорить, что, какъ доказываетъ статья *Nord*, Россія не отказалась отъ своего сдержаннаго положенія.

По не только газеты великихъ державъ занимаются истолкованіемъ свиданія двухъ императоровъ. Печатные листки, въ Болгаріи, служащіе официозами (?) извѣстной шайки, разсуждаютъ объ этомъ событіи, и, само собой разумѣется, со свойственнымъ имъ задоромъ стараются увѣрить, что никакихъ переизмѣнъ поѣздка императора Вильгельма въ Россію въ политическомъ отношеніи имѣть не будетъ, особенно касательно болгарскаго вопроса. О кандидатахъ, пріятномъ Россіи, эти газеты и слышать не хотятъ и съ наосомъ объявляютъ, что болгары исполнены рѣшимости защищать „князя“ Фердинанда. „Если миръ дорогъ Европѣ, пишетъ

одна изъ такихъ газетъ, — то для Болгаріи дорога свобода и болгарскій вопросъ можетъ принять болѣе серьезные размѣры, чѣмъ это полагаютъ“.

Дальнѣйшее путешествіе Германскаго императора изъ Мемеля въ Берлинъ снова вызвало не мало толковъ. Въмѣсто возвращенія моремъ черезъ Шиллау и Киль, императоръ съгнѣно отправился по желѣзной дорогѣ прямо въ Потсдаму. О причинахъ ускореннаго возвращенія императора официально ничего неизвѣстно и никакихъ непредвидѣнныхъ случайностей не было. Возможно, что императоръ до отъѣзда въ Силезію на маневры пожелалъ провести нѣсколько дней со своими дѣтьми, вернувшимися изъ Сассница. По другимъ сообщеніямъ, отъ предполагавшагося вначалѣ возвращенія моремъ императоръ отказался въслѣдствіе непрекращающейся дурной погоды.

Въ *Кельнской Газетѣ* недавно появилась статья, въ которой подвергнута рѣзкой критикѣ политика германскаго правительства. По словамъ газеты, общирный кругъ людей, слѣдя за развитіемъ этой политики, тревожится тѣмъ, что она отличается нерѣшимостью и преувеличеннымъ представлениемъ о достигнутыхъ цѣляхъ, чѣмъ и вызываетъ неудовольствіе и огорченіе въ лучшихъ людяхъ. „Политика наша—заключаетъ газета—не имѣетъ твердой прусской энергіи“. Въслѣдъ за тѣмъ и въ мюнхенской *Allgemeine Zeitung* была напечатана статья о существующемъ въ Германіи режимѣ. Статьи какъ *Koelnische Zeitung*, такъ и мюнхенской *Allgemeine Zeitung* произвели въ Берлинѣ очень неблагоприятное впечатлѣніе. Часть тамошней печати старается опровергнуть приводимые названными газетами доводы противъ нынѣшней политики, но при этомъ многіе, въ томъ числѣ *National-Zeitung*, вынуждены констатировать, что опасенія, въ родѣ тѣхъ, на которыя указываетъ *Allgemeine Zeitung*, дѣйствительно существуютъ, особенно въ южной Германіи. *Fremdenblatt*, обсуждая статью *Allgemeine Zeitung* о новомъ режимѣ, утверждаетъ, что къ опубликованію этой статьи прикосновенны члены фамиліи князя Бисмарка и выражаетъ мнѣніе, что нападки этой газеты на новое берлинское правительство по меньшей мѣрѣ непріятны баварскому правительству.

С М Ъ С Ъ .

Интересныя свѣдѣнія сообщаются иностранными газетами объ отношеніяхъ Эминъ-паша къ Гордонъ-пашѣ. Эминъ былъ врачомъ въ египетской арміи съ содержаніемъ въ 25 ф. ст. въ мѣсяцъ, когда, въ 1887 г., получилъ отъ Масонъ-бея порученіе ѣхать въ Хартумъ, къ Гордону, который вѣроятно назначить его губернаторомъ г. Массона, благодаря его знанію французскаго языка. Гордонъ принялъ Эмина очень любезно, пользовался его услугами для своей корреспонденціи и наконецъ сказалъ ему однажды:

— Эминъ, вы правитесь мнѣ; я сдѣлаю васъ своимъ секретаремъ.

Эминъ: Вы очень добры.

Гордонъ: Согласны вы принять эту должность?

Эминъ: Не знаю; дайте мнѣ подумать до завтра.

На другой день, Эминъ былъ занятъ по обыкновенію корреспонденціей, когда Гордонъ спросилъ его:

— Ну, д-ръ Эминъ, каковъ вашъ отвѣтъ?

— Я надѣюсь, вы не будете претендовать на меня; я готовъ дѣлать все что вамъ угодно, но только не быть вашимъ секретаремъ.

— Какъ, вы не хотите быть моимъ секретаремъ? Да это лучшій постъ во всемъ Суданѣ, послѣ поста генераль-губернатора. Вы будете жить у меня во дворцѣ. Почему вы отказываетесь?

— Я имѣю частныя причины, которыя не могу сообщить вамъ.

— Вы обязаны сказать ихъ мнѣ.

— Я бы предпочелъ умолчать, но если вы приказываете, я буду повиноваться.

— Въ такомъ случаѣ я приказываю вамъ.

— Я охотно служу вамъ и глубоко уважаю васъ, но не желалъ-бы имѣть никакого дѣла съ вашими подчиненными. Мнѣ пришлось-бы сталкиваться съ людьми, которыхъ я не могу уважать; съ вашимъ арабомъ-переводчикомъ, котораго я считаю негоднымъ; съ вашимъ докторомъ-грекомъ, который завѣдомо занимается предосудительными дѣлами; съ...

Гордонъ (гнѣвно): Какъ вы смѣете говорить мнѣ это!

Эминъ: Вы сами приказали мнѣ. Въ качествѣ вашего секретаря меня постоянно преслѣдовали бы люди, которые, желая воспользоваться моимъ вліяніемъ на васъ, старались бы подкупить меня. Въ одинъ прекрасный день вы бы услышали, что я принялъ взятку и вы первый, не выслушавъ меня, не сказавъ мнѣ ни слова, осудили-бы меня. Нѣтъ, я не могу принять этой должности, дайте мнѣ другую работу.

Гордонъ: Развѣ вы бы не могли тотчасъ сказать мнѣ, когда вамъ предложили бы взятку?

Эминъ: Это было бы не честно въ странѣ, гдѣ взятки въ порядкѣ вещей. Я не желаю быть доносчикомъ; пошлите меня въ другое мѣсто.

Гордонъ: Хорошо; можете идти.

Эминъ ушелъ и хотя продолжалъ обѣдать за столомъ Гордона, но тотъ такъ мало обращалъ на него вниманія, что Эминъ наконецъ потребовалъ объясненія.

Эминъ: Вы сердитесь, потому что я воспользовался своимъ правомъ отказа и, на ваше категорическое требованіе, высказалъ вамъ всю правду. Или дайте мнѣ занятіе, или отпустите меня на родину.

Гордонъ: Хорошо, вы получите занятіе.

Гордонъ предложилъ ему Уиѣро и далъ сорокъ фунтовъ стерлинговъ на дорогу, сказавъ что остальное онъ найдетъ на станціяхъ. Однако Гордонъ все еще не совсѣмъ примирился съ Эминомъ. Когда послѣдній сталъ просить у него писемъ на станціи — Гордонъ отказалъ, такъ какъ иначе ему пришлось бы нести отвѣтственность за всѣ случайности, которымъ могъ подвергнуться Эминъ въ странѣ Каббарегга.

Эминъ: Однако-же вы посылаете меня туда, папаша!

Гордонъ: Нѣтъ, я не посылаю васъ официально.

Такимъ образомъ Эминъ отправился въ Уиѣро, оттуда въ Уганду и потомъ въ качествѣ генераль-губернатора, въ экваторіальныя провинціи съ 50 фунтами стерлинговъ мѣсячнаго содержанія. Оттуда, въ виду печальнаго состоянія мѣстнаго земледѣлія, онъ обратился къ Гордону за сѣменами. Гордонъ отвѣчалъ:

— Я пошлалъ васъ губернаторомъ, а не садовникомъ.

Вслѣдствіи Эминъ просилъ выслать фотографической аппаратъ, который безъ употребленія лежалъ въ Хартумѣ.

— Я пошлалъ васъ губернаторомъ, а не фотографомъ, былъ отвѣтъ Гордона.

Изъ предыдущаго можно заключить, что Эминъ не былъ тѣмъ безхарактернымъ человѣкомъ, какимъ выставляетъ его Станлей. Онъ рѣшился противиться могущественному Гордону и противъ его совѣтовъ отираться въ Уиѣро. Достсенъ замѣчаетъ еще одинъ случай изъ отношеній Эмина къ Гордону. Однажды они гуляли, дружески разговаривая, какъ вдругъ Гордонъ удивилъ его возгласомъ: „*Stop talking!*“ Эминъ принялъ это въ предостереженіе отъ какой либо опасности; но такъ какъ онъ не видѣлъ ее, то попробовалъ заговорить еще раза два, однако получалъ все тотъ же короткій, ворчливый отвѣтъ. На другой день Гордонъ спросилъ его: — Вы были очень удивлены вчера, когда я приказалъ вамъ молчать?

Эминъ: Да, дѣйствительно, меня это нѣсколько удивило.

Гордонъ: Я молился и вашъ разговоръ мѣшалъ мнѣ. Отчего-жъ вы не спросили меня о причинѣ такого запрещенія?

Если сравнить все, что извѣстно о личныхъ качествахъ Станлея, Гордона и Эмина, то Эминъ является самымъ простымъ, вѣжливымъ и разумнымъ изъ нихъ.

Гордонъ во всякомъ случаѣ одинъ изъ величайшихъ чудаковъ, которыми такъ богата Англія. Одна изъ его странностей, недавно обнаруженная, заключается въ томъ, что онъ отказался отъ поста секретаря лорда Ринона, вице-короля Индіи, единственно потому, что ему приходилось каждый день являться во фракѣ. Таково объясненіе факта, до сихъ поръ покрытаго величайшей таинственностью. Что касается до странностей Станлея, то онъ не подлежитъ сомнѣнію. (с.)

Новая картина Рембрандта. пейзажъ съ мельницей, помѣченная 1627 годомъ, найдена въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Она нѣкогда принадлежала герцогу Намурскому. (б.)

Два гигантскія могилы находятся на кладбищах деревень Васькова и Сидорки, под Рославлемъ. Что въ нихъ заключается — неизвѣстно. Но о происхожденіи ихъ, по словамъ смоленской газеты, между мужиками существуетъ такое любопытное повѣрье. Въ старину въ деревняхъ этихъ жили два богатыря. Разъ они за что-то поссорились, начали бросать другъ въ друга камни на пятиверстномъ разстояніи, попали одновременно и оба уцѣли мертвые; они-то и похоронены въ этихъ могилахъ. (в.)

Курьезная эпиграфия приведена въ *Русской Старинѣ*. Эпиграфия высѣчена на одной изъ плитъ казанскаго кладбища, очень старыхъ, и гласитъ слѣдующее: „Мимо идущіе люди, братіе мои! Помолитесь Вседержителю Богу о моей грѣшной и окаянной душѣ, ибо она, пребывая въ моемъ тучномъ тѣлѣ, зѣло жадна была до питія хмѣльнаго и ястія съѣдобнаго, а сіе привело мое тѣло къ боли (болѣзни) и напрасной (впечальной) смерти, хотя по тѣлу моему я чаялъ прожить еще годовъ двадцать“. (в.)

Орудія мѣднаго вѣна недавно открыты въ Богодуховскомъ уѣздѣ, Харьковской губ., верстахъ въ двухъ отъ села Колонаева. Проходя мимо песчанаго бугра близъ рѣчки, крестьянинъ увидѣлъ какую-то вещь въ родѣ топора изъ мѣди, причѣмъ замѣтилъ, что въ топорѣ была вдѣлана ручка, отпечатокъ которой видѣлся на землѣ. Крестьянинъ сталъ рыть песокъ и открылъ еще двѣнадцать такихъ-же съкири, которыя вѣсятъ отъ 2¼ до 2¾ фунт. (в.)

Манна. Верстахъ въ 50 отъ Дубовки, посада Саратовской губерніи, въ окрестностяхъ одного села на поляхъ оказалась вышавшая манна. Это сѣрые кудреватые мягкіе кусочки вещества, въ сыромъ видѣ совершенно безвкуснаго. Крестьяне варили изъ него кашу, и она вкусомъ походила на манную. (в.)

Число судей въ Россіи, по свѣдѣніямъ министерства Юстиціи, простирается до 8,769 на всемъ пространствѣ Европейской Россіи и Кавказа, считая судей разныхъ инстанцій, отъ сенаторовъ и до мировыхъ и гминныхъ судей. Если считать населеніе Россіи въ 99,140,000 чел., то одинъ судья приходится на 11,362 чел. или на 19,950 чел., если изъ общаго числа судей исключить почетныхъ мировыхъ судей. (в.)

Гробница изъ бѣлаго камня съ надписью на стѣнѣ „Могины Святаго епископа Луки владимірскаго“ не такъ давно найдена во время реставраціи Владимірскаго Успенскаго собора, построеннаго Андреемъ Боголюбскимъ. Комиссія Археологическаго общества признала лицезныя изображенія и орнаменты, открытыя въ этомъ храмѣ, относящимися къ XII вѣку и исполненными греческими художниками. (в.)

Аппаратъ для сигнализациі и разговора съ любого мѣста железнодорожнаго пути со станціями, въ которомъ ощущалась такая потребность, недавно изобрѣтенъ техникомъ Захаровымъ. (в.)

Интересная находка сдѣлана недавно на одной изъ дачъ въ Петергофѣ, при земляныхъ работахъ. Найдено нѣсколько такъ-называемыхъ громовыхъ стрѣлъ (фульгуритовъ), соединенныхъ между собою звѣздообразно. Эти стрѣлы поступили въ геологическое отдѣленіе Петербургскаго общества естествоиспытателей. (в.)

Сокровища Югурты, нумидійскаго царя, открыты недавно въ Алжирѣ, близъ Константины, на землѣ одного араба. Найдены діадема, золотые сосуды и проч. (в.)

Наслѣдство Тургенева. По словамъ *Орловскаго Вѣстника* передающаго еще не бывшія въ печати подробности объ имуществѣ въ Ив. Серг. Тургенева, послѣ него осталось 1,100 десятинъ земли въ Мценскомъ уѣздѣ при селѣ Спасскомъ, Лутовино тожъ, съ жилими и разными сельско-хозяйственными постройками. Все имѣніе оффициально судебнымъ приставомъ въ 165,000 р. Мценской земской управою доходности десятины земли въ имѣніи опредѣлена въ 2р. 58 к. За исключеніемъ изъ 165,000 руб. — 30,000 руб. полумпериалами (что по курсу составляетъ 46 тысячъ рублей съ чѣмъ-то, кредитныхъ), слѣдующихъ г-жѣ Полинь Вярдо-Гарсія, по сохранный роспискѣ, выданной Иваномъ Сергѣевичемъ 22 января (3 февраля) 1880 года, остальное имущество перешло къ г-жамъ Сухотиной и Галаховой, которыя приходятся родственницами Тургеневу по матери. (в.)

Американскій „Дворецъ прессы“.

Рѣдкіе старинные комнатные часы приобретены недавно англійскими купцами въ Петербургѣ за 1,200 рублей. Часы, подъ названіемъ „Kartel“, какъ видно изъ свѣдѣній на нихъ французскихъ надписей, были изготовлены въ Парижѣ, по спеціальному заказу французскаго короля Людовика XV, и предназначены были имъ въ подарокъ знаменитой куртизанкѣ Дюбарри. (в.)

Кладъ изъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ: Токтогу, Узбека, Дажанбека, Бардибека, Кулына, Наурузи, Хыра, Ордумелика и Мюрада, найдены близъ Горокъ, Спасскаго уѣзда. Всѣхъ монетъ въ кладѣ — 185 штукъ. (в.)

Средство противъ долгоносика (куркульона), принадлежащаго къ серьезнымъ врагамъ садоводства, сообщается въ одномъ изъ нашихъ спеціальныхъ изданій, на основаніи опытовъ произведенныхъ обществомъ садоводства департамента Роны во Франціи. Средство заключается въ слѣдующемъ. Берутъ штофъ крыскаго укуса и разбавляютъ его десятью штофами воды. Этой смѣсью опрыскиваютъ плодовые деревья и вообще растенія, которыя одолевается долгоносиками. Опрыскивать надо ежедневно въ началѣ

цвѣтѣнія деревьевъ и по окончаніи его. Долгоносики не выносятъ запаха укуса и гибнутъ отъ него. Въ завязяхъ плодовыхъ деревьевъ, опрысканныхъ растворомъ укуса, не было уже найдено личекъ долгоносика. Зеленымъ частямъ растенія этотъ растворъ не приносилъ ни малѣйшаго вреда. (в.)

Древность малороссійскаго табаководства. Вопреки распространенному мнѣнію, будто до 1560 года табакъ не былъ извѣстенъ въ Европѣ, одно изъ нашихъ сельско-хозяйственныхъ изданій утверждаетъ, что видъ этого растенія *Nicotiana rusticum*, распространенный въ Малороссіи подъ названіями махорки, простаго табака, бакуна, русско-самарскаго табака и проч., культивировался въ бывшей казацкой землѣ за долго до открытія Америки. Авторъ статьи, г. Котельниковъ приводитъ историческія справки, изъ которыхъ видно, что табакъ въ Малороссіи былъ распространенъ весьма сильно уже въ половинѣ XVI-го вѣка, и что хохлы получили впервые это зелье отъ крымцевъ и турокъ, или даже отъ монголовъ центральной Азіи, во время нашествія ихъ подъ предводительствомъ потомковъ Чингисхана на южную Русь. Последнее мнѣніе г. Котельниковъ считаетъ гораздо правдоподобнѣе того мнѣнія, будто табакъ, распространенный въ Малороссіи уже въ 1560 году такъ же какъ теперь, пошелъ туда изъ Америки, откуда онъ въ Европу привезенъ впервые въ 1560 г., а культивироваться началъ лишь въ 1610 г., въ Голландіи. (в.)

Местъ репортера. Среди нашихъ репортеровъ мало-по-малу начинаютъ прививаться американскіе нравы. Въ одномъ изъ московскихъ изданій репортеръ помѣстилъ замѣтку о „кровавомъ самоожженіи посредствомъ керосина“. Въ то время когда онъ это строчилъ въ редакціи, въ комнату вошелъ репортеръ другой газетки. Потихоньку, изъ-за спины собрата, увлекшагося ужасами сообщенія, онъ вычиталъ, гдѣ все это случилось, быстро ретировался, отправился по адресу, а затѣмъ въ свою редакцію и повѣдалъ еще

болѣе краснорѣчиво о случившемся. Тогда первый репортеръ придумалъ слѣдующее. Во время визита конкурента-репортера, онъ написалъ: „страшное убійство въ селѣ Гальяновѣ“. Репортеръ конкурентнаго органа снова „возрился“ и, прочитавъ первыя строки, полетѣлъ въ Гальяново за девять верстъ. Но, увы и ахъ, убійства здѣсь не произошло никакого. Репортеръ отомстилъ хорошо: потому что конкурентъ пробѣжалъ на извозникѣ восемнадцать верстъ—потерялъ и время и деньги. (в.)

Легенда о скорой кончинѣ міра новѣйшаго сложенія рассказана въ *Смоленскомъ Вѣстникѣ*. Она сильно распространена среди смоленскихъ крестьянъ и передается такъ: „Разъ одинъ изъ крестьянъ пахалъ поле и тутъ явилось ему видѣніе: изъ лѣсу вышла женщина и сначала долго стояла и смотрѣла, какъ трудится мужикъ надъ своимъ полемъ. Потомъ, показалось ему, что женщина манитъ и зоветъ его къ себѣ. Мужикъ сначала оторопѣлъ, но потомъ, собравшись съ духомъ, пошелъ на зовъ. „Присядь здѣсь, мужикъ“—сказала женщина. Мужикъ присѣлъ. „Знаешь что, мужичекъ,“—продолжала женщина—много нынѣшній годъ уродилось и плодовъ, и хлѣба, и ягодъ, только кто-то будетъ убирать ихъ послѣ Петрова дня. Замѣть это хорошенько, да гляди, мужичекъ, никому не сказывай, что я тебѣ говорила.“—И женщина скрылась. Только не утерѣлъ мужикъ, возьми, да и проговорись бабамъ, что видѣлъ, молъ, видѣніе на полѣ. Ну бабы и пристали: „разскажи да разскажи“, а ужъ извѣстно, коли баба пристанетъ, такъ отъ нея ни крестомъ, ни пестомъ не отдѣлаешься. Взялъ мужикъ, да и сказалъ. Только какъ разсказалъ онъ это бабамъ, такъ тутъ же и онѣмѣлъ—языкъ, значить, у него отнялся“. Вѣроятно, оттого, что онъ разсказалъ тайну, свѣтопреставленія и не послѣдовало. Легенда имѣетъ нѣсколько вариантовъ. (в.)

Зейбеки. Въ отрывкѣ изъ путевыхъ записокъ, веденныхъ имъ во время пребыванія въ Малой Азіи, напечатанномъ въ одномъ изъ

Д-ръ П. И. Супруненко. Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

Рамы для премій „НИВЫ“ 1890 г.,

двухъ большихъ олеографическихъ картинъ, печатанныхъ масляными красками, съ оригиналовъ професс. И. И. Шишкина:

1) „СОСНОВЫЙ ЛѢСЪ“, 2) „ЗАПУЩЕННЫЙ ПАРКЪ“.

(16 вершковъ вышины и 12 вершковъ ширины каждая).

Для удобства гг. подписчиковъ, мы также и въ этомъ году изготовили рамы трехъ сортовъ, а именно:

№ 1. Изъ лучшаго золоченаго багета, съ лѣнными узорчатыми украшеніями (ширина въ діаметрѣ 1³/₈ вершк.) по 4 рубля за пару, а съ упаковкою въ ящикъ для гг. иногородныхъ подписчиковъ по 5 р. 50 к. за пару (безъ пересылки).

№ 2. Изъ такого же, но болѣе красиваго и широкаго багета (ширина въ діаметрѣ 2 вершк.) по 5 р. за пару, а съ упаковкою для иногородныхъ по 6 р. 50 к. (безъ пересылки).

№ 3. Изъ богатаго лѣннаго золоченаго багета (шир. въ діам. 2¹/₂ вершк.) по 6 руб. за пару, а съ упаковкою для иногородныхъ по 7 р. 50 к. (безъ пересылки).

Рамы выдаются со вставленными въ нихъ картинами, наклеенными на полотно и укрѣпленными на подрамникахъ.

Гг. городскіе подписчики, при полученіи премій въ рамкахъ, благоволятъ представлять въ контору свои подписные билеты на „Ниву“ 1890 года, а гг. иногородные подписчики высылаютъ при требованіяхъ печатные адреса, подъ которыми получается ими „Нива“.

Гг. иногороднымъ подписчикамъ рамы будутъ высылаемы, по полученіи слѣдующихъ за нихъ денегъ, чрезъ транспортную контору или по желѣзной дорогѣ, при чемъ стоимость пересылки они будутъ уплачивать на мѣстѣ—при полученіи посылки.

Преміи будутъ выдаваться гг. годовымъ подписчикамъ „Нивы“ по обыкновенію въ октябрѣ мѣсяцѣ, но для тѣхъ лицъ, кои пожелаютъ имѣть ихъ въ рамкахъ,

картины выдаются теперь-же.

Гг. московскіе подписчики могутъ получить преміи въ рамкахъ также теперь, въ отдѣленіи Конторы „Нивы“, при конторѣ Н. Н. Печковской (Москва, Петровскія линіи)—по слѣдующей цѣнѣ: № 1—по 5 р. за пару, № 2—по 6 р. 50 к. за пару и № 3—по 7 р. 50 к. за пару.

Желающихъ получить преміи въ рамкахъ, покорнѣе просимъ поторопиться требованіями, чтобы дать намъ возможность своевременно остановить имъ высылку картинъ чрезъ газетную экспедицію.

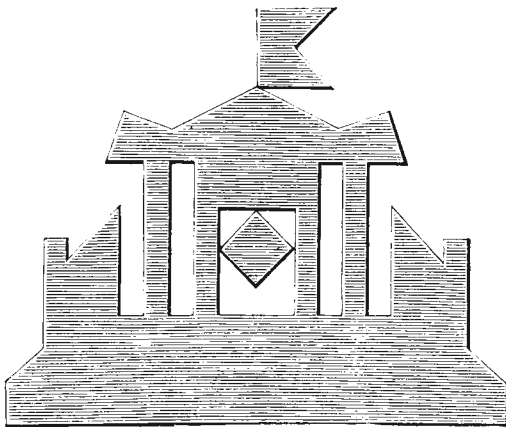
Какъ гг. городскіе, такъ и иногородные наши подписчики (исключая Москвы) благоволятъ обращаться съ требованіями въ Главную Контору журнала „Нива“, СПб., Невскій просп., № 6.

ежемѣсячныхъ изданій, г. Тепловъ знакомитъ насъ съ зейбеками. На улицахъ города Айдинъ, славящагося красотой своихъ женщинъ, встрѣчаются воинственнаго вида личности, которыя по своей одеждѣ и обычаямъ рѣзко отличаются отъ остальнаго населенія: это—зейбеки, составляющіе особую общину, имѣющую своихъ начальниковъ и свои особыя правила. Костюмъ ихъ невольно бросается въ глаза: бѣлыя шаровары ихъ подобраны очень высоко и оставляютъ ноги голыми; на головѣ высокія чалмы, совсѣмъ особенной формы, и за широкимъ поясомъ цѣлый арсеналъ оружія: по нѣскольку ятагановъ, кинжаловъ, пистолетовъ; тутъ-же заткнута и трубка, и желѣзные щипцы для угольевъ. Зейбеки—торговцы и въ особенности хорошіе проводники каравановъ; отъ нихъ невозможно добиться никакихъ свѣдѣній объ ихъ происхожденіи; они сами не знаютъ, почему они называются зейбеками, но, судя по чертамъ ихъ лица и по ихъ обычаямъ, не подлежитъ сомнѣнію, что они не принадлежатъ къ оттоманской народности. Живутъ они въ деревняхъ, разбросанныхъ въ горахъ Тмола и Месопотаміи, и составляютъ, по всей вѣроятности, остатки древнихъ народовъ, первоначальныхъ обитателей этихъ горъ. Быть-можетъ зейбеки были первыми основателями Трапезунда. По крайней мѣрѣ, Страбонъ говоритъ (кн. XIV), что городъ этотъ былъ основанъ фракіядами, которые имѣли обыкновеніе предлагать свои услуги тѣмъ, кто искалъ наемныхъ убійцъ. Когда древніе трапезундцы не находились въ войскахъ какого нибудь владѣтеля, то занимались разбоемъ; въ наше время зейбеки отличаются тѣми-же качествами, и греки трепещутъ при ихъ имени. Въ 1877 г. зейбеки были призваны на помощь турецкимъ войскамъ во время русско-турецкой войны, но пользы никакой не оказали, отличившись лишь страшными безчинствами, какъ въ Константинополѣ, такъ и въ Болгаріи, гдѣ они входили въ составъ отрядовъ башибузуковъ и неистовствовали надъ беззащитными христианами. (в.)

Персидскіе сектанты въ Закавказьи. Въ послѣднее время на Кавказѣ и въ Закавказскую область стало переселяться изъ Персіи много сектантовъ, такъ-называемыхъ бабидовъ. Въ одной

изъ книжекъ *Историческаго Вѣстника* г. Уманецъ помѣстилъ по этому поводу очеркъ названной секты, весьма интересной и представляющей много симпатичныхъ сторонъ. Исторія послѣдователей ученія Баба полна глубокаго трагизма; первые прозелиты ея подвергались страшнымъ мученіямъ, а нынѣ претерпѣваютъ гоненія въ Персіи, настолько серьезныя, что принуждены, покинувъ родину, искать убѣжища на югѣ Россіи. Въ Кавказскомъ краѣ бабиды имѣютъ двѣ мошети въ Ленкоранскомъ уѣздѣ, Бакинской губерніи, и собираются еще открыть мошети въ Нухинскомъ уѣздѣ, и въ самой Нухѣ, Елизаветпольской губерніи. Стремленія этой секты возвышенно и рѣзко отличаются отъ узкаго мусульманскаго фанатизма и нетерпимости, причемъ бабизмъ является попыткой произвести реформу въ магометанствѣ въ отношеніи религіи и въ отношеніи общественнаго строя. Страстные поклонники вѣры по духу, а не по буквѣ, и непримиримые враги рутини, господствующей въ мусульманскомъ пониманіи религіи и нравственности, бабиды смѣло критикуютъ Коранъ Мухаммеда, называютъ все въ природѣ чистымъ, вопреки ученію ислама, считающаго многие предметы нечистыми (вино, свинина, собака, невѣрный и т. д.), учатъ любви къ ближнему, чѣмъ подрывается магометанскій фанатизмъ, и проповѣдуютъ принципы братства и милосердія. Этимъ бабизмъ, также какъ породившій его суфизмъ, приближается, до нѣкоторой степени, къ евангельскому ученію, вслѣдствіе чего оны, при благоприятныхъ условіяхъ, можетъ служить переходной ступенью отъ ислама къ христіанству, которое бабиды высоко чтутъ, радуясь, когда на ихъ молитвенныя собранія въ Асхабадѣ заходятъ иногда христіане. Стремленія бабидовъ къ реформамъ внутренняго строя магометанства, ихъ ученіе объ одноженствѣ, о равноправности суируговъ, о сближеніи съ христіанами,—можетъ имѣть несомнѣнную пользу въ темной массѣ нашихъ мусульманъ, и вообще бабизмъ является въ высшей степени полезнымъ и освѣжающимъ элементомъ въ средѣ закавказскихъ мусульманъ, внося съ собою въ ихъ обособленный міръ цивилизующія и человѣчныя начала. (в.)

Геометрическая задача № 49.

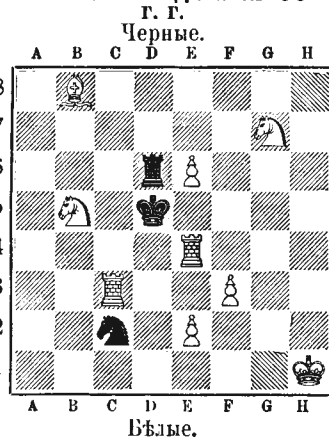

Решень. Задача № 52.

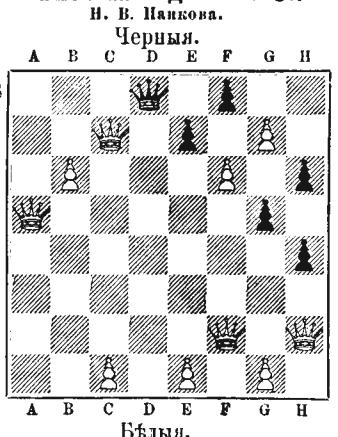
Предлагаемую фигуру разрѣзать прямыми линіями на части, изъ которыхъ составить фигуру Пифагоровой теоремы.

Шахматная задача № 50.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Шашечная задача № 51.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ дамку черныхъ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „НИВА“ проситъ гг. подписчиковъ, НЕ ВНЕСШИХЪ ПОЛНУЮ ГОДОВУЮ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ за „НИВУ“ 1890 года, озаботиться своевременными взносами слѣдующихъ съ нихъ денегъ. (Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатные адреса отъ бандеролей).

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Князь В. А. Долгоруковъ (съ портр.). — Жизнь, какъ она есть. Романъ въ пяти частяхъ. Вас. И. Немировича-Данченко. Ч. III и IV. (Продолженіе). — Первая гроза. Повесть Виктора Бибикова. (Продолженіе). — Столѣтіе храма Св. Троицы въ Александрово-Невской Лаврѣ (съ рис.). — Стихотвореніе В. Величю. — Къ рисункамъ: Литературный альбомъ. „Дѣдушка“, Никитина (съ рис.). — Горьболотовъ (съ рис.). — Приемъ польскихъ пословъ Лие-Дмитріемъ (съ рис.). — Приемъ раненыхъ въ Москвѣ княземъ Долгоруковымъ (съ рис.). — Американскій дворецъ прессы (съ рис.). — П. И. Сундуковъ (съ портр.). — Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — Рамы для премій „Нивы“ 1890 г. — Задачи.—Заявленіе. — Объявленіе.

Издатель А. Ф. Марисъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

УТВЕРЖДЕННЫЕ МИНИСТЕРСТВОМЪ ВЪНТРЕННИХЪ ДѢЛЪ—ОСНОВАННЫЕ ВЪ 1882 ГОДУ
МУЗЫКАЛЬНО-ДРАМАТИЧЕСКІЕ КУРСЫ РАПГОФЪ
 С.-Петербургъ, Малая Морская, Д. № 7, кв. 1 и 12.
 Приемъ вновь поступающихъ съ 20-го августа ежедневный, съ 10 час. утра до 6 час. вечера. Подробныя программы выдаются и высылаются бесплатно. Письменная заявленія на имя Директора Курсовъ: Евг. Павловича Рапгофъ. № 4663 3-2

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ НОВОСТЕЙ
И. АНТОНОВЪ И К^о.
 38. Спб. Невскій проспектъ, 38. № 4670

ЗАБЕЗЦЪНОКЪ

Въ виду значительныхъ покупокъ для предстоящаго осенняго и зимняго сезона и за недостаткомъ мѣста, мы рѣшили продать оставшіеся товаръ отъ предвѣдущихъ сезоновъ за небывало-дешевую цѣну, со скидкой 50% съ фабричныхъ цѣнъ.

ОГРОМНЫЙ ВЫБОРЪ шелковыхъ и шерстяныхъ матерій, фуляръ, кретонъ, сатинъ, купоновъ остатковъ fantaisie и проч.

ГОТОВЫЯ ДАМСКІЯ ВЕЩИ: пальто, ротоанды, шубки, жакеты, бурки и пр.

КОСТЮМЫ МАТИНЕ, SAUT DE LIT, ЮБКИ и проч.

30,000 аршинъ фая de Lyon } пружная цѣна. . . . 2 р. 70 к.
 нѣтъ. 1 " 70 "

СЪ 1-ГО СЕНТЯБРЯ

◆ БОЛЬШАЯ ЕЖЕГОДНАЯ ПРОДАЖА ПО ДЕШЕВЫМЪ ЦѢНАМЪ. ◆

СКИДКА 50% съ фаб. цѣнъ.

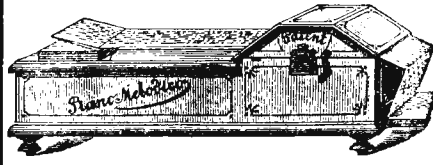
Безплатно каталогъ рѣдкихъ фотографій. Образцы съ пересылкой 5 рублей. А. Димманъ, Амстердамъ (въ Голландіи).

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО

1. ГОЛЛЕНДЕРЪ
 для смягченія кожи.
 Новозобрѣтенное вазелиновое мыло, пригнаннаго запаха, придаетъ кожѣ желаемую пыльную мягкость. Цѣна за кусокъ 30 коп., 3 куска съ пересылк. 1 р. 50 к.
 Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптеч. магазинахъ и аптекахъ Россіи.
 Главный складъ: Спб., Демидовъ пер., д. № 1. (31) № 4278

САМОУЧИТЕЛИ.

По самой новой цифровой напечатанной системѣ, по которой только и можно безъ помощи учителя въ самое короткое время легко и скоро выучиться играть на инструментѣ. Для гитары составилъ Б. Любавинъ; для гармоній всѣхъ системъ сост. Куликовъ и для мандолины въ 8 струнъ тоже. Обще-доступный Практическій Самоучитель для скрипки 1 р. 50 коп. Огромный выборъ нотъ и инструментовъ. Каталогъ высылается бесплатно.
 Москва, Маросейка, д. Еремѣевой, магазинъ КУЛИКОВА. № 4666

ПИАНО-МЕЛОДИКО.

Ручной салонный органъ со струнами, исполняющій полностью всевозможныя пьесы.

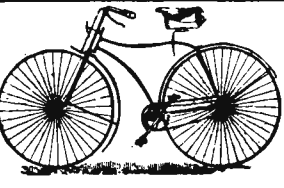
Цѣна безъ нотъ 80 руб. Ноты по 75 к. за метръ (1 1/2 арш.)

ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ

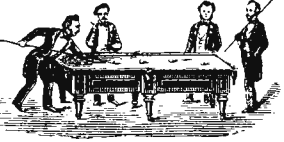
Большой изящный салонный органъ, на которомъ можно исполнять посредствомъ картонныхъ нотныхъ листовъ цѣлыя увертюры, большія полурри, салонныя пьесы, русскія пѣсни и всѣ танцы. Оркестръ-Манопанъ играетъ отчетливо, чрезвычайно loudly и пріятнымъ тономъ, имѣетъ двойное голосо и приспособленіе для громкой и тихой игры. Этотъ инструментъ рекомендуется отглаго для семейныхъ баловъ, вечеринокъ, для клубовъ и пр. Цѣна съ 10-ю пьесами 70 руб. Добавочныя пьесы по 1 р. 20 к., 2 р. 40 к. и дороже. Къ инструменту прилагаются 10 пьесъ по 1 р. 20 к. Пересылка за 85 фунт. Списокъ пьесъ для Оркестра - Манопана, а также иллюстрированный прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ—бесплатно. № 4672

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ
 ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЪ.
 С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. — Москва, Кузнецкій м., домъ Захарына.

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ
 Франкфуртъ и/М. К. № 4587
ФАБРИКАНТЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ „ОРЕЛЬ“. (12)

Всякаго рода двухъ- и трехъ- колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей. Составили части и принадлежности. Имѣютъ агитовъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 пфен. маркам.

БИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египетскаго моста, домъ № 7-2. 26-17
 Иллюстрированные прейсъ-куранты по требованіямъ высылаются безвозмездно.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ
 Специалистъ хронометровъ. Спбуръ, Невскій пр., № 52 противъ Имп. Публ. Библиотеки. Оптовая и розничн. продажа. Подробный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по востребованію бесплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года. № 4501 20-10

ЛѢТНЯЯ НОВОСТЬ!
 Англискіе растягивающіеся кушачи „ГРАЦІЯ“ изъ позолоченой проволоки съ массивн. позолоченнымъ замочкомъ, прогнанные бѣлымъ, розовымъ, голубымъ, золотымъ, синимъ, темно-краснымъ и чернымъ шелкомъ. Кушачи прозрачные очень прохладительны и пріятно носить для каждой дамы. Цѣна 3 руб. 50 коп. Торговцамъ дѣлается уступка. Единственный складъ для Россіи у **ОСКАРА ЛЕССЕРЪ**, Спб., Садовая, 12-18, въ 1-мъ дворѣ.

ЛЕВИНГЪСЪ и ГЮЗНИНЪ
 имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ
 на Всемирной Выставкѣ въ Парижѣ 1889 года.

О-ДЕ-КОЛОНЪ
 ЦВѢТОЧНЫЙ

БРОКАРЪ И К^о.
 № 4690 Изобрѣтены 7-6
 Складъ фабрики: Офицерская, 5.

НАСТОЯЩІЕ ВЕЛОСИПЕДЫ (ВУФЪ)

Ж. БЛОКЪ
 Торговый домъ Ж. Блокъ
 С.-Петербургъ, Б. Морская, 21.

НОВОСТЬ!!
 НОВѢЙШІЙ И ЛУЧШІЙ МЕХАНИЧЕСКІЙ ИНСТРУМЕНТЪ ПИАНО-МЕЛОДИКО
 Цѣна 90 рублей.
 Ноты отдѣльно по 80 коп. за 1 (однѣ) метръ (1 метръ=1 1/2 аршинъ).
 Требуется подробное описаніе и каталогъ нотъ.
И. Ф. МЮЛЕРЪ
 Москва, Петровка, д. Волкова, противъ Столешникова переулка. № 4482 (11)

ПИСЬМЕННАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд. Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленныя отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылаются бесплатно. № 3748 Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
 Москва С.-Петербургъ Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21.

Leichner's Fettwinder

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА

для вечера а также и дня! Незамѣтна на кожѣ! Косметическое средство для красоты кожи! Цѣна коробки 1 рубль!
 Театральныя гримировки! № 4293 12-8
 Румяна, бѣла и карандаши для бровей! Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.
 Л. ЛЕЙХНЕРЪ, Берлинъ, поставщикъ Бельгійскихъ театровъ и двора.
 Главное депо для Россіи у В. Ауриха, Колокольная, № 18. С.-Петербургъ.

НАВОЖДЕНІЕ. Ромъ изъ современн. жизни Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.
ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ Вг. Крестьянскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.
 При этомъ № прилагается для гг. иногородн. подписч. (за исключ. московск.) прейсъ-курантъ чайнаго магазина К. Е. Киселева въ Москвѣ.